

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

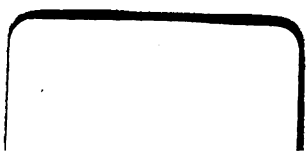
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919843 2

*GCA

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ И. КАТКОВЫМЪ. INDEXE.

51115

ТОМЪ ДВЕНАДЦАТЫЙ.

1870

Н О Я Б Р Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ЛАТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ДО БРЕСТСКОЙ УНИИ. И. Д. Вѣлева.
- II. НА НОЖАХЪ. Романъ. Часть первая. Гл. VIII—IX. Н. С. Лѣскова. (Стеблицкаго.)
- III. СЫЩИКИ. Историческая повѣсть изъ биромовскаго времени. Часть первая. Гл. XVIII—XXXV. Вулгина.
- IV. А. С. ПИШКОВЪ, ЕГО СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ. П. К. Щебальскаго.
- V. БЪЛГРАДСКАЯ СЕМИНАРІЯ ВЪ СЕРБИИ. А. И. Лебедева.
- VI. РИМЪ И ВИЗАНТІЯ ВЪ ТРУДАХЪ ДВУХЪ КІЕВСКИХЪ ИСТОРИКОВЪ. В. Н. Вильбасова.
- VII. ГРАФІНЯ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Генриха Крузе. Переводъ съ нѣмецкаго. Ф. В. Миллера.
- VIII. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ О СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛІИ. В. Макушева.
- IX. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГАРРИ РИЧМОНДА. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Гл. I—V.

О ПОДПИСКѢ

в а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1871 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, **ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.**

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государство: Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію	17	—
Въ Данію	18	50

Въ Англію, Францію, Испанію, Португалію и

Швецію 20 —

Въ Италію 24 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Желающіе пріобрѣсти *Русскій Вѣстникъ*, за прежніе годы, могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.

	Съ пер.		Безъ пер.	
За второе полугодіе 1857 года	12 книгъ	5 руб.	4 р.	25 коп.
• 1858 годъ	24 книги	10 .	8 .	50 .
• 1859	24 .	10 .	8 .	50 .
• 1860	24 .	10 .	8 .	50 .
• 1861	12 книгъ	8 .	6 .	50 .
• 1862	12 .	8 .	6 .	50 .
• 1863	12 .	8 .	6 .	50 .
• 1864	12 .	8 .	6 .	50 .
• 1865	12 .	8 .	6 .	50 .
• 1866	12 .	8 .	6 .	50 .
• 1867	12 .	8 .	6 .	50 .
• 1868	12 .	8 .	6 .	50 .
• 1869	12 .	8 .	6 .	50 .

За нѣсколько лѣтъ влѣсть.

	Съ пер.		Безъ пер.	
За два года, какіе угодно	15 р.		12 р.	— к.
• три года	22 .		17 .	50 .
• четыре года	28 .		22 .	— .
• пять лѣтъ	33 .		25 .	50 .
• шесть лѣтъ	37 .		28 .	— .
• семь	40 .		29 .	50 .
• восемь	43 .		31 .	— .
• девять	46 .		32 .	50 .
• десять	49 .		34 .	— .
• одиннадцать лѣтъ	52 .		35 .	50 .
• двѣнадцать	55 .		37 .	— .
• двѣнадцать съ половиною лѣтъ	56 .	50 к.	37 .	75 .

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Гр. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ, за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67 и 68 годы по 50 коп. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкою по 70 коп. За 1869 и текущій 1870 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 руб. 50 коп. за книжку.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о).
На Страстномъ бульварѣ.

1870.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
511145
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

ЛАТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РУСИ

ДО БРЕСТСКОЙ УНИИ

Латинская церковь въ Полотской землѣ, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ была учрежденіемъ сравнительно новымъ. Она была введена великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ, который вмѣстѣ съ польскою короной принялъ латинство, и окрестивъ въ латинскую вѣру Литвиновъ-язычниковъ, объявилъ римскую церковь господствующею въ Литовскомъ княжествѣ. До половины XIII столѣтія Литовцы не имѣли никакихъ сношеній съ латинскою церковью, и безпрестанно сталкиваясь въ ежегодныхъ кровавыхъ схваткахъ съ ливонскими рыцарями, проповѣдывавшими христіанство съ мечомъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой, не иначе смотрѣли на католиковъ какъ на непримиримыхъ и злѣйшихъ враговъ. Еще непріязненнѣе были сношенія Литвиновъ съ Поляками и рыцарями нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, которые огнемъ и мечомъ истребляли языческую вѣру Пруссовъ, единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Литвы; съ этой стороны взаимные набѣги и опустошенія были даже чаще и жесточе чѣмъ со стороны Ливоніи. При таковыхъ враждебныхъ отношеніяхъ, доходившихъ нерѣдко до звѣрской жестокости, естественно не

могло быть и рѣчи о мирной проловѣди католической вѣры въ литовскихъ предѣлахъ; для Литвиновъ непримиримый врагъ и злодѣй были синонимами латинника, и конечно не лучше смотрѣли на латинянь и Русскіе, перемѣшанные съ Литвинами и стоявшіе въ Литовскомъ государствѣ въ числѣ передовыхъ дѣятелей.

Но съ половины XIII столѣтія отношенія Литовцевъ къ католикамъ повидимому готовы были измѣниться. Тогдашній великій князь литовскій Миндовгъ, тѣснимый съ одной стороны Волинскими князьями Даниломъ и Василькомъ Романовичами, а съ другой стороны ихъ союзниками ливонскими рыцарями, чтобы выпутаться изъ такой бѣды, въ 1251 году послалъ къ магистру Ливонскаго ордена письмо, въ которомъ писалъ что желаетъ принять христіанство. Римскій папа Иннокентій IV, узнавши объ этомъ письмѣ, немедленно прислалъ повелѣніе къ магистру Ливонскаго ордена прекратить войну съ Миндовгомъ и, надѣясь на скорое порабощеніе Литвы римской церкви, далъ приказъ Кульмскому епископу чтобъ онъ не слишкомъ обременялъ сборомъ десятины латинскія церкви, которыя будутъ строиться въ литовскихъ владѣніяхъ, дабы такимъ образомъ не оскорбить Миндовга и его подданныхъ и не отклонить ихъ отъ принятія католицизма. Когда же Миндовгъ, вмѣстѣ съ своею женой, двумя сыновьями и нѣкоторыми изъ приближенныхъ, принялъ крещеніе; то тотъ же папа объявилъ его любезнѣйшимъ сыномъ римской церкви, и приказалъ кульмскому епископу вѣнчать его королевскою короной, и съ тѣмъ вмѣстѣ распорядиться устройствомъ кафедральной церкви въ литовскихъ владѣніяхъ и посвященіемъ туда особаго епископа; а епископамъ рижскому, дерптскому и езелскому писалъ въ своей буллѣ чтобъ они съ своей стороны вмѣстѣ съ нѣмецкими рыцарями слѣзшили обращать Литвиновъ-язычниковъ въ латинство. Но всѣ распоряженія папы не привели ни къ чему; нѣмецкимъ рыцарямъ, какъ въ Ливоніи, такъ и въ Пруссіи, нужно было не проловѣданіе Евангелія Литвинамъ, а грабежи и опустошенія Литовской земли; а посему они не только не способствовали проловѣданію, а напротивъ всѣми мѣрами старались препятствовать этому, продолжая свои нагаденія на сосѣднія литовскія владѣнія; и такимъ образомъ довели дѣло до того что Миндовгъ, видя что принятіе латинства не ограждаетъ его владѣній отъ набѣ-

говъ рыцарей, а подчиненіе цезарю государю, латѣ, еще стѣсняетъ и оскорбляетъ его самого, вырываетъ изъ Новгорода поселившагося тамъ литовскаго епископа Христіана, и въ 1260 году снова объявилъ себя язычникомъ, читателемъ идоловскихъ боговъ. Затѣмъ, въ 1261 году, Миндовгъ, вступивши въ союзъ съ языческими Пруссамъ, началъ войну съ прусскимъ нѣмецкимъ орденомъ, и разбилъ Нѣмцевъ на рѣкѣ Добрѣ. Такимъ образомъ латинство при Миндовгѣ почти ограничивалось только притворнымъ крещеніемъ его самого, его жены и дѣтей и нѣкоторыхъ приближенныхъ; латинскіе миссіонеры едва ли и показывались гдѣ въ Литвѣ, кромѣ Новгорода литовскаго, да и тамъ едва ли имѣли какой успѣхъ, ибо тамошнее коренное населеніе было русское и православное, по крайней мѣрѣ о тогдашней дѣятельности сихъ миссіонеровъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Затѣмъ, въ продолженіи шестидесяти лѣтъ не было и слуховъ о латинской проповѣди въ Литовской землѣ, безпрестанная война съ Нѣмцами и Поляками, отличавшаяся крайнею жестокостію, такъ озлобила Литвиновъ-язычниковъ противъ латинства, что латинскимъ миссіонерамъ мудрено было и показаться тамъ, а ежели гдѣ на западныхъ или на сѣверныхъ окраинахъ они и показывались, то конечно не имѣли успѣха, по крайней мѣрѣ за все это время до насъ не дошло никакого извѣстія хотя бы объ одномъ латинскомъ костелѣ въ Литовской землѣ. Наконецъ, въ 1323 году, великій князь Литовскій Гедиминъ, тѣснимый съ одной стороны нѣмецкими рыцарями, а съ другой стороны татарскимъ ханомъ Узбекомъ, желая хотя сколько-нибудь удержать рыцарей, послалъ къ папѣ Іоанну XXII письмо съ изъявленіемъ готовности вмѣстѣ съ своими князьями принять латинскую вѣру, только бы пала укротилъ злобу Нѣмцевъ. Это письмо радостно встрѣтило папу, Іоаннъ XXII принялъ извѣстіе о готовности Гедимина принять латинство гораздо горячѣе чѣмъ Иннокентій IV принялъ таковое же извѣстіе о Миндовгѣ; до насъ дошло тринадцать буллъ этого папы о сварженіи латинской миссіи въ Литовскую землю. Онъ писалъ объ этомъ окружное посланіе ко всему латинскому духовенству и къ нѣмецкимъ рыцарямъ, и къ Польскому королю Владиславу Локетку, и къ самому Гедимину, котораго постоянно величалъ королемъ Русскимъ. Но пока сваржались миссіи и велись переговоры, нашествіе Татаръ прекратилось, и Гедиминъ, оправившись и

видя что нѣмецкіе рыцари плохо слушаютъ лалскихъ приказаній, прекратилъ переговоры съ лалой, и когда лалскіе послы снова явились къ нему, то отвѣчалъ имъ: „Я не знаю вашего лалы и знать не хочу, исповѣдую вѣру моихъ отцовъ и не измѣню ей пока буду живъ.“ Тѣмъ и кончилось сношеніе Гедиминова съ Римомъ; такимъ образомъ и въ это время проповѣдь латинская не имѣла успѣха, и католикамъ не удалось построить ни одного костела въ Литвѣ, и, кажется, ихъ миссіонерамъ не удалось даже и появиться тамъ.

Послѣ заявленія Гедиминомъ готовности принять латинство прошло еще сорокъ лѣтъ, и ни одного латинскаго костела не было построено въ Литвѣ. Наконецъ уже при Гедиминовомъ преемникѣ Ольгердѣ, одинъ литовскій вельможа, Гастольдъ, бывшій великокняжескимъ намѣстникомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, желая вступить въ бракъ съ дочерью одного польскаго пана, Бучацкаго, ревностнаго католика, принялъ въ 1364 году въ Краковѣ латинское крещеніе; и когда Ольгердъ перевелъ Гастольда намѣстникомъ въ Вильну, онъ, съ дозволенія князя, построилъ на своемъ виленскомъ дворѣ первый латинскій кляшторъ и вызвалъ изъ Моравіи четырнадцать монаховъ Францисканскаго ордена. Но первоначальная проповѣдь латинства францисканцами была встрѣчена враждебно со стороны виленскихъ гражданъ; мы не знаемъ чѣмъ собственно была вызвана эта враждебность въ мирныхъ виленскихъ гражданахъ, спокойно позволявшихъ жить въ своемъ городѣ и имѣть свои церкви и монастыри христіанамъ православнаго вѣроисповѣданія; но знаемъ залодно что когда Гастольдъ отправился съ Ольгердомъ на войну противъ Московскаго государя, то, пользуясь его отсутствіемъ, виленскіе язычники поголовно бросились на Гастольдовъ латинскій кляшторъ, сожгли его, а изъ францисканскихъ монаховъ семь человекъ убили, другихъ же семерыхъ, привязавши каждаго къ крыжу (латинскому кресту), пустили внизъ по рѣкѣ Вилии, приговаривая: „Съ запада солнца вы пришли, на западъ и ступайте, за то что сказали нашихъ боговъ.“ Ольгердъ, возвратившись изъ Московскаго похода, сильно разгнѣвался на такое самоуправство, и по просьбѣ Гастольда, выдалъ ему на смерть 500 Виленцевъ. Гастольдъ, казнивши выданныхъ, построилъ новый кляшторъ, и опять на своемъ дворѣ, но уже не на томъ мѣстѣ гдѣ былъ первый кляшторъ, и вызвалъ изъ Моравіи тѣхъ

же францискановъ, въ числѣ 36 человекъ, и вскорѣ потомъ самъ поступилъ во францисканскій орденъ и съ своими товарищами по монашеству началъ проповѣдывать народу латинство, надѣясь современемъ сдѣлаться бискупомъ литовской миссіи; но въ 1374 году погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами при нападении Татаръ, которыхъ навели на кляшторъ сами Виленцы.

Несмотря на такое враждебное расположеніе Литовскаго народа къ латинству, спустя нѣсколько времени въ Вильну прибыла, вѣроятно изъ Польши, третья миссія, должно-быть уже по смерти Ольгерда, которая тамъ и осталась. Въздъ за первую миссіей, погибшею въ Вильнѣ въ 1366 году, въ томъ же году появилась особая миссія францискановъ въ Лидѣ, которая хотя въ 1369 году была побита народомъ, тѣмъ не менѣе продолжала держаться въ Лидѣ, и при помощи новыхъ миссіонеровъ, вѣроятно прибывшихъ изъ Ливоніи, учредила тамъ свой кляшторъ. Какіе были успѣхи сихъ миссій, мы не имѣемъ извѣстій; но во всякомъ случаѣ по враждебному расположенію Литовскаго народа къ латинству, впрочемъ вѣковой борьбой, большихъ успѣховъ, конечно, не могло быть; и мы не имѣемъ даже никакихъ указаній или намековъ чтобы въ это время существовали гдѣ-либо въ Литовской землѣ латинскіе костелы кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ кляшторовъ виленьскаго и лидскаго. Такимъ образомъ въ продолженіе сорока ста тридцати лѣтъ со времени перваго заявленія Минюлга о желаніи принять католицизмъ, успѣхи латинства въ Литвѣ, несмотря на покровительство нѣкоторыхъ князей и вельможъ, ограничивались только постройкой двухъ кляшторовъ, которые притомъ нѣсколько разъ были разрушаемы народомъ; тогда какъ русскія православныя церкви и монастыри строились спокойно и безпрелатсвенно почти по всѣмъ литовскимъ городамъ, а половина Вильны была уже православною и имѣла нѣсколько церквей и монастырей. Все это ясно показываетъ что латинская церковь могла быть введена въ Литвѣ только княжескою властью, да и то не иначе какъ при помощи чужеземнаго войска и иноземныхъ интригъ, что по доброй волѣ и по убѣжденію Литовцы никогда бы не приняли католицизма, а скорѣе сдѣлались бы православными, и это время полнаго торжества православія въ Литвѣ

уже было недалеко, еслибы не вступились въ это дѣло иноземныя и собственно польскія цитриги.

Литовцы и Русскіе, при Ольгердѣ и послѣ него, на столько уже успѣли въ войнахъ съ Польшей, что распространили свои владѣнія вплоть до самой Вислы, и Польша находилась въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, особенно по случаю внутреннихъ междоусобій, послѣдовавшихъ за смертію польскаго короля Людовика, неоставившаго послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Поляки, чтобы выпутаться изъ этой бѣды, собрали сеймъ въ Петрковѣ, и на этомъ сеймѣ положили войти въ сношенія съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ и предложить ему руку Ядвиги, дочери покойнаго короля Людовика, которая уже была объявлена королевою Польши. По такому рѣшенію сейма начались переговоры съ Ягайломъ, на которыхъ Поляки, предлагая ему руку Ядвиги и корону польскую, выставили главнымъ условіемъ чтобъ Ягайло принялъ латинское крещеніе въ Краковѣ. Властолюбивый Ягайло, уже крещенный прежде въ православную вѣру, увлекшись Польскою королевою, принялъ предложеніе Петрковского сейма, поѣхалъ въ сопровожденіи своихъ братьевъ и съ огромною свитой литовскихъ бояръ въ Краковъ, крестился тамъ вмѣстѣ съ братьями и боярами по латинскому обряду и на коронаціи далъ торжественное обѣщаніе соединить Литву, Жмудь и Русь съ Польшей и обратить тамошнихъ жителей въ латинство. Во исполненіе этого обѣщанія, Ягайло въ 1387 году прибылъ съ своею супругою Ядвигой, съ архіепископомъ гнѣзненскимъ, со множествомъ латинскаго духовенства, въ сопровожденіи польскихъ князей и вельможъ и съ значительнымъ польскимъ войскомъ.

Пріѣхавши въ Вильну, Ягайло предъ городомъ собралъ народное вѣче, на которомъ язычники Литвины, отстаивая своихъ дѣдовскихъ боговъ, долго спорили съ княземъ, и Ягайло, не видя успѣха въ спорахъ, приказалъ Полякамъ разрушить языческіе жертвенники и храмы, и истребить идоловъ. Невооруженная толпа народа, уже оставленная своими вельможами, большею частію принявшими латинское крещеніе въ Краковѣ, и видя что дѣдовскіе боги не умѣютъ защитить сами себя, наконецъ согласилась принять крещеніе. Лѣтописецъ Стрѣйковскій пишетъ: „по приказанію Ягайлы, Литовцы язычники были раздѣлены на толпы, и каждую толпу латинское духовенство кропило освященною водою и давало цѣлой толпѣ одно

какое-либо христіанское имя; и такимъ образомъ заразъ было окрещено въ разныхъ мѣстахъ около тридцати тысячъ язычниковъ, кромѣ крещенныхъ уже прежде въ Краковѣ и въ Вильнѣ на сеймѣ, и кромѣ шляхты и бояръ, которыхъ для почета крестили поодиночкѣ. Ягайло, чтобы больше побудить простой народъ къ латинскому крещенію, приказалъ новокрещеннымъ выдавать по бѣлому суконному балахону, которые для сего были привезены изъ Польши въ большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ хотя въ сущности обращено было въ латинство только меньшинство, и сравнительно незначительное, да и то только наружно; тѣмъ не менѣе латинская церковь объявлена господствующею въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на всемъ его простраствѣ; и Ягайло, въ томъ же 1387 году, въ которомъ крестилъ Виленцевъ, издалъ новый законъ. По этому закону требовалось: 1) чтобы всѣ Литвины, проживающіе въ Литвѣ и на Руси, перешли въ католическую вѣру отъ всякой иной секты (значить и изъ православія); 2) чтобы новокрещенные не были отвлекаемы отъ послушанія римскому костелу и не женились на Русскихъ, и не выходили за нихъ замужъ, пока тѣ не перейдутъ въ послушаніе римскому костелу; 3) православныя русскія дѣвицы и женщины, выходя замужъ за католиковъ, обязаны принять католическую вѣру, а равно Русскіе или православные Литвины, вступая въ бракъ съ католичками, должны принять латинскую вѣру, подѣ страхомъ телѣсныхъ наказаній непослушнымъ; 4) имѣнія давныя въ Литвѣ латинскимъ костеламъ и духовенству освобождаются отъ всѣхъ податей на государя и мѣстнаго владѣльца (*Скарб. дипломат. Иг. Даниловича, т. I, стр. 266*). Въ томъ же 1387 году, Ягайло построилъ въ Вильнѣ латинскій костель во имя Св. Станислава, учредилъ при немъ католическую архіепископскую кафедру для всѣхъ Литовцевъ и назначилъ въ виленскіе архіепископы, прежде бывшаго духовника венгерской королевы Елизаветы, Поляка Андрея Возжилау, изъ дворянской фамиліи Ястребковичей, который въ 1388 году и былъ утверждень папскою буллою; потомъ, для распространенія латинства, самъ ѣздилъ по литовскимъ городамъ, вмѣстѣ съ латинскимъ духовенствомъ, и построилъ парафіальныя костелы: въ Вилькомирѣ, Мешаголтѣ, Неменчинѣ, Мѣдникахъ Литовскихъ, Кривѣ, Больцахъ и Гаймовѣ (*Хрон. Стрийков. стр. 446*). Для возвеличенія же латинской церкви, Ягайло и

его двоюродный братъ Витовтъ къ кафедральному костелу и парафіальнымъ костеламъ приписали по городамъ богатыя имѣнія и снабдилъ ихъ большими привилегіями; какъ это видно изъ опредѣленій Городеньскаго сейма 1400 года, гдѣ сказано: „Всѣ церкви въ Литовской землѣ, какъ кафедральныя, такъ коллегіальныя, парафіальныя и конвентальныя, какъ Виленская и пр., какъ уже воздвигнутыя, такъ и тѣ которыя будутъ воздвигнуты, какъ снабженныя имѣніями, такъ и тѣ которыя будутъ снабжены, охраняемъ во всѣхъ ихъ вольностяхъ, неприкосновенностяхъ, привилегіяхъ, льготахъ и обычаяхъ, по такому же точно порядку, какъ въ Польскомъ королевствѣ“ (*Wolum. leg.*, т. I, pag. 30).

Но крещеніе виленскихъ язычниковъ и объявленіе римской церкви господствующею или государственною церковью во всѣхъ литовскихъ владѣніяхъ еще не утвердило этой церкви и не дало ей полной силы въ литовскомъ народѣ; ея господство было только внѣшнее, поддерживаемое государственною властью и даже военною силой; ей еще предстояла продолжительная и упорная борьба. Жмудская страна, особенно много терпѣвшая отъ проповѣдниковъ латинства, приходившихъ туда съ огнемъ и мечомъ отъ нѣмецкаго и ливонскаго рыцарскихъ орденовъ, не хотѣла слышать о принятіи латинской вѣры. Мужественные Жмудины поголовно возстали на защиту своихъ дѣдовскихъ боговъ и безпощадно гнали отъ себя всѣхъ миссіонеровъ латинства, такъ что миссіонеры сіи перестали и являться туда; и только послѣ двадцати шести-лѣтней борьбы, соединеннымъ силамъ Ягайлы и Витовта, въ 1413 году, удалось наконецъ принудить Жмудиновъ къ принятію латинской вѣры. Ягайло самъ пришелъ въ Литовскую землю, и вмѣстѣ съ Витовтомъ, сопровождаемый большимъ войскомъ, истребилъ всѣ рожи и другія мѣста почитаемыя Жмудинами за жилища боговъ, и открылъ новую латинскую епископскую кафедру въ Мѣдникахъ, или по-жмудски Ворянахъ (*Лѣт. Бѣгов.*, стр. 41), и на основаніи опредѣленій Городеньскаго сейма 1400 года приписалъ къ ней большія имѣнія и снабдилъ ее тѣми же привилегіями какъ и виленскую кафедру. Но собственно открытіе жмудской или мѣдниковской епископской кафедры послѣдовало въ 1417 году, для этого потребовалось разрѣшеніе отъ латинскаго собора, бывшаго въ то время въ Констанцѣ и утвержденіе папы Мартына V. Вмѣстѣ съ епископскою кафедрой въ Мѣд-

якахъ, Ягайло открылъ девять парафіальныхъ костеловъ въ главныхъ уѣздахъ Жмудской земли, именно: въ Ейраголѣ, Брожахъ, Мѣдвикахъ, Россіенахъ, Видиклѣ, Велунѣ, Колатыявахъ, Цертахъ и Лукникахъ. Старшихъ ксендзовъ въ жмудскихъ парафіальныхъ костелахъ Ягайло назначилъ канониками при епископскомъ кафедральномъ капитулѣ въ Мѣдвикахъ, а первымъ бискуломъ на Мѣдвиковской кафедрѣ посадилъ Нмца Матвѣя, виленскаго уроженца, знавшаго жмудскій языкъ. (Длугош. Lib. XI pag. 300.) Впрочемъ всѣ сіи располженія были только чисто вѣшними; Жмудины попрежнему оставались язычниками, и на другой же годъ по учрежденіи епископской кафедры въ Мѣдвикахъ поголовно возстали на бискупа и латинское духовенство, иныхъ лобили, другихъ прогнали, а новолостроенные костелы разрушили, и снова стали приносить обычныя жертвы дѣдовскимъ богамъ. Витовтъ послѣдшилъ съ войскомъ подавить языческое возстаніе, казнилъ шестьдесятъ человекъ главныхъ заводчиковъ; но тѣмъ конечно не успокоилъ возбужденныхъ Жмудиновъ. Кровь ихъ еще нѣсколько лѣтъ лилась на защиту дѣдовской вѣры, хотя въ 1421 году папѣ Мартыну V и было донесено что Жмудины принадлежатъ уже къ членамъ римской церкви.

Такимъ образомъ латинская церковь между Литовцами и Жмудинами-язычниками была утверждена силою и не разъ возобновлявшимися кровопролитіями. Этой церкви, кромѣ борьбы съ язычествомъ, предстояла борьба съ православною восточною церковью, исповѣданіе которой было свободно во всѣхъ литовскихъ и жмудскихъ владѣніяхъ, не только между Русью изстари исповѣдовавшею эту вѣру, но и между Литвой и Жмудинами, изъ которыхъ также многіе принадлежали къ восточной церкви. Православные храмы и монастыри свободно строились и учреждались по литовскимъ и жмудскимъ городамъ, тогда какъ Жмудины поголовно разрушали костелы латинскіе построенные Ягайломъ и Витовтомъ. Латинское духовенство, прибывшее съ Ягайломъ въ Вильну для крещенія язычниковъ, съ неудержимою ревностью принялось было крестить силою и другую половину жителей Вильны, исповѣдовавшихъ уже восточное православіе; но твердое сопротивленіе такому насилію, выказанное православными, на сторону которыхъ стали многіе князья и вельможи, какъ русскіе такъ и литовскіе, уже исповѣдовавшіе православіе, съ перваго

же раза дало такой отпоръ, что латинскіе миссіонеры должны были отказаться по крайней мѣрѣ наружно отъ своей неумѣстной ревности. Ягайло и Витовтъ, руководители латинякъ, не желая поднять на себя заразу и язычниковъ и христіанъ восточнаго исповѣданія, рѣшились оставить послѣднихъ въ покоѣ отъ явнаго и насильственнаго обращенія въ католичество; отъ Ягайла и Витовта даже дошло до насъ нѣсколько грамотъ охраняющихъ неприкосновенность разныхъ православныхъ церквей въ Вильнѣ и другихъ городахъ Литовскаго княжества, и даже утверждавшихъ за ними разныя привилегіи и недвижимыя имущества или вотчины, такъ что въ Римѣ и въ Польшѣ ревностные латинцы явно стали выказывать подозрѣніе на Ягайлу въ его будто бы сочувствіи къ православію; и онъ, чтобъ оправдать себя предъ папою и латинскимъ духовенствомъ, въ 1412 году, въ присутствіи стригонійскаго архіепискупа и кохмагистра Михаила, обратилъ въ латинскій костелъ великолѣпную православную кафедральную церковь въ Перемышлѣ и приказалъ ловыбросать изъ могилъ останки православныхъ похоронныхъ при этой знаменитой церкви. (Другот. Lib: XI pag. 334.)

И дѣйствительно, католическому духовенству мудрено было не подозрѣвать Ягайлы и Витовта въ покровительство православію; ибо оба сіи князя и ихъ ближайшіе преемники на столько еще сдерживали ревность латинякъ, что въ ихъ время не было выстроено ни одного латинскаго костела ни въ Подотскѣ, ни въ Минскѣ, ни въ другихъ городахъ на востокѣ отъ Березины и по Неману, собственно въ русскихъ или давно обрусѣлыхъ земляхъ, гдѣ все населеніе сплошь исповѣдовало православіе восточной церкви; и латинство волей-неволей должно было ограничиваться только обращеніемъ еще некрещенныхъ язычниковъ Литвы и Жмуди, явно не касаться православныхъ восточной церкви и строить свои костелы только въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ язычники жили рядомъ съ православными. Но видимо покровительствуя православнымъ въ разныхъ случаяхъ, какъ Ягайло, такъ и Витовтъ только старались сдерживать всеобщее неудовольствіе большинства и такъ-сказать раздѣлять противниковъ латинства, въ сущности же оба князя, за одно съ латинскимъ духовенствомъ, не останавливались ни предъ какими мѣрами для нихъ сподручными чтобы возвысить латинство и унижить православіе; такъ уже въ первомъ повелѣніи

Гдѣ о введеніи въ Литву латинства, изданномъ 1387 году, было сказано что всѣ Литвины проживающіе на Литвѣ и на Русѣ должны перейти въ латинскую церковь отъ всякой другой секты, слѣдовательно и изъ восточнаго православія, которое латиняне называютъ сектой схизмой. Потомъ на Гомельскомъ сеймѣ 1413 года Ягайло и Витовтъ, объявивъ соединеніе Литвы съ Польшей, постановили: „что только принадлежачіе къ латинской церкви и принявшіе польскіе гербы князья и бояре литовскіе имѣютъ право пользоваться разными привилегіями установленными въ Польшѣ; а также въ высшія должности и достоинства въ государствѣ должно избирать не иначе какъ изъ фамилій принявшихъ латинскую вѣру; равнымъ образомъ въ совѣтъ государевъ могутъ быть допускаемы только исповѣдающіе латинство, а отнюдь не схизматики (то-есть православные восточной церкви), или чины вѣрные.“ Такимъ образомъ православные однимъ симъ постановленіемъ были сравнены чуть не съ язычниками и отодвинуты въ государственной службѣ и общественныхъ дѣлахъ на задній планъ; такъ что для поддержанія житейскихъ выгодъ и для достиженія высшихъ достоинствъ и должностей должны были волей-неволей переходить въ латинство, и конечно таковыя отступники отъ православія бывала и можетъ быть не совсѣмъ рѣдко. Затѣмъ на Констанскомъ соборѣ, въ 1415 году, была рѣчь подчинить православное духовенство папѣ и православную церковь въ литовскихъ владѣніяхъ соединить съ латинскимъ костеломъ, и эта мысль подчиненія православнаго духовенства папѣ, начиная съ Констанскаго собора вплоть до Брестской уніи, никогда не покидала римской курии и постоянно руководила папскою политикою въ отношеніи къ православной церкви въ Литвѣ; она время отъ времени высказывалась то яснѣе, то какъ будто бы затаивалась, смотря по обстоятельствамъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

По указаніямъ Констанскаго собора или, по крайней мѣрѣ, въ его видахъ, великій князь литовскій Витовтъ созвалъ соборъ православныхъ епископовъ въ Новгородѣ литовскомъ, и съ цѣлю ослабленія православной церкви въ своихъ владѣніяхъ настоялъ отдѣлить литовскую православную церковь отъ московской и выбрать особаго митрополита, въ которые и выбранъ былъ соборомъ Болгаринъ Григорій Цамблакъ, человекъ ученый, присутствовавшій на Констанскомъ соборѣ и представлявшійся папѣ Мартыну V; но таковое отдѣленіе

церкви и выборъ особаго митрополита на этотъ разъ не оправдали надежды Витовта подчинить православную литовскую церковь римскому папѣ. Григорій Цамблакъ оказался вполне православнымъ и ревностнымъ пастыремъ церкви, нисколько не склоннымъ къ тому чтобы подчинить православную церковь римскому папѣ. Кроме того значительная часть Литовскихъ церквей, несмотря на опредѣленіе Новгородскаго собора, осталась вѣрною митрополиту московскому Фотию; такъ что самъ Витовтъ, въ 1427 году, нашелся вынужденнымъ дозволить московскому митрополиту попрежнему управлять тѣми церквами въ Литвѣ которыя признавали его святительскую власть. А въ 1432 году, самъ Ягайло долженъ былъ обѣщать жителямъ Луцка, исповѣдовавшимъ православную вѣру, что онъ не будетъ обращать ихъ церквей въ костелы и обезлечитъ неприкосновенность православнаго исповѣданія. Тѣмъ не менѣе ни Ягайло ни Витовтъ не думали отступать отъ основной мысли латинства, высказанной на Констанскомъ соборѣ, и соглашались на видимое покровительство православной церкви и какъ бы уравненіе въ правахъ съ латинскою церковью единственно потому, что по обстоятельствамъ не могли не соглашаться и при томъ всегда имѣли въ виду чтобы православная восточная церковь признавала свою зависимость отъ папы и никакъ не дерзала думать о своемъ распространеніи, и кажется только подъ сими условіями давали обѣщанія ей покровительствовать, и какъ скоро замѣчали въ православныхъ іерархахъ противное симъ условіямъ, то начинали ихъ преслѣдовать. Такъ, въ 1401 году, Витовтъ настоялъ чтобы лишень былъ сана луцкій епископъ Севастіанъ, не признававшій папской власти надъ своею церковью; или въ 1404 году, какъ скоро было донесено Витовту, что епископъ туровскій Антоній обращаетъ язычниковъ въ православную вѣру восточнаго исповѣданія; то онъ немедленно потребовалъ снять съ него епископскій санъ, а потомъ принудилъ его бѣжать въ Москву. (Narbut, т. 6. стр. 88.)

Но и такое условное и унижительное для православія примиреніе съ латинскою церковью отнюдь не заключалось въ характеръ латинства, никогда не знавшаго терпимости. Латинское духовенство и олатиненные король Ягайло и великій князь Витовтъ постоянно преслѣдовали и нерѣдко явно высказывали одну цѣль,—во чтѣ бы то ни стало унижить и даже уничтожить православіе, не пренебрегая

какими средствами; только смуты, постоянно волновавшія Литву, вынуждали Ягайлу и Витовта по обстоятельствамъ дѣлать нѣкоторыя уступки православнымъ, нѣсколько сдерживать ревность латинскаго духовенства и такъ сказать еще считаться съ православною церковью, и какъ бы руководствоваться вѣротерпимостью, чего на дѣлѣ никогда не было. Главное препятствіе останавливавшее ревность католическаго духовенства состояло въ томъ, что у православныхъ, во все время вѣствованія Ягайлы и при ближайшихъ его преемникахъ, почти постоянно былъ какой-либо покровитель изъ претендентовъ на великое княжество Литовское. Такъ первая восьмилѣтъ по введеніи латинства въ Литву сторонникомъ и покровителемъ православныхъ былъ родной братъ Ягайлы, Казиміръ Скиригейло, котораго Ягайло, получивъ польскій королевскій престолъ, объявилъ великимъ княземъ Литовскимъ и подчинилъ ему всѣхъ тамошнихъ удѣльныхъ князей. Объ этомъ князѣ, ненавидимомъ католиками, литовскій историкъ іезуитъ Альбертъ Вьюкъ Коляловичъ говоритъ: „Казиміръ Скиригейло, хотя вмѣстѣ съ братомъ своимъ королемъ (Ягайлою) и былъ обращенъ въ римское католичество въ Краковѣ, тѣмъ не менѣе, по наученію Русскихъ, между которыми выросъ, былъ болѣе склоненъ къ греческимъ обрядамъ, нерадѣлъ о распространеніи римской религіи между своими подданными, и заботу объ этомъ дѣлѣ или вовсе упускалъ изъ виду, или откладывалъ вдаль на будущее время.“ (*Histor. Litt. Albert. Wijuk Kojałowicz* pag. II, pag. 2.) Этотъ аттестатъ историка іезуита лучше всего свидѣтельствуетъ и о причинахъ непреклонной ненависти католиковъ къ Скиригейлу и о тѣхъ безчисленныхъ клеветахъ которыя сыпались на него польскими и литовскими хронистами, а за ними и историками, а также и о томъ почему при жизни Скиригейла ни король Ягайло ни латинское духовенство не смѣли слишкомъ напирать на православныхъ. Это же свидѣтельство Коляловича объясняетъ почему ревностный латинянинъ Ягайло, послѣ первой же неудачи въ войнѣ съ Витовтомъ, послѣдшилъ передать великокняжескую власть надъ Литвой еще недавнему своему врагу Витовту, а Скиригейла поручилъ Витовту же перевести въ Кіевъ. Явно что здѣсь дѣйствовали Поляки и латинское духовенство, для которыхъ Скиригейло, оставаясь великимъ княземъ литовскимъ, былъ очень опасенъ по своимъ близкимъ и сочувственнымъ отношеніямъ къ православнымъ.

Латинянамъ въ 1395 году хотя и посчастливилось сбыть съ рукъ Скиригеяла, при помощи одного монаха, успѣвшаго отравить его ядомъ, изъ-подъ пальца спущеннымъ въ чашу вина; но лишивъ православную церковь одного ревностнаго защитника, они не избавились отъ покровителей той же церкви въ литовскомъ велико-княжескомъ домѣ. За Скиригеяломъ явился родной его братъ Свидригайло Болеславъ, хотя и латинянинъ, но постоянный противникъ Ягайлы и Витовта; и посему долженствовавшій опираться на православныхъ, и ему православные всегда сочувствовали какъ своему покровителю, о чемъ мы находимъ прямыя свидѣтельства у того же историка, іезуита Кояловича. Такъ въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ что православные виленскіе монахи въ 1394 году тайно держали сторону Свидрагайла, какъ ревностнаго защитника ихъ секты. (Ibid. pag. 40.) Или въ другомъ мѣстѣ, описывая разныя партіи представлявшія своихъ претендентовъ на велико-княжеское достоинство по смерти Витовта, рассказываетъ что иные и особенно русскіе вельможи желали Болеслава Свидригайла; ибо по опыту признавали его за покровителя своей религіи (ibid. pag. 140). Или при описаніи войны Свидригайла съ Сигизмундомъ, Кояловичъ прямо указываетъ что за Свидригайла почти вся Русь подняла оружіе (ibid. pag. 159). „То же самое было въ 1435 году, когда Русь для Свидригайла собрала такую рать, что Сигизмундъ послѣшилъ вызвать войска изъ Польши“ (ibid. pag. 166). При такихъ отношеніяхъ Свидригайла къ православнымъ Русскимъ естественно латинянамъ нельзя было и думать объ упорномъ преслѣдованіи православія, а таковыя отношенія продолжались слишкомъ лятьдесятъ лѣтъ. А посему латинскіе короли Польши и великіе князья Литовскаго княжества, подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, замышлявшимъ совершенное отдѣленіе Литвы отъ Польши и особенно ненавидѣвшимъ Поляковъ, волей-неволей во все это время должны были удерживаться отъ преслѣдованія православной церкви; и время отъ времени поступаться православнымъ разными правами и привилегіями, хотя по польскому обычаю большею частію только на бумагѣ, безъ желанія приводить въ исполненіе то что съ большою торжественностью писалось въ грамотахъ. Такъ Владиславъ какъ преемникъ Ягайлы, при вступленіи своемъ на престоль, далъ лисьменно торжественное обѣщаніе дать Русскимъ права и привилегіи одинаковыя съ Поляками

безъ отношенія къ различію вѣроисповѣданія; но это обѣщаніе, какъ свидѣтельствуется довольно откровенный польскій историкъ Длугошъ, не было исполнено подъ предлогомъ молодости, а потомъ и смерти короля. (*Hist. Pol. Dlug. Lib. XI pag. 669.*) На дѣлѣ же конечно при самомъ написаніи обѣщанія, несмотря на его торжественность, было уже положено не исполнять обѣщаннаго. Точно также въ 1443 году, Казиміръ, среди смутъ и подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, далъ обѣщаніе поровнять въ общественномъ значеніи православное духовенство съ латинскимъ; но какъ скоро Свидригайло умеръ и междоусобія улеглись, то съ тѣмъ вмѣстѣ и данное обѣщаніе было или забыто, или осталось спорнымъ.

Но Ягайло и его ближайшіе преемники, постоянно встрѣчая покровителей православія въ своемъ же княжескомъ домѣ и послѣ первыхъ же неудачныхъ попытокъ видя невозможность явно и прямо преслѣдовать православныхъ и обращать ихъ въ латинство, тѣмъ не менѣе никогда не оставляли другаго плана высказаннаго на Констанскомъ соборѣ, и состоявшаго въ томъ чтобы незаметно вызывать православныхъ на соединеніе съ латинскою церковью, не измѣняя обрядовъ восточной церкви и только признавая зависимость отъ папы. Къ этой цѣли постоянно стремились и Ягайло съ своими ближайшими преемниками, и литовское духовенство и польскіе магнаты, видѣвшіе въ этомъ лучшее средство ослабить русскую національность. Такъ еще въ 1427 году, на Луцкомъ сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости уніи между западною и восточною церковью въ Литвѣ; впрочемъ эта попытка, какъ рановременная, кончилась ничѣмъ, сами польскіе сенаторы признали унію еще неудобноисполнимою; ибо по собственному ихъ сознанію тогда православныхъ въ Литвѣ было гораздо болѣе чѣмъ католиковъ. Но скоро казавшееся невозможнымъ представилось осуществимымъ. Между православными іерархами въ Литвѣ оказалась, еще необъявленная въ исторіи, личность, Герасимъ епископъ смоленскій, и онъ же будто бы митрополитъ Русскій. Этотъ іерархъ, можетъ-быть получившій свой санъ при помощи латинствующихъ вельможъ при дворѣ Ягайлы или Свидригайлы, кажется, составилъ небольшую партію изъ плохихъ православныхъ и изъ католиковъ, къ которой вѣроятно принадлежалъ и Свидригайло; эта партія очевидно находила

возможнымъ соединеніе восточной церкви съ западною подъ властію папы. Были ли составлены какія правила этого соединенія, до насъ объ этомъ не дошло извѣстій; только слухъ о желаніи соединить церкви дошелъ до папы Евгенія IV, чрезъ Петра, нареченнаго епископа жмудскаго, пріѣзжавшаго въ Римъ для посвященія въ епископскій санъ, и чрезъ магистра Яна Никольсдорфа. И папа по этому слуху писалъ въ 1434 году къ Свидригайлу чтобъ онъ посовѣтовалъ Герасиму прежде всего созвать соборъ русскихъ епископовъ и всего духовенства, который бы далъ ему полномочіе вести съ папой дѣло о соединеніи церквей; и въ томъ же году и въ томъ же смыслѣ папа прислалъ бумагу и къ самому Герасиму. (*Scarb. dipl. Sap. Danilowicza* т. II, pag. 158.) Но былъ ли Герасимомъ созванъ соборъ по этому дѣлу неизвѣстно, а вѣроятнѣе собора не было; ибо въ слѣдующемъ же году Свидригайло сжегъ въ Витебскѣ самого Герасима за измѣнческія сношенія его съ Сигизмундомъ, врагомъ Свидригайловымъ, и тѣмъ, кажется, кончилось дѣло соединенія церквей, затѣянное Герасимомъ и его безвѣстною партіей. Самъ папа Евгеній кажется не вѣрилъ въ успѣхъ этого предпріятія.

Но едва прошло два года по соженіи Герасима, какъ въ 1437 году открылся соборъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи, на который прибыли императоръ константинопольскій Іоаннъ Палеологъ, искавшій у папы помощи противъ Турокъ, и константинопольскій патріархъ со многими епископами греческой церкви, и куда также явился митрополитъ московскій и всея Руси, Грекъ Исидоръ, съ епископомъ суздальскимъ Авраміемъ. На этомъ соборѣ были составлены правила соединенія церквей восточной и западной и подчиненія ихъ папѣ. Хотя соборъ этотъ, замысленный собственно изъ политическихъ видовъ, не привелъ къ надлежащему рѣшенію вопроса о соединеніи, и ни греческая, ни русская, ни прочія восточныя церкви не согласились съ его опредѣленіями; тѣмъ не менѣе онъ послужилъ самымъ слодручнымъ средствомъ для веденія дѣла уніи церквей въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и какъ замѣтилъ Вюкъ Кояловичъ, чрезъ митрополита Исидора доставилъ латинцамъ большія выгоды въ Литвѣ. (*Hist. Litw.* pars II, pag. 187.). Митрополитъ Исидоръ, бѣжавшій изъ Москвы, какъ ревностный распространитель уніи прибылъ въ Литву и началъ проповѣдовать соединеніе церквей, составленное на Флорентійскомъ соборѣ и будто бы

принятое всѣми восточными церквами, и чтобъ удобнѣе замечъ православныхъ къ униі, въ 1443 году, убѣдилъ великаго князя литовскаго Казимира дать православному духовенству въ Литвѣ одинаковыя права съ латинскимъ духовенствомъ, какъ уже безразличному вслѣдствіе соединенія восточной и западной церкви на Флорентійскомъ соборѣ; и съ этого времени являются въ Литвѣ партіи *унитовъ*, принимающихъ флорентійское соединеніе, и *дизунитовъ*, остающихся при древнемъ православіи. Первыхъ латинствующее литовское правительство покровительствуетъ, даетъ привилегіи равныя съ латинянами, а вторыхъ начинаетъ преслѣдовать, какъ непослушныхъ вселенскому собору.

Этотъ хитро придуманный Исидоромъ планъ обращенія православныхъ въ унию на первый разъ довольно удался, и іезуитъ Колювичъ правду сказалъ что Исидоръ много потрудился на пользу латинства въ Литвѣ. Дѣйствительно съ этого времени, покрайней мѣрѣ оффициально, литовская православная церковь рѣзко отдѣлилась отъ сѣверо-восточной или московской, такъ что московскій митрополитъ всея Русіи вскорѣ пересталъ даже называться митрополитомъ кievскимъ, и митрополитомъ кievскимъ и всей западной Руси былъ объявленъ Исидоръ, и хотя обыкновенно жилъ въ Римѣ, тѣмъ не менѣе западная русская митрополія считалась за нимъ, и онъ присылалъ изъ Рима грамоты къ западнымъ русскимъ епископамъ, что и продолжалось до 1458 года, когда пала Каллисть объявилъ его титулованнымъ патріархомъ константинопольскимъ. На мѣсто себя въ западно-русскіе митрополиты Исидоръ представилъ палѣ своего любимца и ученика, унита Болгарина Григорія, вывезеннаго изъ Константинополя, бывшаго тамъ архимандритомъ Дмитріевскаго монастыря; пала Каллисть утвердилъ Исидорово представленіе, и далъ повелѣніе проживавшему въ Римѣ константинопольскому патріарху, униту Григорію IV Маммѣ, посвятить Григорія въ митрополиты западной Руси. Новопосвященный митрополитъ Григорій, преемникомъ Каллиста, палою Пиемъ II, былъ отправленъ въ Литву съ рекомендательными грамотами отъ палы и Исидора къ королю Казиміру и другимъ литовскимъ князьямъ. Въ Римѣ послыску Григорія въ Литву считали окончательнымъ обращеніемъ всей западной Руси въ унию; пала Пій II, въ своей грамотѣ къ Казиміру, не только объявилъ Григорія митрополитомъ всей западной Руси, но и прямо отчислилъ къ

его митрополіи слѣдующія девять русскихъ епархій: Брянскую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимірскую на Волыни, Полотскую, Холмскую и Галицкую. Такимъ образомъ въ Римѣ уже измѣрили и границы унитской русской митрополіи, вѣроятно полагая что такому распоряженію не будетъ противниковъ, а ежели и будутъ, то съ ними, при помощи олатыненнаго правительства, немудрено будетъ управиться, и тѣмъ удобнѣе что къ этому времени Казиміръ освободился отъ грозы Свидригайла, а православные, не имѣя митрополита, повидимому, не могли дать надлежащаго отпора, и ихъ легко было смущать опредѣленіями Флорентійскаго собора, носившаго титулъ вселенскаго.

И дѣйствительно, торжество флорентійской униі, повидимому, было уже недалеко; Казиміръ, покорный повелѣніямъ латы, освободившись отъ Свидригайла и другихъ претендентовъ на престолъ, непрочь былъ привести въ исполненіе распоряженія римской куріи относительно западной русской митрополіи; православные находились въ крайности, у нихъ не было ни покровителя, ни руководителя, ни единства плана какъ дѣйствовать. Нѣкоторые изъ тамошнихъ епископовъ уже вошли въ общеніе съ Григоріемъ и признали его власть. Но неожиданно для латинянъ и ихъ единомышленниковъ, на помощь православнымъ западной Руси явились православные Руси восточной, Московской; въ Москвѣ, какъ только узнали о пріѣздѣ Григорія въ Литву, въ томъ же 1458 году, по повелѣнію великаго князя Василя Васильевича былъ созванъ соборъ восточно-русскихъ епископовъ, на которомъ флорентійскую унию и ея ревнителя Григорія, именуемаго митрополита кievскаго, предали проклятію, и всѣ восточной Руси святители написали грамоту не входить въ общеніе съ Григоріемъ и не принимать отъ него никакихъ грамотъ. (*Ак. Истор.* Т. I. № 61.) Затѣмъ въ томъ же году, ревностный архипастырь московской православной церкви, митрополитъ Іона, отправилъ посломъ въ Кіевъ троцкаго игумена Вассіана, къ тамошней княгинѣ Анастасіи, супругѣ кievскаго князя Александра Владиміровича, и ея дѣтямъ, чтобъ они твердо держались древняго православія и всѣхъ удерживали отъ общенія съ лжемитрополитомъ Григоріемъ, какъ отступникомъ православной церкви и ученикомъ Исидоровымъ. А вслѣдъ за посольствомъ въ Кіевъ, въ томъ же году Іона отправилъ посланіе къ смоленскому епископу Мисаилу и окружное посланіе ко всѣмъ

епископамъ литовскимъ; въ обоихъ посланіяхъ онъ убѣждалъ чтобъ епископы литовскіе твердо держались православія и не признавали власти унита Григорія, какъ уже проклятаго на Московскомъ соборѣ за отступничество отъ православной церкви, и удерживали бы отъ того же врученную имъ отъ Христа ластву православныхъ христіанъ, наказуя ихъ отъ божественныхъ писаній, хотя бы пришлось кому и пострадать за вѣру, какъ святымъ мученикамъ (ibid. № 62 и 63). Московскій соборъ и посланія митрополита Іоны имѣли громадное значеніе для православныхъ въ западной Россіи или великомъ княжествѣ; воодушевленные московскими посланіями, всѣ литовско-русскіе князья, еще неолатынненые, и почти всѣ литовскіе епископы съ своими ластвами отказались признать митрополитомъ присланнаго папой Григорія и остались вѣрными православію. Король Казиміръ, какъ ревностный латынянинъ, началъ ихъ преслѣдовать подъ именемъ дизунитовъ; но это преслѣдованіе, предпринятое противъ громаднаго большинства, послужило только къ вѣщему утвержденію древняго православія, такъ что Григорій, именовавшійся митрополитомъ кievскимъ, даже не смѣлъ пріѣхать въ Кіевъ. А когда въ 1472 году онъ умеръ въ Новгородѣ Литовскомъ; то православные, несмотря на всѣ пропуски латынянъ, отказались отъ всякихъ сношеній съ латинскимъ духовенствомъ и унитами, и въ 1474 году выбрали на кievскую митрополию епископа смоленскаго Мисаила, ревностнаго защитника древняго православія. И съ этого времени, въ продолженіи 128 лѣтъ, не было уже унитскихъ митрополитовъ въ Литовскомъ княжествѣ, да вѣроятно и самихъ унитовъ Исидорова и Григоріева согласія было немного, они, должно-быть, по смерти Григорія, иные прямо перешли въ латинство, а другіе возвратились къ православію; по крайней мѣрѣ борьбы православія съ унитствомъ мы не встрѣчаемъ до Брестской уніи.

Видя полную безуспѣшность всѣхъ попытокъ привлечь православныхъ къ уніи съ латинскою церковью, польско-литовское правительство, по смерти унитскаго митрополита Григорія, наконецъ отказалось отъ мысли распространять унію и обратилось къ прежней политикѣ Ягайлы: обращать православныхъ прямо въ латинство и всѣми возможными средствами преслѣдовать не принимающихъ его. Таковому направленію политики конечно много способствовало и то что къ этому времени король Казиміръ успѣлъ смирить всѣхъ своихъ

противниковъ въ Литвѣ, и по сему съ большою смѣлостью могъ гнать православныхъ, не имѣвшихъ уже за себя сильныхъ заступниковъ между литовскими князьями. Какъ бы то ни было, съ послѣдней половины продолжительнаго Казимірова властвованія начались въ Литвѣ сильныя гоненія на православныхъ и постепенное уничтоженіе данныхъ имъ прежде правъ и привилегій. Литовскій историкъ Нарбутъ говоритъ: „Въ концѣ царствованія короля Казиміра и при сынѣ его Александрѣ появились въ Литвѣ религіозные фанатики, которые настояли на стѣсненіи прерогативъ всѣхъ христіанъ не состоящихъ въ единеніи съ римскимъ костеломъ, и преслѣдованія ихъ простерлись такъ далеко, что въ Вильнѣ и Витебскѣ православнымъ было запрещено строить новыя церкви и поправлять старыя; были приглашены въ Литву бернардины, которые взялись обращать Русскихъ въ латинство; бискупъ Войцехъ Таборъ поддерживалъ все это при дворѣ и въ сенатѣ. Бернардины разсѣялись по всей литовской Руси, проповѣдая единство костела и намѣстничество Христова на землѣ въ лицѣ папы; сами русскіе священники и монахи, признавшіе унию, хлопотали объ отиѣнѣ православныхъ церковныхъ обрядовъ и о преслѣдованіи дисунитовъ.“ (Narbut, *Dzieje narod. St.* T. 8, pag. 467—469.) Свидѣтельство Нарбута согласно съ фактами разбросанными въ памятникахъ; только Нарбутъ напрасно отыскиваетъ какихъ-то фанатиковъ, появившихся будто бы только въ концѣ царствованія Казиміра, и до Казиміра, и при Казимірѣ, и послѣ него, главнымъ фанатикомъ всегда былъ, есть и будетъ римскій костель, и его основное правило—давить всѣхъ кому приходится быть съ нимъ въ соприкосновеніи; а въ Литвѣ рядомъ и за одно съ нимъ дѣйствовалъ другой еще фанатикъ—польская справа, съ непримиримою злобой всегда преслѣдовавшая русскую цивилизацію, какъ совершенно противоположную ей по своему строю, нетерпѣвшему порабощенія меньшихъ большими и незнакомому съ польскимъ быдломъ. При такихъ двухъ крупныхъ коллективныхъ фанатикахъ, нѣтъ надобности искать какихъ-то индивидуальныхъ фанатиковъ. Фанатизмъ въ преслѣдованіи православія и русской народности, какъ мы уже видѣли, никогда не прекращался ни въ латинскомъ костелѣ, ни въ польской справѣ, а только сдерживался обстоятельствами и особенно тѣмъ, что и католики и Поляки были еще очень слабы предъ русскимъ элементомъ въ западной Россіи, какъ прямо сознавались сами

польскіе сенаторы на Луцкомъ сѣздѣ въ 1427 году; въ концѣ же царствованія Казимира латинство и польщизна значительно усилились во владѣніяхъ великаго княжества Литовскаго, и доселѣ сдерживаемый фанатизмъ преслѣдованія православныхъ послѣдшилъ развиться во всей своей жестокости.

Такъ Казимиръ, къ концу своей жизни, годъ отъ года сталъ издавать строгіе указы противъ православныхъ. Іезуитъ Віюкъ Кояловичъ въ своей исторіи Литвы, подъ 1491 годомъ, говоря объ отпаденіи Сѣверскихъ князей, пишетъ: „Между прочими причинами къ отпаденію присоединилось и то что король жестокими указами противъ послѣдователей восточной церкви, къ которымъ принадлежали Сѣверскіе князья, старался распространить флорентійскую унию латинской церкви съ греческою“ (Кожал, pag. II, p. 256). Но Кояловичъ здѣсь выражается несовсѣмъ точно и какъ іезуитъ прикрываетъ латинство флорентійскою унией; приглашенные же въ Литву бернардины да и самъ Казимиръ въ это время требовали уже не унию, а покаяна отреченія отъ православія и перекрещиванія; такъ что самъ папа вскорѣ нашелъ нужнымъ поумѣрить ревность польскихъ латинявъ, и къ Казимирову сыну, королю Александру, писалъ: „Вовсе нѣтъ надобности чтобы снова крестить всю Русь, а только требовать чтобы были послушны апостольскому престолу на основаніяхъ Флорентинскаго собора, а жить имъ по греческимъ обрядамъ и имѣть греческихъ поповъ“. (*Сборникъ Мулам.* 1е изд., стр. 109.) Русскіе князья, владѣвшіе разными удѣлами въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и исповѣдовавшіе православную вѣру, въ 1488 году коллективно жаловались константинопольскому патріарху на гоненіе за вѣру, прося благословенія на кіевскую митрополію архіепископу полоцкому Іонѣ, и писали такъ: „Молитву и прошеніе наше возсылаемъ святительству твоему, яко да учинить святыня твоя къ нашему утвержденію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечъ духовный отцу нашему, имъ же оборонити насъ добро творящихъ“. (*Виллен. Археогр. Сборникъ,* т. I, стр. 3.) „Наконецъ гоненія за вѣру произвели то что большія русскія области съ своими князьями стали отпадать отъ Литвы; такъ въ 1490 году, князья Бѣлевскіе, Бяратинскіе, Одоевскіе и Воротынокіе съ своими владѣніями передались московскому великому князю Ивану Васильевичу, а въ 1491 году, такъ же поступили князья

Сѣверскіе со всею Сѣверскою землею (то-есть съ цѣлымъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра), такъ что Москва, не дѣлавши никакихъ усилій, приобрѣла огромное и богатое княжество. (Kojalov. pag. II, pag. 254—255.) Но и этотъ тяжелый урокъ нисколько не образумилъ ни престарѣлаго Казимира, ни сына его Александра, гоненіе на православныхъ продолжалось попрежнему, и довело дѣло до того, что московскій великій князь Иванъ Васильевичъ, при Александрѣ, объявилъ свое право на вмѣшательство за своихъ единовѣрцевъ и началъ продолжительную войну, кончившуюся постыднымъ миромъ для Литвы и Польши, большимъ разореніемъ и потерей многихъ важныхъ областей.

Но ни Казимира, ни сына его Александра нельзя много винить въ гоненіяхъ на православіе и въ пагубныхъ послѣдствіяхъ ихъ гоненій для великаго княжества Литовскаго. Казимиръ и Александръ здѣсь были скорѣе только орудіями латинскаго костела и польской sprawy, съ которыми они не могли какъ слѣдуетъ бороться, по слабости и шаткости своего положенія въ томъ общественномъ строѣ который успѣлъ сложиться въ Польшѣ и Литвѣ. Латинскій костель и польская справа, забравшіе все въ свои руки въ Литвѣ и Польшѣ, главные виновники и двигатели гоненій на православіе и русскую народность, ничего не хотѣли знать и вѣдать о положеніи западно-русскаго государства, и быстро веслись къ его разложенію, неудержимо стремясь къ одному: обратить православныхъ въ латинянь и Русскихъ въ Поляковъ. Тщетно Александръ думалъ поправить свои дѣла вступленіемъ въ бракъ съ Еленой московскою, дочерью великаго князя Ивана Васильевича; этотъ несчастный бракъ еще болѣе залуталъ дѣла. Латинскій костель и польская справа думали держать Елену какъ невольницу; не смѣя, по договору съ Московскимъ государемъ, прямо и насильно обратить ее въ латинство, они употребляли всѣ тайныя мѣры къ достиженію той же цѣли, подводили къ ней католическихъ законоучителей, не позволяли строить русской придворной церкви, удаляли отъ нея бояръ и слугъ исповѣдующихъ православную вѣру и окружали ее католиками, а которую дочь княжескую или боярскую греческаго закона Елена возьметъ къ себѣ во дворецъ, то ее приказываютъ силою крестить въ латинство, какъ свидѣтельствуемъ великій князь Иванъ Васильевичъ въ своемъ отвѣтѣ венгерскому послу. (Сборникъ

Муган., 1е изд., стр. 116.) Въ какомъ положеніи при-этомъ находилса самъ Александръ, лично дружественно жившій съ своею умною супругою Еленой, лучшимъ свидѣтельствомъ служить сѣдующій отвѣтъ его московскому посольству: „А што есте намъ говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей княгини поставили церковь греческаго закона, на переходѣхъ подлѣ ея хоромъ, ино князи наши и ланове вся земля имѣють на то права и записи отъ предковъ нашихъ и отца нашего, и отъ насъ, и то въ правѣхъ записано чтобы церквей греческаго закона больше не прибавляти; ино намъ тыхъ правъ предковъ нашихъ и отца нашего, и нашихъ негодится рухати“ (*ibid.* стр. 79). Въ этомъ отвѣтѣ подъ дипломатическою холодною формою ясно выступаетъ вся горечь тогдашняго положенія Александра. Онъ, такъ сказать, былъ связанъ по рукамъ и ногамъ даже въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Ежели онъ не имѣлъ уже возможности своей любимой супругѣ разрѣшить построение придворной православной церкви, которую онъ былъ обязанъ выстроить даже по брачному договору, то послѣ этого что же могъ онъ сдѣлать вообще для своихъ подданныхъ исповѣдовавшихъ православную вѣру. А Александръ не глумъ, говоря московскимъ посламъ что по законамъ онъ не можетъ построить православной придворной церкви, онъ дѣйствительно не могъ этого сдѣлать, еслибъ этого не дозволилъ римскій костелъ.

При Александровомъ преемникѣ Сигизмундѣ ревность латинскаго костела и польской sprawy къ подавленію православія и русской народности наконецъ развилась до невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ въ 1509 году, по опредѣленію Петровскаго сейма, король Сигизмундъ издалъ указъ, по которому предоставилъ назначеніе и содержаніе намѣстниковъ православной Галицкой митрополіи латинскому архидиакону во Львовѣ, и въ своемъ указѣ писалъ такъ: „Мы желая своимъ королевскимъ авторитетомъ способствовать преуспѣванію православной (латинской) вѣры въ здѣшнемъ краѣ, и имѣя въ виду грамоты за печатями апостольскаго престола, данныя нашимъ предкамъ для возвышенія львовскаго костела, и по обязанности христіанскаго государя желая чтобы самыя схизматыки тѣмъ удобнѣе были приведены и присоединены къ христіанской вѣрѣ, или по крайней мѣрѣ исправлены въ своихъ заблужденіяхъ, дали и обнародовали такой указъ, чтобы

настоящій архіепископъ львовскій, Бернардъ Вильчка и его преемники теперь и на будущее время сами назначали намѣстниковъ русскаго клироса во Львовѣ и въ другихъ мѣстахъ львовской епархіи; но на русскіхъ половъ этого указа не распространяемъ.“ (*Supplemen. ad. Hist. Russ. monum.* pag. 137.) Этотъ указъ, важный по своему содержанию, замѣчательный и по своей формѣ; въ немъ говорится о русской церкви, но ни разу не упомянуто имени этой церкви, она названа только клиросомъ Русскихъ; да и православные русскіе христіане названы не христіанами а схизматиками, которыхъ слѣдуетъ обратить въ христіанскую вѣру; въ подлинномъ указѣ сказано: „quo facilius ipsi schismatici ad religionem christianam adducantur et alliciantur.“ И такая уловка отнюдь не случайность: у насъ есть еще одинъ указъ Сигизмундовъ, въ которомъ безцеремонность поведена еще дальше. Въ указѣ отъ 31го марта 1522 года, объ утверженіи намѣстникомъ галицкой митрополіи, избраннаго латинскимъ архіепископомъ Бернардомъ, дворянина Якимъ Гдашицкаго, Сигизмундъ не иначе называетъ православныя русскія церкви какъ синагогами; онъ пишетъ о новомъ намѣстникѣ, что далъ ему власть визитировать синагоги и половъ, такъ-называемаго русскаго обряда; а по сему ему должны повиноваться всѣ полпы и служители синагогъ русскаго обряда (*ibid.* стр. 158). И этотъ указъ также не случайность, не прихоть короля, не фантазія лица королевской канцеляріи. Здѣсь, какъ и въ указѣ 1509 года, все писано по расчету, король не могъ написать иначе, ибо такъ хотѣлъ латинскій костелъ, подталкиваемый польскою справой. И еслибы Сигизмундъ вздумалъ сопротивляться такому желанію костела, то поднялась бы страшная буря и самъ бы Сигизмундъ попалъ въ схизматики у латинскаго духовенства. Мы на это имѣемъ прямое доказательство въ одномъ случаѣ, бывшемъ съ Сигизмундомъ въ томъ же 1522 году и записанномъ въ исторіи Литвы у Вюка Кояловича: Сигизмундъ, желая сколько-нибудь достойно наградить князя Константина Острожскаго, знаменитѣйшаго полководца своего времени и спасителя отечества, назначилъ его палатиномъ въ Троки. Великихъ заслугъ князя Острожскаго никто не могъ отрицать, онъ у всѣхъ былъ на глазахъ, забыть ихъ было еще некогда; но князь Острожскій былъ православный по вѣрѣ, крѣпко стоялъ за православіе и за-одно съ православнымъ духовенствомъ отвергалъ повиновеніе православныхъ

палъ; и этого было достаточно чтобы на Гродненскомъ сеймѣ 1522 года поднялась страшная буря противъ Сигизмунда, дерзнувшего сдѣлать такое назначеніе. Латинствующие вельможи, съ латинскимъ духовенствомъ во главѣ, прямо обратились къ королю съ протестомъ и говорили что древній ягайовскій законъ, не только свято соблюдаемый всеми великими князьями литовскими, но и подтвержденный ими, не допускаетъ въ сенатъ и къ прочимъ достоинствамъ всѣхъ тѣхъ которые не хотятъ быть въ повиновеніи у римскаго папы; и протестующіе не прежде успокоились, какъ исторгли у короля торжественное обязательство, вооруженное всеми публичными формальностями, чтобы ни онъ, ни его преемники ни въ какомъ случаѣ не допускали въ сенатъ людей не исповѣдующихъ католической вѣры. (Kojalow. pag. II, pag. 380.) Послѣ таковой бури Сигизмунду мудро было не назвать синагогой русской православной церкви въ указѣ данномъ дворянину Гдашицкому на намѣстничество въ галицкой митрополіи.

Въ указѣ Гдашицкому дѣло пресѣдованія и нетерпимости было дѣйствительно доведено до крайнихъ предѣловъ, далѣе которыхъ идти уже некуда. Костелъ потерялъ религиозное значеніе даже въ глазахъ католиковъ и обратился въ оружіе политической интриги противъ русской народности и православной церкви въ западной Россіи. Самъ король Сигизмундъ въ послѣдніе годы своего царствованія уже нанеся вынужденнымъ защищать православныхъ отъ своевольствъ и притѣсеній латинскаго духовенства; такъ до насъ дошелъ его указъ къ князю Яну, бискупу виленскому, отъ 1531 года, въ которомъ Юсафа, митрополита кievскаго, уже называетъ архіепископомъ и митрополитомъ и требуетъ чтобы бискупъ запретилъ своему виленскому уряднику судить и рядить виленскихъ православныхъ священниковъ, какъ состоящихъ въ вѣдѣніи кievскаго митрополита, и прямо пишетъ въ своемъ указѣ: „иго вѣдъ то рѣчь непотребная, чтобы урядникъ твоей милости поповъ закону греческаго смѣлъ судить и рядить“ (*Вилей. Археогр. Сбор.*, т. VI стр. 29.) Подобный же указъ, отъ 1533 года, былъ посланъ къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, старостамъ, намѣстникамъ, тиунамъ, боярамъ и всемъ законникамъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, чтобъ они не дѣлали неправдъ и грабежей церковнымъ людямъ православна-

го и словѣданія и не вступалися въ духовныя дѣла и судъ митрополита кievскаго (ibid. стр. 19.) Такимъ образомъ уже самъ Сигизмундъ перемѣнилъ свою рѣчь и церковей русскихъ не называетъ синагогами и защищаетъ кievскаго митрополита отъ притѣсненій виленскаго латинскаго бискупа, и конечно измѣненіе тона въ королевскихъ указахъ послѣдовало недаромъ, значить оказалась перемѣна въ самомъ направленіи. Дѣйствительно къ концу царствованія Сигизмунда и особенно при его пріемникѣ Сигизмундѣ-Августѣ сами латиняне уже не вѣрили въ свой костель.

Вслѣдствіе реформатскаго движенія, охватившаго Литву при Сигизмундѣ-Августѣ, началась полная реакція, явно въ пользу православной церкви. И Сигизмундъ-Августъ, въ своей грамотѣ ко львовскому арцибискупу, тому же Бернаруду Вильчкѣ, отъ 9го апрѣля 1535 года, православныхъ Русскихъ уже называетъ христіанами и церкви ихъ величаетъ костелами, а не синагогами, и хотя почти съ извиненіями, но требуетъ отъ львовскаго арцибискупа чтобъ онъ дозволилъ назначенному отъ кievскаго митрополита Макарія намѣстнику, архимандриту Іосифу, управлять свободно православными церквами въ львовской епархіи; какъ прямо сказано въ грамотѣ: „и жъ бы пререченный архимандритъ, въ земляхъ ему приказанныхъ, могъ бы то выполнати съ костельными парсунами вѣры своей“ (*Ак. Зап. Рос.*, т. II, стр. 386). И это черезъ 12 лѣтъ послѣ Сигизмундова указа 1522 года; подлинно быстрая и полная реакція! Король чуть не равняетъ православной русской церкви съ латинскимъ костеломъ, по крайней мѣрѣ съ почти-тельностью говоритъ о той и другомъ, и даже русскаго митрополита въ своей грамотѣ называетъ: „учливый отецъ Макарій, грецкой вѣры и русской митрополитъ“. Таковаго униженія римскаго костела не потерпѣло бы католическое духовенство въ Польшѣ и Литвѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ. Конечно и теперь латинскіе арцибискупы и бискупы еще своевольничали и дѣлали православнымъ жестокия притѣсненія, но русскій митрополитъ и другіе православные святители могли уже искать на нихъ управы предъ королемъ, и хотя съ большимъ трудомъ, но уже успѣвали въ этомъ, и латинскимъ бискупамъ въ таковыхъ случаяхъ оставалось только досадовать и горячиться, или прибѣгать къ самоуправству при помощи польскихъ пановъ своихъ пріятелей. Такъ въ 1540 году арцибискупъ львовскій, узнавши что галицкій намѣстникъ кievскаго

митрополита Макарія получили отъ короля листъ освобождающій его отъ подчиненности ему архиепископу, горячился и кричалъ: „я того не перестану пока я живъ; або вѣмъ суть Русь у моеѣи моци: король того безъ мене не могъ дати.“ Но крикъ остался крикомъ, а подсылки поймать и убить намѣстника не удалось, ибо за него стала вся православная львовская шляхта (ibid. стр. 361.) А въ 1545 году, по жалобѣ митрополита кievскаго Иосифа на латинскихъ каллановъ, звонившихъ ночью въ соборной православной церкви въ Вильнѣ и на самого виленскаго бискупа Яна, что онъ не взыскиваетъ съ своихъ каллановъ за безпорядки и требуетъ на своей судъ православныхъ священниковъ, король Сигизмундъ, называя въ своей грамотѣ Иосифа митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ и всея Руси, прямо писалъ къ князю Яну, бискупу виленскому: „рачилъ бы твоя милость впередъ своихъ духовныхъ повстятнути, абы такого находу и легкости (неуваженія) церквамъ ихъ закону греческаго не чинили, ижъ бы таковыя жалобы на нихъ на потомъ до насъ не доходили. „А что касается до звону и квалту церковнаго вынѣшнаго, что митрополитъ жаловался, ино твоя бы милость митрополиту на тыхъ каллановъ право далъ и справедливость вчинилъ, и тотъ квалтъ церковный велѣвъ оправити такъ, какъ бы митрополиту въ томъ жалъ не было“ (Вилен. Ар. Сбор., т. VI, стр. 24). Князь Янъ, бискупъ виленскій, былъ главой всего латинскаго костела въ Литвѣ, и отъ него король потребовалъ дать законное удовлетвореніе кievскому митрополиту, чтобы онъ не жаловался и былъ доволенъ; въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія конечно подобное требованіе даже было немислимо, жалоба митрополита кievскаго тогда осталась бы безъ послѣдствій.

Вообще положеніе латинскаго костела въ литовскихъ владѣніяхъ въ XVI вѣкѣ быстро стало ухудшаться. Наглость и безцеремонность, съ какими онъ относился къ прочимъ христіанскимъ церквамъ, принесли ему самыя горькія плоды, какихъ онъ и не ожидалъ; вслѣдствіе своихъ нерелигіозныхъ отношеній къ прочимъ христіанскимъ церквамъ, онъ самъ, незамѣчая того, потерялъ религіозное значеніе въ глазахъ народа. И когда въ западной Европѣ начались религіозныя движенія, быстро распространившіяся и по литовскимъ владѣніямъ; то по свидѣтельству лѣтописи Стрыковскаго: „въ то время мало уже кто вѣрилъ въ папу.“ (Chronik. Str. pag. 737.) На латинскій костель еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія

стали смотрѣть какъ на государственное, чисто политическое, а не религіозное учрежденіе, и епископскія каѳедры въ своемъ значеніи сравнивались съ воеводствами, старостствами, кастелянствами и подобными чисто мірскими государственными достоинствами и доходными статьями; на нихъ уже выбирались люди не по нравственнымъ качествамъ и не по способностямъ къ духовному сану, а по принадлежности по происхожденію къ тому или другому роду или фамиліи магнатовъ, какъ вознагражденіе за воинскія или гражданскія заслуги предковъ. И этотъ взглядъ принадлежалъ самому правительству и былъ утвержденъ закономъ еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія; именно, въ постановленіяхъ Радомскаго сейма 1505 года прямо сказано отъ имени королевы родительницы (Елисаветы): „по общему совѣту и по согласію всѣхъ нашихъ совѣтниковъ и по просьбѣ всего дворянства, симъ настоящимъ статутомъ и декретомъ освятили, уставили на вѣчныя времена, и безвозвратно опредѣлили чтобы между прочимъ къ каѳедральнымъ церквамъ въ епископы и въ прелаты, а къ коллегіальнымъ церквамъ въ начальственные достоинства были производимы только люди принадлежащіе къ сословію благородныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ настрого запрещаемъ подъ наказаніемъ вѣчной ссылки и конфискаціи всего имущества, каковому наказанію подвергаемъ какъ тѣхъ которые какимъ бы то ни было образомъ осмѣлятся идти противъ настоящаго постановленія, отыскивая вышеломянутыхъ достоинствъ или принимая ихъ по предложенію, такъ и ихъ родителей, родственниковъ и тайныхъ и явныхъ помощниковъ. Такъ что, какъ только кто-либо не принадлежащій къ благороднымъ окажется противникомъ сего постановленія, симъ самымъ поступкомъ уже будетъ подвергнуть помянутому наказанію, вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками. Ибо какъ само дворянство (*nobilitas*) привыкло собственными шеями защищать государство въ военныхъ случаяхъ, и во время мира всегда стояло за церковь какъ за самого себя; то и никакимъ образомъ нельзя допустить чтобы правителями церкви были не тѣ которые служили ей защитою.“ (*Wol. leg. T. I. pag 138.*)

Ежели таковой явно нерелигіозный взглядъ на церковныя высшія должности утвержденъ былъ самимъ закономъ; то на практикѣ всѣ высшія церковныя должности просто обратились въ доходныя статьи магнатовъ, часто вовсе неспособныхъ къ занятію таковыхъ должностей, и даже недумав-

шлѣхъ казаться способными и достойными, ни по жизни, ни по научному и религіозному образованію. Послѣ этого неумудрено что въ Литвѣ въ XVI столѣтіи мало кто вѣрилъ въ папу и римскую церковь. Когда самая церковь даже по закону обратилась въ оброчную статью магнатовъ и ихъ фамилій, реформаціонныя движенія потянувшіяся изъ западной Европы здѣсь нашли уже готовую почву. Латинскій костель въ Литвѣ на время пересталъ быть орудіемъ къ подавленію русской народности въ западной Россіи. Мѣстнымъ интересамъ въ русскихъ областяхъ были даже сдѣланы значительныя уступки. Такъ значеніе русской православной церкви, какъ церкви христіанской, а не синагоги, было признано еще при Сигизмундѣ первымъ литовскимъ статутомъ 1530 года; въ 8мъ раздѣлѣ этого статута въ 7 артикулѣ сказано: „Уставуемъ ижъ о-речь земную и о доводъ держанья земли немають припущоны быти Жидове, а ни Татарове, одно христіане латинскаго або греческаго закона.“ То же подтверждено статутомъ 1566 года, разд. IX, арт. 3. А въ XI раздѣлѣ того же статута, въ артик. 3, одинаково ограждаются отъ нападений какъ латинскія, такъ и православныя русскія церкви и школы и дома священнослужителей. Въ законѣ сказано: „Тежъ еслибы кто пришедши квалтовнѣ на костель, або на цвѣтару въ школѣ, або въ калланскомъ и поповскомъ дому кого забилъ або ранилъ; а тые раны значны были; тогда подъ таковымъ способомъ и доводомъ маеть быти каранъ, яко вышей о квалтовникахъ писано.“ А на Варшавскомъ сеймѣ 1564 года, когда была рѣчь о полномъ соединеніи народовъ Польскаго и Литовскаго въ одинъ народъ; то уже не было и помину объ уничтоженіи или пониженіи православной церкви; вопросъ былъ только о томъ какъ устроить и поровнять выборъ короля; ибо въ Польшѣ выборъ короля былъ свободный, а Литовское княжество считалось дѣдиною и отчиною Гедиминовичей. (*Wol. leg.* Т. II. pag 29.) Далѣе, въ привилегіи 1869 года о присоединенія Вольнской земли къ коронѣ польской сказано: „обыватели сей земли рады наши духовные и свѣтскіе, княжата, панята, шляхта, рыцарство, также и духовные станы римскаго и греческаго закона чтобы познали нашу яаску: постанавляемъ, чтобы ихъ города, замки, мѣста, осѣлости, мѣстечки и веси со всѣми ихъ подданными были свободны отъ всякихъ пошлинъ и поборовъ. Къ тому же еще обѣщаемъ и обязываемся всѣхъ помянутыхъ

квяжать земли Волынской и потомковъ ихъ, какъ римскаго, такъ и греческаго закона, содержать въ стародавней чести и достоинствѣ. Такимъ же образомъ общаемъ и обязуемся достоинствъ и почестей и урядовъ нашей Волынской земли, духовныхъ и свѣтскихъ, великихъ и малыхъ, какъ римскаго, такъ и греческаго закона, не уменьшать, не затемнять, а охранять въ цѣлости.“ То же самое повторяется въ привилегіи на присоединеніе Кіевской земли, данной въ томъ же 1569 году. (*Wolunt. leg.* Т. II. pag. 82—87.) Такимъ образомъ давленіе и нетерпимость латинскаго костела въ западной Россіи въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій дошедшія до крайнихъ предѣловъ, съ тридцатыхъ годовъ XVI столѣтія на-время приостановились; православная церковь, по наружности по крайней мѣрѣ, получила почти одинаковыя права съ латинскимъ костеломъ.

Но не долготъ былъ періодъ такого либерализма. Полякамъ по послѣднимъ расчетамъ нужна была унія политическая, то-есть полное соединеніе Польскаго и Литовскаго государства въ одно цѣлое (до сихъ же поръ было соединеніе только въ лицѣ короля, да и то большею частію при особомъ великомъ князѣ литовскомъ, какимъ преимущественно былъ наслѣдникъ польской короны); для полного же соединенія можно было пожертвовать временными уступками. За то какъ только, въ 1569 году, совершилась политическая унія на Люблинскомъ сеймѣ, какъ въ томъ же году уже призваны были въ Литву іезуиты. Извѣстіе о приглашеніи іезуитовъ первоначально такъ непріятно подвѣствовало не только на православныхъ, но и на латинявъ, что іезуитовъ не иначе можно было ввести въ Вильну, какъ подъ прикрытіемъ военной силы; но таковой приемъ конечно не остановилъ іезуитовъ, они, поддерживаемые латинскимъ виленскимъ бискуломъ Валеріаномъ Проташевичемъ и грамотами короля, съ большимъ искусствомъ принялись за свое обычное дѣло сѣянія раздоровъ; сперва при помощи проповѣдей и училищъ они успѣли раздуть фанатизмъ латинявъ, а потомъ мало-по-малу начали сѣять раздоры между православными. Іезуиты особенно усилились при короляхъ Стефанѣ Баторіи, не уважавшемъ никакой религіи, и при Сигизмундѣ III, іезуитскомъ воспитанникѣ. Стефанъ Баторій, для польской короны перешедшій изъ протестанства въ латинство, желая привлечь къ себѣ расположение римскаго папы и Поляковъ, особенно локровитель-

ствозалъ іезуитамъ; при немъ іезуитскія колоніи распростра-
нились по всѣмъ литовскимъ владѣніямъ, и Виленскій коле-
пужъ возведенъ на степень академіи; затѣмъ отцы іезуиты
утвердились въ древнемъ православномъ Полотскѣ и до того
тамъ успѣли, что по милости короля завладѣли вотчинами
всѣхъ православныхъ полотскихъ монастырей и церквей, не
только въ Полотскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ мѣстахъ; какъ
прямо сказано въ королевской грамотѣ 1583 года: „яко есмо
задали и фундовали на костель Божій и на коллегіумъ въ
Полотску отцомъ іезуитомъ вси добра игуменскія и иншихъ
всѣхъ монастыровъ и церквей замку и мѣстѣ Полотскихъ, кро-
мѣ самаго владычества; такъ и теперь умыслили и постанови-
ли есмы тые села отцомъ іезуитомъ Полоцкимъ и декторови
въ мощъ, въ держанье и уживанье ихъ подати и поступити.“
(*Ак. Зап. Рос.* т. III № 137.) Такимъ образомъ въ пользу іезуи-
товъ были обобраны всѣ полоцкіе монастыри и церкви, и
оставлены неирікосновенными только вотчины полоцкаго ар-
хіепископа, какъ лица высокопоставленнаго, котораго тронуть
было не безопасно; а по отобраніи имуществъ конечно уже
не трудно было и закрыть обнищавшіе монастыри, и мало-по-
малу православный Полотскъ обратить въ гнѣздо латинства
и іезуитизма.

Фаватизмъ католиковъ, по мѣрѣ усиленія іезуитовъ, быстро
принималъ обширныя размѣры, и достигъ того, что въ 1584 году
католики, подъ предводительствомъ львовскаго латинскаго
архіепискупа, князя Яна Димитрія Соликовскаго, въ навече-
ріи праздника Рождества Христова, во время богослуженія,
гвалтомъ напали на православныя церкви во Львовѣ, съ без-
честіемъ выгнали служащихъ священниковъ, разогнали бого-
мольцевъ, заперли и залечатали всѣ львовскія церкви, несо-
мня на протесты многихъ православныхъ дворянъ съѣхав-
шихся во Львовъ по случаю земскихъ сроковъ. Православный
львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, вмѣстѣ съ православ-
ными галицкими дворянами, подавъ объ этомъ заявленіе въ
галицкій городскій судъ для производства суда и слѣдствія и
ваказанія виновныхъ; судъ тянулся цѣлый годъ, и это ясное
и волюющее дѣло было перенесено въ Варшаву къ самому ко-
ролю, и кончилось тѣмъ что епископъ Гедеонъ, вмѣсто удо-
мстворенія за обиду и публичное оскорбленіе православной
церкви, вынужденъ былъ подать мировую, да и то, кажется,
по ходатайству такихъ мужей, какъ князь Константинъ Ос-

трожскій, воевода кievскій и маршалокъ земли Волынской, панъ Станиславъ Жолкевскій, воевода Белзкій и другіе знаменитости; а безъ этого посредничества и ходатайства можетъ-быть былъ бы обвиненъ самъ Гедеонъ и православные галицкіе дворяне. (*Ак. Зап. Рос. Т. III. №№ 140 и 147.*) И все это дѣлалось когда православная церковь, по основнымъ законамъ утвержденнымъ на Люблинскомъ сеймѣ, находилась подъ покровительствомъ государства и въ своихъ правахъ была почти сравнена съ латинскимъ костеломъ, когда по хартіямъ повидимому не допускалось никакихъ гоненій и притѣсненій православной церкви.

Но львовское дѣло еще далеко не было такъ губельно для православной церкви въ западной Россіи, какъ губельны были распоряженія самого короля Стефана Баторія, хотя видимо и не грозившія церкви какимъ-либо угнетеніемъ, но на дѣлѣ причинившія ей страшныя разоренія, такія разоренія, что даже іезуитскій воспитанникъ Сигизмундъ III, въ 1589 году, нашелся вынужденнымъ отмѣнить распоряженія своего предшественника. Распоряженія сіи состояли въ томъ что по смерти или выбытіи православнаго митрополита, или епископа, или другаго начальственнаго духовнаго лица, всѣ церковныя имущества, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, а равно самыя церкви и монастыри бывшія въ ихъ вѣдѣніи, до назначенія королемъ новаго митрополита или епископа или другаго начальственнаго лица, должны всецѣло находиться въ полномъ завѣдываніи мѣстныхъ воеводъ, земскихъ подскарбіевъ, старостъ, державцовъ и ихъ намѣстниковъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ такового порядка было то что всѣ имущества православныхъ церквей были разграблены, и даже большая часть документовъ на право владѣнія уничтожены; ибо временные самовластные распорядители, не давашіе никакого отчета въ своихъ распоряженіяхъ и преимущественно принадлежавшіе къ латинянамъ, распоряжались церковными имуществами въ свою пользу, продавали ихъ, дарили, брали на себя, а церковныхъ подданныхъ разоряли и разгоняли. (*Ак. Вилен. Колл. Т. II № 5.*) Къ этому страшному злу для православной церкви присоединилось еще другое зло не менѣе тяжкое, {король Стефанъ Баторій придумалъ отдавать православныя монастыри и церкви въ награду за мірскія службы мірянамъ; и такимъ образомъ православныя монастыри и церкви были обращены въ кормленья или доходныя статьи

служилыхъ людей, и почти то же было съ епископіями, какъ это подробно изложено въ посланіи галицкихъ православныхъ дворянъ къ кievскому митрополиту Онисифору, въ 1585 году, гдѣ между прочимъ сказано что перемышльская епископія была отдана какому-то Стефану Брылинскому, тиуну и слугѣ лана старосты перемышльскаго, и ланъ староста взялъ въ свою власть всѣ имѣнія епископства и распоряжается ими по своей волѣ, а епископъ, какъ его слуга, противъ своего господина и слова молвить не смѣетъ. А на другихъ епископіяхъ сидятъ люди также недостойные, и къ поруганію святаго закона на столѣцахъ епископскихъ живутъ съ женами своими, кромѣ всякаго стыда и дѣтки плодятъ; а есть и по два епископа на одной епископіи. (*Ак. Зап. Рос. Т. III. № 146.*)

Такимъ образомъ латинская церковь, слѣдуя внушеніямъ польской sprawy, вслѣдъ за Люблинской уніей, при помощи іезуитовъ, опять принялась преслѣдовать православіе, разорять и унижать православную церковь, завлекать всѣми возможными средствами православныхъ въ латинство, и при помощи правительства, въ самомъ управленіи православною церковью заводить безпорядки и передавать управленіе слабымъ и даже недостойнымъ людямъ, которые по своей жизни были только соблазномъ и поруганіемъ церкви. И все это дѣялось для того чтобы православные, постоянно встрѣчая прямо бросающіеся въ глаза соблазны въ своей церкви, какъ бы по доброй волѣ переходили въ латинство. А когда это не удалось, то латинскій костель съ іезуитами обратился съ тѣми же средствами къ другой цѣли,—именно чтобы вынудить православныхъ на принятіе уніи, чего, при помощи русской же іерархіи, частію и достигъ, въ 1595 году, и съ тѣмъ вмѣстѣ переполнилъ западную Русь новыми бѣдствіями.

Мы прослѣдили вкратцѣ разные приемы дѣятельности латинскаго костела въ западной Россіи или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, отъ принятія латинской вѣры великимъ княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ до введенія Брестской церковной уніи, въ 1595 году, при Сигизмундѣ III. Заключимъ нѣсколькими общими замѣчаніями о характерѣ этой дѣятельности по отношенію къ русской церкви и русской народности въ западной Россіи.

Литовскій историкъ Нарбутъ, сторонникъ и латинской церкви и полнаго соединенія Литвы съ Польшей, такъ описываетъ положеніе западной Россіи въ религиозномъ отношеніи

до появленія тамъ латинства и вслѣдъ за его появленіемъ. „Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала разпространяться въ языческой Литвѣ тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, а не по приказу и принужденію. Литвины язычники нисколько не считали за зло что живущіе между ними икородцы не поклонялись ихъ мѣстнымъ богамъ; какъ была разница въ языкѣ, такъ допускалась терпимость въ вѣрѣ. Христіане русскіе и язычники Литвины составляли одно отечество подъ однимъ государемъ, засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ рядили о благѣ родины, вмѣстѣ шли на бой и складывали кости въ одной могилѣ; Литвины уважали знамя Св. Юрія на хоругви русской, а Русскій воздавалъ военную честь Богу Кавасу на знамени литовскомъ. А посему великіе князья, имѣя вѣрныхъ подданныхъ въ христіанской Руси, не касались ихъ религіозныхъ порядковъ, пока интересъ политическій не столкнулся съ религіознымъ. Ягайло, сдѣлавшись королемъ польскимъ и перешедши въ римско-католическую церковь, съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ на себя обязанность не только обращенія язычниковъ, но и приведенія къ единству вѣры всѣхъ своихъ подданныхъ всеми зависящими отъ него средствами... Коротко сказать и въ Польшѣ и Литвѣ эпоха религіозной нетерпимости началась съ владычествованія Ягайлы и Витовта, то-есть со введенія латинскаго исповѣдованія въ Литву.“ * Такимъ образомъ по признанію самихъ сторонниковъ латинской церкви, она вмѣсто мира и согласія, царствовавшихъ въ западной Руси, внесла мечъ и вражду, и сама явилась орудіемъ политической интриги веденной изъ Польши. Исторія этой церкви въ западной Россіи свидѣтельствуетъ, что она и въ послѣдствіе сохранила то же значеніе. Все что ни предпринимала эта церковь въ западной Россіи, — перекрещивала ли православныхъ, тянула ли ихъ въ унию и подъ верховную власть папы; все клонилось къ тому чтобы внести раздоръ въ западную Русь, распатать народныя силы, создавшія великое княжество Литовское; посягать вражду между дружественными и всею предшествовавшею исторіей тѣсно связанными другъ съ другомъ населеніями Литвы и Руси, составлявшими до введенія сюда латинской церкви одинъ мужественный народъ, дававшій отпоръ Полякамъ и вѣмеккимъ рыцарямъ въ Ливоніи и Пруссіи.

* Нарбутъ. Кн. 6, стр. 340.

Силой окрестивши Литву и Жмудь, латинская церковь отдѣлила эти два племени отъ Русскихъ и направила старанія на то чтобы стѣлать эти племена матеріаломъ для распространенія польщизны, усердно трудилась надъ уничтоженіемъ исконныхъ народныхъ обычаевъ и общественнаго строя народной жизни, и о замѣненіи всего этого польскими обычаями и польскимъ строемъ жизни. А Русскихъ въ то же время преслѣдовала и угнетала какъ схизматиковъ и явныхъ своихъ противниковъ. Жизнь Литовцевъ и Жмудиновъ она подтачивала тѣмъ что вводила въ нее чуждые и даже враждебныя ей начала; а для разложенія строя общественной жизни Русскихъ не останавливалась ни предъ какими жертвами, смотря по удобству, одинаково улобляя то насиліе, то обманы. И надо сознаться что латинская церковь работала въ западной Россіи на пользу Польши съ удивительнымъ усердіемъ, и усердная работа эта принесла именно тѣ плоды которыхъ желала польская справа. Въ продолженіе первыхъ 180 лѣтъ отъ введенія латинства въ Литву, она наконецъ успѣла совершенно разстроить общественную жизнь и у Русскихъ и у Литовцевъ, такъ что великое княжество Литовское прежде грозное и для Поляковъ и для нѣмецкихъ сосѣднихъ рыцарскихъ орденовъ, почти потеряло возможность продолжать самостоятельную государственную жизнь, и волей-неволей на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1569 году, должно было присоединиться къ Польской коронѣ, подъ льстивымъ титуломъ *равныя къ равнымъ*, а на дѣлѣ какъ пригодный матеріалъ для поддержанія разшатаннаго внутренними безпорядками и своеволіемъ магнатовъ Польскаго государства.

И. БЪЛЯЕВЪ.

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЪ.

VIII. Изъ балета *Два вора.*

Покойная ночь которую всѣ ложели Висленеву была неспокойна. Простясь съ сестрой и возвратясь въ свой кабинетъ, онъ залерся на ключъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ. Думы его летѣли одна за другою толпами, словно онъ куда-то неся и обгонялъ кого-то на ретивой тройкѣ, ему, очевидно, было сильно не по себѣ: его точилъ незримый червь, отъ котораго нельзя уйти какъ отъ самого себя.

— Весь я истормошился и изнемогъ, говорилъ онъ себѣ. — Здѣсь какъ будто легче немного, въ отцовскомъ домѣ, но надолго ли?... Надолго ли они не будутъ знать что я изъ себя сдѣлалъ?... Кто я и что я?... Надо, надо спастись! Дни ужасно быстро бѣгутъ, сбѣжали безвѣстно куда цѣлые годы, перевалило за полдень, а я еще не доигралъ ни одной игры.... Нѣтъ нужна рѣшимость.... квитъ или двойной кушъ!

Висленевъ нетерпѣливо сбросилъ лиджакъ и жилетку и уже

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 10.

хотѣлъ совсѣмъ раздѣваться, но вмѣсто того только завелъ руку за разстегнутый воротъ рубашки и до крови сжалъ себѣ ногтями кожу около сердца. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ ослабилъ руку, подошелъ въ раздумьи къ столу, взялъ перочинный ножикъ, открылъ его и приставилъ къ крышкѣ портфеля.

„Разъ, и все кончено и все объяснится,“ пробѣжало въ его умѣ.

— Но если тутъ дѣйствительно есть такія деньги? Если... Гордановъ не лгалъ, а говорилъ правду? Откуда онъ могъ взять такія цѣнныя бумаги? Это ложь.... Но однако какое же я имѣю право въ немъ сомнѣваться? Вѣдь во всѣхъ случаяхъ до сихъ поръ онъ меня выручалъ, а не я его.... И что же я выиграю оттого если удостовѣрюсь что онъ меня обманываетъ и хочетъ обмануть другихъ? Я ничего не выигрываю. А если онъ дѣйствительно владѣетъ вѣрнымъ средствомъ вылутаться самъ и меня вылутать, то я, обличивъ предъ нимъ свое невѣріе, послѣднимъ поклономъ всю обѣдню себѣ испорчу. Нѣтъ!

Онъ быстрымъ движеніемъ бросилъ далеко отъ себя ножъ, задулъ свѣчи и, распахнувъ окно въ садъ, свѣсился туда по грудь и сталъ вдыхать свѣжій ночной воздухъ.

Ночь была тихая и теплая, по небу шли грядками слоистыя облака и заслоняли луну. Дождь, не разошедшійся съ вечера, не расходился вовсе. На усыпанной лѣскомъ дорожкѣ противъ окна ларисиной комнаты лежали три полосы слабого свѣта, пробивавшагося сквозь опущенныя сторы.

„Сестра не спитъ еще“, подумалъ Висленевъ. „Бѣдняжка!... Славная она, кажется, дѣвушка.... Только никакого въ ней направленія нѣтъ.... А въ правду, чортъ возьми, и нужно ли женщинамъ направленіе? Правила, я думаю, нужныѣ. Это такъ и было: прежде цѣнили въ женщинахъ хорошія правила, а нынче направленіе.... Мнѣ, по правдѣ сказать, въ этомъ случаѣ старина гораздо больше нравится. *Правило*, это нѣчто твердое, вѣрное, само себя берегущее и само за себя отвѣтствующее, а направленіе.... это: день мой — вѣкъ мой. Это все колеблется, перемѣняется и мѣтается, и въ своихъ перебиваніяхъ и въ своихъ задачахъ. И что такое это наше направленіе?... Кто мы и что мы? Мы лѣземъ на мѣста, не пренебрегаемъ властью, хлопочемъ о деньгахъ и полагаемъ что когда заберемъ въ руки и деньги и власть, тогда сдѣлаемъ и „об-

щее дѣло“.... Но вѣдь это все вздоръ, все это лукавство, никакъ не болѣе, на самомъ же дѣлѣ теперь о себѣ хлопочетъ каждый.... Гордановъ служилъ въ Польшѣ, а развѣ онъ любить Россію? Онъ потомъ учредилъ кассу ссудъ на чужое имя, и дралъ и съ живаго и съ мертваго, говоря что это нужно для „общаго дѣла“, но развѣ какое-нибудь общее дѣло выдаде его деньги? Онъ давалъ мнѣ займы.... но развѣ мое нынѣшнее положеніе при немъ не то же самое что положеніе Нѣмца котораго Блондентъ носилъ за плечами, ходя по канату? Я долженъ сидѣть у него на закоркахъ, потому что я *долженъ*.... Прегадкій каламбуръ! Но мой Блондентъ рано или поздно полетитъ внизъ головой.... онъ не сдобруетъ, этотъ чудотворецъ, заживо творящій чудеса, и я съ нимъ вмѣстѣ сломаю себѣ шею.... Я это знаю, я это чувствую и предвижу. Здѣсь, въ родительскомъ домѣ, мнѣ это ясно до боли въ глазахъ.... Мнѣ словно кто-то шепчетъ здѣсь: „кинь, брось его и оглянись назадъ.... А назадъ?“

Ему въ это мгновеніе показалось что позади его кто-то дышитъ.

Висленевъ быстро восклонился отъ окна и глянулъ назадъ.

По полу, черезъ всю переднюю, лежала чуть замѣтная полоса слабаго свѣта и ползла чрезъ открытую дверь въ темный кабинетъ и здѣсь терялась во тьмѣ.

„Луна за облакомъ, откуда бы могъ быть этотъ свѣтъ?“ подумалъ Висленевъ, тихо вышелъ въ переднюю, и вздрогнулъ.

Высокій фасадъ большого дома занимаемаго семействомъ Синтянина былъ весь темень, но въ одномъ окнѣ стояла легкая, почти воздушная бѣлая фигура, съ лицомъ ярко освѣщеннымъ двумя свѣчами, которыя горѣли у ней въ обѣихъ рукахъ.

Это не была Александра Ивановна, это легкая, зѣурная, полудѣтская фигура въ бѣломъ, но не въ бѣломъ платьѣ обыкновеннаго покроя, а въ чемъ-то въ родѣ ряски монастырской бѣлицы. Стоящій воротничокъ обхватываетъ тонкую, слабую шейку, дѣтскій станъ словно повить леленой и широкіе рукава до локтей открываютъ тонкія руки, озаренныя трепетнымъ свѣтомъ горящихъ свѣчъ. Съ головы на плечи выются свѣтлыя русыя кудри, и два черные острые глаза глядятъ точно не видя, а уста шевелятся.

„И что она дѣлаетъ, стоя со свѣчами у окна?“ размышлялъ Висленевъ. „И главное, кто это такой: ребенокъ, женщина или

покажуй привидѣнье... духъ!... Какъ это смѣшно! Кто ты? Мой ангелъ ли спасительъ или темный демонъ искушитель? А вотъ и темно.... Какъ странно у нея погасъ огонь! Я не видѣлъ чтобъ она задула свѣчи, а она точно сама съ ними исчезла.... Что это за явленіе такое? Завтра первымъ дѣломъ спрошу что это за фея у нихъ мерцаетъ въ ночи? Не призываюсь ли я вправду къ покаянію? О, да, о, да, какая разница, еслибъ я пріѣхалъ сюда одинъ, именно для одной сестры, или теперь?... Мнѣ тяжело здѣсь съ демономъ на котораго я возложилъ мои надежды. Сколько разъ я думалъ придти сюда какъ блудный сынъ, покаяться и жить какъ все они, ихъ тихою, простою жизнью.... Нѣтъ, все не хочется смириться и надежда все лжетъ своимъ лепетомъ, да и нельзя: въ нашъ вѣкъ отсылаютъ къ самопомощи.... Самъ себѣ, говорятъ, помогай, то-есть что же, крадь что ли, если не за что взяться? Вотъ отъ этого и мошенниковъ стало очень много. Фу, Господи, откуда и зачѣмъ опять является въ окнѣ это бѣлое привидѣніе? Что это?... Обѣ руки накрестъ и свѣчи у ушей взмахнула.... Нѣтъ се... и холодъ возлѣ сердца.... Ну, однако мои нервы съ дороги воюютъ. Давно пора спать. Нечего думать о мистеріяхъ блуднаго сына, теперь ужъ настала пора ставить балетъ *Два вора*.... Что?... и онъ вдругъ вздрогнулъ при послѣднемъ словѣ и повторилъ въ умѣ „балетъ *Два вора*.“ „Ужасно!... А вонъ окно-то въ садъ открыто о сю пору.... Какая неосторожность! Садъ кончается неогороженнымъ обрывомъ надъ рѣкой.... Вору ничего почти не стоить забраться въ садъ и.... украсть портфель. Вслепивъ перешелъ назадъ въ свой кабинетъ и остановился. Такъ ничего невозможно сдѣлать съ такою нерѣшительностью....“ соображалъ онъ, „оттого мнѣ никогда и не удавалось быть честнымъ что я всегда хотѣлъ быть честнѣе чѣмъ слѣдуетъ, а всегда упускалъ хорошіе случаи, а за дрянные брался.... Гордановъ бы не раздумывалъ на моемъ мѣстѣ обревизовать этотъ портфель, тѣмъ болѣе что сюда въ окна, напимѣръ, очень легко могъ влѣзть воръ, взять изъ портфеля цѣнныя бумаги.... а портфель.... бросить разрѣзанный въ садъ.... Отчего я не могу этого сдѣлать? Низко?... Передъ кѣмъ? Кто можетъ это узнать?... Гораздо хуже я хотѣлъ звать слѣсаря. Слѣсарь свидѣтель.... Но самого себя стыдно. Сердце бьется! Но я вѣдь и не хочу ничего взять себѣ, это будетъ только хитрость, чтобы знать: есть у Горданова средства повести

какія-то блестяція дѣла, или все это вздоръ? Конечно, конечно: это простительно, даже это нравственно разоблачать такое темное мошенничество! Иначе никогда на волю не выберешься.... Гдѣ ножъ?... Куда я его бросилъ?“ шепталъ онъ, дрожа и блуждая взоромъ по темной комнатѣ. „Фу, какъ темно! Онъ, кажется, улялъ подъ кровать....“

Висленевъ началъ шарить влотьмахъ руками по полу, но ножа не было.

— Какая глупость! Гдѣ спички?

Онъ началъ осторожно шарить по столу, ища спичекъ, но и спичекъ тоже не было.

— Все не то, все попадается портфель.... Вотъ кажется и спички.... Нѣтъ!... Однакоже какая глупость.... съ кѣмъ это я говорю и дрожу.... Гдѣ же спички?... У сестры все такъ въ порядкѣ и нѣтъ спичекъ.... Чтѣ?... Съ какой стати я сказалъ: „у сестры“.... Да, это правда, я у сестры, и на столѣ нѣтъ спичекъ.... Это оттого что онѣ вѣрно у кровати.

Онъ, чуть касаясь ногами пола, пошелъ къ кровати: здѣсь было еще темнѣе. Опять надо было искать на ощупь, но Висленевъ, проводя руками по маленькому столику, вдругъ неожиданно свалился на полъ колокольчикъ, и съ этимъ быстро бросился обутый и въ панталонахъ въ постель, и закрылся съ головой одѣяломъ.

Его обливалъ потъ и въ то же время била лихорадка, въ головѣ все луталось и плясало, сдавалось что по комнатѣ кто-то тихо ходитъ, стараясь не разбудить его.

— Не лучше ли дать знать что я не крѣпко сплю и близко къ пробужденію? подумалъ Иосафъ Платоновичъ, и притворно вздохнулъ соннымъ вздохомъ, и потянувшись совлекъ съ головы одѣяло.

Въ жаркое лицо ему пахнула свѣжая струя, но въ комнатѣ было все тихо.

— Сестра притихла, или она вышла, подумалъ онъ и ворохнулся посмѣяше.

Конецъ слустившагося одѣяла задѣлъ за лежавшій на полу колокольчикъ, и тотъ, медленно дребезжа о края язычкомъ, покатился по-полу. Вотъ онъ описалъ полукругъ, и все стихло, и снова нигдѣ ни дыханья, ни звука, и только слышно Висленеву какъ крѣпко ударяетъ сердце въ его груди, онъ слегка разомкнулъ рѣсницы, и видитъ—темно.

— Да можетъ-быть сестра сюда вовсе и не входила, мо-

жетъ все это мнѣ только слышалось.... или можетъ-быть не слышалось.... а сюда входила не сестра.... а садъ кончается обрывомъ надъ рѣкой.... ограды нѣтъ, и воръ.... или онъ самъ могъ все украсть, чтобы послѣ обвинить меня и погубить!

Висленевъ быстро сорвался съ кровати, потянувъ за собою одѣяло, и кинувшись къ столу, судорожными руками нащупалъ портфель и палъ на него грудью.

Нѣсколько минутъ онъ только тяжело дышалъ и потомъ, медленно распрямляясь, всталъ, прижалъ портфель обѣими руками къ груди и высунувшись изъ окна, поглядѣвъ въ садъ.

Ночь темнѣла предъ разсвѣтомъ, а на пескѣ дорожки по-прежнему мерцали три полоски свѣта, проходящаго сквозь шторы италянскаго окна ларисиной спальни.

— Неужто это Лара до сихъ поръ не спитъ? А можетъ-быть у нея просто горитъ лампада. Пойти бы къ ней и попросить у нея спички? Чтѣ же такое? Да и вообще чего я пугаюсь! Вздоръ все это; гиль? Я не только долженъ удостоивряться, а я долженъ.... взять, да, взять, взять.... средство чтобы самому себѣ помогать.... Презираю себя, презираю другихъ, презираю то что меня могутъ презирать, но ужъ кончу же это все разомъ! Прежде всего разбуджу сестру и возьму спичекъ, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго? Нездоровится, неспится, а спичекъ не поставлено, или я не могу ихъ найти?

Висленевъ прокрался въ самый темный уголъ къ камину и поставилъ тамъ портфель за часы, а потомъ подошелъ къ запертой двери въ залъ, и осторожно повернулъ ключъ.

Замочная пружина громко щелкнула, и дверь въ залу отворилась.

Ну ужъ теперь надобно идти!

Онъ подошелъ къ дверямъ сестриной комнаты, но вдругъ слохватился и сталъ.

— Это никуда не годится, рѣшилъ онъ.—Зачѣмъ мнѣ огонь? Въ саду можетъ кто-нибудь быть, и ему все будетъ видно ко мнѣ въ окно чтѣ я дѣлаю! Теперь ночь, это правда, но самыя неожиданныя случайности часто выдавали самыя вѣрно разчитанныя предпріятія. Положимъ, я могу олустить штору, но все-таки будетъ извѣстно что я просылался, и что у меня былъ огонь.... тѣнь можетъ все выдать, надо бояться и тѣни.

Онъ сдѣлалъ два шага назадъ и остановился противъ балконаой двери.

— Не лучше ли отворить эту дверь? Это было бы прекрасно... Тогда могло бы все пасть на то что забыли запереть дверь, и ночью взошелъ воръ, но...

Онъ ужъ хотѣлъ повернуть ключъ, и остановился: олять пойдетъ это замочное щелканье, и потомъ... это неловко... могутъ пойти гадкіе толки, вредные для чести сестры...

Висленевъ отбѣнилъ это намѣреніе и тихо возвратился въ свой кабинетъ. Осторожно, какъ можно тише притворилъ онъ за собою дверь изъ залы, пробрался къ камину, на которомъ оставилъ портфель, и вдругъ чуть не свалилъ завѣтныхъ часовъ. Его даже облилъ холодный потъ, но онъ впотъмахъ не зная самъ какимъ чудеснымъ образомъ подхватилъ часы на лету, взялъ въ руки портфель и отдохнувъ минуту отъ волненія, началъ хладнокровно шарить руками, ища по-полу заброшеннаго ножа.

Хладнокровная работа оказалась далеко успѣшнѣе давишнихъ судорогъ, и ножикъ скоро очутился въ его рукахъ. Взявъ въ руки ножъ, Висленевъ почувствовалъ твердое и неодолимое спокойствіе. Сомнѣнія его сразу покинули, — о страхахъ не было и помину. Теперь ему никто и ничто не помѣшаетъ вскрыть портфель, узнать дѣйствительно ли тамъ лежатъ цѣнныя бумаги и потомъ свалить все это на воровъ. Размышлять больше не о чемъ, да и некогда, ножъ, крѣпко взятый рѣшительною рукой, глубоко вонзился въ слабую крышку портфеля но вдругъ Висленевъ вздрогнулъ, ножъ завизжалъ, вырвался изъ его рукъ, точно отнятый стороннею силой и упалъ куда-то далеко за окномъ, въ густую траву, а въ комнатѣ, среди глубочайшей ночной тишины, съ рычаньемъ раскатился оглушительный звонъ, трескъ, шилѣніе, свистъ и грохотъ.

Висленевъ схватился за косякъ окна и не дышалъ, а когда онъ пришелъ въ себя, предъ нимъ стояла со свѣчей въ рукахъ Лариса, въ ночномъ леньюарѣ и кругломъ фламандскомъ челуѣ на черныхъ кудряхъ.

— Что здѣсь такое, Joseph? спросила она голосомъ тихимъ и спокойнымъ, но наморщивъ лобъ, и острымъ взглядомъ окидывая комнату.

— А... Что такое?

— Зачѣмъ ты пустилъ эти часы! Они уже восемнадцать лѣтъ стояли на минутѣ батюшкиной смерти... а ты ихъ стронулъ

— Ну, да я испугался и самъ! заговорилъ оправляясь Вис-

деневъ. — Они подняли здѣсь такой содомъ что мертвый бы всталъ въ ужасъ.

— Ну да, это немудрено, у нихъ давно все перержавѣло, и разумеется, какъ колеса пошли, такъ и скатились всѣ до того завода. Тебѣ не надо было ихъ лускать.

— Да я и не лускалъ.

— Помилуй, кто же ихъ пустил? Они всегда стояли.

— Я тебѣ говорю что я ихъ не лускалъ.

— Ты вѣрно ихъ толкнулъ или покачнулъ неосторожно. Они стояли безъ четырехъ минутъ двѣнадцать, прошли нѣсколько минутъ и начали бить, пока сошелъ заводъ. Я сама не менѣе тебя встревожилась, хотя я еще и не ложилась спать.

— А я вѣдь, представь ты, спалъ и очень крѣпко спалъ, и вдругъ здѣсь этотъ шумъ и.... кто-то.... словно бросился въ окно.... я вспрыгнулъ и вижу.... портфель.... гдѣ онъ?

— Онъ вотъ у тебя у ногъ.

— Да вотъ.... и онъ нагнулся къ портфелю.

Лариса быстро отвернулась, и подойдя къ камину, на которомъ стояли часы, начала поправлять ихъ, а затѣмъ задула свѣчу, и переходя безъ огня въ переднюю, остановилась у того окна у котораго не задолго предъ тѣмъ стоялъ Висленевъ.

— Чего ты смотришь? спросилъ онъ выходя вслѣдъ за сестрой.

— Смотрю нѣтъ ли кого на дворѣ.

— Ну и что же: нѣтъ никого?

— Нѣтъ я вижу, кто-то прошелъ?

— Кто прошелъ? Кто?

— Это вѣрно жандармъ.

— Чтѣ? жандармъ! Зачѣмъ жандармъ? И Висленевъ подвинулся за сестрину спину.

— Здѣсь это часто.... Къ Ивану Демьяновичу делеша или бумага, и больше ничего.

— А, ну такъ будемъ спать!

Лариса не подала брату руки, но молча подставила ему лобъ, который былъ холоденъ какъ кусокъ свинца.

Висленевъ ушелъ къ себѣ, залерся со всѣхъ сторонъ и олу-ская штору въ окнѣ, подумалъ: „Ну, чортъ возьми совѣтить! Хорошо что это еще такъ кончилось! Конечно, тамъ мой возъ за окномъ.... Но впрочемъ кто же знаетъ чтѣ это мой.

ножь?... Да и если я не буду спать, то я на зарѣ пойду и отыщу его....

И съ этимъ онъ не замѣтилъ какъ уснулъ.

Лариса между тѣмъ, войдя въ свою комнату, снова залерлась на ключъ, и ставъ на срединѣ комнаты, окаменѣла.

— Боже! Боже мой! прошептала она, проходя черезъ нѣсколько времени въ себя,—да неужто же мои глаза... Неужто онъ!

И она покрылась яркою краской багроваго румянца и перешла изъ спальни въ столовую. Здѣсь она сѣла у окна и спрятавшись за косякомъ, рѣшила не спать пока настанетъ день и проснется Сивтянина.

Ждать приходилось не долго, на дворѣ уже замѣтно сѣрѣло, и у сосѣда Висленевыхъ, въ клеткѣ, на высококомъ шестѣ, перелетъ громко ударялъ свое утреннее „бакъ-ба-бакъ!“

IX. Дока на доку нашель.

Чтобъ идти далѣе, надо возвратиться назадъ, къ тому полудночному часу въ который Гордановъ уѣхалъ изъ дома Висленевыхъ къ себѣ въ гостиницу.

Мы знаемъ что, когда Павелъ Николаевичъ пріѣхалъ къ себѣ, было безъ четверти двѣнадцать часовъ. Онъ велѣлъ отпрягать лошадей и, проходя по корридору, кликнулъ своего новаго слугу.

— Ко мнѣ должны сейчасъ пріѣхать мои знакомые: дожидай ихъ внизу и встрѣть ихъ и приведи, велѣлъ онъ лакею.

— Понимаю-сь.

— Ничего ты не понимаешь, а иди и дожидайся. Подай мнѣ ключъ, я самъ взойду одинъ.

— Ключа у меня нѣтъ-сь, потому что тамъ, въ передней, васъ ожидаютъ съ письмомъ отъ Бодростиныхъ.

— Отъ Бодростиныхъ! изумился Гордановъ, который ожидалъ совсѣмъ не посланнаго.

— Точно такъ-сь.

— Давно?

— Минуты три не больше, я только проводилъ и шелъ сюда.

— Хорошо, все-таки жди внизу, приказалъ Гордановъ и побѣжалъ вверхъ, прыгая черезъ двѣ и три ступени.

— Человѣкъ съ письмомъ! думалъ онъ, это конечно, ей по-

глаголю что-нибудь очень серьезное. Чортъ бы побралъ всё эти препятствія въ такую пору, когда все больше чѣмъ когда-нибудь виситъ на волоскѣ.

Съ этимъ онъ подошелъ къ двери своего ложемента, ветерливо распахнулъ ее и остановился.

Корридоръ былъ освѣщенъ, но въ комнатахъ стояла непроглядная темень.

— Кто здѣсь? громко крикнулъ Гордановъ на порогѣ и мысленно ругнулъ слугу что въ номерѣ нѣтъ огня, но замѣтивъ въ эту минуту маленькую гаснущую точку только что задутой свѣчи, повторилъ гораздо тише:

— Кто здѣсь такой?

— Это я! отвѣчалъ ему изъ темноты тихій, но звучный голосъ.

Гордановъ быстро переступилъ порогъ и залеръ за собою дверь.

Въ это мгновеніе плеча его тихо коснулась мягкая, нѣжная рука. Онъ взялъ эту руку и повелъ того кому она принадлежала къ окну, въ которое слабо свѣтилъ снизу уличный фонарь.

— Ты здѣсь? воскликнулъ онъ, взглянувъ въ лицо таинственнаго посетителя.

— Какъ видишь... Одинъ ли ты, Павелъ?

— Одинъ, одинъ, и сейчасъ же совсѣмъ отошлю моего слугу.

— Пожалуста, скорѣй пошли его куда-нибудь далеко... Я такъ боюсь... вѣдь здѣсь не Петербургъ.

— О, перестань все знаю и самъ дрожу.

Онъ свѣсилъ въ окно и позвалъ своего человѣка по имени.

— Куда бы только его послать, откуда бы онъ не скоро воротился?

— Пошли его на извозникъ въ нашу оражерею купить цвѣтовъ. Онъ не успеетъ воротиться раньше утра.

Гордановъ ударилъ себя въ лобъ и воскликнувъ: „отлично!“ выбѣжалъ въ корридоръ. Здѣсь столкнувшись носъ съ носомъ съ своимъ человѣкомъ, онъ далъ ему двадцать рублей и строго приказалъ сейчасъ же ѣхать въ бодростинское подгородное имѣніе, купить тамъ у садовника букетъ цвѣтовъ какой возможно лучше и привезти его къ утру.

Слуга поклонился и исчезъ.

Гордановъ возвратился въ свой номеръ. Въ его гостиной теплилась стеариновая свѣча, слабый свѣтъ которой былъ

заслоненъ темнымъ силуэтомъ чловѣка, стоявшаго ко входу спиной.

— Ну вотъ мы и совсѣмъ одни съ тобой! заговорилъ Гордановъ, замкнувъ на ключъ дверь и направляясь къ силуэту. Фигура молча повернулась и начала нетерпѣливо разогреть вѣтъ напередѣ частыя пуговицы черной шинели.

Гордановъ быстро опустил занавѣсы на окнахъ, зажегъ свѣчи, и когда кончилъ, предъ нимъ стояла высокая, стройная женщина, съ подвитыми въ кружокъ темнорусыми волосами, большими свѣрыми глазами, свѣжимъ, пріятнымъ лицомъ, которому небольшой вздернутый носъ и полныя пунсовые губы придавали выраженіе очень смѣлое и въ то же время ликантное. Гостя Горданова была одѣта въ черной бархатной курткѣ, въ такіхъ же панталонахъ и высокихъ, черныхъ лакированныхъ сапогахъ. Бѣлую, довольно полную шею, ея обрамлялъ отглаженный воротничокъ мужской рубашки, застѣгнутой на груди бриллиантовыми застѣжками, а у ногъ ея на полу лежала, широкополая, свѣрая, мужская шляпа и шинель. Однимъ словомъ, это была сама Глафира Васильевна Бодростина, жена престарѣлаго губернскаго предводителя дворянства, Михаила Андреевича Бодростина, — та самая Бодростина, которую не разъ веломинали въ васленевскомъ саду.

Сбросивъ неуклюжую шинель, она стояла теперь лохлосывая себя тоненькимъ хлыстикомъ по сапогу и съ легкой тѣнью прони, глядя прямо въ лицо Горданову, спросила его:

— Хороша я, Павелъ Николаичъ?

— О да, о да! Ты всегда и во всемъ хороша! отвѣчалъ ей Гордановъ, лова и цѣлуя ея руки.

— А я тебѣ могу вѣдь, какъ Татьяна, сказать что, прежде лучше я была и васъ, Олѣгичъ, я любила.

— Тебѣ нѣтъ равной и теперь.

— А затѣмъ мнѣ знаешь что надобно дѣлать?... Попробуйся и уйти, сказавъ тебѣ прощайте, или... даже не скажешь тебѣ и этого.

— Но ты разумѣется такъ не поступишь, Глафира?

Она покачала головой и преговаривала:

— Ахъ Павелъ, Павелъ, какой ты тупой чловѣкъ!

— Брани меня какъ хочешь, но одного прошу: позволь мнѣ прежде все разказать тебѣ?...

— Зачѣмъ?... Ты только будешь лгать и сдѣлаешься жалокъ

мнѣ и гадокъ, а я совсѣмъ не желаю ни плакать о тебѣ, какъ было встарину, ни брезговать тобой, какъ было послѣ, отъѣхавъ съ гримасой Бодростина, и вынуть изъ бокового кармана своей курточки черепаховый портъ-сигаръ съ серебряною отдышкой, достала пахитоску и, отбросивъ ногой въ сторону кресло, прыгнула и полулегла на диванъ.

Гордановъ подвелъ ей лодъ локоть подушку. Бодростина приняла эту услугу безо всякой благодарности, и не глядя на него, сказала:

— Поддай мнѣ огня!

Глафира Васильевна зажгла пахитоску и откинулась на подушку.

— Что ты смѣешься? спросила она сухо.

— Я думаю: какой бы это былъ судъ, гдѣ женщины были бы судьями? Ты осуждаешь меня, не позволяя мнѣ даже объяснитьсь.

— Да; объяснитьсь,—это дѣлая мужская специальность, но она уже намъ надоела. Въ чемъ ты можешь объяснитьсь? Въ чемъ ты мнѣ не лезешь? Я знаю все, что говорится въ вашихъ объясненіяхъ. Вашъ мудрый полъ довольно глухъ: вы очень любите разнообразіе, но сами всѣ до утомительности однообразны.

Она подняла вверхъ руку съ дымящеюся пахитоской и продекламировала:

Что устоять противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ бездѣйствія и скуки,
И своеобразія мечты?

— Не такъ ли?

— Вовсе нѣтъ.

— О, тогда еще хуже!... Резоны, доводы, примѣры и пара фактовъ изъ подвиговъ какихъ-то дивныхъ, всепрощавшихъ женщинъ, для которыхъ ваша память служить синодикомъ, когда настаетъ покаянное время... все это скучно, и ненужно, Павелъ Николаичъ.

— Да, ты позволяй же говорить! Быть-можетъ я и самъ хочу говорить съ тобой совсѣмъ не о чувствахъ, а...

— О принципахъ... Ахъ, пощади и себя, и меня отъ этого шарлатанства! Оставимъ это допашивать нашимъ горнич-

кымъ и лакеямъ. Я пришла къ тебѣ совсѣмъ не для того чтобъ укорять тебя въ измѣнахъ: я не изъ тѣхъ которыя рыдаютъ отъ отставокъ, ты мнѣ чужой...

— Позволь тебѣ невозможно не повѣрять?

Бодростина такъ сильно перегнула голову, и взглянувъ черезъ плечо, сказала серьезно:

— А ты еще до сихъ поръ въ этомъ сомнѣвался.

— Признаюсь тебѣ и кляче сомнѣваюсь.

— Скажите, Бога ради! А я думала всегда что ты гораздо умнѣе! Пожалуста же впередъ не сомнѣвайся. Возьми-ка вотъ и логаги мою пахитоску, чтобъ она не дымила, и перестанемъ говорить о томъ о чемъ уже давно пора позабыть.

Гордановъ замаялъ пахитоску.

Въ то время какъ онъ былъ занятъ такою работою, Бодростина перестыла въ уголъ дивана, и сложивъ на груди руки, начала спокойнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Если ты думалъ что я тебя выписывала сюда по сердечнымъ дѣламъ, то ты очень ошибался. Я, снесъ ашѣ, стара для этихъ дѣлъ—мнѣ скоро двадцать восемь лѣтъ, да и потому, еслибъ ужъ дурачій полуталъ, то какъ бы либудь и безъ васъ обошлась.

Бодростина завела руку за голову Горданова и поставила ему съ затылка пальцами рожки.

Гордановъ увидалъ это въ зеркало, засмѣялся, лобызалъ руку Глафиры Васильевны и поцѣловалъ ея пальцы.

— Ты похожъ на мальчишку котораго высѣкутъ и потомъ еще велеть ему цѣловать розгу, но оставь мою руку и слушай. Благодарю тебя что ты прѣйхалъ по моему письму: у меня есть за тобою долгъ, и мнѣ теперь понадобился платежъ....

Гордановъ сконфузился.

— Чтѣ, видишь кака я презрѣнная проза насъ сводить!

— Истинно презрѣнная, потому что я... голъ, какъ турецкій святой, съ тою разницей что даже лишемъ силы чудотворенія.

— Ты совсѣмъ не о томъ говоришь, возразила Бодростина:—я очень хорошо знаю что ты всегда голъ какъ африканская собака, у которой предъ тобой есть ливныя прешумства въ ея вѣрности, но мнѣ твоего денежнаго платежа и не нужно. Вотъ, на тебѣ еще!

Она вынула съ этикъ изъ-за жилета паучку новыхъ сторублѣвыхъ ассигнацій и бросила ихъ на столъ.

— Не я же виноватъ этого, Глафира!

— Возьмешь, потому что это нужно для моего дѣла, которое ты долженъ сдѣлать, потому что я на одного тебя могу положиться. Ты долженъ мнѣ заплатить одинъ несущественный долгъ.

— Скажи яснѣе какой? Ихъ множество.

— Перечти всѣ важнѣйшіе случаи въ нашихъ съ тобой столкновѣніяхъ. Начиная навадь тому семь лѣтъ, ты, молодой студентъ, вошелъ „въ хижину бѣдную, Богомъ краиную“, въ качествѣ учителя двѣнадцати-лѣтняго мальчика, и встрѣтивъ въ той хижинѣ, „за Невой широкою, дѣву свѣтлоую“, ты занялся развитіемъ острѣе болѣе чѣмъ уроками брата. Кончилось все это тѣмъ что „дѣва“ увлеклась лѣтнательною сладостію твоихъ обманчивыхъ рѣчей и положившись на твои сладкія приманки въ аллюминіевыхъ чертогахъ свободы и счастья, въ трудѣ съ беранжеровскими шансонетками, бросила отца и мать и пошла жить съ тобою „на разумныхъ началкахъ“, гдѣ-же котормыхъ ничего невозможно предоставить. Безосмысленная дура эта была я. Подтверди это.

— Чтѣ жъ тутъ подтверждать! Собственное сознаніе лучше свидѣтельства чужаго свѣта.

— Какая у тебя холодная натура, Гердамовъ! Я еще до сихъ поръ не отыкала стыдиться что ты когда-то для меня нѣчто значилъ. Но я все-таки дорисую тебѣ вашей честности портретъ. Я тебѣ скоро надобла, потому что вамъ всякій надобласть кому надобно вѣтъ. Вы всѣ, господа, очень опрометчиво поступали, сказавъ жещанамъ жить только плотью и не гнривать въ душу: вамъ гораздо слодрунѣе была бы безплотныя; но я къ сожалѣнію была не безплотная и доказала вамъ это живымъ существомъ, котораго вы „во имя принципа“ сдлали въ Воспитательный домъ. Потомъ вы... хотѣли спустить меня съ рукъ, обративъ меня въ карту для игры съ передаточнымъ вѣстомъ. „Такія дескать у насъ правила игры“, но я вамъ повинула на ваши „правила игры“ и стала казаться опасною.... Вы боялись чтобъ я съ дуру не ловѣсилась, и положили слодравить меня къ отцу и къ матери: „вотъ дескать ваша дочка! Не говорите что мы разбойники и воры, мы ее совсѣмъ не украли, а поводили, поводили, да и навадь привели.“ Но я и на такіе курбеты была неспособна: сидѣть съ вашими

стриженными, грязношеими барышнями и слушать ихъ безконечныя сказки „про бѣлаго бычка“, да склонять отъ бездѣля слово „трудъ“, мнѣ внакучило; ходить по вашимъ газетнымъ редакціямъ и не выручать тяжелой работой на башмаки, я считала глупымъ, и въ томъ не каюсь... Конечно было средство женить на себѣ принципиалаго дурака, сказать что я стѣснена въ своей свободѣ и потребовать чтобы на мнѣ женился кто-нибудь „изъ принципа“, въ родѣ Висленева... но мнѣ всё „принципальное“ послѣ васъ омерзѣло... Тогда рѣшились полпрактиковать на мнѣ еще одинъ принципъ: пустить меня какъ красивую женщину на поиски и привлеченье къ вамъ богатыхъ людей... и я, ко всеобщему вашему удивленію, на это согласилась, но вы, тогдашніе міровые дѣятели, были всё столько глупы что, вознамѣрясь употребить меня вѣсто червя на удочку для приманки богатыхъ людей, нужныхъ вамъ для великаго „общаго дѣла“, не знали даже гдѣ водятся эти золотые караси и гдѣ ихъ можно удить... На ваше счастье отыскался какой-то павъ Холявскій, или павъ Молявскій: онъ пренюхалъ что есть миллионеръ, помѣщикъ трехъ губерній, заводчикъ и фабрикантъ и предводитель благороднаго дворянства, Бодростина, который бы желалъ имѣть красивую лектрису. Мѣсто это тонкость пана Холявскаго и ваше великодушіе и принципъ приспособили мнѣ, обусловивъ дѣло тѣмъ что половина изъ всего что за меня будетъ выручено должна поступить на „общее дѣло“, а другая половина на „павское дѣло“. Вы это помните?

— Конечно.

— И помните какъ я жестоко обманула васъ, и ихъ, и „общее дѣло“? Ха-ха-ха!... Послушай, Павелъ Николаевичъ! Ты давеча хотѣлъ цапать мои руки: изволь же ихъ, я позволю тебѣ, цапай ихъ, цапай, онъ надѣли на васъ такіе дурацкіе колѣнки съ ослиными ушами, это стоить благодарности.

Бодростина опять раскохоталась.

— Какъ весело! Гордановъ.

— Ахъ, когда бы ты вправду зналъ какъ это весело надуть бездѣльниковъ и негодяевъ! Ха-ха-ха!... Ой!... Подайте мнѣ пожалуйста воды, а то со мною сдѣлается истерика отъ смѣху.

Гордановъ всталъ, подавъ воды, и сидя въ креслѣ, нагнулся лицомъ къ колѣнамъ. Бодростина жадно глотила воду и все

продолжала смѣяться, глядя на Горданова чрезъ край стакана.

— Возьми прочь, наконецъ выговорила она сквозь смѣхъ, опуская на полъ недопитый стаканъ, и въ то время какъ Гордановъ нагнулся чтобы поднять этотъ стаканъ, она полусуштя, полусерьезно, ударила его по спинѣ своимъ хлыстомъ.

Павель Николаевичъ вспрыгнулъ и лобѣдвѣлъ. Бодростина еще дерзче захохотала.

— Это очень неприятная шутка: отъ нея больно!— весь трясась отъ злобы, сказалъ Гордановъ.

Бодростина въ одно мгновеніе эластическимъ тигромъ соскочила съ дивана и стала на ноги.

— А-а, заговорила она съ презрительною улыбкой.— Вамъ больна эта шутка съ хлыстомъ, тогда какъ вы меня всю искалѣчили... въ лектрисы: пристраивали... и я не жаловалась, не кричала „больно“. Нѣтъ, я васъ слушала, я васъ терпѣла, потому что знала что повѣсившись, надо мотаться, а оторвавшись кататься: мнѣ оставалась одна надежда, мой царь въ головѣ, и я васъ осмѣяла... Я пошла въ лектрисы потому... что знала, что не могу быть лектрисой! Я знала что я хороша, я лучше васъ знала что красота есть сила, которой не чувствовали только ваши тогдашніе косматые уроды... Я пошла, но я не замала той роли которую вы мнѣ подстроили, а я позаботилась о самой себѣ, о своемъ собственномъ дѣлѣ, и вотъ я стала „ея превосходительство Графира Васильевна Бодростина“, дѣлающая неслыханную честь своимъ посвященіемъ перелетной птицѣ, гослюдину Горданову, аферисту, который поздно слохватился, но жадно гонится за деньгами и играетъ телерь на своей и чужой головкѣ. Но вы такой мнѣ и нужны.

— Я готовъ служить вамъ чѣмъ могу.

— Вѣрю: я всегда знала что у васъ есть свой point d'honneur, своя „калоржная совѣсть.“

— Я сдѣлаю все что могу.

— Женитесь для меня на старухѣ!

— Вы шутите?

— Ни мало.

— Я не могу этого принимать иначе какъ въ шутку.

— Да, вы правы, я не хочу васъ мучить: мнѣ не надо чтобы вы женились на старухѣ. Я фокусовъ не люблю. Нѣтъ, воть въ чемъ дѣло...

— Который разъ ты это начинаешь?

Бодростина вмѣсто отвѣта щелкнула себя своимъ хлыстомъ по ногѣ и потомъ, поднявъ этотъ тонкій хлыстъ за оба конца двумя пальцами каждой руки, протянула его между своими глазами и глазами Горданова въ ливню и проговорила:

— Старикъ мой очень зажился!

Гордановъ отступилъ шагъ назадъ.

Глафира Васильевна медленно опустила хлысть къ своимъ колѣнамъ, медленно сдѣлала два шага впередъ къ собесѣднику, и мѣряя его холоднымъ провидающимъ взглядомъ, спросила:

— Вы, кажется, изумлены?

Въ глазахъ у Бодростиной блеснула тревога, но она тотчасъ же овладѣла съ собой, и оглянувшись въ сторону гдѣ стояло трюмо, спросила съ улыбкой:

— Чего вы испугались, не своего ли собственнаго отраженія?

— Да; но оно очень преувеличено, отвѣчалъ Гордановъ.

— Вы очень впечатлительны и нервны, Поль.

— Нѣтъ; я впечатлительнѣе, но я не нервнѣе.

Съ этими словами, онъ взялъ руку Бодростиной и добавилъ:

— Моя рука тепла и суха, а твоя влажна и холодна.

— Да, я нервна, и если у тебя есть стаканъ шампанскаго, то я охотно бы его выпила. Не будемъ ли мы спокойнѣе говорить за виномъ?

— Вино готово, отвѣчалъ, уходя въ переднюю, Гордановъ, и черезъ минуту вынесъ оттуда бутылку и два стакана.

X. Въ органѣ перемѣнили валь.

— Чокнемся! сказала Бодростина, и ударивъ свой стаканъ о стаканъ Горданова, выпила залпомъ болѣе половины и поставила на столъ.

— Теперь садись со мной рядомъ, проговорила она, указывая ему на кресло.— Видишь въ чемъ дѣло: весь мѣръ, то-есть всѣ тѣ которые меня знаютъ, думаютъ что я богата: не правда ли?

— Конечно.

— Ну да! А это ложь. На самомъ дѣлѣ я такъ же богата какъ церковная мышь. Это могло быть иначе, но ты это разстро-

ми, и вотъ это и есть твой долгъ, который ты долженъ мнѣ заплатить, и тогда будетъ мнѣ хорошо, а тебѣ въ особенности... Надѣюсь что могу съ вами говорить, не боясь васъ встревожить?

Гордановъ кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Я тебѣ откровенно скажу, я никогда не думала тамуть эту исторію такъ долго.

Бодростина осталовилась, Гордановъ молчалъ. Оба они понимали что подходить къ очень серьезному дѣлу и очень зорко слѣдили другъ за другомъ.

— Выйдя замужъ за Михаила Андреевича, продолжала Бодростина, — я ладилась на первыхъ же порахъ, черезъ годъ или два, быть чѣмъ-нибудь обезлеченною на столько чтобы покончить мою муку, уѣхать куда-нибудь и жить какъ я хочу... и я во всемъ этомъ непремѣнно бы успѣла, но я еще была глупа, и несмотря на всѣ продѣланныя со мною штуки, вврала въ любовь... хотѣла жить не для себя... а тогда еще слишкомъ интересовалась тобой... я цѣкала тебя вездѣ и повсюду: мой мужъ съ перваго же дня нашей свадьбы былъ въ положеніи молодого кеза, у котораго жетеса лобъ, и лобъ у него жетеса не даромъ: я тебя отыскала. Ты былъ нестыль. Ты ввревновалъ меня къ мужу. Это было съ твоей стороны чрезвычайно пошло, потому что долженъ же ты былъ помнить что я не могла же не быть женой своего мужа, съ которымъ я только что обвѣнчалась; но... я была еще глупше тебя: мнѣ это казалось увлекательнымъ... я любила видѣть какъ ты меня ревнуешь, какъ ты, славши съ себя голову, млачешь по своимъ волосамъ. Что дѣлать? Я была женщина: ваша школа не могла меня вышколить какъ собачку, и это меня погубило; взбѣшенный ревностью, ты оскорбилъ моего мужа, который предъ тобой ни въ чемъ не виноватъ, который старше тебя на полстолѣтія и который даже старался и умѣлъ быть тебѣ полезнымъ. Но все еще и не въ этомъ дѣло: но ты выдалъ меня, Павелъ Николаичъ, и выдалъ головой съ доказательствами продолженія вашихъ тайныхъ свиданій послѣ моего замужества. Глупая кузина моя, эта злая и пошлая Алина, которую ты во имя „принципа“ женской свободы съ такимъ мастерствомъ женилъ на дурачкѣ Виселевѣ, по совету вашихъ дуръ, вообразила что я глупа какъ всѣ онѣ и измѣнила имъ... выдала ихъ!.. Кого? Кому и въ чемъ могла я выдать? Я могла вы-

дать только одно что она дура, но это и безъ того вѣдомо; а она, благодаря тебѣ, выдала мою тайну—прислала мужу мое собственноручныя письма къ тебѣ, противъ которыхъ мнѣ, разумѣется, говорить было нечего, а осталось или гордо удалиться, или... смириться и взяться за невѣстнающее женское орудіе — за слезы и моленія. Обстоятельства уничтожили меня въ конецъ, а у меня ужъ слишкомъ много было проставлено на одну карту чтобы принять ее съ кона, и я не постояла за свою гордость: я приносила раскаяніе, я плакала, я молила... и я, проклиная тебя, была уже не женой, а одалиской для человѣка котораго не могла терпѣть. Вѣдь этимъ я обязана тебѣ!

Бодростина хлебнула глотокъ вина и замолчала.

— Но, Глафира, вѣдь я же во всемъ этомъ не виноватъ! оказалъ смущенный Гордановъ.

— Нѣтъ, ты виноватъ; мушкетера который не умѣетъ сберечь тайны ввѣрившейся ему женщины всегда виноватъ и не имѣетъ оправданій.

— У меня украли твои письма.

— Это все равно, зачѣмъ ты душно ихъ берегъ? но все это уже относится къ архивной тани прошлаго, печально то лишь что все что было такъ легко холодной и нелюбящей женой, то оказалось невозможнымъ для самой страстной одалиски: фонды мои стоятъ плохо и мнѣ грозитъ бѣда.

— Какая?

— Большая и неожиданная! Человѣкъ, когда слишкомъ заживется на свѣтѣ, становится глухъ....

— Я слушаю, промолвилъ глухо Гордановъ.

— Мой мужъ, въ его семьдесятъ четыре года, сталъ легкомыслемъ какъ ребенокъ... онъ сталъ страшно самоуверенъ, онъ кидается во все стороны, рискуетъ, аферируетъ, не слушаетъ никого и слушаетъ всѣхъ.... Бго окружаютъ разные люди, изъ которыхъ, положимъ, нѣкоторые мнѣ преданы, но у другихъ я преданности себѣ найти не могу.

— Почему?

— Потому что для нихъ выгоднѣе быть мнѣ не преданными, таковы здѣсь Роллинъ и Кюлеветинъ.

— Что это за птицы? спросилъ Гордановъ, поправивъ назадъ рукава: это была его привычка когда онъ терялъ спокойствіе.

Отъ Бодростиной неукрываемъ это движеніе.

— Ролшинъ... это блѣкурый Чухомецъ, юноша добраго сердца и небольшой головы, онъ служилъ у моего мужа секретаремъ и находится у всѣхъ благотворительныхъ дамъ въ аманжкахъ.

— И у тебя?

— Быть-можетъ; а Кюлевейцъ, это... кавалеристъ, родной шеманникъ моего мужа,—ораторъ, агрономъ и мотъ, приѣхавшій сюда подсаживать дядюшкину кончину; и вотъ тебѣ мое положеніе, или я все могу потерять такъ, или я все могу потерять иначе.

— Это въ томъ случаѣ если твой мужъ захвѣется, проговорилъ Гордавовъ, рассматривая внимательно пробку.

Бодростина отвѣчала ему пристальнымъ взглядомъ и молчаливѣе.

— Да, рѣшилъ онъ черезъ минуту, — ты должна получить все... все что должно по закону и все что можно въ обходъ закону. Тутъ надо дѣйствовать.

— Ты сюда и призванъ совсѣмъ не для того чтобы слать или развивать въ висленевской Геосиманіи твои примарительныя теоріи.

Гордавовъ удивился.

— Ты почему это знаешь что я тамъ былъ? спросилъ онъ.

— Господи! какое удивленіе!

— Тебя тамъ тоже ждали, но я конечно зналъ что ты не будешь.

— Еще бы! Ты лучше расскажи-ка мнѣ теперь на чемъ ты самъ здѣсь думаешь зацѣлиться? Я что-то слышала: ты мужикомъ землю что-ли какую-то подарилъ?

— Какое тамъ „какую-то“? Я просто подарилъ имъ весь надѣлъ.

— Плохо.

— Плохо, да не очень: я за это былъ на виду, обо мнѣ говорили, писали, а имѣлъ нѣсто...

— Имѣлъ и средства?

— Да, имѣлъ.

— И все потерялъ.

— Что жь повторять напрасно.

— И въ Петербургѣ тебѣ было пришлоли хвостикъ-на хвостикъ?

Гордавовъ покраснѣлъ и заставивъ себя улыбнуться черезъ силу, отвѣчалъ:

— Почему это тебѣ все извѣстно?

— Ахъ, Боже мой, какая непоследовательность! часъ тому назадъ ты сомнѣвался въ томъ что ты мнѣ чужой, а теперь ужъ удивляешься что ты мнѣ дорогъ и что я тобой интересуюсь!

— Интересуешься какъ оберъ-полицеймейстеръ.

— Почему же не какъ любящая женщина.... по старой привычкѣ?

Она окинула его двусмысленнымъ взглядомъ и произнесла другимъ тономъ:

— Вы, Павелъ Николаевичъ, просто странны.

Гордановъ расмѣлся, всталъ, и заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ жилетные карманы, прошелъ два раза лю комнату.

Бодростина, не трогаясь съ мѣста, продолжала распрѣсь.

— Ты что же, вѣрно хотѣлъ поразгнѣваться съ мужиками?

— Да ваять себя беречь....

— И построить заводъ?

— Да.

— На что же строить, на какія средства?... Ахъ да: Лариса заложить для брата домъ?

— Я никогда объ этомъ не думалъ, отвѣчалъ Гордановъ.

Бодростина ударила его шута пальцемъ по губамъ и продолжала:

— Это все что-то старо: застроить, не достроить, застраховать, заложить, сжечь и взять страховыя.... Я не люблю такихъ стереотипныхъ ходовъ.

— Покажи другіе, мы поучимся.

— Да, надо поучиться. Ты началъ хорошо: квартира эта у тебя для прѣзвѣжаго хороша, одобрила она, оглянувъ комнату.

— Лучшей не было.

— Ну да; я знаю. Это по здѣшнему считается хорошо. Экипажъ, лошадей, прислугу.... все это чтобы было.... Необходимо чтобы твое положеніе было на эффектъ, покаиваешь ты: это мнѣ нужно! Планъ мой таковъ что.... общаго плана нѣтъ. Въ общемъ планъ только одно: что мы оба съ тобой хотимъ быть богаты. Не правда ли?

— Молчу, отвѣчалъ улыбаясь Гордановъ.

— Молчишь, но очень дурное думаешь. Она прищурила глаза, и послѣ минутной паузы положила свои руки на плечи Горданову и прошептала: ты очень ошибся, я вовсе не хочу никого посылать персидскимъ порошкомъ.

— Чего же ты хочешь?

— Прежде всего здѣсь отаръ и младъ должны быть увѣрены что ты богатъ и дѣлецъ, что твоя деревнишка... это такъ, одна кроха съ твоей тралезы.

— Твоими устами пить бы медъ.

— Потомъ.... потомъ мнѣ нужно полное съ твоей стороны невниманіе.

Гордановъ беззвучно засмѣялся.

— Потомъ? спросилъ онъ,—что жь далѣе?

— Потомъ: улаживай, конечно, не за первую встрѣчною и поперечною,—ладучихъ взглядъ здѣсь много, какъ звездъ, но ихъ надеяья ничего не стоить: ихъ латна на пестромъ незамѣтны,—одинъ бѣлый цвѣтъ марокъ,—ударъ за Дарой,—она красавица, и будь я мушкетеръ, я бы сама ее въ себя влюбилъ.

— Потомъ?

— Потомъ конечно соблазни ее, а если не ее—Синтляину, или обидишь вѣрствъ,—это еще лучше. Вотъ ты тогда здѣсь на расхватъ!

— Да ты напрасно мнѣ объ этомъ и говоришь, мной здѣсь можетъ быть никто и не захочетъ интересоваться!

— О, успокойся, будутъ! У тебя слиткомъ дрянная репутація чтобы тобой не интересовались!

— Какъ это пріятно слышать! Не кому же извѣстна моя репутація?

— Моему мужу. Онъ сначала будетъ вредить тебѣ, а потомъ, когда увидитъ что мы съ тобой враги, онъ отаветь тебя защищать, а ты опровергнешь все своимъ прекраснымъ образомъ мыслей; и въ тебя начнутъ влюбляться.

— Ну вотъ ужь и влюбляться.

— Когда же въ провинціи не влюблялись въ новаго чело-вѣка? Встарь это счастье доставалось переходимъ гусарамъ, а теперь... пока еще влюбляются въ новаторовъ, ну и ты будешь новаторъ.

— Я что же за новаторъ?

— Ты? а развѣ ты уже отменилъ свое рѣшеніе приклады-вать къ практикѣ теорію Дарвина?

Гордановъ щипалъ усь и молчалъ.

— Глотай другихъ, или иначе тебя самого проглотятъ дру-гіе—выводъ кажется вѣрный, произнесла Бодростина,— и ты его когда-то очень отстаивалъ.

— Я и теперь на немъ стою.

— А: во время оно, когда я только вышла замужъ, Михаилъ Андреичъ завѣщалъ все состояніе мнѣ, и завѣщаніе это...

— Цѣло?

— Да; но только надо чтобъ оно было послѣднее, чтобъ послѣ него не могло быть никакого другаго.

Гордановъ чувствовалъ что руки Бодростиной, лежавшія на его плечахъ, стыли, а на его вѣкахъ какъ бы что тяготѣло и гнало ихъ книзу.

Вышла минута тягостнѣйшаго раздумья: обѣ фигуры стояли какъ окаменѣвшія другъ противъ друга, и наконецъ Гордановъ съ усміемъ приподнял глаза и прошепталъ: „да!“

Бодростина опустила свои руки съ его плечъ и взявъ его за кисти, сжала ихъ и спросила его шопотомъ: „союзъ?“

— На жизнь и на смерть, отвѣчалъ Гордановъ.

— На смерть.... и.... потомъ.... на жизнь, поѣхала она, и встрѣтивъ взглядъ Павла Николаевича, отодвинула его отъ себя подалѣе рукой и сказала:

— Я совѣтую тебѣ погасить свѣчи. Съ уащры могутъ замѣтить что у тебя свѣтлосць до зари, и пойдетъ тысяча заключеній, изъ которыхъ невѣроятнѣе можетъ повести къ подозрѣнію что ты разбиралъ и просушривалъ фальшивыя ассигнаціи. Погаси огонь и стѣрой окно. Я вижу уже брезжить зря, мнѣ пора брать свою ливрею и идти домой; сейчасъ можетъ вернуться твой посоль за цвѣтами. Я ухожу отъ цвѣтовъ къ терніямъ жизни.

Она подошла къ окну, которое раскрылъ Гордановъ, погасивъ сперва свѣчи, и заговорила:

— Вонъ видишь ты тотъ бельведеръ надъ домомъ, вправо, на горѣ? То наше домъ; а въ этомъ бельведерѣ, въ фонарѣ, моя бібліотека и мой пріютъ. Оттуда я тебѣ черезъ нѣскольکو часовъ дамъ знать вѣрны ли мои подозрѣнія на счетъ завѣщанія въ пользу Кюлевейна.... и если они вѣрны.... то.... этой бѣлой занавѣсы, которая паруситъ въ открытомъ окнѣ, тамъ не будетъ завтра утромъ, и ты тогда.... поймешь что дѣло наше скверно, что мнѣ наступаетъ рѣшительный.

Съ этимъ она сжала руку Горданова, и вставъ со стула своимъ шнелемъ, начала одѣваться. Гордановъ хотѣлъ ей помочь, но она его устранила.

— Я вовсе не желаю, сказала она, — чтобъ ты меня разсматривалъ въ этомъ уродствѣ.

— Ты, Душенька, во всѣхъ нарядахъ хороша.

— Только не въ траурной ливреѣ, а впрочемъ, мнѣ это очень пріятно что ты такъ весель и шутишь.

— Мнѣшай дѣло съ бездѣльемъ: съ ума не сойдешь.

— И прекрасно, продолжала она, застегивая частыя петли шинели.— Держись же хорошенько; и если ты не сбѣгаешь ошиба, то ты будешь владѣть моимъ мужемъ, вполнѣ, а потомъ.... обстоятельства покажутъ что дѣлать. Вообще заставь только чтобъ отъ тебя здѣсь приходили въ восторгъ, въ восхищеніе, въ ужасъ, и когда вода будетъ возмущена....

— Но ты съ ума сошла!... Твой мужъ меня не приметъ!

— О, разумѣется не приметъ!... если ты самъ къ нему прийдешь, но если онъ тебя позоветъ, тогда, надѣюсь, будетъ другое дѣло. Пришли ко мнѣ пожалуйста Висленева.... его я могу принимать, и заставаю его быть трубой твоей славы.

— Но этотъ шутъ тебя чуждается.

— А пусть онъ разъ придетъ, и тогда онъ больше не будетъ меня чуждаться. Только ужъ вы, Павелъ, пожалуйста не ведите регистра моимъ прегрѣшеніямъ,—намъ теперь совсѣмъ не до этого вздора.... Висленевъ будетъ нашъ козелъ, на котораго мы сложимъ наши грѣхи.

— Это очень умно, но ты только должна знать что онъ вѣдь ораторъ и у него правая лапа ума саишкомъ заходитъ за лѣвую. Онъ все будетъ лгаться и не распахнется.

— Не бойся, онъ распахнется, такъ что его послѣ и не застегнешь.

— Но я тебѣ хочу сказать что на немъ ужасно трудно что-нибудь сыграть.

— Ну, есть мастера которые даютъ концерты и на фаготѣ.

— Но зачѣмъ именно онъ тебѣ нуженъ, онъ, ничтожный мальчишка?

— А видишь, Поль, когда взрослый человѣкъ хочетъ достать плодъ, онъ всегда посылаетъ мальчика трясти дерево.

— Смотри сама: съ нимъ даже и кокетство нужно совершенно особаго рода.

— Милый другъ, не рѣжь лѣву мясъ, ему на это природа зубы дала.

— Беру мои слова назадъ.

— А я иду впередъ. Прощай!... Ахъ, да! завтра же сбѣгай визитъ губернаторшѣ, и на дняхъ же найдемъ случай пожертвовать двѣ тысячи рублей въ пользу ея дѣтскихъ приютовъ. Это первая взятка которую ты кинешь обществу

впередъ за нужную тебѣ индульгенцію. Денъги будутъ, не жалѣй ихъ,—за все Испанія заплатитъ.... Видѣться мы съ тобою не будемъ пока прѣдетъ мой мужъ: рисковать изъ-за свиданій непростительно. Висленовъ же долженъ быть у меня до тѣхъ поръ, и чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше. Да, вотъ еще что: въ новомъ мѣстѣ людей трудно узнать скоро, какъ ты ни будь уменъ, и потому я должна дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ. Ты сразу попалъ на самыхъ нужныхъ намъ людей.

— Я ихъ всѣхъ разглядѣлъ.

— Смотри,—она стала загибать одинъ по одному пальцы на лѣвой рукѣ,—генералъ Сивтянинъ предатель, но его опасаться особенно нечего; жена его—это женщина умная и характера стального; майоръ Форовъ—честность и жена его тоже; но майора надо беречься; онъ бываетъ дурачки прямъ и болтливъ; Лариса Висленева.... я уже сказала что еслибъ я была мужчиною, то я въ нее бы только и влюбилась; затѣмъ Подозеровъ....

— Ну, это....

Гордавовъ махнулъ рукой.

— Что „это?“ сощуривъ глаза, передразнила его Бодростина.—Нѣтъ, это такое „это“, что мой тебѣ совѣтъ, приказъ и просьба—имъ не манкировать.

— Да что имъ не манкировать? Это какой-то испанскій дворянинъ донъ-Сезаръ де-Базаръ.

— Да, да, ты вѣрно его опредѣляешь, но эти господа испанскіе дворяне самый опасный народъ: у нихъ есть дырявые плащи, въ которыхъ имъ все ни по чемъ, ни холодъ, ни голодъ. А ты съ ними, я знаю, непремѣнно столкнешься, тѣмъ болѣе что онъ влюбленъ въ Ларису.

— Да, я это замѣтилъ: она ему печоночку изъ сула выбирала; но не знаю я что онъ у васъ здѣсь значитъ, а у насъ въ университетѣ его не любили и прѣблагополучно сорвали ему головушку.

— Все это ничего не значитъ, его и здѣсь не любятъ; но этотъ человекъ заковалъ себя крѣпкою броней.... А Лора, ты говоришь, ему выбирала печоночку?

— Да, выбирала; но скажи пожалуйста что же онъ сталъ что ли хитръ послѣ житейскихъ трелокъ?

— Ни мало: онъ даже безтактенъ и неостороженъ, но онъ ничѣмъ для себя не дорожитъ, а такіе люди опаснѣй всѣхъ. Помни это, и еще разъ прощай.... А ты тонокъ!

— Въ чемъ ты это видишь?

— Даже печюночки не просмотрѣлъ и по ней выслѣдилъ!

— М-да! телерь все дѣло въ печеняхъ сидитъ, а впрочемъ а замѣчаю что и тебя эта печюнка интересуетъ? Не разболитъ сердцемъ: это предъ сраженіемъ негодится.

— О, да, да, какъ разъ разболюся! отвѣчала разсмѣявшись Бодростина.— Нѣтъ, мой милый другъ, я иду въ дѣло завѣщая тебѣ какъ Ларошжакленъ: si j'avance, suivez moi; si je recule, tuez moi; si je meurs, vancez moi, хотя знаю что послѣдняго ты ни за что не исполнишь. Ну, наконецъ, прощай! зашла бе-сѣда наша за ночь. Если ты захочешь меня видѣть, то ты будешь дѣйствовать такъ какъ я говорю, и если будешь дѣйствовать такъ, то вотъ моя рука тебѣ что Бодростинъ будетъ у тебя самъ и будетъ всѣмъ хорошо, а *тебѣ въ особенности....* Ну, прощай, до поры до времени. А что мой братъ Григорій?

— Служить.

— Я совсѣмъ и забыла про него спросить. Что ояъ телерь: начальникъ отдѣленія?

— Вице-директоръ.

— Вотъ какъ!

Бодростина вздохнула.

— Вы видите съ нимъ?

Гордановъ покачалъ отрицательно головой.

— Ну, наконецъ, совсѣмъ прощай, торопливо сказала Бодростина и, взявъ Горданова рукой за затылокъ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ты ужь идишь, Глафира?

— А что?... Пора.... Да и тебѣ, какъ кажется, со мною вдвоемъ быть скучно...! Мы люди дѣловые, все кончили, и время отдохнуть предъ предстоящею работою.

Гордановъ протянулъ къ ней свои руки, но она прыгнула, подбѣжала къ двери, остановилась на минуту на порогѣ и по-чезла, прошептавъ: „А провожать меня неужно“.

Черезъ минуту, внизу засвистѣлъ блокъ и щелкнула дверь, а когда Гордановъ снова подошелъ къ окну, то мальчикъ въ сѣрой шляпѣ и черной шинели перешелъ уже черезъ улицу и, зайдя за уголъ, обернулся, погрозилъ пальцемъ и скрылся.

— Что жь, такъ и быть, когда она будетъ богата, я на ней женюсь, разсуждалъ, засылая, Гордановъ, — а не то надо будетъ порѣшнить на Ларисѣ.... Конечно, здѣсь мало, но.... все-таки за что-нибудь зацѣплюсь хоть на время.

IV. Утро, которое хочетъ быть мудренѣе вечера.

Послѣ ночи которою заключился вчерашній день встрѣчь, свиданій, знакомствъ, переговоровъ и условій, утро встало неласковое, вѣтряное, суровое и измѣнчивое. Солнце, выглянувшее очень рано, вскорѣ же затѣмъ нырнуло за сѣрую тучу, и то выскакивало на короткое время въ прорѣху облаковъ, то снова завѣшивалось ихъ темною завѣсой. Внизу было тихо, но вверху вѣтеръ быстро гналъ безконечную цѣль тяжелыхъ, слоистыхъ облаковъ, набѣгавшихъ одно на другое, сгущавшихся и ливящихся предвѣстниками большой тучи.

На землѣ ларило и пахло электрическою сыростію, дышать было тяжело, и нервными людьми овладѣло столь общее имъ предгрозовое безлокойство.

Иосафъ Платоновичъ Висленевъ спалъ, обливаясь лѣтомъ, котораго ни мало не освѣжала струя воздуха достигавшая до него въ открытое окно.

Висленеву снились тяжелые сны съ безпрестанными перерывами, какъ это часто бываетъ съ людьми уснувшими въ сознаніи совершенной ими неловкости. Висленевъ во снѣ повернулся на другую сторону, лицомъ къ окну: здѣсь было болѣе воздуха и стало дышаться легче. Иосафъ Платоновичъ мало-по-малу освобождался отъ своихъ сновъ и началъ припоминать что онъ въ отеческомъ домѣ, но съ этимъ вмѣстѣ его кольнуло въ сердце. „Что я здѣсь вчера дѣлалъ?“ мелькнуло въ его головѣ. „Гдѣ теперь этотъ ножикъ? Это улика противъ меня. Надо встать и искать.“ Онъ раскрылъ полусонные глаза, и видитъ что сновидѣніе ему не жетъ: онъ дѣйствительно въ родительскомъ домѣ, лежитъ на кровати и предъ нимъ знакомое, завѣшенное шторой окно. Онъ слышитъ шолоть дрожащихъ древесныхъ листьевъ и соображаетъ что солнце не блещетъ, что небо должно-быть въ тучахъ, и точно, вотъ штора приподнялась и отмахнулась, и видны ползущіе по небу сѣрыя тучи и звонче слышенъ шепотъ шумящихъ деревьевъ, и вдругъ среди всего этого въ просвѣтѣ рамы какъ будто блеснулъ на мгновеніе туманный контуръ какой-то эфирной фигуры, и по дорожному песку послышались легкіе и частые шаги. Что бы это такое было? Во снѣ или на яву?

Висленевъ совсѣмъ пробудился, привсталъ на кровати, взглянулъ на окно и оторопѣлъ: его ножъ лежалъ на подоконникѣ.

Иосафъ Платоновичъ сорвался съ кровати, быстро бросился къ окну и высунулся наружу. Ни на террасѣ, ни на балконѣ никого не было, но ему показалось что влѣво, въ садовой калиткѣ, въ это мгновеніе мелькнулъ и исчезъ клочокъ свѣтло-зеленаго полосатаго платя. Нѣтъ, Иосафу Платоновичу это не показалось: онъ это действительно видѣлъ, но только видѣлъ съ боку, съ той стороны куда не глядѣлъ, и видѣлъ смутно, вѣсно, почти какъ во снѣ, потому что сонъ еще ввѣрзавду не успѣлъ и разсѣяться.

Висленевъ отступилъ отъ окна и потеръ себѣ лобъ.

„Скверно я начинаю деботировать дома!“ подумалъ онъ, и оглянувшись на столѣ, всталъ съ него портфель, осмотрѣлъ надрѣзъ и царлину, и залеръ его въ бюро.

Повернувъ ключъ въ замкѣ, онъ прислушался: въ залѣ кто-то тихо разговаривалъ шепотомъ.

„Сестра, значитъ, ужъ встала,“ подумалъ Висленевъ и поглядѣлъ на часы. Было десять часовъ.

Иосафъ Платоновичъ тихо подкрался къ двери ведущей въ залъ и прицѣлился глазомъ къ замочной скважинѣ.

Нариса въ утреннемъ капотѣ сидѣла за чашкой чая и предъ нею стояла высокая женщина въ коричневомъ ситцевомъ платкѣ.

„Въ этомъ сестриномъ платкѣ нѣтъ ничего похожаго на то которое мелькнуло въ садовой калиткѣ. Кто же это былъ? Кто нашелъ, поднялъ и положилъ ножикъ? Неужто ея превосходительство, Александра Ивановна... или кто-нибудь изъ прислуги? Вотъ это былъ бы тогда сюрпризъ, это очень вѣжливо и до подлости догадливо, но это прескверно на всякій случай... Мнѣ просто одно спасеніе можетъ быть въ томъ чтобы предоставить себя его великодушню... сказать ему все, открыть свое недовѣріе, покаяться, признаться.... Вотъ, извольте видѣть, проклятая судьба сама руками выдаетъ меня этому человѣку!.... Но надо же явиться, пора дать знать что я проснулся.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Взглянуть въ глаза сестрѣ?... ужасно!... Но что же дѣлать?... Нуженъ куражъ!... Ну, валусти Господи смѣлость!

Онъ надѣлъ шафрокъ, и отворивъ дверь въ переднюю, крикнулъ:

— Дора, ты встала?

— Да; что тебѣ нужно, Joseph?

— О-о! голосъ нѣженъ и ласковъ, радостно замѣтила Висленевъ. Нѣтъ, да вѣдь мало мудренаго что она и въ самомъ дѣлѣ пожалуй ничего и не поняла... Пришли, дружокъ, дѣвчонку дать мнѣ умыться! воскликнулъ онъ громко и засвиставъ, смѣло зашагала туфлями по полу.

Въ комнату его предстала двѣнадцатилѣтняя дѣвочка съ блестящимъ мѣднымъ тазомъ и такимъ же кувшиномъ и табуреткою.

Это была та самая дѣвочка которая ввела его вчера въ садъ. Она одѣта сегодня какъ и вчера въ темномъ люстриновомъ плащѣ, съ зеленымъ шерстянымъ фартукомъ.

„Есть зелень, да совсѣмъ не та,“ подумалъ Висленевъ, засучивая рукава своей рубашки и приготовляясь умываться.

— Васъ какъ зовутъ? спросилъ онъ дѣвочку.

— Меня-съ? переспросила она тоненькимъ голосомъ.

— Да-съ, васъ-съ, передразнилъ ее фистулой Висленевъ.

Дѣвочка покраснѣла и отвѣчала, что ее зовутъ Машей.

— Прекрасное имя! Вы имъ довольны или нѣтъ?

Дѣвочка молчала.

— Довольны вы или нѣтъ что васъ зовутъ Машей?

Опять молчаніе.

— Что же вы молчите? Не хотѣли бы вы, напримѣръ, чтобы васъ лучше звали Дуней или Сашей?

— Нѣтъ-съ, не хочу-съ.

— Отчего же вы не хотите? Стало-быть вамъ ваше имя нравится?

— Надо какое Богъ далъ-съ.

— А-а! По вашему, имена Богъ даетъ; ну тогда это другое дѣло. А отецъ и мать у васъ живы?

— Папенька въ солдатахъ, а маменька здѣсь.

— Здѣсь въ городѣ?

Дѣвочка раскрыла большіе, до сихъ поръ полуопущенные глаза и отвѣчала не безъ удивленія:

— Моя маменька здѣсь у нашей барышни въ кухаркахъ.

— У какой барышни?

— У Ларисы Платоновны.

— А-а, такъ вы вмѣстѣ съ маменькой?

— Вмѣстѣ-съ.

— Такъ это вамъ чудесно!

Дѣвочка отмолчалась.

— И вамъ тоже моя сестра платитъ жалованье? приставаль къ ней Висленевъ.

— Нѣтъ-съ; барышня мнѣ послѣ будетъ платитъ, а теперь она маленькѣ платятъ, а меня только одѣваютъ.

— Вотъ что!.. И что же, много барышня нашла вамъ платьевъ?

Дѣвочка сконфузилась, улыбулась, и потула глаза, отвѣчала:

— Много-съ.

— Небось у васъ, гляди, и розовое платье есть? шутила Висленевъ.

— Есть-съ и розовое.

— А? переспросилъ Висленевъ, прерывая на минуту свое умыванье.

— Есть-съ и розовое, и голубое есть, отвѣчала дѣвочка, осыпаваясь съ быстротой свойственною ея возрасту.

— И бѣлое есть?

— И бѣлое тоже есть-съ.

— А зеленое?

— Зеленаго нѣту-съ.

— Что же такъ? — это плохо. Зеленое непременно нужно. Вы себѣ изъ маменькинаго по крайней мѣрѣ перешейте, когда она повоситъ его.

— У маменьки настоящаго зеленаго тоже нѣтъ-съ.

— Настоящаго зеленаго тоже нѣтъ? Скажите пожалуйста. А ея ненастоящее зеленое платье какое же?

— Оно больше какъ коричневое.

— Ну вотъ видите: какое же ужъ это зеленое! Нѣтъ, вамъ къ гѣту надо настоящее зеленое, — какъ травка муравка. Ну а погодите, моргнулъ она, — а барышню попрошу чтобъ она вамъ свое подарила: у нее вѣдь ужъ навѣрное есть зеленое платье?

— У нихъ есть-съ.

„Ага! вотъ оно кто это былъ!“ подумалъ Висленевъ и, взявъ съ рукъ дѣвочки полотенце, сухо спросилъ:

— А у барышни зеленое платье какое и съ какою отдѣлкой?

— Крепоновое-съ, съ такою же и съ отдѣлкой-съ.

— Опять не то, подумалъ Висленевъ, и затѣмъ довольно скоро одѣвшись и сія свѣжестью лица и туалета, вышелъ въ залу къ сестрѣ.

Иосифъ Павловичъ, появивъ предъ сестрой, старался имѣть видъ какъ можно болѣе живой, веселый и безлечный.

— Я тебя перелугалъ невозможно сегодня ночью, матушка сестрица! началъ онъ, цѣлуя руку Ларисы.

— Полно пожалуста, я ужь про это забыла.

— Ты выспалась?

— О, какъ неважно лучше! Я не люблю много спать. Вотъ чай и вотъ кофе, добавила она, подавая брату стаканъ и корзинку съ печеньемъ.

— Постой!.. Но какой же ты разбойникъ, Лора! отвѣчать весело улыбаясь во все лицо и отступая шагъ назадъ Висленевъ.

— Чтò такое?

Лариса оглянулась.

— Какъ ты злодѣйски хороша!

— Ахъ да перестань же наконецъ, Joseph!

— Да чтò же дѣлать, когда я никакъ не привыкну?

Лариса засмѣялась.

— Этотъ желтый цвѣтъ особенно идетъ къ твоему лицу и волосамъ.

— Онъ идетъ ко всемъ бриюеткамъ.

— А кстати о цвѣтахъ! проговорилъ онъ, и оглянувшись, добавилъ молушелотомъ:— знаешь какая пренормительная вещь: я умываясь разболтался съ твоею маленькою камеръ-фрау.

— Съ Млашей?

— Да, и она мнѣ разказала всѣ свои платья.

— Да, я знаю, она большая кокетка.

— Чтò же, вѣдь это ничего: то-есть я хочу оказать что когда кокетство не выходитъ изъ границы, такъ это ничего. Я потому на этомъ и остановилась что предѣлъ не нарушенъ: знаешь, все это у нее такъ просто, и имѣть своей особенный букетъ—букетъ дѣвической стараго господскаго дома. Я долженъ тебѣ сознаться, я очень люблю эти старыя патрiархальныя черты господской дворни... „зеленаго, говорить, только нѣтъ у нее.“ Я ей сегодня подарю зеленое платье—ты позволяешь?

— Сдѣлай милость.

— Да, а то она и въ виду его не имѣетъ: „у барышни, говорить, есть одно крепозное зеленое.“

— Я и того никогда не носу.

— Отчего же не носишь? Тебѣ зеленый цвѣтъ долженъ быть очень къ лицу.

— Такъ, не носу.

— Почему же такъ? шутитъ Иосифъ Платоновичъ.—Какая же ты страшная съ этими своими „такими“. Никого не лю-

бить—, такъ“, печенку кладетъ Подозерову—, такъ“, зеленое платье сошьеть и не носить—, такъ.“ А знаешь, нѣтъ дѣйствія безъ причины?

— Ахъ Боже мой! еще и на это будто нужна причина? Послѣ этого я могу думать что и ты имѣешь особую причину допрашивать меня о зеленомъ платьѣ?

— Конечно, конечно, есть и на это причина. Безъ причины ничего не дѣлается.

— Ну, такъ мнѣ мое зеленое платье не нравится.

— Ну вотъ и причина! А вели мнѣ его показать пожалуста.

— Вотъ фантазія!

— Ну фантазія,—потѣшь мою фантазію. Ты такъ хороша, такъ безукоризненно хороша, все что тобою сдѣлано, все что принадлежитъ тебѣ такъ изящно что я даже горжусь принадлежа тебѣ въ качествѣ брата. Малаша! обратился онъ къ дѣвочкѣ, проходившей въ эту минуту черезъ комнату,—принесите мнѣ сюда барышняно зеленое платье.

— Ну что за вздоръ, Joseph! прошептала Лора.

— Ну я тебя прошу.

— Принеси, сказала Лариса остановившейся и ожидавшей ея приказанія дѣвочкѣ.

Черезъ минуту та явилась, высоко держа у себя надъ головой лифъ, а черезъ лѣвую ея руку спускались цѣлыя волны легкаго густозеленаго крелона.

Висленевъ всталъ, взялъ платье, вывернулъ юлку и, притворно полюбовавшись свѣжими фестонами и уборками изъ той же матеріи, повторилъ нѣсколько разъ: „Прекрасное платье!“ и отдалъ его назадъ.

Это опять было не то платье которое ему было нужно.

— Я ужасно люблю со вкусомъ сдѣланные дамскіе наряды! заговорилъ онъ съ сестрой.—Въ этомъ, какъ ты хочешь, называется вся женщина; и въ этомъ, должно правду сказать, нашъ вѣкъ сдѣлалъ большіе шаги впередъ. Еще я помню когда каждая наша барышня и барыня въ своихъ манерахъ и въ туалетѣ старались какъ можно болѣе походить на *une dame de comtois*, а теперь наши женщины поражаютъ вкусомъ: это значитъ вкусъ получаетъ гражданство въ Россіи.

— Въ такомъ случаѣ ты много у себя отнимаешь, не желая поторопиться видѣть Бодростину.

— А что?

— Ужь эта женщина конечно вся вкусъ, изящество и прелесть.

— Будто она нынче такъ хороша!

— А будто она когда-нибудь была не хороша?

— Ну, Богъ съ ней: сколь бы она ни была прелестна, я ее видѣть не хочу.

— За что это? позволъ тебя спросить Joseph.

— У насъ есть старые счеты.

— Но все равно, отвѣчала, подумавъ минуту, Лариса.—Тебѣ видѣться съ ней вѣдь неизбѣжно, потому что если она еще недѣлю не переѣдетъ въ деревню, то вѣрно сама ко мнѣ заѣдетъ, а Михайло Андреичъ такой нецеремонливый что можетъ даже и нарочно завернетъ къ намъ. Тогда, встрѣтись съ нимъ здѣсь или у Синяиныхъ, ты долженъ будешь отдать визитъ, и въ барышахъ будетъ только то что старикъ выидетъ любезнѣе тебя.

— Ну, хорошо.... не сегодня же вѣдь непременно?

— Конечно можно и не сегодня.

— А что же наша генеральша дома?

— Да; нѣсколько минутъ тому назадъ была дома: мы съ ней чрезъ окно прощались.

— Какъ прощались?

— Она уѣхала къ себѣ на хуторъ.

— Чего и зачѣмъ?

— Зачѣмъ? хозяйничать. Она полжизни тамъ проводитъ и лѣтомъ, и зимой.

— Что жъ это за хуторъ? Дребедень какая-нибудь?

— Да; онъ не великъ, но Alexandrine распоряжается имъ съ толкомъ и получаетъ отъ него доходы.

— Вотъ видишь, а ты вчера говорила что они бѣдны. И что же тамъ домъ есть у нея?

— Каютка въ двѣ крошечныя комнатки: столовая и спальня ея съ дѣвочкой.

— Съ какою дѣвочкой?

— А съ ладчицей, съ Вѣрой, съ дочерью покойной Флоры.

— Ахъ, помню, помню: это кажется уродецъ какой-то, идиотка, если я не ошибаюсь?

— Она глухонѣмая, но вовсе не уродъ и ужъ совсѣмъ не идиотка.

— Что же это мнѣ что-то помнится, какъ будто что-то такое странное говорили про это дитя?

— Не знаю что ты слышалъ: Вѣра очень милая дѣвочка, но слабого здоровья.

— Нѣтъ; именно я помню что... ее считали, какъ это говорить, испорченною что ли?

— Какой вздоръ! Она очень нервна и у нея бываетъ что-то въ родѣ ясновидѣнія.

— Вотъ страсти!

— Никакихъ страстей, она прекрасное дитя, и ея волненія бываютъ съ ней не часто, но вчера она чѣмъ-то разогорчилась и плакала до обморока, и потому Alexandrine сегодня увезла ее на хуторъ... Это всегда помогаетъ Вѣрѣ: она не любитъ быть съ отцомъ...

— А мачиху любить?

— О, безконечно! Она предчувствуетъ малѣйшую ея неприязнь, малѣйшее ея нездоровье и... вообще она ея тѣнь или больше: онѣ двѣ живутъ одною жизнью.

— Александра Ивановна добра къ ней?

— Стоитъ ли объ этомъ спрашивать? Къ кому же Alexandrine не добра?

— Ко мнѣ.

— Остаѣ, Joseph, я этого не знаю.

— Ну, Богъ съ тобой!.. А какъ же это?... заговорилъ онъ, не зная что спросить.—Да!... Зачѣмъ же онѣ поѣхали въ такую пору?

— А что?

— Да вонъ дождь-то такъ и виситъ.

— Ну, что же за бѣда, это вѣдь недалеко, и у нихъ рѣзвая лошадь.

— Да, впрочемъ въ крытомъ экипажѣ ничего.

— Онѣ поѣхали не въ крытомъ экипажѣ.

— А въ чемъ онѣ поѣхали?

— Въ сѣромъ платьѣ-съ, отвѣчала, подавая новый стаканъ чаю, дѣвочка Малаша.

— Ты можешь отвѣчать когда тебя спрашиваютъ, остановила ее Лариса и сама добавила брату:—онѣ поѣхали какъ всегда ѣздить: въ тюльбюри.

— Вдвоемъ, безъ кучера?

— Онѣ всегда вдвоемъ ѣздить туда, безъ кучера, живутъ тамъ безъ прислуги.

— Совсѣмъ безъ прислуги?

— Работница имъ дѣлаетъ что нужно.

— Вотъ чѣмъ покончила Александра Ивановна: лустынно-жительствомъ!

— Ей, кажется, еще далеко до конца. А впрочемъ я еще скажу: я не люблю судить о ней ни вправо ни налѣво.

— Да не судить, а разсуждать... И ты тамъ у нея бываешь на хуторѣ?

— И я, и тетюшка, и дядя, и отецъ Евангель, и Подозеровъ: всѣ мы бываемъ.

— Что жь хорошо тамъ у нее?

— Н...и...ничего особеннаго: садикъ, прудокъ, мельница, осинный лѣсокъ, орѣховый кустарникъ, много скота, да небольшое поле островкомъ, вотъ и все.

— Какъ же это поле „островкомъ“ ты сказала?

— То-есть вокругъ, въ одной межѣ, это здѣсь называютъ „островкомъ“.

— Да; а я думала что это въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь островъ Колилсо.

— Мы всѣ шутя называемъ этотъ хуторъ „островомъ“.

— Люби?

— Нѣтъ: „забвенія“.

— Кто жь это далъ ему такую романтическую кличку? Конечно Александра Ивановна, которая нуждается въ забвеніи?

— Нѣтъ, отвѣчала поморщась Лора: — это названіе дано Вѣрой.

— Глухонѣмой?

— Да.

— Какъ же она это сказала?

— Она написала.

— А-а! Кто же это здѣсь ее научилъ писать?

— Alexandrine и отецъ Евангель.

— Что это за отецъ Евангель? Я уже не разъ про него слышу.

— Это ихъ приходскій священникъ, хуторной, прекрасный человекъ: онъ Сашинъ и дядинъ другъ.

— Онъ почему же умѣетъ учить глухонѣмыхъ?

— Онъ все на свѣтѣ повсюду умѣетъ, и Вѣру выучилъ читать и писать по собственной методѣ.

— Какое это ужасное несчастье ничего не слышать и не имѣть возможности ничего выговорить!

— Да; но ничего не видать это еще хуже. Маленькая Вѣра сравниваетъ себя со слѣпыми и находитъ что она счастлива.

— Правда, правда, слѣпота гораздо хуже.

— А дядя Форовъ находитъ что боль въ боку и удущье еще хуже.

— Дѣйствительно хуже! А она, эта бѣдная дѣвочка, ни звука не слышитъ и не произноситъ?

— Когда здѣсь въ проѣздъ Государа были маневры, она говоритъ что слышала какъ дрожали стекла отъ пушекъ, не произносить... я не слышала ни звука, а тетюшка говоритъ что она одинъ разъ слышала какъ Вѣра грубо крикнула одно слово... но Богъ знаетъ было ли это слово или просто непомятный звукъ...

— Что же это былъ за звукъ?

— Н...я...не знаю: это было при особомъ какомъ-то обстоятельстве, до моего прѣзда, я объ этомъ не спрашивала, а тета говоритъ что...

— Да; неприятное что-нибудь конечно, сказалъ Висленевъ.

— Нѣтъ, не неприятное, а страшное.

— Страшное! Въ какомъ же родѣ?

— Я право не умю разказать: Вѣра такая нѣжная и легкая, какъ будто неземная, а голосъ вышелъ будто какой-то басъ. Тета говоритъ что точно будто изъ нея совсѣмъ другой человекъ, сильный, сильный мужчина закричалъ...

— И какое же это было слово?

— Тета утверждаетъ что Вѣра крикнула: „прочь“!

— На кого же она такъ крикнула?

— На отца, за маичку. Впрочемъ повторяю тебѣ, это тета знаетъ, а я не знаю.

— А знаешь что: пока мой Гордановъ теперь еще спитъ, схожу-ка я самый первый визитъ сдѣлаю теткѣ Катеринѣ Астаевнѣ и Филетеру Ивановичу.

— Что жь, и прекрасно.

— Право! Кто что ни говори, а они родные и хорошие люди.

— Еще бы!

— Такъ, до свиданья, сестра, я пойду.

Дариса молча пожала брату руку, которую тотъ поцѣловалъ, махъ свою шапку и трость, и вышелъ.

Дариса посмотрѣла ему вслѣдъ въ окно и ушла въ свою комнату.

За часъ или за полтора до того какъ Иосафъ Платоновичъ убирался и разговаривалъ съ сестрой у себя въ домѣ, на ле-
ремычкѣ, предъ небольшою рѣчкой, которою замыкалась лу-
стынная улица загородной солдатской слободы, надъ самымъ
бродомъ остановилось довольно простое тюльбюри Синтяни-
ной, запряженное рослою вороною лошадыю. Александра Ива-
новна правила, держа вожжи въ рукахъ, обтянутыхъ швед-
скими перчатками, а въ ногахъ у нея, вся свернувшись въ
комочекъ и положивъ ей голову на колѣни, лежала, закрыв-
шись пестрымъ шотландскимъ пледомъ, Вѣра. Снаружи изъ-
подъ пледа видѣлась только одна ея маленькая, длинная и
блѣдная ручка, на которой выше кисти была обмотана чер-
ная резиновая тесьма ширококолою соломенной бержерки.

Александра Ивановна, выѣзжая изъ города, бросила взглядъ
назадъ, на послѣдній домикъ надъ рѣчкой, и увидавъ въ од-
номъ изъ его оконъ полусѣдую голову Катерины Астаѣевны,
ласково кивнула ей, и подѣхавъ къ самой рѣчкѣ, остановила
лошадь.

Майорша Форова была совсѣмъ одѣта, даже въ шляпкѣ и
съ зонтикомъ въ рукѣ, и во всемъ этомъ нарядѣ тотчасъ же
вышла изъ калитки и подошла къ Синтяниной.

— Здравствуй, голубушка Саша! сказала она, поставивъ но-
гу на ступеньку тюльбюри, и пожала руку Синтяниной.—А я
не думала что ты поѣдешь нынче на хуторъ.

— Вѣра нездорова, отвѣчала мягко Синтянина.—А ты куда
такъ рано, Катя?

— Я къ ранней обѣднѣ, хочется помолиться, отвѣчала Фо-
рова, прислоняясь къ щитку тюльбюри.—Что съ Вѣрой такое?

— Не говори пожалуста! отвѣчала Синтянина, бросивъ
взглядъ на закрытую головку Вѣры.

Форова легонько приподняла закрывавшій лицо ребенка
уголъ пледа и тихо шелнула: „она спитъ“?

— Какъ свѣла, такъ опустилась въ ноги и заснула.

— И какъ она сегодня необыкновенно блѣдна!

— Да; она всю ночь не спала ни минуты.

— Отчего? шелнула Форова.

— Что ты шелчешь? Она вѣдь не слышитъ.

— И какъ это странно и страшно что она спитъ и все смо-
тритъ глазами, проговорила Катерина Астаѣевна, и съ этимъ
словомъ, бережно и тихо покрыла пледомъ блѣдное до синевы

лицо дѣвушки, откинувшей голову съ полуоткрытыми глазами на служащее ей изголовьемъ колѣно мачихи.

— Несчастное дитя! заключила Форова, вздохнувъ и перекрестивъ ее.— Она рукой такъ и держится за твое платье.

— Я не могу себѣ простить что я вчера ее оставляла одну. Я думала что она спитъ днемъ, а она не спала, ходила прелъ вечеромъ къ отцу, пока мы сидѣли въ саду, и ночью.... представь ты.... олять было то что тогда....

— Да?

— Я только вернулась, легла и.... ты понимаешь?... я все же вчера была немножко тревожна....

— Да, да, понимаю, понимаю.

— Я лежу и никакъ не засну, все Богъ знаетъ что идетъ въ голову, какъ вдругъ она, не касаясь кажется ногами пола, влетаетъ въ мою спальню: вся блѣдная, вся въ бѣломъ, глаза горятъ, въ обвихъ рукахъ по зажженной свѣчѣ изъ канделябра, бросилась къ окну, открыла занавѣску и вдругъ.... Какіе звуки! какіе тягостные звуки, Катя! Такъ, знаешь: „а-а-а-а!“ какъ будто она хочетъ кого-то удержать надъ самою пропастью, и вдругъ.... смотрю ужъ свѣчи на полу, и когда я нагнулась чтобы поднять ихъ, потому что она не обращала на нихъ вниманія, кажется я слышала слово....

Форова промолчала.

Мнѣ показалось что какъ будто пронзительно раздалось: „кровь!“

— Господи помилуй! произнесла, отодвигаясь, Форова, и перекрестилась.

— Какое странное дитя!

— И я тебѣ скажу, я не нервна, но очень испугалась.

— Еще бы! Это кого хочешь встревожить.

— Я взяла ее сзади, и посадила ее въ кресла. Она была холодная какъ ледъ, или лучше тебѣ сказать что ее совсѣмъ не было, только это бѣдное, больное сердце ея такъ билось что на груди какъ мышенокъ ворочался подъ блузой, а дышанья нѣтъ.

— Бѣдняжка! какая тяжкая ея жизнь!

— Нѣтъ, ты дослушай же, Катя.

— Знаешь, меня всегда отъ этихъ вещей немножко коробить.

— Нѣтъ, это вовсе не страшно. Она вдругъ схватила карандашъ....

— И написала „кто я“? Не говори мнѣ, я дрожу когда она объ этомъ спрашиваетъ.

— А вотъ представь, совсѣмъ же то: она взяла карандашъ и написала: „змѣй съ трещоткой“.

— Что это значитъ?

Синтянина пожала плечами.

— А гдѣ же кровь?

— Я ее объ этомъ спросила.

— Ну и что же?

— Она показала рукой вокругъ и остановила на висленевскомъ флигелѣ. Конечно, все это вздоръ....

— Почему намъ это знать что это вздоръ, Сашура?

— О, полно, Катя! Что же можетъ угрожать имъ? Нѣтъ, все это вздоръ, пустяки; но Вѣра была такъ тревожна какъ никогда, и я все это тебѣ къ тому разказываю чтобы ты не отнесла моего бѣгства къ чему-нибудь другому, договорила, слегка краснѣя, Синтянина.

— Ну да, поди-ка ты, стану я относить.

— Не станешь?

— Да разумѣется не стану. Легко ли добро: есть отъ кого бѣжать.

Синтянина вздохнула.

— А ты знаешь, Катя, молвила она, — что порочныхъ дѣтей болѣе жаль чѣмъ тѣхъ которые насъ не огорчаютъ.

— Э, полно пожалуста, отвѣчала Форова, энергически поправляя рукой свои сѣдые волосы, выбившіеся у нея изъ-подъ шляпки. — Я теперь на много лѣтъ совсѣмъ спокойна за всѣхъ хорошихъ женщинъ въ мірѣ: теперь кромѣ дуры ни съ кѣмъ ничего не случится. Увлекаться ужъ некъмъ и нечѣмъ.

— Но, ахъ! смотри! воскликнула она, взглянувъ на дѣвочку.

Вѣра во снѣ отмахнула съ головы ледъ и не просыпаясь, глядѣла полукрѣпыми глазами въ лицо Синтяниной.

— Какъ страшно! сказала Форова, — она точно слѣдитъ за тобой и во снѣ и на яву. Прощай, Господь съ тобой.

— Ты навѣстишь меня?

— Да, непременно.

— Мнѣ надо кое-что тебѣ сказать.

— Скажи сейчасъ.

— Нѣтъ, это долго.

— А что такое? У тебя есть опасенія?

— Да, но теперь прощай.

Съ этими словами Синтянина лустила лошадь вбродъ и уѣхала.

Висленевъ вышелъ со двора, раскрылъ щегольской шелковый зонтикъ, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, тотчасъ же закрылъ его и пошелъ быстрымъ ходомъ. Дождя еще не было; городъ Висленевъ зналъ прѣкрасно и очень скоро дошелъ по разнымъ улочкамъ и переулкамъ до маленькаго, низенькаго домика въ три окошечка. Это былъ опять тотъ же самый домикъ предъ которымъ за часъ предъ этимъ Синтянина разговаривала съ Форовой.

Висленевъ поглядѣлъ чрезъ окно внутрь домика, и никого не увидавъ тутъ, отворилъ калитку и вошелъ на дворъ. На него сильно залаяла старая черная собака, но тотчасъ же зѣвнула и пошла подъ крыльцо.

Изъ-подъ сарая вылетѣла стая куръ, которыхъ посреди двора поджидалъ голенастый красный пѣтухъ, и вслѣдъ затѣмъ оттуда же вышла бойкая, рябая, востроносая баба съ ребенкомъ подъ одною рукой и двумя курицами подъ другою.

— Милая, Филетеръ Иванычъ дома? освѣдомился Висленевъ.

— Ахъ, нѣту-ти ихъ, нѣту-ти, ушедши они со двора, отвѣтила съ сожалѣніемъ баба.

— А Катерина Астаѣевна?

— Катерина Астаѣевна были въ саду, да нешто не ушли ии... Стулайте въ садъ.

— А ваша собака меня не укуситъ?

— Собака? нѣтъ; она не кусается, не поважена. Вотъ корона бурѣвка.... Тпружи, тпружи, дура! тпружи! закричала баба, махая дитятемъ и курами.

Висленевъ вдругъ почувствовалъ сзади у своего затылка вѣжное теплое дыханіе, и въ то же мгновеніе шляпа его слетѣла съ головы вмѣстѣ съ нѣсколькими вырванными изъ затылка волосами.

Иосафъ Платоновичъ вскрикнулъ и прыгнулъ впередъ, а баба, бросивъ на землю куръ и ребенка, быстро кинулась защищать гостя отъ коровы, которая спокойно жевала и трясла его соломенную шляпу.

Нѣсколько ударовъ которые женщина нанесла коровѣ по губамъ было достаточно чтобы та освободила висленевскую шляпу, но конечно жестоко помятую и безъ куска поляй.

— Это все баринъ, Филетеръ Иванычъ, у насъ такихъ глу-

постыевъ ее научила, заговорила баба, подавая Висленеву его испорченную шляпу.

— Но она однако можетъ-быть еще и бодается? освѣдомился Висленевъ, прячась за бабу отъ коровы, которая опять подходила къ нимъ, пережевывая во рту кусокъ шляпы и медленно помахивая головой съ тупыми круглыми глазами.

— Нѣтъ, идите; бодаться она рѣдко бодается.... развѣ только кто ей не понравится, усложковала баба, стремясь опять изловить куръ и взять кричащее дитя.

— Ну, однакоже, покорно васъ благодарю. Я вовсе не желаю испытывать понравился я ей или не понравился; а вы лучше проведите меня до саду.

Баба согласилась, и Висленевъ, подъ ея прикрытіемъ, пошелъ скорыми шагами впередъ, держа въ рукой за холщевый, вышитый красною бумагой передникъ своей провожатой.

Переступивъ за порогъ утлой ограды, онъ залеръ за собой на задвижку калитку и разсмѣялся.

— Скажите пожалуста, вотъ вамъ и провинціальная простота жизни! А тутъ чтобы жить надо еще и коровамъ нравиться! Ну, краекъ! ну, сторонушка!

Онъ снялъ свою изуродованную шляпу, оглядѣвъ ее, и надѣвъ прорѣхой на затылокъ, пошелъ по узенькой, не пробитой, а протолтанной тропинкѣ въглубь небольшого, такъ сказать, однодворческаго сада. Кругомъ растутъ какъ полагало жимолости, малина, крыжовникъ, корявая яблонька, и въ концѣ кустъ густой черемухи, но живой души человѣческой нѣтъ.

Иосафъ Платоновичъ даже плюнулъ: очевидно баба соврала; очевидно Катерины Астаѣевны здѣсь нѣтъ, а между тѣмъ идти назадъ... тамъ корова и собака... но въ это самое мгновеніе Висленевъ дошелъ до черемухи и отодвинулся назадъ и покраснѣлъ. Въ пяти шагахъ отъ него, подъ наклонившеюся до земли вѣткой, колошился ворохъ зеленой полосатой матеріи, и одна рука ею обтянутая взрывала ножикомъ землю.

— Такъ вотъ это кто: это была тетушка!... Ну, слава Богу! Испугаю же ее за то что она меня напугала.

И съ этимъ Висленевъ тихо на цыпочкахъ подкрался къ кусту, и разведя свои руки въ разные стороны, кольнулъ сидящую фигуру подъ бока пальцами, и вслѣдъ затѣмъ раздались два разные восклица отчаяннаго перелуга.

Висленевъ очутился лицомъ къ лицу съ бѣлокурымъ, среднихъ лѣтъ мущиной, одѣтымъ въ вышесказанную полосатую

матерію, съ изрядною окладистою бородою и свѣтло-голубыми глазами.

— Чтò же это такое? проговорилъ наконецъ Висленевъ.

— А ужь объ этомъ мнѣ бы васъ надлежало спросить, отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Я думалъ что вы тетушка.

— Между тѣмъ я своимъ племянникамъ дядя.

— Но позвольте, какъ же это такъ?

— А ужь это опять мнѣ васъ позвольте спросить: какъ вы это такъ? Я червей копалъ, потому что мы съ Филетеромъ Иванычемъ собираемся рыбу удить, а вы меня подъ ребра, и испугали. Я Евангелъ Минервицъ, священникъ и майора Форова пріятель.

Висленевъ хотѣлъ извиниться, но вмѣсто того не удержался и расхохотался.

— Вотъ какъ у насъ! проговорилъ Евангелъ, глядя съ улыбкой какъ заливається Висленевъ.—Чего же это вы такъ ослабѣли?

— Да позвольте!... началъ было Висленевъ, и опять расхохотался.

— Вона! Ну смѣшливы же вы!

— Вы, отецъ Евангелъ, не говорите пожалуста... Я васъ признаю за тетушку, Катерину Астаѣевну...

— Для чего такъ? Я на нее не похожъ!

— Ну вотъ подите же! я хотѣлъ съ ней пошутить....

— Ну и чтò же: это ничего.

— Это меня вашъ подрядникъ ввелъ въ заблужденіе: мнѣ показалось что это тетушкино платье.

— А у нее развѣ есть такое платье?

— Кажется... то-есть я думаю...

— Нѣтъ; у вашей тетушки такового платья нѣтъ.

— А вы развѣ знаете?

— Разумѣется знаю: у нея свѣрое лѣтнее, коричневое и черное, чтò изъ голубаго перекрашено, а бѣлое, которое въ прошломъ году вмѣстѣ съ моею женой къ причастью шила, такъ она его не носитъ. Да вы ничего: не смущайтесь что пошутилъ, — вотъ еслибы вы меня прибили, надо бы смущаться, а то... да чтò же это у васъ у самихъ-то чепецъ ломать?

— Представьте, это корова..

— А, а! бурѣнка! она одинъ разъ пьяному казаку весь хо-

холь на кичкѣ съѣла, а животина добрая.. питаетъ. Вы изъ Питера?

— Да, изъ Питера.

— Ученый?

— Ну, не очень...

Висленевъ разсмѣялся.

— Чтѣ такъ? Тамъ будто какъ всѣ ученые. Къ литературѣ отвержены?

— Да, я писалъ.

— Статьи или изящныя произведенія?

— Статьи. А вы съ дядюшкой много читаете?

— Одолѣваемъ—таки. Изящную литературу люблю, но только писателей изящныхъ мало встрѣчаю. Поворотъ назадъ чувствую.

— Какъ поворотъ назадъ?

— А какъ—съ: развѣ вы его не уматриваете? Помните въ комедіи господина Львова было сказано что „прежде все сочиняли, а теперь—де описываютъ,“ а ужъ нынѣ опять все сочиняютъ: людей такихъ вовсе не видятъ про какихъ пишутъ... А вотъ и отецъ Филетеръ идетъ.

Въ это время на тропинкѣ показался майоръ Форовъ. Онъ былъ въ старомъ, грязномъ—прегрязномъ драловомъ халатѣ, подлоясанномъ засаленными шнурами; за лазухой у него былъ завязанъ ребенокъ, въ лѣвой рукѣ трубка, а въ правой книга, которую онъ читалъ въ то самое время какъ дитя всячески старалось ее у него вырвать.

— Чье жъ это у него дитя? полюбобытствовалъ Висленевъ.

— А это солдатское... работницы Авдотьи. Ее вѣрно куда—нибудь послали; впрочемъ вѣдь Филетеръ Иванычъ дѣтей страшно любить. Перестань читать Филетеръ: вотъ тебя гость ждетъ.

Форовъ взглянулъ, перехватилъ въ одну руку книгу и трубку, а другую протянулъ Висленеву.

— Торочку вы не видали? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

— А она къ вамъ пошла. Вы по какой улицѣ шли: по Покровской или по Рождественской?

— По Рождественской.

— Ну значитъ просморѣли.

— А она въ чемъ: въ какомъ платьѣ?

— А ужъ я ея платьевъ не знаю. А журналовъ новыхъ, отецъ

Евангелъ, нѣтъ: былъ у Бодростиной, былъ и у Подозерова, а ничего не добылъ. Захватилъ книжонку Диккенса „Изъ семейнаго круга“.

— Что жь перечитаемъ: тамъ „Габріэль и Роза“ хороши.

— А теперь пойдемъ закусить, да и въ дорогу. Вы любите закусывать? отвесся онъ къ Висленеву.

— Не особенно, а впрочемъ съ вами очень радъ.

— А вамъ развѣ не все равно съ кѣмъ ѣсть?

— Ну, не все равно.

— Да что же вы не спросите кто мнѣ шляпу обработалъ?

— А что же мнѣ въ этомъ за интересъ? Извѣстно, что если у кого ризы обветшали, такъ значить ремонтонъ нѣтъ.

— Чего ремонтонъ! это ваша корова!

— Ну и что жь? Плохаго князя и телата лижутъ.

— Вы Филетеръ Иванычъ чудакъ.

— Ну вотъ и чудакъ! Я чудакъ да не красенъ, а вы не чужакъ да сляментѣли не знай чего. Пойдемте-ка лучше закусывать.

— Только вина, извините, у меня нѣтъ, объяснилъ Форовъ, подводя гостей къ непокрытому скатертью столу, на которомъ стоялъ горшокъ съ варенымъ картофелемъ, студень на лименомъ блюдѣ и водочный графинчикъ.

— Да у тебя и въ баклажкѣ-то оскудѣніе израилево, замѣтилъ Евангелъ, поднимая пустой графинъ.

— Что жь, нарядимъ сейчасъ посланіе къ Евреямъ, отвѣчалъ Форовъ, вручая работницѣ графинъ и деньги.

— А я вѣдь совсѣмъ водки не пью, сказалъ Висленевъ. — Вы не обидитесь?

— Чѣмъ это?... Я издавна солистъ и акомпанимента не ожидаю, одинъ пью.

— Отецъ Евангелъ развѣ тоже не пьетъ?

— Не пью-съ, отвѣчалъ отецъ Евангелъ, разбирая у себя на ладони рассыпчатую картофелину.

— Мы пошлемъ за виномъ, Филетеръ Иванычъ, если вы позволите?

— А сдѣлайте милость, хоть за шампанскимъ.

— Только если вы меня считаете, то я вѣдь и вина никакого не пью, отвѣчалъ отецъ Евангелъ.

— Будто никакого?

— Вина рѣшительно никакого.

— Ну, рюмку хересу.

— Ну, такъ и быть: для васъ рюмку хересу вылью.

Работница любѣжала, сдавъ опять своего ребенка Филетеру Ивановичу, и черезъ нѣсколько минутъ доставила вино и водку. Форовъ выпилъ водки и началъ ходить по комнатѣ.

— А что же вы, Филетеръ Ивановичъ, не закусываете? заговорилъ Висленевъ.

— Истинные таланты не закусываютъ, отвѣчалъ, не глядя на него, Форовъ.

Висленеву показалось что майоръ съ нимъ почему-то сухъ. Онъ ему это замѣтилъ, на что тотъ сейчасъ же отвѣчалъ: — Я сознаюсь вамъ смущенъ, что это вы за лтицу привезли этого господина Горданова?

— А что такое?

— Да онъ мнѣ не понравился.

— Съ какихъ это поръ? Вы, кажется, съ нимъ вчера соглашались?

— Да мало ли что соглашался? Съ цнымъ и соглашаешься, да не любишь, а съ другимъ и несогласенъ, да ладишь.

— Такъ вы вотъ какой: вы единомышленниковъ, значить, немного цвните?

— Да вы къ чему мнѣ это говорите? Мыслить всакъ для себя.

— А партія?

— Партія? Такъ это значить я ея крѣпостной что ли, что я ради партіи долженъ поддеца въ честь ставить?... А чтобъ она этого не дождалась сія партія!

— А Гордановъ прекрасный и очень умный человекъ.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ майоръ. — Знаю только что онъ цвный вечеръ точно бурлацкую лѣсню тянулъ „а-о-е,“ а жи-ваго слова не выберешь.

— Онъ говорилъ резонно.

— Да что же резонно, все его резоны, это, я говорю, все равно что дождь на морѣ, ничего не прибавляютъ. Интересно бы знать его дѣла и дѣла... Слышишь, отецъ Евангель, этотъ Гордановъ мужиченкамъ землшку подарилъ, да теперь выдурить ее у нихъ на обмѣнъ хочетъ.

— Т-е-е-съ! одѣлалъ укоризненно покачавъ головой отецъ Евангель, у котораго ротъ былъ изобильно наполненъ горячимъ картофелемъ.

— Да это кто же вамъ сказалъ что таковы Гордановскія намѣренія?

— Да вѣдь вы же Подозерову объ этомъ говорили. И вы сами еще, милостивый государь, за такое дѣло взялись?... Не хорошо!...

— Вреть вашъ Подозеровъ.

— Что-о? Подозеровъ вреть?... Ну это, вопервыхъ, въ первый разъ слышу, а вовторыхъ, Подозеровъ мнѣ и не говорилъ ничего.

— Подозеровъ самъ-то очень хорошъ.

— Человѣкъ рабочій и честный, хотя идеалистъ.

— Очень честный, но никогда ни на что честное и въ университетѣ не умѣлъ откликнуться.

— А на что откликаться-то въ университетѣ, когда тамъ надо учиться?

— Мало ли на что тамъ въ наше время приходилось откликаться! А ему какое дѣло бывало не представъ,—все разрезываетъ и выведетъ что въ немъ содержанія нѣтъ.

— Да вѣдь какое же въ самомъ дѣлѣ содержаніе можно найти въ дѣлѣ о бревнѣ улавшемъ и никого не убившемъ?

— Ну, я вижу вы совсѣмъ подозеровскій партизанъ здѣсь!

— Напротивъ, я совсѣмъ другихъ убѣжденій чѣмъ Подозеровъ....

— А не пора ли намъ съ тобой, друже Филетеръ, и въ ходъ, прервалъ отецъ Евангелъ.

— Идемъ, отвѣчалъ Форовъ и накинулъ на себя вмѣсто хаата ларусинный балахонъ, забралъ на плечи торбу, въ карманъ книгу и протянулъ Висленеву руку.

— Куда вы? спросилъ Иосафъ Платоновичъ.

— Туда, къ Аленину верху.

— Гдѣ это, далеко?

— А верстъ съ десятокъ отсюда, вотъ гдѣ горы-то видны, между Бодростинкой и Синтявинскимъ хуторомъ.

— Что жъ вы тамъ будете дѣлать?

— Въ озерѣ карасей половимъ, съ росой травъ порвемъ, а въ соляцелекъ читать будемъ, въ лѣсу на прохладѣ.

— Возьмите меня съ собой.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, а Форовъ сказалъ:

— Что жъ, намъ все равно.

— Такъ я иду.

— Идемте.

— А гроза васъ не лугаетъ?

— Насъ—нѣтъ, потому что мы каждый съ своей точки зрѣ-

нѣя жизнью не дорожимъ, а вотъ вы-то пожалуй лучше останьтесь.

— А что?

— Да гроза непременно будетъ, а кто считаетъ свое существованіе драгоценнымъ, тому жутко на полѣ, какъ облака заспорятъ съ землей. Вы не поддавайтесь лучше этой гали что говорятъ будто стыдно грозы трусить. Что за стыдъ бояться того съ кѣмъ сладу нѣтъ!

— Нѣтъ, я хочу побродить съ вами и посмотрѣть какъ вы ловите карасей, какъ собираете травы и пр. и пр. Однимъ словомъ, мнѣ хочется побыть съ вами.

— Такъ идемъ.

Они встали и пошли.

Выйдя на улицу, Форовъ и отецъ Евангелъ тотчасъ сѣли на землю, сняли обувь, связали на веревочку, перекинули себѣ черезъ плеча, и закатавъ вверхъ ланталоны, пошли въ бродъ черезъ мелкую рѣчку. Висленевъ этого не сдѣлалъ: онъ не сталъ разуваться и сказалъ что босой идти не можетъ; онъ вошелъ въ рѣчку прямо въ обуви и сильно измочился.

Форовъ вытащилъ изъ кармана книжку Дуккеаса и зачиталъ разказъ о *Габріэлъ и Розъ*.

Шли они, шли, и Висленеву показалось что они уже Богъ знаетъ какъ далеко ушли, а было всего семь верстъ.

— Я усталъ, господи, сказалъ Висленевъ.

— Что жь, сядемъ, отдохнемъ, отвѣчалъ Евангелъ.

И они сѣли.

— Скажите, неужели вы всегда и дорогой читаете? спросилъ Висленевъ.

— Ну, это какъ придется, отвѣчалъ Форовъ.

— И всегда повѣсти?

— По большей части.

— И не надоѣли онѣ вамъ?

— Отчего же? Самая глупая повѣсть все-таки интереснѣе чѣмъ трактатъ о бревнѣ улавшемъ и никого не убившемъ.

— Ну такъ вотъ же я вамъ подарокъ припасъ: это ужь не о бревнѣ улавшемъ и никого не убившемъ, а о бревнѣ улавшемъ и убившемъ свободу. И съ этимъ Висленевъ вынулъ изъ кармана пальто и приподнесъ Форову книжку изъ числа издаваемыхъ за границей и въ которой трактовалась сущность христіанства по Фейербаху.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ майоръ,—но я впрочемъ этого барона фонъ-Фейербаха не уважаю.

— А вы его развѣ читали.

— Нечего у него читать-то, вотъ горе.

— Онъ разбираетъ сущность христіанства.

— Знаю-съ, и очень люблю эти критики только не его, не господина Фейербаха съ послѣдователями.

— Они это очень грубо дѣлають, поддержалъ отецъ Евангелъ.—Есть на это мастера гораздо тоньше—филигранью чеканять.

— Да, разумѣется, Ренанъ на примѣръ, я это знаю.

— Нѣтъ; да Ренанъ о духѣ мало и касается, онъ все по критикѣ событій; но и Ренанъ-то въ своихъ положеніяхъ то же не ахти-мнѣ; онъ шатокъ противъ, на примѣръ, богослововъ современной тюбингенской школы. Вы какъ находите?

— Я признаться сказать, всѣхъ этихъ господъ не читалъ.

— А-а, не читали, жаль! Ну да это примѣромъ объяснить будетъ, хоть и въ противномъ родѣ, вотъ какъ на примѣръ Іоаннъ Златоустъ противъ Василия Великаго, Массильонъ супротивъ Боссюэта, ицъ Иннокентій противъ Филарета московскаго.

— Ничего не понимаю.

— Одни увлекательнѣй и легче, какъ Златоустъ, Массильонъ и Иннокентій, а другіе тверже и опористей, какъ Василий Великій, Боссюэтъ и Филаретъ. Ренанъ вѣдь очень легко, а вы если критикой духа интересуетесь, такъ Ламене извольте прочесть. Этотъ гораздо позабористѣй.

„Чортъ ихъ знаетъ, сколько они нынче здѣсь по трущобамъ-то сидя повачитались!“ подумалъ Висленевъ и добавилъ вслухъ:

— Да, можетъ-быть. Я мало этихъ вещей читалъ, да на что ихъ? Это роскошь знанія, а нужна польза. Я вѣдь только со стороны критики сущности христіанства согласенъ съ Фейербахомъ, а то я, разумѣется, и его не знаю.

— Да вы съ критикой согласны? Ну а е-то у него и нѣтъ. Какая же критика при односторонности взгляда? Это въ некоторыхъ теперешнихъ свѣтскихъ журналахъ ведется подобная критика, такъ вѣдь quod licet bovi, non licet Jovi, что приличествуетъ быку, то неприличествуетъ Юпитеру. Нѣтъ

вы Ламене почитайте. Онъ хотъ нашего брата пробираетъ, а христіанство онъ лучше лосаѣдователей Фейербаха понимаетъ. Христіанство это-съ вѣдь дѣло слишкомъ серіозное и великое: его не повалить.

— Оно даже хлѣбомъ кормить, вмѣшался Форовъ.

— Нѣтъ, оно больше дѣлаетъ, Филетеръ Ивановичъ, ты это глуло говоришь, отвѣчалъ Евангелъ.

— А мнѣ кажется онъ, напротивъ, прекрасно сказалъ, и позвольте мнѣ на этомъ съ нимъ закончить, сказалъ Висленевъ.—Хлѣбъ какъ все земное мнѣ ближе и понятнѣе, чѣмъ всѣ небесныя блага. А какъ же это кормить христіанство хлѣбомъ?

— Да вотъ какъ. Во многихъ мѣстахъ десятки тысячъ людей, которые непремѣнно должны бы умереть въ силу обстоятельствъ съ голоду, всякій день сыты. Петербургъ кормитъ такихъ двадцать тысячъ и все „по сущности христіанства.“ А уберите вы эту „сущность“ на три дня изъ этой сторонюшки, вотъ вамъ и голодная смерть, а ваши философы этого не видали и не разъяснили.

— Дѣла милосердія вѣдь возможны и безъ христіанства.

— Возможны, да... не всякъ на нихъ тронется изъ тѣхъ кто нынче трогается.

— Да, со Христомъ-то это легче, поддержалъ Евангелъ.

— А то „жестокіе еще, сударь, нравы въ нашемъ городѣ“, добавилъ Форовъ.

— А со Христомъ жестокое-то дѣлать труднѣй, опять подкрѣпилъ Евангелъ.

— Скажите же зачѣмъ вы живете въ такой странѣ гдѣ по вашему все такъ глуло, гдѣ всѣ добрыя дѣла творятся силой иллюзіи и страховъ?

— А гдѣ же мнѣ жить?

— Гдѣ угодно!

— Да мнѣ здѣсь угодно, я здѣсь органическія связи имѣю.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, пенсіонъ получаю.

— И только?

— Н-н-ну... и не только... Я мужиковъ люблю, солдатъ люблю.

— Чтò же вамъ въ нихъ нравится?

— Прекрасные люди.

— А неужто же цивилизованный иностранецъ хуже русскаго невѣжды?

— Нѣтъ; а иностранный невѣжда хуже.

— А я, каюсь вамъ, не люблю Россіи.

— Для какой причины? спросилъ Евангелъ.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ въ ней видите хорошаго? Ни природы, ни людей. Гдѣ лавръ да миртъ, а здѣсь квасъ да спиртъ, вотъ вамъ и Россія.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, нарвалъ горсть синей озими и сталъ ею обтирать свои запачканныя ноги.

— Ну, природа, заговорилъ онъ,—природа наша здоровая. Отглянитесь хоть вокругъ себя, неужто ничего здѣсь не видите достойнаго благодаренія?

— А что же я вижу? Вижу будущій квасъ и спиртъ и будущее сѣно!

Евангелъ опять замолчалъ и наконецъ всталъ, бросилъ отъ себя траву, и стоя среди поля съ подоткнутымъ за поясъ подрясникомъ, началъ говорить спокойнымъ и тихимъ голосомъ:

— Сѣно и спиртъ! А вотъ у самыхъ вашихъ ногъ растетъ здѣсь благовонный девясиль, онъ утоляетъ боли груди; подалше два шага отъ васъ, я вижу огневой жабникъ, который лѣчитъ черную немочь; вонъ тамъ на камняхъ растетъ верхоцвѣтный исоль, отъ удущья; вонъ ароматная марь, противъ нервовъ; рвотный калытень; сонъ-трава отъ пострѣла; кустистый дрокъ; крѣпящая разслабленныхъ алиела; вонъ болдырянь, отъ дѣтскаго родилища и мадрагары, отъ которыхъ спятъ убитые тоской и страданіемъ. Теперь, тамъ, на полѣ я вижу трава гулявица отъ судорогъ; на холмикѣ вонъ Божье дерево; вонъ львиноустъ отъ трепетанья сердца; дягиль, лютикъ, дѣлебная и смрадная трава омегъ; вонъ курослѣтъ, отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ; а тамъ по лотовинамъ луга растетъ ручейный гравилать отъ кровотечения; авранъ и многолѣтній кринъ, восстанавлиющій безсиліе; медвѣжье ухо, отъ перхоты; хрупкая ива, въ которой кулаютъ золотушныхъ дѣтей; кувшинчикъ, кукушкинъ лень, козлородъ.... Не сѣно здѣсь, мой государь, а Божья алтека.

И съ этимъ, отецъ Евангелъ вдругъ оборотился къ Вислевеу сливой, прилегъ, свернулся калачикомъ, и въ одно мгновеніе уснулъ, рядомъ со спящимъ уже и храпящимъ майоромъ.

Точно порѣшили оба на счетъ Иосафа Платоновича что съ нимъ больше говорить не о чемъ.

Висленевъ такой выходки никакъ не ожидалъ, потому что онъ не видалъ никакой причины укладываться теперь и спать, и не чувствовалъ ни малѣйшаго позова ко сну, но помѣшать Форову и отцу Евангелу, когда они ужь уснули, онъ, разумѣется, не захотѣлъ, и рѣшилъ побродить немножко по курстарникамъ. Походилъ, нашелъ двѣ ягоды земляники и съѣлъ ихъ, и опять вернулся на опушку, а Форовъ и Евангелъ попрежнему спятъ. Висленеву стало скучно, онъ бы пошелъ и домой, но кругомъ тучится и погромыхиваетъ громъ, котораго онъ не любитъ. Дѣлать нечего, онъ снялъ пиджакъ, свернулъ его, подложилъ подъ голову и легъ рядомъ съ крѣпко-спящимъ Форовымъ, сорвалъ былинку и покусывая ее началъ мечтать. Мечты его были невыспренни, онъ витали все около его портфеля, около его трудныхъ дѣлъ, около Петербурга, гдѣ у Висленева осталась недлюбимая жена и никакого положенія, и наконецъ около того какъ онъ появится Горданову, и какъ разкажетъ ему исторію съ портфелемъ.

— Чѣмъ я позже ему это сообщу, тѣмъ лучше, думалъ онъ, — чего же мнѣ и слѣшать? Я съ этимъ и ушелъ сюда чтобы затянуть время. Пусть тамъ послѣ Гордановъ потрунитъ надъ моими увлеченіями, а между тѣмъ время большой изобрѣтатель. Подчинюсь моей судьбѣ и буду спать какъ они спятъ.

Висленевъ оборотился лицомъ къ Форову и закрылъ глаза на все.

Долго ли онъ спалъ, онъ не помнилъ, но проснулся онъ вдругъ отъ страшнаго шума и пронизающей прохлады. Небо было черно, въ воздухѣ рокоталъ громъ и падали крупныя капли дождя. Висленевъ увидалъ въ этомъ достаточный поводъ поднять своихъ спутниковъ, и разбудилъ отца Евангела. Дождь усиливался быстро и вдругъ пустился какъ изъ ведра, прежде чѣмъ Форовъ проснулся.

— Побѣжимте куда-нибудь? упрасивалъ, метаясь на мѣстѣ, Висленевъ.

— Да куда же бѣжать-съ? Кругомъ поле, ни кола, ни двора, въ городъ назадъ семь верстъ, до Бодростинки четыре, а влѣво, не больше двухъ верстъ до Синтянина хутора, да вѣдь все равно и туда теперь не добѣжишь. Видите какой поливъ. Ухъ за рубашку потекло!

Отецъ Евангелъ сталъ на корточки, нагнувъ голову и выставилъ спину.

— Я говорилъ что это будетъ, проворчалъ Форовъ и тоже сталъ на колѣни точно такъ же какъ и Евангелъ.

Среди ливня, обратившаго весь воздухъ вокругъ въ сплошное мутное море, рѣяли молніи и грохоталъ не прерывая громъ, и вотъ, весь мокрый и опустившійся Висленевъ видитъ что среди этихъ волнъ погоняемыхъ вѣтромъ, аршина два отъ земли, плыветъ блѣдно-огненный шаръ, колеблется, растеетъ, перемѣняетъ цвѣта, становится изъ блѣднаго багровымъ, фиолетовымъ, и вдругъ сверкнуло и вздрогнуло, и шара ужъ нѣтъ, но за то на дорогѣ что-то взвилось, затрещало и пошло.

Форовъ и Евангелъ подняли головы.

Въ трехъ шагахъ предъ ними, въ морѣ волнъ, стоялъ двухмѣстный фэтонъ, запряженный четверней лошадей, изъ которыхъ одна оторвавши поводъ, стояла головой къ заднему колесу и въ страхъ дрожала.

— Помогите пожалуйста, кричалъ изъ фэтона человекъ съ большими кудрями à la Berganger.

— Это Михаилъ Андреичъ, проговорилъ, направляясь къ экипажу, отецъ Евангелъ.

— Кто? освѣдомился Висленевъ, идучи вслѣдъ за нимъ вмѣстѣ съ Форовымъ.

— Бодростинъ.

Въ фэтонѣ сидѣлъ бѣлый, чистый, очень красивый старикъ Бодростинъ и возлѣ него молодой кавалеристъ, съ нѣсколько надменнымъ и улыбающимся лицомъ.

— А это вы, странники вѣчные! заговорилъ, высовываясь изъ экипажа, Бодростинъ, въ то время какъ кучеръ съ отцомъ Евангеломъ выпутывали и выпрягали лошадь, тщетно наровившую подняться.—А это кто жь съ вами еще? любозытствовалъ Бодростинъ.

— А это пріѣзжій гость къ намъ съ сѣвера, Висленевъ, отъѣтствовалъ майоръ Форовъ.

— Ахъ, это ты, Есафушка! Здорово, дружокъ! Вотъ радъ, да говорить-то вѣкогда... Ты что жь куда идешь?

— Пошелъ съ ними, и самъ не знаю чего и куда, отозвался Висленевъ.

— Да кинь ты ихъ, бродягъ, и поѣдемъ въ городъ. Вотъ видишь какъ ты измокъ, какъ куликъ.

— Ужь просто ни одинъ Язонъ въ Колхидѣ не знавалъ такого душа!

— Ну и садись. Володя подвигайся, братъ! возьмемъ сего Язона, добавилъ онъ, отстраняя кавалериста. — Это мой племянникъ, сестры Агаты сынъ, Кюлевейнъ. Ну я беру у васъ господа этого городского воробья! добавилъ онъ, втягивая Висленева за руку къ себѣ въ экипажъ, онъ вамъ не къ перу и не къ шерсти.

— Съ Богомъ, отвѣтилъ Евангелъ.

Бодростинъ кивнулъ своею беранжеровскою головою, и фэтонъ опять понесся надъ моремъ дождя и свѣтлю рвущихъ молній.

Висленевъ дрожалъ отъ холоду и сырости и жался, совѣясь мочить своимъ смокшимся платьемъ сосѣдей.

— Я просто мокры какъ губка и совсѣмъ никуда не гожусь, говорилъ онъ, стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Ну вздоръ, ничего, хорошій молодецъ изъ воды долженъ сухъ выходить. Вотъ прїѣдемъ къ женѣ, она задастъ тебѣ такого эрфикуса что ты высохнешь и зарокъ дашь съ прїѣзда по полямъ не разгуливать, прежде чѣмъ друзей навѣстить.

— А нѣтъ! Бога ради! Я не могу показаться Глафирѣ Васильевнѣ.

— Чтѣ тако-о-о-о-е? Не можешь показаться моей женѣ? Полно пожалуста дурить-то.

— Я право, Михаилъ Андреичъ, не дую, а не могу же я въ такомъ печальномъ видѣ являться къ Глафирѣ Васильевнѣ, отпрашивался Висленевъ.

— Все это чистый вздоръ, облечемъ тебя въ сухое бѣлье и теплый халатъ, а тѣмъ временемъ тебѣ и другое платье принесуть.

— Нѣтъ, воля ваша, я у своего дома сойду, переодѣнусь дома и прїѣду.

— Ну да, разказывай, придешь ты какъ же! Нѣтъ ужь, братъ, надо было ко мнѣ сюда не садиться, а ужь какъ съѣлъ, такъ привезу куда захочу. У насъ на Руси на то и пословица есть: „на чьемъ возу ѣдешь, того и лѣсенку пой.“

Отмѣнить этого не предвидѣлось никакой возможности: Бодростинъ неотразимо исполнялъ непостижимый и роковой законъ по которому мужья столь часто употребляютъ самыя узорныя усилія вводить къ себѣ въ домъ людей которыхъ бы лучше имъ вѣкъ не подпускать къ своему порогу.

— Сей молодецъ яко старецъ, проговорилъ Евангелъ, сядя съ мадоромъ снова подъ межку.

— Межеумокъ, отвѣчалъ нехотя Форовъ, и болѣе они о Васильевѣ не говорили.

Подъ третьимъ кровомъ утро это началось еще иначе.

Глафира Васильевна Бодростина возвратилась домой съ небольшимъ черезъ четверть часа послѣ того какъ она вышла отъ Горданова. Она сама отперла бывшимъ у нея ключомъ небольшую дверь въ оранжерею, и черезъ нее прошла по довольно крутой спиральной лѣстницѣ на второй этажъ, въ частую комнату, гдѣ чуть тлѣлась лампада подъ низкимъ абажуромъ, и дремала въ креслѣ молодая, красивая дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ.

Бодростина залерла за собой дверь, и тронувъ дѣвушку слегка за плечо, бросила ей шинель и шляпу, а сама прошла три изящно убранныя комнаты своей половины, и остановилась наконецъ въ кабинетъ, оклеенномъ темно-зелеными обоями, и убранномъ съ большимъ вкусомъ темно-зеленымъ бархатомъ и позолотой.

Дѣвушка вошла вслѣдъ за нею и сказала: вамъ есть письмо!

— Откуда такъ поздно?

— Швейцаръ мнѣ прислалъ его, какъ только вы изволили уйти. Я сказала что вы уже изволили залочивать.

— На, отвѣчала Бодростина, бросая на руки дѣвушки свою бархатную куртку и жилетъ, свими съ меня сапоги, и подай мнѣ письмо, добавила она, подулегшись на диванъ, глубоко уходящій въ нишу окна.

Дѣвушка вышла и черезъ минуту явилась съ розовыми атласными туфлями и съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежалъ большой конвертъ.

Глафира Васильевна взяла письмо, взглянула на адресъ и покраснѣла.

— А-а! Наконецъ-то! шепнула она себѣ.

Дѣвушка разула ее и надѣла на ея ноги туфли.

— Ложись спать! приказала Бодростина.

Дѣвушка поклонилась и вышла.

Глафира Васильевна встала, тихо обошла нѣсколько разъ вокругъ комнаты, опустила занавѣсы дверей, отдернула занавѣсу окна въ нишѣ котораго помѣщался диванъ, и снова сѣла здѣсь и наморщила лобъ.

— Игра начинается большая и оласная! носилось въ ея головѣ. Рискованнѣе и смѣлѣе я еще не задумывала ничего, и я выиграю.... Я должна выиграть ставку, потому что ходы мои разчитаны вѣрно, и рука мнѣ ловящаяся неотразима, но.... Гордановъ хитеръ, и съ нимъ нужна вся осторожность, чтобъ онъ ранѣе времени не узналъ что онъ будетъ работать не для себя. Впрочемъ я готова встрѣтить все, и намъ пора окончить съ Павломъ Николаевичемъ наши счеты!

Бодростина тихо вздохнула, и взявъ неслѣшную рукой со стола письмо, разорвала конвертъ.

Письмо было на большомъ листѣ почтовой бумаги исписанномъ вокругъ чистымъ и красивымъ мужскимъ почеркомъ, внизу стояла подпись „Подозеровъ.“

„Я получилъ четыре дня тому назадъ ваше письмо, началъ авторъ. Не нахожу словъ которыми могъ бы отблагодарить васъ за чувства выраженные въ вашихъ строкахъ, которыхъ я никогда не перестану помнить. Я не отвѣчаю вамъ скоро потому что хотѣлъ отвѣчать обстоятельно. Прежде всего я отвѣчу на ваше запрещеніе смѣяться надъ вами. Это напрасно. Я не умѣю смѣяться ни надъ кѣмъ, и всегда отвѣчаю на всякій вопросъ по совѣсти, точно такъ же поступаю и въ настоящемъ случаѣ.“

„Вы напоминаете мнѣ мой долгъ вамъ, напоминаете данное мною вамъ, при одномъ шуточномъ случаѣ, серьезное слово безотговорочно и честно исполнить первое ваше требованіе, и въ силу этого слова дѣлаете для меня обязательнымъ обстоятельнымъ и чистосердечнымъ отвѣтъ на ваше письмо, заключающее въ себѣ и дружескій вопросъ, и совѣтъ, и предостереженіе, и даже предсказаніе. Вы разрѣшаете мнѣ тоже, взаимно всякихъ отвѣтовъ, отдѣлаться сознаниемъ что откровенность мнѣ не по силамъ.“

„Очень благодарю васъ за дарованіе мнѣ такого легкаго способа отступленія, но конечно имъ не воспользуюсь: я буду съ вами совершенно откровененъ.“

„Я бы очень прямо отвѣчалъ вамъ почему держу себя, какъ вы говорите, „такъ странно и двусмысленно“, еслибъ я видѣлъ въ моемъ поведеніи какую-нибудь двусмысленность и загадочность. Мнѣ даже самому было бы пріятно уяснить себѣ мои странности, но я, къ крайней моей досадѣ, лишень способности ихъ видѣть. Мнѣ кажется что я живу какъ всѣ, одѣваюсь какъ всѣ, ложусь спать и встаю въ часы болѣе или менѣе обычные для всѣхъ, занимаюсь моею службой, посвящаю моихъ немногочисленныхъ друзей, и мало забочусь о моихъ врагахъ, которыхъ, по вашему замѣчанію, у меня очень много. Не смѣю вамъ противорѣчить, но если это и такъ, то что же я долженъ дѣлать чтобъ уменьшить число моихъ недоброжелателей? Я не улобляю никакихъ стараній приобрѣсть ихъ“

вражду, и не знаю за что получилъ ее, не знаю и средства къ умилостивленію ихъ. Помогите мнѣ пожалуста и спросите перваго человѣка который выскажется ко мнѣ предъ вами враждебно что я ему сдѣлалъ худаго? Этими вы мнѣ дадите средство исправиться. Вы отнесите чувства моихъ недруговъ къ моему безучастію „въ общественныхъ дѣлахъ,“ и ставите мнѣ въ укоризну мой отказъ отъ продолженія секретарства по человѣколюбивымъ учрежденіямъ, въ которомъ вы принимаете участіе. Мнѣ кажется что вы правы: я дѣйствительно мало показываюсь въ обществѣ, но это потому что у меня очень хлопотливая служба, едва оставляющая мнѣ сколько-нибудь времени для того чтобъ освѣжить мою голову страшной чтенія. Повтому же я отказался и отъ секретарства и отъ всякаго участія въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, кромѣ посильной лепты моей, которую отдаю охотно. Я не могу дѣйствовать иначе потому что прямое мое дѣло, которое я ежеминутно дѣлаю, стоя у интересовъ крестьянъ, тоже есть дѣло благотворенія, и оно непремѣнно потерпѣло бы, еслибъ я сталъ раздѣлять свое время на стороны. Скажу вамъ болѣе: я бы считалъ очень радостнымъ фактомъ, если бы среди русскихъ мужчинъ имѣющихъ опредѣленные занятія находилось какъ можно менѣе охотниковъ вступаться въ дѣла непосредственнаго благотворенія. Зная характеръ этихъ дѣлъ, и характеръ, и цѣль большинства пристающихъ къ вамъ лицъ, я позволяю себѣ искреннѣйше желать чтобы благотвореніе и помощь бѣднымъ, какъ прямая дѣла христіанскаго милосердія, вѣдались приходами, а не людьми занимающимися этими дѣлами *pour passer le temps*. Я увѣренъ что это къ тому непремѣнно и придетъ, когда умножится число людей въ самомъ дѣлѣ добрыхъ и въ самомъ дѣлѣ соболѣзвующихъ о нуждающемся братѣ, а не ищущихъ себѣ связей и протекцій насчетъ благотворенія, какъ это дѣлается. Я чувствую ложь въ основѣ нынѣшней благотворительности, и не хочу тратить силъ и времени нужныхъ дѣлу служить которому я обязанъ присягой и добрымъ моимъ хотѣніемъ. Вотъ вамъ разъясненіе одной моей странности и послѣдней неловкости, „завершившей, по вашимъ словамъ, цѣль моихъ безтактностей“.

„Вторая укоризна въ томъ что вы называете невниманіемъ къ своей репутаціи, можетъ-быть еще болѣе справедлива. Вы ставите мнѣ въ вину что я „кажется“ никогда не употребляю никакихъ усилій для того чтобы смирить зазнающуюся наглость. Слово „кажется“ вы поставили напрасно: вы могли бы даже сказать это совершенно утвердительно, и я призналъ бы неопровержимую правоту вашихъ словъ; но вы неправы, приписывая это такъ-называемому „презрительному индифферентизму къ людямъ“ или „неспособности ненавидѣть, происходящей отъ неспособности любить“. Здѣсь вы погрѣшаете въ вашихъ заключеніяхъ. „Презрительнаго индифферентизма къ людямъ“ во мнѣ нѣтъ, и я его даже не понимаю: напротивъ,

у меня черезъ мѣру неосторожны и велики тяготѣнія къ однимъ людямъ, и я очень сильно чувствую отвращеніе отъ другихъ, но ненавидѣть я дѣйствительно не сплособенъ. Я, какъ человѣкъ очень дурно воспитанный, конечно, не свободенъ отъ злобности, и я даже могу ненавидѣть, но я ненавижу одну мстительную ненависть, и за то ненавижу ее непримиримо. Наше дѣло сберечь себя отъ зла, къ которому, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе склонны всѣ люди, но ненавидѣть человѣка и стараться мстить ему.... Это такая черная работа отъ которой, конечно, пожелаетъ освободить себя всякій, какъ только онъ захочетъ вдуматься въ существо дѣла. Вотъ вамъ объясненіе моего мнимаго незлобія: я не мстительнъ, больше по недосугу и по згоизму.

„Вы вообще желаете поднять во мнѣ желаніе защищаться и, указывая на принца Гамлета какъ на примѣръ достойный подражанія, совѣтуете усвоить изъ него „то что въ немъ есть самаго сильнаго“. Принцъ Гамлетъ образецъ великій, и вы напрасно шутите что будто бы его душа живетъ телерь во мнѣ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, это не такъ; но все-таки я чту и чувствую принца Гамлета, и я знаю что у него было самое сильное, но это отнюдь вѣдь не желаніе мстить и издѣваться, здѣсь только слабость принца, а сила его въ любви его.... въ любви его не къ Офеліи, которую онъ какъ женщину любитъ потому что „любитъ“, а въ его любви къ Горацію, котораго „избралъ онъ передъ всѣми“. Вы, конечно, помните эти прекрасныя слова за что онъ избранъ:

Страдая ты, казалась, не страдашь,
Ты бралъ удары и дары судьбы
Благодара за то и за другое,
И ты благословенъ!...
Дай мужа мнѣ котораго бы страсть
Не дѣлала работою, и я укрою
Его души моей въ святѣйшихъ нѣдрахъ.
Какъ я укрою тебя.

„Поистинѣ, я во всей трагедіи не знаю ничего величественнаго этого вообще мало замѣчаемаго мѣста; но здѣсь достоинъ подражанія не нервшителный принцъ Гамлетъ, а Горацій, съ которымъ у меня, къ сожалѣнію, только одно сходство что я такой же „бѣднякъ“ какъ онъ.

„Далѣе вы совѣтуете мнѣ измѣнить мой образъ жизни, но скажите, Бога ради, можно ли не быть самимъ собой ни для чего или, что еще хуже, измѣниться для того чтобы быть хуже?... Я это говорю потому что вы мнѣ совѣтуете „окраситься“, потому что „бѣлый цвѣтъ марокъ“, вы рѣшительно сказали „интригуйте, какъ большинство, имѣйте всѣ пороки которые имѣютъ всѣ, не будьте мимозой, свертывающейся отъ всякаго приткновенія, будьте чѣмъ вы хотите: шулеромъ, взяточникомъ, ханжой, и всѣ кто-нибудь да станетъ считать своимъ, между тѣмъ какъ нынѣ, гушаясь гадости людей, вы

вѣшь не только чужой, но даже ненавистный человекъ. Люди не прощаютъ такого поведенія: они не вѣрятъ что вы отходите для того чтобы только отойти; нѣтъ, имъ кажется что это не цѣль, а только средство чтобы вредить имъ издала. Вредите имъ, и они будутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ находясь въ догадкахъ.“ Вы очень наблюдательны, Глафира Васильевна! Это все очень вѣрно, но не сами ли же вы говорили что чтобы угодить на общій вкусъ, надо себя „безобразить“. Согласитесь, это очень большая жертва, для которой нужно своего рода героизма. Какъ эгоистъ, я имѣю болѣе близкую мнѣ заботу, прежде чѣмъ нравиться людямъ, я не хочу приходить въ окончательный разладъ съ самимъ собой. Какъ вы хотите, человекъ можно простить эту манкировку и позволить заботиться немножко о своемъ самоусовершенствованіи или, скромнѣе сказать, о собственномъ исправленіи. Надо же немножко держать корректуру надъ самимъ собой, чтобы не дойти въ концѣ концовъ до внутренняго разлада, за чѣмъ, конечно, всегда слѣдуетъ необходимость плясать по чужой дудкѣ, къ чему я совершенно не способенъ. Вы указываете мнѣ на существующую будто бы общую подготовку сразу сложиться въ дружный союзъ противъ меня, и предсказаете что это будутъ силы которыя сломятъ всякую волю; но, Глафира Васильевна, я никогда и не считалъ себя героемъ, для одолженія котораго нужны были бы очень сложныя силы въ родѣ „всеобщаго раздраженія или всеобщаго озлобленія“, которыя вы желаете отвлечь отъ головы моей. Я гораздо скромнѣе и усугубившій, и все на что я уповаю это усвоенная мною себѣ привычка отходить отъ зла, творя этимъ благо и себѣ, и тому кому я досадилъ. Я не претендую ни на какое мѣсто въ обществѣ, ни на какое вліяніе, даже равнодушествую, какъ вы говорите, къ общественному мнѣнію, все потому что я крайне доволенъ своимъ положеніемъ, въ которомъ никто на свѣтѣ не можетъ заставить меня пожертвовать драгоценною для меня свободой совѣсти, мыслей и поступковъ, я среди людей какъ среди моря; не всѣ валы сердиты и не всѣ и нахлестываютъ, а есть и такіе которые выносятъ. Я не хвалюсь друзьями, но они у меня есть. Если я, по вашимъ же словамъ, не смѣю разчитывать на доброжелательство въ обществѣ, то чему же, напримѣръ, я обязанъ за ваше участіе и вниманіе, послѣднимъ доказательствомъ которыхъ мнѣ служить лежащій предо мной листокъ, написанный вашею доброжелательною рукою? Неужто въ самомъ дѣлѣ тому что я не хотѣлъ позволить гдѣ-то и кому-то говорить о васъ вздорныя и пустыя слова, обстоятельствомъ которое вы помните съ приводящимъ меня въ стыдъ постоянствомъ?... Глафира Васильевна! я очень люблю Филетера Ивановича, но я готовъ разлюбить его за его болтливость, съ которою онъ передалъ вамъ почти трагичную, недостойную сцену мою съ Висленевымъ, который лепеталъ о васъ что-то тогда, отнюдь не по зложелательству, а по тогдашнему, довольно многимъ

общему влеченію къ такъ-называвшейся „очистительной критикѣ“. Форовъ не долженъ былъ ничего сообщать объ этомъ случаѣ, незначащемъ и недостойнымъ никакого вниманія, какъ и вы, мнѣ кажется, не должны напоминать мнѣ объ этомъ, поселяя тѣмъ неприятое чувство къ добродушному Филетеру Ивановичу. Попросить человека перестать говорить несовсѣмъ хорошо о женщинѣ, повѣрьте, самый простой постулокъ, который всякій сдѣлаетъ по такому же естественному побужденію, по какому человекъ желаетъ не видѣть неприятнаго зрѣлища или не слышать раздражающихъ звуковъ. При извѣстной слабости нервовъ и извѣстной привычкѣ потворствовать имъ, я въ томъ случаѣ который стараюсь объяснить вамъ поступилъ бы одинаково какой бы женщины это ни касалось. И затѣмъ послѣднее: за приглашеніе ваше гостить лѣто у васъ въ Рыбацкомъ, я, разумѣется, безконечно вамъ благодаренъ, но принять его я не могу: какъ ни неприятно оставаться въ городѣ, но я уѣхать отсюда не могу.

„Примите и пр.

„Андрей Подозеровъ.“

Бодростина сжала письмо въ рукѣ, посидѣла минуту молча, потомъ встала, и шепнувъ „и ты благословенъ“, вздохнула и ушла въ свою спальню.

Черезъ двѣ минуты она снова появилась оттуда въ кабинетѣ, въ пышной бѣлой блузѣ и съ распущенными не длинными, но густыми темнорусыми волосами, зажгла пахитоску открыла окно и, ставъ на колѣни на диванъ, легла грудью на бархатный матрацъ подоконника.

„Онъ бѣжитъ меня и tant mieux!..“ Она истерически бросила за окно пахитоску и хруснувъ пальцами обѣихъ рукъ, соскользнула на диванъ, закрыла глаза и заснула при безпрестанныхъ мельканіяхъ словъ: „Завтра, завтра, не сегодня такъ лѣнницы говорятъ: завтра, завтра“. И вдругъ пауза, тишь, и на разсвѣтѣ въ комнату является черноглазый мальчикъ въ розовой ситцевой рубашкѣ, барабанить и громко поетъ:

Бей, бей барабанъ,
Маршируй впереди,
А кто спитъ тотъ болавъ,
Поскорѣ буди!..

У Бодростиной! дрожать вѣки, грудь подымается и она хочетъ вскрикнуть: „братъ! Гриша!“, но открываетъ глаза... Ея комната освѣщена жаркимъ свѣтомъ измѣнчиваго утра, дѣвушка стоитъ предъ Глафирой Васильевной и настойчиво повторяетъ ей: „Сударыня, васъ ждутъ Генрихъ Ивановичъ Ролшинъ.“

Бодростина мгновенно вскочила, спросила мокрое полотенце, обтерла имъ лицо и велѣла привести гостя въ бельведеръ. — Мнѣ красную шаль, сказала она возвратившейся дѣвушкѣ, и накинувъ на плечи требуемую шаль, нетерпѣливо вышла изъ комнаты и поднялась въ бельведеръ.

Въ фонарѣ, залитомъ солнцемъ, стоялъ молодой человѣкъ, блондинъ, „нескверный и неблазный“ съ свернутымъ въ трубку листомъ бумаги.

Засыпавъ легкіе шаги входившей по лѣстницѣ Бодростинкой, онъ всталъ и подбодрился, но при входѣ ея тотчасъ же снова потупилъ глаза.

Глафира Васильевна остановилась предъ нимъ молча, молодой человѣкъ, не сказавъ ей ни слова, подалъ ей свернутый листъ бумаги.

Глафира Васильевна взяла этотъ листъ, пробѣжала его первыя строки, и сдернувъ съ себя красную шаль, сказала:

— Какъ здѣсь сегодня ярко! завѣсьте пожалуста одно окно этимъ платкомъ!

„Нескверный и неблазный“ юноша молчаливо и робко исполнялъ ея приказаніе, и когда оглянулся, увидѣлъ Глафиру Васильевну стоящую на своемъ мѣстѣ, а свитокъ бумаги у ея ногъ.

Глафира была блѣдна какъ платъ, но Ролшинъ этого не замѣтилъ, потому что на ея лицо падало отраженіе красной шапки. Онъ наклонился къ ногамъ окаменѣвшей Глафиры чтобы поднять листъ. Бодростина въ это мгновеніе встрелелулась и съ подкулающею улыбкой на устахъ приподняла отъ ногъ своихъ этого блага юношу, взявъ его однимъ пальцемъ подъ его безволосый подбородокъ.

Тотъ исплылъ отъ блаженства и запатался, не зная куда ему двинуться: впередъ или назадъ?

— Оставьте мнѣ это на два часа, проговорила Бодростина, держа свитокъ и стараясь выговаривать каждый слогъ какъ можно отчетливѣе, между тѣмъ какъ языкъ ея деревенѣлъ, и ноги подкашивались.

Ролшинъ мѣтя и колеблясь поклонился и вышелъ.

Съ этимъ виѣстѣмъ Глафира Васильевна воскликнула: я нищя! и лохатнувшись, упала безъ чувства на полъ.

Черезъ часъ послѣ этой сцены въ домѣ Бодростинкой, вѣтеръ ревалъ, хлесталъ дождь, и гремѣлъ громъ и рѣяли молніи.

Дурно залертыя рамы распахнулись и въ фонарѣ бодростинскаго бельведера и въ комнатѣ Горданова.

Послѣдній, крѣпко заславшійся, былъ разбуженъ бурей и ливнемъ; онъ позвоилъ нетерпѣливо человѣку и велѣлъ ему открыть занавѣсы и затворить хлопавшую раму.

— Цвѣты! доложилъ ему лакей, подавая букетъ.

Гордановъ покосился на свѣжія розы, всталъ и подошелъ къ окну.

— Ага! загорѣлась орифлама! проговорилъ онъ, почесавъ себѣ шею, и взявъ на столѣ листочекъ бумаги написалъ: „Дѣла должны идти хорошо. Проси мнѣ у Тихона Ларионовича льготы всего два мѣсяца: черезъ два мѣсяца я буду богатъ и тогда я вашъ. Занятые у тебя триста рублей посылаю въ особомъ конвертѣ завтра. Мужъ твой пока еще служить и его надо побережь.“

Гордановъ запечаталъ это письмо и, надписавъ его „въ Петербургъ, Алиѣ Александровнѣ Висленевой“, подалъ конвертъ слугѣ, сказавъ: сію минуту сдай на почту, но прежде отнеси эти цвѣты Ларисѣ Платоновнѣ Висленевой.

А огненная орифлама все горѣла надъ городомъ въ одной изъ рамъ бельведера, и вѣтеръ рвалъ ее и хлесталъ ее мокрѣя каймы о желѣзныя трубы, желѣзныхъ драконовъ вѣнчавшихъ крышу хрустальной клѣтки, громоздившейся на крутой горѣ и подъ сильнымъ вѣтромъ.

Телерь мы должны покинуть здѣсь подъ бурей всѣхъ нашихъ провинціальныхъ знакомыхъ и ихъ завязихъ гостей, и перенестись съ тучнаго и теллага чернозема къ холоднымъ финскимъ берегамъ, гдѣ заложенъ и выстроенъ на костяхъ и сваяхъ городъ, изъ котораго въ послѣдніе годы, доколѣ не совершился кругъ, шли и думали вѣчно идти самые разнообразныя новаторы. Посмотримъ, скрѣпя наши сердца и нервы, въ нѣкоторые недавно еще столь безобразныя и неряшливыя, а нынѣ столь отмѣнившіяся отъ прошлаго клочья этого гнѣзда, гдѣ въ остромъ укусу „сорока разбойниковъ“ отмечиваются и въ вымоченномъ видѣ выбираются въ житейское плаванье новые межеумки, съ которыми надо ликовать или мучиться и многозаботливымъ Марсамъ и безвѣстно совершающимъ свое теченіе Маріямъ.

Путь не тяжелъ,—срокъ не долготъ, и мы откочевываемъ въ Петербургъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЫЩИКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ БИРОНОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХVIII.

Миктерову удалось благополучно добраться до деревни отца. Овъ могъ жить тамъ безопасно. Отець ничего не зналъ ни о его дѣлѣ, ни о происшедшей въ судьбѣ его перемѣнѣ. Да притомъ въ Москвѣ о немъ уже забыли: вновь сформированная изъ лейбъ-режима конная гвардія замѣнила кавалергардскій полкъ, въ которомъ Миктеровъ служилъ и чины котораго переведены были теперь или въ другія мѣста, или вовсе отставлены. Вообще не до Миктерова было въ настоящее время.

Съ переездомъ государыни во вновь построенный и великолѣпно отдѣланный дворець Анненгофъ, на лѣвомъ берегу Лузы, на томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ домъ Головина и гдѣ нынѣ военныя гимназіи, стала при дворѣ мало-по-малу вводиться та роскошная обстановка, которой удивлялись современники, хотя казна нуждалась въ деньгахъ, не платила даже жалованья, перебиваясь кое-какъ тѣмъ что ссужалъ прѣѣхавшій изъ Митавы Липманъ, Еврей нѣкогда имѣвшій счеты съ Бирономъ и

который теперь получилъ званіе придворнаго банкира или оберъ-гофъ-коммиссара.

Несмотря на послѣдовавшія въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи кончины дяди государыни, Салтыкова, сестры ея Прасковьи и царицы-инокини Евдокии Феодоровны, скоро начались при дворѣ и маскарады, и праздники, и комедіантскія представленія группою присланною изъ Варшавы. Въ то же время формируются новые кирасирскіе полки, для которыхъ Левенвольдь доставляетъ лошадей, производятся экзерциціи вновь собраннымъ Измайловцамъ на Царицыномъ луку за Москвою-рѣкой, учреждается кадетскій корпусъ на 200 человекъ шляхетскихъ дѣтей, усиливаются работы на Ладожскомъ каналѣ, принимаютъ и выпроваживаютъ донъ-Эмануила Португальскаго, пріѣзжавшаго чтобы предложить руку и сердце новой императрицѣ.

Не только о какомъ-нибудь Миктеровѣ, не время было думать даже и о комъ-нибудь поважнѣе. Но если, благодаря этой суетнѣ, онъ могъ пока хорошо и свободно жить въ деревенской глуши, то не такъ-то легка была роль Торбеева, съ оставленными ему Миктеровымъ при отъѣздѣ долгоруковскими вещами. По всему видно было что времена Долгорукихъ прошли невозвратно, что другимъ, новымъ лицамъ суждено было играть главныя роли. Только и слышно было всюду и вездѣ имена иностранныхъ: Биронъ, Остерманъ, Левенвольдь, да Минихъ. Къ нимъ что ли идти Торбееву съ добромъ своимъ, имъ открываться что ли? думалъ онъ, тяготясь и принудительнымъ молчаніемъ, и навязанною тайной.

— Гдѣ нынѣ, государь мой, совѣта да милости искать? спрашивалъ онъ у своего патрона Ягужинскаго, не рѣшаясь еще даже и ему ообщить своего секрета.

— А вотъ кого намъ Левенвольдь въ наследники престола привезетъ, посмѣивался тотъ,—тому и кланяться будемъ. За женихомъ, слышь, для принцессы Мекленбургской Анны отъ двора отправленъ, ха, ха, ха! Нѣмцами вишь насъ сдѣлать хотятъ! Да не сдѣлаютъ; посчитаемся еще! горячилась Ягужинскій.

— Да, вотъ развѣ ему сказать? думалъ, утѣшенный этимъ тономъ патрона своего, Торбеевъ.—Вотъ человекъ, говорилъ онъ про Ягужинскаго въ своемъ кружкѣ,—не токмо Бирону, и самой государынѣ правды сказать не сробѣетъ, не даромъ его въ народѣ не по званію и титулу, а напосто Павломъ Ивановичемъ величаютъ!

— Правда ли, государь мой, приставаля оня олять къ Ягужинскому, — саухомъ обносимся якобы Мекленбургской присяге о престолонаслѣдїи въ архіерейскомъ подворьѣ печатали, и станки, слышь, тамъ съ наборщиками залерли?

— Ха, ха! смѣялся олять Ягужинскій, — нѣтъ, неправда, а что за Елизаветъ Петровной указано Миниху надзирать, да провѣдывать кто у нея бываетъ, и что ло ночамъ будто бы ова ѣздить, и народъ ей кричить, показуя горячность свою, о томъ у тебя спросить надо, тебѣ дѣло сіе знатно вѣдомо.

— Сказать ему? продолжалъ думу свою Торбеевъ, прельщенный ласковымъ и откровеннымъ тономъ своего патрона. Супротивъ него никто большеи услуги кажись ея величеству не оказывалъ; сказать развѣ ему? Эхъ! рѣшился оня наконецъ и отправиася къ Ягужинскому.

Обычаи генерала были ему хорошо знакомы, оня зналь что Ягужинскій не любиль церемонныхъ выѣздовъ, обѣдалъ всегда дома, въ семьѣ, и что слѣдовательно застать его дома вернѣ всего въ обѣденный часъ. Но случилось что Ягужинскій получилъ какъ-то приглашеніе на обѣдъ къ Бирону и что приглашеніе это приняла, въ небытность его дома, жена его, Анна Гавриловна, сказавъ что мужъ будетъ непременно. Нечего дѣлать, Павелъ Ивановичъ рѣшился ѣхать, не смотря на всю нелюбовь къ этикету, несмотря и на накопившую за все это время въ немъ желчь противъ *Нт. мусевъ*.

Не захвативъ дома супруговъ, Торбеевъ рѣшился ихъ дожидаться.

Обѣдъ у Бироновъ былъ не торжественный, кромѣ домашнихъ и родственниковъ, дѣвиць Трейтенъ, братьевъ Бирона и кое-кого изъ придворныхъ, приглашены были только: Левевольдъ, Ушаковъ и Черкасскій, да Ягужинскій. Столъ былъ прочемъ накрытъ все-таки вликозѣбно, блестяло серебро и хрусталь, стояли корзинки съ фруктами и сладями. Дамы сидѣли на одной сторонѣ стола, мушчины на другой. Анна Гавриловна, высокая, необыкновенно стройная, немного рябоватая, но недурная собою женщина, казалась царицей предъ всѣми остальными дамами. Отлично говоря на иностранныхъ языкахъ и известная своею любезностью, она бойко относилась то къ той, то къ другой изъ своихъ собесѣдницъ и одна повидимому занимала женскую половину общества.

На сторонѣ мушчинъ было гораздо тише и скучнѣе. Всегда

острый и забавный Павелъ Ивановичъ былъ не въ духѣ, онъ только ѣлъ и пилъ по обыкновенію много. Хозяинъ, занятый сервировкой, мало обращалъ вниманія на бесѣду и лишь по временамъ вставлялъ свои некрасивыя, съ нѣмецкимъ акцентомъ и нѣмецкими оборотами русскія фразы. Черкасскій съ Ушаковымъ разговаривали о ходячей городской новости, объ учреждаемомъ вновь кадетскомъ корпусѣ. Стали одинъ по одному разбирать пункты только-что вышедшаго и обнародованнаго устава его. Остановились на введенныхъ во второмъ классѣ наукахъ: фортификаціи, артиллеріи, исторіи, риторикѣ, юриспруденціи, морали и геральдикѣ. Кто-то замѣтилъ что науки эти вѣроятно заимствованы изъ какой-нибудь иноземной программы, такъ какъ корпусъ устраивается по примѣру прусскаго, датскаго и прочихъ королевскихъ кадетскихъ домовъ.

— Будетъ время, сказалъ вдругъ, поднявъ голову, Ягужинскій,—будетъ время мы свои дома и всѣ порядки въ нихъ по примѣру прусскаго, датскаго и прочихъ королевствъ установимъ.

— Вамъ привычка давно есть къ иноземному, наостривъ уши и посмотрѣвъ прямо въ глаза Ягужинскому, сказалъ Биронъ;—графу это помнитъ можно, прибавилъ онъ, точно обидѣвшись сдѣланнымъ замѣчаніемъ.

Ягужинскаго кольнуло также за живое такой отвѣтъ; не ему, въ самомъ дѣлѣ, свидѣтелю и участнику реформъ Петра, было теперь упрекать кого бы то ни было иноземными порядками.

— Старыхъ обычаевъ знатное число отложено, это я вѣдаю, отвѣчалъ онъ,—однако и то удивленія достойно что шляхетство отъ молодыхъ лѣтъ обучено будетъ разнымъ наукамъ о коихъ въ уставѣ уломянута и кои и выразумѣть трудно: морали, геральдикѣ.... о правилахъ же церкви своей вѣдать не будетъ.

— Правила церкви! ха-ха! засмѣялся Биронъ. — Графъ истиннѣ православный, прибавилъ онъ, поглядывая искоса на него.

Ягужинскій вспыхнулъ; тонъ Бирона вообще раздражалъ его, насмѣшка же его надъ православіемъ, наломанная ему что отецъ его былъ органистомъ въ лютеранской церкви и что самъ онъ считалъ себя когда-то членомъ ея, окончательно взбѣсила Павла Ивановича.

— Я Россію отечествомъ своимъ считаю, началъ онъ,—по-же въ ней выросъ и всю жизнь свою провожаю, совѣтникомъ тому чтобы старыхъ обычаевъ держаться неотложно не былъ никогда; однако, полагаю, объ уставѣ кадетскаго корпуса подумать можно, что конечно сочиненъ онъ иноземцемъ, и всякому Русскому не по сердцу придется.—Во время трапезы, обратился онъ, какъ бы ища сочувствія, къ Черкасскому и Ушакову,—во время трапезы опредѣлено одному изъ кадетъ, вмѣсто молитвы, читать вслухъ нѣсколько изъ артикуловъ, регламентовъ, указовъ, также изъ исторіевъ или газетовъ. А? во время трапезы?

Лицо Ягужинскаго, несмотря на его 46 лѣтъ, горѣло юношескимъ негодованіемъ; подъ вліяніемъ накопившейся досады и выпитаго вина, онъ непремѣнно сказалъ бы что-нибудь дерзкое, еслибы только нашелъ въ своихъ собесѣдникахъ какую-нибудь поддержку; но Черкасскій сидѣлъ склонивъ голову на плечо, Ушаковъ уткнулся въ тарелку; никто не сказалъ ни слова.

— Нѣмцы, графъ, замѣтилъ тогда Биронъ, поднявъ еще выше голову,—Нѣмцы и не одинъ уставъ этотъ для Россіи сочинили. Много они сочиняли, Нѣмцы.

— Иное дѣло сочинять, а иное обычаи ломать, отвѣтилъ Ягужинскій, чувствуя что говорить не то что хотѣлъ бы сказать, чувствуя также что самъ даетъ врагу своему въ руки оружіе противъ себя и оттого еще болѣе досадуя и горячась.

— Чудно то, весьма чудно какъ графъ говоритъ! ха-ха-ха! засмѣялся олять Биронъ, пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ.—Думаю графъ свою бороду брѣветъ? А? продолжалъ онъ съ сладкою улыбкой.—Брѣветъ?

— Брѣю, брѣю! вскипѣвъ вдругъ негодованіемъ и возвысивъ голосъ, отвѣтилъ Ягужинскій,—только не вашему сіятельству сбрить ее.

— О-о-о! нахмурившись сказалъ Биронъ.—Русской націи не бритва: толоръ и кнутъ лучше.

— Кнутъ? повторилъ Ягужинскій и, вскочивъ изъ-за стола схватился за шлагу.

Обѣдъ и безъ того уже оканчивался, но тутъ, забывъ всякій этикетъ, всѣ встали какъ полало; Анна Гавриловна, подбѣжавъ безознательно къ хозяйкѣ дома, крѣпко жала ей руку, какъ бы заранее прося пощады. Ушаковъ и Черкасскій стали предъ Ягужинскимъ.

— Оламятуйся, Павелъ Ивановичъ, что ты? говорили они. Ягужинскій вѣвъ себя озирался во всѣ стороны и, наконецъ, ни слова не говоря, никому не поклонившись, пошелъ вонъ изъ комнаты; жена его любѣжала за нимъ.

— Не время, не время! чуть не закричалъ онъ на подвернушагося ему уже дома Торбеева, ошеломленнаго такимъ приѣмомъ своего благодѣтеля, отъ котораго онъ ожидалъ и совѣта, и помощи, и къ которому теперь и пристулу не было.

И въ самомъ дѣлѣ было не время; не только Торбеева, но и весь дворецъ смутилъ Ягужинскій.

Остерманъ, которому давно уже не жилось въ Москвѣ, который и Петра II увѣрялъ что кремлевскій воздухъ вреденъ для его здоровья, сталъ теперь рѣшительнѣе прежняго доказывать что двору необходимо возвратиться въ Петербургъ. Описанная выходка Ягужинскаго казалась ему проявленіемъ той грубой силы бороться съ которою онъ признавалъ себя неспособнымъ, — силы, противъ которой, онъ чувствовалъ, не помогли бы ни его уклончивость, ни хитрость, ни дипломатическія его способности.

— Вашему величеству, твердилъ онъ ежедневно государынѣ, приходя во дворецъ въ грязноватой, сравнительно съ окружавшею пышностью и блескомъ, одеждѣ.—Вашему величеству надлежитъ для успокоенія переѣхать въ Петербургъ. Москва долго помнить будетъ тѣ обстоятельства при коихъ самодержавіе воспріяты изволили. Злодѣйскіе замыслы здѣсь авантажъ имѣють и намъ предотвратить ихъ здѣсь будетъ не можно, въ Петербургѣ же иное дѣло.

XIX.

Какъ и что случилось съ Ягужинскимъ, почему онъ такъ разсердился, ничего не знали и не могли придумать Торбеевы, но идти къ нему теперь старикъ не рѣшался, зная его горячій нравъ и разчитывая лучше переждать, лучше дать ему остыть, чѣмъ теперь рисковать можетъ-быть попасть опять въ такой же недобрый часъ и, не достигнувъ ничего, пожалуй и совсѣмъ милостей его лишиться. Между тѣмъ нежданно-негаданно послѣдовало вдругъ распоряженіе: всѣмъ войскамъ находящимся въ Москвѣ, за исключеніемъ четырехъ баталіоновъ, отправляться въ Петербургъ для исправленія на пути дорогъ и мостовъ. Молодой Торбеевъ долженъ былъ сѣдо-

вать съ вами, ибо о прикомандированіи его къ войскамъ оставшимся въ Москвѣ, безъ протекціи Павла Ивановича нечего было, конечно, и думать, надо было собираться въ походъ, надо было управляться съ деньгами, наконецъ, главное, надо было на чемъ-нибудь рѣшить вопросъ: какъ и куда дѣваться съ оставленнымъ Миктеровымъ сокровищемъ, и все это скорѣе-скорѣе, безъ всякой помощи, безъ всякаго совѣта.

— Удружилъ, вотъ удружилъ, спасибо! говорилъ старикъ Торбеевъ сыну, горячась и не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, — въ чужомъ лиру, да лохмѣлье!...

Но сыну его было тяжело и трудно и безъ всякихъ упрековъ; отъ природы робкаго характера, онъ совершенно оступился и осовѣлъ; когда приходилось ему теперь въ первый разъ разставаться съ отцомъ, и безъ всякой нравственной поддержки вступать въ совершенно незнакомую ему и новую походную жизнь, онъ и казны-то, которую укладывалъ ему бережно старикъ, сосчитать порядкомъ не могъ и собою-то распорядиться какъ слѣдовало не умѣлъ, а тутъ приходилось еще думать за другихъ, отстаивать товарища, да умасливать отца, который ни на какіе уговоры, повидимому, сдаваться уже не хотѣлъ, и терпѣніе котораго, казалось, истощилось до конца.

— Нѣтъ, мочи моей нѣтъ, мочи нѣтъ! говорилъ онъ. — До времени терпѣть я потерплю, а придетъ случай, либо выкину вонъ, либо тебѣ же въ Питеръ пришлю; вотъ и все; самъ какъ знаешь такъ и вѣдайся! Нравъ твой, продолжалъ онъ, обращаясь къ сыну, — хотя и робкій, однако это на предбудущее тебѣ въ пользу послужить, съ какимъ человѣкомъ дружбу вести можно. Самъ бѣжалъ, а добро свое намъ покинулъ! Не стерплю сего, слышь, не стерплю, въ Питеръ къ тебѣ съ подвоей пришлю!

Молодой Торбеевъ отправился. И дорогой, и потомъ въ Петербургѣ, его постоянно тревожила мысль объ отношеніяхъ его къ Миктерову, и Богъ знаетъ до чего могъ бы онъ дойти при своей болѣзненной впечатлительности, еслибъ Ягужинскій, получившій назначеніе посланникомъ въ Берлинъ, не предложилъ ему вѣхать съ собою въ качествѣ адъютанта.

„Въ Берлинъ такъ въ Берлинъ,“ размышлялъ онъ, „только бы не здѣсь оставаться, подъ этимъ вѣчнымъ страхомъ!“

И онъ отправился въ свитѣ Ягужинскаго.

XX.

Въ то время какъ переселившійся въ Петербургъ дворъ сталъ мало-по-малу принимать тотъ характеръ который сохранился въ немъ до конца царствованія Анны; въ то время какъ Биронъ, расчищая себѣ дорогу, удалялъ понемногу отъ государыни всѣхъ казавшихся ему опасными, выпрашивалъ награды и себѣ, и малолѣтнимъ своимъ дѣтямъ, выписывалъ въ невѣсты брату изъ Сибири богатую наслѣдницу скрытыхъ Меншиковымъ въ иностранныхъ банкахъ капиталовъ; въ то время какъ тотъ же Биронъ, желая всячески угодить своей повелительницѣ, ограждалъ ее отъ всѣхъ безлокойствъ до запрещенія было подавать челобитныя по воскреснымъ, — торжественнымъ днямъ и на куртагахъ, и до приказанія жечь, не донося и не распечатывая, подметныя письма; въ то время, наконецъ, какъ, пользуясь совершеннымъ спокойствіемъ, сама государыня занималась пріемами китайскихъ и другихъ пословъ, открывала торжественно кадетскій корпусъ и совершала прогулку на 80ти галерахъ и лодкахъ для осмотра оконченнаго Ладожскаго канала; любовалась на куртагахъ танцами знатнѣйшихъ дамъ, слушала лѣсни сочиненныя юнымъ Сумароковымъ, сооружала, подъ вліаніемъ духовника своего, Варлаама, церкви, разсылала потиры, диски, звѣзды и блюда по разнымъ монастырямъ, снаряжала миссіи для службы Божіей куда-нибудь въ Камчатку и къ Японцамъ, — въ то время Миктеровъ, не имѣя обо всемъ этомъ никакого понятія и не зная ни о томъ что дѣлается при дворѣ, ни о томъ до какой степени проиграно дѣло Долгорукихъ, жилъ въ деревнѣ отца изо дня въ день, скучая и все еще надеясь выйти какъ-нибудь изъ этой тюрьмы, изъ этой скучной деревенской жизни.

Если всему околотку и было извѣстно что сыну Миктерова, человѣка небогатаго, по протекціи Долгорукихъ только удалось попасть въ гвардейскій полкъ; если старикъ отецъ его и не мало трубилъ и хвасталъ въ свое время, во время силы Долгорукихъ, о блестящей карьерѣ ожидавшей его сына, чѣмъ и успѣлъ возбудить въ нѣкоторыхъ зависть, то теперь, взглянувъ на изнеможенную, худую и блѣдную фигуру молодого человѣка, можно было забыть всякія неприятыя къ нему

чувства, и пожалуй убѣдиться въ томъ что ни неудача по службѣ, ни гоненіе Долгорукихъ, а дѣйствительно разстроенное, какъ онъ говорилъ, здоровье и болѣзнь заставили его вернуться къ отцу. Про секретныя дознанія, бывшія до его прибытія въ отцовской усадьбѣ, не зналъ никто изъ сосѣдей, что же касается до мѣстныхъ властей, то они были далеко, ихъ было мало вообще, да и не могли они слѣдить за тѣмъ что дѣлалось въ помѣстьяхъ. Опасно было попасться имъ, но не попасться было не трудно; жизнь въ провинціи была довольно свободна, но за то она была лишена всякаго проявленія и всякаго смысла. Миктеровъ томился и скучалъ.

Отецъ его, старикъ еще совершенно бодрый, служившій когда-то въ военной службѣ въ низкихъ чинахъ и участвовавшій въ походахъ противъ Шведа, умѣлъ сохранить къ сыну, несмотря на свою грубоватую натуру, то чувство нѣжности которое имѣютъ обыкновенно вдовцы къ своимъ дѣтямъ, инстинктивно стремясь замѣнить собою потерянную этими послѣдними мать. Отпустивъ сына когда тотъ былъ еще ребенкомъ, онъ собственную радость принесъ въ жертву чуждой блестящей его карьерѣ, въ немъ только полагая счастье своей жизни, и обрѣзавъ свои собственные расходы, съѣлся елико возможно, лишь бы хоть какъ-нибудь посылать ему отъ времени до времени нѣсколько рубашекъ. Онъ гордился положеніемъ своего Ванюши во время силы Долгорукихъ и мечталъ о томъ счастливомъ днѣ когда наконецъ сынъ этотъ, выведенный имъ въ люди, придетъ поблагодарить отца за его нѣжныя заботы. Но когда вмѣсто того, съ паденіемъ Долгорукихъ, рушились эти мечты, и сынъ его въ простой одеждѣ, лѣшкомъ и больной еще, возвратился къ нему, онъ убѣжища, старикъ вину всего несчастія взялъ на себя и тѣмъ болѣе считалъ себя обязаннымъ, съ одной стороны, удвоить, если было только можно, заботы и нѣжности къ нему, съ другой, сохранить навсегда чувство вражды къ тому порядку который имѣлъ слѣдствіемъ своимъ гибель его Ванюши. Но что же, однако, при всемъ своемъ желаніи, могъ предложить несчастный отецъ въ утѣшеніе сына? Представляла ли деревская жизнь какіе-нибудь къ тому способы, и какова была она вообще?

Помѣщики жили въ своихъ усадьбахъ окруженные огромною дворней, и вообще наслаждаясь извѣстнымъ довольствомъ. Семьи ихъ значительно разрослись. Они держали псовыя

охоты, ѣли, пили, а крестьянство, до котораго никому дѣла не было, несло на плечахъ своихъ всѣ тяжести.

Встанеть поутру баринъ до восхода солнца, прочтеть съ дьячкомъ полуночную и утреню, побесѣдуетъ съ дворецкимъ ключникомъ или старостой, и садится кушать обитень, бузинный взваръ, а иногда и чай. Сходить овъ потомъ иногда къ обѣднѣ, поддерживаемый лакеями; въ церкви стоитъ на переднемъ мѣстѣ, а возвратившись, примется завтракать и вождъ затѣмъ скоро и обѣдать съ семействомъ. Кушанье приготовлялъ или ученый поваръ, или простая повариха; блюда были незатѣпливыя, но за то брали количествомъ; у инаго семь, а у инаго и пятьдесятъ блюдъ бывало, соразмѣрно чему и распредѣлялась прислуга за столомъ. Послѣ обѣда въ домѣ закрывали ставни, баринъ ложился почивать, и все ходило въ домѣ на цыпочкахъ. Затѣмъ баринъ просыпался, требовалъ квасу или брусники съ медомъ, или моченыхъ яблокъ и, мало выждавъ, принимался олять за чай, а потомъ ужинъ и наконецъ сонъ до другаго дня. Такъ шли дни одинъ за другимъ, прерываемые только осенними и весенними охотами, да поѣздками къ сосѣдямъ.

Петербургское правительство, заставившее скоро себя почувствовать во всѣхъ концахъ Россіи и отозвавшееся на всѣхъ классахъ населенія, прибавило еще нѣсколько новыхъ красокъ къ этой и безъ того некрасивой картинѣ. Тамъ, стало слышно, наказали батогами какого-то старика помѣщика, за двукратную продажу одного и того же имѣнія, тамъ оштрафовали другаго, за намѣреніе постричь по принужденію жену свою въ монастырь; вотъ, слышно, потянулись подводы въ Петербургъ и ближайшіе города, съ офицерскими и шляхетскими недорослями, для записки ихъ на службу; а то вдругъ указъ о рекрутскомъ наборѣ; помѣщиковъ, прикащиковъ и сотскихъ, обязанныхъ выставлять рекрутъ, берутъ подъ караулъ за малѣйшую неисправность, а въ такомъ-то селѣ крестьянство приняло въ колья команду присланную для добора недоимочныхъ рекрутъ.... А любѣга! о нихъ только и рѣчи. Бѣжить народъ со службы, бѣжить овъ съ барщины. По границамъ и по губерніямъ разъѣзжаютъ особые офицеры съ драгунами и солдатами, ищутъ вездѣ бѣглецовъ; губернаторы, воеводы, а также помѣщики, прикащики, старосты, выборные, сотскіе и десятскіе посылаютъ за ними логови, ловятъ оъ

общианіемъ 10 рублей награды за **каждаго** приведеннаго бѣглаго рекрута. Военные **пріемщики** съ своей стороны берутъ взятки, и деньгами, и собственными приласами, и чѣмъ попало, **вымогаютъ** хорошей одежды вмѣсто положеннаго по указу сермяжнаго кафтана, отлускаютъ за большіе куши крестьянъ **заключенныхъ**,—и все это безъ жалобъ и апелляцій, ибо не заботому же, безграмотному крестьянству тягаться съ грамотными гражданскими и военными чинами? Но вотъ правительство сосчитало что въ недоимкѣ за народомъ числится до 7 милліоновъ рублей и приступило къ строгимъ мѣрамъ взысканія, **экзекуціями**; оно учредило наконецъ и страшный **должный приказъ**, съ гремѣвшимъ извѣстностію статскимъ собѣтникомъ Масловымъ.

— „Деньги, слышь, казнь понадобились; съ Полякомъ война началась“, толковали самые покладавые между провинціалами, но зачѣмъ понадобилось воевать съ Полякомъ, на это не могли бы дать отвѣта сто человекъ во всемъ государствѣ. Заботы Австрійскаго двора о гарантіи и признаніи другими державами прагматической санкціи; притязанія Прусскаго двора на Курляндское герцогство; **демогательства** Франціи о возвращеніи Станиславу Лецинскому польской короны,—кто ихъ разберетъ что все это значить? До нашихъ захоуствьевъ долетало только что вся политическая стряпня дѣлается не русскими руками, а руками Бирона, Остермана Мивиха, Левенвольда и Ливена, связывавшихъ и развязывавшихъ вопросы; даже имя человека начальствовавшего войсками, Ласси, звучало не по-русски. „Всѣмъ ворочать стали Нѣмцы“, начали у насъ поговаривать, качая головой. Оно такъ дѣйствительно и было. Сами Поляки говорили что враждебныя дѣйствія Русскаго двора противъ Рѣчи Посполитой и вступленіе въ Польшу, предъ избирательнымъ сеймомъ, русскихъ войскъ, было дѣломъ *нѣмецкой партіи*. Они просили государыню прислать въ Варшаву вмѣсто Левенвольда „кого-нибудь изъ Русскихъ“, наконецъ самъ Левенвольдъ называлъ лицъ стоявшихъ во главѣ русскаго правительства „нѣмецкимъ министерствомъ“, **противуполагая** ему генералитетъ и сенатъ, состоявшіе въ большинствѣ изъ Русскихъ.

„Неладно“, толковали немногіе изъ числа тогдашнихъ пошляковъ интересовавшихся общими государственными дѣлами; „Никакъ Господь отступилъ отъ Россіи!“

И въ самомъ дѣлѣ повсемѣстный неурожай въ Россіи ставилъ и правительство, и помѣщиковъ, и крестьянъ въ совершенно отчаянное положеніе. Ни у кого не было ни денегъ, ни хлѣба. Офицеры жившіе на постоянныхъ квартирахъ въ Смоленской губерніи, не въ состояніи будучи собрать подушной подати, командировали было въ деревни неплательщиковъ экзекуціи, но это приводило крестьянъ въ еще худшее положеніе, не пособляя дѣлу; можно было опасаться что крестьянамъ, вынужденнымъ содержать военныя команды не хватить хлѣба и для обскія полей: экзекуціи пришлось приостановить,—вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было описывать хлѣбъ у тѣхъ помѣщиковъ у кого былъ излишній и раздавать его неимущимъ, до новаго урожая, займы. У купцовъ и промышленниковъ тоже описывали хлѣбъ, съ тѣмъ чтобы его продавать съ прибавкой по гривнѣ на рубль сверхъ обыкновенной его цѣны; наконецъ приказано было раздавать хлѣбъ и изъ казенныхъ магазиновъ. Но эти мѣры вызвали другое зло. Появились ростовщики, которые, пользуясь общимъ безденежьемъ, давали деньги подъ залогъ вещей вдвое меньше ихъ стоимости и брали 12, 15 и 20%. Чтобы пособить этой бѣдѣ, правительство разрѣшило монетной конторѣ выдавать деньги подъ золотыя и серебряныя вещи изъ 8% и на три года; но кромѣ золота и серебра, въ залогъ не велѣно было принимать ничего, ни деревень, ни дворовъ, ни даже алмазныхъ и другихъ вещей. Поправиться было нельзя слѣдовательно и этимъ путемъ.

Вотъ среди какой обстановки попалъ въ деревню Миктеровъ. Все окружающее только усиливало его мрачное настроеніе. Гдѣ, думалъ онъ, опять судьбы искать. Сыщу ее, живъ не буду, сыщу. Такъ жить нельзя, горячился онъ, злясь и на себя, и на отца, а неудовлетворенное честолюбіе свертывало въ немъ мало-по-малу тотъ клубокъ желчи который, возбуждая человѣка, придаетъ ему подчасъ силу характера а изъ уклончиваго и мягкаго дѣлаетъ, при извѣстной обстановкѣ, отважнымъ и смѣлымъ.

— Ну, сказалъ разъ вошедшій къ нему отецъ, вотъ желалъ ты все вѣсточки; на, поди, тебя кто-то спрашиваетъ, и имени своего не сказываетъ.

Миктеровъ встрепенулся при этомъ извѣстіи, сердце его забилось сильнѣе обыкновеннаго, онъ даже попятился нѣсколько назадъ и поблѣднѣлъ, когда стоявшій предъ нимъ незнакомецъ сталъ распрашивать его: онъ ли Миктеровъ, его ли

зовуть Иваномъ и по отчеству Ивановичемъ же и знаетъ ли онъ наконецъ такой-то домъ и такую-то улицу въ Москвѣ. Названный домъ и улица были ему совершенно незнакомы.

— Самъ-отъ кто ты таковъ? закричалъ было Миктеровъ, раздраженный этимъ неумѣстнымъ, казалось ему, допросомъ, — самъ-отъ кто? Говори!

Но дѣло разъяснилось тотчасъ же.

Незнакомецъ назвалъ имя Торбеева-отца и вытащилъ изъ-за ворота рубашку пришитый на снуркѣ мѣшокъ, досталъ залечатанное краснымъ сургучомъ, безъ адреса, на толстой бумагѣ письмо.

„Волепервыхъ объявляемъ тебѣ, писалъ Торбеевъ, мы живы и здоровы; извѣстную персону схоронили, сына же проводили съ Павломъ Ивановичемъ въ Берлинъ городъ. Предъ нѣсколькими днями, прибылъ въ домъ мой нѣкій подозрительный чело-вѣкъ съ прежней квартиры нашей и, описуя персону твою, объявилъ якобы насъ кто-то спрашивалъ, причемъ превеликое стараніе прилагалъ провѣдать кто бы такой оный могъ быть; но я гораздо понятнѣе сіе примѣтилъ и отвѣта ему никакого не далъ. Понеже изъ сего вижу я что на тебѣ есть недреманное око и связь наша провѣдана, того ради лишу, дабы намъ въ опасность власть было не можно.“

Смерть „извѣстной персоны“ была, конечно, утѣшительною новостью: все же одною связью съ прошедшимъ мѣзе; но это „недреманное око“ приводило въ ужасъ раздраженнаго болѣз-нѣю и всегда готоваго лугаться Миктерова. Онъ проклиналъ злосчастную судьбу свою и часъ своего рожденія.

— Ванюша, Ванюша! со слезами на глазахъ говорилъ старикъ, не зная что ему еще придумать для сына, — да Богъ-то на что же? Богъ-то?

Чтобы развлечь мрачныя мысли сына, онъ уговорилъ его съѣздить къ богатому и чиновному сосѣду, Наумову, который долженъ былъ на дняхъ справлять храмовой праздникъ въ своей усадьбѣ. „Какъ мнѣ, бѣглецу, показаться на многолюдствѣ“, подумалъ молодой Миктеровъ, но скука ужъ очень одо-лѣвала его, и потому онъ рѣшился ѣхать, тѣмъ болѣе что старикъ увѣрялъ что тамъ будутъ только одни свои.

XXI.

Перваго октября, у сосѣда Миктерова, Наумова, въ селѣ Ѳедюхинѣ, былъ храмовой праздникъ; гостей съѣхалось много. Село Ѳедюхино находилось надъ Днѣпромъ. Къ рѣкѣ тянулись огороды, гумна съ хлѣбомъ и крестьянскія избы, разбросанныя безъ всякаго порядка, какъ колна на необработанномъ полѣ, а на самой водѣ шумѣла мельница и толчея, огороженная плетнемъ. Выше стояли хоромы хозяина, состоящія изъ пяти только комнатъ, съ самою простою и необходимою мебелью; съ одной стороны покоевъ была кухня и баня, съ другой—помѣщенія для мастерицъ, далѣе наконецъ церковь, сараи, конюшни и другія постройки.

Трудно было бы конечно помѣстить комфортабельно въ такихъ необширныхъ хоромахъ всѣхъ наѣхавшихъ теперь сосѣдей, но прїѣзъ не были большею частью такого сорта люди съ которыми хозяинъ могъ и не стѣсняться. Пять, шесть человѣкъ только изъ нихъ, между коими майоръ Бахметьевъ старикъ Миктеровъ, да еще кое-кто, могли ожидать известной аттенціи со стороны хозяина; остальные же относились къ нему какъ къ своему патрону, смѣялись лишь когда смѣялся онъ, выслушивали все что ему угодно было сказывать, не смѣя перебивать и говорили только тогда когда ихъ о чемъ спрашивали. Это были бѣдняки, мелкопомѣстные дворяне, которыми любили окружать себя достаточные люди и изъ которыхъ дѣлали они то молчаливую, послушную и подобострастную и на все готовую свиту, то шутовъ, то собесѣдниковъ въ оргіяхъ и попойкахъ.

Наумовъ человѣкъ вдовый и бездѣтный. По привычкамъ своимъ, онъ составлялъ нѣкоторымъ образомъ исключеніе въ средѣ окрестныхъ помѣщиковъ; онъ не видался почти ни съ кѣмъ изъ сосѣдей; если выѣзжалъ куда, то лишь торжественно, въ исполнческой каретѣ, съ верховыми и цѣлою свитой, а если принималъ къ себѣ, то по какому-либо особому только поводу, въ праздникъ престольный, или когда собирался полевать. Въ настоящемъ случаѣ, и то и другое соединялось вмѣстѣ. Кто прїѣхалъ просто поздравить Ѳедора Алексеевича, изъ уваженія къ чину его, тайнаго совѣтника, кто надѣялся хорошо поѣсть и выпить за праздничнымъ столомъ, кто

наконецъ, приведя свою свору борзыхъ собакъ, намѣревался поохотиться съ генеральскими гончими, — и этихъ посажденных гостей-охотниковъ было больше всего. Федоръ Алексѣевичъ принималъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ; онъ любилъ когда было предъ кѣмъ похвастаться и охотой своею вообще, и лихостью своихъ собакъ въ особенности; его забавляли охотничьи споры и ссоры мелкихъ помѣщиковъ, и за все это, не жалѣя, готовъ былъ онъ пожертвовать нѣсколькими десятками четвертей овса, который съѣдался приведенными и на его счетъ содержимыми лошадьми и собаками сохвѣей.

Къ обѣднѣ еще не благовѣстили; народъ: мужики и бабы гвѣсались на лалерти, у залертыхъ дверей небольшой деревяной церкви, или сидѣли группами внутри церковной ограды. На дворѣ барскихъ хоромъ, отстоявшихъ отъ нея въ полуверстѣ, хлопотали кучера около пріѣхавшихъ еще наканунѣ и разставленныхъ кое-какъ подъ открытымъ небомъ разнообразныхъ экилажей: простыхъ телѣгъ, кибитокъ, бричекъ и колясокъ. Несмотря на близкое разстояніе отъ церкви, деревенскій этикетъ требовалъ чтобы господа отправились къ обѣднѣ не иначе какъ въ экилажахъ; вотъ почему теперь и хлопотали чужіе кучера на дворѣ, а въ сараѣ самого хозяина закладывалась высокая, фигурная, рѣзьбой съ позолотою отшлифованная карета.

Скоро ударили въ колоколъ, повѣздъ двинулся, и за вошедшими въ церковь господами съ ихъ слугами и дворней, дождавшемуся на лалерти простому народу не хватило даже и хвѣста, онъ такъ и остался тамъ гдѣ стоялъ; слыли только крестьяне, несмотря на холодное октябрьское утро, свои шалки и всѣ обратились лицомъ къ дверямъ.

Вошедшій прежде всѣхъ хозяинъ, въ бархатномъ кафтанѣ подбитомъ тафтою и золото-тканомъ камзолѣ, съ треугольною шляпой въ рукахъ, въ сопровожденіи двухъ гайдуковъ въ свѣтлозеленыхъ ливреяхъ съ золотыми позументами, похвѣстался вмѣстѣ съ майоромъ Бахметьевымъ на приготовленномъ собственно для него небольшомъ возвышеніи, обитомъ фіолетовымъ сукномъ по полу и по панелямъ; у этого возвышенія расположились гости Наумова.

Служба шла быстро, лѣвчихъ не было, и за молебномъ, когда діаконъ провозгласилъ общую форму многолѣтія на высокопоторжественные дни, введенную въ то время по случаю пре-

ступленія нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ противъ титула, а именно: *благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей великой государыни императрицы нашей Анны Иоанновны, самодержицы всероссійской*, то многолѣтне пролѣли трижды только одни дьячки; когда же провозглашено было диакономъ имя строителя храма, Наумова, всѣ присутствовавшіе присоединились къ хору и затѣмъ съ поклономъ оборотились къ нему, а слимой къ иконамъ.

Послѣ обѣды народъ повалилъ къ поставленнымъ для него на доскахъ бочкамъ съ виномъ и брагой. Угощеніе сопровождалось большими краяхами ситника и нѣсколькими огурцами на брата. Крестьяне кланялись свѣтъ - Феодору Алексѣевичу.

— Батюшка, Феодоръ Алексѣевичъ, покажи намъ своихъ-то? зашумѣли гости, когда показался Наумовъ.

— Удалаго бы, удалаго!

— Нѣтъ, сучку, сучку Перлу, чгѣ къ Солтыкову посылаете.

Въ горницы одну по одной стали вводить на сворахъ, испуганныхъ, тянувшихся на ошейникѣ и поджимавшихъ хвосты собакъ. Всѣ обступали приводимые экземпляры; кто брался за лапы, кто слегка поглаживалъ по спинѣ, кто дѣлалъ свои замѣчанія: о ширинѣ груди, прямизнѣ или кривизнѣ ногъ, подутости, складѣ и пр.

— Пребезмѣрно рѣзва, произнесъ съ достоинствомъ Наумовъ, кладя съ любовью руку свою на приведенную наконецъ Перлу.

— Диво, диво! толковали, удвоивая свое вниманіе, зрители, смотря на хозяйскую любимицу. И скользили, прыгали отъ радости и разтѣзались ногами уводимыя и приводимыя собаки, оставляя на полу грязные слѣды лапъ. Время шло, и незамѣтно приближался часъ обѣда.

Часу въ первомъ, на трехъ столахъ покрытыхъ полотняными скатертями, расшитыми красною бумагой, стояли уже на двадцать человѣкъ оловянные тарелки съ приборами, серебряными ложками и простыми ножами. На мѣстѣ предназначенномъ для хозяина и нѣкоторыхъ почетныхъ гостей стояли серебряныя кружки съ квасомъ и кислыми щами и вызолоченныя кубки съ изображеніемъ мужиковъ, сидящихъ на бочкѣ; предъ прочими гостями кувшины съ тѣми же напѣтками, частью стеклянныя, частью глиняныя; посреди стола красовались вызолоченныя солонки; предъ каж-

лымъ приборомъ стояли рюмки хрустальныя съ крышками и безъ крышекъ, и ливныя, хрустальныя же стаканы.

Въ часъ, гости, выливши водки, закусили поставленными тутъ же на столѣ ветчиной, колченымъ гусемъ, балыкомъ и вяленою рыбой, и вслѣдъ затѣмъ хозяинъ пригласилъ всѣхъ садиться на стулья и придвинутыя къ столамъ обитыя сукномъ скамьи.

Повадилъ ларь отъ принесенныхъ оловянныхъ чашъ съ разнаго сорта щами и ухой изъ круной и мелкой рыбы; за горячимъ слѣдовали на большихъ блюдахъ съ подблюдниками различнаго рода соленыя рыбы: осетрина, бѣлужина и пр.; потомъ жаркія: баранина, телятина, гуси, куры нидѣрскія и русскія. утки съ солеными огурцами и наконецъ разнаго рода пироги,

Сауги, предъ каждою новою смѣной, снимали со стола блюда, накладывали гостямъ того и другаго кушанья по ихъ желанію и разносили, разливая по стаканамъ и рюмкамъ, то пиво и меды, то простое бѣлое и красное вино, то венгерское и бургонское, то наконецъ наливки: сливную, яблочную, вишневую.

По мѣрѣ того какъ обѣдъ приближался къ концу, въ комнатѣ становилось все шумнѣе и оживленнѣе. Наступили уже осеннія сумерки, когда хозяинъ и ближе къ нему сидѣвшіе гости встали изъ-за стола, но шумъ и говоръ еще продолжались. Многимъ не подъ силу было подвѣяться съ мѣста чтобы поблагодарить хозяина; хозяинъ и нѣкоторые гости ушли отдыхать, но большинство оставалось еще долго въ столовой, забавляясь помѣщикомъ Загибинымъ, сильно ругавшимъ спьяну свою жену за какія-то дѣлаемыя ему будто бы притѣсненія въ семействѣ и обѣщавшемъ доказать ей „какой онъ есть человекъ“. А между тѣмъ смѣшилъ всѣхъ до упаду господинъ прозванный, Богъ вѣсть почему, Туркой, шутки и остроты котораго состояли лишь въ томъ что подходя съ серьезнымъ лицомъ къ гостямъ, онъ лугалъ ихъ, крича вдругъ лѣтучомъ, собакой, уткой, или гонялся за кѣмъ-нибудь нагнувъ голову, на подобіе бодающейся коровы. Разступались всѣ, давая мѣсто забавному преслѣдователю, увертывался въ толтѣ гость отъ Турка, неистово кричалъ прижатый гдѣ-нибудь въ уголъ и общій хохотъ покрывалъ этотъ крикъ, пока жертва не отпускала на волю, а Турка не обращался снова къ кому-нибудь другому.

— Брось, брось, говорятъ! Стукну, ей Богу стукну!

- Договай его, договай!
- Сюда, сюда, Турка, Турка, семь я его подержу. Турка!
- Въ уголь, въ уголь!
- Ой, ой! Голову оторву, прочь!
- Ишь онъ наѣлся, лолнетъ! Ха, ха, ха!

Совсѣмъ уже смеркло; свѣчъ не подавали, и разыгравшіеся гости, находясь еще подъ впечатлѣніемъ выпитаго вина, направились какъ птицы на огонь, заблестѣвшій въ свѣтлицахъ мастерицъ. Долго доносились оттуда то шумъ, крикъ и глѣсни мужскихъ голосовъ, то взвизгиваніе и взрывъ хохота голосовъ женскихъ; наконецъ мало-по-малу смолкло и это; все уступило, казалось, привычкѣ отдыхать и спать послѣ сытнаго обѣда. По тишинѣ воцарившейся во всемъ домѣ, можно было бы сказать что наступила полночь; голосовъ не слышно было нигдѣ; ходьба вездѣ прекратилась, завывала только и свистѣла порывистый осенній вѣтеръ, прорываясь сквозь щели сѣнныхъ дверей или силясь приподнять соломенные крыши строеній, да изрѣдка приносились отрывочные звуки хоровода съ села, гдѣ, послѣ давно оконченнаго обѣда, успѣли уже отдохнуть, и гдѣ, по движенію людей на грязной улицѣ и по свѣтящимся въ избахъ лучинамъ, можно было удостовѣриться что была не полночь, а всего какой-нибудь седьмой часъ вечера.

— Эй, огня принесли! шепталъ въ потемкахъ кто-то изъ гостей своему сосѣду.

— Какого огня? У-у-у! мычала тотъ, не выспавшись съ помѣлья и оборачиваясь къ стѣнѣ.

— Эй! чего спать? Другой день зачался.

— Кто? Чтѣ? вскакивали гости, зѣвая, вытягиваясь и выправляя свои ноги.

И снова захолопали двери, зашумѣли шаги, ожило все въ хорамахъ Федора Алексѣевича. Разставили свѣчи, восковыя и сальныя, въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ; изо всѣхъ угловъ стали мало-по-малу сходиться полусонныя еще гости; самъ хозяинъ, въ халатѣ изъ китайской нанки, отдавалъ кое-какія приказанія въ своей комнатѣ; но вотъ, одѣвшись, вышелъ наконецъ и онъ.

Нѣкоторые съ шалками въ рукахъ почтительно раскланивались съ генераломъ, собираясь въ дорогу; другіе, подходя, осведомлялись о томъ добрый ли былъ его сонъ; всѣ вообще бродили безъ занятія, не зная чтѣ дѣлать. Молодой Миктеровъ

скупать, казалось, въ этомъ обществѣ. Красивая наружность его, его военная выправка, молодое лицо, все это не гармонировало какъ-то съ толпой помѣщиковъ, заматорѣвшихъ въ своихъ деревняхъ, забывшихъ или никогда и не видавшихъ большихъ городовъ.

Не безъ нѣкоторой гордости, съ поставца на которомъ лежали разныя книжки: *Чудное древо*, напимѣръ, *О познаніи самого себя*, *Театронъ*, *сиречь позоръ исторической*, *Разговоры о множествѣ міровъ* и др., взявъ онъ находившіяся тутъ же *Прилѣчанія на вѣдомости при Императорской Академіи Наукъ въ Петербургъ издаваемыя*, и развернувъ ихъ, сталъ просматривать тотъ отдѣлъ гдѣ помѣщалась разная всячина и остановился на интересныхъ статьяхъ: „О найденной во Франціи дикой дѣвицы, о симпатіи и антипатіи, и о василискахъ съ доказательствомъ несправедливости случившагося въ Базелѣ происшествія объ осмилѣнемъ лѣтучихъ, который будто бы тринадцать лицъ снесъ“ и пр.

— Читаете? вдругъ обратился къ Миктерову ходившій доселѣ по комнатѣ съ какимъ-то низенькимъ старичкомъ-помѣщикомъ майоръ Бахметьевъ, подошедши къ нему близко и остановившись.

Встрѣча съ майоромъ Бахметьевымъ, первымъ и единственнымъ офиціальнымъ лицомъ, котораго пришлось еще Миктерову видѣть въ деревнѣ, была неприятна ему; онъ рѣшился быть какъ можно осторожнѣе; онъ цѣлый день отъ всѣхъ сторонился, стараясь говорить какъ можно меньше, а съ майоромъ избѣгалъ даже встрѣчаться взглядами; тѣмъ болѣе неприятно кольнуло его телерь, когда пришлось ему предъ нимъ встать, изъ уваженія къ его чину и положенію, и лицомъ къ лицу отвѣчать на предложенный ему вопросъ.

— Любопытное описаніе о василискахъ нашель, сказалъ онъ, не поднимая глазъ на Бахметьева и тыкая пальцемъ въ книгу.

— О василискахъ? переспросилъ майоръ;—это.... да, вѣдомости Академіи; за прошлый иль за прежніе года?

Бахметьевъ заглянулъ въ книгу и такъ близко очутился къ Миктерову что чуть не дотрогивался до него волосами своего ларика; струя винаго залаха заставила Миктерова даже нѣсколько отклониться.

— По занятіямъ нашимъ, на чтеніе хотя и мало время имѣемъ, продолжалъ Бахметьевъ, обратившись къ старичку,—однако не безъ удовольствія прочелъ и я описаніе торжествъ для

вѣзда государыни нашей Анны Иоанновны. Искусно сочинитель городъ Санктпетербургъ съ древнимъ Римомъ сравнилъ, яко де оба города во многомъ одинаковое приключеніе имѣють.

Бахметьевъ видимо рисовался своею начитанностію; ему хотѣлось показать предъ своими слушателями что и онъ, несмотря на военное свое положеніе и многотрудныя обязанности, не только разумѣетъ читать, но и удерживать въ памяти прочитанное можетъ. Громкій самодовольный голосъ его обратилъ вниманіе всѣхъ гостей, нѣкоторые подошли послушать.

— Городъ Санктпетербургъ, повторилъ тогда майоръ, обратившись къ новымъ слушателямъ, не упоминая уже о томъ что говорилъ чужія слова,—городъ Санктпетербургъ имѣетъ съ древнимъ Римомъ во многомъ одинаковое приключеніе, поже построенъ въ неизреченной скорости, а Петръ Великій былъ его и Ромулъ, и Августъ говорившій что нашель Римъ глиняный, а оставилъ мраморный.

Никто изъ слушателей ничего не понялъ въ длинной рѣчи Бахметьева; нѣкоторые, въпрочемъ, изъ уваженія къ лицу говорившаго, нашли приличнымъ вздохнуть, тѣмъ болѣе что дѣло шло о преставленіи государя Петра Великаго; другіе просто откашливались.

Старичокъ помѣщикъ, разговаривавшій прежде всѣхъ съ майоромъ, счелъ долгомъ замѣтить, хотя и не кстати, что и онъ пользовался какъ-то отъ здѣшняго хозяина вѣдомостями, и тамъ вычиталъ одно духовное завѣщаніе какого-то „дѣтскаго пріятели“, который, устроивъ у себя школу для крестьянъ и обучивъ ихъ грамотѣ, описалъ какого кто изъ его учениковъ былъ характера, а потомъ, отпустивъ ихъ на волю, опредѣлилъ кому идти въ академію, кому быть солдатомъ, кому куцомъ и т. д.

Разказъ этотъ, переданный болѣе понятнымъ языкомъ и притомъ замѣчательный, какъ нѣчто неслыханное и новое, произвелъ совсѣмъ другое впечатлѣніе на слушателей. Всѣ вдругъ заговорили; стоявшіе сзади просовывали руки къ плечамъ старичка и поталкивая его спрашивали: „Гдѣ такое? Кто такое?“

Майору не понравилось такое предпочтеніе, оказанное публичкой разказу старичка; онъ откашлинулся и заговорилъ

еще громче прежняго, поспѣвшия перемѣнить предметъ разговора.

— Нынѣ время такое, сказалъ онъ, — всякому было бы не безъ пользы вѣдомости прочитывать; однако намъ сдѣлать сего отъ великой дистанціи до Петербурга не можно. Что теперь о королевской лекціи въ Польшѣ и о нашихъ войскахъ слышно, прочтемъ мы на будущій годъ, — и все, и поздно.

Предметъ рѣчи выбранъ былъ удачно; слушатели сдвинулись тѣснѣе; подошло даже нѣсколько новыхъ слушателей.

— Что слышно? Война что ль? Выбирать? Кого выбирать? Короля? Куда? послышались голоса.

Майоръ торжествовалъ и поднявъ голову съ важностію челоуѣка которому, какъ военному, должны были быть извѣстны многія подробности настоящаго положенія нашей внѣшней политики, началъ разказывать.

Онъ разказалъ какъ Франція, желая видѣть на польскомъ престолѣ Станислава Лещинскаго, на дочерп котораго былъ женатъ король Французскій, дѣйствовала въ Польшѣ подкупамп и золотомъ; какъ многіе Поляки просили заступничества государыни Русской противъ Франціи, которая мѣшаетъ свободному выбору короля, навязывая своего; какъ на сеймѣ, приверженцы Россіи и Австріи, дѣйствовавшихъ заодно въ пользу курфюрста саксонскаго Августа, перешли въ Прагу, на правую сторону Вислы и разъединили этимъ сеймъ; какъ недовольные Поляки, ссорясь между собою, стрѣляли; какъ затѣмъ тайно прибылъ въ Варшаву самъ Станиславъ, помѣнявшійся платьемъ съ какимъ-то малтійскимъ рыцаремъ, который вмѣсто Станислава поѣхалъ во Францію, тогда какъ самъ Станиславъ подъ его именемъ пробрался въ Варшаву; какъ наконецъ избрали Станислава, не слушая протеста тѣхъ которые ушли въ Прагу, на томъ основаніи что отсутствующіе не могутъ де протестовать, и какъ вслѣдствіе сего эти противники Станислава и хранители якобы польской вольности пошли на встрѣчу къ русскимъ войскамъ, и т. д.

Всѣ эти подробности были совершенно незнакомы и новы для публики окружавшей майора; самому майору сдѣлались онъ извѣстны случайно, чрезъ пріѣхавшаго на дняхъ изъ Смоленска знакомаго, слышавшаго ихъ въ свою очередь нечаянно отъ присланнаго туда отъ генерала Ласси курьера. Всѣмъ бы, казалось, должны были быть онъ до крайности интерес-

ны, но непривычны были люди составлявшіе эту публику выслушивать вдругъ, подъ рядъ, такую длинную рачю о предметѣ касавшемся, правда, отечества, но не касавшемся каждаго лица отдѣльно.

Слишкомъ много было тутъ, подъ рукой, такихъ живыхъ вопросовъ предъ которыми вопросъ о польскомъ престолонаслѣдіи долженъ былъ блѣднѣть. Самое лицо майора, говорившаго теперь такъ хладнокровно и вѣжливо, приводило на память и подушную подать, и доимочный приказъ, и экзекуціи, и хлѣбный недородъ, и взятки, и мало ли что еще. Наконецъ праздникъ, для котораго всѣ съѣхались, предстоящія удовольствія на охотѣ, все это достаточно оправдывало нѣкоторую разсѣянность въ слушателяхъ. И вотъ стѣснившіеся было въ кучку гости начали мало-по-малу раздаваться; одни, продолжая будто бы слѣдить за разказомъ и пристально глядя въ глаза майору, думали уже совсѣмъ о другомъ; другіе, уставъ стоять, переминались съ ноги на ногу, а нѣкоторые наконецъ, постоянно пятясь назадъ, вытискивались въ задніе ряды, гдѣ долго съ усиленіемъ прислушивались къ оживленной и веселой бесѣдѣ хозяйна, доносившейся изъ другой комнаты. потомъ на цыпочкахъ пробирались вонъ.

— Генералу Лассію, продолжалъ между тѣмъ майоръ,—идти скорымъ маршемъ не можно, понеже Поляки сожгли и поломали всѣ мосты, да еще охранныя грамоты на имѣнія польскія ему даны. Лассію, яко защитнику свободы польской, указано наблюдать дабы офицеры и солдаты на свои даже деньги припасы покупали; ручныя мельницы по полкамъ роздавать, сухари и.... Но на этомъ словѣ разказчикъ былъ прерванъ хозяиномъ, вошедшимъ изъ другой комнаты съ оставшимися съ нимъ гостями. Слушатели, окружавшіе майора, разступились, пропуская Федора Алексѣевича, и на вопросъ его: о чемъ шла рѣчь? отвѣчали одинъ за другимъ: „о Польшѣ, о войнѣ, о королевской элекціи“ и т. д.

— У насъ особа женская царствуетъ, которая токмо ищетъ правительство свое въ покоѣ и удовольствованіи препроводить, вступился хозяйинъ, отчеканивая каждое слово отдѣльно.

— Ея величество государыня наша хотя особа и женская, отвѣтилъ майоръ,—однако изо всего явствуетъ что на престолѣ польскомъ свою креатуру видѣть желаетъ.

— Какую креатуру?

— Саксонскаго курфир.....

— Ну, прервалъ хозяинъ,—мы съ тобой, майоръ, политику плохо разумѣемъ, пойдемъ, молъ, лучше въ фараонъ играть. Въ фараонъ, а? Пойдемте, время позднее, въ фараонъ! Эй! крикнулъ онъ, зова слугъ.

Всѣ обрадовались такому обороту рѣчи; инымъ давно уже надобно слушать майора, инымъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлось поиграть, а нѣкоторые засмѣялись откровенному и грубому приему, которымъ хозяинъ такъ разомъ порѣшилъ серьезныя политическія разсужденія.

Бахметьеву неприятно было уже и то что, вступившись въ разговоръ, Федоръ Алексѣевичъ ни съ того, ни съ сего далъ такое невыгодное понятіе о его знаніи политики лублики, которая, казалось, съ такимъ вниманіемъ и совершенною довѣрчивостію слушала его досель. Тѣмъ болѣе не понравилось ему послѣднее предложеніе хозяина. Будучи лицомъ официальнымъ, онъ очень хорошо помнилъ указъ запрещавшій играть въ карты подъ тройнымъ штрафомъ обрѣтающихся въ игрѣ денегъ, ибо занятіе это, какъ гласилъ указъ, „богомерзкое, отъ котораго не только въ крайнее разореніе и убожество приходятъ, но и въ самый тяжкій грѣхъ владають и души свои въ конечную погибель приводятъ“.

— Зарокъ далъ въ карты, ниже въ кости, или другую игру играть, Федоръ Алексѣевичъ, зарокъ далъ, говорилъ Бахметьевъ, упираясь на одномъ мѣстѣ.

— Знать проигралъ много? Отыграешься, пойдемъ! тащилъ его за руку хозяинъ.

— На госпиталь, коли играть, Федоръ Алексѣевичъ, на госпиталь денегъ не хватитъ, продолжалъ упираясь Бахметьевъ.

— Какъ такъ на госпиталь? остановился хозяинъ, выпустивъ руку гостя.

— Да какъ же? Тройной штрафъ обрѣтающихся въ игрѣ денегъ и прочаго повелѣно брать одну долю объявителю, а двѣ на госпиталь за продерзость, кто на деньги, на пожитки, на деревни, или на людей игру чинить будетъ, въ полголоса и внушительно произнесъ Бахметьевъ.

— То про вольные дома ты говоришь; а мы здѣсь не въ вольномъ домѣ, опомнись! Вольный домъ это, аль вотчина моя?

Кто хозяинъ здѣсь? Кто хозяинъ? разгорячился Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

— И въ партикулярныхъ домахъ компаніями не вѣлно играть, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, продолжалъ внушительно Бахметьевъ, — а за то штрафъ и тюрьма для знатныхъ особъ, а подлыхъ повелѣно бить нещадно батога и еще жестоше посылать.

— Отецъ Евлампій! вдругъ неожиданно обернулся хозяинъ къ публикѣ, лица глазами священника, — отецъ Евлампій! Вотъ онъ, поди, поди сюда; встань, вотъ здѣсь скажи ты намъ что я тебѣ лѣтомъ говорилъ.

Священникъ протиснулся въ толпу, выступилъ впередъ и молчалъ.

— Говорилъ я тебѣ что придуть времена что указано намъ будетъ въ какіе часы спать, въ какіе отъ сна пробуждаться?

— Сказывали.

— А почему я такъ сказывалъ, разкажи.

Священникъ, усмѣхнувшись, сталъ переминаться съ ноги на ногу.

— Говори все какъ было, настаивалъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

— Во время бездождія и безведрія, гм! началъ священникъ залунаясь и откашливаясь, — на литургіяхъ, вечерняхъ и утреньяхъ, гм! по церковному чиноположенію читаемы были ко всеблагому Господу просительныя ектеніи и молитвы особливо, гм! Святѣйшій же правительствующій синодъ, извѣстясь что оныя моленія священнослужителями отправляются тогда когда о чемъ не надлежитъ, повелѣлъ оныя отправлять весьма осмотрительно и крайне разсудительно, если когда подлинно бездождіе будетъ и отъ того земной плодъ въ состояніи потребномъ быть не можетъ, тогда о плодоносномъ дождѣ, а буде въ самое настоящее время, когда земной плодъ лучше имѣеть состоять въ ведрѣ, а тогда будетъ безведріе, то о благополучномъ ведрѣ...

Священникъ наконецъ не выдержалъ. Желая откашлянуться, онъ фыркнулъ въ руку, которою хотѣлъ прикрыться, а слушатели громко засмѣялись.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ далъ время всѣмъ оправиться и приказалъ отцу Евлампію доканчивать. Во все время разказа этого послѣдняго, Паумовъ стоялъ къ нему бокомъ и, смотря въ сторону слушателей, при каждомъ словѣ произносимомъ

священникомъ, отбивая, указывая на него пальцемъ, тактъ, какъ бы желая глубже залечатлѣть во всѣхъ значеніе этихъ словъ.

— Понеже, началъ опять отецъ Евлампій,—духовнымъ властямъ надлежитъ по тому же указу, съ знающими конечно всякое земледѣльство людьми совѣтовать, потребно ли оное прошеніе имѣть, и о чемъ, о дождѣ или ведрѣ, и суетно онаго отнюдь не употреблять, явился я къ Федору Алексѣевичу, сталъ совѣтовать какъ....

— Чтѣ же я-то? я-то чтѣ? сказалъ, прервавъ его хозяинъ.

— Федоръ Алексѣевичъ вопрошаютъ: чтѣ де, отецъ Евлампій, у тебя глаза есть? — Есть де, Федоръ Алексѣевичъ. — А давно ли ты дождь видѣлъ? — Давно не видѣлъ, Федоръ Алексѣевичъ. — А почему де у насъ недородъ? — Дождя де нѣтъ, Федоръ Алексѣевичъ.—А врагъ ли ты себѣ?—Нѣтъ, не врагъ, Федоръ Алексѣевичъ.—О чемъ же моленіе Господу Богу надлежитъ приносить? — О дождѣ де, Федоръ Алексѣевичъ.—Что жъ ты спрашиваешь? — Да указъ молъ....

Слушатели опять громко засмѣялись.

— Ну, ну, ну, суетился хозяинъ, обращаясь снова къ священнику.

— Ну и сказали вы тогда: скоро де времена будутъ такіа, учить насъ будутъ когда отъ сна пробуждаться, когда лицу принимать, якобы мы сами себѣ враги и сего видѣть не можемъ.

— Да, враги мы себѣ, враги? Деревни, и людей, и ложитки, и деньги проигрывать станемъ? обратился Федоръ Алексѣевичъ къ майору.—Кто мнѣ въ моей вотчинѣ указъ? Кто хозяинъ въ деньгахъ моихъ и ложиткахъ?

— И въ своей деревнѣ нашъ братъ нынѣ не хозяинъ, слышался изъ кучки слушателей глухой, но твердый голосъ старика Миктерова.—У себя похотѣлъ въ прошломъ году часовню поставить и на старомъ мѣстѣ и на своемъ коштѣ, воспретили, воспретили!

— А, воспретили? воспретили? схватился за это новое обстоятельство хозяинъ; — да, полно, мы своей пользы не вѣдасмъ, гдѣ намъ!... Мы, государи мои, сказалъ онъ твердымъ и серіознымъ тономъ, — нынѣ силы своей не имѣемъ. Нынѣ силу великую имѣютъ господинъ оберъ-камергеръ и фельдмаршалъ фонъ-Минихъ, чтѣ хотятъ, то и дѣлаютъ, и всѣхъ насъ губятъ.

— Фаворитъ, чтѣ и говорить, замѣтилъ въ речю отецъ

Миктеровъ, что заставило всѣхъ обернуться къ нему съ улыбкой.

— Да, губять, продолжалъ Наумовъ, не обращая вниманія на этотъ перерывъ;—Александръ Румянцовъ сосланъ, пропалъ отъ нихъ; генералъ Ягужинскій посланъ отъ нихъ же, а Долгорукіе и всѣ отъ нихъ пропали и никто не смѣетъ съ ними говорить. Богъ имъ однако заплатитъ за все это, и сами того жъ дождутся. Пойдемте въ фараонъ. Объявителей на насъ за игру здѣсь нѣтъ, я чаю, заключилъ онъ съ угрозою въ голосъ, и отходя наконецъ отъ Бахметьева, онъ пригласилъ гостей слѣдовать за нимъ къ игорному столу.

И скоро завязалась игра. Хозяинъ державшій банкъ проигрывался сильно; лоптеры входили въ азартъ. Бахметьевъ, приставъ къ двумъ, тремъ не играющимъ гостямъ, занималъ ихъ неумолчными разговорами и, будто отвлеченный этимъ, не подходилъ къ игрѣ. Остальные гости, прикладываясь то и дѣло къ стоявшимъ на столѣ вмѣстѣ съ яблоками и орѣхами различнаго сорта наливкамъ, мало-по-малу перебрались въ другую комнату, а оттуда въ свѣтлицы коверцицы, гдѣ слышались снова хохотъ, визгъ и лѣсенн. Господинъ подъ названіемъ Турки, окончательно вошедшій въ свою роль шуга, сидѣлъ теперь возлѣ играющихъ, и то, закинувъ голову, держалъ на счастье кому-нибудь на носу карту, которую потомъ, спустивъ на губы, подавалъ въ зубахъ хозяину, за что получалъ денежныя награжденія, то, въ наказаніе за проигрышъ, стоялъ въ углу, ползалъ на четверенькахъ, лизалъ полъ и т. д.

Ужинъ подали въ 11 часу. Федоръ Алексѣевичъ съ проигрыша былъ не въ духѣ; и къ его камертону пристроились и гости; пили и ѣли почти молча. Женская прислуга между тѣмъ застлала по полу пуховики, и черезъ часть времени, потушенные во всемъ домѣ огни свидѣтельствовали объ окончаніи праздничнаго дня.

XXII.

На дворѣ было почти темно. Густой туманъ, не поднявшись еще кверху, застилалъ отъ зрѣнія самыя ближайшіе предметы и обдавалъ лицо холодною влагой. На конномъ дворѣ, по щиколку въ грязи, суетились люди около лошадей, подтягивая подпруги, ужорачивая и удлиняя стремена, прилаживая сѣдла. Тамъ и сямъ бѣгали, вытягивались, зѣвали въ

глось и встряхивались всѣмъ тѣломъ, гремя ошейниками, давно не кормленныя борзые собаки.

Въ домѣ, умывшіеся какъ попало при свѣчахъ и налившіеся чаю, гости, ежась отъ холода и шагая черезъ валяшіеся на полу неубранные пуховики, оканчивали свои охотничьи гулеты. Кто закусывалъ, кто, совсѣмъ готовый, съ шалкой на головѣ, опрокидывалъ въ себя стаканъ стоявшей тутъ же ѣдки, кто наконецъ, совершивъ и это послѣднее дѣло, выходилъ, побряхтывая, на крыльцо.

Хозяинъ, проснувшись раньше всѣхъ, долго читалъ молитвы, долго пилъ чай въ одиночку, ѣлъ нарѣзанную пластинками ветчину и одѣвался не торопясь. Наконецъ, совсѣмъ готовый, въ высокихъ сапогахъ, едва двигаясь отъ тяжести наѣтаго платья, въ короткой шубкѣ, покрытой чернымъ сукномъ и подбитой лисьимъ хребтовымъ мѣхомъ, подпоясанный серебрянымъ поясомъ, въ лисьей же шалкѣ съ суконнымъ чернымъ верхомъ, съ аралникомъ въ рукахъ, Федоръ Алексѣевичъ вышелъ на крыльцо, гдѣ толпились и его гости. Пока онъ здоровался съ ними, къ крыльцу подведенъ былъ его вороной любимый донецъ. Онъ окинулъ быстрымъ взоромъ и коня и сбрую: все было въ порядкѣ. Черная узда, съ серебрянымъ частымъ наборомъ, сѣдло съ писанымъ золотомъ арчакомъ, съ суконною оливковаго цвѣта подушкой, латъ такого же цвѣта, шитый золотомъ и серебромъ, и суконный голубаго цвѣта наметъ. Спустившись на послѣднюю приступку крыльца, онъ подержался нѣсколько времени за холку лошади, всунулъ ногу въ подставленное ему стремя и, подержавный подъ руки слугами, тяжело перевадился на сѣдло. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и лицомъ къ нему, выстроившись въ рядъ, стояли доѣзжачіе; предъ ними колошились сбившіеся въ кучу гончія. Наумовъ взглянулъ на нихъ издали, но такимъ взоромъ отъ котораго не могъ укрыться никакой беспорядокъ, и медленно направился къ околицѣ, послѣдуемый своими гостями, которые, торжественно взбираясь на сѣдла, догоняли его рысью.

Мѣстность въ которую предполагалось бросить гончихъ и въ которой должны были находиться подвытые волки, несмотря на свое названіе „Крутые верхи“, находилась въ широкой ложбинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ довольно отлогими полями, а съ четвертой примыкала къ болоту, густо поросшему

кустарникомъ, переходящимъ постепенно изъ мелкаго въ крупный и примыкавшимъ къ лѣсу.

Самый лучший лазъ для звѣря былъ, разумется, въ этомъ именно соединеніи вершины съ большою уймой, но Федоръ Алексѣевичъ, любившій въ охотѣ охоту, то-есть рѣзвость и силу собакъ, красоту угонки и остановки звѣря, никогда не становился здѣсь, предоставляя лазъ этотъ гостямъ и борзятникамъ своей охоты. Онъ дѣлалъ это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ что съ другаго, противоположнаго конца „Крутыхъ верховъ“, прямо изъ угла ихъ, выходила узкая, но глубокая лощина, которая, подымаясь кверху воронкой, упиралась концомъ своимъ въ перелѣсокъ, стоявшій въ полѣ хотя и отдѣльнымъ островомъ, но служившимъ началомъ другаго, довольно обширнаго лѣса. Федоръ Алексѣевичъ, становясь всегда здѣсь, имѣлъ еще и то преимущество что, скрываясь самъ за деревьями, онъ могъ видѣть почти всѣ окраины вершины, а слѣдовательно куда лобѣжалъ какой звѣрь, на кого, кто затравилъ, кто проводилъ и какъ, что все могло служить въ послѣдствіи, вечеромъ, дома, предметомъ большихъ разказовъ, горячихъ споровъ и забавныхъ сценъ.

Всѣ расположились по мѣстамъ. На сбѣгавшихъ къ вершинѣ и широкими межами раздѣленныхъ озимыхъ и жнивахъ не видно было никого. Всякій постарался скрыться въ разбѣянныхъ тамъ и сямъ куртинкахъ нераспаханнаго еще кустарника.

Видъ вообще кругомъ вершины былъ неоживленный и некрасивый. Обнаженный, лобурѣвшій отъ осенняго холода, лѣсъ шелъ грядями, то понижаясь, то повышаясь до самаго небосклона, и въ средину его, тамъ и тутъ, врѣзывались зелеными и желтоватыми неправильными языками клочки озимыхъ и яровыхъ полей. Гдѣ-то вдали, по выдавшемуся пригорку, прислонившись однимъ концомъ къ лѣсу же, другимъ спускаясь въ лощину, лѣпилась деревушка, вилась въ сторону и не вдалекѣ отъ „Крутыхъ верховъ“ грязная-прегрязная изрыгая колесами дорога; но ни звука, ни даже какого-нибудь признака движенія, жизни не было ни видно, ни слышно.

Пугили гончихъ. Эхо вздрогнуло отъ звука мѣдныхъ роговъ, но на минуту. Гончія и охотники углубились въ лѣсъ, который скоро поглощалъ и ихъ самихъ и всякій звукъ.

Стоявшій влѣво отъ Федора Алексѣевича Миктеровъ, какъ охотникъ молодой и слѣдовательно болѣе горячій, очень дол-

по суетился, оставаясь недоволенъ и лошадью своею, и собаками, мѣшавшими ему вслушиваться и всматриваться въ лежавшую предъ нимъ окраину олушки „Крутыхъ Верховъ“, изъ которыхъ каждую минуту, казалось ему, вотъ-вотъ побѣжитъ на него звѣрь; то, вытягивая нижнюю губу, забирала себѣ въ ротъ его лошадь дубовую вѣтку и, шмыгая по ней, шурчала удѣлывшими листьями; то, желая принять болѣе ловкое положеніе, переминалась она и трещала валавшимися подъ ногами корнями и сучьями; то, обезлокоенная этими движеніями, собаки лутались на сворѣ; то вставалъ вдругъ съ шумомъ, лугая его, пригнутой тяжестью лошади и освобожденный кустъ.

Наклонившись на луку сѣдла, Миктеровъ быстро переводитъ глаза свои съ одного пункта на другой, всматриваясь въ каждый такъ пристально, будто за всякою тычинкой, за всякою травкой, прутикомъ, могли спрятаться ожидаемые имъ воакъ или лисица, которыхъ надо было во-время увидеть и не прозѣвать. Ни одинъ художникъ не сумѣлъ бы, кажется, нарисовать съ такою подробностью представлявшейся вдали глазамъ Миктерова мѣстности, какъ сумѣлъ бы онъ самъ рассказать теперь, сейчасъ: гдѣ тамъ нагнулась какая вѣтка, за что она зацѣпилась, гдѣ выходитъ мысокъ, гдѣ кочка, гдѣ трава зеленѣе, гдѣ она желтѣе, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ, гдѣ изволокъ, гдѣ ровно и т. д.

Сидѣвшія возлѣ него двѣ собаки были внимательны не мѣнѣе его. Поднявъ уши, вытянувъ шею, жадно вливались онѣ черными глазами своими вдаль, обнаруживая всѣ признаки ветерлвнія: то пересаживались онѣ съ мѣста на мѣсто, подаваясь впередъ, то коротко и порывисто зѣвали въ голосъ, то вздрагивали всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ, то, вставая, вытягивались и рыли землю задними лапами.

Прошелъ часъ, другой; надежда видѣть звѣря начинаетъ мало-по-малу оставлять молодаго охитвика; вниманіе слабѣетъ, зрѣніе притупляется; лошадь, совершенно установившись на мѣстѣ, дремлетъ, и вздыхая по временамъ съ какою-то хрипотою, раздуваетъ бока, давая тѣмъ чувствовать свой вздохъ сѣдоку; утомившіяся собаки начинаютъ развлекаться совершенно посторонними предметами: одна усердно лижетъ свою намятую вѣжно-розоваго цвѣта лапу, другая съ остервененіемъ чешетъ ухо; мысли Миктерова унесли ее далеко отъ охоты.

Вспомнилась ему почему-то вдругъ мѣстность, очень похо

жая на ту которая была теперь предъ его глазами, только совѣмъ при другой обстановкѣ, съ другими людьми. Гдѣ это было, когда? ничего онъ не зналъ; но лица, лица,—вотъ какъ живыя предъ нимъ. „Гдѣ они всѣ? Далеко. Живутъ ли? Кто ихъ вѣдаетъ! А я вотъ живъ; ничего, увернулся. Но что пользы? Чтѣ это за жизнь: голову свою беречь каждую минуту, одно и есть дѣло. Полѣзъ бы куда, — да не куда; сидѣлъ бы чтѣ, — да нечего, руки отяли, а голову оставили; и сиди, жди вотъ здѣсь, жди!“ повторялъ онъ мысленно, поправляясь на подушкѣ сѣдла и удостовѣрившись что и въ самомъ дѣлѣ онъ сидитъ и ждетъ.

Взглянувъ направо, онъ увидалъ что отъ той рощи въ которой стоялъ Федоръ Алексѣевичъ, отдѣлилась какая-то черная точка. „Не звѣрь ли? Нѣтъ; не видать собакъ. Значитъ скачутъ куда-нибудь находившійся при Федорѣ Алексѣевичѣ на посылакахъ мальчикъ. Знать гончихъ вызывать“, думаетъ Миктеровъ. Но... чтѣ это? Прямо посреди того пространства которое отдѣляетъ его отъ Федора Алексѣевича, какъ разъ на той именно точкѣ гдѣ межа лоросшая побурѣвшимъ тростякомъ, идущая по отлогому берегу изъ „Крутыхъ Верховъ“, кончается какъ бы обрываясь, мелькнуло что-то красно-сѣрое? Лиса!

Этотъ перерывъ высокой межи, подъ прикрытiемъ которой удалось пробраться уже такъ далеко лисцѣ, былъ единственнымъ пунктомъ на которомъ она могла быть усмотрѣна. Не увидать бы ея здѣсь, она благополучно перѣвалилась бы за вершину отлогого берега и тамъ, по точнотакой же широкой и густой межѣ, скрылась бы изъ глазъ охотника; но Миктеровъ далъ уже поводья лошади и, таща на сворѣ собакъ, скакалъ, нагнувшись впередъ, мчался къ тому перерыву.

— Пролѣзла! говорилъ онъ громко, сердясь на себя и боясь не послѣтъ во-время.—Пролѣзла!

Вотъ уже онъ на вершинѣ; остановился, вытянувшись совѣмъ тѣломъ, осмотрѣлся кругомъ, тронулъ опять лошадь и исчезъ.

Между тѣмъ по грязной дорогѣ, пролегавшей вправо и позади Миктерова, подвигалась легкою рысцой телѣга, заложена парой крестьянскихъ лошадей. Впереди сидѣлъ на облучкѣ, выпустивъ ноги наружу, въ нагольномъ тулупѣ мужичокъ, сзади на подложенной соломѣ человекъ въ суконной желтого цвѣта чуйкѣ съ поднятымъ мѣховымъ воротникомъ; завязаннымъ вокругъ шеи лолотенцемъ.

Дойдявъ до того мѣста дороги съ котораго были видны Крутые Верхи, и замѣтивъ въ сторонѣ поскакавшаго отъ Федора Алексѣевича верховаго, мужичокъ приостановилъ лошадей и, вѣдучи шагомъ, обратился къ сѣдоку.

— Охота! сказалъ онъ, указывая головой направо. — Охота стоять!

Сѣдокъ сталъ всматриваться.

— Во-о-онъ! затанулъ мужичокъ, — скачетъ-то, вишь! во-о-онъ

— Да, да, да! Да чья жь это охота? спросилъ дребезжающимъ голосомъ сѣдокъ.

— Знать Наумова помѣщика, Федора Алексѣевича. Чтò имъ? Веселятся! попробовалъ было грустно пофилософствовать мужичокъ, но вдругъ выпрямился и остановился. — Глянь! воскликнулъ онъ. — Глянь направо-то, направо-то! Глянь, лисица, лисица!... Собаки-то за ней, собаки-то, ахъ ты! Ну... ну... ну!... закричалъ онъ на лошадей подергивая возжами.

И не успѣвъ опомниться сѣдокъ какъ легкая телѣжка покатила по ухабистой дорогѣ, обдавая грязью оравшаго во все горло мужичонку.

Дѣйствительно, навстрѣчу имъ красиво вытянувшись во всемъ тѣломъ, неслась лисица и за ней двѣ собаки ухо въ ухо. Вотъ одна изъ нихъ, собравшись какъ бы съ послѣдними силами, высунулась впередъ; голова ея чуть не касается лушистой трубы лисицы... но труба круто повернулась и собака олять назадъ. За то другая равняется уже со звѣремъ, она захватить его сейчасъ за шиворотъ, еще моментъ, и все смѣшалось, закувыркалось что-то черезъ голову, полетѣли во всѣ стороны брызги, слышалось рычанье, лай, и все смолкло.

Проѣзжіе подоспѣли какъ разъ въ то время. Спрыгнувъ съ телѣги, мужичокъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и въ какомъ-то азартѣ хлопая руками по бокамъ своего жесткаго тулуза, хохоталъ и кричалъ: „а-а! шельма, попалась, попалась!“

Безстрастное лицо сѣдока приняло тоже какое-то оживленное выраженіе при видѣ затравленнаго звѣря; сойдя съ телѣги, онъ подошелъ ближе къ свалкѣ и пытался разсмотрѣть жива ли еще она, голубушка, или нѣтъ, когда наконецъ показался и самъ охотникъ, Миктеровъ.

Круто осадивъ усталую лошадь, надсаженнымъ, хриплымъ голосомъ кричалъ онъ: „о, го, го, го! отрышь, отрышь!“ и быстро соскочивъ съ сѣдла, подбѣжалъ, схватилъ за шиворотъ едва дышавшую лисицу, приподнялъ ее кверху и съ торже-

отвующимъ и сіяющимъ лицомъ взглянулъ на стоявшихъ предъ нимъ зрителей.

Но только что глаза Миктерова встрѣтились съ прищуреннымъ взглядомъ незнакомца, какъ что-то кольнуло его въ самое сердце.... Предъ нимъ былъ тотъ самый человекъ отъ котораго два года тому назадъ онъ прятался въ Москвѣ, который, очевидно, слѣдилъ за нимъ, и безъ сомнѣнія тотъ самый о которомъ предупреждалъ его Торбеевъ и который, можетъ-быть, пріѣхалъ теперь за тѣмъ чтобы его схватить, взять тутъ же съ мѣста.... Нѣсколько мгновеній Миктеровъ стоялъ съ еде-дышащею лисой въ одной рукѣ и съ охотничьимъ ножомъ въ другой, не слуская глазъ съ незнакомца. Подъ этимъ упорнымъ, постоянно свирлѣвшимъ взглядомъ, глаза незнакомца забѣгали, онъ засеменилъ ногами и, приподнявъ шалку въ видѣ поклона, обернулся къ Миктерову спиной.

— Вдемъ, вдемъ! закричалъ онъ дребезжающимъ голосомъ, направляясь скорыми шагами къ телѣжкѣ и лутаясь въ своей чуйкѣ ногамъ.

Телѣжка двинулась съ мѣста; не пришедшій еще въ себя отъ видѣннаго зрѣлища, мужичокъ, повернувшись лицомъ къ сѣдоку, разказывалъ ему подробно, будто тотъ ничего и не зналъ, все сначала: какъ онъ увидалъ бѣжавшую лисицу, какъ догоняли ее собаки, какъ она перевернулась, какъ мяли ее и пр. Голосъ разказчика долеталъ до слуха Миктерова, который все еще не могъ очнуться; онъ вслушивался въ звукъ этого голоса и точно отдыхалъ послѣ напряженнаго состоянія, въ которомъ за минуту предъ тѣмъ находился. Въ головѣ его не было ни одной ясной мысли. Съ какимъ-то отчаяніемъ и вопреки всѣхъ правилъ охоты ткнулъ онъ ножомъ лисицу и, бросивъ ее на землю, пошелъ къ лошади. Лошадь не давалась и кружась на одномъ мѣстѣ, наступая на поводъ, заставляла Миктерова забѣгать къ ней то съ правой, то съ лѣвой стороны. Обстоятельство это вывело его нѣсколько изъ того безсознательнаго положенія въ которомъ онъ находился,—онъ развлекся, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то страхъ олять овладѣлъ всѣмъ его существомъ. Бѣжать, бѣжать скорѣе, захотѣлось ему. Поймавъ наконецъ лошадь и втарочивъ лисицу, онъ сѣлъ на сѣдло и жадно впился глазами въ ту сторону куда направился незнакомецъ.

„Не обманулся ли я?“ забралась было къ нему утѣшительная мысль. „Призналъ ли онъ меня?“ послѣдовала за ней дру-

гая, но вдругъ, точно уколотый чѣмъ-нибудь, онъ ударилъ лошадь плетью и понесся впередъ за телѣгой.

Разстояніе отдѣлявшее его отъ проѣзжихъ было уже довольно велико; лошадь скакала не такъ быстро какъ бы ему хотѣлось; но замѣтивъ скакавшаго охотника, мужичокъ придержалъ своихъ лошаденокъ и вытягиваясь смотрѣлъ внимательно по сторонамъ, ища глазами опять лисицы и готовясь снова насладиться даровымъ зрѣлищемъ травы.

— Чудно,—скачетъ, а звѣря нѣтъ; и собаки при немъ, говорилъ онъ обращаясь къ сѣдоку.

— Сюда скачетъ, на насъ по дорогѣ, говорилъ въ свою очередь дребезжащимъ голосомъ сѣдокъ;—трогай, трогай,—дѣло сіе не наше.

— Можетъ, сказать чтѣ хочеть? возразилъ мужичокъ, не отрываясь глазами отъ приближавшагося уже Миктерова.

— Ну, чего говорить? только дальности намъ одни. Трогай!

— Стой, стой, стой! слышался уже голосъ Миктерова сквозь топотъ копытъ догоняющей лошади,—стой!

Мужичокъ остановился.

— Стой! повторилъ Миктеровъ, осадивъ лошадь у самой телѣги.—Откуда ты? обратился онъ къ мужику.

— Млиновскій.

— Кого везешь, куда?

— Кто его вѣдаетъ? Приказный знать какой, въ Пугачи везу.

— Кто ты таковъ? обратился Миктеровъ къ сѣдоку.

— Трогай! вмѣшался тотъ горячо.—Чего онъ домогается? На дорогахъ помѣшательства чинить не указано, всякому вольно вѣхать куда похочеть. Трогай!

— А, ты не хочешь сказывать своего имени? Говори чтѣ за человекъ?

— Проѣзжихъ по дорогамъ, задрезжалъ опять сѣдокъ,—оставляивать не показано. Опрічь великихъ государственныхъ дѣлъ, разбоевъ и убивствъ, никому до нихъ дѣла нѣтъ.

— Говори, чтѣ излишнее толковать. Вылѣзай изъ телѣги вонъ, закричалъ Миктеровъ и, нагнувшись съ сѣдла, потащилъ сѣдока за руку.

— Вылѣзай! повторилъ онъ, видя оказываемое ему сопротивление и соскочивъ съ лошади;—паспортъ свой подавай!

— Паспортъ.... выписи.... записи.... бормоталъ сѣдокъ, упи-

раюсь,—вымышленно осматривать.... отнюдь не указано.... для взятковъ и приметовъ....

— Ну, тамъ взятки и приметки, повторялъ про себя Миктеровъ,—вылѣзай, говорятъ, мы не беремъ взятки и приметки....

— Разбой, разбой! вдругъ тоненькимъ голосомъ закричалъ, ставъ на ноги, незнакомецъ.

— Призналъ ты меня, собака проклятая, призналъ? наступалъ на него Миктеровъ, залустивъ пальцы за полотенце на вернутое на его шею и встряхивая его такъ что свалившаяся на сторону шапка обнаружила скоро знакомые намъ, плоско лежавшіе, бѣлокурые и жиденькіе его волосы.

— Разбой.... ой-ой! уже слабымъ голосомъ вскрикивалъ изрѣдка охрипшій, маленькій, худенькій человѣчекъ, барахтаясь въ мощныхъ рукахъ Миктерова и соглашаясь наконецъ распоясаться и достать всѣ бумаги находившіяся въ его карманахъ.

Миктеровъ отпустилъ тогда свою жертву и сталъ разсматривать эти бумаги. Изъ одной узналъ онъ что стоявшій предъ нимъ человѣкъ былъ: Сила Григорьевъ Гвоздевъ, приказный служитель розыскаго приказа, существовавшаго, какъ извѣстно, для завѣдыванія сыщиками по всей Россіи; въ другой написаны были какія-то незнакомыя ему фамиліи и имена; затѣмъ наконецъ шла цѣлая пачка листиковъ синей бумаги, исписанныхъ какими-то непонятными словами, и только. Допытываться настоящаго значенія таинственныхъ словъ было бы излишне, ибо заставить Гвоздева объяснить ихъ и быть увѣрену что это объясненіе вѣрно, никто бы не могъ. Молча передалъ ему Миктеровъ обратно пачку и сталъ внимательно читать листъ съ записанными именами и фамиліями, съ волненіемъ ожидая найти свою; но и тутъ добраться до истины было трудно. Фамилій было много, но вмѣсто цѣльнаго слова, стояла иногда одна буква со звѣздочкой. Были тутъ конечно и буквы М., но были вмѣстѣ и буквы Т. и К. и другія; былъ городъ Смоленскъ, но вмѣстѣ и Москва и Новгородъ и др. Миктеровъ молча разорвалъ этотъ списокъ на мелкіе куски, еще разъ посмотрѣлъ на бумагу сыскаго приказа, протянулъ ее къ Гвоздеву и задумался. Ни къ чему не привелъ его сдѣланный имъ обыскъ. Ясно было что Гвоздевъ дѣйствительно докащикъ, шпионъ, но имѣлъ ли этотъ докащикъ въ виду его, Миктерова, очутился ли онъ здѣсь именно съ тѣмъ чтобы слѣдить за нимъ, донести на него и

быть-можетъ даже его остановить, — утвердительно сказать было нельзя.

Оставленный на свободѣ, Гвоздевъ между тѣмъ успѣлъ уже принять совершенно другой видъ. Глаза его опять зайскрились и забѣгали, неприятный ротъ вытянулся въ улыбку, а дребезжащій голосъ зазвенѣлъ какъ-то ласково и весело. Любезно выворачивая карманы, онъ показывалъ что гдѣ у него лежить; говорилъ Миктерову что онъ былъ озадаченъ внезапнымъ требованіемъ вида, котораго съ испугу только не показалъ тотчасъ же; сожалѣлъ о разорванной грамоткѣ, въ которой значились на память для себя записанныя имъ имена его милостивцевъ, и пр. и пр.

Чѣмъ болѣе говорилъ Гвоздевъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ Миктеровъ какъ мало-по-малу оставляетъ его та энергія которая сейчасъ являла себя въ такомъ грозномъ видѣ, какъ упадаетъ она предъ этимъ потокомъ словъ, хотя онъ и не придавалъ имъ никакой вѣры; онъ чувствовалъ какъ постепенно опутывалъ его Гвоздевъ своею таинственностію, какъ забирала опять надъ нимъ власть невѣдомая роковая сила съ которою не зналъ онъ какъ ему бороться.

Но вотъ, приподнявъ любезно палку надъ головою, Гвоздевъ наконецъ раскланялся и сталъ карабкаться въ телѣгу. Телѣга тронулась, — и по мѣрѣ того какъ они удалялись отъ растерявшагося молодого человѣка, блѣдность удалялась съ лица приказнаго и замѣнялась лукавою и даже веселою улыбкой... Ему удалось скрыть отъ неопытнаго Миктерова, въ одномъ изъ невывороченныхъ кармановъ, нѣкую секретную цидулку, адресованную на имя майора Бахметьева, которую онъ теперь съ нѣкоторою страстью опутывалъ и сжималъ въ своей рукѣ.

XXIII.

Намъ слѣдуетъ однако вернуться назадъ чтобъ объяснить причину внезапнаго появленія предъ Миктеровымъ того человѣка отъ котораго онъ бѣжалъ тогда изъ Москвы и который оказался теперь подъячимъ сысканаго приказа, лицомъ, сѣдовательно во всякомъ случаѣ для него опаснымъ.

Все было случайностью и все зависѣло отъ случайности въ тѣ времена которыя мы описываемъ. Въ одинъ моментъ можно было попасть въ тайную канцелярію, подвергнуться пыт-

камь и истязаніямъ всякаго рода, въ одинъ же моментъ можно было и очутиться на верху земныхъ благъ и лочестей. Нѣкто Воейковъ обратилъ на себя вниманіе государыни и быстро пошелъ въ чинахъ, потому только что когда онъ стоялъ на часахъ у Тронной залы, въ качествѣ гвардейскаго унтеръ-офицера, его узналъ, обнялъ и остановилъ шестіе представившійся въ то время на аудіенціи посланникъ австрійскаго двора графъ Остенъ, выдавшій его въ Вѣнѣ; съ другой стороны, Петръ Ивановичъ Панинъ чуть не полалъ въ Сибирь за то что будучи 14ти лѣтъ и стоя также на часахъ во дворцѣ, передернулъ бровями, отдавая честь ружьемъ проходившей мимо императрицѣ, что показалось умыленнымъ кривляньемъ и неприличною гримасой.

Никто не загадывалъ далеко въ будущее; вся Россія жила изо дня въ день. Какъ всякое отдѣльное лицо, въ виду этой игры въ случайности, имѣло всегда право ожидать перемены съ существующемъ порядкѣ вещей, такъ и само правительство въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ имѣло также полное право предполагать именно того кто ищетъ, ждетъ и кому нужны эти перемены. Отсюда, съ одной стороны, преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей за малѣйшее слово, малѣйшій намекъ на протестъ; отсюда размноженіе шпионовъ и сыщиковъ, пытки, истязанія и казни.

Какъ ни крѣпко сидѣлъ Биронъ на своемъ мѣстѣ, какъ ни всемогущъ былъ онъ, но тѣнь возможности подкопаться подъ его власть преслѣдовала его неотступно, а его власть и значеніе, его благосостояніе и самая можетъ-быть жизнь зависѣли отъ прочности престола на ступеняхъ коего онъ стоялъ. Вотъ почему и въ самомъ дѣлѣ у императрицы не было болѣе преданнаго слуги какъ ея оберъ-камергеръ. Но вотъ почему также онъ всячески старался убѣдить ее что его друзья суть и ея друзья и что его враги суть въ то же время и ея враги. Долгорукіе пытались было стать и поставить своихъ друзей между имъ и императрицей; они сдѣлались слѣдовательно его врагами, а потому они должны были сдѣлаться и врагами государыни, и правительство должно было преслѣдовать ихъ и преслѣдовать до истребленія. Они были унижены, заточены, но еще живы и слѣдовательно могли стать когда-нибудь опасными. Поэтому Биронъ не могъ забыть ихъ. Онъ слѣдилъ не только за ними, но и за всѣми тѣми кто когда-либо состоялъ въ связи съ ними, въ чьихъ рукахъ могъ

ли быть не только вѣти какихъ-либо новыхъ ихъ замысловъ, но и поводы къ возбужденію новыхъ противъ нихъ преслѣдованій за прежнія ихъ дѣйствія. Въ этомъ отношеніи и Миктеровъ былъ нуженъ Бирону; и онъ былъ песчинкой въ томъ зданіи которое надобно было разрушить до основанія.

Между тѣмъ придворная жизнь съ ея великолѣпіемъ, этикетомъ и интригами установилась въ Петербургѣ окончательно. Современники говорили, правда, что трудно прививалась роскошь къ обществу совершенно къ ней не привыкшему, что случалось видѣть часто людей въ богатой и дорогой одеждѣ дурно сшитой, что вельможи облитые золотомъ являлись въ дурномъ парикѣ или грязныхъ чулкахъ, что бывало подъ часъ—дама въ блестящемъ, осыпанномъ брилліантами туалетѣ, ѣхала на вечеръ въ старой каретѣ, на клячакъ, съ мужикомъ въ лохмотьяхъ вмѣсто кучера на козлахъ, что въ домахъ точно также грязь и нечистота мѣшались съ золотомъ, серебромъ и всякимъ блескомъ; но тѣмъ не менѣе на все это тратились страшныя деньги, магазины модныхъ товаровъ разживались въ два-три года; русскій дворъ старался перецеголять роскошью всѣ другіе европейскіе дворы. Тратить нѣсколько тысячъ въ годъ на туалетъ считалось ни лочемъ, и остряки говорили даже что слѣдовало бы расширить двери въ домахъ, ибо господа проходившіе въ нихъ несли на плечахъ своихъ цѣлыя деревни. Давали обѣды, танцовали, играли въ карты, дамы позволяли молодымъ людямъ ухаживать за собою; поклонники женскаго пола носили явно любимый цвѣтъ своихъ красавиць; но случалось и такъ что любовныя похождения какого-нибудь развязнаго человѣка кончались розгами, которыми не стыдились дѣйствовать сами дамы съ ихъ горничными дѣвушками.

Государыня жила зимой въ такъ-называемомъ Зимнемъ дворцѣ, небольшомъ полукругломъ зданіи, плохой архитектуры и незамѣчательной отдѣлки, со множествомъ комнатъ, худо расположенныхъ. За то лѣтнее мѣстопробываніе въ Петергофѣ было превосходно. Дворецъ стоялъ на высокомъ мѣстѣ, предъ нимъ шель каналъ къ морю, густой паркъ, съ дорожками, аллеями, водопадами и фонтанами, тянулся вдоль морскаго берега. Словомъ, Петергофъ того времени мало отличался отъ нынѣшняго. Внутренность дворца была замѣчательна красивою отдѣлкой и хорошею живописью, хотя комнаты были и низки, и малы.

Во дворцѣ жило вмѣстѣ съ государыней все семейство **Бирона**, то-есть отецъ, мать, трое дѣтей и дѣвица **Трейтенъ**, сестра графини Биронъ; тамъ же жила молодая принцесса **Мекленбургская**, племянница императрицы, за нѣсколько недѣль до кончины матери принявшая православіе и нареченная **Анною**; затѣмъ нѣсколько лицъ изъ придворнаго штата и состоявшіе при государынѣ шуты. Эти постоянные обитатели дворца составляли ежедневное общество государыни.

Разнообразить своего общества государыня не любила; она не любила тоже чтобъ эти постоянные собесѣдники покидали ее ради какихъ-нибудь забавъ или пировъ, устраиваемыхъ внѣ дворца; пиры эти называла она распутствомъ и иными язвительными словами.

Вообще во дворцѣ господствовалъ регулярный и однообразный образъ жизни, хотя и прерываемый иногда великолѣпными праздниками и торжествами; это общество, состоявшее всегда изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, въ сущности томилось скукой, противъ которой единственнымъ лѣкарствомъ были многочисленные придворные шуты.

Шуты, составлявшіе въ тогдашнее время необходимую принадлежность всякаго достаточнаго дома, имѣли во дворцѣ каждый свою обязанность и, составляя сбродъ людей всѣхъ націй, носили даже иногда особые знаки отличія. Такъ **Жидъ Коста**, нѣкогда гамбургскій маклеръ, прозванный королемъ Самофдовъ, и **Итальянецъ Педрилло**, когда-то музыкантъ, носили въ отличіе отъ другихъ сочиненный государыней особый орденъ на красной лентѣ, названный орденомъ Св. Бенедикта. Шутъ **Волховскій** имѣлъ обязанность надзирать за левреткой государыни. Одни изъ этихъ несчастныхъ отличались забіячествомъ, другіе трусостію; кто хорошо падалъ, кто умѣлъ ловко драться или ругаться, кто отлично заикался, но всѣ всѣмъ они превосходно шпионничали и наушничали, хотя отъ шпионства и самому правительству становилось не въ мочоту, такъ что оно обѣщало наконецъ чинить смертную казнь „безъ всякія пощады“ лживымъ донощикамъ.

Въ этой томительной и грубой сферѣ проходили годы первой молодости принцессы **Анны Леопольдовны**, въ родъ которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была перейти русская корона. Императрица заблаговременно озаботилась приискать ей жениха; съ таковою цѣлю посланъ былъ въ Германію, столь обильную въ то время принцами, оберъ-шталмейстеръ

Девенвольдъ. Его выборъ остановился на Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскомъ, родственникъ Германскаго императора. Принцъ прѣбылъ въ Петербургъ; но появленіе его было принято вообще безъ сочувствія. Ни молодость его, ни мягкій, кроткій взглядъ, не возбудили ни въ комъ симпатіи. Биронъ завидовалъ ему; государыня осталась къ нему настолько равнодушна что даже отложила на неопредѣленное время свадьбу. Что же касается до самой невѣсты, то, увы! сердце ея было уже не свободно. Посланникъ Саксонскаго двора, графъ Морицъ-Карлъ Линаръ, 33хъ-лѣтній, красивой наружности и пріятный въ обращеніи, вдовецъ, успѣлъ не только вскружить ей голову, но замѣтивъ склонность принцессы, не старался даже скрывать своихъ отношеній къ ней и предъ самимъ принцемъ, а принцесса Анна не замѣчала, да и не способна была замѣтить тутъ никакой фальши съ его стороны. Она наследовала отъ отца своего, герцога Мекленбургскаго, своеобразный характеръ и недостатокъ такта, которые стубили и ее, какъ нѣкогда стубили ея отца. Эти качества обнаружались въ ней съ большою силой въ послѣдствіи, но и теперь уже они обозначились весьма замѣтнымъ образомъ. Въ правильныхъ и пріятныхъ чертахъ лица ея было то выраженіе которое называется характерностию, своеобразностию и пожалуй даже капризомъ. Средняго роста, съ темными волосами, статная и довольно красивая, принцесса какъ будто щеголяла свободою въ обращеніи со всѣми; не любя притворства, она старалась дѣйствовать всегда и во всемъ по своему; она не хотѣла подчиняться модамъ и даже носила прически собственнаго изобрѣтенія:

Увидавъ въ первый разъ Линара, принцесса почувствовала къ нему вдругъ сильную, страстную любовь и по свойственному ей характеру, уперлась на этомъ чувствѣ, не желая отъ него отказаться не только съ прѣздомъ назначеннаго ей въ мужья принца Антона Ульриха, но и гораздо поздѣе, будучи уже правительницей Россіи.

Сидя во дворцѣ съ молодою, любимую фрейлиной своею, Юліей Менгенъ, и гувернанткой Адеркасъ, имъ передавала она все что лежало у нея на душѣ и читая вслухъ комедіи, трагедіи и романы, съ наслажденіемъ останавливалась на тѣхъ мѣстахъ гдѣ описывалась судьба несчастныхъ лѣтвыхъ принцессъ, говорящихъ съ благородною гордостію и отвагой.

— Люблю его, люблю что силы есть! Судьбѣ своей не покорюсь, воли своей не продамъ! Казните меня, голову снимите. Вотъ я, готова! восклицала юная героиня, воспламеняясь какимъ-нибудь прочтеннымъ романомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, безсознательно подготавливая эту наигранныю любовь ту случайность, которая коснулась судьбы совершенно неизвѣстнаго ей Миктерова.

XXIV.

Къ четвертому февралю, дню рожденія государыни, всѣ ожидали большихъ празднествъ, которыхъ должны были принять участіе находившіеся въ то время въ Петербургѣ восточные послы и которыя, следовательно, должны были быть тѣмъ болѣе великолѣпны.

Съ утра по улицамъ города развѣзжались экипажи, и движеніе было необыкновенное. Сбирались во дворцѣ всѣ чины: духовенство, шляхетство, генералитетъ, послы. За обѣдней придворные лѣвчиче, подъ управленіемъ іеромонаха Герасима, сѣли концертъ на слова: „Ни желаніе, ни исکانіе, ни помышленіе, но Богъ владѣяй всѣми, Той возведя тя на престолъ Россійской державы, тѣмъ сохраняема, тѣмъ управляема и покрываема буди во вѣки.“ Музыка весьма понравилась всѣмъ присутствовавшимъ. Принцесса Елисавета Петровна поручила даже своему регенту сходить къ іеромонаху Герасиму и списать слова, за что въ послѣдствіи регентъ этотъ чуть не попалъ въ застѣнокъ, ибо когда они напались у него, Теофанъ счелъ нужнымъ допросить: „до котораго лица тѣ слова были написаны, гдѣ онѣ лѣвчьемъ дѣйствованы и когда?“ Послѣ обѣдни начались аудіенціи, одна смѣнялась другою. Когда остались одни офицеры гвардіи и придворные, государыня допустила ихъ къ рукѣ и сама подносила имъ по полному стакану венгерскаго вина, который должно было выпивать стоя предъ нею на колѣнахъ.

Вновь отдѣланная зала въ бывшемъ домѣ Кикина украшена была большими померанцевыми и миртовыми деревьями, образуя съ двухъ сторонъ аллею. Цвѣтъ и запахъ отъ нихъ, наполнявшіе залу, среди льда и снѣга, которые видны были въ окна, казались непривыкшимъ къ такого рода зрѣлищамъ современникамъ какимъ-то волшебствомъ. По срединѣ

залы гремѣла музыка, вокругъ нея оставлено было мѣсто для танцевъ. Разнообразіе и въ особенноти богатство туалетовъ было такое какого не видали конечно никогда, ни прежде, ни послѣ тѣхъ временъ. Графиня Биронъ, при всей своей скудости и даже скарденности, будучи страстная охотница до нарядовъ, надѣла, говорятъ, на себя брилліантовъ и драгоценныхъ камней на сумму доходившую до двухъ милліоновъ. Все это, разумѣется, были подарки приходившіе къ ней съ разныхъ сторонъ и преимущественно отъ государыни. На ней было длинное бархатное платье, или роба крамуазы, осыпанная жемчугомъ баснословной цѣны. Туалеты остальныхъ дамъ болѣе или менѣе богатствомъ своимъ подходили къ туалету графини, но послѣдняя стояла всегда на тѣхъ, чтобы, равняясь только съ государыней, затѣвовать всѣхъ утихъ. Разноцвѣтные газонные чехлы покрывали вышитыя цвѣтами юлки, убранныя жемчугомъ и алмазами. На груди блестѣла массивная брилліантовая застежка; естественные волосы, немного подстриженные, видѣсь большими роскошными локонами, покрытыми букетами цвѣтовъ. Все отличалось свѣжестью и тщательностью отдѣлки. Всякій зналъ что ничѣмъ нельзя было болѣе угодить государынѣ въ день ея рожденія, какъ новымъ туалетомъ, и всякій поэтому остерегался надѣть что-нибудь изъ того что уже было надѣвано когда-нибудь. Начались танцы. Разумѣется всего болѣе тѣснились вокругъ выступавшей не безъ величія императрицы; сіяніе брилліантовъ графини Биронъ тоже привлекало къ себѣ многочисленныя взоры, но всего очаровательнѣе все-таки оставалась красота и молодость, которыми блистала принцесса Елисавета, которая притомъ танцовала съ неподражаемою прелестью. Прекрасную еще, несмотря на свои тридцать два года, Лолухиву, рожденную Балкъ, тоже окружала толпа обожателей, хотя всякому было извѣстно что никому изъ нихъ не достанется сердце красавицы, давно принадлежавшее графу Левенвольду, красавцу и пожирателю сердецъ нашихъ прабабушекъ.

— Кто лучше всѣхъ? спросила чрезъ переводчика государыня, подойдя къ группѣ восточныхъ лословъ, которые съ любовью и удивленіемъ разсматривали танцующихъ.

— Когда смотришь на небо, отвѣтилъ одинъ изъ сыновъ цвѣтистаго Востока,—можно ли сказать какая звѣзда имѣетъ болѣе блеску?

— Но кто же лучше однако? настаивала императрица.

— Еслибы глаза ея, оказавъ посоль, указывая тогда на принцессу Елисавету,—не такъ велики были, то взглянувъ на нихъ, нельзя было бы жить никому.

Танцы между тѣмъ продолжались, а въ промежуткахъ между англезами, польскими и менуэтами, гости уходили въ густоту деревьевъ и тамъ располагались кучками вокругъ столовъ, на которыхъ были приготовлены: кофе, чай и прохладительныя напитки.

Подъ большимъ померанцевымъ деревомъ, принцесса Анна сидѣла вдвоемъ съ фрейлиной Менгденъ, предъ столомъ, на которомъ не было никакихъ напитковъ. Ея бѣгающіе глаза и озабоченный видъ выражали какую-то тревогу и страхъ всѣмъ не гармонировавшимъ съ окружавшимъ всѣхъ весельемъ и безлечностью, а нѣсколько въ сторонѣ, гувернантка принцессы, баронесса Адеркасъ, горячо разговаривала съ графомъ Ливаромъ, причемъ сей послѣдній нѣсколько разъ бралъ почтенную даму за руку, какъ будто желая передать ей нѣчто. Казалось что баронесса колебалась, но наконецъ, повидимому, согласилась. Любезно улыбувшись ей, Ливаръ смѣялся, какъ ни въ чемъ не бывало, съ толпой мушкетъ, а госпожа Адеркасъ, подойдя къ своей воспитанницѣ, прошептала ей нѣсколько словъ, заставившихъ послѣднюю улыбнуться...

Что говорили между собою принцесса, ея воспитательница и саксонскій посланникъ — этого никто не слыжалъ; но всю происходившую между ними сцену видѣлъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, человекъ близкій императрицѣ по общему ихъ родству съ Ромодановскими. Повидимому онъ владѣлъ ключомъ этого разговора и поялъ его содержаніе: въ этомъ можно было убѣдиться по пзумленію выразившемуся на его лицѣ, по мгновенно расширившимся зрачкамъ его глазъ.

Головкинъ, родственникъ императрицы, былъ родственникъ и Аннѣ Леопольдовнѣ; вотъ почему онъ заинтересованъ былъ описанною сценой. Въ продолженіи нѣсколькихъ мгновеній взглядъ его былъ устремленъ съ такимъ упорствомъ на принцессу и ея воспитательницу что онѣ невольно обернулись. Но въ эту минуту кто-то подошелъ къ нему. Ни г-жа Адеркасъ, ни принцесса не видали взгляда Головкина.

Императрица была въ это время на другомъ концѣ заалы, осчастливливая гостей своихъ то словомъ, то улыбкой, то милостивымъ взглядомъ. Увидя снова группу восточныхъ ло-

словъ, продолжавшихъ изумлять ее откровенностию, она спросила у нихъ:

— Что васъ здѣсь всего болѣе удивляетъ?

— Видѣть женщину на престолѣ, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Ангажированная принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, принцесса Анна стояла на мѣстѣ, въ ларѣ. Благовоспитанный, вѣжливый съ дамами, но съ простыми, можно даже сказать солдатскими манерами, принцъ смѣялся надъ своею неловкостію и нелюбезностию. Принцесса, улыбаясь на его шутки, обратила случайно взглядъ на стоявшаго возлѣ нихъ, еще красиваго и стройнаго, несмотря на 55 лѣтъ, фельдмаршала Миниха, который, въ качествѣ услужливаго кавалера, тотчасъ же послѣдовалъ къ ней приблизиться и принять участіе въ разговорѣ.

Принцесса Анна разсѣянно слушала любезности фельдмаршала. Смотри прямо предъ собою, глаза ея встрѣтились печально со взоромъ остановившагося противъ нея графа Головкина. Глаза ея забѣгали, она завертѣла головой направо и лѣво, точно ища какой-то поддержки, посмотрѣла назадъ, взглянула на стоявшую тамъ свою гувернантку, и поблѣднѣла, и оторопѣла здѣсь окончательно, захвативъ Адеркасъ на томъ самомъ моментѣ когда и сія послѣдняя, точно также смущенная пристальнымъ взглядомъ Головкина, не знала куда дѣвать глаза.

Между тѣмъ заиграла музыка, заходили взадъ и впередъ ло залѣ мужчины и женщины, всѣ смѣшались; начался менуэтъ.

На другой день графъ Головкинъ разказалъ женѣ о томъ случаѣ который сдѣлалъ его къ несчастію свидѣтелемъ описанной сцены между Линаромъ, гувернанткой принцессы Анны и самою принцессой. Онъ не скрылъ что ему показалось, показалось навѣрное, что первый изъ нихъ передалъ баронессѣ Адеркасъ какую-то золотую вещицу, въ родѣ медальйона что ли, и что эта вещица была тотчасъ же передана принцессѣ. Не даромъ стало-быть городскія сплетни упоминали ея имя рядомъ съ именемъ саксонскаго посланника; не даромъ иные улыбались сомнительно говоря о предполагаемомъ бракѣ ея съ принцемъ Антономъ.

„Не Бироновы ли это штуки?“ приходило въ голову Головкину. Онъ припоминалъ слухи что фаворитъ желалъ бы устранить брауншвейгскаго принца и дать въ женихи Аннѣ Леопольдовнѣ своего сына. Какъ бы довести о томъ до свѣдѣнія

императрицы? Но какъ это сдѣлать? Опасно было вступать въ борьбу съ человѣкомъ сила котораго возрастала съ каждымъ днемъ. Посоветоваться развѣ съ Остерманомъ? Андрей Ивановичъ, *если только захочетъ*, непременно дастъ дѣльный совѣтъ. И Головкинъ рѣшился съѣздить къ нему; но видно Андрей Ивановичъ *не захотѣлъ* дать совѣта; онъ слушалъ разказъ Головкина, прерывая его безпрестанно оханьемъ и жалобами то на подагру, то на колику. Головкинъ, выходя отъ него, даже плюнулъ съ досады. „Проклятый человѣкъ!“ сказалъ онъ: „все вывѣдалъ и ничего самъ не сказалъ“.

XXVI.

— Fort, du Ziegesmann! закричалъ какъ-то графъ Биронъ, наткнувшись на шута Педрилло, гонявшагося за козой и заградившаго ему дорогу,—Fort!

— Я Ziegesmann? я козій мужъ? Хорошо же, проворчалъ про себя шутоватый жидъ и тутъ же рѣшилъ воспользоваться этимъ неосторожно сказаннымъ словомъ.

На другой день всѣ придворные, не исключая и самого графа, приглашены были имъ пожаловать посмотреть на очень рѣдкую и невиданную штуку, и когда собрались всѣ гости, то нашли шута лежавшимъ на одной постели съ козой и оттуда выпрашивавшимъ у посѣтителей денегъ на воспитаніе дѣтей, якобы прижитыхъ имъ отъ этой козы.

Смѣху было много, когда Биронъ разказалъ присутствовавшимъ разгадку этой шутки; онъ первый положилъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ протянутую шуткомъ чашечку и, съ легкой руки его, Педрилло сосчиталъ къ вечеру до тысячи рублей пожертвованныхъ денегъ.

— Эхъ, ты! говорилъ нѣсколько дней спустя придворный служитель Орловъ, сойдясь послѣ дежурства съ товарищемъ своимъ Конолевымъ въ тѣсной служительской комнатѣ и любуясь на атласомъ и бархатомъ украшенный камзолъ свой.—Эхъ, ты. Хорошо тому жить кому бабушка ворожить, кому и тысячи ни по чемъ, а насъ вотъ и нарядили, да на зубъ положить нечего.

— Да, отвѣтилъ вздохнувъ Конолевъ,—нынѣ, братъ, оберъ-камергеръ со всемилостивѣйшею государыней, самъ видѣлъ, во дворцѣ, на горѣ, при великихъ персонахъ сидитъ на сту-

ли, а князь Иванъ Юрьевичъ Трубеткой, генераль-фельдмаршалъ, прибавилъ оному царенію и важностию, — да князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, изстари старые слуги, они всѣ стоятъ, а оны сидятъ, да ея величество за ручку держитъ...

— Далеко кому такой милости искать! Въдѣ оберъ-камергеръ ведалече отъ государыни живетъ, возразилъ было Орловъ, подмигнувъ, и остановился на полусловѣ, наткнувшись глазами прямо на высунувшагося вдругъ въ дверь и скривившаго гримасу Педрилло.

— Чего надо? Вонъ! закричали въ одинъ голосъ служители, взглянувъ на шута, тотчасъ же выпрямившагося и гримасу свою перемѣнившего на серьезное лицо.

— Ну, вонъ же, говорятъ, козлиный отецъ! наступалъ къ нему Орловъ.

Шутъ исчезъ, но къ вечеру оба служителя попали въ застѣвокъ.

Биронъ взбѣсился. Онъ былъ вообще не въ духѣ; извѣстіе о кончинѣ старика отца въ Митавѣ заставило его ѣхать туда на похороны, а это будило въ немъ воспоминанія о неблестящемъ своемъ родословіи, воспоминанія, которыхъ не могла изгладить и приславная, какъ говорили, въ золотомъ ящикѣ грамота отъ курляндскаго дворянства. Онъ былъ въ духѣ и безъ того, а показанія сдѣланныя по доносу шута Педрилло выводили его изъ себя. Если такъ близко, во дворцѣ, придворные служители логоваривали въ такомъ тонѣ, что же должны были говорить и думать гдѣ-нибудь подалеже? Наказаніе страшное, примѣрное должно послѣдовать, размышлялъ Биронъ про себя, и грозный, мрачный явился на половину государыни, когда, наканунѣ обычнаго ежегоднаго празднованія коронаціи, во дворцѣ собрались, кромѣ всегдашнихъ гостей, нѣкоторыя дамы и важные сановники.

Гости играли въ карты отдѣльными партіями, государыня сидѣла вокругъ стола съ принцессами и нѣкоторыми избраннѣйшими лицами, и отъ всей души смѣялась. Кондо, дамой изъ англійскаго посольства, говорила съ русскими дамами въ разговорѣ на совершенно незнакомомъ ей языкѣ.

Не принимая участія въ карточной игрѣ, Биронъ не смѣлъ однако и показать своего дурнаго расположенія духа дамы, не огорчить государыню наканунѣ великаго торжества; графъ Минихъ, дѣлавшій всегдашнюю службу въ царствование и какіе должны быть фейерверки, иллюминація, и прочее, теперь

разказомъ о тѣхъ ракетахъ, мушкетерахъ, регенъ и стрелитъ-фѣерахъ, водяныхъ и земляныхъ швермерахъ которые должны были быть сожжены назавтра.

— А тамъ что такое? прервалъ вдругъ фельдмаршала Биронъ, прислушиваясь къ какому-то долетѣвшему до него отъ стѣны за которыми сидѣла императрица чтенію, и быстро направляя туда свои шаги.

Онъ остановился за стуломъ принцессы Елизаветы, обводя всѣхъ строгимъ взоромъ и не замѣчая уже слѣдовавшаго за нимъ на цыпочкахъ Миниха.

Но безлокоиться было не о чемъ, чтеніе было самое невинное, и ясныя улыбки сіяли на всѣхъ лицахъ.

Кантата подъ заглавіемъ „Споръ любви и ревности“, написанная въ разговорахъ между Прославленіемъ и Славой и сочиненная къ торжественному дню коронованія, восхваляла Анну на всѣ возможные лады.— „Ты, Петербургъ, Балтическаго моря Венеція, а ты, царица, радость подданныхъ, ты счастье ихъ, чрезъ тебя Европа увѣнчала главу свою мирною оливою“, говорили въ перемежку то Прославленіе, то Слава.— „Я молчу“, сказала въ заключеніе послѣдняя; „велерѣчивое мое дерзновеніе въ глубинѣ морѣ ея добродѣтелей едва ли не потонуло; я не уразумѣла что какъ нельзя счесть звѣздъ, такъ нельзя исчислить высокія дѣла Анны; я подобна дѣвицу которое думаетъ что на солнцѣ легко смотрѣть, и вскорѣ видѣть себя ослѣпленнымъ свѣтомъ!“

И точно какъ бы ослѣпленные дѣйствительно этимъ свѣтомъ, сидѣли молча всѣ слушатели во время чтенія кантаты. Государыня, облокотившись однимъ плечомъ на кресло и махая головой въ тактъ, посматривала на Бирона, а Биронъ сънисходительно улыбался и наклонялъ голову, какъ бы говоря: Тѣшьте, тѣшьте, я вичего противъ этого не имѣю.

— Прощайте и Слава! нагнувшись къ леди Рондо, сказала въ послѣдствіи, вызывая Англичанку на разговоръ и какъ бы прощаясь съ ней, сказанныя русскія слова.

Та повторила всѣ слова, коверкая ихъ, къ общей радости расхолажившейся публики.

Вообще день вышелъ такой что смѣяться было не только можно, но даже и должно, судя по счастливому, пріятному расположенію духа государыни. Вѣжскій обязанностію своею считалъ, сколько могъ, хвалить и дѣйствовать поддержанію духа государыни, и въ такомъ духѣ, въ такомъ рѣчьчѣ не

было, кажется, конца Графъ Карлъ Биронъ прочелъ, напри-
хвръ, сочиненное имъ стихотвореніе, гдѣ говорилъ что:

Карлъ бо твой живетъ что тобою
И будетъ твой собственнай въ вѣку
Отдастъ ти всю жизньъ собою
За милости твоей рѣки.

И все общество въ восторгѣ соглашалось съ нимъ.

Когда ея жизнь толь нужна намъ,
По многой твоей благостынѣ,
Продай счастье дни еѣ нынѣ,
Возьми младости моея лѣта.
Въ жертву закрывъ мои зѣнцы
Къ лѣтамъ приложи оны свѣта
Великія императрицы.

И всѣ сочувствовали этой жертвѣ пиота.

Даже самъ вице-канцлеръ Остерманъ, при общемъ настрое-
ніи, не лишнимъ нашелъ выйти изъ обычной своей колеи и
разговорился.

— Что это значитъ? что вижу? Смѣхъ и Остерманъ!... Графъ!
кликнула государыня, замѣтивъ улыбку на лицѣ лаемянницы,
возвѣ которой онъ сидѣлъ, и какое-то движеніе вокругъ: —
графъ, что это значитъ?

— Вашего величества канцлера въ сокровенности всѣ упре-
каютъ, сказалъ, приподнявшись, Остерманъ:—я говорю что въ
томъ невиноватъ, потому и вся политика нынѣ не въ дого-
ворахъ, а въ карты разыгрывается.

— Какъ, въ карты?

— Да вотъ, прибавилъ онъ, беря изъ рукъ Азбуку въ какую-
то бумагу:—Les principales cours d'Europe en jeu d'ombre,—
вотъ она европейская политика.

— Какъ такъ jeu d'ombre? — въ карты, что играетъ? что
такое?

— Jeu d'ombre, ваше величество, въ карты, а игроковъ...
сами усмотрѣть изволите: j'ai assez de jeu pour gagner la pa-
trie, началъ Остерманъ, читая извѣстный памфлетъ.—Je jouerai
quand mon roi sera à couvrir, je fournis les cartes, le profit
le plus clair est toujours pour elles.

— Да, это Россія, Франція, Польша, слышали вы?

— Attendez, attendez, messieurs, какъ будто бы обращаясь къ присутствующимъ, продолжалъ Остерманъ,—je n'ai pas renoncé et je ne prétends pas faire la bête deux fois.

— Ха, ха, ха! Лециновскій, Лециновскій! воскликнула сама государыня, вставая съ мѣста, и общій смѣхъ покрылъ голосъ вице-канцлера.

— Надежда есть что графъ и лучше другихъ въ игрѣ сей сокрыть себя сумѣетъ, замѣтила между тѣмъ принцесса Елизавета, нагнувшись къ императрицѣ.

— Ваше величество! вдругъ выступилъ впередъ князь Куракинъ:—государыня! позволь и мнѣ ужъ о политикѣ сказать.

— Ты о политикѣ чтѣ знаешь?

— Позволь ужъ, разрѣши! приставалъ Куракинъ, подзадоренный общимъ настроеніемъ духа, заранѣе улыбаясь штучкѣ которую готовился выпустить.—Gott! началъ онъ торжественно, смотря на небо,—Gott verhängt Alles! Die Welt, смиренно продолжалъ онъ,—verdient Alles; Frankreich erhält Alles; die Commissa rien nehmen (Куракинъ сдѣлалъ соотвѣтствующій жестъ рукою), Geld für Alles; die Jesuiten stecken, продолжалъ онъ, поворачивая головой и втягиваясь во все стороны,—stecken die Nase in Alles.

Полная лаеца государыни заколыхалась при этихъ словахъ, а стоявшая сзади публика начала хохотать.

— Die Weiber, громко и повелительно крикнулъ Куракинъ,—wollen regieren über Alles (все смолкая вдругъ, устремивъ взоры на свою повелительницу), so hole denn der Teufel und seine Mutter Alles, еще громче, скороговоркой закричалъ Куракинъ и неожиданнымъ переходомъ этимъ поразилъ всѣхъ, такъ что все расхохоталось во весь голосъ. Государыня, махнувъ рукою и помирая со смѣху, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ; выскочилъ даже графъ Баронъ; все общество смѣшалось; все, точно обрадовавшись, заговорили по-нѣмецки; кто, кстати и некстати, повторялъ послѣднюю строфу ламфлета, кто приставалъ къ Куракину, прося его повторить все сначала, кто бѣжалъ передать остроту играющимъ въ карты.

Графу Миниху стало досадно что до сихъ поръ ничѣмъ не удалось ему угодить императрицѣ, когда столько людей успѣли уже такъ или сякъ похвалить себя. Зная вкусъ ея къ разсудкамъ вообще и въ особенности къ такимъ гдѣ можно было и плакать и слезу, Минихъ ловко повернулъ разговоръ

отъ послѣдней злобой и смѣшной строки памфлета къ смѣшной злобѣ вообще, остановился на италіянской злобѣ въ особенноти, и сталъ предлинно разказывать о ходившемъ въ то время по городу слухѣ касательно жены одного русскаго савовника, Венеціанки, ударившей будто бы по щекѣ другую даму за то что та, подъ видомъ поцѣлуя, взяла въ ротъ надѣтое на Венеціанкѣ жемчужное ожерелье, чтобъ удостовѣриться фальшивое оно или нѣтъ, и тѣмъ удовлетворить любопытству всѣхъ дамъ, завидовавшихъ богатству ея ожерелья.

Не дослушавъ конца, графъ Остерманъ отошелъ къ удалившейся еще прежде съ гувернанткой своею принцессѣ Аннѣ и, передавъ ей содержаніе разказа Минниха, вспомнилъ вдругъ, по поводу ссоры за жемчужное ожерелье, прошедшій праздникъ, визитъ Головкина, его разговоръ и... медаліонъ.

Остерманъ, всегда вѣжливый съ женщинами, но съ высоты своихъ дипломатическихъ соображеній, считавшій ихъ отчасти игрушками которыми можно иногда и позабавиться, оглядѣлъ свою собесѣдницу съ ногъ до головы и остановился.

— Съ вами, принцесса, сказалъ онъ, — поссориться также надлежало бы; какъ возможно чтобы на столь маленькой ручкѣ такой большой перстенецъ надѣтъ былъ.

— Перстень! вспыхнула принцесса и точно пойманная на преступленіи, отвернула назадъ руку, на которой дѣйствительно большое золотое кольцо съ медаліономъ покрывало чуть не все пространство пальца до сгиба.

— Великъ, зѣло великъ! продолжалъ Остерманъ:— вотъ тѣзка мой... Андрей Ивановичъ! Андрей Ивановичъ! обратился онъ къ подходившему къ нимъ между тѣмъ Ушакову, — будь ты въ словахъ моихъ судья, разсуди: говорю, перстенецъ на рукѣ принцессы весьма великъ!

— Мнѣ въ дѣлахъ ея высочества судьей быть не приходится, отвѣтилъ Ушаковъ, пристально всмотрѣвшись въ перстень о которомъ шла рѣчь; — графъ все нынѣ шутить, прибавилъ онъ, улыбаясь, дѣлая нѣсколько шаговъ назадъ и потомъ быстро отходя въ сторону.

— Опасный вы, графъ, человекъ; лустымъ словомъ въ какую меня блѣдность привели, говорила принцесса, чувствуя что дрожитъ всѣмъ тѣломъ и не зная какъ отдѣлаться отъ Остермана.

— Ваше сіятельство, шепталъ въ то же время, услѣвшій

уже подойти къ Бирону, Ушаковъ,—ваше сіятельство, находку сдѣлалъ! Глаза ли мои въ обманъ меня привели или лодино такъ, а на рукѣ принцессы перстень, точь-въ-точь какой былъ на рукѣ извѣстной персоны, *невѣсты*, и который искали мы долго и не нашли.

Биронъ встрепенулся. Настоящее расположеніе духа его было самое подходящее ко всякаго рода подозрѣніямъ. Ушаковъ точно нарочно, точно зная это, словомъ своимъ полалъ на такой именно предметъ который болѣе чѣмъ всякій другой могъ разбудить злобу.

— Принцесса? Извѣстной персоны портретъ? успѣлъ только проговорить онъ, и едва владѣлъ собою, едва смогъ смягчить свой голосъ и скривить лицо въ какую-то улыбку, когда, подойдя къ принцессѣ, просилъ ее показать ему новый перстень, котораго онъ у нея еще не видалъ и отдѣлку котораго такъ хвалилъ ему Ушаковъ.

На двухъ сидящихъ рядомъ женщинахъ, принцессѣ и Адеркасъ, просто лица не было. Перстень былъ давно уже снятъ, и принцесса, показывая свои руки, говорила что генералъ вѣроятно ошибся, что все это сочинилъ Остерманъ и др. Но чѣмъ болѣе горячности въ отвѣтъ принцессы замѣчалъ Биронъ, чѣмъ болѣе вглядывался онъ въ мертвую блѣдность покрывавшую ея лицо, тѣмъ болѣе глаза его блестя, тѣмъ болѣе непонятнымъ казалось ему сгранное подозрѣніе закинутое въ душу его Ушаковымъ, и тѣмъ болѣе онъ бѣсился.

— Почему не хотите показать? Warum? Es ist ganz unbegreiflich! шипѣлъ онъ сквозь зубы.

— Aber was? aber was? твердила принцесса, выставляя впередъ свои руки.

— А! сказалъ наконецъ графъ, повернувшись со злобною улыбкой:—принцесса калризна! Я буду просить государыню! И скорыми шагами направился къ тому мѣсту, гдѣ, утомивъ всѣхъ своимъ разказомъ, Минихъ оканчивалъ его наконецъ, отступивъ нѣсколько въ сторону и произнося тонкимъ голосомъ, какъ должна была бы говорить Венецианка:—Da haben sie zur Erinnerung, dass die Venezianerin niemals falsche Edelsteine tragen.

Принцесса быстро встала съ своего мѣста; но платье ея за что-то зацѣпилось; а Биронъ между тѣмъ подошелъ къ государынѣ и уже началъ съ нею говорить. Еще минута, и скрытъя блѣдой дѣвушкѣ будетъ уже поздно.

— Я виноватый, я и спасителемъ буду, шелнулъ ей Остерманъ, нагнувшись и освобождая зацѣпившееся платье.

— Гдѣ же принцесса? принцесса гдѣ? спросила черезъ минуту государыня, обращаясь въ ту сторону гдѣ сидѣла леванница, но ея уже не было.

Послѣдовало общее смущеніе. Посланный вслѣдъ за удалившеюся въ свои покои принцессой, придворный, возвратившись, донесъ что принцесса, чувствуя себя нездоровою, не можетъ придти и просить государыню извинить се за ослушаніе.

Государыня, не понимая еще хорошенько чего добивался Биронъ и чего ему было нужно, нахмурилась однако, видя до какой степени извѣстіе сообщенное посланнымъ неприятно отразилось на лицѣ графа. Разомъ измѣнился характеръ всего вечера, все смолкло и притаилось; карточныя партіи между тѣмъ окончились; государыня, отказавшись отъ ужина, удалилась къ себѣ, гости разѣхались.

На другой день перстень былъ отобранъ отъ принцессы, и находился уже въ рукахъ Ушакова. Перстень этотъ былъ дѣйствительно похожъ на тотъ который разыскивали у невесты Петра II, Долгорукой, точно такъ же открывался и точно также, по формѣ своей, долженъ былъ заключать въ себѣ какой-нибудь портретъ, но портрета въ немъ никакого не оказалось, а слѣдовательно подозрѣнія Головкина ничѣмъ не оправдались. За то возникли другія подозрѣнія, вслѣдствіе которыхъ вскорѣ потомъ гувернантка Адеркасъ была удалена отъ принцессы, а Линаръ уѣхалъ въ Дрезденъ и не возвращался уже въ Россію до смерти императрицы, то-есть до того времени когда, послѣ всѣхъ катастрофъ, принцесса Анна сдѣлалась правительницей.

Возбужденный и взволнованный Биронъ не усложился однако. Дѣйствуя на слабую сторону императрицы, вѣрившей во всякаго рода предрасудки, Биронъ разказывалъ всякія невѣроятности, выводилъ какія-то сближенія между невестой Петра II и предназначенною въ невесты принцу Антону Ульриху принцессой Анной. Перстень, точно такой же перстень, и тамъ и здѣсь; при этомъ Биронъ воскрешалъ въ памяти государыни кошмаръ о Долгорукихъ, который и самому ему не давалъ покоя; припоминалъ и исчезнушаго безслѣдно этого какого-то офицера, нераспутанную его связь съ Долгорукими, и къ концу концовъ, послѣдствіемъ всего

этого былъ опубликованный во всенародное свѣдѣнiе временный указъ чтобы всѣхъ чиновъ люди представили безъ всякой утайки и страха, въ самомъ скоромъ времени, пожитки, деньги и пр. вещи Долгорукихъ, жень и дѣтей ихъ, которыя, какъ ея величеству извѣстно, и повинѣ сохранены въ партикулярныхъ домахъ. На укрывателей повелѣвалось доносить; за добровольное объявленiе, а также и доносителямъ, обѣщана была царская милость, и если то будутъ бывшiе саужители Долгорукихъ, то свобода отъ крѣпостной зависимости; скрывающiе же или тѣ кто объ этомъ вѣдали и не донесли, какого бы званiя они ни были, „истезаны будутъ жестоко“, гласилъ указъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣщанiи Бирова съ Ушаковымъ, командировано было за отысканiемъ Миктерова изъ сыскаго приказа особое лицо, которому сообщено было все чтѣ только можно было узнать касательно прежней жизни и знакомства пропавшаго офицера. Это лицо былъ тотъ самый Гвоздевъ, котораго Миктеровъ встрѣтилъ случайно во время охоты съ Наумовымъ.

XXVII.

Направлясь сначала къ Крутымъ Верхамъ, Миктеровъ не засталъ уже тамъ никого изъ охотниковъ и тутъ же, поворотивъ назадъ, рѣшилъ возвратиться домой одинъ. Встрѣча съ незнакомцемъ сильно тревожила его, хотя онъ не могъ отдать себѣ отчета почему именно. Ничего прямо касавшагося его онъ не нашелъ на этомъ приказномъ; но человѣкъ служащiй въ розыскномъ приказѣ былъ въ это время непрiятною встрѣчей, даже и не въ такомъ положенiи въ какомъ находился Миктеровъ. „Охъ! чуетъ бѣду мое сердце“, твердилъ онъ, шагомъ вѣдучи къ своимъ Савинкамъ!

И между тѣмъ, странное дѣло, къ нему начала возвращаться нѣкоторая бодрость духа по мѣрѣ того какъ все яснѣе и яснѣе представлялось ему его настоящее положенiе и грозившая неизбежная опасность, если онъ останется попрежнему вялъ и нерѣшителенъ. Въ немъ заиграла опять та струнка которой бывало удивлялся Торбеевъ и на которую такъ надѣялся отецъ его, говоря что Ванюшу только приставить къ

чему-нибудь надо, а уж онъ отъ дѣла своего не отступитъ. Миктеровъ и самъ какъ будто радъ былъ что случилось въ что такое что подтолкнуло его, что можетъ-быть заставить его дѣйствовать и жить. Какъ жить, какъ дѣйствовать? это представлялось ему чѣмъ-то крайне неопредѣленнымъ, но мысль о предстоящей борьбѣ съ опасностію и смертію придавала ему на первыхъ порахъ нѣкоторое чувство героизма, не лишенное прелести. Онъ съ удовольствіемъ мечталъ что очутится олять въ Москвѣ, куда давно тянуло его вопреки всякаго благоразумія; въ лучахъ радуги представлялся ему большой городъ, столица, гдѣ онъ жилъ издавна, самое передвиженіе и мельканіе предъ глазами новыхъ предметовъ казалось ему наслажденіемъ послѣ деревенскаго затворничества. „Не одному же мнѣ“, разсуждалъ онъ, „на роду написано слоняться по бѣлу свѣту подъ вѣчнымъ страхомъ ножа; найдется можетъ-статься и еще кто-нибудь такой же горемыка, и этотъ кто-нибудь да я, вотъ ужъ насъ и двое будетъ, а тамъ... а тамъ, кто знаетъ еще куда повернетъ счастье и чѣмъ окончится судьба!“ Если страшная измѣнчивость, отличающая первую половину минувшаго вѣка, должна была держать нашихъ дѣдовъ въ постоянномъ опасеніи бѣды, то она же поддерживала ихъ блестящими надеждами. Все и невѣроятно худое и необычайно хорошее казалось возможнымъ, и дѣйствительно было возможно.

Было уже темно, когда Миктеровъ подвѣхалъ къ своей усадьбѣ. Онъ не обратилъ вниманія на поздравленіе „съ полемъ“ со стороны выскочившаго навстрѣчу слуги, не почувствовалъ и холода въ нетопленныхъ комнатахъ, но мысли его были однако настолько спокойны что заказавъ себѣ ужинать, онъ прилежно занялся разборкой и укладкой своихъ пожитковъ въ холщевый мѣшокъ, исправно поѣлъ и распорядился чтобы къ утру приготовлена была пара лошадей и телега. Затѣмъ залезъ спать рано, ни слова ни упомянувъ объ отцѣ.

— Безъ стараго барина все чай не уѣдетъ, разсуждали между собою слуги, находясь въ недоумѣніи касательно всѣхъ этихъ распоряженій и собираясь дожидаться старика, несмотря на то что ночь стояла темнѣйшая и дождь лилъ какъ изъ ведра.—Куда вѣхать? Вѣдь онъ отецъ чай ему, не другой кто.

Казалось бы такъ. Но слуги не знали что молодой баринъ ихъ, съ юныхъ лѣтъ направленный въ ту среду гдѣ вырабатывались конечно сильные характеры, но гдѣ о нѣжности сердечной не могло быть и рѣчи, далеко не равнялся съ отцомъ своимъ въ силѣ взаимной привязанности.

Воспитанный на родительскихъ ласкахъ, Миктеровъ привыкъ смотрѣть на эти ласки какъ на что-то должное ему. Уѣзжая изъ дому, тогда еще мальчикомъ, къ Долгорукому, онъ не плакалъ при разставаньи, занятъ будучи мыслию что вотъ современемъ онъ возвратится въ Савинки полковникомъ или даже генераломъ. Шли годы, самая привычка отрока къ отцу ослабѣла, а сомнѣнiе его усиливалось. Получая иногда гостинцы изъ деревни, Миктеровъ, будучи юношей, соображалъ что отецъ, желавшій видѣть его въ такомъ высокомъ положенiи, долженъ былъ и поддерживать его. Возвратившись въ деревню бѣглымъ офицеромъ, онъ принималъ всѣ ласки отца съ благодарностию, не переставая однако думать что отецъ же этотъ выбралъ ему карьеру которая его погубила, что онъ слѣдовательно былъ нѣкоторымъ образомъ виновникомъ его несчастiя, а потому и весьма естественно если нѣжностями и заботами своими хочетъ загладить свою вину. Во всякомъ случаѣ молодой Миктеровъ жилъ отдѣльно отъ отца своего жизнью, и теперь, рѣшась ѣхать изъ Савинокъ, не подумалъ сообщить отцу о своемъ намѣренiи.

Между тѣмъ, и сверхъ всякаго чаянiя, въ самую полночь, чуткое ухо слуги слышало издали еще полосканье колесъ въ лужахъ покрывавшихъ дорогу и шлепанье лошадиныхъ копытъ по грязи. Снявъ пальцами нагорѣвшую свѣтельную свѣчу, воткнутой въ желѣзный треножникъ, слуга вышелъ въ сѣни и, притворивъ наружную дверь, старался пропустить въ нее свѣтъ огарка, пламя котораго постоянно замирало отъ врывавшагося вѣтра. Подѣхавшiй вскорѣ и вошедшiй по лѣстницѣ, старикъ Миктеровъ весьма удивился сдѣланной ему встрѣчѣ. Старикъ былъ не въ духѣ и нахмурился еще болѣе когда на вопросъ: почему не потушенъ былъ до такой поздней поры огонь, ему отвѣтили что молодой баринъ велѣлъ ожидать его; когда же, спросивъ о здоровьѣ Ванюши, онъ получилъ въ отвѣтъ: „здоровъ, слава Богу; цѣлый вечеръ собиралъ всѣ свои пожитки, а наавтра приказалъ

себя рано будить и приготовить ему лошадей“, то старикъ вспыхнулъ.

— Кто здѣсь приказанія oprичъ меня давать можетъ? за- грѣмѣлъ онъ вдругъ, топая ногой на стоявшаго предъ нимъ слугу. — Лошадей приказалъ? Нѣтъ лошадей, чьи лошади? Мои лошади! Пожитки собиралъ? Вонъ пожитки тѣ, вонъ ихъ! выбросить тотчасъ!

И какъ былъ въ грязныхъ сапогахъ и мокрой шалкѣ и одеждѣ, онъ сунулся-было вдругъ къ двери той горницы ко- торую занималъ сынъ и которая только стѣнами отдѣлялась отъ другой, занимаемой имъ самимъ. Но едва скрикнула эта дверь, едва пріотворивъ ее, увидѣлъ онъ при свѣчкѣ, ко- торую продолжалъ еще держать слуга, фигуру крѣпко спав- шаго сына, онъ остановился, и гнѣвъ его тотчасъ стихъ. Старикъ быстрыми шагами пошелъ къ себѣ, приказавъ ра- поряженій сына не отмѣнять, а доложить когда Ванюша про- снется.

Что была за причина внезапнаго возвращенія старика и отчего онъ былъ такъ гнѣвенъ? Дѣло вотъ въ чемъ: Когда терпѣливо стоявшій два часа на самомъ лучшемъ лазу Федоръ Алексѣевичъ Наумовъ послалъ, наконецъ, узнать почему не слышать такъ долго ни гончихъ, ни лорсканья, всѣ ли охотники стоять по мѣстамъ и кто что затравилъ, когда стоя на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи посланнаго и прозябши передумывалъ о томъ и о другомъ, онъ припомнилъ между прочимъ и о вчерашнемъ праздникѣ и попенялъ на себя за неосторожный разговоръ при человѣкѣ мало ему извѣстномъ, какъ Бахметье- евъ; онъ представлялъ себѣ фигуру майора, его настойчивый и рѣшительный отказъ принять участіе въ игрѣ и пр. Нако- нецъ обскакавшій кругомъ вершины мальчикъ довелъ что большая часть стаи прорвалась изъ Крутыхъ Верховъ въ уѣму, что сладить не могутъ до сихъ поръ, что волки куда-нибудь перешли, что затравлена всего одна лисица, и что бор- затники наконецъ стоятъ по мѣстамъ, кромѣ Бахметьева и молодого Миктерова которые неизвѣстно куда дѣлись. Фе- доръ Алексѣевичъ, при этомъ послѣднемъ извѣстіи, поба- грѣвилъ вдругъ отъ гнѣва и, тронувъ лошадь, приказалъ выводить гончихъ и всей охотѣ ѣхать домой.

Пріѣхавъ домой, Федоръ Алексѣевичъ тотчасъ же отдалъ повелѣніе: наказать, волевыми, подвывальщиковъ за то что волковъ въ указанномъ мѣстѣ не оказалось, и что баринъ

даромъ простоялъ на мѣстѣ два часа; затѣмъ наказать довѣзшихъ за то что не сумѣли удержать стаи въ Крутыхъ Верхахъ; наконецъ, отыскать непременно и наказать людей провожавшихъ, безъ доклада хозяину, Бахметьева и Миткорова. Но Наумовъ только срывалъ такъ сказать свой гнѣвъ на прислугѣ; кололо его то что двое изъ его гостей уѣхали не простившись съ нимъ, не поблагодаривъ его за хлѣбъ-соль. Взволнованный вышелъ онъ къ остальнымъ гостямъ.

Несмотря на то что о Миктеровѣ, по всѣмъ свѣдѣнiямъ, разказаннымъ очевидцами, извѣстно было что онъ на охотѣ присутствовалъ и даже съ кѣмъ-то предъ покинутiемъ гончихъ въ Крутые Верхи разговаривалъ, Феодору Алексѣевичу хотѣлось все-таки хоть языкъ почесать, хоть придратъя какъ-нибудь къ старику отцу Миктерова.

— Мы, сказалъ онъ,—государей нашихъ ископи-бѣ уважали и къ закону почтенiе имѣли, а нынѣ времена такiя что вѣры тому не даютъ.

Присутствующiе молчали, не зная къ чему клонитъ рѣчь свою Феодоръ Алексѣевичъ.

— Гм, гм! усмѣхался между тѣмъ онъ съ нѣкоторою злобою:— докащики размножились, и въ домахъ нашихъ смотрѣнiе за соблюденiемъ указовъ государевыхъ имѣютъ.... Я говорю, а за мною, статья-можетъ, кто изъ васъ въ памяти своей примѣчаетъ.

Гости приняли серiозный видъ. По тону хозяина замѣтно было что онъ не только волнуется, но и желаетъ сказать кому-нибудь неприятность. Кто-то осмѣлился даже спросить, какая причина такихъ рѣчей Феодора Алексѣевича?

— Сколь ни корми, сколь щедръ ни будь, а врага своего въ овечьей шкурѣ не узнаешь. Всякъ о своей пользѣ помышляетъ, а нынѣ одна польза, докащикомъ быть.

Присутствующiе стали переглядываться, спрашивали тихо другъ у друга: кто же у насъ докащикъ и что было доказывать? Наступила минута общаго недоумѣнiя. Феодоръ Алексѣевичъ, отошедшiй было нѣсколько шаговъ въ сторону, возвратился.

— Искать здѣсь нечего, сказалъ онъ,—мы всѣ законы государевы продерзостно вчера преступили.... Ха, ха! въ карты играли, въ карты! повторилъ онъ, поднимая многозначительно палецъ: — Нѣмцевъ обзывали! А Русскiе, кому это

не по праву, отъ насъ отступилися; за хлѣбъ за соль спаси-бо не сказавши, уѣхали.

— Кто же такой, Федоръ Алексѣевичъ, уѣхалъ докащи-комъ? спросилъ отецъ Миктерова, выступивъ нѣсколько впередъ.

— Да хоть сынъ твой, или Бахметьевъ, громко произ-весь Наумовъ, посмотрѣвъ ему въ лицо и отойдя въ сторону.

Миктеровъ вслышалъ. Онъ кричалъ что ни овъ, ни сынъ его никогда докащиками не были, что говорить такъ онъ не дозволить, что сынъ его былъ вмѣстѣ со всѣми на охотѣ, что самъ онъ старикъ игралъ въ карты, и что живъ не бу-детъ пока Наумовъ столь великой обиды съ его сѣдой головы не сниметъ.

Федоръ Алексѣевичъ радъ былъ случаю погорячиться и излить на комъ-нибудь свою желчь до конца. Зная почти по-тѣрво что сынъ Миктерова былъ на охотѣ, а если и уѣхалъ куда-нибудь, то не по тѣмъ причинамъ которыя онъ подо-зрѣвалъ за Бахметьевымъ, тѣмъ не менѣе Наумовъ продол-жалъ шумѣть что окрикомъ его утратить трудно, что кому его рѣчи не нравятся тому бы не слѣдовало хлѣба-соли его ѣсть, что онъ у себя воленъ говорить о чемъ похочетъ, и наконецъ, видя что Миктеровъ не слускаетъ ему ни въ одномъ словѣ, закричалъ слугѣ:—Подать гостю шалку! и вы-шелъ изъ комнаты.

Съ такимъ скандаломъ удалился старикъ изъ дома Наумо-ва и подъ такимъ впечатлѣнiемъ возвратился къ себѣ.

Всю ночь не смыкалъ онъ глазъ, ожидая неприятнаго объ-ясненiя съ сыномъ, и вышелъ поутру съ твердымъ намѣре-нiемъ крупно съ нимъ поговорить; но выслушавъ подроб-ный разказъ его о вчерашнемъ приключенiи на охотѣ, онъ задумался на минуту, и вдругъ какъ бы принявъ рѣшенiе, крикнулъ во весь голосъ:

— А что жь лошади? Готовы ли лошади?

Настала тяжелая минута разставанья. Молодой Миктеровъ пришелъ одѣтый подорожному. Отецъ тоже готовился къ отъѣзду. Онъ рѣшился не оставаться въ Савинкахъ.

Обнявъ и крѣпко прижавъ сына, опустилъ старикъ сѣдую голову свою на его плечо и цѣловалъ воротникъ его шубы. Изъ глазъ его, исплакавшихъ быть-можетъ въ жизни своей много слезъ, не текли онѣ теперь ручьями: покраснѣвшiе бѣги и вѣки покрылись только какою-то болѣзненной влагою,

но тѣмъ мрачнѣе было это сухое, старое лицо, будто черная туча безъ дождя.

— Вотъ что, проговорилъ наконецъ старикъ, — ты мнѣ скажи и я тебѣ скажу: отселѣ хотя врознь мы съ тобою будемъ, однако ко врагамъ нашимъ лошады, доколѣ живы мы, не имѣть. Самы они насъ къ сему привели, самы, заключилъ онъ, снова крѣпко обнявъ сына.

Молодой Миктеровъ, высвобождая руки, рвался также обнять отца. Пододрѣтый его словами, онъ цѣловалъ отца въ голову, но исполненный дѣйствительной ненависти ко врагамъ, онъ молчалъ о нихъ какъ бы не довѣряя искренности этого чувства въ отца.

— Такъ стало? точно опомвившись, вдругъ снова засуетился отецъ. — Вдемъ же! Присѣсть надо.... Такъ свидимся, Ванюша?

— Свидимся, батюшка! обмѣнялись они послѣдними словами, и лошады тронулись отъ крыльца.

XXVIII.

Рѣшеніе старика Миктерова было опредѣленно и твердо. Въ Савинкахъ дѣлать ему было уже нечего. Здѣсь могъ онъ только подвергнуться опасности быть остановленнымъ и привлеченнымъ къ отвѣту. Слѣдовало тотчасъ же собирать все что можно было унести, садиться въ ожидавшій его уже готовый экилажъ и ѣхать, сначала къ Наумову, чтобы совѣтъ была чиста и честь не замарана, а потомъ.... потомъ куда укажетъ Богъ.

Простоявъ на крыльцѣ доколѣ не скрылась изъ глазъ телега увозившая сына, быть-можетъ навсегда, и позволивъ себѣ такимъ образомъ еще хоть нѣсколько минутъ продлить настоящее и прожить воспоминаніемъ прошедшаго, старикъ наконецъ встреленулся, принялся собирать, укладываться, и будто вдругъ окрѣлъ для той жизни и борьбы которую такъ скоро, такъ рѣшительно создалъ себѣ въ будущемъ. Хорошны, люди окружавшіе его, все съ чѣмъ онъ такъ долго жилъ, что такъ долго насиживалъ, все вдругъ показалось ему какъ будто чужимъ, онъ точно оторвался отъ всего этого и одна

только мысль: бѣжать, бѣжать скорѣй отсюда, вертѣлась въ его головѣ.

Переборка и суетня, закидѣвшая вокругъ, придавали ему силы и бодрости, необходимость которыхъ была тѣмъ настоятельнѣе что обстоятельства и время не ждали его.

Благополучно доставленная и переданная Гвоздевымъ майору Бахметьеву цыдулка заключала въ себѣ приказаніе послѣднему содѣйствовать къ заарестованію *известной persons*, если таковая окажется дѣйствительно тамъ гдѣ указывали имѣющіяся свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія вполнѣ подтвердились: Бахметьевъ лично разговаривалъ съ Миктеровымъ. Гвоздевъ узналъ отъ своего возчика что едва не задушившій его человекъ есть „Савиновскій баринъ“, то-есть Миктеровъ же. И Бахметьевъ и Гвоздевъ сочли необходимымъ постѣпить приведеніемъ въ исполненіе поманутаго приказанія. Съ вечера командированъ былъ Бахметьевымъ оберъ-офицеръ съ нѣсколькими солдатами; на другой день рано утромъ прибыли они въ усадьбу Наумова, гдѣ, по соображеніямъ майора, можно было навѣрно застать Миктерова. Гвоздевъ находился при офицерѣ, въ качествѣ лица которое должно было указать кого именно слѣдовало взять.

Все переполошилось и перетрусило у Федора Алексѣевича. Послѣ вчерашняго происшествія, офицеръ съ командой въ селѣ, да обыскъ въ домѣ,—чего жъ тутъ ждать хорошаго?

Наумовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недовольныхъ которые, живя вдали отъ Петербурга, тѣмъ съ большимъ усердіемъ собирали всѣ неблагоприятныя для правительства слухи и съ жадностію слѣдили за ходомъ событій, всегда готовые воспользоваться случаемъ чтобы выскочить въ люди. Желаніе выскочить въ люди грызло Наумова, а худыя вѣсти которыя до него доходили о положеніи дѣлъ, о голодѣ, разбояхъ, жестокостяхъ и, какъ слѣдствіи всего этого, о всеобщемъ недовольствѣ, щекотали его воображеніе.... И вотъ вдругъ военная команда налетаетъ въ село!...

Это однако не сковфузило его, а только озяло.

— Чтѣ жъ милости просимъ, милости просимъ, желчно говорилъ онъ, встрѣчая солдатъ, ввалившихся безъ церемоніи прямо въ палаты.

— И гостей, знать, моихъ, и слугъ, всѣхъ забрать бы; всѣ виновны, всѣ ослушники, ха, ха! обращался онъ съ насмѣшкой

къ пожилыхъ лѣтъ офицеру, маленькаго роста и съ тупымъ выраженіемъ лица.

Но безсмысленно смотрѣлъ на него своими оловянными глазами офицеръ; бѣгали и сверкали глаза у Гвоздева. Прошла команда по всѣмъ комнатамъ, заглянула во всѣ углы и пристройки, спросила подробно о чемъ ей было нужно знать и молча направилась далѣе въ Савинки.

Старикъ Миктеровъ отъѣхалъ всего двѣ версты отъ своей усадьбы, когда, при поворотѣ изъ лѣса, замѣтилъ идущую къ нему на встрѣчу телѣгу наполненную военными. Чтѣ это были за люди и куда они направлялись, догадаться было не трудно, но скрываться отъ нихъ теперь было и поздно, и невозможно; онъ только перекрестился.

— Эзекуція знать куда-нибудь по недоумкамъ, равнодушно сказалъ старикъ сидѣвшему на козлахъ мужичку, и бодро продолжалъ смотрѣть вдаль на приближавшихся враговъ.

Извивающаяся между свѣжими зелеными зигзагами грязная проселочная дорога позволяла ему разсматривать идущихъ на встрѣчу ему, то съ праваго, то съ лѣваго бока. Съ одной стороны телѣги сидѣли солдаты, съ другой офицеръ и Гвоздевъ, суконную желтаго цвѣта чуйку котораго можно было уже различить.

— Утопнешь! эй, утопнешь! заворчалъ сквозь зубы Миктеровъ, когда Гвоздевъ вдругъ прыгнулъ съ телѣги, вѣроятно чтобы свободнѣе разсмотрѣть встрѣчныхъ, и пошелъ по озими, наступая на крулые, рыхлые комки земли.

— Эй! Посторонись! Съ дороги! Закричалъ Миктеровъ встрѣчной телѣгѣ, подвигаясь крулою рысью.

— Откуда ѣдете? послышалось дребезжаніе Гвоздева. — Откуда?

— Изъ Орѣшковъ! крикнулъ на лету Миктеровъ, отважно смѣривъ его глазами съ головы до ногъ и предупреждая отвѣтъ своего кучера.

— До Савинокъ далече ли? крикнулъ въ догонку Миктерову офицеръ, сидѣвшій на телѣгѣ.

— Версты двѣ! отвѣтилъ тотъ, приподнявшись и оборотивъ голову назадъ.

И команда двинулась въ лѣсъ, а Миктеровъ, снявъ шалку и другой разъ перекрестившись, логналъ чтѣ есть духу въ усадьбу Наумова, которому и разказалъ чтѣ и какъ случилось.

— А вы-то, батюшка, сказали онъ въ заключеніе, — думали что Ванюша докащикъ? Нѣтъ у васъ Бога!

— Лошадей, живо лошадей! Пѣгую тройку, живо! закричалъ Наумовъ, и бросился обнимать старика. — Старое кто помаеть, гдазъ тому вонъ! Вижу откуда бѣда тебѣ. Сына-то скоромилъ ли? Скорѣе, скорѣе, вонъ отсюда, да подалѣ! Пѣгуйхъ конехъ хотъ зарѣжь. Говни, говорилъ онъ усаживая Миктерова въ повозку и отдавая тотъ же приказъ кучеру. — А мнѣ одинъ конецъ, ворчалъ онъ, возвращаясь въ опустѣлые локоу. — Коли не за укрывательство въ отвѣтъ быть, такъ за языкъ. Отъ, языкъ мой—врагъ мой, врагъ лютый, злѣйшій! повторялъ Наумовъ долго еще и послѣ отъѣзда Миктерова.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на счастливо минувшую опасность, Федоръ Алексѣевичъ не могъ все-таки удержать свой языкъ, а Смоленской губерніи какъ нарочно доставалось въ это время хуже другихъ. Возвращавшимся изъ Польши войскамъ приказано было забрать тамъ силой и вывести съ собою бѣжавшихъ русскихъ крестьянъ, а знаменитую Вѣтку, гдѣ бѣглые раскольники проживали въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ дворовъ, приказано было окружить, разорить жилища, и забравъ всѣхъ жителей перегнать на російскую сторону. Собранныхъ такимъ образомъ въ Смоленскѣ и другихъ порубежныхъ городахъ, русскихъ бѣглецовъ съ женами, дѣтьми, скотомъ и всякими пожитками, сколько можно было подвять на лошадахъ, приказано было кормить, выдавать имъ хлѣбъ изъ мѣстныхъ магазиновъ, а это еще увеличивало голодъ, отъ котораго въ Смоленской губерніи случалось матерямъ топить своихъ дѣтей, и болѣзни. Правительство грозило жестокимъ истязаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ тѣхъ помѣщиковъ которые не будутъ кормить крестьянъ; но помѣщики, съ одной стороны, имѣли всегда въ тѣхъ же указахъ оговорку относительно нерадивыхъ крестьянъ, подъ которую могли подводить всѣхъ; съ другой стороны, они и сами были разорены.

— Изъ чего кормить-то? Изъ чего? горячился Наумовъ. — Мы имѣннй въ Шлезвигѣ на деньги съ данцигской контрибуціи не покуливали: то не намъ, а графу фонъ-Биронову должно. Онъ подарки и лошадами, а деньгами собираетъ, дабы подручниковъ своихъ на хлѣбныя мѣста сажать, а съ насъ взять нечего. Онъ ишь враговъ повсюду намъ разыскиваетъ;

чина даже немецкіе по-русски называть опасается...—Охъ, языкъ мой—врагъ мой! бранилъ самъ себя Федоръ Алексѣевичъ,—и наконецъ попался.

Доложь Бахметьева и смутные слухи о какихъ-то замыслахъ насчетъ Голштинскаго дома, о тайныхъ перепискахъ нѣкоторыхъ особъ и т. п. подвели къ отвѣту и Наумова, и многихъ другихъ. Самъ смоленскій губернаторъ, камергеръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Андрей Черкасскій, за какія-то непристойныя слова, сказанныя при свидѣтеляхъ, за дерзостные умыслы въ согласіи со многими изъ знатныхъ смоленской шляхты, лишенъ былъ, несмотря на родство съ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, всѣхъ чиновъ, имѣнія и сосланъ на вѣчное житье въ Джугайское зимовье, въ Сибирь. Все притихло вдругъ; а при дворѣ между тѣмъ все попрежнему: праздникъ смѣнялся праздникомъ, торжество торжествомъ, и все роскошнѣе развивалась придворная обстановка. Тамъ, въ обширныхъ аллеяхъ Лѣтняго Сада, оканчивающихся съ одной стороны гротомъ изукрашеннымъ большими, рѣдкими раковинами и кораллами, съ другой — фонтаномъ и высокимъ голландскимъ възомъ, разставлены столы на 800 персонъ; надъ ними во всю длину аллеи растянута палатка изъ зеленой шелковой матеріи, утвержденная на пиластрахъ обвитыхъ цвѣтами. Въ гротѣ красиво разставлены статуи, и тихо играетъ водою приводимый въ дѣйствіе органъ. Между пиластрами, по обѣимъ сторонамъ столовъ, устроенъ буфетъ съ тарелками и фарфоромъ; въ нишѣ скрываются музыканты. Обѣдъ смѣняется баломъ, балъ иллюминаціей, и гуляющіе по саду пѣвальные Французы, взятые Минихомъ при осадѣ Данцига, обласканные и получившіе шлагаи, не могутъ надивиться великолѣпію русскаго двора, а представители его, придворные Нѣмцы, расшаркиваясь предъ ними, хохочутся что въ Россіи умѣютъ принимать иностранцевъ.

XXIX.

Время шло. Поселившись въ Москвѣ, молодой Миктеровъ жилъ такъ какъ давно ему не жилось. Его принялъ, обласкалъ и приютилъ Торбеевъ, а онъ отыскалъ здѣсь давно уже перѣхавшихъ изъ Можайска Тишиныныхъ.

Съ одной стороны, машила Миктерова своею милостивою и молодостию Маша, жизнь съ которою сулила тихое счастье; съ другой, его увлекалъ къ дѣятельности стоявшій въ оппозиціи къ правительству Торбеевъ. Было бы только за кого записаться, а ужъ вывезти я самъ себя вывезу, размышлялъ Миктеровъ, разчитывая на свои способности.

Жили Тишины у церкви Девяти Мучениковъ, близъ Прѣсненскихъ прудовъ, въ одномъ изъ девяти переулковъ, ведущихъ къ Новинскому валу. Мѣстность этой части Москвы была въ то время вовсе не похожа на городъ; переулки были узенькіе, иногда въ двѣ сажени ширины, часто глухіе безо всякихъ проѣздовъ; даже улица подъ Новинскимъ монастыремъ, шедшая къ Москвѣ-рѣкѣ, съ лѣснымъ и мяснымъ рядомъ, была вся искривлена выходившими изъ общаго порядка домами, то суживавшими проѣздъ до невозможности, то расширявшими его на подобіе площади. Въ такомъ же положеніи былъ и Арбатъ, гдѣ у Спаса на Пескахъ, переѣхавъ отъ Торбеева, поселился Миктеровъ. Лѣлась одинокъ къ другому, дома крытые гонтомъ или дранью, иногда тесомъ, были все сплошь деревянные и одноэтажные. Освѣщенія не было никакого. Только въ Кремлѣ и Китайъ-городѣ горѣли насчетъ штатовъ-комторы смрадные фонари въ десятисаженномъ другъ отъ друга разстояніи, въ Нѣмецкой Слободѣ по большимъ улицамъ, въ Тверской-Ямской, въ Воронцовской слободѣ къ Новоспасскому монастырю, за Красными воротами, за Серпуховскими и Калужскими воротами, къ Донскому монастырю; фонари содержались уже обывателями на пятнадцати или тридцатисаженномъ разстояніи, а на Прѣснѣ о нихъ и помину не было. Жители по ночамъ носили фонари съ собою. И частенько бывало что засидѣвшіеся вечеромъ съ Машей, Миктеровъ пробираясь мимо разставленныхъ по улицамъ рога-токъ домой, съ Тишинскимъ фонаремъ въ рукахъ, счастливый что утромъ можно будетъ пойти къ нимъ опять, подъ предлогомъ возвратить фонарь. Машина тетка между тѣмъ взды-
хала.

— Охъ, горе, горе! говорила она, глядя на молодыхъ: — живемъ мы безъ отца, ходитъ къ намъ этотъ молодецъ что ни день то чаще: чѣмъ все это окончится должно?

Будучи женщиной богомольною, отлучаясь часто къ разнымъ церковнымъ службамъ, она смущалась когда по возвращеніи

домой заставляла иногда Машу вдвоемъ съ Миктеровымъ; но любя племянницу всею душой, она не рѣшалась положить предѣлъ этимъ свиданіямъ. Можетъ-быть самъ Богъ посылаетъ Машѣ счастье. Съ другой стороны, давно отказавшись въ пользу ея отъ всего что считала когда-то своимъ приданымъ, не имѣя рѣшительно никакого достатка, записавъ предъ отъѣздомъ изъ Можайска даже послѣднюю свою свѣтлостѣрую кобылу, цѣною въ еемъ рублей, вкладомъ въ тамошній монастырь для поминовенія Машиной матери, находясь такимъ образомъ совершенно въ зависимости отъ брата, она боялась что долуцезвныя ея отношенія между молодыми людьми не поправятся ему.

— И какой онъ человѣкъ, какая за [нимъ] провинность, спрашивала она себя, — если и имени своего сказать не можетъ?

А имени своего Миктеровъ объявить никакъ не можетъ; разказать всю правду значило бы отказаться отъ свиданія съ Машей, ибо никто въ то время не согласился бы допустить къ себѣ въ домъ человѣка разыскиваемого полиціей; выдумать же имя было опасно, въ виду близкой встрѣчи съ отцомъ Маши. Миктеровъ и Машѣ-то сообщилъ о всемъ только сгоряча. Надо было только тетку упросить молчать до времени, не разказывать о его посѣщеніяхъ, никому его не называть и дожидаться возвращенія Осипа Кондратьевича. Это послѣднее и успокоивало богомольную и трусливую старуху.

Миктеровъ дѣлилъ свое время между Тишиными и Торбеевымъ-отцомъ. Если сердце манило его въ глухой перелокъ у Прѣсенскихъ прудовъ, то нелобѣдимое стремленіе принять участіе въ теченіи современныхъ дѣлъ влекло его къ Торбееву, гдѣ постоянно шла рѣчь объ этихъ дѣлахъ, и именно въ томъ смыслѣ и въ томъ духѣ которымъ онъ сочувствовалъ, самъ не отдавая себѣ отчета почему. Постоянными собесѣдниками Торбеева были совѣтникъ Анненковъ, ассессоръ Скороходовъ, камергеръ Бѣликовъ, генерал-поручикъ Чикинъ и нѣкоторыя другія лица, любившія лоточить языкъ на счетъ правительства.

Собирались часто, а какъ соберутся, да начнутъ бывало разказывать — только держись. Сегодня сообщить одинъ о какомъ-нибудь новомъ указѣ: отставныхъ, напрымѣръ,

офицеровъ изъ иностранцевъ велѣно де опредѣлять для пропитанія въ монастыри, якобы въ томъ не было никакого предосудженія, и до вѣры будто бы это не касается; завтра заведутъ разговоръ о приказаніи недорослямъ изъ шляхетства являться по седьмому, двѣнадцатому и шестнадцатому году къ мѣстному начальству для экзамена, — и пойдутъ, и пойдутъ....

— Мы, подсмѣется иной, — чины свои по заслугамъ получали, а вынѣ ариѳметика и геометрія всему дѣлу начало. И надѣтьми своими невластны: несвѣдущихъ въ сихъ наукахъ недорослей, безъ всякаго произвожденія, въ матросы опредѣлять указано. Которые родителями для экономіи назначены, и тѣмъ де ариѳметика нужна, для домашнихъ счетовъ должно быть, а геометрія чтобы въ земляхъ своихъ по дачамъ мѣру знали....

— Гдѣ мы властны? гдѣ власть наша? подхватывалъ другой. — Въ артиллерійской школѣ, что у Сухаревой башни, вотъ гдѣ власть! Знаете, какъ штыкъ-юнкеръ Алабышевъ шляхетскихъ дѣтей наказываетъ? На спину, слышно, положить письмо въ коемъ вина прописана, и потомъ свѣчь, локолѣ ружья розгами на спинѣ не разстегаютъ, вотъ что.

— Э! что съ Алабышева и взять? Три раза подѣ стражею за убійство былъ!

Или начнетъ бывало кто-нибудь разказывать о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Крыму, о Башкирскомъ движеніи; какъ строятся и учреждаются крѣпости на оренбургской линіи бѣглецами приглашенными съ Яика, какъ дѣйствуютъ противъ Башкирцевъ монахи Далматскаго монастыря; какъ двинули въ Башкирію, подѣ начальствомъ строителя Оренбурга, Кирилова, регулярныя войска, разорявшія огнемъ и мечомъ все что попадалось имъ на пути; какъ вѣшаютъ и сажаютъ на колья сопротивляющихся; какъ женъ и дѣтей казенныхъ раздаютъ по рукамъ для поселенія внутри Россіи, отправляютъ партіи тысячъ въ пять на работы въ Рогервигскій замокъ.

— Знать со всѣхъ концовъ загораются, — и Башкиры, и Татары!

— Татищева, слышно, съ сибирскихъ-то заводовъ спихнули, а изъ Саксоніи барона Шембега для горнаго мастерства привезли.

— Охъ, и Татищевъ! Что Татищевъ? Кто мальчика, да дѣвочку изъ тамошнихъ лѣнныхъ, кто иноходцевъ изъ орды

доставалъ и сюда присылывалъ? Татищевъ. Кому? Нашему Семену Андреевичу. Да къ тому же отписываетъ, слышишь, выбралъ де самыхъ лучшихъ изъ лѣвняковъ, да инокходъ котораго лучше сыскать не могъ; трудился, слышишь, въда охоту графа Бирона. Вотъ онъ каковъ!

— Татищевъ?

— Да еще бобровъ живыхъ мнилъ было ко двору отпра вить, не въдалъ только угодно ли, не противно ли то будетъ

— А Семень Андреевичъ, въшивалася генераль-жоручикъ Чикинь, — тѣхъ бобровъ, слышишь, въ анатомію употребить ве лѣлъ, для любознѣтства, а паче для подлиннаго извѣстія о на зываемой струѣ.

— Ха, ха, ха! смѣялось все общество.

Самымъ задорнымъ между пріятелями Торбеева былъ гене раль Чикинь. Онъ никакъ не могъ промолчать когда рѣчь касалась бывшаго тогда московскаго губернатора Семена Ан дреевича Салтыкова. Стоило только произнести это имя, Чи кинъ раздражался цѣлымъ потокомъ различныхъ разказовъ о немъ и о его управленіи. По чину своему онъ былъ въ Москвѣ почетнымъ лицомъ, а потому иные относились къ нему вообще съ уваженіемъ, но всякій зналъ эту его сла бость и, пользуясь нерасположеніемъ генерала къ Салтыко ву, позволяли себѣ подстрекать его на разные, можетъ-быть и излишнія, выходки. Торбеевъ хлопоталъ объ этомъ болѣе другихъ.

— Почему, долпрашивалъ у этого послѣдняго Миктеревъ, — Салтыковъ-то тебѣ ужъ больно ооловъ пришелся?

— Салтыковъ? А кто меня за арестъ, тотчасъ по прибытіи своемъ въ Москву, взялъ. Онъ, Салтыковъ. Кто слухомъ об носилъ якобы то было учинено имя по повелѣнію самой госуда рыни? Онъ же, Салтыковъ. Челобитную, вишь, на меня пода валъ кто-то: а гдѣ та челобитная? гдѣ указъ государыни? Самъ съ своими дѣлами управиться не можетъ; на него бы челобитныя-то писать надлежало. Въкъ ему не прощу. Ужь добѣду его, добѣду! горячился Торбеевъ.

— Эхъ ты! думалъ про себя, слушая такія рѣчи, Микте ровъ. — Чего жилъ я въ деревнѣ? Чего тамъ дожидался? Воль какъ люди замыслы свои въ дѣяство производятъ! Не страш но, знать, лишь бы хотѣніе было.

И вспомнилось ему дѣло минувшее смутное время Долго-

сѣки, когда и онъ игралъ роль, когда и онъ мечталъ сдѣлать то и другое, и разгораясь въ немъ опять огонь честолюбія и снова, казалось ему, бѣшь готовъ онъ на всякую борьбу....

XXX.

Салтыкову было действительно трудно „управиться съ своимъ дѣломъ“, какъ выражался Торбеевъ.

Москва представляла подобіе городской жизни, но въ какомъ-то недооконченномъ, неустроенномъ видѣ. Даже по наружности была она не то городъ, не то село. Были какія-то городскія утробства и порядки въ одной части ея, и ничего не было въ другой. Была такая на хлѣбъ, сайки, крекелы, мясо, но вѣсть съ тѣмъ хлѣбники и мясники должны были, отрываясь отъ своихъ занятій, бѣгать на пожары. Въ кабакахъ продавали вино, пиво и медъ, брали въ закладъ платье, посуду и что полагало. Около Москвы появились такъ-называемыя разбойничьи компаніи, чинившія разные безпорядки и даже убійства: то, слышно, убили какого-то подполковника Казина, то фельдмаршалъ Брюсъ получилъ одно за другимъ три письма съ требованіемъ выслать въ „компанію“ денегъ и съ разными угрозами въ случаѣ неисполненія этихъ требованій. Съ нищими не знали что и дѣлать. Для нихъ устраивали богадѣльни при церквяхъ, ихъ разсылали по мѣстамъ жительства къ помѣщикамъ, наказывали, наконецъ записывали въ драгуны и матросы; но число ихъ прибавлялось съ каждымъ годомъ: въ бойкихъ мѣстахъ отъ нихъ не было прохода; оцѣли они кучами на мостахъ, валялись на улицахъ. Были между нами и действительно больные и увѣчные, но были и совершенно здоровые, молодые, которые, записываясь въ богадѣльни и не живя тамъ, получали только жалованье, а действительно старымъ и хилымъ не хватало уже тамъ мѣста. Изъ этого сброда людей, многіе конечно попадались въ воровствахъ; другіе, избирая себѣ роли кликушъ, юродивыхъ, „босыкъ“, творили разныя безобразія въ церквяхъ и монастыряхъ. Напрасно обязанные надсматривать за ними благочинные люди, „какъ бы духовные фискалы“, доносили обо всемъ архіереямъ,—ничто не помогало. Достаточно

было имѣть колтуны на головѣ чтобы влупить къ себѣ нѣ-
которое уваженіе въ народѣ, который всегда могъ оградить
несчастныхъ отъ преслѣдованія, укрыть на время и дать спо-
собъ уйти. А какими средствами располагалъ Салтыковъ для
искорененія воровства, поимки разбойниковъ и пр.? Онъ
хлопоталъ сколько умѣлъ чтобы вершить дѣла безъ волокиты;
самъ ѣзжалъ въ сенатскую контору, опредѣлялъ оберъ-
офицеровъ гвардіи въ вотчинную и камеръ-коллегіи для по-
вужденія чиновниковъ, приказывалъ прокурорамъ слѣдить за
последними; лично принималъ безъ отказа челобитчиковъ
знатныхъ и „подлыхъ“, мужчинъ и женщинъ; вызывалъ судей и
строго запрещалъ имъ тянуть дѣла; слушалъ самъ доклады
приходившаго къ нему адъютанта Кречетникова съ двумя се-
кретарями по дѣламъ военнымъ и присылаемымъ изъ каби-
нета... Но развѣ все это было достаточно? Развѣ не могъ всякій
желавшій найти какіе-нибудь безпорядки находить ихъ околь-
ко угодно повсюду? Развѣ не въ правѣ были, смотря на без-
порядки эти съ одной стороны и на положеніе самого Салты-
кова съ другой, завидовать что вотъ живетъ онъ во дворцѣ,
льетъ и ѣстъ все готовое, государево, не беря ничего изъ
дому, что и служители, и карета, и лошади у него дворцо-
вые, и что сверхъ всего этого еще и деревнями его всемилос-
тивѣйшая государыня жалуешь,—а кому де отъ этого польза?
Порядковъ все нѣтъ какъ нѣтъ.

Чикинъ, дѣлавшій еще менѣе Салтыкова, болѣе другихъ
ему завидовалъ, и этою завистью его Торбеевъ и другіе
пользовались и выпускали генерала впередъ какъ злую соба-
ку, которою хозяинъ не дорожить и которую онъ готовъ вы-
пустить на звѣря, хотя и знаетъ что ей не сдобровать. Но
и помимо Чикина,—не даромъ такъ хорохорился Торбе-
евъ,—давно уже состряпано было и отправлено въ Петер-
бургъ посланіе въ которомъ обстоятельно и положительно
сообщалось о разныхъ весьма непріятныхъ для Салты-
кова обстоятельствахъ. Говорилось объ остановленной, ра-
ди взятокъ, продажѣ какихъ-то конфискованныхъ дворовъ
и о томъ какъ адъютантъ Кречетниковъ съ состоявшимъ
при губернаторѣ камеръ-лакеемъ дѣлають чтл хотять, и
о займѣ губернаторомъ у разбойничьихъ „компаній“ де-
негъ и пр. Кто сочинялъ и отправлялъ это посланіе, когда и
какъ, это осталось совершенною тайной, но для отношеній

существовавшихъ между Салтыковымъ и дворцомъ оно было крайне неблагопріятно.

Давно уже не было адресовано къ нему никакихъ любезностей, ни со стороны государыни, ни со стороны Бирона. Семеновъ Андреевичъ писалъ и къ сыну своему Петру въ Петербургъ съ нарочнымъ фурьеромъ, прося его: „усмотря часть свободный, и чтобы притомъ никого не было“, передать Бирону его письмоце въ которомъ онъ спрашивалъ у его сіятельства, не донесено ли на него что-нибудь. Онъ наставлялъ сына какъ ему добыть отъ Бирона отвѣтъ и какъ немедленно прислать: „доложи, молъ, не изволите ль, ваше сіятельство, къ батюшкѣ о чемъ писать, понеже отъ него здѣсь есть присланный въ кабинетъ съ письмами.“ Писалъ онъ также и къ князю Черкасскому, и къ Остерману, прося и ихъ своимъ предстательствомъ не оставить его и охранить, но ничто не помогало. Печальный и больной ходилъ онъ по своимъ покоямъ, не зная что дѣлать.

— Не собою остался я здѣсь въ Москвѣ, размышлялъ Семеновъ Андреевичъ,—а по указу ея величества, и надѣялся житье мое окончить въ радости, а нынѣ вижу что въ лечали окончу. Какъ былъ я не у дѣлъ, то и друзей много было мнѣ, а нынѣ какъ опредѣленъ къ дѣламъ, то больше стало недруговъ.

— Что ты? сказалъ онъ разъ давно уже стоявшему Кречетникову.—Ну, что ты дѣла только ко мнѣ таскаешь, а навѣты кто на меня затѣялъ, не вѣдаешь. Кто на меня доносить? Кто мои злодѣи? Торбеевъ бездѣльникъ меня поносить, продолжалъ онъ горячась,—съ того времени какъ содержанъ былъ у меня подъ карауломъ, на меня злобствуетъ. Сынъ его и нынѣ при Павлѣ Ивановичѣ въ Берлинѣ живетъ. Вотъ черезъ кого доводить на меня злодѣи... Да и ты не уйдешь, всѣмъ намъ бѣда будетъ великая...

И рѣчь его еще продолжалась, когда въ сосѣдней комнатѣ послышались вдругъ чьи-то быстрые шаги, и въ широко распахнувшуюся дверь введенъ былъ нарочный изъ Петербурга, лакей Возжинокій съ письмомъ отъ государыни. Горю Семенова Андреевича суждено было окончиться этимъ днемъ.

Руки шестидесятилѣтняго старика дрожали, ломая печать драгоценнаго конверта; радость засіяла на его лицѣ, все было забыто. Государыня милостиво поздравляла Салтыкова съ

имѣющимъ наступить даянъ ея коронаціи и отъ императрицы Семена Андреевича, причеиъ слаа ему тысячу рублей въ подарокъ.

Семенъ Андреевичъ тотчасъ же отправился къ обѣднѣ, приказавъ отлить послѣ обѣдни за здравіе ея императорскаго величества молебень, и возвратясь домой немедленно же принялся писать отвѣтныя благодарственныя письма.

Такъ писалъ онъ къ Барону:

„Всегда должень я вашего высокографскаго сѣятельства милостиваго государя рабаки благодарить за такую ко мнѣ бѣдному особливую вашего графскаго сѣятельства, милостиваго государя моего, милость, заслужить ничѣмъ не могу, только прошу Его, Творца нашего Бога, да исполнитъ вашего высокографскаго сѣятельства милостиваго государя и отца всякаго благополучія и радости, всей вашего высокографскаго сѣятельства милостиваго государя высокой фамиліи.“

Такъ писалъ онъ къ сыну Петру и женѣ его Прасковѣ Юрьевнѣ.

„Какъ получите сіе письмо, тотчасъ же поѣжайте во дворець и бейте челомъ ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ за такую превысокую ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни ко мнѣ рабу ея милость. Также подите къ его графскому сѣятельству милостивому государю моему оберъ-камергеру и милостивой государынѣ моей оберъ-камергершѣ, и благодарите за высокую милость ко мнѣ. Писала ко мнѣ ея сѣятельство оберъ-камергерша Фомбиринова, чтобы я здѣсь купилъ и прислалъ къ ней три мѣха горностаевыхъ, да два сорока медвѣдьяныхъ горностаевъ; и оныя мѣхи и горностаи, какъ ты получишь и принявъ оныя, распечатай и взявъ изъ ящика письмо мое, отнеси къ ея сѣятельству и скажи, что прислалъ батюшка вашему сѣятельству и притомъ приказавъ батюшка вашему сѣятельству донести, чтобы оныя носили на здоровье и какъ оныя подашь, и что на то скажетъ, о томъ о всемъ ко мнѣ отпиши.“

— Фу! фу! радостно отдувался Салтыковъ:—вотъ не чайлъ, вотъ не чайлъ!

Что за благополучіе въ самомъ дѣлѣ свалилось на него! На радость послалъ онъ даже черныи лисий мѣхъ котати и ояну, обѣщая ему кромѣ того еще денегъ пятьсотъ рублей на строеніе палаты; словомъ, ногъ подъ собою не чувствовалъ отъ удовольствія Семенъ Андреевичъ.

XXXI.

Двадцать восьмого апрѣля, въ день коронаціи, въ домѣ ея величества, Салтыковъ принималъ къ обѣденному столу находившихся въ городѣ архіереевъ, генералитетъ, дамъ, статскихъ чиновъ и штабъ- и оберъ-офицеровъ гвардейскихъ и другихъ полковъ.

Всѣ были веселы, ѣли, пили, и пили много. Подъ конецъ обѣда общество особенно оживилось, заговорило, зашумѣло. Одинъ генераль-поручикъ Чикинъ, бывшій въ числѣ гостей, сдѣлалъ угрюмо противъ Григорія Петровича Чернышева, и каждый разъ какъ подносили ему вино, бралъ стаканъ и, не выпивая, ставилъ его на столъ.

— Ваше сіятельство, Чикинъ вина не пьетъ и всѣ стаканы, къ губамъ не поднося, на столъ выставляетъ, шелгулъ Салтыкову офицеръ, занимавшійся подчиваніемъ гостей и развской вина.

Семеновъ Андреевичъ поднялся съ мѣста.

— Что же ты, Федоръ Ивановичъ, отнесся оны къ Чикину, — лить не хочешь? Или не вѣдаешь что ты въ домѣ ея императорскаго величества?

— Вино худо, отвѣтилъ коротко Чикинъ.

— Вино худо, сказываешь? повторилъ Салтыковъ:— вотъ что! Вишь ты это, Федоръ Ивановичъ, зашелъ не въ вотчинную коллегію и не на катокъ, прибавилъ оны разсердившись.

— Вотчинная коллегія? Катокъ? Что ты разумѣешь? громко спросилъ въ свою очередь Чикинъ задѣтый за живое.

— А то что въ вотчинной коллегіи ты безпрестанно живешь, а катокъ что подлѣ вотчинной коллегіи—кабакъ, отвѣтилъ Салтыковъ.

Чикинъ разгорячился и выпустилъ даже нѣсколько бранныхъ словъ. Семеновъ Ивановичъ, уважая торжественный день и домъ ея величества, ничего не возражая, сдѣлалъ видъ будто не слышитъ его брани.

— Уймись, Федоръ Ивановичъ; ну что ты горло надсаживаешь? обратился къ Чикину черезъ столъ Чернышевъ.—И поистинѣ худо что не пьешь; вино выбирать сталъ, якобы вѣдать не хочешь что домъ—ея императорскаго величества.

— И ты съ нимъ заодно? закричалъ Чикинъ:— и ты мнѣ указывать?

— О! срамъ одинъ! молвилъ Григорій Петровичъ, махнувъ рукой и замолчалъ. А въ это время провозглашали послѣдній официальный тостъ:

„Кто сей бокалъ выпьетъ, тотъ ея императорскому величеству вѣренъ.“

Гости подыались изъ-за стола и со стаканами въ рукахъ стали на колѣна. Разгоряченный Чикинъ ничего этого не видалъ и не слышалъ. Отодвинувъ съ шумомъ свой стулъ и сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ наткнулся на стоявшаго тутъ же на колѣнахъ Квашнина-Самарина и такъ его пихнулъ что съ того слетѣлъ парикъ.

— Чтò ты? чтò ты? генераль-поручикъ, генераль-поручикъ! Вѣдь генералы-то поручики такъ не дѣлаютъ! возопилъ Квашнинъ-Самаринъ.

Но Чикинъ не обратилъ никакого вниманія и на эти слова, не обернувшись даже и направился прямо въ другіе локуи.

— А! и ты сюда пожаловалъ! воскликнулъ онъ, увидавъ притаившагося въ углу дворянина Айгустова, жившаго на хлѣбахъ у Семена Андреевича и тягавшагося съ Чикинымъ въ вотчинной коллегіи:—и тебя въ домъ ея величества пускаютъ! Отсель знать и сила у тебя въ вотчинной-то коллегіи. Бездѣльникамъ только и помогаетъ Семень Андреевичъ. Чинъ какой у тебя? закричалъ онъ:—чинъ какой что въ домѣ ея величества сидишь?

Два дня послѣ этой сцены Торбеевъ разказывалъ о ней Миктерову, присовокупляя что чуть ли не будетъ Феодору Ивановичу худо, и что Салтыковъ отбираетъ о немъ всякія показанія.

— Налетѣлъ, налетѣлъ! лосмѣивался Торбеевъ.

— Да! всѣ слышно противъ него показывать стали, всѣ отступились, говорилъ Миктеровъ, смотря съ нѣкоторымъ лодобострастіемъ на Торбеева какъ на учителя, и съ любопытствомъ желая знать какъ и изъ такихъ трудныхъ обстоятельствъ сумѣетъ онъ вывернуться.

— Пуцай, пуцай показываютъ. Показываютъ потому не вѣдаютъ какъ и самъ-то Семень Андреевичъ отъ своихъ дѣлъ откупится. Дѣла его поважнѣе сихъ будутъ, поувѣсиствѣ, спокойно отвѣчалъ Торбеевъ.

А между тѣмъ слухи о дѣлаемыхъ на счетъ образа жизни Феодора Ивановича справкахъ дошли наконецъ и до него. Люди съ такимъ характеромъ какъ Чикинъ бываютъ

обыкновенно горячи только до поры до времени. Не то чтобы горячность ихъ была какая-нибудь напускная, — нѣтъ: они искренно негодуютъ, искренно говорятъ дерзости, и кажутся всѣмъ лживыми и смѣлыми, тѣмъ болѣе что всякій старается ихъ обойти, смолчать предъ вами, не наступать имъ на ногу. Но если такимъ людямъ случится какъ-нибудь наскочить на противодѣйствіе, если кто, не щадя себя, рѣшится осадить ихъ, они совершенно теряются, перестаютъ разомъ вѣрить въ свою неустрашимость и даже трусаять.

Чикинъ началъ трусить когда, успокоившись, вспомнилъ что его сцена съ Салтыковымъ происходила въ домѣ ея величества, и струсилъ окончательно когда узналъ что о немъ собираются какія-то свѣдѣнія.

XXXII.

Цѣлое утро хлопоталъ Салтыковъ по одному тайному и секретному порученію государыни. Сама она писала Семену Андреевичу:

„Вели въ слободѣ Нѣмецкой сыскать Голицына жену Италіанку и какъ скорѣе пришли ее къ намъ въ Петербургъ на почтѣ, давъ провожатаго, чтобы ее бережно довезъ, только чтобъ никто про это не вѣдалъ въ Москвѣ, пока она къ намъ не прїѣдетъ и дорогою не вели сказывать что она ѣдетъ. А какъ привезутъ ее въ Петербургъ, вели явиться у генерала Ушакова тайнымъ же образомъ.“

Семень Андреевичъ завялся дѣломъ этимъ съ жаромъ. Чтобы доставить найденную Италіанку до мѣста бережно, приготовлена была коляска. Салтыковъ самъ выходилъ къ командированному для сопровожденія ея солдату Измайловскаго полка, собственноручно отсчиталъ ему 25 р. 16½ к. на путевыя издержки и нѣсколько разъ тихо, на ухо, оглядываясь во всѣ стороны, повторялъ чтобъ объ Италіанкѣ никому отнюдь онъ не сказывалъ, называя ее и самъ, изъ предосторожности только, „въкоторою посылкой“. Быстро, незамѣтно прошло утро въ такомъ занятіи; за то послѣ сонъ началъ одолевать Семена Андреевича. Старикъ утомился. Но,—говорить послোпада,—дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Сидя въ кабинетѣ, предъ столомъ, съ двухъ сторонъ котораго навалены были бумага, съ утомленнымъ и вытянутымъ лицомъ, принужденъ

онъ былъ слушать длиннѣйшіе и тогдашними способомъ преобразованные доклады, которые читалъ ему одинъ изъ секретарей канцеляріи,—слушать и молчать, между тѣмъ какъ тутъ же на столѣ лежалъ предъ нимъ нераспечатанный конвертъ, содержащій въ себѣ извѣстія конечно гораздо интереснѣе тѣхъ о которыхъ ему читали и открыть который теперь все-таки было какъ-то неловко.

Семень Андреевичъ давно уже покоса разсматривалъ этотъ конвертъ, но не могъ сообразить отъ кого бы онъ могъ быть: онъ лежалъ печатью кверху. Старикъ какъ будто машинально взялъ его и повертѣвъ самымъ невнятнымъ образомъ, взглянулъ на подпись: отъ Воынскаго, отъ Артемья Петровича. Зло взяло губернатора что онъ обязалъ слушать. Повертывалъ письмо и такъ и этакъ, а секретарь все продолжаетъ читать свое.

— Конца этому не будетъ, размышлялъ Салтыковъ, отвалившись на спинку стула и двумя руками сгибая и разгибая конвертъ, а докладчикъ несетъ свое, не перевода духа — О, да все едино, заключилъ онъ наконецъ, надломивъ и отряхнувъ упавшій на колѣна толстый свой краснобураго сургуца, — и теперь прочту!

Внимательный къ движеніямъ своего начальника, секретарь прервалъ было чтеніе, замѣтивъ вынутое и развернутое на столѣ письмо.

— Читай, читай, слушаю, слушаю, сказалъ Семень Андреевичъ, замахавъ на него рукой.

И звучалъ снова монотонный лепетъ доклада, и все дальше и дальше отходило отъ нея вниманіе Салтыкова, погруженного теперь въ лежавшую предъ нимъ бумагу.

„Милостивый государь мой отецъ Семень Андреевичъ здравствуйте“, писалъ ему племянникъ Артемій Петровичъ Воыньскій. „Письмо вашего сіятельства получилъ, за которое всепокорно благодарствую. Что же изволите писать что чубаропѣгую брдастую суку Алегру, до пріѣзда моего, изволите взять къ себѣ, а въ томъ конечно не спорщикъ, только милости прошу чтобъ она поближе была у васъ, а не у Еврейскаго на рукахъ, а я о томъ дивлюсь что такому безпутному охотнику изволите отдать рыскать черными брдастыми собаками, лучше было пожаловать Сенькѣ или другому кому, а не ему“....

— Вотъ, Сенькѣ! съ негодованіемъ и нетерпѣливо повернувшись на стулѣ, почти вслухъ проговорилъ Салтыковъ, къ удивленію оставовавшагося опять секретаря.

— Ну чего ты? Слушаю! гнѣвно крикнулъ онъ, замѣтивъ прерывъ и строго взглянувъ на подчиненнаго.— Читай!

„Милости прошу приказать отписать ко мнѣ, какъ она, будучи у васъ, рѣво ль скакала, также и о Татаркѣ, повеселила ль она васъ хотя однажми“, писалъ дайте Волынской. „У обрѣтающагося здѣсь посла польскаго, графа Завиша, есть кобель борзой, столько великъ, что въ наклонѣ аршинъ три вершка и столько хорошъ, что я хотя уже не одну тысячу въ жизнь мою видалъ собакъ, только истинно такой безлорочной отъ реду моего не видалъ; за все онъ подлинно одному шляхтичу залагалъ всего больше какъ 400 ефимковъ и хотя и просилъ у него нынѣшній король польскій, только онъ и ему не отдалъ; однимъ словомъ, диковинку на свѣтѣ видимъ!“

— Гм, гм! кашлянулъ и покраснѣлъ отъ волненія Семень Андреевичъ.

„Завиша мнѣ другъ и готовъ сдѣлать все угодное, только у меня теперь суки хорошей нѣтъ; ежели есть у васъ или не позволите ли попросить у Александра Ивановича Памина и прислать сюда не помѣшкавъ, симъ прекратя и пр.“

— Читай, читай, слушаю, слушаю, говорилъ онъ теперь тихимъ и ласковымъ голосомъ, не замѣчая что на этотъ разъ чтеніе и не было прервано.

— Чикивъ, генераль-поручикъ! вдругъ неожиданно доложилъ вшедшій адъютантъ, широко растворя генералу дверь и скрываясь за нею вмѣстѣ съ отошедшимъ отъ стола секретаремъ.

Семень Андреевичъ всталъ со стула, и довольный видъ его замѣнился мгновенно выраженіемъ недоумѣнія и безпокойства.

Чикивъ бодро подошелъ къ хозяину, поздоровался, смѣлъ. Бѣднѣй, онъ казалось хотѣлъ избѣжать взгляда Салтыкова, и смотрѣлъ въ сторону; лицо у него какъ-то передергивалось.

— Вы мнѣ, ваше сіятельство, началъ наконецъ Федоръ Ивановичъ густымъ, прерывистымъ голосомъ, — хотя обиду крѣпкую учинили, однако какъ я себя слугою ея величества всегда вѣрнымъ считалъ, то и обиду свою забыть желаю, понеже всякая обида передъ государевымъ дѣломъ ничто есть.

— Государево дѣло? вогрѣпенуся вдругъ Салтыковъ, пододвинувшись къ гостю.

— Да, государево дѣло, повторилъ Чикивъ съ разстановкой.

— Какъ же это, государь мой Федоръ Ивановичъ, разумѣть надлежитъ? спросилъ Салтыковъ, — на кого объявить...

— Эхъ! не у меня бы тебѣ, графъ Семень Андреевичъ, про

то спрашивать, и не мѣлъ бы тебѣ о томъ сказывать, съ упрекомъ замѣтилъ Чикинъ.

— Какъ же не мѣлъ?...

— Ну да... прервалъ Чикинъ,—милостію своею государыня меня авось не оставитъ. И ты, графъ Семенъ Андреевичъ, отселя вѣдать будешь какой я человекъ есть. Гм! откашлянулся онъ,—Торбеевъ, Торбеевъ Тимофеей, совѣтникъ, . извѣстень тебѣ? спросилъ Чикинъ въ полголоса и наклонившись.

— Торбеевъ! воскликнулъ Салтыковъ, подымая брови и всплеснувъ руками.

— Да, Торбеевъ намеренъ у совѣтника же Анненкова сказывать камергеру Бѣликову, таинственно продолжалъ генералъ-поручикъ,—сказывалъ: Биронъ де взялъ силу и государыня де безъ него ничего не дѣлаетъ, какъ де всѣмъ о томъ извѣстно. Чтò доведутъ ей, то де и сдѣлается. Всѣмъ де нынѣ овладѣли иноземцы.

— Торбеевъ, Торбеевъ! прервалъ его Салтыковъ, качая головой.

— Лецинскій де изъ Данцига увѣхалъ милліонахъ на двухъ; не даромъ его генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ улустилъ; это де все въ его волѣ было. Графъ де Ягужинскій обо всемъ писалъ къ государынѣ и съ тѣми де письмами до уроченной почты вѣдиль сынъ мой Петръ, онъ адъютантомъ въ то время у Ягужинскаго былъ.

— Ну да, да, сынъ! повторилъ Салтыковъ.

— И когда де графъ фонъ-Минихъ пріѣхалъ въ Петербургъ и повидался съ Бирономъ, то де и нѣтъ ничего, и все пропало: знать де что подѣлился съ нимъ. Вѣтъ-де какія фигуры дѣлаются у насъ!

— Ну такъ, такъ! Ягужинскій, одна компанія, Ягужинскій и Торбеевъ, повторилъ Салтыковъ, все ближе и ближе подвигаясь къ гостю и вливаясь въ него глазами.

— Государыня де ничего безъ Бирона не дѣлаетъ, все дѣлаетъ Биронъ, повесь опять свое Чикинъ.—Нѣтъ де у насъ никакого добраго порядка, овладели всѣмъ у насъ иноземцы.

— Иноземцы! усмѣхнувшись повторилъ Салтыковъ.

— Биронъ де всѣмъ завладалъ! заключилъ Чикинъ, посмотрѣвъ значительно на Семена Андреевича и еще разъ оглянувшись назадъ удостовѣрился что послуховъ разговора его не было дѣйствительно никого.

Сообщенныя свидѣнія приходились до такой степени кста-ти Салтыкову, такъ мало ожидалъ онъ получить ихъ сегодня и именно съ той стороны откуда получалъ, что совершенно растерявшись не зналъ теперь что и сказать Чикину. Вотавъ съ мѣста и засуетившись, хотѣлъ было онъ тотчасъ же, со словъ гостя, записать все на бумагѣ, но дрожала рука.

— Ужъ самъ напаша Федоръ Ивановичъ, самъ, а лаче всего держи дѣло въ тайнѣ, какъ можно въ тайнѣ, повторялъ онъ.

Чикинъ обещалъ исполнить просьбу Салтыкова, но съ своей стороны просилъ его подумать и о томъ что со всею компаніей Торбеева онъ былъ хорошо знакомъ, что этимъ только путемъ и удалось ему узнать то о чемъ онъ сейчасъ передаетъ, что поступалъ онъ тутъ какъ вѣрный слуга и что гнѣвъ его намеренъ, въ торжественный день коронаванія, происходить не отъ чего другаго какъ съ досады, что онъ, Салтыковъ, ничего о томъ что кругомъ его говорится и дѣется не вѣдаетъ.

— Да вижу, вижу службу твою, повторялъ, разводя руками, Салтыковъ, — вижу подлинно, Федоръ Ивановичъ.

— И поломни ее, поломни же! грозясь указательнымъ пальцемъ и расклавываясь, говорилъ Чикинъ.

А на другой день Торбеевъ былъ взятъ уже подъ караулъ, и въ находившейся въ Москвѣ, подъ управленіемъ Салтыкова, конторѣ, или отдѣленіи тайной канцеляріи, по восьмъ пунктамъ довѣсь допрашиванъ.

XXXIII.

Наканувъ описаннаго дня, Миктеровъ, сюда вечеромъ у Тихвиныхъ, передавалъ Машѣ съ нѣкоторою злобой слухъ о какомъ-то недорослѣ изъ дворянъ, Домажировѣ, отданномъ въ солдаты за то что, уклоняясь отъ военной службы, придисался въ кулцы, вслѣдствіе чего велѣно было будто бы сыскивать въхъ таковыхъ дворянъ. Новая оласность грозившая Миктерову, еслибы слухъ этотъ оказался вѣренъ, тщетныя и долгія ожиданія не возвращавшагося до сихъ поръ отца Маши, на котораго полагали такъ много надеждъ и она и тетка, все это мѣшало молодымъ людямъ наслаждаться тѣмъ спокойствіемъ и счастьемъ къ которымъ они успѣли уже привыкнуть живя изо дня въ день. Когда же, назавтра, забѣжавшій ра-

но утромъ къ Миктерову знакомецъ Торбеева, Скороходовъ, сообщилъ о всемъ приключившемся съ Торбеевымъ и его внезапномъ арестованіи, то Миктеровъ просто растерялся.

Просидѣвшій у него довольно долго, Скороходовъ разказалъ ему о подробностяхъ арестованія Торбеева и о томъ какъ послѣдній вгородяхъ отдалъ хранившіяся у него какія-то драгоценныя вещи вищей старухѣ Настасьѣ, которую она часто у него видѣла, которая тутъ печально случилась и у которой, по мнѣнію Торбеева, тѣмъ вещамъ всего безопаснѣе было оставаться. Говоря это, Скороходовъ вручилъ Миктерову и опись вещей, тайно сунутую ему Торбеевымъ въ послѣднюю минуту ихъ свиданія. Что касается до Миктерова, то во время этого разказа онъ вертелъ въ рукахъ бумагу, бессознательно перечитывалъ ее и вничего не ловима, какъ безумный, вышелъ наконецъ на улицу, самъ не зная зачѣмъ и идя самъ не зная куда.

Его не столько смущало то что попался Торбеевъ, сколько то что самъ онъ теперь остался опять совершенно одинъ, безъ поддержки. Компания Торбеева не принесла бы ему можетъ - быть никакой пользы, да за всю ему можно было жить, дожидаясь болѣе благоприятнаго времени, пока не удалось бы ему какъ-нибудь устроиться... А теперь за кого хватиться? Одна Маша, да отецъ ея?

„А отцу-то съ чего меня приютить? За себя стало дочь его брать приходится? Вотъ судьба! Ужели другой разъ мнѣ по одной дорогѣ идти? И ужели она меня опять къ гибели приведетъ? А дѣлать-то нечего, не до жиру вѣдь ужъ вышѣ, а быть бы живу. Эхъ, судьба, судьба!

Часъ былъ ранникъ обѣдень. Въ Москвѣ въ то время свирѣпствовала горячка съ пятнами, причину которой простонародье объясняло тѣмъ что въ Москву въ ночи привели слона изъ Персіи (котораго и дѣйствительно вели въ то время въ Петербургъ). Миктеровъ шелъ по улицамъ еще довольно пустымъ; изъ многихъ церквей выносили покойниковъ, вищіе толпами стояли на палертахъ; раза два останавливали Миктерова колодники, которыхъ ежедневно отпускали въ то время „на связкахъ“ съ приставами и караульщиками для испрошенія милостыни по улицамъ и которые другъ предъ другомъ старались возбудить къ себѣ сожалѣніе прохожихъ, кто заворачивая лохмотья и выставяя раны, кто указывая на остав-

ленные на одеждѣ кровавые слѣды пытокъ, но ни на что не обращалъ вниманія Миктеровъ. Не смотря по сторонамъ, онъ шелъ все впередъ, пока не опомнился очутившись вдругъ безсознательно у самаго двора Скороходова, на той улицѣ гдѣ, немного дальше, жилъ и Торбеевъ. Скороходова видѣть ему было незачѣмъ; онъ сейчасъ только съ нимъ разговаривалъ, да и дома ли онъ теперь? А Торбеевъ?... Торбеева также не было; вотъ и дворъ его и затворенныя ворота.

„Часто я сюда хаживалъ!“ задумался было Миктеровъ, подходя ближе и убавляя шагъ и, самъ не зная для чего, пристально всматриваясь въ окна: „погубилъ ты себя, пропасть!“

— Подай Христа ради, кормилецъ, для праздника! вдругъ раздался чей-то жалобный голосъ около самаго его уха.

Миктеровъ даже вздрогнулъ при этихъ словахъ, точно на преступленіи какомъ его застигли врасплохъ.

— Увезли благодѣтеля-го моего Тимоѣея-го Петровича, продолжала стоявшая возлѣ него нищая, охая и вздыхая.—Увезли! А я къ нему хаживала и вывѣкъ къ празднику чаяла... Охъ! увезли кормилица маво.... Подай Христа ради!

Странное чувство овладѣло Миктеровымъ: онъ тотчасъ же узналъ въ заговорившей съ нимъ сирухѣ ту нищую Настасью, которую видалъ у Торбеева; съ нею почасти бывало сей последний бесѣдовалъ, называя ее словоохотливою и умною, и о ней сейчасъ только, какъ смутно помнилось ему, разказывалъ Скороходовъ. Однако встрѣча съ нею у самаго дома Торбеева показалась ему неприятною. Суетливо доставъ и положивъ на сморщенную, костлявую руку старухи колѣвку, Миктеровъ отошелъ, не сказавъ ни слова; но приведя въ порядокъ свои мысли, онъ и во встрѣчѣ съ Настасьею нашель причины къ новымъ опасеніямъ.

Если, припомнивъ его лицо, нищая узнала въ немъ Торбеевскаго знакомаго, то почему же ничего не сказала она о переданныхъ ей на храненіе пожиткахъ, хозяинъ которыхъ ей также долженъ быть извѣстенъ? Если же она ничего этого не знаетъ, то съ какой стати огласится ей ко всякому прохожему съ печальною исторіей о судьбѣ Торбеева? Развѣ нужно звать ей кто съ нимъ знакомъ былъ, кто нѣтъ, и кто придетъ его провѣдать? Къ чему продолжастъ она вонъ и теперь торчать предъ домомъ Торбеева? Да не поставлена

ли она сюда нарочно? Да гдѣ живетъ она? И отойдя на довольно далекое разстояніе, Миктеровъ остановился и сталъ наблюдать.

Насколько успокоивается человѣкъ, когда, въ тревожномъ состояніи, вниманіе его отвлечено постороннимъ, совершенно случайнымъ обстоятельствомъ, настолько успокоился и Миктеровъ, помѣстившись на своемъ посту и не спуская глазъ съ точки которую избралъ предметомъ своихъ наблюденій.

Нищая простояла долго на одномъ мѣстѣ, и уже за полдень, перекрестившись на четыре стороны, поплелась наконецъ въ направленіи противоположномъ тому откуда смотрѣлъ на нее Миктеровъ. Походка ея была твердая; шла она довольно быстро и изрѣдка только протягивала руку предъ особенно хорошо одѣтыми прохожими, не оборачиваясь впрочемъ назадъ, и не приставая, если они не показывали желанія сдѣлать подаваніе. Нищая слѣдила очевидно домой. Идя за нею слѣдомъ, Миктеровъ не терялъ ея изъ виду, и при частыхъ поворотахъ изъ улицы въ улицу, торопился, задѣвая плечами и наталкиваясь на встрѣчныхъ.

Прошли всю Мясницкую, прошли и Красныя Ворота, Житный дворъ, по Новой Басманной, мимо церкви Петра и Павла, къ Старой Басманной, около Никиты Мученика, еще нѣсколько переулковъ; наконецъ старуха остановилась и исчезла въ какихъ-то воротахъ.

Миктеровъ удвоилъ шагъ, поровнялся съ тѣмъ домомъ гдѣ скрылась нищая, оглянулся нѣсколько разъ кругомъ чтобы замѣтить мѣстность, и поворотилъ назадъ.

Домой пришелъ уже онъ совершенно измученный; пробывъ весь день на ногахъ и ничего не ѣвши, онъ чувствовалъ что голова его отказывается думать; легъ въ постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XXXIV.

У Тишнихъ между тѣмъ была большая радость. Вечеромъ, когда поужинали и собирались уже спать, кто-то постучался въ дверь. Вышедшая отворить ее Мама вскрикнула, увидавъ предъ собою давно ожидаемаго отца.

Гдѣ былъ и пропадалъ такъ долго Тишинъ, почему вернулъ-

ся, надолго ли, — узнать все это оказалось однако совершенно невозможно, ибо онъ держалъ себя въ отношеніи къ дочери и сестрѣ вовсе не такъ чтобы люди, хотя и близко къ нему стоящіе, могли предаваться изліяніямъ чувствъ. Это былъ высокій, сухощавый старикъ, съ холоднымъ взглядомъ и неулыбающимися устами.

Съ первыхъ же словъ его, съ первыхъ суровыхъ пріемовъ и племянница и тетка почувствовали какое положеніе придется имъ занимать отнынѣ. То что еще недавно казалось имъ такъ возможнымъ, даже необходимымъ, вдругъ представилось теперь чѣмъ-то до того труднымъ и недоступнымъ что радость перешла скоро въ сомнѣніе и страхъ.

— Охъ, охъ! разсуждала старуха:— какъ-то намъ будетъ сказывать ему что я-то отъ него таила про Ивана-то Ивановича! Вишь какимъ волкомъ смотреть.

— Бѣда, бѣда моей головушкѣ! Не видать мнѣ его, мово милаго! Страхъ какой валалъ, не ждала я того, не гадала! твердила про себя бѣдная Маша.

А между тѣмъ Осиль Кондратьевичъ, не подозревая впечатлѣнія имъ производимаго, находилъ очень естественнымъ что около него суетятся. Отецъ пріѣхалъ съ дороги, усталъ: следовательно надо приготовить ему поскорѣе постель; не вѣдь онъ: надо накрыть столъ и дать поужинать; вонъ тамъ ящикъ, вынутый изъ тележки: надо его поставить къ сторонѣ чтобы завтра убрать куда обыкновенно убирались привозимые Тишинымъ изъ лѣздокъ его ящики; ложитки его надо собрать, и дверь залереть; посуду уложить на мѣсто, а тамъ и спать лора. Старикъ перекрестился и отпустилъ женщинъ. Въ маленькомъ домѣ Тишиныхъ все смолкло.

На другой день тетка едва начала возиться съ горшками около затопленной печи какъ уже Осиль Кондратьевичъ былъ въ кафтанѣ, парикѣ и собирался уходить.

— На службу, сказалъ онъ снисходительно, относясь на этотъ разъ къ дочери.

— Къ обѣду знать будешь? спросила ободренная этою снисходительностію Маша.

— Какъ Богъ пошлетъ, отвѣчалъ Тишинъ уходя.

Отвѣтъ этотъ ничего не объяснялъ, а между тѣмъ надо же было знать положительно сколько времени будетъ отецъ въ отсутствіи чтобы успѣть на свободѣ переговорить съ

Миктеровымъ, который, вѣроятно, не замедлитъ явиться; надо было условиться какъ и что кому сказать, чѣмъ оправдываться, или чѣмъ начать свою просьбу.

Но Миктеровъ не шелъ; проспавъ долго со вчерашней усталости, онъ не спѣшилъ вставать; потомъ все чего-то ждалъ: вотъ, казалось ему, зайдетъ опять Скороходовъ и объявить что Торбеева выпустили, расскажетъ кто его обнесъ, за что... Вотъ зашумѣлъ кто-то на дворѣ: ужь не за нимъ ли? не его ли щудить? Хоть бы куда-нибудь спрятаться, думалось ему, а время между тѣмъ шло, никто не приходилъ, никто не спрашивалъ его.

Миктеровъ посидѣлъ еще часокъ въ раздумьи, всталъ наконецъ довольно-бодро и отправился подѣлаться своимъ горемъ съ Тишными, мысленно смотря на нихъ уже съ какой-то новой точки зрѣнія.

Еслибы впрочемъ состояніе духа его было даже совершенно спокойно, еслибы на душѣ его не было вчерашней тревоги, и тогда засуетили бы его та лихорадочность и то безлокоичество съ которыми встрѣтили его Мама и въ особенности тетка.

Перебивая другъ друга, наступая на Миктерова жестами, то громко, то вдругъ, словно опомнившись, шепотомъ, заговорили онъ объ разсѣхъ, передавая ему и новость о прїѣздѣ отца, и рѣшительное свое безсиліе предъ его холодною неприступностью. Сказать Осилу Кондратьевичу прямо не только о какой-либо тайнѣ, касавшейся Миктерова, но даже просто о томъ что у нихъ часто въ его отсутствіе бывалъ незнакомый ему человекъ, оказывалось теперь невозможнымъ; все что доселѣ представляли Миктерову въ одномъ видѣ, представлялось теперь въ совершенно противоположномъ; онъ точно въ первый разъ явился предъ Тишными, точно никогда прежде не было у нихъ времени рассказать ему то что рассказывали теперь.

Миктеровъ не поддался однако этой паникѣ. Чѣмъ больше напускали на него страху, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ въ себѣ какую-то твердость. Ему казались несомнѣтельными чрезмѣрная боязнь и суетливость выказываемыя Машей и теткой. Какъ ни вертелъ онъ въ своей головѣ причину вызвавшую въ нихъ такого рода странную перемѣну мыслей, причина все-таки представлялась одна: робость, свойственная женщинамъ вообще когда надо дѣйствовать, и нѣкоторая вѣро-

тно суровость характера и пріемовъ Тишина, отъ которыхъ онъ отвыкну и которыя ихъ сразу озадачили.

— Вотъ дайте срокъ, свидимся; чаю не выронить, утѣшаль Миктеровъ;—не врагъ же ему я, гнѣваться на меня не за что; а что до имени моего, до тайны моей, коли есть она, про то самъ вѣдаю.

И насплу удалось ему кое-какъ услокоить взволнованныхъ и испуганныхъ женщинъ.

Но давно уже отошли вечерни, — Тишина все не было. По мѣрѣ того какъ время приближалось къ сумеркамъ, къ усложнившимся было женщинамъ стало возвращаться тревожное ожиданіе. Послышались опять вздохи, опять напалъ какой-то страхъ, опять стали всѣ подходить и засматривать въ окна. Тетка рѣшительно не знала какъ ей встрѣтить брата. Накрыть ли столъ и подать ему, несмотря на позднее время, обѣдать, или встрѣтивъ его вопросомъ: кушалъ ли онъ? отвѣчать такимъ образомъ хотя на нѣсколько минутъ его вниманіе отъ посторонняго лица да и самой вмѣстѣ съ тѣмъ, зажавшись стряпней, остаться будто въ сторонѣ? Условились наконецъ такъ. Лишь только завидать Осипа Кондратьевича, тетка и Маша удалятся въ сосѣднюю комнату, а Миктеровъ подойдет отворять дверь и тутъ же прямо, назвавъ хозяина по имени и отчеству, покажетъ тѣмъ что онъ человекъ въ домѣ знакомый, потомъ, войдя вмѣстѣ, объявитъ себя, объяснитъ что не сказывали о немъ прежде только по работѣ, что проситъ онъ себя любить и жаловать, а тутъ и теткѣ можно будетъ войти, и Машѣ.

Между тѣмъ, за разговорами и общимъ смущеніемъ, Маша совсѣмъ забыла о томъ ящикѣ который со вчерашняго дня стоялъ подъ лавкой и который слѣдовало отнести и спрятать въ подвалъ. Вспомнивъ теперь о немъ, сообразивъ что съ минуты на минуту отецъ могъ возвратиться, Маша стремглавъ кинулась къ лавкѣ, но зацѣпившись за неровную полочку, ящикъ только затрещалъ и не подавался.

— Дай ужъ я отнесу, сказалъ Миктеровъ, подойдя къ ней на помощь:—вишь хѣдой онъ весь, чуть живъ, рассыплется! Глянь, и лоджию, продолжалъ онъ, беря свою ношу и поджимая что-то твердое, проскочившее между дѣйствительно развалившимися стѣнками ящика,—развалился!

— Охъ, скорѣе, скорѣе, свѣтъ ты мой! Иди, иди!.. Брось,

брось! торопила Маша, боясь лишнюю минуту остаться съ нимъ вдвоемъ.

— Чего бросать,—успѣемъ! съ разстановкой сказалъ Миктеровъ, еще внимательное разсматривая поднятый предметъ и поднося его къ носу и губамъ.— Кулцы, скажи, на товаръ сей у отца бываютъ ли?

— Охъ, да брось скорѣе, брось! Ну бываютъ, бываютъ; выходи, заларай! дрожа всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ говорила Маша, съ усиленіемъ нажимая замокъ.— Не ровенъ часъ, ну войдетъ онъ вдругъ.

Но голосъ тетки звалъ ее уже давно, дверь Тишину была уже отворена, Маша и Миктеровъ не подошли въ время, планъ приѣма грозному отцу не удался.

XXXV.

Что подумалъ Осиль Кондратьевичъ полавъ глазами прямо на неожиданнаго гостя, опредѣлить трудно; глаза эти забѣгали изъ стороны въ сторону, такъ что уловить его взглядъ было нельзя; но Миктерову, казалось, этого было и не нужно. Не медля ни минуты, не оставовившись даже на той пробѣжавшей было въ головѣ его мысли что гдѣ-то и когда-то онъ точно видѣлъ этого самаго стоявшаго теперь предъ нимъ чловѣка, Миктеровъ поклонился и развязно подошелъ къ хозяину.

— Не воровски къ тебѣ, Осиль Кондратьевичъ, въ домъ вошелъ, прошу любить-жаловать, хоть у домашнихъ спроси: знаютъ меня не со вчерашняго дня, сказалъ онъ улыбаясь:—изъ робости одной объявить вечеръ обо мнѣ не посмѣли...

— Милости прошу, милости прошу! Ха-ха-ха! притворно смѣялся и хриплымъ чахоточнымъ голосомъ говорилъ Тишикъ.— Чего робѣть? Не звѣрь я, не кусаюсь, гм! Милости прошу, гм!... По имени звать какъ не знаю.

Миктеровъ назвалъ свое имя и сталъ подробно разказывать о своемъ знакомствѣ съ семействомъ въ Можайскѣ. Онъ старался быть какъ можно развязнѣе, говорилъ много и нѣсколько разъ пытался ввести въ разговоръ Машу или тетку, но обѣ женщины сидѣли молча на лавкѣ, смущенныя какъ притворнымъ смѣхомъ и необычнымъ обращеніемъ Осила Кондратьевича, такъ и тѣмъ что изъ разказа Миктерова должна

была неминуемо послѣдовать путаница которая легко могла обнаружиться и подвести ихъ подъ отвѣтъ.

— Ко всеобщей кажись.... заблаговѣстили, остановилъ между тѣмъ разговорившагося Миктерова Тишинъ, будто прислушиваясь къ загудѣвшимъ въ самомъ дѣлѣ колоколамъ.— Точно заблаговѣстили.... Время тому прошло много, продолжалъ онъ обращаясь къ теткѣ,—съ Можайска-то вы чаю не разъ видѣлись?

— Нынѣ времена такія, продолжалъ собравшись съ духомъ Миктеровъ,—не всякому человѣку довѣриться можно, Осипъ Кондратьевичъ. Отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ межъ собою чтò знаютъ таить должны.

Слова эти произвели повидимому сильное впечатлѣніе на Тишина: онъ торопливо всталъ съ мѣста, притворилъ лѣтѣе дверь, сѣлъ опять, посмотрѣлъ вокругъ и побавдѣлъ.

— О-о-охъ! кряхтѣлъ и кашлялъ онъ. — Сестра! Маша! Чтò же вы ко всеобщей-то?... Не малый завтра праздникъ, Троицынъ день....

— Пойдемъ, сказали другъ другу въ поголоса переглянувшіяся между собою тетка съ Машей, и вставъ съ своихъ мѣстъ пошлаи пріодѣться.

Кашель Тишина сталъ мало-по-малу прекращаться; онъ сѣлъ опять предъ гостемъ. Миктеровъ продолжалъ свой разговоръ.

Тишинъ слушалъ очень внимательно; ко всеобщей ушли давно; обо всемъ добродушно повѣдалъ Миктеровъ Осипу Кондратьевичу, обо всемъ на чистоту: и кто онъ, и съ чего началась эта злосчастная судьба его, и гдѣ онъ скрывался, и какія его были надежды прежде, и какія теперъ.

Уже разказъ подходилъ къ концу, уже говорилъ онъ о томъ какимъ оласностямъ подвергаться можно живя въ Москвѣ; о томъ какъ Маша ждала пріѣзда отца чтобы просить его наставленія и помощи, такъ какъ люди мы съ ней оба-де молодые, но какъ потомъ она и тетка оробѣли.

Тишинъ во все время не перемѣнившій лозы, согнувшись и удержись глазами въ одну точку, подъ конецъ только сталъ мало-по-малу приходить въ себя и даже точно оживился.

— Оробѣли? захрипѣлъ онъ.—Робѣтъ нечего. Знать только пріятелю-то моему отказъ нынѣ лишн.

— Какому пріятелю?

— Пріятелю моему; вѣдь она обѣщана; аль тебѣ онѣ о томъ не сказывали? Да, да, да... чу! вдругъ остановилась онѣ прислушиваясь:—въ ворота словно кто-то стукнулъ, а? И то! Подлинно ужъ не онѣ ли? Легокъ на поминѣ будетъ. Пойти взглянуть.

— Дай схожу я, дай... Пріятель-то кто? Пойти? спросилъ было сунувшійся за Тишиныѣ Миктеровъ.

— Гвоздевъ, вотъ кто пріятель, Гвоздевъ! отвѣтилъ Осипъ Кондратьевичъ, захопнувъ за собою дверь.

— Гвоздевъ? повторилъ ошеломленный Миктеровъ, оставшись такъ неожиданно одинъ предъ закрытою ему подъ носомъ дверью. — Гвоздевъ? Здѣсь? Чтѣ можетъ быть общаго между имѣ и Тишинымъ, между имѣ и Машей? Да тотъ ли?

Въ воображеніи Миктерова промелькнула въ одно мгновеніе вся сцена встрѣчи его съ Гвоздевымъ во время охоты у Круглыхъ Верховъ. Онѣ вспомнилъ что ему называли дѣйствительно въ Можайскѣ имя... да, имя Гвоздева; вспомнилъ и давно прошедшее: здѣсь, въ Москвѣ, видѣлъ онѣ этого Гвоздева тогда у калитки съ кѣмъ-то... да, съ кѣмъ-то... Уже-ли этогъ другой былъ Тишинъ? Ужасъ схватилъ Миктерова, сердце его сжалось, дыханіе порвалось на минуту. Онѣ находился въ домѣ сыщика, онѣ открылъ ему свою тайну! Миктеровъ подбѣжалъ къ окну, оно не отпирается; рванулся къ двери, она была залерта снаружи.

— А-а-а! Погубить меня хочеть! закричалъ онѣ, и какъ звѣрь двинулся плечами. Дверь не подавалась. Онѣ подбѣжалъ къ окнамъ, смотрѣлъ на улицу, схвативъ шпалку надѣлъ ее безсознательно на голову; нѣсколько разъ съ разбѣга пробовалъ сломать дверь, силится приподнять ее снизу на петляхъ, ничего не помогало. Рванулся наконецъ съ послѣднимъ, отчаяннымъ усиліемъ; что-то загремѣло по ступенькамъ и Миктеровъ очутился на свободѣ. Онѣ выскочилъ на улицу и столкнулся лицомъ къ лицу съ Тишинымъ, привлеченнымъ назадъ шумомъ улавшей двери.

Сообразивъ обстоятельство дѣла и настроеніе духа своего гостя, Тишинъ съ намѣреніемъ пустилъ слово о претензіи которую будто бы имѣлъ пріятель Гвоздевъ на руку Машы. Тишинъ разчитывалъ что надъ словомъ этимъ Миктеровъ задумается, а задумавшись дастъ ему время принять всѣ нужныя мѣры къ тому чтобы не улустить наконецъ того лакома-

го куска, о которомъ, какъ было ему извѣстно, поручено было давно уже хлопотать его пріятелю и который самъ теперь давался ему въ руки. Но Тишина не разчитывалъ что назвавъ имя Гвоздева, разбудить онъ въ Миктеровѣ такія воспоминанія, и съ досадою увидѣлъ предъ собою ускользавшаго гостя.

Они остановились другъ предъ другомъ.

— Такъ ты вотъ чгд! прошилъ въ Тишина.

— А ты чгд?

— Такъ вотъ почему ты воровскимъ манеромъ проживаешь въ Москвѣ!

— А ты зачѣмъ неуказнымъ товаромъ торгуешь?

— Какимъ товаромъ? — продребезжалъ Тишина вдругъ побѣднѣвъ.

— Чаю знаешь какимъ? Ревенемъ!

Миктеровъ мѣтко попалъ этимъ словомъ въ самое сердце Тишина. Торговля ревенемъ, составлявшая казенную монополию, была запрещена подъ смертною казнью, а Тишина, нерѣдко посылаемый въ Сибирь по дѣламъ службы, тайно привозилъ оттуда этотъ запрещенный продуктъ. И теперь ревенемъ былъ наполненъ тотъ сундукъ который, пособляя Машѣ, Миктеровъ переносилъ въ подвалъ: онъ въ этомъ убѣдился и обоняніемъ, и вкусомъ. Вотъ почему вдругъ задребезжалъ голосъ у Тишина и побѣднѣли его впаляя щеки. Но это было не все. Осиль Кондратьевичъ былъ по служебному положенію своему сыщикъ; онъ былъ сыщикомъ сверхъ того по вкусу и по разсудку. На Руси не было, казалось ему, жизни болѣе безопасной и болѣе спокойной какъ жизнь сыщика. Всякое другое званіе, всякая другая служба и занятіе, возлагая на человека разнаго рода обязанности, не избавляли его вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ обязанности быть сыщикомъ; разница была только въ томъ что тамъ царствовала полная неопредѣленность: о чемъ доносить, о чемъ молчать, — никто не зналъ. Всякій новый указъ, запрещающій то или другое, грозилъ изгнаніями и казнью какъ самому преступнику такъ и лицамъ не дошедшимъ на него. А кто же былъ въ состояніи заломнить всѣ эти указы такъ чтобы не только руководиться ими самому, но и блюсти еще за точнымъ исполненіемъ ихъ другими? Кто могъ слѣдовательно отвѣтить чтобы когда-нибудь не подвелъ его подъ какое-либо наказаніе за то только что

не былъ онъ достаточно сыщикомъ и шлюномъ? Кто могъ поручиться въ томъ что, живя гдѣ-нибудь, пожалуй въ самомъ отдаленномъ захолустѣ, не привелось бы ему все-таки побывать въ застѣнкѣ и повисѣть на дыбѣ, хоть за то лишь что кому-нибудь висѣть на ней пришлось не втерпѣжь и вздумалось назвать ваше имя какъ первое пришедшее въ голову. Отвѣчать и ручаться въ этомъ могли только тѣ люди которые исключительно посвятили себя доносу, у кого не было другой еще какой-то тамъ жизни, другихъ постороннихъ, отвлекающихъ отъ доноса, обязанностей. Здѣсь, въ этомъ кругу сыщиковъ-специалистовъ, были и безопасность и спокойствіе. Люди эти, стремясь къ одной цѣли, поддерживали другъ друга, дѣлились одинъ къ другому какъ кольца въ цѣпи, пока не пробивались въ жизнь ихъ, поглощенную доносами, какіе-нибудь посторонніе интересы. Торговля запрещеннымъ товаромъ, ревенемъ, была однимъ изъ такихъ постороннихъ интересовъ. Тишинъ принималъ въ ней впрочемъ только участіе посредника, служа лицамъ далеко выше его поставленнымъ; спокойствіе и безопасность его ничѣмъ не нарушались. Но теперь, когда въ тайну его проникло лицо непосвященное, Миктеровъ, дѣло было другаго рода; тутъ не было уже, казалось Тишину, никакого выхода; или надо было извести это непосвященное лицо какимъ-нибудь боковымъ путемъ, или же рѣшиться вступить съ нимъ въ сдѣлку.

Эти мысли быстро промелькнули въ головѣ Тишина, когда Миктеровъ окаякнулъ его.

— Осиль Кондратьевичъ! сказалъ онъ:— все нынѣ межъ насъ безъ закрытія быть должно?

— Безъ закрытія, отвѣтилъ серьезно Тишинъ, — безъ закрытія, повторилъ онъ.

Уфъ! точно камень свалился съ души Миктерова. Давно не чувствовалъ онъ себя такъ спокойно какъ въ настоящую минуту. Поддержка была имъ найдена. Не отдавалъ еще онъ себѣ яснаго отчета изъ какого темнаго царства получалась эта поддержка, эта сила; но сознаніе что жизнь его отсѣлѣ связана теперь съ какими-то другими жизнями, которыя изъ собственного интереса погубить его не пожелаютъ, ободряло его.

„Вотъ не думалъ я“, вздыхая и охая, размышлялъ Тишинъ, подходя къ крыльцу. „Какъ тутъ быть? Имя ему лаче всего

достать надо, безъ того и жить оласливо: себя погубишь. Вотъ не думалъ!"

„Знать ужъ къ празднику, къ Троицыну дню, Богъ мнѣ счастье такое послалъ!" съ своей стороны думалъ Миктеровъ, возвращаясь домой.

Но на другой день обоимъ имъ пришлось подумать о другомъ.

Всѣ были въ церкви у обѣдни. Въ самое второе колѣно-преклоненіе, въ одиннадцатомъ часу, какъ разказываютъ современники, въ городѣ поднялась суматоха, крикъ, вопли, — загорѣлась Москва. Отчего? Богъ вѣсть. Говорили будто чья-то поварова жена зажгла въ чуланѣ свѣчу предъ образомъ а сама вышла; свѣча упала и чуланъ загорѣлся. Дѣйствительно ли отъ грошевой свѣчи—только Москва сгорѣла.

Зрѣлище было ужасное! Огонь показался за Боровицкимъ мостомъ, на Знаменкѣ, въ приходѣ Антипія, что у Колымажныхъ воротъ, либо на дворѣ князя Федора Голицына, либо на дворѣ Милославскаго, доподлинно узнать было трудно. Погода стояла сухая и вѣтряная. Пламя перекинуло на соседніе дома, на дворецъ покойной Екатерины Ивановны, а отсюда въ Кремль. Загорѣлись потѣшныя конюшни, дворецъ государыни, соборы, монастыри, подворья, коллегіи, канцеляріи, цейхгаузы, потомъ ряды и гостиные дворы въ Китай-городѣ. Отсюда перекинуло черезъ Неглинную. Въ Бѣломъ городѣ горѣли: Рождественка, Срѣтенка, Мясницкая, Покровка; въ Земляномъ горѣло все: обѣ Баоманья, Нѣмецкая слобода, слободской дворецъ государыни и дворецъ Елизаветы Петровны, наконецъ слобода Лефортовская; отстояли только дворецъ ея величества Аннегофъ. Съ другой стороны, отъ загорѣвшагося мѣста пламя понеслось по Знаменкѣ, Арбату, Тверской и Петровкѣ.

При такой силѣ огня, при бушевавшемъ вѣтрѣ, ничего не могли сдѣлать, конечно, съ горѣвшими деревянными постройками какія-нибудь двѣнадцать залывныхъ трубъ и несчастные крюки и вилы которыми работалъ московскій гарнизонъ; что же касается до жителей, то всякій думалъ уже не о прекращеніи пожара, а только о спасеніи своего имущества, которое, будучи положено тамъ и сямъ большими кучами, тоже горѣло. Сообщеніе черезъ рѣки прекратилось, ибо мосты Спассо-Никольскій, Варварскій, Ильинскій, Никольскій и

Воскресенскій сгорѣли. Трекъ валившихся въ огонь бревенъ и разрушавшихся домовъ былъ оглушительнъ; падали трубы, кресты съ церквей, колокола; съ Ивановской колокольни упалъ и большой Успенскій колоколъ. Жаръ былъ такъ великъ что казна хранившаяся въ кладовой Солевои конторы, высылавшись изъ мѣшковъ и расплавившись, свалилась въ большія кучи, къ которымъ приступить не было. Въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ растопилось два колокола, полопались и повалились саодяныя окончины, погнулись желѣзныя перекладины и рѣшетки. Дѣла и бумага изъ приказовъ выносили во рвы къ водѣ, но и тамъ во многихъ мѣстахъ онѣ горѣли. Колодники изъ суроваго приказа, содержавшіеся по истцовымъ дѣламъ, бѣжали; успѣли вывести только тѣхъ что находились въ сгорѣвшемъ осгрогѣ, въ казармахъ сыскаго приказа и въ полицеймейстерской канцеляріи. Крикъ женщинъ и дѣтей, стоны вынесенныхъ на улицы больныхъ, умирающихъ и раненыхъ на пожарѣ представляли картину поворачивающую душу. Весь день, всю ночь и на другой день до четырехъ часовъ утра стояло еще надъ городомъ зарево пожара, еще въ удушавомъ воздухѣ трудно было продохнуть, и Москва еще горѣла. Въ дыму и колотнѣ ходили разоренные, лишенные крова и всего имущества голодные жители, ища въ обгорѣлыхъ кучахъ и почерявшеи землѣ чего-нибудь хоть бы на одинъ день поддержать существованіе плачущихъ и просящихъ ѣсть и пить дѣтей своихъ. Около двухъ съ половиной тысячъ обывательскихъ дворовъ и до ста человекъ были жертвой пламени; сгорѣло болѣе ста церквей, одиннадцать монастырей, четыре дворца, богадѣльни, торговыя бани, до латисотъ лавокъ, кромѣ Китая-города; сгорѣли Красныя ворота, погибли всѣ постройки и матеріалы для готоваго уже почти большаго царь-колокола, маленькая модель котораго въ Петербургѣ въ тотъ же самый день, по странному стеченію обстоятельствъ, треснула, и пр.

Часть города гдѣ жили Тишины только что отстраивалась послѣ пожара истребившаго ее еще въ прошломъ году; теперь огонь не коснулся ея; но несмотря на то, еще въ самый разгаръ пожара, Тишинъ досталъ гдѣ-то подводу, собралъ всѣ пожитки, и минуя улицы, полемя, провожалъ свою семью по дорогѣ къ Твери и Петербургу.

Миктеровъ былъ съ ними; съ ними онъ укладывался, и ему поручалъ Осипъ Кондратьевичъ дочь и сестру до тѣхъ поръ

пока онъ не нагонитъ ихъ; ему нужно было еще возвратиться въ Москву. Зачѣмъ? Про то зналъ, конечно, онъ одинъ, никто его не спрашивалъ, да и какая кому была въ томъ нужда?

Сознаться Миктерову въ своихъ чувствахъ было бы, конечно, теперь трудно, но, оставляя за собой весь этотъ ужасъ и адъ горящей Москвы, онъ чувствовалъ себя все-таки какъ-то хорошо. Ему казалось что картиной страшнаго пожара какъ бы завершается все его прошлое, что тамъ горитъ оно, это прошлое, со всеми его несчастіями и неудачами, а впереди блеснуть надежда на лучшее будущее.

БУЛКИНЪ.

(Продол. слѣд.)

А. С. ШИШКОВЪ,

ЕГО СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ

Записки, житія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 т. Berlin, 1870.

Чѣмъ далѣе отступаетъ отъ насъ эпоха императора Александра I, тѣмъ яснѣе она раскрывается предъ нами. Надо сказать правду: хотя объ этой громкой эпохѣ существуетъ болѣе сочиненій чѣмъ о предшествующихъ, но сочиненія эти, говоря вообще, мало способствовали ея вѣрному уразумѣнью, да притомъ они изображали болѣею частію войны въ коихъ принимали участіе наши дѣды, и весьма мало касались вопросовъ внутренняго развитія страны. За то, въ послѣднее десятилѣтіе, изъ частныхъ архивовъ хлынула такая масса мемуаровъ, корреспонденцій, а также „мнѣній“, высказанныхъ дѣятелями прежняго времени по различнымъ законодательнымъ и административнымъ вопросамъ, что человекъ постоянно слѣдившій за ними можетъ составить себѣ довольно отчетливое понятіе о свойствахъ дѣятелей Александровской эпохи и о характерѣ тогдашнихъ событій.

Много новаго свѣта проливаютъ на эту эпоху только что изданныя гг. Киселевымъ и Самаринымъ бумаги оставшіяся послѣ покойнаго А. С. Шишкова. Шишковъ игралъ, какъ извѣстно, весьма видную роль въ 1812 году и потомъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I; но и въ другія эпохи своей долгой жизни, не находясь у власти, онъ не бездѣйствовалъ.

валъ. Какъ писатель и какъ государственный сановникъ, онъ постоянно и неослабно провозглашалъ тѣ убѣжденія которыя считалъ наилучшими и боролся противъ тѣхъ понятій которыя признавалъ вредными; онъ оставался неизмѣнно вѣренъ себѣ какъ въ государственномъ совѣтѣ и въ академіи такъ и въ печати, и въ этомъ заключается неоспоримое право его на вниманіе потомства. Въ этой же твердости и неизмѣнности руководившихъ имъ началъ заключается, по нашему мнѣнію, и главнѣйшее достоинство оставшихся послѣ него бумагъ. Онѣ отмѣчены печатью односторонности, это правда; но мы предупреждены относительно этой односторонности и не обязаны подчиняться личнымъ мнѣніямъ Шишкова; за то, следуя за нашимъ авторомъ, мы проникаемъ въ сферу тѣхъ понятій, мы попадаемъ въ кружокъ тѣхъ людей которыя, составляя нѣкотораго рода оппозицію въ началѣ царствованія Александра I, восторжествовали въ послѣдствіи и доставили торжество своимъ убѣжденіямъ. Мы достаточно слышали порицаній Аракчееву, митрополиту Серафиму, самому Шишкову, но эти порицанія шли отъ ихъ противниковъ: посмотримъ что говорятъ сами обвиняемые о своихъ обвинителяхъ и о самихъ себѣ; посмотримъ въ чемъ заключалось ихъ право на власть, къ которой они были призваны государемъ, въ чемъ состояло, по ихъ мнѣнію, то зло бороться противъ котораго они считали своимъ долгомъ, и въ чемъ заключалось то благо которое они хотѣли дать Россіи. Читая иныя изслѣдованія о занимающей насъ эпохѣ, можно подумать что императоръ Александръ облекъ властію Аракчеева, Шишкова, Магницкаго, что онъ приблизилъ къ себѣ Серафима и Фотія вслѣдствіе какого-то злобнаго каприза, и что эти люди принялись дѣлать зло сознательно; но такой взглядъ не вѣренъ и не ведетъ ни къ какимъ серьезнымъ выводамъ. Справедливость требуетъ признать, если не за всеми, то за нѣкоторыми изъ названныхъ лицъ искреннее, глубокое убѣжденіе, а знакомство съ этими убѣжденіями укажетъ намъ чего въ нихъ дѣйствительно не доставало для того чтобы добрая воля ихъ принесла и плоды добрые. Можетъ-быть также что эпоха отодвинувшаяся отъ насъ на полвѣка дастъ нѣсколько спасительныхъ уроковъ настоящему поколѣнію.

I.

Шишкову было подлѣ пятьдесятъ лѣтъ, когда Александръ I вступилъ на престолъ; онъ родился еще при Елисаветѣ Пе-

тровнѣ. * Еще въ царствованіе Павла, въ чинѣ вице-адмирала и генераль-адъютанта, онъ имѣлъ доступъ не только ко двору, но и въ кабинетъ государевъ, съ докладами по морскому управленію. Нѣсколько трудовъ касательно морскаго искусства доставили ему почетное мѣсто между учеными моряками, а съ 1796 года онъ былъ членомъ Россійской Академіи. Таково было общественное положеніе Шшкова. Впрочемъ, не имѣя иныхъ средствъ къ жизни кромѣ казеннаго содержанія, онъ жилъ очень скромно и чуждался двора. Онъ чувствовалъ себя при дворѣ не на своемъ мѣстѣ, какъ потому что совершенно лишенъ былъ тѣхъ качествъ съ помощію которыхъ приобретаюся придворные успѣхи, такъ и потому что не одобрялъ образа дѣйствій правительства которому служилъ. Царствованіе Павла было, какъ извѣстно, систематическою реакціей противъ царствованія Екатерины, а Шшковъ, подобно Троицкому, Державину и другимъ своимъ сверстникамъ, былъ горячимъ поклонникомъ Екатерины, во Екатерины послѣднихъ годовъ ея царствованія. Къ несчастію,—а это фактъ весьма замѣчательный,—отъ той славной эпохи когда Екатерина писала оной *Hakaz* и выслушивала пренія въ Комиссіи Уложенія, весьма мало преданій перешло къ послѣдующимъ царствованіямъ; почти всѣ люди проникшіеся духомъ этой эпохи перемерли въ царствованіе Екатерины, или же остались безъ значенія при ея преемникахъ. Такимъ образомъ, въ живомъ преданіи не сохранилось тайны слиянія либеральныхъ стремленій съ національнымъ чувствомъ, отмѣтившей первую половину царствованія Екатерины. За весьма немногими исключеніями, люди готовившіеся въ началѣ нынѣшняго вѣка принять въ свои руки судьбу Россіи принадлежали къ слѣдующимъ двумъ типамъ: къ типу либераловъ-космополитовъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ гуманистовъ XVIII вѣка, или къ типу угрюмыхъ стародумовъ, съ патріотизмомъ старообрядческаго закала. Молодые совѣтники, которыми окружилъ себя Александръ I по вступленіи на престолъ, принадлежали, какъ извѣстно, къ первому типу. Сначала англоманія, а потомъ германія усилились въ высшемъ обществѣ до небывалыхъ размѣровъ, и онѣ нашли себѣ отзвучіе даже въ тогдаш-

* Въ изданіи о которомъ здѣсь говорится сказано что Шшковъ роддомъ въ 1753 году, въ то время какъ другихъ біографическихъ о немъ извѣстій въ 1754 году не имѣлось.

вей литературѣ, корифей которой, Карамзинъ, самъ не безупреченъ былъ въ этомъ отношеніи, пока занятія исторіей Россіи не дали много направленія его образу мыслей.

При началѣ новаго царствованія, Шишковъ чувствовалъ также себя не на своемъ мѣстѣ. Духъ времени не благопріятствовалъ ему еще больше чѣмъ прежде; люди новаго поколѣнія отгѣсняли его не только при дворѣ или въ сферѣ служебной дѣятельности, но и въ кругѣ литературной дѣятельности. Молодой Чичаговъ занялъ первое мѣсто по морскому управленію, Карамзинъ сдѣлался любимцемъ читающей публики. Сѣдой адмиралъ и академикъ не замедлил убѣдиться что правительство не ищетъ его услугъ, а публика не читаетъ его сочиненій. Естественно, онъ сталъ въ непріязненныя отношенія къ новому времени: „Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ молодымъ царемъ.... Торжественное обѣщаніе царское — идти по столамъ бабки своей — не исполнилось“, отгѣчалъ онъ въ своихъ *Запискахъ*, вспоминая о первыхъ годахъ новаго царствованія. Отзывы его о современныхъ литераторахъ и литературѣ еще меньше сочувственны. Онъ отворачивался отъ нихъ съ пренебреженіемъ и услаждался „лицами“ Ломоносова, Хераскова, Державина, Сумарокова; изъ писателей же новѣйшаго поколѣнія нисходилъ лишь къ П. И. Голенищеву-Кутузову, князю Ширинскому-Шихматову и весьма немногимъ имъ подобнымъ. Ограничивъ и личныя свои сношенія тѣснымъ кружкомъ одномысленныхъ съ собою людей, чуждый тщесавія и мелкаго честолюбія, не показываясь въ придворныхъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ, но тщательно исполняя свои служебныя обязанности, Шишковъ отдыхалъ отъ нихъ въ тиши своей рабочей комнаты. Здѣсь, обложившись книгами и съ перомъ въ рукѣ, онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ; болѣе того: въ качествѣ ветерана между литераторами и академика, онъ считалъ себя призваннымъ бороться противъ ложнаго вкуса, которымъ, по его мнѣнію, провѣклась наша литература, и противъ заимствованія иностранныхъ словъ, которое онъ усматривалъ въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей того времени. Отъ предметовъ морской науки онъ обратился къ вопросамъ чисто словеснымъ, къ изученію русскаго языка въ древнихъ его памятникахъ. Въ 1800 году напечатано было въ первый разъ *Слово о полку Игоревѣ*. Шишковъ влился

въ него, переложилъ на современный языкъ и составилъ обширныя примѣчанія касательно языка которымъ написанъ этотъ древній памятникъ нашей словесности. Отсюда начинаются труды Шшкова надъ русскимъ корнесловіемъ, которымъ съ тѣхъ поръ онъ занимался до самой смерти и которое обратилось у него въ нѣкотораго рода манію и вызвало противъ него тѣмъ насмѣшекъ. Но насмѣшки ни мало не трогали его. Съ упорствомъ и даже упрямствомъ, которые его отличаютъ, онъ шелъ все далѣе и далѣе по избранному пути, продолжалъ изучать русскій языкъ съ своей точки зрѣнія, отыскивалъ законы звукоподражанія, занимался русскими „ословами“, вооружался противъ новыхъ словъ, несогласныхъ по его мнѣнію съ духомъ русскаго языка, и наконецъ написалъ *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоге русскаго языка*, вызвавшее горячую полемику въ современныхъ изданіяхъ. Это *Разсужденіе* было представлено имъ Академіи, въ засѣданіи 17го октября 1803 года, а въ засѣданіи 5го ноября слѣдующаго года, Академія, по разсмотрѣніи какъ этого такъ и другихъ его сочиненій, и находя въ нихъ „лохвальную ревность... къ открытію въ чемъ состоитъ истинное богатство, красота, сила и важность языка славяно-русскаго“, а также и усматривая что эти сочиненія преподають весьма полезныя примѣры „къ направленію вкуса молодыхъ писателей и къ предохраненію ихъ отъ владенія, подъ видомъ украшенія, въ погрѣшности, языкъ нашъ обезображающія“, присудила ему золотую медаль. Можно думать что приговоръ Академіи, признававшій Шшкова за образецъ въ отношеніи къ слогу, заставилъ многихъ улыбнуться въ Петербургѣ и Москвѣ; можетъ-быть онъ заставитъ улыбнуться и нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей; но мы просимъ ихъ не забывать что вся тогдашняя Академія состояла изъ обломковъ стараго времени, и что самыя яркія литературныя имена въ ней, кромѣ Державина, были Херасковъ, Мартыновъ, Муравьевъ, графъ Хвостовъ, князь Сергій Шихматовъ, П. И. Кутузовъ, извѣстный противникъ Карамзина.

Между тѣмъ, въ воззрѣніяхъ какъ правительства такъ и самого общества стали обнаруживаться существенныя перемѣны. Довѣріе государя къ молодымъ своимъ пособникамъ сильно поколебалось, а въ общественномъ мнѣніи, огорченномъ двумя неудачными войнами и Тильзитскимъ миромъ, обнаруживалась реакція противъ французскаго вліянія. Въ 1809 году,

въ бытность свою въ Москвѣ, государь оказалъ особенное вниманіе графу Ростопчину, который, живя съ самой кончи- ны Павла въ Москвѣ, велъ неустанную войну противъ галломановъ, „отечество коихъ“, по его словамъ, „на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное—въ Парижѣ.“ Въ томъ же году, государь обласкалъ Карамзина, котораго въ то время занимали уже мысли изложенныя имъ въ *Записки о древней и новой Россіи*. Министромъ юстиціи назначенъ былъ Дмитріевъ, не имѣвшій ничего общаго съ людьми руководившими судьбой Россіи въ первые годы Александрова царствованія. Все болѣе и болѣе входилъ въ силу Аракчеевъ, а Аракчеевъ былъ во всякомъ случаѣ не галломанъ; многіе замѣчая что онъ говоритъ не иначе какъ по-русски и имѣеть всѣ признаки русскаго помѣщика средней руки, разумѣли его даже великимъ патріотомъ.... Словомъ, въ правительствѣ и обществѣ совершалась явная реакція противъ галломаніи. Не обладая особою провицательностью можно было предвидѣть еще въ началѣ 1811 года что между Россіей и Франціей произойдетъ жестокое столкновение. Въ это время Шишкову пришла мысль устроить публичныя литературныя чтенія съ цѣлю просвѣщать публику на счетъ красоты „настоящей“ русскаго рѣчи и возбуждать въ ней національное чувство. Державинъ, Хвостовъ и Муравьевъ искренно поддерживали мысль Шишкова; первый изъ нихъ предложилъ свой домъ для предполагаемыхъ собраний, и въ октябрѣ 1810 года состоялась первая „бесѣда любителей русскаго слога“. Эти бесѣды, обставленныя довольно страннымъ образомъ, чопорныя и старомодныя, вызвали въ свое время много насмѣшекъ, но онѣ имѣли значеніе въ развитіи того настроенія которое обнаружилось у насъ послѣ Тильзитскаго мира. Въ первой изъ этихъ бесѣдъ Шишковъ прочелъ рѣчь въ которой постарался сгруппировать всѣ красоты русскаго поэзіи. Рѣчь вышла эффектная, и многочисленныя, вліятельныя по своему общественному положенію слушатели вынесли хорошее впечатлѣніе. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Шишковъ сдѣлалъ новый шагъ, имѣвшій еще болѣе успѣха: онъ написалъ и прочелъ предъ высшею петербургскою публикой *Разсужденіе о любви къ отечеству*, въ которомъ много мыслей внушено было, очевидно, современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Такъ, напримѣръ, горячо настаивая на необходимости чувства національной гордости, онъ говорилъ: „Гдѣ

любовь къ народу своему тамъ и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими царствами. Тамъ всякій словами и душою не сравниваетъ имени отечества своего ни съ какимъ другимъ; пользуется чужими изобрѣтеніями, произведеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только свои....“ „Когда одинъ народъ идетъ на другой съ мечомъ и пламенемъ въ рукахъ, откуда у сего послѣдняго возьмутся силы отворотить сію страшную тучу, сей громовый ударъ, если любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ?...“ Признавая любовь къ отечеству основаніемъ всѣхъ лучшихъ стремленій гражданина, Шишковъ говорилъ: „Отечество требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому....“— „Но,—продолжалъ ораторъ, ближе подходя къ окружающей его дѣйствительности,—не одно оружіе и сила одного народа опасны бываютъ другому; тайное покушеніе прельститъ умы, очаровать сердца, поколебать въ нихъ любовь къ землѣ своей и гордость къ имени своему есть средство надежнѣйшее мечей и лушекъ. Средство сіе медленно, однакожь вѣрно въ своихъ соображеніяхъ, и ранѣе или позже, но всегда цѣли своей достигаетъ. Мало-по-малу налагаетъ оно нравственныя узы, дабы потомъ наложить и настоящія цѣпи, зная что лѣвникъ въ оковахъ можетъ разорвать ихъ, можетъ быть еще гордъ и страшенъ побѣдителю, но лѣвникъ умомъ и сердцемъ остается всегда лѣвникомъ.“

Чтобъ устоять противъ этихъ опасныхъ прельщеній, заключалъ Шишковъ, даю намъ три средства: отечественная вѣра, воспитаніе молодыхъ поколѣній направленное къ возвышенію въ нихъ національнаго духа, и общій всему народу языкъ. Языкъ „созидаетъ славу народную; онъ же соединяетъ всѣхъ самыми крѣпкими узами. Опытами доказано что въ сопряженіи областей не составляютъ оныя совершеннаго единства тѣла и души доколѣ языки ихъ различны; и напротивъ того, самыя раздѣленныя и отторженныя одна отъ другой области, имѣющія одинъ языкъ, сохраняютъ въ себѣ нѣкое тайное единодушіе, котораго ни рука власти, ни рука времени разрушить не могутъ.“

Такова въ сущности была рѣчь Шихова. Онъ вылилъ въ ней всю свою душу, всѣ свои убѣжденія. Но чувствуя что она можетъ не понравиться многимъ,—можетъ-быть даже самому государю,—онъ колебался прочесть ее публично. Одна-

ко онъ превозмогъ свои колебанія. „Я старался,“ говорить онъ въ своихъ *Запискахъ*, „читать вразумительно, ясно. Хотя за множество отвѣчать нельзя, — можетъ иные были тутъ и не совсѣмъ довольны собою, — однакожь, казалось, возвышенная мною добродѣтель надъ всеми вообще сильно подѣйствовала.“ Вліяніе рѣчи Шихкова оказалось даже сильнѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Она дошла до государя и подала ему счастливую мысль воспользоваться при настоящихъ обстоятельствахъ свѣлымъ и страстнымъ перомъ стараго патріота. Онъ потребовалъ его къ себѣ, и вотъ какъ Шишковъ разказываетъ свое свиданіе съ государемъ, съ которымъ онъ не видался и не искалъ видѣться въ продолженіе многихъ лѣтъ.

„Я вошелъ, и онъ говоритъ мнѣ: „Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя такія чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ Французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ чтобы вы написали о томъ манифестъ.“ На это отвѣчалъ я: „Государь! я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ; это будетъ первый мой опытъ; а потому и не знаю, могу ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе. Попытаюсь. Но притомъ осмѣлюсь спросить какъ скоро это надобно?“ — „Сегодня или завтра,“ сказалъ онъ. „Приложу всякое мое стараніе,“ отвѣчалъ я, „но долженъ донести вашему величеству что я подверженъ головнымъ болѣзнямъ, которыя такъ иногда усиливаются что я лежу безъ движенія въ постели. Проснувшись сегодня съ сею болью, я опасаюсь, чтобы она, умножась, не лишила меня силъ исполнить въ скорости ваше повелѣніе.“ — „Ежели не можете скоро,“ отвѣчалъ мнѣ государь, „то хотя для черезъ два или три.“ Тутъ мы разстались. Я пріѣхалъ домой, избавясь отъ тревожившихъ меня мыслей. По счастью, къ вечеру головѣ моей стало легче. Я съѣлъ и написалъ манифестъ. На другой день поутру пріѣзжаю къ государю. Онъ встрѣтилъ меня словами: „Вы скорѣе исполнили нежели обѣщали.“ Я прочиталъ ему мою бумагу; онъ былъ доволенъ ею; и когда я сказалъ ему что я не очень чисто пишу, но что не смѣлъ иначе писать ее какъ моею рукой, то онъ отвѣчалъ: „Очень хорошо; оставьте ее у меня; я велю переллать.“ Послѣ сего благодарилъ меня и отпустилъ. На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ, знакомый мнѣ сенаторъ и говоритъ: „Я сейчасъ изъ сената, гдѣ намъ читали написанный тобою манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.“ — „Почему ты знаешь,“ спросилъ я, „что онъ писанъ мною?“ — „Потому,“ отвѣчалъ онъ, „что многие узнали твою руку, а притомъ и по слогу отличающемуся отъ прежнихъ манифестовъ.“ Тутъ узналъ я что государь подписалъ ту самую бумагу которую отъ меня взялъ.“

Мысль государя воспользоваться перомъ Шишкова для объясненій своихъ съ народомъ при предстоявшихъ обстоятельствахъ была, повторяю, счастливая мысль. Война казалась уже неизбѣжною, и не имѣя ни равносильнаго Наполеону военнаго генія чтобы противопоставить ему, ни арміи равной тѣмъ которыми располагалъ императоръ Французовъ, государю предстояло не только возвѣщать народу о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, но пробудить въ немъ то живое участіе къ судьбамъ отечества, то могучее національное чувство которыя естественно не могли не задремать въ Россіи подъ вліяніемъ издавна существовавшей у насъ правительственной системы. Вѣроятно государь не помышлялъ еще предъ началомъ войны чтобы народъ могъ принять въ ней самостоятельное участіе, чтобы ему могла принадлежать какая-либо инициатива въ защитѣ отечества, но и тогда уже могъ онъ предвидѣть что отъ Россіи придется потребовать такихъ жертвъ, такихъ усилій на которыя неспособно чисто лассивное повиновеніе. Всѣ чувствовали что между Россіей и Франціей должно произойти неслыханное дотолѣ, исполнившее столкновеніе. За годъ и болѣе до вторженія Наполеона, правительство наше получало разнаго рода меморіи и предположенія касательно наилучшаго способа веденія войны противъ грознаго завоевателя, и болышинство этихъ записокъ рекомендовали систематическое отступленіе вглубь страны и основывали вѣроятности успѣха на продолжительности войны. О народной войнѣ въ нихъ еще не говорилось прямо, но для того чтобы народный духъ не повикъ отъ продолжительности отступленія армій и отъ страшныхъ олустошеній, на которыя естественно обрекалась страна вслѣдствіе занятія ея непріятелемъ, нужно было сильно возбудить этотъ духъ, нужно было побѣдить равнодушіе къ высшимъ интересамъ, бывшее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той безучастности къ нимъ народа, къ которой онъ былъ приученъ ходомъ исторіи. А для этого правительству необходимо было обратиться къ странѣ съ возвышеннымъ, вѣскимъ и въ то же время живымъ словомъ, съ такимъ словомъ которое нашло бы доступъ къ самымъ глубокимъ тайникамъ народнаго духа и вызвало бы изъ нихъ неодолимая силы. Такое слово нашель въ душѣ своей Шишковъ, и вотъ почему мы считаемъ справедливымъ, даже послѣ многихъ годовъ его дѣятельности которымъ не сочувствуемъ., сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блащеть средь народа
Священнои памятью Двѣнадцатаго Года.

И точно, тотъ кто перечитаетъ *Собрание высочайшихъ манифестовъ* вышедшихъ изъ-подъ пера Шишкова, * замѣтитъ какую-то живую силу которая бьетъ изъ нихъ и которой твердо лишены подобныя акты другихъ злохъ. Шишковъ былъ не правитель канцеляріи, не чиновникъ опредѣленный для писанія манифестовъ, а гражданинъ глубоко проникнутый величіемъ развивавшихся предъ нимъ событій. Люди двѣнадцатаго года не такъ давно еще сошли въ могилу; многіе еще помнятъ ихъ и они могутъ засвидѣтельствовать что современники ихъ до самой смерти своей сохранили въ памяти нѣкоторыя мѣста Шишковскихъ манифестовъ.

Къ сожалѣнію, перу Шишкова вначалѣ давалось мало упражненія. Послѣ манифеста о рекрутскомъ наборѣ подписаннаго 23го марта, до самаго объявленія о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи (13го іюня), государь не обращался къ народу. Угрюмый, раздражительный и вовсе лишенный тѣхъ качествъ которыя способны привлекать людей,—большой недостатокъ въ публичномъ чловѣкѣ,—Шишковъ съ перваго же шага по прибытіи въ Вильну отдалился отъ группы людей находившихся у кормила дѣлъ. Его инстинктивно отталкивало отъ Пфуля и Вольцогена, этихъ прусскихъ теоретиковъ которые составили планъ кампаніи какъ разрѣшаются академическія задачи, безъ всякаго вниманія къ свойствамъ страны и духу ея населенія. Недовѣрчиво смотрѣлъ онъ на Армфельда, Нессельрода, Австета, — людей которыхъ не признавалъ Русскими.... Послѣдніе двое составили по порученію государя записку или меморандумъ для сообщенія дружественнымъ дворамъ о событіяхъ предшедшихъ разрыву съ Франціей и о характерѣ первоначальныхъ военныхъ дѣйствій. Эти господа ограничились точнымъ извлеченіемъ фактовъ изъ дипломатическихъ депешъ и поставили себѣ задачей оправдать всѣ сдѣланныя въ военномъ министерствѣ распоряженія. Но свойство этихъ фактовъ и эти распоряженія далеко не заслуживали безусловнаго одобренія Шишкова; понимая, разумѣется, что меморандумъ русскаго правительства не можетъ заключать въ себѣ критической оцѣнки собственнаго образа

* Кромѣ только манифеста о взятіи Парижа.

дѣйствию, Шашковъ былъ однакожь глубоко возмущенъ тѣмъ олимпійскимъ спокойствіемъ илц, вѣрнѣе, тою канцелярскою безучастностію съ которою довѣренные дипломаты государевы составили отчетъ о событіяхъ столь великой важности, тѣмъ незлобіемъ съ которыми они говорили о дѣйствіяхъ нашихъ враговъ и тѣмъ тономъ самодовольствія съ которыми отзывались о распоряженіяхъ очевидно ошибочныхъ.

Тоскуя и сокрушаясь при видѣ всего что его окружало и не смѣя никому повѣрить своихъ опасеній, Шашковъ глубже и глубже уходилъ въ самого себя, и пришелъ наконецъ къ мысли которая сообщила начинавшейся войнѣ ея исключительный, величественный и грозный характеръ. Государю нечего дѣлать въ главной квартирѣ, разсуждалъ Шашковъ; онъ не командуетъ арміею и присутствіе его стѣсняетъ главнокомандующаго; его мѣсто „внутри Россіи“. Шашковъ рѣшился намекнуть о своей мысли нѣкоторымъ изъ приближенныхъ государя. Одни ее одобряли, но находили невозможнымъ привести въ исполненіе; другіе утверждали что заикнуться о ней значило бы сдѣлаться въ глазахъ государя „измѣнникомъ и предателемъ“. Это однако не остановило упрямаго старика, сильнаго сознаниемъ чистоты своихъ побужденій. Онъ взялъ перо и написалъ государю письмо, въ которомъ убѣждалъ его оставить войска „и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ, для *воззванія къ дворянству и народу* о вооруженіи новыхъ войскъ.“ Письмо было написано; но какъ довести его до свѣдѣнія государя? Шашковъ показалъ его Балашову, который взялъ на себя переговоры съ Аракчеевымъ. Сверхъ чаянія, этотъ преданный слуга государевъ одобрилъ оное, усмотрѣвъ что государю безопаснѣе быть въ Москвѣ и Петербургѣ чѣмъ среди войскъ,—и письмо Шашкова было доложено. Черезъ день послѣ того, государь отправился въ Москву, и здѣсь, можно сказать, положено было начало народному характеру войны Двѣнадцатаго Года. Этотъ характеръ ясно выраженъ въ двухъ воззваніяхъ: къ Москвѣ и ко всему народу Русскому. Въ первомъ сказано:

„Непріятель, вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорить любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ олодченное россійское воинство готово встрѣтить и низложить его дерзость и зломыслие; однакожь, по отеческому сердоболію и полеченію нашему о всѣхъ

вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предвѣренія ихъ о сей угрожающей имъ оласности; да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, первѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала изъ вѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вѣщей надобности какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства, этого требуетъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составятъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ его столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совершенія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ прекращающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ гдѣ только появятся. Да обратится логибель, въ которую мнитъ онъ низвергнуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!“

Во второмъ манифестѣ, подписанномъ въ тотъ же день какъ и предыдущій, бго іюля, значится между прочемъ слѣдующее:

„Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, и нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣроподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! Вы всегда теллыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій, храброе потомство храбрыхъ Славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ; со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ.“

Извѣстно какъ отозвалась Россія на эти пламенные, глубо-

ко прочувствованныя воззванія. Можно сказать что она только ожидала ихъ чтобы подняться. Уже въ Смоленскѣ, записалъ Шишковъ: „смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, возродилась во мнѣ исчезающая надежда, и я, въ восторгѣ души моей, самъ себѣ сказалъ: нѣтъ! Богъ милостивъ, Россія не погибнетъ!“

Мы не станемъ слѣдить шагъ за шагомъ, ни за ходомъ событій, слишкомъ извѣстныхъ, ни за дѣятельностью Шишкова,* которая достаточно обозначилась изъ предыдущаго. Нѣкоторыя черты изъ нея однакожь необходимы для лучшаго уразумѣнія послѣдующаго. Въ бытность Наполеона въ Москвѣ, одинъ тамошній житель успѣлъ выбраться оттуда, и прибывъ въ Петербургъ разказывалъ „ужасы“, въ числѣ которыхъ были повидимому и черты не дѣлающія чести Русскимъ. Государь поручилъ Шишкову составить на основаніи этихъ разказовъ „извѣстія изъ Москвы“. Записавъ слова Москвича, говоритъ нашъ авторъ, „я присовокупилъ къ тому разсужденія мои о поврежденіи нравовъ нашихъ отъ привязности и подражанія тому народу который въ недавнія времена, отступя отъ Бога и вѣры, впалъ въ язычество, казнилъ своихъ царей и съ такою жестокостію поступалъ съ собственными своими соотечественниками съ какою нынѣ поступаетъ съ нами.“ „Написавъ сіе, продолжаетъ Шишковъ, подумалъ я что бумага моя не можетъ пріятна быть государю, потому что упреки сіи, если не прямо, то отчасти на него падаютъ. Мысль сія останавливала меня; но когда же, подумалъ я опять, дать ему почувствовать это какъ не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Ободренный симъ размысленіемъ, рѣшилъ я идти къ нему; но прежде нежели началъ читать, сказалъ ему: „Государь, я не умѣю иначе говорить чѣмъ „чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ выслушать бумагу „мою до конца, не прерывая чтенія оной. Послѣ того слѣлай-

* Считаемо однакоже не лишнимъ замѣтить здѣсь слѣдующее: въ концѣ декабря 1812 года, говоритъ Шишковъ, былъ мною написанъ рескриптъ рижскому генералъ-губернатору маркизу Паулучи, повѣщающій объявить жителямъ курляндскимъ благоволеніе, а нѣкоторымъ изъ нихъ, виновнымъ (въ содѣйствіи непріятелю), прощеніе. „Замѣчательно, присовокупаютъ издатели Шишкова, что это упоминаніе о рескриптѣ къ маркизу Паулучи не находится въ нѣмецкомъ переводѣ *Записокъ* (Шишкова).“

„те съ ней что вамъ будетъ угодно.“ Онъ общалъ это, и началъ читать. По окончаніи чтенія, взглянувъ на него, примѣтилъ я въ лицѣ его нѣкоторую краску и смущеніе. Онъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ мнѣ: „Такъ, правда; я заслуживаю сіи укоризны.“ Тутъ, стараясь сколько можно смягчить почувствованное имъ огорченіе, осмѣлился я сказать ему: „Государь! Не вы тому причиною, и едва ли въ царствованіе ваше могли отвратить сіе слишкомъ усилившееся зло, котораго начало идетъ отъ великаго прародителя вашего Петра I. Онъ, вмѣстѣ съ полезными искусствами и науками, допустилъ войти мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ коренные обычаи и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося въ насъ пристрастія ко всему нужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка ваша, напослѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ; но то уже было поздно и требовало немалыхъ и долговременныхъ усилій.“

На эти слова и на обстоятельства по поводу коихъ они были написаны слѣдуетъ намъ обратить особенное вниманіе. Они еще разъ показываютъ намъ въ Шишковѣ человѣка который не колеблясь рисковалъ своимъ положеніемъ и благоволеніемъ къ себѣ государя когда дѣло шло о спасеніи тѣхъ началъ въ которыхъ онъ видѣлъ только зло, растлѣніе и гибель человѣческихъ обществъ. Въ началѣ 1813 года, за столомъ у государя, князь Кутузовъ выразилъ мнѣніе что, раздѣлавшись теперь съ французскимъ нашествіемъ, намъ не слѣдуетъ однакожь обнаруживать неприязни ко французскому языку, французской литературѣ, французскому театру и пр. „Признаюсь, замѣчаетъ Шишковъ, описывая этотъ случай, что въ это время вся внутренность моя кипѣла отъ досады, а особливо примѣчая что государь не противорѣчилъ ему (Кутузову) и казалось во многомъ съ нимъ соглашался. Я молчалъ, не смѣя вмѣшаться въ ихъ рѣчи и чувствуя что не могъ открыть рта съ тѣмъ спокойствіемъ и равнодушіемъ какихъ царское присутствіе и образъ его мыслей требовали...“ Шишковъ ненавидѣлъ Францію и Французовъ, но не тою ненавистью которая была обща въ 1812 году почти всѣмъ Русскимъ. Онъ ненавидѣлъ ихъ и какъ враговъ отечества своего, какъ людей убивавшихъ его соотчичей и разорявшихъ родную его землю, но еще болѣе какъ людей создавшихъ

ненавистныя ему нравственно-философскія и политическія понятія. Чтобы выразумѣть до какой степени сильна была эта ненависть, слѣдуетъ прочесть манифестъ, — никогда впрочемъ не выходявшій изъ портфеля Шинкова, — который онъ написалъ въ началѣ 1814 года, по поводу вступленія союзныхъ войскъ во Францію и который показывалъ лишь нѣсколькимъ близкимъ людямъ. Вотъ этотъ примѣчательный манифестъ, со значительными впрочемъ сокращеніями:

„Французы! Ежели мнимые ваши мудрецы ложными своими умствованіями не совсѣмъ васъ ослабили; ежели совѣсть и здравый разумъ не навсегда въ васъ погасли; ежели осталась въ душахъ вашихъ хотя малая искра любви къ первѣйшему достоинству человека, — благопріію: то конечно сами вы сознаетесь, что сколь языкъ сего къ вамъ провозглашенія ни укоризненъ для васъ, но онъ есть языкъ правды. Приведите себѣ на память дѣла свои, и да постыдится изъ васъ тотъ кто можетъ еще стыдиться. Отпадшіе отъ вѣры и богочитанія, остроумные, но злочестивые писатели, изгнавъ изъ сердце вашихъ страхъ Божій, подняли въ нихъ бурю страстей, помрачившихъ умъ вашъ и погрузившихъ васъ въ бездну пороковъ и преступленій. Отсебѣ всѣ безбожныя дѣла, братоубійства, грабежъ, насиліе сдѣлались вашею плещей... Низринувъ съ престола благословенный домъ святаго Людовика и Генриха IV, вы избрали надъ собою царемъ, или справедливѣе сказать атаманомъ, рожденнаго въ Корсикѣ простолюдина, превосходящаго всѣхъ васъ безчеловѣчьемъ, коварствомъ и злобою. Онъ довершилъ низвергнуть васъ въ бездну злодѣйствъ и беззаконій. Онъ самовластіемъ своимъ, мучительствомъ, казнями, ужасами, заточеніями, привелъ васъ самихъ въ трепеть, въ уничтоженіе, въ рабство; онъ, раздачею раболѣпнѣйшимъ изъ васъ всякихъ почестей и чужихъ награбленныхъ имѣній, содѣлалъ васъ алчными къ завоеваніямъ и кровожадными. Вы при немъ имѣли душу безъ добродѣтели, умъ безъ разсудка, сердце безъ жалости, совѣсть безъ стыда и раскаянія; онъ увѣрилъ васъ что ноги даны вамъ на то единственно чтобъ изъ страны въ страну ходить; руки, чтобы вездѣ жечь и грабить; мечъ, чтобы всякаго убивать; разумъ, чтобъ обманывать; языкъ, чтобы лгать. Французы! измѣрьте пространство опустошенныхъ вами земель; сочтите число областей, городовъ, селъ, деревень, домовъ вами сожженныхъ, разоренныхъ, истребленныхъ, ограбленныхъ..... Какой небесный громъ можетъ наказать васъ достойно за всю пролитую вами кровь и нанесенныя бѣдствія? Истребленіе всѣхъ васъ съ лица земли не удовлетворитъ достаточно правосудія. Тщетно во всѣхъ сихъ лютоствахъ станете вы обвинять одного Наполеона. Нѣтъ! вы прежде его показали до какой степени разврата и свирѣпства безвѣріе довело нравы ваши; оно, издав-

на между вами разсѣянное, росло, распространялось и созрѣвало; оно, одержавъ надъ вами силу, изъ глубины ада изрыгло къ вамъ воспитанниковъ и любимцевъ своихъ, Маратовъ, Робеспьеровъ, и наконецъ послало Наполеона. Вы для того избирали ихъ владыками надъ собою что видѣли въ нихъ, умъ самый злоурядившій, сердце самое жестокое..... Итакъ, хотя въ дѣломъ и многолюдномъ царствѣ не можетъ конечно быть безъ добрыхъ и благомыслящихъ людей; но, Французы, не огорчайтесь сими упреками, разберите сами себя безпристрастно: какимъ образомъ оправдать васъ? Какимъ образомъ, при общихъ богопротивныхъ поступкахъ вашихъ, различить между вами добраго съ худымъ? праваго съ виновнымъ? Все что самая кроткая правда, смотря на дѣла ваши, заключить и сказать можетъ, есть, что народъ вашъ долженъ состоять изъ главной части отпадшихъ отъ Бога и вѣры, развращенныхъ людей, рабовъ нечестивой власти и собственныхъ своихъ страстей, и наконецъ, изъ части добрыхъ и несчастныхъ, оплакивающихъ втайнѣ стыдъ и заололучіе своего отечества...“

Этотъ манифестъ прибавляетъ яркую черту къ характеристикѣ Шшкова. Замѣтимъ что приведенныя строки были написаны не среди военныхъ тревогъ, не подъ раздражающимъ возбужденіемъ выстрѣловъ, крови, насилій, а вдали отъ театра войны, въ одномъ изъ самыхъ мирныхъ уголковъ Германіи, въ Карльсруэ, во время пользованія Шшкова отъ болѣзни. Злоба которая кипѣла въ немъ противъ Французовъ истекала слѣдовательно не изъ раздраженія которое можетъ усложниться, а изъ убѣжденія которое все болѣе и болѣе имъ овладѣвало. Фигнеръ еще могъ бы похириться съ Французами или, по крайней мѣрѣ, забыть о нихъ: для этого ему стоило бы только не видать ихъ и не слышать о нихъ въ продолженіе нѣкотораго времени; Шшковъ неавидѣлъ не людей Французской націи, а распространеныя ими въ Европѣ мысли; вездѣ, слѣдовательно, гдѣ бы эти мысли ни встрѣтились ему, онѣ нашли бы въ немъ безлощаднаго врага. Можно думать что онъ сдѣлался бы страшнѣе въ Россіи чѣмъ во Франціи еслибы власть досталась ему въ руки, потому именно что онъ любилъ, горячо любилъ Россію... Такъ точно отецъ строже относится къ сыну своему, сдѣлавшему презрѣвый поступокъ, чѣмъ къ постороннему.

Извѣстно что вскорѣ должно было наступить время когда Шшковъ былъ призванъ проводить свои убѣжденія въ сферѣ правительственной дѣятельности. Но прежде чѣмъ перейти къ этому времени отмѣтимъ одинъ случай который открываетъ еще сторону его образа мыслей, а равно и образа мыслей им-

лератора Александра. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, государь поручилъ Шишкову написать манифестъ съ выраженіемъ признательности всѣмъ сословіямъ Русскаго народа за ихъ участіе въ отечественной войнѣ. Въ этомъ манифестѣ возвышалось о ежегодномъ торжественномъ чествованіи дня избавленія Россіи отъ непріятельскаго нашествія, о дарованіи духовенству особаго наперснаго креста, дворянству и воинству—особыхъ медалей, кулечеству—„благоволенія и благодарности,“ а мѣщанству и крестьянству объявлялось что съ нихъ не будетъ производимо въ продолженіе нѣкотораго времени рекрутскихъ наборовъ и что впрочемъ они „получать мзду свою отъ Бога.“ „Господи,—сказано было въ манифестѣ,—молю Тя, да обудутся съ ними словеса пророка Твоего Даниила: *бразды твоя уполятсѣ и жита твоя умножатсѣ; поля твоя исполнятся тука; овцы будутъ многоплодни и волове твои толсти; удолия умножатъ пшеницу, пустыни возвеселятсѣ и холмы радостію препояшутсѣ.*“—Государь, со вниманіемъ читавшій проектъ манифеста, одобрилъ все относящееся къ мѣщанамъ и крестьянамъ такъ же какъ и къ прочимъ сословіямъ. Онъ прочелъ безъ возраженій объявленіе пещись о крестьянахъ казенныхъ и усугубилъ вниманіе когда дѣло дошло до помѣщичьихъ. О нихъ Шишковъ написалъ слѣдующее: „Что жь принадлежитъ до помѣщичьихъ крестьянъ, то мы увѣрены что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господь ихъ. Существующая издавна между ними, *на обоедной пользѣ основанная*, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь“.... Здѣсь, рассказываетъ Шишковъ, государь оттолкнулъ отъ себя бумагу, и весь вслухнувъ сказалъ: „я не могу подписать того что противно моей совѣсти и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ.“ При этомъ онъ указалъ на слова напечатанныя курсивомъ и былъ такъ взволнованъ и такимъ рѣшительнымъ движеніемъ пера вычеркнулъ помянутыя слова что Шишковъ, при всемъ своемъ упрямствѣ и при всей своей смѣлости, не рѣшился разжать губъ.... Вотъ замѣчательный случай, доказывающій что императоръ Александръ никогда не переставалъ во глубинѣ души своей лгать гуманныя чувства и что, съ другой стороны, власть повидимому неограниченная встрѣчается иногда съ таинственною оппозиціей, хотя эта оппозиція и не имѣетъ узаконенныхъ органовъ для обнаруженія своего вліянія. Съ этою таинственною оппози-

зицейъ намъ придется встрѣчаться еще очень часто; она усиливалась съ каждымъ годомъ, и наконецъ совершенно связала государя, въ весьма значительной степени ослабивъ его непосредственное вліяніе на дѣла.

II.

Много было писано о высокомъ политическомъ значеніи приобретенномъ Россіей вслѣдствіе войнъ 1813 и 1814, а особенно 1812 годовъ. Намъ твердили до пресыщенія что вся Европа, не исключая и Франція, принимала нашихъ храбрыхъ солдатъ какъ своихъ избавителей, что Парижане умилились глядя на дикихъ Башкиръ, что выписанный въ Лондонъ какой-то казакъ былъ тамъ предметомъ восхищенія, что русскій мундиръ открывалъ двери въ самые чопорные дома европейскіхъ столицъ, что вся Европа признавала русскаго государя Агамемнономъ, царемъ царей.... Все это очень хорошо мы знаемъ, и все это очень пріятно щекочетъ наше національное самолюбіе. Но намъ пріятно было бы узнать также чѣмъ былъ вознагражденъ тотъ великій подъемъ народнаго духа который спасъ Россію и освободилъ Европу? Совершилось великое и удивительное дѣло: солдаты, которыхъ содержали очень плохо, бились какъ герои въ продолженіе трехъ лѣтъ; кучи, которыхъ отнюдь не баловали губернаторы и городничіе, свосили по ихъ требованію свое золото и серебро; крѣпостные мужики, неумѣвшіе никакой собственности и которымъ слѣдовательно нечего было ни терять ни защищать, отстаивали землю облитуя ихъ лѣтомъ и слезами, какъ свою собственную драгоценность,—и все это потому что царь такъ повелѣлъ, что царю такъ было угодно, что онъ обратился съ милостивымъ словомъ къ своему народу и просилъ его не щадить ни имущества, ни жизни.... Не говоримъ о дворянствѣ и духовенствѣ, какъ сословіяхъ болѣе просвѣщенныхъ и отъ которыхъ, слѣдовательно, можно болѣе требовать; но эти крѣпостные крестьяне, эти совсѣмъ еще неразвитые въ то время кулцы, эти бѣдные солдаты!... Положимъ, они отстаивали свою землю, свое отечество, и за это наградъ не требуется; но весь міръ рукопаескалъ, однакожь ихъ усиліямъ; подвиги подобные тѣмъ что ознаменовали 1812 годъ не совсѣмъ обыкновенны: они заставляютъ предполагать въ людяхъ ихъ совершившихъ такія солидныя качества которыхъ, кажется, можно

и слѣдовало бы предоставить широкое развитіе... Такъ казалось бы; но всѣмъ очень хорошо извѣстно что не только Русскій народъ во всемъ своемъ составѣ, но и ни одно изъ его сословіи не получило въ это время никакихъ новыхъ правъ, и что напротивъ правительство тотчасъ же по окончаніи войны принялось исправлять народъ, водворять въ немъ „благія начала“, какъ будто прежде ихъ не усматривалось во-все; мы видѣли что въ высочайшемъ манифестѣ, въ которомъ выражалось торжественное признаніе доблестей вѣрнаго народа, проскользнула мысль объ „обоюдной пользѣ“ происходящей какъ для помѣщиковъ, такъ будто бы и для крестьянъ отъ продолженія крѣпостнаго права. Государь выбросилъ это заявленіе „противное его совѣсти“; но отношенія между помѣщиками и крестьянами остались тѣ же что и были. Въ концѣ 1812 года, а именно 25го ноября, когда отечественная земля еще не вполне была очищена отъ непріятельскихъ полчищъ, но когда въ народномъ ополченіи не было уже болѣе надобности, обнародованъ былъ рескриптъ въ которомъ ополчившіеся крестьяне приглашались сдать властямъ для окончательнаго истребленія „лютаго врага“ оружіе добытое ими изъ рукъ убитыхъ ими непріятелей. Это приглашеніе мотивировалось тѣмъ что находящееся въ рукахъ крестьянъ и ненужное имъ болѣе оружіе можетъ еще понадобится войску „для нанесенія врагу послѣднихъ ударовъ“. Но неужели въ самомъ дѣлѣ фузеи и пистолы лобывавшіе въ рукахъ у мужиковъ могли быть годны для употребленія въ регулярномъ бою! Не справедливѣе ли будетъ предположить что слово вырвавшееся въ 1812 году изъ одушевленной патріотизмомъ груди *Θ. Н. Глинки*,—*народъ проситъ воли чтобы не потерять волюности*,—стало представляться теперь грознымъ и опаснымъ призракомъ и что подъемъ народнаго духа, сдѣлавшій свое дѣло, потребовалось упразднить?

Мы не станемъ перечислять правительственныхъ мѣръ принятыхъ послѣ 1815 года, но, пользуясь обнародованными бумагами Шшкова, введемъ читателя въ лабораторію гдѣ выдѣлывалось то направленіе которое начинало все болѣе и болѣе приобрѣтать силу. Въ 1815 году, два вѣдомства обнаружили притязаніе на отправление обязанности которую лѣтъ 30—35 спустя тоже два вѣдомства настоятельно отклоняли отъ себя,—обязанности орудовать цензурой книгъ и журналовъ. Генералъ Вязмитиновъ, бывшій тогда министромъ полиціи, представлялъ что это право должно принадлежать

ему, а графъ Разумовскій, находившійся во главѣ народнаго просвѣщенія, не хотѣлъ уступить ему этого особаго средства содѣйствовать просвѣщенію Россіи. Вопросъ разсматривался въ государственномъ совѣтѣ, и Шишковъ, сдѣлавшій членомъ совѣта, имѣлъ при этомъ случаѣ возможность высказать нѣскольکو мыслей, которыя мы должны отнѣсать. Въ поданной имъ запискѣ, онъ указывалъ на книгопечатаніе какъ на орудіе коимъ одинаково могутъ пользоваться какъ добрыя и дурныя инстинкты, полезныя и вредныя стремленія. При этомъ, принимая общество за нѣчто безсознательное, и присвоивая одному правительству вѣрное пониманіе вреднаго и полезнаго, Шишковъ заключалъ о необходимости правительственной цензуры: „Въ сей борьбѣ добра со зломъ (а многіе всегда готовы признать болѣе силы за принципомъ зла), перевѣсъ въ пользу того или другаго,—замѣчалъ этотъ государственный человѣкъ,—долженствовало быть наблюдаемо цензурою или оцѣнкою книгъ, дабы добрыя изъ нихъ, для просвѣщенія и пользы выпускаемы, а худыя, для отвращенія могущаго отъ нихъ произойти вреда, останавливаемы были.“ Промедлившій вѣкъ, писалъ Шишковъ, испровергъ всѣ добрыя начала, водворилъ господство зла единственно вслѣдствіе нерадѣнія правительства о томъ что писалось и печаталось... Но что разумѣлъ Шишковъ подъ словомъ правительство? Въ числѣ французскихъ министровъ XVIII вѣка было много недовольныхъ направленіемъ тогдашней литературы, но было много и такихъ которые ему сочувствовали: которые же изъ нихъ должны считаться „правительствомъ?“ Въ Россіи начертаны были постановленія о цензурѣ какъ только появились въ ней первые литературные ростки, и цензура постоянно оставалась въ рукахъ правительства; однако Шишковъ былъ положительно недоволенъ ею. Графъ Разумовскій не умѣлъ направить ее? Но былъ ли бы лучше Вязмитиновъ, и *лучше* по чьему именно понятію? По понятію государя? Но государь, смѣнивъ Разумовскаго, назначилъ на его мѣсто князя Голицына, которому въ продолженіе почти десяти лѣтъ оказывалъ величайшее довѣріе, а между тѣмъ Шишковъ считалъ этого сановника первымъ врагомъ отечества и, съ помощію своихъ друзей, убѣдилъ самого государя отречься отъ тѣхъ воззрѣній которыя онъ самъ вѣкогда провозглашалъ съ высоты престола. Какія же мнѣнія надлежитъ признать наилучшими дабы имъ

однимъ только давать ходъ въ печати? Не мнѣнія ли самого Шишкова? Онъ и дѣйствительно призванъ былъ въ 1824 году чтобъ утвердить свои мнѣнія въ умахъ всѣхъ русскихъ людей; но прошло нѣсколько лѣтъ, и онъ былъ также смѣщенъ какъ Голицынъ и Разумовскій, а начертанный имъ цензурный уставъ замѣненъ новымъ... Гдѣ же благонадежный толкователь и проводникъ всесовершеннѣйшаго добра въ темную людскую массу?... А если правительственные лица и даже правительство въ своей совокупности могутъ ошибаться, то какая же надобность подводить его подъ отвѣтственность предъ исторіей,—подъ отвѣтственность страшную, какъ утверждаетъ самъ Шишковъ, говоря о своемъ предвѣстникѣ, котораго онъ называетъ орудіемъ иллюминатовъ, развратителей Россіи, врагомъ церкви и престола? Не лучше ли предоставить самому обществу блюсти свои нравственныя сокровища? У него есть Евангеліе, у него есть церковь; въ каждомъ изъ его членовъ есть искра Божества...

Но возвратимся къ дѣятельности Шишкова въ средѣ государственнаго совѣта. Весною 1820 года, на разрѣшеніе этого высокаго собранія разомъ поступило пять дѣлъ касавшихся злоупотребленія помѣщичьей власти, а именно: 1) о помѣщикѣ Дуландинѣ, продавшемъ и раздарившемъ изъ принадлежавшихъ ему крестьянскихъ семействъ, подъ видомъ дворовыхъ, трехъ вдовъ и 18 дѣвокъ, 2) о помѣщикѣ Раздеришинѣ, который скупалъ малолѣтнихъ дѣвокъ и держалъ ихъ у себя „для непотребства“, 3) о помѣщицѣ Полонской, которая продала двороваго человѣка съ женой и дочерью, оставивъ при себѣ другую ихъ дочь, 4) объ одномъ присутственномъ мѣстѣ которое, за долгъ на помѣщикѣ Дьяковѣ, опредѣлено продать съ публичныхъ торговъ двухъ его крѣпостныхъ безземельныхъ людей, 5) о помѣщицѣ Курѣевой, продавшей враздробъ 26 человѣкъ изъ принадлежавшей ей вотчины которую обѣщала обратить въ вольные хлѣбопашцы, но не исполнила своего обѣщанія потому что крестьяне не внесли въ срокъ всей условленной суммы (по 700 р. за душу). Всѣ эти дѣла были препровождены для соображенія съ существующими постановленіями въ комиссію составленія законовъ, которая, находя вышеприведенные случаи противными духу нашего законодательства „и унижительными для самого человѣчества“, представила проектъ закона воспреещающаго продажу крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли, а дворовыхъ людей—по одиночкѣ, то-есть раздробляя семейства; что же касается до по-

ложительныхъ законовъ, то она не нашла въ нихъ достаточно точнаго и неоспоримаго воспрещенія продажи людей враздробь и безъ земли. Съ своей стороны, департаментъ законовъ государственнаго совѣта, въ которомъ засѣдалъ Шашковъ, нашелъ косвенныя подтвержденія какъ бы узаконяющія такую продажу, и относительно проекта комиссіи опредѣлялъ что онъ не можетъ одобрить его, ибо находилъ его „основаннымъ на умствованіяхъ не токмо съ существующими законами не сообразныхъ, но и несправедливыхъ, отъ коихъ для благосостоянія народнаго несравненно болѣе вреда нежели пользы произойти можетъ.“ Эта основная мысль была развита въ пространномъ объясненіи, аргументація коего не лишена силы, но, по счастью, лишена для насъ живаго интереса. Намъ интересно узнать только что мнѣніе изъ котораго извлечена приведенная выписка, сочинено Шашковымъ,—а почему онъ такъ энергически вступался въ это дѣло, которому, кажется, не должно бы сочувствовать его правдивое сердце, это мы узнаемъ изъ письма которое онъ написалъ государю (но по особымъ причинамъ не послалъ). „Всемиловѣйшій государь, писалъ Шашковъ: я старъ одержимъ болѣзнями, недолгій въ здѣшней свѣтѣ гость; умѣніе у меня малое; отъ рожденія моего я не продавалъ и не покупалъ ничего: итакъ, никакіе виды или страсти не могутъ меня побуждать къ защищенію одной стороны больше чѣмъ другой. Я говорилъ какъ думаю, какъ мнѣ кажется, горя единственно усердіемъ къ пользѣ и общему благу.“ И точно, нельзя сомнѣваться въ безкорыстіи Шашкова, какъ въ настоящемъ случаѣ такъ и во всѣхъ другихъ; но нельзя не замѣтить что здѣсь, какъ и во многихъ иныхъ случаяхъ, онъ умѣлъ забывать аргументы которые шли въ разрѣзъ съ его любимыми идеями. Ему извѣстенъ былъ личный взглядъ государя на дѣла подобныя тѣмъ кои подлежали разсмотрѣнію совѣта, а государь есть источникъ законодательства. Не могъ не знать Шашковъ, какъ современникъ Павла I, что при немъ было повелѣно брать подъ караулъ тѣхъ кто продастъ своихъ или наемныхъ людей въ рекруты. Какъ поклонникъ Екатерины, онъ долженъ былъ помнить что и она не дозволяла продавать людей „какъ скотину“, выраженіе которое еще Петръ I употребилъ въ одномъ изъ своихъ указовъ... Но все это противилось личнымъ возрѣніямъ Шашкова. „Благоденствіе народа состоитъ въ обузданности и повиновеніи,“ сказалъ онъ въ вышеломяну-

томъ мнѣніи своемъ. Тишина которая царствуетъ въ Россіи, продолжаетъ Шишковъ, не доказываетъ ли что Россія благоденствуетъ? „На чтожь перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны? Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ гдѣ сіи волненія, сіи возбужденія, сія дерзость мыслей...“ Шишковъ не называлъ Франціи, но очевидно что грозный призракъ ея стоялъ предъ нимъ когда онъ писалъ эти строки. Вездѣ мерещилась ему эта „суетствующая“ страна, и—о ужась!— на каждомъ шагѣ вокругъ себя онъ встрѣчалъ людей проникнутыхъ ея ученіями! Онъ встрѣчалъ ихъ въ кругу высшихъ правительственныхъ учреждений, даже, какъ сейчасъ увидимъ, въ государственномъ совѣтѣ. Мнѣніе его было единогласно принято его сочленами по департаменту законовъ, но встрѣтило сильныя возраженія въ общемъ собраніи. Вотъ какъ онъ самъ разказываетъ о засѣданіи въ которомъ слушано было составленное имъ мнѣніе:

„По выслушаніи онаго въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, примѣтно было что оно произвело весьма различныя впечатлѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ (членовъ) молчали, другіе съ насмѣшкою улыбались, третьи сидѣли надувшись, иныя, при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ, говорили сосѣдямъ своимъ кто по-русски: *это пустое краснорѣчіе!* Кто по-французски: *ce sont des phrases!* Но многіе, однакожь (по несчастію меньше значащіе), съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали у меня руку, или шептали мнѣ на ухо похвалу. Между тѣмъ не послѣдовало никакого рѣшенія; сказали чтобъ оставить сіе до будущаго засѣданія. Когда же настало оное, то начали тѣмъ что прочитали толстую тетрадь содержащую въ себѣ возраженіе противъ представленнаго департаментомъ мнѣнія. По прочтеніи сей бумаги, многіе очевидными знаками и словами одобряли оное. Тогда, не могли болѣе удерживать моея досады, спросилъ я у председателя своего (по департаменту законовъ), В. С. Ланскаго, дозволить ли онъ мнѣ вступить за департаментъ (ибо по старшинству надлежало бы ему говорить)? И когда отвѣчалъ онъ мнѣ: „говори, мы вѣрно будемъ съ тобою согласны.“ Тогда подошелъ я къ председателю совѣта князю Лопухину и сказалъ громко: „Ваша свѣтлость! Коммиссія законовъ представляетъ въ департаментъ сей проектъ; департаментъ, по разсмотрѣніи онаго, находитъ его неосновательнымъ, несообразнымъ съ государственными пользами, наложеннымъ мечтательными и ложными умствованіями, разрушающими всѣ наши коренныя законы и постановленія. По всѣмъ симъ причинамъ, ясно доказаннымъ и обнаруженнымъ, департаментъ отвергаетъ его и представляетъ сужденія свои на благоусмо-

„рѣшнѣ государственнаго совѣта, но прежде чѣмъ совѣтъ изъ-
 явитъ на то свое мнѣнїе, появляется бумага, неизвѣстно
 откуда внесенная, неизвѣстно кѣмъ писанная, оспорочива-
 ющая безъ всякихъ доказательствъ судъ департамента. Сїя
 бумага неизвѣстно по какому поводу и причинамъ читает-
 ся въ общемъ собранїи государственнаго совѣта. Департа-
 ментъ законовъ могъ бы обличить разсѣянные въ ней не-
 справедливые толки и непристойныя укоризны, но онъ почи-
 таетъ для себя предосудительнымъ и неприличнымъ войти въ
 состязанїе съ неизвѣстнымъ лицомъ, не имѣющимъ никакого
 права изречь мнѣнїе свое на мнѣнїе департамента: почему
 я отъ лица онаго прошу вашу свѣтлость объявить намъ
 кѣмъ бумага сїя писана и отъ кого внесена въ государствен-
 ный совѣтъ?“ „Князь Лолухинъ, не могши сего торжественнаго
 вопроса моего оставить безъ отвѣта, сказалъ что эта бумага
 писана имъ самимъ и отъ него внесена въ совѣтъ. Удивясь
 (какъ въ всякій долженъ удивиться) такому, въ семидесяти-
 лѣтнемъ старикѣ, изъ угожденїя оказываемому покровитель-
 ству толь вреднаго и безразсуднаго новомыслія, не имѣ, но
 молодыми и неосновательными людьми написаннаго, отвѣ-
 чалъ я съ довольнымъ хладнокровїемъ: „Ежели такъ, то же-
 лалъ бы я имѣть сїю бумагу, дабы какъ на частное мнѣнїе
 члена изъяснить мое частное же мнѣнїе, и готовъ просить о-
 томъ чтобы возраженїя наши другъ противъ друга были на-
 печатаны и отданы на судъ цѣлаго свѣта.“ „Между тѣмъ под-
 нались различныя толки, какъ обыкновенно бываетъ въ боль-
 шихъ собранїяхъ, гдѣ всякій говоритъ свое, не выслушивая
 другаго, и гдѣ въ смѣси разныхъ мыслей теряется нить раз-
 сужденїй. По долгомъ шумѣ и пренїи, министръ внутреннихъ
 дѣлъ, графъ Кочубей, второе по предсѣдательствующемъ
 лицу, просилъ чтобъ его выслушали, и началъ рѣчь свою тѣмъ
 что вышѣшнее наше правительство отъ самого своего начала
 всегда изъясняло и поддерживало *либеральныя идеи*, во всей
 Европѣ принятыя, что образъ прежнихъ мыслей во многомъ
 измѣнился, и что въ нашемъ вѣкѣ нельзя держаться правилъ
 стараго времени, сдѣлавшихся смѣшными и пр. Наконецъ
 заключилъ тѣмъ что онъ подастъ свое мнѣнїе. Выслушавъ
 его, сказалъ я: „Очень хорошо; въ толь важномъ дѣлѣ не худо
 знать доказательства той и другой стороны; тогда я за честь
 себѣ поставлю или съ мнѣнїемъ вашего сіятельства согласить-
 ся, или сказать причины моего съ вашимъ разногласїя.“

Шишковъ недоумѣвалъ какъ можетъ такой умный чело-
 вѣкъ какъ графъ Кочубей не чувствовать силы аргументовъ
 приведенныхъ во мнѣнїи департамента законовъ, и еще болѣе
 что семидесятилѣтній князь Лолухинъ угождаетъ „духу време-
 ни.“ Онъ былъ увѣренъ что „гдѣ правительство твердо и за-
 конъ святы (вѣрнѣе было сказать *неподвижны*), тамъ они
 управляютъ духомъ времени, а не духъ времени ими,“ и что

сѣдовательно коммиссія составленія законовъ, съ барономъ Розенкампомъ во главѣ, есть шайка злыхъ революціонеровъ...

Но обратимся къ другому, несравненно болѣе важному эпизоду въ служебной дѣятельности Шамкова, къ борьбѣ его союзниковъ по убѣжденіямъ противъ князя А. Н. Голицына,—борьбѣ, въ которой онъ не игралъ первенствующей роли, но результатами которой ему пришлось воспользоваться.

III.

Никто не сомнѣвается въ Россіи, да и за предѣлами нашего отечества начинаютъ убѣждаться, что православная церковь сохранила въ чистотѣ христіанское ученіе и что она наиболѣе вѣрна преданіямъ времени апостольскихъ; но съ другой стороны люди православіе которыхъ невозможно заподозрить не разъ публично сѣтовали на отсутствіе въ ней „духа жива,“ на преобладаніе обрядности, на отчужденность у насъ религіозныхъ интересовъ и на слабое вліяніе религіи на общественную нравственность. Ревниво охраняя чистоту церковнаго ученія, наша духовная іерархія строго пресѣдовала всякое отклоненіе отъ указанныхъ путей, но, какъ извѣстно, не успѣла предупредить тѣмъ ни многочисленныхъ, хотя и тайныхъ, отпаденій отъ православія, ни равнодушія въ дѣлѣ религіи. Эти печальныя явленія не ускользали отъ вниманія нашей духовной іерархіи, но въ средѣ своей она не находила достаточныхъ силъ чтобъ успѣшно бороться съ ними, а съ другой стороны, опасалась допустить на арену людей хотя и религіозныхъ, но защищающихъ интересы религіи не тѣмъ оружіемъ которое освящено церковными преданіями, и горько сѣтовала на свѣтскую власть за то что послѣдняя не охраняетъ дѣла вѣры мѣрами строгости. Паденіе религіознаго чувства замѣчалось въ описываемое время и въ другихъ странахъ; но тамъ на защиту религіи выступили сами общественныя силы, и рядомъ съ духовными боролись доктора не имѣвшіе священнаго сана, и вообще люди свѣтскіе, но проникнутые религіознымъ чувствомъ; въ отпоръ невѣрію и индифферентизму писались ученые трактаты, статьи, стихи и даже романы религіознаго содержанія, наконецъ учреждались общества съ цѣлію утвержденія и распространенія христіанской нравственности и религіознаго ученія. Развитіе общественныхъ силъ на пользу религіи обнаружилось всего сильнѣе, разумѣется, въ Англіи, гдѣ этимъ силамъ издавна данъ былъ полный просторъ. Тамъ образовались между прочимъ такіа общества ко-

торыя стремились утвердить евангельское ученіе посредствомъ размноженія и удешевленія книгъ священнаго содержанія, и одно изъ такихъ обществъ „Британское и иностранное библейское“ обратило, въ началѣ царствованія Александра, свою дѣятельность на Финляндію и Прибалтійскій край, а въ 1811 году, прислало своего агента въ Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ сношенія съ оберъ-прокуроромъ синода, княземъ А. Н. Голицынымъ, человекомъ весьма близкимъ къ государю. И государь, и князь Голицынъ были люди весьма религіозные и вполнѣ способные понять какимъ возвышеннымъ потребностямъ удовлетворить можетъ облегченіе способовъ для небогатыхъ людей приобрѣтать книги священнаго содержанія. Поэтому князь Голицынъ съ жаромъ началъ содѣйствовать учрежденію въ Россіи Библейскаго Общества подобнаго англійскому и безъ труда исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе на открытіе оного. Высшее общество, свѣтскіе и даже духовные сановники вписались въ члены Русскаго Библейскаго Общества и приступили къ исполненію составленной для него программы съ ревностью и настойчивостью какія весьма у насъ рѣдки. Открытіе его происходило въ Петербургѣ въ началѣ 1813 года. Въ теченіе перваго года оно собрало въ Россіи и за границей слишкомъ 160 тысячъ рублей, на которые были выписаны изъ чужихъ странъ и предприняты въ Россіи изданія книгъ Ветхаго и Новаго Завета, на нарѣчійхъ употребляемыхъ русскими инославцами; собственно для православныхъ, оно предприняло изданіе Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ. Затѣмъ рѣшено было приступить къ изданію этихъ книгъ по-русски, такъ какъ, разумѣется, онѣ наши бы болѣе читателей. Надъ переводомъ ихъ начали трудиться всѣ наши духовныя академіи, подъ руководствомъ самыхъ просвѣщенныхъ лицъ изъ среды православнаго духовенства, между коими достаточно назвать покойнаго митрополита московскаго (тогда еще архимандрита) Филарета. Съ 1816 года обильною струей потекли въ массу русскаго народа книги возвышающія нравственность, утверждающія религію, развивающія понятія, и струя эта усиливалась съ каждымъ годомъ. Наши соотечественники всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣроисповѣданій получили возможность приобрѣтать за самую ничтожную плату чтеніе которое человѣчество считаетъ спасительнымъ. Библія и Евангеліе проникли даже къ магометанамъ и язычникамъ. Вообще, въ продолже-

ніе десятилѣтняго существованія Русскаго Библейскаго Общества, имъ было распродано и роздано безплатно до 700 тысячъ экземпляровъ, а дань христіанской благотворительности, собранная имъ какъ въ Россіи такъ и за границей, простиралась почти до $3\frac{1}{2}$ милліоновъ. Замѣтимъ что въ этой суммѣ немаловажною долей вошли пожертвованія Британскаго Библейскаго Общества: оно переслало Россійскому Обществу въ десятилѣтній періодъ его существованія свыше 350.000 рублей. Замѣтимъ также что въ числѣ членовъ нашего Общества были русскіе и иностранцы, духовные и свѣтскіе люди, православные, католики и протестанты. Такимъ образомъ, въ Россіи приготовлялась почва на которой, между разнообразными элементами ея населенія, могло бы исподоволь совершаться общеніе, и общеніе именно въ томъ кругѣ понятій въ которомъ оно болѣе всего и желательно, и возможно, который господствуетъ и долженъ господствовать надъ вопросами племенными, національными, государственными.... Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и въ Россіи была бы признана во всемъ своемъ величій религиозная свобода совѣсти—основаніе всякой свободы и двигатель истинной цивилизаціи. Существованіе Библейскаго Общества въ Россіи было кратковременно и безъ сомнѣнія имѣло нѣкоторыя странныя особенности указываемыя его историкомъ, г. Пылинымъ; но оно носило въ зародышѣ такія начала которыя со временемъ могли бы усилить нравственное величіе Россіи, подобно тому какъ побѣды возвысили ея политическое могущество: оно расположено было, казалось, измѣнить отношенія православнаго духовенства къ расколу и усилить наше нравственное вліяніе на заграничныхъ нашихъ единовѣрцевъ: Греки требовали Евангелія изданнаго въ Россіи; Сербы начинали переводить священныя книги на свой языкъ по указанію Русскаго Общества....

Едва ли какое-либо общество развивалось у насъ такъ быстро и широко какъ Библейское, не только въ тѣ времена о которыхъ здѣсь говорится, но и въ гораздо ближайшія, когда общественныя потребности стали живѣе сознаваться и когда онѣ встрѣчаютъ менѣе затрудненій къ своему удовлетворенію. Не слѣдуетъ ли заключить изъ того что въ нашемъ обществѣ, когда оно послѣ Наполеоновскихъ войнъ пришло такъ сказать въ себя, совершилась необыкновенно сильная реакція противъ поверхностнаго матеріализма XVIII вѣка и религиозна-

наго индифферентизма коимъ ознаменованы первые годы новаго столѣтїя? Несомнѣнно что и у насъ, также какъ въ западной Европѣ, явилась потребность вѣровать и стремиться къ чему-то надземному; несомнѣнно что Библейское Общество отвѣчало живой, пробудившейся у насъ потребности, но несомнѣнно и то что главною причиною успѣховъ этого общества было покровительство со стороны государя. Благодаря этому покровительству, оно съ перваго же шага заняло, можно сказать, правительственное положеніе. Президентомъ его былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ государю людей, сановникъ, который управлялъ почтовымъ и цензурнымъ вѣдомствами и министерствами духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенїя. Естественно что на приглашеніе такого лица итти въ Общество, никто не отвѣчалъ отказомъ, и что первое же засѣданіе этого Общества было, по отзывамъ современниковъ, собраніемъ представителей нашей знати и высшей администраціи, свѣтской и духовной. Изъ недавно обнаруженныхъ писемъ стараго мартиниста, Лопухина, видно что къ посредству Библейскаго Общества обращались въ тяжбныхъ дѣлахъ какъ къ какому-либо высшему правительственному учрежденію. * Для людей не сановныхъ, но честолюбивыхъ, сдѣлаться членомъ Библейскаго Общества значило прїобрѣсти могущественнаго покровителя; губернаторы, корпусные, дивизіонные, полковые командиры слѣдили заручиться покровительствомъ этого могучаго патрона; они употребляли всѣ записки отъ нихъ мѣры (едва ли всегда строго-легальныя) чтобы прїобрѣтать новыхъ членовъ для Общества, распространять его изданїя и вызывать пожертвованїя въ его пользу. Что касается до вѣдомствъ непосредственно подчиненныхъ князю Голицыну, то самыя видныя мѣста въ нихъ принадлежали членамъ Библейскаго Общества и людямъ раздѣлявшимъ или принимавшимъ тѣ убѣжденїя которыя это Общество провозглашало: всѣ полечители учебныхъ округовъ и всѣ вліятельные люди въ министерствѣ просвѣщенїя и по цензурному управленію были болѣе или менѣ ревностные пѣтисты. Здѣсь, можетъ-быть, слѣдовало бы сдѣлать характеристику

* По поводу духовнаго завѣщанїя якого Давидова, Лопухинъ писалъ: „О немъ было дѣло у насъ въ 8-мъ департаментѣ (сенатѣ) по спору отъ насѣдниковъ. Я только было собирался къ вамъ адресоваться по Библейскому Обществу чтобы вступить въ помощь и содѣйствїемъ его въ это завѣщанїе...“ (Р. Арх. 1870, стр. 1235.)

тѣхъ возрѣній которымъ покровительствовало Библейское Общество; это не представило бы большого труда, такъ какъ въ послѣднее время обнаружено множество данныхъ для такой характеристики. Но съ образомъ дѣйствія въ-которыхъ изъ наиболѣе видныхъ свѣтскихъ его членовъ, напримѣръ Магницкаго, полечителя Казанскаго учебнаго округа, и Рунича, полечителя С.-Петербургскаго округа, читатели *Русскаго Вѣстника* уже знакомы изъ статей гг. Θεоклистова и Полова.* Въ одно время съ ихъ подвигами на педагогическомъ поприщѣ упражнялся въ области цензуры приснопамятный Красовскій, для характеристики коего мы приведемъ изъ печатаемаго нынѣ выпуска *Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности* двѣ оригинальныя черты. Одна изъ прекраснѣйшихъ балладъ Жуковскаго (заимствованная изъ Валтеръ-Скотта), *Смолягольмскій Замокъ*, едва не подверглась запрещенію, потому что Красовскій усмотрѣлъ въ ней кощунство и намѣреніе поколебать правословіе. Далѣе, въ концѣ 1822 или въ началѣ 1823 года, забытый нынѣ поэтъ Олинъ представилъ въ цензуру *Стансы*, которые еще болѣе возмутили духъ строгаго блюстителя общественной нравственности; онъ сдѣлалъ свои примѣчанія къ нѣкоторымъ стихамъ этихъ *Стансовъ*. Мы воспроизводимъ здѣсь эти примѣчанія въ томъ видѣ какъ они приведены въ *Бесѣдѣ*:

1. „Улыбку устъ твоихъ небскую ловить“....

Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна того чтобы улыбку ее называть небскою.

2. „И молча на тебѣ свои покоить взоры“....

Тутъ есть какая-то двусмысленность.

3. „И поняла чего душа моя искала“....

Надобно объяснить чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о душѣ.

4. „Что въ мнѣнью мнѣ людей? Одинъ т.-ой нѣжный взглядъ
Дороже для меня вниманья всей вселенной.“

Сильно сказано; къ тому же во вселенной есть и цари, и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно.

5. „О какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный близъ тебя къ блаженству приучаться.“

Такихъ мыслей никогда разсѣвать не должно; это значитъ что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того толь-

* См. 1859 и 1864 года этого журнала.

ко чтобы быть всегда со своею любовницею; сверхъ сего, къ блаженству можно только приучаться близъ Евангелія, а не близъ женщины.

6. „О какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать!“

Что жь останется Богу?

7. „У ногъ твоихъ порой для гнѣсней лиру строить“

Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины.

8. „И на груди моей главу твою покоить.“

Стихъ чрезвычайно сладострастный!

9. „Тебѣ лишь посвящать, разлуки не страшась,

Дыханье каждое и каждое мгновенье,

И сердцемъ близъ тебя, другъ милый, обноваясь...“

Всѣ эти мысли противны духу христіанства, ибо въ Евангеліи сказано: *Кто любитъ отца своего или мать паче Мене, тотъ несть Мене достоинъ.*

Понятно что если Библейское Общество давало подобное направленіе своимъ дѣятелямъ, то ему не могли сочувствовать люди просвѣщенные хотя, и религіозные, либеральныя хотя и далекіе отъ якобинства. Карамзинъ и Уваровъ не хотѣли быть его членами; И. И. Дмитріевъ отзывался о немъ съ негодованіемъ. Образъ дѣйствій Магницкаго въ Казанскомъ округѣ внушалъ омерзѣніе; удаленіе изъ Петербургскаго университета нѣсколькихъ замѣчательныхъ профессоровъ не хотѣвшихъ поддаживаться подъ господствующее настроеніе, вызвало порицаніе со стороны значительной части тогдашняго общества и между прочимъ великаго князя Николая Павловича. Но сильнѣйшіе удары нанесены были Библейскому Обществу не съ этой стороны. И Уварова, и самого Карамзина можно было залодозрить въ якобинствѣ и „модной философіи“, припомнивъ *Письма русскаго путешественника*; на ропотъ общественнаго мнѣнія корифеи Библейскаго Общества отвѣчали: духъ тьмы силенъ; онъ двигаетъ горами; тѣмъ усерднѣе надо ратовать противъ него. Надъ этимъ ропотомъ они смѣялись. Но на нихъ воздвиглась гроза со стороны такихъ людей которымъ нельзя было бросить въ лицо обвиненія въ служеніи „духу тьмы“ и которые нашли слѣды этого духа въ дѣйствіяхъ самаго Библейскаго Общества. Самыми опасными противниками этого Общества были многіе члены высшей православ-

ной іерархіи, а изъ свѣтскихъ людей такіе которые слѣдовали, такъ-сказать, въ качествѣ воложтеровъ подъ знаменами этой іерархіи. И точно, въ нѣкоторыхъ книгахъ переведенныхъ подъ покровительствомъ Библейскаго Общества встрѣчались мнѣнія свойственныя протестантскому ученію и отвергаемыя нашею церковью и нашими обычаями, какъ напримѣръ отрицаніе иконъ и церковныхъ предавій, протестъ противъ поклонительнаго завѣдыванія со стороны духовной іерархіи дѣлами церкви и вопросами совѣсти. Свободомысліе въ дѣлѣ религіи приносило свои обыкновенныя плоды: усиливая религіозное чувство, производило и отклоненіе отъ указаннаго пути, развивало духъ анализа и сектаторства. Въ Петербургѣ образовались сборища людей для религіозныхъ бесѣдъ и упражненій, и между ними были такіе самыя нравственный характеръ которыхъ подвергается подозрѣніямъ, какъ напримѣръ извѣстныя собранія Татариной.

Нѣкто Смирновъ, переводчикъ Московской Медико-Хирургической Академіи, представилъ, говорить г. Пытинъ, въ 1816 году доносъ на высочайшее имя обличавшій неправославіе книгъ издававшихся подъ покровительствомъ Библейскаго Общества. Книги эти по большей части были переводы изъ сочиненій тогдашнихъ мистиковъ западной Европы,—Эккартстаузена и Юнга-Штиллинга, но между ними не безъ удивленія мы встрѣчаемъ извѣстное сочиненіе Шатобриана *Les Martyrs*, сдѣлавшееся тоже предметомъ непріязни нашего ревнителя религіозной чистоты. „Не попусти,“ восклицалъ Смирновъ, обращаясь къ государю, „не попусти въ богоспасаемой Россіи владычествовать завѣту беззаконниковъ! Съ вѣрою къ Богу исчезнетъ вѣрность и къ гражданскимъ уставамъ.... Появленіе богоотступныхъ и возмутительныхъ книгъ пронзаетъ горестію сердца благомыслящихъ твоихъ подданныхъ.“ Вотъ какъ смотрѣла часть русскаго духовенства, въ согласіи съ которою, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ Смирновъ, на книги распространяемыя Библейскимъ Обществомъ! Появленіе въ русскомъ переводѣ (1816) сочиненія Юнга-Штиллинга *Побѣдная пѣснь или истолкованіе Апокалипсиса* смутило даже одного изъ наиболѣе видныхъ членовъ Общества, архимандрита Инокентія, ректора Петербургской семинаріи. Тогдашній ректоръ Петербургской Духовной Академіи Филаретъ, въ послѣдствіи митрополитъ московскій, говорить его біографъ, г. Сушковъ, тоже находилъ въ ней про-

тестатское направление. На эту книгу вышеупомянутый Смирновъ написалъ возраженіе подъ заглавіемъ, заимствованнымъ изъ алокаллисического символизма: *Вопль жены облеченной въ солнце*. По представленіи его въ духовную цензуру, Инокентій, бывшій цензоромъ духовныхъ книгъ, хотѣлъ пропустить это сочиненіе, и отказался отъ своего намѣренія лишь вслѣдствіе убѣжденій Филарета, чтобы „не производить напраснаго волненія“; но вскорѣ, раздраженный нѣкоторыми статьями *Слонскаго Вѣстника*, горячо ратовавшаго въ дугѣ Библейскаго Общества, обратился съ письмомъ къ князю Голицыну, въ которомъ укорялъ его за покровительство вреднымъ книгамъ и совѣтовалъ „залѣчить раны которыми онъ самъ уязвилъ церковь“. Выходка ревностнаго инокъ осталась тогда безъ послѣдствій, но въ 1818 году, за дозволеніе напечатать книгу обличавшую неправовѣріе мистиковъ и „духъ правленія того времени“, онъ получилъ назначеніе которое, по общему мнѣнію, было равнозначаще почетной ссылкѣ. Что же касается до самой книги, носившей заглавіе *Бесѣда на гробъ младенца о безсмертіи души* и горячо принятой подъ защиту противниками князя Голицына то она была запрещена и экземпляры ея отобраны не только у книжныхъ продавцовъ, но и у частныхъ лицъ услѣвшихъ ее купить.

Мѣры вызванныя появленіемъ этой книги были представлены министромъ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія на предварительное высочайшее воззрѣніе. Книга эта, писалъ князь Голицынъ въ своемъ докладѣ, противоположаетъ наружную церковь внутренней, защищая необходимость послѣдней; но такое раздѣленіе не имѣетъ смысла, ибо „наружная безъ внутренней церкви есть тѣло безъ духа“. При томъ, замѣчалъ князь Голицынъ, самое понятіе автора (Ставевича) о *церкви* неправильно, ибо въ его книгѣ „гдѣ говорится о *церкви*, вездѣ видно что одно духовенство принимается за оную“. Эти два замѣчанія о сочиненіи сильно одобряемомъ нашею духовною іерархіей очень замѣчательны. Не упрекаютъ ли и теперь русскую церковь въ томъ что обрядность прикрываетъ въ ней недостатокъ внутренняго содержанія, а духовенство наше въ томъ что оно не составляетъ одной духовной общины съ мірянами и старается устранить всякое ихъ участіе въ церковныхъ дѣлахъ? Но потому-то что нѣкоторыя черты книгъ издаваемыхъ подъ покровитель-

ствомъ Библейскаго Общества были вѣрны и мѣткі, оно и возбуждало противъ себя вражду. Съ другой стороны, сатирическія выходки противъ ученія господствующей церкви едва ли можно признать умѣстными въ устахъ людей власти имѣющихъ, а таковыми нельзя не считать авторовъ и переводчиковъ находившихся подъ покровительствомъ Библейскаго Общества, которое было, какъ уже сказано, почти правительственнымъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ выходило что officialный характеръ этого Общества, такъ много послужившій къ его развитію, отнималъ у него силу происходящую отъ свободнаго заявленія своихъ воззрѣній. Оберъ-прокуроръ Синода очутился въ рѣшительномъ разладѣ съ значительнѣйшею и вліятельнѣйшею частію православнаго духовенства.... Опальный Иннокентій сдѣлался предметомъ сочувствія со стороны православной іерархіи, и наиболѣ смѣлые изъ ея среды не хотѣли даже скрывать этого сочувствія.

Таковъ былъ Фотій архимандритъ Юрьева монастыря, — человекъ, въ которомъ суровый аскетизмъ и пламенное религиозное вдохновеніе страннымъ образомъ совмѣщались съ хитростью и особаго рода тщеславіемъ. Постникъ и врагъ всякаго мудрствованія въ дѣлахъ вѣры, онъ, будучи еще молодымъ монахомъ и законоучителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, горячо возставалъ противъ направленія Библейскаго Общества, противопоставляя ему ученіе и преданія православной церкви. Смѣлость его филиликъ противъ мнѣній которыми смѣдовали вліятельнѣйшіе люди и которымъ завѣдомо покровительствовалъ государь, внушили къ нему высокое уваженіе графинѣ Орловой-Чесменской, одной изъ вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ жещицъ того времени. Она поселилась близъ Юрьева монастыря, сдѣлала его настоятеля своимъ руководителемъ и наставникомъ, отдала въ его распоряженіе все свое несмѣтное состояніе. Въ ней, а также въ особѣ графа Аракчеева, Грузинская вотчина котораго находилась недалеко отъ Юрьева монастыря, онъ пріобрѣлъ не только почитателей, но и покровителей, которые, какъ скоро увидимъ, доставили ему случай играть и политическую роль. Не имѣя обширной учености, какую отличаютъ нѣкоторые высшіе сановники нашей церкви, онъ обнаруживалъ однако на людей набожныхъ весьма сильное вліяніе твердостью своихъ убѣжденій и тѣмъ рѣзко поведительнымъ тономъ который невольно озадачиваетъ. Многие считаютъ Фотія

дукавымъ обманщикомъ, а срастную его набожность ханжествомъ, прикрывавшимъ исполнское властолюбіе. Такія предположенія дѣлать весьма легко, но весьма трудно подкрѣпить ихъ серіозными данными, ибо для глубокаго психологическаго изслѣдованія надъ Фотіемъ не имѣется еще въ виду достаточнаго матеріала. Скорѣе можно думать, кажется, что это былъ энтузіастъ считавшій себя призваннымъ къ великимъ духовнымъ подвигамъ. Такъ онъ предпринялъ обращеніе одного свирѣлаго раскольника и, по крайней мѣрѣ на время, побѣдилъ и обратилъ его силой слова и кротости; такъ онъ нерѣдко пробовалъ свои силы „надъ бѣсноватыми“ и, говорятъ, имѣлъ иногда успѣхъ, а иногда сильно и компрометтировалъ себя, какъ напримѣръ съ авантюристкой извѣстною подъ именемъ Фотины. * Можно допустить, конечно, что и человѣкъ не

* Однажды явилась къ Фотію молодая женщина и объявила что она одержима бѣснованіемъ. Фотій охотно принялся за этого субъекта и съ удовольствіемъ замѣтилъ что послѣ нѣкоторыхъ съ его стороны заклинаній „духъ“ завопилъ страшнымъ голосомъ „выйду, выйду!“ Пациентка упала безъ чувствъ, и очнулась исцѣленною. Фотій заинтересовался ею, вопреки предостереженіямъ графини Орловой, которая тотчасъ угадала въ мнимой бѣсноватой авантюристку; она убѣждала его не компрометтировать своей репутаціи сношеніями съ этою подозрительною особой; но Фотій не послушалъ ея; Фотина была помещена вблизи монастыря, и до того предалась набожности что ей являлись видѣнія,—такъ по крайней мѣрѣ говорила она сама. Фотій посылалъ присматривать за ней своего довѣреннаго келейника (оказавшагося однако обманщикомъ), и тотъ увѣрялъ его что въ комнатахъ Фотины видѣнъ какой-то необыкновенный свѣтъ и что стоа на молитвѣ, она какъ бы отдѣляется отъ земли. Фотій убѣдился что онъ совершилъ чудо и что исцѣленная имъ женщина есть „сосудъ Божій“. Въ числѣ различныхъ бывшихъ ей откровеній она увѣрила его что необходимо созывать въ монастырь на вечернія молитвы живущихъ вблизи дѣвицъ, одѣвъ ихъ въ особые хитоны,—и Фотій кликнулъ ключъ къ окрестнымъ крестьянкамъ, далъ имъ хитоны, и когда случалось что на дворѣ было некастье, позволялъ имъ оставаться въ монастырскихъ стѣнахъ до утра. Такое не позволенное нарушеніе монастырскихъ уставовъ надѣдало, какъ и предвидѣла графиня Орлова, большихъ неприяностей Фотію, который и самъ убѣдился въ послѣдствіи что Фотина его обманывала, узнавъ что она вышла за мужъ за какого-то кучера. Вышеупомянутый случай съ раскольникомъ заключался въ слѣдующемъ. Въ началѣ двад-

сильно проникнутый вѣрой въ чудесное прибѣгаетъ къ поддѣлкамъ лодъ оное съ тѣмъ чтобы поддѣлывать на воображеніе массы; но такой человѣкъ долженъ быть въ подобныхъ случаяхъ осторожнѣе чѣмъ былъ Фотій. Впрочемъ отнюдь нельзя отрицать ни хитрости, ни коварства въ сношеніяхъ Фотія съ людьми, и особенно вліятельными. Таково было его поведеніе въ отношеніи князя Голлицына. Въ 1819 году, онъ, какъ сказано, выражалъ участіе опальному Иннокентію и сурово отзывался о направленіи Библейскаго Общества, но три

цѣлѣхъ годовъ привезенъ былъ въ Петербургъ домской казакъ Котельниковъ, издавшій какую-то протестантскаго духа книгу, — фанатикъ-сектаторъ. О немъ заговорили въ Петербургѣ, и потому графъ Аракчеевъ велѣлъ привести его изъ острога къ себѣ въ домъ, гдѣ находились митрополитъ Серафимъ и Фотій. Они вступили въ бесѣду съ одиознымъ казакомъ, старался обратить его, но тотъ отвѣчалъ имъ ругательствами и говорилъ что радъ принять всякія муки за правду, вслѣдствіе чего его хотѣли было запереть навсегда въ крѣпость; Фотій выпросилъ однако чтобы предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. Послѣ нѣкоторыхъ противорѣчій, согласился на его представленіе. Онъ заперся съ нимъ въ келіи. Первый разговоръ ихъ, пишетъ Шашковъ, былъ такой, что есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы, въ грязной, шивой рубашкѣ, началъ на краткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій напротивъ снималъ съ него вши, и при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: „вотъ ты, сердисься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жалъ: изъ одного этого уже видно что моя сторона правѣ твоей. Я не прошу тебя чтобы ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостью не выслушивать другъ друга?“ Есаулъ нѣсколько укротился, но первое ихъ свиданіе нисколько на него не поддѣлывало. Узнавъ объ этомъ, почитатели Фотія убѣждали его чтобы онъ, оставаясь наединѣ съ такимъ отчаяннымъ изуверомъ, остерегался, ибо, по ихъ мнѣнію, Котельниковъ могъ тайно примести съ собою оружіе и убить его. „Чтожь, продолжаетъ Шашковъ, онъ на другой день сдѣлалъ? Велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собой есаула и говоритъ ему: „Опасаются что ты можешь меня зарѣзать; ложись лежить предъ тобой, но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, и Богъ тебя не допуститъ поднять руку на того кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль убить меня?“ Есаулъ, мужичище дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худоощаваго своего собесѣдника и твердымъ голосомъ ему отвѣчалъ: „Нѣтъ, не убью.“ „Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры“, сказалъ Фотій.“

года спустя сблизился съ президентомъ этого Общества и велъ съ нимъ дѣятельную переписку. „Мы съ нимъ часто переписываемся, и назиданіе большое отъ него получаю“, писалъ князь почтительниці Фотія графини Орловой. Что именно писалъ къ нему Фотій—неизвѣстно, потому что письма послѣдняго еще не получили гласности; но изъ предаваемыхъ гласности писемъ князя Голицына видно что строгій духовникъ графини Орловой дозволилъ ему называть ее „сестрою о Христвѣ“. Эти письма, относящіяся къ 1822 и 1823 годамъ, проникнуты глубочайшимъ благоговѣніемъ къ юрьевскому архимандриту: „Отче прелодобне Фотій, читаемъ мы въ одномъ изъ помянутыхъ писемъ, большое писаніе твое о мнѣ Божіемъ я прочелъ: сіе писаніе есть чрезвычайное, исполненное духа и помазанія Господня“... „Надѣюсь что молитвами вашими о мнѣ грѣшномъ и моимъ желаніемъ пламеннымъ полюбить Бога въ Иисусѣ Христвѣ, Онъ когда-нибудь,—и въ то время когда будетъ Его святая воля,—пошлетъ и мнѣ оной (любви), хотя не въ такой полнотѣ, но хоть каллю, которую я просить Его же буду чтобы послалъ мнѣ способъ сохранить ее; а сія калля можетъ притянуть другую, отецъ же Фотій, *по любви своей ко мнѣ*, попроситъ и восполнитъ недостатокъ мой своимъ преизбыткомъ“.... Такъ не лишутъ честные люди, какимъ былъ Голицынъ, къ тѣмъ которыхъ считаютъ своими врагами. Еще въ концѣ 1823 года, Фотій при одномъ торжественномъ богослуженіи употреблялъ крестъ полученный отъ князя,—а между тѣмъ, сдѣлавшись извѣстнымъ государю чрезъ покровителей своихъ, онъ велъ съ нимъ „о дѣлахъ вѣры и отечества“, еще лѣтомъ 1822 года, бесѣды, коими подрывалъ положеніе министра духовныхъ дѣлъ и содержаніе коихъ скрывалъ отъ послѣдняго. Нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ сдѣлались достояніемъ исторіи и будутъ даже переданы читателю, а теперь намъ надо обратиться къ другому лицу, игравшему первостепенную роль въ изъучаемыхъ нами событіяхъ. Это лицо былъ Аракчеевъ.

Исслѣдователи занимавшіеся прежде меня этими событіями говорятъ объ участіи въ нихъ Аракчеева гадательно. Причиной этого отчасти то что имъ неизвѣстны были нѣкоторые обнаруженные въ самое послѣднее время историческіе матеріалы, не оставляющіе мѣста сомнѣнію, а отчасти, кажется, и то что Аракчеевъ дѣйствовалъ съ меньшею откровенностію чѣмъ его политическіе единомышленники. Фотій, Шимковъ, Сера-

фимъ, Магницкій были открытыми бойцами въ дѣлѣ которое они почитали справедливымъ и служили ему словомъ и дѣломъ; первые двое говорятъ о своемъ участіи въ немъ, въ оставленныхъ ими автобіографическихъ запискахъ, какъ о важной съ своей стороны заслугѣ на благо церкви и отечества; Фотій молится объ успѣхѣ своихъ дѣйствій и приписывалъ вдохновенію свыше совѣты которые онъ подавалъ государю; Шишковъ, съ добросовѣстностію которая до нѣкоторой степени обезоруживаетъ судъ исторіи, сохранилъ для потомства всевозможные обвинительные акты противъ самого себя. Такой честности убѣжденій мы не находимъ въ Аракчеевѣ. Можетъ-быть, не увѣренный въ окончательномъ торжествѣ надъ Голицынымъ, онъ опасался компрометтировать себя и сберегалъ возможность примириться съ нимъ. Можетъ-быть также онъ опасался выйти изъ той роли пассивнаго, *повидимому*, исполнителя государевой воли, которой онъ съ такимъ успѣхомъ держался всю свою жизнь. Можетъ-быть, наконецъ, что для этого мрачнаго, сосредоточеннаго, властолюбиваго человѣка, дѣло въ которомъ Фотій и Шишковъ видѣли спасеніе Россіи представлялось лишь вопросомъ о низверженіи князя Голицына и о личной побѣдѣ надъ нимъ. Последнее предложеніе весьма позволительно, потому что въ многочисленныхъ разсѣянныхъ объ Аракчеевѣ извѣстіяхъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека чтобъ его осѣнила когда-нибудь истинно-государственная, возвышенная мысль, чтобъ онъ выразилъ малѣйшую заботливость о благѣ общемъ. Въ оригинальныхъ автобіографическихъ отрывкахъ, сдѣланныхъ имъ на экземплярѣ Евангелія и напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*, онъ тщательно обозначилъ дни полученія имъ наградъ и повышеній по службѣ, посвященій Грузина государемъ, и затѣмъ не нашелъ ни въ душѣ своей, ни въ совершавшихся предъ нимъ событіяхъ ничего достойнаго упоминанія. Впрочемъ невозможно не признать за нимъ многихъ второстепенныхъ качествъ: замѣчательнаго трудолюбія, тѣмъ болѣе заслуживающаго вниманія, что оно встрѣчалось рѣдко въ сановникахъ его времени, исправности, точности, безкорыстія, безпристрастія въ отношеніи подчиненныхъ. Несомнѣнно также что онъ былъ лично преданъ государю, но не какъ главѣ народа и его вѣнчанному представителю, а какъ своему „благодѣтелю“; поэтому его преданность не имѣла ничего общаго съ преданностію Петру I князя

Якова Долгорукова и не внушаетъ къ себѣ большого сочувствія. Показывая одному посѣтителю свой Грузинскій домъ, наполненный, какъ извѣстно, всякаго рода воспоминаніями объ Александрѣ, онъ остановился предъ небольшимъ ящичкомъ съ нѣсколькими особаго вида пулями и объяснилъ что сохраняетъ ихъ въ память того что государь сказалъ ему по поводу ихъ „ты глупъ“....

Такимъ образомъ даже наилучшія качества Аракчеева, совершенно лишеныя благородства и возвышенности, носятъ на себѣ печать вульгарности. Но если такъ, то какимъ образомъ объяснить себѣ необыкновенную привязанность къ нему императора, въ которомъ и самые недостатки протекали большею частію изъ возвышенныхъ источниковъ и носили печать изящества? Великими его заслугами? но Аракчеевъ занималъ весьма недолго такія должности въ которыхъ могъ приносить непосредственную пользу: въ 1803 году онъ сдѣланъ былъ инспекторомъ артиллеріи, а въ 1808 военнымъ министромъ; въ 1810 онъ оставилъ этотъ постъ чтобы занять почетное, но не особенно вліятельное, по видимому, мѣсто председателя военнаго департамента въ государственномъ совѣтѣ. Базалось бы, въ этомъ званіи Аракчееву не было повода находиться безотлучно при государѣ; но, какъ извѣстно, онъ почти не покидалъ его и принималъ самое непосредственное, хоть и негласное участіе въ дѣлахъ. При началѣ войны 1812 года, отмѣтилъ Аракчеевъ въ помянутой автобіографіи своей, „призвалъ меня государь къ себѣ и просилъ чтобы я опять вступилъ въ управленіе военныихъ дѣлъ, и съ онаго числа (17го іюня) вся французская война шла черезъ мои руки, *вся тайныя донесенія* и собственноручныя повелѣнія государя императора.“ За это негласное, но дѣятельное участіе въ событіяхъ приведшихъ русскую армію въ Парижъ, государь хотѣлъ сдѣлать Аракчеева фельдмаршаломъ, но Аракчеевъ отклонилъ эту высокую награду, предпочитая свое неофіціальное положеніе у источника дѣлъ. Учрежденіе военныхъ поселеній значительно расширило кругъ его видимой дѣятельности, но единственно вслѣдствіе исключительныхъ условій которыми эта обязанность была обставлена. Аракчеевъ имѣлъ доступъ къ государю по дѣламъ не имѣвшимъ ничего общаго съ его офіціальнымъ положеніемъ. Изъ писемъ графа Ростолчина, недавно напечатанныхъ, видно что черезъ него между прочимъ восходили къ государю доклады по управленію Москвы; Аракчеевъ нынѣ (1815)

„душа всѣхъ дѣлъ“, писалъ Ростолчинъ. Карамзинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ съ первыми томами своей исторіи, былъ принятъ государемъ лишь послѣ того какъ онъ сдѣлалъ визитъ Аракчееву; задумавъ просить отгулка, Сперанскій, находившійся губернаторомъ въ Пензѣ, счелъ нужнымъ обратиться къ его благосклонному ходатайству; Шишковъ испрашивалъ усиленія штатовъ для Россійской Академіи чрезъ Аракчеева; будучи уже министромъ просвѣщенія, онъ проситъ все его же, Аракчеева, хлопотать о разрѣшеніи издавать газету Бугарину, которымъ патріархъ славянофиловъ особенно интересовался. Вездѣ мы находимъ Аракчеева; всѣ нити управленія сходятся въ его рукѣ, онъ орудуетъ всеми дѣлами, всеми интересами. По его указанію, Канкринъ назначенъ министромъ финансовъ, Серафимъ — петербургскимъ митрополитомъ, а Шишковъ министромъ просвѣщенія. Какъ объяснить себѣ такое обширное, разнообразное вліяніе? Личнымъ довѣріемъ государя, увѣренностью въ преданности его своей особѣ? Эта причина дѣйствительно существовала, и одно обстоятельство даетъ поводъ думать что она была даже сильнѣе чѣмъ вообще полагають. Аракчеевъ, служа въ гатчинскихъ войскахъ, успѣлъ пріобрѣсть расположеніе и довѣренность императора Павла. Вступивъ на престолъ, государь вызвалъ его немедленно въ Петербургъ, „и когда я, разказывалъ въ послѣдствіи Аракчеевъ, весь въ пыли явился къ императору, онъ меня принялъ самымъ ласковымъ манеромъ, сказалъ: служи мнѣ вѣрно, и взявъ меня за руку, подвелъ къ Александру, положилъ мою руку въ его руки и сказалъ: будьте друзьями... И мы всегда были друзьями“, заключилъ Аракчеевъ, разказывая это происшествіе. Въ самомъ дѣлѣ, на впечатлительную душу Александра могло глубоко подѣйствовать это завѣщаніе отца, воспоминаніе о которомъ всегда отзывалось въ ней съ болѣзненной силой. Аракчеевъ же съ своей стороны, безъ сомнѣнія, не упустилъ отъ времени до времени освѣжать это воспоминаніе, ударяя притомъ на произвольную отлучку свою изъ Петербурга во время послѣднихъ дней жизни Павла Петровича... Это обстоятельство можетъ показаться не очень значительнымъ въ глазахъ людей живущихъ исключительно умомъ, но Александръ I жилъ и сердцемъ. Еслибъ Аракчеевъ находился въ Петербургѣ около 12го марта 1801 года, многое могло бы не случиться, думалъ можетъ-быть Але-

ксандръ, и находилъ въ этомъ соображеніи причины держать его при себѣ безотлучно.

Увѣренность государя въ преданности Аракчеева своей особѣ, какъ его благодѣтелю и сыну его благодѣтеля, — вотъ въ чемъ заключалось, кажется, основаніе могущества и вліянія на самого государя этого человѣка. Быть призваннымъ охранять императора Александра, — вотъ, повидимому, чего онъ добивался и на что промѣнялъ онъ портфель военнаго министра. Къ этому довѣренному посту онъ пробился впрочемъ не вдругъ. При образованіи министерства полиціи, заведываніе онымъ возложено было на Балашова, а послѣ него этимъ министерствомъ управлялъ Вязьмитиновъ, до 15го октября 1819 года, то-есть до минуты своей смерти. 4го ноября послѣдовалъ указъ объ упраздненіи министерства полиціи, но уничтожены ли были всѣ тѣ обязанности которыя должны естественно лежать на савонникѣ на котораго спеціально возлагалось „охраненіе внутренней безопасности“ государства, наблюденіе за необращеніемъ въ публикѣ книгъ съ вреднымъ направленіемъ и выдача свидѣтельствъ частнымъ людямъ о благонадежности ихъ образа мыслей?... * Мы видѣли что доносъ иаи, скромнѣе, жалоба Смирнова на распространеніе неправомыслия былъ адресованъ на имя государя: неужели съ 1819 года подобныхъ бумагъ не принимали? Это и вѣроятно и опровергается фактически; мы будемъ еще нѣсколько имѣть случай видѣть такія бумаги. Кто же представлялъ ихъ государю? Не знаемъ всѣхъ ли, но многія получались чрезъ Аракчеева. При этомъ обязанность его состояла, безъ сомнѣнія, не въ одномъ только пассивномъ доставленіи государю подобныхъ бумагъ. Онъ долженъ былъ ихъ прочитывать предварительно, собирать свѣдѣнія о предметахъ коихъ онъ касался, — а онъ могли касаться всѣхъ вѣдомствъ и управленій, всѣхъ сторонъ государственной и народной жизни, — и компетентнымъ образомъ докладывать о нихъ государю. Въ рукахъ такого неутомимаго и ловкаго человѣка какъ Аракчеевъ этого достаточно было чтобы захватить всю власть и всевозможное вліяніе.

Необходимо обратить при этомъ вниманіе на обстоятельства которыя исключительнымъ образомъ благопріятствовали страшному развитію могущества Аракчеева въ той части его дѣятельности которая, будучи не гласною, вообще ускользала донь-

* См. Полн. Собр. Зак. № 24.687.

нѣ отъ изслѣдователей. Мы замѣтили въ Шишковѣ недовѣріе къ добрымъ инстинктамъ въ современномъ ему обществѣ; въ Аракчеевѣ это недовѣріе было несравненно болѣе сильно и обще. Шишковъ находился въ разладѣ съ современностью, за то онъ сочувствовалъ многому въ прошедшемъ; но сочувствовалъ ли чему-нибудь Аракчеевъ въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ, этого никто не рѣшится утверждать. Чтобы сочувствовать минувшему нужно знаніе, котораго у него не было, а чтобы перенести свои идеалы въ будущее, нужно во первыхъ быть способнымъ имѣть идеалы; Аракчеевъ же былъ совершенно къ тому неспособенъ, какъ по недостатку развитія, такъ и за неимѣніемъ какого бы то ни было энтузіазма. Природа наказала его умомъ мрачнымъ, безпокойною подозрительностью, печальною способностью подмѣчать однѣ темныя стороны человѣчества. При такихъ свойствахъ, мы легко вообразимъ какого рода картины о состояніи Россіи предлагать онъ ежедневно государю, сдѣлавшись *очами и ушами государыми!* Иныхъ картинъ не рисовало ему собственное воображеніе; но позволительно думать что онъ еще усиливалъ ихъ тѣни. Съ глазу на глазъ говорить человѣку, государю или частному лицу, все равно: „Ты не имѣешь преданныхъ тебѣ людей; за добро которое ты дѣлаешь, тебѣ платятъ неблагодарностью; величіе которое за тобою признаютъ чужіе отрицаютъ твои ближніе; не довѣряйся никому,—все что тебя окружаетъ есть ложь, коварство и згоизмъ,“ говорить такимъ образомъ не значитъ ли давать выразумѣть: „Я одинъ тебѣ преданъ, я одинъ полонъ благодарности къ тебѣ, я одинъ признаю твои благія намѣренія и горжусь твоею славой; я, съ опасностію для самого себя и подъ бременемъ всеобщей за то ненависти, соблюду твою драгоценную особу. Положись на меня, на одного меня!“ При этомъ Аракчеевъ могъ отъ времени до времени наломать государю что онъ находился въ произвольномъ удаленіи изъ Петербурга во время неожиданной кончины императора Павла и что безъ этого удаленія многое не случилось бы... Скажутъ что я преувеличиваю, что самъ слѣшкомъ черными красками очерчиваю фигуру Аракчеева? Но возьмемъ и рассмотрим нѣсколько эпизодовъ изъ его времени.

Предъ нами только что изданныя г. Богдановичемъ, извлеченныя изъ официальныхъ документовъ, извѣстія о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Это былъ прекраснѣйшій

полкъ во всей руской арміи, и государь имѣлъ къ нему особенную привязанность. Съ своей стороны, „Семеновцы, обожая своего августѣйшаго шефа, видѣли въ немъ идеалъ и старались подражать ему. Офицеры, люди лучшихъ фамилій, соединенные дружбой и товариществомъ, основанными на взаимномъ уваженіи, занимались большею частію серьезнымъ чтеніемъ, или обучали грамотѣ своихъ солдатъ и лишь изрѣдка посѣщали общество...“ „Каждый изъ служащихъ въ полку, дорожа званіемъ *Семеновца*, смотрѣлъ нѣсколько свысока на прочія войска. Ни на ученьи, ни въ казармахъ неслышно было не только брани, но и кружнаго слова; о тѣлесномъ наказаніи не могло быть и рѣчи. Одежда и лица солдатъ были лучше нежели въ другихъ полкахъ...“ „Генераль-адъютантъ Потемкинъ (полковой командиръ), рыцарь въ душѣ, храбрый офицеръ, джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова, подерживалъ облагороженное положеніе своего полка, которому едва ли можно было найти подобный примѣръ во всей Европѣ. Ласковое его обращеніе съ подчиненными нисколько не вредило дисциплинѣ, и Семеновскій полкъ по фронту ни въ чемъ не уступалъ прочимъ полкамъ гвардіи.“ Такъ выражается одинъ изъ авторитетовъ нашихъ по предмету военной исторіи. Но мрачный взглядъ Аракчеева усматривалъ въ облагороженномъ положеніи семеновскихъ офицеровъ и солдатъ какія-то темныя опасности. „Надо выбить дурь изъ головъ этихъ молодчиковъ“, говорилъ онъ и, извѣстными ему путями, добился не только удаленія Потемкина, но и назначенія на его мѣсто человѣка который съ увлеченіемъ принялся низводить Семеновскій полкъ до общаго уровня. „Sans être grand rossieur il eut le talent de se faire plus détester du soldat que s’il l’eût assommé“,—такъ охарактеризовалъ полковника Шварца одинъ весьма умный современникъ. Со времени его назначенія „не проходило въ полку ни одного ученья безъ палокъ“, говоритъ г. Богдановичъ, „не довольствуясь тѣмъ, Шварцъ билъ солдатъ своеручно, дергалъ ихъ за усы, *заставлялъ плевать въ лицо одному другому*“ и доводилъ до отчаянія безконечнымъ тыщеньемъ, бѣленьемъ, пригонками и выправкой. Наконецъ онъ осмѣлился наказать тѣлесно нѣсколькихъ георгиевскихъ кавалеровъ. Солдаты роты его величества рѣшились довести до свѣдѣнія вышшаго начальства о томъ какъ поступаютъ съ ними; для этого они собрались, выстроили фронтъ и послали просить своего ротнаго командира выйти къ нимъ. Что слы-

довало сдѣлать этому офицеру? Дознать кто подбил роту самовольно выстроиться, и взыскать съ виновныхъ, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ кому слѣдовало о жалобахъ солдатъ. Онъ этого не сдѣлалъ, и нераспорядительность его была причиною что мелкій дисциплинарный проступокъ огласился и дошелъ до корпуснаго командира, который отправилъ всю роту подъ вооруженнымъ конвоемъ въ крѣпость. Какъ только это распоряженіе сдѣлалось извѣстно въ казармахъ, всѣ остальные части полка пришли въ волненіе, „ибо, говорили они, государева рота погибаетъ“. Безпорядокъ принялъ такіе размѣры что корпусный командиръ счелъ нужнымъ пріѣхать самъ и, не въ состояніи бывши заставить солдатъ разойтись, велѣлъ имъ тоже идти въ крѣпость, что и было исполнено безпрекословно. Безъ всякаго конвоя, три тысячи человекъ шли, снимая шалки при встрѣчѣ съ офицерами и отвѣчая на вопросы лавочниковъ, извозчиковъ и пр., что ихъ послали просто на работу. Эти мнимые буквовщики до такой степени сохранили самообладаніе что между ними напелся одинъ только, недовольно почтительно разговаривавшій съ графомъ Милорадовичемъ и наказанный за это самими его товарищами. За то Милорадовичъ,—заслуженный воинъ, изучившій солдата въ бояхъ и походахъ,—счелъ возможнымъ снять всѣ караулы у казематовъ гдѣ размѣщены были Семеновцы и поручилъ имъ самимъ наблюдать другъ за другомъ.

Государя не было въ это время въ Петербургѣ, онъ находился въ Троппау на конгрессѣ. Извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку глубоко огорчило его. „Я почти увѣренъ, писалъ онъ Аракчееву, что еслибы съ Ію гренадерскою (государевою) ротой приличіе поступили въ самомъ началѣ, ничего другаго важнаго не произошло бы.“ Но, разумѣется, онъ не могъ потворствовать нарушенію дисциплины: „у молодчиковъ“ была „выбита дурь изъ головы“ и лучшій въ Россіи полкъ былъ раскассированъ. Въ томъ же письмѣ, государь выразился о приведенномъ происшествіи слѣдующимъ образомъ: „Я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ которыя мы здѣсь имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою.“ Итакъ, Меттернихъ подавалъ руку Аракчееву; канцлеръ Австрійской имперіи указывалъ на зло, искоренять которое предстояло охранителю особы государя.

Тайныя общества, дѣйствительно, были очень распространены въ то время въ западной Европѣ; они существовали и въ

Россіи; но наши „Союзъ Благоденствія“ и преобразовавшіяся изъ него „Сѣверное“ и „Южное“ Общества не находились въ сношеніяхъ съ иностранными. Изъ свѣдѣній собранныхъ комиссіей разсматривавшею ихъ дѣйствія, видно что нѣсколько членовъ Южнаго Общества начали переговоры съ однимъ тайнымъ обществомъ польскимъ, но не иностраннымъ, которое тоже подлежало, слѣдовательно, надзору русской полиціи. Не подтверждается также догадка государя будто Семеновская исторія была дѣломъ нашихъ тайныхъ обществъ. Но допустимъ что это было и такъ; допустимъ что „всесвѣтная революція“ имѣла своихъ агентовъ въ Россіи, агентовъ многочисленныхъ и вліятельныхъ. Чья же вина что они оставались неизвѣстны правительству?... Къ удивленію мы узнаемъ что исторія нашихъ тайныхъ обществъ представляетъ еще нѣчто гораздо болѣе необыкновенное. Слѣдствіе производившееся надъ декабристами открыло что государю была доставлена (въ которомъ году неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ до 1821) записка какого-то члена „Союза Благоденствія“, извѣщавшая не только о существованіи, но и о дѣйствіяхъ этого Общества. Точно также былъ извѣщенъ о существованіи тайнаго общества на югѣ Россіи одинъ изъ высшихъ военныхъ сановниковъ, графъ Виттъ, который конечно не замедлилъ донести въ Петербургъ о своемъ открытіи; наконецъ, въ 1824 году, о томъ же получено было донесеніе Майбороды. Вообще слѣшкомъ наивно было бы воображать что такое обширное общество какъ то которое произвело безпорядки 1825 года могло въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ оставаться неизвѣстнымъ правительству. Почему же не было принято противъ него мѣръ заблаговременно?... Или въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ иные, Аракчеевъ позволялъ имъ существовать для того чтобы не лишиться призрака которымъ можно было по временамъ лугать государя?...

Во всемъ что выше высказано объ Аракчеевѣ есть догадки и предположенія; но умъ невольно уносится въ область гаданій, стараюсь объяснить причины привязанности императора Александра къ человѣку который, можно сказать, былъ его антиподомъ. Александръ I какъ государь можетъ подлежать многимъ обвиненіямъ предъ судомъ исторіи, но какъ человѣкъ, это одна изъ самыхъ привлекательныхъ въ мірѣ личностей. Прекрасный собою, обворожительный въ обращеніи, обладавшій счастливымъ даромъ слова и весьма тонкимъ

умомъ, слегка романтическимъ, не чуждый человѣческимъ слабостямъ и увлеченіямъ, но всегда полный стремленій къ возвышеннымъ идеаламъ и совершенный джентльменъ, — таковъ былъ любимый внукъ Екатерины, разсматриваемый какъ человѣкъ. Какія же необъяснимыя побужденія, какія таинственныя причины склонили его отличить между тысячами окружавшихъ его людей того именно чья грубая и низменная природа была повидимому наименѣе родственною его тонкой, художественной, изящной личности, чьи даже уважительныя качества были отмѣнены печатью вульгарности? Повторяю, здѣсь умъ теряется и воображеніе позволяетъ себѣ всевозможныя предположенія.

IV.

Изъ всѣхъ сановниковъ государства, изъ всѣхъ приближенныхъ къ государю людей, одинъ только князь Голицынъ могъ еще до нѣкоторой степени уравновѣшивать вліяніе графа Аракчеева. Но мы видѣли какъ много нареканій, и притомъ по предметамъ весьма щекотливымъ, раздавалось противъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; противники его становились естественными союзниками Аракчеева, и однимъ изъ нихъ былъ Шишковъ. Въ вышеупомянутомъ мнѣніи своемъ о цензурѣ, онъ прямо указывалъ на неудовлетворительность ея въ Россіи и на могущій произойти отъ того вредъ; приводя въ подтвержденіе своихъ мыслей выписки изъ нѣсколькихъ изданныхъ въ послѣднее время книгъ, онъ не безъ цѣли конечно цитировалъ книги одобренныя главнымъ правленіемъ училищъ. По поводу дѣла о профессорахъ Петербургскаго университета, онъ еще разъ возставалъ въ комитетѣ министровъ противъ послабленій русской цензуры, порицалъ учебники принятыя въ учебныхъ заведеніяхъ и рѣзко говорилъ о широко разкинувшемся въ нихъ злѣ, о систематическомъ развращеніи молодаго поколѣнія посредствомъ школы...

Шишковъ находился въ сношеніяхъ съ Аракчеевымъ еще въ 1812 году, состоя при государѣ; потомъ, переставъ быть государственнымъ секретаремъ, онъ рѣдко вѣзжалъ во дворецъ и видѣлъ что тамъ не тяготея его отсутствіемъ. Но Аракчеевъ не терялъ изъ виду этого желчнаго, раздражительнаго, постоянно недовольнаго старика, который этими чертами сво-

его характера, равно какъ и непривлекательностию своихъ манеръ, могъ ему нравиться какъ его собственное ограженіе. Въ 1815 году, Шшквъ представилъ ходатайство объ усиленіи денежныхъ средствъ Россійской Академіи, которую между прочимъ онъ хотѣлъ поставить въ независимое отъ министра народнаго просвѣщенія положеніе; но прошло два года, и дѣло не подвигалось. Тогда онъ обратился къ графу Аракчееву. Въ одно мгновеніе оно получило ходъ, хотя трудно понять по какому поводу предсѣдатель военнаго департамента въ государственномъ совѣтѣ и начальникъ военныхъ поселеній могъ докладывать о дѣлахъ Академіи. Увидѣвшись на другой день съ Шшковымъ въ комитетѣ министровъ, Аракчеевъ сказалъ ему: „Вотъ какъ скоро исполняю я ваши приказанія.“

Впрочемъ мы не находимъ дальнѣйшихъ указаній на отношенія Аракчеева къ Шшкову. Если сильный фаворитъ и имѣлъ виды на бывшаго государственнаго секретаря, то оставалъ его пока въ сторонѣ, замѣчая что онъ рѣшительно не пріятель государю. Между тѣмъ скончался, 4го марта 1821, года петербургскій митрополитъ Михаилъ, принадлежавшій вѣкогда къ кружку московскихъ мартинистовъ и принявшій въ началѣ живое участіе въ дѣлахъ Библейскаго Общества, но сильно охладѣвшій къ нему въ послѣдствіи. Предъ кончиною своею онъ написалъ къ государю, находившемуся на Лайбахскомъ конгрессѣ, письмо въ коемъ указывалъ на опасности которымъ подвергается церковь „отъ слѣпотствующаго министра“. Послѣ такого отзыва со стороны первоприсутствующаго члена въ синодѣ, неудобно было совѣтоваться съ княземъ Голицынымъ о назначеніи преемника умершему іерарху. Государь потребовалъ мнѣнія у Аракчеева, и тотъ назвалъ московскаго митрополита Серафима, тоже дѣйствовавшаго вѣкогда въ духѣ Библейскаго Общества, но въ послѣдствіи сдѣлавшагося рѣшительнымъ его противникомъ. Новый іерархъ, по словамъ одного изъ единомысленныхъ ему духовныхъ савонниковъ, былъ „мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ къ дѣлу Божію“. Такой человекъ не могъ вполне удовлетворить требованіямъ минуты и руководить, какъ бы слѣдовало въ видахъ враговъ Библейскаго Общества, всѣми силами направленными противъ „духа тьмы“; но одно высокое положеніе имъ занимаемое придавало большую вѣсность его словамъ и мнѣніямъ; достаточно было одного его присутствія въ Петербургѣ, въ званіи пер-

венствующаго члена синода, чтобы произвести въ некоторую перемѣну въ положеніи дѣлъ. Фотій, отзывъ котораго о Серафимѣ приведенъ выше, говоритъ: „Въ теченіи Великаго Поста (1822) слышно было что государь явно началъ сокрушать, чрезъ своихъ вѣрныхъ, силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ засѣданіи Библейскаго Общества на которомъ присутствовалъ новый митрополитъ петербургскій, рассказываетъ покойный отецъ Мошокинъ, „мрачный и угрюмый сидѣлъ митрополитъ и судорожно перебиралъ своими четками, когда секретарь Общества въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изливался о дѣйствіяхъ библейскихъ обществъ; потомъ вдругъ быстро всталъ и, сказавши громко что такъ могутъ разсуждать только люди не понимающіе православія, быстро вышелъ изъ залы собранія.“ Въ годъ вступленія Серафима на петербургскую кафедру, прекратился *Сіонскій Вѣстникъ*, а въ слѣдующемъ, Лабзинъ, издатель этого журнала, усердный ревнитель Библейскаго Общества, былъ высланъ изъ Петербурга.

Фотій долженъ былъ сочувствовать такому образу дѣйствій новаго іерарха, и въ интересъ общаго имъ дѣла, ему разумѣется слѣдовало бы съѣздить въ Петербургъ. Но не долго предъ тѣмъ огласилась странная исторія Фотины, которая такъ повредила ему во мнѣніи Серафима что онъ получилъ приказаніе не пріѣзжать въ столицу. Аракчеевъ былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ митрополита и нашелъ средство отмѣнить его. Государю наговорили о строгомъ постыженствѣ Фотія, о чудномъ вліяніи которое онъ распространяетъ на людей имѣющихъ случай приближаться къ нему, и государь пожелалъ его видѣть, а Аракчеевъ поспѣшилъ его увѣдомить о томъ. „Присылается ему, пишетъ о себѣ Фотій, колесница въ даръ, и на день Пасхи, присылается крестъ самый драгіи на персѣхъ носить.“ Митрополитъ, по словамъ его, колебался дать свое разрѣшеніе на пріѣздъ Фотія и совѣтовался о томъ съ викаріемъ своимъ. „Можно благословеніе дать пріѣхать“ сказалъ викарій; „но тогда сбудется сіе: и потрясется весь градъ Св. Петра отъ него.“ Мы увидимъ что этотъ отзывъ, который нѣсколько странно видѣть въ запискахъ самого Фотія, оказался не слишкомъ преувеличеннымъ. Серафимъ встрѣтилъ его „грубо“, но вскорѣ смягчился: Фотій,—тогда еще двадцатипятилѣтній инокъ,—былъ сила съ которою онъ самъ принужденъ

былъ считаться. „Каждодневно авва Фотій, пишетъ о себѣ послѣдній, былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о Господѣ, о церкви, о вѣрѣ, о спасеніи души; на бесѣду же собирались знатные и ученые бояре и боярыни, ревностные къ слову и дѣлу св. церкви и вѣры, и на бесѣдѣ въ домѣ учреждаемы были литіемъ и яствіемъ во славу Божию. Бесѣда же таковая была болѣе всего въ домѣ дѣвицы Анны (графини Орловой), дочери аввы Фотія, боярыни Дарьи Державиной и иногда въ Таврическомъ дворцѣ.“ Безъ сомнѣнія, объ этихъ бесѣдахъ дошли слухи до князя Голицына, и вскорѣ ему представился случай лично познакомиться съ молодымъ монахомъ, производившимъ такъ много шума въ кругу набожныхъ „бояръ и боярынь“,—и вотъ какъ Фотій описываетъ эту встрѣчу: Предъ началомъ одного торжественнаго богослуженія въ Александро-Невской Лаврѣ, когда высшее духовенство, и въ томъ числѣ Фотій, находилось въ алтарѣ, „се видитъ онъ (Фотій) что входитъ въ святой алтарь вельможа, ростомъ малъ, видомъ смиренъ; то къ тому, то къ другому подходитъ благословеніе принять, и всякъ цзъ духовныхъ со страхомъ и трепетомъ даютъ ему благословеніе, никто же не смѣя руки давать ему для цѣлованія“. Это былъ министръ духовныхъ дѣлъ. Странно показалось Фотію такое смущеніе іерарховъ предъ міряниномъ: „чего бояться человека?“ подумалъ онъ. Послѣ богослуженія, когда въ покояхъ митрополита собрались нѣкоторые высшіе духовные и свѣтскіе сановники, Голицынъ подошелъ къ Фотію, который, какъ молодой артиллеристъ, скромно сидѣлъ въ сторонѣ: „Сей юный старецъ, но искусенъ и строгъ“,—такъ отрекомендовалъ его митрополитъ. Князь просилъ его къ себѣ, и Серафимъ хотъ и далъ свое согласіе на это свиданіе, но кажется опасался чтобы Фотій не надѣлалъ глупостей, и потому счелъ нужнымъ преподавать ему нѣсколько наставленій; но Фотій, выслушавъ наставленія іерарха, сказалъ ему: „Владыко святой, ты токмо меня благослови, раба твоего, а когда дѣло наше есть дѣло Божіе, и для Бога хотимъ творить, то благодать будетъ свыше дана, ибо речено въ Писаніи: *дастся убо вамъ въ тотъ часъ что возглаголати*; уповаю на благодать Св. Духа, а не на умъ свой.“

Письма которыя послѣ свиданія съ Фотіемъ писалъ князь Голицынъ къ графинѣ Орловой доказываютъ что оно произвело на него сильное впечатлѣніе. Они выданы послѣ того

нѣсколько разъ и бесѣдовали, какъ увѣрять Фотій, часа по три, по четыре, по шести и даже по девяти. Наконецъ и государь потребовалъ къ себѣ юрьевского настоятеля о которомъ рѣшительно гремѣла слава въ Петербургѣ. Вотъ любопытный разказъ Фотія объ этомъ въ высшей степени важномъ свиданіи, происходившемъ на Каменномъ острову, 5го іюня 1822 года:

„Ишедъ изъ колесницы, шелъ (Фотій) по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, ломышляя что тмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражійхъ; но ежели оныя, видя крестное знаменіе, избѣгутъ изъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицемъ царя дастъ ему благодать и преклонитъ сердце его послушать что на сердцѣ его есть царю возвѣстить...

„...Се отверзаются двери; я оными вхожу въ комнату гдѣ былъ царь; вижу что тотчасъ царь грядетъ принять благословіе. Я же, не обращая на него вниманія, смотрю гдѣ святыи разъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, поклониться прежде царя земнаго образу Царя Небеснаго. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ залахъ и трехъ стѣнахъ, и близь себя, усмотрѣвъ почти назади, на лѣвой сторонѣ, у прага, образъ въ углу, обратился я, трижды знаменался поклонясь, и предсталъ предъ царемъ. Царь, видя меня хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время, паки со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, принимаетъ благословіе, цѣлуетъ усердно десницу мою; я же тотчасъ непримѣтно открылъ ликъ Спаса и далъ ему приложиться и ему вручилъ оный образъ. Царь принялъ и привѣтствовалъ симъ словами: „Я давно же хощу видѣть, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословіе.“ На что я сказалъ царю: „Якоже ты хочешь принять благословіе Божіе отъ меня, яко служителя святаго олтаря, то, благословляя тебя, глаголю: „миръ тебѣ, царю, спасайся, радуйся, Господь съ тобою буди!“ Царь по сихъ словахъ взялъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стуль; самъ сѣлъ противу меня, возсѣвъ весьма близь меня, якоже бы можно все, тихо глаголя, слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ десницею моею мѣсто, возсѣвъ и царя перекрестилъ“... „Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой церкви, вѣрѣ и спасеніи души; зря въ лице царю прямо, часто я себя знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возведя очи свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу. И колико все слово въ сладость принималъ царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ; только я крестился, а царь, простирая руку, благословіе отъ меня принять желая, просилъ чтобы я его перекрестилъ. Я же о силѣ креста и знаменія старался вѣнчать. Вижу что царь весь сердцемъ прилепился къ улышанію слова отъ устъ моихъ; я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ

сказать царю слово въ пользу церкви и вѣры. Сперва началась рѣчь о митрополитѣ Серафимѣ. Я внушаю что пастырь сей есть единственный по своей любви ко святой церкви, царству и ко благу; благодать Господня съ нимъ есть. Посемъ царь, послушавъ съ сладостію, говоритъ ко мнѣ: „Не имѣешь ли, отецъ Фотій, что особенно сказать мнѣ,“ намекая о разныхъ нуждахъ, о каковыхъ многіе являлись утруждать царя и просили выгоды обителямъ своимъ. Я сказалъ царю: „Ничего, какихъ нуждъ я не имѣлъ земныхъ для обители и себя, и не имѣю; съ нами Богъ; съ Нимъ все у насъ есть. Едино есть тебѣ нужно повѣдать, для тебя лаче всего нужно: враги церкви святой и царства весьма усиливаются; зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостію себя открываютъ, хотять сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ святой вѣрѣ Христовой и царству всему; но они не устыжуютъ, бояться ихъ нечего; надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самыя столицы въ устѣхахъ немедленно остановить; какъ потокъ водный, всюду нечестіе и зловѣріе разливаются. Господь съ тобою, о царю! Все можешь ты сотворить; дастся тебѣ благодать и крѣпость все во славу Божию сотворить; праведники скорбятъ, видѣвъ устѣхи враговъ, но чають что Господня десница воздвигнетъ тебя, о царю, защитить церковь и вѣру.“

Царь все послушалъ со вниманіемъ. Много же и долгое время о семъ бесѣдовали мы, яко часть съ половиною. Наконецъ Фотій сказалъ: „Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поотупить.“ Все нужное къ дѣлу вѣры святой внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголая слово о семъ, крестился, царь также самъ крестился и, приказывая себя лави и лави перекрестить и оградить силою креста, многократно омы цѣловалъ руку благословляющую его, благодаря за бесѣду. Возставъ же, когда я готовился идти отъ царя, привѣтилъ что царю уже время со мною бесѣду окончить. Царь паль на колѣни предъ Богомъ и, обратясь ко мнѣ лицомъ, сказалъ: „Возложи руки твои, отче, на главу мою, и сотвори молитву Господню о мнѣ, и прости и разрѣши меня.“ Азъ же, видя плодъ бесѣды моея съ царемъ, и такое благоговѣніе къ Богу царя втайнѣ и смиреніе его предъ Великимъ, Святымъ Царемъ царствующимъ, возложивъ руки мои на главу цареву крестообразно, возведя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да спидетъ благодать Христова на него, да проститъ вся прегрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню въ словѣ, дѣлѣ святой церкви и вѣры и сокрушитъ силы вражія вскорѣ, и прочелъ сию молитву тайно: „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истинный, иже вездѣ сый и вся исполняй, Сокровище благихъ и жизни Подателю! Прииди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наши.“ И посемъ, знаменовавъ главу царя и лице, руки мои отнялъ; царь же поклонился мнѣ въ ноги, стоя на колѣнахъ; возсталъ отъ земли, принявъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма

благодаря, просилъ въ молитвахъ поминать и проводилъ самъ меня изъ дверей. Я же видя явно благодать Божию въ лицѣ царя ко мнѣ, благодарилъ Бога, радовался и веселился духомъ.“

Можно ли считать достовѣрнымъ этотъ разказъ, который мы не имѣемъ возможности повѣрить никакими другими свидѣтельствами и въ которомъ позволительно можетъ-быть подозревать нѣсколько самообольщенія, если не самохвальства? Но въ самыхъ приведенныхъ строкахъ чувствуется, если не ошибаюсь, такая сила которая способна могущественнымъ образомъ подѣйствовать на личность даже и не столько предрасположенную къ подобнымъ влиянiямъ, какъ Александръ I. Слово челоуѣка есть самъ челоуѣкъ, а мы мало знаемъ въ русской литературѣ страницъ написанныхъ такимъ сильнымъ, хоть и страннымъ языкомъ какъ вышеприведенный отрывокъ, и даже какъ вся напечатанная донынѣ выдержка изъ записокъ Фотія. Что государь возымѣлъ, также какъ и князь Голицынъ, высокое мнѣнiе о Фотiи, видно между прочимъ изъ того что онъ въ послѣдствiи нѣсколько разъ опять видался съ нимъ, и что, вскорѣ послѣ описанной бесѣды узнавъ о его болѣзни, выражалъ особую заботу о его положенiи. Что касается до князя Голицына, то ему очень хотѣлось узнать о чемъ бесѣдовалъ съ государемъ юный монахъ, влиянiе котораго онъ и самъ отчасти испытывалъ, и несогласiе котораго со своими возрѣвiями не могло быть ему неизвѣстно. Но Фотiй уклонился отъ объясненiй съ нимъ и уѣхалъ въ свою обитель, предоставивъ своимъ союзникамъ продолжать начатое шедше.

Кажется однакожь что они ничего не успѣли сдѣлать по горячимъ слѣдамъ Фотiа: можетъ-быть потому что съ наступленiемъ лѣта государь занялся, какъ обыкновенно, смотрами и другими военными упражненiями, а осень провелъ за границей, по случаю конгресса въ Веронѣ. Не взирая на нѣсколько ударовъ нанесенныхъ Голицыну со времени прибытiя Серафима въ Петербургъ,—ударовъ косвенныхъ, не рѣшительныхъ, какъ прекращенiе *Сiонскаго Вѣстника* и ссылка издателя этого журнала, не взирая на жалобы на министерство просвѣщенiя по поводу исторiи въ Петербургскомъ университетѣ (хотя удаленные изъ онаго четыре профессора подверглись прежде всего гоненiю со стороны самого этого министерства); не взирая на все это, переводы изъ Эккартсгаузена и Юнга-Штилинга продолжали выходить попрежне-

му, Библейское Общество все болѣе и болѣе расширяло кругъ своихъ дѣйствій; два покровительствуемые княземъ Голицынымъ католическіе священника, Ливадъ и Госнеръ, проповѣдовали каждое воскресенье, одинъ въ мальтійской церкви, въ Павскомъ корпусѣ, другой въ Екатерининской, „какой-то протестантскій мистицизмъ“ и, какъ свидѣтельствуешь покойный Гречъ въ оставленныхъ имъ *Запискахъ*, привлекали массы слушателей, между которыми постоянно находились Маркицкій, Рувичъ, профессоръ Кавелинъ, баронъ Ливезъ и другіе ревностные члены Библейскаго Общества. Нѣкоторые проповѣди Ливадя были переведены на русскій языкъ и напечатаны, конечно, съ разрѣшенія цензуры. Госнеръ написалъ на немецкомъ языкѣ *Толкованіа на Новый Заветъ*, которыя тоже одобрены были петербургскою цензурой, хотя, разумеется, не согласовались съ ученіемъ восточнаго православія, а являлись угодаивые люди которые, зная что авторъ состоитъ подъ особымъ покровительствомъ сильнаго сановника, принялась переводить его сочиненіе. Однимъ изъ переводчиковъ Госнеровой книги былъ извѣстный мистикъ и поевтитель Татариновскихъ собраній, В. М. Половъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія. Но эта книга и этотъ переводъ подали врагамъ князя Голицына оружіе противъ него,—оружіе, которымъ они рѣшились воспользоваться, отбросивъ, такъ сказать, вожны.

Переводъ *Толкованія* отданъ былъ въ типографію Греча въ концѣ 1823 года, и печатаніе продолжалось всю зиму. Въ мартѣ 1824 года, одна весьма подозрительная, но и очень извѣстная личность явилась къ Гречу и просила убѣдительноше дозволить прочесть хоть листокъ этой душеспасительной книги. Оказалось въ послѣдствіи что человекъ выражавшійся такимъ образомъ былъ подославъ врагами князя Голицына. Не устоявъ у Греча, они обратились въ другую сторону. Нѣкто Степановъ былъ знакомъ съ докторомъ Виттомъ, которому одинъ изъ переводчиковъ *Толкованія* давалъ прочитывать, душеспасенія ради, корректурные листки помянутой книги „Степановъ, говоритъ Гречъ, прикинулся больнымъ, послалъ за Виттомъ, и на вопросъ чѣмъ онъ боленъ, отвѣчалъ: „Стражду не тѣломъ, а душою. Меня давятъ тяжкіе грѣхи. Только духовная лица можетъ утолить меня. Вотъ еслибъ я могъ прочесть хоть строчку святаго мужа Госнера, я непременно бы выздоровѣлъ.“ Виттъ, не замѣчая и не подозрѣ-

вая ничего, отвѣчалъ: „Въ этомъ случаѣ могу служить вамъ. У меня есть два листочка этой книги и я пришлю ихъ вамъ.“ Получивъ эти листки, Степановъ тотчасъ же передалъ ихъ Магницкому, а этотъ недавно еще столь ревностный лиетистъ, членъ Библейскаго Общества, правая рука его президента, представилъ ихъ Аракчееву, который сообщилъ Шишкову, уже предназначенному повидимому Аракчеевымъ въ преемники князю Голицыну и котораго слѣдовательно необходимо было поставить въ извѣстность обо всемъ происходившемъ. Но онъ долженъ былъ покамѣстъ оставаться въ тѣни и заготовлять матеріалы для послѣдующихъ обличеній системы своего предшественника.

Первые удары „змію“ долженъ былъ нанести Фотій, которому еще въ 1823 году графъ Аракчеевъ сообщилъ что государь разрѣшаетъ ему *единожды навсегда* пріѣзжать въ Петербургъ когда пожелаетъ. Это разрѣшеніе пригодилось какъ нельзя болѣе въ настоящую минуту. 12го апрѣля представлена была, — безъ сомнѣнія Аракчеевымъ, — государю записка Фотія въ которой онъ свидѣтельствовалъ что многими частными людьми и обществами, а также и книгами „возвѣщается какая-то новая религія“, что такимъ образомъ производится у насъ коварная работа франъ-масоновъ, мартинистовъ и плимунатовъ; что Юнгъ-Штиллицъ, Экартстаузенъ и Лабзинъ суть отростки одного зловерднаго дерева, и въ доказательство представлялъ разборъ одной изъ тѣхъ книгъ которыми „враги церкви и престола“ развращаютъ нетвердые умы. Прочитавъ, какъ надо думать, записку Фотія, государь пожелалъ переговорить съ нимъ. Свиданіе ихъ произошло 20го апрѣля, и хотя содержаніе ихъ бесѣды намъ неизвѣстно, но о немъ можно заключить изъ того что князь Голицынъ, узнавъ объ этой бесѣдѣ, сильно вознегодовалъ на Фотія. Вѣроятно государь самъ сказалъ князю какія обличенія противъ него были ему представлены и выговаривалъ за образъ его дѣйствій. Все это ясно изъ слѣдующаго къ нему письма Фотія, отъ 22го апрѣля:

„Кто тебѣ возгласилъ что я противу тебя? Ты знаешь что я, по закону, по совѣсти, по любви и по присягѣ, вѣрою и правдою Богу, царю, церкви и отечеству служилъ, служу и буду служить, и что или кто мя разлучитъ отъ любви Божіей въ семь разумъ? Тьма злодѣйскихъ книгъ можетъ ли святую душу не смущать? Потопъ сдѣлался у насъ отъ невѣрія. Убойся Бога—что я противу тебя? Ужели слово и дѣло всякое

противу злодѣйствъ книжныхъ есть и можетъ-быть противу тебя? Кто тебѣ возвѣстилъ что я былъ у царя? Я, что касается до тебя, возвѣщаль тебѣ покаяніе, яко служитель церкви. Отъ личности твоея я чистъ. Какъ-то мы явимся на страшный судъ Божій? Спасися съ Богомъ, а не во злобѣ и нетерпѣливости, съ чѣмъ ты и лишишь мнѣ. Кто не знаетъ что ты незлобивъ и добръ самъ по себѣ?... „Я не такъ люблю какъ ты. Время докажетъ. Знай что я, по власти мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я Божій слуга: подыми же ты руки на меня и узришь что или земля вась пожретъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій вѣчно достигнетъ вась всѣхъ. Не могу рукъ подавать на меня и устъ отворить на клевету, а словомъ и дѣломъ блуди, да Христосъ посредѣ вась будетъ. Мнѣ не тяжело, а удивительно показалось видѣть нечаянное твое нетерпѣніе и негодование въ письмѣ; но я тебя прощаю, и Богъ проститъ тебя во всемъ, ибо мира моего ты не нарушишь, да и не можешь. Почто ты меня и въ хитростяхъ улчаешь? Какіе духи тебѣ шепчули?...

„Вспомни что въ первые дни какъ я пріѣхалъ, тебѣ видѣніе мое пересказывалъ что узрю царя, а ты спросилъ: „что же ты говорилъ? Я замолчалъ. О событіи видѣнія рцы, кто тебѣ возвѣстилъ? Не искушай Бога: высихъ себя не ищи....

„Христосъ съ тобою: миръ тебѣ. Спасися съ Богомъ. Будь терпѣливъ, а не скоръ на осужденіе. Незлобіе и доброта въ несчастіи познается. Аще благая пріяхъ, злыхъ ли не стерплю? Съ Богомъ радуйся! А. (авва) убогій Фотій.

„Р. С. Непостояненъ ты въ любви и слабъ. Кто можетъ знать мое сердце? Чтò ты я знаю. Спаси тебя Богъ и укрѣли.“

Изъ тона приведеннаго письма можно заключить что послѣ разговора своего съ государемъ Фотій чувствовалъ что побѣда клонится на его сторону. Онъ приглашалъ впрочемъ князя Голицына навѣститъ его. Если вѣрить *Запискамъ* Фотія, то и теперь еще, при свиданіи бывшемъ 23го апрѣля, онъ старался дѣйствовать силою убѣжденія. „Умоляю тебя Господа ради, говорилъ онъ, останови ты книги кои въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви и всякой святости, и въ коихъ ясно возмущается революція, или доложи ты помазаннику Божію.“ Голицынъ отвѣчалъ что дѣйствовалъ согласно волѣ и указаніямъ государя, и черезъ два дня, именно 25го апрѣля, опять пріѣхалъ къ Фотію.... Но предоставимъ этому послѣднему самому разказать почти невѣроятную происшедшую при этомъ сцену:

„Приходить онъ къ Фотію; Фотій стоитъ у святыхъ иконъ; горитъ свѣча; Святыя Тайны Христовы заласныя предстоятъ, Библия раскрыта на 23 главѣ Іереміи. Входитъ князь и образомъ яко рысь является (Іереміи глава 5, стихъ 6); про-

тягиваетъ руку для благословенія. Фотій: „Въ книгѣ *Таинства Креста*, подъ твоимъ надзоромъ напечатано: „Духовенство есть звѣрь“, то-есть Антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій,—то благословить тебя не хочу, да тебѣ и не нужно то.“ Голицынъ: „Неужели „за сіе одно?“ Фотій: „И за покровительство сектъ, лжелероиковъ, и за участіе въ возмущеніи противу церкви съ Госневромъ, и вотъ на нихъ съ тобою слова Іереміи, 23 глава, прочти „и покайся!“ Голицынъ сказалъ: „Не хочу читать“ и, съ презрѣніемъ къ святывѣ, отворотился и сказалъ: „Не хочу слышать твоей правды.“ Фотій: „Еслибы ты былъ премудръ, по Писанію, послушалъ бы ты обличенія, и покайся бы; но какъ ты все попираешь и не хочешь покаяться, то поразить вась Господь. Я предстану на страшномъ судѣ съ тобою предъ Господа, и все слова мои будутъ тебѣ въ обличеніе и въ осужденіе. Молю тя, покайся, отрекись отъ лукавыхъ пророковъ, подобныхъ Госнеру!“ Со злобою отворотился князь, побѣжалъ вонъ безъ благословенія, хлопнувъ дверьми. Фотій же, отворивъ двери, воззвалъ громко: „Если ты не покаешься что зла надѣлалъ церкви и государству, тайно и явно, и сполна не откроешь царю,—не узришь царствія небснаго и увидеши во адѣ.“

Въ довольно сходныхъ чертахъ разказана эта сцена и въ *Запискахъ* Шинкова. Въ тотъ же день описаніе ея было отправлено Фотіемъ къ государю. Шинковъ говоритъ что государь прогнѣвался на изступленнаго монаха; это весьма вѣроятно; но вскорѣ потомъ, тревожимый призракомъ революціи, которымъ такъ настойчиво смущали его со всѣхъ сторонъ, онъ потребовалъ у того же Фотія совѣтовъ какъ отвратить зло, и вотъ отвѣтъ который онъ получилъ 29го апрѣля:

„Помазанникъ Божій, слуга Господень, царь милостію, кротостію, мудростію, силою и славою свыше осѣненный! Господь съ тобою! Радуйся о Дусѣ Святѣ и царствуй во вѣки! Рабъ твой, служитель же святая церкви Божіей, служить Богу и тебѣ, царю, церкви и отечеству вѣрою и правдою, по закону Божію и гражданскому, по совѣсти, по любви евангельской и по присягѣ. А по сему на вопросъ твой: „Какъ пособить, дабы остановить революцію?“ молился Господу Богу и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно. Способъ весь лманъ уничтожить вдругъ, тихо и снастливо, есть таковъ: 1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ *известной особы*. 2) Библѣйское Общество уничтожить, подъ тѣмъ предлогомъ что уже много напечатано Библій и онѣ теперь не нужны. 3) Синоду быть попрежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ. 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Фелера выгнать и методистовъ вы-

гвать, хотя главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я возвѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ; съ тобою духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824 года прошло ровню 12 лѣтъ. Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицомъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты одною чертою пера. А вся сила духовнаго Наполеона въ четырехъ пунктахъ заключается. Радуйся, спасися! Господь съ тобою! Царствуй во вѣки съ Богомъ! Аминь. Рабъ Бога и Господа Іисусъ Христа о Дусѣ Святѣ, ревнитель святыя церкви, вѣроподданный царю“, и пр.

Въ этой запискѣ Фотій шелъ уже гораздо далѣе чѣмъ въ предшествующей; онъ называлъ Кошелева, лицо довольно видное въ служебной іерархіи, которому приписывали „сворачиваніе“ князя Голицына, опредѣлялъ какъ поступить съ Госнеромъ и протестантскимъ пасторомъ Феслеромъ, начерчивалъ полную программу изложенія самого князя Голицына. Но государь все еще колебался. Для низверженія главнаго „змія“ оставался въ запасѣ самъ митрополитъ. Ему доставленъ былъ экземпляръ Госнеровой книги въ русскомъ переводѣ, только что отпечатанный, съ настоятельнымъ требованіемъ представить его лично государю и просить или собственнаго увольненія, или увольненія князя Голицына. Самъ Аракчеевъ былъ у Серафима; нѣсколько второстепенныхъ дѣателей этой интриги, и въ томъ числѣ Магницкій, находились при немъ неотлучно чтобы устранять колебанія нервнаго старца. Фотій тоже не покидалъ его; онъ и другіе присутствовавшіе почти насильно посадили его въ карету, а Магницкій поѣхалъ за нимъ и прогуливался въ виду дворца, чтобы по лицу митрополита первымъ узнать о послѣдствіяхъ его свиданія съ государемъ. Серафимъ, читаемъ мы въ *Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи* составленной подъ руководствомъ Шишкова, „со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ предсталъ лицу императора“. Славъ свой клобукъ, онъ положилъ его къ ногамъ государя и объявилъ что не надѣнетъ его пока не получитъ обѣщанія упразднить министерство „духовныхъ дѣлъ, возвратитъ синоду его права (какія права отняты были у синода мы не знаемъ), назначитъ другаго министра народнаго просвѣщенія и изъять изъ обращенія вредныя книги, причемъ іерархъ, развернувъ *Толкованія*, указалъ наиболѣе зловредныя въ немъ

мѣста. Убѣжденный этими представленіями, государь, читаемъ мы въ помянутой *Запискѣ*, сказалъ: „Пресвященный, примите вашъ клобукъ, который вы такъ достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены“. И точно, 15го мая князь Голицынъ былъ уволенъ отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а 17го отъ званія президента Библейскаго Общества. Въ это званіе назначенъ Серафимъ, а народное просвѣщеніе было поручено, вмѣстѣ съ цензурой, Шишкову.

V.

Такимъ образомъ, весной 1824 года, образовалось *министерство* въ томъ смыслѣ какое придаетъ этому слову въ парламентарныхъ правительствахъ, министерство плотное, одноставное, единомышленное, премьеромъ котораго былъ графъ Аракчеевъ. Членами этого министерства были между прочимъ Канкринъ, по его указанію заступившій мѣсто слухкомъ независимаго графа Гурьева, Дибичъ, занявшій должность начальника главнаго штаба по удаленію отъ оной князя Волконскаго, враждовавшаго съ Аракчеевымъ, наконецъ Шишковъ; въ въ этомъ же министерствѣ, безъ сомнѣнія, занялъ бы мѣсто баронъ Камленгаузенъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ Аракчееву людей, еслибы смерть не постигла его за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, и есть извѣстія будто на Аракчеева было возложено докладывать по дѣламъ св. синода. За достовѣрность послѣдняго извѣстія нельзя ручаться, но чрезъ кого бы ни восходили до государя дѣла касающіяся православнаго духовенства, конечно не со стороны этого вѣдомства, гдѣ первенствовалъ Серафимъ съ Фотіемъ и гдѣ Филаретъ московскій находился въ опалѣ, могъ Аракчеевъ встрѣтить враговъ.

Что же сдѣлало министерство Аракчеева? Въ чемъ состояли для Россіи плоды борьбы которая направлена была противъ князя Голицына? Они выразились главнымъ образомъ въ сферѣ дѣйствія Шихкова, который, съ извѣстною уже намъ личною ненавистью къ новому и современному и съ ожесточеніемъ противъ дѣйствій своего предшественника, которое было лозунгомъ лицъ приведшихъ его ко власти, наконецъ съ самоотверженіемъ, отчасти обезоруживающимъ судъ исторіи, принялся переустроить цензуру и преслѣдовать книги выходившія подъ покровительствомъ Библейскаго Общества и людей пользовавшихся

ся покровительствомъ князя Голицына. Шишковъ дѣйствовалъ безплодно, но искренно, согласно съ убѣжденіями всей долгой своей жизни,—въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія; черезъ недѣлю по вступленіи въ должность, онъ писалъ государю: „Угодно было монаршей волѣ твоей, безъ всякаго у меня спроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня министромъ народнаго просвѣщенія, въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу твоему въ 1812 году, когда врагъ отечества шелъ съ оружіемъ на Россію; съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ ловивуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ церкви и престола...“ Шишковъ желалъ чтобы государь обнародовалъ на его имя рескриптъ, въ которомъ уполномочивалъ бы его дѣйствовать въ томъ именно духѣ какъ желали Аракчеевъ, Серафимъ, Фотій и онъ самъ, Шишковъ; но государь не рѣшался такъ ясно формулировать мысль противъ которой все еще возмущались его нравственное чувство и его либеральные инстинкты, а Шишковъ справедливо полагалъ что только ясно и гласно выраженная высочайшая воля можетъ исполнѣ развязать ему руки. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ напрасныхъ усилій побѣдить колебанія государя, онъ написалъ Аракчееву: „Долгъ мой и присяга требуютъ чтобъ я не давалъ возобновиться тому что доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волей государя“... „и долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствию министромъ просвѣщенія. Такое положеніе почиталъ бы я для себя хорошимъ, еслибы думалъ что духъ времени взялъ силу, что головой стѣну не проломить, что мнѣ остается не долго жить, что я бездѣтень, что на моемъ вѣку ничего не случится, и между тѣмъ, пока я живу, могу пользоваться честію и преимуществами сопряженными съ моимъ званіемъ.“ Шестъ недѣль спустя, онъ снова настаивалъ въ письмѣ къ Аракчееву на помянутомъ рескриптѣ, заявляя о готовности своей въ противномъ случаѣ оставить должность министра. „Я иду прямою дорогою, говорилъ онъ самому государю; могу обманываться, но хитростей и уловокъ никакихъ не знаю...“ Правдивость достойная подражанія и,—прибавимъ,—лучшей цѣли! Но въ этомъ-то и состоитъ печальная оригинальность нашей исторіи въ текущее столѣтіе, ея мрачный трагизмъ,—что до послѣдняго времени люди съ либеральными стремленіями

рѣдко бывали у насъ патриотами, тогда какъ патриоты очень часто отличались самою тупою враждою къ свободѣ, во всѣхъ сферахъ ея проявленія,—къ свободѣ слова, мысли и совѣсти. Русскіе либералы Александра времени не хотѣли знать русскаго языка, и ставили себѣ задачей передѣлать Россію по образцу то Англии, то Франціи. Не подъ покровомъ ли либерализма развилась отчужденность отъ Россіи прибалтійскихъ губерній? Не либеральнымъ ли дѣломъ признавалось дать Польшѣ преимущества въ коихъ отказывали Россіи, и нѣмецкихъ колонистовъ возвысить предъ русскими поселянами? Не въ либеральной ли средѣ вырабатывалась мысль о Малороссіи какъ объ отдѣльной, самостоятельной странѣ, то-есть о раздробленіи Россіи? Съ другой стороны, куда желали вести насъ патриоты—это мы видѣли изъ всего вышеизложеннаго. Мы видѣли съ какою рвеніемъ князь Голицынъ, при помощи Рувицей, Магницкихъ и Красовскихъ, истреблялъ въ Россіи свободу мысли и слова; этого казалось недостаточно патриотамъ подобнымъ Шишкову и Фотію: они стали истреблять и свободу совѣсти, которой покровительствовала князь Голицынъ. Скажутъ: Библейское Общество имѣло слишкомъ офиціальныя характеръ и покровительство его протестантскимъ ученіямъ компрометтировало правительство. Правда; но почему же было не ходатайствовать, вмѣсто уничтоженія этого Общества, о томъ чтобы государь лично устранился отъ него и чтобы онъ дозволил образовать другое Общество, для распространенія книгъ одобряемыхъ православною церковью? Но нѣтъ, Шишковъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ просвѣщенія, началъ одинаково преслѣдовать мистическія галлюцинаціи Экартогаузена съ Лабзинымъ и Евангеліе переложенное на общепонятный языкъ. Это значило не только возставать противъ свободы мнѣній въ дѣлахъ религіи: это значило отнимать у всего почти Русскаго народа возможность развитія въ христіанскомъ духѣ. Слѣло вѣруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чемъ не разсуждай,—не такова ли была программа народнаго просвѣщенія провозглашенная Шишковымъ и долго провозглашавшаяся его послѣдователями? „Тишина царствуетъ повсюду, говорилъ онъ, — что же еще нужно Россіи.“ Мудрено ли что подобная программа возбуждала въ людяхъ болѣе либеральныхъ презрѣніе и къ ней самой, и къ тѣмъ кто ее провозглашали, и къ тѣмъ ради кого она прилагалась? И такимъ-то образомъ въ правительственныхъ сферахъ Рос-

они поочередно являлись люди то презиравшіе ее, то внушавшіе къ ней презрѣніе...

Но мы должны при этомъ обратить вниманіе еще на одно явленіе. Въ каждой странѣ могутъ (быть люди подобные Шумкову, Серафиму, Фотию, даже Аракчееву, и вездѣ могутъ они достигнуть извѣстнаго значенія, благодаря заслугамъ; оказаннымъ на извѣстныхъ поприщахъ и при извѣстныхъ случаяхъ; но не вездѣ вліаніе ихъ можетъ быть такъ злобно какъ оно было у насъ. Мы видѣли въ какой глубокой тайнѣ, въ какомъ таинственномъ мракѣ разыгралась интрига направленная противъ князя Голицына: въ этой тайнѣ, въ этомъ-то мракѣ и заключается ея адюльтерность. Мы видѣли что нѣкоторые ретроградныя мнѣнія Шумкова встрѣтили отпоръ въ такомъ немногочисленномъ собраніи какъ государственный совѣтъ, и гдѣ только большое воображеніе нашего корнеслова могло усмотрѣть крайнихъ прогрессистовъ: что же было бы, еслибы онъ долженъ былъ дѣлать свои заявленія въ средѣ болѣе многочисленнаго собранія, въ которомъ находились бы представители всѣхъ интересовъ страны, всѣхъ отбѣлковъ общественнаго мнѣнія? Шумковъ вызывалъ напечатать мнѣніе графа Кочубея по вопросу о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти и вмѣстѣ съ нимъ свое, въ увѣренности что общественное мнѣніе ставеть на его сторону. Но мы можемъ сказать съ полною увѣренностью что это было съ его стороны глубокимъ самообольщеніемъ. Матеріалы печатаемые (въ помѣнутой *Бесѣдѣ Общества Любителей Словесности* доказываютъ что только сильнѣйшій гнетъ цензуры не допустилъ нашей юной литературѣ подготовить общественное мнѣніе Россіи къ великому событію 19го февраля 1861 года. Вообразимъ же себѣ теперь что ничто не связываетъ (мысль русскаго общества, и что Шумковъ предъ свободнымъ собраніемъ представителей русскаго общественнаго мнѣнія провозглашаетъ о правѣ помѣщиковъ продавать людей въ раздробь, или о необходимости заткнуть всѣ окважины сквозь которыя проходитъ свѣтъ на Русскую землю, гдѣ якобы свила себѣ гнѣздо революція и водарилось безвѣріе. Можетъ-быть во уваженіе прежнихъ его заслугъ этотъ старый маниакъ былъ бы выслушанъ безъ смѣха, но ужь конечно ему не удалось бы пробраться въ число государевыхъ совѣтниковъ и компрометтировать верховную власть. Къ сожалѣнію, въ тѣ времена о которыхъ мы говоримъ до государя не могло

доходить даже слабое выраженіе общественнаго мнѣнія. Это было большое зло, большое несчастье, какъ для страны, такъ и для самого государя,—и вотъ почему. Въ странахъ глубоко-монархическихъ, каковы Россія и Англія, принципъ верховной власти окруженъ такимъ величіемъ что особа государя считается священною не только въ силу закона, но и въ силу выработаннаго исторіей народнаго сознанія. Такое заключеніе было выведено между прочимъ въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* изъ содержанія нашихъ народныхъ лѣсень. И въ Россіи, и въ Англіи верховная власть не только по закону, но и по сознанію народному считается неотвѣтственною, потому что, находясь прее выше всѣхъ партій и частныхъ интересовъ и будучи предметомъ любви и уваженія со стороны народа, который, такъ-сказать сросся съ царствующею династіею,—она не должна, не можетъ, безъ уклоненія отъ естественныхъ законовъ, быть ничѣмъ инымъ кромѣ представительницы и орудія всенародныхъ желаній, всенароднаго блага. Глубоко ошибаются слѣловательно тѣ ложные ревнители прерогативъ верховной власти которые хотѣли бы наложить печать молчанія на уста народа, считая несомнѣваемымъ съ ея величіемъ освѣдомляться о его желаніяхъ и потребностяхъ! Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, они лишаютъ ее возможности быть вѣрною своей сущности, и сознательно или безсознательно дѣлаютъ ее орудіемъ той или другой партіи, того или другаго сословія, того или другаго частнаго интереса. Мы можемъ сказать не опасаясь возраженій что необыкновенною прочностью своей въ Англіи монархическое начало обязано тому что верховная власль поставлена тамъ въ невозможность уклониться отъ своего характера покровительницы всенародныхъ интересовъ. Парламентъ и свободное общественное мнѣніе провели въ Англіи монархическій принципъ сквозь тысячи опасностей и безъ сомнѣнія соблюдутъ его и на будущее время. Но что поддерживало его у насъ? Глубоко вкоренившееся въ народномъ сознаніи убѣжденіе что царь не желаетъ ничего иного кромѣ блага своего народа, и что ему иногда мѣшаютъ творить благо своекорыстные его совѣтники. Не имѣя права требовать ихъ къ отвѣту, Русскій народъ всегда готовъ сдѣлать ихъ козлами отпущенія своихъ неудовольствій и мститъ имъ тѣми ядовитыми сатирами нѣкоторые изъ коихъ приведены въ помянутомъ обзорѣ русскіхъ народныхъ лѣсень. * Отъ подобной отвѣтственности не отказывался Шин-

* См. въ *Русск. Вѣст.* за октябрь, рубрику: *Русская литература*.

ковъ—отдадимъ ему справедливость въ послѣдній разъ: онъ вызывался предавать гласности мнѣнія которыя высказывалъ въ государственномъ совѣтѣ и еще при жизни своей напечатать часть изданныхъ нынѣ своихъ *Записокъ*. Но не всѣ поступали подобно ему. Многие старались являться отъ суда современниковъ и потомства за плечами государя, выставляя его отвѣтственнымъ лицомъ за свои совѣты и внушенія. Такіе люди были прямо врагами верховной власти; они выводили ее съ подобающихъ ей высотъ и ставили на тотъ опасный путь на которомъ съ такимъ упорнымъ безразсудствомъ хотѣла держаться императорская власть во Франціи.

Вотъ историческія данныя и мысли которыя заключаются въ прекрасномъ изданіи гг. Киселева и Самарина, изъ коихъ первый обогатилъ оное многими любознательными примѣчаніями. Къ сожалѣнію русской публикѣ едва ли придется пользоваться этимъ изданіемъ, такъ какъ оно напечатано за границей и можетъ быть ввезено въ Россію лишь съ дозволенія предварительной цензуры, а предварительная цензура строго держится еще преданій Красовскаго. Лѣтомъ нынѣшняго года напечатано было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* нѣсколько писемъ *Съ береговъ Чернаго Моря*, въ которыхъ едва ли кто-либо изъ читателей этой газеты усмотрѣлъ зловерныя тенденціи. Но когда авторъ пожелалъ издать свои письма отдѣльною брошюрой, то цензура такъ искрестила ихъ что онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Пишущій эти строки имѣлъ случай видѣть экземпляръ бывшій въ рукахъ цензора и подумалъ что предъ нимъ разыгрывается сцена изъ цензурной практики двадцатыхъ годовъ. Блюститель общественной нравственности не только урѣзалъ всѣ мѣста гдѣ выглядывала какая-нибудь мысль, но даже и нѣкоторыя изъ такихъ гдѣ просто заявлялся фактъ. Такъ напримѣръ, описывая Таганрогскій дворецъ императора Александра и комнату въ которой скончался этотъ государь, авторъ написалъ: „въ подвальномъ этажѣ, подъ этою самою комнатою произведено было вскрытіе тѣла почившаго государя. На мѣстѣ гдѣ оно производилось сложены изъ кирлича постаментъ....“

Казалось бы, что тутъ опаснаго для церкви и государства?

Къ тому же все это уже было только что напечатано въ разпространенной газетѣ, а разсмотрѣнію цензора подлежала лишь перепечатка статей въ брошюрѣ которая могла имѣть лишь только ограниченный кругъ читателей. Однако цензоръ вымаралъ все что напечатано курсивомъ. Авторъ написалъ въ другомъ мѣстѣ что такимъ-то людямъ изъ переселенцевъ отведено на Кавказскомъ берегу земли *до безобразія* много: цензоръ вычеркнулъ напечатанное курсивомъ слово и написалъ „чрезвычайно“. Очевидно Красовскіе 1870 года не пропустятъ *Записокъ, мѣтій и переписки* Шишкова.

П. ЦЕВАЛЬСКІЙ.

БЪЛГРАДСКАЯ СЕМИНАРІЯ

ВЪ СЕРБІИ*

Законнику Душана, знаменитаго сербскаго государя XIV вѣка, предпосылается, по нѣкоторымъ спискамъ, слѣдующее мѣсто изъ кодекса Юстиніанова: „По заповѣди Господа нашего Іисуса Христа и православной церкви во всякомъ градѣ и варошѣ ** гдѣ есть церкви должно и училища устроить чтобы православныя дѣти учились въ нихъ святому Писанію и Божію закону. Какъ постройка церквей есть доброе и богоугодное дѣло, точно также доброе и богоугодное дѣло устройство училищъ:—оно служить и тѣлу и душѣ во спасеніе. Школы должны быть велики и благолѣпны. Цари, князья и бояри да поставляютъ въ городахъ и варошахъ въ учителей философовъ и людей ученыхъ, которые могли бы научать дѣтей книжной и святой премудрости. Даскаламъ и учителямъ долженъ пла-

* Предлагаемая статья составлена на основаніи: а) сочиненія Милчевича: *Школе у Сербіи, у Београду, 1868*; б) сочиненія Вучевича: *Први извештаи о јавномъ учительско-приправническомъ заводу србскомъ у Солбору 1862—63*; в) Семинарскаго бѣградскаго устава: *Законъ о устройству богословія*, и г) Личныхъ моихъ воспоминаній о Бѣградской семинаріи, изъ моего, очень впрочемъ непродолжительнаго путешествія по Сербіи въ 1868 году.

** Градъ—укрѣпленный, вароша—неукрѣпленный городъ.

тить благочестивый царь и награждати ихъ по ихъ прилежанію. Царямъ, князьямъ, патріарху и митрополитамъ препоручается чтобъ они давали села и рудоколни подъ школы, чтобъ изъ этого источника дѣти получали себѣ содержаніе и учились охотно. Начальники (поглавора), свѣтскіе и духовные, должны заботиться объ учащихся дѣтяхъ какъ о своихъ по благодати дѣтяхъ. Если нѣтъ школъ и просвѣщенія, то какая тогда слава и царству? Всякій человекъ не умѣющій читать Св. Писанія подобенъ скотинѣ. Отецъ, мать, сродники должны непремѣнно своихъ дѣтей отъ 7 лѣтъ посылать въ школы. По городамъ соборъ или община должны заводить свои школы и учителямъ платить, и общинари и главари должны часто посѣщать свои школы. Ученикамъ должны раздавать подарки: когда крестъ, когда малые образки, чтобы дѣти съ веселымъ сердцемъ ходили въ школу. По великимъ городамъ, гдѣ есть монастыри и монахи, — монахи правятъ должность учителей, а по селамъ правятъ ее и бѣльцы, когда дѣти идутъ въ церковь въ часъ молитвы, — прежде всего должны собраться [въ школъ и затѣмъ идти въ церковь попарно и вчитель долженъ ѣхать съ ними, какъ пастырь съ овцами.]

На основаніи этого указація (полагаю что приведенный законъ не безъ цѣли предпосланъ Душанову Законнику, но что онъ имѣлъ въ то время дѣйствительную силу въ сербскихъ земляхъ), а равно и того обстоятельства что въ Сербіи, несмотря на всѣ турецкіе погромы, до сихъ поръ уцѣлѣло не мало памятниковъ древней сербской письменности и культуры, сербскіе писатели заключаютъ что просвѣщеніе Сербіи въ XIII и XIV вѣкѣ было, по тогдашнему времени, въ цвѣтущемъ состояніи, что у Сербовъ были устроены тогда въ значительномъ числѣ великія и малыя школы, по образцу греческихъ.

Варварство Турокъ разрушило, особенно во второй половинѣ XV вѣка въ XVI вѣкѣ, сербскія школы, погасило просвѣщеніе и остановило духовное развитіе въ Сербскомъ народѣ.

Вотъ какъ покойный Вукъ описываетъ состояніе сербскихъ школъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка: „Въ настоящей Сербіи, до 1804, на 100 селъ нельзя было найти ни одной школы. Тѣ которые хотѣли быть монахами или полами, учились по монастырямъ у монаховъ, а по селамъ у поповъ. У всякаго монастыря было по нѣскольку учениковъ (дѣтковъ). Кто былъ помоложе, пасъ козъ, овецъ, свиней,

пахать землю, убирать сѣно, собирать сѣны и т. д., а постарше занимались съ монахами Писаніемъ. Зимой поутру вѣсносили дрова, затѣмъ старшіе поили монастырскихъ коней, а младшіе убирали комнаты; для ученія или собирались въ одну комнату гдѣ имъ какой-нибудь монахъ показывалъ какъ нужно читать, или всакій учился отдѣльно у своего духовника; многіе дѣтѣмъ забывали чтó узнавали зимой. Такимъ образомъ бывали иногда и такіе ученики которые учились по 4 и 5 лѣтъ и все-таки не умѣли читать. Полы обыкновенно имѣли по одному или по два дѣяка, которые также занимались больше по хозяйству: носили воду, убирали коней и т. д., а если гдѣ въ округѣ была школа, то народъ изъ околѣвыхъ селъ водилъ дѣтей къ учителю и платилъ ему помѣсячно за ученіе. Въ школахъ дѣти должны были оставаться и учиться съ утра до темной ночи (только уходили на время для обѣда). Когда начинали читать, то кричали такъ (читая каждый свое) что въ школѣ ничего нельзя было разобрать. Въ школѣ учили немного и писать, коль учитель звалъ. Какъ по монастырямъ и у поповъ, такъ и въ школахъ дѣти начинали учиться съ рукописи (ибо букваря не было), напримѣръ учитель напишетъ ученику чтó нужно учить тотчасъ же, а когда онъ выучитъ, то напишетъ другое и т. д.; когда такимъ образомъ дѣякъ изъ рукописи научится складамъ, тогда беретъ часословъ (славянскій), а когда выучитъ и перечитаетъ нѣсколько разъ часословъ, тогда беретъ псалтирь, а кто изучилъ и перечиталъ нѣсколько разъ псалтирь, тотъ изучилъ уже всю книжную премудрость. Тогда онъ могъ, если хотѣлъ, быть попомъ, монахомъ, учителемъ, протополомъ, архимандритомъ, а если имѣлъ довольно денегъ, то и владыкой. Всакій учитель по своей волѣ открывалъ школу, точно такъ же какъ и закрывалъ ее, и шелъ на другое мѣсто и принимался за совершенно другое дѣло.“

Съ началомъ политическаго возрожденія Сербіи соединяется и дѣятельное стремленіе ея къ заведенію училищъ. Въ правленіе Карагеоргіевича были устроены школы почти по всѣмъ городамъ, а кое-гдѣ и по селамъ. Въ Бѣградѣ, кромѣ двухъ малыхъ школъ, была еще школа великая, какой до тѣхъ поръ Сербы еще нигдѣ не имѣли. Она основана въ 1808 году. Въ ней первый учитель былъ Иванъ Юговичъ (или Іованъ Савичъ), послѣ него Милько Радоничъ, Лазаръ Воиновичъ, Симо Мильюгиновичъ. Въ великую школу принимали дѣтей

которыя умѣли уже читать и писать. Здѣсь имъ преподавали исторію своего народа на сербскомъ языкѣ, общую географію, право (какъ кажется римское), кое-что изъ физики, ариеметику, нѣмецкій языкъ и правоучительныя правила. Для преподаванія всѣхъ этихъ наукъ было три учителя, учене раздѣлялось на три годовыя курса. Въмѣстѣ съ владычествомъ Карагеоргіевича погибли (1818) и эти школы, и все опять пошло по старому. Съ началомъ владычества Милоша Обреновича, въ 1815 году, въ Сербіи опять начали устраиваться и размножаться школы. Ко времени этого князя относится, между прочимъ, и учрежденіе семинаріи.

Семинарія основана въ 1836—7 учебномъ году по старанію митрополита Петра Іовановича, предшественника насоящаго митрополита Михаила,—и первоначально находилась въ исключительномъ вѣдѣніи митрополита.

Въ первый же годъ поступили въ нее и въ продолженіе всего года учились 43 ученика. Для преподаванія назначены были слѣдующіе предметы: славянская грамматика, исторія церкви съ литургикой, догматика, пастырское и нравственное богословіе.

Первыми профессорами были Гавріилъ Половичъ, въ послѣдствіи епископъ Шабачкій, и нѣкто Ликогенъ Михайловичъ, получившіе образованіе въ Австріи.

4го февраля 1837 года было первое испытаніе въ новооснованной школѣ, при которомъ присутствовали: князя Миланъ и Михаилъ, митрополитъ Петръ съ духовенствомъ, директоръ основныхъ школъ Зоричъ, и отвѣтами учениковъ остались всѣ довольны.

Въ 1837—8 году открытъ въ семинаріи новый классъ (разрядъ) съ предметами: методикой, риторикой и объясненіемъ Евангелія. Поступило 63 человѣка; окончили курсъ (изъ поступившихъ въ семинарію въ предшествующемъ году) 26 человѣкъ.

Въ 1838—9 году прибавленъ еще предуготовительный классъ, съ общею исторіей, географіей и ариеметикой. Сообразно съ числомъ классовъ, и профессоровъ теперь стало три; учениковъ въ этотъ годъ вылучено 28.

Съ образовавшимися такимъ образомъ тремя классами семинарія оставалась до 1844.

Въ 1833—40 году учениковъ было въ семинаріи 102; окончили курсъ 23.

Въ 1840—41 году изъ 104 учениковъ окончило курсъ 25; къ

предметамъ преподаванія въ этотъ годъ прибавлены: церковный уставъ (церковное правило) и явне.

Въ 1841—42	поступило 111,	окончило 29
„ 1842—43	„ 82	„ 27
„ 1844—45	„ 114	„ 28

Въ 1844 году открытъ новый классъ (разрядъ) въ семинаріи; такимъ образомъ теперь стало 4 класса, изъ которыхъ два первые были предуготовительные, а два послѣдніе собственно богословскіе.

Каждый изъ этихъ четырехъ классовъ имѣлъ особаго профессора, котораго содержаніе, до того времени весьма скудное и не регулярно производившееся, теперь много улучшено; два старшіе профессора стали получать по 400, а младшіе по 350 талеровъ. Другихъ измѣненій въ устройствѣ семинаріи, особенно касательно ея управленія (отношеній къ митрополиту), не допущено сдѣлать авторитетъ тогдашняго митрополита Петра: въ изданномъ отъ правительства (въ означенномъ 1844 году) уставѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній Сербіи, относительно семинаріи замѣчено только: „при митрополиі сербской, въ Бѣлградѣ, существуетъ одно богословское училище; управленіе имъ и выборъ потребныхъ профессоровъ ввѣряются митрополиту или его мѣстоазаступнику“.

Въ 1845—6 поступило въ семинарію 123, окончило курсъ 22. Къ этому учебному году относится слѣдующее распоряженіе митрополита Петра, которому сербскій авторъ „школь въ Сербіи“, г. Милчевичъ, усвоетъ по послѣдствіямъ этого распоряженія для Сербіи огромное значеніе. „Еще въ 1839, говоритъ онъ, когда въ первый разъ молодые люди были посланы изъ Сербіи для образованія за границу, митрополитъ Петръ настаивалъ чтобы приготавлились достойные преподаватели и богословскихъ наукъ. Но гдѣ можно было приготовить ихъ? Въ Сербіи, по тогдашнему состоянію въ ней просвѣщенія, это было рѣшительно невозможно. Австрія въ этомъ отношеніи тоже не могла привлечь къ себѣ. Митрополитъ самъ очень хорошо зналъ недостатки тамошнихъ учебныхъ заведеній и несообразность ихъ духа съ духомъ Сербской земли. Куда слѣдовательно нужно было обращаться, какъ не къ братьямъ по крови и вѣрѣ,—къ Русскимъ,—въ Москву и Кіевъ?... Представленіе митрополита на этотъ счетъ было уважено, и русскій консулъ Давылевскій въ 1845 году далъ знать что, по распоряже-

мію русскаго правительства, шеогеро молодыхъ людей могутъ поступить въ русскія духовныя школы. Митрополитъ Петръ тотчасъ же избралъ слѣдующихъ шесть человекъ: Милая Іовановича (теперешній митрополитъ Михаилъ), Савву Срѣгеновича, Василя Николаевича, Димитрія Нѣшича, Милосава Протича, Гаврила Милчевича, и отправилъ ихъ въ іюль 1846 года съ Симою Милутиновичемъ въ Кіевъ для помѣщенія въ тамошнюю семинарію. Это были первые юноши которые изъ Сербіи прибыли въ Россію для ученія. Этимъ проложенъ былъ путь ко взаимному обличенію двухъ родственныхъ націй. Это дѣло митрополита Петра, заключаетъ Милчевичъ, такъ важно что всѣхъ благотворныхъ послѣдствій его для Сербіи, настоящихъ и ожидаемыхъ, нельзя и исчислить“.

Въ началѣ 1849—50 * учебнаго года въ Сербію прибыли два русскіе профессора (семинаріи): Димитрій Алексѣевичъ Рудинскій и Василій Вердишъ. Это случилось такимъ образомъ. Сима Милутиновичъ, привезши означенныхъ молодыхъ людей въ Россію, заявилъ тамъ многимъ важнымъ лицамъ какъ было бы важно для Бѣлграда имѣть русскихъ профессоровъ для преподаванія русскаго языка. Его мысль была принята, и такимъ образомъ два означенные профессора, по распоряженію правительства, отправились въ Бѣградъ, съ тѣмъ самымъ жалованьемъ, производившимся имъ изъ русской казны, которое они получали въ Россіи. „Тогдашнему сербскому правительству, равно и многимъ другимъ, замѣчаетъ Милчевичъ, былъ не совсемъ пріятенъ приходъ русскихъ профессоровъ. Митрополиту Петру пришлось много потерпѣть изъ-за этого непріятностей. Между тѣмъ дѣло это было чрезвычайной важности. Отъ этихъ профессоровъ, особенно Рудинскаго, который былъ родомъ изъ Воронежской губерніи, мы слышали чистый и пріятный русскій говоръ“. ** Служба этихъ про-

* Въ 1846—47 поступило въ семинарію 153, кончило 18 учен.

• 1847—48	•	•	129	•	22
• 1848—49	•	•	118	•	25
• 1849—50	•	•	126	•	33

** И самъ Милчевичъ, какъ видно, не безъ пользы слушалъ этотъ говоръ; онъ совершенно удовлетворительно говоритъ по-русски. Съ особенною благодарностію вспоминаетъ онъ, въ своемъ сочиненіи *О школахъ въ Сербіи*, объ урокахъ Рудинскаго по поводу Этнографической выставки, говоря что благодаря имъ, онъ имѣлъ счастье съ величайшимъ изъ монарховъ, Александромъ II, говорить языкомъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

фессоровъ въ Бѣлародской семинаріи, по замѣчанію того же Милицевича, была весьма важна между прочимъ и въ томъ отношеніи что они способствовали установленію деликатности въ отношеніяхъ профессоровъ къ ученикамъ, которыя (отношенія) до того времени заслуживали всякой укоризны, такъ что были профессора которые большую часть своего часа проводили въ собственноручной расправѣ съ учениками.

Прибытіе въ Бѣлародъ русскихъ профессоровъ имѣло вліяніе и на расширеніе учебной программы. Рудинскій сталъ преподавать русскій языкъ, а Вердишъ церковную исторію съ библейскою географіей.

Въ томъ же 1849 году, въ сентябрѣ, возвратились изъ Кіевской семинаріи и двое изъ посланныхъ туда молодыхъ людей, именно Савва Срѣтеневичъ и Димитрій Нѣшчичъ, и тотчасъ же поступили въ число профессоровъ богословія; а оставшіеся въ Кіевѣ поступили для окончанія ученія въ тамошнюю духовную академію.

Годъ 1863 * составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ эпоху въ скромной исторіи Бѣлародской семинаріи. До этого времени семинарія находилась, какъ уже замѣчено было, въ полной зависимости отъ митрополита: всѣ порядки семинарскіе, преподаваніе и дисциплина опредѣлялись исключительно волею митрополита, которымъ и написано было „устройство за семинарію“, читавшееся обыкновенно въ семинаріи предъ начатіемъ всякаго учебнаго года. Въ 1863 году, 27го сентября, изданъ первый правительственный законъ касательно семинаріи. Школа эта вошла въ рядъ остальныхъ учебныхъ заведеній страны.

* Въ 1850—51	поступило въ семинарію	138,	кончило курсъ	20
• 1851—52	• • •	160	• •	30
• 1852—53	• • •	162	• •	24
• 1853—54	• • •	163	• •	36
• 1854—55	• • •	145	• •	31
• 1855—56	• • •	143	• •	27
• 1856—57	• • •	161	• •	38
• 1857—58	• • •	161	• •	25
• 1858—59	• • •	171	• •	20
• 1859—60	• • •	168	• •	34
• 1860—61	• • •	166	• •	37
• 1861—62	• • •	192	• •	38
• 1862—63	• • •	200	• •	37
• 1863—64	• • •	192	• •	39

Главные положенія этого устройства суть слѣдующія:

Богословія (такъ теперь официально стала называться семинарія) есть высшаго разряда духовное училище, въ которомъ ученики приготовляются для священническаго чина, въ духѣ православія и христіанскаго благочестія.

Богословія какъ духовно-учебное заведеніе находится подъ управленіемъ архіерейскаго собора и подъ верховнымъ поличеніемъ и надзоромъ министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ.

Архіерейскій соборъ можетъ свои права по управленію семинаріей передать частію или даже и совсѣмъ митрополиту, какъ лицу которому и удобнѣе управленіе по его непосредственной близости къ семинаріи находящейся при митрополитствѣ; вслѣдственное управленіе заведеніемъ ввѣряется ректору.

Богословія имѣетъ четыре класса или разряда, каждый съ годичнымъ курсомъ, а каждый курсъ дѣлится на семестры.

Въ богословіи преподаются:

Въ 1мъ разрядѣ. Славянскій языкъ, общая реторика, общая исторія съ землеописаніемъ, психологія съ физиологіей, сельское хозяйство (польска економица), лѣвнѣ и церковный уставъ (церковно правило).

Во 2мъ разрядѣ. Чтеніе и изъясненіе Священнаго Писанія, частная реторика, общая исторія съ землеописаніемъ, логика, физика, славянскій языкъ, русскій языкъ, сельское хозяйство, лѣвнѣ и уставъ.

Въ 3мъ разрядѣ. Догматика, гомилетика, церковная исторія съ библейскимъ землеописаніемъ, чтеніе Священнаго Писанія, герменевтика, каноническое право, обрядословіе, лѣвнѣ и уставъ.

Въ 4мъ разрядѣ. Пастырское богословіе, догматика, нравственное богословіе, исторія церкви, учительскій методъ съ практическимъ счетоводствомъ, діететика съ объясненіемъ употребленія домашнихъ лѣкарствъ, проповѣдническія упражненія, лѣвнѣ и уставъ.

Профессоры богословія и оуленты (новолостулившіе преподаватели находящіеся, обыкновенно очень не долгое время, на псытаніи) поставляются княземъ, свѣтскіе—по предложенію министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, а лица духовныя—также по предложенію министра просвѣщенія, но съ предварительнымъ представленіемъ архіерейскаго собора.

Въ ректоры поставляется одинъ изъ профессоровъ духовнаго званія, всегда *на одинъ годъ*.

Главныя обязанности ректора слѣдующія:

1) Наблюдаетъ чтобы въ богословіи во всемъ былъ добрый порядокъ.

2) Наблюдаетъ чтобы профессоpы исполняли свои обязанности.

3) Наблюдаетъ за благочиніемъ учениковъ, и виновныхъ наказываетъ выговоромъ и заключеніемъ въ карцеръ даже до восьми дней; а о важныхъ проступкахъ доноситъ богословскому совѣту (профессорамъ предоставлено только право выговора).

4) Онъ созываетъ богословскій совѣтъ, руководитъ на немъ совѣщаніями и исполняетъ его опредѣленія, если они не заключаютъ въ себѣ ничего противозаконнаго.

5) Онъ выдаетъ ученикамъ свидѣтельство объ ихъ поведеніи и успѣхахъ.

6) Въ концѣ каждаго года онъ представляетъ, чрезъ архіерейскій соборъ, министру просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ отчетъ о состояніи богословія за истекшій годъ, по части учебной и нравственной.

7) Онъ заступаетъ въ преподаваніи мѣсто больнаго или отсутствующаго профессора или назначаетъ кто изъ профессоровъ долженъ заступить его.

8) Онъ охраняетъ учебныя средства и имущество заведенія и за нихъ отвѣчаетъ.

9) Онъ получаетъ отъ казны суммы назначаемыя на содержаніе заведенія, расходуетъ ихъ сообразно съ ихъ назначеніемъ и представляетъ кому слѣдуетъ отчетъ.

Въ профессора и суленты богословскихъ наукъ можетъ быть поставлено духовное лице окончившее курсъ богословскихъ наукъ съ добрымъ успѣхомъ, а для преподаванія наукъ не богословскихъ можетъ быть поставлено и свѣтское лицо съ качествами гимназическихъ профессоровъ.

Богословскій совѣтъ составляютъ *естъ профессора* и суленты богословія. Кругъ дѣйствій богословскаго совѣта слѣдующій:

1) Въ началѣ учебнаго года онъ просматриваетъ, а если нужно и поправляетъ программы профессоровъ, назначаетъ для каждаго предмета часы преподаванія, и все это, чрезъ архіерейскій соборъ, представляетъ министру просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ на утвержденіе.

2) Разсуждаетъ о средствахъ усовершенствованія, и свои соображенія объ этомъ представляетъ, чрезъ архіерейскій соборъ, министру просвѣщенію и церковныхъ дѣлъ.

3) Принимаетъ учениковъ въ богословію.

4) Назначаетъ лучшимъ и бѣднымъ ученикамъ казенное содержаніе.

5) Назначаетъ особыя комиссіи для экзамена учениковъ, которыхъ данныя имъ изъ гимназіи свидѣтельства неудовлетворительны. Для поступленія въ богословію требуется удовлетворительное знаніе предметовъ проходимыхъ въ 4хъ классахъ гимназіи.

6) Дѣлаетъ росписаніе дней экзаменовъ для учащихся въ богословіи.

7) Опредѣляетъ наказанія ученикамъ за важныя проступки. Эти наказанія, опредѣляемыя богословскимъ совѣтомъ, состоятъ: въ заключеніи виновнаго въ карцеръ, срокомъ даже на мѣсяць, во временномъ удаленіи изъ семинаріи, и наконецъ, въ совершенномъ исключеніи.

Преподаваніе начинается тотчасъ же по принятіи учениковъ въ богословію, во второй половинѣ августа, и продолжается непрерывно, исключая время назначенное для экзаменовъ и отдыха.

Для отдыха назначается мѣсяць іюль и половина августа, два дня предъ Рождествомъ и три дня святокъ, время отъ Вербнаго Воскресенія и до четверга Свѣтлой недѣли включительно, и наконецъ всѣ воскресные и праздничные дни и четвергъ послѣ полудня; но если случится что среди седмицы въ теченіе цѣлаго или половины дня не бываетъ преподаванія вслѣдствіе праздника или другой какой причины, то это олуценіе вознаграждается ученіемъ въ четвергъ послѣ обѣда.

Ректоръ богословія имѣетъ право, когда найдетъ нужнымъ, давать и другіе дни для отдыха.

Экзамены производятся два раза въ годъ: во второй половинѣ января и іюня. Но богословскій совѣтъ можетъ, съ утвержденія министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, дозволить нѣкоторымъ ученикамъ, въ уваженіе особенныхъ обстоятельствъ, держать экзаменъ и въ другое время.

Экзамены производятся по программамъ, которыя профессеры подаютъ въ началѣ года.

Отвѣты учениковъ обозначаются балами: 1, 2, 3, 4, 5. При

выводъ средняго балла, половина при дѣломъ считается какъ дѣлая единица.

Ученики переводятся изъ одного класса въ другой по среднему баллу, какой выводится изъ суммы балловъ за весь учебный годъ и экзаменныхъ. У кого въ результатѣ окажется одинъ или два, тотъ не можетъ перейти въ старшій классъ и даже не можетъ быть допущенъ ко вторичному испытанію для поправленія балла. Кто имѣетъ средній баллъ не менѣе трехъ, тотъ можетъ перейти въ старшій классъ, если общіе годовыя баллы, равно и экзаменные, не будутъ ниже трехъ. Въ противномъ случаѣ нужно снова держать экзаменъ въ началѣ слѣдующаго учебнаго года; кто не поправитъ на этомъ новомъ испытаніи балла, тотъ не можетъ перейти въ слѣдующій старшій классъ.

Относительно распорядковъ учебныхъ занятій уставъ, по видимому, выражаетъ особенную заботливость чтобы ученики, кромѣ самаго необходимаго для отдыха времени, постоянно были заняты учебнымъ дѣломъ. И дѣйствительно, учебныхъ дней въ году для българскихъ семинаристовъ очень много; но въ то же время нельзя сказать чтобы достаточно было у нихъ времени для учебныхъ занятій. Дѣло въ томъ что каждый учебный день очень много беретъ времени у семинаристовъ на церковныя службы и церковное пѣніе. Вотъ какъ обыкновенно проходитъ у нихъ день. Въ 5 часовъ встаютъ (въ Сербіи вообще встаютъ рано) и идутъ къ утренѣ, которая продолжается часъ; затѣмъ время до восьми проходитъ въ завтракъ и приготовленіи къ классамъ. Отъ 8—11 два класса, затѣмъ обѣдъ. Послѣ обѣда отъ 2 до 5 часовъ еще два класса; послѣ классовъ вечерня, послѣ вечерни церковное пѣніе (часъ), затѣмъ ужинъ, послѣ котораго ученики тотчасъ же ложатся спать. Посвященіе церковныхъ службъ въ семинарской дисциплинѣ считается до такой степени важнымъ что относительно этого пункта въ аттестатахъ, выдаваемыхъ ученикамъ при окончаніи курса, существуетъ даже особая отмѣтка, кромѣ общей отмѣтки по поведенію. Ясно что, за исключеніемъ времени необходимаго для отдыха, у учениковъ почти вовсе не остается времени для учебныхъ занятій внѣ класса. Этотъ порядокъ съ самаго начала Българской семинаріи перешелъ въ нее изъ австрійскихъ и не очень нравится настоящимъ българскимъ профессорамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ съ которыми мнѣ пришлось говорить объ этомъ. Редакторъ церковной българской

газеты *Пастир** имѣлъ даже въ виду (въ бытность мою въ Бѣлградѣ лѣтомъ 1868 года) печатно заявить о неудобствахъ такого порядка.

Въ учебной программѣ очень важный недостатокъ (тоже очень хорошо сознаваемый профессорамъ) тотъ что до 4го класса, несмотря на преподаваніе въ первыхъ трехъ классахъ реторики, не полагается никакихъ упражненій въ сочиненіяхъ; только съ 4го класса ученики вдругъ начинаютъ писать проповѣди (понятно, какъ это должно быть легко для нихъ, и какого рода должны выходить у нихъ произведенія!) числомъ отъ 3—4 въ годъ. Сербы, воспитывавшіеся въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ особенною признательностію относятся къ этимъ заведеніямъ за то что приобрѣли въ нихъ навыкъ къ письменному изложенію своихъ мыслей, и тѣмъ болѣе чувствуютъ означенный недостатокъ своей семинаріи. Настоящій митрополитъ Михаилъ, чтобы поощрить семинаристовъ къ литературнымъ занятіямъ, далъ имъ средства издавать журналъ *Богословъ*; но существованіе его было самымъ кратковременно (годъ или два); (статьи въ той книжкѣ какую я видѣлъ были большею частію переводныя изъ русскихъ журналовъ). Въ замѣвъ этого существуетъ теперь въ Бѣлградской семинаріи такъ-называемое *Братство богословское*, члены котораго собираются разъ въ недѣлю для чтенія разныхъ литературныхъ статей и для школьныхъ диспутовъ, при чемъ присутствуютъ, по желанію, и профессоры, — не въ качествѣ официальныхъ наблюдателей, но въ качествѣ почитателей желаемыхъ самими учениками.

Учебники въ Бѣлградской семинаріи большею частію переведены (частію передѣланы) съ русскихъ. Такъ въ учебникъ догматическаго богословія переведено богословіе преосвященнаго Антонія; въ учебникъ нравственнаго богословія *Черты днѣтельнаго ученія* тры, Кочетова, въ учебникъ церковной исторіи — книжка по сему предмету Кіевскаго протоіерея Скворцова, съ небольшимъ дополненіемъ о Сербской церкви.

При семинаріи имѣется библіотека (около 2.000 томовъ); мнѣ не пришлось ее видѣть по случаю отсутствія библіотекаря (въ вакантное время), но по отзывамъ лицъ съ которыми я говорилъ о ней въ Бѣлградѣ, она не заключаетъ ничего осо-

* Газета издается съ 1868 года бѣлградскимъ протоіереемъ Николю Половичемъ, учившимся въ Кіевской академіи.

бываю замѣчательнаго, состоитъ большею частію изъ русскихъ книгъ полученныхъ главнымъ образомъ изъ Кіева.

Семинарія содержится на правительственный счетъ. Содержаніе ея стѣдитъ правительству ежегодно около 16.000 гульденовъ. Изъ этой суммы дается жалованье профессорамъ, содержатся воспитанники (впрочемъ не всѣ, какъ увидимъ ниже), ремонтируются зданія.

Положеніе профессоровъ семинаріи въ Бѣградѣ нельзя назвать не обезпеченнымъ. Жалованья первоначальнаго они имѣютъ 450 талеровъ,* но черезъ каждыя 10 лѣтъ имъ дѣлаются прибавки, такъ что чрезъ 30 лѣтъ сумма жалованья возрастаетъ до 600 талеровъ; эта сумма, по выслугѣ 30 лѣтъ, обращается уже и въ пенсію. Чтобы понять значеніе этихъ цифръ, нужно имѣть въ виду что, по относительной стоимости предметовъ потребленія въ Сербіи, талеры нужно считать вдвое дороже нашихъ рублей. Это постепенное возвышеніе учительскаго жалованья, сообразно съ трудами и расширяющимися нуждами учителя, особенно если онъ семейный, и обращеніе посаднаго жалованья, въ то время когда человекъ положилъ уже на учебное дѣло всѣ свои силы, въ пенсію, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлаетъ честь вниманію сербскаго правительства къ учительской дѣятельности. Повидимому, неблагоприятное обстоятельство для преподавателей — долгій срокъ для пенсіи; но это неудобство ослабляется тѣмъ что на неполную пенсію *каждый* профессоръ имѣетъ право уже чрезъ 10 лѣтъ своей службы, именно онъ получаетъ въ такомъ случаѣ по 40 талеровъ отъ 100 своего годоваго жалованья; чтобы имѣть право на такую пенсію, отъ него не требуется никакихъ свидѣтельствъ что онъ повредился въ умственныхъ способностяхъ, или разбитъ параличомъ, требуется просто только его выходъ.

По уставу 1863 года, въ Бѣградской семинаріи полагается семь профессоровъ, не считая двухъ вышнихъ: учителя сельскаго хозяйства и гигиены. Изъ этихъ семи, въ прошедшемъ учебномъ году, было три монаха, одинъ бѣлый священникъ,** остальные свѣтскіе. Двое изъ профессоровъ учились въ русскихъ академіяхъ: Моисей (монахъ) въ Кіевской, Никодимъ

* Квартиры въ семинаріи даются только монашествующимъ.

** Не приписанный ни къ какой церкви: въ Сербіи это не считается не каноничнымъ. Тамъ есть, между прочимъ, на томъ же положеніи и члены консисторіи—безприходные священники.

(бывшій священникъ) въ Петербургской; лица очень образованныя и весьма почтенныя по своей профессорской дѣятельности. Первый, впрочемъ, въ началѣ текущаго учебнаго года, оставилъ семинарію для занятія епископской кафедрой въ Шабацѣ. Мѣсто его въ семинаріи, по всей вѣроятности, замѣщено теперь однимъ изъ молодыхъ Сербовъ окончившихъ курсы въ Московской академіи въ прошедшемъ году, что предполагалось уже, еще до оставленія о. Моисеемъ семинаріи, въ виду его новаго назначенія. *

Съ самаго начала семинаріи сербское правительство приняло на себя содержать нѣсколько бѣдныхъ учениковъ. Они назывались (и до сихъ поръ зовутся) правительственными *благодѣяцами* и помѣщались въ особомъ казенномъ зданіи.

Съ 18⁴⁰ года всѣ ученики богословія помѣщены вмѣстѣ, съ тѣмъ различіемъ что на благодѣяцевъ отпускаетъ потребныя суммы казна, а остальные всѣ должны каждый за себя вносить отъ трехъ до трехъ съ половиной талеровъ въ мѣсяцъ. Для помѣщенія учениковъ, по причинѣ умноженія ихъ, правительство дало еще одно зданіе, гдѣ прежде помѣщалась бѣградская гимназія. Объ одеждѣ всѣ воспитанники семинаріи должны заботиться сами; каждый имѣетъ ее по своему достатку и вкусу. Одежда эта обыкновенная свѣтская; только въ послѣдній годъ, многіе, по собственному желанію, одѣваются въ священническое полукафтаны.

На лѣтнее вакантное время духовное начальство заботливо разсылаетъ бѣднѣйшихъ изъ воспитанниковъ семинаріи по монастырямъ, гдѣ они находятъ себѣ самый искренній и радушный пріемъ; въ замѣнъ этого они платятъ монастырямъ послыльными услугами въ отправленіи церковныхъ службъ и требъ, частью и хозяйственныхъ занятій. **

* Изъ другихъ профессоровъ я познакомилась только съ профессоромъ церковной исторіи, Саввою Іовичемъ (остальныхъ по причинѣ ваканціи не было въ Бѣградѣ). Онъ старожила семинаріи, служилъ въ ней съ 1841 года, и, обладая свѣжею памятью, есть какъ бы живая лѣтопись семинаріи. Онъ любитъ свою науку и пользуется общимъ уваженіемъ за свои знанія.

** Эти услуги семинаристовъ для монастырей, которые вообще очень малолюдны (большею частію имѣютъ по 2, по 3 монаха), а между тѣмъ имѣютъ много дѣла и въ приходѣ (монастырская церковь въ Сербіи есть вмѣстѣ и приходская), и въ полѣ (лѣтомъ), — весьма важны.

Главный контингентъ Българской семинаріи составляютъ не окончившіе курса ученія българскіе гимназисты. Вотъ какъ въ названной нами сербской газетѣ *Пастир* описываются побужденія по которымъ гимназисты переходятъ въ семинарію:

„Бѣдный ученикъ поступаетъ въ Българскую гимназію. Радъ онъ отъ всего сердца учиться, но нѣтъ у него средствъ къ содержанію; туда-сюда—нападаетъ наконецъ на какого-нибудь домохозяина, который частью изъ жалости, а частью ради своихъ домашнихъ потребъ, принимаетъ его къ себѣ въ домъ, обѣщая давать содержаніе, съ тѣмъ чтобъ онъ служилъ за это въ свободное для него время по дому. Сначала хозяинъ обыкновенно говоритъ ученику: „дѣла твои у меня не будутъ никакіе,—принесешь немного водицы, почиши комнату, вотъ и все.“ А потомъ оказывается что многіе ученики дѣлаются въ полномъ смыслѣ слугами. Но какъ бы то ни было, на первый разъ новый гимназистъ остается доволенъ целоушколюбивымъ предложеніемъ. Онъ остается у хозяина радушно предложившаго ему кровъ, слушается его приказаній, стараясь всѣми силами не быть неисправнымъ ни по школь, ни по дому. Но вотъ проходитъ годъ, другой, третій; предметы учебные умножаются, ученическія обязанности усложняются, ему требуется больше времени и труда чтобы быть исправнымъ по школь; притомъ служба по дому уже сама по себѣ понадобится. Самые годы подсказываютъ слугѣ-гимназисту: „не все тебѣ быть какою-нибудь кухаркой, выходи на „Божій свѣтъ, какъ другіе, болѣе счастливые твои товарищи, выходи чистъ, опрятенъ“. Что же дѣлать въ такомъ положеніи? Нужно бы оставить *радушнаго* хозяина; но оставить его значило бы оставить самую школу. Между тѣмъ до бѣднаго гимназиста доходятъ слухи что въ богословіи всѣмъ ученикамъ безъ различія даютъ квартиру, спальныя принадлежности, прислугу, а половина изъ нихъ имѣетъ кромѣ того и столъ безъ платы. Ему естественно приходитъ мысль оставить гимназію и перейти въ богословію, чтобъ освободиться отъ домашней службы и свободно заняться ученіемъ, хотя и безъ блестящей перспективы, но по крайней мѣрѣ, съ вѣрнымъ расчетомъ на обезпеченіе въ будущемъ. И вотъ только что оканчивается онъ четвертый классъ гимназіи, какъ оставляетъ гимназію и идетъ подъ кровъ богословскій.

„Другая причина, которая гонитъ многихъ учениковъ въ богословію, слабый успѣхъ въ свѣтскихъ наукахъ. Прошелъ на-примѣръ ученикъ I, II и III классъ гимназіи, какъ говорится съ грѣхомъ пополамъ, гдѣ передерживая экзаменъ, а гдѣ оставаясь и на повторительный курсъ; вотъ уже дошелъ онъ до IV класса, но здѣсь нагромождено столько предметовъ что ему рѣшительно нѣтъ возможности проходить ихъ съ успѣхомъ, особенно иностранные языки и математику. Онъ соображаетъ что въ богословіи, кромѣ славянскаго и русскаго,

не учатъ другимъ языкамъ, да на его великое счастье нѣтъ и математика. Что жъ тутъ долго думать? беретъ онъ свидѣтельство, да и въ богословію. Этихъ мотивовъ не скрываютъ ни сами ученики, ни ихъ родители. Мнѣ самому приходилось слышать родителей которые со всею наивностію говорили о своихъ дѣтяхъ: „что жъ, коль не можетъ сынъ мой продолжать ученіе въ гимназіи, отдамъ его въ богословіе.“ А одинъ ученикъ IV класса гимназіи, когда учитель выговаривалъ ему: почему онъ не учится по-французски и по-нѣмецки? отвѣчалъ: „я уйду въ богословію“. Другими словами, это значитъ: если я не могу услѣдовать въ гимназіи, то перейду въ богословіе, гдѣ благодаря Бога, можно еще учиться.“ (1868 № 32.)

Съ 1862 года въ Бѣлградской семинаріи стали, между прочимъ, учиться ученики состоящіе въ монашескомъ званіи—на монастырскій счетъ. Это случилось такимъ образомъ. Министръ просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, принимая во вниманіе что въ монастыряхъ съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе чувствуется недостатокъ въ образованныхъ духовникахъ, обратился, 8го декабря 1862 года, къ митрополиту съ предложеніемъ чтобы всякій монастырь выбралъ по одному, а болѣе богатые—и по нѣскольку учениковъ для отправления ихъ на свой счетъ въ гимназію, а затѣмъ и въ богословію, чтобъ окончивъ здѣсь образованіе, они вступили потомъ въ монашеское званіе. Митрополитъ въ письмѣ отъ 15го декабря выразилъ опасеніе что молодые люди, окончивъ ученіе, могутъ не захотѣть поступить въ монахи и потому, вмѣсто этого, предложилъ принимать въ богословію изъ монастырей молодыхъ монаховъ, хотя бы они и не прошли четырехъ классовъ въ гимназіи. Министръ на это согласился, и такимъ-то образомъ въ числѣ учениковъ Бѣлградской семинаріи теперь находится нѣсколько монаховъ. Г. Милчевичъ по сему случаю замѣчаетъ: „Едва ли можно похвалить такое распоряженіе, ибо монахи, безспорно, могутъ научиться въ Бѣлградѣ лучше, благолѣвнѣе совершать службу, но такъ какъ они вступаютъ въ богословію безъ должнаго приготовленія и не учатся здѣсь ничему кромѣ чисто богословскихъ наукъ, то можно серіозно опасаться что по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ ничего не вынесутъ изъ богословія, кромѣ претензій и неумѣстнаго превозношенія предъ другими монахами.“

Кромѣ Сербовъ княжества Сербскаго, въ богословіи съ давнихъ поръ принимаются нѣсколько молодыхъ людей и изъ тѣхъ сербскихъ странъ которыя находятся еще подъ владычествомъ Турокъ.

Этихъ учениковъ было:

Въ 1851 — 52.	5
„ 1852 — 53.	5
„ 1853 — 54.	5
„ 1854 — 55.	12
„ 1855 — 56.	12
„ 1856 — 57.	13
„ 1857 — 58.	13
„ 1858 — 59.	13
„ 1859 — 60.	13
„ 1860 — 61.	14
„ 1861 — 62.	14
„ 1862 — 63.	19
„ 1863 — 64.	19
„ 1864 — 65.	23
„ 1865 — 66.	25
„ 1866 — 67.	35 *

На содержаніе этихъ учениковъ идетъ, между прочимъ, пособіе и отъ русскаго правительства. 23го марта 1863 года, министръ иностранныхъ дѣлъ, Гарашанинъ, на основаніи извѣщенія полученнаго имъ отъ русскаго генеральнаго консула въ Бѣлградѣ, сообщилъ министру просвѣщенія что впредь ни одинъ изъ молодыхъ людей изъ сербскихъ странъ находящихся подъ властію Турокъ не будетъ принимаемъ въ русскія семинаріи, а суммы тратившіяся на нихъ въ русскихъ семинаріяхъ будутъ постулатъ въ семинарію Бѣлградскую гдѣ и будутъ ежегодно обучаться на этотъ счетъ сорокъ человекъ. Съ этого времени число этихъ экстерновъ стало съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе возвышаться, такъ что въ 1867—68 учебномъ году ихъ вписалось 45 человекъ, а въ настоящемъ учебномъ году, по свѣдѣнію сообщенному митрополитомъ Сербіи Михаиломъ (въ Славянскій Комитетъ) ихъ поступило такъ много что семинарія на существующія у нея средства даже не можетъ содержать всѣхъ ихъ и должна будетъ 12 изъ нихъ отослать назадъ, если не получитъ помощи изъ Россіи. Между многими другими, и этотъ фактъ, замѣчаетъ Миличевичъ, служить камнемъ преткнанія для тѣхъ которые во

* Общее число учившихся въ Бѣлградской семинаріи:

Въ 1864 — 65 году было	208;	окончившихъ курсъ	31
„ 1865 — 66	214	„	57
„ 1866 — 67	194	„	42

всякомъ поступкѣ Русскихъ видать намѣреніе завладѣть нашою землею и народомъ.

Въ Бѣлградскую семинарію открытъ доступъ лицамъ всякаго званія, и служба въ духовномъ званіи, по окончаніи курса, даже и для „благодѣяцевъ“ не считается обязательною. Митрополитъ Михаилъ высказалъ, по поводу этого вопроса, такой взглядъ, что лица удержанныя, противъ ихъ воли, въ духовномъ званіи не находка для сего званія, и тѣмъ менѣе законно было бы стѣсненіе воспитанниковъ семинаріи въ выборѣ званія что семинарія содержится не на церковные фонды.

Бѣлградская семинарія, несмотря на непродолжительность своего существованія, неудовлетворительность получаемого ею контингента и скудость средствъ которыми располагаетъ, уже успѣла примести и постоянно приноситъ добрые плоды, приготовляя не только пастырей, которые могутъ учить народъ, но также полезныхъ дѣятелей и на другія поприща общественной жизни; изъ ея воспитанниковъ въ настоящее время есть и секретари министерства (гг. Милчевичъ, Срѣтеновичъ), и директоръ учебныхъ заведеній (Нѣшичъ), и профессоръ великой школы (Срѣтковичъ), и воспитатели молодого князя сербскаго (Василевичъ); въ ней же воспитывался и настоящій митрополитъ сербскій Михаилъ,—лицо всѣми уважаемое въ Сербіи за его умъ, образованіе, честность, мягкость и благородство характера. Бѣлградская семинарія служитъ притомъ единственною богословскою школою не только для княжества Сербскаго, но частію и для всего южнаго славянства, кромѣ австрійскаго, которое еще задолго до основанія Бѣлградской семинаріи имѣло свои семинаріи, находившіяся впрочемъ до послѣдняго времени въ очень жалкомъ положеніи, и только въ настоящее время преобразованныя. Намъ, Русскимъ, должна быть пріятна мысль что Бѣлградская семинарія, съ самаго начала своего существованія, находится въ постоянномъ и тѣсномъ союзѣ съ нашими учебными заведеніями, котораго благотворное значеніе для себя она вполне понимаетъ и цѣнитъ.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

РИМЪ И ВИЗАНТІЯ

ВЪ ТРУДАХЪ

ДВУХЪ КІЕВСКИХЪ ИСТОРИКОВЪ

Въ числѣ историческихъ городовъ земнаго шара только три города справедливо почитаются центральными пунктами міровой исторіи человѣчества — Іерусалимъ, Аѳины и Римъ, съ его младшею сестрой Византіей, которая, въ народномъ сознаніи своихъ гражданъ, была всегда новымъ Римомъ (ή νέα Ῥώμη). Изъ числа этихъ трехъ городовъ, первенство по вліянію на образованіе и развитіе новоевропейской цивилизаціи, главенство по организаціи и укрѣпленію государственнаго строя, безспорно, принадлежатъ Риму, понимаемому въ указанномъ выше широкомъ его значеніи: исторія запада Европы тяготеетъ къ Риму, также какъ исторія востока къ Византіи, причемъ для обѣихъ половинъ европейскаго материка Іерусалимъ имѣетъ значеніе лишь религіознаго, а Аѳины лишь культурнаго центра.

Римъ справедливо называютъ „вѣчнымъ городомъ“, и этотъ титулъ принадлежитъ ему преимущественно предъ всеми остальными городами земнаго шара, которые всѣ сходили съ исторической сцены немедленно по совершеніи своей исто-

рической задачи. Значеніе Рима въ этомъ отношеіи прекра-сно обрисовано однимъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ намъ историковъ:

„Между древними городами Азіи многіе замѣчательны своимъ великолѣпіемъ, своею силой, своимъ продолжительнымъ существованіемъ, какъ Вавилонъ и Ниневія, Тиръ и Персеполь; но всѣ они, замѣчательные какъ цивилизующіе центры своего роднаго народа, почти ничего не дали міру и міръ имъ мало чѣмъ обязанъ. Одинъ лишь азіатскій городъ можетъ имѣть притязаніе на мировое значеніе. Иерусалимъ, главный городъ небольшого іудейскаго народа, искони былъ средоточіемъ вѣровавша въ единаго Бога; изъ этого города вышло христіанство, и Иерусалимъ, какъ памятникъ совершеннѣйшей религіи какая только появлялась въ Азіи и Европѣ, обязанъ христіанству возрожденіемъ своей всемірно-исторической жизни въ средніе вѣка: христіанство ввело его въ сношенія съ Римомъ и поставило въ теченіи многихъ столѣтій средне-вѣковой эпохи на ряду съ вѣчнымъ городомъ. Нѣкогда Римляне разрушили Иерусалимъ, Іудейскій народъ разбрелся по всему міру, и значеніе Иерусалима какъ святаго города перешло на Римъ, на этотъ новый Иерусалимъ; но въ XI столѣтіи снова поднимаетъ свою голову старый Иерусалимъ, благоговѣніе Запада Европы переносится отъ гроба Св. Петра на гробницу Христа, и въ теченіи продолжительнаго періода крестовыхъ походовъ Иерусалимъ становится Святымъ городомъ христіанскихъ народовъ, театромъ великой борьбы Азіи съ Европой, средоточіемъ великаго движенія поколебавшаго міръ; лишь въ XIII столѣтіи падаетъ это значеніе Иерусалима, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ той идеи которая находила въ немъ свое символическое выраженіе.

„Перехода въ Европу, мы встрѣчаемъ здѣсь городъ который, подобно Иерусалиму въ Азіи, можетъ имѣть притязаніе на мировое значеніе. Аѳины издавна были святилищемъ европейской культуры. Всѣ благороднѣйшіе и чистѣйшіе труды мысли и фантазіи соединились въ Аѳинахъ въ одинъ центральный огонь культуры, который, широко раскинувшись и достигнувъ отдаленнѣйшихъ странъ, воодушевлялъ своею теплою и свѣтомъ земное состояніе человѣка; въ Аѳинахъ же, на агорѣ, въ ея вѣчно волнуемой государственной жизни, нашли себѣ практическое осуществленіе основныя законы свободы, въ которой заключено все счастье народовъ и людей.

„Не то былъ городъ Римъ. Ободрѣвая вѣншую сторону его жизни, должно сознаться что ему нѣтъ въ мѣрѣ равнаго по той политической дѣятельности, по тому мужеству и по той мудрости съ какою Римъ покорилъ полъ-міра. Образование Рима изъ затемненнаго миеомъ зародыша, его постепенное возрастаніе, наконецъ, господство одного города надъ половиною міра,—все это составляетъ изумительное явленіе въ исторіи человѣческаго рода, на ряду съ которымъ можетъ быть поставлено лишь возникновеніе и распространеніе христіанства, и даже самое христіанство должно было войти въ „мировой городъ,“ какъ въ мѣсто приготов. иное для' него исторіей, чтобъ изъ развалинъ Рима могъ создаться величавый образъ той церкви моральное господство которой надъ міромъ прошло чрезъ всѣ средніе вѣка. Въ побѣдѣ Рима надъ образованными и свободными народами, которые, какъ Греки, иллирцы, далеко превосходили Римъ силой своихъ идей, въ этой побѣдѣ могутъ усматривать простую побѣду матеріальной силы надъ духомъ, могутъ видѣть въ ней лишь разлагающій, всеокрушающій элементъ; но это будетъ несправедливо. Это была побѣда практическаго разума, высшая творческая сила котораго проявилась въ образованіи великаго законодательства; это тотъ практическій разумъ который долженъ быть поставленъ выше фантазіи и ея прекрасныхъ созданій.“

Нѣмецъ по рожденію и католикъ по вѣроисповѣданію, Грегориусъ останавливается на городѣ Римѣ; его соблазняетъ великое значеніе „вѣчнаго города, который дважды находился во главѣ цивилизованнаго міра,—сперва въ силу абсолютнаго государства, затѣмъ въ силу абсолютной церкви;“ это величіе привлекаетъ все его вниманіе и не позволяетъ ему видѣть въ Византии прямую наследницу римскихъ стремленій и идей, тотъ восточный Римъ, который въ теченіи десяти вѣковъ хранилъ практическій разумъ древности, послѣ паденія Рима западнаго. Эта прямая преемственность между древнимъ и новымъ Римомъ сознавалась самимъ населеніемъ Византийскаго имперіи и ясно выражала имъ въ языкѣ: называя Византию новымъ Римомъ, народъ называлъ себя *Ромеями*, то-есть восточными Римлянами, своихъ цесарей — *царями* и *самодержцами Ромеев* (*βασιλεὺς καὶ ἀυτοκράτωρ τῶν Ῥωμαίων*), свою отчизну — *Романією* (*Ῥωμανία*), и свой языкъ *ромеискимъ*

языкомъ (ή ρωμαϊκή), строго отдѣляя себя отъ Эллиновъ (Ἕλληνες) и свое христіанское образованіе отъ образованія древнеязыческаго, которое именовалось эллинизмомъ (Ἑλληνισμός). Эта связь между Римомъ и Византіей не созвучна большинствомъ западныхъ ученыхъ, которые не видятъ что въ V столѣтіи, съ пришествіемъ варваровъ Одоакра въ Италію, погибла лишь меньшая, западная часть Римской имперіи (Romanum imperium), и болѣе значительная, восточная часть продолжала свое существованіе въ теченіи болѣе тысячи лѣтъ. До настоящаго времени исторія Византіи мало обращала на себя вниманія ученыхъ и не обработана по достоинству.

Подъ византійскою исторіей разумѣютъ обыкновенно исторію Восточной Римской Имперіи именно съ того времени когда Византія перестала именоваться Византіей; подъ Византійскою имперіей — дряхлое государство, опиравшееся на чиновниковъ-взяточниковъ и на солдатъ-дезертировъ, управлявшееся продажною бюрократіей и своевольнымъ военнымъ сословіемъ, государство у котораго сосѣди отнимали одну провинцію за другою, которое было лишено жизни и не было способно умереть. Такое агоническое состояніе Византійской имперіи въ теченіи тысячи лѣтъ, по мнѣнію философовъ прошлаго вѣка, ясно указываетъ на пути Провидѣнія, которое „сохраняло полумертвый трупъ единственно для того чтобы во время передать намъ драгоценныя памятники эллинской литературы;“ и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія было высказано мнѣніе что провиденціальная цѣль тысячелѣтняго существованія Восточной Имперіи заключалась въ посвященіи свѣтловолосыхъ варваровъ отдаленнаго Запада въ правильное употребленіе греческой частицы δι. Гиббонъ, разказавъ исторію императоровъ отъ Траяна до Константина и отъ Константина до Гераклія, приостановился: онъ не считалъ уже достойнымъ исторической науки заниматься византійскою исторіей отъ Гераклія до взятія Константинополя Турками; въ теченіи болѣе восьми столѣтій Гиббонъ видитъ въ исторіи Византіи лишь „народъ который обезчестилъ имена Грековъ и Римлянъ, народъ ослѣпившій себя отвратительными пороками, которые не могутъ быть оправданы даже человѣческими слабостями, и въ которыхъ не видно даже энергии великихъ преступленій;“ въ исторіографіи Византіи Гиббонъ встрѣчаетъ: „лишь узкіе взгляды и пассивное сул-

деніе, изъ которыхъ нельзя уловить ни причины историческихъ событій, ни характеровъ дѣйствующихъ лицъ, ни нравовъ вѣка“ и, по его собственному признанію, онъ „готовъ безъ сожалѣнія предоставить рабскимъ Грекамъ ихъ рабскимъ историкамъ.“

Такое отношеніе западныхъ ученыхъ къ исторіи Византии и такой взглядъ на нее преобладаетъ въ исторической наукѣ до настоящаго времени. Заботливость Итальянцевъ Анджело Маи и Матраggi, труды французскихъ ученыхъ отъ Лебо до воспитанниковъ *Ecole française d' Athènes*, прекрасные разказы Шотландца Финлаея, познанія Бельгійца Бока, небольшіе очерки и статьи Фальмерайера, услуги Тафеля, почтенныя имена Цахаріи, Миллера, Голфа—вотъ и всѣ главнѣйшіе представители западной науки посвящавшіе свои силы разработкѣ какъ отдѣльныхъ вопросовъ, такъ и общихъ обзоровъ византійской исторіи. Какъ мало труды названныхъ ученыхъ разъяснили сложный и многосторонній вопросъ, можно судить по вышедшему недавно сочиненію профессора Краузе, *Византійцы среднихъ вѣковъ*, исполненному ложныхъ представленій о внутренней сторонѣ византійской жизни.

Главная, основная причина неудовлетворительности трудовъ по исторіи Византии заключается, по нашему мнѣнію, въ той ничтожной долѣ вниманія которая вообще удѣляется на Западѣ славянскому міру, между тѣмъ какъ славянскій элементъ составляетъ существенную часть византійской исторіи, болѣе существенную чѣмъ элементъ восточный, азіатскій.

Можно утвердительно сказать что труды Лассона и Вебера по исторіи Индіи, Лелсіуса, Бругше и Буизена по исторіи Египта, Моверса по исторіи семитическихъ народовъ вообще, труды Дункера, труды германскаго Восточнаго Общества и многихъ другихъ познакомили западную Европу съ исторіей Востока несравненно болѣе чѣмъ сколько она знакома съ исторіей византійско-славянскаго міра вообще. Явленіе это объясняется тою систематизаціей которая признаетъ предметомъ исторической науки лишь тѣ историческія явленія которыя имѣютъ отношеніе къ греческо-римской и чрезъ нее къ христіано-германской цивилизаціи, и мотивируется обыкновенно ничтожною долей участія византійско-славянскаго міра въ образованіи и развитіи элементовъ новоевропейской цивилизаціи. Нельзя однако согласиться съ такимъ взглядомъ.

Вліяніе греческаго Востока на латинскій Западъ вообще не отвергается и западною историческою наукою: довольно вспомнить въ этомъ отношеніи противоположность двухъ церквей, греко-византійской и латино-римской, и борьбу ихъ, проходящую чрезъ весь средній вѣкъ. Неуспѣхъ всѣхъ крестовыхъ походовъ, быть-можетъ, не объяснимъ безъ этой противоположности; борьба этихъ двухъ церквей не была ли сильнѣйшимъ врагомъ предъ которымъ поверглись во прахъ всѣ баснословныя усилія крестовыхъ армій? Кто изслѣдовалъ вліяніе византійскаго противодѣйствія усилію калотва? Византія и ея италіітскія колоніи не могли остаться безъ вліянія на средневѣковую жизнь Европы, и даже при самомъ концѣ своего существованія Византія сдѣлала еще обмена общечеловѣческаго образованія: послѣ паденія Византіи лучшіе ея представители перенесли свою дѣятельность въ Италію и распространили по Европѣ тѣ творенія эллискаго генія которыя легли въ основу новоевропейской образованности и на которыхъ воспитались тѣ сильныя умы которыми Европа справедливо гордится. То же должно сказать и о славянскомъ мірѣ, который имѣетъ полное право на почетное мѣсто во всемірной исторіи. Если пришествіе дикихъ азіатскихъ ордъ, Гунновъ, въ земли западной Европы и столкновеніе язычниковъ-Германцевъ съ Западно-Римскою имперіей считаются событіями всемірно-историческими, то пришествіе Варяго-Руссовъ въ земли восточной Европы и столкновеніе язычниковъ-Славянъ съ Восточно-Римскою имперіей равнымъ образомъ являюся событіями всемірно-историческими. Борьба Славянъ съ Германцами, продолжавшаяся тысячу лѣтъ и еще не оконченная, имѣла громадное значеніе на весь западный міръ.

Важность византійской исторіи по отношенію къ западной Европѣ и ко всему славянскому міру не подлежитъ сомнѣнію; но она пріобрѣтаетъ особенное значеніе для Славянъ русскихъ. Тщательное изученіе Византіи, мы надѣемся, опровергнетъ рано или поздно то распространенное у насъ мнѣніе будто бы Россія приняла отъ Византіи одну лишь религію, и докажетъ что многія стороны русской народной жизни не объяснимы безъ вліянія греко-византійской образованности на русскую народность. Византія имѣетъ такое же значеніе для восточной Европы, то-есть для Россіи, какъ Римъ для народовъ западной

Европы. Достаточно вспомнить что исторія Русскаго народа при самомъ началѣ и черезъ тысячу лѣтъ проявляетъ одинъ и тотъ же фактъ политическаго тяготѣнія Россіи къ центру юго-востока Европы, къ Византии, во многомъ сходнаго со стремленіемъ римско-германскихъ народовъ къ центру юго-запада, къ Риму. Въ самый разгаръ „среднихъ вѣковъ“ русской исторіи, во второй половинѣ XV столѣтія, Византия, въ лицѣ Софіи, дочери послѣдняго морейскаго деспота и племянницы послѣдняго Палеолога константинопольскаго, завѣщала Россіи свое наследіе и тогда же Россія приняла въ свой государственный гербъ двуглаваго римско-византийскаго орла.

Какъ ни молода еще наука Русской исторіи, но важность византийскаго элемента давно уже признана ею; въ числѣ дѣлителей на этомъ малообработанномъ полѣ мы встрѣчаемъ людей выгулявшихъ во всеоружіи, каковы: Успенскій (проесс. Порфирій, еп. Чигиринскій), Куникъ, Энгельманъ, Григоровичъ, Горскій и др. Чѣмъ важнѣе вопросъ, чѣмъ менѣе онъ разработанъ, тѣмъ съ большимъ радушіемъ готовы мы приветствовать всякій ученый трудъ къ нему относящійся, всякое усиліе обогатить наши свѣдѣнія новыми фактами или пролить новый свѣтъ на факты уже извѣстные.

Въ концѣ прошлаго года, два молодые ученые, оба бывшіе воспитанники, затѣмъ преподаватели Кіевского университета, Иконниковъ и Драгомановъ, подарили насъ двумя обширными трудами,—первый, преподаватель *Русской Исторіи*, издалъ сочиненіе касающееся вопроса о вліяніи Византии на развитіе Русскаго народа; второй, преподаватель *Всеобщей Исторіи*, представилъ свои соображенія по вопросу объ историческомъ значеніи Римской имперіи. Желая ознакомить читателей съ этими новыми приобрѣтеніями русской исторической литературы, мы должны обратиться прежде всего къ труду касающемуся Византии: ему принадлежитъ первенство не только по времени выхода его въ свѣтъ, но, что для насъ важнѣе въ данномъ случаѣ, по его болѣе близкому соотношенію къ Россіи вообще и въ особенности къ городу Киеву, въ которомъ Адамъ Бременскій усматривалъ *серебрянотелю* Византию,—*Ruziae metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Konstantinopolitani, clarissimum decus Graeciae.*

I

Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. В. Иконникова. 1869. Кіевъ (X, 562, in 8°).

Сочиненіе г. Иконникова, еще до выхода его въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной книги, въ то время когда оно еще печаталось по частямъ въ официальномъ органѣ Кіевского университета, было подвергнуто въ одномъ изъ нашихъ специальныхъ журналовъ обстоятельному и серьезному разбору. Ученая рецензія главнѣйшей части труда г. Иконникова, помѣщенная въ *Православномъ Обзорнѣи*, раскрыла въ немъ довольно существенные недостатки и указала рядъ такихъ промаховъ которые не могли быть объяснены даже недосмотрами и недоразумѣніями. Одновременно съ этимъ разборомъ, разбивавшимъ до извѣстной степени ожиданія и надежды друзей русской исторіи, въ газетахъ было объявлено что Новороссійскій университетъ, въ Одессѣ, призналъ возможнымъ увѣнчать автора высшею ученою степенію. Эти довольно противоположные по своимъ результатамъ взгляды на указанный трудъ и нѣкоторыя другія причины, обусловленныя официальнымъ положеніемъ его автора, возлагали на насъ обязанность ознакомиться возможно ближе съ произведеніемъ г. Иконникова и составить о немъ возможно безпристрастное сужденіе.

Представляя въ настоящей статьѣ публичный отчетъ о сочиненіи г. Иконникова, мы должны прежде всего отказаться отъ желанія познакомить читателей съ его сущностью и предварить что выписанное выше заглавіе ни мало не указываетъ на его содержаніе. Съ разсматриваемымъ трудомъ случилась любопытная метаморфоза: во все время печатанія его въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*, въ продолженіи двѣлаго года, сочиненіе г. Иконникова носило слѣдующее, куріозное заглавіе: *О главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности. Часть I: Вліяніе византійской и южно-русской образованности. Реформа* (sic). По окончаніи же печатанія, являясь въ видѣ отдѣльной книжки, оно озаглавлено: *О культурномъ значеніи Визан-*

ми въ русской исторіи. Какое же изъ двухъ заглавій болѣе подходитъ къ оочиненію? Никакъ не первое, и едва ли второе. Если задача г. Иконникова состояла въ изслѣдованіи значенія Византии, то изъ его сочиненія должны быть исключены многія главы, не имѣющія прямого отношенія къ разсматриваемому вопросу, какъ напримѣръ: глава III, о монастырской колонизаціи (стр. 102—166), глава IV, о заселеніи старо-восточной Россіи славяно-русскими племенемъ, (стр. 167—225) и др. Въ представленіе автора о культурѣ входят отрывочныя и случайно-набранныя черты, чѣмъ объясняется длинная рѣчь о бородѣ (стр. 66), ликантыя выписки о положеніи женщинъ (стр. 251, 372), о демонахъ, духахъ и черноквижи (стр. 213, 246 и др.). Въ книгѣ г. Иконникова затрогиваются вопросы ни мало не соответствующіе избранному имъ предмету изслѣдованія, какъ напримѣръ, о восточныхъ ученіяхъ и ересяхъ (стр. 11 и др.), которые не поставлены ни въ какую связь съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, и оставлены безъ вниманія существенныя стороны каждой культуры: такъ, напримѣръ, ничего не говорится о вліяніи византийскаго права на нашъ юридическій бытъ, на отношенія семейныя, имущественныя, наследственныя, на развитіе іерархическихъ началъ не только въ отношеніяхъ гражданскихъ, но даже и въ кругѣ церковнаго порядка. Самъ авторъ, какъ мы видѣли, мѣляетъ заглавіе своего сочиненія, нельзя представляеть себѣ задачу и границы своего труда, и, конечно, затруднился бы разказать въ нѣсколькихъ словахъ его содержаніе.

Хаотическое содержаніе отразилось и на внутреннемъ строѣ всего труда. Начиная свое сочиненіе, авторъ не знаетъ конца и окончивая забываетъ начало: на стр. 209 онъ говоритъ: „мы видѣли въ какомъ разстроенномъ положеніи были финансы Византии,“ а между тѣмъ мы этого нигдѣ выше не видѣли; на стр. 49, прим. 2: „см. обширное указаніе на еретиковъ и эллинскихъ мудрецовъ въ нашемъ индексѣ,“ а между тѣмъ авторъ позабылъ приложить этотъ обширный индексъ. Вліяніе Византии на русскую культуру, основной вопросъ сочиненія, опредѣляется авторомъ въ началѣ книги ограниченнѣмъ (стр. 1), въ срединѣ—сильнымъ и рѣшительнымъ (стр. 78), а въ концѣ—снова слабымъ (стр. 508). Знакомый съ Византией лишь по моднымъ трудамъ, по Дреперу и Шлоссеру, авторъ, въ одномъ мѣстѣ своего труда, говоритъ, ссылаясь

на Дрелера, что умственное движеніе въ Византіи было велико, что „въ немъ принимало участіе все общество, отъ императора до послѣднанаго раба“ (стр. 22 и 23) и черезъ нѣсколько страницъ, основываясь на Шлоссерѣ, утверждаетъ что умственное движеніе въ Византіи было „въ пренебреженіи, и люди, по большей части, жилились и забавлялись перепелами“... (стр. 44 и 45).

Если неопредѣленный взглядъ г. Иконникова на Византію объявляется Дрелеромъ и Шлоссеромъ, тѣми сочиненіями которыхъ авторъ труда о вліяніи Византіи на Россію избралъ своими руководителями, то возвращенія его на Россію не могутъ быть уже ничѣмъ оправданы. Приведемъ образцы этихъ взглядовъ.

На первой же страницѣ своего труда авторъ съ рѣшительностію утверждаетъ что „когда Европа, хотя медленно, но вѣрно шла къ цѣли, постоянно разработывая научный матеріалъ, Россія, почти до XVII вѣка, находилась въ одинаково-мъ положеніи, такъ какъ сумма знаній оставалась постоянно одна и та же“ (стр. 1). Мысль что какое бы то ни было государство, живой и имѣющій свою исторію организмъ, можетъ пребывать въ застоѣ въ теченіи девяти вѣковъ, вообще чрезвычайно странна въ изслѣдователѣ XIX столѣтія; по отношенію же къ Россіи мысль эта представляется такою грубою ошибкой что она можетъ быть легко опровергнута на основаніи учебниковъ гг. Соловьева и Иловайскаго. Подобная ошибка, по своей крайности и очевидности не требующая опроверженій, получаетъ для насъ интересъ лишь потому что все послѣдующее изложеніе г. Иконникова служить, невѣдомо для самого автора, рѣшительнымъ ея опроверженіемъ. Такъ, начиная со второй же главы, идетъ рѣчь объ устройствѣ училищъ, библиотекъ, и объ „особенно замѣчательной библиотекѣ Московскихъ князей,“ по поводу которой Максимъ Грекъ сказалъ, какъ извѣстно, великому князю Василію Ивановичу: „государь, вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства!“ Далѣе говорится о томъ какъ переносились въ Россію и распространялись въ ней цѣлыя и полныя міросозерцанія религіозныя, нравственныя, общественныя, напиримѣръ Нила Сорскаго, Максима Грека; по поводу послѣднанаго говорится даже что „его келлія была мѣстомъ куда собирались толковать о книжныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣлахъ,“ и что онъ „своею разнообразною и долгодѣтнею дѣ-

тельностью создалъ цѣлое направленіе“ (стр. 84). Затѣмъ авторъ упоминаетъ о распространеніи и важномъ вліяніи знаменитыхъ Четин-Миней митрополита Макарія, этой „общарной энциклопедіи“ (стр. 236). Въ концѣ книги онъ говоритъ, что древнее русское общество, не довольствуясь тѣми источниками которые представляли византійскіе монастыри, обратилось къ другимъ путямъ для знакомства съ научными вопросамъ (стр. 509), и затѣмъ, на многихъ страницахъ, перечисляетъ тѣ переводы и сочиненія по которымъ училась и которая такъ любила читать древняя Русь, тѣ труды которые, начиная съ X вѣка, непрерывно распространялись по Россіи и сообщали свѣдѣнія о мысляхъ древнихъ греческихъ и римскихъ философовъ, о древней исторіи, о строеніи міра, о задачахъ человѣка, о государственномъ устройствѣ и т. д. Въ заключительной главѣ г. Иконниковъ говоритъ что со времени Ивана III начинается наше сближеніе съ западною Европой, которая стала воздѣйствовать такъ замѣтно и сильно на русскій бытъ что нѣкоторые высказывали опасенія за русскую жизнь (стр. 555,) а раскольники прямо указывали что въ русской землѣ совершается развратъ *противными книгами и нововводными догматами*. Изложивъ эти факты, самъ г. Иконниковъ прибавляетъ: „однимъ словомъ, измѣненіе въ направленіи общества стало несомнѣннымъ“ (стр. 559), и нѣсколько строкъ ниже: „поворотъ въ направленіи культуры отъ Востока къ Западу начинается съ образованіемъ Московскаго государства“ (стр. 562). Читая приведенныя выше строки г. Иконникова, не знаешь чему же вѣрить: стояла ли Русь въ теченіи девята вѣковъ постоляно въ одномъ положеніи, съ одною и тою же суммой знаній, или же она двигалась, развивалась, измѣняла свои направленія, образовывала партіи и переживала ихъ борьбу?..

Другое основное воззрѣніе г. Иконникова относится къ вопросу о характерѣ древнерусской общественности и культуры. „Россія, говоритъ онъ, подчинялась вліянію Византии въ то время когда господство религиозныхъ идей достигло въ Византии полнаго апогея и монастыри давали направленіе обществу; отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію и потому она *топль можетъ назваться монастырскою*“ (стр. 225). Воззрѣніе это, по своей крайней ошибочности, равнымъ образомъ не нуждается въ опроверженіи. Кому незнакомъ, напримѣръ, удѣльно-вѣчевой періодъ,

отношенія и борьба князей, образованіе старыхъ и новыхъ городовъ, положеніе дружины, племенная рознь отдѣльныхъ княжествъ, дѣятельность Андрея Боголюбскаго, Александра Невского? Въ какомъ монастырѣ услышалъ г. Иконниковъ привычный звонъ вѣчеваго колокола? Въ какой скитѣ помѣстятъ онъ такія лица и явленія какъ Иванны III и IV, борьба боярской партіи, учрежденіе опричины, движеніе служилого и крестьянскаго сословія, волненія самозванщины, борьбу съ Польшей и Ливоной? Чтѣ есть тождественнаго между созерцательною и отрѣшенной „отъ міра сего“ жизнію монастырей и политическимъ возрастаніемъ и сосредоточеніемъ Москвы, сможеніемъ ея общественныхъ элементовъ, образованіемъ выборнаго мѣстнаго управленія, созваніемъ земскихъ соборовъ, составленіемъ Уложенія, заведеніемъ войска, прывывомъ иностраницевъ и, наконецъ, восьми тѣми мѣрами которыя были приняты со времени Ивана III для облуженія съ западною Европой? Еслибы г. Иконникову были извѣстны „памятники дипломатическихъ сношеній Россіи“, онъ узналъ бы изъ нихъ какъ наши князья, представители Россіи, по мнѣнію автора, вполнѣ монастырской, неукаонно и разумно отстаивали независимость внутренняго развитія страны и какъ широко и глубоко понимали они и вели политическіе интересы Россіи. Впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ, г. Иконниковъ высказалъ свое положеніе, какъ кажется, лишь для того чтобы на слѣдующихъ страницахъ самому же, хотя и противъ собственной воли, опровергнуть его. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ говоритъ о томъ что древне-русское общество не удовлетворялось чисто монастырскими интересами и цѣлями, говоритъ объ его стремленіяхъ знакомиться съ научными вопросами, о ересяхъ, о симпатіи къ ученію Лютера (стр. 509 и слѣд.). Но самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ служатъ тѣ именно главы въ сочиненіи г. Иконникова въ которыхъ авторъ говоритъ о русскихъ монастыряхъ. Изъ этихъ главъ (III, IV и V) несомнѣнно видно что русскіе монастыри имѣли значеніе „миссіонеровъ христіанства и просвѣщенія“, колонизаторовъ, проводниковъ гражданственности; они имѣли наконецъ важное экономическое значеніе: пользуясь льготами „въ налогахъ и торговлѣ“ и владея значительною поземельною собственностію, монастыри русскіе „привлекали къ себѣ массы крестьянскаго населенія“ и были центрами земледѣльческой, промышленной и торговой жизни.

Такимъ образомъ, въ книгѣ г. Иконникова заключаются доказательства того что Россія не только не была сплошь монастырскою, но что сами монастыри, на почвѣ русской, отършились отъ аскетической, созерцательной жизни и явились „могущественными дѣятелями Русскаго государства и гражданственности“ (стр. 92).

Необходимая, естественная связь причины и результатовъ въ развитіи историческихъ судебъ Русскаго народа ни мало не интересуетъ г. Иконникова, по мнѣнію котораго, „Московское государство неожиданно очутилось на границахъ Ливоніи и Литвы“ (стр. 553), и сознательное представленіе основныхъ моментовъ въ развитіи Русскаго царства чуждо автору, который не разъ высказываетъ что „эпохой образованія Московскаго государства были XVI и даже XVII столѣтія“ (стр. 119, 141).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о той цѣли съ которою г. Иконникову понадобилось, вопреки очевиднымъ указаніямъ исторіи, объявить Россію *сплошь монастырскою* и на первой же страницѣ провозгласить о ея *девятисътовомъ застоѣ*, мы обратимъ вниманіе на основную причину подобныхъ, довольно серьезныхъ недостатковъ разсматриваемаго произведенія. Эта причина, по нашему мнѣнію, заключается въ неправильномъ отношеніи автора къ источникамъ, какъ документальнымъ, такъ и летописнымъ.

Эта неправильность, чтобы не сказать болѣе, состоитъ въ томъ что г. Иконниковъ не пользуется фактами заключающимися въ источникахъ какъ матеріаломъ для возможныхъ выводовъ, но ставитъ эти факты въ зависимость отъ своихъ личныхъ взглядовъ. Мы избираемъ для примѣра вопросъ который, по видимому (стр. 159 и 430), наиболѣе интересовать г. Иконникова, вопросъ о матеріальномъ положеніи монастырей. „Помножая троицкіе рубли XVI вѣка на монастырскихъ крестьянъ XVIII столѣтія“; авторъ старается во что бы то ни стало доказать что русскіе монастыри были очень богаты, ради чего умаляетъ о монастыряхъ бѣдныхъ и не принимаетъ ихъ въ расчетъ при опредѣленіи числа монастырскихъ крестьянъ, общирности монастырскихъ земель и доходности монастырскихъ имуществъ вообще; онъ не хочетъ знать ни тѣхъ „старцевъ и луотынныхъ отходниковъ“ что „дигаицеъ лыками и сѣно по болоту косили“ (*Акты истор.* I, № 192); ни тѣхъ монастырей которыхъ „прокормиться не могли.“ иго

„у нихъ у монастыря паненька не велика и коли они что хлѣба съють и тотъ у нихъ хлѣбъ ежедѣно моровомъ поби-
ваетъ“ (*Доп. къ Акт. истор. I, № 38*); и тѣхъ, наконецъ, ста-
ршеу что „ходить по мирскимъ домамъ и садятся по улицамъ
и по переулкамъ, просятъ милостыню“ (*Акты истор. V, № 113*).

Вычитывая изъ документовъ только то что нужно для из-
вѣстной дѣли, г. Иконниковъ не вполнѣ владѣеть языкомъ
лѣтописей и чаетъ ихъ слишкомъ небрежно. Говоритъ, напри-
мѣръ, что „*Феодоръ долженъ былъ оставить митрополію вслѣд-
ствіе того ропота который подавался изъ среды духовенства*“
(стр. 10), г. Иконниковъ ссылается на лѣтописи, въ которой
ясно сказано: „*востуѣсиша людѣ... и начаша еѣ проклинати;*
онъ же слышавъ се... сииде отъ кельею къ Митрополіу Чюдю изъ
монастыря“, то-есть ропотъ былъ со стороны мірянъ а не ду-
ховенства. Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 227, ссылаясь на лѣто-
писи, авторъ говоритъ о „*галицкомъ князѣ Владимірѣ Ярослав-
вичѣ*“, причемъ въ четырехъ словахъ дѣлаетъ двѣ ошибки:
соперникъ, уломаннаго Владиміръ былъ омиъ Василька, а
не Ярослава, какъ то онъ самъ о себѣ говоритъ въ той же
Ипатіевской (Галицко-Волинской) лѣтописи: „*Се язь князь*
Володимерь, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ“ (*Полн. собр.*
лѣт. II, 215, стр. 220), и *оосторытъ*, Владиміръ Васильковичъ
былъ княземъ владимірскимъ, а не галицкимъ: „*въ лѣто 6779,*
преставися князь великій Володимерьскый, именемъ Василь-
ко... нача княжити во него лѣтомо сынъ его Володимеръ... а
Левъ нача княжити въ Галичѣ“ (*ibid. 204, стр. 215*). Авторъ
издаетъ свое сочиненіе въ Киевѣ, въ центрѣ юго-западнаго
края, и владимірскаго князя Владиміра Васильковича перекре-
щиваетъ въ галицкаго князя Владиміра Ярославича! А между
тѣмъ историческія достопамятности Владиміра-Волинска, го-
рода юго-западнаго края, должны бы были предостеречь киев-
скаго историка отъ подобной ошибки: еще виднѣтся село
Зимнее, въ пяти верстахъ отъ „*столаьаго города Володимира*“,
еще стоитъ въ немъ, хотя ужъ и рушится, древній храмъ
надъ сводами котораго лежатъ кости владимірскихъ князей
и ихъ родичей, и, если вѣрить сказанію, хранятся, быть-мо-
жетъ, останки Владиміра Васильковича, погребенные перво-
начально въ самомъ Владимірѣ-Волинскѣ, въ церкви Св. Бо-
городицы (Ипат. лѣт., стр. 220)...

Если неумѣле читать отечественныя лѣтописи вводитъ г.
Иконниковъ въ столь невозможныя погрѣшности, то мож-

но уже догадываться что источники писанные на древнихъ классическихъ языкахъ еще болѣе затрудняютъ кievскаго историка. И дѣйствительно: авторъ сочиненія о вліаніи Византии на Россію, вслѣдствіе слишкомъ лоятныхъ причинъ, старательно избегаетъ византийскихъ источниковъ и если приводитъ ихъ, то не иначе какъ по русокому переводу, латинскія же цитаты, числомъ три, все заимствованы изъ вторыхъ рукъ, причемъ оказались довольно забавные куріозы: извѣстные *Acta patriarchatus Constantinopolitani* обратились здѣсь въ *Acta patriarchata (!) Const.*, и заимствованное у Костомарова (*Истор. моноер.* I, 476) указаніе на трудъ Венгерскаго (*Regenvolscius*) *Systema historico-chronologicum*, измѣнено въ *Systema historiae (!) chron.* Мы не сомнѣвались бы что въ этихъ промахахъ слѣдуетъ видѣть не болѣе какъ типографскую опечатку, если бы не были возможности убѣдиться въ познаніяхъ г. Иконникова въ латинскомъ языкѣ: упоминая о дѣятельности Θεοδοσία Косого, авторъ говоритъ между прочимъ что „перевратившись въ Литву, Θεοδοσίη *ушелъ*“ и ссылается на вышеприведенное сочиненіе Венгерскаго (стр. 453), умалчивая о заимствованіи этой ссылки изъ указанной выше статьи г. Костомарова, который приводитъ подлинную выписку изъ сочиненія Венгерскаго, въ которой о Θεοδοσίѣ сказано: *Ac Theodosius quidem senio confectus, atque octuagenario major, non multo post ad superos migravit.* Такимъ образомъ г. Иконниковъ *ушелъ* восьмидесяти-лѣтняго старца, о которомъ сказано что онъ *умеръ, ad superos migravit!*

Переходя отъ источниковъ къ пособіямъ, мы съ недоумѣніемъ останавливаемся прежде всего на небываломъ еще въ нашей ученой литературѣ явленіи: сочиненіе г. Иконникова состоитъ изъ заимствованій и дословныхъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ общедоступныхъ сочиненій современныхъ намъ писателей, но безъ соблюденія общепринятыхъ въ подобныхъ случаяхъ указаній. Вслѣдствіе сдѣланной нами провѣрки сочиненія г. Иконникова, мы осмѣливаемся утверждать что большая половина сочиненія (слишкомъ 300 страницъ изъ 568) состоитъ изъ подобныхъ маскированныхъ заимствованій. Въ официальномъ изданіи Кіевскаго университета полнится въ свое время подробный перечень этихъ заимствованій; здѣсь же мы можемъ лишь замѣтить что наибольшая часть въ этомъ отношеніи отдана г. Иконниковымъ дѣйствительно прекра-

своему труду Милютина, о недвижимыхъ имѣніяхъ духовенства въ Россіи. Такъ, на стр. 132, авторъ говоритъ: „чтобы яснѣе прослѣдить развитіе монастырской территоріи, мы обратимъ вниманіе“ и т. д.; несмотря на это „мы“, авторъ занимаетъ 132 и 133 стр. дословнымъ заимствованіемъ текста и примѣчаній изъ указаннаго сочиненія Милютина (стр. 156, прим. 115), не упоминая даже о Милютинѣ! Впрочемъ, г. Иконниковъ заимствуетъ довольно осторожно, рѣдко слово въ слово, но большей части онъ мѣняетъ слова, фразы и нерѣдко, вѣроятно по недосмотру, смыслъ оригинала.* Только одинъ разъ авторъ увлекся въ заимствованіи до забвенія принятой имъ на себя роли и тѣмъ разоблачилъ свой пріемъ: на стр. 128, перечисляя нѣсколько городовъ съ указаніемъ числа жителей, г. Иконниковъ говоритъ: „затѣмъ идетъ длинный списокъ городовъ“ и т. д. Гдѣ же это идетъ? Въ сочиненіи г. Соловьева, *Исторія Россіи*, (см. т. XIII, Опись городамъ въ 1668 году)....

Едва ли кто обвинитъ насъ въ строгости требованій, если мы скажемъ что занимающийся русскою исторіей прежде всего долженъ быть близко знакомъ съ трудомъ Карамзина. И чтó же? Большая половина ссылокъ на Карамзина невѣрны,** и невѣрность происходитъ оттого что г. Иконниковъ, заимствуя эти ссылки изъ вторыхъ рукъ, не обратилъ вниманія на различныя изданія Карамзина. Г. Иконниковъ, по свойственной ему осторожности, не обозначаетъ изданія которымъ онъ пользовался, и, по небрежности, упускаетъ изъ виду слѣдующее на примѣръ примѣчаніе Милютина: „считаемъ нужнымъ замѣтить что всѣ ссылки наши на Карамзина отсылаются по изданію Эйнераха“ (стр. 2, прим. 1). Отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній!

Еще любопытнѣе ссылки на новѣйшія сочиненія иностранныхъ писателей. Ихъ очень немного; но особенно замѣчательны три ссылки, по одной изъ трехъ новѣйшихъ языковъ, причѣмъ, страннымъ и для насъ совершенно непомятымъ образомъ, каждая ссылка встрѣчается непременно два раза, ни болѣе ни менѣе. Такъ:

* Примѣръ подобнымъ измѣненіи оригинала въ ущербъ смыслу представляется, на примѣръ, мѣсто о божествѣ по ученію Нуменія, стр. 13, заимствованное изъ Дрелера, I, стр. 181.

** Изъ числа 62 ссылокъ 26 вѣрныхъ и 36 невѣрныхъ; подробное указаніе будетъ напечатано въ *Извѣстіяхъ Кіевского университета*.

по немецкому языку цитруется Planck, *Geschichte der christlichkirchlichen Gesellschaftsverfassung*, на стр. 137 и 267; ссылка заимствована изъ того же сочиненія Милютина (стр. 121, пр. 226);

по французскому языку приводится неизбежный Laurent, *La papauté et l'empire* (р. 96),—оба раза (стр. 137 и 265) въ подтвержденіе того что „западная церковь въ XI вѣкѣ владѣла $\frac{3}{4}$ всей государственной территоріи“, а между тѣмъ Лоранъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ только: *l'Eglise possédait les trois quarts du sol*, ничѣмъ не подтверждая своихъ словъ; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, намъ кажется что и Лоранъ имѣлъ бы такое же точно право сослаться на сочиненіе г. Иконникова, какъ и г. Иконниковъ на Лорана. Любопытнѣе первыхъ двухъ ссылка

по английскому языку на соч. Finlay, *History of the Byzantine and Greek empires* * (II, 67), тоже два раза (стр. 268 и 271) и въ обоихъ случаяхъ эта ссылка измѣнила автору: она приводится г. Иконниковымъ въ подтвержденіе того что „патріархъ валагаль запрещенія и эпитиміи на вельможъ и императоровъ“, а между тѣмъ въ указанномъ мѣстѣ Финлей говорить прямо противоположное, называя греческую церковь рабскимъ орудіемъ государей: *the Greek church, unlike the Roman, has generally been the servile instrument of princes!*

На страницахъ сочиненія г. Иконникова встрѣчается много указаній не оставляющихъ сомнѣнія въ томъ что не авторъ владѣетъ матеріаломъ, а случайно добытые факты водятъ его перомъ, и онъ повторяетъ заимствованныя мнѣнія, нерѣдко совершенно противорѣчація приводимымъ самими же имъ несомнѣннымъ фактамъ. Въ доказательство остановлюсь на одномъ лишь примѣрѣ, подобныхъ которому много въ разсматриваемомъ сочиненіи; на нѣкоторые было уже указано въ рецензіи помѣщенной въ *Православномъ Обозрѣніи* (1869, ноябрь). На стр. 198 г. Иконниковъ говоритъ: „Медленность распространенія христіанства въ Пермскомъ краѣ послѣ Стефана въ теченіи цѣлаго столѣтія объясняютъ тѣмъ что въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ сношенія съ Русскими, было сильно язычество и вліяніе жрецовъ“. Други-

* Заглавіе сочиненія передано въ книгѣ г. Иконникова слѣдующимъ образомъ: *History of Byzantine empires* (sic).

ми словами: христіанства не было, потому что не было христіанства! А между тѣмъ отмѣченный г. Иконниковымъ фактъ объясняется самими элементами русской колонизаціи, которая отличалась нравственнымъ ничтожествомъ и своимъ образомъ дѣйствій парализовала труды первыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, это былъ „люди гулящій, вольница, та сволочь“ что придавала такой ожесточенный характеръ борьбѣ Василія Темнаго съ Дмитріемъ Шемякой. Духовенство не было лучше мірянъ: въ 1501 году, именно сто лѣтъ послѣ Св. Стефана, митрополитъ Симонъ, въ посланіи къ пермскому духовенству, говоритъ: „новокрещенные люди, ваши дѣти духовные.... на васъ смотря соблазняются.... богомерзкія дѣла творять, по древнему обычаю, а вы имъ въ томъ накрѣпко не возбраняете“ (*Акты истор.* I, № 112). Г. Иконникову, безъ сомнѣнія, извѣстны оба указанные нами факта, но онъ не могъ одолѣть ихъ, переработать, выяснитъ себѣ ихъ значеніе и безосознательно самъ подтверждаетъ наше объясненіе, говоря о поклоненіи христіанъ языческому дереву (стр. 205), о преслѣдованіи духовенствомъ противниковъ язычества (стр. 219), о монахахъ вызывавшихъ духовъ (стр. 221), о духовныхъ не знающихъ *Вѣрую и Отче нашъ* (стр. 223).

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы должны придти къ признанію полной неудовлетворительности труда г. Иконникова. Задача избранная г. Иконниковымъ слишкомъ обширна, едва ли по силамъ молодому, лишь начинающему свое поприще ученому и, наконецъ, едва ли возможна вообще по имѣющимся въ настоящее время матеріаламъ: еще хранится въ монастыряхъ и архивахъ много неизданныхъ рукописей, многіе отдѣльные вопросы еще вовсе не разъяснены, другіе же обработаны не на столько чтобы можно было положиться на полученный результатъ. И для самого г. Иконникова, какъ мы видѣли, избранная имъ задача не ясна и границы ея не точно опредѣлены; въ его трудѣ много лишняго и нѣтъ существенно необходимаго.

Основные историческія воззрѣнія г. Иконникова не только слабы и ошибочны, но и вполнѣ невыдержаны: высказанныя на однихъ страницахъ, они отрицаются имъ же на другихъ. Подобными же качествами отличаются и его научные приемы: источники написанные на греческомъ языкѣ ему совершенно недоступны, на латинскомъ же и новѣйшихъ или взятыхъ изъ вторыхъ рукъ, или прочтены небрежно, а иногда и съ

рѣшительнымъ извращеніемъ смысла. Трудъ г. Иконникова отличается отсутствіемъ ученой серіозности: онъ набираетъ факты отовсюду, ставитъ рядомъ Модзалевскаго и отцовъ церкви (стр. 37), Дрелера и Иннокентія (стр. 270), онъ цитуетъ Кассіана по Гизо, и Гизо по Казанскому (стр. 35); разстояніе между русскими городами, Вологдой и Ярославлемъ, онъ опредѣляетъ англійскими мιλιαми (стр. 141) и богатства русскихъ монастырей высчитываетъ на фунты стерлинговъ (стр. 158, 471)! Наконецъ, онъ относится безъ всякой критики къ источникамъ, даже въ тѣхъ случаяхъ когда его предостерегали другіе изслѣдователи: на стр. 136 онъ приводитъ слова Адама Климента, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVI вѣка, въ которыхъ говорится что въ то время монахамъ принадлежала треть всей государственной территоріи (*tertiam partem totius imperii*); это извѣстіе Адама Климента взято г. Иконниковымъ слово въ слово изъ сочиненія Милотина (стр. 121, прим. 226), но безъ его критической замѣтки, которая должна была предостеречь г. Иконникова отъ пользованія этою цитатою, не имъ отысканною: „Нельзя не признать преувеличеннымъ и заслуживающимъ мало вѣроятія древнѣйшее изъ сохранившихся до насъ извѣстій этого рода, сообщаемое иностраннымъ писателемъ Адамомъ Климентом“.

Форма изложенія соответствуетъ содержанію. Вслѣдствіе восточныхъ заимствованій, на самомъ слогѣ г. Иконникова отразились многоразличныя вліянія тѣхъ сочиненій подъ руководствомъ которыхъ написанъ его трудъ. Интересъ чтенія ничѣмъ не поддерживается, и вялый, небрежный слогъ дѣлаетъ чтеніе книги г. Иконникова довольно затруднительнымъ. Небрежность автора въ этомъ отношеніи едва ли можетъ быть объяснена, не только что оправдана чѣмъ-либо; конечно ничему иному какъ небрежности должны быть приписаны фразы въ родѣ слѣдующихъ: „христіанство обязано своимъ началомъ свѣтской власти“ (стр. 300), или: „такое значеніе монастыря *возвысило* его до положенія древнихъ храмовъ“ (стр. 245). Случается что фразы остаются недоконченными, напримѣръ: „въ то время когда духовенство обличало незаконность поединковъ и несообразность ихъ съ христіанствомъ и налагало духовныя запрещенія на виновныхъ“ (стр. 311); часто фразы совершенно нелогичны, иногда же представляютъ не болѣе какъ наборъ словъ, напри-

мѣрь: „дремучій лѣсъ и ревь звѣрей производять умилительное впечатлѣнiе“ (стр. 101); или: „лѣсна имѣеть чарующее свойство: посредствомъ ея можно достигнуть всего“ (стр. 213); или: „лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ ловили бобровъ“ (стр. 146).

При оцѣнкѣ историческихъ произведенiй форма изложенiя должна быть принимаема, во вниманiе. Значенiе слога въ этомъ отношенiи прекрасно опредѣлено однимъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ, котораго мы имѣемъ еще счастье считать своимъ современникомъ:

„Когда поэтическое произведение соединяетъ въ себѣ высокое содержанiе съ чистою формою, то оно удовлетворяетъ всякаго. Когда ученое сочиненiе представляетъ точность изслѣдованiя и ясность объясненiя, никто отъ него болѣе ничего не требуетъ. Задача же историка есть не только ученая, но и литературная; исторiя есть не только наука, но и искусство. Она должна удовлетворять всѣмъ строгимъ требованiямъ критики и учености, подобно филологическому изысканiю, и сверхъ того она должна доставить образованному уму такое же наслажденiе какое онъ получаетъ отъ чтенiя высокаго литературнаго произведенiя.

„Трудность соединить оба требованiя, ученость изслѣдованiя и художественность изложенiя, заставляла многихъ думать что красота формы можетъ быть достигнута только на счетъ учености содержанiя. Еслибы это было справедливо, то необходимо бы отвергнуть всякую мысль о соединенiи науки съ искусствомъ, слѣдовало бы признать такое соединенiе ложнымъ. Я однако убѣжденъ въ противномъ, и думаю что заботы о внѣшней формѣ необходимо увеличиваютъ заботы о внутреннемъ содержанiи. На чемъ же иномъ основана форма какъ не на содержанiи? Свѣжесть представленiя какого-либо событiя не основывается ли на живомъ, глубокомъ познанiи этого событiя? А такое живое познанiе можетъ быть достигнуто единственно при помощи глубокаго и всесторонняго изслѣдованiя. Только высокое содержанiе вызываетъ въ духѣ нашемъ соотвѣтственную ему прекрасную форму.“

II.

Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацита. М. Драгоманова. Кіевъ. 1869 (VII, 415, 8°).

„Wehe den Thoren die griechische Geschichte schreiben wollen, wo wir Thukydides haben,“ говорил Нибуръ на одной изъ своихъ лекцій и называлъ Пелопоннесскую войну „безсмертною“ только потому что Фукидидъ былъ ея историкомъ. Такъ высоко цѣня Фукидида, Нибуръ не ставитъ рядомъ съ нимъ Тацита только потому что историкъ Римской имперіи, въ дошедшихъ до насъ книгахъ его исторіи, не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Фукидиду. Два великіе историка Греціи и Рима, Фукидидъ и Тацитъ, каждый въ своемъ родѣ, остаются до настоящаго времени образцами исторіографіи; намъ неизвѣстенъ ни одинъ трудъ новѣйшихъ ученыхъ въ которомъ Пелопоннесская война была бы представлена яснѣе чѣмъ у Фукидида, или личности римскихъ императоровъ были бы обрисованы типичнѣе чѣмъ у Тацита. Вся историческая школа западныхъ ученыхъ воспиталась на этихъ двухъ историкахъ античнаго міра, и уваженіе къ классическимъ произведеніямъ исторіографіи до настоящаго времени ревниво охранитъ ихъ отъ ложныхъ обвиненій и несправедливыхъ нареканій, появляющихся по временамъ въ печати не только западной, но и нашей отечественной.

Русское общество значительно болѣе знакомо съ произведеніями Тацита чѣмъ съ твореніемъ Фукидида. Въ то время какъ русская историческая литература еще ожидаетъ труда который познакомилъ бы ее съ произведеніемъ Фукидида, Тацитъ не разъ уже служилъ предметомъ работъ для отечественныхъ ученыхъ, и еще живо въ памяти у всѣхъ то увлеченіе съ какими читались и перечитывались прекрасныя изображенія *Римскихъ женщинъ по Тациту*, нарисованныя мастерскою рукою покойнаго П. Н. Кудрявцева. Сочиненіе названное нами въ заглавіи служить лишь приготовительною работою для обширнаго труда о Тацитѣ: „Опредѣлить значеніе сочиненій

Тацита, говорить авторъ, можно только въ связи съ цѣлымъ вопросомъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи“ и, оставляя до времени въ сторонѣ сочиненія Тацита, г. Драгомановъ пишетъ *Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи.*

Имя г. Драгоманова появилось впервые въ печати въ 1864 году на небольшой брошюрѣ *Императоръ Тиберій*. Эта монографія была тогда же осуждена какъ плагиатъ. Небольшой трудъ Сиверса и брошюра извѣстнаго публициста Ад. Штара послужили г. Драгоманову основой для его разказа, который имѣлъ цѣлю доказать что Тиберій былъ, какъ выражается Штаръ, im tiefsten Innern eine edle Natur. Авторъ русской компіляціи потерпѣлъ тогда такое же рѣшительное пораженіе какъ и его руководители: нѣмецкій ученый Пашъ подвергъ строгой критикѣ всѣ источники на которыхъ основывался А. Штаръ, и пришелъ къ результату совершенно противоположному: „Тиберій, говорить Пашъ, по природѣ своей былъ лишенъ всякаго уваженія къ человѣческой личности, тѣмъ болѣе любви къ людямъ.“

Неудачи постигшія этотъ первый трудъ г. Драгоманова раздражали автора; тѣ „особыя обстоятельства въ которыхъ находится русская наука“ убѣдили его въ невозможности заниматься въ Россіи какими-либо частными вопросами и „въ необходимости предварительнаго историко-теоретическаго (?) обзрѣнія вопроса объ историческомъ значеніи Римской имперіи.“ Эти „особыя обстоятельства“, въ силу которыхъ въ Россіи „частные вопросы интересны только въ связи съ общими“, заключаются, по мнѣнію г. Драгоманова, въ слѣдующемъ: „У насъ до того укоренено традиціональное преклоненіе передъ Тацитомъ, до того сильно вліяніе наиболѣе пристрастной въ этомъ вопросѣ нѣмецкой науки, до того наконецъ мало извѣстны хотя и отдѣльныя попытки во французской и англійской литературѣ менѣе отрицательнаго отношенія къ Римской имперіи, — что всякая попытка въ такомъ родѣ у насъ кажется или страннымъ оригинальничаньемъ, или восхваленіемъ деспотизма, а во всякомъ случаѣ возстаніемъ противъ научности“ (стр. 255). Такое заявленіе г. Драгоманова невольно поражаетъ своею неожиданностію; опытъ его перваго труда показалъ что именно онъ поддалъ сильному вліянію извѣстной нѣмецкой литературы, даже до рабскаго подража-

на Северсу и Штару, а попытки французской и английской литературы давно уже были известны русской литературѣ стараніями г. Васильевского (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1864 № 2). Наконецъ, последнее обвиненіе взводимое авторомъ на Россію, въ которой будто бы „до многимъ причинамъ положительныя взгляды на Римскую имперію не могутъ пользоваться сочувствіемъ“ (стр. 392), намъ кажется равнымъ образомъ мало основательнымъ: въ русской литературѣ намъ известны лишь сочувственные отзывы о трудахъ Тьерри и Меривеля, а приемъ оказанный послѣднему труду самого г. Драгоманова известными органами петербургской печати опровергъ это мнѣніе автора вслѣдъ за выходомъ его книги въ свѣтъ.

Мы тѣмъ болѣе удивлялись подобнымъ заявленіямъ г. Драгоманова относительно особенностей русской литературы и ея положенія, что самый трудъ его естъ не что иное какъ лишь распространеніе взглядовъ высказанныхъ въ русской же литературѣ, именно въ одной изъ фельетонныхъ статей г. Чернышевскаго, помѣщенной въ *Современникъ: О причинахъ паденія Рима* (т. СXXXVII, стр. 90—117). Статья эта намъ хорошо известна, она написана по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія Гизо о цивилизаціи во Франціи, въ переводѣ котораго на русскій языкъ мы принимали дѣятельное участіе; въ этой статьѣ проявились всѣ особенности мысли и пера г. Чернышевскаго,—глумленіе надъ наукой, дешевое либеральничанье и желаніе быть оригинальнымъ во что бы то ни стало. Эта-то статья послужила г. Драгоманову образцомъ; развивая основныя возрѣнія Чернышевскаго на Римскую имперію, на варварство и т. п., онъ подражаетъ ей рѣшительно во всемъ, измѣняя лишь выраженія: если Чернышевскій говоритъ что „прогрессъ основывается на умственномъ развитіи“, то Драгомановъ повторяетъ что „способность къ прогрессу есть свойство преимущественно мысли человеческой“; если Чернышевскій говоритъ объ „учрежденіи чего-то похожаго на провинціальныя сеймы,“ то Драгомановъ трактуетъ о „представительныхъ учрежденіяхъ“ въ Римской имперіи, и т. п. Указывая на статью Чернышевскаго какъ на источникъ послужившій основой для труда г. Драгоманова, мы знаемъ что рискуемъ подвергнуться себя грубымъ нареканіямъ со стороны известныхъ органовъ печати, которые не замедлятъ усмотрѣть въ этомъ можетъ-быть, даже „доносъ“, „шпіонство“ и т. п. Но мы знаемъ цѣну сужденій этихъ мнимыхъ

органовъ либерализма и, ставя выше всего право каждаго свободно мыслить и обсуждать, независимо отъ какихъ-либо побочныхъ соображеній, спокойно приступаемъ къ разсмотрѣнiю труда г. Драгоманова.

Прошло двадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ какъ Грекъ Полибій впервые предугадалъ въ эллинской культурѣ и политической организациіи Рима два существенные элемента будущаго развитія человѣчества, и лишь новѣйшая наука своими изысканіями и изслѣдованіями подтвердила взглядъ греческаго историка. По отношенію къ исторіи Рима, эти изслѣдованія и изысканія велись долгое время двумя другъ отъ друга независимыми путями: въ то время какъ въ Германіи преобладали чисто-филологическія изслѣдованія надъ текстомъ письменныхъ памятниковъ римской исторіи, въ Италіи было обращено главнѣйшее вниманіе на археологическія изысканія, преимущественно на эпитафику и нумизматику; рядомъ съ филологическими трудами Вольфа, Нибура, Бека, въ Германіи, въ Италіи появляются антикварные труды Марини, Висконти, Боргези. Лишь въ послѣднее время знаменитѣйшій изъ современныхъ намъ историковъ, вѣмецкій ученый Момзенъ, соединилъ оба эти ряда изслѣдованій, филологическія и антикварныя, примѣнивъ археологическій матеріалъ къ критикѣ и пополненію письменныхъ памятниковъ. * Таково настоящее положеніе исторической науки по отношенію къ вопросамъ касающимся римской исторіи, такъ-называемое момзеновское направленіе характеризуетъ собою новѣйшую историческую школу. Если изслѣдованіе составленное исключительно въ одномъ изъ вышеуказанныхъ направленій не можетъ уже удовлетворять настоящему положенію науки, то сочиненіе игнорирующее оба эти направленія, конечно, не имѣетъ уже научнаго значенія, а таково именно сочиненіе г. Драгоманова: онъ не знакомъ съ латинскою эпитафикой и не пользуется римскою литературой.

Въ сочиненіи г. Драгоманова затронуты многіе вопросы неразрѣшимые безъ латинской эпитафики, какъ напримѣръ вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ въ Римской имперіи. Говоря о „конституціи Диоклетіано-Юстиніановской“, онъ находитъ что начало къ „участію населенія во всѣхъ дѣлствіяхъ власти“ было уже положено *представительными про-*

* *Hist. Zeitschr.*, 1868, II, 241.

официальными собраніями (стр. 409), съ рѣшительностію утверждаетъ что „представительныя собранія въ Римской имперіи были, и притомъ равнословныя, а не феодальныя“ (стр. 411) и съ увѣренностію высказываетъ положеніе что „Римская имперія есть первый примѣръ новоевропейскаго государства, земскаго и равноправнаго.“ Руководимый Чернышевскимъ, относящимъ представительныя собранія лишь къ „послѣднимъ временамъ Римской имперіи“ (стр. 102), г. Драгомановъ въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ извѣстный декретъ Гонорія и Θεодосія, „обращенный въ 418 году къ префекту Галліи, пребывавшему въ городѣ Арль“. * Такое доказательство болѣе чѣмъ оригинально уже и потому что, какъ извѣстно, населеніе южной Галліи отвергло это предложеніе императоровъ и собраніе въ Арль не состоялось, о чемъ г. Драгомановъ могъ узнать хотя бы изъ словъ Гизо, который, приведя переводъ императорскаго рескрипта, тотчасъ же прибавляетъ: „Провинціи и города отказались отъ предложеннаго имъ благодѣянія; никто не хотѣлъ избирать депутатовъ, никто не хотѣлъ ѣхать въ Арль.“ Но даже допустить что мѣра предложенная императорскою властію въ началѣ V вѣка „для защиты единства имперіи“ была приведена въ исполненіе и принята населеніями, можно ли ее считать характерною чертой государственнаго строя всей Римской имперіи? А между тѣмъ основная мысль г. Драгоманова справедлива, но она можетъ быть доказана на основаніи лишь эпиграфическихъ данныхъ, на основаніи надписей; положеніе, заимствованное у Тьерри, справедливо, доказательство же, приведенное по указанію г. Чернышевскаго, ложно.

Письменныя указанія, преимущественно законодательныя памятники, изъ которыхъ мы можемъ заключать о существованіи представительныхъ учрежденій въ провинціяхъ Римской имперіи, находятся въ Θεодосіевомъ кодексѣ, въ титулѣ *de legatis et decretis legationum* (12, 12) и древнѣйшее изъ этихъ указаній относится не къ началу V в., не къ 418 году, а къ половинѣ IV столѣтія, именно въ 355 году, когда Константинъ Великій, рескриптомъ къ префекту Африки, предоста-

* Объ этомъ декретѣ упоминаетъ Тьерри, *Tableau de l'empire Romain*, онъ переведенъ на франц. языкъ Гизо, *Hist. de la civilisation en Europe*, и на русскій Н. Барсовымъ, *Ист. цивилизац. въ Европѣ*; подлин. текстъ см. Bouquet, *Rerum Gall. et Francis.* I. 766.

вилъ африканскимъ провинціямъ право созывать собраніе совершенно свободно и безъ всякихъ стѣсненій со стороны императорскихъ чиновниковъ, составлять на этихъ собраніяхъ постановленія и представлять свои рѣшенія императору чрезъ своихъ выборныхъ. Такимъ образомъ, самое древнее указаніе литературное о представительныхъ собраніяхъ относится лишь къ половинѣ IV вѣка, между тѣмъ какъ надписи указываютъ на существованіе представительныхъ учрежденій еще во времена Августа, то-есть въ то именно время которое г. Драгомановъ, по его собственнымъ словамъ, имѣеть преимущественно въ виду и ради котораго написано имъ разсматриваемое сочиненіе. Такъ, касательно Галлій, надписи собранья различными учеными, а также знаменитая торинская надпись (Torigny), текстъ которой изданъ Момзенемъ, не оставляють сомнѣнія въ значеніи такъ-называвшагоса *concilium Galliarum*; по отношенію къ Испаніи трудъ Гюбнера, въ особенности же второй недавно изданный томъ, вполнѣ раскрываетъ политическій характеръ извѣстнаго *concilium provinciae Hispaniae citerioris*, на которомъ между прочимъ постановлено было воздвигнуть памятникъ одному изъ гражданъ, *ob causas utilitatesque publicas fideliter et constanter defensas!* * Незнакомство г. Драгоманова съ латинскими надписями тѣмъ болѣе непростительно что въ небольшомъ, но прекрасномъ трудѣ г. Шаховскаго (*О представительныхъ учрежденіяхъ въ древнѣмъ мірѣ*. 1866), онъ могъ найти какъ необходимыя для него доказательства, такъ и не менѣе необходимое предостереженіе отъ обвиненій русской науки, положеніе которой будто бы таково что не допускаеть разработки частныхъ вопросовъ.

Позволимъ себѣ еще одинъ примѣръ. Въ сочиненіи г. Драгоманова не разъ упоминается объ „обоготовленіи“ того или другаго императора, а между тѣмъ только латинская эпиграфика даетъ возможность уразумѣть дѣйствительный характеръ и настоящій смыслъ императорскаго обоготовленія. Въ упомянутомъ выше оборникѣ латинскихъ надписей Гюбнера приведено до 70 надписей о жрецахъ Таррагонскаго храма, *flamines provinciae*; полный титулъ этихъ жрецовъ: *flamen Romae, divorum et Augusti provinciae Hispaniae citerioris*, доказываетъ что они были жрецами Рима, императоровъ умер-

* *Corpus inscript. latin.*, II, 4.192.

шихъ и обоготворяемыхъ, и императора царствующаго живаго; культъ посвященный императорамъ не былъ культомъ личнымъ, относился не къ тому или другому цезарю, но вообще къ императорскому достоинству,—это было обоготвореніе монархической власти.

Примѣровъ такихъ недоразумѣній, проистекающихъ отъ незнакомства г. Драгоманова съ новѣйшими изслѣдованіями по латинской эпиграфикѣ, можно было бы привести довольно много; но двухъ указанныхъ нами совершенно достаточно чтобы вполне оцѣнить заявленіе г. Драгоманова, сдѣланное имъ въ № 73 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*: „Пусть любой старый критикъ обратитъ вниманіе на заглавіе моей книги и укажетъ мѣсто гдѣ въ ней должны излагаться какія бы то ни было надписи.“ Не строгій къ себѣ авторъ забылъ, конечно, что онъ самъ въ своемъ собственномъ трудѣ ссылагается на надписи на стр. 355!..

Отвергая необходимость эпиграфическихъ источниковъ, г. Драгомановъ находитъ въ такой же степени излишними и современные разсматриваемому имъ періоду памятники лисьмеивой литературы. Вотъ его собственные слова: „Авторъ настоящаго сочиненія предположилъ себѣ цѣлью возстановить жизнь римскаго общества въ половинѣ перваго вѣка по Р. X. посредствомъ критики важнѣйшаго историка того времени, Тацита. Но опредѣлать значеніе сочиненій Тацита можно только въ связи съ главнымъ вопросомъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи, а объ этомъ вопросѣ издавна накопилось весьма противорѣчивыя мнѣнія, а потому мы сочли необходимымъ прежде всего коснуться этихъ мнѣній и опредѣлить свою общую точку зрѣнія на время котораго важнѣйшія стороны хотѣлъ описать Тацитъ“ (стр. 5).

Обращаемъ вниманіе читателей на постановку вопроса: чтобъ оцѣнить сочиненія Тацита, необходимо опредѣлить предварительно значеніе Римской имперіи, которая не можетъ быть понята безъ Тацита. Еще не такъ давно одинъ изъ нашихъ ученыхъ, справедливо находя что „Римская имперія представляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человечества, настоящее уразумѣніе которой составляетъ задачу по своей громадности не имѣющую себѣ подобной для историка“, совершенно основательно говорилъ что „задача эта не рѣшена Тацитомъ, но никакъ не можетъ быть рѣшена никакъ-нибудь другимъ безъ его участія.“ То же самое выска-

зываетъ и самъ г. Драгомановъ нѣсколько строкъ выше въ лиски приведенной нами: „принимая во вниманіе важность для этого времени сочиненій Тацита, мы имѣли основаніе думать что работа должна быть сосредоточена на сочиненіяхъ Тацита“ (стр. 4). Ложная постановка задачи сочиненія, при которой г. Драгомановъ, вопреки собственному возрѣнію, сосредоточилъ свою работу не на сочиненіяхъ Тацита и вообще не на источникахъ, а на „историческомъ значеніи Римской имперіи“, отозвалась чрезвычайно печальными послѣдствіями на разсматриваемомъ сочиненіи г. Драгоманова, и прежде всего по отношенію къ Тациту.

Только полнымъ незнакомствомъ автора съ Тацитомъ можно объяснить замѣчаніе г. Драгоманова что „Тацитъ не могъ вполнѣ понять историческое значеніе Римской имперіи“ (стр. 350). Такое обвиненіе Тацита падаетъ всею своею тяжестью на обвинителя, не знающаго что Тацитъ умеръ въ первой половинѣ II вѣка, а Римская имперія существовала до конца V столѣтія. Удивляться ли послѣ того что г. Драгомановъ невѣрно понимаетъ и ложно переводитъ Тацита? Укажу на одинъ изъ подобныхъ промаховъ, затрудняющихъ выборъ лишь своимъ обиліемъ.

Желая увѣрить своего читателя что „рѣдкое государство, даже въ XIX вѣкѣ пользовалось такою свободой обученія кака была въ Римской имперіи“ (стр. 364), и стремясь выставить въ розовомъ свѣтѣ это школьное обученіе за то что оно „не было регламентировано правительствомъ“, г. Драгомановъ въ подтвержденіе своихъ словъ говоритъ что „въ школахъ задавались ученикамъ такія темы какъ благородство тираноубійства“ (стр. 362), причемъ дѣлаетъ небрежную осылку на *Tacit., Dial. de Orat.*, безъ болѣе точнаго указанія. Еслибы г. Драгомановъ былъ знакомъ съ *Диалогомъ объ ораторствѣ*, еслибы онъ его читалъ, то, конечно, никогда ни рискнулъ бы осылаться на него, и въ виду превознести это „не регламентированное правительствомъ“ школьное обученіе: въ XXXV главѣ *Диалога* это восхваляемая г. Драгомановымъ школы названы притонѣмъ разврата и въ нихъ ученики упражнялись надъ вопросами которые до того грязны что скромность запрещаетъ намъ привести ихъ въ русской рѣчи: „sic fit ut tyrannicidarum praemia, aut vitiatarum electiones, aut incesta matrum!“

Подобной участи подвергся не одинъ Тацитъ. Г. Драгома-

новъ относится къ памятникамъ римской литературы вообще крайне небрежно, чтобы не сказать болѣе. Онъ считаетъ философа Л. А. Сенеку современникомъ Августа (стр. 46), называетъ Веллея Патеркула и Флора „провинціалами“ (стр. 261), приписываетъ Саллюстію „два политическія письма къ Юлію Цезарю“ (стр. 66) и т. п. Такъ какъ вопросъ о мнимыхъ письмахъ Саллюстія къ цезарю вызвалъ печатную переписку въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, то мы позволяемъ себѣ сдѣлать по этому поводу два замѣчанія:

Вопервыя, наприсно г. Драгомановъ находитъ что подложность этихъ писемъ или, точнѣе, непринадлежность ихъ Саллюстію не вполне еще доказана и не всѣми еще учеными признана. Не вдаваясь въ неумѣстныя и въ данномъ случаѣ совершенно излишнія подробности, укажемъ г. Драгоманову на общедоступный сборникъ Паули, въ которомъ вопросъ этотъ подробно разсмотрѣнъ, и сдѣланъ слѣдующій выводъ: „Fälschlich dem Sallust beigelegt werden die zwei Briefe an Cäsar „De ordinanda republica“, an deren Aechtheit schon Lipsius und Carrio zweifelten und heutzutage kein Mensch mehr daran glaubt (VI, 1, 700). *Восторыя*, насъ удивляетъ смѣлое заявленіе г. Драгоманова что онъ говоритъ о письмахъ къ цезарю на одной страницѣ. Отвергая серіозность предложеннаго г. Драгомановымъ приема, по которому важность вопроса измѣряется числомъ страницъ, и не ругаясь, конечно, за помоту нашихъ указаній, беремъ однако на себя полную отвѣтственность предъ авторомъ и обществомъ, утверждая что г. Драгомановъ говоритъ объ этихъ письмахъ на страницахъ: 41, 53, 57, 66, 67, 69, 80, 84, 85 и 288; что на основаніи этихъ писемъ онъ дѣлаетъ заключенія о Саллюстіѣ и, наконецъ, что приведенное выше мѣсто изъ письма его къ редактору *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* можетъ служить характеристикой добросовѣстности полемическихъ приемовъ г. Драгоманова.

Момзему ставятъ въ заслугу что онъ первый при своихъ изслѣдованіяхъ по римской исторіи воспользовался не только письменною литературой, но и латинскою эпиграфикой; г. Драгомановъ не находитъ нужнымъ обращаться къ надписямъ и считаетъ излишнимъ знаніе литературныхъ источниковъ древности. Историческая наука признаетъ въ настоящее время что лишь соединеніе обоихъ направленій, археологическаго и чисто-филологическаго, можетъ оказать ей услуги. Г. Драгомановъ отвергаетъ оба эти направленія. Что же служить ему

основой при его изслѣдованіяхъ? На чемъ зиждутся его ученые труды?

Было бы неумѣстно говорить здѣсь что собственно разумѣется подъ Римскою имперіей; но нельзя умолчать о томъ какое именно представленіе соединяетъ г. Драгомановъ съ понятіемъ о ней: съ первой же страницы его труда читатель заключаетъ что авторъ имѣетъ своеобразное понятіе о Римской имперіи, не общепринятое, вѣковое, но не формулируетъ его въ ясное для себя представленіе, какъ бы обходить этотъ вопросъ и лишь въ концѣ уже своего сочиненія мимоходомъ говорить что подъ Римскою имперіей онъ разумѣетъ „*государственный союзъ народовъ*“ обладавшихъ извѣстною цивилизаціей“ (стр. 409). Мы можемъ не останавливаться на вопросѣ о томъ насколько употребляемое г. Драгомановымъ выраженіе *государственный, государство*, соответствуетъ общепринятому его значенію, какъ полтора, и ограничиться ссылкой на Аристотеля (Pol. III, 5; IV, 5; V, 6); но считаемъ необходимымъ хотя бѣгло отмѣтить главнѣйшія черты Римскаго государства, какъ оно сложилось въ періодъ республики и какимъ перешло въ имперію; причемъ предоставимъ голосъ одному изъ современныхъ намъ ученыхъ юристовъ, пользующагося симпатіями самого г. Драгоманова.

„Римское государство являло собою идею народнаго самодержавія... Въ Римѣ гражданинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и царь; онъ пользовался огромными правами; но не должно забывать что эти права были привилегіями самодержавія, и поэтому такая идея о государствѣ должна была повести къ страшному деспотизму какъ скоро власть переходила изъ рукъ народа въ руки нѣсколькихъ или одного лица. Это испыталъ Римъ: какъ только Сулла овладѣлъ верховною властію, тиранія входитъ въ Римъ и уже не покидаетъ его болѣе. Цезари управляютъ во имя народа, и стремленіе ограничить ихъ власть является государственнымъ преступленіемъ, становится *laese majestatis*. Государство являвшееся нѣкогда примѣръ величайшей политической свободы становится страшною тираніей, потому что власть принадлежавшая государству и исполнявшаяся различными элементами народа сосредоточивается въ рукахъ одного лица и естественно выражается въ безграничный произволъ. Въ числѣ причинъ паденія Западной Римской имперіи не послѣднее мѣсто занимаетъ ложная идея Римлянъ о государствѣ... Юри-

отъ III вѣка, изучая власть императоровъ, приходятъ къ заключенію что воля государя есть законъ,—*quod principi placuit legis habet vigorem*, и мотивируютъ это именно тѣмъ что народъ передалъ всю свою власть главѣ государства.“

Г. Драгомановъ не только признаетъ такую теорію императорской власти, но серьезно говоритъ намъ что въ Римской имперіи „состояніе личной свободы было таково что ему можетъ позавидовать въ настоящее время вся континентальная Европа“ (стр. 355), и видитъ въ Римской имперіи „государственный союзъ народовъ“. Намъ кажется что въ послѣднемъ случаѣ для г. Драгоманова было обязательно если не представить доказательства, то, по крайней мѣрѣ, разъяснить что именно разумѣетъ онъ въ данномъ случаѣ подъ государственнымъ союзомъ; всякій Римлянинъ время имперіи считалъ бы для себя оскорбительнымъ видѣть въ завоеванныхъ имъ провинціяхъ не болѣе какъ членовъ союза, и всякій провинціалъ протестовалъ бы противъ такого взгляда во всемъ строемъ своихъ отношеній къ Риму, какъ политическихъ, такъ экономическихъ и социальныхъ.

Кромѣ понятія о государствѣ, не менѣе своеобразное представленіе соединяетъ г. Драгомановъ и съ понятіемъ о національности. Насколько оригиналенъ взглядъ автора на национальность видно изъ того что утрата какимъ-либо народомъ своей національности и государственной независимости считается авторомъ высшимъ благомъ, какъ бы идеаломъ къ которому всякій народъ долженъ стремиться. Говоря о Евреяхъ, г. Драгомановъ находитъ что „Еврейскій народъ былъ болѣе счастливъ подъ владычествомъ Персовъ, Грековъ и Римлянъ, чѣмъ во время Давида и Соломона“ (стр. 317) и что „Еврейъ сталъ человѣкомъ лишь послѣ плѣненія вавилонскаго“ (стр. 318); переходя къ Грекамъ и видя какую-то особенную честь и славу для Эллискаго народа въ покореніи его Римомъ, г. Драгомановъ, отказываясь признать „уладокъ Греческаго народа“ въ утратѣ имъ политической самостоятельности, находитъ что послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ лишь въ пользу высокаго развитія Грековъ, при которомъ „греческій купецъ, промышленникъ, ученый, артистъ, наконецъ человѣкъ,—котораго космополитическій (sic) идеалъ уже сформировался у греческихъ философовъ,—не помѣщались въ Ассириянцѣ, Спартацѣ, ни даже въ Эллинѣ“ (стр. 319), и что „Полибій, возставая противъ мелочнаго политическаго патріо-

тизма Грековъ, былъ органомъ истиннаго патриотизма греческаго и человѣческаго“ (?).

Если Евреи, въ отвѣтъ на такое кощунство автора наль судьбами ихъ родины, съ озлобленіемъ, быть-можетъ, воспоютъ знаменитую пѣснь: „На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо съдохомъ и плакахомъ, внигда помянути намъ Сіона“; если Грекъ могъ бы бросить г. Драгоманову укорительное восклицаніе Филолемена къ стороннику Рима: „Ты радуешься гибели Греціи!“ — то мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ величіе Рима можетъ заключаться въ его паденіи, какъ то говоритъ г. Драгомановъ: „Отреченіе Римлянъ отъ своихъ государственно-національныхъ особенностей и усвоеніе западной и восточной культуры составляютъ счастье для самого Рима и великое, небывалое прежде, значеніе Рима“ (стр. 326). До сихъ поръ мы были убѣждены что отреченіе отъ своей національности и усвоеніе чуждой народу, не имъ выработанной культуры, можетъ свидѣтельствовать объ упадкѣ, никоимъ образомъ о величіи націи; авторъ хочетъ увѣрить насъ въ противномъ, но для этого еще слышкомъ мало однихъ темныхъ фразъ, въ родѣ слѣдующей: „*въ этомъ отреченіи отъ національныхъ традицій и духа заключается не только всемірно-историческое (для будущаго) значеніе Рима, но единственное спасеніе Римскаго народа, какъ національности и государства*“ (стр. 326). Отбрасывая въ этой фразѣ всѣ вводныя предложенія и вставочныя слова, лишь затемняющія ея основную мысль, и читая подчеркнутое нами, оказывается: „въ отреченіи отъ національныхъ традицій заключается спасеніе національности!“ Мы недоумѣваемъ ради какой цѣли понадобилось автору прибѣгать къ подобному абсурду, — спасеніе національности заключается въ отреченіи отъ нея? Недоумѣваемъ какимъ образомъ возставая противъ патриотизма Грековъ можно быть органомъ греческаго патриотизма? Не знаемъ что должно разумѣть подъ „человѣческимъ патриотизмомъ?“ и удивляемся что авторъ, убѣжденный конечно въ правотѣ высказываемыхъ имъ мыслей, не только не выясняетъ ихъ, но считаетъ необходимымъ маскировать въ темныя фразы. Или, быть-можетъ, въ этихъ фразахъ должно видѣть выраженіе того же оригинальнаго склада мысли какъ во многихъ другихъ фразахъ, на примѣръ въ слѣдующей: „римская политическая жизнь не имѣла истинной политической мудро-

сти, и оттого-то Римляне приобрѣли репутацію политически мудрыхъ людей“ (стр. 407)?...

Въ трудѣ объ историческомъ значеніи Римской имперіи авторъ не разсматриваетъ собственно Римской имперіи, но, по поводу какого-либо мнѣнія, нерѣдко случайнаго и едва высказаннаго гдѣ-нибудь въ статьѣ журнала или газеты, высказываетъ свои личныя чувствованія и ощущенія. „По вопросу о Римской имперіи, говоритъ авторъ, издавна накопились весьма противорѣчивыя мнѣнія“, и онъ, „считая необходимымъ коснуться (!) этихъ мнѣній“, дѣйствительно *прикасается* къ нимъ: онъ не изслѣдуетъ ихъ источника, значенія, смысла, но лишь высказываетъ свое одобреніе или неодобреніе этихъ мнѣній, разсуждаетъ по поводу ихъ и отвлекается въ обсужденіе вопросовъ совершенно постороннихъ. Приводя тѣ слова марсельскаго пресвитера V вѣка, Сальвіана, имѣвшаго большое нравственное вліяніе на современниковъ, въ которыхъ онъ, какъ христіанскій проповѣдникъ, ратуетъ противъ распутства высшаго сословія, противъ разврата „господь, не краснѣющихъ стать мужьями своихъ служанокъ“, г. Драгомановъ не опровергаетъ и не подтверждаетъ заключающагося въ нихъ извѣстія, не старается опредѣлить его значеніе, но считаетъ умѣстнымъ сдѣлать по поводу ихъ лишь слѣдующее, довольно циническое замѣчаніе: „христіанскому писателю не подобало бы лгать такіа аристократическія мнѣнія о *mésalliances*!“ (стр. 132). По поводу мнѣній Монтескье о Германцахъ, г. Драгомановъ вставляетъ обширное примѣчаніе о женщинахъ, въ которомъ старается доказать что женщина еще не человекъ: „въ новой Европѣ поднятіе (sic) женщины отъ варварскаго положенія до человека не совершилось вполнѣ нигдѣ еще“ (стр. 207). Касаясь вопроса о великомъ переселеніи народовъ, г. Драгомановъ объясняетъ причины его болѣе чѣмъ просто: „да изъ-за чего бы было и все переселеніе народовъ, еслибъ у варваровъ не было алчности къ добычѣ и грабежу?“ * Если первые два примѣра отличались хоть оригинальностью, то послѣдній лишень даже и этого качества, такъ какъ еще Тацитъ заставляетъ Церіалиса говорить что Германцевъ гонитъ въ Галлію *libido atque avaritia et mutandae sedis amor* (Hist. IV, 72). Въ трудѣ г. Драгоманова о Римской имперіи встрѣчаются разсужденія о

* Стр. 151, ср. статью г. Чернышевскаго, стр. 104 и слѣд.

„славянофилахъ“ и „бонапартизмѣ“, о „дѣтописи села Горохина“ и романѣ Евгенія Сю, о „дамахъ“ времени императора Граціана и „неаполитанской оперѣ“ и т. п., такъ что мы еще должны благодарить автора что онъ написалъ сочиненіе только въ четыреста страницъ: сочиненія, составляемыя по подобной системѣ, обыкновенно, не имѣютъ конца. Авторъ самъ признаетъ, однако, что написалъ много лишняго и такъ отзывается о своемъ трудѣ: „нашъ трудъ вышелъ длиннѣе быть-можетъ, чѣмъ нужно для сущности дѣла, но длиненъ онъ вышелъ потому что мы должны были, опровергая многія казавшіяся намъ неправильными мнѣнія, восходить къ разъясненію общеисторическихъ вопросовъ; защищая Римскую имперію отъ обвиненій и униженій, казавшихся намъ несправедливыми, мы должны были обратиться къ анализу также несправедливыхъ превозвышеній республики и варварскаго вторженія“ (стр. 413).

„Разъясненіе общеисторическихъ вопросовъ“ представляетъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ сторонъ разсматриваемаго труда, но, щадя читателя, мы позволимъ себѣ лишь привести подлинныя слова г. Драгоманова объ историческомъ методѣ. „Правильный историческій методъ, по мнѣнію автора, заключается въ употребленіи сравнительнаго изслѣдованія и распределенія различныхъ чертъ быта соотвѣтственно разнымъ эпохамъ развитія народовъ“ (стр. 206), а не правильный, — „во взглядѣ на исторію очами восточнаго фаталиста-визіонера, провозглашающаго что „все на свѣтѣ суета и миражъ, который только безумными принимается за дѣйствительность!“ (стр. 219). Таковъ методъ г. Драгоманова, при помощи котораго онъ счелъ возможнымъ „восходить къ разъясненію общеисторическихъ вопросовъ“ и не нуждаться ни въ элиграфическихъ, ни въ литературныхъ источникахъ.

„Защищая Римскую имперію отъ обвиненій и униженій“, г. Драгомановъ, вѣроятно вопреки своей воли, рисуетъ такую мрачную картину, при которой нѣтъ уже мѣста какому-либо свѣтлому взгляду на Римскую имперію. Онъ видитъ въ ней слѣдующіе черты: „военное варварство, безчеловѣчіе и дипломатическое интриганство, гадости аристократіи и жестокость деспотизма, волчью чувственность и звѣрство, отсутствіе свободы, императорскій деспотизмъ и грубость матеріальныхъ интересовъ“ и т. п. Едва ли тѣ которые „обвиняли и унижали“ Римскую имперію обрисовывали ее такими темными кра-

сками, какъ г. Драгомановъ, взявшій на себя роль защитника; едва ли при такомъ взглядѣ на Римскую имперію умѣстно его восклицаніе: „въ нашъ вѣкъ, и только въ нашъ, историкъ симпатично оборачивается къ императорскому Риму!“ (стр. 328).

Этого „симпатичнаго оборачиванія“ къ императорскому Риму мы не видимъ въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ г. Драгоманова о Римской имперіи; но тѣмъ съ большею ясностію выступаетъ его „антипатичное“ отношеніе къ самымъ элементарнымъ требованіямъ ученаго труда.

Насъ не удивляетъ неточность и даже невѣрность перевода г. Драгомановымъ латинскихъ авторовъ, свидѣтельствующая о его слабомъ знаніи одного изъ классическихъ языковъ,—что вѣроятно и заставило автора отвергать необходимость для его труда надписей и литературныхъ памятниковъ; насъ не удивляетъ и то что монахъ С. Галленскій, авторъ труда: *De gestis Caroli Magni libri II*, причисленъ къ „писателямъ обладавшимъ большимъ литературнымъ талантомъ“, — изъ чего ясно что г. Драгомановъ не только не читалъ этого труда, но незнакомъ даже и съ отзывомъ о немъ Ваттенбаха (*Deut. Geschichtsquell.* р. 126); не удивляетъ насъ, наконецъ, и масса цитатъ изъ классиковъ,—ихъ происхожденіе въ подобныхъ сочиненіяхъ всѣмъ хорошо извѣстно;* но считаемъ нужнымъ отмѣтить нѣкоторые изъ тѣхъ промаховъ, которые касаются современныхъ намъ произведеній западной литературы: глауленіе надъ изученіемъ классическихъ языковъ всегда указываетъ на западныя литературы, преимущественно на нѣмецкую, въ которой всѣ-де классики переведены. Какъ же владѣютъ подобные господа языкомъ хотя бы переводовъ?

Презрительно отзываясь о трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ и, между прочимъ, утверждая будто бы „характеристическія черты воззрѣній Гердера и Гегеля на римскую исторію и великое переселеніе народовъ составляютъ отличительную особенность почти всѣхъ нѣмецкихъ историковъ и можно ска-

* Для примѣра укажемъ на вопросъ о римскомъ мирѣ (рах гошапа), на стр. 256 и слѣд.: всѣ цитаты заимствованы изъ третьяго тома соч. Laurent, *Etudes sur l'hist. de l'humanité*, но не изъ того мѣста на которое однажды ссылается авторъ. Можно утвердительно сказать что почти весь ученый аппаратъ г. Драгоманова заимствованъ изъ Лорана.

сказать — всей нѣмецкой литературы“ (стр. 230), г. Драгомановъ читаетъ нѣмецкія сочиненія во французскомъ переводѣ (стр. 231), дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ сочиненій, нисколько не соответствующія тексту (стр. 285), выраженіе *Grösse des Vaterlandes* переводитъ не разъ чрезъ „увеличеніе отечества“, въ чемъ и разумѣтъ римскую *pietas* (стр. 16), и во *Всеобщей Исторіи* Вебера: видитъ продолженіе *Римской Исторіи* Моммзена! Особенно любопытны тѣ страницы (начиная съ 16й), на которыхъ приводится переводъ изъ упомянутаго труда Вебера: не говоря раздѣленія Веберомъ римской исторіи на три періода и переводя только два, г. Драгомановъ обращается къ Веберу съ слѣдующимъ одобреніемъ: „признаніе постепеннаго перехода римскаго государства изъ горodsкаго во всемірное, конечно, совершенно справедливо“ (стр. 21), причемъ это *конечно* является крайне комичнымъ обличителемъ автора.

Что касается изложенія, то приведенныя нами выписки достаточно указываютъ „симпатично ли оборачивается“ г. Драгомановъ къ требованіямъ русской рѣчи; мы можемъ лишь прибавить что чистотѣ слога много вредятъ „мальконщенты“, „филобарбары“, „алармисты“ и т. п. чужестранцы, свидѣтельствующіе, къ сожалѣнію, о любви автора къ иностраннымъ, не русскимъ словамъ и выраженіямъ. Мы не думали, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ излишнее, неоправдываемое необходимостію употребленіе иностранныхъ выраженій выкупалось бы введеніемъ въ историческій слогъ такихъ выраженій, уже чисто русскихъ, которые прежде не встрѣчались въ историческихъ произведеніяхъ нашей литературы, какъ „гадость“, „подлость“, или напримѣръ „стародумство римскихъ писателей“, подъ которымъ авторъ разумѣтъ „мрачный, безнадежный взглядъ на настоящее и идеализацію прошедшаго, полнѣйшій пессимизмъ, гуманную мизантропію“ (стр. 36).

В. БИЛЬБАСОВЪ.

ГРАФИНЯ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.*

ГЕНРИХА КРУЗЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТЭДА, графиня Восточной Фрисландіи, вдова графа Ульриха Цирксена.

ЭННО.

ЭДЗАРДЪ. } Ея сыновья.

ГЕЛА.

АЛЬМУТА. } Ея дочери.

ЭНГЕЛЬМАНЪ ФОНЪ-ГОРСТЪ, молодой рыцарь.

ГЕРО МАУРИЦЪ, владѣтель Дорнума.

ГЕРО ОМКЕНЪ, владѣтель Эзенса.

ЭДО ВИМКЕНЪ, владѣтель Гевера.

ИКО, владѣтель Книпгаузена.

ФОЛЕФЪ, владѣтель Ингаузена.

ГЕРДЪ ФОНЪ-ГЕЙДЕ.

АДОЛЬФЪ, графъ Ольденбургскій.

ИСААКЪ, чѣвало.

КАПЕЛАНЪ.

Воины, стражи, народъ и пр.

} Вожди Фризовъ.

Мѣсто дѣйствія—Восточная Фрисландія въ концѣ XV вѣка.

* Эта трагедія, по заявленію нѣмецкихъ журналовъ, есть одно изъ лучшихъ произведеній современной драматической поэзіи, и уже при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, въ видѣ книги, обратила на себя общее вниманіе величіемъ и силою содержанія, напоминающаго

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Графскій замокъ въ Аурихѣ.

ГЕЛА и АЛЬМУТА.

АЛЬМУТА.

Забудь его!

ГЕЛА.

Охотно бы, но какъ?

Ты сможешь ли пчелиный рой заставить
 Въ ту сторону летѣть, а не сюда?
 Ты сможешь ли рой мыслей безпокойныхъ
 Своею волей обуздать, сестра?
 И если днемъ разсвѣюсь я работой
 И мысль о немъ на время отгоню,
 То ночью онъ опять ко мнѣ приходитъ.
 Тогда онъ мой опять, сидитъ со мной
 По-прежнему, какъ лѣтчикъ въ нашемъ замкѣ,
 А я, тогда почти еще дитя,
 Чтобъ юношу печальнаго разсвѣять,
 Играла съ нимъ....

АЛЬМУТА.

А вышла не игра!

ГЕЛА.

Адольфъ мнѣ улыбался, точно солнце
 Весеннее, когда его земля
 Привѣтствуетъ травю и цвѣтами.
 Такъ и во мнѣ растутъ и расцвѣтають
 Всѣ прежнія блаженные мечты.
 Со мной онъ шутитъ, въ лобъ меня цѣлуетъ
 И шепчетъ мнѣ привѣтныя слова....

лучшія творенія древности. Прусское министерство просвѣщенія назначило за нее автору золотую медаль „за искусство“. Она недавно была поставлена на сценѣ въ Лейпцигѣ, гдѣ имѣла значительный успѣхъ и произвела глубокое впечатлѣніе. Доказательствомъ ея достоинства можетъ служить и то что въ самое короткое время она имѣла уже три изданія. *Прилѣч. переводч.*

И радостно проснусь я и вздохну,
Что это былъ лишь сонъ.

АЛЬМУТА.

Бѣдняжка Гела!

ГЕЛА.

И сердце вдругъ заесть! Такъ сто разъ
Во мнѣ печаль утраты оживаетъ....
Но я тебѣ наскучила, Альмута!
Не правда ли? Что можетъ быть скучнѣй
Покинутой невѣсты?

(Оттираетъ слезы и улыбается.)

Ну, а ты

Самъ покинуть хочешь человѣка,
Любимаго тобою. Ахъ, сестра!
Съ тобою будетъ то же что со мной:
Кто жизнью двойною наслаждался,
Тому несносно одинокимъ стать.
Прошу тебя, не торопись рѣшеньемъ.
Ты выслушать сперва его должна.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, я его и видѣть не хочу!

ГЕЛА.

Упрямица!

АЛЬМУТА.

Ужель мнѣ быть довольной
Остатками той нѣжности, какіе
Отъ итальянской дѣвы онъ сберегъ?
О, я готова бы надѣть доспѣхи,
Чтобы его на смертный вызвать бой!

ГЕЛА.

Такъ безъ суда его ты осудила?
Ахъ, юность справедливости не знаетъ!
Сюда идуть...

АЛЬМУТА.

Уйдемъ скорѣй отсюда;
Я съ Энгельманомъ встрѣтиться боюсь.

(Уходятъ.)

Входятъ: ГЕРО ОМКЕНЪ, ЭДО ВИМКЕНЪ и ФОЛЕФЪ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Законъ гласитъ что Фризы быть должны
Свободными, пока здѣсь вѣтеръ вѣтетъ;
Теперь не то!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Хвалились мы всегда
Что мы не знаемъ власти чужеземной,
И сами же теперь признали власть
Въ своей землѣ. Какое униженье!

ФОЛЕФЪ.

Чѣмъ выше, чѣмъ знатнѣе насъ Цирксеви?

ЭДО ВИМКЕНЪ.

И еслибъ нами правилъ мужъ, а то
Лишь женщина, которая твердитъ
Что матерински нами управляетъ,
Какъ будто мы ребята! Ико, вы?

ИКО (*входитъ*).

Любимецъ-то графини возвратился,
Вы слышали? Вѣдь Энгельманъ ужъ здѣсь.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Остался бы онъ лучше тамъ гдѣ былъ,
Молокосось надутый!

ИКО.

Нѣтъ, мой другъ.

Онъ износилъ ужъ дѣтскіе саложки
И бородой обросъ. Въ военной службѣ
Въ чужой землѣ служилъ онъ: у графини
Теперь онъ значить болѣе чѣмъ прежде.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Къ чему его назначила она?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ему о томъ заботиться не нужно.
Вы знаете, графиня предвѣщала
Всегда ему такъ много чудныхъ дѣлъ
И наговоритъ на томъ чтобъ оправдалась
Ея слова.

ИКО.

Она всегда права.

Дивлюсь я что Господь, какъ создалъ міръ,
Ея совѣта прежде не спросилъ.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Телерь побидеть владычество любимца.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Вотъ женскаго правленья хвостъ обычный!

Но оны идетъ сюда. Мы примемъ видъ,

Какъ будто бы его не замѣчаемъ.

Ему досадно будетъ. Отвернемся.

(Нѣкоторые садятся.)

ЭНГЕЛЬМАНЬ *(входитъ съ живостью).*

Привѣтъ вамъ, господа! Я радъ что встрѣтилъ

Всѣхъ доблестныхъ начальниковъ страны

И вмѣстѣ всѣхъ привѣтствовать могу:

Вась, храбрый Геро Омкень, Эдо Вимкень,

Иевера, владѣтель молодой,

Вась, рыцарь Фолефъ, рыцарь Ико! Чтò же

Не слышу я отвѣта?

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Добрый день!

Не правда ли, свѣжо таки сегодня?

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Иль не узнали вы меня?

ГЕРО ОМКЕНЬ.

О, нѣтъ!

Какъ не узнать! Вы—Энгельманъ фонъ-Горстъ,

Чтò противъ Геро Маурица....

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Тотъ самый.

Три года я скитался на чужбинѣ;

Я видѣлъ свѣтъ и красоту его;

Но лишь ступилъ на почву мнѣ родную,

Лишь услышалъ на языкѣ родномъ

Отъ лахаря привѣтъ, какъ на душѣ

Свѣтлѣе стало вдругъ, какъ будто солнце,

Спускаясь въ море, улыбнулось мнѣ.

Ахъ! край родной милѣ всякихъ странъ.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Но помнится что родомъ вы Вестфалецъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, точно, я въ Вестфалии родился,
 Но такъ какъ мать моя была Фрисландка,
 То я, лишась ея, былъ взятъ сюда
 И здѣсь возросъ у дяди моего,
 А умеръ онъ,—графиня приняла
 Меня въ свое семейство. И теперь,
 Друзья мои, вы можете считать
 Меня за земляка.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ну, не совсѣмъ!

Вотъ посмотрите,—на дворѣ лавицъ
 Красуется хвостомъ своимъ роскошнымъ;
 Онъ точно здѣшній выводокъ, но съ виду
 Замѣтна въ немъ не здѣшняя порода.
 Вотъ такъ и вы для Фриза слишкомъ лышны!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Надѣюсь, вы надъ платьемъ лишь смѣтаетесь;
 Но тамъ, гдѣ былъ я, всѣ одѣты такъ;
 Вамъ страненъ мой нарядъ? Его сниму я.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вы сами къ намъ нисколько не пристали.
 А новымъ человѣкомъ стать труднѣй,
 Чѣмъ въ новую одежду облачиться.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Когда бъ вы мнѣ сказали, господи,
 За что мнѣ нѣтъ привѣтливаго слова?
 Мнѣ такъ здѣсь хорошо!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

О, вѣрю вамъ!

Здѣсь рѣки всѣ текутъ млекою и медомъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, нѣтъ нигдѣ такихъ луговъ роскошныхъ
 И стадъ такихъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ *(про себя)*.

Иль онъ не замѣчаетъ?

(Гролко.)

Да, наши нивы тучны и красивы,
 Когда-бъ на нихъ чужихъ поменьше было.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что это значить?

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Напримѣръ, хоть князь
Вестфальскихъ, что сюда приходятъ къ намъ
Чтобъ отъѣздаться.

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Шпильки, Геро Омкень!

Хотите оскорбить,—скажите прямо.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Нашъ разговоръ не нравится ему;
Начнемте о другомъ.

ИКО.

Да, о другомъ.

Вы, кажется, изъ Мюнстера?

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Оттуда.

ИКО.

Что это за страна?

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Страна такая

Гдѣ учатъ дерзкихъ дураковъ.

ИКО.

Прекрасно!

Не горячитесь только; вѣдь у насъ
Подобная горячность не въ ходу.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Потше, юнкеръ Энгельманъ, потше!
Заносчивость вамъ вовсе не къ лицу!

ФОЛЕФЬ.

Что жь, рѣшено ли наконецъ, какое
Вы для себя избрали назначенье?
Вы всегда высоко заносились:
Кѣмъ быть хотите—королемъ или палой?

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Вы знаете, я вспыльчивъ; такъ ужели
Поэтому дразнить меня хотите?
Терпѣть не буду больше. Берегитесь!
Я дворянинъ такой же какъ и вы.
Кто тамъ смѣется?

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Мы.

ИКО.

Да, мы смѣемся.

Ты, лиголица гордая! Мы всѣ
 Ъдимъ свой хлѣбъ, а ты живешь на хлѣбахъ
 У госпожи своей: вотъ разница межъ нами!

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Мы вольные начальники народа,
 А ты къ придворной челяди причисленъ.

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Какъ?

ИКО.

Такъ же: здѣсь хотятъ устроить дворъ,
 А какъ у насъ не водится льстецовъ,
 То сволочь ту берутъ изъ пришлецовъ.

ЭНГЕЛЬМАНЬ *(обнажая мечъ).*

Мерзавцы! защищайтесь.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Какъ? здѣсь въ домѣ?

*(Онъ встаетъ. Въ наступаютъ на
 Энгельмана.)*

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Помѣримся мечами!

ИКО.

Погоди.

Быть-можетъ, такъ заведено у васъ,
 Въ Германіи, гдѣ цѣлыя ватаги
 Голодныхъ рыцарей всегда готовыхъ
 На драку лѣзтъ; но здѣсь у насъ не такъ.

ФОЛЕФЬ.

Отъ насъ ты этой чести не дождешься.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

До этого еще ты не доросъ.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Для насъ смѣшонъ искатель приключеній,
 Который къ намъ свалился съ облаковъ.

ЭНГЕЛЬМАНЬ.

Въ васъ чести нѣтъ ни на волосъ, я вижу.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Эй, берегись, не вышло бы бѣды!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Вы, кажется, хотите поступить
 Попржему, когда изъ лустяковъ
 Съ мечомъ на Геро Маурица налали,
 На доблестнаго старца и на дяю
 Самой графини? Васъ она тогда
 Послала за границу, чтобъ ума
 Тамъ набрались; а вы вернулись къ намъ
 Такимъ же какъ и были.

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(медленно вкладываетъ мечъ
 въ ножны).*

Стыдно мнѣ!

Меня вы раздражили; вы нарочно,
 Изъ дьявольской забавы, раздражили.
 Но—мы сочтемся съ вами, господа.
 Сочтемся мы. И, честію клянусь....

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Сюда идетъ графиня. Замолчите
 И отойдите въ сторону.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Зачѣмъ?

ЭДО ВИКМЕНЬ.

А ну, пожалуй, суньтесь ей навстрѣчу!
 Она сейчасъ по вашему лицу
 Узнаетъ что вы начали съ того же,
 Чѣмъ кончили тогда.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я отойду.

(Отходитъ въ сторону.)

ФОЛЕФЬ.

Кого это графиня такъ бранить?

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Ахъ, это Гердъ фонъ-Гейде: обольстилъ онъ
 Армгарду, Остергаузена красотку!
 Вотъ за нее графиня и вступилась.
 Бѣдьяжка Гердъ! Ему не слобровать:
 Она горой стоитъ за строгость нравовъ.

Входятъ: ГРАФИНЯ ТЭДА и ГЕРДЪ ФОНЪ-ГЕЙДЕ.

ГРАФИНЯ.

Такъ дѣвущку ты эту обольстилъ?

ГЕРДЪ.

Графиня!.. я... я только... я хотѣлъ....

ГРАФИНЯ.

Да или нѣтъ? Мнѣ знать не нужно больше.

ГЕРДЪ.

Не залираюсь я что о любви

Съ ней говорилъ.

ГРАФИНЯ.

Ты съ ней лишь говорилъ?

Но ты ее невинности лишилъ!

Я требую чтобъ ты на ней женился,

Пока еще не сдѣлался отцомъ!

ГЕРДЪ.

Вы шутите, графиня?

ГРАФИНЯ.

Я шучу?

ГЕРДЪ.

Ужели я на ней жениться долженъ?

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ же нѣтъ, безлутный негодяй!

Не будь я здѣсь владѣтельной графиней,

Сама сняла бы со стѣны аралникъ,

Чтобъ хорошенько вразумить тебя!

Зачѣмъ же не жениться? Чтò мѣшаетъ?

Ея отецъ—почтенный поселянинъ,

Онъ всеми здѣсь любимъ и уважаемъ.

Чтò можешь ты сказать противъ нея?

Она прекрасна и стройна.

ГЕРДЪ.

Все такъ.

ГРАФИНЯ.

Она во всемъ искусна и честна,

Пока ты съ ней не... говорилъ. Повѣрь,

Ты этакой жены еще не стоишь.

ГЕРДЪ.

Но какъ же мнѣ простую поселянку

Въ свой домъ ввести хозяйкою?

ГРАФИНЯ.

Ого,

Какая гордость! Мы, Фрисландцы, здѣсь
 Всѣ поселяне—вольны и равны,
 Лишь яди на двѣ больше или меньше—
 Вотъ вся межъ нихъ и разнища.

ГЕРДЪ.

Однако....

Что скажутъ обо мнѣ мои друзья
 При этакой женѣ? Съ какимъ презрѣньемъ
 Моя сестра къ ней будетъ относиться?
 И мать моя.—вы знаете ее,—
 Она въ семью не приметъ поселянку.

ГРАФИНЯ.

О, какъ глупа такая гордость! Другъ,
 Здѣсь, во Фрисландіи, всѣ поселяне,
 Но каждый чтитъ себя какъ дворянина.
 Ихъ не тѣснило рабство никогда;
 Они спасли себя отъ ига Римлянъ
 И отъ другаго, бѣльшаго, отъ ига
 Морскихъ лучинъ, которыя грозили
 Всю нашу землю поглотить и съ громомъ,
 Ища добычи, вѣчно ударяютъ
 Въ плотины наши—дѣло нашихъ рукъ.
 Такъ мы живемъ на собственной землѣ
 И голову высоко поднимаемъ,
 И всѣ равны другъ другу, и свободны,
 И совѣщанья наши въ Улстаальбомѣ.

ГЕРДЪ.

Такъ говорятъ; пріятно это слышать;
 Но вѣдь одинъ лишь чиститъ лошадей,
 Другой на нихъ гарцуетъ.

ГРАФИНЯ.

Замолчи!

Бѣдняжка эта, кроткая голубка,
 Предъ ястребомъ могла ли устоять?
 Я не хвалю когда дѣвица съ милымъ
 Сближается, какъ съ мужемъ; но ея
 Довѣрчивость простибельна. Итакъ,
 Я требую чтобъ ты на ней женился.

Я требую. И твоего ребенка
Сама крестить я буду. И скажи
Ты матери своей чтобъ на нее
Я жалобъ отъ невѣсты не слыхала.

ГЕРДЬ.

Но дайте мнѣ хоть малую отсрочку,
Вѣдь надо приготовиться.

ГРАФИНЯ.

Даю.

ГЕРДЬ.

Два мѣсяца...

ГРАФИНЯ.

И двухъ недѣль довольно!

И болѣе не дамъ тебѣ ни дня.

(Уходя, замѣчаетъ Ико.)

Что мнѣ пришлось о васъ услышать, Ико?

ИКО.

А что?

ГРАФИНЯ.

Вы двухъ Цыганъ...

ИКО.

Велѣлъ повѣсить

За то что у меня украли лошадь.

Ну что жь?

ГРАФИНЯ.

Но вѣдь они въ томъ не сознались?

ИКО.

Они не сознаются никогда.

ГРАФИНЯ.

Но вы ихъ въ этомъ вѣдь не уличили,

И не было свидѣтелей у васъ.

ИКО.

Мой конь пропалъ; Цыгане жь были тутъ:

Какихъ еще тутъ нужно доказательствъ?

Лишь страхъ одинъ и сдержитъ эту сволочь.

ГРАФИНЯ.

Иль вѣчно будутъ насъ считать за дикихъ?

ИКО.

Все лучше, чѣмъ за кроткихъ. Лучше вѣшать

Ихъ болѣе чѣмъ меньше: это племя

Цыганское.

ГРАФИНЯ.

Такъ вотъ что вамъ скажу:

Пока они здѣсь у меня живутъ,
 Какъ подданныхъ, я защищать ихъ буду,
 И если вновь про судъ такой услышу,
 (съ угрозою поднимаетъ руку),
 Вы кровью мнѣ отвѣтите.

ИКО.

Графиня!

Графиня удаляется, не слушая его; она медленно опускаетъ руку и проходитъ мимо преклонившихся вождей.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Вотъ женщина! Нѣтъ только бороды!

ФОЛЕФЬ.

Иной мужчина этого не скажетъ.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

У ней такой суровый видъ съ тѣхъ поръ,
 Какъ этою странюю управляетъ,
 И, нечего сказать, съ умомъ и силой.
 Какъ женщины, которыя порою
 Играютъ роль мужчинъ, она нарочно
 Старается усилить грубость тона.

ГЕРДЬ.

Умно вы говорите, господа,
 А не хотите вспомнить о позорѣ,
 Который сдѣланъ намъ. Графиня съ нами
 Обходится какъ будто бы съ рабами:
 Аралникомъ она мнѣ пригрозила!

ФОЛЕФЬ.

Да, словъ своихъ не взвѣсила она.

ГЕРДЬ.

На васъ позоръ лишь косвенно упалъ;
 А мнѣ-то какво?

ФОЛЕФЬ.

Что жь? покорись!

Намъ отъ нея вѣдь также досажалось:
 Что значитъ жеребцу ударъ кобылы!

т. хс.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Бываютъ случаи на свѣтѣ хуже,
Чѣмъ получить красавицу жену.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Въ такихъ дѣлахъ отъ женщины нѣтъ лошады;
Ужь лучше покорись.

ГЕРДЬ.

Какъ? Покориться?

Да вы ребята что ли, что даетесь
Въ постель себя укладывать графиня?
Чѣмъ выше насъ Цирксеи? Понемногу.
Возвысились они черезъ богатство,
И стастіе, и выгодные браки;
Но мы висколько ихъ не ниже: мы —
Начальники свободного народа,
И „лучше смерть чѣмъ рабство!“ говорили
Когда-то Фризы.

ФОЛЕФЬ.

Да, несносно это.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Когда бъ то былъ еще нашъ добрый Ульрихъ,
Который власть здѣсь первый основалъ.
Онъ былъ давно ужъ графъ, но называлъ
Себя лишь юнкеръ Ульрихъ и предъ нами
Достоинствомъ своимъ не возносился.
„Могу ль вамъ дать совѣтъ, любезный братъ?“
Онъ говорилъ бывало, или: „смѣю ль,
Мой добрый другъ, сказать свое сужденье,
А лучше будетъ ваше—уступлю.“
Онъ даже возвратилъ своихъ враговъ,
Изгнанниковъ, и, водворяя миръ,
Далъ отдохнуть странѣ отъ долгихъ смуть.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Онъ зналъ какъ учать дикихъ лошадей,
И насъ умѣлъ объѣздить незамѣтно.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Да, мы тогда не замѣчали власти;
Но гордая жена его, графиня,
Такъ властвуетъ, какъ будто сотни лѣтъ

Здѣсь домъ ея господствуетъ надъ нами.
„Графиня“ во Фрисландіи все то же
Что „императоръ“ значить у другихъ.

ГЕРДЪ.

Не устоять ни рѣвки, ни твердыни
Предъ совокулной силою, друзья!
Когда бъ мы только всѣ соединились,
И гдѣ тогда ея господство? гдѣ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(который слушалъ безучастно)*

Здѣсь, другъ, и тутъ!

(Показываетъ на голову и сердце).

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ здѣсь еще? Мы, Фризы,
Охотнѣе бесѣдуемъ одни.

ГЕРДЪ.

Онъ хочетъ насъ подслушать и предать.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Пойдемте въ Эзенсъ, въ замокъ мой, друзья.
За мной! Тамъ нѣтъ у насъ....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кого?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Шпіоновъ!

(Всѣ вожди уходятъ).

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(однѣ).*

Тутъ зрѣть что-то въ родѣ заговора;
Но я всему разсѣянно внималъ,
Смущенный и собою недовольный.
Гдѣ жь это обладаніе собой,
Которое клялся я сохранять?
Но что это за люди? Что мнѣ въ нихъ?
И можно ль ихъ дворянами назвать?
Нѣтъ, прочь отъ нихъ! Меня одно тревожитъ —
Чета сестеръ, божественно прелестныхъ!
Когда же ихъ увижу наконецъ?
Зачѣмъ же я слѣшилъ, какъ сумасшедшій,
Привѣтствовать Фрисландію скорбѣй,
Гдѣ для меня такъ непривѣтны люди,

Гдѣ черная, болотистая почва
 Была бѣ мертва, коль не цвѣли бѣ на ней
 Двѣ стройныя, серебристыя березы.

ГЕЛА (*появляется въ дверяхъ*).

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты ль это, Гела! Ахъ, не уходи!
 Я ужь три дня какъ возвратился въ Аурихъ
 И съ вами воздухомъ однимъ дышу.
 По-прежнему я принять былъ графинею;
 Но дочерей ея вездѣ не вижу.
 Чтѣ жь тугъ виной, что даже и теперь
 Не хочешь ты привѣтствовать меня?

ГЕЛА.

Тебѣ я рада.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Это ли пріемъ,

Котораго такъ жадно ожидать я?
 Ты рада мнѣ? и это говоришь
 Съ холодностью такой?

ГЕЛА.

Я не умѣю

Маскировать значенъе общихъ словъ;
 Когда я говорю что рада я,
 Ужель должна показывать я радость?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, ты всегда правдива. Такъ скажи
 По правдѣ мнѣ: ужели мой проступокъ
 Предъ благороднымъ дядею твоимъ...

ГЕЛА.

Такъ ты не знаешь въ чемъ тебя винять?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Въ чемъ виновать я? О, скажи, скажи!

ГЕЛА (*зипинается*).

А жизньъ твоя въ Италиі? Прилѣхни.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я ни въ Италиі и ни въ иной
 Какой-либо странѣ не совершилъ
 Ни одного безславнаго поступка.
 При Куртатонѣ я и Беневентѣ

Всегда сражался впереди другихъ
И первый въ битву бросился съ конемъ
Въ разлившіяся воды Гарцвально.

ГЕЛА.

О храбрости твоей сомнѣнья нѣтъ,
Хотя и говорятъ что тамъ у нихъ
Безкровныя побѣды совершались.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Безкровныя? Да развѣ въ жилахъ иль
Была вода?

ГЕЛА.

Они сражались такъ,
Для виду только, какъ на сценѣ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вотъ что!

ГЕЛА.

То былъ лишь бой притворный. Всѣ войска
Наемниковъ—былъ только трусовъ сбродъ,
Который лишь о жалованьѣ думалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не знаю кто вамъ вздумалъ разказать
Такую сказку. Кто объ итальянской
Войнѣ съ такимъ презрѣньемъ отзывался,
Тотъ лавровъ въ ней навѣрно не стяжалъ.

ГЕЛА.

Однако онъ сражался тамъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто жь это?

ГЕЛА.

Разказывалъ намъ это Гердъ фонъ-Гейде.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А, вотъ кто! Гердъ фонъ-Гейде! Да вѣдь онъ
И въ битвѣ не участвовалъ.

ГЕЛА.

Солгалъ онъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Солгалъ. Онъ былъ уволенъ до сраженья.

ГЕЛА.

Уволенъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, чтобъ не сказать: былъ выгнанъ.
 Но утромъ разъ исчезъ онъ, и никто
 О немъ не пожалѣлъ.

ГЕЛА

Но отчего же?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Позволь объ этомъ мнѣ не говорить.

ГЕЛА.

Ну, хорошо, довольно о войнѣ.
 Мы перейдемъ теперь къ другимъ побѣдамъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Къ другимъ побѣдамъ? Какъ это понять?

ГЕЛА.

Къ побѣдамъ легкимъ и позорнымъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что?

ГЕЛА.

Ты былъ знакомъ съ графинею Русполи?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, кто жь ея не знаетъ тамъ? Она
 Живетъ богаче и пышнѣ всѣхъ.
 Придворныхъ дамъ въ Неаполѣ.

ГЕЛА.

Ты знаешь

Ея дворецъ у моря?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

У нея

Дворецъ на Капри, мѣстѣ древнихъ оргій.

ГЕЛА.

Ты былъ тамъ.... часто?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Никогда!

ГЕЛА.

Припомни.

Вы близки не были?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

АЛЬМУТА (*подбѣдя стремительно*).

Ты лжешь,

Безчестный!.. Вотъ какъ онѣмѣлъ онъ вдругъ
И простираетъ руки, будто хочетъ
Отсторонить ладенъе роковое
Скалы грозящей раздробить его!
Да, истина сразить тебя во прахъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Альмута! Я не знаю....

АЛЬМУТА.

О, ты знаешь

И знаешь хорошо, какъ проводилъ
Въ томъ замкѣ дни и цѣлыя недѣли!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я пораженъ....

АЛЬМУТА.

Что намъ извѣстно все,
Какъ жилъ ты тамъ? Стоустая молва
И въ захоlustье наше долетѣла;
Да, намъ тростникъ болотный прошепталъ,
Что ты творилъ тамъ съ этою Руслою,
Съ безпутною графиней итальянской!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я изумленъ былъ оттого, Альмута,
Я и молчалъ, — совсѣмъ не изъ сознанья
Моей вины.

АЛЬМУТА.

Возьми свое кольцо!

*(Срываетъ съ руки своей перстень.)*ГЕЛА (*подхватываетъ е. о. и прячетъ*).

Спокойся!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Осужденный просить слова,
Когда надъ нимъ ужъ судъ произнесенъ.

АЛЬМУТА.

Какъ будто все тебя не уличаетъ!
А что тебя въ Неаполь держало?
Четыре мѣсяца ты тамъ сидѣлъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, не сидѣлъ, а на одрѣ болѣзнь
 Лежалъ безъ силъ. Вотъ, посмотри сюда!

(Разрываетъ платье и показываетъ грудь.)

АЛЬМУТА.

О, Господи! Какой рубецъ ужасный!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, широко зіяла эта рана,
 И съ честью кровь струилась изъ нея,
 Когда я былъ сраженъ у Гарильяно:
 Она дала мнѣ рыцарскій ударъ.

АЛЬМУТА.

Мнѣ Гердъ сказалъ что ты все это время
 Не въ битвѣ былъ, а съ дамою своей.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ея ты знаешь?

АЛЬМУТА.

Нѣтъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И лѣтъ какихъ?

АЛЬМУТА.

Ахъ, у красавицъ не бываетъ лѣтъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ знай что ей ужъ за сорокъ давно;
 Хотя глаза ея бросаютъ искры,
 Способныя пожаръ произвести.

АЛЬМУТА-

Вотъ какъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но въ ней вѣдь только и осталось

Что тѣ глаза; сама жъ она лишь кости
 Да кожа.

(Онъ приводитъ въ порядокъ платье и между тѣмъ обнаруживаетъ золотую цепочку съ медальйономъ.)

АЛЬМУТА.

Вотъ она! Подай сюда!

Ее хочу я видѣть!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Хочешь видѣть?

АЛЬМУТА (*хватая цѣпь*).

Цѣлочка золотая съ медальйономъ,—
 О ней мнѣ Гердъ разказывалъ, — я знаю,
 Ты на груди всегда ее носишь; —
 О, покажи соперницу мою!

ЭНГЕЛЬМАНЪ:

Ну, вотъ твоя соперница!

АЛЬМУТА.

Дитя!

И въ локонахъ златистыхъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто же это?

АЛЬМУТА.

Мнѣ кажется...

ГЕЛА

Что жь покрасѣла ты?

АЛЬМУТА (*отворачиваясь*).

Ахъ, это я сама!

ГЕЛА (*разсматривая медальйонъ*).

Да, это ты! И я сама однажды
 Тебя тайкомъ списала на кости.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, Гела мнѣ его при разставаньи
 На память подарила. Тутъ головка
 Дитяти; но глаза сіяютъ чувствомъ
 Глубокимъ: въ нихъ мнѣ видѣлась любовь.

АЛЬМУТА.

Ужасно! Какъ меня онъ обманулъ!
 Прости меня, прости!

(*Прижимается къ нему*.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну что, дикарка,
 Смирилась ли? Ревнивая тигрица!

АЛЬМУТА (*опустивъ голову*).

Да, смѣйся, смѣйся! Я того достойна.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ дикій медъ, сладка ты для меня!

АЛЬМУТА.

Прошу тебя, мой милый, думай только,
Что это кровь прабабушки моей
Кипитъ во мнѣ. Ты отучи меня
Отъ этихъ дикихъ вслышекъ. Я была
Глула, неправда ли?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты сознаешься!

АЛЬМУТА.

Для васъ, мушкетъ, открытый луть повсюду;
За вами намъ возможно ль услѣдить?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы, кажется, готовы для охраны
Дать ангеловъ намъ цѣлый легионъ.

АЛЬМУТА.

Я больше не ревную; но скажи, —
Я думаю что много глазъ прелестныхъ.
Завлечь тебя старались? Что жъ ты дѣлалъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да ничего! Я дѣлалъ видъ, какъ будто
Не вижу ничего.

АЛЬМУТА.

А на признанье

Изустное?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я отвѣчалъ молчаньемъ;

И не одни прелестныя уста
Неловкаго Германца проклинали.
Я лишь искалъ уединенья: тамъ
Я могъ смотрѣть на этотъ ликъ.

(Показываетъ на грудь.)

АЛЬМУТА.

О, милый!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А все-таки для Герда ничего
Не стоило меня передъ тобою
Такъ очернить.

АЛЬМУТА.

Я дѣвушка простая,

Я выросла въ деревнѣ и не знала,
 Что въ свѣтѣ есть клеветники такіе;
 Могла ли я подумать что онъ лжетъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что жь про меня разказывалъ онъ вамъ?

АЛЬМУТА.

О, многого нельзя и передать!
 Изъ-за чего онъ такъ тебя поноситъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ какою цѣлью жалитъ скарпіонъ?

АЛЬМУТА.

Не оскорбилъ ли ты его?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Напротивъ,

Онъ много мнѣ обязанъ.

АЛЬМУТА.

И за это

Такъ платитъ онъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мнѣ многое о немъ

Извѣстно хорошо. Хотя во мнѣ
 Его сокрыта тайна, какъ святыня;
 Но все-таки онъ мнѣ не довѣряетъ.
 Онъ холодно сегодня мнѣ кивнулъ,
 И взоръ его, который бросилъ онъ
 Украдкой на меня, дышалъ враждою.

ГЕЛА.

Да, взоръ его тяжелъ и страшень!

АЛЬМУТА.

Да!

И на меня порою онъ глядитъ
 Пронзительно, огромными глазами,
 Которые какъ факелы горять!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И смѣетъ онъ глядѣть такъ на тебя?

АЛЬМУТА.

Я разказать не въ силахъ что тогда

Я чувствую: мнѣ стыдно и досадно.
Но ужь довольно говорить о немъ!

(Разглаживаетъ ему волосы.)

Ты помнишь ли какъ вечеромъ однажды
Далекій громъ на взморье вызвалъ насъ?
Мы сѣли на коней и поскакали
Черезъ поля къ плотинѣ той большой,
Подъ Фридебургъ, смотрѣть прибой прилива.
Я вся дрожала, какъ за валомъ валь
Грозилъ разрушить наше укрѣпленье;
Но, объ его твердыню разбиваясь,
Насъ брызгами и лѣной-обдавалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И ты тогда, подобная богинѣ
Которая изъ лѣвы родилась,
Задумчиво глядѣла на лучину.

АЛЬМУТА.

Не заходило солнце, нѣтъ, оно
Сливалось съ водой въ одну стихію
И медленно съ ней вмѣстѣ потухало.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И мы явленьемъ тѣмъ погрязены,
Глядѣли другъ на друга, подъ покровомъ
Таинственного сумрака, и вновь
Другое солнце просіяло намъ!
Съ тѣхъ поръ какъ мы слились тогда устами,
Ничьихъ я устъ ужь больше не лобзалъ!

АЛЬМУТА.

Ахъ, стою ли я вѣрности такой?
А помнишь ли, какъ по лугу съ тобой
Мы весело играли и потомъ
На челнокѣ катались.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, и часто

Крушенье мы терпѣли въ тростникѣ,
Который насъ скрывалъ отъ взоровъ свѣта.
О, сладостная прелесть дѣтскихъ лѣтъ!

АЛЬМУТА.

А какъ зимой мы на конькахъ катались?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Рука съ рукой по зеркалу рѣки,
Забывъ весь свѣтъ съ тобою мы неслись....

АЛЬМУТА.

Пока совсѣмъ стемнѣло, и подъ нами,
Какъ въ зеркалѣ, во льду сверкали звѣзды.
Надъ нами было небо и подъ нами....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И въ насъ!

АЛЬМУТА.

Да, ты все тотъ же какъ и былъ!
Пускай теперь приходитъ горе!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Горе?

Какая скорбь тебя тревожить?

АЛЬМУТА.

Милый!

Ты думаешь что будемъ мы счастливы?
Что мать моя....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ неужель она

Тебѣ сердечный выборъ не дозволить?

АЛЬМУТА.

Ахъ, нѣтъ у насъ ни выбора, ни воли!
И даже Энно, братъ мой,—онъ давно
Ужъ возмужалъ, онъ съ нею соправитель,
Но лишь дерзнулъ подумать объ участи
Въ правленіи,—то какъ она тогда
Напала на него! Не отъ ея ли
Бичъ бѣжалъ и онъ въ Ерусалимъ?
Вотъ и Эдзардъ ужъ юноша теперь,
Но для нея онъ все еще ребенокъ.
А нашего она не спроситъ мнѣнья,
Какъ мы у нашихъ куколь.

ГЕЛА.

Для нея

Важнѣй всего—страна.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ,—домъ ся.

ГЕЛА.

А тамъ ужь дѣти.

АЛЬМУТА.

Да и то, какъ средство
Для исполненья плановъ.

ГЕЛА.

О, сестра!

АЛЬМУТА.

Мы никогда отъ матери своей
Не слышали привѣтливаго слова.
Въ ней сердца нѣтъ.

ГЕЛА.

Она его скрываетъ;

Но бьется въ ней оно, хотя она
Быть нѣжною какъ слабости боится.

АЛЬМУТА.

Я нѣжности ея и не видала.

ГЕЛА.

Да, ты была безъ памяти, въ горячкѣ,
Она жь сидѣла ночи надъ тобой.
Она сурова, да; но больше съ виду.
Иного такъ она прогонитъ съ бранью,
А тайно шлетъ ему что онъ просилъ!

АЛЬМУТА.

Ты ей всегда находишь оправданье.

ГЕЛА.

Кто слишкомъ строго судитъ человѣка,
Пусть спроситъ тотъ себя что будетъ съ нимъ
Какъ грудь его ножами стануть рѣзать.
Да, наша мать сурова и строга;
Но не признать ея не можемъ цѣлей.

АЛЬМУТА.

Вся цѣль ея—лишь свой возвысить домъ:
Затѣмъ они связей съ князьями ищеть.
Простой же рыцарь, какъ бы ни былъ храбръ...

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но если храбрость ей моя нужна—
Для женщины вѣдь мечъ необходимъ—
Она въ моемъ нуждается служеньѣ.

АЛЬМУТА.

Она тебя за службу наградить,
Но не рукою дочери своей.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не думай такъ о матери! Сегодня
Я слышалъ самъ, съ какимъ она презрѣньемъ
О гордости судила, возвышая
Достоинство души. Она сказала
Что Фризы всѣ свободны и равны,
Всѣ поселяне....

АЛЬМУТА.

Такъ она сказала?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

„И люди на двѣ больше или меньше,—
Прибавила съ презрѣньемъ она,—
Вотъ вся межъ нихъ и разница!“

АЛЬМУТА.

А все же....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Чего жь тебѣ тревожиться, мой другъ?

АЛЬМУТА.

Когда мы учимъ мудрости другихъ,
То мы себя неволью исключаемъ.
Она себя считаетъ много выше
Всѣхъ прочихъ смертныхъ, и....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мои же предки

Разили Гунновъ въ битвѣ Мерзебургской,
Подъ знаменами Генриха. Мой щитъ
Ничѣмъ не хуже вашего.

АЛЬМУТА.

Онъ лучше,

Мой милый, для меня. Я лишь сказала
Объ убѣжденьяхъ матери.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Ты къ ней несправедлива! Еслибъ только
Ты слышала ее: такъ говорить,
Съ горячностью такой, лишь можетъ сердце.

АЛЬМУТА.

Охотно я готова раздѣлять
Увѣренность твою.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А братъ твой Энно!

Онъ нашу одобрялъ всегда любовь
И называлъ насъ женихомъ съ невѣстой.

АЛЬМУТА.

Да, это такъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ скоро возвратится:

Изъ Брюсселя письмо его пришло.

АЛЬМУТА.

Да, еслибъ онъ такимъ, какъ былъ, пріѣхалъ!
Все время онъ вертѣлся при дворахъ
И, золото горстями разсыпая,
Разыгрывалъ владѣтельнаго князя:
И въ немъ зерно тщеславія таится.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, пустяки! Онъ возвратится къ намъ
Съ увѣренностью большою и силой,
И потому скорѣй насъ защититъ.

АЛЬМУТА.

Ты прибылъ съ юга, милый! Южный вѣтеръ
Оставшіяся почки развиваетъ
Дыханіемъ своимъ, и пышный цвѣтъ
Является на нихъ: такъ я теперь
Отъ твоего дыханья расцвѣтаю
Надеждою!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты высшее мнѣ благо!

Ахъ, дастъ ли мнѣ судьба его достигнуть!

ГРАФИНЯ *(входитъ съ письмомъ въ руку)*

ГРАФИНЯ.

Ахъ, это бремя жизни вѣчно ново!
Какъ ни старалась я, чтобъ истребить
Морской разбой, но все лежитъ на насъ
Пятно позора. Гдѣ бъ мы ни явились,
Вездѣ кричатъ: „спасайтесь! идутъ Фризы!“

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Предубѣжденье трудно истребить;
Оно, какъ духъ, не чувствуетъ ударовъ.

ГРАФИНЯ.

Предубѣжденье? Да, когда бы только
Предубѣжденье было тутъ одно!
Но снова зло старинное возникло.
Вотъ лишеть мнѣ изъ Боркума мой флотъ:
„Опять снуютъ корсары передъ Эмсомъ:
Пять кораблей торговыхъ захватили,
А, можетъ быть, и болѣе теперь;“
Тутъ больше не помогутъ предписанья.
Ты съ флотомъ отправляйся.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я, графиня?

ГРАФИНЯ.

Тамъ въ Эмденѣ и Лерѣ у меня
Готовы корабли. Ихъ день и ночь
На верфяхъ снаряжали. Но они
Лишь дерево одно—безъ адмирала.
Тебѣ даю начальство я надъ флотомъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я силъ своихъ на морѣ не извѣдалъ....

ГРАФИНЯ.

О томъ, какъ плыть, пусть думаютъ матросы.
Здѣсь главное—рѣшительность и смѣлость
И быстрый взглядъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но я еще такъ молодъ....

ГРАФИНЯ.

Что? ужъ не взять ли лучше старика
Со всѣмъ его наборомъ разныхъ правилъ?
„Вотъ этотъ бригъ негоденъ, скажетъ онъ, —
Вотъ этотъ не оснащенъ,“—то да это;
Матросы неискусны, или вѣтеръ
Не дуетъ такъ какъ слѣдуетъ; ну, словомъ,
Онъ все бы лишь кряхтѣлъ да убивался,
Пока все зло, которое пресѣчь

Ему должно, спокойно совершится.
 Вы хвалите мнѣ опытность,—оставьте
 Меня въ покоѣ съ нею; мнѣ она
 Давнымъ-давно оскомину набрала!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но что же скажутъ всѣ вожди?

ГРАФИНЯ.

Вожди?

Ужь не послать ли одного изъ нихъ,
 Прибрежнаго, корсаровъ истреблять?
 Э, другъ! они вѣдь дѣлятся добычей!
 Кто самъ не грабитъ тотъ воровъ скрываетъ!
 Тебя пошлю, тебя я избрала.
 Не представляй мнѣ только затрудненій.
 Я ненавижу ихъ, ты это знаешь.
 Не хочешь ли еще мнѣ возражать?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, я молчу.

ГРАФИНЯ.

Безъ всякихъ возраженій!

Не знаю, право, что такъ возмутить
 Меня могло бѣ, когда, обдумавъ все,
 Услышишь вдругъ лустое возраженье!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я потому лишь высказалъ сомнѣнье,
 Что сами вы врушали скромность мнѣ

ГРАФИНЯ.

Да, иногда ты въ этомъ погрѣшалъ.
 Похвально, другъ, превосходить другихъ,
 Но дурно то выказывать предъ ними.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И потому еще что этотъ выборъ
 Найдеть хулу.

ГРАФИНЯ.

Хула! Хула! Пустое!

Боишься кто хулы, ложись тотъ спать!
 Я къ ней привыкла. Кто страною править,
 Тотъ на хулу смотри какъ лишь на лѣву,
 Которая вздымается тѣмъ выше,
 Чѣмъ слѣвнѣе впередъ идетъ корабль.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Извольте, я готовъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ поспѣши!

Немедленно лети какъ птица въ Эмденъ.

Что нужно—все пошлетъ за тобой.

Я, говорятъ, скупа,—тому не вѣрь:

Я многого на дѣло не жалѣю.

Но не люблю и малость промотать.

Что жь ты стоишь? Стулай!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Позвольте мнѣ

Проститься.

ГРАФИНЯ.

Что прощаться! Юный другъ!

Жизнь слишкомъ коротка для всѣхъ такихъ

Формальностей. Стулай!

(Уходитъ.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Иль какъ кубарь, всегда

Я подъ кнутомъ ея вертѣться долженъ!

ГРАФИНЯ *(возвратясь)*.

Постой!

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(про себя)*.

Еще ударъ!

ГРАФИНЯ.

Для довершенья

Всѣхъ дѣлъ ты мнѣ разбойничьи вертелы

И на землѣ искорени. Когда же

Ты скажешь мнѣ: „очищена страна,

И ужь никто разбойниками Фризовъ

Не назоветъ,“ тогда награды требуй

Какой угодно, все я заллачу.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

У васъ въ рукахъ есть лучшая награда!...

(Графиня уходитъ.)

Что скажешь ты, Альмута?

АЛЬМУТА.

Милый другъ!

Мнѣ слышался ужь звонъ колоколовъ,

Зовущихъ къ алтарю твою невесту.

ГЕЛА.

Но тутъ еще недостаетъ кольца.

АЛЬМУТА.

Кольца? Но гдѣ жь оно?

ГЕЛА.

И ты не знаешь

Что ты сама съ руки его сняла?

АЛЬМУТА.

Съ руки сняла?...

ГЕЛА.

Да, право такъ, Альмута,

Ты отъ себя отбросила его.

Дивишься ты что нѣтъ его на пальцѣ!

Вотъ видишь ли какъ ты тогда забылась!

Твое кольцо вотъ здѣсь. Его тебѣ

Онъ подарилъ такъ робко въ часъ разлуки,

И что-то лепеталъ, какъ будто просьбу

О памяти. Тогда еще вы оба

Не знали какъ зовется ваше чувство;

Теперь его вы знаете названье:

Оно—любовь.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Дай, Гела, мнѣ кольцо!

(Становится предъ Альмутою на колѣни.)

Теперь, мой другъ, скажу я безъ смущенья:

Невѣста ты! Сегодня обрученье!

(Надѣваетъ ей кольцо. Гела стоитъ за ними, и какъ бы благословляя, подняла надъ ними руки.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Улица въ Аурихѣ. Вожди.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Ужь лошади осѣдлавы.

ИКО.

Поѣдемъ!

ФОЛЕФЪ.

Но гдѣ же Геро? А, вотъ онъ идетъ.

(Входитъ Геро Олкенъ, разговаривая съ Гердомъ.)

Мы ѣдемъ въ Эзенъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Такъ впередъ ступайте.

Мнѣ съ Гердомъ нужно тутъ поговорить.

*(Возжди уходятъ.)*Смотри же, Гердъ, не медли попустому;
Желѣзо куй локуда горячо.

ГЕРДЪ.

Самъ знаю, другъ! Кую во всѣ лопатки,
Изъ замка въ замокъ бѣгаю, вербую
Вездѣ друзей. Иду навѣрняка.
Вѣдь каждый шагъ ошибочный къ свободѣ
Народа, можетъ рабство утвердить.
Что значить тутъ одинъ лишь день? Вѣдь завтра
День тоже будетъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Все-таки не мѣшкай,
Вѣдь гости могутъ потерять терпѣнье.

ГЕРДЪ.

Не при такомъ отличномъ развлеченьи
Какое въ погребяхъ твоихъ найдутъ.
Ты только ихъ поддерживай въ огнѣ.
Всѣ лучшія намѣренья родятся
За кубками; такъ изстари велось.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Итакъ, до завтра.

ГЕРДЪ.

Завтра вечеромъ

И не одинъ къ тебѣ явлюсь я въ Эзенсъ,
Тогда мы нашъ союзъ и заключимъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Его душой ты будешь. До свиданья!

(Идетъ.)

ГЕРДЪ.

Еще кой-что!

ГЕРО ОМКЕНЪ *(возвращаясь).*

Что хочешь, другъ, сказать?

ГЕРДЪ.

Для дѣла нужны деньги, и онѣ-то
Нужнѣй всего: всѣ хлопоты, поѣздки....
Ты самый здѣсь богатый изъ владѣльцевъ.
Понадобятся деньги....

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что жь? Я дамъ.

*(Уходитъ.)*ГЕРДЪ *(одинъ съ хохотомъ).*

„Ты самый здѣсь богатый!“ Пой, ворона!
И сыръ она уронить непременно.
Тщеславенъ человекъ! Вотъ и ему
Какъ хочется играть на свѣтѣ роль,
И средства есть къ тому; но только эти.

(Показывая будто считаетъ деньги.)

Да, деньгами богатъ, умою же скуденъ;
Лишь то взрастить что умные посѣютъ.
Народная свобода! Славный лозунгъ!
Выкрикивай лишь громче, чтобъ и самъ
Увѣровалъ въ него. Но Гердъ фонъ-Гейде
Для глупости такой вѣдь не захочетъ
Своею шкурой жертвовать. Нѣтъ, дудки!
Но кто сюда бѣжить? А, Исаакъ!
Онъ съ бороды походить на пророка,
А ростовщикъ ужасный и богатъ.
Зачѣмъ слѣпить онъ? Ну, извѣстно, хочетъ
Наломить мнѣ; напомнимъ! Чортъ возьми!
Ужь это мнѣ наломинанье! Право,
Напоминатель долженъ быть приставленъ
Исполнителемъ въ аду. Что, Исаакъ,
Не тонетъ ли Голландія что такъ
Бѣжишь ты?

ИСААКЪ.

Рыцарь! Вы хотите вѣхать?

Но кое-что забыли.

(Показываетъ ему бумагу, но со стола отдергиваетъ ее, когда Гердъ хочетъ ее взять.)

Вотъ росписка....

ГЕРДЪ.

Ну, подожди, мой другъ, еще немного;
Вѣдь богачу такому это вздоръ!

ИСААКЪ.

Ну, ей же Богу, я совсѣмъ банкротъ!
Изъ должниковъ моихъ никто не платитъ.

ГЕРДЬ.

Я заплачу на дняхъ.

ИСААКЪ.

Вы не хотите....

ГЕРДЬ.

На дняхъ отдамъ. Иль ты не разслыхамъ?

ИСААКЪ.

На дняхъ? На дняхъ? О, Боже милосердый!

Такого дня вѣдь нѣтъ въ календарѣ.

Когда это „на дняхъ“? Вы дайте нынче.

Вѣдь срокъ прошелъ росписокъ, и давно.

ГЕРДЬ.

Ты обезпеченъ: у меня большія

Помѣстья....

ИСААКЪ.

Да, но большіе долги!

Для вашихъ всѣхъ росписокъ у меня

Особый сдѣланъ ящикъ. Что вы мнѣ

О вашихъ тамъ помѣстьяхъ говорите?

Владѣете вы ими столько жь какъ

Іерусалимомъ римскій императоръ, —

Лишь въ титулѣ одномъ.

ГЕРДЬ.

Молчи, собака!

Иль голову тебѣ я размозжу!

Записывая вдвое на меня,

Ты долженъ дорожить моею честью,

Паршивый песь! а не кричать всѣмъ въ уши,

Не бѣгать такъ по улицамъ за мной.

ИСААКЪ.

Я чуть ума не потерялъ отъ страха,

И члены всѣ дрожатъ какъ въ лихорадкѣ.

ГЕРДЬ.

Чего же ты перепугался, трусь?

ИСААКЪ.

Вы, рыцарь, мнѣ сказали: „Исаакъ!

Я думаю жениться на богатой,

Тогда я все заразъ тебѣ отдамъ,

А до тѣхъ поръ, дружище, ты меня

Поддерживай.“ Когда занять вамъ нужно,

То вы меня своимъ зовете другомъ,
 А какъ платить придется, то собакой.
 „Ты не давай мнѣ ласть во мнѣньи свѣта,
 Въ томъ выгода твоя,“—вы говорили;
 И я тогда вамъ вѣрилъ всей душой.
 Сбирались вы жениться на богатой,
 И вѣрилъ я, и почему жь не вѣрить?
 Вы важный господинъ, такой красивый,
 И женщины васъ любятъ. Вы хотѣли
 Жениться на богатой,—и прекрасно!
 Вы лучшаго придумать не могли:
 Вѣдь эго средство лучшее для всѣхъ
 Такихъ господъ, которые, какъ вы,
 Расходъ имѣюгь большій, чѣмъ доходы.

ГЕРДЬ.

Иль день у насъ такъ длиненъ что такую
 Рацею мнѣ читаешь, старый скряга?

ИСААКЪ.

Ну, словомъ, вы на деньги Исаака
 Всегда отлично жили, какъ женихъ.

ГЕРДЬ.

Неправда эго!

ИСААКЪ.

Будто бы неправда?

ГЕРДЬ.

Я у другихъ вѣдь также занималъ;
 Жидъ иль не жидъ—мнѣ было все едино,—
 Лишь только бы давали.

ИСААКЪ.

Какъ забавно

Изволите вы, рыцарь, потѣшаться, —
 Другой бы ужь давно сидѣлъ въ тюрьмѣ.

ГЕРДЬ.

Сказать ты хочешь: маленькаго вора
 На висѣлицу тащутъ, а большаго
 Ведутъ съ почетомъ къ алтарю. Не такъ ли?

ИСААКЪ.

Вы шутите все съ бѣднымъ Исаакомъ,
 А онъ не въ шутку вамъ давалъ червонцы.
 Но нынче вдругъ....

ГЕРДЪ.

Ну, что жь такое нынче?

ИСААКЪ.

О, Боже Авраама, Исаака,
 Иакова! сказали нынче мнѣ,
 Что вы должны жениться на мужичкѣ!

ГЕРДЪ.

А кто жь бы мнѣ могъ это приказать?

ИСААКЪ.

Да госпожа графиня.

ГЕРДЪ.

Вздоръ! она

Мнѣ ничего приказывать не смѣетъ.

ИСААКЪ.

А все таки приказываетъ. Я
 Чуть-чуть не умеръ! Боже милосердый!
 Я разорюсь въ конецъ! совсѣмъ банкротъ!
 А вамъ еще вѣдь хуже: за мужичкой
 Возьмете вы какой-нибудь дворшкю.
 Вы—навсегда погибшій человѣкъ!
 И вмѣстѣ съ вами я, и мнѣ придется
 Лишь посохъ взять, да по міру идти.
 О, я глупецъ! И вотъ я не сгерлѣлъ
 И сталъ кричать что вы меня надули,
 Что разорились вы, что вы банкротъ,
 Обманщикъ, негодяй! О, Боже правый!...

ГЕРДЪ.

Не рви себѣ сѣдыхъ волосъ напрасно:
 Я не женюсь.

ИСААКЪ.

Не женитесь? но кто жь
 Противиться графинѣ смѣетъ?

ГЕРДЪ.

Я

И всѣ вожди. Ужь это рѣшено.
 Всѣ рыцари со мною за одно.

ИСААКЪ.

Возможно ли? Пѣтъ, рыцарь, не женитесь
 На сволочи такой! Ну, что за радость
 Купить корову да еще съ теленкомъ?

ГЕРДЪ.

Да свадьба ужь отсрочена; межъ тѣмъ
 Я лучшую нашель себѣ невѣсту.

ИСААКЪ.

Какъ? въ самомъ дѣлѣ?

ГЕРДЪ.

Да, ты видѣлъ самъ —
 Здѣсь говорилъ со мною Геро Омкень.

ИСААКЪ.

О, этотъ господинъ самъ по себѣ
 Дороже стоитъ золота!

ГЕРДЪ.

Онъ другъ мнѣ,
 И лучшій другъ. Есть у него сестра....

ИСААКЪ.

Да, есть сестра, я знаю. О, вы, рыцарь,
 Избрали путь хорошій. Послѣшайте!

ГЕРДЪ.

Я ужь почти у цѣли.

ИСААКЪ.

Какъ же это?

ГЕРДЪ.

Есть у него красавица сестра,
 А послѣзавтра онъ даетъ мнѣ пиръ,
 Гдѣ будутъ всѣ окрестные владѣльцы.
 Но, я молчу: объ этакихъ вещахъ
 Не говорятъ до времени.

ИСААКЪ.

Я ожилъ!

И вы не шутите? И можно вѣрить?

ГЕРДЪ.

Есть при тебѣ бумага и чернила?

ИСААКЪ.

Они всегда при мнѣ.

ГЕРДЪ.

Такъ дай сюда!

(пишетъ на бумагѣ).

Тебѣ заплатить это Геро Омкенъ.

ИСААКЪ.

Какъ? такую сумму?

ГЕРДЪ.

Онъ заплатить, —

За это я ручаюсь.

ИСААКЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ГЕРДЪ.

Иль ты не вѣришь мнѣ?

ИСААКЪ.

О, вѣрю, вѣрю!

Нельзя вѣдь это сдѣлать на фу-фу.

Сейчасъ иду.

ГЕРДЪ.

Теперь его застанешь.

Ты просіялъ!

ИСААКЪ.

Да, это отраженье

Отъ золота. *(Смотритъ на записку).*

Вѣдь такая сумма!

Вотъ первыя мнѣ денежки отъ васъ.

Пошли вамъ Богъ здоровья на сто лѣтъ!

Имѣю честь откланяться!

ГЕРДЪ.

Прощай!

О, разумъ твой острѣе бритвы, жидъ!

ИСААКЪ.

Мы лишены всего отъ христіанъ,

Ужель отнять еще хотите разумъ?

ГЕРДЪ.

Иль вы одни имъ завладѣли?

ИСААКЪ *(смотритъ на него лукаво).*

И христіанамъ кое-что осталось.

(Уходитъ, перечитывая бумагу, но скоро возвращается.)

Но, милостивый рыцарь, вѣдь мужичку

Вы не возьмете за себя?

ИКО.

Мы, Фризы, если въ чемъ другомъ отстали,
То въ пути свою поддержимъ честь.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Но что жъ вы не садитесь, господа!
Вы, рыцарь Фолефъ, Эдо Вимкенъ, Ико!

ЭДО ВИМКЕНЬ.

А очень жаль что нѣтъ межъ нами Герда.

ИКО.

Онъ быть вчера хотѣлъ.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Сегодня будетъ.

Хотя бъ то было за полночь, сказалъ онъ.
Союзниковъ онъ намъ вербуетъ.

ИКО.

Да,

Онъ и Петра апостола поучить
Ловить людей. Лихой онъ малый, право!
Чтожь до союза нашего....

ГЕРО ОМКЕНЬ.

О немъ

Мы помолчимъ, пока не прибылъ Гердъ.
Теперь же будемъ лить, друзья! присядемъ!
Привѣтствую васъ въ замкѣ у меня!
Пусть кубокъ Штертебекера обходитъ
Поочереды насъ, и мы затаемъ
Съ нимъ круговую лѣсню „бѣдняковъ“.

ИКО.

Да, эта лѣснь—всѣхъ лѣсней королева!
Давайте лѣть!

ПѢСНЬ МОРСКИХЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

(Каждый поочереды поетъ по одному куплету, а прилѣвъ повторяется 10
разъ. Послѣ каждого куплета чокаются и пьютъ).

На сушѣ гонять, ловятъ насъ;
Мы бѣдняки, мы горемыки;
Грозитъ намъ гибель каждый часъ;
За то мы на морѣ владыки!

Хоръ.

Чокнемся, други!
 Пейте вино!
 Всѣ заодно!

Когда гуляемъ по волнамъ
 Мы, смѣлые сыны свободы,
 Тутъ и земля дань платитъ намъ,
 И океанъ даетъ доходы!

Хоръ:

Чокнемся, други! и проч.

Вездѣ беремъ изъ первыхъ рукъ,
 Гдѣ лишь находимъ грузъ богатый:
 Счетъ лишеть—абордажный крюкъ,
 А мечъ—квитанцію уплаты!

Хоръ.

Чокнемся, други! и проч.

Мы льемъ испанское вино,
 Мы льемъ и гамбургское пиво,
 И всѣ, всѣ страны заодно
 Насъ угощаютъ веселъсиво!

Хоръ.

Чокнемся, други! и проч.

Вездѣ веселье и просторъ!
 Гуляй по водному раздолью!
 А сниметь голову топоръ,—
 Простимся мы съ зубною болью!

Хоръ.

Чокнемся, други! и проч.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вотъ, были молодцы! При звукѣ трубъ
 И въ лучшихъ платьяхъ шли они спокойно
 Въ послѣдній луть и пѣли эту пѣснь,
 Пока палачъ ихъ, по локоть въ крови,
 Съ другими управлялся.

ФЛЕФЪ.

Это были

Герои!

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Да, особаго разряда;
 Но въ сущности и Штертебекеръ былъ
 Не что иное, какъ морской разбойникъ;
 А жаль его.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Разбойникъ? Ну, напрасно;
 Онъ велъ войну морскую. Чтожь такое?

ИКО.

Ну да, вѣдь онъ на морѣ дѣлалъ то же
 Чтѣ дѣлаетъ на сушѣ каждый князь.

„Рыскать и грабить вовсе не стыдъ:
 Это изъ рыцарей каждый творить“.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Тѣмъ болѣе мнѣ жаль такихъ людей
 Что головы ихъ буйныя на кольяхъ
 Рядкомъ торчать по берегу морскому.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Не измѣнить же намъ своимъ отцамъ.
 Покойный мой отецъ мнѣ говорилъ:
 „Все что мечомъ добыто, такъ же честно,
 Какъ то что дастъ соха намъ и навозъ“,
 Хотя не сѣть мечъ, за то онъ жветъ.

ИКО (*ударяя по мечу.*)

Да, только мечъ и управляетъ міромъ,
 И это слава Богу; безъ него
 Бѣда бы намъ: кулцы бы одолѣли.

ФОЛЕФЪ.

Вся власть у нихъ была бы, это правда.
 Они, съ своею алчностью Гуды,
 Сумѣли бы всѣмъ свѣтомъ завладѣть.
 Когда такая губка насосется,
 То мы ее пожмемъ лишь: это тоже,
 Что виноградъ, глядишь, олять подростъ.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Тогда бѣ життя намъ не было на сушѣ.
 Нѣтъ, Штертебекеръ, нашъ бывалый гость,
 Былъ молодецъ стариннаго закала:

Онъ и султана за бороду трясъ.
И храбрая его была дружина;
И за меня дрались они, когда
Я велъ войну съ сосѣдомъ. Не люблю я,
Когда зовутъ разбойниками ихъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Чтожь тутъ и толковать, когда князя
Имъ каперскія грамоты даютъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Э, лустяки! Я самъ вѣдь тоже князь,—
Не берегу своею хозяйнъ полный;
Кто можетъ запретить мнѣ выдавать
Имъ дозволенье здѣсь крейсеровать?
Скажите, кто?

МНОГІЕ.

Никто, никто не можетъ!

Вѣдь это наше право!

ФОЛЕФЪ.

За него

Вѣдь мы не разъ сражались и съ Ганзою;
А что теперь не пользуемся имъ,
Такъ потому, что духъ у насъ не тотъ,
Да и графиня всюду намъ мѣшаетъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что мнѣ за дѣло до нея? Друзья!
Вы собрались ко мнѣ, и я надѣюсь
Межъ вами нѣтъ предателей.

ВСѢ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Такъ вотъ чтò вамъ открою по секрету:
Мой эзенскій медвѣдь гуляетъ въ морѣ
И собираетъ медъ.

ИКО.

Я такъ и думалъ.

Отлично, другъ! Счастливый ловъ тебѣ!

ВСѢ.

Счастливый ловъ! Друзья! поднимемъ кубки
На счастье друга нашего! Ура!

т. хс.

ИКО.

Вы сами чтоль послали корабли?

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Нѣтъ, я лишь далъ два старые баркаса,
 Что были у меня, а всю добычу
 Мы дѣлимъ пополамъ.

ИКО.

Отличный торгъ!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Да, калеры таки нагрѣли руки.

*(Достаетъ большой сосудъ и
 наливаетъ изъ него въ кубки.)*

Попробуйте вотъ это.

ИКО *(пьетъ)*.

Что за роскошь!

(Поетъ).

„При этакомъ винѣ, клянусь, —
 Я за троихъ, друзья, нальюсь!“

НѢКОТОРЫЕ.

Чудесное вино! Какой букетъ!

МНОГІЕ.

И мнѣ! И мнѣ!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Сегодня на зарѣ

Мнѣ бочку привезли его. Оно
 На бреженскомъ лежало корабль,
 Который шелъ изъ Франціи. Вѣдь это
 Чистѣйшій перлъ!

ИКО *(выпивъ значительное количество)*.

Чистѣйшій перлъ! Ура!

ФЛЕФЪ.

Кому ура?

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Хозяину! — Вину! —

Нѣтъ, нашему союзу! Да, союзу!

ФЛЕФЪ.

Вы крикомъ чуть не заглушили моря.
 Чу, какъ реветъ и въ берегъ ударяетъ,
 Что даже башни крѣпкія дрожать.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Такъ только кажется.

ФОЛЕФЪ.

Ну, вѣтъ, прислушай, —

Трасутся стѣны.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Въ нихъ вѣдь девять футовъ.

ФОЛЕФЪ

А все таки трасутся. Приложи-ка
 Къ нимъ руку — самъ почувствуешь. Ну, вочька!
 Какъ будто хочеть ураганъ весь замокъ
 Съ собой увлечь.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Боюсь за корабли.

Чу! что это? какъ будто крикъ военный
 И звонъ мечей?

ФОЛЕФЪ

Да, вѣтру здѣсь раздолье
 Между стрѣльчатыхъ башенъ и фронтоновъ.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Мнѣ слышится какъ будто звонъ оружія.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

И мнѣ.

ФОЛЕФЪ.

Быть можетъ, это ставни оконъ
 Такъ дребезжатъ.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Да, это можетъ быть;
 Но болѣе на звонъ мечей похоже.

ФОЛЕФЪ.

Плохая ночь для Гердовыхъ развѣздовъ!
 Пожалуй, что поля всѣ затопило.
 Земля у насъ такъ и вбираетъ воду,
 Какъ треснувшій корабль. Быть можетъ, Гердъ
 Приѣдетъ къ намъ позднѣй чѣмъ рассчиталъ.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Да, ужь далеко за полночь. Когда
 Мнѣ Гердъ, съ умомъ своимъ живымъ и острымъ,
 Все дѣло излагаетъ, то оно
 Мнѣ кажется почти уже свершеннымъ:

Его слова увѣренность внушаютъ.
 Но лишь одинъ останусь — сознаюсь —
 Сомнѣнье вновь овладѣваетъ мною.
 Ужь лоскорѣй бы прѣвжалъ онъ. Чу!
 Какъ дребезжать замки!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Оставь сомнѣнье,
 Забуди замки, а лучше лей, дружище!

ИКО.

Да, лучше пить! Ну лейте, господа!
(Изъ камина вышибаетъ пламя.)

ФОЛЕФЪ.

Ну, и въ трубѣ мететь! Ну ужь погода!
 Какъ будто Богъ на все махнулъ рукой
 И волю далъ стихиямъ. Это что?

О, Господи!

(Вѣтеръ распахиваетъ окно и гаситъ свѣчи.)

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Чего ты испугался?

Вѣдь это вѣтеръ. Затвори окно;
 А я налью вамъ новаго вина.

ВОЖДИ *(смотрятъ въ окно).*

Но слышно ясно крикъ и звукъ мечей.

ФОЛЕФЪ.

Я различаю даже голоса.

(Всѣ тѣшатся къ окну.)

ВОЖДИ.

Сторожевой трубить! Звучитъ сѣкира!
 Вотъ мостъ упалъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Какой тамъ къ чорту мостъ?

ФОЛЕФЪ.

Да твой подъемный мостъ, другаго нѣтъ.
 Полвеховекъ весь дворъ вооруженныхъ,
 И факелы горять. Блестять дослѣхи...

*(Всѣ сплалъ слышны крики. Всѣ
 умолкаютъ и прислушиваются.)*

ГЕРО ОМКЕНЪ.

А, это Гердъ френъ-Гейде.

ЭНГЕЛЬМАНЪ (сходя съ саними).

Нѣтъ, не онъ

На этотъ разъ, а Энгельманъ фонъ Горстъ!

ФОЛЕФЪ.

Зачѣмъ ты здѣсь? Ты намъ вѣдь не товарищъ.

ИКО.

Мы носъ тебѣ утремъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Кто пригласилъ васъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

На вѣрно ужь не вы; я самъ пришелъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Гостей незваныхъ замокъ мой не терлитъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, не всегда!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что значитъ это, рыцарь?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Сюда такіе гости часто ходятъ;

Бываетъ здѣсь разбойниковъ ватага:

Она подвалы ваши отпираетъ

И краденымъ добромъ ихъ наполняетъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Я этого не знаю.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Гдѣ вамъ знать!

Вы благородный и достойный рыцарь;

Но замокъ вашъ—разбойничій притонъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Но, чортъ возьми! Какое же вамъ дѣло

До замка моего?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мнѣ данъ приказъ

Вашъ замокъ осмотрѣть.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Приказъ! Приказъ!

Кто смѣетъ тутъ приказы отдавать?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Правительство.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Правительство? Пустое!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня Тѣда, поручивъ мнѣ флотъ,
Отправиться велѣла на корсаровъ,—
И вотъ я ихъ разбилъ и лопотилъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вы говорите сказки. Вы едва
Успѣли выдти въ море.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вотъ, смотрите!

(Подводитъ его къ окну).

Ужь на востокъ занялась заря.
Что видите вы тамъ?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Лѣсъ цѣлый мачтъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

То корабли корсаровъ и мои.
Я въ Эмденъ ихъ веду: тамъ мечъ закона
Свой правый судъ надъ вами совершить.
А какъ теперь очищено ужъ море
Отъ хищниковъ, графиня мнѣ велѣла
И на землѣ вертелы ихъ сыскать.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

И смѣешь ты наслѣдственный мой замокъ
Разбойничьимъ вертеломъ называть?
Я не стерплю....

ФОЛЕФЪ.

Чѣмъ доказать ты можешь?

БРЕМЕНСКІЙ КУПЕЦЪ *(подходитъ къ столу и беретъ наполненный кубокъ).*

А вотъ хоть этимъ *(пьетъ)*. Ахъ, я такъ и думалъ:
Вино мое!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ты что за человекъ?

КУПЕЦЪ.

Я бременскій купецъ, который былъ
Ограбленъ вашими друзьями, рыцарь!
Вотъ это все вино—мое!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ могъ ты

Его узнать?

КУПЕЦЪ.

Повѣрьте, рыцарь, вкусу:

Не ошибется въ этомъ мой языкъ.

Мое вино изъ тысячи боченковъ

Узнаю я всегда.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, Геро Омкенъ,

Что скажете на эту вы улику?

КУПЕЦЪ.

Когда бъ вино въ его подвалахъ, рыцарь,

Умѣло говорить, оно бы мнѣ

Привѣтъ свой прокричало. Я готовъ

Присягу дать что это мой товаръ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Гдѣ есть литье, тамъ есть его источникъ.

Вы намъ подвалъ свой отопрете?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Нѣтъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Взломать его!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Насильствовать ты смѣешь!

(Онъ обнажаетъ мечъ; вожди окружаютъ его съ обнаженными мечами. Воины Энгельмана также тѣснятся вокругъ него и грозятъ оружіемъ. Энгельманъ стоитъ противъ Геро Омкена, спокойно сложивъ на груди руки.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы отказались обважить свой мечъ

На вызовъ мой. Теперь я смѣюсь

Надъ вашими мечами. Я одинъ

Повелѣваю здѣсь, а вы должны

Повиноваться мнѣ безпрекословно.

Я, имеемъ правительства, хочу

Чтобъ замокъ былъ немедленно обысканъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Какъ? Замокъ Эзенсъ! Рыцарей жилище,
 Которое стоитъ ужь сотни лѣтъ,
 Не испытавъ подобнаго позора!
 Кто здѣсь хозяинъ? Только я одинъ!
 Гарингерландъ—владѣнїе мое!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Объ этомъ съ императоромъ считайтесь.
 Онъ вашъ удѣлъ и прочія владѣнья
 Одной верховной власти подчинилъ—
 Фрисландіи восточной.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ не могъ
 То отдавать другимъ что не ему
 Принадлежитъ.

(Между тѣмъ комнаты наполняются воинами графини.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Оставимъ разговоры.
 За мною право здѣсь, а съ нимъ и сила.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вы судите разбойниковъ, а сами
 Разбойникомъ врываетесь ко мнѣ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Все *ваше* тутъ, какъ алтаря святыня,
 Останется нетронутымъ никѣмъ.
 Все прочее возьму я.

(Уходитъ съ воинами.)

ГЕРО ОМКЕНЪ.

О, позоръ!

(Смотритъ на портреты предковъ.)

Смотрите, предки доблестные, какъ
 Поруганъ я! О, выступите изъ рамъ,
 Гдѣ въ боевыхъ дослѣхахъ вы стоите,
 И сволоочь ту изъ замка изгоните!

(Слышится крикъ торжества.)

ФОЛЕФЪ.

А, звать вино чужое отыскали!

ИКО (смотритъ въ окно).

Изъ погребовъ выкатываютъ бочки.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Правительство! Но мы то что жь такое?

ГЕРДЬ ФОНЪ-ГЕЙДЕ (выходитъ съ воинами).

Мы—подданные бабы!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Гердъ, мой другъ!

Ты знаешь ли?...

ГЕРДЬ.

Все, все я знаю, Геро!

Придется покориться!

ГЕРО ОМКЕНЬ

Какъ? Когда

Графини рабъ врывается въ твой замокъ!

ГЕРДЬ.

Ужь покорись!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Когда тебѣ грозятъ,

Смѣются надъ тобой и своевольно

Обыскиваютъ домъ?

ГЕРДЬ.

Ужь покорись!

Не сами ль вы меня такъ утѣшали,
Когда я былъ поруганъ? Вотъ сильнѣйшій
Изъ насъ теперь пристыженный стоитъ,
Какъ розгами наказанный мальчишка
Графинею надменной.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

О, позоръ!

ГЕРДЬ.

Нѣтъ, не позоръ, а счастье и благо!
Пусть, наконецъ, хоть это вамъ укажетъ,
Какая ждетъ насъ участь, если мы
Уступимъ ей; пусть духъ проснется вашъ.
Вѣдь въ васъ, друзья, поругано теперь
Все рыцарство. И вы еще дождетесь....

ИКО (который оставался за столомъ
и усердно пилъ).

Ну, къ чорту васъ со всѣмъ! Да кто жь возьмется
Звонокъ привѣсить кошкѣ? Вотъ гдѣ штука!

ГЕРДЪ.

Ты, Ико, много льешь.

ИКО.

Проклятый Гердъ!

Я много лью? Ты запретишь мнѣ что ли?
Я самъ... свободный вождь... и ты не смѣешь
Мнѣ запрещать... Никто не смѣетъ... Да!
Мнѣ море платитъ дань....

ГЕРДЪ.

Ну, хорошо ужь.

ИКО.

И буду пить, хоть долги.

ГЕРДЪ.

Самъ не долги.

ИКО.

Ты заллати сперва свои долги.

ГЕРДЪ.

Э, что съ нимъ толковать! Онъ пропилъ умъ.
Послушайте, на чемъ мы порѣшили.

ВОЖДИ.

Скажи, скажи!

ГЕРДЪ.

Вы знаете, у насъ
Старинный есть обычай—собираться
На совѣщанье въ Улстальсбомѣ. Тамъ
Три вѣковые дуба надъ поляной
Раскинули широко свой шатерь.
Подъ сѣнью ихъ всегда сходились Фризы
Отстаивать свободу прежнихъ лѣтъ.
Пусть тамъ теперь оберется весь народъ
И порѣшить что дѣлать: намъ нельзя
Вести однимъ все дѣло отъ себя.

ВСѢ.

Да, въ Улстальсбомѣ, на земское собранье!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ты думаешь?

ИКО (*тянется къ нему съ бокаломъ*).

Дружище Геро Омкенъ!

Ну... чокнемся со мною....

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Ахъ, отстань!

ГЕРДЪ.

Такъ въ Упстальскомъ, на земское собранье!
Но, прежде чѣмъ возбудимъ мы народъ,
Мы клятву здѣсь взаимную дадимъ.

ВСѢ.

Да, да!

ГЕРДЪ.

Такъ наши дѣлали отцы:
Когда одинъ сильнѣе становился
И начиналъ преобладать, тогда
Они союзъ свободы заключали,
И каждый долженъ былъ стоять за всѣхъ.

ВСѢ.

Да, это было такъ!

ГЕРДЪ.

Измѣнникъ тотъ,

Кто не за насъ! Любезный Геро Омкень!

*(Геро Омкень подходитъ къ нему;
пока они тихо разговариваютъ, воз-
жди обступаютъ ихъ полукругомъ.)*

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Дадимъ же клятву на союзъ свободы!

*(Онъ обнажаетъ мечъ. Всѣ возжди
соединяютъ съ нимъ концы своихъ
мечей.)*

Мы всѣ—вожди свободнаго народа,
Да будетъ намъ свята его свобода!

(Всѣ повторяютъ эти слова.)

Власть новую клянемся мы изгнать
И предковъ честь достойно сохранять!

(Всѣ повторяютъ.)

Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного:
Страны свобода выше намъ всего!

(Всѣ повторяютъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Упстальбомъ. Холмъ поросшій травою: на немъ три громадныя дуба.
 ГЕРО ОМКЕНЬ, ГЕРДЪ ФОНЪ ГЕЙДЕ и другіе вожди идутъ къ холму. Вокругъ него собрался народъ; одни стоятъ, другіе лежатъ на травѣ. Вдали видѣется селеніе.

ГЕРО ОМКЕНЬ *(на холмъ)*

Привѣтъ свободнымъ Фризамъ отъ меня!

НАРОДЪ.

Привѣтъ тебѣ отъ насъ, свободный Фризь!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Мы, земляки любезные, сегодня
 Здѣсь собрались не такъ какъ встарину,
 Когда сюда семь округовъ зеландскихъ
 Отъ Везера до Шельды ежегодно
 Въ день Троицы собирались. Нѣтъ, теперь
 Фрисландія не майскій день встрѣчаетъ!
 Лишь по нуждѣ, лишь только потому,
 Какъ еслибы плотину вдругъ вода
 Разрушила, и съ воллемъ бы народъ
 Со всѣхъ сторонъ обѣжался: такъ и мы
 Сошлись сюда, подъ дубы вѣковые,
 Свидѣтели минувшихъ лучшихъ дней,
 Свидѣтели разрома римскихъ силъ.
 Вершина, ихъ засохла какъ свобода
 Фрисландіи. Дни лучшіе для насъ
 Давно ужъ миновали!

НАРОДЪ.

Это правда!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Холмъ этотъ не высокъ; но онъ—алтарь
 Свободы Фризовъ, и съ него далеко
 Видна страна, которая какъ море
 Раскинулась. Да, и равнины эти,
 Цвѣтуція теперь, въ былые дни
 Покрываютъ были имъ; лишь тутъ и тамъ,
 Какъ острова, на сваяхъ возвышались
 Въ тѣни деревь отдѣльные дворы.
 Вотъ что себѣ у моря взяли Фризы,

Древнѣйшее изъ всѣхъ Германцевъ племя,
 Воинственный народъ, высокій тѣломъ
 И мощный духомъ. Власти надъ собой
 Онъ никогда не зналъ; другіе всѣ
 Содѣлались рабами государей;
 Лишь мы одни всегда хранили свято
 Заветъ отцовъ. Они намъ говорили:
 „Пусть лучше смерть чѣмъ рабство!“ Такъ они
 И не были рабами королей!

НАРОДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ни крѣпостными у дворянъ.

НАРОДЪ.

Нѣтъ! Никогда!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Мы на землѣ свободной
 Свободные живемъ, не дозволяя
 Поламъ собирать съ нивъ нашихъ десятину.

НАРОДЪ.

Нѣтъ, мы ея не платимъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Мы одни.

Мы и половъ безбрачныхъ у себя
 Не признаемъ, и въ этомъ даже пала
 Намъ уступилъ: такъ были наши предки
 Настойчивы и смѣлы! Надъ собой
 Они лишь знали Бога въ небесахъ,
 А на землѣ—одинъ лишь императоръ
 Былъ имъ главой; но и ему они
 Влохъ не подчинялись и за нимъ
 На Римлянъ не ходили: и своей
 Борьбы у нихъ довольно было съ моремъ.
 Такъ говорить уставъ.

НАРОДЪ.

Такъ говорить онъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Намъ даровалъ права всѣ и свободу
 Великій Карлъ; наследники его
 Ихъ подтвердили.

НАРОДЪ.

Это намъ извѣстно.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Но вамъ извѣстно ль какъ они хранятся?
 Тамъ сказано: „господь намъ не имѣть.“
 Чтò жь? Нѣтъ у насъ господь? Чтò жь вы молчите?
 Я вамъ сказалъ: привѣтъ свободнымъ Фризамъ!
 Но точно ль вы свободны? Отвѣчайте?

НАРОДЪ.

Правительство у насъ. Не про него ль
 Вы говорите намъ?

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Да, про него:

Князь или графъ—не въ имени тутъ дѣло.
 У насъ Цирксеы начали хитро:
 Графъ Норденскій сначала звался Ульрихъ.
 Кто жь могъ ему то запретить? вѣдь онъ
 Былъ Нордена владѣтель, какъ и я—
 Владѣтель Эзерса. Но лишь привыкли
 Мы къ этому титулу лонемногу,
 Какъ вдругъ потомъ себя онъ назвалъ графомъ
 Фрисланди восточной. Мечъ и знамя
 Онъ въ Эмденѣ, во францисканской церкви,
 При звукѣ трубъ и возгласѣ герольдовъ,
 Торжественно пріялъ. Мы всѣ тогда,
 Какъ лицедѣйству, этому смѣялись.
 Но вышла тутъ не шутка. Посмотрите,
 Какъ все съ тѣхъ поръ у насъ перемѣнилось:
 Собраній земскихъ больше не бываетъ,
 И Улстальсбомъ давно осиротѣлъ.
 Народъ себѣ судей не избираетъ, —
 Графиня ихъ даетъ—ученый сбродъ,
 Который знаетъ римское лишь право,
 Да выгоды ея во всемъ блюдетъ.

БОГАТЫЙ ПОСЕЛЯНИНЪ.

Графиня справедлива.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Справедлива,

Н-да, это такъ.... (запинается.)

ГЕРДЪ (*шепчетъ ему*).

Позволь отвѣтить мнѣ:

Ты можешь говорить, лишь приготовясь.

ГЕРО-ОМБЕНЪ (*тихо*).

Ну, говори.

ГЕРДЪ.

Графиня справедлива,

Но только въ лустакахъ. Она тебя
Хромымъ коземъ обманывать не станетъ;
Но отъ твоихъ старинныхъ правъ утянетъ.
Ея права берутъ свое начало
Отъ грамоты что мужъ ея купилъ
У Фридриха, у стараго мотыги.
Мы проданы за сребренники были,
Какъ нашъ Господь! И вотъ теперь она
Съ насъ подати беретъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Но если нужно?

ГЕРДЪ.

И никому отчета не даетъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Ну что жь? Вѣдь, говорятъ, что ей нерѣдко
Прилачивать приходится самой.

ГЕРДЪ (*съ досадою*).

Кто тамъ еще мнѣ смѣетъ возражать?
Пусть выступитъ! Иль есть друзья тирановъ?

НАРОДЪ.

Нѣтъ! Лучше смерть, чѣмъ рабство! Лучше смерть!

ГЕРДЪ.

Вотъ это мнѣ пріятно. Вы достойны
Своихъ отцовъ. Смотрите жь, какъ теперь
Она себя рабами окружила,
Которые немедля исполняютъ
Ея велѣнья — на землѣ и морѣ, —
И воздухомъ владѣть бы ей хотѣлось:
Никто не смѣетъ слова ей сказать.
И съ высшими сановниками даже,
Какъ съ челядью обходится она:
Она бичомъ грозитъ имъ.

НАРОДЪ.

Какъ? бичомъ?

ГЕРДЪ.

Да, намъ она аралникомъ грозила,
Возможно ль это вынести?

НАРОДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГЕРДЪ.

Вотъ видите ль тѣ башни вдалекѣ?
То башни замка графскаго, и тамъ
Погребена народная свобода!

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Могу ли я спросить васъ, Гердъ фовъ-Гейде?

ГЕРДЪ.

Всѣ могутъ говорить. Тебѣ что нужно?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

У всѣхъ вождей свои есть башни, замки, —
Ужели вы ихъ срыть хотите, рыцарь?

ГЕРДЪ.

Что врешь ты тамъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Я спрашиваю только.

Былъ встарину законъ у насъ такой,
Чтобъ не было изъ камня здѣсь домовъ,
Какъ только Божьи храмы. И нигдѣ
Здѣсь каменныхъ работъ не дозволяли;
Но равенства слѣдовъ ужъ больше нѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ стали воздвигать вожди
Себѣ дома съ бойницами и рвами.

ГЕРДЪ.

Болтунъ негодный! замолчишь ли ты,
Ругатель дерзкій! (*Бьетъ его.*)

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Рыцарь! Что вы? что вы?

НАРОДЪ.

Богатый поселянинъ, — и его
Овъ смѣветъ бить! Иль это не тиранство!
Но вотъ идетъ почтенный Геро Мауриць.

ПОСЕЛЯНИКЪ.

Насъ обижаютъ, рыцарь! Защитите!

ГЕРО МАУРИЦЪ (*выступая впередъ*).

Ты, Гердъ, желаешь воздухомъ владѣть,
 Когда другимъ на земскомъ совѣщаньи
 Свободное дыханье запрещаешь.

ГЕРДЪ.

Ну, говорите вы.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Я и скажу.

(Всходитъ на холмъ)

Привѣтъ вамъ, земляки! Я—Геро Маурицъ.

НАРОДЪ.

Графини дядя. Кто жь тебя не знаетъ?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Я ужь давно отъ дѣлъ всѣхъ удалился;
 Душевно радъ, коль помните меня.
 Здѣсь о моей племянницѣ такъ много
 Дурнаго говорили, и нигдѣ
 Ея друзей не вижу, то позвольте
 Мнѣ за нее словечко здѣсь замолвить;
 Хоть я и старъ, и слабъ, и голосъ мой
 Почти угасъ.

НАРОДЪ.

Мы слушаемъ васъ, рыцарь!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Графини родъ—отъ Фоко Укенъ,
 Сильнѣйшаго изъ всѣхъ вождей, и вышедъ
 За Ульриха Цирсена,—этимъ бракомъ
 Она два сильныхъ дома сочетала,
 И тѣмъ конецъ враждѣ былъ положенъ,
 И на страну сошло благословенье.

НАРОДЪ.

Потше! Не шумите! Дайте слушать!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Но мудрый мужъ ея скончался рано.
 Она вдовой съ малютками осталась.
 Странѣ осиротѣлой угрожало
 Отвсюду притѣсненье. Говорять,
 Коль съ неба камень упадетъ, то вѣрно

Онъ упадетъ на голову вдовы.
 Какъ часто видѣлъ я что на колѣняхъ
 Молилася она, да подкрѣпить
 Господь ея слабѣющія силы!

НАРОДЪ.

О, бѣдная!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

И Богъ ей мудрость далъ.

НАРОДЪ.

Да, вашими устами: вы одни
 Ее совѣтомъ мудрымъ поддержали.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Да, время было тяжкое, когда
 Стоялъ Карлъ Смѣлый съ войскомъ передъ Нейсомъ
 И, Ольденбургца подаривъ, какъ леномъ,
 Фрисландіей, хотѣлъ отторгнуть насъ
 Отъ императора. Тогда графиня
 Готовилась сама идти въ дѣлѣхъ,
 Какъ дѣва Орлеанская, на бой.
 Такъ духъ ея окрѣлъ и возмужалъ,
 Чтѣ многіе теперь въ ней осуждаютъ.
 Тяжка была война и длилась долго,
 Я самъ попался въ плѣнъ. Но, слава Богу,
 Графиня любѣдила, и Адольфъ,
 Сынъ графа Ольденбургскаго, попался
 Во власть ея.

НАРОДЪ.

Да, и его она

Семь лѣтъ въ плѣну держала у себя...

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Пока отецъ его не примирился,
 Тутъ ей настала златой правленья вѣкъ.
 Она воздвигла шлюзы и плотины;
 Тамъ, гдѣ теперь вздымаетъ волны море
 И кружится дельфинъ,—въ былые годы
 Была земля съ деревнями, церквами:
 Видѣюгся ихъ стѣны въ глубинѣ.
 И что жъ? Вожди, въ своихъ раздорахъ дикихъ,
 Смолой злорадно вымазали шлюзы
 И подожгли! Безбожный этотъ пламень!
 Вѣдь отъ него, при первомъ же приливѣ,
 Погибло все—и люди, и добро!

Графиня же усердно каждый годъ
Завоеванья мирныя свершала,
Чтобъ землю ту у моря вновь отнять,
И, защищая портовое право,
Сама гражданкой въ городъ живетъ.

ГЕРДЪ.

Да, а сама, какъ будто намъ на зло,
Богатыхъ гражданъ Эмдена балуетъ.
Вотъ что скажи: какъ съ нами погулають?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Скажи, на что вамъ жаловаться можно?
Ты, Гердъ, недавно обольстиль дѣвицу,
Семь лютенной дочь; на ней жениться
Ты обѣщаль—и бѣдную покинулъ.
Таковъ ли во Фрисландіи обычай?

НАРОДЪ.

О стыдъ!

ГЕРДЪ.

Но я....

НАРОДЪ.

Молчи! Долой его!

ГЕРО НАУРИЦЪ.

Ты, Геро Омкенъ, и вы всѣ вожди
Прибрежные—сообщники корсаровъ.
Когда бы васъ графиня не смиряла,
На насъ бы вся воздвигнулась Ганза
И наводнили бъ нашу всю страну
Ея войска.

НАРОДЪ.

Стыдитесь, Геро Омкенъ!

Вотъ дворяннѣ—разбойниковъ сообщникъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Благодарите Бога, что графиня
Вождей такихъ смиряетъ. Право лучше
Лшь господина олаого имѣть,
Чѣмъ сго гослодь. Смотрите: всѣ народы
Утомлены раздорами дворянъ,
И всѣ они съ восторгомъ говорятъ
О Генрихѣ, англійскомъ государѣ,
О Лудвигѣ во Франціи, который
Умѣлъ смирить своихъ вассаловъ буйныхъ...

НАРОДЪ.

Онъ правъ! Онъ правъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

И Франціи даль миръ.

Вотъ, не смотря на бѣдствіе отъ моря,
 На скудость почвы, на дороговизну,
 Нашъ бѣдный край отъ мира процвѣтаетъ.
 Иль этотъ миръ вамъ надоѣлъ?

НАРОДЪ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

Мы мира всѣ хотимъ! Намъ нуженъ миръ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

И этотъ миръ графиня вамъ даетъ!

*(Сходитъ съ холма).*НАРОДЪ *(съ восторгомъ).*

Да здравствуетъ графиня!

ГЕРДЪ *(возвышая голосъ).*

Но она

Такъ поступила съ нимъ, что онъ въ сердцахъ
 Уѣхалъ отъ нея; а вотъ теперь
 Ее самъ хвалитъ,—старая лисица!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ графиня! Геро Маурицъ!

ГЕРДЪ.

Безумная толпа!

НАРОДЪ.

Что? Онъ бранится?

Мы люди всѣ свободные, какъ вы!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ТОЛПЫ.

А что же, Гердъ, съ Армгардою-то будетъ?

ДРУГИЕ.

Махнемъ его три раза черезъ воду,
 Какъ обольстителя: такъ встарину
 У насъ велось.

НАРОДЪ.

Пойдемте на него!

*(Народъ напираетъ на Герда).*ГЕРДЪ *(обнажая мечъ).*

Пусть Богъ рѣшитъ и мечъ! Ну, подходите!
 Кому изъ васъ охота умирать?!

Постой, постой!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

(Вожди разнимают ихъ).

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Къ чему тутъ биться? Мы

Слабѣ ихъ.

ГЕРДЪ.

Есть и у насъ друзья.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Но много ль ихъ?

НАРОДЪ.

Долой вождей! Долой!

Да здравствуетъ графиня! Геро Маурицъ

Да здравствуетъ! Онъ лучший человекъ

Во всей странѣ!

(Народъ толпится вокругъ Геро Маурица.)

ГЕРДЪ *(насмѣливо).*

Ну, вотъ и вамъ почетъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ;

И слабому, чтобъ правду доказать,

Не нужно, другъ, къ уловкамъ прибѣгать.

(Народъ съ торжествомъ уводитъ его.

Вожди остаются одни).

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Вотъ видишь ли какъ думаетъ народъ!

ГЕРДЪ.

О, сволочь грязная! Ну, чортъ же съ нею!

Мы обойдемся безъ нея: у насъ

Есть лучшіе союзники. *(Вынимаетъ письмо).*

Вотъ на-ка!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Что это за письмо?

ГЕРДЪ.

А вотъ прочти.

ГЕРО ОМКЕНЬ *(беретъ письмо и читаетъ).*

Адольфъ графъ Ольденбургскій... и при немъ

Пять тысячъ войска... рыцари и графы...

И намъ они помочь готовы?

ГЕРДЪ.

Да,

Вамъ графъ знакомъ: онъ юношей еще

Сражался съ нами.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Кто его не знаетъ?

Его тогда фортуна не влюбилъ —
Единственная женщина изъ всѣхъ.

ГЕРДЬ.

Вотъ онъ и хочетъ заплатить за это.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Пять тысячъ!

ГЕРДЬ.

Да, пять тысячъ, другъ любезный,
А, можетъ быть, и больше, — лишеть онъ, —
И все народъ испытанный въ бояхъ!
Что? Каково!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Тогда вѣдь сила—наша!

ГЕРДЬ.

Ну, да!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Тутъ объ одномъ подумать надо....

ГЕРДЬ.

О чемъ еще?

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Онъ врагъ отчины нашей.

Что скажутъ, если мы....

ГЕРДЬ.

Э, что за врагъ!

Вѣдь каждый ищетъ помощи гдѣ можетъ,
Да и Цирксеы намъ вѣдь не отчина;
Отчина — мы!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Пожалуй что и такъ.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Да, если такъ смотрѣть.

ГЕРДЬ.

Да не иначе!

Съ графинею лишь ведемъ мы дѣло тутъ.
Осадимъ Аурихъ, замки всѣ обложимъ;
А если Норденъ съ Эмденомъ ладутъ,—
Мы власти слѣдъ послѣдній уничтожимъ!*(Занавѣсъ опускается).*

О. МИЛЛЕРЪ.

(До слѣд. №).

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

О

СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛІИ

(Посвящ. княгинѣ Е. А. Голицыной).

I.

Не слишкомъ ли смѣло писать объ Италіи для русскихъ читателей?

Сыздавна сотни русскихъ семействъ направляются ежегодно въ Италію подышать италіанскимъ воздухомъ, полюбоваться италіанскимъ небомъ, поглядѣть на ненаглядное южное море, покупаться въ теплыхъ его водахъ, подивиться разсѣянными на всякомъ шагу чудесамъ природы и искусства. Какъ дешево русское золото знаютъ Венеція, Миланъ, Ницца, Флоренція, Римъ, Неаполь и Палермо. Не чужды намъ италіанскій языкъ, какъ не чужда намъ италіанская литература. Мы слышемъ цѣнителями и знатоками италіанской музыки и италіанской живописи.

Итакъ можно ли сказать что-нибудь новаго объ Италіи русскимъ читателямъ?

Можно, и смѣло берусь за перо.

Италію мы знаемъ весьма поверхностно и понятие о ней сложилось у насъ, по моему мнѣнію, ложное. Путешествуя по Италіи слишкомъ два съ половиною года, изъѣздивъ ее изъ конца въ конецъ, останавливаясь болѣе или менѣе продолжительное вре-

мя и въ главныхъ и въ менѣе извѣстныхъ пунктахъ (Венеція, Миланъ, Туринъ, Генуя, Флоренція, Римъ, Неаполь, Палермо, Бари, Анкона, Болонья, Верона и Мантуа), заглянувъ и въ самую глухую область Италіи — Молизе, гнѣздо италіянскихъ разбойниковъ, гдѣ уцѣлѣло еще нѣсколько тысячъ славянскихъ поселенцевъ сохранившихъ народность, я имѣлъ случай познакомиться со всѣмъ разнообразіемъ италіянской природы и народности, вступить въ сношенія съ лицами всѣхъ сословій и, признаюсь,—разочаровался въ Италіи и Италіянахъ. Разочарованіе меня преслѣдовало во все время всего моего путешествія и, готовясь покинуть Италію, я не нахожу другаго слова для выраженія общаго впечатлѣнія произведеннаго ею на меня, какъ это слово *разочарованіе*, основанное на продолжительномъ знакомствѣ и на многочисленныхъ наблюденіяхъ: на каждомъ шагѣ я долженъ былъ убѣждаться что все читанное и слышанное мною объ Италіи по большей части *ложь*.

Я представлялъ себѣ Италію чѣмъ-то въ родѣ земнаго рая, гдѣ люди подъ вліяніемъ благораствореннаго воздуха, роскошной природы и неизмѣнно-лазурнаго неба должны блаженствовать, и съ перваго же шага на италіянскую почву сталъ разочаровываться. Меня не поразила даже италіянская природа; и небо, и море, и горы мнѣ напомнили хорошо знакомую Далмацію. Что касается до живописныхъ видовъ, которыми славится Италія, то нѣкоторые переносили меня на Рейнъ, другіе въ Далмацію. Скажу болѣе: въ прирейнской Пруссіи и въ Боккѣ Которской я видывалъ болѣе живописныя виды, а пресловутое *Сорренно* (вблизи Неаполя), это „*paradis de ciel tombé sur la terre*“, мнѣ показалось копіею *Жуны* или *Времена* въ окрестностяхъ Дубровника.

Италіянскій климатъ ни чѣмъ не отличается отъ далматинскаго: то же отсутствіе зимы, то же сіяніе трехъ временъ года въ продолжительную осень-весну съ рѣзкими вѣтрами и съ нескончаемыми ливнями, та же духота лѣтомъ. Но несмотря на отсутствіе зимы, я нигдѣ не натерпѣлся столько холоду, какъ въ Италіи въ двѣ зимы проведенныя мною въ Венеціи и въ Неаполѣ. У Италіянцевъ нѣтъ обычая строить печи въ домахъ; отъ оконъ и дверей сквозить; полъ каменный; сырое сирокко и пронзительная борра врываются со всѣхъ сторонъ въ комнату, гдѣ нѣтъ возможности оставаться для занятій. Никогда не забуду что въ Венеціи въ зиму 1868—

1869 г. я долженъ былъ кутаться въ шубу, покрывать голову мѣховою шапкой, а ноги ледомъ, и надѣвать на руки перчатки чтобъ быть въ состояніи писать: такъ писалъ я статьи о *Степанѣ Маломъ*, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Венеціанцы на мои жалобы отвѣчали: такой зимы мы не помнимъ, холода исключительные. Слѣдующую зиму я провелъ въ Неаполѣ и терлѣлъ не менѣе отъ холода: и Неаполитанцы, подобно Венеціанцамъ, увѣряли меня что зима 1869—1870 г. исключительно сурова. Два исключенія сподрядъ не наводятъ ли на общее правило? Мало того. Когда я отправился въ февралѣ нынѣшняго года изъ Неаполя въ Палермо, Неаполитанцы радовались за меня, увѣряя что на Сицилии уже все въ цвѣту, что уже наступила благодатная сицилійская весна: и цѣлый мѣсяць, проведенный мною въ Палермо, лилъ проливной дождь и дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, срывавшій крыши съ домовъ и ломавшій деревья. После этихъ опытовъ могъ ли я остаться доволенъ итальянскимъ климатомъ и продолжать лѣтъ ему хвалебные гимны?

Русскій путешественникъ, привыкшій къ удобствамъ нашей домашней жизни, бываетъ пораженъ когда ему приходится заглянуть въ итальянскую семью. Итальянецъ не знаетъ нашихъ удобствъ жизни и не заботится защитить себя и своихъ ни отъ холода, ни отъ жаровъ, слѣдуетъ безсознательно правдовскимъ обычаямъ, хотя бы они были противны простому здравому смыслу (такъ напримѣръ душныя лѣтніе мѣсяцы проводить въ городѣ, а съ сентября по конецъ декабря жить въ деревнѣ). Итальянская семья ведетъ жизнь замкнутую, не знаетъ нашихъ семейныхъ празднествъ, и, какъ въ турецкій гаремъ, иностранцу трудно проникнуть въ итальянскій домъ. Итальянецъ всѣмъ жертвуетъ для формы и внѣшности: его семья цѣлую недѣлю питается салатомъ и кофе, а за то праздничные дни, разнаряженная, проводитъ на гуляньяхъ, въ кофейныхъ и ресторанахъ. Съ первыми звуками оркестра высылаютъ итальянская семья на площадь или въ публичный садъ и съ послѣдними разсылаются по домамъ, кофейнымъ и ресторанамъ. Начиная съ роскошныхъ кофе-ресторановъ и оканчивая грязными трактирами, всѣ эти публичныя заведенія въ праздничные дни кишатъ народомъ: за кружкою лива, за стаканомъ вина, за чашкою кофе или порціею мороженаго итальянская семья проводитъ цѣлые часы длинныхъ зимнихъ вечеровъ (а въ карнавалъ въ Ве-

неціи отъ пяти часовъ пополудни до трехъ утра), среди дыму, духоты и часто кухоннаго смраду. Молодежь и холостяки даютъ въ кофейныхъ: мнѣ приводилось видѣть и молодыхъ и пожилыхъ людей, просиживавшихъ неподвижно, безъ всякаго занятія, по нѣскольку часовъ въ кофейномъ домѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и я удивлялся ихъ самопожертвованію: это пресловутое италіянское dolce far niente! Впрочемъ и Италіяны не всѣ одинаково способны вкушать эту сладость бездѣйствія: предприимчивый Генузецъ и промышленный Ломбардецъ не засѣдаютъ въ кофейныхъ; но за то надменный и развращенный Венеціанецъ и извѣженный Неаполитанецъ нигдѣ не чувствуютъ себя такъ хорошо, какъ въ этихъ убѣжищахъ бездѣйствія и расадникахъ сплетенъ и интригъ. (плетничанье одно изъ главныхъ золъ современнаго италіянскаго общества; не ограничиваясь частною жизнью, оно прорывается и въ жизнь общественную, производя повсюду раздоры; оно позоритъ парламентъ и срамить печать. Эта страсть къ сплетнямъ, эта неспособность подняться выше мелкихъ интересовъ обуславливаются главнымъ образомъ недостаточностію образованія. Поверхностность италіянскаго образованія неоднократно поражала меня не только въ людяхъ средней руки, но и въ лицахъ занимающихъ видныя посты, даже въ ученыхъ. Для большей убѣдительности приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ: Commendatore Professore F. T., Direttore generale degli Archivi N., socio ordinario della Società Reale di scienze, Presidente dell'Istituto d'Incoraggiamento, socio onorario dell'Università di Bologna (такъ онъ титулуетъ себя на визитныхъ карточкахъ), при первомъ моемъ знакомствѣ съ нимъ, началъ разсуждать со мною объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, повторяя обычныя газетныя сплетни и клеветы. Въ началѣ я ему возражалъ, представляя факты, но чѣмъ болѣе продолжался разговоръ, тѣмъ болѣе я убѣждался въ невѣжествѣ почтеннаго члена столькихъ ученыхъ обществъ. Наконецъ, дабы прекратить нескончаемый разговоръ, я обратился къ нему съ вопросомъ: „Откуда вы почерпнули эти драгоценныя свѣдѣнія о Россіи?“—„Я многое читалъ.“ Я назвалъ ему нѣсколько наиболее извѣстныхъ сочиненій о Россіи на иностранныхъ языкахъ, и спросилъ, знаетъ ли онъ эти сочиненія; оказалось что онъ никогда объ нихъ даже не слышалъ и что изъ иностранныхъ языковъ знаетъ только французскій.

Долытываясь до источника его познаній, я наконецъ, къ удивленію услышалъ что свои драгоценныя свѣдѣнія о Россіи онъ почерпнулъ изъ энциклопедическаго лексикона! И неоднократно я имѣлъ случай убѣждаться что самые образованные люди Италіи, писатели и ученые (за незначительными исключеніями), имѣютъ самыя дикія понятія о Россіи, или же не знаютъ ее вовсе, и не разъ замѣчалъ Италианцамъ что предки ихъ съ XVI вѣка уже были достаточно знакомы съ Россіей и что между ними были такіе знатоки и цѣнители Россіи, какъ Венеціанецъ Даниилъ Дольфинъ (въ началѣ XVIII вѣка), и что я крайне удивляюсь, какъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ Италианцы знаютъ столько же Россію, сколько Китай. Причина этого явленія какъ и многихъ другихъ въ низкомъ уровнѣ народнаго просвѣщенія въ Италіи. Школъ много, но преподаваніе въ нихъ весьма неудовлетворительно. Не мало и университетовъ, но профессеры (за исключеніемъ немногихъ) знаютъ такъ мало что едва ли бы годились въ учителя гимназій; а студенты, при всевозможныхъ послабленіяхъ не занимаются науками, не посѣщаютъ лекцій и часто живутъ въ другихъ городахъ. Причина такого уклада просвѣщенія заключается болѣе всего въ политическихъ переворотахъ, поглотившихъ цвѣтъ населенія и отвлекшихъ молодежь отъ серьезныхъ занятій. Италія переполнена адвокатами и профессорами, есть между ними люди ученые, но въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, то-есть спеціалисты: не достаетъ людей образованныхъ. По специальности моихъ занятій, я знакомился съ италянскими историками и былъ удивленъ что большая часть изъ нихъ знаетъ только свою провинцію (Венеціанецъ — Венецію, Неаполитанецъ — бывшее Неаполитанское королевство и т. д.) и весьма не многие знаютъ сколько-нибудь исторію всей Италіи; что же касается до другихъ странъ, то италянскіе историки вообще не знакомы ни съ исторіей, ни съ этнографіей, ни съ географіей даже тѣхъ изъ нихъ, съ которыми Италія находилась въ ближайшихъ сношеніяхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Пользующійся большою извѣстностью, профессоръ Неаполитанскаго университета, Иосифъ де-Блазиусъ, въ превосходномъ сочиненіи *La insurrezione pugliese e la conquista Normanna del secolo XI* (Napoli. 1864. 2 vol.), разказывая о походахъ Роберта Гвискара въ Албанію, постоянно смѣшиваетъ мѣстности албанскія, съ далматинскими, обнаруживая

тѣмъ что онъ не знакомъ съ топографіею Албаніи и Далмаціи. Два другіе неаполитанскіе ученые, гг. Миньери-Риччіо и Дел Джудиче, первый въ сочиненіи *La genealogia di Carlo d'Angiò*, а второй въ своемъ *Codice diplomatico Angioino*, выказываютъ новѣйшее незнаніе славянской исторіи и географіи; отсюда въ трудахъ ихъ встрѣчаются такого рода ошибки и промахи, что напримѣръ оба они изъ одного болгарскаго царя, титулуемаго въ регистрахъ анжуйскихъ *Imperator Bulgorum*, *Imperator Vulgarorum*, *Empereur des Agoras* (вм. de Zagoga), *Imperator Aragoraz*, сдѣлали трехъ различныхъ царей различныхъ народовъ! А между тѣмъ оба эти ученые работаютъ болѣе двадцати лѣтъ въ неаполитанскомъ архивѣ, ограничиваясь одними регистрами Анжуйскими, гдѣ почти на каждой страницѣ попадаются памятники по славянской и албанской исторіи, и оба эти ученые считаютъ себя первыми знатоками неаполитанской исторіи эпохи Анжуйцевъ, бывшихъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Славянами и Албанцами. Но ни тому, ни другому не пришло даже и въ голову познакомиться съ исторіею этихъ народовъ.

Говоря объ италіанскихъ ученыхъ, я имѣю въ виду преимущественно историковъ и лингвистовъ: о математикахъ, медикахъ, натуралистахъ и юристахъ, я не могу судить. Специалисты увѣряютъ что и въ наукахъ положительныхъ Италіяны не ушли далеко. Италіанскіе медики не пользуются доброю славою; а нынѣшнее состояніе италіанскихъ университетовъ не позволяетъ предполагать чтобы могли быть въ Италіи основательные ученые по какой бы то ни было отрасли знаній (есть, конечно, исключенія, но они слишкомъ индивидуальны). Вообще италіанская ученость весьма поверхностна, отчасти вслѣдствіе народнаго характера, но болѣе вслѣдствіе политическихъ переворотовъ, поглотившихъ и поглощающихъ все вниманіе образованнаго общества. Италіанскіе историки, мало знакомые съ пріемами и результатами исторической науки въ Европѣ, ограничиваются перелисываніемъ старыхъ лѣтописцевъ и не ищутъ источниковъ въ своихъ богатыхъ архивахъ, разрабатываемыхъ преимущественно иностранцами; а если и обращаются къ этимъ неисчерпаемымъ источникамъ, то избираютъ вопросы модные, но не существенные, или же предпринимаютъ кропотливые, но мало полезные труды. Такъ, напримѣръ, извѣстный неаполитанскій ученый, г. Миньери-Риччіо посвятившій, какъ я уже упомина-

чуль, около двадцати лѣтъ на изученіе анжуйскихъ регистровъ, задумалъ составить маршрутъ (itinerario) Анжуйцевъ, ограничиваясь простымъ указаніемъ на томы и листы этихъ регистровъ въ подтвержденіе того что Карль I или II такого-то числа, такого-то мѣсяца и такого-то года находился въ Бари или въ Отранто, или въ Неаполѣ и т. д. А между тѣмъ ни внутренняя, ни внѣшняя исторія южной Италіи этой эпохи не разработаны, и сколько услугъ наукѣ могъ бы оказать столь трудолюбивый ученый, какъ г. Миньери-Риччіо, еслибъ онъ изложилъ по этимъ анжуйскимъ регистрамъ, хотя одинъ изъ такихъ, напримѣръ, вопросовъ, какъ вопросъ о господствѣ Анжуйцевъ въ Абаніи. Въ современной исторической италіанской литературѣ, несмотря на существованіе множество историческихъ обществъ и комиссій, вы съ трудомъ найдете сочиненіе важное для науки: большею частію это монографіи о болѣе или менѣе извѣстныхъ историческихъ личностяхъ, которыми гордится та или другая область, объ отдѣльныхъ памятникахъ искусства, которыми славится тотъ или другой городъ и т. л. Вообще въ исторической литературѣ Италіи господствуетъ узкій провинціализмъ: каждая область, каждый городъ хвастается своею стариною. До созданія исторіи народовой Италианцы еще не поднялись. Мало того. Растрачивая силы и время на разработку не существенныхъ вопросовъ, они не сумѣли изслѣдовать ни одного изъ такихъ, которые имѣя всю прелесть провинціализма, имѣютъ важное значеніе не только въ италіанской, но и въ общей европейской исторіи, каковы напримѣръ вопросы о торговлѣ и мореходствѣ Венеціанцевъ и Генуэзцевъ, объ италіанскомъ господствѣ на Востоку и т. л. Есть впрочемъ надежда что съ окончательнымъ объединеніемъ Италіи, только что свершившимся благодаря особымъ политическимъ обстоятельствамъ, волновавшія доселѣ Италію, страсти утихнутъ, и начнется для нея новая эпоха возрожденія наукъ, объединеніе станетъ вполнѣ сознательнымъ, и провинціализмъ уступитъ мѣсто патріотизму. Есть и теперь впрочемъ ученые, которые подъ вліяніемъ совершившагося факта объединенія, принимаютъ за обширные труды по всеобщей исторіи Италіи. Къ такимъ принадлежитъ г. Ангелъ Анджелуччи, съ личностью и трудами котораго считаю не лишнимъ познакомить читателей.

Г. Анджелуччи принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ италіанскимъ ученымъ, которые преданы наукѣ всецѣло, безкорыст-

но. Ученый-самоучка, обязанный обширными познаніями въ исторіи единственно самому себѣ, лишенный средствъ и посторонней поддержки, онъ въ теченіе девяти лѣтъ неутомимо собиралъ и собираетъ въ богатыхъ италіанскихъ архивахъ памятники, касающіеся военной исторіи Италіи и преимущественно исторіи огнестрѣльнаго оружія. Онъ не принадлежитъ къ кваснымъ италіанскимъ патріотамъ, онъ не доволенъ современною историческою литературой въ Италіи, какъ недоволенъ вообще настоящимъ своей родины, гдѣ господствуютъ невѣжды и весьма сомнительныя патріоты. „Намъ нужны не слова, а дѣла,“ вторитъ онъ безпрестанно во всѣхъ своихъ разнообразныхъ сочиненіяхъ, приглашая своихъ соотечественниковъ къ усиленному труду, если они искренно желаютъ добра родинѣ, если они надѣются на лучшее будущее. „Мы не имѣемъ исторіи Италіи правдивой, безпристрастной, такой, которая раскрыла бы передъ нами доброе и злое, славу и позоръ, доблесть, и пороки прошлаго.“ И такая исторія должна быть основана на неопровержимыхъ архивныхъ документахъ, а не на подозрительныхъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Г. Анджелуччи осуждаетъ своихъ соотечественниковъ, довольствующихся дешевою ученостью, не изучающихъ архивныхъ сокровищъ. На задуманное имъ дѣло онъ смотритъ, какъ на „обязанность гражданина, любящаго родину на дѣлѣ.“ Архитекторъ, капитанъ, директоръ артилерійскаго музея въ Туринѣ, онъ ежегодно беретъ отпускъ на два или три мѣсяца и странствуетъ по архивамъ. По возвращеніи изъ отпуска, печатаетъ результаты своихъ разысканій вмѣстѣ съ найденными памятниками. Въ теченіе девяти лѣтъ имъ напечатано на собственный счетъ болѣе 20 сочиненій по военной исторіи Италіи,—сочиненій основанныхъ на архивныхъ изслѣдованіяхъ,—не считая начатаго имъ обширнаго труда: *Сборникъ неизданныхъ документовъ по исторіи огнестрѣльнаго оружія въ Италіи*, второй томъ котораго теперь печатается.

Здѣсь было бы неумѣстно говорить подробно объ ученой дѣятельности г. Анджелуччи. Упомяну только что оставшись ребенкомъ по смерти бѣдныхъ родителей и не получивъ обыкновеннаго школьнаго образованія, онъ поступилъ въ военную службу чтобъ имѣть время и возможность учиться. Собственнымъ трудомъ онъ приобрѣлъ степень архитектора, научился иноязычнымъ языкамъ, познакомился съ историческою лите-

ратурой и наконецъ выдержалъ артилерійскій экзаменъ. Таки́мъ о бразомъ всѣмъ онъ обязанъ самому себѣ.

Я знаю другой примѣръ подобнаго ученаго-самоучки въ Италиі: это нѣкто г. Бони, учитель иностранныхъ языковъ въ Болоньѣ. Ремесломъ столяръ, онъ во время своихъ работъ постоянно занимался чтеніемъ; скопивъ небольшую сумму, онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ, какъ и во время путешествія, продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ, а въ свободное время работалъ въ библіотекахъ и архивахъ. Таки́мъ же образомъ онъ посѣтилъ Францію и Германію. Кро́мѣ всѣхъ живыхъ европейскихъ языковъ (въ томъ числѣ русскаго и польскаго), онъ знаетъ многіе восточные: санскритскій, китаітскій, арабскій, персидскій, турецкій, и на нѣкоторыхъ языкахъ свободно объясняется. Для изученія нѣсколькихъ языковъ онъ составилъ руководства, но не можетъ издать по недостатку средствъ.

II.

Въ Миланѣ мнѣ удалось подслушать слѣдующія поговорки, свидѣтельствующія о понятіи, какое сложилось о Россіи въ умѣ Ломбардцевъ:

„El fuma com'ün Turc, el bēv com'ün Russ“ (курить какъ Турокъ, пьетъ какъ Русскій), говоритъ Миланецъ на своемъ говорѣ.

„El fa el guadagn, che la fa Napoleon Prim a Mosca“ (ему удалось какъ Наполеону I въ Москвѣ), говорится о неудавшемся дѣлѣ.

Когда въ домѣ безпорядокъ, говорятъ: „Словно были здѣсь казаки“ (точныхъ словъ этой поговорки я не успѣлъ записать).

При недостаткѣ денегъ говорятъ: „Gho d'oss la Russia“ (у меня на плечахъ Россія).

Мнѣ разказывали: когда въ Миланѣ вслѣдъ за присоединеніемъ Ломбардіи къ Италиі оказался недостатокъ въ звонкой монетѣ и страшный наплывъ италіянскихъ ассигнацій, на всѣхъ перекресткахъ появились билеты со словами: „Viva la Russia“ (Россія, какъ представительница царства ассигнацій).

Когда торговля идетъ дурно, Миланецъ восклицаетъ: „Ghena

Russia vassa" (vassa—*корова*, синонимъ глулости у Италианцевъ, отводящихъ *ослу* (азіно) болѣе почетное мѣсто).

Итакъ, въ головѣ Ломбардца сложилось своеобразное понятіе о Россіи, какъ странѣ залруженной ассигнаціями, лишенной торговли, населенной льяницами, но при содѣйствіи страшныхъ казаковъ отстоявшей свою независимость и погубившей Наполеона I въ Москвѣ.

Италианецъ вообще не склоненъ къ гостепріимству, и иностранецъ въ его глазахъ чуть ли не врагъ. Иностранецъ для большинства здѣсь добыча, посланная небомъ, на счетъ которой надлежитъ поживиться, елико возможно. Особые мастера въ этомъ дѣлѣ Венеціанцы и Неаполитанцы: но Венеціанцы поступаютъ болѣе осторожно, съ жидовскою разчетаивостію, тогда какъ Неаполитанцы низколоклопавичаютъ, угождаютъ всѣмъ прихотямъ иностранца чтобъ вкратиться въ его довѣріе и потомъ обобратъ. Венеціанецъ вообще чуждается иностранца, трудно съ нимъ сходится, но познакомившись съ нимъ и убѣдившись что отъ сближенія съ нимъ онъ можетъ только выиграть, становится непрощеннымъ и незваннымъ гостемъ, напрашивается на услуги которыя продаютъ очень дорого, требуетъ самъ услугъ, но продолжаетъ скрытничать и держать гостя вдалькѣ отъ своего дома и отъ своего семейства. Неаполитанецъ, напрашиваясь на знакомство съ иностранцемъ, раскрываетъ передъ нимъ двери своего дома, старается прельстить своимъ обращеніемъ, напрашивается въ дядьки, выставляя свою честность и черня всѣхъ и всякаго, съ кѣмъ онъ находится или можетъ находиться въ сношеніяхъ; и, приобрьвъ довѣренность, съ спокойною совѣстію беретъ въ три-дорога за всякую услугу. Генуэзецъ гостепріимнѣе и честнѣе Венеціанца и Неаполитанца; Миланецъ стоитъ еще выше: онъ откровененъ, привѣтливъ, общителенъ, хотя и разчетливъ. Тосканецъ изыщенъ въ обращеніи, но равнодушенъ. Настоящее наше славянское гостепріимство встрѣчается только на островѣ Сициліи; тамъ иностранецъ служить чуть ли не предметомъ культа; передъ нимъ раскрываются всѣ дома, каждое семейство считаетъ его самымъ дорогимъ гостемъ, каждый старается угодить и услужить ему. Пораженный такимъ гостепріимствомъ, я замѣтилъ однажды одному хорошему пріятелю въ Палермо, извѣстному ученому, писателю и государственному человѣку, маркизу Мортиларо ди-Валлорену, что нахожу громадную разницу въ обращеніи съ иностранцами на островѣ Сициліи и въ дру-

гих мѣстностяхъ Италіи, и онъ на мое замѣчаніе отвѣтилъ съ дипломатическою улыбкой: „Въ нашихъ жилахъ течетъ много арабской крови!“ И дѣйствительно, ни одна изъ италіянскихъ областей не представляетъ такого смѣшенія народностей какъ Сицилія, гдѣ перебивали и Греки, и Римляне, и Арабы, и Славяне, и Нѣмцы, и Албанцы, и Испанцы, и Французы: изъ смѣси всѣхъ этихъ многообразныхъ народностей образовались Сициліяны, языкъ, нравы и обычаи коихъ сохранили много чуждаго Италіянцамъ.

Недавно совершившійся фактъ политическаго объединенія Италіи не могъ мгновенно изгладить областныя особенности; заглушить вѣковую зависть и соперничество отдѣльныхъ областей, составлявшихъ до послѣдняго времени особыя государства, и старые распри и раздоры замѣнить общимъ соглашеніемъ. Пройдутъ еще десятки лѣтъ пока Италія объединится нравственно. Тѣмъ не менѣе, политическое объединеніе уже принесло свои плоды и наиболѣе поражающія особенности между сѣверомъ и югомъ незамѣтно изглаживаются: нѣкоторыя нравственныя язвы уже залѣчиваются, благодаря мѣрамъ примѣтымъ правительствомъ. Неаполитанскіе лазароны, безъ которыхъ была немыслима столица южной Италіи,—исчезли; усердно истребляются разбойники, гнѣздившіеся въ горахъ Калабріи и Абруццъ, и находившіе убѣжище и покровительство въ палатско-бурбонскомъ Римѣ; но еще сильна *каморра*, и нужны большія усилія и много доброй воли дабы, поднять сильно упавшую нравственность, преимущественно въ областяхъ южныхъ.

Сознаніе національнаго и государственнаго объединенія еще не проникло въ массу италіянскаго народа: Неаполитанецъ, Римлянинъ, Тосканецъ, Венеціанецъ и т. д. не свыкъ еще съ мыслию что онъ составляетъ звѣно въ италіянской народности; особенности лингвистическія, различіе нравовъ и обычаевъ, и историческія преданія продолжаютъ раздѣлять этихъ разрозненныхъ вѣками членовъ одной семьи; Италіанецъ по преимуществу, Италіанецъ въ полномъ смыслѣ этого слова—уроженецъ бывшаго Сардинскаго королевства, этой колыбели италіянскаго объединенія, и во всѣхъ областяхъ Италіи для обозначенія новой эпохи употребляютъ одинаковое выраженіе: *съ тѣхъ поръ какъ пришли сюда Италіянцы* (*da che son venuti que gli Italiani*). Областная рознь, областная зависть, областное соперничество одинаково выражаются и въ я-

родныхъ поговоркахъ, и въ періодической печати, и въ рѣчахъ членовъ парламента. Каждая область имѣетъ свое прозвище, характеризующее ея нравственную особенность; каждая хвалится *своимъ* и поноситъ *чужое*; областныя газеты заняты только мѣстными интересами; даже представители народа въ парламентѣ безпрестанно забываютъ свое призваніе быть объединителями Италіи и хлопочутъ о мѣстныхъ выгодахъ, принося въ жертву имъ высшіе государственные интересы. Различныя области Италіи, благодаря особо-благопріятнымъ обстоятельствамъ сплоченныя въ одно государство, ведутъ между собою открытую войну, подкалываясь одна подъ другую.

Полному объединенію Италіи препятствуетъ существованіе множества партій, изъ которыхъ каждая старается захватить власть въ свои руки: монархисты, демократы, республиканцы, автономисты, клерикалы раздираютъ безжалостно Италію и тормозятъ всякій ея шагъ впередъ, и къ открытой областной борьбѣ присоединяется тайная борьба партій. Мудрено правительству угодить всѣмъ и каждому, и оно принуждено постоянно лавировать: отсюда его нерѣшительность въ самыхъ существенныхъ вопросахъ.

Успѣхамъ Италіи препятствуетъ также порожденный революціями и нигдѣ не существующій особый классъ народонаселенія, называемый *мучениками* (*martiri*). Это люди принимавшіе большею частію весьма сомнительное участіе въ италіянскихъ революціяхъ и считающие обязанностью правительства - исправителя (*governo-reatore*) вознаградить ихъ за услуги будто бы оказанныя ими; это люди не имѣющіе по большей части ни политическихъ, ни религіозныхъ убѣжденій, лишенные самыхъ необходимыхъ нравственныхъ качествъ, — люди принимавшіе участіе въ революціи изъ самыхъ эгоистическихъ побужденій въ надеждѣ выиграть при перемятѣ правительства и изъ *ничего* сдѣлаться *чѣмъ-нибудь*. Легіоны италіянскихъ мучениковъ ежедневно, ежечасно осаждаютъ правительство своими просьбами, своими требованіями вознагражденій, и оно не считаетъ себя достаточно сильнымъ отказывать имъ, или по крайности обсуждать ихъ заслуги: этимъ революціоннымъ промышленникамъ оно щедро раздаетъ орденъ и самыя выгодныя и спокойныя мѣста въ управленіи.

Разкажу біографію одного изъ тысячи италіянскихъ мучениковъ.

Въ одномъ изъ самыхъ большихъ итальянскихъ городовъ жилъ въ сороковыхъ годахъ бѣдный католическій священникъ, любившій, несмотря на недостатокъ средствъ, повеселиться. При невоздержномъ образѣ жизни, онъ неизбежно долженъ былъ надѣлать долговъ. Его кредитъ постоянно падалъ, и часто ему приходилось просить милостыню у прихожанъ и знакомыхъ. Онъ тяготился такою жизнью и искалъ исхода. Вспыхнула революція 1848 года, и онъ ухватился за нее, какъ за якорь спасенія. Онъ началъ съ того что скинулъ священническія одежды, одѣлся по-свѣтски и женился. За этимъ первымъ подвигомъ не замедлилъ послѣдовать другой: онъ добился мѣста полиціймейстера, и исправлялъ эту должность съ большимъ искусствомъ. Въ безпрестанныхъ домашнихъ обыскахъ онъ не щадилъ даже друзей своихъ: такимъ образомъ въ его руки попало множество компрометирующихъ писемъ. Какъ человекъ предусмотрительный, не всѣмъ онъ далъ огласку, а многія приберегъ на черный день. И этотъ черный день вскорѣ наступилъ: революція не удалась, прежнее правительство было восстановлено. Нашъ герой не успѣлъ или не могъ спастись бѣгствомъ въ гостеприимной Савойѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ пробылъ около двѣнадцати лѣтъ.

Получивъ свободу при занятіи города гарибальдійцами, онъ сталъ искать вознагражденія за свое мученичество. Многіе изъ его друзей и знакомыхъ, переписка коихъ, захваченная имъ въ 1848 году ясно доказывала что они были усердными слугами павшаго правительства и врагами итальянской революціи,—успѣли уже пристроиться въ новомъ королевствѣ, гдѣ заняли болѣе или менѣе почетныя и выгодныя мѣста (были между ними даже министры), и N. N. не задумался употребить ихъ письма какъ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Отъ этихъ друзей и знакомыхъ онъ потребовалъ немедленнаго и достойнаго вознагражденія за услуги оказанныя имъ будто бы революціи, грозя въ противномъ случаѣ предать гласности ихъ политическую переписку,—и получилъ спокойное, выгодное и почетное мѣсто на родинѣ и былъ осыпанъ орденами. Казалось бы, чувство благодарности должно было заставить его уничтожить ненавистную переписку, чрезъ которую онъ достигъ желаемой цѣли; но онъ этого не сдѣлалъ и приберегъ ее на всякой случай. Занятое имъ мѣсто требовало специальныхъ познаній, усидчивости и

честности: первыхъ онъ не имѣлъ, къ усидчивой жизни былъ неспособенъ, дѣлами же занимался и жить не по средствамъ. Вскорѣ открылся неизсякаемый источникъ изъ коего онъ черпалъ средства для привольной жизни, и министерство, уступая общественному мнѣнью, думало было удалить его отъ службы. Но на сцену опять появилась знаменитая переписка, и N. N. не только удержался на своемъ мѣстѣ, но даже былъ командированъ на Суэцъ. И доселѣ онъ продолжаетъ спокойно занимать свое мѣсто, получая поощренія и командировки.

Такимъ образомъ, политическое мученичество въ Италиіи есть ремесло весьма выгодное. Можно почти сказать что въ Италиіи господствуютъ такіе промышленники, и этимъ обстоятельствомъ объясняется поражающій недостатокъ честныхъ людей въ столькихъ итальянскихъ министерствахъ, столько разъ перетасованныхъ. Люди дѣйствительно честные, съ убѣжденіями и съ характеромъ, держатся мучениками вдали отъ дѣлъ и часто даже преслѣдуются. Перечтите имена лицъ составлявшихъ итальянское министерство въ различныя времена, и вы будете поражены этою безпрестанною перетасовкою однакъ и тѣхъ же картъ: между ними вы найдете имена лицъ бывшихъ по два, по три раза министрами, падавшихъ предъ требованіями общественнаго мнѣнія и потомъ снова возвышавшихся на прежній постъ, съ котораго были свергнуты съ позоромъ. Между ними есть люди которые занимали различныя министерства: такихъ энциклопедистовъ едва ли можетъ представить иное государство. Иногда, правда, случалось что на министерское кресло садилось и лицо честное и знающее; но оно должно было или совершенно подчиниться волѣ министровъ-мучениковъ или же сознать свое безспіе и добровольно удалиться отъ дѣлъ. Появленіе такихъ лицъ бывало случайно и служило только къ временному удовлетворенію требованіямъ общественнаго мнѣнія. При такомъ порядкѣ вещей неудивительно что дѣла Италиіи идутъ дурно и что ей грозитъ банкротство: всѣ источники государственныхъ доходовъ истощены, подати и налоги безпрестанно увеличиваются, и итальянскимъ финансистамъ остаются однѣ надежды на будущія непредвидимыя блага, каково напримѣръ въ настоящее время занятіе Рима; но можно по опыту предсказать, что и римскіе милліоны не спасутъ Италию отъ банкротства, какъ не спасли ее неаполитанскіе, неизвестно куда

исчезнувшие. Сласть Италию и поднять ее кредитъ можетъ только удаленіе навсегда отъ дѣлъ такихъ людей которые были уличены въ казнокрадствѣ, и возвышеніе на ихъ мѣсто людей честныхъ и специально подготовленныхъ.

Каково министерство, таково и парламентъ. Свобода выборовъ, гарантированная статутомъ, парализуется интригами партій: каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ явныхъ и тайныхъ агентовъ, чрезъ посредство коихъ вліяетъ на общественное мнѣніе; продажныя газеты служатъ той изъ нихъ которая сильнѣе и болѣе другихъ; министерство также не остается безъ дѣла. Водство такихъ интригъ, члены парламента (за весьма малымъ исключеніемъ, не имѣющимъ по этому рѣшительнаго вліянія на дѣла) суть представители не народа, а отдельныхъ партій и преимущественно партія господствующей. Либеральная конституція Италиі остается мертвою буквой. Невольно вспомнишь изъ еченіе стараго нашего поэта:

Законы святы, да исполнители лихіе, сулюстаты.

Благодаря этимъ „исполнителямъ законовъ“ господствуетъ въ Италиі сильное неудовольствіе на правительство. Всѣ „сто городовъ Италиі“ (*cento città Italiane*, какъ безпрестанно повторяетъ періодическая печать), всѣ ея тысячи деревень, всѣ классы народонаселенія ропщутъ, жалуются, чуть не сожалеютъ о прошломъ, когда они не составляли еще единого Италианскаго королевства. Повсюду слышишь одну и ту же пѣсню: прежде было больше денегъ, промышленность и торговля были оживленнѣе, не было столько пошанинъ и налоговъ, было болѣе правосудія и т. д., и т. д. Примѣненіе налога извѣстнаго подъ именемъ *ricchezza mobile* (движимое богатство) поражаетъ своею несправедливою: его обязаны уплачивать чиновники изъ жалованья получаемого ими отъ правительства, семейства отдающія двѣ-три меблированныя комнаты въ наемъ (и такса часто превышаетъ ихъ доходы) и даже земледѣльцы не имѣющіе ни кола, ни двора. „Мы едва съ голоду не умираемъ,“ говорили мнѣ молізскіе Славяне, „а правительство требуетъ съ насъ налога „движимаго богатства!“ И несчастные поселяне приняли меня и моего товарища за королевскихъ комиссаровъ, пріѣхавшихъ въ ихъ глухую деревню съ тѣмъ чтобъ убѣдившись въ ихъ нищетѣ освободить ихъ отъ тяжести налоговъ.

Неудовольствіе на правительство поддерживается и возбуж-

дается періодическою печатью. Италіанская печать не выражаетъ, впрочемъ, общественнаго мнѣнія: независимыхъ газетъ не существуетъ; каждая изъ нихъ служитъ органомъ какой-либо партіи, а такъ какъ партіи находятся между собой въ постоянной враждѣ, то газеты обыкновенно наполнены полемическими статьями. Каждая газета защищаетъ, во что бы то ни стало, программу и дѣйствія своей партіи и считаетъ всякое оружіе позволительнымъ дабы очернить и унизить партію противную: онѣ не довольствуются общественною дѣятельностію своихъ противниковъ, но проникаютъ въ ихъ семейную жизнь, врываются въ ихъ дома, подслушиваютъ, подсматриваютъ, и лишь только удастся имъ наткнуться на какой-либо скандалъ, тотчасъ передаютъ его печати и оглашаютъ по всей Италіи, разукрашивъ, какъ подобаетъ, и выставивъ имя жертвы со всѣми ея титулами. Часто эти газетныя слетки оказываются клеветой и авторы ихъ подвергаются судебному преслѣдованію: отсюда безпрестанныя процессы по злоупотребленіямъ печатнымъ словомъ. Однѣ только министерскія газеты, *L'Italie* и *L'Opinione*, держатся въ границахъ приличія; за ними по умѣренности слѣдуютъ органы партіи прогрессистовъ, *La Riforma* и *Il Diritto*. Тонъ и содержаніе почти всѣхъ остальныхъ газетъ поражаютъ неприличіемъ и пустотой. Первое мѣсто между этими послѣдними занимаютъ газеты республиканскія, каковы напримѣръ *La gazzetta Rosa* въ Миланѣ, *Sior Tonin bonagrazia* и *Il Rinnovento* (при прежней редакціи г. Пизани) въ Венеціи, *Il Mercimento* въ Генуѣ, *La Lanterna* (позже *La Lucerna*) въ Неаполѣ и т. д. По принципу враги монархическаго правленія, эти газеты поставили себѣ за правило чернить нынѣшній порядокъ вещей, издѣваться надъ королемъ, частная жизнь котораго доставляетъ имъ не мало матеріаловъ, и проповѣдывать крестовый походъ во имя всеобщей республики. Читая воззванія и программы республиканскихъ газетъ, я удивлялся ихъ дерзости, наглости и неприличію. Непривычному читателю *Розовой Газеты* можетъ показаться что онъ живетъ наканунѣ революціи, что во всей Италіи уже подготовлено поголовное возстаніе и что ждутъ только одного слова, одного движенія Мадзини и Гарибальди. Ничего не бывало. Можно бы, пожалуй, простить эту республиканскую болтовню, еслибъ она была чистосердечна; но дѣло въ томъ что отвѣтственные редакторы этихъ газетъ не имѣютъ никакихъ убѣжденій, что они лишутъ по заказу и что завтра же они го-

товы переменить тонъ и содержаніе статей, если имъ перестанутъ платить субсидіи или противная партія подкулитъ ихъ и приметъ на свое содержаніе (какъ это случилось). Эти отвѣтственные редакторы, эти грязные газетные писаки служатъ ширмами за которыми скрываются настоящія республиканцы, не всегда, впрочемъ, люди честные, считающіе болѣе удобнымъ чужими руками жаръ загребать. Духъ спекуляціи, обуявшій всю Италію, сдѣлалъ журналистовъ ремесленниками, думающими только объ одномъ, какъ бы побольше и поскорѣе нажитыя.

Дабы мой судъ объ италіанской печати не показался слишкомъ строгимъ, перевожу стихотвореніе написанное на венеціанскомъ нарѣчій въ карнавалъ 1868 года. Имѣя въ виду преимущественно венеціанскія газеты, оно даетъ понятіе и обо всѣхъ италіанскихъ. Вотъ оно:

Венеціанскія газеты, шутка для пробужденія народа.

„Въ вѣкъ газетъ всякій лжетъ, всякій докторъ—красный, черный, сѣрый и всякихъ цвѣтовъ.

„Этому благословенному прогрессу придаютъ большую важность, а по мнѣ, скажу открыто правду, онъ потерялъ кредитъ.

„Газеты были бы хороши, еслибы были писаны съ умѣренностію; но между журналистами есть люди столь презрѣныя что полираютъ даже самую честь.

„Въ Венеціи, напримѣръ, такихъ два экземпляра, сказать—безбожныхъ, не будетъ преувеличено:

„*Sior Tomm* (господинъ Антоній) своими шутками безжалостно терзаетъ и того, и другаго, и третьяго.

„Выраженіями скандалѣзными, безчестными, оскорбляя даже невинныхъ дѣвушекъ.

„Правдивность для него не существуетъ; онъ не скажетъ слова добраго: порицаетъ и дурное, и прекрасное; позоритъ даже женщинъ.

„Да иначе и быть не можетъ: его совѣтникъ—пресловутое *Rinascimento* (возрожденіе).

„Почти всѣ Венеціанцы влюблены въ эту газету, обзывающую ихъ собаками—всегда, даже въ карнавалъ.

„Но кто же этотъ *Пизани*, этотъ знаменитый шарлатанъ, обратившій вотъ уже два года Венецію въ собакъ?

„Онъ терзаетъ муниципаліи, полицію, префекта, министровъ, купцовъ, однимъ словомъ, все образованное общество.

„Нѣтъ сомнѣнія, иногда онъ правъ; но въ большей части случаевъ засаживаетъ палки.

„Онъ хлопочетъ о Венеціи, о торговлѣ, о трудѣ, а потомъ? Послушайте что помрачаетъ его чело.

„Нищета господствуетъ повсюду, даже во Франціи, которую нельзя назвать страной жалкою.

„Но гдѣ видано чтобы съ хвастовствомъ выставляли на показъ свои заплаты, чтобы на весь міръ кричали о своихъ язвахъ?

„Венеціанцы ни у кого не просятъ милостыни: между ними есть ремесленники и здоровыя руки.

„А онъ повсюду трубитъ: здѣсь только льяницы, бездѣльники, праздношатающіеся, болтуны.

„Женщины занимаются только ремесломъ разврата, гонимыя—воры и разбойники.

„Что долженъ подумать о насъ иностранецъ? Скажу безъ преувеличенія: о, газеты-слетницы!

„Послушайте его, и вы подумаете что онъ одинъ создалъ Италію, а я знаю и утѣшаюсь что онъ почти ренегатъ.

„Онъ желалъ бы наконецъ уничтожить національную гвардію для своего спокойствія.

„Кавалеръ ордена тѣхъ двухъ святыхъ (Маврикія и Лазаря), который дается шутамъ, онъ предписываетъ законы всѣмъ: о! что за перлъ, о! что за камень драгоценный!!“

Не перевожу строфы, заключающихъ воззваніе къ италіанскому народу: онѣ не представляютъ для насъ интереса.

Но пора кончить. Всего не услышишь что подсмотрѣлъ и подслушалъ въ Италіи въ два съ половиною года. Цѣль моя будетъ достигнута, если читатель, пробѣжавъ эти замѣтки, слѣшно набросанныя, убѣдится что *Италія не такъ хороша, какъ ее рисуютъ.*

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Недавно вышли первые два тома биографіи покойнаго лорда Пальмерстона *), написанной англійскимъ дипломатомъ сэромъ-Генри Бульверомъ. Вышедшія до сихъ поръ части обнимаютъ домашнюю и политическую жизнь лорда Пальмерстона до 1841 года. Авторъ пользовался обширными и немногими доступными матеріалами, въ томъ числѣ автобіографическимъ очеркомъ знаменитаго государственнаго человѣка, который довелъ его до 1830 года, дневниками его, писанными въ продолженіи вѣсколькихъ лѣтъ, и множествомъ писемъ къ близкимъ родственникамъ и друзьямъ, гдѣ Пальмерстонъ откровенно излагалъ свои взгляды на частныя и общественныя дѣла. Съ помощью этихъ многочисленныхъ данныхъ, сэръ-Генри Бульверъ съ замѣчательною полнотою изобразилъ личность и дѣятельность знаменитаго министра, достигшаго въ продолженіе своей долгой жизни высшей степени популярности и власти какаа только возможна въ Англіи. Вотъ какъ биографъ характеризуетъ историческое лицо которому онъ посвятилъ свой трудъ:

„Я предпринялъ написать биографію великаго государственнаго человѣка, подъ начальствомъ котораго я долго служилъ и къ которому я питалъ искреннюю и почтительную привя-

*) *Life of Henry John Temple, Third Viscount Palmerston, with Extracts from his Journals and Correspondence. By the right honourable Sir Henry Lytton Bulwer. Vols I and II, London 1870.*

запасность. Я постараюсь выполнить эту благодарную задачу просто и безпристрастно, будучи убѣжденъ что тѣмъ проще и безпристрастнѣе я выставлю характеръ человека необыкновенно даровитого и достойнаго, тѣмъ болѣе я могу надѣяться обезлечить ему удивленіе и любовь соотечественниковъ. Самое выдающееся преимущество замѣчательнаго мужа котораго я намѣреваюсь изобразить состояло въ натурѣ счастливо отзывавшейся на вкусы, чувствованія и привычки различныхъ классовъ и родовъ людей. Отсюда его чуткая симпатія, благодаря которой не только дѣйствія его гармонировали съ пониманіемъ и чувствомъ общества, но и жизнь представлялась ему въ многообразныхъ видахъ, расширяя его кругозоръ и смягчая его впечатлѣнія, и удержала его отъ мелочныхъ тонкостей и причудливыхъ странностей, легко порождаемыхъ жизнью въ уединеніи или въ замкнутомъ кружкѣ.

„Въ прогрессѣ своего времени онъ шелъ позади рьяныхъ, но впередъ медлителей. Привычный къ обширному кругу наблюденій надъ современными событіями, онъ почерпнулъ изъ исторіи заключеніе что всякая эпоха имѣетъ свои увлеченія, и что спокойное сужденіе и просвѣщенная политика должны ясно сознавать, но не раздѣлять ихъ преждевременно и безразсудно. Онъ не литалъ вѣры въ безусловную мудрость, которую нѣкоторые видятъ въ прошедшемъ, а другіе ждутъ отъ будущаго; но онъ предпочиталъ надежды грядущаго поколѣнія отчаянію поколѣнія исчезаваго. Такимъ образомъ въ его догмѣхъ поприщѣ не было ничего насильственнаго или внезапнаго, никакого колебанія впередъ и назадъ, или назадъ и впередъ. Дѣятельность его подвигалась въ одинаковомъ направленіи медленно, но непрерывно отъ начала до конца, подѣйствиемъ двигательной силы, сложившейся изъ совокупности различныхъ вліяній, взаимно измѣнявшихъ одно другое и въ общемъ итогѣ не представлявшихъ рѣшительнаго мнѣнія какой-нибудь отдѣльной партіи или сословія, но приближавшихся къ общему мнѣнію англійской націи вообще. Въ то особенное, индивидуальное положеніе, котораго онъ такимъ образомъ мало-по-малу достигъ, онъ внесъ серьезный патріотизмъ, вѣрное пониманіе вещей, многія знанія, которыми онъ былъ обязанъ своему трудолюбію и основательности своего ранняго воспитанія, и замѣчательный талантъ схватывать и обозрѣвать подробности. Въ этомъ заключалось его особенное достоинство какъ дѣловаго человека; въ этомъ онъ выказалъ превосходство мастера. По этому онъ ни на одной государственной должности не былъ ниже своей задачи; а между тѣмъ еще замѣчательнѣе то что ни одной изъ нихъ онъ не добивался преждевременно. Будучи честолюбивъ, онъ былъ свободенъ отъ тщесавія; и при рѣдкомъ отсутствіи усилія или притязаній онъ оцутился наконецъ на вершинѣ той лѣстницы по которой онъ долго восходилъ, не слясь обращать на себя вниманіе.“

Книга сэра-Булдвера богата изваченiями изъ дневника лорда Пальмерстона, чрезвычайно интереснаго тѣмъ что она намъ раскрываетъ мысли и воззрѣнiя знаменитаго дипломата съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Дневникъ, или по крайней мѣрѣ отрывки приводимые сэромъ-Булдверомъ, имѣютъ содержанiемъ не случаи частной жизни, а политическiя событiя, которыя съ юности привлекали вниманiе будущаго виртуоза политики. Выборы, составъ министерствъ въ Англiи, а также событiя дипломатическiя и военныя на материкѣ, служатъ для Пальмерстона предметомъ сужденiй, въ которыхъ рано обнаруживается его провицательный умъ и вѣрный политическiй тактъ. Мы позволимъ себѣ въ видѣ примѣра привести его замѣчанiя о прусской кампанiи 1806 года, которыя теперь, спустя сашкомъ шестьдесятъ лѣтъ, получаютъ особенный интересъ въ виду сходства между тогдашнею судьбой Пруссiи и теперешнею судьбой Францiи.

„30го декабря 1806 года. Рядъ событiй, не менѣе быстрыхъ и необычайныхъ вежели происшедшiя въ концѣ прошлаго года, обозначалъ конецъ нынѣшняго. Въ 1805 году, Европа съ удивленiемъ созерцала старую могущественную державу, Австрию, которая въ три мѣсяца была повергнута во прахъ. Сраженiе при Ульмѣ, послѣдовавшiя за нимъ сдачи австрийскихъ войскъ и сраженiе при Аустерлицѣ, довели императора до уничительныхъ условiй Пресбургскаго мира. Въ нынѣшнемъ же году одна битва уничтожила прежнюю соперницу Австрию.... Послѣ нѣсколькихъ частныхъ стычекъ, въ одной изъ которыхъ былъ убитъ принцъ Лудвигъ прусскiй, защищая переходъ черезъ мостъ, генеральное и рѣшительное сраженiе произошло 14го октября между Леней и Ауэрштедтомъ, и окончилось совершеннымъ пораженiемъ и уничтоженiемъ прусской армiи. Силы на обѣихъ сторонахъ были почти равныя, простираясь до 120.000 человекъ. Обѣ армiи были въ теченiи нѣсколькихъ дней вблизи другъ друга; но Пруссаки были до того лишены свѣдѣнiй, что они только за день или за два предъ дѣломъ узнали гдѣ находились Французы. Говорятъ, причиною этого былъ преобладавшiй въ армiи духъ дезертированiя, который свѣлалъ совершенно тщетною разсылку патрулей, такъ какъ обыкновенно они, вмѣсто того чтобы возвратиться съ извѣстiями, переходили къ непрiятелю. Два дня предъ сраженiемъ, 10.000 Французовъ проникли между центромъ и лѣвымъ крыломъ Пруссаковъ, пробрались въ тылу ихъ до Наумбурга и сожгли ихъ магазины. Двѣ армiи въ это время стояли въ слѣдующихъ позицiяхъ: Французы въ Мюльгаузенѣ, Эйзенахѣ и Готѣ; Пруссаки въ Эрфуртѣ, Ленѣ и Цействѣ. Увидавъ что часть войскъ непрiятеля прошла къ нимъ въ тылъ, и что главныя его силы предприняли демонстрацiю,

какъ бы намъ вѣреваясь обогнать ихъ лѣвый флангъ, Пруссаки отступили этимъ флангомъ назадъ. Тѣмъ временемъ Французы напали на нихъ, и началось дѣло, продолжавшееся съ восьми часовъ утра до трехъ пополудни, когда побѣда обозначилась въ пользу Франгузовъ. Потера Пруссаковъ убитыми, ранеными и лѣвными простиралась до пятидесяти тысячъ человекъ, и остальная армія была окончателно разсыяна. Г. Россъ * говоритъ что бѣгство Пруссаковъ превосходило всякое вѣроятіе. Спасавшіяся войска разсыялись по всѣмъ направлениямъ. Отряды безъ своихъ офицеровъ и офицеры безъ своихъ отрядовъ, кавалерія и лѣхота, пушки и фургоны, все это смѣшалось въ одинъ общій хаосъ. Собрать ихъ вновь и привести въ порядокъ было невозможно, и единственный предѣлъ ихъ избіенію и забирацію въ лѣвныя заключался въ невозможности для Франгузовъ преслѣдовать ихъ. Король бѣжалъ въ Берлинъ, а оттуда тотчасъ же въ Кюстринъ. Послѣ такого знаменательнаго пораженія какъ Іенское, естественно сдѣлать попытку искать причинъ въ предательствѣ или неспособности замѣшанныхъ офицеровъ, и часто случается что такимъ образомъ бывають весьма несправедливы къ людямъ вся вина которыхъ состоитъ въ неимѣннн успѣхѣ. Въ настоящемъ же случаѣ не можетъ быть сомнѣнія что неудача Пруссаковъ можетъ отчасти быть приписана вышеупомянутымъ причинамъ. Сколько бы мы ни ожидали отъ превосходства французскихъ начальниковъ и ихъ искусства, все же, еслибы Пруссаки исполнили долгъ свой, катастрофа не могла бы быть такою окончателною. Но извѣстно что долга своего они не исполнили. Вопервыхъ, два министра, Гаугвицъ и Ломбардъ, были измѣнники. Ломбардъ Франгузъ родомъ, человекъ очень низкаго происхожденія, рекомендованный королю Гаугвицомъ; онъ былъ признанный шпионъ стараго французскаго правительства. Еслибы была надобность въ какомъ-нибудь обстоятельномъ доказательствѣ измѣны Гаугвица, то для приговора надъ нимъ было бы достаточно слѣдующаго разказа о немъ графа Воронцова, бывшаго здѣсь русскимъ посланникомъ: Когда Русскій императоръ увидаль въ Берлинскомъ кабинетѣ расположеніе къ разрыву съ Франціей, онъ возобновилъ свое прошлогоднее предложеніе заключить союзъ и предоставить 150.000 человекъ въ распоряженіе Пруссіи, требуя единственно чтобы генераль Цастровъ, на котораго онъ могъ полагаться, былъ посланъ въ Петербургъ дабы устроить движеніе войскъ и пр. Въ продолженіе трехъ недѣль Гаугвицъ не посылалъ отвѣта на эти предложенія, а наконецъ отправилъ не Цастрова, — привелъ въ отговорку что король не могъ безъ него обойтись — а какого-то полковника, свою креатуру. Этотъ уполномоченный по прибытіи своемъ объяснилъ что 150.000 человекъ слишкомъ много; что для такого большаго войска у нихъ не было достаточныхъ магазиновъ и

* Англійскій дипломатъ, бывшій въ это время въ Пруссіи.

запасовъ; и что если императору угодно будетъ послать имъ 50.000 человекъ, то они ихъ съ радостью примутъ. Русскіе, впрочемъ, къ тому времени уже отправились въ путь, и послѣдовавшія затѣмъ событія показали что еслибъ императоръ ожидалъ отвѣтъ Гаугвица иа согласился на его просьбы, единственный шансъ спасенія Пруссіи былъ бы утраченъ.

„Говорять что нѣкоторые изъ прусскихъ генераловъ, и въ томъ числѣ Моллендорфъ и Гогенлоу, сильно настаивали на томъ что выгодно было напасть на Французовъ какъ можно раньше послѣ 8го числа (для назначеннаго королемъ какъ крайній срокъ до котораго онъ хотѣлъ ждать отвѣта на свой запросъ). Герцогъ (Брауншвейгскій) былъ человекъ у котораго личное мужество доходило до неосторожности, но не доставало той твердости характера которая такъ необходима главнокомандующему. Никто съ большимъ искусствомъ и храбростью не умѣлъ исполнять чужихъ приказаній, но, поставленный во главѣ армии отъ которой зависѣла судьба королевства, онъ пугался ответственности, связанной съ его положеніемъ, а въ сомнѣніяхъ и проволочкахъ потерялъ минуты, которыя должно было бы посвятить мощнымъ усиліямъ. Еслибы Пруссаки раньше напали на Французовъ, пока они еще не собрали всѣхъ своихъ силъ, исходъ быть-можетъ былъ бы совсѣмъ не тотъ; и во всякомъ случаѣ, еслибы даже они были разбиты, армія ихъ не была бы такимъ образомъ изрѣзана въ куски. Этимъ разединеніемъ они допустили Французовъ завладѣть небольшимъ возвышеніемъ, командовавшимъ полемъ сраженія; на этомъ возвышеніи Французы поставили сто-двадцать орудій, огонь которыхъ скашивалъ цѣлые ряды Пруссаковъ и въ значительной мѣрѣ рѣшилъ участь дня. Въ первое время они бы могли овладѣть этимъ пунктомъ; но когда непріятель укрѣпился на немъ, онъ сдѣлался неприступенъ, и мы находимъ въ бюлетеняхъ что Пруссаки были отбиты въ нѣсколькихъ атакахъ, произведенныхъ на него. Но таково было предательство нѣкоторыхъ изъ начальниковъ и трусость большей части людей что въ какое бы время ни было дано сраженіе, исходъ его вѣроятно былъ бы одинъ и тотъ же. Адьютантъ герцога Брауншвейгскаго, поддержавшій его на рукахъ когда онъ палъ, сказалъ что какъ только начался огонь картечи, Пруссаки бѣжали „comme des perdreaux“ (какъ куропатки). Вотъ доказательство того какъ безсильна парадная дисциплина образоватъ хорошихъ солдатъ, и что ни что кромѣ дѣйствительной службы не достигаетъ этой цѣли.

„Послѣ дѣла, прусская армія, будучи, какъ уже было замѣчено, окончательно разбѣяна, и имѣя непріятеля между собой и Одеромъ, нигдѣ не могла противостать ему сообща. Кое-какіе отряды попали въ Магдебургъ; самая больша часть, ушедшая въ одной кучѣ, состояла изъ двадцати-тридцати тысячъ подъ начальствомъ князя Гогенлоу и генерала Блюхера. Убѣдившись въ невозможности достигнуть Одера прямымъ путемъ, Гогенлоу попытался попасть въ Штеттенъ обходомъ.

Необыкновенными усиліями оны успѣвъ достигнуть Пренцхова, въ семи вѣмерныхъ миляхъ отъ Штеттина, гдѣ его нагнали Французы. Такъ какъ войска его изнемогали отъ усталости и были вовсе лишены провіанта, оны принуждены были сдаться съ главными силами своего корпуса, оставившими слишкомъ шестнадцать тысячъ человекъ. Остальные, подъ начальствомъ Блюхера, находились въ Лихтѣ, позади его; и услышавъ о его падѣніи, Блюхеръ, уже не надѣясь уйти, рѣшился служить своему отечеству насколько было въ его средствахъ, и увидѣвъ что единственная вещь оставшаяся въ его власти была отгнать часть французскихъ войскъ отъ преслѣдованія бѣжавшихъ Прусаковъ. Согласно съ этимъ оны началъ отогнать къ сѣверо-западу и отбившись съ величайшимъ искусствомъ и мужествомъ отъ трехъ французскихъ дивизій, изъ которыхъ каждая была сильнѣе его отряда, оны достигъ Либбека. Здѣсь оны хотѣлъ остановиться; но городъ уже былъ взятъ, вслѣдствіе измѣны офицеровъ командовавшихъ воротами. Блюхеру оставалось только или нарушить нейтралитетъ датской территоріи, или выдержать атаку силъ значительно превышавшихъ его собственныхъ. Перваго оны не рѣшился сдѣлать, по причинамъ которыя очевидны; и такъ какъ число его людей было уменьшено разными дѣлами, въ которыхъ они принуждены были сражаться, и они были угнетены непрестанною трехнедельною форсированною маршировкой, въ продолженіе которой не ѣли куска хлѣба, такъ что они почти умирали съ голода, Блюхеръ долженъ былъ сдаться. У него оставалось 9.000 человекъ; за нимъ осталась слава что оны отвлекъ три французскія дивизіи отъ бранденбургской Марши къ Балтійскому морю. Еслибы все Прусаки вели себя какъ Блюхеръ, Бонапартъ нашелъ бы что дорога въ Берлинъ не такъ легка какъ оны ожидалъ. За разгромомъ при Іенѣ вскорѣ послѣдовала сдача Магдебурга, Штеттина, Кюстрина и Гросъ-Глогау. Скорая капитуляція этихъ крѣпостей составляетъ новое доказательство что гдѣ-нибудь была измѣна. Если, какъ приводили въ свое оправданіе командовавшіе ими офицеры, въ нихъ не было съѣстныхъ припасовъ и другихъ принадлежностей для выдержки осады, слѣдовало повѣсить Гаугвица за то что оны не принялъ мѣръ во время; если же это неправда, и оны могли выдержать осаду, слѣдовало разстрѣлять сдавшихся офицеровъ за ихъ трусость. Магдебургъ очень сильная крѣпость, а Кюстринъ почти неприступная, будучи окруженъ съ двухъ сторонъ Одеромъ и Вартой, а съ остальныхъ глубокими болотами. Такъ какъ ни что не могло противостать движенію Бонапарта впередъ, то оны пошелъ въ Берлинъ, а оттуда въ Варшаву....“

II.

Исторія человеческих вѣрованій и заблужденій обогатилась интереснымъ сочиненіемъ вѣнскаго богослова Густава Роскоффа *Исторія дьявола (Geschichte des Teufels)*, два тома, изд. Брокгауса въ Лейпцигѣ). Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить исторически всѣ проявленія вѣры въ олицетворенный принципъ зла, начиная съ первобытныхъ ступеней культуры и кончая нашимъ временемъ. У народовъ первобытныхъ, какъ на примѣръ у Бушменовъ въ южной Африкѣ, у *Indios da motto* въ южноамериканскихъ лѣсахъ, у коренныхъ жителей Огненной Земли и Австраліи предметомъ поклоненія служатъ болѣе злыя нежели добрыя божества. Воображеніе грубаго дикаря прежде всего поражается тѣми явленіями природы, которыя вселяютъ ему страхъ или грозятъ ему опасностью, и возводя ихъ въ отдѣльныя божества, онъ старается смягчить ихъ гнѣвъ жертвами и поклоненіями. У народовъ болѣе развитыхъ мы встрѣчаемъ идею дуализма, какъ основной принципъ религіи. Такой дуализмъ въ различныхъ формахъ видимъ почти у всѣхъ народовъ древняго Востока. Дуализму противоположна откровенная религія монотеизма, но и религія откровенія—какъ еврейская, такъ и христіанская, признаетъ существованіе духа зла, и это ученіе о духѣ зла, встрѣтившись во время распространенія христіанства съ преданіями и остатками язычества, породило новый дуализмъ. Проломляя христіанскіе догматы язычникамъ, католическое духовенство среднихъ вѣковъ держалось правила не отрицать существованія мифическихъ божествъ, но низводитъ ихъ въ злые духи. Такую участь въ первомъ періодѣ христіанства испытали боги Грековъ и Римлянъ; въ послѣдствіи то же случилось съ богами Кельтовъ, Германцевъ, Славянъ и др. Благодаря этому методу, внѣшнія образныя черты языческихъ божествъ послужили для обрисованія, для индивидуализаціи дьявола, который такимъ образомъ сталъ плотью и кровью. Образъ его въ высшей степени занималъ воображеніе народа въ средніе вѣка; въ связи съ представленіемъ о немъ возникли безчисленныя суевѣрія, особенно поддерживаемыя католическими монастырями. Самое важное и самое извѣстное изъ нихъ—вѣра въ чародѣйство. Замѣчательно что въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ вѣра эта является въ гораздо болѣе мягкой

формѣ, нежели въ позднѣйшей. Карлъ Великій издалъ законъ въ силу котораго чародѣевъ и колдуновъ надлежало брать подъ стражу, *ограждать и исправлять*, но не казнить смертью; и въ слѣдующія за великимъ императоромъ четыре столѣтія, сколько извѣстно, не было ни одного судебного обвиненія за чародѣйство; даже тѣ преслѣдованія которыя встрѣчаются въ XIII вѣкѣ касаются только чародѣйствъ учиненныхъ еретиками, и лишь къ концу среднихъ вѣковъ чародѣйство было официально признано преступленіемъ независимо отъ ереси. Сущность его заключалась въ союзѣ съ лукавымъ и въ тѣсномъ сообщеніи съ нимъ. Такъ смотрѣла на него католическая церковь въ буллѣ *Summis desiderantes* папы Иннокентія VIII, отъ 5го декабря 1484. Замѣчательно что булла эта указываетъ на *Германію* какъ на страну особенно виновную въ повсемѣстномъ распространеніи колдовства. И дѣйствительно съ этихъ поръ Германія становится центромъ процессовъ въдѣмъ, которые въ слѣдующихъ двухъ столѣтіяхъ приобретаютъ размѣры почти невѣроятные. Въ Германіи же (въ Кельнѣ) вышла знаменитая книга, которая положила юридико-богословскій фундаментъ ученію о колдовствѣ, и авторами которой были два нѣмецкихъ богослова: Генрихъ Бремеръ и Яковъ Шпренгеръ. Книга эта называлась *Молотомъ въдѣмъ* (*Malleus maleficarum*); она была одобрена богословскимъ факультетомъ Кельнскаго университета и снабжена привилегіей императора Максимилиана. Вдохновенные этою книгой, суды принялись за истребленіе въдѣмъ со рвеніемъ отъ описанія котораго волосы становятся дыбомъ. Обвинялись въ сношеніяхъ съ дьяволомъ большею частью женщины, что опять составляетъ чисто-германскую черту и объясняется вѣрой древнихъ Германцевъ въ сверхъестественныя знанія которыми обладаютъ женщины. Въ первое время послѣ буллы *Summis desiderantes* преслѣдованіе въдѣмъ еще не предпринималось въ тѣхъ размѣрахъ которыхъ оно достигло въ послѣдствіи. Во многихъ мѣстахъ мелкіе феодальныя владѣльцы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, сопротивлялись введенію процессовъ; были также и проповѣдники съ высоты кафедры оспаривавшіе существованіе въдѣмъ и колдуновъ. Но въ XVI вѣкѣ эти процессы все болѣе и болѣе вошли въ обычай. Въ Лотарингіи отъ 1580 до 1595 года было сожжено 800 въдѣмъ; въ городкѣ Оффенбургѣ (на Майнѣ)

отъ 1627 до 1630 года 60 вѣдьмъ; въ городѣ Фульдѣ судья Бальтазаръ Фоссъ хвастался что одинъ послалъ на костеръ 700 лицъ обоего пола и надѣялся добраться до тысячи. Лишь изолированные голоса протестовали противъ этихъ ужасовъ въ теченіи всего XVI и первой половины XVII столѣтія; „вѣра въ колдуньи“, говоритъ г. Роскоффъ, „сдѣлалась болѣзненнымъ помѣшательствомъ, она приняла форму психической эпидеміи, охватившей значительную часть современниковъ.“ Известно что реформаторы раздѣляли вѣру въ чародѣйство и что именно Лютеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ адептовъ этой вѣры. Лишь къ концу XVII вѣка устѣхи наукъ и охлажденіе религіознаго фанатизма вызываютъ въ вопросяхъ о вѣдьмахъ обширную реакцію. Последнее сожженіе въ большихъ размѣрахъ мы на германской почвѣ видимъ въ Зальцбургѣ въ 1678 году: оно было устроено зальцбургскимъ епископомъ и стоило жизни 97 жертвамъ. Вскорѣ послѣ казни значительно уменьшаются, а въ 1691 выходитъ знаменитое сочиненіе Голландца Бальтазара Беккера *Die betoverde vared* (*Заколдованный міръ*) которое распространеніемъ болѣе просвѣщеннаго взгляда на этотъ предметъ составляетъ эпоху въ исторіи суевѣрія. Последняя вѣдьма, была сожжена въ Севильѣ въ 1781 году.

Г. Роскоффъ съ основательною ученостью изслѣдовалъ какъ исторію вѣдьмъ, такъ и вообще исторію воззрѣнія народовъ на принципъ зла и тѣхъ суевѣрій которыя произошли отъ различныхъ формъ этого воззрѣнія. Особенную заслугу его интересной книги составляетъ подробное изученіе средневѣковой монастырской словесности, въ которой авторъ почерпнулъ богатый матеріалъ для опредѣленія вліянія католической церкви на понятія и убѣжденія народовъ.

III.

Есть ли писатель на котораго сыпалось болѣе нападковъ, который бы возбудилъ болѣе озлобленія, нежели Вольтеръ? Онъ имѣлъ врагами людей самыхъ различныхъ мнѣній и направленій. При жизни его, это были большею частью люди стоявшіе далеко ниже его уровня по уму и таланту. И при жизни, и послѣ смерти ему чаще всего доставалось за то вольнодумство, которое распространено, хотя далеко не по всѣмъ, но по многимъ изъ его сочиненій, и долгое время было окрещено

его собственнымъ именемъ, страшнымъ для многихъ именъ „вольтерьянства.“ Но не одни завистники, не одни ограниченныя умы, не одни узорные консерваторы въ церкви и государствѣ были противниками фернейскаго мудреца. Настало время когда противъ него вооружились не только тѣ кто отъ него отстали, но и тѣ кто его перегнали. И, какъ водится въ такихъ случаяхъ, удары послѣднихъ дѣйствительно сокрушили его славу и величiе, тогда какъ покушенiя первыхъ только упрочили пьедесталъ на которомъ онъ стоялъ. Бывши идоломъ своего времени, славный французскiй писатель претерпѣлъ пренебреженiе слѣдующаго времени, когда его идеалы и стремленiя показались узкими и устарѣлыми. Сравнительно съ другими знаменитостями, паденiе это для Вольтера совершилось довольно быстро. Нѣтъ сомнѣнiя что причина лежитъ въ немъ самомъ. Ничто такъ долго не сохраняетъ свѣжести какъ объективное художественное творенiе, и ничто такъ скоро не утрачиваетъ ее какъ тенденцiя. Вольтеръ же только условно и съ ограниченiями можетъ быть названъ художникомъ, и конечно никогда не былъ объективнымъ. Онъ былъ человѣкъ направленiя, и въ талантѣ горячности, энергии, постоянствѣ и ловкости съ какими десятилѣтiе за десятилѣтiемъ онъ выдерживалъ это направленiе, онъ черпалъ свою силу и свою славу. Культъ *здраваго смысла* нашелъ въ немъ самаго ревностнаго жреца. Вездѣ и во всемъ онъ стоялъ за *здравый смыслъ* противъ увлеченiй темнаго чувства. Этимъ характеромъ былъ запечатлѣнъ вѣкъ Вольтера: торжество разсудка надъ воображенiемъ, надъ слѣпою вѣрой, надъ преданiями, надъ предрасудками составляетъ главное содержанiе того прогресса который приходится на долю XVIII столѣтiя. Къ концу этого столѣтiя совершился поворотъ. Все непосредственное, все стихiйное и смутное въ душѣ человѣка, что такъ долго осмѣивалось и преслѣдовалось „здравымъ смысломъ“ возстало и заявило свои права. Отрицательное отношенiе къ прошлому замѣнилось отношенiемъ полнымъ любви и благоговѣнiя; прежнiя вѣрованiя, народныя преданiя, наивное творчество снова вступили въ свои права. Ограниченность, сухость и прозаичность „здраваго смысла“ подверглись теперь въ свою очередь насмѣшкамъ. Настало время романтизма, а когда оно прошло, Вольтеръ былъ уже слишкомъ далеко опереженъ движенiемъ умовъ, и хотя вражда къ нему лишилась всякаго основанiя, возрожденiе прежняго воо-

торженнаго культа также было невозможно. Мы можемъ отнестись къ Вольтеру исторически, и внутри такого отношенія могутъ конечно быть разные отбѣнки; но энтузіазма и увлеченія Вольтеру въ нашъ вѣкъ уже не возбудить.

Этимъ хладнокровіемъ, которое свидѣтельствуетъ изъ какой дали авторъ смотритъ на свой предметъ, залечатѣльны лекціи Давида Штрауса о Вольтерѣ, давшія поводъ къ настоящимъ замѣткамъ. Авторъ относится къ Вольтеру не только безъ пристрастія, но и безъ любви. Его раздѣляетъ отъ знаменитаго писателя не только вѣкъ, но и народность; въ Германіи главнымъ образомъ былъ уничтоженъ авторитетъ Вольтера. Но „фернейскій мудрецъ“ внушаетъ автору *Жизни Иисуса* живой интересъ, и мы должны отдать его лекціямъ ту справедливость что они въ свою очередь способны внушить этотъ интересъ и читателю. Какой бы ни былъ нашъ приговоръ надъ Вольтеромъ, мы не можемъ отрицать что дѣятельность его была исполнская и расходилась по самымъ различнымъ радіусамъ. Написать подробную исторію этой дѣятельности и освѣтить ея значеніе въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ значило бы написать обширное, многотомное сочиненіе. Вольтеръ жилъ долго и во все время своей жизни работалъ неутомимо. Оцѣнить всю эту массу произведеній не входило въ планъ книжки Штрауса; онъ ограничился легкимъ очеркомъ, въ которомъ сообщаетъ намъ главныя черты біографіи Вольтера и его характеристики какъ поэта, философа, историка и публициста. Нечего говорить что поэтъ находитъ мало сочувствія у германскаго писателя. Со временъ Лессинга между французской поэзіей и германской критикой прорылась бездна, которая не пополнилась до сихъ поръ. То что дало жизнь и силу германской изящной литературѣ есть именно ея разрывъ съ французскимъ классицизмомъ, котораго Вольтеръ, съ ничтожными уклоненіями, придерживался цѣлую жизнь. Больше симпатичнаго германскій писатель находитъ въ историческихъ и философскихъ трудахъ Вольтера; между прочимъ онъ защищаетъ Вольтера - философа отъ упрека въ поверхностности, хотя не можетъ признать за нимъ полной послѣдовательности. Наибольшей похвалы онъ удостоиваетъ Вольтера-публициста, какъ неутомимаго и краснорѣчиваго борца противъ несправедливостей и угнетеній, которыхъ такъ полна была Франція его времени. При этомъ

Штраусъ указываетъ, однако, на знаменательную разницу между мнѣніями Вольтера и стремленіями нашего вѣка. Подобно тому какъ фернейскій философъ для себя лично въ продолженіе цѣлой жизни съ величайшими стараніями, не рѣдко съ двоедушіемъ и лестью, добивался знакомства и хорошихъ отношеній съ сильными міра сего, онъ и для народа ждалъ блага только сверху: строгій монархистъ, онъ былъ чуждъ новѣйшихъ идей объ участи народа въ правленіи, и года проведенные имъ въ Англіи отнюдь не сдѣлали его сторонникомъ принципа самоуправленія. Интересы „философовъ“ онъ считалъ тождественными съ интересами государей, которые именно въ его время такъ часто дѣлались „философами“ въ его смыслѣ и увлекались идеями французскихъ просвѣтителей. Эту „философію“ Вольтеръ считалъ удѣломъ счастливаго меньшинства; ему въ голову не приходило желать чгобы признаваемое имъ за истину сдѣлалось достояніемъ всѣхъ; „народъ“, писалъ онъ, „всегда останется глулымъ и варварскимъ; это быки, которые нуждаются въ ярмѣ, въ рождѣ и сѣнѣ“. Панегиристъ Людовика XIV и избалованный любимецъ дворовъ и аристократическихъ салоновъ, Вольтеръ считалъ просвѣщенные взгляды и изящныя произведенія исключительно-возможными въ томъ блестящемъ кругу гдѣ они въ его время пользовались благосклонностію; къ простодюдину онъ чувствовалъ состраданіе, какъ его можно чувствовать и къ животному, но никогда не пересажавалъ считать его за существо высшее.

Мы говорили о томъ хладнокровіи съ которымъ Штраусъ относится къ Вольтеру. Это же отсутствіе теплоты мы видимъ и въ его приговорѣ надъ нравственною личностію знаменитаго мужа. Правда, Штраусъ пользуется многими случаями чтобы напомнить ту или другую черту великодушія, благотворительности и мягкосердечія которыхъ такъ много въ жизни Вольтера; но множество другихъ чертъ въ этой долгой и лестрой жизни даюгъ ему поводъ относиться къ Вольтеру безъ истинной симпатіи и безъ истиннаго уваженія. Мы у него не находимъ той снисходительности къ слабостямъ своего героя которую мы такъ привыкли встрѣчать у біографовъ и которая такъ пріятно согрѣваетъ ихъ произведенія благодушною теплотою. Есть даже случаи гдѣ Штраусъ намъ кажется слишкомъ строгимъ. Можетъ-быть въ этомъ

нѣсколько виновато *прусофильство* Штрауса, то пруссофильство, которое онъ въ нынѣшнемъ году такъ явственно обнаружилъ въ своемъ извѣстномъ посланіи къ Ренану. Въ распрѣ Вольтера съ Фридрихомъ II Штраусъ становится рѣшительно на сторону короля, и здѣсь очевидно его покинуло безпристрастіе, которымъ отличается большая часть его книги. Но особенное значеніе въ виду событій совершающихся въ наши дни имѣетъ сужденіе Штрауса о воинственности Фридриха и миролюбіи Вольтера. Послѣдній порицалъ завоеванія Прусскаго короля: онъ видѣлъ въ нихъ отрицаніе настоящаго призванія Фридриха, который по его мнѣнію былъ назначенъ быть мирнымъ покровителемъ просвѣщенія и вмѣсто того сдѣлался нарушителемъ европейскаго покоя. Намъ кажется что для борца *просвѣщенія*, какимъ Вольтеръ былъ цѣлый вѣкъ, другое отношеніе къ вопросу о войнѣ или мирѣ и не можетъ быть мыслимо: духъ его ученія необходимо требуетъ отрицанія войны, наравнѣ съ отрицаніемъ пытки и кастра; что же касается до примѣненія къ Фридриху, то оно могло быть только лестно для этого государя, особенно если мы вспомнимъ его благоговѣніе предъ Вольтеромъ и стремленіе быть „философомъ“ на престолѣ.“ Но подъ впечатлѣніемъ Дюпеля и Садовой понятія иначе слагаются въ головѣ нѣмецкаго ученаго, и вотъ что мы читаемъ у Давида Штрауса:

„Въ этихъ декламаціяхъ о мирѣ Вольтеръ совершенно плоско, чистѣйшій школьный учитель. Конечно война есть большое зло, и въ оправданіе Вольтера не слѣдуетъ забывать что въ ближайшемъ прошедшемъ онъ имѣлъ предъ глазами только напрасныя войны, происшедшія изъ властолюбія и завистливости государей, въ особенности его идола Людовика XIV. Но вторженіе Фридриха въ Силезію, неминуемымъ послѣдствіемъ котораго была семилѣтняя война, принадлежало совершенно другому разряду. *Фридрихъ при этомъ былъ побуждаемъ стремленіемъ къ развитію* того юнаго государства во главѣ котораго онъ только что былъ поставленъ; или если взглянуть глубже, стремленіемъ къ развитію германской націи, искавшей для себя другаго центра тяжести, въ замѣнъ Австріи, сдѣлавшейся не германскою и оставшейся въ умственномъ отношеніи несвободною.“

Мы рѣшительно отказываемся {понять почему на этомъ основаніи не признать войнъ Карла XII результатомъ стремленія Швеціи къ развитію, войнъ Наполеона I стремленіемъ Франціи къ тому же, и такъ далѣе. Этотъ видъ развитія, который заключается въ приобрѣтеніи новыхъ провинцій цѣ-

ной блистательныхъ походовъ и кровопролитныхъ сраженій, Штраусъ цѣнитъ выше того развитія которому способствовать было задачей всей жизни Вольтера. Нельзя не останавливаться со вниманіемъ, соединеннымъ съ сожалѣніемъ, на этихъ повторяющихся съ такимъ упорствомъ свидѣтельствахъ патріотическаго тщеславія, овладѣвшаго теперь представителями германской науки. Казалось бы что можетъ быть неправдоподобнѣе чѣмъ неудовольствіе ученаго біографа на знаменитаго писателя за его миролюбивый образъ мыслей? Думалъ ли Вольтеръ что именно на этой точкѣ своихъ мыслей онъ спустя столѣтіе получитъ строгое осужденіе, и притомъ отъ кого же? не отъ реакціонера, не отъ феодала, не отъ клерикала, а именно отъ писателя раздѣляющаго и во многомъ опередившаго его свободный и смѣлый образъ мыслей? Теорія по которой войны оправдываются „стремленіемъ къ развитію“ есть такой обоюдо-острый мечъ что въ спокойныя, трезвыя минуты литературы такой умъ какъ Давидъ Штраусъ едва ли бы за нее ухватился. Но прибѣгнуть къ ней весьма легко во времена возбужденныя, и притомъ возбужденныя фальшиво и оласно, каково нынѣшнее время для Германіи. Если взять приведенный нами отзывъ какъ патологическій признакъ общественнаго мнѣнія, какъ симптомъ патріотической горячки, то онъ въ высшей степени поучителенъ. Нельзя оспорить что мысль, что наука XIX вѣка далеко ушли отъ XVIII; что Штраусъ имѣетъ счастье стоять на гораздо высшей ступени прогресса нежели Вольтеръ. А между тѣмъ вотъ полался тому и другому на обсужденіе вопросъ простой гуманности: они рѣшаютъ его различно, и притомъ различіе это такого рода что позднѣйшему писателю приходится красѣть предъ болѣе раннимъ. Будемъ надѣяться что такой отрицательный прогрессъ окажется явленіемъ лишь временнымъ и непродолжительнымъ, и что въ Германіи, гдѣ теперь такъ усилились пагубныя увлеченія и предразсудки, снова восторжествуетъ то *просвѣщеніе*, къ которому стремился Вольтеръ и которое теперь зловѣщимъ образомъ затемняется тучами пороховаго дыма.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДИЯ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ завсденіямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ав. Аманьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Лрашусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюль Верна. М. 1870. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. Вольфа. Переводъ профессора Калиновскаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

II годъ. О ПОДПИСКѢ НА 1871 ГОДЪ. годъ II.

НИВА,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ,

будеть издаваться въ 1871 году въ томъ же направленіи и по той же программѣ еженедѣльно какъ и въ 1870 году.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными рисунками:

Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ	4 „ 50 к.
Съ доставкой въ Петербургъ	5 „
Для иногородныхъ съ пересылкою	5 „

Лестное и благосклонное вниманіе русской читающей публики, которымъ пользовалась НИВА въ первый годъ, поставяетъ намъ въ обязанность употребить тѣмъ большія усилія для улучшенія нашего журнала.

Все обѣщанное въ прошлагодномъ объявленіи объ изданіи НИВЫ выполнено нами болѣе чѣмъ добросовѣстно: такъ напримѣръ вмѣсто обѣщанныхъ 104 рисунковъ мы помѣстили ихъ гораздо больше.

Въ НИВѢ за 1870 г. напечатаны между прочими: Стихотворенія *А. Н. Майкова*, повѣсти *В. В. Крестовскаго* (*Подъ каштанами Саксонскаго Сада*), *В. И. Кельсиева* (*Москва и Тверь*), комедія *Д. В. Аверкиева*, статьи *С. М. Любецкаго*, *Н. Н. Страхова*, *П. К. Щебальскаго* и другихъ.

Въ редакціонныхъ статьяхъ мы старались не пропустить ни одного замѣчательнаго факта современной жизни, каковы были: Прорытіе Суэзскаго канала, сооруженіе Тихо-Океанской желѣзной дороги, Всероссийская мануфактурная выставка и наконецъ Прусско-Французская война.

Въ 1871 году въ НИВѢ будутъ участвовать: гг. *Д. В. Аверкиевъ*, *Б. Н. Алмазовъ*, *Н. Боевъ*, *Е. А. Бѣловъ*, *И. Я. Вауликъ*, *д-ръ Ф. Гезеллиусъ*, *Г. П. Данилевскій*, *З. А. Кельсиева*, *В. И. Кельсиевъ*, *В. В. Крестовскій*, *А. И. Кобякова*, *А. И. Коптевъ*, *С. М. Любецкій*, *О. Н. Ливчакъ*, *Н. А. Любимовъ*, *А. Н. Майковъ*, *А. Ф. Писемскій*, *П. Н. Петровъ*, *Н. Н. Страховъ*, *И. С. Тургеневъ*, *М. Б. Чистяковъ*, *А. П. Шевяковъ*, *П. К. Щебальскій* и др., а также художники: проф. *И. К. Айвазовскій*, *Зичи*, *К.* и *В. Маковскіе*, *П. Марковъ*, *Плювъ*, *Н. А. Богдановъ*, *К. О. Броуъ*, *В. Шчакъ*, ксилографы: граверъ Его Императорскаго Величества *Л. А. Сярковъ* и *К. Вейерманъ*.

ПРОГРАММА:

1. Оригинальные повѣсти и разказы, какъ историческіе, такъ и бытовые; стихотворенія извѣстныхъ русскихъ авторовъ; повѣсти и разказы переводные.
2. Биографія замѣчательныхъ дѣятелей.
3. Описанія замѣчательныхъ историческихъ событій и эпизодовъ, преимущественно изъ русской исторіи.
4. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки древнихъ и новыхъ народовъ, преимущественно русскаго.
5. Путешествіе.
6. Новѣйшіе усѣхи естествовѣднія; картины животной и растительной жизни.
7. Статьи, относящіяся до народнаго здравія, общественной и домашней гігіены.
8. Очерки изъ міра юридическаго; замѣчательные процессы.
9. Ежемѣсячное политическое обозрѣніе.
10. Фельетонъ.
11. Смѣсь, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ [и изобрѣтеніяхъ, анекдоты и частныя объявленія.

На будущій годъ мы можемъ обѣщать *новую историческую повѣсть В. И. Кельсіева и новый разказ В. В. Крестовскаго называющійся уже въ портфель редакціи.*

Первый номеръ НИВЫ отпечатается въ большомъ количествѣ экземпляровъ и будетъ раздаваться въ редакціи бесплатно, по желанію каждаго. Иногороднымъ издатель покорнѣе проситъ присылать 10-коп. почтовую марку на пересылку.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи (А. Ф. Маресь), на углу Невскаго проспекта и Вольшой Морской, д. Россема-на, №№ 9—13.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ. 11.333.—2.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“

ВЪ 1871 ГОДУ.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Русская Старина въ 1871 году будетъ выходить въ томъ же объемѣ и на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ 1870 году. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ въ годъ составитъ *три тома*: изъ нихъ *два* тома текста, каждый не менѣе *33 печ. листовъ* и *одинъ* томъ (въ два столбца) *приложеній*: записки русскихъ людей, не менѣе *36 листовъ*,—всего же болѣе *2.300 страницъ*.

При изданіи, время отъ времени, прилагаются *портреты* замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей и снимки съ ихъ писемъ.

Каждая книга *Русской Старины* выходитъ *ежемесячно*, непремѣнно 1го числа и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подлищикамъ.

Цѣна годовому изданію въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ съ доставкою на домъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подлищикамъ **СЕМЬ РУБЛЕЙ**.

Лица проживающія за границей прилачиваютъ къ семи руб., за доставку: для Германіи и Бельгіи—2 руб., для Франціи—2 руб., для Англіи, Швейцаріи и Италіи—3 руб.

За перемѣну адреса улачивается 10 коп. или почтовая марка, причемъ гг. подлищики должны сообщать прежній адресъ или номеръ перемѣняемаго адреса.

Подписка принимается для городскихъ подлищиковъ въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ *Русской Старины* въ книжномъ магазинѣ Алек. Федор. Базунова (Невскій проспектъ, д. № 30), въ Москвѣ въ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться *исключительно* въ редакцію *Русской Старины*, въ С.-Петербургѣ, у Спаса Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына.

Рукописи и материалы для напечатанія въ *Русской Старинѣ* могутъ быть присылаемы или по вышеозначенному адресу — *Василію Арсеніевичу Селевскому* или *Михаилу Ивановичу Селевскому* (принимающему постоянное и непосредственное участіе какъ въ составленіи, такъ и въ изданіи *Русской Старинѣ*) — въ С.-Петербургѣ, Литейной части, у Спаса Преображенія, д. Трута, кв. № 13.

Въ вышедшихъ двѣнадцати книгахъ *Русской Старинѣ* 1870 года три тома, всего 2.300 страницъ, напечатаны материалы и статьи изъ области императорскаго періода отечественной исторіи, то-естъ относящіяся къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Въ приложеніяхъ напечатаны: *Записки А. Т. Болотова 1738—1794 гг.*, семь частей (событія 1738—1760 гг.: воспитаніе, домашній и общественный бытъ русскаго дворянства въ царствованіе Елизаветы Петровны, русско-прусская война и пр.).

Къ этимъ же книгамъ *Русской Старинѣ* приложены гравированные академикомъ Л. А. Сѣряковымъ: *портретъ Болотова*, двадцать четыре рисунка въ текстѣ *Записокъ Болотова*, *портретъ, снимокъ съ подписи и печать Емельяна Пугачева*; *планъ Камчатскаго порта въ 1864 г.*, въ эпоху отраженія англо-французской эскадры. *Рисункъ памятника на могилѣ М. И. Глинки*. *Снимки съ писемъ М. И. Голенщикова-Кутузова (1790 г.) и М. И. Глинки (1857 г.)*. *Родословная роспись семьи кн. Кутузова*.

ПОДПИСКА НА 1871 ГОДЪ
„ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА“
 ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

Вслѣдствіе желанія гг. подписчиковъ, *Вечерняя Газета* съ 1го января 1871 года будетъ выходить ежедневно, не исключая дней слѣдующихъ за праздниками. Всѣхъ номеровъ въ теченіе года выйдеть 350. Объемъ газеты остается прежній. Въ дни слѣдующіе за праздниками *Вечерняя Газета* будетъ выходить въ полулистовомъ форматѣ, а въ остальные дни, какъ и въ нынѣшнемъ году, въ листовомъ форматѣ. Съ 1го января 1871 года *Вечерняя Газета* будетъ печататься совершенно новыми крупнымъ, четкимъ и убористымъ шрифтомъ.

Каждый номеръ *Вечерней Газеты* будетъ посылаться во всѣ города Россіи (съ доставкою на домъ, на мѣстѣ жительства подписчика) и за границу, въ бандероляхъ съ печатнымъ адресомъ каждаго подписчика.

Подписка принимается въ главной конторѣ *Вечерней Газеты*, въ С.-Петербургѣ, на углу Гороховой и Малой Морской, въ домѣ Татищевой, и въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ д. Загряжскаго).

Подписная цѣна на 1871 годъ слѣдующая:

	Безъ пересылки и доставки:	Съ доставкою въ Петербургъ и съ пересылкою въ губерніи:
На годъ	6 р. — к.	8 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	3 „ 25 „	4 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	1 „ 70 „	2 „ 25 „
„ 1 мѣсяць	65 „	85 „

Редакція локорнѣше просить гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія *заблаговременно*, чтобы не испытать поздняго полученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается раздача газетъ, губерніи и уѣзда, гдѣ она находится, и мѣста своего жительства, и 3) если кто желаетъ имѣть вмѣстѣ съ газетою билетъ на ея полученіе, заявлять объ этомъ въ своемъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

Редакторъ и издатель К. ТРУБНИКОВЪ.

1871 годъ.

Н О В Ы Й

1871 годъ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ. **РУССКІЙ БАЗАРЪ** ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

48 номеровъ съ рисунками до **2.000**, посвященныхъ модамъ, рукодѣлю и литературѣ.

66 приложений:

24 листа съ выкроенными рисунками бѣлья, платьевъ, накидокъ, дѣтскаго гардероба и разныхъ рукодѣлій съ описаніями.

24 вырѣзанныя изъ бумаги выкройки натуральной величины.

12 парижскихъ раскрашенныхъ модныхъ картинъ.

6 узоровъ печатанныхъ красками для вышиванія по канвѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ,	На 6 мѣсацевъ.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	6 руб.	3 руб. 50 коп.
„ „ съ доставкою	7 „	4 „ — „
„ Москвѣ безъ доставки	7 „	4 „ — „
„ „ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
Съ пересылкою въ другіе города	8 „	4 „ 50 „

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ *Новаго Русскаго Базара*, на Невскомъ Проспектѣ, д. голландской церкви, кв. № 22; въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ: *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и *М. М. Черенина*, на Рождественкѣ, въ домѣ Торлецкаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ДЪЯТЕЛЪНОСТЬ“

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

СЪ 1го ЯНВАРЯ 1871 ПО 1е ЯНВАРЯ 1872 ГОДА.
Выходить ежедневно, на листъ большого формата, безъ
цензуры.

Подписная цѣна: безъ доставки: на годъ 7 р., на пол-
года 3 р. 50 к., на мѣсяць 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и
доставкой на домъ: на годъ 9 р., на полгода 4 р. 50 к., на
мѣсяць 75 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ кон-
торѣ редакціи, по Большой Садовой улицѣ, домъ № 39; а
также во всѣхъ мѣстахъ гдѣ открыта подписка на периоди-
ческія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при
выпускѣ изъ самой редакціи.

Новые подписчики желающіе начать полученіе *Дѣятель-
ности* въ истекающемъ году, прилачиваютъ за каждый мѣ-
сяць текущаго года по 50 к. съ пересылкою. 10.394.—2.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ГАРРИ РИЧМОНДА

РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1870.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ГАРРИ РИЧМОНДА.

ГЛАВА I.

Я составляю предметъ спора.

Въ полночь одного зимняго мѣсяца, спящіе въ Риверсли Гренджъ были пробуждены громкимъ звономъ и стукомъ въ наружную дверь. Хозяиномъ тутъ былъ сквайръ Белтамъ, домохозяиномъ — его незамужняя дочь, Дороти Белтамъ, другая дочь, замужняя, мистрисъ Ричмондъ, Веньяминъ Сюисъ, старый буфетчикъ, еще нѣсколько слугъ, и маленькій мальчикъ, названный въ крещеніи Гарри Лелель Ричмондъ, внукъ сквайра. Риверсли Гренджъ стояла въ плодородной долинь луговой части Гампшейрскаго графства: одинокая усадьба изъ которой видѣлись нѣкоторыя принадлежащія къ ней фермы, но голосъ не долетѣлъ бы ни до одного жилья, исключая конюшенъ да избушки главнаго садовника. Преданія о смѣлыхъ разбояхъ, вмѣстѣ съ мрачностью окрестнаго бора, поддерживали ночныя опасенія, а громкій стукъ и нетерпѣливый звонъ свидѣтельствовали всѣмъ слушателямъ страшныхъ разказовъ въ людской что разбойники явились наконецъ съ грозными силами. Кучка горничныхъ столпилась въ верхнемъ корридорѣ главнаго строенія; два-три лакея стояли ниже на лѣстницѣ въ смѣлыхъ позахъ. Вдругъ шумъ прекратился, и вскорѣ затѣмъ голосъ стараго Сюиса велѣлъ всѣмъ расходиться по

постелямъ. Тогда лакеи стремительно бросились на встрѣчу опасности, а горничныя, въ груди которыхъ мучительное любопытство преодолѣло страхъ, отправились въ пустую комнату, помѣщавшуюся надъ входною дверью, и стали глядѣть изъ окна. Тѣмъ временемъ Сюисъ сгоялъ у постели хозяина. Сквайръ былъ охотникъ стараго покроя: неутомимъ въ вѣдѣ, неодолимъ за бутылкой, почти непробудимъ во снѣ. Еще не рѣшаясь толкать его, Сюисъ зажегъ огонь и бросилъ свѣтъ на глаза сквайру, чтобъ онъ скорѣе проснулся. При первомъ прикосновеніи, сквайръ вскочилъ, божась патрономъ своимъ, Гарри, что ему только-что снился пожаръ.

— Сюисъ! Вѣдь это ты? Гдѣ горить?

— Не горитъ нигдѣ, отвѣчалъ Сюисъ.—Вы будьте спокойны.

— Будьте спокойны, чортъ возьми! Развѣ я не слыхалъ трескъ дѣлой сотни пожарныхъ трубъ? Не такъ же я крѣпко сплю что ничего не слышу, собака! Приходитъ сюда, будить меня и говорить мнѣ чтобъ я былъ спокоенъ. Чтѣ за чортъ! Такъ бѣды нѣтъ? Все стало-бытъ въ порядкѣ? Сквайръ улегся на подушку и готовъ былъ олять заснуть.

Сюисъ проговорилъ выразительно:—васъ спрашиваетъ одинъ джентльменъ; джентльменъ дожидается внизу. Онъ пришелъ позднеько.

— Джентльменъ внизу, пришелъ позднеько? повторилъ сквайръ, какъ бы желая взять въ толкъ слышанное.—Запоздалъ? Ну, суньте его въ постель, дайте ему горячей воды съ водкой, и пусть себѣ спитъ.

Сюису приходилось сообщить сквайру весьма непріятное извѣстіе.

— Джентльменъ не намѣренъ ночевать, началъ онъ.—Онъ не затѣмъ пришелъ. Время уже позднее.

— Время позднее! заревѣлъ сквайръ.—Да который часъ?

Доставъ часы надъ головой, онъ увидѣлъ часъ неурочный.

— Безъ четверти два? Джентльменъ внизу меня спрашиваетъ? Ужь не мошенникъ ли это алтекаръ, чтѣ обѣщалъ вчера обѣдать у меня? Если это онъ, я окачу его такъ, будто онъ въ прудъ окунулся. Два часа утра! Да онъ льятъ! Скажите ему что я мировой судья. Я его арестую. На двѣ недѣли за льянство, да еще на двѣ за дерзость. Я ужь не разъ засаживалъ на мѣсяцъ. Является ко мнѣ, къ мировому судья... да онъ взбѣсился! Скажите ему что онъ попадетъ въ сумашедшій домъ. И не намѣренъ ночевать! Вытолкай его ногами изъ

дому, Сюисъ, и скажи что по моему порученію. Я тебѣ разрѣшаю!

Сюисъ отошелъ на шагъ отъ кровати. На безопасномъ разстояніи, онъ твердо, почти съ укоромъ глядѣлъ на хозяина: — это мистеръ Ричмондъ, сказалъ онъ.

— Мистеръ.... Сквайръ остановился. Имя это никогда не произносилось въ Гренджѣ. Негодяй то? спросилъ онъ рѣзко, какъ бы желая удостовѣриться, и губы его сурово сжались.

Слѣдовало отвѣчать или утвердительно, или отрицательно. Сюисъ молчалъ.

— Онъ внизу? закричалъ сквайръ, комкая простыни. — Ты впустилъ его въ мой домъ, Сюисъ?

— Нѣтъ.

— Впустилъ!

— Онъ не въ домѣ.

— Какъ же ты говорилъ съ нимъ?

— Изъ окна.

— Какое же мѣсто пятнаетъ теперь негодяй?

— Онъ на крыльцѣ за дверью.

— За дверью? Дверь залерта?

— Залерта.

— Пусть тамъ гниетъ.

Между тѣмъ терпѣніе ночнаго посѣтителя истощилось. Новый громкій призывъ долетѣлъ до слуха сквайра, изумленнаго такою дерзостью.

— Подай штаны! крикнулъ онъ Сюису. — У меня мысли не вяжутся когда на мнѣ нѣтъ штановъ.

Сюисъ держалъ требуемую одежду на-готовѣ. Сквайръ соскочилъ съ постели въ безмолвномъ бѣшенствѣ, и злобясь на салоги, подтяжки и пуговицы, позволилъ однако одѣть себя какъ слѣдуетъ, между тѣмъ какъ звонъ и стукъ у дверей продолжался непрерывно. Сквайръ имѣлъ видъ человѣка съ принужденнымъ спокойствіемъ переносящаго оскорбленія наносимыя ему на судъ, гдѣ поневолѣ приходится все выслушивать и сдерживать пылкіе отвѣты въ негодующей груди.

— Теперь, Сюисъ, подай хлысть, замѣтилъ онъ, будто требуетъ простую туалетную принадлежность.

— Вамъ угодно шляпу?

— Говорю тебѣ, хлысть.

— Ваша шляпа въ прихожей, замѣтилъ Сюисъ серьезно.

— Я хлысть спрашиваю.

— Его нѣтъ нигдѣ, сказала Сюсъ.

Сквайръ не успѣлъ излить свое негодованіе на такое нелюбовное слухи, ибо послышался голосъ дочери его Дороти, робко просившей позволенія войти. Сюсъ вышелъ изъ комнаты. Вскорѣ затѣмъ сквайръ сошелъ внизъ, тяжело дыша. Прислугу всю отослалъ прочь. Одинъ только Сюсъ остался при хозяинѣ.

Сквайръ самъ снялъ запоры съ двери, и отворилъ ее на длину цѣли.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

Немедленно послышался отвѣтъ снаружи.

— Полагаю что вы мистеръ Гарри Лепель Белтамъ. Если ошибаюсь, скажите. И примите, прошу васъ, мои извиненія, что безлокою васъ въ такой поздній часъ.

— Ваше имя?

— Въ настоящую минуту меня зовутъ не иначе какъ Августъ Фицъ-Джорджъ Рой Ричмондъ, мистеръ Белтамъ. Вы лучше меня узнаете, если совѣмъ отворите свою дверь. Голоса обманчивы. Вы по рожденію джентльменъ, мистеръ Белтамъ, и не заставите меня требовать чтобы вы поступали какъ прилично джентльмену. Я теперь въ такомъ положеніи будто переговариваюсь съ барсукомъ въ его логовищѣ. Положеніе неудобное для обѣихъ сторонъ. А на васъ, домохозяйина, это бросаетъ значительную тѣнь.

Сквайръ постыжно приказалъ Сюсу посмотрѣть чтобы ходы къ спальнямъ были запорты, и отцѣпилъ дверную цѣль. Онъ видимо сильно сдерживался. Ночь была тихая, свѣтлая. Когда отворилась дверь, появился высокій, крѣпко сложенный мущина, въ тепломъ плащѣ и модной шляпѣ того времени. Въ рукахъ у него была легкая тросточка, которой серебряный набалдашникъ онъ приложилъ къ губамъ. Въ наружности его не было ничего пугающаго, приемы его были изысканно любезны. Онъ приподнял шляпу, какъ только очутился лицомъ къ лицу со сквайромъ и обнаружилъ отчасти лысую голову, хотя бакенбарды его были роскошны, и мужественная сила высказывалась въ высокой груди, приподнявшей мѣховой плащъ. Лицо его было чрезвычайно открыто и бодро. Съ высоты своей онъ съ царственнымъ величіемъ глядѣлъ внизъ на человека локой котораго потревожилъ.

Между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Теперь вы видите, мистеръ Белтамъ, кто позволилъ себѣ

разбудить васъ въ неурочный часъ, и я глубоко сожалѣю объ этомъ, хотя самъ я привыкъ принимать легко подобныя случаи.

— Не спрятаны ли здѣсь у васъ какіе-нибудь сообщники?

— Я одинъ.

— Какое дѣло у васъ до меня?

— Никакого дѣла.

— Вамъ до меня дѣла нѣтъ, также какъ и мнѣ до васъ; правда. Я спрашиваю васъ о дѣлѣ вашего посвященія.

— Позвольте мнѣ сначала объяснить причину моего позднаго прибытія. Вамъ также какъ и мнѣ, мистеръ Белтамъ, покажется смѣшно сваливать вину на ямщиковъ. Я вынужденъ однако это сдѣлать; мнѣ нѣтъ другаго исхода. По милости одного негодяя, невоздержнаго къ крѣпкимъ напиткамъ, я сегодня прошелъ лѣшкомъ семь миль отъ Юлинга. Я не за себя жалуясь.

— Зачѣмъ же вы пришли?

— Вы меня спрашиваете?

— Я спрашиваю что привело васъ къ моему дому.

— Правда, я могъ ночевать въ Юлингѣ.

— Зачѣмъ же не ночевали?

— По той причинѣ, мистеръ Белтамъ, которая и привела меня сюда. Я не въ силахъ былъ ждать ни одной минуты. Добравшись до вашихъ окрестностей, я не хотѣлъ уже мѣшкать и пошелъ лѣшкомъ. Прошу извиненія за часъ моего прибытія. Зачѣмъ я пришелъ, вы очень хорошо поймете и одобрите меня, когда я скажу вамъ что я пришелъ, если не оправдываться, то покаяться. Я люблю жену мою, мистеръ Белтамъ. Да, выслушайте меня. Я могу сослаться на несчастную звѣзду мою и оказать: вините ее, а не меня. Эта звѣзда, давшая отъ рожденія моего направленіе всей бѣдственной моей жизни, могла бы служить мнѣ оправданіемъ въ вашихъ глазахъ; въ глазахъ жены по крайней мѣрѣ послужить.

— Вы пришли видѣться съ моею дочерью Марианной?

— Съ моею женой.

— Вы не переступите черезъ порогъ мой пока я живъ.

— Вы принудите ее выйти ко мнѣ?

— Она будетъ сидѣть у себя, бѣдняжка, пока не ляжетъ въ могилу. Сколько могли надѣлать зла, вы уже надѣлали. Убирайтесь!

— Мистеръ Белтамъ, ничто не помѣшаетъ мнѣ видѣться съ женой.

— Пройдоха!

— Никакіе нелѣпые эпитеты отъ человѣка котораго я обязана уважать.

— Негодный пройдоха, говорю я; сквайръ, давъ волю своему бѣшенству, не стѣсняясь болѣе.— Вотъ уже часъ какъ я сдерживаюсь предъ негодяемъ, который ангела вывелъ бы изъ терлѣвнѣя. Да ступайте наконецъ куда вамъ угодно, отъ одного конца свѣта до другаго! Мошенникъ, залитанный всевозможными мерзостями, которому я запретила доступъ къ моему дому, какъ простому вору, котораго сто разъ стоило бы повѣсить, является сюда къ моей дочери, когда она украла ее, надушившись, толкуя о своемъ родѣ, да нагѣвая разный иностраннѣйшій вздоръ; а потомъ оказалось что онъ не болѣе какъ лгуны и животное. Она вернулась домой. У меня двери не запраются для родныхъ дѣтей. Я приняла ее и держу у себя вопреки закону, если законъ мнѣ не даетъ на это права. Она помѣшалась; вы свели ее съ ума; она не узнаетъ никого изъ насъ, даже своего сына. Убирайтесь! Сколько могли надѣлать зла, вы надѣлали. Она безумная. И говорю вамъ, Ричмондъ, или Рой, или какъ вы тамъ себя называете, я благодарю Бога что она лишилась разсудка. Увидитесь вы съ ней или нѣтъ, власть ваша надъ ней кончена; да, и не видать вамъ ее, пока я зовусь мужчиной.

Мистеръ Ричмондъ сумѣлъ сохранить видъ серіознаго разсудка подъ этимъ потокомъ брани, изливавшимся почти безъ остановки. Онъ сказалъ:

— Жена моя не въ своемъ умѣ? Я могъ бы предположить что эта болѣзнь у ней наследственная. Ужь не шутите ли вы со мной, милостивый государь? Она помѣшалась? И вы считаете себя въ правѣ разлучить насъ? Если правда что вы говорите, то мое право лелѣять ее въ тысячу разъ сильнѣе вашего. Пустите меня, мистеръ Белтамъ. Я смиренно прошу священнѣйшаго преимущества, котораго горе можетъ требовать отъ человѣколюбія. Жену, жену мою! Пролустите меня.

Онъ готовъ былъ рвануться впередъ. Сквайръ крикнулъ Сюису чтобъ онъ добѣжалъ до конюшни и спустилъ собакъ.

— Это ваше послѣднее рѣшеніе? спросилъ мистеръ Ричмондъ.

— Къ чорту ваше разглагольствіе! Да, послѣднее! Я не пускаю въ свое стадо прокаженной овцы.

— Мистеръ Белтамъ, умоляю васъ, будьте милосерды. Я согласенъ на какія угодно условія, только дайте мнѣ повидаться съ ней. Я буду ходить по ларку всю ночь, только скажите что вы утромъ позволите свиданіе. Признаюсь, я не намеренъ употреблять силу. Я обращаюсь исключительно къ вашему милосердію. Я люблю эту женщину. Я виноватъ во многомъ. Увижу ее и уйду, но видѣть ее я долженъ. Это я также говорю рѣшительно.

— Говорите рѣшительно, сколько вамъ угодно, отозвался сквайръ.

— По законамъ естественнымъ и законамъ человѣческимъ, Маріанна Ричмондъ моя жена, я долженъ служить ей опорой и утѣшеніемъ, и никто не можетъ помѣшать мнѣ, мистеръ Белтамъ, если я захочу взять ее къ себѣ.

— Не можетъ? проговорилъ сквайръ.

— Да будетъ проклятъ, да будетъ пораженъ громомъ небеснымъ тотъ кто въ горѣ разлучаетъ жену съ мужемъ.

Сквайръ свиснулъ своимъ собакамъ.

Какъ уязвленный этою холодностью, мистеръ Ричмондъ выпрямился во весь ростъ.

— Я не увижу ее, если явлюсь и завтра утромъ?

— Вы не увидите ее, протянулъ сквайръ, передразнивая рѣчь мистера Ричмонда,—если явитесь и завтра утромъ.

— Вы отказываете мнѣ по праву отца, жена моя ваша дочь. Хорошо. Я желаю видѣть моего сына.

И на это сквайръ отвѣчалъ положительно:

— Нельзя. Онъ спитъ.

— Я требую.

— Глупости! Говорятъ вамъ, онъ въ постели, спитъ.

— Повторяю: я требую.

— Когда ребенокъ спитъ!

— Ребенокъ этотъ моя плоть и кровь. Вы говорили за свою дочь; я говорю за моего сына. Я хочу видѣть его, хотя бы мнѣ пришлось колотить въ вашу дверь до утра.

Нѣсколько минутъ спустя, мальчикъ вынутъ былъ изъ постели теткой Дороти; она одѣла его въ лотымахъ, горько плача, въ то же время унимая его, прилаживая его платице и вѣжно цѣлуя его щечки. Ему сказали что бояться нечего. Одишь джентльменъ желаетъ его видѣть, больше ничего. Доб-

рый ли это джевтъльменъ или разбойникъ, онъ не могъ дознаться. Но тетушка Дороти, увернувъ его въ шаль и ледь, и подвязавъ его шпалку дрожащею рукой, утѣрала его, съ судорожными ласками, что все скоро кончится и онъ опять будетъ лежать благополучно въ своей уютной постелькѣ. Она передала его Сюису на лѣтницѣ, подержавъ минуту и поцѣловавъ его руку; затѣмъ Сюисъ, властитель буфета, гдѣ хранились всѣ сласти, поставилъ его на полъ въ прихожей, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ ночнымъ посѣтителемъ. Ему показалось что незнакомецъ громаднаго роста, какъ сказочные великаны; ибо за нимъ въ растворенную дверь видѣлись деревья и клочокъ неба, и деревья казались гораздо меньше его, а небо чуть сквозило изъ-за его плечъ.

Сквайръ схватилъ мальчика за руку, чтобы представить его и удержать въ то же время; но незнакомецъ вырвалъ ребенка у дѣда, и поднимая высоко, воскликнулъ:

— Вотъ онъ! Вотъ Гарри Ричмондъ! Онъ сталъ гренадеръ ростомъ!

— Поцѣлуйте мальчика, и назадъ въ постель его, проворчалъ сквайръ.

Незнакомецъ горячо поцѣловалъ мальчика и спросилъ: забылъ ли онъ лапу. Мальчикъ отвѣчалъ что у него нѣтъ лапы, а есть только мама да дѣдушка. Незнакомецъ тяжело вздохнулъ.

— Видите ли что вы сдѣлали. Вы родное дитя отторгли отъ меня! сказалъ онъ сквайру свирѣло; но тотчасъ же постарался успокоить ребенка дѣтскою болтовней и ласками.

— Четыре года разлуки, началъ онъ опять — и сына моего приучили думать что у него нѣтъ отца. Ей Богу, это безсовѣстно, это безчеловѣчная грусность. Мистеръ Белтамъ, если я не увижусь съ женой, я унесу сына.

— Кричите хоть до силоты, вы никогда не увидите съ ней въ этомъ домѣ, пока я здѣсь хозяинъ, сказалъ сквайръ.

— Очень хорошо! Въ такомъ случаѣ Гарри Ричмондъ не будетъ жить у васъ. Я беру его съ собой. Дѣло рѣшено.

— Вы отнимаете его у матери? воскликнулъ сквайръ.

— Вы клянетесь мнѣ что она потеряла разсудокъ. Она не можетъ страдать. А я могу. Не стану ожидать отъ васъ, мистеръ Белтамъ, малѣйшаго пониманія отцовскихъ чувствъ. Вы грубое существо, вы животное.

Сквайръ увидѣлъ что онъ готовъ взять мальчика на руки,

и сказалъ:—Постойте. Не въ этомъ дѣло. Сообразите. Вы можете зайти завтра, повидаться со мной и переговорить.

— Увижу я жену?

— Нѣтъ, не увидите.

— Вы остаетесь при своемъ словѣ?

— Да.

— Такъ и я остаюсь при моемъ.

— Какъ? Постойте? Не унести же ребенка изъ удобнаго дома въ зимнюю ночь.

— О! Ночь тиха и тепла. Онъ не долженъ оставаться въ домѣ гдѣ безчестять отца его.

— Постойте же! Этого вовсе нѣтъ! вскричалъ сквайръ. — Никто не говоритъ о васъ. Даю вамъ честное слово что имя ваше не произносится въ домѣ ни мужчиной, ни женщиной, ни ребенкомъ.

— Молчаніе объ отцѣ равносильно безчестію, мистеръ Белтамъ.

— Къ чорту ваше краснорѣчіе! Не касайтесь этого мальчика своими разбойничьими руками, загремѣлъ сквайръ. Помните, если вы возьмете его, такъ онъ уже не вернется ко мнѣ. Онъ не получитъ отъ меня ни гроша, если вы будете его воспитывать. Вы этимъ рѣшите его участь. Если онъ въ послѣдствіи явится сюда и будетъ стоять предо мной нищимъ, въ украденномъ платьѣ, какъ вы телерь, я не признаю его. Гарри, поди сюда! Поди къ своему дѣдушкѣ.

Мистеръ Ричмондъ ухватилъ мальчика въ ту минуту какъ онъ поворачивался, чтобъ убѣжать.

— Этотъ джентльменъ, сказалъ онъ, указывая на сквайра, — твой дѣдушка; а твой папа. Ты долженъ непремѣнно узнать и полюбить своего папу. Если я найду за тобой завтра или послѣ-завтра, они придумаютъ какую-нибудь штуку и спрячутъ Гарри Ричмонда. Мистеръ Белтамъ, прошу васъ въ послѣдній разъ дать мнѣ обѣщаніе, замѣтьте, я довольствуюсь вашимъ обѣщаніемъ, что завтра или послѣ-завтра мнѣ будетъ дозволено видѣть жену.

Сквайръ, кашляя, произнесъ рѣшительное: — никогда! и подкрѣпилъ его энергическою божбой.

— Я убѣдительно прошу васъ дозволить это свиданіе, сказалъ мистеръ Ричмондъ.

— Нѣтъ, никогда! Не хочу! отозвался сквайръ, покраснѣвъ отъ сердитаго кашля.— Не хочу. Но постойте! Пустите

мальчика. Выслушайте меня, Ричмондъ. Вотъ чтò я сдѣлаю. Если вы покаянетесь мнѣ на Библии, какъ обвиненный въ присутствіи судей, что никогда носу своего не покажете въ здѣшнемъ околоткѣ и не будете тревожить ни мальчика, въ случаѣ что его встрѣтите, ни дочь мою, никого изъ насъ... вотъ чтò я сдѣлаю... оставьте мальчика, я дамъ вамъ пятьсотъ фунтовъ... Я дамъ вамъ вексель на моего банкира въ тысячу фунтовъ. Выслушайте же меня. Вы покаянетесь, какъ я сказалъ, на моей домашней Библии, чтобы васъ громомъ убило, какъ Ананію и еще того другаго, если вы отступитесь отъ своего слова, и я обязуюсь выплачивать вамъ сверхъ того по пятидесяти фунтовъ въ годъ. Пойдите. Я возьмусь залатить долги ваши не выше двухъ или трехъ сотъ фунтовъ. Бога ради, пустите мальчика! Вы сейчасъ получите пятьдесятъ гиней въ зачетъ. Пустите же мальчика! И вашъ сынъ... видите ли я называю его вашимъ сыномъ... вашъ Гарри Ричмондъ наследуетъ мнѣ: ему достанется Риверси Гренджъ и лучшая часть моего состоянія, если не все оно. Довольно ли вамъ? Согласны ли вы поклясться? Если не покаянетесь, мальчикъ будетъ нищій. Онъ станетъ чужимъ здѣсь, точно также какъ вы. Возьмите его, и какъ Богъ святъ, вы его погубите. Ну, будетъ; пустите его. Онъ и такъ ужъ простудился. Давно пора ему въ постель; пустите его.

— Вы предлагаете мнѣ денегъ, отвѣчалъ мистеръ Ричмондъ.— Это одно изъ тѣхъ оскорбленій которыя приходится сносить когда имѣешь дѣло съ вами. Вы хотите чтобы я продалъ сына. Чтобы повидаться съ страдающею женою я подавилъ бы въ себѣ отцовское чувство; но деньги ваши я ставлю ни во чтò. И вы принуждаете меня сказать вамъ что я презираю и ненавижу васъ. Меня пугаетъ мысль подвергнуть сына вліянію вашего грязнаго эгоизма. Мальчикъ мой; онъ у меня въ рукахъ и пойдетъ со мною труднымъ путемъ. Да развѣ судьба его не блестящая? Клянусь, его узнаютъ тѣмъ чтò онъ есть на самомъ дѣлѣ, законнымъ наследникомъ имени стоящаго на ряду съ знатнѣйшими именами страны. Запомните слова мои, мистеръ Белтамъ, вы, упрямый, низкій старикъ: Я беру этого мальчика, и посвящаю жизнь свою на восстановление его въ подобающемъ ему санѣ, и тогда, если мы съ вами доживемъ, вы до земли преклоните предъ нимъ свою глупую голову, глубоко скорбя о томъ днѣ когда вы,

простой сельскій дворянинъ ничтожнаго рода, съ кровью котораго мы удостоили смѣшать нашу кровь, грозили въ безумной слѣпотѣ своей лишить наслѣдства Гарри Ричмонда.

Дверь громко захлопнулась; и рѣчь его осталась недосказанною. Сначала онъ какъ будто удивился, но видя что испуганный мальчикъ готовъ расслакаться, онъ вынулъ изъ кармана хорошенькую коробочку и сунулъ вкусную конфекту въ надутыя губки. Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, постучавъ себѣ въ грудь и поговоривъ самъ съ собою и съ ребенкомъ, окинувъ взглядомъ окна дома, онъ наконецъ опустился на одно колѣно и закуталъ мальчика въ шаль. Потомъ поднявъ его съ земли, и усадивъ его на руку, онъ быстро пошелъ по дорожкамъ и лугу, какъ лошадь, тронутая кнутомъ.

Тихая теплая ночь озарялась откуда-то мѣсяцемъ. Мѣстами, гдѣ проглядывало небо, виднѣлись мелкія, безлучныя звѣзды. Вѣяло залахомъ травъ и корней. Ночь была скорѣе майская, чѣмъ февральская. Такъ странно глядѣли эти холмы, эти верхушки хвойныхъ деревъ въ тихомъ сумракѣ, что ужасъ мальчика подавленъ былъ удивленіемъ. Онъ никогда еще не выходилъ ночью, и должно-быть ему сграшно было кричать, ибо рыданіе его было не громко. На склонѣ ларка, гдѣ началась сосновая роща, онъ услышалъ свое имя, произнесенное вдали женскимъ голосомъ, который узналъ за голосъ тетушки Дороти. Только разъ зовъ этотъ долетѣлъ до него: „Гарри Ричмондъ!“ Скоро они вышли изъ ларка и очутились среди овраговъ, которые тянутся на цѣлыя мили вдоль большой дороги въ Лондонъ. Иногда отецъ насвистывалъ ему, или поднималъ его высѣко и кивалъ ему въ привѣтъ головой, будто они впервые увидѣлись. Постоянная доступность его при всемъ горѣ влиянію засахареннаго чернослива внушила отцу надежды на будущее его благоразуміе.

Такъ, поцѣловавъ послушно отца, мальчикъ заснулъ у него на шеѣ, забывъ что онъ сгранствууетъ по свѣту, и если не ошибаюсь, ему приснилось будто онъ на кораблѣ изъ благоуханнаго дерева, среди моря, гдѣ катятся громадныя, но тихія волны, отрывающія отъ чего-то кусокъ за кускомъ безъ звука и безъ боли.

ГЛАВА II.

Лично испытанное мною прикаючье.

Эта ночь стоитъ въ моей памяти одна среди пустоты, какъ сказочный мѣдный замокъ, окруженный морскою волною. Отецъ должно-быть пронесъ меня по дорогѣ нѣсколько миль; онъ должно-быть добылъ мнѣ лищи; помнится что я чувствовалъ прикосновеніе чего-то сыраго, пилъ свѣжее молоко. Мало-по-малу послышался шумъ голосовъ и колесъ, появилась собака, бѣгающая одна по люднымъ улицамъ, останавливая всякую встрѣчную собаку. Она повернула въ одну сторону, а мы съ отцомъ въ другую. Мы очутились въ домѣ, гдѣ, какъ мнѣ казалось, пахло спертымъ воздухомъ, въ улицѣ состоящей изъ домовъ всѣ двери которыхъ были окрашены чернымъ и шумно запирались. Итальянцы-шарманщики и продавцы молока постоянно расхаживали по улицѣ и оглашали ее своею музыкой. Молоко, а коровъ нѣтъ нигдѣ; множество людей, и никого знакомаго; мысли мои заняты были этими странностями.

Отецъ скоро заставилъ меня забыть прежнее житье мое. Онъ умѣлъ представлять собаку, кролика, лисицу, лова, цѣлое собраніе забавныхъ животныхъ; но его иногда по цѣлымъ днямъ не было дома, а я не расположенъ былъ дружитья съ тѣми кто не могъ занять какъ онъ мое воображеніе. Когда онъ былъ дома, я вѣздилъ на немъ верхомъ по комнатамъ и вверхъ по лѣстницѣ спать; я билъ его кнутомъ, пока онъ не лугалъ меня естественностью своего лая. Стоило мнѣ произнести слово: звѣринецъ, и онъ превращался въ собраніе дикихъ животныхъ. Я разстегивалъ луговицу его жилета, и на меня съ ревомъ бросался левъ; я дергалъ его за полу, и передо мной старый медвѣдь уморительно покачивался, потомъ садился и испускалъ жалобный вой. Комната наша казалась мнѣ богаче всего Гренджа, пока происходили эти представленія. Обезьяну онъ изображалъ почти такъ же хорошо какъ медвѣдя, только онъ былъ слишкомъ великъ ростомъ и принужденъ былъ для достиженія сходства съ этимъ животнымъ ломать что попадалось подъ руку. Это вызвало на сцену нашу хозяйку. Чѣмъ больше я наслаждался въ присутствіи отца,

тѣмъ больше страдалъ въ его отсутствіи. Когда я оставался одинъ, нянькѣ приходилось понуждать меня чтобъ я игралъ; я валялся по полу, и внезапно меня поражала разница между моимъ телерешнимъ и прежнимъ жильемъ. Отецъ мой подрадилъ маріонетокъ давать каждое утро представленіе предъ моимъ окномъ. Но тутъ олять талантъ его помѣшалъ исполненію его добрыхъ намѣреній. Разъ, стоя подлѣ меня у окна, во время представленія, онъ придалъ ему такую живость своими словами и жестами что безъ него оно потеряло для меня всякую прелесть. Меня пугалъ крикъ полишинеля въ его отсутствіи и нисколько не забавляли самые полновѣсные удары по деревяннымъ головамъ. По воскресеньямъ мы отправлялись въ соборъ. Этотъ день имѣлъ для меня свою особую прелесть. Отецъ всегда былъ дома въ воскресенье. Оба мы, приварядившись, шли по улицѣ рука съ рукой. Отецъ подводилъ меня къ памятникамъ собора, говоря тихимъ голосомъ о побѣдахъ Англичанъ и призывая вниманіе мое на героевъ. Я очень рано сталъ считать своею обязанностью подражать имъ. Пока мы оставались въ соборѣ, онъ говорилъ о славѣ старой Англіи и понижая голосъ среди тихаго нагѣва, произносилъ имя Нельсона, или другаго великаго человѣка. Это повторялось постоянно. „Кого возьмемъ мы сегодня?“ спрашивалъ онъ, когда мы выходили изъ дому. Мнѣ предоставлялось рѣшить выберемъ ли мы героя или писателя. И я скоро научился обнаруживать въ моихъ рѣшеніяхъ капризное упрямство. Одно воскресенье мы брали Шекспира, другое Нельсона, или Питта. „Нельсона, пала!“ отвѣчалъ я чаще всего. Онъ никогда не противорѣчилъ, и мы направляли шаги къ Нельсовому памятнику, и онъ обнажалъ голову и говорилъ: „Ну, хорошо, Нельсона“. Я выбиралъ Нельсона предпочтительно предъ другими, потому что подъ вечеръ отецъ разказывалъ мнѣ о жизни героя дня, и ни Питтъ, ни Шекспиръ не могли похвастаться тѣмъ что лишились глаза и руки, или дрались на льду съ огромнымъ бѣлымъ медвѣдемъ. Я называлъ ихъ иногда изъ состраданія и чтобы доставить удовольствіе отцу, который говорилъ что и ихъ не слѣдовало бы забывать. Они, говаривалъ онъ, поощряютъ его, когда я оказываю имъ слишкомъ продолжительное пренебреженіе, чтобъ узнать причины моей холодности, и пристають къ нему чтобъ онъ засгупился за нихъ предо мною и сообщаютъ много сво-

ихъ неизвѣстныхъ еще приключеній, чтобъ я соблазнился заняться ими на слѣдующее воскресенье.

„Славный Вилль“, называлъ отецъ мой Шекспира, а Питта „Тонкій Вилли“. Сцена, когда славный Вилль билъ оленя и таскалъ за нимъ Фальстафа по всему парку, при свѣтѣ Бардольфова носа, на который надѣвали гасильникъ, при приближеніи лѣсниковъ, и тутъ всякій въ лотъмахъ хваталъ не того кого нужно, сцена эта представляла удивительное смѣшеніе смѣха и слезъ. - Славный Вилль былъ очень молодъ, но всѣ въ паркѣ звали его отецъ Вилльямъ. Когда онъ освѣдомлялся куда ушелъ олень, король Лиръ (если память меня не обманываетъ) указывалъ ему слѣдъ; леди Макбетъ подавала платокъ, чтобъ онъ окунулъ его въ кровь оленя; Шейлокъ требовалъ фунтъ мяса, Гамлетъ (не знаю почему, только фактъ врѣзался въ моей памяти) предлагалъ ему трехногій стулъ; множество королей, рыцарей и дамъ зажигали факелы отъ Бардольфова носа, и разбѣгались всѣ, смущая лѣсниковъ и предославляя Виллю оленя. Это бѣдное животное, при каждомъ разказѣ умирало отъ новаго оружія, но кровь его всегда текла потокомъ, и всегда оно ударяло рѣгами въ животъ Фальстафу; и какъ ревѣлъ Фальстафъ! Но какъ жалко было слышать о грусти славнаго Вилля надъ убитымъ животнымъ. Слова его звучали какъ музыка. Сцена эта трогала меня, хотя я зналъ что она освѣщена носомъ Бардольфа. Когда я готовъ былъ расплакаться, ибо олень высунулъ языкъ, и бока его тяжело поднимались, а дома остались у него дѣтки, славный Вилль припоминалъ что обѣщалъ Шейлоку фунтъ оленьяго мяса. Рѣшивъ что не ѣсть этого оленя жиду, онъ соображалъ что Фальстафъ можетъ удѣлить фунтъ своего жиру, а жидъ не замѣтитъ разницы. Фальстафъ сплелъ только послѣднимъ бѣгствомъ, заволивъ что грязная жизнь навѣрное придава тѣлу его вкусъ свинины, и что погому жидъ откроетъ обманъ.

Отецъ мой разказывалъ все это такимъ положительнымъ тономъ, и съ такою живостью подражалъ охотничьимъ крикамъ, изображалъ спотыкающагося Лира и мрачнаго Гамлета и объемистаго Фальстафа что я напряженно слѣдилъ за всѣми явленіями и дѣйствительно видѣлъ ихъ предъ собою. Мнѣ потребовалась нѣкоторая помощь чтобы понять что смѣшно со стороны Гамлета предлагать трехногій стулъ въ критическую минуту охоты. Мало-по-малу я безсознательно

ознакомился съ характерами Шекспира. Не было отца болѣе восхитительнаго, чѣмъ мой, для мальчика отъ восьми до десяти лѣтъ. Онъ предугадывалъ въ субботу что я выберу въ воскресенье Вильяма Питта, ибо въ этихъ случаяхъ однообразіе высокой дѣятельности Тонкаго Билли вознаграждалось смородиннымъ пирогомъ, который, какъ торжественно увѣрялъ отецъ мой, знаменитый министръ весьма любилъ при жизни. Если я называлъ его, отецъ мой говаривалъ: Вильямъ Питтъ, иначе Тонкій Билли, родился въ такомъ-то году. А телерь, и онъ шелъ къ буфету, во имя политики, возьми это и помышлай о немъ. Такъ какъ лавки въ воскресенье заперты, онъ, конечно, безошибочно предугадывая мой выборъ, покупалъ пирогъ въ субботу, и какъ только пирогъ этотъ появлялся, мы оба испускали восклицаніе. Помню еще стишокъ, повторяемый отцомъ:

Билли Питтъ съѣлъ варенья съ кускомъ пирога
Какъ Серинганатамъ отнять былъ у врага.

Какъ бы то ни было, по поводу этого преданія, отецъ мой обнаруживалъ свою нелостижимую предусмотрительность. Размышленія мои о Питтѣ, при такихъ обстоятельствахъ, склоняли меня въ пользу званія перваго министра. Но я только изъ любви къ лакомству выбиралъ его. Ничего не находилъ я привлекательнаго въ политической дѣятельности, несмотря на краснорѣчивыя разсужденія отца объ управленіи государствомъ, о благосостояніи народномъ, о громахъ Британіи. Устроено было такъ что день приравнивался всегда къ характеру избранныаго героя; поэтому, когда я выбиралъ Питта, мнѣ доставался пирогъ, а разказа не доставалось, потому что не было у него никакихъ приключеній, и едва ли правитель государства не представлялся мнѣ какою-то тѣнью, подлѣ лавки пирожника. Но я удивлялъ чужихъ, говоря объ немъ. Я сообщилъ нашей хозяйкѣ нѣкоторыя замѣчанія, на которыя она всплеснула руками и воскликнула что я изумителенъ. Она всегда шептала какія-то таинственныя слова на ухо моей няньки, или своихъ знакомыхъ, заглядывавшихъ въ мою комнату. Когда отецъ научилъ меня немного играть на фортепіанахъ, началамъ англійской исторіи и родословнымъ знатнѣйшихъ домовъ, я сдѣлался дивомъ дома. Меня сажали на высокій стулъ наигрывать лѣсенки; а потомъ чтобъ обнаружить обширность моего образованія, меня спрашивали: „А кто же-

вился на вдовствующей герцогинѣ Дьюлаль? Я отвѣчалъ: „Джонъ Грегъ Ветроль, эсквайръ, и олозорилъ семейство.“ Затѣмъ меня спрашивали чѣмъ объясняю я ея поведеніе. „Это все оттого что герцогъ женился на скотницѣ“, отвѣчалъ я, вскидывая головой. Отецъ мой составилъ эти вопросы и подготовилъ отвѣты, но дѣйствіе производилось поразительное и на посѣтителей и на хозяйку. Понемногу ухо мое привыкло къ неизмѣнному шелоту ея въ подобныхъ случаяхъ. Королевская кровь! говорила она. — Нѣтъ? говорили посѣтителю, словно смычкомъ вели внизъ по струнамъ.

Однажды вечеромъ знакомый зашелъ за отцомъ, взять его съ собоюпогулять. Отецъ игралъ со мной, когда вошелъ посѣтитель. Онъ вскочилъ съ полу и закричалъ на гостя, зачѣмъ онъ вторгается въ его домашнюю жизнь; но потомъ представилъ мнѣ его какъ Шейлокова правнука и сказалъ что Шейлокъ довольствовался однимъ фунтомъ, а потомокъ его требуетъ двухъ сотъ фунтовъ, или всего его тѣла, что произошло будто бы отъ переселенія семейства изъ Венеціи въ Англію. Отецъ только казался сердитымъ, ибо онъ ушелъ подъ руку съ правнукомъ Шейлока, воскликнувъ: „На Ріальто!“ Когда я сообщалъ хозяйкѣ нашей, мистрисъ Вадди, объ этомъ посѣтителѣ, она сказала:

— Ахъ, Боже мой! Пожалуй милый папаша вашъ не такъ-то скоро воротится!

Мы ждали много дней, пока мистрисъ Вадди получила отъ него письмо. Она пришла совсѣмъ одѣтая ко мнѣ въ комнату, требуя чтобъ я далъ ей двадцать поцѣлуевъ для паленки, и я глядѣлъ какъ поправляла она ленты шляпки предъ зеркаломъ. Шляпка все не надѣвалась какъ слѣдуетъ. Наконецъ мистрисъ Вадди упала въ слезахъ на кресло, превратилась въ кучу коричневаго шелка и воскликнула:

— Какъ мнѣ, бѣдной, одинокой женщинѣ явиться предъ этими ужасными людьми, да можетъ-быть еще предъ настоящимъ герцогомъ! Ни за что! отвѣчала она на мою просьбу взять и меня.—Ни за что на свѣтѣ не поведу я васъ туда, къ палаши. Это убило бы его. Вамъ и желать этого не слѣдуетъ.

— Ахъ, бѣдный отецъ, продолжала она.—Какъ жестоки къ нему люди! Никто не цѣнитъ его очаровательнаго характера. Повсюду враги у него, когда ему слѣдовало бы сидѣть рядомъ со знатнѣйшими въ странѣ!

Я почувствовалъ свое печальное одиночество, проводя вос-

кресенье безъ отца; точно будто бы я навсегда его лишился. Нянька моя пришла и помогла мистрисъ Вадди надѣть шляпку на свои шесть крутыхъ локоновъ. Пока онѣ этимъ занимались, я сидѣлъ смирно, только по временамъ подергивая шелковое платье, частью чтобъ оно взяло меня съ собой, частью изъ зависти что оно увидитъ того съ кѣмъ я такъ жестоко разлученъ. Мистрисъ Вадди еще нѣсколько разъ поцѣловала меня, увѣряя что черезъ четверть часа передастъ отцу мои поцѣлуи, чтобъ я покуда считалъ время. Нянька вылустила ее. Я притворился что считаю, пока мистрисъ Вадди не прошла мимо окна. Сердце мое болѣзненно стукнуло. Дверь на улицу оказалась отпертою; въ корридорѣ никого не было, я выбѣжалъ, полагая что мистрисъ Вадди принуждена будетъ взять меня съ собой, когда увидитъ меня подлѣ себя на улицѣ.

Я нисколько не смутился не увидѣвъ ее тотчасъ же. Перебѣгая изъ улицы въ улицу, я поворачивалъ то вправо, то влево, со смѣлою увѣренностью, будто направляюсь къ определенной цѣли. Должно-быть прошло уже около часа, когда я понялъ что мистрисъ Вадди ушла отъ меня. Тогда я рѣшился любоваться окнами магазиновъ, съ отраднымъ чувствомъ свободы не стѣсняемой теченіемъ времени и нянькой. Зная что могу глядѣть сколько мнѣ угодно, я довольствовался однимъ взглядомъ. Если останавливался, такъ развѣ для того чтобы гордо заявить свою свободу, а вовсе не изъ предпочтенія къ одному магазину предъ другими. Всѣ были одинаково прекрасны, и экипажи тоже, и люди тоже. Дамы часто оглядывались на меня, можетъ-быть оттого что у меня ничего не было на головѣ. Но онѣ нисколько меня не интересовали. Я пожалуй спросилъ бы у нихъ или у кого-нибудь гдѣ живетъ перство, да умъ мой былъ слишкомъ занятъ; мнѣ было не до того. Я былъ увѣренъ что если буду долго, долго идти, такъ дойду до собора Св. Павла или до Вестминстерскаго аббатства. Ко всему остальному я былъ равнодушенъ.

При захожденіи солнца меня вдругъ какъ стрѣлой пронзило чувство голода, когда проходилъ я мимо лавки пирожника. Я пошелъ далѣе, надѣясь дойти до другой такой лавки, не зная зачѣмъ ушелъ отъ первой. Я увидѣлъ мальчика въ изодранныхъ ланталонахъ, не выше меня ростомъ, стоящаго на цыпочкахъ предъ окномъ весьма большой и блестящей булочной. Онѣ уговорилъ меня войти и попросить булку. Мнѣ это показалось весьма естественнымъ. Но дойдя до стойки,

по срединѣ обширнаго магазина, я слегка смутился, и при-
нужденъ былъ два раза повторить мою просьбу молодой жен-
щинѣ сидѣвшей за конторкой.

— Дать вамъ булку, мальчикъ? сказала она.—Мы не даемъ
булокъ, мы продаемъ ихъ.

— Вѣдь я голоденъ, отвѣчалъ я.

Явилась другая молодая женщина, смѣющаяся, вся въ ло-
конахъ.

— Развѣ вы не видите что это не простой мальчикъ. Онъ
не хнычетъ, замѣтила она. — Вотъ вамъ, мистеръ Чарльсъ.
Благодарить не за что.

— Меня зовутъ Гарри Ричмондъ. Я очень вамъ благода-
ренъ.

Я слышалъ уходя какъ она говорила: „Видно что это сынъ
джентльмена.“ Оборванный мальчикъ ждалъ меня съ нетер-
пѣніемъ.

— Экій счастличикъ! вскричалъ онъ.—Ну, пойдемъ, кудряшъ!

Я, помнится, намѣренъ былъ раздѣлить съ нимъ булку; но
онъ, конечно, не могъ угадать моего благодушнаго намѣренія,
и поступилъ со мной такъ какъ предполагалъ что я съ нимъ
поступлю: быстрымъ движеніемъ онъ вырвалъ у меня булку
и убѣжалъ, суя ее себѣ въ ротъ. Я остановился, глядя себѣ
на руку. Въ эту минуту я узналъ что такое воровство, и ни-
щенство, и голодъ. Я умеръ бы скорѣе чѣмъ второй разъ по-
просить булку; и при мучившемъ меня истощеніи и голодѣ,
безчестный поступокъ мальчика темною тучей отуманилъ мой
умъ. Когда я опомнился, меня вель за руку сквозь толпу ка-
кой-то старый джентльменъ, которому я должно-быть разка-
залъ что-то необыкновенное. Онъ качалъ головой, приговари-
вая: „неповѣрно.“ Но его вопросы: зачѣмъ я на улицѣ безъ
шляпы? гдѣ живетъ моя мать? что я дѣлаю въ Лондонѣ? по-
буждали ребенка къ автобіографическимъ изліяніямъ, и на
каждый вопросъ я сызнова разказывалъ ему всю мою исто-
рію. Онъ привелъ меня въ скверъ, все время слушая меня,
наклонившись ко мнѣ. Но когда я замѣтилъ что мы отошли
отъ лавокъ, я сразу разъяснилъ ему въ чемъ дѣло, внезапно
остановившись и воскликнувъ: „Какъ я голоденъ!“ Онъ кив-
нулъ головой и сказалъ:

— Нечего допрашивать пустой желудокъ. Вы сдѣлаете мнѣ
честь отобѣдать со мной, молодой человекъ; а потомъ мы
переговоримъ о вашихъ дѣлахъ.

Тревога моя о томъ что мы ушли отъ аппетитныхъ магазиновъ успокоилась только тогда когда я очутился за столомъ со старикомъ, съ молодою дамою, да со старушкой въ челпѣ, дѣлавшей громкія замѣчанія на мою одежду и всѣ мои движенія. Я былъ представленъ имъ какъ упавшій съ неба мальчикъ. Старикъ не позволялъ спрашивать меня пока я не поѣлъ. Пиръ былъ достопамятный. Мнѣ дали супу, рыбы, мяса и пирога и въ первый разъ въ жизни рюмку вина. Какъ смѣялись они когда я заморгалъ и закашлялся, проглотивъ полрюмки какъ воду. Языкъ мой сразу развязался. Я какъ будто вдругъ вознесся выше лондонскихъ крышъ, подъ которыми бродилъ недавно жалкою крошкой. Я заговорилъ о чудномъ отцѣ моемъ, о славномъ Виллѣ, о Питтѣ и перствѣ. Я изумилъ ихъ моими познаніями. Когда я закончилъ длинный разказъ объ охотѣ Вилля на оленя заявляюмъ что политика меня не интересуеть (я хотѣлъ сказать что Питтъ сравнительно скученъ), они громко захохотали, словно я взорвалъ ихъ.

— Знаете ли что вы такое? сказалъ старикъ. У него были насулепленные брови и улыбающійся ротъ. — Вы комическая личность.

Я заинтересовался имъ и спросилъ: кто онъ самъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ что онъ юристъ, и готовъ служить мнѣ помощникомъ въ роли клоуна, если я согласенъ взять его.

— Вы принадлежите къ перству? спросилъ я.

— Пока еще нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, — я васъ не знаю.

Молодая дама залилась хохотомъ.

— Ахъ, вы, смѣшной мальчикъ! Уморительное вы существо! сказала она, подошла ко мнѣ, подняла меня со стула и освѣдомилась умѣю ли я цѣловать.

— О, да! Этому меня научили, сказалъ я, и поцѣловалъ ее, не дожидаясь приглашенія, — но, прибавилъ я, — мнѣ это не очень нравится. Она пришла въ негодование и сказала мнѣ что сейчасъ обидится, тогда я объяснилъ ей что люблю чтобы меня цѣловали и играли со мной утромъ, пока я еще не вставалъ, и если она придетъ ко мнѣ въ домъ, какъ бы ни было рано, она найдетъ меня у стѣнки, и я буду радъ ей.

— А кто же спитъ рядомъ съ вами? спросила она.

— Пала, началъ было я, но голосъ мой прервался рыданіемъ: мнѣ казалось что цѣлое море отдѣляетъ меня теперь

отъ него. Они вѣжно ласкали меня. Мало-по-малу выпытали отъ меня всю мою исторію ловкими вопросамъ со стороны старика и умѣстными ласками со стороны дамъ. Я все могъ сообщить имъ, кромѣ имени улицы въ которой я жилъ. Ночное путешествіе изъ дома дѣда всего болѣе интересовало ихъ, а также и то что у меня жива мать, вѣчно обмахивающаяся вѣеромъ и носящая бальное платье. Я это помнилъ. Дамы объявили что я очевидно дитя романтическое. Я замѣтилъ что старикъ очень часто произносилъ: „гм!...“, и брови его мрачно нахмурились, когда я разказалъ какъ отецъ ушелъ съ потомкомъ Шейлока и съ тѣхъ поръ уже не возвращался ко мнѣ. Принесли большую книгу изъ его библіотеки, онъ прочелъ въ ней вслухъ имя моего дѣда. Меня помѣстили на стулъ подлѣ чайнаго прибора у камина. Тутъ представился мнѣ старый красный домъ въ Риверсли, и мать моя въ бѣломъ платьѣ, и тетушка Дороти. Всѣ онѣ жаловались что я разлюбилъ ихъ, увѣряли что мнѣ пора въ постель, и я ничего не имѣлъ противъ этого. Кто-то отнесъ меня на верхъ и раздѣлъ и обѣщаль мнѣ большую игру въ поцѣлуи на утро.

На слѣдующій день я услышалъ въ чужомъ домѣ что старикъ послалъ одного изъ своихъ конторщиковъ въ Риверсли и вступилъ въ сношенія съ лондонскими констеблями. Вскорѣ появилась мистрисъ Вадди, также обращавшаяся къ этимъ властямъ, изъ которыхъ одна подтверждала права ея на меня. Но старикъ желалъ удержать меня у себя, пока посланный его воротится изъ Риверсли. Онъ придумывалъ разныя отговорки. Наконецъ онъ сталъ настаивать чтобы повидаться съ отцомъ моимъ, и мистрисъ Вадди послѣ продолжительнаго колебанія и многихъ слезъ, сообщила ему адресъ на ухо.

— Такъ я и думалъ, сказалъ онъ.

Мистрисъ Вадди увѣщевала его быть почтительнымъ къ моему отцу, который по достоинству выше его, да и не въ обиду будь сказано, выше всѣхъ присутствующихъ, и такъ несчастенъ безъ всякой вины съ своей стороны, и что бы ни говорили, примѣрный христіанинъ и образецъ истиннаго джентльмена и по праву долженъ бы занимать мѣсто на ряду со знатнѣйшими. Со знатнѣйшими, повторила она, укоризненно потрясая ячменными колосьями на челствѣ и крѣпко сжавъ руки.

Мистеръ Баннербриджъ, такъ звали старика, вернулся очень поздно отъ моего отца, такъ поздно что, по его сло-

вамъ, было бы жестоко выпустить меня на улицу, когда мнѣ давно пора быть въ постели. Мистрисъ Вадди согласилась оставить меня съ тѣмъ чтобъ я былъ выданъ ей на слѣдующее утро не позже девяти часовъ. Мистеръ Баннербриджъ увѣрялъ меня что здоровье и аппетитъ моего отца превосходны, и сообщилъ мнѣ множество неудовлетворительныхъ извѣстій, остальное же говорилъ онъ на ухо своей дочери, миссъ Баннербриджъ, — которая замѣтила что мы, по всей вѣроятности, получимъ отвѣтъ изъ Гампшейра рано утромъ, и тогда можно будетъ возвратить бѣднаго мальчика друзьямъ его дѣтства. Я понималъ что они осуждали за что-то отца моего и что я составляю предметъ спора между двумя противными сторонами, но почему они жалѣли обо мнѣ, этого я не понималъ. Произошла изъ-за меня великая битва, когда мистрисъ Вадди явилась аккуратно въ назначенный часъ. Побѣда осталась за нею, и я, ея добыча, провелъ цѣлый день въ различныхъ экипажахъ, изъ которыхъ послѣдній высадилъ насъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона у воротъ старой, ветхой, мшистой фермы, похожей цвѣтомъ на желтую фіалку.

Г Л А В А III.

Дилвелская ферма.

Въ дождь и въ солнце эта старая ферма подобна была желтой фіалкѣ. Все тотъ же сырой, земляной залахъ, кромѣ кухни, гдѣ жили Джонъ и Марта Трешеръ. Всѣ свѣжія лица, масло клейменное тремя пчелами, банки меду, куры, зайцы, привлекательно пахучій деревенскій хлѣбъ, приходившіе къ мистрисъ Вадди въ Лондонъ и появлявшіеся на столѣ моего отца, были произведенія Дилвелской фермы, подарки сестры ея Марты Трешеръ. Узнавъ это, я тотчасъ же почувствовалъ себя какъ дома и спросилъ прямо: Долго ли я здѣсь останусь? Не уѣду ли завтра? Что намѣрены дѣлать со мной? Женщинамъ эти вопросы молодаго странника показались трогательны. Поцѣлу и обѣщанія что мнѣ дадутъ куръ кормить, и что отъ этого произойдутъ лица, меня успокоили. Сильное впечатлѣніе произвели на меня слова мистрисъ Вадди:

— Сюда, мистеръ Гарри, пріѣдетъ за вами самъ палаша вашъ. Навѣрное пріѣдетъ; я слышала онъ самъ говорилъ, а онъ слова своего не нарушитъ, развѣ вся страна поднимется противъ

него. А за своего сына онъ готовъ пойти на пушки. Такъ вы сидите здѣсь и ждите его.

Я тотчасъ же съѣлъ и сталъ глядѣть вопросительно. Мистрисъ Вадди и мистрисъ Трешеръ подняли руки кверху. Я имъ явилъ какое-то необычайное доказательство любви моеѣ къ отцу. У меня же сложилось понятіе что сидѣніемъ на мѣстѣ я привлеку къ себѣ отца.

— Гдѣ не замѣшано сердце его, замѣтила лестно мистрисъ Вадди,—онъ смѣшленъ какъ школьный учитель.

— Какіе у него умные глаза! сказала мистрисъ Трешеръ, лицо которой я разсматривалъ.

Джонъ Трешеръ предлагалъ биться объ закладъ что я скоро буду умнѣе всѣхъ ихъ. Но всякій разъ какъ онъ начиналъ говорить, его останавливали за ошибки противъ правильности рѣчи.

— Больше чѣмъ о насущной лицѣ, отецъ этого ребенка заботится о томъ чтобъ онъ говорилъ языкомъ истиннаго джентльмена, воскликнула мистрисъ Вадди. — Въ его присутствіи надо держать ухо востро. Онъ бывало останавливалъ меня, какъ несла я горячее блюдо, чтобъ убѣдиться не слыхалъ ли ребенокъ какого-нибудь неправильнаго слова. Нянкѣ онъ такія читалъ наставленія что бѣдняжка приходила бывало ко мнѣ совсѣмъ залутанная. Это все потому что отецъ этотъ знаетъ свои обязанности къ сыну. Какое въ дѣтствѣ, такое и въ зрѣломъ возрастѣ, говаривалъ онъ. Все равно какъ вы, Джонъ, когда съете хлѣбъ, думаете о жатвѣ. Такъ не обижайтесь же на меня, Джонъ, и пожалуста думайте о правильности своихъ рѣчей. Каждое слово переверните дважды въ умѣ, прежде чѣмъ выговорить.

— Значить, перегрузись на дорогѣ, сказалъ Джонъ Трешеръ. — Ну, сѣмя-то положимъ ужъ сѣтсея, а жатва его еще далека. Слушайте-ка, Мери Вадди, иное дѣло франтовство, иное деревня, а иное школа. Смѣшай и то, и другое, и третье, оттяни и осади. Вотъ какъ я полагаю.

Жена его и мистрисъ Вадди задумчиво сказали въ одинъ голосъ:—справедливо!

— Какъ тамъ себѣ хочешь, а въ этомъ вся штука, добавилъ онъ.

Онѣ согласились, и тотчасъ, какъ кроткія женщины, начали хвалить его.

— Чтѣ Джонъ говорить, стоить послушать, Мери. Ты можешь-быть ужъ слишкомъ заботлива. Чтобы сварить жаркое нуженъ огонь умѣренный а не полымя.

— О, я совершенно согласна съ Джономъ, Марта. Въ здѣшнемъ мѣрѣ надо принимать и хорошее и дурное.

— Ну, да я вѣдь неучеый; значить и беспокоиться нечего, сказалъ Джонъ.

Мистрисъ Вадди шелнула ему что-то на ухо.

Брови его поднялись; глаза вытаращились. Ей удалось чѣмъ-то поразить его.

— Это вѣрно? спросилъ онъ.

— Вы меня обижаете. Развѣ я стану говорить неправду? отвѣтила она.

Джонъ Трешеръ устремилъ свой взглядъ на меня и заявилъ что этого никакъ бы не угадалъ. На что ему замѣтили что угадать было можно. Онъ затѣмъ объявилъ что мнѣ нельзя водиться съ тамошними дѣтьми, а помѣстить меня въ кухнѣ нечего и думать. Мысль о моемъ помѣщеніи, казалось, сильно занимала также и Марту. Меня повели въ ларадныя комнаты. Самый видъ ихъ непріятно на меня подѣйствовалъ. Я затопалъ ногами, требуя чтобы меня лустили въ кухню, и рѣдко въ жизни бывалъ я такъ счастливъ, какъ обѣдая или ужиная тамъ съ Джономъ, съ Мартой и съ рабочими, ожидая отца моего изъ-за годъ, и довольный въ то же время днемъ моимъ. Надѣяться, и не терять терпѣнія, значить вѣрить. Таково было чувство мое въ отсутствіи отца. Я зналъ что онъ пріѣдетъ и не желалъ торопить его. Ему принадлежалъ мѣръ за торами, а мнѣ здѣшний мѣръ, гдѣ тихая рѣчка текла отъ шумной мельницы подъ нашимъ садомъ, черезъ широкіе дуга. Зимой летали тутъ дикія утки. По ту сторону рощицъ, окружающихъ нашъ домъ, былъ паркъ съ деревьями, современными, какъ говорилъ Джонъ Трешеръ, началу англійской исторіи. Мысль о ихъ почтенной старости навѣвала на меня чувство мирнаго спокойствія. Онъ затруднялся опредѣлить въ точности лѣта этихъ деревъ и по моей догадкѣ пріурочилъ ихъ къ саксонской гелтархіи. Живя такимъ образомъ среди воспоминаній саксонскихъ временъ, я смотрѣлъ на Риверсли какъ на мѣсто новое, плохо насиженное, не носившее моего Альфреда и Гарольда. Эти герои жили въ предѣлахъ Дилвела, спокойно ожидая пріѣзда моего отца. Онъ прислалъ мнѣ однажды чудное письмо. Мистрисъ Вадди взяла съ собой въ Лондонъ одного изъ голубей Джона Трешера, и вечеромъ птица эта появилась, разсѣвая воздухъ какъ стрѣла, и неся на шеѣ письмо прямо отъ милаго моего отца. Бесѣда планеты

съ планетой не болѣе поразила бы смертныхъ, чѣмъ слова его, доставленныя такимъ образомъ, поразили меня. Я легъ спать и проснулся, воображая что птица летитъ ко мнѣ съ неба.

Въ это время сдѣлана была попытка олить потревожить меня. Неизвѣстный молодой человѣкъ появился въ окрестностяхъ фермы. Онъ завелъ рѣчь со мной на Лекгамской ярмаркѣ.

— Мы вѣдь, кажется, знакомы. Чтò подбѣлываетъ дѣдушка вашъ, сквайръ, и тетушка, и мистеръ Баннербриджъ? У меня есть новости для васъ.

Желая выслушать его, я взялъ его за руку, оставивъ спутницу мою, маленькую дочь мельника, Мабелю Свитвинтеръ, у латка съ игрушками, пока Бобъ, ея братъ и нашъ провожатый, обтачивавъ поодаль лалки въ красивой позѣ. Да, и новости объ нашемъ отцѣ, сказалъ молодой человѣкъ. Пойдемте, вы съ нимъ увидите. Вы умѣете бѣгать? Я показавъ ему какъ скоро я бѣгаю. Бобъ погнался за нами, вступилъ за меня въ бой, отбилъ меня, и я тотчасъ же олять призналъ надъ собой его власть. Онъ пронесъ меня почти всю дорогу до Дилвела. Женщины должны смотрѣть на счастливыхъ героевъ, завлаждающихъ ими, почти съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ смотрѣлъ я на моего героя. Я цѣловалъ его окровавленное лицо, не давая ему утереться. Джонъ Трешеръ сказалъ мнѣ вечеромъ:

— Вотъ теперь вы имѣете лоятіе о кулачномъ боѣ. И поворачите ли, мистеръ Гарри, есть такіе безразсудные люди которые хотятъ уничтожить это прекрасное искусство. По моему, имъ бы слѣдовало ходить въ юбкахъ. Пусть пасторы проповѣдуютъ какъ знаютъ, мы съ вами будемъ поддерживать мужественную забаву.

Да здравствуетъ Бобъ! Онъ увѣрялъ меня, и я вполне ему вѣрилъ, что кулачный бой естественная защита Англіи отъ враговъ. Мысль что страну нашу защищаютъ отъ непріятельскаго нашествія такіе люди какъ Бобъ была мнѣ невыразимо отрадна. Руководимый Трешеровымъ патріотизмомъ, я принялся проходить книгу англійской исторіи, съ медленностью вожовой лошади, тащащей за собой громадную фуру во образъ Джона. Пока не нагрузится эта фура, нельзя было двигаться впередъ. Способъ воспріятія имъ историческихъ свѣдѣній заключался въ томъ что онъ сначала шелъ на драку съ лицами оскорблявшими нашу народную честь, а потомъ протягивалъ имъ руку и гордился ими.

— Гдѣ не удастся силой, тамъ помогаетъ хитрость, говорилъ онъ.—Отъ Вильгельма-Завоевателя не отдѣлаешься, потому что онъ упрямъ и стоекъ, ну, мы беремъ его и дѣлаемъ однимъ изъ нашихъ. Въ этомъ, надѣюсь, нѣтъ униженія! Онъ вѣдь польстилъ намъ, мистеръ Гарри, самъ пожелавъ быть Англичаниномъ. „Это знаешь?“ говоримъ мы, показывая ему кулакъ. „Немногожко,“ отвѣчаетъ онъ, и бьется хорошо. „Такъ значитъ,“ говоримъ мы, „ты изъ нашихъ; мы весь свѣтъ побьемъ.“ Такъ и случилось.

У Джона Трешера былъ трудолюбивый умъ. Онъ лишь въ лотѣ лица возвышался до этихъ умозрѣній. Онъ сказалъ мнѣ что на его взглядъ родина то же чтд жена. Въ одной родиться, съ другою вѣнчаешься, а узнаешь ихъ ужъ потомъ, и приходится уживаться какъ умѣешь. Онъ совѣтовалъ мнѣ все смѣшать, оттянуть и бросить осадокъ; въ этомъ главная штука. Всякое затрудненіе въ жизни разрѣшалось для него этимъ приемомъ, достоинство котораго доказывалось, по его словамъ, чистымъ элемъ, національнымъ напиткомъ. Даже ребенкомъ я чувствовалъ что онъ по преимуществу Англичанинъ. Разказы о беззаконіяхъ совершенныхъ на рѣкѣ Нигерѣ доводили его до ярости, и онъ громко требовалъ новыхъ налоговъ, чтобы наказать негодяевъ. И въ то же время, при видѣ нищихъ у воротъ, онъ скорбѣлъ о тяжести существующихъ налоговъ, и заклиналъ меня имѣть жалость къ бѣдному податному сословію, когда буду принимать участіе въ исправленіи законовъ. Я, смѣясь, обѣщалъ ему помнитъ его слова съ искреннимъ намѣреніемъ издать нѣсколько законовъ прямо въ его пользу. И онъ, также смѣясь, отъ души однако, благодарилъ меня.

Я былъ одѣтъ въ трауръ по далекой матери. Мистрисъ Вадди привезла изъ Лондона молодаго человѣка, который снялъ съ меня мѣрку чтобъ одежда моя была скроена по послѣдней модѣ.

— Отецъ раздѣлъ бы его тотчасъ же еслибъ увидѣлъ на немъ платье деревенскаго покроя, сказала мистрисъ Вадди, и слова ея, какъ бы предвѣщая близкую перемену, поселили во мнѣ увѣренность что отецъ мой началъ двигаться въ своей части свѣта. Онъ прислалъ мнѣ молитву, написанную его собственнымъ почеркомъ, за мать мою отошедшую на небо. Молитва эта въ черномъ ободкѣ мелькала предо мной, какъ только я закрывалъ глаза. Марта Трешеръ стала давать мнѣ лѣкарство отъ расстройства печени. Мистрисъ Вадди нашла

что я блѣдень и предписала желѣзо. Обѣ рѣшили что мнѣ нужна самая питательная пища; аптекарь же соглашался во всемъ съ обѣими, что и помирило ихъ, ибо эти добрыя женщины чуть было не поссорились изъ-за дѣкарствъ какія слѣдовало мнѣ поглощать. При такомъ тщательномъ уходѣ, во мнѣ обнаружился зловѣщій симптомъ что умъ мой обращенъ болѣе на мать нежели на отца. Мнѣ невольно представлялось что уйти на небо страннѣе чѣмъ пріѣхать въ Дилвелъ. Эта мысль вертѣлась у меня въ головѣ и въ ту минуту какъ отецъ обнималъ меня; но предъ лицомъ его она исчезла какъ тающій снѣгъ. Онъ пріѣхалъ, предшествуемый почтальфонами, на одеждѣ которыхъ были креповые банты, также какъ и на лошадаяхъ. Мы играли въ крикетъ. Это была первая сезонная партія Дилвела противъ сосѣдней деревни. Въ самый разгаръ игры, нѣкоторые отошли и окружили отца моего. Одинъ дилвельскій мальчикъ, разсерженный такимъ нарушеніемъ правилъ, пустилъ мячъ въ толпу и больно ушибъ двухъ-трехъ чело-вѣкъ. Отцу моему пришлось за него заступиться. Онъ сказалъ что этотъ мальчикъ ему нравится, и такъ убѣдительно и смѣшно просилъ за него что ушибенный всѣхъ больнѣе смѣялся всѣхъ громче. Стоя въ коляскѣ и держа меня за руку, отецъ мой обратился ко всѣмъ поименно:

— Свитивтеръ, благодарю васъ за вниманіе къ моему сыну, и васъ тоже, Трибль, и васъ, другъ мой, и васъ, Бекеръ, Рилленгель, и васъ тоже, и васъ, Джули! Словоно онъ звалъ ихъ лично. Правда, онъ кивалъ наудачу. Затѣмъ онъ произнесъ краткую рѣчь и изъявилъ желаніе вносить ежегодно извѣстную сумму на ихъ невинныя удовольствія. Онъ далъ имъ денегъ; бросилъ серебряной монеты мальчикамъ и дѣвочкамъ, хвалилъ Джона Трешера и Марту, жену его, за заботливость обо мнѣ, и указывая на трубы фермы, сказалъ что этотъ домъ всегда будетъ для него священнымъ, что онъ будетъ посѣщать его ежегодно, если возможно, и что во всякомъ случаѣ подписныя деньги его будутъ являться въ маѣ мѣсяцѣ такъ же вѣрно какъ весенніе цвѣты. Люди послѣ радостныхъ криковъ какъ будто потеряли охоту продолжать игру. Отецъ мой сошелъ съ экилажа, пустилъ первый мячъ и затѣмъ ушелъ, держа меня за руку.

— Да, мой сынъ, сказалъ онъ,—мы возвратимъ имъ десяти-рицей что они для тебя сдѣлали. Одиннадцатое мая будетъ праздникомъ для Дилвела, пока я живъ, а послѣ меня ты бу-

дешь поддерживать заведенный обычай, изъ уваженія къ моей памяти. А теперь пойдемъ смотрѣть постель въ которой ты спалъ.

Марта Трешеръ показала ему постель, показала цвѣты которые я посадилъ и только что вырастающій испанскій орѣшникъ.

— О! сказалъ онъ, сіяя при видѣ моихъ дѣяній,—я на вѣкъ въ долгу у васъ, сударыня. Онъ поцѣловалъ ее въ щеку.

Джонъ Трешеръ вскричалъ:

— Старуха, да ты дрожишь какъ красная дѣвушка!

Она отвѣчала что-то очень слабо, и до самаго отъѣзда нашего, краска не сходила съ ея лица. Джонъ вытянулся какъ солдатъ. Мы уѣхали среди взрыва громкихъ криковъ, словно залъ батареи. „Царственные проводы!“ сказалъ отецъ мой, и потомъ спросилъ меня серьезно не забылъ ли я наградить кого-нибудь изъ моихъ друзей или съ кѣмъ-нибудь проститься. Я отвѣчалъ что не забылъ никого, и въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ, пока на песчаномъ подъемѣ дороги, откуда въ послѣдній разъ открывался видъ на старую ферму, я не увидѣлъ Мабель Свитцигтеръ, съ которою часто дѣлилъ я и игры и постель, курчавую дѣвочку, любившую плясать по воскресеньямъ и слушать вечеромъ страшные разказы, прикусывая пряника. Она пристально поглядѣла на меня, но не кивнула головой. „Ну, прощай,“ подумалъ я, и взгляды ея остался у меня въ памяти когда я забылъ уже все другія лица.

Г Л А В А IV.

Я вкушаю величіе.

Хотя я никогда еще не видывалъ почтальйона, я глядѣлъ на двоихъ подпрыгивающихъ на лошадахъ предо мною, не думая спрашивать себя откуда они появились и какая связь ихъ съ моею судьбой. Я съ наслажденіемъ прислушивался къ стуку многихъ бѣгущихъ рысью ногъ, и старался объяснить отцу что въ соединеніи съ подпрыгивающими людьми все это какъ бы представляетъ фортепiano играющее само собою. Онъ засмѣялся и поцѣловалъ меня, и вспомнилъ при этомъ что показалъ мнѣ какъ-то внутренность фортепiano въ то время какъ играли на клавишахъ. Любовь моя къ нему, какъ вѣзжали мы въ Лондонъ, прочно установилась: я по-

нѣлъ что онъ не только герой мой, но и лучший мой другъ и товарищъ. „Злые люди разлучившіе насъ теперь уже безсильны“, говорилъ онъ. Я забылъ на радости спросить что стало съ потомкомъ Шейлока.

Мистрисъ Вади привѣтствовала насъ, какъ только вышли мы изъ экипажа. Не воображайте что мы остановились у двери ея стараго дома. Улица была широкая, выходившая на великолѣпный скверъ; предъ домомъ были колонны, а внутри его восхитительный фонтанъ билъ тонкою какъ веревочка струей въ мшистомъ бассейнѣ у окна расписаннаго изображеніями англійскихъ королей, заимствованными изъ дѣтскихъ исторій. Вся прислуга выстроена была въ рядъ въ прихожей, чтобы заявить свою преданность мнѣ. И наконецъ, величайшая изъ всѣхъ радостей: мнѣ представили живую обезьяну.

— Это причуда вашего лапаша, сказала мистрисъ Вади кротко.—Онъ говоритъ что ему надо имѣть шута, а мнѣ это вовсе не шутка.

Однакожь она весело улыбалась, хотя голосъ ея звучалъ печально. Отъ нея я теперь узналъ что меня зовутъ Ричмондъ Рой, а не Гарри Ричмондъ. Я сказалъ: „Очень хорошо“. Я уже привыкъ къ перемѣнамъ. У всѣхъ въ домѣ были веселыя лица, кромѣ обезьяны, которая слишкомъ захолоталась. Какъ пошли мы вверхъ по лѣстницѣ, я увидѣлъ еще другихъ англійскихъ королей написанныхъ на окнахъ за перилами.

— Это, говорятъ, придаетъ царственный характеръ, сказала мистрисъ Вади, и закашлявшись скромно послѣ нѣсколько изысканнаго слова, добавила: — какъ и слѣдуетъ.

Я непремѣнно захотѣлъ взойти на верхній этажъ, гдѣ надѣялся найти Вильгельма-Завоевателя, и нашелъ. И мысли мои, вспомнивъ Джона Трешера, унеслись къ старымъ саксонскимъ временамъ.

— Такъ всѣ короли и идутъ другъ за другомъ внизъ по лѣстницѣ? сказалъ я, осматривая ихъ одного за другимъ.

— Да, отвѣчала мистрисъ Вади такимъ жалкимъ тономъ, какъ будто судьба ихъ очень грустная.—Что жь, глядѣли на васъ какъ вѣхали вы по улицамъ, мастеръ Ричмондъ?

Я тоже сказалъ: „да“, и затѣмъ мы перестали уже отвѣчать другъ другу, а только предлагали вопросы. Такъ скорѣе доберешься до дѣла; по крайней мѣрѣ мальчишки и женщины, я знаю, добираются. Мистрисъ Вади гораздо менѣ интере-

совалась Дилвеломъ и его жителями чѣмъ впечатлѣннѣе произведеннымъ повсюду нашимъ проѣздомъ. Я замѣтилъ что когда голосъ ея не грустенъ, такъ лицо все-таки грустно. Она показала мнѣ прелестную розовую кровать, увѣнчанную короной, въ комнатѣ смежной съ комнатою отца. Двадцать тысячъ золотыхъ снова какъ будто опустились на меня, когда я узналъ, что эта кровать моя. Въ ней, казалось мнѣ, будетъ почти такъ же пріятно какъ подлѣ отца.

— А вамъ развѣ она не нравится, мистрисъ Вадди? сказалъ я.

Она улыбнулась и вздохнула.

— Какъ не нравится! Разумѣется, нравится! Только я боюсь какъ бы она не исчезла.

Мистрисъ Вадди грустно потупилась.

Я слишкомъ многимъ былъ занятъ, иначе я спросилъ бы ужь не обнаружилъ ли въ чемъ новый восхитительный домъ мой склонности къ исчезновенію. Мнѣ казалось, судя по моему опыту, что я одинъ только быстро переношусь съ мѣста на мѣсто, и главною заботой моею было какъ бы кто-нибудь внезапно не умчалъ меня. Вечеромъ меня представили кружку джентльменовъ дившихъ вино послѣ обѣда съ моимъ отцомъ. Они захолопали руками и громко захохотали, когда я сказалъ имъ что вѣроятно короли не нашедшіе себѣ мѣста на окнахъ сошли внизъ въ погреба.

— Они идутъ туда, сказалъ отецъ мой. Онъ выпилъ стаканъ вина и глубоко вздохнулъ.—Уходятъ они, господа, какъ доброе вино, какъ старый портвейнъ, который, говорятъ, тоже уходитъ. Удостоите выпить за здоровье Ричмонда Роя младшаго.

Они отъ души выпили за мое здоровье, но отецъ мой впалъ въ раздумье, прежде чѣмъ я вышелъ изъ комнаты.

Бѣда верхомъ, уроки гимнастики, уроки французскаго языка у Француженки-гувернантки, при появленіи которой отецъ всякій разъ какъ будто собирался танцовать мишууетъ, до такой степени преисполнялся онъ изысканною любезностью, уроки латинскаго языка у учителя, котораго отецъ приглашалъ обѣдать разъ въ двѣ недѣли, но не удостоивалъ особеннаго вниманія, развѣ только что отъ времени до времени записывалъ подъ его диктовку латинскія сентенціи въ карманную книжку, — таковы были занятія наполнявшія мое утро. Отецъ мой сказалъ человѣку обучавшему меня искусству бокса что наше семейство всегда покровительствовало его

ремеслу. Я всякій день боролся десять минутъ съ сыномъ этого человѣка и всякій разъ онъ валялъ меня. Въ хорошіе дни, меня одѣвали въ черный бархатъ, и мы катались по парку, гдѣ отецъ кланялся очень многимъ и былъ предметомъ общаго вниманія.

— Наша обязанность помнить имена и лица, не забывай этого, милый Ричи, говорилъ онъ. — Мы вѣздили въ его ложу въ оперу; мы лосѣщали верхнюю и нижнюю лалату, и мой отецъ, жалуясь на уладокъ британскаго краснорѣчія, жалѣя о дядяхъ Чатама и Вильяма Питта (нашего стараго пріятеля), и Берка, и Шеридана, поощрялъ однако ораторовъ одобрительнымъ шепотомъ. Отецъ мой уже не настаивалъ чтобъ я изучалъ родословныя знатныхъ домовъ.

— Теперь ты въ самой атмосферѣ, говорилъ онъ,—все это придетъ само собой. Я освѣдомлялся не буду ли я внезапно перенесенъ на какое-нибудь новое мѣсто? Онъ увѣрялъ меня что это невозможно, развѣ земля пошатнется. Это меня успокоило, ибо я вполне полагался на стойкость земли. Мы говорили о нашихъ воскресныхъ прогулкахъ въ соборъ Св. Петра и Вестминстерское аббатство, какъ о времени имѣвшемъ свою прелесть. Наше отдѣленіе среди избранныхъ прихожанъ болѣе нравилось отцу. Церковная ключница никому такъ низко не присѣдала, какъ ему. Мнѣ же недоставало памятниконъ, нагѣвовъ и чего-то еще, чего я самъ не зналъ. При первыхъ признакахъ задумчивости во мнѣ, отецъ встревожился. Довольно долго пришлось мнѣ простоять предъ нимъ и мистрисъ Вадди, съ высунутымъ языкомъ, словно драконъ на обояхъ. Онъ взялся опять за прежнюю игривость, стараясь быть такимъ же какимъ былъ въ квартирѣ мистрисъ Вадди. Потомъ мы стали читать вмѣстѣ сказки *Тысячи и одной ночи*, или лучше сказать, онъ ихъ читалъ мнѣ, и часто представлялъ событія ихъ въ лицахъ во время нашихъ прогулокъ. Когда отецъ спрашивалъ у меня уроки, онъ являлся грознымъ африканскимъ чародѣемъ, которому надо отдать все что я добылъ—и кольцо, и ржавую лампу. Мы часто встрѣчали прекрасныхъ Персіанокъ. Отецъ говаривалъ что во многихъ отношеніяхъ походитъ на трехъ странствующихъ дровишекъ. Чтобы позабавить меня, когда я выздоравливалъ отъ кори, онъ нанялъ актера въ театрѣ, новязалъ ему вкругъ шеи полотенецъ, посадилъ его на стулъ, намылилъ ему лицо, и сталъ разыгрывать надъ нимъ роль цирюльника. Никогда я въ жиз-

ни такъ не смѣлся. Бѣдная мистрисъ Вадди ухватилась руками за бока и только восклицала:—Ахъ, Боже мой! Господи! А цирюльникъ тѣмъ временемъ бѣгалъ въ другую комнату справляться съ воображаемымъ гномомъ, и мы слышали какъ онъ громогласно вопрошалъ дозволяетъ ли положеніе солнца продолжать бритье несчастнаго юноша. Потомъ онъ возвращался съ цирюльничьей суетливостью, какъ будто довольный благоприятнымъ отвѣтомъ свѣтилъ. Прислуги позволено было глядѣть на эту сцену. Но какъ только юноша былъ добритъ, отецъ отослалъ его тономъ господина. Удивительно ли что его любили? Мистрисъ Вадди спрашивала: можно ли его не любить? Помню какъ испугался я, когда она однажды заговорила о томъ что онъ можетъ жениться во второй разъ. Къ любви моей пригнѣшалась какая-то романтическая вѣжность: я почувствовалъ что мы съ отцомъ одни на свѣтѣ. Держать его за руку было для меня наслажденіемъ. Я думалъ серьезно о принцѣ Ахметѣ, и доброй и прекрасной Перибану, на которой охотно допустилъ бы отца жениться. Любимымъ мечтаніемъ моимъ было что онъ стрѣляетъ изъ лука въ цѣль, и не получаетъ награды потому что не можетъ найти стрѣлу свою, и отправляется искать ее, и приходитъ къ зеленымъ горамъ, а потомъ въ каменистую пустыню, гдѣ наконецъ находитъ стрѣлу свою на огромномъ разстояніи отъ стрѣльбища; кругомъ его пустыня, и прелестнѣйшая изъ всѣхъ волшебницъ выходитъ предъ нимъ изъ земли. Въ отсутствіи его я тосковалъ по немъ, ревновалъ его. Во время этой сказочной жизни нашей, мы слетали на коврѣ-самолетѣ на европейскій материкъ, гдѣ я заболѣлъ и излѣчился, понюхавъ яблоко; отецъ направлялъ движенія наши, съ помощью телескопа, который показывалъ намъ названіе гостиницъ, готовыхъ принять насъ. Города же, и соборы, и жаркія долины подъ горами, и рѣки и замки были для меня какъ бы живую, географическую книгу, открывающуюся и закрывающуюся наудачу. Странствованіе изъ мѣста въ мѣсто такъ похоже было на жизнь которую велъ я прежде, что я поминутно готовъ былъ и смѣяться и плакать и мгновенно переходить отъ одного настроенія къ другому. Въ одинъ прекрасный день, я очутился въ гондолѣ съ молодою дѣвушкой. Отецъ мой подружился со многими на пути, въ томъ числѣ и съ ея родителями. Она влюбилась въ меня и радовалась имени Перибану, которое я далъ ей за ея прекрасныя рѣчи о полосатыхъ столбахъ, изъ-подъ которыхъ

брызжутъ фонтаны жемчуга, если вытащить ихъ изъ земли, о чертогахъ прилетѣвшихъ съ отдаленнѣйшихъ концовъ свѣта, о городѣ внезапно исчезнувшемъ ночью и оставившемъ по себѣ лишь пустынные волны, которыя катясь шепчуть: „гдѣ? гдѣ?“ Я охотно согласилась бы на бракъ ея съ отцомъ. Она для меня была какъ отдыхъ и сонъ, какъ тихое море и блестящій жемчугъ. Мы условились переписываться всю жизнь. Звали ее Клара Гудвинъ. Она просила меня, когда захочу писать ей, всегда заходить въ казармы конной гвардіи, чтобъ узнать въ какой части свѣта обрѣтается полковникъ Гудвинъ. Я же не могъ дать ей постоянного адреса, и вмѣсто того разказалъ свою исторію съ самаго начала. Вамъ писать все тоже что писать рѣкѣ текучей, сказала она, и требовала чтобъ я оставилъ гадкое имя Рой, когда вырасту. Отецъ мой поссорился съ полковникомъ Гудвиномъ. Много мѣсяцевъ спустя, мнѣ казалось что я только сейчасъ разученъ съ Кларой, но она видѣлась мнѣ въ туманѣ невозвратно утраченномъ. У меня не было другой подруги.

Плодомъ нашей поѣздки были двѣнадцать дюжинъ отличнѣйшаго бургундскаго вина, которыя отецъ намѣревался сложить въ дилвельской фермѣ, чтобъ онѣ были вылиты въ день моего совершеннолѣтія, когда, по выраженію отца, я сдѣлаюсь юридическимъ лицомъ и попыаю на собственномъ кораблѣ.

— Я не отвѣдываю вина. Я, Богъ дастъ, выпью въ этотъ день портеру, сказала мистрисъ Вади.

Отецъ мой поглядѣлъ на нее съ сожалѣніемъ и приказалъ ей отправить вино въ Дилвель, что и было сдѣлано. Онъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни и сказалъ выразительно:

— Ричи! двѣнадцать дюжинъ лучшаго вина, какое можетъ пить человекъ, ожидаютъ тебя на порогѣ совершеннолѣтія. Немногіе отцы могутъ сказать это своимъ сыновьямъ. Если мы выпьемъ вино это вмѣстѣ, счастливъ будетъ тотъ день. Если меня заколотятъ въ длинный ящикъ,—голосъ его дрогнулъ,—если я, ловимаясь, отправлюсь внизъ къ Перибану, прибавилъ онъ,—помни что отецъ твой самъ выбралъ это вино и велѣлъ разлить при себѣ, пока ты спалъ въ императорской комнатѣ, въ старинномъ бургундскомъ городѣ, и покаялся что какъ бы ни было, сынъ его, вступая въ совершеннолѣтіе, будетъ пить царское вино.

Отецъ мой говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, лицо его

раскраснѣлся. Я обѣщала ему что отправлюсь въ Дилвелъ къ двадцать первой годовщинѣ моего рожденія; онъ же обязался присутствовать тамъ, если возможно тѣломъ, а не то такъ духомъ. Мы заключили разговоръ этотъ нѣсколькими слезами. Мысль о великомъ предстоящемъ намъ днѣ привела меня въ возбужденное состояніе. Мистрисъ Вадди, напротивъ, впадала отъ этой мысли въ грустное раздумье. „Богъ вѣсть гдѣ будемъ мы тогда“, вздохнула она. „Она плаксивая женщина“, сказалъ отецъ мой презрительно. Они все какъ-то не ладили другъ съ другомъ, несмотря на ея безграничную преданность отцу моему. Онъ грозилъ мгновенно выдать ее за кого-нибудь замужъ, если она будетъ надѣяться ему своимъ, какъ онъ выражался, ваддизмомъ. Она привыкла восклицать въ заключеніе своихъ замѣчаній: „Такъ ли, иначе ли, часъ нашъ скоро пробьетъ!“ Эти слова поселили во мнѣ смутное опасеніе что внезапно въ одной изъ стѣнъ отворится дверь и мы перейдемъ подземными ходами въ другую страну. Отецъ мой по-своему укрощалъ ея тревогу: онъ призывалъ своего повара, нѣкоего монсьеуръ Alphonse, смѣшнѣйшаго изъ Французовъ, и заказывалъ ему шесть званыхъ обѣдовъ сразу. „Вотъ теперь, мистрисъ Вадди, вамъ будетъ чѣмъ занять умъ свой“, говорилъ онъ. И судя по спокойствію, тотчасъ же ею овладѣвавшему, это средство излѣчивало на время ея болѣзнь. Бѣдняжка торопливо отправлялась слѣдомъ за монсьеуръ Альфонсомъ и не произносила ни одной жалобы, пока продолжались обѣды. Но носились слухи что съ ней дѣлаются припадки въ верхнемъ этажѣ. Какъ только слухи эти дошли до моего отца, онъ сталъ уличать ее въ непослушительной слабости и объявилъ что намѣренъ произвести радикальное лѣченіе, хотя бы это повлекло его въ безграничные расходы. Былъ у насъ балъ и алладанокій ужинъ; двѣ недѣли отецъ мой нанималъ почтальйономъ; мы носились по Лондону. Отецъ держалъ пари за одну лошадь на Элсомской скачкѣ только потому что ее звали Королевскій Принцъ. Лошадь эта выиграла, что, какъ увѣрялъ онъ, могло служить доказательствомъ какъ благоразумно стоять въ нашей странѣ за королевство. Онъ объяснялъ мнѣ что если ѣздить парой, на него сравнительно мало обращаютъ вниманія, а видя четверню съ почтальйономъ, народъ тотчасъ же снимаетъ предъ нимъ шапки и готовъ цѣловать ему руки.

— Попробуемъ красную ливрею въ одинъ изъ нашихъ выѣздовъ, Ричи, сказалъ онъ.

Мистрисъ Вадди, слышавшая эти слова, воскликнула:

— Это запрещено закономъ!

— Кому, сударыня? отозвался отецъ.

— Только лица принадлежація... начала было она, но отецъ страшно нахмурился; она остановилась и расплакалась такъ что мнѣ стало жаль ее.

Отецъ тотчасъ отправился заказывать красную ливрею. Онъ былъ очень взволнованъ. Тутъ мистрисъ Вадди, обнявъ меня, сказала:

— Милый мой мистеръ Ричмондъ, маленькій мой Гарри, готовьте дѣтское сердечко свое къ тяжелымъ днямъ!

Я увидѣлъ въ этой непонятной рѣчи нападку на моего отца и сталъ сильно бранить ее. Пока я горячо говорилъ, дверь передней отворилась; я выбѣжалъ и увидѣлъ тетушку Дороти, въ сопровожденіи мистера Баввербриджа. Меня цѣловали и обнимали не знаю сколько, пока наконецъ на меня повѣло воздухомъ Риверсли, и старый домъ мой сталъ казаться мнѣ ближе новаго. Тетушка, увидѣвъ слезы на моихъ щекахъ, спросила о чемъ я плачу. Я тотчасъ же изалилъ потокъ жалобъ на мистрисъ Вадди за нападку на моего отца. Услышавъ о красной ливреѣ, тетушка всплеснула руками.

— Этотъ человѣкъ скоро проживетъ и умъ, и деньги, замѣтилъ мистеръ Баввербриджъ.

Тетушка сказала мнѣ:

— Мой милый Гарри скоро вернется въ свою хорошенькую комнатку, къ дѣдушкѣ. Не правда ли, душа моя? Ты все найдешь тамъ по-старому, кромѣ бѣдной мамаша. „Подѣвай моего мальчика, моего Гарри... Гарри Ричмонда“. Таковы были послѣднія слова ея на смертномъ одрѣ, прежде чѣмъ отошла она къ Богу, милый Гарри. Тамъ все по-прежнему: и новыя Саллонъ, и собачка твоя, Привецъ, и ягнечокъ Дэви, сдѣлавшіяся уже барашкомъ, и мальчикъ рабочій Дикъ, въ большихъ салогахъ.

И много еще подобныхъ сладкихъ рѣчей, отъ которыхъ лицо мое то свѣтлѣло, то омрачалось, и захотѣлось мнѣ побывать въ Риверсли, взглянуть на могилу матери и на друзей моихъ.

Тетушка Дороти поглядѣла на меня.

— Пойдемъ, сказала она,—пойдемъ со мною, Гарри.

Дрожь ея мгновенно сообщилась мнѣ. Я сказалъ: „да“, хотя сердце во мнѣ упало, будто съ этимъ словомъ я лишился отца.

Она схватила меня за руки, шепча: „Осуши ты наши слезы, развесели опять домъ нашъ! О, съ той ночи какъ Гарри ушелъ.... теперь я ужъ мамаша Гарри.“

Я посмотрѣлъ, есть ли у ней на лбу прядь бѣлыхъ цвѣтовъ, которую мать моя всегда носила, и подумалъ о письмѣ отца съ черною каймой. Я оказалъ что пойду, но радость моя исчезла. Въ дверяхъ насъ остановила мистрисъ Вадди. Ничѣмъ нельзя было убѣдить ее выдать меня. Мистеръ Баннербриджъ попробовалъ вступить съ нею въ разсужденія, и изложилъ, какъ выражался онъ, дѣло которое давно уже какъ будто душило его. Онъ говорилъ о моей будущности, о единственной надеждѣ для меня получить воспитаніе, приличное внуку джентльмена хорошаго стараго семейства; о томъ какъ отецъ растратилъ материнское состояніе, какъ, по всей вѣроятности, растратитъ и мое; о нравственномъ долгѣ, о страшной отвѣтственности, которую беретъ на себя мистрисъ Вадди. Онъ навелъ на меня страхъ, но не тронулъ меня, какъ тетюшкино описаніе Риверсли; и когда мистрисъ Вадди, повидимому укрощенная, жалобно спросила меня: „Мистеръ Ричмондъ, вы согласитесь оставить палашу?“ я вскричалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, никогда я не оставляю палашу!“ и вырвался изъ рукъ тетюшки. Вернулся отецъ мой; меня удалили, но я слышалъ какъ онъ предлагалъ имъ распорядиться его домомъ и всею чѣю у него есть. Тетюшка уходя подѣловала меня и шепнула: „Приходи къ намъ, когда будешь свободенъ; думай о насъ когда молиться“. Она была вся въ слезахъ. Мистеръ Баннербриджъ потрепалъ меня по головѣ. Дверь затворилась за ними, и мнѣ показалось что это лишь промелькнувшее предо мной видѣніе. Но отецъ привелъ меня въ ужасъ разными вопросами, указывавшими на возможность разлуки съ нимъ. Онъ какъ-то представлялъ моего дѣда въ такихъ черныхъ краскахъ что я серьезно заявилъ готовность скорѣе умереть, чѣмъ возвратиться къ Риверсли. Я рѣшился даже никогда не произносить имени мѣста гдѣ говорятъ дурно о томъ кого я любилъ болѣе всего на свѣтѣ. „И не произноси, сынъ мой,“ сказалъ онъ торжественно, „или мы разлучены навсегда“. Я повторилъ за нимъ: „Я Рой, а не Белтамы!“ Узнавъ что честь его подверглась оскорбленіямъ въ Риверсли, я возненавидѣлъ это мѣсто. Мы въздохъ плакали, а потомъ смѣялись и должно-быть я говорилъ необыкновенно краснорѣчиво, ибо отецъ поглядѣлъ на меня и сказалъ: „Ричи, приготовить тебя въ генера-

лы британской арміи не дура; но ты обладаешь даромъ слава, званіе канцлера тоже представляетъ свои выгоды, давая возможность шепнуть иногда словечко на ухо державной власти. Вотъ дѣлъ наша, сынъ мой. Вы не хотите признать нашего рода, такъ признаете наши заслуги. Онъ горько жаловался на то что тетушка Дороти ввела въ домъ лодъячаго. Графиня мистрисъ Вадди была отпущена ей за благородное сопротивление вкрадчивымъ рѣчамъ юриста. Съ недѣлю еще ходилъ я вверхъ и внизъ по лѣстницѣ на глазахъ англійскихъ королей, глядѣвшихъ на меня съ оконъ; потомъ два гадкихъ челоуѣка вошли въ домъ и очень смутили меня, хотя отецъ мой былъ съ ними чрезвычайно любезенъ и оставилъ ихъ вочевать, говоря что они старинные его арендаторы. На слѣдующій день появилась наша красная ливрея. Вмѣнивъ мистрисъ Вадди въ обязанность тщательно исполнить его приказанія, отецъ сѣлъ со мной въ экипажъ, смѣясь надъ ея печальными глазами и надутыми губами. „Съ меня горе свалилась“, замѣтилъ онъ, и спросилъ меня: „не утомленъ ли я пышностью“. Я прочелъ ожидаемый отвѣтъ на его лицѣ и сказалъ что утомленъ и желалъ бы прямо отправиться въ Дилвелъ. „Тамъ бургундское покоемъ мирно,“ сказалъ отецъ и задумался. Необыкновенный былъ день. Люди останавливались глядѣть на насъ. За городомъ нѣкоторые снимали шапки и кричали. Хозяева трактировъ гдѣ мы мѣняли лошадей стояли безъ шапокъ у двери до нашего отъѣзда, и я по примѣру отца серьезно приподнималъ шляпу и кланялся людямъ приветствовавшимъ насъ на дорогѣ. Я и не старался узнать причину этой чрезмѣрной почтительности; а начиналъ уже къ этому привыкать. На склонѣ горы, гдѣ большая дорога спускается къ городу, мы остановились предъ высокою красною стѣной, за которою слышались крики играющихъ мальчиковъ. Мы пошли къ нимъ въ сопровожденіи содержателя школы. Отецъ мой далъ денегъ первому ученику. Послѣ завтрака съ содержателемъ и его дочерью, которую я поцѣловалъ по ея просьбѣ, мальчикамъ былъ объявленъ праздникъ. Какъ громко и весело кричали они! Молодая дѣвушка замѣтила мою радость и стояла со мной у окна, пока мой отецъ разговаривалъ съ ея отцомъ. Долго потомъ мнѣ еще видѣлось какъ разговаривали они, то-есть отецъ мой дѣлалъ свои распоряженія, а мистеръ Рилленджеръ выслушивалъ ихъ, какъ покорный вассалъ. Результатомъ было то что, не возвращаясь болѣе домой, я

черезъ два дня сдѣлался лучшимъ другомъ Джуліи Риппенджеръ и младшимъ ученикомъ въ школѣ. Отецъ сказывалъ мнѣ потому что двѣ ночи провели мы въ гостиницѣ. Память переноситъ меня прямо отъ кареты и красной дивреи на мѣсто моего заключенія.

Г Л А В А V.

Я приобретаю дорогаго друга.

Геріотъ былъ героемъ нашей школы. Бодди былъ одинъ изъ нашихъ надзирателей. Оба они были влюблены въ Джулію Риппенджеръ. Я же имѣлъ счастья пользоваться ея предпочтеніемъ въ продолженіи довольно долгаго времени, въ теченіе котораго я, хотя и не жилъ болѣе въ роскоши, и бархатные мои костюмы стали уже изнашиваться, а объ отцѣ моемъ не было ни слуху ни духу, все-таки былъ еще довольно счастливъ. Джулія расточала мнѣ свои поцѣлуи при всякомъ удобномъ случаѣ; но въ то же время она всегда такъ восхищалась всякаго рода героизмомъ и смѣлостью, что мнѣ настолько же трудно было обаяться, какъ нѣкогда Ахиллу, передѣтому дѣвочкой. Ей было семнадцать лѣтъ; возрастъ одинаково лѣтнительный, какъ для мальчиковъ, чувствующихъ свое ничтожество, такъ и для мушкетъ, чувствующихъ свое превосходство. Школа никакъ не могла объяснить себѣ близкое родство ея со старикомъ Риппенджеромъ. Невозможно было себѣ представить какимъ образомъ могло вырасти подобное яблочко на такомъ кривомъ, уродливомъ деревѣ. Геріотъ выражалъ надежду что Бодди женится когда-нибудь на настоящей дочери Риппенджера, то-есть на розгѣ. Я пересказалъ это остроумное изреченіе Джуліи, которая разсмѣялась, внявъ его однако за дерзость. Она показала мнѣ портретъ своей покойной матери, ирландской дамы, съ длинными, темными рѣсницами; Джулія очень походила на нее. Я разказалъ объ этомъ портретѣ Геріоту, и такъ какъ я пользовался преимуществами, не достававшимися кромѣ меня никому изъ мальчиковъ, имѣя право бывать у нея во всякое время дня, исключая часовъ ученія, то онъ сказалъ мнѣ чтобъ я попросилъ ее показать этотъ портретъ и ему. Она на минуту задумалась и отказала. Геріотъ, услыжавъ объ этомъ немилостивомъ отказѣ, заложилъ обѣ руки въ карманы и оставилъ

игру въ крикетъ. Мы видѣли какъ онъ присломился къ стѣнѣ, прямо противъ ея оконъ, между тѣмъ какъ толпа мальчиковъ окружила его, умолая принять участіе въ игрѣ, которая должна была служить упражненіемъ къ предстоящему состязанію нашему съ другою школою, нашею соперницей. И только изъ оласенія чтобы наша школа не осталась побѣжденной ради ея немилости, Джулія передала мнѣ портретъ, съ торжественнымъ приказомъ доставить его вскорѣ назадъ. Я, конечно, обѣщаль исполнить ея приказаніе. Геріотъ ушелъ въ свой любимый уголокъ на лужайкѣ, и тамъ долго глядѣль на портретъ, цѣлуя его: затѣмъ онъ спряталь его подъ своею курткою, застегнувъ ее на все луговицы, и заворчалъ на меня, когда я попросилъ возвратить мнѣ портретъ. Джулія испугалась и послала меня умолять его.

— Слушай, юноша, сказалъ мнѣ Геріотъ:—ты славный мальчуганъ и я очень люблю тебя; но скажи ей что я повѣрю только ея собственноручному посланію; если она хорошенько попроситъ меня объ этомъ въ письмѣ, то я возвращу ей этотъ портретъ. Скажи ей что я только хочу заказать копію съ него первокласному художнику.

Джулія расплакалась отъ его жестокости, называя его злымъ, безжалостнымъ обманщикомъ. Она написала ему, но письмо это ему не понравилось, и онъ сердито отвѣчалъ на него. Во время утренней и вечерней молитвы жалко было видѣть ея умоляющіе взгляды и опущенныя рѣсницы. Я догадался что Геріотъ требоваль отъ нея, въ своихъ письмахъ, чтобы она призналась ему въ чемъ-то, въ чемъ она не хотѣла признаваться. — Я больше не буду лгать; передайте это ему, милый мой, сказала она мнѣ, и слѣдствіемъ неблагодарности и упрямства Геріота было то что на освященіи новой церкви она, въ глазахъ всѣхъ насъ, взяла Бодди подъ руку и стала расхаживать съ нимъ взадъ и впередъ. Геріотъ не опускаль съ нихъ глазъ; губы его сжались, а руки неподвижно опустились. Вечеромъ того же дня я доставилъ ей длинное посланіе отъ него. Она разорвала его въ клочки, не читая.

На слѣдующій день, Геріотъ медленными шагами прошелъ мимо Бодди, держа портретъ въ рукахъ. Надзиратель окликнулъ его.

— Что у васъ въ рукахъ, Геріотъ?

Герой мой остановился.

— Это фамильный портретъ, отвѣчалъ онъ, кладя его въ карманъ и устремивъ взглядъ на окно Джудии.

— Позвольте взглянуть, сказалъ мистеръ Бодди.

— Позвольте вамъ отказать, отвѣчалъ Геріотъ.

— Посмотрите-ка на меня, воскликнулъ Бодди.

— Я предпочитаю смотрѣть въ другую сторону, возразилъ Геріотъ; Джудія показала въ эту минуту въ окнѣ.

— Я учтиво просилъ васъ, продолжалъ Бодди; я просилъ у васъ позволенія взглянуть на портретъ; я съ намѣреніемъ употребилъ это выраженіе: просилъ у васъ позволенія...

— Нѣтъ, вовсе не просили, перебилъ его Геріотъ; вы можете-быть только хотѣли такъ выразиться; но вы не употребили слова: позволеніе.

— А вы дерзко отвѣтили мнѣ, продолжалъ Бодди, лице котораго стало очень грозно; вы вѣрно стащили что-нибудь; вы надули меня, вы скрыли что несли съ собой.

— И несу *теперь*, поправилъ его Геріотъ; и намѣренъ скрыть наперекоръ всѣмъ, очень внятно пробормоталъ онъ.

— Какъ негодяй, захваченный въ покражѣ, заревѣлъ Бодди, вы спрятали.

— И прачу.

— А я требую, во имя моей обязанности, чтобы вы сейчасъ же предъявили мнѣ эту вещь, сію же минуту, здѣсь, немедленно, безъ разговоровъ; разстегнитесь, не то я позову мистера Рилленджера.

Я стоялъ рядомъ съ моимъ храбрымъ Геріотомъ, съ легкою дрожью во всѣхъ членахъ, хотя и любовался его мужествомъ. Онъ твердо выставилъ лѣвую ногу впередъ и сказалъ именно такимъ тономъ который долженъ взбѣсить надзирателя:

— Я скрывалъ и скрываю; несъ и несу. Вы требуете чтобы я предъявилъ вамъ то чего не хочу показать никому. Позвольте мнѣ со всевозможнымъ уваженіемъ замѣтить вамъ что фамильный портретъ вещь неприкосновенная для сына джентльмена.—На, Ричи, бѣги!

Портретъ очутился въ моей рукѣ, а Геріотъ между мною и Бодди, въ положеніи игрока въ барры, не допускающаго въ свои ряды противника. Онъ увидалъ голову мистера Рилленджера, выглядывающую изъ-за рѣшетки. Я могъ видѣть какъ Геріотъ вступилъ въ борьбу съ надзирателемъ, еще

не выбѣжавъ за калитку въ садъ, гдѣ я уламъ въ объятія Джуліи, привлеченной сюда ожиданіемъ ужасной катастрофы.

Геріота обвинили лишь въ дерзости. Обычное наказаніе за это, состоявшее изъ пятисотъ строкъ изъ Виргилія, было принято имъ съ презрительнымъ хладнокровіемъ.—Позвольте мнѣ выбрать эпизодъ о Дидонѣ, вотъ все чтó отвѣтилъ онъ Рилленджеру; вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ мальчиковъ сейчасъ же бросились изучать исторію Дидоны; но Геріоту досталось сраженіе съ Турномъ. Участіе принятое мною въ этомъ приключеніи приобрѣло мнѣ дружбу Геріота, не причинивъ мнѣ притомъ ни малѣйшей неприятели.

— Пала никогда не накажетъ васъ, сказала мнѣ Джулія, и я проникся сознаніемъ своего исключительнаго положенія. Неудивительно что это сознаніе утвердилось во мнѣ, ибо мистеръ Рилленджеръ, постоянно распространялся, въ моемъ присутствіи, при своихъ гостяхъ, о величіи моего отца. Пользуясь позволеніемъ обращаться къ нему за карманными деньгами, не стѣсняясь количествомъ суммы, я поддерживалъ въ школѣ отцовскую славу.

Повременамъ, особенно при наступленіи каникулъ и праздниковъ, когда я оставался одинъ съ Джуліей, на меня напала тоска, и я считалъ другихъ мальчиковъ чуть ли не счастливѣе себя. Возвращеніе домой стало казаться мнѣ недостижимымъ блаженствомъ. Мнѣ казалось также что имѣть настоящаго отца вмѣсто блестящаго ангела, появляющагося отъ времени до времени, немалое счастье, могущее служить вознагражденіемъ прочимъ мальчикамъ за то что у нихъ отцы не такіе какъ мой. Я утѣшалъ себя въ своемъ горѣ тѣмъ что писалъ отцу письма, адресуя ихъ на имя миссъ Джуліи Рилленджеръ и кладя ихъ въ ея рабочую корзинку, служившую мнѣ почтовымъ ящикомъ. Она удостоивала меня смѣшными отвѣтами, подписывая подъ своими посланіями „твой многолюбящій тебя папа“ и описывая въ нихъ битвы съ бенгальскими тиграми и ловли бѣлыхъ словонъ; благородныя занятія эти возбуждали во мнѣ тревожныя и въ то же время отрадныя мечты. Наконецъ пришло и дѣйствительное письмо отъ него, со штемпелемъ иностраннаго города; но въ немъ онъ не упоминалъ ничего о своемъ пріѣздѣ ко мнѣ. Я увидалъ въ то же время что письмо это обмануло ожиданія мистера Рилленджера. Мало-по-малу точно какое-то облако омрачило мой горизонтъ. Я пересталъ просить у него де-

негъ; меня одѣли въ простое суконное платье, изгнали изъ семейной столовой и позволяли навѣщать Джулію только по воскресеньямъ. Тогда я пересталъ жить собственною жизнью. Во все время ученія, въ рекреационные часы, въ постелѣ, вплоть до звука утренняго звонка, я мысленно гнался вслѣдъ за моимъ отцомъ по невѣдомой странѣ, обыкновенно въ виду заходящаго прямо противъ меня солнца; я воѣ будто бы бѣжалъ изъ лѣсу къ ручью, въ который оно опускалось, и потерявъ его изъ виду, чувствовалъ себя какъ бы окруженнымъ со всѣхъ сторонъ мракомъ, возвращавшимъ мнѣ осязаніе дѣйствительности, которое, не особенно огорчая меня, странно удивляло. Зачѣмъ былъ я разлученъ съ нимъ? Я могъ отлично повторять вслухъ мои уроки, среди этихъ мечтаній; но внезапное пробужденіе мое отъ нихъ, въ кругу мальчиковъ, заставляло меня запинаться во время отвѣта учителю и задавать себѣ вопросъ: отчего же я здѣсь, а онъ далеко отъ меня? Мальчики перестали уже разчитывать на вторичный правдикъ съ угощеніемъ отъ моего отца, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное имъ на нашу школу, было такъ сильно что даже когда я очутился уже на равной ногѣ съ ними, они все-таки продолжали оказывать мнѣ разныя преимущества. Я умѣлъ разказывать о чужестранныхъ городахъ и о разныхъ исторіяхъ, и кромѣ того находимся еще подъ непосредственнымъ покровительствомъ Геріота. Но вскорѣ ожиданіе большаго горя сжало мнѣ сердце; мой дорогой Геріотъ объявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи оставить на слѣдующее полугодіе нашу школу.

— Я не могу слышать что человѣкъ у котораго не хватаетъ духу побить меня, какъ мужина, молится объ отпущеніи грѣховъ моихъ утромъ и вечеромъ.

Мистеръ Рилленджеръ имѣлъ обыкновеніе упоминать во время общихъ молитвъ о главнѣйшихъ преступникахъ нашей школы, какъ объ юношахъ сердца которыхъ онъ желалъ бы отратить отъ зла. Онъ вѣчно подозрѣвалъ какіе-нибудь злые замыслы противъ себя; было ужасно неприятно слышать, стоя неподвижно на колѣняхъ у нашихъ скамеекъ, какъ онъ постоянно намекалъ на какіе-то глубоко задуманные, важные школьные разговоры, и затѣмъ, глубоко вздохнувъ, говорилъ: — да будетъ обращено на путь истинны сердце Вальтера Геріота и да удостоится онъ всѣхъ благословеній и пр. Вмѣстѣ съ именемъ Вальтера Геріота чаще всего упоминались имена Джо-

на Сальтера, Андрию Саддльбенка, нашего лучшаго игрока въ крикетъ и забавнѣйшаго на свѣтѣ мальчика, и маленькаго Гуса Темля. Они увѣряли что всякій разъ отвѣчали на это: Амивъ, подобно Геріоту, но никто изъ насъ еще ни разу не слышалъ изъ ихъ устъ этого надменнаго изъявленія согласія. Геріотъ же произносилъ это слово всегда ясно и свободно, и при этомъ трепеть пробѣгалъ каждый разъ по всему тѣлу Джуліи, стоявшей на колѣняхъ, съ наклоненнымъ къ стулу лицомъ, прямо около кафедры своего отца. Товарищи мои осыпали меня разъ поздравленіями за то что я, подобно пѣвчому, пропѣлъ „Амивъ“ еще громче Геріота, хотя и не могъ такъ же хорошо вытянуть послѣднюю ноту, послѣ того какъ Риппенджеръ сталъ разъ, къ удивленію моему, молиться о смягченіи сердца „юноши извѣстнаго намъ подъ именемъ Ричмонда Роя.“ Я сдѣлалъ это, слѣдуя минутному влеченію. Мистеръ Риппенджеръ бросилъ на меня взглядъ, сходя съ кафедры. Джулія казалась огорченною. Что же касается до меня, то я былъ въ восторгѣ что мнѣ удалось уподобиться въ чемъ-либо Геріоту.

— Юный Ричмондъ, ты маленькій герой, сказалъ онъ, лаская меня.

— Я видѣлъ какъ старикъ Риппенджеръ шелнулъ что-то на ухо этому скотинѣ Бодди. Но не безпокойся; пока я здѣсь, я не дамъ тебя въ обиду. Крѣпчай, вотъ въ чемъ должна быть твоя главная задача. Я бы желалъ чтобъ они какъ-нибудь посѣкли тебя, только для того чтобы посмотреть можешь ли ты не хныкать при этомъ; но я не желалъ бы, однако, чтобы тебѣ круто пришлось, мой крошка.

Онъ приподнялъ меня и прижалъ къ себѣ.

— Для тебя, Геріотъ, я на все готовъ, отвѣчалъ я.

— Хорошо, хорошо, возразилъ онъ, желая отъ души чтобы мнѣ никогда не пришлось пострадать изъ-за него.

Онъ обладалъ неподражаемымъ даромъ какъ-то особенно нѣжно произносить нѣкоторыя слова; даръ этотъ привязывалъ къ нему всѣхъ младшихъ мальчиковъ, способныхъ ощутить эту особенность, подобную неизъяснимому вліянію музыки. Мнѣ кажется, это самое привязывало къ нему и молодыхъ женщинъ. Джулія часто повторяла нѣкоторыя изъ его фразъ, какъ-то напримѣръ: „Глупенькій, глупенькій мальчуганъ“, что онъ всегда говорилъ, махнувъ при этомъ рукой, когда какой-нибудь маленькій мальчикъ благодарилъ его за

что-нибудь. Она сердилась на него за поощреніе во мнѣ того что она называла дерзостью въ отношеніи къ ея отцу и увѣряла что я служу Геріоту средствомъ постоянно раздражать старика.

— Скажи Геріоту отъ меня что ты мой и чтобъ онъ не смѣлъ тебя портить, сказала она.

Онъ отвѣчалъ на это что требуетъ отъ нея письменнаго повторенія этого приказа. Она просила его возвратить ей ея прежнія письма. Затѣмъ онъ поручилъ мнѣ отнести ей длинное посланіе, изъ-за котораго мы и попались въ бѣду. Мистеръ Бодди сидѣлъ въ класной, въ которой Геріотъ прилежно работалъ перомъ, въ одно дождливое воскресенье. Его прощательныя, маленькіе глазки безлоктиво двигались въ его лаской птичьей головѣ во все время пока Геріотъ писалъ. Онъ увидалъ потомъ что Геріотъ передалъ мнѣ какую-то книгу; и въ ту минуту какъ я собирался идти къ Джуліи, позвалъ меня и спросилъ куда я иду.

— Къ миссъ Рилленджеръ, отвѣчалъ я.

— Что вамъ тамъ нужно?

— Мнѣ нужно отнести ей книгу.

— Покажите книгу?

Я въ недоумѣніи остановился.

— Эту книгу далъ ему я, сказалъ Геріотъ, вставая.

— Я посмотрю годится ли эта книга маленькому мальчику, сказалъ Бодди, и прежде нежели Геріотъ успѣлъ помѣшать ему, тряхнулъ книгой, и письмо выпало изъ нея. Оба вдругъ подскочили чтобы поднять его; они стукнулись головами, но Геріотъ былъ проворнѣе; онъ схватилъ письмо и закричалъ мнѣ: „бѣги“, какъ и тогда при подобномъ же случаѣ. Но на этотъ разъ онъ не стоялъ между мною и надзирателемъ. Надзиратель схватилъ меня за воротъ и началъ сурово трести.

— Теперь вы поймете что вы ничѣмъ не отличаетесь отъ другихъ мальчиковъ, Рой, сказалъ Бодди.—Негодные, избалованные мальчишки, не признающіе школьныхъ порядковъ, не терпятъ здѣсь. Вотъ ваша книга, Геріотъ. Очень жалѣю что одинъ изъ листовъ ея вырванъ, прибавилъ онъ ухмыляясь.

— А я очень жалѣю что съ бѣднымъ мальчикомъ обошлись такъ свирѣло.

— Ему лосовѣтовали избѣгать дерзости.

— О, задавайте мнѣ Виргилія, сколько вамъ угодно, возразилъ Геріотъ,—я знаю его наизусть.

Время назначенное для моего визита Джуліи прошло, и она

явилась узнать что задержало меня. Бодди всталъ чтобъ объяснить ей въ чемъ дѣло. Но Геріотъ опередилъ его, сказавъ:

— Мнѣ кажется, я долженъ объяснить вамъ это, миссъ Рилленджеръ. Дѣло въ томъ что я слышалъ отъ маленькаго Роя что вы охотница до разказовъ изъ индійской жизни, и я далъ ему для васъ книгу, чтобы вы прочли ее если вамъ угодно. Мистеръ Бодди не позволялъ ему отнести ее къ вамъ и обошелся съ юношей довольно сурово. Тутъ было вѣрно какое-нибудь недоразумѣніе съ его стороны. Вотъ не угодно ли вамъ эту книгу; она очень занимательна.

Джулія вся покрасѣла; она взяла книгу, тихонько прошептавъ что-то; поведенѣвшему надзирателю она не оказала ни слова.

— Позвольте, продолжалъ Геріотъ,—я осмѣлился написать нѣкоторыя примѣчанія къ этой книгѣ. Отецъ мой, какъ вамъ извѣстно, офицеръ индійской службы, а многія изъ выраженій этой книги будутъ непонятны вамъ безъ примѣчаній. Ручи подай сюда листокъ. Вотъ они, миссъ Рилленджеръ; будьте такъ добры положите ихъ въ книгу.

Я ото всей души надѣялся что она не откажется отъ листка. Но она, однако, отказалась, и сердце такъ и упало во мнѣ.

— О, я прочту и безъ примѣчаній, весело сказала она.

Послѣ этихъ словъ, я уже совершенно равнодушно выслушалъ какъ она просила Бодди позволить мнѣ идти съ ней, и нисколько не огорчился его отказомъ. Она положила книгу, сказавъ чтобъ я принесъ ее когда меня простятъ.

Вечеромъ, въ то время какъ мы гуляли по лужайкѣ, Геріотъ спросилъ меня соглашусь ли я оказать ему услугу, требующую смѣлости съ моей стороны, но которую онъ за то никогда не забудетъ. Она состояла въ томъ что я долженъ былъ быстро пробѣжать мимо Бодди, прохаживающагося назадъ и впередъ около калитки, ведущей къ Джуліи въ садикъ, проскользнуть туда и заставить Джулію принять его письмо. Я пустился бѣжать, прыгая какъ мячъ. Надзиратель, воображая что я слышу такъ съ цѣлью поговорить съ вами, хотѣлъ доказать мнѣ насколько онъ былъ возмущенъ моимъ поведеніемъ, ускоривъ шагъ при моемъ приближеніи; онъ прошепталъ мимо калитки, а я быстро вскопчилъ чрезъ нее въ садъ. Я только-что успѣлъ оказать Джуліи:

— Спрячьте письмо, не то я поладусь!

Письмо исчезло въ ея корсетѣ.

Въ ту же минуту она обратилась къ моему врагу съ словами:

— Вы, конечно, не накажете его за то что онъ любитъ меня?

Онъ началъ говорить о недовѣреніи, о заслуженномъ наказаніи и прочія надзирательскія фразы, однако смягчился, лживому, и я кажется впервые получилъ понятіе о власти женщины. Она самымъ кротчайшимъ образомъ навела разговоръ на то какъ дождь освѣжилъ ея цвѣты, особенно же ея бѣдныя розы.

У меня не выходило изъ головы драгоценное письмо, исчезнувшее изъ моихъ глазъ, подобно кролику прыгнувшему въ свою нору. Бодди ушелъ съ розой въ рукѣ.

— Ахъ, Ричи, сказала она,—я должна была заплатить за то что тебя оставили у меня.

Мы пошли съ ней въ бесѣдку, и тамъ она прочла съ начала до конца Геріотова письмо.

— Но вѣдь онъ еще мальчикъ! Сколько лѣтъ Геріоту? Онъ вѣдь моложе меня!

Сказавъ эти слова, она еще разъ прочла письмо, затѣмъ еще разъ, и наконецъ спрятала его у себя на груди. Во все это время я не переставалъ расточать похвалы Геріоту.

— Ты такъ говоришь о немъ какъ будто самъ влюбленъ въ него, Ричмондъ, сказала она.

— Да, я дѣйствительно очень люблю его, отвѣчалъ я.

— Такъ значитъ ты не въ меня влюбленъ? спросила она.

— Я и васъ очень люблю, когда вы только не сердите его.

— А ты знаешь чего онъ отъ меня хочетъ?

Я догадывался объ этомъ.

— Да, знаю; ему хочется посидѣть рядомъ съ вами съ полчаса.

Она возразила на это что онъ безъ того сидитъ близко около нея въ церкви.

— Это такъ, сказалъ я,—но вѣдь онъ не можетъ же тогда мѣшать вамъ слушать проповѣдь.

Она разсмѣялась и обсыпала все лицо мое веселыми поцѣлуями.

— Кажется нѣтъ ничего на свѣтѣ на что бы онъ не осмѣлился.

Мы заговорили объ его мужествѣ.

— Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрый, сказала Джулія, обращаясь больше къ самой себѣ, нежели ко мнѣ.

Но я сейчасъ же сталъ превозносить его.

— Добрый ли онъ! О, онъ такой добрый!

Это, казалось, убѣдило ее.

— Онъ такъ великодушно обращается съ вами, да и со всѣми, не правда ли? сказала она.

И затѣмъ забросала меня распросами о его добротѣ ко всѣмъ мальчикамъ, и объ ихъ обожаніи къ нему.

Когда я прощался съ ней, она поручила мнѣ сказать Геріоту:

— Вы можете сказать ему что... я на этотъ разъ не могу написать.

Геріотъ нахмурился, когда я повторилъ ему эти слова.

— Гм, вотъ какъ! пробормоталъ онъ; но въ то же мгновеніе вдругъ просіялъ.—Значить она сама придетъ!

Онъ всплеснулъ руками, а лицо его потемнѣло.

— И она дала розу этому скотинѣ Бодди? спросилъ онъ.

Я долженъ былъ признаться что дала; совѣсть упрекала меня немного за то что я выдалъ ее, и въ то же время я вирилъ ее въ измѣнѣ Геріоту.

— Вотъ какъ! продолжалъ онъ.—Ей за это достанется.

Все это для меня казалось музыкой, предшествовавшей поднятію завѣса, изъ-за котораго появится мой отецъ.

Скоро каждый любившій Геріота такъ какъ я могъ бы прочесть какую-то тайну на его лицѣ. Лицо Джулія ничего не выдавало. Меня они не избрали своимъ повѣреннымъ, къ счастью для меня; не то я, вѣроятно, оказался бы имъ лучшимъ помощникомъ, такъ мало умѣлъ я притворяться и такимъ пытливымъ распросамъ подвергался и со стороны подозрительнаго надзирателя. Но я былъ увѣренъ что Геріотъ и Джулія имѣли свиданія другъ съ другомъ. Онъ не слускалъ съ нея глазъ во время молитвъ, а ея глаза постоянно искали его черезъ наклоненныя головы мальчиковъ, пока не останавливались на немъ. Тутъ въ нихъ точно что-то вздрагивало и они быстро опускались, какъ подстрѣленная птичка. Мальчики, повидимому, подозрѣвали что любовь прокралась въ ихъ среду, они постоянно говорили о Геріотѣ и Джуліи, какъ о славной парочкѣ и о Бодди, какъ лицѣ намѣреваемомся разыграть при случаѣ роль злаго духа. Она была къ намъ добрее нежели когда-либо. То что она присылала намъ пирожки собственнаго

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

INDEXED

568446
CANCER

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

1870

Д Е К А Б Р Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ОЧЕРКИ ТОРГОВЛИ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 1868—1869. А. Г. Ротчева.
- II. БѢЛАЯ-КРИНИЦА ДО ПРИВЪЗДА АМВРОСІЯ. Гл. IV—V. Н. И. Субботина.
- III. ГРАФИНЯ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Готфриха Крузе. Переводъ съ нѣмецкаго. Окончаніе. Ф. В. Миллера.
- IV. СЫЩИКИ. Историческая повѣсть изъ бирюзовскаго времени. Окончаніе. Буленина.
- V. НА НОЖАХЪ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IV. Н. С. Лѣскова. (Стебницкаго.)
- VI. УЧЕНІЕ КАКЪ ОНО У НАСЪ ЕСТЬ И КАКЪ ДОЛЖНО БЫТЬ. А. Н. Робера.
- VII. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. *Археологическая топографія Таманскаго полуострова.* Изданіе К. Герда. Изданіе Московскаго Археологическаго Общества. М. С. Куторги.
- VIII. НАША АРМІЯ. Формы и духъ. Н. В. Волоцкаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГАРРИ РИЧМОНДА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. IV—IX.

О ПОДПИСКѢ

511
CANCELLED
INDEXED

н а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1871 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, **ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ**.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за рубличествомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государствѣ Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію	17	—
Въ Данію	18	50

Въ Англію, Францію, Испанію, Португалію и Швецію 20 —
 Въ Италію 24 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Желающіе приобрести *Русскій Вѣстникъ*, за прежніе годы, могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.

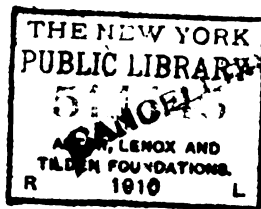
	Съ пер.	Безъ пер.
За второе полугодіе 1857 года 12 книгъ 5 руб.		4 р. 25 коп.
1858 годъ 24 книги 10 .		8 . 50 .
1859 24 . 10 .		8 . 50 .
1860 24 . 10 .		8 . 50 .
1861 12 книгъ 8 .		6 . 50 .
1862 12 . 8 .		6 . 50 .
1863 12 . 8 .		6 . 50 .
1864 12 . 8 .		6 . 50 .
1865 12 . 8 .		6 . 50 .
1866 12 . 8 .		6 . 50 .
1867 12 . 8 .		6 . 50 .
1868 12 . 8 .		6 . 50 .
1869 12 . 8 .		6 . 50 .

За нѣсколько лѣтъ вѣстнъ.

	Съ пер.	Безъ пер.
За два года, какіе угодно 15 р.		12 р. — к.
три года 22 .		17 . 50 .
четыре года 28 .		22 . — .
пять лѣтъ 33 .		25 . 50 .
шесть лѣтъ 37 .		28 . — .
семь 40 .		29 . 50 .
восемь 43 .		31 . — .
девять 46 .		32 . 50 .
десять 49 .		34 . — .
одиннадцать лѣтъ 52 .		35 . 50 .
двѣнадцать 55 .		37 . — .
двѣнадцать съ половиною лѣтъ 56 . 50 к.		37 . 75 .

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Гр. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ, за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67 и 68 годы по 50 коп. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкою по 70 коп. За 1869 и текущій 1870 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 руб. 50 коп. за книжку.

ОЧЕРКИ ТОРГОВЛИ

СЕМИРЪЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

1868—1869.

I.

Въ послѣдніе годы русская печать довольно дѣятельно занималась вопросомъ: какіе пути могутъ быть самыми удобными для соединенія средне-азиатскихъ рынковъ съ рынками Россіи? Выработалось убѣжденіе что жизненная артерія средне-азиатской торговли должна непремѣнно идти путемъ Каспійскаго моря, къ одному изъ заливовъ его и оттуда на Бухару, на Самаркандъ, Ташкентъ и развѣтвляться такимъ образомъ по раздольямъ Киргизской степи и ея возникающимъ городамъ. Дѣло покажетъ насколько практична эта мысль, но нельзя не согласиться что не слѣдуетъ откладывать въ дальній ящикъ практическое разрѣшеніе этого важнаго вопроса. Сила обстоятельствъ, *fatum* древнихъ—непреодолимая судьба—поставила насъ въ Средней Азіи въ такое положеніе что вопросъ о торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію долженъ быть разрѣшенъ *теперь* же или *никогда*. Даже враждебная ко всякимъ уступкамъ Россіи на Востокъ англійская печать признаетъ нынѣ что одно изъ призваній Россіи—перенести европейскую культуру въ Азію и открыть европейской торговлѣ

доступъ въ населенныя страны Востока“ и что „Европа должна желать чтобы Россіи удалось всесторонне выполнить задачу ею на себя взятую.“ Благожелательное пожеланіе сопровождается впрочемъ увѣренностію что Россія какъ нельзя болѣе далека еще отъ разрѣшенія своей задачи. Увѣренность эта основывается на аргументахъ не лишенныхъ интереса и которые не мѣшаютъ принять къ свѣдѣнію. „Простыя завоеванія, говорятъ Англичане, населенныхъ, но не развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, никакъ не могутъ способствовать замысламъ Россіи на будущее время. Пока Россіи не удастся ввести и привить европейскую культуру въ завоеванныхъ странахъ, какъ это сдѣлала Англія въ Остѣ-Индіи, — русскія владѣнія въ Азіи не могутъ грозить опасностію Англіи. Объ устраниеніи всякой опасности въ близкомъ будущемъ хлопотали сами русскіе генералы, отличившіеся рубаки, но плохіе проводники культуры. Опасность приблизится и приметъ осязательныя для Англіи формы только тогда когда центральная Россія соединится съ Туркестаномъ желѣзною дорогою, когда въ этой области видимо окажется вліяніе европейской культуры, когда русская торговля найдетъ себѣ тамъ точку опоры для дальнѣйшаго распространенія въ сосѣднихъ ханствахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Россіи не трудно будетъ вывести на поле битвы силы равныя силамъ Англіи. Но все это предположенія, и Англичане могутъ спокойно пользоваться своими остѣ-индскими сокровищами. Россія, которая еще не успѣла привить европейскую культуру въ восточныхъ провинціяхъ своихъ европейскихъ владѣній, тѣмъ менѣе постыдится распространить эту культуру на далекія провинціи Азіи, несмотря на ихъ *важное политическое значеніе*. Еслибъ она этого и пожелала, то у ней не хватило бы силъ. Еслибъ ей удалось устранить всѣ препятствія, то она наткнулась бы на границы Афганистана, какъ некогда Англія наткнулась на Афганистанъ съ противоположной стороны, а Афганцы, ревниво охраняющіе свою самостоятельность, дали бы Россіи такой же энергическій отпоръ какой давали они до сихъ поръ Англичанамъ.“

Если мы не хотимъ оправдать аргументы враждебной печати, то должны немедленно приступить къ энергическому разрѣшенію вопроса о среднеазиатской торговлѣ. Повторяю: дѣло должно быть рѣшено *теперь* или *никогда*. Желалъ бы чтобы слова эти, къ которымъ привелъ меня опытъ, которые исто-

рические факты заставили меня подчеркнуть, не мимо шли, хотя и знаю какъ мало у насъ горячихъ поборниковъ, готовыхъ ломать колья за успѣхи русской колонизаціи. Стоить посмотреть что на этомъ поприщѣ сдѣлано нами въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ 1812 году мы заняли Сандвичевы острова. Въ то время на всей этой группѣ не было ни слуха ни духа о миссіонерахъ-протестантахъ или миссіонерахъ-католикахъ. Мы первые съ береговъ сѣверо-западной Америки пришли въ этотъ земной рай, поставили тамъ править доктора Шефера съ русскими выходцами, а чрезъ два года откланялись этому краю въ пользу католическихъ и протестантскихъ половъ. Въ 1817 году мы заняли заливъ Бодего на берегахъ Калифорніи, и вслѣдствіе нехозяйственныхъ, не рациональныхъ распоряженій представителей нынѣ сошедшей въ могилу Російско-Американской Компаніи, мы вынуждены были бросить за *блюдо чечевицы* это богатое наследіе, эту житницу владѣній нашихъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки. За сямъ въ недавнее время мы за другое блюдо чечевицы, то-есть за семь милліоновъ долларовъ, отказались отъ другаго наследія, то-есть отъ всѣхъ нашихъ колоній въ Америкѣ. А для колонизаціи береговъ Амура развѣ не были высланы нами подонки русской арміи, то-есть слѣшкомъ 20.000 штрафныхъ солдатъ, которые завезли на Амуръ не силы торговой дѣятельности, не энергію цивилизаціи, а сифилисъ да цыngu, и сами лали костыми на берегахъ Амура.

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду привести нѣсколько фактовъ относительно торговли въ Семирѣченской области въ послѣдніе два года. Но прежде чѣмъ перейду къ исполненію задачи, скажу нѣсколько словъ о томъ какое вліяніе на торговлю въ краѣ можетъ и должна имѣть мѣстная администрація. „Разрѣшеніе вопроса о томъ въ какой степени мѣстная администрація можетъ и должна вліять на нашу заграничную, въ Средней Азіи, торговлю во всякомъ случаѣ составляетъ одну изъ самыхъ безотлагательныхъ потребностей Туркестанскаго края.“ Таковъ взглядъ главноначальствующаго Туркестанскимъ краемъ. И дѣйствительно нельзя отрицать важности этого вопроса. Отвѣтъ на него прямо опредѣляется тою цѣлью какую имѣетъ правительство по отношенію къ азіатской торговлѣ. Цѣль эта, очевидно, заключается въ томъ

чтобъ обороты нашего кулечества приобрѣтали наибольшее развитіе, и чтобы русскіе товары проникали въ азіятскомъ материкѣ какъ можно южнѣе и восточнѣе.

Борьба мусульманства съ буддизмомъ и конфуціанизмомъ, конецъ и исходъ которой еще и теперь никто не въ состояніи предсказать, даетъ въ настоящее время средство выполнить съ большимъ успѣхомъ эту важную задачу. Олустошительная религіозная борьба между Дунганами и Китайцами продолжается въ Среднемъ Китаѣ, отрѣзывая многіе милліоны бывшихъ подданныхъ Маньчжурской династіи отъ китайскихъ мануфактуръ. Эти инсургенты, составившіе нынѣ независимыя мусульманскія владѣнія, нуждаются въ мануфактурныхъ произведеніяхъ. Тѣ фабрики и тѣ кулцы которые какъ застрѣльщики первые откроютъ Джунгарію и Восточный Туркестанъ, какъ рынокъ для сбыта своихъ товаровъ, станутъ владыками этого рынка.

Вотъ что говорить по этому поводу одинъ изъ современныхъ государственнхъ людей Англіи: „Отъ Яксарта и Кокана произошелъ большой наплывъ народа, выгнаннаго оттуда наступленіемъ Русскихъ. Эти изгнанники столпились къ востоку и заняли Кашгаръ и Яркендъ; недавно они пытались завладѣть и Хотаномъ. Вслѣдствіе того вся страна находилась въ положеніи полнѣйшей анархіи и безпорядка, и невозможно было предсказать ея судьбу. Такое положеніе дѣлъ было благопріятно для открытія съ туркестанскими племенами коммерческихъ отношеній. Предметы которые они прежде получали изъ Китая теперь къ нимъ нейдутъ, такъ какъ сообщеніе съ послѣднимъ отрѣзано, а ханъ Хотанскій (?) (вѣроятно „Коканскій“), который прежде ѣздилъ въ Индію, сдѣлался почитателемъ англійскаго правленія и высказываетъ большое желаніе открыть торговлю съ нами. Очевидно что положеніе въ которомъ въ настоящее время находится Средняя Азія благопріятно для открытія коммерческихъ сношеній съ самыми отдаленными племенами, и этимъ-то положеніемъ локуда могутъ съ успѣхомъ воспользоваться только русскіе кулцы.“

Наше кулечество живущее въ Ташкентѣ сознаетъ это и начинаетъ дѣлать попытки къ открытію новыхъ рынковъ и овладѣнію потребностями Средне-Азіятцевъ.

По особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находились и находятся средне-азіятскіе народы, подобныя попытки не могутъ увѣнчаться успѣхомъ безъ болѣе или менѣе значи-

тельного риска. Очень можетъ быть что при энергическихъ попыткахъ распространить нашу торговлю, отдѣльныя личности потеряютъ свои капиталы и подвергнутся разнымъ опасностямъ. Но когда рядомъ усилій будутъ открыты новые рынки для сбыта нашихъ произведеній, то частныя потери заглядятся и вознаграждаются увеличеніемъ общей цифры русскаго народнаго богатства.

Если администрація, желая обезпечить русскіе капиталы, станетъ указывать купцу мѣста гдѣ онъ можетъ торговать безопасно и не допускать караваны въ страны гдѣ они могутъ подвергнуться опасностямъ, то это стѣснить кругъ нашей коммерческой дѣятельности до торговли съ пограничными пунктами сосѣднихъ ханствъ и поставить русскую торговлю въ пассивныя, то-есть въ самыя невыгодныя для насъ условія.

Помимо того, административная олека, при лучшемъ даже желаніи, невольно переходитъ въ тяжкую для купечества регламентацію, парализующую обыкновенно ту энергію и самостоятельность которыя такъ необходимы для коммерческихъ предпріятій. Съ другой стороны, администрація можетъ весьма легко ошибаться въ сужденіи о заграничной торговлѣ, потому что она по преимуществу смотритъ на нее съ политической точки зрѣнія. Такимъ образомъ, въ 1866 году купцу Худову было запрещено отправить караванъ въ Бухару, потому что мы находились тогда въ войнѣ съ эмиромъ. Несмотря на это запрещеніе, г. Худовъ отправилъ свой товаръ въ Бухару, частію скрытно, а частію завѣдомо, чрезъ Хиву и, не подвергая прикащиковъ ни малѣйшей опасности, расторговался съ значительными барышами.

Главному начальнику края принадлежитъ право направлять внѣшнюю дипломатическую и военную дѣятельность къ обезпеченію русской торговли въ Средней Азіи и согласовать интересы нашего купечества съ высшими политическими соображеніями. Областные начальства должны только помогать коммерческимъ предпріятіямъ. Провикнувшись важностію такого дѣла какъ развитіе русской торговли въ Средней Азіи, они должны содѣйствовать купцамъ, ободрять наиболѣе энергическихъ представителей русскаго купечества, быстро и безъ всякихъ проволочекъ исполнять все въ чемъ купечество можетъ нуждаться отъ властей, однимъ словомъ,

добросовѣстно и отъ души содѣйствовать развитію нашей торговли.

Въ этомъ отношеніи главно-начальствующимъ краемъ уже приняты слѣдующія мѣры:

1) Изложена военнымъ губернаторамъ точка зрѣнія которою администрація должна руководствоваться по отношенію къ заграничной торговлѣ.

2) Предложено военнымъ губернаторамъ объявить кулцамъ, какъ Русскимъ собственно, такъ и Сартамъ, и довѣреннымъ купеческихъ домовъ имѣющихъ конторы въ Туркестанскомъ краѣ что они могутъ отправлять свои караваны куда хотятъ, безъ всякой помѣхи со стороны администраціи. При этомъ объявлено имъ что правительство слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія случиться съ ними, или ихъ караванами, несчастія, хотя, на сколько это будетъ возможно, оно будетъ принимать всякія мѣры къ обезпеченію жизни и имущества русскихъ подданныхъ, даже въ предѣлахъ независимыхъ владѣній.

3) Предъ отправленіемъ каравана за границу, купецъ или его довѣренный долженъ подать въ областное правленіе объявленіе о томъ куда отправляется караванъ, съ обозначеніемъ съ какимъ оныъ товаромъ, въ какомъ количествѣ и на какую сумму.

4) Купецъ или главный прикащикъ состоящій при караванѣ долженъ получить законный заграничный паспортъ.

5) По рекомендаціи военныхъ губернаторовъ, кулцы могутъ получать письма или открытые листы на имя второстепенныхъ властей тѣхъ странъ куда направляется караванъ, и

6) Съ разрѣшенія военныхъ губернаторовъ, наиболее предпріимчивые изъ кулцовъ, предъ отправленіемъ каравановъ за границу, могутъ получать изъ областного правленія необходимыя разъясненія о политическомъ положеніи страны въ которую направляется товаръ и всѣ нужныя для предпріятія свѣдѣнія.

Что касается до правилъ которыя приняты для руководства въ Семирѣченской области при выдачѣ торговыхъ свидѣтельствъ, но они состоятъ въ слѣдующемъ.

Въ § 65 положенія объ управленіи Семирѣченской области сказано: причисленіе желающихъ въ кулцы и мѣщане, и выдача мѣстнымъ кулцамъ и мѣщанамъ изъ Русскихъ торговыхъ свидѣтельствъ и другихъ торговыхъ до-

кументовъ возлагается на уѣздныхъ начальниковъ; въ §§ 310 и 312: мусульмане торговцы изъ туземцевъ приписавшіеся къ обществамъ городовъ подчиняются относительно платежа торговыхъ сборовъ торговому уставу, безъ предоставленія имъ льготъ установленныхъ для Русскихъ; въ § 311—правила по торговлѣ и взиманія торговыхъ сборовъ тѣ же какъ и въ другихъ частяхъ Имперіи; существующія льготы для русскихъ подданныхъ остаются въ своей силѣ; въ § 315—иностранные азіятскіе купцы привозящіе товары въ область, обязаны брать торговые свидѣтельства, на основаніи положенія о таковыхъ для русскихъ купцовъ и платить всѣ прочіе сборы и повинности и которые въ тѣхъ мѣстностяхъ несутъ русскіе купцы, кромѣ выборовъ въ городскія службы. Примѣняясь къ этой статьѣ: 1) всѣ права и преимущества по торговлѣ предоставленныя Азіятцамъ существующими узаконеніями въ настоящемъ положеніи не уломянутыя отмѣняются и 2) льготы по торговлѣ дарованныя русскимъ подданнымъ въ степныхъ городахъ не распространяются на иностранныхъ азіятскихъ купцовъ.

Правила эти объявлены по уѣздамъ и приняты къ руководству съ 1го января 1868 года; затѣмъ при выдачѣ свидѣтельствъ и прочихъ торговыхъ документовъ постановлено въ обязанность руководствоваться какъ приведенными статьями положенія, такъ и торговымъ уставомъ, изложеннымъ въ приложеніи къ 275 ст. т. XI зак. гражд.; то-есть со всѣхъ приписанныхъ и временно пребывающихъ азіятскихъ купцовъ взимаются установленныя пошлины и повинности въ установленномъ размѣрѣ. Кромѣ того взимается, на основаніи циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 8го февраля 1865 года, въ городской доходъ съ купцовъ, какъ Азіятцевъ, такъ и Русскихъ, состоящихъ на льготѣ и не пользующихся льготой, 1^я гильдіи по 37 р. 50 к., 2^я гильдіи по 15 р. и съ мелочныхъ торговцевъ по 2 рубля.

II.

Въ уѣздахъ Семирѣченской области, какъ въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ, такъ и въ степи, существуетъ торговля двухъ родовъ: одна русскими мануфактурными и колониальными товарами, какъ-то: матеріями, сукнами, ситцами, чаемъ, саха-

ромъ и прочими предметами роскоши, а другая азіятскими издѣліями, преимущественно: дабами, выбойками, коврами, шелковыми матеріями и халатами, какъ бумажными, такъ и шелковыми, конскою сбруей для верховой ѣзды и пр.

Осѣдлое русское населеніе преимущественно покупаетъ предметы перваго рода, а кочевое, Киргизы,—втораго, за исключеніемъ небольшого количества ситцевъ, сукна и чая; но эти предметы покупаютъ только тѣ Киргизы которые имѣютъ свои кочевья близъ осѣдыхъ населеній, дальнихъ же снабжаютъ торговцы разѣзжающіе въ степи и кочующіе вмѣстѣ съ Киргизами въ ихъ волостяхъ.

Самихъ же торговцевъ также можно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ исключительно Русскіе, производящіе торговлю только въ городахъ и ставицахъ: они никогда сами въ степь не ѣздятъ; ко второму разряду принадлежатъ Татары и Сарты, въ рукахъ которыхъ находится въ степи положительно вся торговля. Торговцы Сарты преимущественно Ташкентцы, Бухарцы, Камгарцы и Номонгаццы.

Изъ Татаръ производящихъ торговлю въ степи, есть часть мѣстныхъ кулцовъ и мѣщанъ Семирѣченской области, но по большей части это Петропавловцы и семилалатинскіе кулцы. Какъ Сарты, такъ и Татары мало торгуютъ съ Киргизами на наличныя деньги; большею частію они вымѣниваютъ на свои товары барановъ, которые гуртами идутъ въ Ташкентъ, и въ Петропавловскъ. О размѣрѣ торговли этой свѣдѣній почерпнуть негдѣ; но объ обширности ея можно судить по давнымъ полученнымъ частію отъ содержателя перевоза на рѣкѣ Или, изъ которыхъ видно что въ 1869 году перелавлено для отправки изъ Сергіопольскаго и Копальскаго уѣздовъ въ Ташкентъ гуртовъ разнаго скота до 100.000 головъ. Обмѣнъ этотъ производится слѣдующимъ образомъ: въ нынѣшнемъ году купецъ даетъ Киргизу товаръ въ долгъ съ тѣмъ чтобы весной въ слѣдующемъ году онъ уплатилъ ему долгъ баранами, такимъ образомъ баранъ обходится торговцу не болѣе 80 к. до 1 р., рѣдко 1 р. 25 к. или 1 р. 50 к., да сверхъ того торговецъ пользуется и шерстью съ барана. Эта дача товаровъ въ долгъ производится большею частію безъ всякихъ законныхъ условій, а просто на слово, ибо торговецъ знаетъ почти каждаго Киргиза. Эксплуатируя такимъ образомъ своихъ потребителей, торговцы наживаютъ значительные барыши; цифры лучше всего докажутъ наши слова; 2хъ годовою баранъ стоитъ

отъ 2 до 2½, и до 3 р., если продать его осѣдлому населенію. Киргизъ, не имѣя денегъ на покупку товаровъ, отдаетъ барана торговцу за 1 р. или 1 р. 50 к. Не сбывать же барановъ этимъ торговцамъ Киргизы не могутъ, потому что потребность въ нихъ для лица мѣстнаго осѣдлаго населенія слишкомъ незначительна. Устранить вредное вліяніе эксплуатаціи Киргизовъ торговцами нѣтъ возможности потому что она вызывается исключительнымъ положеніемъ Киргизовъ, въ особенности въ волостяхъ кочующихъ на значительномъ разстояніи отъ осѣдлыхъ населеній. Не имѣя денегъ и нуждаясь въ необходимыхъ предметахъ, Киргизъ невольно становится орудіемъ обогащенія торговца; Киргизъ радъ пріѣзду такого благопріятеля, у кулца есть все необходимое для Киргиза, а поѣздка за 200 и 300 верстъ ему дѣло не легкое.

Не только съ начала образованія Семирѣченской области, но, если не ошибаюсь, съ основанія городовъ въ степи не было ни разу до настоящаго времени производимо въ здѣшнемъ краѣ повѣрки торговли и не было даже поверхностнаго надзора за правильностью торговли, въ особенности въ степи, вдали отъ населенныхъ пунктовъ. Правда, въ городахъ Копаль и Сергіополь, по распоряженію семипалатинскаго областного правленія, поручалось иногда производить эту повѣрку бывшимъ членамъ приказовъ тѣхъ городовъ, но это едва ли исполнялось, такъ какъ не сохранилось оба этомъ никакихъ данныхъ въ дѣлахъ тѣхъ приказовъ, или же если и дѣлались повѣрки, то большею частію по пословицѣ „слуста рукава“, такъ какъ не было никому нужды принимать за это дѣло серьезно, въ виду того что не обращалось на это вниманія, и кромѣ того каждый членъ бывшихъ приказовъ имѣлъ на своей отвѣтственности и безъ того кучу дѣла. Само собою разумѣется что при такомъ слабомъ надзорѣ за торговцами со стороны мѣстной администраціи никто не заботился брать установленные торговые документы. При такомъ положеніи дѣла ежегодная командировка чиновниковъ для наблюденія за производствомъ торговли можетъ принести, для соблюденія казеннаго интереса, несомнѣнную пользу, но крайней мѣрѣ въ населенныхъ пунктахъ. Что касастся до повѣрки тѣми же лицами правильности производства торговли въ степи, то эта мѣра неудобноисполнима, потому что трудное дѣло одному лицу объѣзжать всѣ волости, уѣзды и слѣдить за кочевой жизнью, за передвиже-

ніемъ этихъ волостей, дающимъ торговцамъ возможность ускользнуть отъ всякаго надзора. Неудобство это въ нѣкоторой степени можно устранить, если въ двѣхъ надзора примутъ участіе волостные управители и аульные старшины Киргизовъ. Полезно было бы еслибъ эти лица по крайней мѣрѣ хоть разъ въ годъ къ извѣстному времени доставляли въ областное правленіе чрезъ уѣздныхъ начальниковъ, по разслабнымъ заранѣ формамъ, вѣдомости, съ обозначеніемъ въ нихъ имени и фамиліи торговца, размѣра и качества производимой ими торговли и, наконецъ, по какому документу такую торговлю онъ производитъ. Вѣдомости эти дадутъ возможность контролировать торговца, и порядокъ этотъ представить хотя нѣкоторую гарантію къ прекращенію безлошпанной торговли. Кромѣ этого слѣдовало бы обязать волостныхъ управителей не позволять въ завѣдываемыхъ ими волостяхъ никому производить торговлю безъ разрѣшенія уѣзднаго начальства, для чего каждому торговцу не лишнимъ было бы снабжать особаго рода свидѣтельствами отъ уѣздныхъ начальниковъ, сверхъ торговыхъ документовъ, въ томъ что лицо это имѣетъ право торговать въ степи какъ оплатившій всѣ государственныя пошлины. Эти несложныя свидѣтельства послужили бы къ тому что волостные управители, не имѣя понятія о различныхъ видахъ и цѣнахъ торговыхъ документовъ, убѣждались бы что личность эта, предъявившая свидѣтельство, была у уѣзднаго начальника и слѣдовательно уже имѣетъ документы на право торговли.

Правительство, въ видахъ развитія торговли въ степи, давало разные преимущества торговцамъ и привилегіи городамъ. Напримѣръ, на основаніи существующаго законоположенія, семилатинскимъ и петропавловскимъ купцамъ дозволялась безлошпанная торговля во всей Киргизской степи. Будетъ ли законъ этотъ имѣть силу и въ настоящее время съ образованіемъ Семирѣченской области, такъ какъ проектомъ положенія объ управленіи въ областяхъ Туркестанскаго военнаго округа всякія льготы для торговцевъ отмѣняются, мы не знаемъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ уже возбужденъ въ Семирѣченскомъ областномъ правленіи, которымъ, вѣроятно, и будетъ разрѣшенъ.

Въ настоящее время взносъ пошлинъ торговцами производится также неравномѣрно. Напримѣръ, два лица торгуютъ на одну и ту же сумму и однимъ родомъ товаровъ, но одинъ

изъ нихъ, посмысленіе или плутоватѣе, взявъ свидѣтельство на развозный торгъ, съ платой въ годъ 6 руб.; другой же на развозный, и залагати 15 руб. Разница большая; права этихъ торговцевъ не должны быть одинаковы. Но въ степи Киргизу-потребителю какое до того дѣло? Было бы кажется полезнымъ не выдавать вовсе свидѣтельствъ на развозный торгъ лицамъ торгующимъ въ степи, такъ какъ свидѣтельства эти установлены преимущественно для извѣстнаго рода торговцевъ въ Россіи, такъ-называемыхъ *ходобщииковъ* или *обфеней* коробщииковъ. Но вѣдь въ степи ни одинъ торговецъ не ходитъ лѣшкѣмъ, да и товары имѣеть не того разбора какіе продаютъ коробщиики. Сверхъ того, уѣздные начальники неправильно взыскиваютъ пошлыны съ нѣкоторыхъ торговцевъ въ городской доходъ, а именно, иногородные торговцы производящіе постоянную торговлю въ станицахъ Урджарской, Сергіопольской и Делсинской должны вносить только пошлыны по положенію въ войсковой и станичный доходъ, и взявъ въ томъ удостовѣреніе отъ станицъ, получать свидѣтельство уже безъ взноса пошлынь въ городской доходъ.

III.

Генеральная повѣрка торговли и промышленныхъ заведеній, произведенная впервые въ прошломъ 1869 году въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области, привела къ слѣдующимъ результатамъ:

	Разныхъ заведеній.	Лавокъ.	Питейн. доковъ.
1. Въ городѣ <i>Върномъ</i> .			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами, краснымъ товаромъ, азіатскими бумажными товарами и пр.	—	17	—
Балагановъ и лавочекъ производящихъ мелочную торговлю азіатскими товарами, колоніальными и разными мелочными издѣліями.....	—	142	—
Чайныхъ лавокъ.....	—	2	—
Биржевые вѣсы.....	1	—	—
Станціонныхъ заведеній	2	—	—
Биржевыхъ заведеній.....	3	—	—
Фотографическое заведеніе.....	1	—	—
Часовыхъ дѣлъ мастеръ.....	1	—	—

	Разныхъ заведеній.	Лавокъ.	Питейныхъ домовъ.
Купеческая контора В. П. Кузнецова.....	1	—	—
Питейныхъ домовъ.....	—	—	38
Ларей торгующихъ сушеными фруктами, мыломъ, табакомъ и прочею мелочью..	55	—	—
Винокуренный заводъ.....	1	—	—
<i>2. Въ ст. Мало-Алматинской.</i>			
Питейныхъ домовъ.....	—	—	9
Лавокъ.....	—	2	—
Баня торговая....	1	—	—
<i>3. Въ выселкѣ Надеждинскомъ.</i>			
Мелочныхъ лавокъ торгующихъ азіатскими товарами, мясомъ, мыломъ, табакомъ и пр.....	—	4	—
Питейныхъ заведеній.....	—	—	3
<i>4. Въ выселкѣ Любовномъ.</i>			
Лавка.....	—	1	—
Питейныхъ домовъ.....	—	—	2
<i>5. Въ станицу Сибирской.</i>			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колониальными товарами, азіатскими мерашками и разною мелочью.	—	2	—
Лавочекъ.....	—	9	—
Питейныхъ домовъ.....	—	—	6
Винокуренный заводъ.....	1	—	—
<i>6. Въ городѣ Сергіополь.</i>			
Лавокъ производящихъ торгъ мелочными товарами, мануфактурными, мясомъ, солью, свѣчами и д. п.	—	18	—
Питейныхъ заведеній.....	—	—	9
<i>7. Въ станицу Урджарской.</i>			
Лавокъ торгующихъ разными статьями на киргизскую руку, мануфактурными товарами, сукнами, ситцами, колониальными товарами и пр.....	—	10	—
Питейныхъ домовъ.....	—	—	8
<i>8. Стан. Ленсинская, въ Сергіопольскомъ уездѣ.</i>			
Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колониальными товарами, конскими кольцами, мыломъ, табакомъ, разными мелочными товарами, спичками, солью, мясомъ, свѣчами, варомъ, квасцами и пр.	—	21	—
Питейныхъ домовъ.....	—	—	10
Винокуренный заводъ Кузнецова.....	1	—	—
Кожевенный	1	—	—
Мельницъ, каждая объ одномъ поставѣ.....	6	—	—

Разныхъ заведеній. Лавокъ. Питейныхъ домовъ.

9. Вѣ Токмакѣ.

Лавокъ торгующихъ мануфактурными товарами, фруктами, чаемъ, азіятскими товарами, мелочными предметами, колоніальными и др. — 51 —

Питейное заведеніе — — 1

10. На выселкахъ Сарканскомъ и Арасанскомъ.

Лавокъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами — 2 —

Питейныхъ домовъ — — 2

11. Вѣ выселкѣ Карабулакскомъ.

Питейныхъ домовъ — — 2

12. Вѣ городѣ Копаль.

Лавокъ и лавочекъ торгующихъ мануфактурными и колоніальными товарами, дабой, халатами, половами, шелками, мѣдными вещами, бязью, жезлыными издѣліями, посудой и разными мелочными статьями — 59 —

Питейныхъ домовъ — — 34

Оптовыхъ складовъ вина 2 — —

Харчевень 4 — —

Баля 1 — —

Угловъ и будокъ торгующихъ мыломъ 11 — —

Фотографическое заведеніе 1 — —

Мельница объ одномъ поставѣ 1 — —

13. Вѣ волостяхъ Копальскаго уѣзда.

Питейныхъ домовъ близъ пикета Царицынскаго и въ выселкѣ Илийскомъ — — 3

Азіятскихъ торговцевъ торгующихъ на киргизскую руку разными мелочами три человѣка.

14. На Караколѣ (бывшее укр. Аксу) Иссыкь-

Кульскаго уѣзда.

Мелочныхъ лавокъ производящихъ торгъ букажными русскими и азіятскими товарами, сушеными фруктами, чаемъ, табакомъ, мѣхами, коврами .. — 18 —

Питейное заведеніе — — 1

Прибавимъ свѣдѣніе о размѣрахъ производства на кожевенномъ заводѣ купца Лисина въ городѣ Вѣрномъ. Изъ вѣдомости доставленной въ Вѣрненское полицейское управленіе оказывается что заводъ Лисина купилъ сырыхъ кожъ на 4.148 р. 60 к., обработка которыхъ стоила заводу 5.177 р. 50 к., а продалъ на 14.129 р. 14 к., слѣдовательно приобрѣлъ

чистаго барыша 4.808 р. 8 к., то-есть савшкомъ 50 проц. на затраченный капиталъ.

Должно замѣтить что заводъ существуетъ только два года, и что въ первый годъ выдѣлено въ видѣ омыта не болѣе 300 кожъ. На выдѣлку кожъ оны употребляетъ корень *кърлесъ* какъ дубильное вещество.

Подобные результаты и даже можетъ-быть и болѣе значительные дали бы здѣсь заводы сахарныя, при блистательныхъ сборахъ свекловицы, которая родится здѣсь превосходно, — сгеариновые, а также и табачныя плантаціи.

IV.

Въ 1867 году генераломъ Коллаковскимъ была подана туркестанскому генералъ-губернатору записка о необходимости обезпеченія сбыта произведеній Западнѣйшаго края и объ устройствѣ пароходства по рѣкѣ Или и озеру Балхашу. Исходъ этого представленія мнѣ не извѣстенъ, но приводимыя въ запискѣ свѣдѣнія на столько интересны что считаю не лишнимъ привести ихъ словами подлинника.

„Въ настоящее время въ Западнѣйшемъ краѣ хлѣбъ продается по 20 коп. за пудъ, покупая же его четвертями, можно приобрести четверть хлѣба за 1 рубль 20 копѣекъ и даже за 1 рубль. Трудъ хлѣбопашца не окупается, сбыта нѣтъ и, не успѣвъ продать жатвы прошлаго года, многіе изъ казаковъ намѣрены въ настоящемъ году не пахать. Въ то же время въ Семипалатинскѣ хлѣбъ продается по 2 рубля за пудъ, въ области Сибирскихъ Киргизъ пудъ хлѣба доходить до трехъ рублей. До настоящаго времени въ области Сибирскихъ Киргизъ хлѣбъ доставляется съ Иртыша, но неурожаи послѣднихъ трехъ лѣтъ уничтожили запасы Семипалатинской области, которая сама теперь добываетъ хлѣбъ извнѣ, изъ Каинскаго уѣзда Томской губерніи и изъ области Семирѣчской.

„Изъ послѣдней хлѣбъ перевозится большею частію, за немѣннимъ телѣгъ, на верблюдахъ, что чрезвычайно увеличиваетъ его цѣнность. Къ тому же верблюдовъ не всегда можно найти подъ рукой въ достаточномъ количествѣ.

„Все вышесказанное заставляеть серьезно подумать объ изы-

скажи для Семирѣченскаго края болѣе удобнаго способа быта его произведеній, тѣмъ болѣе что въ случаѣ уничтоженія хлѣба саранчей, какъ то было въ лѣто 1865 года, самому Семирѣчию неоткуда ждать подвоза хлѣба. Нужно, слѣдовательно, развить хлѣбопашество до того чтобы неурожай одного года могъ пополняться изъ запасовъ прежнихъ лѣтъ безъ помощи извнѣ, которая не мыслима. Такого результата можно достигнуть только помощію постоянного обезлеченнаго сбыта, требующаго въ свою очередь удобнаго способа сообщенія. Лучшее, если не единственное средство для устройства постоянного сообщенія между Заилійскимъ краемъ, нуждающимся въ сбытѣ, и областію Сибирскихъ Киргизъ, нуждающеюся въ хлѣбѣ, есть устройство парохода, который сплавлялъ бы баржи съ хлѣбомъ и другими произведеніями отъ Илійскаго пикета внизъ по теченію рѣки Или и выгружалъ бы его на сѣверномъ берегу Балхаша, гдѣ то окажется болѣе удобнымъ.

„Мысль о необходимости учрежденія пароходства по рѣкѣ Или и озеру Балхашъ не нова: еще въ 1856 году была снаряжена генераль-губернаторомъ Западной Сибири экспедиція для изслѣдованія возможности плаванія по означеннымъ водамъ. Но въ то время все вниманіе начальника края было обращено на внѣшнюю торговлю Россіи съ Китаемъ—Ирбита съ Кульджей, такъ что съ началомъ волненій въ Илійской провинціи, съ уничтоженіемъ сказанной торговли, устройство пароходства на рѣкѣ Или было отложено. Къ тому же въ то время, то-есть въ 1856 году, Заилійскій край, можно сказать, еще не существовалъ для Россіи, а слѣдовательно не было и вопроса о потребностяхъ этого края, какъ не было и самыхъ потребностей.

„Въ настоящее время явственно выступаетъ главная потребность края. Одно осѣдлое казачье населеніе Заилійскаго края, силой всего въ 7.520 душъ обоюго пола, дало въ прошедшемъ году, при слабо развитомъ хлѣбопашествѣ, 119.180 четвертей хлѣба. Вычтя $\frac{1}{10}$ означеннаго количества на сѣмена и по двѣ четверти на душу, для пропитанія, увидимся что двѣ заилійскія станицы съ своими выселками снабдили здѣшній рынокъ 92.222 четвертями пшеницы. При усиленіи же и развитіи хлѣбопашества, количество это будетъ значительнѣе. О посѣвахъ Киргизовъ данныхъ не имѣется, но принимая въ расчетъ большое количество ихъ полей и

то что они не стѣснены условіями близости осѣдлостей, а потому выбираютъ для своихъ пашень самыя удобныя мѣста, причемъ получаютъ не самъ-10 или 12, а самъ-20 съ зерна, должно предположить что они собираютъ хлѣба по крайней мѣрѣ вдвое противъ казаковъ.

„При такой массѣ произведеній, въ край имѣется только два потребителя: войско и винокуренный заводъ кульца Кузнецова. Остальное народонаселеніе не занимающееся хлѣбопашествомъ, по своей относительной малочисленности, не можетъ имѣть вліянія на цѣны. Нужно слѣдовательно искать потребителя внѣ страны, и по крайней мѣрѣ для хлѣба, этотъ потребитель найденъ: почти весь край лежащій на сѣверѣ отъ Балхаша своего хлѣба не производитъ. Съ другой стороны, отсутствіе сбыта по необходимости останавливаетъ въ зародышѣ развитіе края, который при другой обстановкѣ, можетъ стать житницей всего сѣвера и вернуть сторицей суммы, которыя затратило бы на него правительство.

„Рѣка Или вскрывается около половины марта и становится въ ноябрѣ и декабрѣ. Средняя скорость ея теченія $4\frac{1}{2}$, версты въ часъ. На всемъ теченіи своемъ въ нашихъ предѣлахъ она судоходна. Самыя мелкія мѣста въ низкую воду, въ ноябрѣ, песчаный перекалъ у устья рѣки, на которомъ вода опускается до $1\frac{1}{2}$ аршина, и каменный порогъ въ 40 верстахъ ниже Илиискаго лука, надъ которымъ воды, въ то же время года, бываетъ отъ $1\frac{1}{4}$ до 2 аршинъ. Съ марта мѣсяца, отъ таянія снѣговъ, вода въ Или повышается на 1 аршинъ. Въ юнѣ и юлѣ она достигаетъ наибольшей высоты, прибываетъ еще на аршинъ. Въ августѣ, когда горы начинаютъ покрываться снѣгомъ, вода начинаетъ убывать и достигаетъ наименьшей высоты къ ноябрю.

„Озеро Балхашъ не представляетъ препятствій для плаванія все время когда оно не покрыто льдомъ, то-есть съ апрѣля по ноябрь.

„Такимъ образомъ, на всемъ протяженіи разсматриваемаго воднаго пути, плаваніе можетъ производиться безпрепятственно большую часть года. Берега Балхаша покрыты саксауломъ, дающимъ жару въ количествѣ большемъ чѣмъ всѣ остальныя древесныя породы. По притокамъ Или имѣется каменный уголь, но настоящее его мѣсторожденіе не изслѣдовано.

„Таковы данныя представляемая страной и ея жителями“.

Чтобъ осуществить свой планъ генералъ Коллаковскій обратился къ единственному денежному и предприимчивому человеку въ области, купцу Кузнецову, съ предложеніемъ устроить пароходъ.

Но Кузнецовъ, занятый винокурениемъ, ливоварениемъ, выдѣлкой кожъ и золотыми приисками, отозвался что не имѣеть въ наличности свободныхъ капиталовъ для устройства парохода, баржъ и пристаней, и потому можетъ взяться за дѣло только если найдется возможность исходатайствовать ему ссуду отъ правительства въ 60.000 рублей.

Препровождая проектъ условій на которыхъ г. Кузнецовъ брался за дѣло, генералъ Коллаковскій присовокупляя что „почитая вопросъ объ учрежденіи пароходства на рѣкѣ Или и озерѣ Балхашъ жизненнымъ вопросомъ для края, онъ предполагалъ бы, чтобъ облегчить существованіе означеннаго предпріятія, въ счетъ вышесказанной ссуды употребить 17.000 рублей киргизскаго капитала и часть войскового капитала, если таковой будетъ удѣленъ изъ Сибирскаго казачьяго войска.“

V.

Велѣдствіе климатическихъ условій, чай составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей осѣдлыхъ среднеазиатскихъ жителей; но такъ какъ они употребляютъ весьма жирную пищу, то предпочитаютъ тѣ сорта чаевъ которые производятъ чистительное дѣйствіе. Потому-то на ламтаціяхъ гдѣ готовится чай на среднеазиатскую руку его поджариваютъ на мѣдныхъ листахъ, отчего онъ окрашивается окисью мѣди и приобретаетъ слабительное свойство. Кромѣ разныхъ сортовъ зеленыхъ чаевъ, въ Среднюю Азію идутъ кирличные чай, въ четырехугольныхъ плиткахъ (вѣсомъ въ 7½ фунтовъ), заклеенныхъ наглухо въ палку, и большими кусками, бузами, въ 1—2 пуда каждый. Байховаго чая въ Среднюю Азію идетъ весьма мало, такъ какъ онъ почти не потребляется туземными жителями.

Россія получаетъ чай чрезъ Кяхту изъ плантаціи Фу-Дзянь и Ханькоу, лежащихъ западнѣе мѣстъ гдѣ воздѣлываются чай на среднеазиатскую руку. Къ намъ идутъ почти исключительно

но только байховые чаи, въ небольшомъ количествѣ обыкновенный кирличный чай (въ 2 $\frac{1}{2}$ фунта кирличъ) и такъ-называемый калмыцкій (въ 3 $\frac{1}{2}$ фунта кирличъ). Затѣмъ до сихъ поръ въ Кахту не выписывались сорта чая которые потребляются въ Средней Азiи.

Событiя послѣднихъ лѣтъ въ Китаѣ отозвались на чайной торговлѣ въ здѣшнемъ краѣ и въ будущемъ должны, повидимому, во многомъ измѣнить ея характеръ.

Въ 1862 году въ предѣлахъ западнаго Китая вспыхнуло возстанiе Дунгановъ, народности тюркскаго происхожденiя, живущей по всему пространству имперiи Китая, особенно же въ западной ея части. Такъ какъ Дунганы жаркiе поклонники ислама, то ихъ возстанiе получило характеръ борьбы мусульманства противъ послѣдователей буддизма и конфуцианства. Въ теченiе протекшихъ пяти лѣтъ Дунганы успѣли уничтожить власть Манѣжуровъ на огромномъ пространствѣ отъ истоковъ Желтой Рѣки до границъ Семипалатинской области.

Кромѣ политическаго значенiя, возстанiе Дунгановъ имѣетъ и другiя не менѣе важныя стороны. Между прочимъ оно оставило весьма дѣятельное въ прежнее время торговое движенiе между Китаемъ, съ одной стороны, и Коканомъ, Бухарой, Хивой и другими сосѣдними государствами — съ другой. Это особенно отразилось на чайной торговлѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ огромные склады чая бывшiе въ городѣ Урумчи (до 32.000 мѣстъ одного байховаго чая) сожжены инсургентами въ 1864 году. Той же участи подверглись запасы чая въ другихъ городахъ западнаго Китая попавшихся въ руки Дунгановъ. Сообщенiе западныхъ губернiй съ плантацiями прервано и вѣроятно долго еще не возобновится.

Если возстанiе въ западномъ Китаѣ кончится, какъ нужно ожидать, образованiемъ независимаго мусульманскаго государства, или нѣсколькихъ отдѣльныхъ владѣнiй, то чайная торговля Китая съ Среднею Азiей подвергнется еще большимъ затрудненiямъ, благодаря ненависти существующей между Дунганами и Китайцами не мусульманами. Можетъ-быть даже пройдетъ очень много времени прежде чѣмъ Кульджа, Кашгаръ и Урумчи, стануть опять чайными рынками. Если же, что едва ли можно предположить, возстанiе Дунгановъ будетъ подавлено, то для сбора пошлинъ, собиравшихся внутри Китая съ чая идущаго въ Среднюю Азiю, необходимо чтобы сотни

городовъ разрушенныхъ и разграбленныхъ Дунганями возникли изъ лепла, а это потребуетъ очень много времени.

Возстанія мусульманъ въ западномъ Китаѣ начались уже съ давнихъ поръ, но, за исключеніемъ послѣдняго, они обыкновенно кончались тѣмъ что манджурское правительство возстановляло въ своихъ владѣніяхъ порядокъ силою оружія. Въ этихъ періодически повторявшихся возстаніяхъ принимали дѣятельное участіе всѣ среднеазіатскія государства, особенно Коканское ханство, отановившееся иногда къ Манджурамъ въ открытыя враждебныя отношенія. По усмиреніи каждаго изъ подобныхъ возстаній, китайское правительство наказывало и своихъ бунтовавшихся подданныхъ и среднеазіатскія государства тѣмъ что оно облагало чай идущій чрезъ западную границу имперіи высокими пошлинами. Такимъ образомъ предъ возстаніемъ Дунгановъ на пути отъ плантацій гдѣ приготавлился чай на среднеазіатскую руку къ западнымъ границамъ Китая существовали уже три группы внутреннихъ заставъ (въ губерніяхъ Шанъ-си, Ганъ-су и Сичуань), находившіяся въ рукахъ откупщиковъ, которые собирали съ привозимаго чая весьма тяжелыя пошлины. Этимъ объясняется почему цѣны на чай въ Кульджѣ и Кашгарѣ были весьма высоки еще раньше дунганскаго возстанія. Въ 1862 году, зеленый чистый чай стоилъ въ Кульджѣ ящикъ въ 160 русскихъ фунтовъ отъ 60 до 70 ланъ серебра (ланъ равняется 2 р. 50 к. сер.). Низшіе сорты того же чая стоили за ящикъ не менѣе 45 ланъ. Незначительное число байховатаго чая продавалось въ томъ же году въ Кульджѣ по 20—22 ланъ за ящикъ въ 80 фунтовъ вѣсомъ. Этотъ ящикъ покупался на плантаціяхъ за 5—7 ланъ. Въ 1858 году, ящикъ зеленого чая въ 160 фунтовъ стоилъ въ Кашгарѣ отъ 40 до 90 ланъ, смотря по достоинству.

Весь чай потребляемый Среднею Азіей складывался первоначально въ городѣ Урумчи и оттуда направлялся двумя путями: 1) чрезъ Кульджу, Вѣрный, Аулиѣ-ата и Чемкентъ и 2) чрезъ Кашгаръ, Кашгаръ-Даванскій проходъ, городъ Омъ и далѣе либо на Ходжентъ, Самаркандъ и Бухару, либо на Коканъ, Наманганъ и Ташкентъ.

По свѣдѣніямъ имѣющимъ у начальника улаздненнаго Алатавскаго округа, въ 1862 году прошло изъ Кульджи чрезъ укрѣпленіе Вѣрное 2.044 верблюда съ чаемъ (до 30.000 пудовъ). По цѣнкѣ самихъ торговцевъ, этотъ товаръ стоилъ до 600.000 руб.

Обороты Кашгара были еще значительнѣе. Хотя нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія этихъ оборотовъ, тѣмъ не менѣе можно оставить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ размѣрѣ по разказамъ Азіатцевъ, утверждающихъ будто чрезъ Омскую таможену по пути изъ Кашгара въ Коканъ проходило прежде ежегодно отъ 60 до 80 тысячъ лошадиныхъ выюковъ чая, то-есть отъ 300 до 500 тысячъ пудовъ. Кроме того въ Среднюю Азію шли партіи чая посылаемыя Англичанами изъ Индіи. Чай индійскаго привоза были тоже большою частію зеленыхъ сортовъ, но по своему достоинству она гораздо ниже чаевъ привозимыхъ чрезъ Кульджу и Кашгаръ.

По пути отъ Ханькоу и Фу-Дзяна до Кяхты весьма мало внутреннихъ заставъ, и лошадины на нихъ собираются съ проходящихъ чаевъ въ гораздо низшихъ размѣрахъ сравнительному съ тѣми которыми олаичиваются чай на среднеазиатскую руку. На этомъ основаніи кяхтинскіе чай сравнительно дешевле кашгарскихъ и кульдживскихъ. По расчету покупки чая въ Кяхтѣ въ 1863 году, оказывается что 80 фунтовъ чая, стоившаго на мѣстѣ, въ Ханькоу, 6 ланъ серебра, обходились кяхтинскимъ култамъ около 17 ланъ, между тѣмъ, какъ сказано выше, за то же количество байховаго чая въ 1862 году въ Кульджѣ платили 20—22 лана.

Если допустить что перевозка чая отъ Кяхты чрезъ Томакъ въ Семипалатинскъ должна стоить не дороже доставки въ Ирбитъ, то-есть по 4 руб. съ пуда, выйдетъ что въ Семипалатинскѣ кяхтинскій чай обойдется въ 20¹/₂ ланъ или не болѣе 21 лана за ящикъ; слѣдовательно цѣна чая въ Ирбитѣ могла бы быть, и безъ возстанія Дунгановъ, не болѣе какъ въ Кульджѣ, еслибы чай не обкладывался въ Кяхтѣ пошлиной.

Въ 1862 году, зеленый чай стоившій въ Кульджѣ 48 ланъ продавался въ Ташкентѣ бухарскимъ култамъ за 50 талля. Разчитывая ланъ въ 2 р. 50 к., а талля въ 3 р. 75 к. и полагая провозную плату отъ Кульджи до Ташкента за ящикъ въ 180 фунтовъ въ 1¹/₄ талля, выйдетъ что прибыль, за исключеніемъ расхода по перевозкѣ, составитъ 67 р. 70 к. за ящикъ, или 53⁰, на затраченный капиталъ. Приведенныя цифры доказываютъ неоспоримо что торговля чаемъ въ Средней Азіи приносила вѣрные барыши даже раньше чѣмъ началось возстаніе Дунгановъ. Тѣмъ болѣе выгодна должна она быть въ настоящее время.

Нынѣ, послѣ того какъ прямое сообщеніе съ плантаціями прервано, Средняя Азія получаетъ чай: 1) изъ Индіи и 2) изъ Россіи.

По неопредѣленнымъ извѣстіямъ полученнымъ изъ упраздненной Туркестанской области, можно думать что количество чая привозимаго изъ Остѣ-Индіи въ Среднюю Азію стало увеличиваться въ прямой пропорціи съ развитіемъ и успѣхами возстанія Дунгановъ. Согласно словесныхъ показаній ташкентскихъ жителей, можно полагать что въ 1868 году вывезено изъ Пешавера на 10.000 верблюдахъ (до 160.900 пуд.) чая на всю Среднюю Азію.

Сорты этого чая совершенно подходятъ подъ среднеазиатскіе вкусы, то-есть байхового чая изъ Остѣ-Индіи почти не привозится. Зеленый же и кирличный чай пришедшіе изъ Пешавара совершенно тѣхъ сортовъ которые до возстанія Дунгановъ получались Среднею Азіей изъ Кульджи и Кашгара. Всѣ сорта остѣ-индскихъ чаевъ везутся изъ Кантона моремъ до Калькутты, Бомбая и другихъ портовъ Индіи. Партии предназначенныя къ отправкѣ въ Среднюю Азію поднимаются вверхъ по Инду до Аттока, а отсюда прибываютъ въ Пешаверь. Здѣсь чай улаковывается въ мѣшки и на верблюдахъ, или другихъ вьючныхъ животныхъ, идутъ чрезъ Кабуль въ Бухару и Самаркандъ. Наемная цѣна верблюда отъ Пешавера до Бухары $8\frac{1}{2}$ тиллал, то-есть до 2 р. 25 к. за пудъ клади. Караваны во время слѣдованія улачиваютъ законной пошлины до $22\frac{1}{2}$ % со стоимости товара въ городахъ: Кабуль, Саргосимъ, Баміаль и Хулумъ по 5% и въ бухарскомъ городѣ Карки $2\frac{1}{2}$ %.

Во время слѣдованія чай подмачивается и проникается запахомъ лота вьючныхъ животныхъ, отчего онъ теряетъ всякій аромать. Наконецъ караваны отъ Пешавера до Бухары рискуютъ быть разграбленными Трухменами и другими дикарями населяющими полутныя страны. Все это вмѣстѣ не можетъ способствовать развитію чайной торговли въ Средней Азіи чрезъ Остѣ-Индскія владѣнія. Если зеленые и кирличные чай и покупаются въ Ташкентѣ, слѣдовательно еще въ большей степени въ Бухарѣ и другихъ не русскихъ частяхъ Средней Азіи, то это зависитъ отъ того что наши кулцы не привозили до сихъ поръ тѣ сорта чаевъ къ которымъ привыкли Средне-Азіяты; байховые же чай идущіе изъ

Нижняго и пзъ Ирбита не удовлетворяють средне-азіатскіе вкусы.

Имѣя въ виду все вышеизложенное и вѣроятную долговременность безпорядковъ произведенныхъ въ западномъ Китаѣ возстаніемъ Дунгановъ, правительство справедливо находитъ крайне выгоднымъ чтобы наше купечество взяло бы въ свои руки чайную торговлю въ Средней Азіи. По инициативѣ военнаго министерства, кяхтинское купечество послало въ городъ Ташкентъ для изслѣдованія вопроса о чайной торговлѣ купца Трубчанцова, и въ то же время двинуло въ Среднюю Азію значительные караваны байховаго чая. Между тѣмъ этимъ же купечествомъ привимаются мѣры къ полученію чрезъ сансійскихъ купцовъ чаевъ тѣхъ сортовъ которые употреблялись въ Средней Азіи.

Обстоятельства несомнѣнно благоприятны. Отъ насъ зависитъ ими воспользоваться.

А. Г. РОТЧЕВЪ.

БЪЛАЯ-КРИНИЦА

ДО ПРИЪЗДА АМВРОСІЯ *

(ИЗЪ ИСТОРИИ БЪЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.)

IV.

Черновицкій крайзамтъ не нашель съ своей стороны никакихъ прелятствій дать надлежащее движеніе просьбъ бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи самостоятельной липованской іерархіи съ епископомъ во главѣ. Напротивъ, черновицкія власти наши что примѣръ прочихъ существующихъ иновѣрцевъ и представленная въ коліи грамота Іосифа II составляютъ вполне достаточное основаніе для такой просьбы; а заявленіе Павла что липованы, съ учрежденіемъ у нихъ правильной іерархіи, не замедлятъ ввести въ употребленіе и метрическія записи, они приняли съ такимъ довѣріемъ что въ виду столь важнаго результата признали нужнымъ поддержать бѣлокриницкую просьбу и своимъ собственнымъ ходатайствомъ предъ высшимъ правительствомъ. Въ такомъ смыслѣ рѣшено было крайзамтомъ сдать представленіе въ Лембергъ, губерискому начальству, на разсмотрѣніе котораго над-

* См. № 10 *Русск. Вѣсти.*

лежало прелпроводить и самую просьбу. Но въ просьбѣ этой имѣлись пункты относительно которыхъ крайзамту необходимо было сдѣлать официальное дознаніе, чтобъ имѣть возможность, при представленіи дѣла въ губернію, дать нужныя по оному объясненія: 1) Желаніе имѣть своего епископа выражено въ прошеніи отъ имени всѣхъ липованъ: нужно было удостовѣриться дѣйствительно ли общества липованскія имѣютъ такое желаніе; 2) для жительства будущему еписколу предназначенъ липованскій монастырь находящійся при селеніи Бѣлая-Кривица; нужно было собрать точныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, когда онъ устроился и на какихъ основаніяхъ существуетъ теперь; 3) содержаніе будущему еписколу монастырь обязуется доставлять изъ собственныхъ средствъ: нужно было удостовѣриться дѣйствительно ли имѣетъ монастырь достаточныя средства чтобы могъ прилично содержать епископа; наконецъ 4) необходимо было развѣдать и о томъ можно ли въ самомъ дѣлѣ положиться на обѣщаніе Павла что метрики безпрелатственно будутъ приняты липованами, когда они получаютъ правильно устроенную іерархію. Для собранія точныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ пунктамъ, крайзамтъ, въ исходѣ апрѣля 1840 года, нарочно отправилъ въ Бѣлую-Кривицу комиссара Шаловскаго.

Эта первая „комmissія“ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской кафедры произвела очень непріятное впечатлѣніе на бѣлокривицкихъ липованъ: ихъ опасеніе что начнутся разные хлопоты, спросы и переспросы, начало сбываться такъ скоро! Могло случиться что, въ ожиданіи новыхъ подобныхъ непріятностей, они теперь и вовсе откажутся отъ участія въ затѣяхъ „калугеровъ“. Для Павла съ Геронтіемъ это было очень тревожное время; требовалось все ихъ искусство чтобъ успокоить липованъ. И сами, не мало озабоченные прїѣздомъ комиссара, они увѣряли ихъ что эта „комmissія“ есть обыкновенная формальность, безъ которой невозможно обойтись, и что затѣи уже липованскому обществу нечего опасаться какихъ-либо новыхъ безлокоиствъ. Между тѣмъ они вошли въ близжайшія сношенія съ самимъ черновицкимъ комиссаромъ. Павелъ Шаловскій оказался человекомъ весьма доступнымъ, и на свое порученіе, дѣйствительно, смотрѣлъ какъ на дѣло простой формальности. Можно было надѣяться поэтому что всѣ показанія какія будутъ ему сдѣланы онъ приметъ, не подвергая строгой повѣркѣ. По вопросу о желаніи обществъ

липованскихъ имѣть своего епископа, Шаловскій ограничил-ся показаніемъ однихъ старшинъ, которые, по убѣжденію Павла, не отказались подтвердить предъ комиссаромъ что просьба о епископѣ подана съ согласія всей липованской громады, и что епископа имъ желательно приобрести. Относительно ордентъ на содержаніе будущаго епископа настоятель, инокъ Іоаннъ, представилъ комиссару составленное инокомъ Павломъ исчисленіе разныхъ „грунтовъ“ и угодій якобы принадлежащихъ монастырю и дающихъ не малый доходъ, также отдѣльныхъ якобы монастырю нѣкоторыми лицами денежныхъ вкладовъ: этимъ показаніемъ комиссаръ удовлетворился вполнѣ и наводитъ справки не счелъ нужнымъ. Гораздо труднѣе было дать объясненія по двумъ остальнымъ пунктамъ. Вопросъ о монастырѣ имѣлъ ту весьма щекотливую сторону что долженъ былъ вызвать изъ забвенія прежнія дѣла, въ силу которыхъ монастырь подвергнутъ двукратному запрещенію отъ правительства. Нѣтъ сомнѣнія что инокъ Павелъ, проживъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ около года, успѣлъ хорошо познакомиться съ его исторіей и понималъ какую опасность грозила нынѣшнему существованію монастыря, а вмѣстѣ и самому дѣлу: объ учрежденіи въ немъ архіерейской катедры, эти состоявшіяся въ прежнее время правительственныя рѣшенія. Устранить столь опасное по своимъ послѣдствіямъ затрудненіе, достигнуть того чтобы прежнія правительственныя распоряженія относительно липованскаго монастыря оставались, какъ было доселѣ, въ забвеніи, или въ противномъ случаѣ были признаны не основательными и не действительными—это сдѣлалось теперь одною изъ главныхъ работъ инока Павла. Въ показаніи плану Шаловскому онъ старался по возможности избѣжать всего что могло бы вести къ напоминанію о прежней исторіи монастыря и ограничился общимъ отвѣтомъ что монастырь съ давнихъ поръ существуетъ на грунтѣ отдаваемомъ и завѣщанномъ въ его владѣніе старовѣромъ Иларіемъ Петровичемъ Коровиной, и что въ настоящее время имѣетъ столько-то иноковъ и находится въ положеніи благоустроенномъ. Что же касается вопроса о метрикахъ, то бѣлокриницкіе старшины и теперь, въ показаніи Шаловскому, не отступили отъ своего прежняго рѣшенія, то-есть показали что распоряженіе правительства о веденіи метрическихъ записей считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ грамотой Іосифа II религиозной

свободы. Павелъ, напротивъ, далъ показаніе что веденіе метрику не противно ни религіи липованъ, ни „привилегіи“ Иосифа II, что одно только неимѣніе правильно устроенной іерархіи было причиною почему доселѣ употребленіе метрику не принято у липованъ, и что съ учрежденіемъ архіерейской каѳедры, очевидно, устранится главное и единственное къ тому препятствіе. Это формально данное показаніе Павелъ, однакоже, просилъ комиссара, въ видахъ успокоенія липованъ, охранить въ тайнѣ. Протоколъ этой первой свѣдственной комиссіи по дѣлу объ учрежденіи Бѣлокривицкой іерархіи липисанъ былъ 30го апрѣля 1840 года.*

Заботясь главнымъ образомъ о соблюденіи формальной правильности въ дѣлопроизводствѣ, крайзамтъ нашелъ собранія Шаловскимъ показанія достаточными, по крайней мѣрѣ на первый разъ, чтобы свѣдѣть о поданной липованскими иноками просьбѣ представленіе губернскому начальству въ смыслѣ благопріятномъ для просителей. Это представленіе, вѣсть съ подлиннымъ прошеніемъ инокѣвъ Бѣлокривицкаго монастыря и протоколами Шаловскаго, было отправлено въ Лембергъ 29го іюня. Но крайзамтъ не могъ не примѣтить что въ его представленіи, а также и въ протоколахъ комиссара есть пунктъ весьма слабо разъясненный,—именно пунктъ о самомъ Бѣлокривицкомъ монастырѣ. Не было сомнѣнія что изъ губерній потребуютъ гораздо болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній, что это за монастырь, давно ли и на какихъ основаніяхъ существуетъ, и потому представлялось необходимымъ заблаговременно позаботиться о собраніи этихъ свѣдѣній и приведеніи ихъ въ надлежащій порядокъ. Вообще, для успѣшнаго веденія начатаго липованскими иноками дѣла о епископѣ, въ интересѣ самихъ просителей, крайзамтъ находилъ нужнымъ потребовать отъ нихъ подробнаго изложенія исторіи монастыря, его назначенія, принятыхъ въ немъ правилъ общежитія,—всѣхъ вообще свѣдѣній о внѣшнемъ и внутреннемъ его устройствѣ. Посредствомъ такого изложенія, особенно если будетъ искусно составлено, крайзамтъ надѣялся расположить высшее правительство въ пользу монастыря, тѣмъ болѣе что и въ прежнее время, какъ было ему извѣстно, главнымъ поводомъ къ закрытію монастыря послужило не-

* Это число указано въ губернскомъ рѣшеніи по настоящему дѣлу, отъ 16го октября 1842 года.

имѣніе точныхъ о немъ свѣдѣній, подозрѣніе что это есть какой-то „страшный духовный институтъ“. Наконецъ, въ видахъ же содѣйствія успѣшному окончанію дѣла о епископѣ, крайзамтъ находилъ полезнымъ чтобы сдѣлано было точное изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ правительство, не имѣя надлежащихъ о немъ свѣдѣній, не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи строгаго различія между липованами и прочими австрійскими подданными православной грековосточной религіи, а потому и учрежденіе особой липованской іерархіи можетъ признаться ненужнымъ при существованіи въ австрійскихъ предѣлахъ іерархіи православной, какъ и было однажды, когда липованскихъ половъ хотѣли подчинить вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита. Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ крайзамта послѣдовало, отъ 20го іюня, * предписаніе въ Бѣлокривицкій монастырь—сдѣлать и представить полное изложеніе монастырскаго устава „съ подробнымъ описаніемъ иноческаго житія и всѣхъ догматовъ вѣры старовѣрческой религіи.“ **

Указанныя сейчасъ соображенія „благодѣтельнаго“ для Липованъ черновицкаго начальства, безъ сомнѣнія, были извѣстны иноку Павлу, и онъ умѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству. Но тѣмъ не менѣе это распоряженіе правительства о составленіи монастырскаго устава было новою непріятностію и для него, и для всего монастырскаго братства, ибо ощутительнымъ образомъ давало знать что дѣло о епископѣ вовсе не такъ легко и, главное, не такъ скоро можетъ быть кончено какъ они предполагали. Во всякомъ случаѣ предписание начальства необходимо было исполнить. Само собою разумѣется что всѣ труды по составленію устава возложены были на инока Павла, какъ единственнаго человека который могъ исполнить это дѣло. Составленіе монастырскаго устава само по себѣ не представляло особенной трудности для Павла: онъ достаточно знакомъ былъ съ аскетическими тво-

* Такъ сказано въ *Рекурсъ*.

** Предисл. къ *Уставу*. Алимпій въ письмѣ къ роднымъ въ Криво: „Правительство напередъ желаетъ узнать порядки нашего жителства и требуетъ отъ насъ устава, како имѣемъ жителство и состояніе монастыря, и о службѣ церковной, и о чиноположеніяхъ монастыря, даже и о лицѣ.“ Геронтіи же допрощъ: „Мѣстное начальство, принявъ наше прошеніе, потребовало отъ насъ показать имъ нашу религію.“

реніями святыхъ отцевъ, раскрывающими духъ православнаго иночества, а вѣдшія правила монашеской жизни, вообще довольно строго соблюдаемыя въ расколическихъ монастыряхъ, была известны ему изъ опыта и вполнѣ имъ усвоены. Но уставъ который надлежало ему составить имѣлъ назначеніе не только служить руководствомъ для монастырскихъ властей и монастырскаго братства, быть изложеніемъ правилъ обязательныхъ для непремѣннаго исполненія всѣми живущими въ монастырѣ; важнѣйшимъ его назначеніемъ, по требованію обстоятельствъ, было то чтобы служить предъ правительствомъ: 1) своего рода алогіей ливонскаго монастыря, оправданіемъ его существованія и 2) документальнымъ основаніемъ для разъясненія и желаемаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи въ монастырѣ архіерейской старообрядческой кафедры. Имѣя въ виду именно такое назначеніе устава, инокъ Павелъ считалъ необходимымъ 1) и въ самомъ изложеніи правилъ иноческаго общежитія заботиться не столько объ ихъ удобопріимости, сколько о томъ чтобы они въ своей совокупности могли дать самое выгодное понятіе о томъ учрежденіи которое считалось у правительства какимъ-то страннымъ, непозволительнымъ духовнымъ институтомъ; 2) тщательно собрать историческія свѣдѣнія о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и изложить ихъ въ такомъ видѣ чтобы законное существованіе монастыря представлялось не подлежащимъ сомнѣнію; 3) обстоятельно изложить всѣ основанія на которыхъ должно утверждаться желаемое учрежденіе архіерейской кафедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, — исчислить всѣ права и обязанности будущаго епископа и его преемниковъ. Все это дѣлало трудъ составленія устава весьма не легкимъ; требовалось и терпѣніе и искусство чтобы составить его какъ слѣдуетъ. Павелъ доказалъ что въ достаточной степени обладалъ и тѣмъ и другимъ. Со всѣмъ усердіемъ занялся онъ собираніемъ матеріаловъ для устава, — дѣлалъ выписки изъ отеческихъ писаній, пользуясь довольно богатымъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ, доставшихся монастырю еще отъ перваго настоятеля Симеона, * распрашивалъ старожиловъ, современниковъ Иларіона Коровып-ножки о заселеніи Бѣлой-Кри-

* Игуменъ Пароскій свидѣтельствуетъ что въ его время у бѣлокриницкихъ монаховъ была такая „библіотека книгъ, какаа едва ли гдѣ и въ монастырѣ есть.“ *Жн. о пром.*, стр. 200.

нцы, объ основаніи монастыря и достигшихъ его злоключеніяхъ, дѣлалъ справки въ присутственныхъ мѣстахъ и выписки изъ дѣлъ и правительственныхъ рѣшеній относительно монастыря въ Бѣлой-Кривицѣ, совѣщался со своими ближайшими совѣтниками, читалъ имъ написанныя части устава и по ихъ указаніямъ дѣлалъ поправки, въ чемъ однакоже рѣдко представлялась надобность, такъ какъ все что выходило изъ-подъ пера ивока Павла для его почитателей было образцомъ совершенства. Работа шла успѣшно и быстро приведена къ концу.

Но когда былъ уставъ написанъ, встрѣтилось новое затрудненіе: нужно было перевести его на нѣмецкій языкъ и найти такого переводчика который могъ бы вѣрно передать смыслъ подлинника. Панъ Атанасевичъ для этого дѣла не годился; здѣсь нуженъ былъ человекъ который, при совершенномъ знаніи славянскаго языка, не только вполнѣ владѣлъ бы языкомъ нѣмецкимъ, но имѣлъ бы также и близкое знакомство съ духовною литературой, съ языкомъ собственно богословскимъ, такъ какъ уставъ изобилдовалъ текстами Священнаго Писанія и выписками изъ отеческихъ твореній, вообще по своему содержанию и изложенію имѣлъ характеръ церковно-богословскаго сочиненія. На приисканіе такого переводчика потрачено было много времени и хлопотъ; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, найденъ былъ человекъ на котораго можно было вполнѣ положиться, именно г. Тарновецкій,* со-

* По словамъ Надеждина, уставъ будто бы не только переводилъ, но даже сочинялъ нѣкто іеродиаконъ Викторъ Кокоракъ. Вотъ что именно писалъ онъ объ этой личности: „Чтобы соблюсти порядокъ, правительство потребовало отъ раскольниковъ подробнаго изложенія ихъ вѣрученія. Подобное изложеніе написалъ для нихъ въ Буковинѣ одинъ изъ тамошняго православнаго духовенства, іеродиаконъ Викторъ Кокоракъ. Этотъ іеродиаконъ родомъ Волокъ, одаренный большими способностями и получившій основательное классическое образованіе, началъ было прекрасную карьеру, былъ отличными профессоромъ въ Черновицкомъ теологическомъ институтѣ и готовился занять тамъ мѣсто ректора, но по несчастію свихнулся въ поведеніи, ударился въ пьянство и другіе пороки и теперь, отрѣшенный отъ всѣхъ должностей, живетъ на скитаніи, въ монастырѣ Драгомирѣ. Тутъ смыкали его раскольники и, пользуясь его страстью, обратили его въ свое орудіе. Владѣя въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, зная мѣстныя законы и формы дѣлопроизводства, онъ служитъ имъ секретаремъ по всѣмъ официальнымъ

стоявшій въ званіи секретаря при буковинскомъ православнои епископѣ Евгеніи Гакманѣ. Тарновецкій успѣшно повелъ дѣло,—не затрудняясь ни славянскимъ, ни нѣмецкимъ текстомъ. Впрочемъ для необходимыхъ объясненій въ томъ случаѣ еслибы славянскій текстъ оказался ему неудобовразумительнымъ, инокъ Павелъ самъ перѣѣхалъ въ Черновцы и поселился у него въ домѣ.

Здѣсь однакоже Павелъ занять былъ и другимъ, болѣе серьезнымъ дѣломъ. По зрѣломъ размысленіи онъ убѣдился что, согласно предписанію крайзамта, необходимо еще составить

дѣламъ, писать для нихъ всякую всячину за рюмку водки, за бутылку вина, за кружку пива. Такъ настроичилъ (!) онъ и требовавшееся отъ нихъ изложеніе вѣрученія, въ которомъ, по собственному его сознанію, высказанному имъ съ циническою откровенностію, смѣлъ ничего порядочно не понимаетъ“. (Кельс. Сборн., ч. I, стр. 204). Еслибы Надеждинъ имѣлъ возможность видѣть составленный по требованію правительства уставъ Бѣлокриницкаго монастыря, онъ не могъ бы не понять что это есть оригинальное произведеніе многочитаннаго и искушеннаго въ сочинительствѣ старообрядца, какимъ былъ именно инокъ Павелъ, и что такого сочиненія не въ состояніи былъ составить никакой іеродиаконъ изъ православныхъ, хотя бы и классически образованный, и хотя бы даже былъ человѣкъ не пьяный, понимающій что пишетъ. Надеждина, какъ видно, ввелъ въ ошибку самъ Кокоракъ, разказами котораго между прочимъ пользовался онъ для своей записки о заграничныхъ раскольникахъ: „съ нимъ, замѣчаетъ Надеждинъ, я такъ успѣлъ сойтись что онъ готовъ былъ отдать мнѣ всѣ черновыя бумаги писанныя имъ для липованъ; только у этого пьяницы, къ сожалѣнію, не оказалось ни одного лоскутка.“ (Тамъ же, стр. 105, прим.). Никакихъ бумагъ у него конечно и не бывало; по всей вѣроятности, онъ желалъ только порисоваться предъ Надеждинымъ, собиравшимъ извѣстія о липованахъ, своею вымышленною близостью къ этимъ послѣднимъ. А въ Бѣлой-Криницѣ не знали даже и имени Виктора Кокорака,—по крайней мѣрѣ инокъ Онуфрій, который хорошо знаетъ всю исторію составленія устава, ничего не слышалъ о немъ. Было извѣстно только что Павелъ, когда искалъ способнаго переводчика, обращался между прочимъ къ кому-то въ монастырѣ Драгомирскомъ, и что этотъ драгомирскій переводчикъ скоро оказался непригоднымъ для дѣла, почему и были прекращены съ нимъ всякія сношенія. Не мудроно что это былъ именно Викторъ Кокоракъ, и этимъ-то обстоятельствомъ онъ могъ воспользоваться чтобы выдать себя предъ Надеждинымъ за автора бѣлокриницкаго устава и секретаря липованъ по всѣмъ официальнымъ дѣламъ.

изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ изложеніе это дѣйствительно могло способствовать услѣшному окончанію дѣла объ іерархіи устраненіемъ неправильныхъ понятій о религіи липованъ.* Этимъ дѣломъ и занялся инокъ Павелъ, живя у Тарновецкаго въ Черновцахъ. Книги нужны для справокъ онъ получалъ изъ Бѣлой-Криницы; тамъ же дѣлались по его указанію разныя справки и выписки изъ книгъ которыхъ не имѣлъ онъ подъ руками: эти порученія обыкновенно исполнялъ инокъ Онуфрій, которому приходилось такимъ образомъ нѣсколько разъ путешествовать къ Павлу въ Черновцы. Составивъ изложеніе старообрядскаго вѣроученія, или такъ-называемую богословію липованъ, инокъ Павелъ присоединилъ ее къ уставу, какъ особую его часть.

Лѣтомъ 1841 года все дѣло приведено было къ концу, уставъ съ богословіей и другими прибавочными статьями, переведенный по-нѣмецки и вновь пересмотрѣнный, былъ тщательно переписанъ на листахъ большого формата, въ два столбца (на одномъ славянскій текстъ, на другомъ нѣмецкій), и составилъ цѣлую довольно объемистую книгу.**

Такъ какъ для исторіи бѣлокриницкой іерархіи это замѣчательное произведеніе инока Павла имѣетъ особенную важность, то здѣсь необходимо указать, хотя въ общихъ чертахъ, его содержаніе и отличительный характеръ.

„Уставъ Бѣлокриницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря“ раздѣляется на семь главъ, или частей.

Въ *первой главѣ* говорится: „1) о первоначальномъ монастырскомъ общежителствѣ; 2) о истинномъ богопознаніи; 3) о богоразсужденіи; 4) о догматахъ вѣры и 5) о догматахъ церкви“. Статья „о монастырскомъ общежителствѣ“ кратко объясняетъ происхожденіе и назначеніе монашества; остальные же четыре статьи посвящены собственно изложенію догматическаго ученія старообрядцевъ, или старообрядческой богословіи.

Первая изъ этихъ четырехъ статей излагаетъ ученіе о Богѣ, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ,—ученіе, въ которомъ старообрядцы не разнятся отъ православныхъ. Инокъ Павелъ, какъ

* Въ предисловіи къ уставу самъ онъ, между прочимъ, цѣлю этого изложенія поставляетъ то чтобы „внѣшнихъ народовъ несправедливое о древле-христіанской (липованской) религіи мнѣніе лисьменнымъ открытіемъ совершенно отклонить.“

** Этимъ самымъ подлиннымъ экземпляромъ устава мы и пользуемся.

и сѣдовало ожидать, въ своемъ изложеніи основанъ преимущественно на уважаемыхъ старообрядцами древлепечатныхъ книгахъ; но увлекаемый тою наклоностью къ любомудрствованію, которая составляла отъчасти принадлежность его ума, онъ и здѣсь высказалъ нѣкоторыя неосторожныя сужденія, „не согласующіяся православному ученію“ и въ послѣдствіи самими старообрядцами, нѣсколько отрезвившимися отъ поклоненія его авторитету, признаваемыя за ересь. Такъ напримѣръ, въ самыхъ первыхъ словахъ которыми начинается статья о истинномъ богомознаніи: „Богъ есть существо неполовнно, яко ни отъ кого же, ни самъ отъ себя“, разсудительнѣйшіе изъ старообрядцевъ справедливо находили выраженіе слѣшкомъ неосмотрительное, противное свидѣтельству Спасителя, яко *Отець и мать ѣживотъ въ себя* (Іоан. гл. 5 от. 26). Особенно же въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія какъ любомудрствовалъ Павелъ о первомъ днѣ сотворенія міра. „Первѣе, писалъ онъ, простре Богъ небо, яко кожу, еже именуеть Писаніе „небо небесъ“, суще беззвѣздное, безчисленною добротой отъ божественныхъ лучей сіяюще; а земля, и воды, и прочія вещи всего зданія, тогда были не ино что какъ вещество смѣшанное и погруженное въ ужасной тмѣ и мрачномъ хаосѣ, и Духъ Божій носился надъ симъ влажнымъ и неустроеннымъ веществомъ. *Не о Святѣмъ же Дусѣ здѣ Писаніе глаголетъ*: ибо не считается съ тварію неозданное; но Духъ той бяше, по глаголу святаго Андрея Цареградскаго, *и ѣже прежде всего отъ Бога сотворенъ бысть, существо вѣчнаго состава, еѣже есть вѣчы*.“ Такимъ образомъ Павелъ допустилъ бытіе какого-то существа, хотя и созданнаго, но имѣющаго вѣчное существованіе и участвовавшаго въ мірогвореніи, которому имя „вѣкъ“ или „вѣчы“: мысль совершенно противная ученію православной вѣры. „Потомъ, продолжаетъ Павелъ, сотворилъ Богъ свѣтъ... Обаче за сотвореніе свѣта да не возмнимъ первобытную тьму быти искони присосущу, да не тмѣ отъ нужды послѣдуетъ и Бога глаголати тьмою изъ начала бывша. Но убо достоить разумѣвати, яко Богъ, сый свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ естъ; *точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, и мѣтя единосущное во умѣ Слово, Сына Своего, Его же*, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго *въ первомъ изреченіи*: „да будутъ вѣчы“ *нетлѣнно родиль, сирѣчь во исхожденіи со присосущнымъ Духомъ Своимъ Святымъ, отъ сердца отрыгнуть*.“

Здѣсь, очевидно, инокъ Павелъ выразилъ мысли еретическія рожденіе Сына и исхожденіе Духа призвалъ подвременными, совершившимися якобы тогда когда Богъ Отецъ разрѣшилъ молчаніе въ которомъ пребывалъ до сотворенія дѣлъ Своихъ. Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть до чего довели Павла, въ статьѣ „о истинномъ богопознаніи“ его учительская самоуверенность и излишнее стремленіе къ любомудрію о предметахъ неудоборазумѣваемыхъ. *

Статья „о богорассужденіи“ посвящена рѣшенію нѣкоторыхъ возраженій, или недоумѣній относительно изложеннаго въ предыдущей статьѣ ученія о божескихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Такого рода возраженія обыкновенно предлагались въ схоластическихъ богословіяхъ, и потому въ старообрядческомъ сочиненіи они представляютъ явленіе довольно неожиданное. Повидимому инокъ Павелъ имѣлъ здѣсь цѣлюю коснуться нѣкоторыхъ мнѣній принятыхъ римско-католическими и протестантскими богословами, какъ напримѣръ о чистилищѣ, о предопредѣленіи людей ко спасенію, объ оправданіи одвою вѣрой и др.

Особенную важность въ первой главѣ устава имѣютъ двѣ послѣднія статьи: „о догматѣ вѣры“ и „о догматѣ церкви“, такъ какъ здѣсь содержится изложеніе и собственно старообрядческаго ученія. Что такое *догматы вѣры*, и что такое *догматы церкви*? Какое между ними различіе? и почему напримѣръ ученіе о призываніи святыхъ, о почитаніи мощей и инокъ принадлежитъ къ числу догматовъ вѣры, а ученіе о семи таинствахъ къ догматамъ церкви? На все это инокъ Павелъ не даетъ объясненія; но цѣль представленнаго имъ раздѣленія догматовъ очевидна: ему желательно было усвоить догматическое значеніе тѣмъ обрядовымъ разностямъ изъ-за которыхъ расколъ отдѣлился отъ церкви и тѣмъ самымъ оправдать это отдѣленіе, такъ какъ обрядовыя дѣйствія, каковы напримѣръ употребленіе семи просфоръ на проскомидіи, иключительное почитаніе восьмиконечнаго креста, двуверстіе

* Андрей Царегородскій, на котораго ссылался Павелъ, есть Андрей Христа ради юродивый. Павелъ имѣетъ въ виду помѣщенныя въ рукописномъ житіи Андрея отвѣты его на вопросы ученика Елифанія, — сочлененіе апокрифическаго происхожденія, — отвергнутое еще Максимомъ-Грекомъ, авторитетъ котораго долженъ имѣть для старообрядцевъ полную силу.

и пр. отвесъ оны именно къ числу церковныхъ догматовъ, за невозможностью причислить ихъ къ догматамъ вѣры.

Изложеніе „догматовъ вѣры“ начинается символомъ, который приведенъ, разумѣется, по старообрядческому чтенію, и затѣмъ кратко излагается ученіе а) о Святой Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, б) о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, в) о призваніи святыхъ, г) о почитаніи мощей и д) о чествованіи святыхъ иконъ. Достоинно замѣчанія что говоря о Богородицѣ инокъ Павелъ повторилъ еще въ челобитной Никиты вышказанное мнѣніе о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, и такимъ образомъ гораздо ранѣ Пія IX внесъ это мнѣніе въ число „догматовъ вѣры“. Вотъ подлинныя слова его: „На земли предуготова Богъ на вселеніе Единородному Сыну Своему Слову одушевленное небо чисто и никоеяже скверны причастно, еже есть сію Препоблагословенную Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, отъ сѣмене чистаго и еще прежде зачатія ея предочищеннаго и освященнаго. Тѣмъ убо только сія едина, отъ родовъ предызбранная и отъ пророкъ пронареченная, Содѣтеля всего міра мати, не только отнюдъ мѣрородная скверны бысть не причастна, но даже вся яко небо чиста и добра зѣла пребысть.“

Наконецъ Павелъ исчисляетъ слѣдующіе „въ неизмѣнномъ исполненіи соблюдаемые“ у старообрядцевъ „догматы древневосточныхъ соборовъ алостольскія церкви“:

а) „Семь изящныхъ святыхъ таинъ церковныхъ“. Здѣсь, говоря о таинствѣ *крещенія*, довольно обстоятельно излагаетъ оны доказательства почему крещеніе непременно должно быть совершаемо въ три погруженія; но прямыхъ замѣчаній противъ крещенія чрезъ обливаніе оны почему-то не напелъ нужнымъ приводитъ здѣсь и огованился только слѣдующими словами: „кромѣ сего единого трехпогружательнаго крещенія никакія инособразныя крещенія у насъ подъ строгимъ запрещеніемъ отнюдъ не пріемаются: яко дерзати смѣющихъ святое крещеніе инако дѣйствовати или пріимати церковныя правила изъ священнаго сана изверженіемъ осуждаютъ“. Говоря о таинствѣ *миропомазанія*, оны приводитъ влодѣхъ всѣ тѣ при глашенія которыя по Іосифовскому требнику положено читать при помазаніи святымъ муромъ различныхъ частей тѣла и отмѣненіе которыхъ, какъ извѣстно, признано было еще первыми расколуучителями за великую погрѣшность въ ново-

исправленныхъ книгахъ * : употребленію этихъ приглашеній въ таинствѣ муроломазанія и Павелъ такимъ образомъ усвоить догматическую важность. Относительно таинства *евхаристіи* онъ сдѣлалъ замѣчаніе, направленное противъ римскихъ католиковъ, что „обое непремѣнно (и тѣло и кровь Христовы) каждому православному христіанину подается во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную: самъ бо Христосъ Спаситель нашъ всѣмъ повелѣлъ плоть Его ясти и кровь Его пити“. Остальныя четыре таинства инокъ Павелъ только перечислилъ.

б) „Древней церкви боголѣпный чинъ божественной литургіи, устроенной Василиемъ Великимъ, и Иоанномъ Златоустомъ, и святымъ Григоріемъ папою римскимъ.“ Здѣсь инокъ Павелъ догматическую важность приписалъ между прочимъ тому „чтобы на святой проскомидіи *непремѣнно* имѣть семь просфоръ, именуемыхъ великія и имѣющія печать клутлымъ обведеніемъ, съ трисоставнымъ крестомъ Христовымъ“ : онъ изложилъ подробно за кого каждая просфора приносится и какое знаменованіе имѣетъ „круглое обведеніе“ съ трисоставнымъ крестомъ. Потомъ онъ представилъ доказательства что въ таинствѣ евхаристіи, вопреки ученію западныхъ, долженъ быть употребляемъ хлѣбъ квасный, доказательства изъ которыхъ видно достаточное знакомство Павла съ вопросомъ объ опрѣсвокахъ.

в) „Непремѣнное содержаніе креста Христова тричастнаго или трисоставнаго, именуемаго также и четверочастнымъ.“ Объяснивъ значеніе каждаго изъ этихъ наименованій, но не обративъ вниманія на ихъ очевидное противорѣчіе, инокъ Павелъ такъ излагаетъ далѣе самую сущность „церковнаго догмата“ о трисоставномъ крестѣ, и отношеніе креста тричастнаго къ двучастному (четырехконечному): „Сей трисоставный крестъ Христовъ, какъ въ древлегреческой церкви, равно и у насъ, яко самосовѣршитель, присно во всѣхъ священнодѣйствіяхъ употребляется (?) и паче всѣхъ священныхъ вещей предпочитается, тѣмъ и на верхъ самыя главы церкви Христовой поставляется: понеже освященіемъ благословлять его кромѣ Бога никто не можетъ (?), но самъ той божественный крестъ вся освящаетъ и вся освящаетъ. Двучастнаго же кре-

* Никита писалъ въ челобитной: „И та, государь, вся божественная приглашенія нарушила, посажда отпаденія вѣрѣ римскія православному крещенію.“ *Жезлы прав.*, а. 21.

ста знаменіе еже изъ двухъ частей оставленнаго, имѣеть отъ тричастнаго велие различіе, тако, яко образъ отъ истины, или паче отъ образа сѣнь. Понеже двучастный крестъ есть сѣновнаго закона начертаніе: якоже древле Моисей крестообразно рудѣ распростре и на мори жезломъ образъ креста начерта. Тогда бо и силы двѣяшася отъ него; нынѣ же отъ Христова новоблагодатнаго закона вся та упраздвншася: преиде бо сѣнь законная благодати пришедши. Обаче, яко же сѣнь въ лицѣ солнца неотлучна есть отъ сущаго: тако и двучастный отъ тричастнаго неотлученъ есть; но только сей двучастный крестъ у насъ пріемлется въ употребленіи на священныхъ одеждахъ, его же священникъ первѣ освяяеть и потомъ цѣлуеть.“

г) „Двулерстное сложеніе руки, непремѣнно употребляемое священниками на благословеніе и христіанами на крестное огражденіе.“ Сначала инокъ Павелъ со всею обстоятельностью описалъ какъ именно надлежитъ слагать персты для крестнаго знаменія; потомъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ особеннымъ тщаніемъ изложилъ доказательства въ защиту этого, можно сказать, основнаго „догмата старообрядческой церкви“. Свидѣтельства *Стоглава*, *Максима-Грека*, мнимаго *Теодорита*, *Милетія Антиохійскаго*, святыхъ чудотворныхъ иконъ—все это приведено Павломъ съ разными замѣчаніями и объясненіями. Вотъ какъ, напримѣръ, изложилъ онъ доказательство отъ святыхъ чудотворныхъ иконъ: „Христова благословенія видѣ во истину былъ образъ вселенскому содержанію. Святый убо Лука евангелистъ во Евангеліи благовѣствуетъ что Христосъ Спаситель, при вознесеніи на небо, апостоловъ своими пречистыми руками благословилъ. И хотя сей евангелистъ прочее тамо не упоминаеть, какъ персты рукъ своихъ Христосъ слагалъ; обаче сей евангелистъ будучи изуграфъ, благословящую десницу у Христа Спасителя, на первой имѣ написанной богородичной иконѣ, двулерстнымъ сложеніемъ ясно изобразилъ. Таковой образъ Христова благословенія приняли первѣ святіи апостоли, а отъ нихъ другопріимательнѣ древлегреческіе и прочіе первосвятители. И такъ были по оному святому Лукою написанному образу и множайшіи въ древлегреческой церкви иконы точно изобразуемы.“ Разумѣется, все изложеніе „догмата о перстосложеніи“ направлено противъ троелерстія и именовсловаго сложенія руки. „Литеросажное благословеніе“, по словамъ Павла, неудобно къ пріятію потому что

не можетъ дѣйствоваться во вселенскомъ употребленіи, и дѣже литеры другихъ языкъ не согласуютъ съ сложеніемъ перстовъ.“ „А тремя первыми вкупѣ сложенными персты, образующими только едино таинство Святыя Троицы, крестное знаменіе на себѣ изображати (якобы) сходственно есть ереси Авировой и прочихъ, которые божество на крестѣ страдаше злѣ мудрствоваху“; „оба же таинства (Св. Троицы и воплощенія Бога-Слова) изобразити тремя персты неправо, да не подражаніе будетъ нѣкое ереси Евтихїевои и Diosкоровой, которыя двѣма естествома, Божеству и человечеству, въ совокуленіи смѣсится и во едино естество сотворится злѣ проповѣдаша.“ Это были два любимыя доказательства которыя обыкновенно приводилъ Павелъ противъ православнаго перстосложенія и въ первый разъ теперь изложилъ письменно.* Въ послѣдствіи даже сами старообрядческія власти признали эти доказательства не только неосновательными, но и „злочестивыми“.

д) „Истовое на себѣ знаменованіе честнаго креста“, то-есть посредствомъ возложенія двухъ перстовъ десныя руки на чело, на чрево и на оба рама. Объяснивъ таинственное значеніе усвояемое старообрядцами каждому изъ этихъ дѣйствій, Павелъ говоритъ въ заключеніе: „Сидевымъ чиномъ крестное знаменованіе истово совершающихъ ангелы Божіи свыше зрятъ и веселятся, понеже сила сего велика есть.... Въ отеческихъ же книгахъ писано, яко иже аще не по подобно лице свое знаменаетъ, сирѣчь не истово креститъ, гордости ради или лѣности, и махаетъ сѣмо и овамо, и тому маханію бѣси радуются.“

е) Такое же истовое и тѣми же двумя перстами изображеніе крестнаго знаменія въ священническомъ благословеніи. Здѣсь изложенъ весь существующій у старообрядцевъ чинъ благословенія.

ж) „Ненарушимое соблюденіе четырехъ въ году соборныхъ постовъ, составляющихъ всего до двадцати одной седмицы.“

Изложивъ всѣ эти „церковныя догматы“, инокъ Павелъ заключаетъ свою богословію, или первую главу устава, слѣдующими словами: „Совокупию рещи, сохраняется у насъ неизмѣнно, то самое вѣрѣ догматствованіе и все церковное чино-

* Доказательства эти онъ заимствовалъ изъ *Полморскихъ отечествъ*.

положеніе и богослуженіе, еже, прежде нежели западная церковь отъ восточной раздѣлилася, всеелевскими соборами утвержденное, Святымъ же и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ Киевскимъ въ 6496 году отъ Грекъ во всей цѣлости принятое, и которое существовало въ Россіи всеобдержво и неизмѣнно даже до перемѣнъ церковныхъ книгъ бывшимъ Московскимъ патриархомъ Никономъ 7163 года.“

Вторая глава содержитъ статьи: 1) „о первоначальномъ расположеніи и перенесеніи монастыря, и судебномъ рѣшеніи на его наследственное имущество; 2) о количествѣ и плодотвореніи монастырскихъ грунтовъ и о прочихъ приобретаемыхъ доходахъ; 3) о содержаніи монастырскихъ жителей.“

Первая изъ этихъ статей есть не что иное какъ основанная на собранныхъ инокомъ Павломъ разказахъ старожиловъ исторія первоначальнаго водворенія липованъ въ Бѣлой-Кривицѣ (здѣсь, разумѣется, самое видное мѣсто занимаетъ приведенная вполнѣ пресловутая привилегія Іосифа II), и затѣмъ краткая исторія самаго монастыря, существующаго въ Бѣлой-Кривицѣ. Соответственно цѣли какаѣ имѣлась въ виду при составленіи этой исторіи и вообще при составленіи устава, инокъ Павелъ и здѣсь, какъ на допросахъ комиссара Шаловскаго, весьма тщательно и искусно обошелъ всѣ тѣ обстоятельства которыми совершенно ясно обличалось незаконное существованіе Бѣлокривицкаго монастыря. Основаніе монастыря на урочищѣ Тарновкѣ и потомъ перенесеніе его въ Бѣлую-Кривицу онъ изложилъ весьма кратко, и притомъ какъ событія безпрепятственно и законно совершившіяся; о правительственныхъ распоряженіяхъ 1784 и 1791 годовъ нѣтъ и помину; за то съ канцелярскою аккуратностью указаны декреты двухъ низшихъ судебныхъ инстанцій объ утвержденіи завѣщанія составленнаго Иларіономъ Коровьи-ножки въ пользу монастыря: эти два документа, указанные съ точнымъ обозначеніемъ нумеровъ, очевидно, должны были служить доказательствомъ что само правительство признало монастырь законно существующимъ, когда составленное въ его пользу завѣщаніе не усомнилось утвердить въ полной силѣ. Здѣсь инокъ Павелъ употребилъ и еще хитрость, сказавъ что Иларіоново завѣщаніе сдѣлаво въ пользу монастыря, тогда какъ оно сдѣлаво было на имя „калугеровъ“, съ дозволенія правительства жившихъ въ Бѣлой-Кривицѣ, въ Иларіоновомъ

домѣ, а не на имя монастыря, который, какъ „институтъ“, рѣшительно запрещенъ былъ правительствомъ.

Статья „о монастырскихъ грунтахъ и доходахъ“ есть также не что иное какъ болѣе обстоятельное изложенье сдѣланнаго инокомъ Павломъ на этотъ счетъ показанія комиссару Шаловскому, и подобно предыдущей отличается тою же ловкостью или, вѣрнѣе сказать, недобросовѣтностью, употребленіе которой инокъ Павелъ считалъ совершенно позволительнымъ дѣломъ, вѣроятно даже богоугоднымъ, когда рѣчь шла о предметѣ такой чрезвычайной важности для старообрядства какъ учрежденіе „древлеправославной іерархіи“. Въ поданномъ крайзамту прошеніи монастырь обязывался содержать будущаго епископа „собственными коштею“: надлежало теперь показать что монастырь дѣйствительно имѣетъ нужныя для того средства отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ. И вотъ инокъ Павелъ дѣлаетъ исчисленіе „монастырскихъ грунтовъ“ и доходовъ, выдумывая совсѣмъ не существующіе и безъ зазрѣнія совѣсти преувеличивая то что монастырь дѣйствительно имѣлъ:

„Первый монастырскій грунтъ, что съ самаго начала обзавладанности, расчищенный собственно иноческими трудами, количествомъ 40 іоховъ 589 саж., отдаваемый на хлѣбопашество своимъ старовѣрамъ, съ котораго и получаетъ монастырь отъ хлѣбопашцевъ въ продовольствіе свое разный хлѣбъ чистымъ зерномъ.

„Другой грунтъ количествомъ 5 іоховъ 467 саж., занятый растущими разными фруктовыми древами, а въ срединѣ его между дровъ расположенъ самый монастырь: сей грунтъ достался въ вѣчность монастырю отъ покойнаго старовѣра Ларіона Петровича на поминокъ души его.

„Третій грунтъ, количествомъ 4 іох. 48 саж., весь занятъ также растущими разными фруктовыми древами, дарованный въ вѣчность монастырю сему по духовному завѣщанію учившему, въ 3й день августа 1840 года, дѣвицею Евдокією Еюимовой, по заповѣди покойнаго родителя ея, старовѣра Еюима Павлова, на поминокъ души его ровно и ея.

„Прудовъ рыбныхъ два: одинъ на рѣчкѣ Тарновкѣ, издавна устроенный собственно иноками, а другой по духовному завѣщанію дарованный вышепереченною дѣвицею Еюимовой въ вѣчное монастырю владѣніе.“

Грунты доставшіеся по завѣщаніямъ дѣйствительно нахо-

дѣлись во владѣннн монастыря; * что же касается до земли въ 40 юховъ, „разчищенной ииоческими трудами“ на урочищѣ Тарновка, то монастырь этою землею не пользовался и не пользуется, хлѣба съ нея не получалъ и не получаетъ, да и сами лѣнованы пообвовъ на ней не производяты; точно также и „два рыбные пруда“, по словамъ хорошо знающнхъ Вѣлую-Кривицу, имѣють только подобіе прудовъ и изобилуютъ вовсе не рыбой. А между тѣмъ вотъ какъ Павелъ описываетъ дальше „пріобрѣтаемую отъ сихъ грунтовоъ пользу“:

„Пріобрѣтаемый на продовольствіе монастырскихъ жителей доходъ составляется изъ нижеслѣдующаго:

„а) Съ собственнаго монастырскаго грунта получаемый монастыремъ разный хлѣбъ чистымъ зерномъ и коноляное сѣмя, на продовольствіе монастырскихъ жителей *доставтъ въ годовую пропорцію съ излишкомъ.*

„б) Съ монастырскихъ значительныхъ фруктовыхъ садовъ ежегодно за продаваемые фрукты получаемая сумма опредѣляется на покупку одежды, дровъ и на прочія монастырскія потребности.

„в) Съ рыбныхъ двухъ прудовъ удовлетворяется монастырь рыбой *во всякое время сколько потребно.*

„г) Съ огородовъ собирается разная зелень приготавливаемая монастырскимиъ жителямъ на бршша на цѣлый годъ, а изъ садовой суши навсегда дѣляется для литія квасъ.

„Итакъ, весь таковой доходъ можетъ *ежегодно* продовольствовать монастырскихъ жителей *своимъ иждивеніемъ на двадцать пять человекъ.*“

Чтобы видѣть много ли правды въ этомъ описаніи. изобилія господствующаго въ Вѣлокривицкомъ монастырѣ, достаточно припомнить что въ то время когда пріѣхалъ сюда инокъ Павелъ, вѣлокривицкое братство, состоявшее не изъ 25, а всего изъ 10 человекъ, приуждено было для своего пропитанія каждую субботу ходить по слободѣ за сборомъ милостыни.

Что указанныхъ средствъ монастыря съ избыткомъ достаточно для продовольствія братій, подтвержденіемъ этого на-

* Въ 1840 году, въ то самое время когда составляли уставъ, дѣвица Евдокія Бѣшмова дѣйствительно передала во владѣніе монастырю принадлежавшую ей землю съ садомъ: этотъ такъ-называемый „Духинъ садъ“ находится противъ самаго монастыря, отъ котораго отдѣленъ только шириной улицы.

значена служить и слѣдующая затѣмъ статья: „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Здѣсь со всѣмъ тщаніемъ изображены умѣренность и простота соблюдаемая бѣлокрпницкими иноками относительно лица и одежды, — въ точности обозначено какая именно лица и въ какое время поставляется на братской трапезѣ, какое платье и въ какомъ количествѣ выдается каждому брату, равно какъ подробно описаны всѣ усвоенныя инокамъ особыя одежды.* Вообще относительно платья замѣчено: „Одежды пышныя, какъ-то шелковыя цвѣтвыхъ матерій, и прочихъ мягкихъ одѣяній, собольихъ, или волчьихъ тудуловъ и тѣмъ подобныхъ соблазнительныхъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не смѣютъ не только изъ братіи кто, но и самъ настоятель носить, хотя бы кто и собственно свой избытокъ на то имѣлъ: да не подручницы бѣсовомъ будемъ излишней пышности ради и тщеславія. Обаче и въ грусныхъ одеждахъ инокомъ не только на сторону, но и на монастырѣ ходить не полускается, а наплаче на соборную молитву въ церковь Божию долженъ всякъ входить во всякой чистотѣ и опрятности, въ кротости и со всякимъ благоговѣніемъ.

Съ третьей главы начинается изложеніе собственно монастырскаго устава, къ которому слѣдуетъ впрочемъ присовокупить и разсмотрѣнную сейчасъ статью „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Въ главѣ этой говорится 1) „о времени божественнаго послѣдованія службы“, то-есть когда начинается и сколько продолжается каждая изъ службъ, составляющихъ кругъ суточного богослуженія, также великопостна-

* Вотъ напримѣръ описаніе старообрядческой камилавки и калтыра, форма которыхъ нѣсколько отлична отъ употребляемыхъ православными: „Камилавка должна быть не высокая, круглою скучьей, верхъ изъ черной матеріи; къ ней оклаву пришить обручицы круглой изъ чернаго агучаго смутка (еже есть смиреніе), во образъ тернового вѣнца Христова, которую шокъ не долженъ снимать съ главы никогда и ни предъ какимъ лицомъ, а только снимаетъ въ причащеніи св. таинъ и на прочихъ мѣстахъ Божіей службы. А калтырь, имѣющий два крыла, сшитый изъ черной матеріи, тонкой волны, покрываетъ сверху камилавку, власы, рамена и руки, во образъ пучки младенческаго мезлобія.“ Въ подлинномъ уставѣ, на поляхъ, помѣщены довольно искусно сдѣланные рисунки калтыря, камилавки, парамана, мамтіи и прочихъ употребляемыхъ старообрядческими иноками одеждъ.

го и праздничнаго, и 2) о монастырскомъ управленіи. Эта послѣдняя, весьма важная статья составлена съ большимъ искусствомъ. Въ видахъ сохраненія на будущее время строгаго порядка въ монастырѣ, предназначенномъ быть митрополіей старообрядчества, инокъ Павелъ со всею точностію опредѣлилъ составъ монастырскаго управленія и частныя обязанности каждаго изъ должностныхъ лицъ. Главное управленіе по монастырскимъ дѣламъ сосредоточено въ „духовномъ совѣтѣ“, который подъ предсѣдательствомъ настоятеля состоитъ „изъ достойнѣйшихъ четырехъ иноковъ“, по соборному избранію въ сію должность; „а по усмотрѣнію настоятеля и важности дѣла случаи приглашаются и болѣе, изъ числа достойныхъ иноковъ, по потребѣ же бываетъ и писмоводитель.“ Вышнія же распоряженія по дѣламъ особенной важности производить „общербратскій соборъ“, гдѣ „имѣеть волю подавать голосъ всякій, отъ перваго и до послѣдняго“. „На семь соборѣ разсматриваютъ всѣ дѣла, какъ объ учрежденіи монастырскомъ, такъ и о томъ еще окажется кто неслобобенъ въ своей должности, казначей, или экономя, или въ прочихъ которыхъ должностяхъ, даже хотя бы и самъ настоятель: и того соборомъ смѣняютъ и изъ среды себя достойнаго на ту должность лаки избираютъ, сами въ томъ и утверждаютъ. Также разсуждаютъ братію, мірянъ, и наказаніе имъ полагаютъ.“ Затѣмъ исчисляются слѣдующія права и обязанности настоятеля:

а) „Настоятель, неуслышимъ окомъ взирая на весь монастырь, долженъ братію понуждати (подавая собою примѣръ) къ молитвѣ, трудамъ и прочимъ благочестивымъ дѣломъ, и утѣшати, братію, елика есть сила, богодухновенными словесы.

б) „Яко истинный монастыря хозяинъ, повелѣваетъ вообще всѣми по закону свободно, и въ случаѣ какого-либо подозрительнаго за братію замѣчанія, но и ради сбереженія, можетъ съ обычною молитвой входить во всякое время въ братскія келіи и досматривать нѣтъ ли чего тамъ иноку неприличнаго; буде же что обрящетъ у него неприличное иноку, да сотворитъ ему исправленіе духомъ кротости; аще ли, по второмъ и третьемъ исправленіи, братъ не уцѣломудрится, да изведенъ будетъ на соборное сужденіе.

в) „Отлучаться изъ монастыря, аки кокошь съ гнѣзда своего, отнюдь не можетъ, развѣ самой нужной вины, егда потребовано будетъ въ случаѣ какой надобности, какоюцѣлесю до него именно къ высшему начальству, или по значитель-

му какому дѣлу упрощень будетъ братією на соборѣ куда ѣхать... Но дабы монастырь никогда безъ управленія и надзиранія настоятельскаго не оставался, долженъ есть настоятель свое, хотя и на нѣсколько минутъ, за ограду монастыря бываемое отсутствіе непременно намѣстнику возвѣстити и до своего возвращенія управленіе и надзираніе монастыря ему поручить. *

г) „Долженъ не только одно правило своей обязанности и прочихъ должностныхъ старцевъ правила, и даже весь монастырскій уставъ твердо знать, а для нужнаго и яснаго освѣдомленія, при выборѣ въ какую кого-либо должность правила его обязанности вычитать и тѣмъ его снабдить.

д) „Настоятель надзираетъ, яко полный хозяинъ монастыря, и казначеа, и егда восхощетъ повѣряетъ все казначейство, и припасы, и архивъ, и всю братію долженъ видѣть вечеръ и заутра, и благословить.“

Дальше со всею подробностью опредѣляются обязанности каждаго изъ монастырскихъ должностныхъ старцевъ и всѣхъ лицъ составляющихъ братство монастыря,—именно: казначеа, священноинокъ, іеродіакона, уставщика церковнаго, головщика, ризничаго, соборнаго старца надзирательнаго за благочіемъ, письмоводителя, эконома, келаря, инока совершенно постриженнаго и схимника, наконецъ трудниковъ и послушниковъ. Здѣсь же, въ третьей главѣ, помѣщены статья о „прізнаніи больныхъ“ и статья „о корреспонденціи“. Последняя особенно любопытна: „Въ нашемъ монастырскомъ общежителствѣ непремѣнно наблюдается что братія безъ позволенія настоятеля, а настоятель безъ вѣдома намѣстника никакихъ писемъ не пишутъ и никуда не посылаютъ, но всѣ, какъ на почту посылаемыя, равно и почтой присылаемыя письма завсегда записываются въ почтовую книжку; всѣ же съ почты и okazіями получаемыя письма и повѣстки прежде доставляются самому настоятелю, который всякое распечатываетъ и прочитываетъ, однакожь особобратскія непремѣнно при хозяинѣ, кому письмо принадлежитъ, а монастырскія и собственно настоятельскія при намѣстникѣ, и тогда же особобратскія письма отдаются по принадлежности хозяину.“

* Упомянутый здѣсь и въ другихъ мѣстахъ уставъ „намѣстника настоятеля“, къ удивленію, не значится въ числѣ должностныхъ лицъ, обязанности которыхъ далѣе подробно описаны.

Четвертая глава устава имѣеть надписаніе: „о запрещеніяхъ“ и содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) о присягѣ, какъ дѣйствию воспрещенномъ; 2) о томъ чтобы „никому безъ благословенія ничего не работать и изъ монастыря не выдавать“; 3) „за ограду монастыря безъ благословенія настоятеля не выходить“; 4) „запрещеніе входа въ монастырь отрокамъ и женскому полу“; 5) „чрезъ-естественныя преступленія“, къ которымъ отнесены между прочимъ „брадобритіе, какъ искови Богомъ запрещенное и древле-греческимъ христіанскимъ закономъ (?) вельми возбраненное“, также „нюханіе и куреніе табаки“; 6) злословіе.

Глава пятая, „о учрежденіи къ соблюденію особобратскихъ капиталовъ“, содержитъ нѣсколько правилъ относительно частной собственности живущихъ въ монастырѣ. Все что иноки, живя въ монастырѣ, приобрѣтаютъ своимъ трудомъ, поступаетъ въ общую монастырскую казну; „только собственный, не въ монастырѣ приобрѣтенный, но отъ отечества привезенный, или послѣ присланный капиталъ, какъ настоятель, такъ и вся братія, всякій при своей запискѣ, сверхъ общемонастырской казны, въ особомъ щетѣ въ казначевищѣ подъ сохраненіе полагаютъ. Буде же кто пожелаетъ на положенный капиталъ имѣть себѣ росписку, то таковая дается безпрелятвенно“. „Безъ воли и позволенія положителья собственности ни на какія общія потребности изъ тѣхъ особыхъ капиталовъ ни малѣйшей части ни подъ какимъ предлогомъ не должно употреблять; аще ли кто изъ положительныхъ позволить что взять, о томъ на той же своей запискѣ самъ да означить. Прочее же всякому, свой капиталъ если кто восхоцетъ въ подобно время осмотрѣть, свободно есть. А когда кто-либо отъ сихъ положительныхъ собственности волею Божіею отъ житія сего преставится, тогда все то его имущество и капиталъ, хотя бы онъ и во иноки не былъ постриженъ, въ общепратскую казну совершенно причитается и о души его соборное и достодолжное поминовеніе сотворяется.“

Глава шестая: „о привятіи приходящихъ въ монастырское общежительство и о обѣтѣ иноческомъ“. Изложенныя здѣсь правила относительно приходящихъ въ монастырѣ отличаются строгостью. Такъ первое изъ этихъ правилъ гласить: „аще желающій поступить въ наше монастырское общежительство будетъ человекъ незнаемый и на распросѣ настоятелемъ не будетъ имѣть надлежащаго письменнаго вида, тогда дается

ему въ путь укрой хлѣба и отпущается изъ монастыря съ миромъ.“ Но правило это назначалось единственно для отклоненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ бѣлокривицкой братіи, а вовсе не для практическаго употребленія, и въ дѣйствительности никогда примѣняемо не было. Въ другой статьѣ этой главы — „о иноческихъ обѣтахъ“, подробно изложено чинъ постриженія въ иночество и великую схиму.

Наковецъ въ послѣдней, *седьмой главѣ*, говорится „о страннопріимствѣ и гостепріимствѣ“. Она составлена также съ очевиднымъ намѣреніемъ оградить монастырь отъ подозрѣнія въ укрывательствѣ приходящихъ изъ-за границы бѣглыхъ раскольниковъ и вмѣстѣ обезпечить ему возможность оправданія на тотъ случай еслибы открылось что кто-нибудь изъ такихъ бѣглецовъ дѣйствительно скрывается въ монастырѣ. Таково именно назначеніе перваго правила „о страннопріимствѣ“: „по долгу христіанскому и обычаю монастырскому, всякъ изъ числа нашихъ старовѣровъ *путешествующій, или по случаю въ монастырь приходящій*, инокъ или мірянинъ, удовлетворяется во первыхъ лицемо, а потомъ, аще кто пожелаетъ, *упокоевается и ночлегомъ* во общепріемницѣ, и воставши завтра отходить куда намѣренъ.“ Понятно что монастырь, принимая каждаго приходящаго раскольника, по силѣ этого правила, въ нужномъ случаѣ всегда могъ сказать въ свое оправданіе что странникъ „обнощеваль“ только въ обители и „отошелъ“, или „отходить куда намѣренъ“. Что же касается „инославной религіи“ странниковъ, то уставъ предписываетъ удовлетворять ихъ только лицемо, но отнюдь не позволять таковымъ „ночевать внутри монастыря“. Подобныя же правила положены и относительно гостепріимства. Но здѣсь, по требованію обстоятельствъ, сдѣланы слѣдующія исключенія для знатныхъ посѣтителей: а) „если кто случаемъ отъ знаменитыхъ лицъ пріибудетъ, таковой пріимлетъя особо въ настоятельскую келію и чѣмъ Богъ послалъ гостепріимственнѣ пріивѣтствуется“; б) „аще ли пожелаетъ взойти въ вашу церковь, то съ вѣдома настоятеля, кромѣ службы, позволено ему; аще ли же пожелаетъ смотрѣть нашего церковнаго обряда, и во время богослуженія послушать чтенія и пѣнія, то доваѣло бы таковому, съ позволенія настоятеля, на особъ для сего случая возвышенно устроенномъ мѣстѣ стоять, яко же бѣ древле Владиміровымъ посланъ въ Царѣ-градъ; а по неустроенію таковаго особаго мѣ-

ста, позволяется случайности ради желающему стать внутри церкви создади крылоса, откуда бы онъ могъ точію смотрѣть и слушать, а не молиться вкулѣ“. Затѣмъ излагаются правила которымъ вообще должны слѣдовать бѣлокриницкіе иноки „относительно случающагося съ людьми инославныхъ религій обхожденія“,—правила строго воспрещающія имъ сообщаться съ инославными въ яденіи и питіи, наипаче же въ моленіи. Впрочемъ и изъ этихъ строгихъ правилъ, на всякій случай, и именно для тѣхъ кому ради пользы „христіанства“ придется жить внѣ монастыря, сдѣланы изъятія: „аще кто сообщится съ иновѣрными только въ яденіи и питіи, а не склоненіемъ къ чужой вѣрѣ согласовательными словами, то такому за ересь не вѣвкятся, но за грѣхъ небреженія причитается. Для того, возвратясь таковой въ обитель, да не замедлитъ по долгу очистить совѣсть свою христіанскимъ ширеніемъ и испрошеніемъ прощенія отъ Бога и отъ настоятеля по обычаю.“

Здѣсь и кончается собственно такъ-называемый „уставъ Бѣлокриницкаго монастыря“. Но къ нему инокъ Павелъ присоединилъ, какъ необходимое его заключеніе, хотя внѣ счета главъ, особую статью, подъ заглавіемъ: „предметъ о водвореніи у насъ своего епископа для необходимо нужнаго устроенія церковныхъ порядковъ“. Статья эта, очевидно, имѣетъ особенную важность. Приводимъ ее съ нѣкоторыми сокращеніями.

Здѣсь, вопервыхъ, изложены, указанныя и въ поданной крайзамту просьбѣ, основанія почему буковинскимъ старообрядцамъ необходимо имѣть своего епископа и почему ходатайство объ этомъ приняли на себя иноки Бѣлокриницкаго монастыря:

„Необходимо нужно намъ присно имѣть издавна желаемаго нами святителя, который бы, согласно правиламъ св. апостоль и св. отецъ, у насъ священнодѣйствовалъ и намъ, изъ числа нашихъ старовѣровъ, достойныхъ пресвитеровъ законно посвящалъ. Поелику нынѣ обдержитъ насъ не одна скудость что безъ священства невозможно быть производству иносческаго чина и совершенію божественной литургіи; но еще и другая предстоящая крайность побуждаетъ насъ душевными чувствами безпокоиться и до зѣла болѣзновать—что наши въ цѣлыхъ четырехъ селеніяхъ многочисленныя старовѣры находятся за скудостію священства въ крайне бѣдственномъ положеніи: ибо они для совершенія случающихся крещеній, бракосочета-

вій и прочихъ духовныхъ требъ часто вынуждены бывають ѣздить даже въ иныя владѣнія, за границу; не имущіе же на таковое иждивеніе достатка терпятъ великую духовную нужду, такъ что у нихъ многажды случается: новорожденные младенцы надолго остаются некрещеными, овы же, не дождавъ священническаго совершенія, печати дара Духа Святаго, то-есть безъ муроломазанія, умирають, а пришедшіе въ совершенный возрастъ остаются чрезъ своевременность безбрачны и нерѣдко, повреждая совѣсть, теряють естественныя чистоты непорочность, умирающіе же, старые и молодые, лишаются, при смерти своей, личнаго священническаго присутствія и разрѣшенія грѣховъ, и погребаются тѣла ихъ въ землю отъ братій своихъ, сущихъ простолюдиновъ. Нѣсть ли это крайняго сожалѣнія достойно? А хотя наши священники, которыхъ въ Россіи отъ единовѣрныхъ нашихъ обществъ съ немалыми издержками достаеми, здѣсь у насъ и бывають, однакожь, какъ мы своего святителя, коему бы они подчинены были, здѣсь не имѣемъ, увѣзжаютъ чрезъ короткое время за границу къ нашимъ старовѣрскимъ въ Молдавію и за Дунаемъ живущимъ обществамъ: ибо и тамъ крайняя нужда въ духовенствѣ существуетъ... Нынѣ же занятіе священниковъ изъ Россіи сдѣлалось весьма строже, такъ что уже старовѣры приходятъ въ отчаяніе. Сіе, по истинѣ слезамъ достойное, присво предъ очима нашими предстоящее зрѣлище напоминаетъ совѣсти нашей яко къ тому и намъ однимъ неправедно покоиться безмолвіемъ (?); а какъ мы, общіе богомольцы, наипаче должны есмы, по заповѣди святаго апостола Павла, другъ друга тяготы носити и тѣмъ исполнять законъ Христовъ: того ради единственно осмѣлились мы, по силѣ всевысочайшей привилегіи, еще въ мартѣ 1840 года, подать къ гражданскому правительству на предметъ сей наилокорнѣйшее прошеніе,—и твердо надѣемся что сіе наше телѣйшее желаніе безъ препятствія исполнится: понеже всемилостивѣйшее правительство Австрійской имперіи, не только всѣмъ христіанскимъ религіямъ таковыя прошенія исполняетъ, но даже и Евреямъ свободное содержаніе ихъ раввиновъ не возбраняеть.“

Не безъ намѣренія поставлено здѣсь на видъ больше всего крайнее затрудненіе претерпѣваемое лицами, отъ скудости священства, въ отправленіи христіанскихъ требъ—крещенія, вѣнчанія и погребенія: хотя Павелъ и указываетъ соб-

сгвенно происходящій отсюда „душевный вред“, но въ то же время очевидна невысказанная имъ цѣль, объяснить правительству что при настоящемъ положеніи дѣла отъ липованъ никакъ нельзя требовать аккуратнаго веденія записей о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, и что оно возможно только съ учрежденіемъ у липованъ правильной іерархіи. Затѣмъ права и обязанности будущаго липованскаго епископа опредѣляются слѣдующими правилами:

а) „Святителю священнодѣйствовать во всемъ неизмѣнно по нашему старогреческому закону и наблюдать вточности весь обычай древняго христіанскаго благочинія, *якоже въ монастырсколѣ уставѣ изгласнено.*

б) „Онъ долженъ для всякаго печальнаго случая, какъ-то: скорой своей смерти, или чего иного непредвидимаго, одного изъ *нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ*, съ согласія общаго собора, въ наслѣдство своего святительскаго престола неотлагательно посвятить, дабы, *по дальнему за границей существованію согласнаго съ нашей религіей святителя,* * въ нашемъ мѣстѣ древлехристіанскаго исповѣданія святительскій престолъ многолѣтно не вдовствовалъ и дабы тѣмъ старовѣрскія наши общества толикою, *якоже до нынѣ, обдержавшею* духовною нуждою лаки до зѣла не бѣдствовали. Однакожь доколѣ дѣйствительный святитель въ жизни существовать будетъ до того времени въ наслѣдство его посвященный святитель, да не дерзветъ, по^н8 правилу Іго вселенскаго собора, безъ благословенія дѣйствительнаго, ничего святительскаго совершать.

в) „Долженъ составить свой духовный судъ изъ пяти членовъ, какъ-то: изъ своего наслѣдника, двухъ священниковъ и двухъ мірскихъ священниковъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, имѣя себѣ и письмоводителя.

г) „Долженъ изъ числа достойныхъ и божественное Писаніе добрѣ знающихъ мірскихъ старовѣровъ каждому ихъ обществу потребное число священниковъ на неотлучное при ихъ

* Инокъ Павелъ либо разумѣлъ здѣсь тѣхъ „древлеправославныхъ епископовъ“, *якобы сокровенно существующихъ гдѣ-то, о которыхъ ходили у старообрядцевъ темные слухи, либо хотѣлъ только дать знать правительству что епископъ котораго просили липованы не единственный въ своемъ родѣ, но что будто бы такіе уже существуютъ безпрепятственно „за границей.“*

церквахъ пребываніе поставлять. * Также и монастырю на-
шему священниковъ и іеродіаконовъ къ очередному седмица-
ми служенію слѣдующее число поставлять.

а) „Вгда же, паче чаянія, за нашимъ дѣйствительнымъ свя-
тителемъ послѣдуетъ какой-либо нетерпимый соблазнъ (чего
Боже сохрани!), или начнетъ вводить что противное нашей
религіи закону: тогда наследникъ его и прочіе духовные чле-
ны должны будутъ вступиться и отнюдь не допускать рас-
пространиться церковному раздору. Собравшись же *въ собѣтъ*,
да разсмотрятъ дѣло, какъ предъ престоломъ Божіа правосу-
дія и безпристрастно. И ежели свидѣтельствованіе на святи-
теля истинною окажется, тогда должно будетъ изъ совѣта *еди-
ному, или двумъ* членамъ къ нему келейно дойти и о тихомъ
прекращеніи соблазна сынолѣпно и убѣдительно ему доложить.
Аще ли тѣмъ не исправится, то надлежитъ изъ совѣта вто-
рично послать къ нему нарочитыхъ *двухъ, или трехъ* членовъ
съ писаніемъ. Аще ли же и то безуспѣшно явится, тогда бу-
детъ *общій соборъ*, который бы ему о томъ рѣшительное пред-
ложеніе учинилъ. И если оны къ исправленію своему согла-
сится, то да примется терпѣніе; буде же и собору против-
нымъ отзовется, тогда да учинится соборный приговоръ съ
достовернымъ доказательствомъ. Обаче, какъ всѣ члены
„святительскаго суда“ и „монастырскаго духовнаго совѣта“
сами совершенно святителя изъ сана его извергать не мо-
гутъ: ** то должны они будутъ таковога святителя, по силѣ учи-
веннаго приговора, въ присутствіи приглашенныхъ изъ всѣхъ
здѣшнихъ старовѣрческихъ обществъ духовныхъ и мірскихъ
первостатейныхъ лицъ, то-есть *полнымъ соборомъ* отъ всего
завѣдыванія и совокупнаго съ нами богомоленія навсегда

* Здѣсь умышленно, или не умышленно допущена неопредѣлен-
ность, — говорится вообще о *старовѣрцахъ* и ихъ *обществахъ*, такъ
что можно разумѣть не однихъ липованъ, а всѣхъ вообще, въ томъ
числѣ и русскихъ старообрядцевъ.

** Противъ этого одѣлано въ уставѣ замѣчаніе что судимаго епи-
скупа можно будетъ подвергнуть и изверженію, если для суда надъ
нимъ собраны будутъ *отовсюду* духовные, хоть бы и поставленія всѣ
его были.“ Къ удивленію, Павелъ основалъ это правило на отвѣтахъ
вселенскихъ патріарховъ по дѣлу патріарха Никона: „о семъ про-
странно на Никона, 1677 года, въ соборныхъ отвѣтахъ четырехъ
вселенскихъ патріарховъ, зри въ книгѣ 4 части государственныхъ
грамотъ, печатной, на лист. 111 и 112.“

устранить, однакожь да будетъ на томъ же нашемъ пропитаніи. Если же, паче чаянія, подпадетъ святитель въ преступленіе гражданскаго суда закона, о томъ вѣдаютъ сами руководящіися закономъ что и како въ таковыхъ случаяхъ поступать съ нимъ подобаетъ.

с) „По смерти же дѣйствительнаго святителя, или въ случаѣ совершеннаго удаленія его отъ престола, наследникъ его имѣетъ право вступить въ полное онаго дѣйствіе, съ донесеніемъ его императорскому величеству, съ тѣмъ обаче, да и сей въ наследство свое прежде всего произведетъ чинно другаго, соборнаго избраннаго, во святителя, по тому же образу какъ выше означено.“

Въ обязанность будущему епископу поставлено между прочимъ заведеніе при монастырѣ училища „для обученія старовѣрскаго юношества“. Здѣсь инокъ Павелъ высказалъ свои мысли о потребномъ для старообрядцевъ образованіи. Юношество старовѣрское, писалъ онъ,—должно обучаться

„не внутрь монастыря и не иноувѣрными, но нашей религіи учителями, не по чинамъ какимъ, но только по старолечатнымъ нашего закона книгамъ, или точно съ нихъ списаннымъ, читать, и обыкновенно писать, и упражняться въ истинномъ богопознаніи, а не въ звѣздочетствѣ, которое оставляемъ постигать астрологомъ: ибо старовѣры всегда спокойно наслаждаются дарами природы по чувствамъ своимъ и разсудку, не входя ни въ какія дальнѣйшія умствованія; доваѣтъ же имъ навязать истиннаго христіанства и благочестиваго жителства, согласно завѣщанію апостола Павла, рекшаго: *да стѣра ваша не отъ мудрости челоуѣческой, но отъ силы Божіей будетъ; отъ наученія же странна и различна не прилагайтесь.* Итакъ, дабы всѣ старовѣрскія дѣти воспитываемы были по образу древнихъ христіанъ въ строгихъ правилахъ страха Божія, сирѣчь: не только законовъ и наказаній бояться, отъ коихъ иногда могутъ укрываться самые злѣйшіе преступники, но страшиться всякихъ преступленій и самыхъ даже сокроуеннѣйшихъ, по одному только знаку совѣсти своей, твердо зная что воевышній Богъ вся сокроуенная, даже какъ и самыя мысли зарождаятся, въ каждомъ челоуѣкѣ видитъ. Того ради непремѣнно требуютъ юноши, дабы съ самыхъ младыхъ лѣтъ первѣе всего вкоренять въ сердца ихъ таковыя добрыя нравы, и притомъ были бы они справедливыми въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, какъ-то: въ вѣрности и

приверженности къ своему государю, въ повиновеніи судебнымъ, законамъ и властямъ, " въ душевномъ расположеніи къ духовнымъ отцамъ, въ совершенномъ послушаніи къ своимъ родителямъ " и пр.

Этотъ параграфъ объ училищѣ внесенъ былъ въ уставъ вовсе не потому чтобы дѣйствительно предполагалось устроить школу при Бѣаокривицкомъ монастырѣ, а единственно затѣявъ чтобы живимю заботливостію о воспитаніи вѣрныхъ и преданныхъ правительству гражданъ заслужить его благосклонность, нужную для главной цѣли. Въ тѣхъ же видахъ инокъ Павелъ написалъ оцѣдующее вѣропопдавическое заключеніе устава:

„И тако да пребудемъ въ мирѣ и тишинѣ, благодарствуя всемогущему Богу и вѣнчавшему нашему Австрійскому государю царю, услаждающему наше смиреніе своимъ покровительствомъ, аки орелъ птицы, подъ державными крылами, и ограждающему нашу религію отъ всякихъ опасностей всемилостивѣйшею привилегією, за что и наша незлѣотная любовь и преданность къ своему предобнѣйшему царю доказываетса и тѣмъ что сверхъ исполненія каждодневныхъ нашихъ къ Богу молитвъ, по апостольскому и святыхъ отецъ заповѣданію, при совершеніи божественной литургіи приносима у насъ, въ знакъ седми, именуемыхъ великими, особая просфора о здравіи его величества, всепресвѣтѣйшаго, самодержавнѣйшаго нашего государя царя, да преблагій Искупитель рода человеческого соблюдетъ всемилостивѣйшаго нашего царя въ вождѣланомъ здравіи на многая лѣта, яко да и мы подъ державою величества его прочее въ мирѣ и тишинѣ поживемъ...“

Кромѣ статьи „о водвореніи епископа“ приложена была къ уставу и еще статья „о родословныхъ книгахъ,“ или „родословныхъ“ . Этимъ библейскимъ названіемъ инокъ Павелъ хотѣлъ замѣнить ненавистное для липованскаго уха слово „метрики“, питая надежду, не удастся ли провести ихъ къ липованамъ подъ прикрытіемъ новаго имени. А въ самой статьѣ „о родословныхъ книгахъ“ онъ доказывалъ что употребленіе оныхъ не противно ни религіи, ни церковнымъ уставамъ; и даже освящено примѣромъ самого Спасителя. Но и подъ этимъ прикровеннымъ заглавіемъ статья о метрикахъ не удержалась въ

* Любопытно что все это писалъ человѣкъ ни мало не затрудаившійся извѣстить своему государю.

уставъ. Когда совсѣмъ уже переписанный уставъ былъ прочитанъ блжнокривницкому братству и предложенъ для подписанія, настоятель инокъ Іоиль, совершенно усвоившій себѣ духъ линованъ, рѣшительно возсталъ противъ статьи „о родословныхъ книгахъ“, и тогда только соглашался подписать уставъ когда будетъ исключена изъ него эта блазнительная статья. Его голосъ былъ тѣмъ важнѣе что находилъ себѣ поддержку во мнѣнїи всего линованскаго общества: приходилось позволю подчиниться ему. Итакъ заполучивъ статья была исключена, и затѣмъ, 6го июня 1841 года, „уставъ Блжнокривницкаго общежительнаго монастыря“ подписанъ былъ настоятелемъ и прочими иноками. Между этими послѣдними тогда уже были распределены разныя монастырскія должности, численныя въ третьей главѣ устава: въ званїи должностныхъ лицъ они и подписались. Такъ инокъ Геронтїй подписался уставщикомъ, Онуфрїй ризничимъ, а самъ Павелъ письмоводителемъ; въ числѣ подписавшихся обрѣтается уже и „головщикъ Крымоса инокъ Алимпїй“.

Алимпїй, послѣ долгаго отсутствїя, возвратился въ Блжну-Кривницу въ мѣзъ 1840 года. Онъ прїѣхавъ изъ Россїи, гдѣ занимался между прочимъ оборотъ подавнїй для убогой Блжнокривницкой обители, и дѣйствительно привезъ немалое количество пожертвованныхъ русскими старообрядцами церковныхъ вещей: иконъ, лампадъ, подсвѣчниковъ. На границѣ, со всеми этими вещами, онъ попался было въ руки дозорниковъ, но благодаря своей безграничной отважности успѣвъ вылутаться изъ бѣды и явился въ монастырь, ни одной вещицы не оставивъ во вражескихъ рукахъ. Павелъ и Геронтїй не очень обрадовались прїѣзду этого воителя, который вообще не пользовался хорошею репутаціей между старообрядцами. Тогда дѣло объ учрежденїи архїерейской кафедры въ Блдой-Кривницѣ, какъ мы видѣли, было уже въ ходу, и Павелъ съ Геронтїемъ опасались именно какъ бы Алимпїй, по своему задорному и запальчивому характеру, не сталъ ему противодействовать. Но оказалось что ихъ замыслы о прїобрѣтенїи древлеправославнаго епископа, о снабженїи священствомъ всего старообрядческаго міра, несмотря на всѣ стѣненїя употребляемыя россійскимъ правительствомъ, принадлежали именно къ числу тѣхъ которыми всего скорѣе способно было увлечься килучее сердце инокъ Алимпїя: ему нравились именно грандіозность и смѣлость предпрїятїя; труды и

опасности, которые, какъ онъ ожидалъ, придется перенести ради любезнаго ему старообрядчества въ столкновени съ разными, можетъ-быть высокоюоставленными лицами, въ странствіи по разнымъ мѣстамъ и краямъ свѣта, какъ нельзя больше соотвѣтствовали его характеру и только способствовали тому чтобъ онъ отдался всею душой замысламъ батюшки отца Павла въ которые постепенно и осторожно посвятилъ его Павелъ. Нѣтъ сомнѣнія что и здѣсь много значила самая личность инока Павла, вліянію котораго не могъ не подчиниться даже и Алимпій, вообще мало способный подчиняться чьему бы то ни было вліянію. Итакъ Павелъ и Геронтій приобрѣли въ Алимпіи новаго сотрудника для осуществленія своихъ плановъ объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи, сотрудника который отдался этому дѣлу всею душой, для него готовъ былъ на самыя отважныя подвиги, и подъ руководствомъ такого разсудительнаго и осторожнаго человека какъ инокъ Павелъ, могъ дѣйствительно принести ему большую пользу.

Въ то время когда шли хлопоты по оставленію устава, Алимпій еще не имѣлъ случая показать самымъ дѣломъ свою готовность — подвизаться ради свисканія древлеправославныхъ епископовъ. Но одинъ поступокъ, изъ самыхъ обыкновенныхъ, учивенный имъ въ это время, и притомъ вовсе не въ видахъ служенія великому дѣлу о епископствѣ, по случайному отвлеченію обстоятельствъ, имѣлъ послѣдствія немаловажныя для этого именно дѣла. Въ качествѣ благотворителя Бѣлокривицкой обители, обязанной ему отчасти и первоначальнымъ своимъ устройствомъ и недавнимъ приобретеніемъ разныхъ церковныхъ вещей, инокъ Алимпій не слишкомъ почтительно относился къ настоятелю, иноку Іоилу. Іоиль, какъ верѣяко бываетъ у старообрядцевъ, имѣлъ жему и дѣтей, съ которыми при постриженіи въ иночество долженъ былъ навсегда разлучиться, но съ которыми однакоже не прерывалъ сношеній. Случилось что жена его пріѣхала въ Бѣлую-Кривицу; Алимпій, какъ всему старообрядческому міру извѣстно, не великій блюститель цѣломудрія, воспыпалъ однакоже ревностію по поводу такого нарушенія иноческихъ правилъ, публично предъ всѣмъ бѣлокривицкимъ братствомъ явился обвинителемъ Іоила и требовалъ чтобы соблазнъ немедленно былъ устраненъ. Іоиль долженъ былъ покориться, отослалъ жену обратно въ Молдавію; но обиды нанесенной Алимпіемъ онъ не забылъ; да и вообще власть которую при-

обрѣи въ монастырѣ пришемы искатели архіерейства нача-
ла его тревожить: онъ задумалъ выпроводить изъ Вѣлоф-Кри-
виды и Алимпія и Павла съ братіей. Удобный поводъ къ
этому онъ нашелъ въ извѣстныхъ ему секретныхъ дѣйствіяхъ
Павла относительно вопроса о метрикахъ: обнаруженіемъ этихъ
дѣйствій предъ липованами весьма удобно было вооружить про-
тивъ Павла и его сообщниковъ всю липованскую громаду. У не-
го имѣлись очевидныя доказательства: вопервыхъ, статья о ро-
дословныхъ книгахъ которую Павелъ внесъ было въ уставъ и
уничтожилъ только по его настоянію, во вторыхъ, показаніе дя-
вое Павломъ комиссару Шаловскому, равносильное формаль-
ному обязательству предъ правительствомъ непремѣнно дости-
гнуть чтобы метрики введены были въ употребленіе у липо-
ванъ. Тою дѣйствительно разказалъ все это липованской
громадѣ, объяснивъ притомъ что пришеельцы помышляютъ на
больше ни меньше какъ о томъ чтобы съ помощію прави-
тельства захватить въ свои руки и монастырь и липованское
общество, что за такія козни подобаетъ липованамъ учинить
надъ ними судъ и расправу. И вотъ спустя немного времени
послѣ того какъ подписанъ былъ уставъ, въ одинъ праздни-
чный день, послѣ вечерни, Павелъ съ братіей видитъ огро-
мную толпу липованъ, со всего почти селенія, вооруженныхъ
дреколіемъ и направляющихъ свое шествіе прямо къ мона-
стырскимъ воротамъ. Понявъ въ чемъ дѣло, Павелъ прежде
всего позаботился о томъ чтобы защитить отъ нападенія мо-
настырскую часовню: ключи отъ нея онъ отдалъ одному изъ
щюковъ и велѣлъ ему поскорѣе скрыться въ безопасное мѣ-
сто. Между тѣмъ толпа вошла въ монастырь и вызвала Пав-
ла, Геронтія и прочихъ на судъ „за предательство“: потре-
бовали ключей отъ монастырской часовни, а виновныхъ при-
говорили къ изгнанію. Но ключей не оказалось; а пригово-
ренные къ изгнанію не хотѣли подчиниться рѣшенію толпы,
не имѣвшей никакого права распоряжаться въ монастырѣ.
Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ, липованы не знали
что имъ дѣлать: прибѣгнуть къ насилію они опасались, а уй-
ти ни съ чѣмъ — не хотѣлось. Такъ какъ начало уже смер-
каться, то рѣшили отложить судъ до утра, а ночью держать
монастырь въ осажденномъ положеніи: на Павла, Геронтія и
Алимпія надѣли кандалы; вокругъ часовни вооруженные ду-
бинами липованы составили цѣпь, въ средину которой помѣ-
тили и колодниковъ. Положеніе сихъ послѣднихъ могло бы

ковчаться весьма неприятно, могли развѣстаться въ прахъ и всѣ замыслы „о древаеправославномъ епископатѣ“, еслибы задремавшіе липованскіе ратники не дали возможности Павлу съ Алмиціемъ пробраться за соотвѣствующую ими цѣль. Снявъ кандалы и съ величайшей осторожностью выйдя за монастырь, они побѣжали въ Гадикъ-фальву, къ мандатору, объявить о случившемся въ Бѣлой-Кривицѣ возмущеніи. Само собою разумѣется что они указали и главнаго виновника и причину всей смуты: какъ ревнители интересовъ правительства, страдающіе за дѣло о метрикахъ, они просили у мандатора законной защиты, обѣщавъ ему и вознагражденіе за желаемое восстановленіе тишины и порядка въ обители. Мандаторъ немедленно собрался ѣхать въ Бѣлую-Кривицу. Здѣсь между тѣмъ проснувшіеся стражи и всѣ липованы до крайности изумлены были, увидѣвъ одного только Геронтія, спокойно сидѣвшаго во узакъ: на вопросы о сотоварищахъ по извѣстству оныхъ отвѣчалъ молчаніемъ. Исчезновеніе Павла съ Алмиціемъ и подозрительное спокойствіе Геронтія не обѣщали ничего хорошаго. Липованки начали трусить; а когда завидѣли акипакъ лава мандатора, то и окончательно растерялись. Павелъ мандаторъ, вида ихъ расказаніе, простилъ ихъ; главный же виновникъ возмущенія, инокъ Іоиль, попытался лишеніемъ настоятельства и долженъ былъ уѣхать въ Молдавію. На его мѣсто мандаторъ предложилъ бѣлокривицкому братству немедленно избрать новаго настоятеля. При этомъ случаѣ въ первый разъ принятъ былъ къ руководству новый монастырскій уставъ, хотя не утвержденный еще правительствомъ, но по тому самому что былъ уже подписанъ бѣлокривицкими старцами, имѣвшій для этихъ послѣднихъ обязательную силу. На основаніи той статьи что „общебратскій соборъ“ имѣетъ право снѣжать настоятеля и „изъ среды себя достойнѣйшаго на ту должность яки избирать“, тогдашній „общебратскій соборъ“, по указанію Павла, единогласно избралъ въ настоятели инока Геронтія.* Эта перемѣна, случившаяся такъ не-

* Геронтію на допросъ показавъ что избраніе его въ настоятели случилось именно вслѣдъ за подачей устава: „Съ Божіею помощію доставленъ отъ насъ правительству уставъ нашего монастыря, и часть отъ богословія исповѣданія вѣры и догматъ, и предметъ о святителяхъ и учрежденіи школы. И въ 1841 году доставлено сіе. Тогда братія избрали меня въ настоятели и мѣстное начальство утвердило.“ Изложеніе обстоятельствъ сопровождавшихъ его избраніе оско-

ожиданно, хотя и давно желаемая, имѣла большую важность для учредителей Бѣлокриницкой іерархіи: теперь они сдѣлались по праву главными распорядителями въ монастырѣ, назначенномъ въ мѣстопребываніе будущему епископу, и здѣсь никто уже не могъ препятствовать осуществленію ихъ плановъ.

V.

Въ хлопотахъ за монастырскими установами прошелъ цѣлый годъ. Между тѣмъ въ это время крайзамтъ успѣлъ обитывать самою губерніей официальными объясненіями по поводу представляемаго имъ въ ноябѣ 1840 года прошенія Бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи архіерейской ка�едры у литованъ. Въ губерніи весьма недовѣрчиво и неблагоклонно взглянули на это дѣло. Кажется, тамъ уже получены были косвеннымъ путемъ свѣдѣнія объяснившія дѣлительное значеніе затѣяваемаго Бѣлокриницкими иноками предпріятія, а также извѣстія и о самыхъ затѣвщикахъ, какъ лицахъ подозрительныхъ, бывавшихъ изъ Россіи. Предписаніемъ отъ 28го сентября 1840 года губернское начальство потребовало отъ крайзамта, какъ онъ и опасался, болѣе полныхъ объясненій о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и о томъ на какихъ основаніяхъ крайзамтъ допустилъ существованіе этого духовнаго института въ Бѣлой-Криницѣ; о привилегіи Іосифа II замѣчено что она не даетъ литованамъ никакого права на устройство монастыря; веденіе метрическихъ записей, какъ ожидаемое послѣдствіе учрежденія правильной іерархіи у литованъ, при-

вано на разказѣ о Онуфріи. Что мандатору за прекращеніе мѣтжа и содѣйствіе избранію новаго настоятеля была обѣщана и вручена награда, на это есть указаніе въ одномъ весьма куріозномъ сочиненіи Геронтія, изъ написанныхъ имъ въ Шапсальбургской крѣпости. Сочиненіе называется: „Предсмертная грамота превѣчному Божеству“. Здѣсь Геронтій представляетъ себя на страшномъ судѣ бесѣдующимъ съ Судіею, и вотъ что между прочимъ слышитъ отъ Судіи: „Не лучше еси предателя моего.... Онъ убо за тридцать сребренникъ мене богоубійцамъ преда; ты же предѣстника своего, который любезно въ сожительство къ себѣ пріять те, не за четыре ли десять гульденовъ нѣмецкаго сребра свергнулъ съ престола игуменства, и онаго изъ общежительнаго монастыря изгналъ.“ (принад. имѣ рукопись.)

знаю также недостаточный основатель для просьбы о литованскомъ епископѣ, такъ какъ веденіе метричь есть дѣло гражданское, никакой связи съ религіей не имѣющее; наконецъ предписано находящихся въ монастырѣ „тайно пришедшихъ изъ-за границы литованскихъ калуđerовъ“, которыхъ собственно и принадлежить затѣя объ учрежденіи архіерейской кафедрѣ въ Бѣлой-Крилицѣ, выслать изъ Буковины обратно за границу. Въ отвѣтъ на это предписаніе губернскаго начальства, крайзамтъ, новыми представленіями, отъ 8го и 19го декабря, старался отстоять свое мнѣніе относительно метричь, доказывая что въ литованскихъ селеніяхъ дѣйствительно придаютъ имъ значеніе религиозное и что только съ учрежденіемъ у литованъ правильной іерархіи можно ожидать въ ихъ обществахъ и правильнаго веденія метрическихъ записей. Вліянію монастыря на ожидаемый счастливый исходъ дѣла о метрикахъ и вообще на смягченіе литованскихъ вѣровъ крайзамтъ усвоилъ также большое значеніе; а для нужныхъ объясненій о самомъ монастырѣ, его исторіи и учрежденіяхъ, обещалъ представить полный монастырскій уставъ, приготовляемый по его порученію. Наконецъ, предписаніе о выслактѣ за границу пришедшихъ калуđerовъ крайзамтъ оставилъ вовсе безъ отвѣта, потому что не находилъ удобнымъ приводить его въ исполненіе, или дѣлать по поводу его какія-либо распоряженія. О Павлѣ съ Геронтіемъ, какъ сказано было выше, крайзамтъ имѣлъ отъ самихъ литованъ точныя свѣдѣнія что они дѣйствительно „пришли тайно изъ-за границы“ и назывались чужими именами; но принявъ отъ нихъ прошеніе какъ отъ туземныхъ жителей, состоящихъ подъ австрійскимъ подданствомъ, онъ долженъ былъ бы, теперь дѣйствовать противъ самого себя, еслибы согласно губернскому предписанію распорядился о выслактѣ ихъ, какъ бѣглыхъ иностранцевъ, изъ Буковины. Вообще, своими первоначальными распоряженіями по поводу просьбы бѣлокрилицкихъ иноковъ объ учрежденіи епископской кафедрѣ у литованъ крайзамтъ такъ тѣсно связалъ себя съ этимъ дѣломъ что поставилъ уже своимъ долгомъ во что бы ни стало защищать его: замѣчанія губернскаго начальства, чувствительныя для самолюбія черновицкихъ властей, только еще болѣе подстрекали ихъ дѣйствовать въ принятомъ направленіи.

Живя въ Черновцахъ у пана Тарновецкаго, иннокъ Павелъ имѣлъ возможность скоро узнать какъ непріязненно отнес-

лись въ губерніи къ подаваемой имъ просьбѣ о епископѣ, и какіе даже, по поводу этой просьбы, возбуждаются опасныя для монастыря и для него лично вопросы. Это было новымъ огорченіемъ для Павла: его замысламъ угрожала серьезная опасность, и съ такой осторожностью отсюда, повидимому, онъ совсѣмъ не ожидалъ ея. За то онъ вполнѣ убѣдился теперь что его не выдастъ „благодѣтельное“ черновицкое начальство, что отсель оно будетъ его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ. Достаточно сильнымъ чтобы защитить его дѣло предъ губерніей: доказательство этого онъ могъ уже и видѣть въ представленныхъ крайзамту отъ 5го и 19го декабря. Его личныя отношенія къ крайзамту съ этого времени, дѣйствительно, становятся такъ близки что онъ получаетъ свободный доступъ въ его канцелярію и архивы. На составленіе монастырскаго устава, которымъ онъ тогда занимался, предписаніе полученное изъ губерніи, также не осталось безъ вліянія: уставъ получалъ теперь еще больше значенія, такъ какъ и самъ крайзамтъ между прочимъ ссылался на него, обѣщая доставить въ губернію объясненіе на нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ тамъ замѣчаній. Нужно было поэтому усугубить тщаніе, съ какимъ вообще составлялся уставъ, пересмотрѣть со вниманіемъ особенно тѣ его статьи которыя должны были служить какъ бы отвѣтомъ на отдѣльныя въ губерніи возраженія по поводу блочриницкой просьбы. И мы видѣли что эти статьи изложены дѣйствительно съ особеннымъ тщаніемъ и осторожностію,—таковы именно статьи объ основаніи монастыря, о пріятіи иноковъ, о строгомъ за ними наблюденіи, о стравопріимствѣ, объ основаніяхъ почему липованамъ необходимо имѣть своего епископа, объ училищѣ, и другія, въ которыхъ составитель заботился не о томъ чтобы передать истину, а чтобы только умолчаніемъ, или искаженіемъ истины расположить правительство въ пользу монастыря и въ пользу дѣла о липованскомъ епископѣ. Въ июнѣ 1841 года уставъ, подписанный должностными монастырскими лицами, представленъ былъ въ крайзамтъ. Примѣнительно къ его содержанію здѣсь приготовили новое представленіе, и 9го августа вмѣстѣ съ уставомъ отправили въ Лембергъ. Въ этомъ представленіи крайзамтъ не преминулъ повторить что по его убѣжденію „единственное средство привести въ порядокъ отправленіе духовныхъ требъ у липованъ и воспитаніе липованскихъ юношей, вообще сколько-нибудь исправить совершенно потеряни-

ную въ настоящее время нравственность липованъ, заключается въ томъ чтобъ оставить у нихъ неприкосновеннымъ то духовенство (то-есть инокъвъ Блѣокриандкаго монастыря), которое у нихъ существуетъ съ самаго ихъ водворенія въ Буковинѣ и теперь чрезъ совершеніе Божіихъ службъ вѣроятно еще поддерживають порядокъ въ липованскихъ громадахъ, и чтобъ дать этому духовенству законныя установленія, съ возложеніемъ на него обязанности исполнять предписанія правительства относительно провозвденія метричь и обученія липованскихъ юношей“.*

Новое представленіе крайзамта не поколебало прежняго мнѣнія губернскихъ заветей по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ; относительно же присланнаго крайзамтомъ блѣокриандкаго монастырскаго устава они нашли необходимымъ узнать предварительно мнѣніе православнаго буковинскаго епископа Евгенія, какъ главнаго въ области начальника по дѣламъ православной церкви, къ которой липованъ считались имѣющими болѣе близкое отношеніе нежели ко всякимъ другимъ существующимъ въ имперіи исповѣданіямъ. Пресвященныи Евгеній Гакмакъ; Русинъ по происхожденію **, человекъ высокообразованныи и глубоко преданныи православію, всегда интересовался судьбой липованъ, какъ людей славянскаго племени и бывшихъ вѣкогда православными: онъ старался поддерживать сношенія съ ними, бывалъ даже въ монастырѣ Блѣокриандкомъ,—и липованъ вообще относились къ нему съ уваженіемъ ***. Зная уперство ихъ въ такъ-называемой старой вѣрѣ, онъ, конечно, не разчитывалъ въ будущемъ возвратити липованъ къ православію; но тѣмъ не менѣе считалъ ихъ не совсемъ чужими для православной церкви и не терялъ надежды на возвращеніе ихъ къ православію при благоприятныхъ условіяхъ, къ числу которыхъ относилъ и самое оскуднѣніе священства у липованъ, такъ какъ полагалъ что рано или поздно оно можетъ расположити ихъ къ принятію мѣстныхъ православныхъ священниковъ. Но эту

* Содержаніе этого представленія изложено въ другомъ представленіи крайзамта отъ 3го іюля 1842 года, № 6.457 (Блѣокр. арх.).

** Настоящая фамиліа Евгенія Хибайло. См. о немъ у Надеждина стр. 103.

*** Такъ наприм. онъ заѣзжалъ въ монастырѣ Блѣокриандкій въ 1841 году, и здѣсь его принимали съ почестемъ; къ о. Онуфрію, отъ котораго мы слышали это, онъ заходилъ въ келью.

надежду должны были совершенно разрушить замыслы Блюквинцкихъ каутеровъ объ учрежденіи у липованъ самостоятельной архіерейской кафедръ, гласившіе притомъ, что было гораздо важнѣе, и всему православію не нанести вреда, — замыслы о которыхъ еписколу Евгенію, жившему постоянно въ Черновцахъ, не трудно было получить точныя извѣстія и къ которымъ по этому самому не могъ онъ относиться равнодушно, тѣмъ болѣе что видѣлъ явное сочувствіе ихъ со стороны черновицкаго гражданскаго начальства, совершенно чуждаго интересамъ православной церкви, если только не враждебно къ ней расположеннаго. Можно догадываться что въ видахъ противодѣйствія замышленному въ Блюквинцѣ неправоу дѣлу онъ первый сообщилъ въ губернію тѣ свѣдѣнія, о „тайно пришедшихъ изъ-за границы каутерахъ“ и объ ихъ замыслахъ которыми, какъ выше замѣчено, губернское начальство руководилось между прочимъ въ своемъ предписаніи крайзамту отъ 28го сентября 1840 года. Тенерь, получивъ на разсмотрѣніе монастырскій уставъ, епископъ Евгеній считалъ своимъ долгомъ войти въ подробное обсужденіе не только изложенныхъ въ немъ религіозныхъ мнѣній и правилъ иноческаго общенія, но и самаго вопроса объ учрежденіи особой архіерейской кафедръ у липованъ. Что касается этого послѣдняго вопроса, то домогательства липованъ нашель онъ противными каноническимъ правиламъ православной восточной церкви *, и съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ что домогательства эти принадлежатъ собственно нѣсколькимъ монахамъ, прибывшимъ изъ-за границы, и не входить себѣ сочувствія даже въ большинствѣ липованъ, между которыми имѣется притомъ не малое количество и такихъ которые совсѣмъ не признають священства, и потому учрежденіе архіерейской кафедръ считаютъ совершенно излишнимъ. Относительно же вѣроученія липованъ и правилъ

* Надеждинъ, который лично знакомъ былъ и бесѣдовалъ съ Евгениемъ о липованскихъ дѣлахъ, говоритъ что „онъ входилъ съ формальнымъ протестомъ къ мѣстному начальству въ которомъ на основаніи каноническихъ правилъ церкви вообще и православной восточной церкви въ особенности, разъяснилъ и доказалъ всю неаппѣльность и беззаконность раскольническихъ домогательствъ“ (стр. 103). Вѣроятно здѣсь разумѣется именно представленный Евгениемъ отзывъ о Блюквинцкомъ уставѣ, или же первое его доносеніе о „раскольническихъ домогательствахъ“.

иноческаго общенія отозвался что они въ существенномъ своемъ содержаніи ничѣмъ почти не разнятся отъ принимаемыхъ православною церковію; все различіе состоитъ только въ обрядахъ дѣлствіяхъ, которыя не дають липованамъ никакого основанія отдѣляться отъ православной церкви, тѣмъ паче икать учрежденія особой, самостоятельной іерархіи, и которыми только по крайнему своему неумѣству придаютъ они чрезвычайную догматическую важность. Вотъ что въ послѣдствіи писалъ объ этомъ самъ инокъ Павелъ. какъ видно, шедшій возможности прочесть отзывъ Евгенія о бѣлокрижкомъ уезвѣ: „Губернія вздумала вопросить мнѣнія о нашемъ монастырѣ черновицкаго волохской религіи епископа, вовсе для насъ недоброжелательствующаго, который донесъ губерніи весьма для насъ вредную аттестацію. Онъ увѣрилъ губернію что вьнедавнѣ собравшіеся липованскіе монахи сами о себѣ затѣваютъ такое дѣло, но что даже и общества ихъ изволенія совсѣмъ не имѣють: поелуку (говорить) въ липованскихъ обществахъ, кои коренные и достаточные люди суть, всѣ какія-то чуждые христіанства, вовсе не требующіе священства и святыхъ таинъ никогда не причащаются *, а впрочемъ (говорить) хотя нѣкоторые и придерживаются священства, и тѣ суть пришедшіе изъ-за границы—изъ Россіи, изъ Молдавіи—разная словеса, и они временемъ принимаютъ бѣлжвинскихъ изъ Россіи распутныхъ женовъ, или разстриженныхъ, или вовсе несвященныхъ, а только ложно называющихся; а потому (заключаетъ онъ въ клеветѣ (?) своей) эти липоване, кои придерживаются священства, могутъ перейти подъ его паствыство, поелуку и російская религія одного съ нимъ восточнаго греческаго закона и по всему одна другою согласуетъ—въ церковныхъ обрядахъ, въ крещеніи и въ самомъ символѣ вѣры. И такъ вовсе непотребно для липовановъ нѣ только особаго своего епископа, но даже и монастырь съ монахами: ибо когда коренные жители не пріемають священства, коими людемъ для чего имѣть жребны пустые монахи, развѣ для одного попрошанства; собственнаго же достатку они вовсе ничего не имѣють, кромѣ подвемой имъ милостыни“ **.

* Это онъ говоритъ о безполовцахъ; хотя и много клевететь, но лишь отчасти правда, ибо въ одномъ селѣ Климоуцахъ есть нѣсколько безполовцевъ, и мужики заживные.“ (Прим. Павла.)

** Письмо къ благотворителямъ отъ 16го окт. 1843. (Сборникъ

Получивъ отъ епископа Евгенія отзывъ о Буковинскомъ уставѣ, губернское начальство удовлетворилось имъ вполнѣ и вовсе не признало за уставомъ того значенія какое усвоили ему въ Черновцахъ; а на предложеніе крайшита отъ 9го января 1841 отвѣчало новымъ строгимъ подтвержденіемъ своихъ прежнихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ. На сношенія между губерніей и буковинскимъ епископомъ потребовалось довольно времени, такъ что этотъ новый губернский декретъ состоялся уже 21го марта 1842 года. Опредѣливъ со всею точностію что дѣло касается главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: 1) о правильномъ веденіи метрическихъ книгъ въ липованскихъ селеніяхъ, и 2) о дальнѣйшемъ существованіи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, съ предоставленіемъ права на учрежденіе въ ономъ архіерейской каедры, губернское начальство относительно того и другаго постановило: 1) грамота Іосифа II, предоставляющая липованамъ свободу религіи, не освобождаетъ ихъ отъ веденія метрикъ, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ, и потому относительно метрикъ крайшамтъ непремѣнно долженъ исполнить состоявшееся 14го августа опредѣленіе; 2) та же грамота,

с. Онуфрія). Въ „Рекурт“ Павелъ и Алешій также высказались что епископъ Евгеній очень неблагосклонно отозвался „объ особенностяхъ, образованія и способностяхъ липованъ“ (über unsere Individualität, unsere Kenntnisse, und unsere Fähigkeiten). Геронтіи же въ своемъ Памѣтникѣ пишетъ слѣдующее: „Славный Кесарекоролевскій губерніалъ създственикому и не мѣсте завистию намъ враждебному вышшаго грековостока исповѣданія вологскому епископу поручилъ намъ уставъ въ разсмотрѣніе, иже неутомимою жаждою томимъ бѣ. еже бы насъ подъ свою паству подчинити. Не имѣя же религіознаго средства въ нашемъ показаніи епровергати, сеѣ убо витирамъ (sic), или паче рещи вологской діалектики царской фамилии учитель (Ѳ), пренудраѣ софистамъ (sic), но зависти своея сѣбности оцумавъ стезю, между нашего населенія нѣсколько неприямоушати священства, оиъ отнеса губерніалу тако, ако въ показаніи ихъ исповѣданія вѣрнѣсть протипаго грековостоку, развѣ мало нѣчто развѣствуетъ въ церемоніалахъ церковнаго обрада, и та не суть подъ канономъ церковнымъ правилъ; но при всемъ томъ первобытнѣе липованы (такъ они насъ называють), иже по силѣ высочайшей привилегіи въ эстрийской провинціи поселившіеся, оиъ священства на подъ какитъ предагомъ не приемають; но это ристорация (sic) отъ новопрителѣвъшъ плоческаго економа зависитъ быти, между коими незначич-

хотя и предоставляет линованцамъ свободу въ содержаніи своего собственнаго духовенства, но тѣмъ не менѣе не даетъ имъ права имѣть въ Бѣлой-Кривицѣ особаго рода духовной инспектуры, инспекціи у нихъ монастырскія, тѣмъ болѣе что „въ самопервомъ началѣ ихъ поселенія здѣсь они просили уже о дозволеніи устроить таковой монастырь, но рѣшеніемъ на-дворнаго военнаго суда, 8го іюня и 10го іюля 1884, имъ это не дозволено, каковыя рѣшенія они должны были получить чрезъ военную мѣстную администрацію.“ Эти постановленія свои, въ сущности совершенно совмѣстны съ издаванными прежде, губернія предписывала крайзамту „объявить старшинамъ линованской вѣры и старательно наблюдать чтобы оныя, равно какъ всѣ прочіе общіе законы и правила, были ими въ точности исполняемы.“ Наконецъ губернское начальство выражаетъ увѣренность что, согласно прежнему его распоряженію, отъ 28го септября 1840 года, крайзамтъ распорядился уже высылкой за границу пришлыхъ калузеровъ, замыслившихъ дѣло о линованскомъ епископѣ.*

Итакъ, весь трудъ и все дипломатическое искусство, потраченные Павломъ на составленіе устава, для губернія пропали даромъ; надежда какую возлагали на этотъ прословутый уставъ и въ Бѣлой-Кривицѣ, и въ Черновцахъ не оправдалась: благодаря указаніямъ епископа Евгенія и той добросовѣстности съ какою вообще дѣйствовало губернское начальство по вопросу о линованцахъ, ему не трудно было усмотрѣть фальшь и обманъ, какъ ни искусно они были прикрыты, въ тѣхъ самыхъ статьяхъ на которыя всего болѣе разчитывали и Павелъ и черновицкіе чиновники: губернія осталась при своемъ прежнемъ рѣшеніи по поводу просьбы бѣлокривицкихъ иновѣровъ, и только на этотъ разъ выразила его опредѣленнѣе и тверже. Для Павла опять наступило тяжкое время, грозившее неиспроверженіемъ всѣхъ его плановъ и замысловъ; но и теперь къ нему явились на помощь черновицкіе союзники и „благодѣтели,“ не менѣе какъ и онъ самъ недозволенные рас-
 тельное число суть и мірава, которые не возгнушались бы и нами“ (примад. маѣ рукоп.).

* „Губернія полагаетъ что крайзамтъ уже сдѣлалъ, что касается тайно изъ-за границы пришедшихъ линованскихъ калузеровъ, по губернскому приказанію отъ 28го септября 1840 зависящее распоряженіе.“ Губ. предп. отъ 21го марта 1841 года, № 11.613 (Бѣлокр. арх.)

пораженіями губернскаго начальства. Хотя распоряженія эти были выражены такъ твердо что, повидимому, не допускали никакихъ возраженій, крайзамтъ все-таки не намеренъ былъ исполнять ихъ и составлялъ планъ какъ достигнуть того чтобъ они были отменены окончательно.

Въ новомъ представленіи, отъ 3го июня 1842 года, крайзамтъ старался доказать губернскому начальству что поставленное съимъ повелѣніемъ, въ 21 день марта, рѣшеніе по дѣлу о липованскъ „почти невозможно“ исполнить, такъ какъ шлося къ тому оцѣнотъ должныя „чрезвычайныя препятствія;“ и потому просилъ объясненія подлежитъ ли указанное рѣшеніе непремѣнному исполненію, или губернія благоволитъ сдѣлать въ ономъ по требованію обстоятельствъ какія-либо измѣненія, и какія именно. Въ изложеніи „чрезвычайныхъ препятствій“ дѣлающихъ невозможнымъ исполненіе губернскаго рѣшенія, крайзамтъ не сказалъ ничего новаго противъ прежнихъ своихъ представленій въ губернію, только старался описать несчастныхъ липованъ сѣвными яркими красками, чтобъ показать такимъ образомъ крайнюю необходимость для липованскихъ обществъ законно поставленнаго духовенства, которое одне будто бы только и можетъ завести въ этихъ обществахъ порядокъ и исправить липованскіе нравы. „И въ прежнее время, когда въ липовансканъ громадахъ находились старшіе чрезвычайно хорошаго поведенія и достоинства люди, которые старались склонить жителей, даже угрозами; къ веденію метрику, и тогда всѣ эти убѣжденія оставались безъ дѣйствія, ибо всегда имѣло силу то пренятіе что по фанатическому локатию липованъ метрику не суть только политическая мѣра, но противна ихъ религіи. Въ настоящее же время липованы, что касаясь благочестивой, вѣрной и справедливой жизни, стали гораздо хуже, нежели какъ были прежде, такъ что вѣтъ у нихъ ни одного человека который бы могъ имѣть здравое понятіе о распоряженіяхъ правительства; притомъ же всѣ они владѣ въ сѣвной религіозный фанатизмъ: ибо много лѣтъ не имѣютъ порядочнаго духовенства и хорошаго воспитанія юношей. И потому склонить этихъ людей убѣжденіями, или наказаніями къ исполненію всѣхъ законныхъ требованій, указанныхъ въ губернскомъ рѣшеніи, представляется почти невозможнымъ; крайзамтъ же съ своей стороны предлагаетъ къ тому вѣрное средство: до тѣхъ поръ порядокъ у липованъ не будетъ возста-

новленъ, пока не будутъ они имѣть своего законнаго духовенства, которое бы наблюдадо за ними въ исполненіи религиозныхъ требованій, обученія юношей и провозженія метричь, подобно тому какъ дѣлается въ иныхъ религіяхъ. Липованскіе кауугеры берутъ на свою обязанность исполненіе указанныхъ въ губернскомъ высочайшемъ рѣшеніи требованій и просятъ только чтобъ ихъ монастырскія учрежденія утвердить законнымъ порядкомъ.“ Представленіе свое крайзамтъ заключилъ слѣдующими словами: „Теперь дѣло не въ томъ какъ поступить съ липованами и ихъ кауугерами, а въ томъ какъ уничтожить происходящій у нихъ безпорядокъ и довести ихъ до надлежащаго исполненія религиозныхъ требованій, воспитанія юношей и веденія метрическихъ книгъ. Въ уваженіе этихъ обстоятельствъ, крайзамтъ просить дать ему объясненіе должно ли высочайшія рѣшенія 21го марта 1842 года необходимо исполнить, или позволено будетъ на всѣ вышеупомянутыя обстоятельства имѣть уваженіе, и какого рода уваженіе.“ *

Нѣтъ сомнѣнія что никакаго „уваженія“ изъ губерніи крайзамтъ не ожидалъ и ожидать не могъ; равно какъ состоявшееся теперь губернское рѣшеніе вовсе не намѣренъ былъ исполнить и послѣ новаго подтвержденія, о которомъ спрашивалъ и которое непременно должно было послѣдовать. Изъ всего содержанія и по самому тону донесенія видно что оно писано подъ вліяніемъ уже принятаго плана, посредствомъ котораго крайзамтъ надѣялся достигнуть отмѣны губернскихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ: планъ состоялъ въ томъ чтобы перенести это дѣло на рѣшеніе высшихъ инстанцій. Въ исполненіи этого плана крайзамтъ, конечно, не могъ принимать непосредственнаго участія: аппеллировать, какъ недозволенные рѣшеніемъ губерніи, должны были сами просители, уполномоченные на то отъ Бѣлокривицкаго монастыря. Убѣдить же Павла перенести дѣло о епископѣ въ столицу не предстояло никакого труда, такъ какъ онъ и самъ видѣлъ что въ губерніи это дѣло совсѣмъ испорчено, и другаго средства поправить его не остается какъ только искать защиты и суда у верховной власти. Притомъ же были основанія разчитывать что въ столицѣ примутъ его дѣло совсѣмъ иначе нежели какъ оно принято въ губерніи. Губернское началь-

* Донес. крайз. отъ 3го іюня 1842, № 6.457 (Бѣлокр. арх.).

ство (въ этомъ были увѣрены и въ Бѣлой-Кривицѣ и въ Черновцахъ) * дѣйствовало относительно просьбы старообрядческихъ инокъвъ подѣ вліяніемъ православнаго буковинскаго епископа и, быть-можетъ, своего собственного сочувствія интересамъ православія: въ Вѣнѣ же подобныхъ вліяній никакъ не предполагалось, напротивъ, думали, если разъяснить тамъ настоящую причину неблагоприятнаго отношенія губернскихъ властей къ дѣлу о старообрядческой архіерейской кафедрѣ, и если только примутъ тамъ во вниманіе что учрежденіемъ этой кафедры можетъ быть причиненъ значительный ущербъ интересамъ православія, имѣющаго такое существенное значеніе для сосѣдней великой имперіи, то на успѣхъ просьбы у австрійскаго императорскаго правительства можно смѣло разчитывать.

Руководясь такими соображеніями и во всякомъ случаѣ не видя другаго выхода изъ затрудненія въ какое поставленъ былъ „рѣшеніемъ губерніи“, Павелъ согласился послѣдовать совѣту „благодѣтельнаго“ черновицкаго начальства—перенести свое дѣло въ столицу. И вотъ изъ крайзамта препровождается въ губернію изложенное выше представленіе, съ котораго Павлу дана была точная копія; а вслѣдъ затѣмъ отправляются во Львовъ и Павелъ съ Геронтіемъ для подачи губернскому начальству отъ себя лично прошенія, съ томъ единственно цѣлію чтобы получить на него officialный отвѣтъ, который могъ бы послужить основаніемъ для составленія „рекурса“ на императорское имя. Прошеніе это они подали „президенту всей Буковины, Галиціи и Лодомеріи“ 27го іюня 1842 года. „Будучи извѣщены отъ кесарокоролевскаго крайзамта,—писали они,—что уставъ нашъ представленъ губерніи на разсмотрѣніе и утвержденіе, мы прибыли сюда для успѣшности нашего дѣла и въ случаѣ какой надобности что-

* Въ „Рекурсѣ“ Павелъ и Алимпій писали что кесарокоролевская губернія дѣйствовала именно „по нѣкоторому, враждебному для ихъ обрада вліянію;“ и въ другомъ мѣстѣ: „мы съ глубочайшею скорбію узнали что къ изданію тягостнаго высокою губерніею рѣшенія содѣйствовало много мнѣніе поданное отъ его просвѣщенства господина буковинскаго грекоуніятскаго (griechisch nicht unirten) епископа; о томъ же говорится у Геронтіа въ его *Памятникѣ*, и на допросъ онъ показалъ: „губернія учинила по желанію волохскаго епископа, всѣ наши предпріятія и труды уничтожила своимъ рѣшеніемъ.“

бы могли подать наше еще потребное допoлненіе. А какъ мы здѣсь *освидомились* что по нашему дѣлу резолюція покончена и что крайзамтъ самъ неоднократно просилъ губернію насъ удовлетворить: отъ чего мы, соболѣзнуа дабы наша религія и вся свобода не уничтожилась, покорнѣйше просимъ милостиво и внимательно наше дѣло разсмотрѣть и насъ беззащитныхъ, согласно 1го пункта всевысочайшей привилегіи, удовлетворить, дабы нашъ монастырь для вѣчнаго существованія утвердить и намъ здѣсь на оное милостивую резолюцію выдать. Для того мы, нижеподписавшіеся, *доносимъ* что черновицкій неуніатскій епископъ, которому нашъ усгавъ изъ губерніи на разсмотрѣніе былъ врученъ, намъ есть всегдашній недоброжелатель, и *не только для насъ, но и для здѣшняго государственнаго порядка не доброжелательствуетъ*; насъ же желательно ему подъ свое завѣдываніе поведсти, и въ противномъ случаѣ настоять тѣхитса совершенно даже изъ здѣшняго края за границу выслать. Но покорнѣйше просимъ внимательно вникнуть кесарокоролевскаго крайзамта во вторительное довошеніе, который въ виду имѣетъ всѣ наши обстоятельства.“ Такимъ образомъ цѣль прошенія поданнаго Павломъ и Геронтіемъ была, повидимому, та чтобы достигнуть отмѣненія состоявшейся по ихъ дѣлу „резолюціи“, о которой, равно какъ и о дѣйствіяхъ крайзамта въ ихъ пользу, они будто бы узнали только по прїѣздѣ во Львовъ, куда де прибыли единственно „ради услѣшности“ своего дѣла и чтобы „въ случаѣ какой надобности“ дать потребныя объясненія и допoлненія. Вообще, нельзя не замѣтить что они всячески старались выгородить крайзамтъ отъ подозрѣнія въ какой-либо солидарности съ ними, въ сочувствіи и покровительствѣ ихъ затѣямъ, и только выдали себя нѣсколько въ этомъ отношеніи, рѣшившись обратитъ особенное вниманіе губернскаго начальства на безпристрастное яко бы и съ знаніемъ лилованскихъ обстоятельствъ составленное „вторительное довошеніе крайзамта“, причемъ однако же не объяснили гдѣ они такъ близко познакомились съ этимъ довошеніемъ. За то Павелъ и Геронтіи совсѣмъ иначе отнеслись въ своемъ прошеніи къ черновицкому епископу Евгенію, не посовѣстились написать на него чистый доносъ, обвинить, какъ православнаго и Русина по происхожденію, въ недоброжелательствѣ даже австрійскимъ государственнымъ порядкамъ, де которыхъ имъ, казалось бы, не было никакого дѣла. Но

измѣненіе составшейся 21го марта губернской „резолуціи“ было только благовиднымъ предлогомъ къ подачѣ прошенія, такъ, какъ Павелъ и Геронтій были, конечно, вполне увѣрены что даже и доносомъ на черновицкаго православнаго епископа, достигнуть этого измѣненія не могутъ; дѣйствительная цѣль какую они въ настоящемъ случаѣ руководились ясно выказана въ заключеніи ихъ просьбы: „А притомъ мы просимъ намъ объяснить съ какого поводу шестидесятилѣтнее существованіе монастыря нашего опредѣлено уничтожить. И ежели сіе наше прошеніе губернія не можетъ удовлетворить, то просимъ со всѣми нашими актами и уставомъ, яко рекурсъ, въ высочайшій департаментъ доставить и намъ милостивую резолюцію здѣсь ожидающимъ вручить.“ *

Но „милостивой резолюціи“ Павлу съ Геронтіемъ дождаться во Львовѣ не пришлось. Она послѣдовала уже три мѣсяца спустя послѣ того какъ было подано ими прошеніе, именно 16го октября 1842 года, одновременно съ отвѣгомъ на послѣднее представленіе крайзамта, и только въ январѣ слѣдующаго 1843 года доставлена чрезъ посредство крайкомиссара и мандатора въ Бѣлокривницкій монастырь на имя настоятеля (Klostersvorsteher) Геронтія Легонова. Оба эти документа Павелъ справедливо назвалъ „последними губерскими резолюціями о неутвержденіи монастыря.“ **

На представленіе крайзамта, какъ здѣсь и ожидали, послѣдовала отвѣтъ что губернское начальство не находитъ никакихъ основаній къ отмѣнѣ своего прежняго постановленія, отъ 20го марта 1842 года, въ силу котораго липованы обязуются къ непремѣнному веденію метрику, а устроенный ими монастырь подлежитъ уничтоженію, что же касается тѣхъ аргументовъ которыми крайзамтъ старался доказать неудобность исполненія этого опредѣленія, то губернское начальство не признаетъ ихъ уважительными. Разбирая эти аргументы подробно, губерніумъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, ясно обличающихъ недобросовѣстность черновицкихъ властей въ веденіи настоящаго дѣла о липованахъ. Такъ противъ постоянныхъ увѣреній крайзамта что метрикамъ липованы усвояютъ исключительно религиозное значеніе и обязатель-

* Черновой экземпляръ прошенія, писанный Павломъ (Бѣлокр. арх.)

** Заглавія собственноручно сдѣланныя Павломъ на копіяхъ того и другаго документа находящихся въ Бѣлокр. архивѣ.

ство къ непрѣвному улобренію оныхъ считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ привилегіей Іосифа II религиозной свободы, замѣчено что сами иноки Бѣлокривицкаго монастыря признали веденіе метрику не противнымъ ни религіи липованъ ни данной имъ привилегіи, какъ видно изъ протокола составленнаго крайкомиссаромъ Шаловскимъ 30го апрѣля 1840 года. Другое подобнаго рода замѣчаніе сдѣлано противъ представленій крайзамта объ утвержденіи законнымъ порядкомъ издавна существующаго въ Бѣлой-Кривицѣ монастыря: вина за то что монастырь, устроенный вопреки распорядженіямъ высшаго правительства, посѣдовавшимъ въ 1784 и 1791 годахъ, столько времени существовалъ секретно, подаетъ главнымъ образомъ на крайзамтъ, „который въ отношеніи своемъ отъ 29го іюня 1840 года и самъ признался что только въ послѣднее время его примѣтилъ.“ * Такимъ образомъ изъ документовъ представленныхъ самимъ крайзамтомъ губернскае начальство доказало ему неосновательность приводимыхъ имъ доводовъ въ защиту дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Но теперь, когда это дѣло должно было перейти на разсмотрѣніе столичныхъ властей, крайзамтъ еще менѣ чѣмъ прежде могъ тревожиться губернскими предлисаніями и замѣчаніями, несмотря на всю ихъ справедливость и даже не находилъ нужнымъ давать на нихъ объясненіе.

„Послѣдняя губернская резолюція“, полученная самими бѣлокривицкими просителями, оставивъ безъ вниманія ихъ жалобы и доносы, касалась только того что, какъ мы замѣтили выше, составляло сущность ихъ прошенія. Они просили „объяснить съ какаго повода шестидесятилѣтнее существованіе ихъ монастыря опредѣлено уничтожить.“ губернскае начальство теперь и объясняло что „существованіе монастыря въ Бѣлой-Кривицѣ признается непозволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ“ (unzulässig, gesetzwidrig und könne nicht geduldet werden) по слѣдующимъ причинамъ: „а) хотя по высочайшей привилегіи и предоставлено поселившимся въ Буковинѣ липованамъ безпрепятственное отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ, также принятіе изъ-за границы пола ихъ націи, но никакого не дано имъ права на заведеніе чуждаго пастырокимъ обязанностямъ, посвященнаго только уеди-

* Предлис. крайзамту отъ 16го октября 1842, № 89.976. (Бѣлокр. архив.)

ненію и оозерданію монастырскаго института“ (Errichtung eines dem seelsorgerlichen Berufe fremden, nur der Abgeschiedenheit und Contemplation gewidmeten klösterlichen Instituts); б) „по поводу подобнаго же прошенія, учрежденіе такого монастыря было уже воспрещено рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта (hofkriegsräthlichen Rescripte), отъ 1784 года, и декретомъ высокой губерніи (hohen Landstelle) отъ 24го августа 1791 года;“ в) „липованы сами обязаны вести метрическія записи, такъ какъ онѣ составляютъ чисто политическую и административную мѣру, никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣющую“ (mit der Religion und dem Gottesdienste in keiner Verbindung stehende); г) „монастырь состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ (Laienbruder) и большею частію изъ иностранцевъ.“ * Выѣздъ съ этою „резолуціей изъ губерніи приславъ, какъ не нужный болѣе, и монастырскій уставъ (Klosterstatutenbuch).

Итакъ съ губерніей были покончены всѣ сношенія по дѣлу о признаніи Бѣлокриницкаго монастыря и объ учрежденіи въ ономъ архіерейской каѳедры. Теперь уже Павлу ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ позаботиться о составленіи „рекурса“ противъ изданнаго губерніей рѣшенія и затѣмъ ѣхать въ Вѣну—искать покровительства и защиты угнетенному старообрядству предъ императорскимъ апостолическимъ престоломъ. Но составить „рекурсъ“ было не легкое дѣло. За совѣтомъ и помощію Павелъ отправился прежде всего въ Черновцы, къ своимъ „благодѣтелямъ“, которые дѣйствительно принялись весьма усердно помогать ему совѣтами и разнаго рода услугами. Всего труднѣе было опровергнуть второй пунктъ губернскаго рѣшенія, гдѣ приведены указанія состоявшихся прежде правительственныхъ распоряженій о воспрещеніи и закрытіи Бѣлокриницкаго монастыря. Чтобы уничтожить силу этого пункта, нужно было, также на основаніи какихъ-нибудь документовъ, доказать что существованіе монастыря было, напротивъ, допущено правительствомъ, или по крайней мѣрѣ терпѣлось снисходительно. И вотъ начались опять розыски въ архивахъ Черновицкаго крайзамта,—вынуты и пересмотрѣны всѣ дѣла о водвореніи первыхъ липованъ въ Буковинѣ, о приходѣ липованскихъ калуđerовъ, о заведеніи монастыря

* Подлинная копія губернскаго рѣшенія, выданная изъ канцеляріи Гадикъ-Фальвы (Бѣлокр. арх.).

при селеніи Бѣлая-Криница Павлу дозволено было сдѣлать точныя копіи съ важнѣйшихъ документовъ и нужныя ему выписки изъ всѣхъ этихъ дѣлъ. * Оказалось что нѣкоторые документы, если умѣючи воспользоваться ими, могутъ быть обращены противъ сдѣланнаго губерніей заключенія; но оказалось также что роковые для монастыря декреты 1784 и 1791 годовъ дѣйствительно существуютъ и опровергнуть ихъ фактическую важность не представлялось никакой возможности. Тогда крайзамтъ рѣшился на поступокъ не извинительный даже для мелкаго чиновничьяго люда. И самъ онъ, въ своихъ донесеніяхъ въ губернію, постоянно проходилъ молчаніемъ декреты 1784 и 1791 годовъ, на которые указывало ему губернское начальство; а Павлу далъ теперь согласіе чтобы въ рекурсъ было сказано, за ручательствомъ крайтамта, будто этихъ декретовъ въ архивѣ не оказалось, и потому не подлежитъ сомнѣнію, даже существовали ли они когда-нибудь. ** Значительное затрудненіе, повидимому, долженъ былъ бы представить еще четвертый пунктъ губернской резолюціи, гдѣ такъ справедливо было указано что Бѣлокриницкій монастырь состоитъ преимущественно изъ бѣглыхъ иностранцевъ; но издавна приплатый у липованъ способъ зачисленія бѣглыхъ раскольниковъ въ разрядъ коренныхъ буковинскихъ жителей давалъ полную возможность доказать противное, тѣмъ болѣе что и самъ крайзамтъ, три года тому назадъ отказавшій Павлу и Геронтію въ выдачѣ паспорта, какъ пришлымъ изъ-за границы, давно уже призналъ за ними всѣ права туземныхъ липованъ. Итакъ, нуженъ былъ только опытный юристъ, который, искусно воспользовавшись собранными матеріалами и

* Сдѣланная тогда копіи и выписки сохранились въ находящемся у насъ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* и послужили главнымъ матеріаломъ для изложенной въ двухъ первыхъ главахъ первоначальной исторіи буковинскихъ липованъ.

** Недобросовѣстность этого, дозволеннаго крайзамтомъ и дѣйствительно приводимаго въ рекурсъ, показанія будто декретовъ 1784 и 1791 не нашлось въ архивѣ, тѣмъ очевиднѣе и непростибельнѣе что Павлу не только показаны были всѣ документы 1791. по дѣлу объ уничтоженіи открытаго въ Тарновницкомъ мѣстѣ липованскаго монастыря, но и дозволено снять съ нихъ копіи. Эти копіи, сохранившіяся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, и дали намъ возможность довольно подробно изложить указанное дѣло объ уничтоженіи монастыря въ 1791 году.

всеми аргументами какіе только можно было сказать противъ губернской „революціи“, привелъ бы ихъ въ надлежащій порядокъ и изложилъ въ формѣ „рекурса“. Въ Черновцахъ нашелся и такой человекъ. Впрочемъ, составленный здѣсь рекурсъ, ради особенной важности этого документа для всей послѣдующей судьбы дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ, Павлу посоветывали показать въ Вѣнѣ болѣе опытнымъ юристамъ, для чего и дали ему рекомендательныя письма. Такимъ образомъ все нужное для подачи рекурса было заранѣе приготовлено еще въ Черновцахъ, по указанію и при содѣйствіи здѣшняго „благодѣтельнаго“ чиновничества. Эти хлопоты по собиранію матеріаловъ для рекурса, эти совѣщанія съ черновицкими „благодѣтелями“, вообще всѣ эти приготовленія къ поѣздкѣ въ Вѣну, предъ императорскій судъ, были однакоже весьма нелегкимъ дѣломъ для Павла, который не могъ притомъ не чувствовать что рѣшился на смѣлый и опасный шагъ. Въ послѣдствіи, вспоминая это трудное время, онъ писалъ въ Москву своимъ благодѣтелямъ: „По причинѣ испорченнаго нашего дѣла губерніею, съ повода буковинскаго молдаванскаго епископа, тяжко было намъ поправиться во изысканіи долговременныхъ справокъ отъ самой обшдланности здѣсь нашихъ обществъ, и трудное было достиженіе—стать на высшую позицію и снова сражаться со всеоружными вовсе неоружнымъ, и со славными земли сущимъ безгласнымъ. Итакъ много прошло время и много труднаго дѣла...“*

Вопросъ кому отправляться въ Вѣну для подачи рекурса былъ рѣшенъ въ Бѣлой-Кривницѣ на общекратскомъ совѣтѣ еще до поѣздки Павла въ Черновцы. Само собою разумѣется что безъ Павла этого дѣла не находили возможнымъ слѣлать; требовалось только выбрать кого-нибудь ему въ спутники и помощники. Геронтій, ближайшій другъ и сотрудникъ Павла, долженъ былъ, какъ настоятель, остаться дома, тѣмъ больше что занять былъ дѣлами по устройству монастыря; затѣмъ сопутствовать Павлу въ странствіи по европейскимъ градамъ не нашли никого способнѣе инокъ Алимпія, который уже принялъ тогда фамилію Милорадова. Съ этого времени инокъ Алимпій вступаетъ на то поприще хлопотливой дѣла-

* Посланіе изъ Вѣны къ благодѣтелямъ, отъ 14го іюля 1843 (Сборн. о. Онуфрія).

тельности по общественнымъ и церковно-іерархическимъ дѣламъ старообрядцевъ на которомъ ему суждено было совершить не мало смѣлыхъ, хотъ и не всегда удачныхъ подвиговъ. Чтобы въ Вѣнѣ Павелъ и Алимій могли безпрепятственно дѣйствовать какъ уполномоченные отъ монастыря депутаты нужно было снабдить ихъ формальною довѣренностью отъ всего монастырскаго братства: 3го марта 1843 года такая довѣренность „двумъ избраннымъ честнымъ инокамъ Алимію Милорадову и Павлу Васильеву“ была подписана всеми монастырскими должностными лицами и за всю прочую братію (не умѣющую грамотѣ) временнымъ монастырскимъ лисьмоводителемъ, а также и самими депутатами, которые посредствомъ подписи удостовѣрили что „по просьбѣ настоятеля съ братіей добровольно пріемлютъ на себя порученіе сей довѣренности“. Изложенное въ довѣренности порученіе касалось двухъ пунктовъ: а) ходатайства объ утвержденіи монастыря и о дозволеніи учредить въ ономъ архіерейскую кѡедрѣ, б) „покупки въ вѣчное владѣніе, за цѣну какаѣ отъ правительства назначена будетъ“, объявленныхъ въ аукціонную продажу грунтовъ на которыхъ стоятъ селенія Бѣлая-Криница и Климоуцы. Приобрѣтеніе въ монастырскую собственность части этихъ земель было въ послѣдствіи постоянною заботой Павла и настоятелей Бѣлокриницкаго монастыря; но теперь статья о покупкѣ грунтовъ внесена въ довѣренность, какъ надобно полагать, только для того чтобы показать будто монастырь располагаетъ значительными денежными средствами (что нужно было въ интересахъ дѣла о елископской кѡедрѣ); помышлять же серьезно о приобретеніи грунтовъ Бѣлокриницкій монастырь въ то время еще никакъ не могъ, по скудости своихъ средствъ. Существенное значеніе имѣлъ собственно первый пунктъ довѣренности, изложенный въ слѣдующихъ словахъ: „мы нижелодписавшіеся монастырскіе члены, настоятель со [всею общежительствующею братіей, поручаемъ совершенное полномочіе двумъ избраннымъ нашимъ честнымъ инокамъ Алимію Милорадову и Павлу Васильеву, противу объявленныхъ намъ кесарокоролевскимъ мандаторіатомъ губервскихъ рѣшеній, отъ 21го марта и 16го октября 1842 года, которыми прочее существованіе нашего здѣсь въ Бѣлой-Криницѣ до шестидесяти лѣтъ состоящаго монастыря залрещается, куда слѣдуетъ къ надлежащимъ мѣстамъ и даже къ самому его всевысочайшему кесарокоро-

левскому величеству рекурровать и впоследствии просить как существованіе нашего монастыря, съ его преимуществами, такъ равно и монастырскій нашъ уставъ на дальнѣйшее къ благочинію руководство наше надлежащимъ порядкомъ подтвердить; а притомъ, согласно перваго нашего прошенія, поданнаго въ 1840 году, первоначально въ кесарокоролевскій крайзамтъ, ходатайствовать къ прежней, имѣющей у насъ привилегіи, съ яснымъ словомъ позволеніе на водвореніе нашему сословію особаго своего святителя, на правленіи съ монастырскомъ нашемъ уставъ изображенныя". Затѣмъ довѣрители предоставляютъ своимъ выборнымъ слѣдующее полномочіе: „имѣютъ они, Милорадовъ и Васильевъ, вмѣсто цѣлаго монастыря, полное право, какія надлежать будутъ прошенію, по собственному ихъ усмотрѣнію и разсудку сочинять и за подписомъ ихъ къ надлежащимъ мѣстамъ подавать предъ всякое высокое правительство, и, если надобность укажетъ, даже и предъ самый высокій тронъ его императорскаго кесарокоролевскаго величества челобитно доступать; и что они въ предломянутыхъ дѣлахъ распорядятъ и учинятъ, всегда за благо признавать и никогда не отвергать, но лаче лодкрѣплять будемъ". *

Облеченные такимъ полномочнымъ довѣріемъ отъ монастырскаго братства, снабженные совѣтами, письмами и готовыми документами отъ своихъ черновицкихъ друзей, Павелъ и Алимій, въ первыхъ числахъ іюня 1843 года, отправились въ „славную столицу“ Вѣну, гдѣ должны были рѣшиться вопросы отъ которыхъ зависѣла вся дальнѣйшая судьба Павловыхъ замысловъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской кафедры въ Вѣлой-Криницѣ.

Н. СУВВОТНІЙ.

(Продолженіе будетъ.)

* Сбор. о. Онуфрія.

ГРАФИНЯ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ. *

ГЕНРИХА КРУЗЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Графскій замокъ въ Аурихъ.

(Въ глубинѣ сцены слуги и воины.)

ГРАФИНЯ. ЭНГЕЛЬМАНЪ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Истреблены корсары! Самъ Помпей
Ужъ вѣрно не постигнѣе чѣмъ я
Сумѣю очистить море отъ пиратовъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, ну, мы здѣсь живемъ не такъ широко!
Но радуешь меня твоя любовь;
Ты выборъ мой достойно оправдаешь
И щедро будешь награжденъ.

* *Окончаніе. См. Русскій Вѣстникъ № 11.*

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня....

ГРАФИНЯ.

Кто благодарно платитъ за услугу
 Тотъ свѣтъ на испытанной землѣ;
 Кто жь не умѣетъ благодарнымъ быть
 Тотъ лучшее свое бросаетъ поле.
 Я дамъ тебѣ и домъ, и дворъ, и землю,
 Я такъ тебя устрою что предъ всѣми
 Ты голову поднимешь высоко.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы награждаете меня, не зная
 Всего что сдѣлалъ я.

ГРАФИНЯ.

Ну, что жь ты сдѣлалъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я не однихъ корсаровъ истребилъ;
 Но отыскалъ вертелъ ихъ и на сушѣ.

ГРАФИНЯ.

Гдѣ жь былъ онъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Въ замкѣ Эзенсѣ.

ГРАФИНЯ.

Эге!

Знать кошка про мышей не позабыла.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И какъ владѣтель замка ни сердился,
 Я у него добро чужое отнялъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, это, другъ, и хорошо, и нѣтъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но почему же нѣтъ? Вѣдь вы же сами
 Мнѣ это поручили.

ГРАФИНЯ.

Это правда;

Но я боюсь не вышло бы чего:

Ужъ Ольденбургъ готовится....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Опять?

ГРАФИНЯ.

Злой Герхардъ умеръ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ольденбургскій графъ?

ГРАФИНЯ.

Да, умеръ онъ, и вся вражда межъ нами
 Покончилась давно, и мнѣ не слѣдъ бы
 Зломъ поминать его: вѣдь чловѣка
 Бранять, пока онъ живъ, а какъ умретъ,
 Тогда свою ошибку замѣчаютъ.
 Для Герхарда наскучила война,
 На старости покою ему былъ дорогъ;
 Но сыновья его, Иоганнъ и Адольфъ,
 Которые теперь владѣютъ графствомъ,
 Наслѣдовали бранный духъ отца.
 Готовятся къ войнѣ они; но съ кѣмъ,
 Не говорятъ; но предъявить хотятъ
 Свои права на пограничный край.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но ихъ права утрачены давно.

ГРАФИНЯ.

Права имѣютъ цѣну у того
 Кто силою поддерживать ихъ можетъ.
 Но что бы тамъ ни вышло, я боюсь
 Что скоро вѣсть придетъ изъ Ольденбурга;
 А между тѣмъ дворяне недовольны.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Они на васъ издавна негодуютъ
 И тайныя собранья составляютъ:
 Я всю ихъ шайку въ Эзенсѣ засталъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, кто жь тамъ былъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Волевыхъ Геро Омкенъ,

Хвастунъ, что корчитъ князя изъ себя,
 Потомъ—Фолефъ, двойникъ его во всемъ,
 Левера владѣтель—Эдо Вимкенъ,
 Отростокъ слабый славнаго ствола,
 Суровый Ико и еще другіе

Прибрежные вожди. А Гердъ фонъ-Гейде
По всей странѣ неутомимо рыцать
И что-то затѣваетъ.

ГРАФИНЯ.

Гердъ фонъ-Гейде?
Что затѣваетъ онъ, то не добро,
Безпутный человекъ, игрокъ, пьянчуга
И въ злобѣ на меня.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

За что же это?

(Графиня молчитъ.)

За дѣвушку?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, это было прежде.

(Тихо.)

Во всемъ вѣрь человеку или ни въ чемъ.
Представь себѣ: онъ разъ ко мнѣ явился
И сталъ просить, какъ думаешь, чего?
Руки Альмуты, дочери моей!
Не смѣхъ ли это? Что жъ ты не смѣешься?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ слишкомъ смѣлъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, ты скажи: безстыденъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(про себя)*.

Въ ея глазахъ онъ выше былъ меня!

ГРАФИНЯ.

Ну, ужъ и я отрѣзала ему!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ принялъ онъ отказъ?

ГРАФИНЯ.

О, очень скромно!

Просилъ меня простить такую дерзость
И униженно вышелъ отъ меня.
Нѣтъ, ненавижу я такихъ людей
Которые готовы изгибаться,
Когда на нихъ наступишь: это змѣи,
Способныя изъ-подтишка ужалить.
Навѣрно Гердъ—глава всѣхъ недовольныхъ,
Которые за взятское дѣло
Телерь идти готовы на измѣну.

Измѣну?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

ГРАФИНЯ.

Да, боюсь что это такъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но почему жь?

ГРАФИНЯ.

Ты развѣ не слыхалъ

Что безъ тебя у насъ тутъ было?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ;

Съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ замокъ Эзенсъ,

Я съ корабля на берегъ не сходилъ.

ГРАФИНЯ.

Вожди созвали безъ меня народъ

На земское собранье.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что за дерзость!

И въ Улстальсбомѣ.

ГРАФИНЯ.

Тамъ они толкуютъ.

И вотъ, когда враги ежеминутно

Границы наши могутъ перейти,

Боюсь я что народъ подниметъ мечъ

Не на врага отчизны, а на власть.

Входитъ ГЕРО МАУРИЦЪ.

ГРАФИНЯ.

Вы ль это, дядя, или духъ вашъ только?

Вы такъ давно мой избѣгали домъ.

За что?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

То вамъ извѣстно.

ГРАФИНЯ.

Что жь такое!

Подчасъ сорвется съ языка словечко.

Зачѣмъ такъ принимать?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Оставимъ это.

ГРАФИНЯ.

Что привело васъ къ намъ? Я всѣ желанья....

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Я слишкомъ старъ чтобъ для себя желать:
Отчизнѣ лишь и вамъ мои желанья.
Какъ добрый дома другъ, являюсь я,
Когда опасность дому угрожаетъ,
Изъ захолустья моего сюда
На совѣщанья былъ я въ Улстальсбомѣ.

ГРАФИНЯ.

Противъ меня народъ вы возмущали?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Вожди старались возмутить; но тщетно!
Не такъ еще народъ неблагодаренъ
Чтобъ не сознать чѣмъ онъ обязанъ вамъ.
Но вы вождей, графиня, берегитесь!
Когда на васъ возстанетъ непріятель,
Они ему кровь Фризовъ предадутъ.

ГРАФИНЯ.

Вотъ дождались какого мы позора!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Вы слишкомъ оскорбили ихъ, графиня.
Вѣдь человекъ—все будетъ человекъ
И любить мстить. Вы слишкомъ свысока
Обходитесь съ тѣми кто недавно
Былъ равенъ вамъ.

ГРАФИНЯ.

Да, вы всегда стояли
На сторонѣ противниковъ моихъ.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Намъ врагъ тотъ другъ который намъ не льститъ.

ГРАФИНЯ.

Я вышла ужъ изъ лѣтъ для наставленій!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ну, не пришлось бы пожалѣть. Прощайте!
Иду людей моихъ вооружать.

*(Уходитъ.)*ГРАФИНЯ *(ходитъ въ волкени).*

Онъ хочетъ быть отцомъ моимъ. Посмотримъ!
Что нѣтъ еще вѣстей съ границы?

СЛУГА.

Нѣтъ.

ГРАФИНЯ.

Грозятъ враги извнѣ и изнутри,
И нѣтъ при мнѣ защитниковъ надежныхъ!

О, матушка!

ЭДЗАРДЪ (*стремительно въбѣгаетъ*).

ГРАФИНЯ.

Что? Что съ тобою, сынъ мой?

ЭДЗАРДЪ.

Графъ Ольденбургскій вторгнулся въ страну,
И всѣ вожди соединились съ нимъ!

ГРАФИНЯ.

Къ врагу передались?

ЭДЗАРДЪ.

Да, это вѣрно!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ вотъ оно, дворянство родовое,
Что такъ своимъ достоинствомъ кичится!

(Входятъ Альмута, Гела, придворные и слуги.)

ГРАФИНЯ.

О, разступись, священная земля
Фрисландіи! и логлоти безбожныхъ
Предателей своихъ! Пускай трясина
Затянетъ ихъ въ безславную могилу,
Чтобы чрезъ сотни лѣтъ, съ гнильемъ и тиною,
Отрыли ихъ невѣдомые гробы,
Покрытые желѣзною броней!

ЭДЗАРДЪ.

Кто за свою отчизну не стоитъ
Тотъ ей не сынъ достойный, а лодкыдышъ!

ГРАФИНЯ.

Нашъ небо защититъ, я призову
Къ себѣ на помощь воды: я открою
Всѣ шлюзы и плотины. Погодите!
Я Аурихъ весь водою затоплю.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вокругъ тебя весь твой народъ сберется.
Защитниковъ довольно; лошади
Прелестныя поля.

т. жс.

16°

ГРАФИНЯ.

Гдѣ сынъ мой Энно?

Зачѣмъ его теперь со мною нѣтъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но я съ тобой.

ГРАФИНЯ.

Ты замѣни его!

Вѣдь мой Эдзардъ почти еще ребенокъ,
Которому достѣхи не подь силу.

ЭДЗАРДЪ.

Но я готовъ сражаться!

ГРАФИНЯ.

Энгельманъ!

Возьми надъ всѣми Фризами начальство!
И каждый пусть надѣнетъ саванъ свой;
Но весело идите какъ на свадьбу;
Стяжай себѣ прелестную невѣсту:*(Энгельманъ хватаетъ руку Альмуты.)*

Побѣду!

*(Всѣ уходятъ кромѣ Альмуты и Энгельмана.)*ЭНГЕЛЬМАНЪ *(оставляя руку Альмуты).*

Ахъ! я думалъ о другой.

АЛЬМУТА.

Ея словамъ ты придаешь значенье,
Котораго нѣтъ и въ ея умѣ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ и въ умѣ! Какъ странно! Но она
Вѣдь видѣла жь какъ мы вдвоемъ играли,
Какъ мы росли, какъ были неразлучны,
И видитъ насъ теперь ужь не дѣтми,
Какъ ты со мной доврчиво стоишь
Рука съ рукой, какъ будто самъ Господь
Другъ другу насъ заранѣ предназначилъ,
Какъ первую чету земнаго рая,
И все-таки ей не приходится въ умѣ
Что любимъ мы другъ друга! Или это
Высокомѣрие?

АЛЬМУТА.

Оно и есть!

Ты не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Могъ ли я?

Она сама его вѣдь осуждала.
Я видѣлъ самъ какъ съ каждой поселянкой
Довѣрчиво бесѣдуетъ она,
И даже помогла одной изъ нихъ
Котомку прилоднать.

АЛЬМУТА.

Любезный другъ!

Мы съ тѣми лишь высокоумѣры кто
Равняться съ нами можетъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Это правда.

АЛЬМУТА.

Ты мать мою узнаешь понемногу.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Бодрый, моя невеста! Этотъ свать,
(Ударяетъ по мечу.)

Хорошій свать: онъ острое словечко
За насъ съ тобой замолвить! До свиданья!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Лѣсъ. Черезъ него наискось дорога.

ГРАФЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ и ГЕРДЪ ФОНЪ-ГЕЙДЕ (въ бѣгствѣ).

ГРАФЪ.

Вы убивали и своихъ людей.

ГЕРДЪ.

Рубилъ съ плеча направо и налево,
Напрасно! Всѣ какъ зайцы разбѣжались!
Чортъ ихъ возьми проклятыхъ этихъ трусовъ!

ГРАФЪ.

Не чортъ, а Энгельманъ—онъ имъ страшнѣй.

ГЕРДЪ.

Молокосось!

ГРАФЪ (смѣясь).

Въ васъ сердце расходилось.

ГЕРДЪ.

Они бѣжать готовы отъ трещетки,
Которою старуха на обѣдъ

Сзываетъ ребятшекъ! Есть чему
Смѣяться тутъ!

ГРАФЪ.

Я, Гердъ, смѣюсь надъ вами:

Ну, стоить ли вся эта кутерьма,
Комедія при лунномъ освѣщеньи,
Чтобъ на все сердиться такъ серьезно?

ГЕРДЪ.

А бой при Алерморѣ развѣ шутка?

ГРАФЪ.

Да, много тамъ народа полегло!

ГЕРДЪ.

Что мнѣ народъ! Вѣдь онъ растетъ какъ лѣсъ.
Но лучшія кобылы тамъ погибли,
И диво, какъ я самъ не утонулъ!

ГРАФЪ.

Нѣтъ, какъ меня съ коня они тащили,
А онъ упалъ и задрягалъ ногами,
И кувыркомъ попадали они,
Ну, просто смѣхъ!

ГЕРДЪ.

Да сохранитъ Господь

Веселость вашу, графъ!

ГРАФЪ.

Аминь!

ГЕРДЪ.

Но вы

Хромаете?

ГРАФЪ.

Да, ногу при ладеньѣ

Я повихнулъ или вытянулъ, не знаю:
Ужъ лѣкарь тамъ названье подберетъ,
Вѣдь въ этомъ все искусство ихъ и знанье.

ГЕРДЪ.

Такъ садьте здѣсь, ходить вамъ тяжело.

ГРАФЪ.

А между тѣмъ враги ужъ за рѣкою.

ГЕРДЪ.

А вотъ я ихъ у моста задержу,
А вы пока успеете укрыться.

Уходитъ.)

ГРАФЪ.

Оставьте, Гердь! Не слышите! Онъ отваженъ,
 Но онъ напрасно будетъ состязаться
 Съ тѣмъ демономъ который гонитъ насъ.
 О-охъ, нога! Дереть-таки исправно.
 Но что жь это стою я какъ журавль,
 Поджавши ногу! Лучше ужь прилягу.

(Ложится на траву у опушки лѣса.)

Но битвы шумъ все ближе...

(Прислушивается. Шумъ приближается.)

Вотъ и Гердь!

Глаза у васъ такъ и бросаютъ искры.
 Что было тамъ?

ГЕРДЬ.

Ужъ мостъ у нихъ въ рукахъ!
 И десять Коклесовъ тутъ не могли бы
 Налоръ толпы свирѣлой задержать.
 Бѣжимъ, бѣжимъ!

ГРАФЪ.

Но я же не могу....

Моя нога....

ГЕРДЬ.

Такъ убирайтесь къ чорту!

(Убѣгаетъ.)

ГРАФЪ.

Вотъ славное желанье на прощанье!
 Такимъ какъ я теперь, съ такою рожей,
 Отъ боли и досады искаженной,
 Упалъ съ небесъ на землю Люциферъ.
 Да, это намъ чувствительный ударъ!
 Въ одинъ лишь мигъ отъ быстрого напора,
 Безумствомъ стало все что такъ умно
 Придумали мы съ Гердомъ. Да, война—
 Игра въ лото. И Александръ, и Цезарь
 Смотрѣли только въ оба, вотъ и все.
 Будь только счастливъ, будешь и великъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Слышенъ барабанный бой и военная музыка.)

ВОИНЫ ГРАФИНИ *(сходятъ)*.

Здѣсь Гердъ фонъ-Гейде? Онъ сюда бѣжалъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ВОИНОВЪ *(увидя графа)*.

Да вотъ онъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(подходъ)*.

Вы мой плѣнникъ, Гердъ фонъ-Гейде!

ГРАФЪ.

Мнѣ очень жаль что я не Гердъ фонъ-Гейде.

Желалъ бы я чтобъ здѣсь онъ отдыхалъ,

А я какъ онъ гулялъ бы на свободѣ.

Вы видите: мой носъ не изъ большихъ

Какъ у него, глаза огнемъ не блещутъ,

Такъ стало-быть и я не Гердъ фонъ-Гейде.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, Боже мой! Такъ это вы....

ГРАФЪ.

Ну да,

Я Ольденбургскій графъ, къ услугамъ вашимъ;

Я очень, очень радъ, любезный рыцарь,

Возобновить мое знакомство съ вами,

Приятное знакомство прежнихъ лѣтъ.

Но вы простите мнѣ великодушно,

Что вѣжливость нарушить я дерзнулъ

И, сидя, васъ какъ лапа принимаю;

А коль угодно къ туфлѣ приложиться,

То я сейчасъ надѣну, да къ тому же

Сапогъ ужасно жметъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Когда бы я

Васъ не узналъ, мой благородный графъ,

По вашему лицу, то ужъ навѣрно

Узналъ бы васъ по шуткамъ. Только въ битвѣ

Сражаться вы привыкли не шутя.

ГРАФЪ.

Жаль что теперь не въ шутку я попался.

Семь лѣтъ сидѣлъ въ плѣну, и вотъ ояты

Попался въ плѣнъ! Когда меня графиня
Еще семь лѣтъ заставить отсидѣть,
То буду я какъ разъ второй Іаковъ
Который отслужилъ семь лѣтъ за Лію,
Да столько же потомъ и за Рахиль.
Но патріархи были долговѣщнѣй,
Ихъ не стѣсняла времени потеря.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Васъ не потопить и самый Океанъ,
Вы, кажется, изъ пробки. Но скажите,
Вы ногу повредили?

ГРАФЪ.

Да, свихнулъ;
Мой конь ее за пукъ соломы принялъ
И легъ. Теперь ходить я не могу.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Носилки дайте!

ГРАФЪ.

Нести меня хотите?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да уложите графа поспокойнѣй.

ГРАФЪ.

Да, сдѣлайте какъ въ сказкахъ говорится:
Къ доскѣ пришлильте лерышко гвоздомъ,
Тогда мнѣ будетъ мягче. Ну, тащите,
Ребятунки! Тащите на здоровье!

(Воины уносятъ его спать.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Графскій замокъ въ Аурихъ.

ГРАФИНЯ СЪ ДОЧЕРЬМИ.

ГРАФИНЯ.

Что за нахаль безсовѣстный! Представьте.

ГЕЛА.

О комъ вы говорите?

ГРАФИНЯ.

Да объ Гердѣ.

Сегодня въ ночь тайкомъ гонецъ явился
И подаль мнѣ такое вотъ письмо: *(Читаетъ:)*
„Высокородная графиня! вамъ

Не устоять теперь предъ большей силой.
 Васъ только я одинъ могу спасти,
 И я спасу:—Смотри, какая милость!
 „Когда принять рѣшитесь предложенье
 Съ которымъ я дерзнулъ явиться къ вамъ.“

ГЕЛА.

Чего же онъ хотѣлъ?

ГРАФИНЯ.

Что вамъ за дѣло?

А впрочемъ я скажу: руки Альмуты.

АЛЬМУТА.

О, никогда!

ГРАФИНЯ.

Похвально! Кровь Цирксена
 Вскипаетъ при союзѣ недостойномъ,
 Но тутъ еще не честь одна страдаетъ:
 Вѣдь онъ живетъ какъ будто у него
 Неистощимый кошелекъ, а я
 Не мало свѣтлыхъ талеровъ скопила.
 Вотъ мой отвѣтъ тебѣ, двойной предатель!

(Разрываетъ письмо.)

АЛЬМУТА.

Онъ хуже чѣмъ предатель—гнусный лгуны!
 Лгуномъ же вѣдь и дьявола зовутъ.
 Изъ всѣхъ его пороковъ это главный.

ГЕЛА.

Но, матушка, враговъ не страшно ль вамъ?

ГРАФИНЯ.

Мнѣ страхъ знакомъ лишь потому что вижу
 Его въ другихъ. Ужь приняты всѣ мѣры.
 Я на ногахъ была всю ночь.

ГЕЛА.

Ужели?...

ГРАФИНЯ.

Покинетъ счастье насъ, бѣжимъ мы въ Грэтсиль,
 И тамъ въ его развалинахъ погибну,
 Пусть дома колыбель мнѣ будетъ громомъ!

(Слышенъ шумъ который все усиливается.)

НѢКОТОРЫЕ ГОЛОСА (*вдали*).

Побѣда-а!

ДРУГІЕ ГОЛОСА (*ближе*).

Побѣда!

ГРАФИНЯ (*возвѣщая руки*)
Слава Богу!ЭДЗАРДЪ (*входит*).Они меня впередъ сюда послали
Тебѣ побѣду возвѣстить.

ГРАФИНЯ.

Мой сынъ,

Мнѣ эту вѣсть примчалъ скорѣе вѣтеръ.
Гдѣ вы нашли врага?

ЭДЗАРДЪ.

У Алермора.

ГРАФИНЯ.

Тамъ побѣдилъ и Фоко Укенъ.

ЭДЗАРДЪ.

Тамъ длинная и узкая плотина
Идетъ черезъ болото, а кругомъ
Со всѣхъ сторонъ бездонная трясина.

ГРАФИНЯ.

Вы гдѣ стояли?

ЭДЗАРДЪ.

У конца плотины,

Сокрытые кустами и холмомъ.
Враги ступили смѣло на плотину
И весело ложились какъ на пирушку;
Адольфъ, графъ Ольденбургскій, впереди,
Онъ былъ одѣтъ въ серебряныя латы,
И былъ подъ нимъ чудесный конь...

ГРАФИНЯ.

Дитя,

Тебѣ все это важно,—продолжай!

ЭДЗАРДЪ.

Съ нимъ были Гердъ и многіе изъ Фризовъ,
И графъ Гойя, Дингольдъ, Текленбургъ,
И рыцари, и ихъ оруженосцы;
За ними шла лѣхота безъ числа.
Такъ на разсвѣтѣ съ музыкой они

Тянулись по плотинѣ и въ мечтахъ
 Считали всю Фрисландію своею.
 Всѣ рыцари смѣялись и шутили.
 Но, прежде чѣмъ земли они достигли,
 Мы бросились впередъ и въ перегонку
 Къ плотинѣ побѣжали. Тутъ они,
 Пришлоривши коней, на насъ пустились;
 Но не могли пробить сомкнутый строй.
 Вздымались кони ихъ, а какъ впередъ
 Имъ не было дороги, то они
 Бросались дико въ сторону, въ трясины,
 Которая разверзлась передъ ними
 И медленно засасывать ихъ стала;
 И тутъ, и тамъ порою изъ нея
 Выглядывали шлемы ихъ и руки,
 Просящія какъ будто о спасеньѣ.
 Такъ конница, смѣшавшись, увлекла
 Все остальное войско за собою.

ГРАФИНЯ.

Мольба моя услышана: земля
 Разверзлась передъ нами! Такъ сама
 Фрисландія себя оборонила!

*(Слышенъ побѣдный маршъ. Энгельманъ
 входитъ съ воинами которые несутъ за-
 воеванныя знамена, съ нимъ канцлеръ
 и придворные.)*

ГРАФИНЯ *(обнимая Энгельмана).*

Мой сынъ! тебя благодарить отчизна
 Въ моемъ лицѣ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, эту благодарность
 Воздать должно всему народу: каждый
 Схватилъ свой мечъ съ готовностью примѣрной
 И на врага пошелъ съ негодованьемъ.
 Я только велъ ихъ, больше ничего.

ГРАФИНЯ.

Краса заслуги—скромность; но она
 Переступать границы не должна.
 Враговъ погибло много?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Тысячи.

ГРАФИНЯ.

Вы гнали ихъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

На милою за границу.

ГРАФИНЯ.

А гдѣ же Гердъ фонъ-Гейде?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

- Убѣжалъ.

Но тамъ, у моста, гдѣ въ послѣдній разъ
Сражался съ нами онъ, въ кустахъ лежалъ,
Представьте, кто? Адольфъ графъ Ольденбургскій.

ГРАФИНЯ.

Возможно ли? Графъ Ольденбургскій?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ!

ГРАФИНЯ.

Вотъ славная добыча! Но зачѣмъ же
Его здѣсь нѣтъ? Ахъ да, вѣдь онъ лежалъ,
Ты говоришь....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Его сюда везутъ.

ГЕЛА (*вскрикиваетъ*).Онъ умеръ? (*Тихо.*) Умеръ онъ!*(Падаютъ. Энгельманъ и Альмута поддерживаютъ ее.)*

АЛЬМУТА.

Воды скорѣе!

Виски, виски ей трите! ахъ! Скорѣй!

ГРАФИНЯ.

Что съ нею тамъ? Опять ей припадокъ!
Съ ней судорга, смотрите какъ она
Прижала къ сердцу руку. Все пройдетъ
Такъ скоро жъ какъ пришло. Ну, вотъ она
Въ себя уже приходитъ. Я сказала.

ГЕЛА.

Ахъ! долго это длилось?

АЛЬМУТА.

Нѣтъ не долго.

ГЕЛА.

О, это ничего! Лишь на минуту
Остановился пульсъ и сжало горло....

АЛЬМУТА.

А какъ теперь?

ГЕЛА.

Слаба еще немного.

ГРАФИНЯ.

Ей нужно успокоиться. Ступай!
Ты что-то хочешь мнѣ сказать?

ГЕЛА (*зипинаясь*).

Адольфъ?...

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ живъ. Лишь ногу повредилъ немного.
Но скоро все пройдетъ; онъ и теперь
Полпрежнему и веселъ, и шутливъ.

(Гелу уводятъ.)

ГРАФИНЯ.

Графъ точно не опасенъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, нисколько!

ГРАФИНЯ.

А что Эдзардъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Сражался какъ герой.

(Графиня обнимаетъ сына.)

ГРАФЪ АДОЛЬФЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ входитъ какъ лѣтчикъ. Онъ нѣ-
сколько прихрамываетъ и въжлцво со всѣми раскланывается. Онъ дѣлаетъ
усиліе чтобы не смѣяться, но вскорѣ веселость имъ овладѣваетъ.

ГРАФЪ.

Ну, вотъ и я.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Вы еще смѣветесь?

А тысячи убитыми лежать!

ГРАФЪ.

Да, еслибъ слезы воскресить могли ихъ,
То я бы рѣвки пролилъ ихъ охотно.

ГРАФИНЯ.

Вамъ это только новая картина:

Вся жизнь для васъ лишь смѣна декорацій!

КАНЦЛЕРЬ.

Номо levissimus—ему названье!

ГРАФЪ.

Я думать не охотникъ: вѣдь отъ думы
Худветъ только человекъ.

ГРАФИНЯ.

Вотъ что?

ГРАФЪ.

Вотъ, посмотрите, канцлеръ вашъ отъ думъ
Какимъ лпогавымъ сталъ!*(Кладетъ руку на плечо канцлера такъ
что тотъ приспдаетъ.)*

Онъ отъ науки

Еще гаугве сдѣлался!

КАНЦЛЕРЬ.

Что? что?

ГРАФЪ.

Кто мудростью чужою только занять
Тотъ про свою давно забылъ.

КАНЦЛЕРЬ.

Но, графъ!

ГРАФЪ.

А наконецъ языкъ свой забываетъ
И только все болтаетъ по-латыни.ГРАФИНЯ *(канцлеру)*.

Оставьте, другъ: вы знаете его.

(Къ графу.)

Не нужно ль вамъ чего? Скажите прямо.

ГРАФЪ.

Да, нужно бы....

ГРАФИНЯ *(предупредительно)*.

Что жь нужно? говорите.

ГРАФЪ *(отирая лобъ)*.

Имѣть хвостъ бѣлки.

ГРАФИНЯ.

Вы съума сошли?

ГРАФЪ.

О, нѣтъ, нисколько! Видите, мнѣ жарко;

Вы знаете какъ солнце привлекаетъ;
А бѣлка, хвостъ раскинувши, сидитъ
Въ своей тѣни и горюшка ей мало.

ГРАФИНЯ.

У насъ теперь не масляница, графъ;
Вы, кажется, могли бы быть серьезнѣй.

ГРАФЪ.

Попробуемъ.

ГРАФИНЯ.

Я васъ хочу спросить:

Что побудило васъ поднять оружіе
На мирнаго сосѣда?

ГРАФЪ.

Братъ мой Гансъ

Такъ много мнѣ разказывалъ о разныхъ
Несправедливостяхъ, какія намъ
Въ теченіи сотенъ лѣтъ творили Фризы:
Объ отнятыхъ у насъ безправно земляхъ;
Показывалъ мнѣ столько актовъ, грамотъ....

ГРАФИНЯ.

Которыхъ вы навѣрно не читали?

ГРАФЪ.

Еще бѣ читать! Крючки-то эти? Нѣтъ!
Да и къ чему жь бы это послужило?
Въ свои права заранѣ вѣрить каждый;
Но тотъ читаетъ документы справа,
Другой же слѣва. Сердце закипѣло;
Всю эту дрянь я бросилъ отъ себя
И мечъ схватилъ. Вотъ дѣло все и ясно.

ГРАФИНЯ.

Вы, графъ, неисправимы.

ГРАФЪ.

Это правда!

Я то же думаю. Неисправимъ!
Такимъ ужь уродился. Что тутъ дѣлать?
Мнѣ минуло ужь тридцать два, а все
Нѣтъ мудрости зубовъ: вотъ, посмотрите.
Вотъ въ томъ-то и бѣда.

ГРАФИНЯ.

Господь васъ знаетъ.

ГРАФЪ *(посвистывая подходит къ окну.)*

А что у васъ тотъ дѣлаетъ медвѣдь
Съ которымъ вы въ ворчаньѣ состязались?

ГРАФИНЯ *(вспыльчиво).*

Графъ!

ГРАФЪ.

Ахъ, я и забылъ что я въ лѣвну!

ГРАФИНЯ.

Я плоскихъ шутокъ не терплю!

ГРАФЪ.

Я то же;

Люблю однѣ лишь острия.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вотъ мечъ

Которымъ графъ такъ рыцарски владѣлъ;
Опасностямъ онъ больше подвергался
Чѣмъ слѣдуетъ начальнику.

ГРАФИНЯ.

Возьмите

Его назадъ: мечъ—храбрыхъ принадлежность;
Но обнажайте только впередъ его
За правое лишь дѣло. Отдохните
Здѣсь у меня, покуда больше гостемъ,
Чѣмъ лѣвникомъ. Когда же захотите
Оставить ваши шалости и шутки,
Мы о серьезномъ дѣлѣ потолкуемъ:
Тогда, быть-можетъ, къ пресѣченью спора
И безпрерывныхъ стычекъ за границы
Найдется способъ мирный и пріятный.

(Вдали слышны выстрѣлы.)

Чу! тамъ стрѣляютъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ радости, графиня.

ГРАФИНЯ.

Пойдемъ, мой другъ, благодарить народъ.

(Всѣ уходятъ, кромѣ графа Ольденбургскаго и Алъмуты.)

ГРАФЪ.

„Найдется способъ мирный и пріятный!“
Ужъ не о свадьбѣ ль думаетъ она?

АЛЬМУТА.

Дивитесь вы? Вѣдь вы обручены!

ГРАФЪ.

Я обрученъ? Вотъ этого не зналъ я.

АЛЬМУТА.

Какъ, графъ? Ужель надежды и любви
Вы въ сердцѣ молодомъ не пробуждали?

ГРАФЪ.

Все можетъ быть: дѣвицы я всѣхъ люблю,
И всѣ меня любили. Вѣдь любовь
Есть лучшая забава на досугѣ.

АЛЬМУТА.

А вы забыли въ чемъ клялись сестрѣ?

ГРАФЪ.

Я ей ни въ чемъ не клялся. Никогда!
И передъ нею клятвы не нарушилъ.
Я все вамъ разкажу: я былъ въ тюрьмѣ,
А вѣдь тюрьма—могила для живаго.
Вотъ я сидѣлъ, сидѣлъ въ ней столько лѣтъ
И мраченъ сдѣлался.

АЛЬМУТА (съ насмѣшкой).

Вы?

ГРАФЪ.

Кромѣ шутокъ!

О, вы себѣ не можете представить
Что дѣлаетъ тюрьма изъ человѣка:
Она вѣдь вовсе измѣнитъ праго.
Мнѣ лица опротивѣла совсѣмъ!
Сама графиня стала обо мнѣ
Тревожиться и дочери своей
Позволила меня поразвлекать.
Она была ребенокъ нѣжный, милый,
Носила мнѣ букеты и плоды,
Болтала такъ невинно, и всегда
Я оживалъ, когда она являлась.
Лучъ солнечный въ мой склепъ не проникалъ,
Но златокудрая ея головка
Мнѣ солнышкомъ казалась восходящимъ.
Моя веселость нравилась и ей,
И чувство въ ней успало съ лѣтами.

АЛЬМУТА.

И вы его тогда не оттолкнули?

ГРАФЪ.

Да что же я за варваръ? Нѣтъ, я только

Не придавалъ значенія ему.

Я съ ней шутилъ полпрежнему, и мы

Съ ней были очень дружны.

АЛЬМУТА.

Вы любил

Ее тогда! Не правда ли?

ГРАФЪ.

Ну.... да!

Вѣдь узникъ любить даже паука,

Что съ потолка спускается къ нему;

Такъ любить онъ и всякое созданье

Которое бываетъ у него.

АЛЬМУТА.

Да, мудрость къ намъ холодная приходитъ

Въ послѣдствіи. Но при разлукѣ..

ГРАФЪ.

Я

Ей выражалъ признательность мою,

Пожалуй и любовь,—но ужъ о бракѣ

Не говорилъ ни слова.

АЛЬМУТА.

Въ самомъ дѣлѣ?

А подѣлуи что же говорили?

ГРАФЪ (*подумавъ*).

Да, сознаюсь, я виноватъ предъ нею.

АЛЬМУТА.

Исправьте же вину.

ГРАФЪ.

Любимъ я Гелой?

АЛЬМУТА.

Узнавъ что васъ несутъ сюда въ носилкахъ,

Она, бѣдняжка, въ обморокъ упала.

Вамъ слѣдуетъ поднять ее теперь.

(*Графъ молчитъ.*)

Не знаю я что можетъ быть гнуснѣе,
Когда мущина любящее сердце,
Когда-то имъ любимое, сразить.

ГРАФЪ.

Ужели это такъ?

АЛЬМУТА.

Тутъ нѣтъ сомнѣнья.

ГРАФЪ.

Ну, если такъ,—располагайте мною.

АЛЬМУТА.

Иду—сестрѣ блаженство подарить.

(Уходитъ.)

ГРАФЪ (одинъ).

Она меня своимъ смутила видомъ,
Которому противиться нельзя.
Она страшна, какъ демонъ, но прекрасна!

ГРАФИНЯ (возвращается съ Энгельманомъ).

Большое знамя графа Ольденбурга
Поставьте въ Норденъ, надъ гробомъ мужа:
Пріятнѣе покоиться вождю
Подъ свѣцію побѣды.

(Энгельманъ уходитъ.)

Вы въ раздумьѣ

Любезный графъ? Вы были здѣсь одни
Съ Альмутой?

ГРАФЪ.

Да, я съ нею былъ одинъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, мой намекъ обдумали ли вы?
Вѣдь вы теперь не рыцарь безземельный,
У васъ земля и подданные есгъ;
Такъ можно бы теперь остепениться,
И—мой намекъ обдумали ли вы?

ГРАФЪ.

Я понялъ васъ, достойная графиня,
И то чего желали вы исполнилъ.

ГРАФИНЯ (съ живостію).

Такъ съ дочерью моею вы сговорились?
Ну, скоро же! Тѣмъ лучше! Очень рада!

Я угадала это по волненью
Съ какимъ сейчасъ Альмута пробѣжала.

ГРАФЪ.

А я у васъ прошу благословенья.

ГРАФИНЯ.

Даю его и пограничный округъ.
Теперь пойду и соберу совѣтъ.

ГРАФЪ.

Къ чему же такъ слѣшить?

ГРАФИНЯ.

Я не люблю

На головинѣ дѣла оставаться.

(Уходитъ.)

ГРАФЪ.

„Не рыцарь безземельный“! Вотъ причина
Что приняли такъ ласково меня.

Вотъ матерямъ чѣмъ можно угодить!

*(Входитъ Альмута, ведя за руку Гелу.)*ГРАФЪ *(про себя).*

Ужель она? Бѣдняжка! *(Громко.)* Другъ мой, Гела!

Какъ ты блѣдна!

АЛЬМУТА.

Она вѣдь не успѣла

Оправиться отъ давишной тревоги.

ГРАФЪ.

О, милая моя!

ГЕЛА.

Ахъ, повтори!

ГРАФЪ.

О, милая!

ГЕЛА.

Теперь я умерла бы!

ГРАФЪ.

О, вѣтъ, мой другъ! Къ чему такія мысли!

ГЕЛА.

Да, прочь ихъ, прочь! Я жить хочу, любить
И счастьемъ наслаждаться, какъ теперъ!

ГРАФЪ.

Я огорчилъ тебя....

ГЕЛА.

Оставимъ это!

Но я....

ГРАФЪ.

ГЕЛА.

Ни слова больше о быломъ!

(Ласкаетъ его.)

Ахъ, еслибъ я могла разглядить такъ
Рубцы твои, мой милый, чтобъ и слѣда
Ихъ на лицѣ твоёмъ не оставалось,
Какъ вѣтъ слѣда во мнѣ бывшихъ страданій!

ГРАФЪ.

Я по свѣту скитался, увлекаясь,
Какъ вѣстникъ....

ГЕЛА.

О, мнѣ твоя вѣсслость

Тѣмъ болѣе мила что я сама
Серьозна и тиха: такіе браки
Счастливей другихъ, мнѣ говорили.

ГРАФЪ.

Да, мать твоя....

ГЕЛА.

Ты съ нею говорилъ?

А я о томъ забыла и боюсь....

ГРАФЪ.

Она желаетъ этого союза
И мнѣ о немъ сказала.

ГЕЛА.

Слава Богу!

О, какъ теперь все чудно хорошо!
Я, кажется, весь свѣтъ бы одарила!
Вѣдь онъ теперь весь мой—въ тебѣ одномъ.
Ты мой, ты мой! И трелью соловьиной
Звучить теперь вокругъ меня: ты мой!

АЛЬМУТА.

О, какъ ты раздвѣла, похорошѣла!

(Она обнимаетъ Гелу.)

ГРАФИНЯ *(входитъ съ Энгельманомъ).*

Желайте счастья, дѣти, для себя!
Вы можете желать его по праву.
Вотъ будетъ мнѣ желанная
Въ совѣтъ лишутъ брачныя разговоръ.

Вы отъ меня не будете въ обидѣ;
 Въ придавое даю—весь спорный край,
 Какъ я ужь говорила. И я рада
 Что на щитѣ одномъ соединятся
 Гербы Фрисландіи и Ольденбурга.
 И роста вы почти что одного....

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, Гела только по плечо ему!

ГРАФИНЯ.

Я не о ней сказала, о тебѣ,
 У васъ одна есть склонности въ обоихъ.

(Къ графу.)

Когда скакать ты будешь на охотѣ
 По вѣковымъ лѣсамъ своимъ, она
 Всегда съ тобою будетъ и пожалуй
 Опередитъ тебя: она лихая
 Натъядница, и сердце въ ней играетъ,
 Когда она услышитъ звукъ роговъ.

ГЕЛА *(къ графу.)*

Она все шутитъ: я вѣдь не умѣю
 И поводовъ держать, не только ѣздить.

ГРАФИНЯ *(съ удивленіемъ.)*

Кто о тебѣ тутъ говорить?

ГЕЛА.

Да вы же,—

Вы говорите о его невѣстѣ.

ГРАФИНЯ *(сурово показывая на Альмуту)*

Она невѣста! Съ нею онъ помолвленъ.

ГЕЛА.

О, Боже мой!

АЛЬМУТА.

Какъ? Я его невѣста?

ГРАФЪ.

Ошибка тутъ!

ГРАФИНЯ.

Ошибка, графъ? Напрасно!

Въ моемъ рѣшеніи не было ошибки.

Я иначе не понимаю. Васъ

Женить на ней? Не будьте жь безразсудны!

На этомъ слабомъ, блѣдномъ существѣ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но вѣдь сейчасъ она цвѣла румянцемъ
И взоръ блистала....

ГРАФИНЯ.

Поставьте вы цвѣтокъ,
Почти увядшій, въ килятокъ, и снова
Онъ разцвѣтетъ; но этотъ цвѣтъ непрочень.

ГРАФЪ.

О, пощадите бѣдную!

ГЕЛА.

О, мать!

ГРАФИНЯ.

Я не хотѣла огорчить тебя,
Мое дитя. О благѣ лишь твоемъ
Забочусь я. Простое увлеченье,
Которое онъ за любовь считаетъ,
Есть только состраданье. Такъ *теперь*,
Что жъ будетъ дальше? Или ты мечтаешь,
Съ своей почти увядшей красотой,
Что вѣтренаго мужа ты привяжешь?
Нѣтъ, ты себя лишь этимъ истомишь.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но, можетъ-быть, веселый нравъ сулруга,
Который ею такъ любимъ, разсвѣтъ....

ГРАФИНЯ.

Довольно словъ! Кто здѣсь глава семейства?
Кто можетъ знать дѣтей своихъ, какъ мать?
Одна—крѣпка, отважна и лылка,
Ей, полной жизни, суждено судьбою
Высокій домъ достойно предстоять
И цвѣлою страной повелѣвать.
Другая—Гела, доброе созданье:
Все молится да шьетъ, не разгибаясь,
Для дѣлъ благихъ трудится, въ церковь ходитъ,
Бездѣлицу за смертный грѣхъ считаетъ
И каится; все существо ея
Проникнуто духовнымъ, потому
Она должна въ монахини идти.

АЛЬМУТА.

Въ монахини?

ГЕЛА.

Въ монахи! О Боже!

ГРАФЪ.

Мы избираемъ небо лишь тогда
 Когда земное покидаетъ насъ,
 Но я вѣдь здѣсь: отдайте мнѣ ее!

ГЕЛА.

Умилосердись, мать!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, согласитесь!

ГРАФИНЯ.

Вы знаете меня; коль я сказала:
 Такъ быть должно! То это рѣшено.
 Я ужь о томъ къ игуменьѣ писала
 Въ Маріенталь, гдѣ постригались всѣ
 Дѣвицы дома нашего издавна.
 Земля бѣдна, и мы не такъ богаты
 Чтобъ больше чѣмъ одну устроить дочь.

(Показывая на Альмуту.)

А эту вотъ не спрячешь въ монастырь.

АЛЬМУТА.

Святошею мнѣ быть?

ГРАФИНЯ.

Не горячись!

Не будешь ею ты, а выйдешь замужъ.
 На Гелу ужь надѣто покрывало,
 И все найдетъ она чего желаетъ,
 Въ монастырѣ.

АЛЬМУТА *(вспыхивая)*.

Вы лучше, чѣмъ она,

Хотите знать чего она желаетъ?

ГРАФИНЯ.

Смотрите какъ она заговорила!
 А вѣдь всегда въ присутствіи моемъ
 Молчала ты.

АЛЬМУТА *(про себя)*.

Что пользы говорить?

ГРАФИНЯ.

Ну, вотъ опять молчишь! Тебя я знаю,
 Твое упрямство мнѣ давно извѣстно.

АЛЬМУТА.

Но я всегда, хоть молча, повинуюсь.

ГРАФИНЯ.

Ты и молчаньемъ много говоришь.
 Ты укорить меня имъ хочешь. Да!
 Казаться хочешь жертвою тиранства!
 Но я одна всегда о васъ забочусь.
 Вы молоды, неопытны еще,
 Чтобъ сознавать самимъ что вамъ полезно.
 Она должна идти въ Маріенталь!

ГЕЛА.

Да будетъ Божья воля! Я пойду....

ГРАФИНЯ.

Ты можешь и заплакать если хочешь,
 Мое дитя; а послѣ будетъ легче.

ГЕЛА *(въ сильномъ волненіи)*.

Когда бы, мать, о васъ не говорилось
 Въ заповѣдяхъ, то.... *(сдерживаясь)*
 О, простите мнѣ! *(Уходитъ)*

АЛЬМУТА.

Вотъ палача несправедливый судъ!
 И онъ ее не любитъ такъ какъ должно,
 А то бы....

ГРАФИНЯ.

Замолчи!

АЛЬМУТА.

Я внѣ себя!

ГРАФИНЯ.

Да, разумъ твой далеко отлетѣлъ.

АЛЬМУТА.

Кто разумъ далъ тебѣ одной за всѣхъ?
 Чурбаны что ли мы? Душа ль ты наша?

ГРАФИНЯ.

Ужь на мои-то о тебѣ заботы
 Не можешь ты негодовать. Одинъ
 Изъ графовъ Ольденбургскихъ возсѣдаетъ
 На тронъ Даніи. Такъ съ королями
 Въ родство ты вступишь черезъ этотъ бракъ.

АЛЬМУТА.

Я думаю лишь о сестрѣ несчастной,
 Не о себѣ. Иль ты воображаешь
 Своею жертвой сдѣлать и меня.
 Какъ будто нѣтъ во мнѣ свободной воли?
 Остерегись! Меня ты не принудишь:
 Во мнѣ течетъ кровь Фоко Укена,
 Кровь льва!

ГРАФИНЯ.

Взбѣсилась что ли ты? Не я ли
 Здѣсь властвую и домою управляю?
 Невѣста ты....

АЛЬМУТА (*срочно и рѣшительно*).

Женихъ мой—Энгельманъ фонъ Горстъ!
 (*Общее смущеніе.*)

ГРАФИНЯ (*пришедъ въ себя*).

Ты графа Ольденбургскаго невеста!

АЛЬМУТА.

Неправда! Я невеста Энгельмана!

ГРАФИНЯ.

Она въ бреду! Не слушайте ея!

ГРАФЪ.

Я Гелъ слово даю, графиня!

ГРАФИНЯ.

Вотъ что!

Я васъ хотѣла наградить рукою
 Графини Остфрисландской; вотъ она:
 Скажите жь мнѣ теперь, хотите ль вы
 Ее принять?... Молчите вы? Эй, стража!
 Сюда! (*Входитъ стража.*) Возьмите графа! Онъ мой
 лѣвнникъ!

До завтра срока вамъ даю подумать.

(*Графа уводятъ.*)

ГРАФИНЯ (*къ Альмутѣ*).

Иль думаешь кто спрашивалъ меня
 Когда въ союзъ съ Цирксенами вступали?
 Мой Ульрихъ былъ ужь сѣдъ тогда, и я
 Могла бы предпочесть ему другаго.

АЛЬМУТА.

Да, вамъ угодно сдѣлать человѣка

Холоднымъ, безсердечнымъ, — такъ заставьте
Его жениться.

ГРАФИНЯ.

Или ты мечтаешь

Меня заставить дать свое согласье
На недостойный бракъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но я ни въ чемъ

Не показалъ себя васъ недостойнымъ!
Я честно вамъ рукой моею служилъ.

ГРАФИНЯ.

Уйдите всѣ! теперь хочу я съ нимъ
Поговорить.

(Она показываетъ на Энгельмана. Встѣ уходятъ.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня...

ГРАФИНЯ.

Не тебѣ

Здѣсь говорить, а мнѣ; тебѣ же—слушать.
Ты побѣдилъ врага, и я хочу
Тебя за то достойно наградить:
Ты—воевода.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ? я воевода?

Вы мнѣ даете самый высшій санъ!

ГРАФИНЯ.

А сообразно съ саномъ, ты получишь
И замокъ отъ меня.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы мнѣ даете

И болѣе, и меньше чѣмъ желаю.

ГРАФИНЯ.

Мой замокъ Фридсбургъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, лучший замокъ!

Гдѣ нѣкогда мой дядя жилъ со мной,
Гдѣ я игралъ ребенкомъ! Милый замокъ,
Гдѣ каждый кустъ родитъ воспоминанье!

ГРАФИНЯ.

Доволенъ ли моею ты наградой?

(Энгельманъ безмолвно преклоняется.)

Но только не забудь кто ты такой.

Скажи мнѣ кто ты?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ это понять?

ГРАФИНЯ.

Ну, кто же ты?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И—вѣрный вашъ слуга.

ГРАФИНЯ.

Ты мой слуга, прекрасно: такъ и помни;

А то ты, другъ, едва не позабылъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но чѣмъ же я свой долгъ нарушить могъ?

ГРАФИНЯ.

Ты взоръ возвелъ на дочь своихъ господъ.

Не правда ли?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не буду отрицать.

Но я вѣдь выросъ съ вашими дѣтьми,

И разницы межъ нами не видалъ.

ГРАФИНЯ.

И многіе живутъ средь высшихъ, другъ мой,

Живутъ и съ ними; но принадлежать

Не могутъ къ нимъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня, я не знаю

Принадлежите ль сердцемъ вы ко мнѣ,

Но я весь вашъ: любовь и благодарность

Меня къ вамъ привязали навсегда!

ГРАФИНЯ.

Ты вѣчно все кишишь, мой юный другъ!

Я знаю, ты мнѣ преданъ, и охотно

Прощу тебѣ безумство юныхъ лѣтъ.

Тебя я наградила по заслугамъ, —

Иные думаютъ что сверхъ заслугъ; —

Но ты и тѣмъ, какъ видно, не доволенъ,

И большаго желаешь. Берегись!

Чтобъ не было съ тобой какъ съ рыбакомъ

Въ известной сказкѣ. Берегись тцеславья!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я лишь любовью увлеченъ.

ГРАФИНЯ.

Едва ли.

Когда бъ тебѣ дѣвица повстрѣчалась
 Подобная Альмутѣ гдѣ-нибудь
 На улицѣ, въ лохмотьяхъ и босая,
 Ты, можетъ-быть, сказалъ бы: какъ прекрасна!
 И вмѣсто мѣди далъ бы ей червонецъ
 И ускакалъ бы прочь. Лишь честолюбье....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, вѣтъ!

ГРАФИНЯ.

Оно одно тебя смутило.

Господь отъ саугъ пучина раздѣляетъ,
 Которой никакое честолюбье
 Перешагнуть не можетъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, графиня!

ГРАФИНЯ.

Иль мало такъ ты знаешь, другъ, меня
 Что охами и ахами своими
 Надѣешься смягчить меня? Напрасно!
 На вещи я смотрю какъ есть онѣ.
 Меня не тронуть ни потоки словъ
 И ни порывъ движеній. Я съ тобою
 Здѣсь милостиво, другъ мой, говорила.
 Подумай обо всемъ и образумься.
 Ты завтра утромъ ѣдешь въ Фридбургъ;
 Но я съ тобой увижусь.

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(печально)*.Повинуюсь. *(Графиня уходитъ)*

Надменная жена! Она не хочетъ
 И выслушать меня, и даже чувства
 Не признаетъ которыми я дышу!

АЛЬМУТА *(быстро едетъ)*.

Гдѣ Энгельманъ? Его хочу я видѣть.
 Ты здѣсь? Ну, слава Богу! Но, мой милый,
 Чтѣ сдѣлалось съ тобой? Ты такъ убитъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, еслибъ ты ластушкой родилась!

АЛЬМУТА.

Спаси меня отъ независимыхъ узъ!
Оставь теперь всё эти воздыханья!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А развѣ я на дѣло не рѣшаюсь?
Ты осуждаешь мать, но и въ тебѣ
Прабабушка твоя не умирала.

АЛЬМУТА.

Прости мнѣ, милый! Но спаси, спаси!

(Входитъ графъ Ольденбургскій со стражей.)

ГРАФЪ ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ.

Такъ въ эту башню?

СТРАЖЪ.

— Тамъ еще сегодня

На этотъ разъ вы проведете ночь;
Но въ тюрьму вѣдь видѣли свою?

ГРАФЪ.

Да, видѣлъ я: проклятая дыра!
Для крысъ и змѣй отличное жилище!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что жь думаете дѣлать, графъ?

ГРАФЪ.

Что дѣлать?

Тамъ вѣчная тюрьма мнѣ угрожаетъ.

А тутъ — женитьба; этотъ лѣвъ полегче,
Пришлось избрать его.

АЛЬМУТА.

И вы рѣшились

Исполнить волю матери моей?

ГРАФЪ.

А что жѣ дѣлать мнѣ?

АЛЬМУТА.

И вы хотите

Вторично слово данное нарушить?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, я его сдержалъ; я Гелы руку

У матери просиль, — мнѣ отказали.
Я сдѣлалъ все что долгъ повелѣвалъ.

(Съ поклономъ.)

Теперь осталось намъ уладить дѣло.

АЛЬМУТА.

И вамъ не стыдно быть клятвопреступнымъ?

ГРАФЪ.

Ну право жь, я не клялся ей ни въ чемъ!
А вамъ я уступилъ лишь потому
Что вы меня такъ сильно осадили,
Да и хотѣлось мнѣ вамъ угодить:
Вы были такъ прелестны въ вашемъ гнѣвѣ.

АЛЬМУТА.

Языкъ къ которому вы такъ привыкли
Тутъ не идетъ.

ГРАФЪ.

Прелестная графиня!

Иль вамъ не нравлюсь я?

(Альмута не отвѣчаетъ.)

Но почему же?

АЛЬМУТА.

Знать потому что нравитесь другимъ.

ГРАФЪ.

Меня зовутъ „неотразимымъ“ дамы.

АЛЬМУТА.

Такъ вы хотите это доказать?

ГРАФЪ *(опускаетъ съ смущеніи голову
потомъ снова поднимаетъ ее).*

Но какъ тутъ быть? Скажите! Ну, положимъ,
Мы женимся, — какая жь тутъ бѣда?

АЛЬМУТА.

Я... въ первую же ночь васъ удавила бѣ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ сдѣлала прабабушка ея.

АЛЬМУТА.

Ступай!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но не одинъ, — съ тобою только.

Пойдемъ, пойдемъ!

(Онъ уводитъ ее.)

ГРАФЪ.

Начало хотъ куда!

Вотъ этотъ бракъ мнѣ счастье сулитъ!

Ну, ужъ сторонка здѣсь — на удивленье;

Тутъ мнѣ грозитъ тюрьма, тамъ — удушенье!

(Поуживаетъ плечами, потомъ разглаживаетъ бороду и продолжаетъ весело:)

Э, пустяки! Мой выплыветъ челнокъ!

*(Онъ подаетъ знакъ стражѣ приблизиться и уходитъ, весело напѣвая пѣсню.)**(Занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Графскіи замокъ въ Аурихѣ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ, АЛЬМУТА.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графъ право лучше чѣмъ его слова,

А можетъ-быть и совѣсти упреки....

АЛЬМУТА.

Для этого онъ слишкомъ легкомысленъ.

Но онъ отыщетъ средство чтобъ спастись.

КАНЦЛЕРЪ *(входитъ)*.

Раненько жъ вы, графиня! Съ добрымъ утромъ!

АЛЬМУТА.

И вы ужъ на ногахъ.

КАНЦЛЕРЪ.

Я по дѣламъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что это съ вами?

КАНЦЛЕРЪ.

Брачный договоръ,

In duplo приготовленный, — одинъ *(кланяясь)*

Для молодой графини, а другой

Для графа Ольденбургскаго.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но онъ

Вѣдь, кажется, отдумалъ?

КАНЦЛЕРЪ.

Я не знаю.

За мной графиня дважды присылала.

Periculum in mora! Извините!

(Уходитъ.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Глулець, надутый слѣвсю и латынью!

АЛЬМУТА.

Вотъ видишь ли, ужь свадьба рѣшена.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

На графа, знать, надѣется она,

Какъ иногда на слабого сильнѣйшій.

АЛЬМУТА.

Я не могу женою быть того,

Кто ни любви моей, ни уваженья

Не приобрѣлъ, — и для меня теперь

Спасенья нѣтъ другаго, кромѣ бѣгства.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но знаешь ли что ты теряешь? — Все!

АЛЬМУТА.

Да, все!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Подумай.

АЛЬМУТА.

Думала я много.

Я не смыкала глазъ. О, эта ночь!

Поцупай лобъ мой.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ огнемъ пылаеть.

АЛЬМУТА.

Бѣжать должны мы! Близится минута

Которой мать, какъ я, должна бояться.

Такъ на морѣ двѣ глыбы ледяныя

Отъ разныхъ странъ львуютъ себѣ спокойно,

Но измѣнить свой бѣгъ не въ силахъ обѣ,

И, налетѣвъ, столкнутся вдругъ онѣ

И съ грохотомъ въ осколки разобьются....

Ты хочешь ли спасти меня?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Охотно!

Когда я принялъ рыцарскій ударъ,
Я клятву далъ охраной быть гонимыхъ
Двѣицъ и жель. И клятву я сдержу.
Куда бѣжать желаешь ты?

АЛЬМУТА.

Туда

Гдѣ матери тиранство не опасно.

ЭНГЕЛЬМАНЪ;

О, бѣгство — это слово не по мнѣ!
Мой добрый мечъ намъ всюду дастъ свободу.
На слугъ моихъ могу я положиться —
Бѣжимъ во Фридебургъ: тамъ безопасно;
Мой замокъ неприступенъ; онъ намъ дастъ
Пріютъ до той поры пока смягчится
Упорный духъ графини.

АЛЬМУТА.

Такъ бѣжимъ же!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Со мной она хотѣла говорить.
Моя отлучка можетъ только раньше
Въ ней подозрѣнье возбудить.

АЛЬМУТА.

Свобода!

Здѣсь оставаться долѣ не могу.
Прочь улечу, какъ птица изъ гнѣзда,
Когда надъ ней рука ея убійцы.
Но какъ же мнѣ идти?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Держи на Эзель,

А тамъ сверни къ востоку, все къ востоку...

АЛЬМУТА.

На встрѣчу солнцу и любви. Прекрасно!
Я выйду изъ воротъ съ одной служанкой,
Какъ будто на прогулку я иду.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я за тобой отправлюсь на коняхъ;
На моего коня тебя возьму я,
А конюхъ мой возьметъ твою служанку,

И мы ломчимся быстро, какъ стрѣла,
 Какъ осьминогій черный конь Одена,
 И приметъ насъ мой милый Фридебургъ!

(Альмута уходитъ.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(однимъ).*

Пусть свѣтъ зоветъ меня неблагодарнымъ!
 Мнѣ все равно! Чтò значить благодарность?
 Чтò преданность? Любовь? Сама графиня
 Надъ чувствами сердечными смѣется;
 И расточитель неразумный тотъ,
 Кто расточаетъ чувства передъ тѣмъ
 Кто ихъ лишенъ. Тогда пришлось бы намъ
 Стыдиться лучшаго чтò мы имѣемъ.

(Слышны шумъ и радостные крики.)

Но чу! Чтò тамъ за шумъ? Восторга крики?
 Кого это ведутъ?

(Входятъ воины и тащатъ связаннаго Герда.)

ПЕРВЫЙ ВОИНЪ.

Ага! Попался!

Ну, легче было бѣ намъ поймать ехидну!

ВТОРОЙ ВОИНЪ.

Вотъ страшный Гердъ; его мы привели.

ТРЕТІЙ ВОИНЪ.

Графиня будетъ рада.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Весь онъ въ сажѣ,

Какъ будто бы въ аду ужъ лобывалъ.

ПЕРВЫЙ ВОИНЪ.

Его нашли въ лачугѣ у болота,

Онъ въ торфѣ тамъ зарылся.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Гердъ фомъ-Гейле!

Передо мной вы много погрѣшили.

(Молчаніе.)

ПЕРВЫЙ ВОИНЪ.

Отъ злобы онъ не хочетъ говорить.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но еще больше, Гердъ, передъ отчизной.

Вы впереди враговъ кеслись, а насъ

И взглядомъ удостоить не хотѣли.

ГЕРДЬ *(въ полголоса)*.

Но я гляжу же на тебя, глупец!

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(отворачиваясь отъ него)*.

Онъ связанъ, но не духъ его строптивый.

(Между тѣмъ сбѣгаютъ слуги; потомъ приходитъ графиня.)

ГРАФИНЯ.

Долой съ него веревки. Гердъ фонъ-Гейде!
Ужель тебя Фрисландка родила?

ГЕРДЬ *(освобожденный, къ воинамъ)*.

Мерзавцы! Развѣ воръ я придорожный,
Что до крови скрутили вы меня?

ВОИНЫ.

Графиня! Онъ опасенъ.

ГРАФИНЯ.

Гердъ, ты самъ

Виною всего несчастья.

ГЕРДЬ.

Нѣтъ, не я,

А вы! Я предлагалъ вамъ избавленье,

А вы мнѣ отказали.

ГРАФИНЯ.

Слава Богу,

Мнѣ удалось самой себя спасти.

Но ты былъ такъ безстыденъ что посмѣлъ

Свои глаза на дочь мою поднять.

ГЕРДЬ.

Но смѣетъ же то дѣлать, что и я,

Какой-нибудь Вестфалецъ забѣжавшій.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Кто тебѣ сказалъ?

ГЕРДЬ.

Сказалъ? Никто!

Вѣдь люди говорятъ лишь то что знаютъ;

А я читалъ.

ГРАФИНЯ.

Не въ книгѣ ли читалъ?

ГЕРДЬ.

Я это прочиталъ въ ея глазахъ,

Какъ про него мы съ нею говорили.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И потому меня ты очернилъ?
 Такъ отплатилъ ты мнѣ за тѣ услуги,
 Какія я оказывалъ тебѣ
 Въ Италиі?

ГЕРДЪ.

Чѣмъ я тебѣ обязанъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, лучше ужь молчи!

ГЕРДЪ.

Нѣтъ, ты скажи.

Я былъ оправданъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, ты былъ прощенъ,
 И только мнѣ обязанъ тѣмъ прощеньемъ.

ГРАФИНЯ.

Прощеньемъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, онъ въ ссорѣ за игрою
 Тамъ капитана одного убилъ.

ГЕРДЪ.

Убилъ? Мы оба развѣ не дрались?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ не успѣлъ и обмахнуть меча
 Какъ ты его сразилъ во время ссоры.

ГЕРДЪ.

Но какъ же смѣлъ онъ раздражать меня?

ГРАФИНЯ.

А чѣмъ же это?

ГЕРДЪ.

Я теперь не помню,
 Какъ онъ тогда, на проигрышѣ въ досадѣ,
 Меня ругалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ только говорилъ
 Что ты игралъ фальшивыми костями.

ГЕРДЪ (въ сильномъ негодованіи).

Ты думаешь что я игрокъ фальшивый?

Что я затѣмъ убилъ и капитана

Чтобъ онъ потомъ меня не обличилъ?

ГРАФИНЯ.

Ты самъ себя невольюю обличаешь:
Твои глаза все это говорятъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Твой лобъ отмѣченъ Каина печатью:
„Вотъ, вотъ убійца!“ говоритъ она.

ГЕРДЪ (*сквозь зубы*).

Убійца я? Такъ буду жь имъ теперь!

(Онъ выхватываетъ кинжалъ, скрытый за пазухой, и бросается на Энгельмана. Тотъ отклоняется, такъ что кинжалъ касается только его руки.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*быстро обнажаетъ мечъ*).

А! ты съ кинжаломъ! Сущій Итальянецъ!

(Оба враждебно смотрятъ другъ на друга. Гердъ снова бросается на Энгельмана, но тотъ, защищаясь, пронзаетъ его.)

Молись теперь! Тебѣ не долго жить!

ГЕРДЪ (*упадая*).

Проклятіе! Теперь рѣшить судьба,
Найду ли я другой у Стикса берегъ.

ГРАФИНЯ.

Язычникъ ты безлугный!

ГЕРДЪ (*корчась на полу*).

Охъ, мнѣ тяжело!...

(*Умираетъ.*)

ГРАФИНЯ.

Вотъ вся его молитва передъ Богомъ!
Прости ему Господь!... Возьмите трупъ!

(*Герда уносятъ.*)

Едва ль о немъ кто будетъ сожалѣть.

(Въ глубинѣ сцены Армгарда бросается на тѣло Герда.)

АРМГАРДА.

О, Боже! Бѣдный Гердъ! Мой милый Гердъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто эта дѣвушка?

ГРАФИНЯ.

Его невѣста,

Покинутая имъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да подкрѣпитъ

Ее Господь, несчастную, въ печала!

ГРАФИНЯ.

Ты раненъ, другъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Царалица пустая!

ГРАФИНЯ.

Господь тебя чудесно сохранилъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но для чего мнѣ жить?

ГРАФИНЯ.

Какъ для чего?

(Помявъ его мысли, говоритъ скоро и сурово:)

Тебѣ пора! Отправься въ Фридебургъ
 И сдѣлай тамъ всѣ нужные запасы.
 Онъ ими слишкомъ бѣденъ и притомъ
 Къ границѣ очень близокъ; если врагъ
 Захочетъ мстить, онъ весь ему открытъ.
 Стулай!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Позвольте мнѣ еще сказать

Два слова объ Альмутѣ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, не надо!

Ты для меня не больше чѣмъ слуга
 Который кормитъ моего коня.

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(бросаясь къ двери).*

А! вотъ что!

ГРАФИНЯ.

Тише, тише, другъ любезный!

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(возвращаясь).*

Лишь у лягушки можно вырвать сердце,
 И, говоря, она все будетъ прыгать.
 Вы и съ людьми такъ поступать хотите!

ГРАФИНЯ.

Къ такимъ рѣчамъ я не привыкла.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Жаль!

Вы лишь однихъ рабовъ привыкли слушать,
А не людей свободныхъ!

ГРАФИНЯ.

Хладнокровнѣй!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Готовьтесь же и вы быть хладнокровнѣй.

*(Быстро уходитъ.)*ГРАФИНЯ *(звонитъ)*.

Ну, молодежь совсѣмъ съ ума свихнула,
Ей хочется на головѣ ходить.

На старыхъ я ногахъ своихъ останусь
И посмотрю, кто лучше устоитъ.

(Входитъ слуга.)

Гдѣ Ольденбургскій графъ? *(Слуга уходитъ.)*

Я побожусь

Что въ эту ночь одумался мой плѣнникъ.
Труда большого нѣтъ его настроить.

СЛУГА *(возвращается)*.

Графъ спитъ еще.

ГРАФИНЯ.

Такъ разбудить его!

(Слуга уходитъ.)

Вѣдь солнце ужъ высоко. Впрочемъ, что жь?
Быть-можетъ, онъ усталъ.

СЛУГА *(возвращается)*.

Графиня!

ГРАФИНЯ.

Ну?

СЛУГА.

Дверь залерта его, и графъ отвѣта
На стукъ нашъ не даетъ.

ГРАФИНЯ.

Что это значитъ?

Сломайте дверь! Или шутку шутить онъ?
Но я шутить сегодня не желаю.

(Входятъ слуги и стража.)

СЛУГА.

Графъ убѣжалъ!

ПЕРВЫЙ СТРАЖЬ.

Мы тутъ не виноваты!

ВТОРОЙ СТРАЖЬ.

Мы у дверей его какъ лсы лежали.

ТРЕТИЙ СТРАЖЬ.

И кто бы могъ подумать, чтобъ изъ башни...

ГРАФИНЯ.

Вы помогли ему бѣжать?

ПЕРВЫЙ СТРАЖЬ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

ГРАФИНЯ.

Подкуплены вы были?

ВТОРОЙ СТРАЖЬ.

Нѣтъ, графиня!

Тамъ изъ его окна виситъ веревка:

Такъ онъ по ней...

ЭДЗАРДЪ *(выходитъ)*.

Веревка вся въ крови:

Должно-быть онъ себѣ поранилъ руку;

А до земли далеко не доходить

Ея конецъ. Ужасный былъ скачокъ!

ГРАФИНЯ.

Вся жизнь его слита изъ приключеній.

ПЕРВЫЙ СТРАЖЬ.

Залиску онъ оставилъ....

ГРАФИНЯ.

Что онъ пишетъ?

ПЕРВЫЙ СТРАЖЬ.

Вотъ, посмотрите, я читать не мастеръ.

ЭДЗАРДЪ *(береть записку и читаетъ)*.

„Скачокъ-хоть съ башни и высокъ,

Но что жь тутъ за бѣда?

Мяъ въ ложе брачное скачокъ

Страшнѣе, господа!“

Веселый господин!

СЛУГА.

СТРАЖЬ.

Шутникъ большой!

ЭДЗАРДЪ.

Да, еслибъ жизнь всегда была одна
Комедія, то онъ актеръ хорошій.

ГРАФИНЯ.

Вотъ какъ судьба играетъ человѣкомъ!
При самой ясной утренней зарѣ
Не можетъ онъ за ясность дня ручаться:
Днемъ радости я этотъ день считала,—
Прійдетъ Энно...

ЭДЗАРДЪ.

Братъ мой, Энно?

ГРАФИНЯ.

Да.

Онъ нынче долженъ быть изъ Палестины,
Я это знала, но отъ васъ таила,
Чтобъ удивить нечаянностью васъ;
Но вотъ теперь все здѣсь перевернулось.
Кто знаетъ что случится!

*(Къ одной изъ служанокъ которая идетъ
черезъ сцену.)*

Гдѣ Альмута?

Ну, отвѣчай же. Или ты не слышишь?

СЛУЖАНКА.

Графиня...

ГРАФИНЯ.

Я спросила объ Альмутѣ.

Что жъ ты молчишь? Глуха ты или нѣма?

СЛУЖАНКА.

Она изволила пойти гулять.

ГРАФИНЯ.

Одна?

СЛУЖАНКА.

Нѣтъ, съ нею дѣвушка пошла.

ГРАФИНЯ.

И рано такъ! Куда же?

СЛУЖАНКА.

Я... не знаю....

ГРАФИНЯ.

Что жь ты лицо воротить отъ меня?
И видно что недавно изъ деревни;
Ну, такъ и есть,—третъ фартукомъ глаза!
Что тамъ такое? Тайна?

СЛУЖАНКА.

Ахъ, графиня!

ГРАФИНЯ.

Что у тебя? Что хочешь ты припрятать?
Подай сюда!

(Вырываетъ у нея футляръ.)

Футляръ! Браслетъ Альмуты!

Ея брильянты! серьги! Ты навѣрно
Хотѣла ихъ украсть?

СЛУЖАНКА.

Ахъ, нѣтъ, графиня!

Я къ барышнямъ слѣшила ихъ отнестъ,—
Я думала, она ихъ позабыла;
Но барышня сказала мнѣ: „все это
Отъ матери моей, а отъ нея
Мнѣ всякіе брильянты потемнѣютъ.
Беру лишь то что мнѣ принадлежитъ.“

ГРАФИНЯ.

Взяла она уборъ свой?

СЛУЖАНКА.

Да, графиня.

ГРАФИНЯ.

Ты, глупая, все врешь! Но говори,—
Неужели она...

СЛУЖАНКА *(рыдая).*

Она бѣжала!

ГРАФИНЯ.

Бѣжала? Какъ? Давно ли?

СЛУЖАНКА.

Нѣтъ, недавно.

ГРАФИНЯ.

О, дерзкая! Бѣжала! Но постой,
Я догоню тебя!

(Быстро уходитъ съ Эдзардомъ.)

СЛУЖАНКА.

Ахъ, Боже мой!

Что я надѣлала! Я измѣнила
 Моей любезной, доброй госпожѣ,—
 Сама не знаю какъ! Меня ужь вѣрно
 Изъ службы выгонять.

ТЮРЕМЩИКЪ *(выходитъ)*.

На то похоже!

(Выбираетъ ключи.)

Пойдемъ со мной!

СЛУЖАНКА.

Куда?

ТЮРЕМЩИКЪ.

Куда идутъ

Всѣ тѣ кто былъ участникомъ любви.

СЛУЖАНКА.

Но я вѣдь ей добра всегда желала.

ТЮРЕМЩИКЪ *(беря ключами)*.

Ну-ну! тамъ это разберутъ добро-то.

(Уходитъ съ плачущею служанкой.)

ПЕРВЫЙ СТРАЖЬ.

Вотъ чтò подчасъ отъ дѣтокъ наживешь!

ВТОРОЙ СТРАЖЬ.

Все оттого что слишкомъ ужь крута.

ТРЕТИЙ СТРАЖЬ.

Натянешь туго лукъ,—какъ разъ и лопнетъ.

(Отворяетъ дверь.)

Ахъ! это кто?

ВТОРОЙ СТРАЖЬ.

Да это графъ нашъ Энно!

ТРЕТИЙ СТРАЖЬ.

Привѣтъ вамъ, графъ! Да здравствуетъ графъ Энно!

ВХОДИТЬ ЭННО *(въ богатомъ испанскомъ платьѣ и въ большой шляпѣ
 украшенной медальонами; за нимъ толпа народа)*. ЭДЗАРДЪ.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ, да здравствуетъ графъ Энно!

ЭННО.

Ну, ну, довольно, милые, ступайте!

(Многіе порываются пожать ему руку.)

Довольно же!

(Народъ удаляется.)

Ручищами своими

Они мнѣ чуть не раздавили рукъ.

ЭДЗАРДЪ.

Они тебѣ ихъ жали отъ души.

ЭННО.

Все это такъ; но все-таки имъ должно

Различье знать. Здѣсь всѣ у васъ на ты:

Какая грубость нравовъ! Мы далеко

Отгали отъ другихъ.

ЭДЗАРДЪ *(разсматриваетъ медальоны).*

Что это тутъ?

ЭННО *(кладетъ на столъ шляпу).*

Да, эту шляпу подарилъ мнѣ другъ,

Савойскій герцогъ. Я ему въ подарокъ

Хочу послать двухъ лучшихъ жеребцовъ.

Породу нашу хвалятъ. Только этимъ

Фрисландія похвастаться и можетъ.

ЭДЗАРДЪ.

А древняя свобода?

ЭННО.

Да, пожалуй,—

Я опытомъ ея не очарованъ.

Ты мнѣ поможешь подобрать коней:

Съ богатыми скупиться не прилично.

(Эдзардъ смотритъ на его упряжь.)

Руно Златое! Римскій императоръ,

Эрцгерцогъ Максъ, мнѣ самъ его повѣсилъ,

Въ тотъ самый день какъ въ Ахенѣ онъ принялъ

Имперскую корону. Этотъ орденъ

Дается лишь князьямъ и королямъ,—

Онъ первый орденъ въ христіанскомъ мірѣ!

Въ тотъ день на каменномъ престолѣ Карла

Великаго сидѣлъ онъ и возвелъ

Въ санъ рыцаря двѣ сотни знатныхъ лицъ:

Твой бѣдный братъ былъ также въ ихъ числѣ.

Въ Ерусалимѣ жь рыцаремъ я сталъ
Святаго Гроба.

ЭДЗАРДЪ.

Почестей такихъ

Имѣть я не желалъ бы безъ заслуги.
Ты говорилъ ужь съ матерью?

ЭННО.

Немного,

Лишь мимоходомъ: некогда ей было.
Что тутъ у васъ? Всѣ шепчутся, снуютъ
Туда-сюда,—ну точно муравьи,
Когда отнимешь лица у нихъ.
Вездѣ такое странное движенье.
Что это значить?

(Входитъ графиня.)

ЭДЗАРДЪ.

Мать тебѣ разкажетъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, какъ нашѣлъ Фрисландію, мой сынъ?

ЭННО.

Такъ, ничего; немного тѣсно здѣсь,
Сказать по правдѣ,—даже очень тѣсно,—
Особенно понятія здѣсь узки:
Деревней такъ и пахнетъ.

ГРАФИНЯ.

Милый сынъ,

Ты насмотрѣлся на обширный свѣтъ,—
И Македонія тебѣ мала.

Желала бы владѣть я рудниками,
Вотъ какъ король Филлипъ. Но, къ сожалѣнью,
Фрисландія металлами бѣдна.

ЭННО.

Да, матушка, хоть странствовать пріятно,
Но дорого обходится, и если
Вы упрекнуть меня хотите въ томъ,
Что много я истратилъ....

ГРАФИНЯ.

Да, мой сынъ,

Ты дорого мнѣ стоилъ за границей.

ЭННО.

Но эта трата въ пользу намъ пойдетъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ такъ?

ЭННО.

Я много приобрѣлъ друзей
И такъ вездѣ Фрисландію представилъ
Что всюду къ ней питаютъ уваженье.

ГРАФИНЯ.

То блескъ минутный! Талеры мои
Надежныѣ блестятъ.

ЭННО.

„Вотъ юный князь!
Вотъ князь Фрисландію!“ всѣ говорили,
И при дворѣ мнѣ много обѣщаній...

ГРАФИНЯ.

Всѣ обѣщанья—опіямъ придворный!

ЭННО.

Самъ императоръ мнѣ сказалъ однажды
О княжеской коронѣ.

ГРАФИНЯ.

Ну, вотъ это

Послушать можно. Очень бы желала
Увидѣть васъ подъ княжеской короной,
Хотя расходъ тутъ будетъ и не малъ.
Но точно ли что императоръ самъ....

ЭННО.

Онъ издали мнѣ показалъ корону:
Онъ намекнулъ что мы должны стараться
Войти въ союзъ съ высокими домами,
Ну, и тогда за нами будетъ право.
И, кажется, мнѣ удалось привлечь
Къ себѣ вниманье не одной принцессы.

ГРАФИНЯ.

Такъ императоръ думаетъ! А здѣсь
(*Съ горькою улыбкой.*)
Творится чтò! Гдѣ брачныя союзы
Съ высокими домами? Нашъ союзъ
Не принесетъ намъ чести.

ЭННО.

Что такое?

ГРАФИНЯ.

Ты этого не зналъ. Я не хотѣла
Принять тебя съ нерадостною вѣстью.
Твоя сестра Альмута убѣжала,—
Похищена!

ЭННО.

Возможно ль? Кѣмъ же, кѣмъ?

ГРАФИНЯ.

Бродягою нѣмецкимъ—Энгельманомъ!

ЭННО.

Какъ? Энгельманомъ? О, какой позоръ!

ГРАФИНЯ.

Ужъ послано въ погоню; если только
Летать они не могутъ,—ихъ догонять.
(*Входитъ капитанъ.*)

Изъ Фридебурга?

КАПИТАНЪ.

Точно такъ, графиня.

ГРАФИНЯ.

Ну, что жь, привезъ ихъ? Гдѣ они?

КАПИТАНЪ.

Графиня!

Имъ удалось уйти. Подъемный мостъ
За ними былъ ужъ поднятъ.

ГРАФИНЯ.

Дочь моя

Пошла лѣвшкомъ, а ты и на конѣ
Догнать ея не могъ!

КАПИТАНЪ.

Графиня! я старался....

ГРАФИНЯ.

Улитки вы безногія! Но ты
Имъ развѣ не сказалъ что я велѣла
Чтобъ тотчасъ же они вернулись въ Аурихъ,
Подъ страхомъ смертной казни?

КАПИТАНЪ.

Я сказалъ;

Но наотрѣвъ они мнѣ отказали.

ГРАФИНЯ.

Какъ? отказали? Это невозможно!

КАПИТАНЪ.

Я затрубить велѣлъ; на этотъ зовъ
Самъ Энгельманъ въ воротахъ показался
И объявилъ что ваша дочь ему
Объщана въ невѣсты графомъ....

ГРАФИНЯ.

Кѣмъ?

КАПИТАНЪ.

Фрисландскимъ графомъ.

ГРАФИНЯ.

Это кто жь такое?

КАПИТАНЪ.

Подъ нимъ онъ разумѣетъ графа Энно
И все стоитъ на томъ что имъ самимъ
Рука сестры общана ему.

ЭННО.

Ахъ онъ подлець! Онъ смѣетъ....

ГРАФИНЯ.

Правда это?

ЭННО.

И смѣетъ онъ ссылаться на меня?

ГРАФИНЯ.

Но правда ль это?

ЭННО.

Дерзкій чужеземецъ!

Посмѣлъ мечтать быть шуриномъ моимъ!
Вотъ будетъ славный родственникъ принцессы
Екатерины Шведской, у которой
Всегда лицо зардѣется румянцемъ,
Когда ей скажутъ обо мнѣ. Бродяга....

ГРАФИНЯ.

Но ты сперва скажи мнѣ, правда ль это?
Ты общалъ ему свою сестру?

ЭННО.

Ну, если я и говорилъ когда,
Такъ развѣ только въ шутку. Но теперь
Я докажу ему....

(Уходитъ.)

ГРАФИНЯ (*капитану*).

Ступай за нимъ!

Она была вѣдь гордостью моею.
 Когда ее подъ сердцемъ я носила,
 Не знала я той боли какъ теперь!..
 Скорѣй! скорѣй все войско въ Фридебургъ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зимняя картина. Вѣтви, въ глубинѣ сцены, замкъ Фридебургъ съ опущеннымъ подъемнымъ мостомъ. Посреди сцены ровъ замка съ довольно крутыми берегами.

ЭНГЕЛЬМАНЪ и ДВОЕ СЛУГЪ (*на лѣвомъ берегу*).

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы ото льда очистили весь ровъ?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Все сдѣлано какъ вы намъ приказали.

ВТОРОЙ СЛУГА.

На серединѣ сняли мы весь ледъ;
 Но въ ночь олять морозило, и снова
 Его позатынуло свѣжимъ слоємъ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Поосторожнѣй, рыцарь: старый ледъ
 До тростника лишь достаетъ, а дальше
 Идти нельзя, проломится какъ разъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не отличить никакъ его по цвѣту,
 И вся вода какъ чистое стекло:
 При свѣтѣ солнца можно даже видѣть
 Почти до два болотную траву.

ВТОРОЙ СЛУГА.

Ну, вотъ олять нашъ ровъ, какъ есть, въ порядкѣ,
 И намъ теперь не страшно нападенье.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ахъ, еслибы все кончилось скорѣй!
 Всѣ приступы отбили мы удачно;
 Теперь графъ Энно убѣдился самъ,
 Что ничего не сдѣлаетъ онъ силой,
 И вмѣсто бури хочетъ испытать

т. хс.

Лучъ солнечный: вступить въ переговоры
 Желаетъ онъ со мною. Я жду его.
 Онъ будетъ тамъ стоять на берегу,
 А я вотъ здѣсь, и ровъ раздѣлитъ насъ.
 Съ нимъ будутъ двое слугъ, какъ и со мною:
 Такъ рѣшено межъ нами.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Вотъ и онъ!

ВТОРОЙ СЛУГА.

Съ нимъ идутъ двое.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что же это значить,

Что всѣ они съ оружіемъ пришли?

(Энно съ двумя воинами входитъ справа.)

А, здравствуй, Энно! Но зачѣмъ же ты
 Съ оружіемъ идешь на дѣло мира?
 Вѣдь мы съ тобою будемъ состязаться
 Лишь на словахъ, и лучше, если можно,
 Когда вражду закончимъ навсегда.

ЭННО.

Съ тобою надо быть поосторожнѣй.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты ль это говоришь? Ужель тебѣ
 Такъ мало образъ мыслей мой извѣстенъ?
 Но къ дѣлу, Энно.

ЭННО.

Энгельманъ фонъ-Горстъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты звалъ меня всегда лишь Энгельманомъ;
 Къ чему жъ теперь формальности такія?

ЭННО.

Ты въ заблужденьи, если полагаешь
 Что въ замкѣ ты своемъ нелобѣдимъ.
 Повѣрь, хотя и толсты эти стѣны,
 Но римскій императоръ ихъ пробьетъ;
 И стоить мнѣ сказать ему лишь слово,
 Какъ онъ сюда изъ Люттиха пришлетъ
 Такой обозъ орудій для осады,
 Что передъ нимъ твои присядутъ стѣны
 До самыхъ рововъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Твои слова, другъ Энно,

Потолще будутъ стѣны моихъ: вѣдь Люттихъ
Отсюда далеко.

ЭННО.

Но я желаю

Сперва съ тобой разумно объясниться.

Мою сестру похитилъ тайно ты....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Она пришла ко мнѣ искать защиты.

ЭННО.

Ну, это правда: вмѣстѣ вы росли,

И въ томъ тебя никто не обвиняетъ

Что ты любовью къ ней воспламенился.

Любовь—что плющъ: ояъ вьется по природѣ

Вокругъ всего что близъ него стоитъ,

Не разбирая вещества предмета.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не о плющѣ жь мы будемъ толковать?

ЭННО.

Княжна играетъ съ нищимъ сиротою;

Какъ въ вѣкъ золотой—они тогда равны;

Кто разобьетъ минутный дѣтства сонъ?

Но рай невинности проходить скоро,

И кто, вкусивъ отъ дерева познанья,

Все думаетъ по-прежнему, въ томъ хитрость

Надъ честью верхъ беретъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да говори же,

Чтобъ могъ тебя я слушать!

ЭННО.

Не сердись,

А постарайся вникнуть въ это дѣло.

Тогда и нынче—разница большая!

Представь ее себѣ сосной высокой:

Вы были вмѣстѣ молоды и малы

Ты могъ легко играть ея вершиной;

Но вотъ она высоко вознеслась

И только вѣтру легкому доступна.....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какая тутъ вершина и сосна?
 Что ты присталъ съ надутой болтовнею?
 Ты мнѣ скажи, не общалъ ты мнѣ
 Ея руки?

ЭННО.

Но мать моя, графиня....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но развѣ самъ ты мнѣ не общалъ?

ЭННО.

Нѣтъ! Никогда!... Не помню.... Я забылъ....
 Все это было въ шутку.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Сколько словъ

И сколько въ нихъ противорѣчій! Ты же
 Насъ женихомъ съ невѣстой называлъ.

ЭННО.

Ты окруженъ; тебѣ спастись нельзя.
 Но выдай мнѣ сестру мою, и все
 Тебѣ тогда простится.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но скажи же,

Не общалъ ты мнѣ ея руки?

ЭННО.

Что жь, если такъ? Я былъ еще тогда
 Несовершеннолѣтній, внѣ закона.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Законъ! Законъ! Ты самъ себя судья.
 „Несовершеннолѣтній!“ Такъ не станетъ
 Отказываться честный человѣкъ
 Отъ двадцати имъ занятыхъ колѣекъ!

ЭННО.

Ты не забудь, рожденный въ униженъи,
 Чѣмъ ты обязанъ высшимъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто же ты,

Считающій себя за униженъе
 Чтобы съ моей смѣшалась ваша кровь?

ЭННО.

Я графъ имперіи!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вновь испеченный!

Сейчасъ изъ печки, потому горячъ.

Твой родъ отъ поселянъ.

ЭННО.

О, рабъ презрѣнный!

*(Онъ спрыгиваетъ на ледъ и съ обнажен-
нымъ мечемъ бросается на Энгельмана.)*

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мы безоружны. Поскорѣе въ замокъ!

*(Энгельманъ и слуги скрываются въ за-
мокъ; за ними поднимается подземный
мостъ.)*

ЭННО.

Ахъ! Что это?

*(Ледъ проломился подъ нимъ; онъ скры-
вается въ воду и снова всплываетъ.)*

Спасите! помогите!

*(Исчезаетъ подъ водой.)*ПЕРВЫЙ ИЗЪ ВОИНОВЪ *(прыгая на ледъ).*

Графъ! графъ!

ВТОРОЙ ИЗЪ ВОИНОВЪ.

Бѣда! Спасите! Графъ нашъ тонетъ!

*(Бросается въ воду; занавѣсъ опу-
скается.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Зала въ замкѣ Фридебургъ.

ДВА ЛАНДСКНЕХТА.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Вотъ, говорятъ, ландскнехтъ безъ кошки можетъ

Ловить мышей; но здѣсь у насъ не только

И мышки не найдешь, но даже нѣтъ

И зернушка чтобъ мышкѣ поживиться.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ (*садясь въ кресло*).

Какъ съ голоду животъ мнѣ подведетъ,
То я всегда себѣ припоминаю
Обѣдъ которымъ разъ меня лѣсничій
На славу угостилъ. Все было тамъ:
И жареный олень, и перепелки,
И пудинги различныя, и сладки,
И вволю тѣмъ обѣдомъ наслаждаюсь,
А все-таки никакъ не наѣдаюсь.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ (*ложась на скамью*).

Вѣдь цѣлыя мы сутки на ногахъ;
Какъ лесъ усталъ я. Прикорнемъ маленько.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Нѣтъ, голодъ мнѣ покоя не даетъ:
Все грезятся жаркія да ластеты.
Да, служба тяжела, силъ не хватаетъ;
Насъ горсть всего, а замокъ такъ великъ.
Вотъ мѣсяцы осада наша длится,—
И съ каждымъ днемъ все меньше ѣсть даютъ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ (*спросонкавъ*).

Да полно, чортъ, языкъ себѣ мозолить!
Ложись да спи!

(*Засыпаетъ.*)

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Онъ спитъ ужъ, какъ убитый,
А у меня съ ума не сходитъ пудингъ.

(*Умацивается на креслѣ. Слышнѣтъ
звукъ трубы.*)

Ну, тамъ трубятъ! Не приступь ли опять?
Эй ты, вставай! Поидемъ-ка на часы.
Тамъ люди всѣ наперечеть. Вставай же!

(*Тщетно старается разбудить его и
кричитъ ему въ ухо:*)

Трубятъ! Трубятъ!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Пускай трубятъ!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Вставай!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Пусть тамъ трубятъ всѣ трубы Ерихона,

И руются всё стѣны на меня,—
Я спать хочу,—ты слышишь,—спать хочу!

АЛЬМУТА (*входитъ*).

Вы ужь и такъ, друзья мои, устали,
А вотъ опять зовутъ васъ на работу.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Что жь дѣлать? Капитанъ шутить не любитъ.

АЛЬМУТА.

А въ эту ночь, подъ кровомъ темноты,
Врагъ подошелъ подъ самую ворота.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

А развѣ вы не спали? Гдѣ жь вы были?

АЛЬМУТА.

При капитанѣ, чтобъ ему помочь
При случаѣ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ (*быстро вскакиваетъ*).

Товарищъ! стыдно намъ

Предъ женщиной! О, барышня! вы ангелъ!

Пусть не найду себѣ кусочка хлѣба,

Но если только голосъ вашъ услышу,—

Огъ манною небесной будетъ мнѣ!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Да, если только смѣлая жена

Опасности муцины раздѣляетъ,

Тогда ужь вѣрно и послѣдній трусъ

Въ героя обратится. Ну, пойдѣмъ!

(*Оба уходятъ*.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*входитъ*).

АЛЬМУТА (*прижимаясь къ нему*).

Ахъ, Энгельманъ! Мнѣ жаль людей несчастныхъ,

Которые за насъ напрасно гибнуть.

Мы сдаться, другъ, должны.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, подождемъ:

У нихъ пока отличный духъ у всѣхъ.

АЛЬМУТА.

Да, духъ хорошъ, но тѣло измѣняетъ.

Ахъ, съ роковаго дня какъ братъ мой Энно

Сталъ жертвою горячности своей,—

Удвоились осада и опасность,
И вся страна возстала на тебя.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Меня одни дворяне ненавидятъ.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, и народъ за Энно противъ насъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но прежде онъ любилъ меня вѣдь больше
Чѣмъ гордеца...

АЛЬМУТА.

Его всѣ недостатки
Слезами смылъ онъ, и тебя винить
За смерть его.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Въ которой виноваты
Одна его запальчивость и ледъ.

АЛЬМУТА.

Все это такъ, но онъ тому не вѣритъ:
Онъ видитъ тутъ коварство и засаду.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Когда бы Энно всталъ теперь изъ гроба,
То самъ меня навѣрно бѣ оправдалъ.
Тутъ даже случай не виновенъ,—нѣтъ!
Виновны нарушенье договора
И гнѣвъ его,—они его стубили,
А на меня ложится вся вина.

АЛЬМУТА.

Съ тѣхъ поръ какъ мать преслѣдуетъ тебя,
Дворяне всѣ соединились съ нею
И, обложивъ весь замокъ, выжидаютъ,
Какъ свора псовъ, подачки отъ господъ.
Что ждетъ тебя? Подумай! Ахъ, спасайся!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ? Одному спастись?

АЛЬМУТА.

Да, мой милый!
Заласовъ намъ лишь на день или на два,
А тамъ поднять придется бѣлый флагъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но какъ же мнѣ товарищей покинуть?

Входит КАПИТАНЪ.

КАПИТАНЪ *(со стрѣлой, на которой записка)*.

Ахъ, подлецы они! Вотъ подлецы-то!

АЛЬМУТА.

Что съ вами, капитанъ?

КАПИТАНЪ.

Ахъ, извините,

Графиня, мнѣ, какъ старому солдату,
Что я въ словахъ не очень остороженъ;
Но я такъ возмущенъ...

АЛЬМУТА.

Но что жъ такое?

КАПИТАНЪ.

Враги вдругъ отступили,—имъ, какъ видно,
Хотѣлось лишь извѣстье передать,—
И вотъ стрѣла у ногъ моихъ упала.
Смотрите, вотъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ залискою стрѣла?

КАПИТАНЪ.

Ну, вотъ, какъ есть: на ней она торчала;
Такъ не угодно ль вамъ ее прочесть?

(Онъ подаетъ Энгельману стрѣлу съ листкомъ пергамента.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(читаетъ)*.

„Прощенье всемъ и щедрая награда,—
За исключенье“,—

*(Отдаетъ записку капитану, который
кожкаетъ ее и бросаетъ.)*

Ну, меня, извѣстно!

АЛЬМУТА.

Такъ и меня?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Конечно,—насъ обоихъ;
Для всѣхъ же остальныхъ—свободный выходъ.

АЛЬМУТА.

И щедрая награда сверхъ того.

КАПИТАНЪ.

Такъ подкупить хотятъ они меня?

Ну, нѣтъ, друзья! не на того напали!
Я не поддамся имъ!

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, уступите,
Мой другъ,—мы сами просимъ васъ о томъ:
Враги не знаютъ что у насъ тутъ голодъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня полагаетъ что заранѣ
Я въ замкѣ всѣ запасы заготовилъ;
Но я тогда въ заботахъ не успѣлъ,
И слишкомъ скоро началась осада.

АЛЬМУТА.

Врагъ дорогой цѣною покупаетъ
То что задаромъ можетъ получить;
А потому вамъ надо согласиться.

КАПИТАНЪ.

Вѣдь это вашей головы цѣна!
Пусть кто другой польстится на приманку.

АЛЬМУТА.

Но, капитанъ,—скажу вамъ по секрету:
Овъ хочетъ убѣжать.

КАПИТАНЪ

Вамъ убѣжать?

Нѣтъ, воевода! Тутъ стоятъ враги,
А тамъ кругомъ бездонная трясина:
Черезъ нее никто не проберется.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Никто, лишь я одинъ. Вѣдь я здѣсь выросъ;
Я мальчикомъ тропинки всѣ извѣдалъ,
Гдѣ каждый шагъ погубелью грозитъ;
Я знаю каждый стебель, каждый кустикъ,
Который мнѣ служить примѣтой можетъ.
О мнѣ не безлокоитесь! Высымайте
Къ нимъ трубача и замокъ сдайте имъ.

КАПИТАНЪ.

Но, рыцарь, вы не шутите?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нисколько!

Но только завтра утромъ, на разсвѣтѣ.

КАПИТАНЪ.

Извольте... но....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ разсвѣтомъ я свободенъ.

КАПИТАНЪ.

Да сохранить васъ Богъ! Иду къ своимъ.

(Уходитъ.)

АЛЬМУТА.

И челядью наемной называютъ
Такихъ людей!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, службою тебѣ
Они облагородились, мой другъ!
И красота, и бѣдствія твои
Духъ рыцарства пробудятъ и въ сермягѣ.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, мужество и подвиги твои
Одушевляютъ ихъ и заставляютъ,
Не думая о платѣ, намъ служить.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И мнѣ такихъ товарищей предать!
Благодарю Создателя что онъ
Меня избавилъ отъ такой заботы.

АЛЬМУТА.

Но, милый другъ, теперь ужъ ты не медли:
Намъ должно разлучиться.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но не прежде
Какъ назову тебя навѣкъ моею!
Какъ передъ смертью принимаютъ Тайны,
Такъ мы теперь, предъ этою разлукой,
На долгій срокъ, быть-можетъ навсегда,
Исполнимъ таинство святое брака.

АЛЬМУТА.

О, какъ я благодарна! Это слово
Хотѣлось мнѣ давно произнести;
Но я ждала чтобъ ты его сказалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я все еще надѣялся что мать....

АЛЬМУТА.

Смягчится? Нѣтъ, изъ такой скалы
И Моисей воды не источить.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ, безъ привѣта близкихъ намъ людей
Придется намъ лодать другъ другу руку.

АЛЬМУТА.

Но знаю есть еще одна душа
Которая намъ шлетъ благословенье.
О, Гела, Гела! милая сестра!
Не смѣла я тогда съ тобой проститься!
Я никому вѣдь не могла промолвить
Словечко сладко-грустное „прощай“!
Ни нѣжный взоръ, ни теплое желанье
Меня не провожали. Лишь собака
Изъ конуры, гремя желѣзной цѣпью,
Съ сердитымъ лаемъ бросилась ко мнѣ
И бѣлые оскаливала зубы.
Такъ я изъ замка предковъ удалилась!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Жалѣешь ты о немъ?

АЛЬМУТА.

О, нѣтъ, не думай!

Все это въ умъ неволью лишь приходитъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И ни о чемъ ужъ больше не жалѣешь?

АЛЬМУТА.

Ахъ, нѣтъ! жалѣю я, жалѣю очень
Что я лишилась добраго отца.
Желала бъ я чтобъ мать меня любила,
Чтобъ на рукахъ меня носили братья;
Желала бы друзей имѣть, богатство
И въ полномъ жить довольствѣ, какъ богиня,
Чтобъ благосклонности моей искали
Князья и короли...

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*мрачно*).

Такъ вотъ чего

Желала бъ ты?

АЛЬМУТА (*прижимаясь къ нему*).

Чтобъ этимъ всѣмъ тебѣ
Пожертвовать, мой милый!

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*страстно обнявъ ее*).

О, Альмута!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Часовня передъ замкомъ Фридебургомъ; изъ освѣщенной часовни слышны звуки органа.

ДВА ЛАНДСКНЕХТА..

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Все служба тамъ? Какъ поздно!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Вотъ недавно

Прошелъ туда священникъ въ облаченѣхъ.

Мой постъ у тѣхъ воротъ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

А мой на башнѣ.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Ну ужь, морозъ!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ

А нечѣмъ и погрѣться!

(*Оба уходятъ.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ и АЛЬМУТА (*рука съ рукой выходятъ изъ часовни*).

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ рѣшено,—я долженъ нынче ночью

Бѣжать отсюда какъ негодный трусъ!

АЛЬМУТА.

Не бѣгство это, а геройскій подвигъ.

Не въ тысячѣ ли образцовъ тебѣ

Грозить трясины смертию? Если ты

Все побѣдишь, то будешь на свободѣ

И можешь самъ меня освободить.

Вѣдь я твоя жена: ты можешь прямо

Просить и императора, и палу,

И требовать отъ высшихъ судій міра

Чтобъ отдали тебѣ твою жену.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, я пойду, и если ужъ никто
 Не будетъ въ силахъ мнѣ помочь, то я
 Самъ помогу себѣ; вѣдь, слава Богу,
 На свѣтѣ много храбрыхъ; я изъ нихъ
 Себѣ составлю войско, и тогда —
 Страхнись, Фрисландія, коль ты дерзнешь
 Мнѣ не отдать Альмуту дорогу!

АЛЬМУТА.

Благодарю тебя, мой храбрый мужъ!
 Вотъ видишь ли что всѣ мои надежды
 Основаны на бѣгствѣ лишь твоемъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Итакъ, съ тобой я долженъ разлучиться.
 О, милая! Кто защититъ тебя
 Здѣсь безъ меня?

АЛЬМУТА.

Не нужно мнѣ защиты.
 Вотъ видишь ли: здѣсь тысячи враговъ;
 Но пусть ихъ всѣ мечи мнѣ угрожаютъ, —
 Я глазомъ не моргну: никто изъ нихъ
 Меня коснуться не посмѣетъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что же

Тебя такъ охраняетъ?

АЛЬМУТА.

Кровь Цирксена!

Но ты, мой другъ, оставшись тутъ, погибнешь,
 Тебя никто, ничто не защититъ.
 Они ворвутся въ замокъ и тебя
 Срежутъ въ моихъ глазахъ... Къ тебѣ я кинусь,
 И кровь твоя лицо мнѣ обогреть!...

(Закрываетъ руками лицо.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Иду, иду.

АЛЬМУТА.

Ночь такъ тиха, и кротко
 Серпъ мѣсяца сіяетъ съ вышины;
 Все бѣгству твоему благопріятно.
 Но чу! что тамъ такое? Голоса!
 Ужъ не враги ли овладѣли замкомъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, нѣтъ, мой другъ! Вѣдь это невозможно.

АЛЬМУТА.

Но слышатся мнѣ ясно чьи-то стоны.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, это крики дикихъ лебедей;
Ихъ слышно далеко ночной порою.

АЛЬМУТА.

О, сколько голосовъ имѣетъ ночь!
Но вотъ опять раздался чей-то вопль.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не бойся, милый другъ: то голосъ выпи,—
Она всегда кричитъ передъ зарей.

АЛЬМУТА.

Смотри: тамъ точно духи надъ болотомъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ

То въ сумракѣ ночномъ мелькаютъ совы.

АЛЬМУТА.

Не знаю что страшигъ меня. Что если
Собьешься ты съ дороги какъ-нибудь?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я столько лѣтъ ее вѣдь изучалъ,
И не собьюсь навѣрно. Нѣтъ, не бойся.

АЛЬМУТА.

А если мѣсяцъ окроется за тучу?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, что жь? тогда разсвѣта я дождусь.

АЛЬМУТА.

Не перейти тебѣ черезъ трясицу,
Гдѣ гибель столько лутниковъ наши,
Гдѣ голосъ ихъ въ пустынѣ замираетъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я знаю всѣ ручьи, всѣ водоемы,—
Ихъ выдастъ мнѣ болотная осока.
Гдѣ жь мурава сребрится при лунѣ,
И стелется приманчивая клюква,—
Тамъ безопасно я могу ступать.

Пускай уходитъ лочва подо мною,
Я отыщу всегда себѣ опоры:
Одинъ скачокъ на кочку—и спасень.

АЛЬМУТА.

Ахъ! что ни говори, мой милый другъ!
Мнѣ видится, какъ смерть тебѣ зяетъ
Изъ глубины,—куда бъ ты ни отупилъ.
И я тебя къ тому уговорила,—
На вѣрную послала смерть!

(Упадаетъ къ нему на грудь.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты плачешь?

Не трогаютъ насъ слезы слабодушныхъ;
Но если плачешь сильная душа,
То это насъ глубоко потрясаетъ!
О, дорогая! посмотри туда,
На это чуть замѣтное мерцанье:
Оно зари рожденье предвѣщаетъ.
Безъ трелета пойду къ нему навстрѣчу.
Пусть разсвѣтетъ такъ будущность для насъ.
Прощай!

(Онъ вырывается изъ ея объятій и быстро удаляется въ глубину сцены; гдѣ садится въ челнокъ и переправляется на другой берегъ рва. Альмута идетъ за нимъ.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(на другомъ берегу).*

Мы свидимся опять. Не плачь!

АЛЬМУТА.

Прощай! Прощай! Храни тебя любовь!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Прощай!

(Удаляется.)

АЛЬМУТА.

Ушелъ!... Я буду на колѣняхъ
Стоять, пока минуетъ онъ трясину.
(Уходитъ въ часовню.)

ДВА ЛАНДСКНЕХТА *(выходятъ изъ здания).*

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЪ.

Вотъ, скоро разсвѣтетъ, а калитанъ
Еще не приходилъ съ переговоровъ.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Когда они про наше положенье
Провѣдаютъ, то, вмѣсто договора,
Заставятъ насъ сквозь летаю посмотрѣть.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Пожалуй что десятаго повѣсятъ.

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

А, вотъ идетъ!

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Ну, чгò же, капитанъ,
Какія вѣсти намъ?

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Даютъ ли выходъ?

КАПИТАНЪ *(сходит)*.

Да, дѣтушки, уладилось отлично:
Свободный выходъ намъ!

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Ну, слава Богу!

КАПИТАНЪ.

И съ музыкой, и съ нашимъ всѣмъ добромъ.

ПЕРВЫЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Урра! Теперь не будемъ голодать!

ВТОРОЙ ЛАНДСКНЕХТЬ.

Пойдемъ скорѣй товарищамъ сказать.

(Оба уходятъ въ замокъ. Вдали слышенъ барабанный бой и приближающаяся военная музыка).

КАПИТАНЪ.

Они идутъ. Когда бъ имъ не хотѣлось

Такъ ларочкою этой овладѣть,—

Мы дешево бы такъ не отыгрались.

(Уходитъ въ замокъ.)

ВОЖДИ И ВОИНЫ ГРАФИНИ *(сходятъ съ правой стороны).*

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Гдѣ негодай? Сыщите Энгельмана!

ЭДЗАРДЪ.

Такъ этотъ ровъ....

т. 11.

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Да въ немъ, на этомъ мѣстѣ,
Со слугами графъ Энно утонулъ.

ЭДЗАРДЪ.

О, злополучный ровъ!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Телерь лишь вы,
Эдзардъ, Фрисландіи надежда.

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Въ ночь, когда
Вы родились, къ намъ бурею на берегъ
Былъ выброшенъ огромный китъ: вѣдь это
Предвѣстіемъ великихъ служить дѣлъ.

ЭДЗАРДЪ.

Что думать намъ о будущемъ, когда
Печаль насъ окружаетъ? Ахъ, сестра!
Я не могу оправдывать тебя,
Но не могу и обвинять!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Во всемъ
Виновникъ—обольститель—Энгельманъ.

*(Изъ замка веселюю толпой выхо-
дятъ ландскнехты.)*

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Да здравствуетъ свобода!

КАПИТАНЪ.

Погодите.

Вы мнѣ всегда служили хорошо;
Такъ вотъ, за то что я очистилъ замокъ,
Горсть золота еще я получилъ.

(Вынимаетъ изъ кармана деньги.)

Вотъ, подѣлите межъ собой.

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Ура!

Да здравствуетъ нашъ капитанъ! Ура!

КАПИТАНЪ *(къ вождямъ).*

Телерь позвольте намъ и удалиться.

*(Воины графини даютъ имъ дорогу.
Ландскнехты становятся въ строй.)*

КАПИТАНЪ.

Эй! Фитили зажечь! Мы отступаемъ
Подъ свѣію раслуценныхъ знаменъ!

ЛАНДСКНЕКТЫ *(маршируютъ и поютъ):*

Мы объ имперіи святой
Не думаемъ давно:
Сегодня ль, завтра ль ей конецъ—
Намъ право все равно!

(Они удаляются съ барабаннымъ боемъ.)

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Чуть съ голода они не поколѣли.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

А вотъ—трюнять надъ нами.

ФОЛЕФЪ.

Жаль мнѣ денегъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

За Энгельмана ничего не жаль.
Теперь мерзавецъ этотъ въ нашей власти.
Къ хвосту коня его бы привязать,
И пусть его умчитъ онъ такъ отсюда!
Что жь Ико нѣтъ межъ нами?

ФОЛЕФЪ.

Онъ придетъ.

Онъ видно за бокаломъ засидѣлся.

(Слышенъ трубный звукъ.)

Что это тамъ?

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Графиня.

ЭДЗАРДЪ.

Это мать.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что, какъ она снесла потерю сына?

ЭДЗАРДЪ.

Она не плачетъ даже и о немъ.
Она всегда въ дѣлахъ лишь выражаетъ
Свой гнѣвъ и горе.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Слезъ ея никто

Не видывалъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Въ народѣ говорятъ

Что у нея глаза сухіе сроду.

ВХОДИТЬ ГРАФИНЯ ТЭДА. *(Она одѣта очень пышно, въ платьѣ изъ золотой ткани. За нею свита.)*

ГРАФИНЯ.

По древнему обычаю сраны,
 Въ нарядѣ пышномъ я скорблю о сынѣ;
 Но, ахъ! на сердцѣ мрачно и уныло!
 Картины смерти не видала я,
 Но вѣчно мнѣ она являться будетъ.
 Отъ Палестины до родной страны
 Онъ переплылъ моря благополучно,
 Чтобъ здѣсь, во рву ничтожномъ, наконецъ
 Найти себѣ погибель! Бѣдный сынъ!
 Мнѣ видится какъ ты оттуда руки,
 Желѣзомъ отягченныя, вздымаешь!
 И жизнь твою, и честь твоей сестры
 Укралъ одинъ и тотъ же похититель,
 Который кары ждетъ. Гдѣ Энгельманъ?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ гдѣ-то тамъ запрятался.

ФОЛЕФЪ.

Злодѣй!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Мы съ горестью, графиня, замѣчали
 Какъ этого пришельца вы всегда
 Предпочитали намъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да и не слѣдъ

Своихъ друзей, испытанныхъ, старинныхъ,
 Для чуждаго пришельца отстраивать.

ГРАФИНЯ.

Вамъ къ жалобамъ ужъ повода не будетъ.
 Онъ спрятался, вы говорите?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да.

ГРАФИНЯ.

Какъ хочетъ уцѣлиться человекъ
 За свой остатокъ жизни! Палача,
 На эшафотъ стоя, молить онъ
 О нѣсколькихъ минутахъ! Но теперь
 Такъ неизбежна смерть для Энгельмана,
 Какъ для вола, когда уже мясникъ
 Готовъ нанести ему ударъ смертельный.
 Но вотъ и онъ.... нѣтъ, это лишь она.
 (Вводятъ Альмуту.)

Нѣтъ выше наказанья намъ, какъ дѣти
 Преступная!

АЛЬМУТА.

Преступниковъ казнятъ;
 Но чѣмъ виновны дѣти, если мать
 Не любитъ ихъ?

ГРАФИНЯ.

Не любить?—Не ласкала,
 Не цѣловала я; но я о васъ
 Заботилась.

АЛЬМУТА.

И болѣе чѣмъ нужно.

ГРАФИНЯ.

Какъ говорить она! Какіе взгляды
 Бросаетъ! Ты нашъ домъ собой позоришь!
 Не на тебя ли каждая дѣвица
 Должна глядѣть съ презрѣніемъ, бѣглянка!
 Къ стволу дичка садовникъ прививаетъ
 Лишь благородный черенокъ,—а ты—
 Отростокъ дикій честнаго ствола:
 Вотъ ты молчишь олять въ своемъ упрямствѣ.
 Ничто меня не возмутило такъ
 Какъ то что ты, какъ безсловесный звѣрь,
 Всегда моимъ желаньямъ покоряясь,
 Внезпно мнѣ пошла наперекоръ,
 И, будто звѣрь который получилъ
 Даръ слова вдругъ, осмѣлилась возвысить
 Свой голосъ предо мною! Вотъ теперь
 Олять ты замолчала. Ну, конечно,
 Чтò ты могла бѣ теперь мнѣ возразить?

АЛЬМУТА.

Вы не со мной ли говорите?

ГРАФИНЯ.

Съ кѣмъ же?

АЛЬМУТА.

Я думала что тамъ, среди солдатъ,
Стоитъ простая дѣвка, и что къ ней
Вы рѣчь свою относите, графиня,—
Такая дѣвка что привыкла всюду
Таскаться и любовниковъ ловить.
Слова такія только къ ней подходятъ.
Я честная жена, я баронесса
Фонъ-Горстъ, а мужъ мой воевода.

ГРАФИНЯ.

Ты замужемъ? Какой-нибудь Цыганъ
Васъ повѣнчалъ тамъ за угломъ забора!

АЛЬМУТА.

Когда словамъ не вѣрите моимъ,
Спросите у священника. Вотъ онъ!

(Воины приводятъ капеллана.)

ОДИНЪ ИЗЪ ВОИНОВЪ.

Онъ спрятался, дрожалъ какъ виноватый,
А потому и взяли мы его.
Но виновать ли онъ, про то не знаемъ.

ГРАФИНЯ.

Во имя Бога правды, отвѣчай,
Священникъ, мнѣ: благословилъ ли ты
Союзъ вотъ этой, позабывшей честь,
Съ любовникомъ ея?

КАПЕЛЛАНЪ.

Графиня! Я....

ГРАФИНЯ.

Довольно! Еслибъ ты отречься могъ,
То отвѣчалъ бы „нѣтъ“! Но вѣдь ты зналъ
Что нѣтъ еще ей совершенныхъ лѣтъ,
Ты зналъ что мать свой голосъ тутъ имѣетъ,
Ты знаешь долгъ свой и законъ церковный....

КАПЕЛЛАНЪ.

Все такъ, графиня. Но когда на васъ

Вдруг сумасшедшій наладеть и станетъ
Вамъ угрожать ножомъ... Что дѣлать тутъ?
Какъ отказать ему въ его желанья?
И я былъ такъ въ рукахъ у Энгельмана;
Что значить для него законъ церковный?
Онъ мнѣ грозилъ мечомъ....

ГРАФИНЯ.

Отъ слова къ дѣлу

Еще не такъ-то близко. Еслибъ даже
Онъ поразилъ тебя на мѣстѣ, полѣ,
Ты умеръ бы, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Свой исполняя долгъ. А вотъ теперь
Тебя пусть судить церковь. Взять его!
За все отвѣтить мнѣ виновникъ главный.

АЛЬМУТА.

Ему теперь не страшны всѣ угрозы.

ГРАФИНЯ.

Что ты сказала?

АЛЬМУТА.

Мужъ мой убѣжалъ.

ГРАФИНЯ.

Не вѣрьте ей, онъ спрятанъ гдѣ-нибудь.
Вы всѣ углы, всѣ норы обыщите
Отъ погреба до крыши.

АЛЬМУТА.

Трудъ напрасный!

Его вы не найдете: онъ ушелъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ не по воздуху жь онъ улетѣлъ!

АЛЬМУТА.

А можетъ-быть и по водѣ уллылъ.

Входитъ ГЕРО МАУРИЦЪ.

ГЕРО МАУРИЦЪ *(подавая графинѣ руку)*.

Вотъ, бѣдная племянница, и я
Къ тебя пришелъ. Военныя тревоги
Для старика ужъ тяжеленьки стали;
Я захворалъ и оттого замедлилъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, дядя, вы еще послѣли къ казни.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Кого жь казнить ты хочешь?

ГРАФИНЯ.

Энгельмана.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Но вспомни что онъ сдѣлалъ для страны,
И вылей гнѣвъ какъ воду изъ сосуда.

ГРАФИНЯ.

Но прежде пусть его прольется крови!
Вы развѣ тутъ не такъ бы поступили?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Нѣтъ, я ему бѣжать помочь бы.

ГРАФИНЯ.

Что?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Да онъ и убѣжалъ.

ВСВ.

Какъ? Убѣжалъ?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Я ѣхалъ недалеко отъ трясины,
Вдругъ вижу, тамъ, въ туманѣ, точно призракъ,
Идетъ ко мнѣ какой-то великанъ.
Не человекъ же это, я подумалъ:
Какой смѣльчакъ дерзнетъ поставить ногу
На эту зыбь? И между тѣмъ какъ я,
Дивясь, остановился, изъ болота
Вдругъ кинулся ко мнѣ высокій воинъ
И, угрожая мнѣ мечомъ, вскричалъ:
„Долой съ коня!“

ГРАФИНЯ.

А что же ваши люди?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Они смутились такъ что не могли
Опомниться: такъ быстро онъ напалъ.

ГРАФИНЯ.

Отчаянный смѣльчакъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

„Когда тебѣ

Не надоѣла жизнь, отдай коня!“

Вскричалъ онъ мнѣ, и я сначала принялъ

Его за старца: такъ онъ опущенъ
 Былъ иносемъ болотнымъ. Но когда
 Вскочилъ онъ на коня и уронилъ
 Свой шлемъ, другъ друга тотчасъ мы узнали.
 „Простите мнѣ!“ сказалъ онъ, и исчезъ.

АЛЬМУТА.

Спасень! Свободень! О, какъ рада я!
(Обнимаетъ одну изъ служанокъ.)

ГРАФИНЯ.

Негодная! Ты рада что убійца
 Успѣлъ сластись! Но въ смерти брата ты
 Виновна вмѣстѣ съ нимъ, и потому
 Я за него тебя...

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Довольно, Тѣда!

Они ему вѣдь не желали смерти:
 Богъ судить лишь намѣренъ въ проступкѣ,
 Мы, люди, строже не должны судить.

ГРАФИНЯ.

Ну, пусть живетъ! Позоръ ей будетъ смертью
 И вѣчная темница! Взять ее!

АЛЬМУТА.

Мой мужъ меня избавить отъ оковъ!
*(Слуги хотятъ подойти къ ней, но она
 останавливаетъ ихъ взглядомъ.)*

Хочу вздохнуть свободно на минуту
 И воздуху завѣтъ мой передать.
 Снеси къ нему, о воздухъ, мой привѣтъ
 И лучшія желанья, и лобзанья!
 Чтѣ нужды что въ тюрьмѣ я? Онъ свободень!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да, будто съ висѣльцы онъ сорвался,
 Негодный!...

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Счастье же ему во всемъ:
 Его графиня милости лишила,
 Такъ у судьбы онъ въ милости остался.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Другой давно бы утонулъ въ трясинѣ;
 Знать ждетъ его веревка.

ГЕРО МАУРИЦЪ *(съ гнѣвомъ)*.

Геро Омкенъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да, вотъ кого бы вздернуть: онъ меня
Вѣдь обокралъ.

ГРАФИНЯ.

Онъ дочь мою похитилъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Мы часто видимъ что не тотъ одинъ
Винюченъ въ томъ что сдѣлалъ...

ГРАФИНЯ.

Не меня ль

Вините вы въ дочерниномъ проступкѣ?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Желаніе обѣихъ дочерей
Могла бы ты исполнить.

ГРАФИНЯ.

Какъ? и Гелу

За графа Ольденбургскаго отдать?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Межь ними такъ ужь было рѣшено.

ГРАФИНЯ.

Но вѣдь они другъ другу не подъ пару.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Да, это намъ такъ кажется; но оба...

ГРАФИНЯ.

Ну, что же оба?

ГЕРО МАУРИЦЪ

Совершеннолѣтны;

Мы счастье навязывать насильно
Не можемъ никому. Пусть будетъ каждый
По своему счастливъ.

ИКО *(въ отдаленіи)*.

Ого! ого!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вѣдь это голосъ Ико.

ИКО *(приближаясь)*.

Ого-го!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Онъ вѣрно пьянъ.

ИКО *(входя)*.

Не пьянь, а только весель!

ГЕРО ОМКЕНЬ.

Иль ты поймалъ хорошую добычу?

ИКО.

Такую за которой всё гонялись.

ГРАФИНЯ.

Что? Не достигъ ли Энгельмана?

ИКО.

Да.

Скакаль верхомъ одинъ опъ по полямъ,
 Безъ шлема и дослѣховъ, лишь въ рукъ
 Былъ обнаженный мечъ. Его завидѣвъ,
 Мы бросились за нимъ съ веселымъ крикомъ,
 Копьемъ свесли съ коня, а остальное
 Покончили кинжалы и мечи.

АЛЬМУТА *(страшно вскрикиваетъ)*.

Ахъ!

ЭДО ВИМКЕНЬ.

Что за звукъ изъ глубины донесся,
 Какъ будто льдина треснула вдали?

СЛУЖАНКИ *(окружая Альмуту)*.

Ахъ, барышня! Что съ вами? Ради Бога!

АЛЬМУТА *(какъ бы пробудясь отъ столбняка)*.

Кто называетъ барышней меня?

Не барышня я больше; вы ошиблись;

Я — бѣдная вдова, которой мужа

Предательски разбойники убили,

Которой не осталось ничего

(заливается слезами)

Какъ плакать лишь о немъ и тосковать,

Какъ бѣдной горлицѣ лишенной друга!

Ахъ! жизнь моя — короткій зимній день,

Въ который солнце рано угасаетъ....

Ты былъ мнѣ солнцемъ жизни, Энгельманъ!

(Къ вождямъ)

Убийцы! Богъ накажетъ васъ!

ГРАФИНЯ.

Ты смѣешь....

(Она даетъ знакъ чтобъ ее увели.)

АЛЬМУТА.

Тебя же я отнынѣ никогда
Звать матерью не буду. Для тебя
Я умерла, какъ Энно. Ахъ, когда бы
Я утонуть могла въ лучинѣ горя!

ГРАФИНЯ.

Отъ горести не умирають. Вздорь!
Въ тюрьму ее!

АЛЬМУТА.

Иду туда охотно.
Весь міръ теперь мнѣ сталъ тюрьмою!
(Ее уводятъ.)

ГРАФИНЯ.

Ико!

Сюда!

ИКО.

Графиня! что угодно вамъ?

(Въ полголоса.)

„Сюда!“ вѣдь такъ собакъ лишь подзываютъ.

ГРАФИНЯ.

Что ты сказалъ?

ИКО.

Я? Ничего, графиня.

ГРАФИНЯ.

Васъ сколько было?

ИКО.

Двадцать человѣкъ.

ГРАФИНЯ.

На одного! А кто тебѣ далъ право
Охотиться на подданныхъ моихъ?

ИКО.

Онъ былъ вѣдь вѣкъ закона; такъ я думалъ.
Я поразилъ его кольемъ въ лицо,
Чтобъ красотой не хвастался и мертвый,
И тамъ оставилъ на полѣ его
Въ добычу хищнымъ птицамъ.

ГРАФИНЯ.

Можетъ быть

Что я, взглянувъ въ его глаза, какими
Дитей глядѣлъ онъ на меня съ любовью,
Смягчилась бы въ послѣднее мгновенье, —

Не говорю чтобъ это было такъ,
 Но я могла бы смягчиться: — ты же, дерзкій,
 Осмѣлилася мою разрушить милость.
 Стулай же ты въ изгнанье! Прочь отсюда!
 Прочь съ глазъ моихъ, чудовище!

ИКО.

Графиня!

За что же мнѣ скитаться какъ бродягъ?
 Вы сами смерть назначили ему.

ГРАФИНЯ.

Стулай!

ЛАНДСКНЕХТЫ.

Прочь! прочь отсюда!

*(Они удаляютъ его. Между тѣмъ при-
 ходитъ гонецъ и говоритъ шепотомъ съ
 Эдвардомъ.)*

ГРАФИНЯ.

Такъ свершилась

Судьба, которая чрезъ Энгельмана
 Постигла насъ! Все кончено теперь!

ЭДВАРДЪ.

Кто можетъ знать чтобъ не было еще
 Ея ударовъ?

(Продолжаетъ говорить тихо съ гонцомъ.)

ГРАФИНЯ.

Что у васъ за шепотъ?

Шипитъ змѣя, когда ужащить хочетъ.

Что ты за человекъ?

ГОНЕЦЪ.

Гонецъ, графиня.

ГРАФИНЯ.

Откуда ты?

ГОНЕЦЪ.

Изъ Ауриха, графиня.

ГРАФИНЯ.

Ты залыхался такъ. Что тамъ случилось?

ГОНЕЦЪ.

Но.... я боюсь....

ГРАФИНЯ.

Да скажешь ли, негодный!

ЭДВАРДЪ.

Вы больше залугаете его!

ГРАФИНЯ.

Не нужно говорить что тамъ случилось,
Я знаю все сама: съ тѣхъ поръ какъ вѣсть
О страшной смерти Энно такъ внезапно
Сразила насъ, у Гелы спазмы сердца
Усилились, и стали повторяться
Ея припадки чаще, и теперь
Она олять слегла. Ну, вотъ и все!

(Безпокойно ходитъ назадъ и впередъ.)

И вѣрно ужъ не больше. Вѣдь она
Потерю жениха перенесла
Такъ тихо и покорно. Но зачѣмъ
Такъ убиваться ей о смерти брата?
Къ чему это? Вѣдь это неразумно!

ЭДВАРДЪ.

Сверхъ силъ никто смести не въ состояннѣ.

ГРАФИНЯ.

Оправится, я вѣрно это знаю.

ГОНЕЦЪ.

Мы положили на постель ея;
Пришли врачи и все употребили
Чтобъ къ жизни возвратить ея, но тщетно:
Ужъ улетѣла жизнь!... Теперь весь Аурихъ
Къ ея одру стекается, какъ къ гробу
Святой на поклоненье.... Всѣ рыдаютъ,
И нищѣ, и сирые....

(Стараясь пересилить себя.)

Простите!

(Всѣ глубоко тронуты, только графиня старается казаться спокойною.)

ЭДВАРДЪ.

О, дорогая, добрая сестра!
Пусть изъ твоей могилы вырастаютъ
Всѣ лучшіе, душистые цвѣты,
Какъ изъ могилы непорочной дѣвы!
Блаженны сердцемъ кроткіе, и ты
Блаженна будешь....

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Кроткому созданию

Отверсты двери рая. Ульрихъ, Ульрихъ!
 Мнѣ, старику, пришлось увидѣть то,
 Чѣмъ пощадилъ Господь тебя при жизни!

ГРАФИНЯ.

Да, Гела мнѣ всегда была покорна;
 Мнѣ жаль ея.

СЛУЖАНКА (*объясняетъ*).

Ужасно!...

ГРАФИНЯ.

Тихе, тихе,

Мое дитя! Мнѣ скорбь твоя понятна:
 Ты ей была всѣмъ сердцемъ предана.
 Но для небесъ она была готова,
 И лучше чѣмъ мы всѣ. А потому
 Умѣрь свою печаль и лозови
 Ко мнѣ Альмуту. Ужь довольно горя
 Извѣдалъ домъ нашъ. Я прощу ее.
 Ступай, зови Альмуту! Не люблю я
 Одно и то же повторять. Ступай!

СЛУЖАНКА.

Ужь поздно! Вашей дочери Альмуты
 Не возвратитъ никто и самъ Господь!
 Она—но тутъ никто не виновать—она...

ГРАФИНЯ (*съ крикомъ*).Но что же съ ней? (*Тихо.*) Несчастье?...

СЛУЖАНКА.

Ахъ! она

Убилась! Да, убилась!... По дорогѣ
 Несли на колыяхъ тѣло воеводы,
 Она жь тогда стояла у окна.
 Узнала ли она его, не знаю;
 Но, пристально уставясь на него,
 Какъ бы къ нему влекомая, она
 Все выдавалась дальше изъ окна,
 И прежде чѣмъ успѣли мы въ службу
 Воскликнуть „ахъ!“ она исчезла вдругъ,
 Внизъ головой упавъ...

ГРАФИНЯ (*вскрикивая*).

О, дочь моя!

Зачѣмъ ты это сдѣлала со мною!

ЭДЗАРДЪ.

Она хотѣла умереть?

СЛУЖАВКА.

Ахъ, нѣтъ!

Несчастливая, она сама не знала

Что дѣлаетъ!

ЭДЗАРДЪ.

Любовь ее убила...

Альмута! Энгельманъ! О вашей долѣ,

Пока здѣсь бьются нѣжныя сердца,

Воспоминанъ всѣ будутъ съ сожалѣньемъ.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Такъ начатое нами порѣшила

Неумолимо строгая судьба!

Всѣ бѣдствія скопились, и во всемя...

ГРАФИНЯ.

Не я ли виновата?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ты сказала.

Да, то плоды упорства твоего!

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, то плоды того лишь, если дѣти

Возстанутъ противъ материнской воли.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ты все стоишь за свой упорный духъ,

Какъ въ битвѣ на-смерть раненый герой

Еще стоитъ при помощи дослѣховъ;

Но... вѣчно твердый голосъ твой дрожить.

ГРАФИНЯ.

Я на своемъ стою....

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Ахъ, Тѣда, Тѣда!

На трупахъ ты дѣтей своихъ стоишь!...

Не чудо ли свершилось надъ тобою?

Я вижу слезы на твоихъ глазахъ!...

О, не стыдись ихъ, Тѣда! Не скрывай,

Что и тебѣ доступна человѣчность!

*(Графиня стоитъ закрывъ лицо.)**(Занавѣсъ опускается.)*

О. МИЛЛЕРЪ.

К О Н Е Ц Ъ .

СЫЩИКИ*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ИЗЪ БИРОНОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Четвертаго мая 1737 года умеръ въ Данцигѣ послѣдній изъ дома Кетлеровъ, Фердинандъ; Курляндское герцогство осталось вакантнымъ, и при тѣхъ отношеніяхъ въ какихъ находился нашъ дворъ къ Польшѣ, гдѣ царствовалъ посаженный Россіей на престолъ Августъ III, при томъ расположеніи какое показывало теперь курляндское дворянство къ Бирону,—Русская императрица могла съ надеждой на устѣхъ предложить кандидатомъ въ Курляндскіе герцоги своего любимца и оберъ-камергера. Голоса вліятельныхъ лицъ и сеймъ были куплены деньгами; рижскому коменданту Бисмарку, родственнику оберъ-камергера, приказано было двинуть войски къ герцогству. При такихъ сильныхъ аргументахъ въ пользу русскаго кандидата, солерника ему не оказалось. Тринадцатаго іюня избраніе совершилось благополучно и единогласно. Пріѣхавшій съ выборнымъ листомъ въ Петербургъ привезъ эту радостную вѣсть, а двадцать четвертаго іюня, въ день именинъ Бирова, въ освѣщенной блестящею иллюминаціей Митавѣ, палили изъ пушекъ и праздновали дарованіе Богомъ Курляндіи новаго герцога.

Итакъ, русскій оберъ-камергеръ, русскій чиновникъ надѣлъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 10 и 11.

герцогскую мантию, окружилъ себя служителями изъ собственныхъ подданныхъ, своимъ штатомъ чиновниковъ, своими камергерами, камеръ-юнкерами, фрейлинами, и поднялся до высоты недосыгаемой. Все склонялось предъ нимъ, все падало ницъ предъ такимъ величіемъ и силой. Трубецкіе, Шаховской, Юсуловъ, Румянцевъ и другіе сановные и титулованные люди слѣвши заластись благоволеніемъ „милостиваго патрона, превосходительнѣйшаго господина и свѣтлѣйшаго герцога,“ какъ стали титуловать Бирона; кто посылалъ ему хлопцевъ, лѣвчихъ, тенористовъ, кто гайдуковъ громаднѣйшаго роста изъ половичей или посполитыхъ, подъ стать къ великолѣпнымъ герцогскимъ экипажамъ. кто залорожскихъ коней, кто мальчиговъ бандуристовъ для увеселенія герцогскихъ дѣтей. „Всенижайше и рабственно цѣлую ноги, прославлять высочайшее имя вашей высококняжеской свѣтлости и милость до смерти не престану“, писали при этомъ знатные русскіе люди, „вашей высококняжеской свѣтлости дрожайшую герцогскую руку цѣлую и Всемошняго оубнеисчисленныхъ лѣтахъ, саможелаемомъ благополучіи и здравіи всей великокняжеской свѣтлости фамиліи молить не престану; и предъ всѣмъ честнымъ прославить имя вашей высокой свѣтлости не умолчу.“ писали русскіе сановники, а дворъ радовался и гордился такимъ почетомъ. Сама государыня относилась къ Бирону какъ къ принцу крови; иностранные послы ходили къ нему на аудиенціи, какъ къ Елизаветѣ Петровнѣ или принцессѣ Аннѣ; герцогское семейство, оставшееся при Русскомъ дворѣ, считалось нѣкоторымъ образомъ украшеніемъ его, прибавкой къ его блеску.

— Въ цари, слышь, пожаловали! говорили о Биронѣ въ народѣ.

— О! въ цари?

— Прироженная-то вѣдь одна государыня?

— А то царь Нѣмецкій!

— Нѣмецкій? Ишь ты!

И „Нѣмецкій царь“ оказывался страшнѣе и могущественнѣе во сто кратъ государыни прироженной. Во всѣ концы, во всѣ уголки проникаетъ его нѣмецкое просвѣтительное начало, вооруженное плетью, батогами, смертною казнью и ссылкой, и ничто не проходитъ у него даромъ. Здѣсь пытаются и мучать въ застѣнкахъ тайной канцеляріи священнослужителей подозрѣваемыхъ въ умышенномъ несовершеніи въ вѣкторіальныя дни молебновъ; тамъ ссылаютъ въ Шлюссельбургскую

крѣпость доживавшаго свой вѣкъ на локоѣ, удрученнаго старостию и болѣзнями князя Дмитрія Голицына, за то что онъ „изблевать осмѣлился“ будто „совѣсть подлежить до одного суда Божія, а не до человѣческаго“... До всего дѣло, всюду нуженъ глазъ аккуратный, нѣмецкій! Наказываютъ батогами мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ подписывающихъ челобитныя прямо на имя государыни помимо судебныхъ мѣстъ; наблюдаютъ чтобы сѣзжались и разсѣзжались вовремя члены коллегій и судовъ, чтобы просьбы писались чисто и пунктами. И какая дѣятельность! Приостанавливаютъ академическія изданія за недостаткомъ печатныхъ станковъ для манифестовъ и указовъ, превращаютъ академикомъ въ предсказателей хорошей и дурной погоды, заставляютъ ихъ тащить на плечахъ наградныя деньги, отлученныя имъ для шутки мѣдью. И съ высока, гордо смотрятъ на все это назначенныя Бирономъ креатуры, его Кейзерлинги и Корфы!...

Дождавшись Осипа Кондратьевича на станціи Солнечная Гора, Миктеровъ съ племянницей и теткой проѣхали до Новгорода, откуда Тишинъ, оставивъ опять всѣхъ, отправился въ Петербургъ для развѣдокъ и приведенія въ исполненіе придуманныхъ имъ соображеній касательно судьбы связаннаго съ намъ теперь навсегда Миктерова. По этимъ соображеніямъ, Миктеровъ долженъ былъ сказаться русскимъ бѣглецомъ въ Польшу, которымъ, какъ извѣстно, по добровольномъ возвращеніи ихъ въ Россію, обѣщано было всемилоостивѣйшимъ манифестомъ не только оставить всѣ вины и причестъ ихъ къ прочимъ подданнымъ, но и дать на нѣсколько лѣтъ льготы.

— Пуще всего людямъ себя не кажи, говорилъ онъ Миктерову, прощаясь; а бумагъ спрашивать будутъ, — въ Москвѣ-моль сгорѣли.

Разразившееся надъ Москвою бѣдствіе пожара посѣтило не одну древнюю столицу; выгорѣлъ до тла Ярославль, начались пожары въ другихъ городахъ, дошла очередь и до Петербурга. Показались наконецъ и признаки поджоговъ. На Адмиралтейской сторонѣ, въ Греческой улицѣ, подлѣ дома цесаревны Елизаветы Петровны, у иноземца купца Динзена, на кровлѣ найдена была смоляная, оклеенная бумагой кубышка, обязанная мочалкой, и въ кубышкѣ оказалось золотника два пороху. Вслѣдствіе такого открытія велѣно было сдѣлать перелисъ всѣхъ жителей Петербурга, увеличить караулы на

рогаткахъ, и подозрительныхъ людей не пропускать. Тѣмъ же менѣе скоро случился еще пожаръ, отъ котораго сгорѣли 50 домовъ и церковь; потомъ еще и еще, такъ что сгорѣло наконецъ 800 домовъ, изъ коихъ 30 или 40 самыхъ лучшихъ.

Способы тушить пожары были недостаточны и негодны. Не прибѣгали можетъ-быть къ живымъ гусямъ, которыхъ въ старину опускали въ трубы, если изъ нихъ выкидывало, но и не далеко ушли отъ этого. Приказаніе обывателямъ рыть на дворахъ своихъ колодцы, распоряженіе о запечатываніи печей и о запрещеніи толпить ихъ лѣтомъ, объявленіе съ подлисками чтобы ни у кого огня въ поварняхъ, а у подлыхъ людей и въ хоромахъ свѣчь позднѣе 9ти часовъ пополудни не было, — производили только ропотъ, а дѣйствительной помощи при тушеніи пожаровъ вовсе не было. Солдаты, напримѣръ, опредѣленные для этой цѣли, должны были предварительно собираться для повѣрки у командировъ и потомъ уже бѣжать на помощь съ топорами, щитами, крючьями и заливаемыми ручными трубами.

Пожары такимъ образомъ продолжались, а между тѣмъ жители, размѣстившись кое-какъ на лустыряхъ подъ открытымъ небомъ, завели на погорѣлыхъ мѣстахъ разбои и драки, вслѣдствіе чего принуждены были разставить вездѣ лукеты. Одна бѣда вызывала другую.

— Все сгоритъ! толковали въ народѣ; — тараканы, слышь, не въ городъ, въ поле ползуть!

И распространилась лавика. По улицамъ учреждены были караулы, высылавшіе безпрестанно патрули. Стали разсуждать что порохъ поджигатели достаютъ отъ солдатъ; въ войскахъ вѣрно было сдѣлать внезапный осмотръ патроновъ и освидѣтельствовать количество содержавшагося въ нихъ пороха...

Въ такое-то благословенное для сыщиковъ время явился въ Петербургъ Осиль Тишинъ. Не теряя времени, онъ сталъ прислушиваться и присматриваться, и подслушавъ гдѣ-то въ палаткѣ за новымъ Морскимъ рынкомъ подходящій къ планамъ его разговоръ, явился теперь съ докладомъ объ немъ въ тайную канцелярію.

— Съ чѣмъ пришелъ? Чтѣ объявить имѣешь? Чего явился? а? обратился къ нему Андрей Ивановичъ Ушаковъ, сильно раздраженный неуспѣшностью своихъ поисковъ. — Нашелъ ли поджигателей?

— Поджигателей-то, отвѣчалъ Тишинъ сторбившись и смотря на генерала подобострастно, — поджигателей не сыскано.... а бѣглеца, если....

— Бѣглеца? Гдѣ бѣглецы?} прервалъ Ушаковъ, — они и есть злодѣи! Давай сюда его, давай!

— Гм! прохрипѣвъ Осиль Кондратьевичъ, отвернувшись нѣсколько въ сторону и закрывъ ротъ рукой. — Изъ Литвы бѣглець-то.... гм! самъ было явиться хотѣлъ.... гм! имени не сказываетъ.... по указу де....

— Слушай ихъ, по указу! Имени вишь не сказываетъ! Розыскать его, злобно кричалъ Ушаковъ.

— Точно; розыскать надлежитъ, послѣвшиль согласиться Тишинъ. — Гм! задержать-то лишь его не осмѣлился.... указъ-отъ преступить... не осмѣлился!..

— Какъ не осмѣлился? А? Поджигателя задержать не осмѣлился? А?

— Смилуйся, государь мой, смилуйся, задрожавъ всѣмъ тѣломъ Осиль Кондратьевичъ; — самъ явиться хотѣлъ... гм! къ розыску и тогда привести можно будетъ, смилуйся!..

— Телерь къ розыску! загремѣвъ Андрей Ивановичъ громче прежняго. Дожидай ихъ, когда явятся. Телерь къ розыску!

— На службу сюда явиться хотѣлъ.... о поджогахъ вишь самъ провѣдалъ.

— О поджогахъ? о поджогахъ.... ну и о поджогахъ, повторяя на разные тоны Ушаковъ, — коли знаетъ что, покажетъ на розыскѣ.

— Если знаетъ что, пусть указываетъ, — началъ какъ будто настаивая также и Тишинъ, — коли истинно то сыщется...

— Пусть указываетъ.... пусть указываетъ. Не ко мнѣ бѣглецамъ являться. Мнѣ лаче всего давай поджигателей; пусть явится. А не сыщется, — къ розыску!

— И къ розыску, точно, къ розыску! повторяя Осиль Кондратьевичъ, между тѣмъ какъ внутри его била лихорадка. И какъ не быть лихорадкѣ! Съ розыску Миктеровъ могъ проговориться и о ревенѣ, и о томъ что Тишинъ зналъ о бывшихъ его сношеніяхъ съ Долгорукими!.. Доволенъ или доволенъ будетъ Миктеровъ ролью которая ему предстояла въ будущемъ, объ этомъ думать телерь было некогда; но какъ бы самому-то не поласть въ передѣлку къ Андрею Ивановичу, вотъ вопросъ? Если о поджигателяхъ провѣдать ему ничего не удастся, придется или каяться во лжи и обманѣ, или

подвести въ самомъ дѣлѣ подъ розыскъ Миктерова. А чѣмъ-то это кончится?

— Эхъ! пропадай моя голова, пропадай! въ какомъ-то отчаяннѣи твердилъ про себя Тишинъ и прямо изъ тайной канцеляріи летѣлъ на всѣхъ парусахъ къ Морскому рынку, всю надежду свою полагая на вчерашнихъ болтуновъ, которые могли быть для него въ настоящихъ обстоятельствахъ истинными спасителями, но могли также легко и погубить его окончательно.

II.

Все было пусто въ лалаткѣ на Морскомъ рынкѣ, когда пришелъ Осипъ Кондратьевичъ. Собравшіеся сюда съ Обжорнаго рынка бурлаки уже поужинали. Прислуга убирала остатки неразобранныхъ щей, калачей, пироговъ, гречневиковъ и ситниковъ. Но на луку за то, предъ лалаткой, густая толпа разнаго званія людей играла въ зерна, и шумомъ и крикомъ своимъ доказывала что закуска была добрая и не безъ вина.

Тишинъ подошелъ къ играющимъ. Вчерашніе знакомые его крестьяне были здѣсь,—оба пьяные и оба разстроенные сильнымъ проигрышемъ.

— Дьяволы! кричалъ и ругался одинъ изъ нихъ:—обобрали, ограбили!

— Мечи знай, мечи! подзадоривала его толпа.

— Ну, послѣдняя пошла! Эй! Водолазъ! обратился онъ къ разговаривавшему въ сторонѣ съ какимъ-то пушкаремъ товарищу.—Послѣдняя!

— Врешь, еще есть.

— Эй Богу послѣдняя! Ну, Зуиха, выручай! Степанида, Степанида Кузминична, Кузминична! подлясывалъ и подпѣвалъ на потѣху окружавшей публики распроигравшійся батракъ, ставя противъ метавшаго зерна на четъ, или нѣ четъ свои послѣдніе гроши.

— Экъ его!

— Выручитьъ знать Зуиха-то!

-- Какъ же?

— Ишь выручить!

— Кто такой развеселый? какъ будто ни у кого особенно не

спрашивая, произнесъ сжатый со всѣхъ сторонъ навалившимся народомъ Тишинъ.

— Володька.

— Перфильевъ знать, Муравьевскій, поддержалъ другой.

— Городецкій, а не Муравьевскій, перебилъ первый.

— Муравьевой деревни, Антоньева монастыря, говорятъ.

— Ну и сказалъ бы что монастырскій молъ, а то *Городецкій!*

— Уѣзда Городецкаго, голова!

— Ну да!

— Да такъ.

— Аяъ не такъ! зашпорили въ толгъ; но Осиль Кондратьевичъ отошелъ уже отъ нея прочь и тамъ, въ сторонѣ, не спуская глазъ, внимательно слѣдилъ за другимъ подозрительнымъ для него лицомъ, Водолазомъ, который прогуливался, обнавшись съ лущкаремъ. Пріатели остановились наконецъ, и Осиль Кондратьевичъ видѣлъ какъ Водолазъ, держа на ладонѣ пригоршню денегъ, изъ которой лущкаръ бралъ мѣдныя монетки, другою, свободною рукой, спряталъ въ карманъ что-то завернутое въ грязную тряпку и бумагу.

— Гм! коротко откашлянулся только на этотъ разъ Тишинъ, и дѣло было въ шляпѣ.

Узнать теперь гдѣ живутъ пріатели, походить за ними, дожидаться ихъ возвращенія домой, помѣститься на другой день рано утромъ на такомъ наблюдательномъ пунктѣ съ котораго можно было бы видѣть когда они совершенно трезвые выйдутъ на улицу, все это уже ничего не стоило.

— Эй! кто тамъ? отворяй! шумѣлъ Осиль Кондратьевичъ, выждавъ наутро когда новые его знакомцы вышли со двора, и кивнувшись къ калиткѣ.

— Володьки нѣтъ? спросилъ онъ точно залыхавшись у показавшейся на стукъ его женщины.

— Ушелъ.

— Эхъ! крикнулъ Осиль Кондратьевичъ; — ты что ль Степанида?

— Я.

— Зуица, знать?

— Я.

— Пороху, не вѣдаешь, достали? спросилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ, наклонясь къ ней немного на ухо.

Женщина сдѣлала шагъ назадъ, потомъ впередъ, и взглянула на улицу.

— Во-онъ они! сказала она вмѣсто отвѣта, указывая вдаль.

— Гдѣ? это не они. Эхъ! кракнулъ опять Тишинъ, опустивъ голову и стоя какъ бы въ раздумьѣ.—Безъ него сдѣлать ничего не можно, а я принесъ было.... Эхъ, діаволы!

— Чего ты? Есть, шелнула наконецъ недовѣрчивая Зуиха, мотнувъ головой,—вечоръ изъ льна фитиль сдѣлали.

— Есть? обрадовавшись и поднявъ голову переспросилъ Тишинъ.—Куда жь они діаволы пошли? и мнѣ не сказали!

— Въ Большую Морскую, къ Синему мосту, въ кабакъ, отвѣтила Степанида.

— Эхъ! кракнулъ еще послѣдній разъ Осиль Кондратьевичъ, и, не сказавъ болѣе ни одного слова, скорыми шагами, почти бѣгомъ пустился по направлению къ тайной канцеляріи.

Распоряженія были сдѣланы тотчасъ же, и самыя быстрыя, но не успѣли они однако все-таки предупредить пожара, начавшагося съ того именно кабака у Синяго моста на который указалъ Тишинъ, и истребившаго огромное число строеній.

Солдатка Степанида Зуева, дворцовый крестьянинъ Петръ Петровъ по прозванію Водолазъ и Владиміръ Перфильевъ были схвачены съ воровскими ложитками на самомъ пожарѣ и ловились въ поджогѣ.

Теперь Тишину открывалась возможность еще разъ, и съ надеждой на успѣхъ, напомнить о Миктеровѣ.

— Истинно бѣглець-то указалъ, сказалъ онъ Ушакову, когда тотъ сказалъ ему милостивое спасибо:—безъ него виновныхъ не сыскать бы.

— Бѣглець указалъ? А? Ну что же? Самъ онъ тѣхъ поджигателей не знаетъ ли, не сообщникъ ли? Розыскать бы его, розыскать! затвердилъ опять Ушаковъ.

— На многихъ они, поджигатели, и невинныхъ, продолжая животь свой, ложно показывали; однако на бѣглеца того не ссылалися, гм! робко замѣтилъ Тишинъ,—а то разыскать....

— Ну?... да... ну?... произнесъ Ушаковъ, раздумывая, и томительно разстанавливая свои слова, какъ показалось Тишину, на цѣлыя полчаса;—ну? да... на него не ссылалися. Бѣглецу не ко мнѣ бы.... явиться.... по указу вины имъ оставляются!.. Пускай явится, вдругъ рѣшительно произнесъ онъ:—на службѣ его полробуемъ.

Того только и хотѣлось Тишину; Миктеровъ становился подѣ защитѣ закона.

Почтовые сообщенія между Петербургомъ и Москвой хотя въ то время и существовали, но ими не привыкли еще пользоваться частные люди. Обычай почтовыхъ корреспонденцій еще не вошелъ въ нравы. Плата за письма, по деньгѣ съ золотника за каждыя 100 верстъ, была хотя умѣренная, но ямщики жаловались что имъ не выплачивали даже положенныхъ ежегодно за возку почтъ какихъ-нибудь четырехсотъ рублей. Частные люди отправляли письма свои большею частью съ нарочными, а чиновники скрадывали ихъ, кладя въ пакеты вмѣстѣ съ указами. Менѣ чѣмъ кто-нибудь рѣшился бы написать письмо по почтѣ Тишинъ, хотя это было бы и гораздо для него удобнѣе и дешевле, но какъ описать все что нужно было передать Миктерову? Какъ дерзнуть излагать на бумагѣ и письменно о предметахъ касавшихся тайной канцелярїи?

Онъ отправился въ Новгородъ самъ, въ тотъ именно день когда на логорѣломъ мѣстѣ, на Большой Морской, у Свияго моста, совершалось нѣчто ужаснѣе всякаго пожара.

При огромномъ стеченїи народа отсѣкали голову солдаткѣ Зуевой, а на двухъ деревянныхъ, намазанныхъ смолой кострахъ, сжигали привязанныхъ цѣпами къ столбамъ Водолаза и Перфильева.

III.

Сгоряча Миктеровъ не могъ вполнѣ сознать положенія въ какое поставила его судьба. Постѣнные сборы, переѣздъ, новый городъ, новая жизнь въ одномъ домѣ съ Машей и теткой, валившій изъ Москвы толпами народъ, — все это развлекало его и долго не давало ему времени опомниться. Но вотъ наконецъ все успокоилось, установилось, и отдохнувшая голова получила снова способность разсуждать.

Какое бы ни было у человѣка прошлое, всегда сумѣеть онъ найти въ немъ что-нибудь такое надъ чѣмъ можно остановиться съ любовью, призадуматься, о чемъ можно, пожалуй, пожалѣть, особенно если настоящее неудовлетворительно.

Очнувшись, Миктеровъ вспоминалъ чѣмъ онъ былъ прежде и представлялъ себѣ что стало съ нимъ теперь. Какъ разорившемуся баричу, невольно стала являться предъ нимъ вся прежняя обстановка его жизни: и богатая хоромы и роскошь. А нынѣ и бѣдность, и темнота, глубокая темнота. Какъ ни старался онъ забыть все что возвратиться уже не могло, какъ ни твердилъ себѣ что *не до жиру* ужъ теперь, а *быть бы жиру*, но удержаться отъ сравненія настоящаго съ прошедшимъ все-таки не могъ. Чувство его къ Машѣ даже стало принимать совершенно другой характеръ вслѣдствіе этихъ неотвязно возвращавшихся сравненій настоящаго съ прошлымъ.

— Прежде волея я былъ и знакомство съ нею вести и жизнь свою проводить какъ вздумается, а нынѣ продолжать все сіе по нуждѣ приходится, думалъ онъ.

— Да и что же было такого особеннаго въ Машѣ? И по красотѣ-то до княжны моей далеко ей, а ужъ разговору и вовсе нѣтъ! Нищета, голъ, да грязь одна! А отецъ-то, Осипъ этотъ Кондратьевичъ!... неужто къ нему и впрямь въ зятя поступать!...

Нарядится Маша въ шубку свою новую, распуститъ легкой перевитыя косы, а Миктеровъ точно ничего этого и не замѣчаетъ, точно и не онъ сто разъ прежде говаривалъ что косъ такихъ, да глазъ, да взгляду Машинова искать не същешь. Подойдетъ къ нему Маша побесѣдовать, распрашивать станетъ отчего онъ такъ печаленъ, да не веселъ,—а онъ только помалчиваетъ или, чтобы мысли свои сокрыть, на судьбу свою злосчастную начнетъ жаловаться.

— Угодить тебѣ нынѣ трудно стало; все не такъ, да не въ пору сдѣлаешь, ворчить бывало тетка, услуживая Миктерову, а онъ смотритъ на нее и говорить-то съ ней даже не хотя.

Въ такомъ положеніи засталъ семью свою Тишинъ, явившись въ Новгородъ съ вѣстью о найденномъ имъ спасеніи для своего, какъ онъ называлъ, злодѣя, и съ полною надеждою стать наконецъ вмѣстѣ съ нимъ на законную почву.

Но идти на службу въ сыщики, являться въ тайную канцелярію?... Да вѣдь отъ одного названія этой службы и мѣста можно съума сойти. Лучше казнь, лучше известа себя! Волосы становились у Миктерова дыбомъ, когда онъ слышалъ

подробнѣйшій разказъ Осипа Кондратьевича о его разговорѣ съ Ушаковымъ, о всѣхъ ухищреніяхъ и опасностяхъ чрезъ которыя проходилъ онъ, и невозможнымъ, невѣроятнымъ казалось ему согласиться на предложеніе Тишина.

— Что онъ? такимъ же плутомъ, какъ самъ есть, меня почитаетъ? думалъ Миктеровъ.

— Что же онъ, гибели моей желаетъ, или себя погубить хочетъ? думалъ въ отчаяніи Тишинъ.

Чѣмъ болѣе Осипъ Кондратьевичъ, напрягая все свое искусство, старался изобразить Миктерову въ самыхъ черныхъ, или скорѣе, кровавыхъ краскахъ весь ужасъ ожидающій его, если не послѣдуетъ онъ по той дорогѣ которая ему такъ де счастливо открывалась, тѣмъ болѣе Миктеровъ изоцрялъ свое краснорѣчіе чтобы выразить всю мерзость дѣлаемаго ему предложенія, заставляя краснѣть самого Тишина, не привыкшаго слышать тѣ продерзностныя слова которыя осмѣливался произносить Миктеровъ. Что же было наконецъ дѣлать? Ведя до сихъ поръ всѣ переговоры въ тайнѣ отъ женщинъ, Осипъ Кондратьевичъ рѣшился противъ своего разсудка, характера и привычки, разказать обо всемъ своимъ домашнимъ, думая склонить Миктерова хоть просьбами Маши; но вышло еще хуже. Пошли разговоры вслухъ и цѣлыми днями о самыхъ секретнѣйшихъ предметахъ, разговоры такіе, что Осипу Кондратьевичу и слушать было даже страшно; онъ махалъ только руками, жалобно смотря на всѣхъ, упрашивалъ не кричать или говорить тише, затворялъ двери, оглядывался, дежурилъ у окна; а дѣло не двигалось ни на шагъ.

— Всѣхъ васъ я брошу, себя не пожалѣю, сказалъ наконецъ разъ Осипъ Кондратьевичъ дочери.— Со мной за прежнюю службу мою, статья-можетъ, милостивѣе будутъ, вамъ же казни не миновать.

Мама испугалась. Отецъ плакалъ; говорилъ что на старости лѣтъ ему въ застѣнокъ идти приходится, что онъ терпитъ не за себя, а за дочь, что онъ ее кормилъ и выростилъ, что она сама отъ своего счастья бѣжить.

А Миктерова, что называется, ломало. Съ одной стороны, застѣнокъ, пытки, розыскъ заставляли его дрожать всѣмъ тѣломъ, и онъ съ омерзеніемъ гналъ изъ головы ужасныя картины. Съ другой стороны, разсуждая хладнокровно, нельзя было не согласиться съ Осипомъ Кондратьевичемъ что

представлявшійся случай былъ единственный для того чтобы стать подъ защиту закона. Если,—приходило наконецъ ему и это въ голову, — если Тишинъ отъ меня отступится, одному мнѣ жить оласнѣе прежняго будетъ, а сыщикомъ быть въ моей волѣ: хочу—буду, хочу и нѣтъ; на службѣ токмо считаться надо. Тишину, казалось ему еще, по силамъ его и дѣла изъ тайной канцеляріи повѣряютъ; а мнѣ, надежда есть, и опричь татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ повѣрить можно будетъ; а тогда пользу великую не токмо для себя, а и для всѣхъ друзей своихъ и для отечества ожидать можно.

Эхъ! домало Миктерова, и въ тайной канцеляріи являться худо, да и здѣсь у какого дѣла я состою, и то не лучше. Ну! махаль онъ наконецъ руками, — была не была! Знать судьбѣ своей конецъ хоть какой-нибудь, а положить надо; положу я ей конецъ, положу! И рѣшился.

IV.

Пушечный сигналъ только что возвѣстилъ о восходѣ солнца, то-есть о времени прихода и отпуски кулеческихъ кораблей, когда путешественники наши вѣхали въ Петербургскую заставу.

При самомъ вѣздѣ въ городъ, Миктеровъ принужденъ былъ заткнуть носъ отъ тяжелаго залаха мертвечины, распространявшагося изъ мелко-вырытыхъ, неутоптанныхъ могилъ, отъ сора и нечистотъ, которые валяли въ рѣку Мью. На Адмиралтейской, у самой Исакіевской церкви, стояли ветхія, деревянные прядильня и смольня; отсюда выказывалась некрасивая картина разрушенныхъ домовъ и пустыя пространства погорѣлыхъ мѣстъ. На мостовой стояли осенняя грязь и лужи. Пьяные ходили по улицамъ и, схватясь рука въ руку, громко затягивали лѣсни, буянили, хотя у рогатокъ и объявленъ былъ приказъ „таковыхъ останавливать и приводить въ полицію.“ На Невскомъ мосту путешественники должны были осгановиться. Народу столпилась куча. По раннему часу дня, хотя большихъ экилажей было не много, да и вообще-то въ каретахъ и бывшихъ тогда въ модѣ англійскихъ половинчатыхъ коляскахъ, ѣздили въ то время немногіе, развѣ знатнѣйшіе люди; но лошаину за мостъ приходилось ллатить всякому, и дожидаясь очереди, народъ кишилъ. Мостов-

щики бѣгали и сновали отъ ларныхъ экипажей къ одиночкамъ, отъ телѣгъ къ верховымъ; брали и съ конныхъ, и съ пѣшихъ, съ мужчинъ и женщинъ, со всякаго чина и званія людей; только персоны въ каретахъ сидѣли, не трогаясь съ мѣста, да мѣрно выступали и съ нѣкоторою гордостію проходили мимо солдаты и драгуны съ ружьями. Этыхъ не смѣли трогать мостовщики. Заллативъ 3 колѣйки пошланы, проѣхали наконецъ и Миктеровъ съ Тишинымъ. День былъ воскресный. Празднаго народа шаталось по улицамъ много. На всѣхъ перекресткахъ, заскакивая одинъ предъ другимъ, кричали и чуть не сбивали съ ногъ идущихъ въ церковь продавцы церковныхъ свѣчъ, которыми тогда барышничали, покупая ихъ въ лавкахъ по низшей цѣнѣ и продавая по высокой. Всѣ куда-то спѣшили, суетились. Миктеровъ посматривалъ направо и налево, пока наконецъ не подѣхали къ тому одноэтажному деревянному домишку который былъ нанятъ Тишинымъ еще до его поѣздки въ Новгородъ и гдѣ не было возможности помѣститься Миктерову, какъ онъ самъ увидаль теперь.

Осилъ Кондратьевичъ взялся отвести его на переполненный логорѣльцами постоянный дворъ, съ тѣмъ чтобы на другой день проводить его въ тайную канцелярію и собственными глазами убѣдиться что Миктеровъ тамъ былъ и что разыгрался наконецъ задуманный планъ.

Миктеровъ казался довольно бодрымъ и даже веселымъ, когда на другой день отправился съ Осипомъ Кондратьевичемъ. Воображеніе не могло нарисовать ему того чего онъ никогда не видалъ, а развлеченій на незнакомыхъ улицахъ было столько что они мѣшали ему задумываться надъ предстоящимъ визитомъ. Тамъ проѣхала съ красивой упряжью карета, тутъ савояръ показываетъ ученаго сурка, у дверей губернаторскаго дома, смѣняется караулъ: „мушкетъ подвысь, справа и слева стулай въ шеренги!“ Миктеровъ прислушивается къ знакомой командѣ, а идущій рядомъ Тишинъ торопять его, повторяетъ ему вслухъ урокъ свой, боясь чтобы не сбиться какъ предъ Андрей Ивановичемъ. Но вотъ наконецъ и двери тайной канцеляріи.

— Сюда? остановился Миктеровъ въ недоумѣніи, глядя на возъ съ капустой, которую выгружали и уносили въ ту самую

дверь на которую указывалъ ему головой Осиль Кондратьевичъ.

— Это для пытаныхъ, пытанымъ прикладываютъ, любезно разсвѣляя недоумѣнїе Миктерова Тишинъ, и, замѣтивъ какое-то судорожное движеніе въ его лицѣ, первый переступилъ порогъ, какъ бы желая тѣмъ показать что страшнаго пока нѣтъ тутъ ничего.

Комната въ которую они вошли не представляла дѣйствительно ничего страшнаго. На столѣ у окна стояло нѣсколько приготовленныхъ и въ ранжиръ выстроенныхъ подсвѣчниковъ со вставленными въ нихъ салными и восковыми свѣчами; лежали мѣдныя щипцы; въ углу старый солдатъ, присѣвъ на корточки, дергалъ перья изъ лебяжьихъ и гусиныхъ крыльевъ; на стѣнѣ висѣли нитки и нѣсколько шалоковъ. Дверь въ сосѣдную комнату была отворена. Посрединѣ ея, на столѣ покрытомъ краснымъ сукномъ, стояли жестяная чернильница и песочница, лежалъ красный сургучъ, разложена была уставная и полууставная бумага. Кругомъ стола стояли табуреты и стулья; на самомъ концѣ его, кто-то согнувшись, скрипѣлъ перомъ.

Тишинъ поманилъ къ себѣ поднявшаго голову лица, переговаривалъ съ нимъ о чемъ-то шепотомъ и обратившись къ Миктерову, молча повелъ его, взявъ за руку, дальше.

Они очутились въ какомъ-то темномъ проходѣ; имъ не было даже видно другъ друга.

— Здѣсь подождемъ, молчи,—прошепталъ въ самое ухо Миктерову Осиль Кондратьевичъ.

Окружающій мракъ, томительное ожиданіе, необходимость стоять молча, не высказывая тѣхъ мыслей которыя тѣснились въ головѣ, все это съ каждою минутой возбуждало воображеніе Миктерова. Ему стало казаться что здѣсь, въ этой узкой тюрьмѣ безъ дневнаго свѣта, суждено имъ простоять до конца жизни. Переступая съ ноги на ногу, онъ чувствовалъ какъ тянулъ его къ себѣ за полу кафтана Тишинъ, боявшійся чтобъ онъ не вздумалъ дать тягу. Ему чудились наконецъ какіе-то звуки.

— Да.... точно.... это скрипъ и трѣскъ какого-то неподмазаннаго бревна! А это что?... человѣческой крикъ, жалобы, стоны.... о ужасъ, ужасъ!

Сердце у Миктерова сжималось. Еще немного, онъ рванется и убѣжитъ изъ этого проклятаго мѣста. Все яснѣе и яснѣе

рисуетъ ему возбужденное воображеніе страшныя картины мученій, пытокъ, истязаній!

Вотъ дыба, пилы, зубчатыя колеса, толоры! Вотъ ломають кому-то руки и ноги бревномъ, на концы котораго становятся по два человѣка. Вотъ поднимають другаго веревками на кольца, вбитыя въ потолокъ, даютъ стряски, растягивають члены, вывертываютъ лопатки, глядятъ по спинѣ горячимъ желѣзомъ, колятъ подъ ногти разожженными иглами, бьютъ кнутомъ, батогами, палками, кошками, плетью!... Истерзанные члены, кровь!... О, силъ нѣтъ!... Бѣжать, бѣжать отсюда... Все это вѣдь не воображеніе: все это дѣлается здѣсь,—можетъ-быть тутъ же за стѣной, можетъ-быть въ самую эту минуту!

— Слышь? кричить, кричитъ кто-то! воскликнулъ наконецъ Миктеровъ, переставая владѣть собою.

— Тсъ!... Овъ! шелнулъ въ то же время Тишинъ, зажимая ему ротъ.

Гдѣ-то хлопнула дверь и лучъ свѣта упалъ на Осипа Кондратьевича.

— Пойдемъ! сказалъ онъ теперь громче прежняго, быстро двинувшись впередъ.

Ему хотѣлось предстать предъ Ушаковымъ въ тотъ именно моментъ когда послѣдній, выйдя изъ пыточной комнаты, озабоченный, будетъ возвращаться въ канцелярію и можетъ-быть не обратитъ на Миктерова того оласнаго вниманія которое онъ обратилъ бы въ другой разъ.

Рослый, плечистый Ушаковъ, только что переступилъ порогъ комнаты которая предшествовала канцелярію, когда предъ нимъ, какъ изъ земли, предстали Тишинъ и Миктеровъ.

— Откуда? спросилъ, сурово взглянувъ на нихъ, нѣсколько удивленный Андрей Ивановичъ, сдвинувъ брови.

— Съ того выхода. Гм!... прохрипѣлъ Тишинъ.

— Ну? нетерпѣливо сказалъ Ушаковъ, находясь, повидимому, не въ хорошемъ расположеніи духа и трясая въ рукахъ какіе-то сгибающіеся, крупными буквами исписанные листы бумаги.

— Явиться... изъ Литвы. Гм!... бѣглець!... проговорилъ робко Тишинъ, незамѣтно толкая въ ногу Миктерова.

— Ну? повторилъ опять Ушаковъ, обратившись къ Миктерову.

Но Миктеровъ ничего не чувствовалъ и ничего не слышалъ

изъ того что происходило вокругъ. Полаяй еще тѣхъ картинъ которыя такъ вѣрно рисовало ему воображеніе, онъ стоялъ объятый ужасомъ и не могъ оторвать глазъ своихъ отъ тѣхъ листовъ „лыточныхъ рѣчей“ которыя держалъ предъ нимъ Андрей Ивановичъ и въ которыхъ онъ усмотрѣлъ дрожащій почеркъ чей-то, вѣроятно исковерканной руки.

— Ну? громко крикнулъ Ушаковъ, опустивъ листы бумаги и заставивъ движеніемъ этимъ оломниться Миктерова.

— Поджигатели.... мною.... сысканы!... Явиться мнѣ на службу.... началъ было онъ ровнымъ голосомъ, какъ заданный урокъ и туло смотря на Ушакова.

— О! нетерпѣливо прервалъ его Андрей Ивановичъ, какъ бы вспомнивъ въ чемъ дѣло.— Не до поджигателей нынѣ!... не время мнѣ! Да чай и не здѣсь являться: не знаешь что ли? Не время, прибавилъ онъ отвернувшись.

— Показываетъ! вмѣшался вдругъ тоненькимъ голосомъ вбѣжавшій откуда-то подъячій,—показываетъ!

— А-а-а! Показываетъ! протянулъ съ сіяющимъ лицомъ Ушаковъ.— Снять его съ дыбы! Эй! обратился онъ къ одному изъ служителей.— Эй! Закуску мнѣ, слышь? туда!

И обернувшись на каблукахъ, Андрей Ивановичъ направился скорыми шагами олять въ лыточную комнату, а черезъ нѣсколько минутъ, мимо оставшихся въ недоумѣніи Тишина и Миктерова, пронесли на двухъ подносахъ водку, ветчину, разныя колченья и всякую закуску.

На какомъ положеніи долженъ былъ считать себя Миктеровъ? Признать или непризнать онъ за Русскаго бѣжавшаго въ Литву? Поступилъ онъ на службу или нѣтъ? Можетъ или не можетъ онъ наконецъ смотрѣть всѣмъ прямо въ глаза, не боясь того что у него не было ни вида, ни имени? Въ правѣ ли онъ сказать всякому, кто захотѣлъ бы его погубить, что онъ и самъ въ тайной канцеляріи являлся, по доброй волѣ, къ Ушакову, видѣлъ его, съ нимъ разговаривалъ? Тишинъ находилъ съ своей стороны все дѣло никуда негоднымъ, нечистымъ и оласнымъ. Душевное спокойствіе сыщика могло возвратиться тогда лишь когда нарушитель этого спокойствія или погибъ бы какимъ-нибудь не зависящимъ отъ него, сыщика, способомъ, или вошелъ бы всецѣло въ сословіе шпионовъ,—когда сравнился бы съ нимъ, Тишинымъ. Но этого не было. Что касается Миктерова, то его, и тайная канцелярія, и Ушаковъ, и вся видѣвшая имъ обстановка, — точно

пришибли. Съ одной стороны, при всей силѣ того возбужденнаго чувства честолюбія которое руководствовало имъ во всю его жизнь, ему казалось невозможнымъ принятое имъ рѣшеніе: только съ горяча, или правильнѣе, не имѣя понятія о дѣлѣ какъ оно есть, могъ онъ послушаться Осипа Кондратьевича. Но съ другой стороны, пріемъ который получили онъ даже и въ тайной канцеляріи, эта недоступность для него даже и такой должности какова должность сыщика, показали ему ясно на какой низкой ступени онъ стоялъ. Что не къ Ушакову слѣдовало являться бѣглымъ изъ Польши, объ этомъ узналъ онъ только теперь отъ него самого, — но къ кому же тутъ еще являться, когда и въ довосчики, въ сыщики, оказывался онъ недостойнымъ?.. Чувство какого-то леденящаго одиночества при этой мысли еще болѣе душило его. Маша представляла въ ему соломской за которую хоть можно было ухватиться; Осипъ Кондратьевичъ являлся какой-то силой, которая, изъ какого бы она ни была источника, могла все-таки его поддержать.

V.

Надо было любить на столько на сколько любила Маша чтобы не замѣтить перемѣны происшедшей за послѣднее время въ Миктеровѣ.

Видаясь съ нимъ каждый день (такъ какъ ко всемъ несчастіямъ Миктерова присоединилось еще и то что онъ, по недостатку денегъ, долженъ былъ ходить обѣдать къ Тишинымъ ежедневно), Маша перестала даже справляться съ тѣмъ: о чемъ задумывается и отчего печаленъ ея милый. Приученная имъ съ самаго начала къ обхожденію неровному, она довольствовалась и рѣдкою, ладавшю на ея долю лаской. Случалось, полазаетъ тайкомъ, а потомъ и опять ничего. Правда, съ прибытія въ Петербургъ, она не могла не замѣтить что Ванюша ея совсѣмъ какъ не свой: но что же дѣлать ей? Онъ ничего не говоритъ, а она спросить не смѣетъ.

И точно Миктеровъ сталъ совсѣмъ какъ не свой послѣ посвященія тайной канцеляріи. Цѣлые дни бродилъ онъ по улицамъ незнакомаго города, таскался на рынкахъ, зѣвалъ на проходящихъ и проѣзжающихъ; каждымъ кускомъ хлѣба Тишинскаго онъ давился, и конца не было тѣмъ мыслямъ которыя лѣзли ему въ голову. Хотѣлъ бы онъ хоть въ солдаты

попасть, въ матросы что ли. А то вдругъ являлось желаніе бѣжать изъ Россіи вонъ, отыскать какъ-нибудь у нищей старухи въ Москвѣ можетъ-быть еще уцѣлѣвшія Долгоруковскіе ложитки, захватить ихъ, да куда-нибудь.....

А Осипъ Кондратьевичъ твердилъ между тѣмъ ежедневно и непрестанно:

— Явись, явись еще разъ. И Машѣ безъ того съ тобою жить не можно, да и насъ ты всѣхъ погубишь. Явись пока время есть. Служу же я до старости лѣтъ: или лучше ты себя чѣмъ мы показываешь?

Разъ, — дѣло было на Святкахъ, — Миктеровъ слѣшилъ изъ дому къ Тихинымъ обѣдать, когда, на Пущкарской улицѣ вдругъ изъ переулка ринулась прямо на встрѣчу ему лихая пара въ саняхъ. Неся высоко дышло, лугаясь въ возжахъ, безъ сѣдока и съ однимъ кучеромъ бѣшеные кони, которыхъ не могъ сдержать послѣдній закованными отъ холода руками, мчались во весь опоръ и вдругъ остановились.... Что-то перевернулось; поднялся столбъ снѣга, а потомъ все заслонила толпа сбѣжавшагося народа....

Миктеровъ прибавилъ шагу и продравшись сквозь толпу увидѣлъ большіе сани въ которыхъ лежалъ молодой человѣкъ, блѣдный, со страдальческимъ выраженіемъ лица и съ опущенною внизъ головой, а возлѣ горячился и кричалъ военный го-лодинъ. Это былъ, какъ оказалось, самъ генералъ-фельдмаршалъ Минихъ; на его сани налетѣла встрѣтившаяся Миктерову пара и смяла стоявшаго на запяткахъ его адъютанта.

— Зачѣмъ назадъ? зачѣмъ назадъ! кричалъ Минихъ на бросившихся было ловить ускокавшую пару и возвращающихся теперь людей. — За ними впередъ! Иль указа государыни не вѣдаете? Ловите! скоты, луты! Воспрещено! штрафъ, штрафъ! Котками нещадно васъ! кричалъ онъ, топая ногами.

Но люди, почтительно снявшіе шалки, разводили руками въ знакъ невозможности исполнить приказаніе Миниха и объявленнаго недавно съ барабаннымъ боемъ государева указа „о поимкѣ тѣхъ кто скоро на лошадяхъ бѣгаетъ,“ — одинъ по одному заходили кругомъ въ задніе ряды, мѣшаясь съ толпой и скрываясь отъ строгихъ взглядовъ фельдмаршала.

— Сыщется, сыщется! грозился Минихъ. — Я васъ, я васъ погоди!

И видя что распорядиться людьми не одѣтыми въ мунди-

ры не такъ легко какъ солдатами, онъ обратился къ санямъ гдѣ лежалъ адъютантъ.

— До смерти, до смерти! Несите его, ну! снова зашумѣлъ фельдмаршалъ.— Вотъ бѣгуны! Вотъ къ чему привело! Конный заводъ, Волынской! Этого нельзя, нельзя!... Эй! Чьи кони? Кто наѣхалъ? Сказывайте, бестіи, ну? попытался-было онъ еще спросить, наступая и строго глядя на толпу.

Но никто не отвѣчалъ ни слова. Всѣ попятались, будто не желая быть ни свидѣтелями, ни докащиками.

Минихъ наконецъ усложился. Онъ распорядился чтобъ адъютанта отнесли на квартиру, сѣлъ въ сани и уѣхалъ.

Долго смотрѣлъ народъ ему вслѣдъ, долго молчалъ. Но вотъ экипажъ его скрылся изъ глазъ, и всѣ оживились.

— Пара-то знать Еролкинская, замѣтилъ кто-то.

— Ой ли?

— Еролкинская, точно. Вотъ, чтѣ въ слободѣ у Невскаго монастыря живетъ, монастырь строить.

— Ишь ты!

— А горячій! сказалъ какой-то молодецъ про Миниха:— старый, а горячъ!

— Въ лобывку знать сюда прибылъ, съ похода.

— Ишь они всѣхъ руссійскихъ дѣлъ управители стали. У Нѣмцевъ, слышно, и мясниковъ немного осталось, всѣ въ офицерахъ, бойко замѣтилъ одинъ парень.

— Ха-ха-ха! раздалось въ толпѣ.

— Кулець одинъ изъ тамошнихъ намедни сказывалъ: у васъ де бывшихъ при мнѣ аптекарей и разночинцевъ больше дюжины въ офицерахъ нынѣ служатъ,—аль у васъ де руссійскихъ дворянъ не стало?

— Ха-ха-ха! олять захохотала толпа.

— Русскимъ только кому голову отсѣчь, а кого въ ссылку сослать. Съ походу-то, солдаты ворочаются только слава что человѣки: лошадиное мясо ѣли, по трои сутки, сказываютъ, чистой воды не видали.

— У Русскій не можности нѣту-ти! Русскій такъ надо! Ага-га-га, батюжка, батюжка! коверкалъ кто-то по-нѣмецки.

Толпа залилась смѣхомъ.

Странное, необыкновенно странное впечатлѣніе произвели на Миктерова и эти разговоры, и все происшествіе. И Минихъ, и какія-то новыя лица которыхъ тутъ называли, а глав-

• вое та свобода съ которою выражали свои мнѣнія простые люди о томъ и о семъ, все поражало и смущало его.

— Не страшно знать имъ, думалъ онъ. Въ толгѣ говоришь, въ толгѣ и скроешься. Толла своего не похочеть выдать,—не выдасть. Съ толпой сладить не можно,—сила!

И подъ такимъ впечатлѣніемъ пріѣдя къ Тишинымъ, онъ разказалъ за обѣдомъ обо всемъ подробно, и въ лицахъ.

Разказъ всѣмъ понравился. Смѣялись много Мама и тетка тому какъ передразнивали Русскіе Нѣмцевъ. Осилъ Ковдратьевичъ, чтобы лучше слышать, рѣже обыкновеннаго хрипѣлъ и откашливался. А самъ Миктеровъ интересовался и спрашивалъ у него о Волынскомъ, Еропкинѣ и другихъ, имена которыхъ слышалъ онъ въ толгѣ.

Между тѣмъ, Минихъ съ самаго мѣста происшествія отправился во дворецъ и, не заставъ герцога, повернулъ къ мажеу. Здѣсь обыкновенно проводилъ большую часть утра Биронъ, обходя конюшни и лаская любимыхъ своихъ лошадей. На этотъ разъ уговорилъ онъ пріѣхать сюда въ видѣ развлеченія, императрицу, огорченную болѣзнью своего любимца, младшаго сына Биронова, Карла.

— Чтѣ ты, Минихъ? спросила государыня, увидавъ вошедшаго фельдмаршала и приказавъ остано­виться двумя конюхамъ, державшимъ за поводья лошадь на которой училась она сидѣть бокомъ, по-дамски.—Чтѣ ты, зачѣмъ?

Минихъ горячо разказалъ о случившемся съ нимъ происшествіи, описывая мѣстность, подробности, а главное, примѣты наѣхавшихъ на него неизвѣстныхъ лошадей и страшный видъ разбитаго будто бы до смерти и отвесеннаго на рукахъ домой адъютанта.

— Ай, ай, ай! Ай, ай, ай! замахала вдругъ головой государыня.—Опять! Давно ли ребенка задавили! Герцога, герцога позвать!

И вся въ слезахъ, она сошла съ лошади и уѣхала во дворецъ.

Въ то же время, пробравшійся въ тайную канцелярію Тишинъ докладывалъ Андрею Ивановичу о нѣкоторыхъ, при случаѣ съ фельдмаршаломъ, непристойныхъ словахъ произнесенныхъ неизвѣстными людьми въ народѣ и, смотря въ лицо внимательно слушавшему Ушакову, думалъ про Миктерова: Самъ не хочешь явиться, силой вовлеченъ будешь! До слроса дѣло коснется—назову.

VI.

Во флигелѣ Зимняго дворца, въ комедіантскомъ домѣ, то есть въ овальномъ деревянномъ зданіи съ двумя ярусами ложъ, отдѣленныхъ красивыми рисунками и богатою рѣзбой, назначены были: опера *Абизаче* и комедія *Напасты Панталонны*.

Хотя къ зрѣлищамъ подобнаго рода Русскіе еще несовсѣмъ привыкли, тѣмъ не менѣе выписанные изъ Италіи и другихъ странъ музыканты, танцмейстеры, комедіанты и интермедіанты, всего человекъ тридцать, разыгрывали и *Семирамиду*, и *Перелазы черезъ заборъ*, и *Переодѣвки арлекиновы*, и правительство съ удовольствіемъ платило тысячь двадцать слѣшкомъ на жалованье персоналу изъ иностранцевъ, а единственный литературный органъ тогдашняго времени, *Академическія Вѣдомости*, изъ всѣхъ силъ старался убѣдить въ томъ что комедіи „къ умѣренности и воздержанію страстей способны“.

Своихъ доморощенныхъ артистовъ пока еще не отыскивалось. Учрежденная въ Малороссіи майоромъ Шиповымъ небольшая школа, въ которую набирали самые лучшіе голоса со всей Россіи для обученія кievскому партесному пѣнію, а также струнной музыкѣ, „на скрипцѣ, гусляхъ и бандорѣ“, доставила только десять учениковъ, изъ которыхъ разумѣется нельзя было сформировать оперы.

Государыня особенно любила комедіи нѣмецкія и италіянскія, и теперь, сидя въ свѣтлой залѣ, окруженная своимъ блестящимъ дворомъ, вполне наслаждалась представленіемъ.

Спектакль былъ особенно удаченъ, а къ концу его, когда въ послѣдней сценѣ явились наконецъ предъ публикой всѣ актеры съ палками въ рукахъ, и развязку комедіи разыграли громкими и усердными палочными ударами, общій хохотъ pokrылъ ихъ голоса.

— Знатно! Bravo! bravo! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты что жь? обратилась въ то же время еще съ улыбкой на лицѣ государыня къ только-что вошедшему Ушакову.— Вотъ, залоздалъ и не видалъ!

— Дѣла, ваше величество, дѣла лозадержали.

— Ну что дѣла твои, что за дѣла! какія? насмѣшливо спро-

сила государыня, милостиво улыбаясь и ища глазами какого-нибудь другаго собесѣдника, повеселѣе Андрея Ивановича.

— И подлинно, что за дѣла мои, матушка! какія! смѣялся Ушаковъ, не безъ горечи отходя въ сторону и уступая мѣсто придворнымъ. — Что за дѣла мои, какія! повторялъ Андрей Ивановичъ, отыскивая между зрителями герцога, который конечно одинъ только могъ бы понять важность его дѣлъ и выслушалъ бы его вездѣ, хотя бъ и здѣсь, среди смѣха и веселья.

Но герцогъ также находился близъ императрицы; тревожить его было неумѣстно. Что дѣлать! Заработался Андрей Ивановичъ, залоздалъ.

— Ну завтра, разсуждалъ онъ, — все едино, завтра доложу.

А на другой день вышла опять неудача!

На другой день приемная Бирона была полна разными дождавшимися его выхода чинами. Всѣ стояли съ почтеніемъ, на вытяжкѣ. Не было ни шума, ни разговоровъ. Изъ отдаленной галереи слышались только глухіе винтовочные выстрѣлы, радостные взрывы хохота и восклицаній, да герцогскія дѣти, вбѣгая то и дѣло, и снова исчезая изъ приемной, развлекали присутствующихъ.

Возвратившійся отъ государыни, герцогъ еще не выходилъ; шагая по роскошному своему кабинету, онъ сердился и гнѣвался. Пуще всего раздражительно дѣйствовали на него эти, долетавшіе до слуха его, выстрѣлы. Какъ же! Онъ сейчасъ только говорилъ государынѣ что ему надо бы съѣздить въ Варшаву для торжественнаго полученія отъ короля Польскаго Курляндскаго лена, — и что же! Она чуть не раслакалась!... Приходится отказаться отъ своего намѣренія и послать въ Варшаву кого-нибудь вмѣсто себя.

— А ей ничего! Упражняется себѣ въ стрѣльбѣ, какъ ни въ чемъ не бывало! думалъ Биронъ и продолжалъ шагать по своей комнатѣ.

А придворные и другіе чины между тѣмъ все дожидались, стояли, скучали. Одинъ изъ нихъ, какой-то, вздумавъ было полюбезничать съ однимъ изъ маленькихъ Бироновъ, подкинулъ его кверху, и подхвативъ поставилъ на мѣсто.

— O! lassen Sie! шелнулъ ему выглянувшій изъ-за двери maitre d'hôtel герцога, Куршъ.—Lassen Sie! Ungezogene, verzärtelne Kinder! говорилъ Куршъ, махая рукой. — Недавно

еще, продолжалъ онъ по-нѣмецки, взяли они изъ буфета вино, лачкали имъ всѣхъ, обливали, смѣялись, ну что это?

— O, sind doch Kinder! улыбался придворный, снисходительно извиняя невинныя забавы дѣтокъ высокой особы: sind doch Kinder, und so hübsch, so schön! говорилъ онъ нѣжно, на расгѣвъ.

Похвалы любезнаго придворнаго еще продолжались, когда мальчикъ о которомъ шла рѣчь, заласшись линейкой, подкрася и съ розмаха хватилъ ею по угламъ любезника лютно обтянутымъ чулками; тотъ подпрыгнулъ, вскрикнувъ отъ боли, а мальчикъ съ хохотомъ убѣжалъ.

Въ эту минуту отворялась дверь герцогскаго кабинета, и вышедшій камеръ-юнкеръ объявилъ что сегодня герцогъ принимать не будетъ.

— Видно не въ пору попалъ я и нынче, подумалъ Ушаковъ и тихо удалился съ докладомъ о томъ что въ народѣ говорится „о высокихъ особахъ“.

VII.

Миктеровъ между тѣмъ не оставлялъ намѣренія своего какъ-нибудь отдѣлаться отъ Осипа Кондратьевича.

Съ каждымъ днемъ все тошнѣе и тошнѣе становились ему и Тишинъ, и сестра его, и даже Маша. Промелькнула было и у него мысль воспользоваться слышанными тогда на улицѣ словами для доноса, но мысль эта тотчасъ же была имъ брошена и породила другія мысли совершенно противоположныя.

— Тайной канцеляріи служить, сталъ размышлять онъ, — пользы для себя ожидать трудно; слугъ у нея много и опричь меня; предъ всѣми не выскочишь; а вотъ еслибы да на докащиковъ докащикомъ быть, еслибы удача моя такая была тайными донесеніями кому-нибудь опричь сысканаго приказа послужить—другое бы дѣло.

И въ такомъ настроеніи, вспомнивъ имя Еропкина, вспомнивъ что Тишинъ какъ-то промолвился о Еропкинѣ какъ о человѣкѣ надъ которымъ учреждено секретное наблюдение, Миктеровъ, не долго думая, смѣло отправился къ послѣднему, разказалъ ему о себѣ всю подноготную и представилъ всю выгоду тайной связи своей съ сыщикомъ, который, говорилъ онъ, ему противенъ.

Воспитанный за границей еще при Петрѣ Великомъ, Еропкинь считался человекомъ образованнымъ. Ему придавало значенія близкое и давнишнее знакомство съ бывшимъ оберъ-егермейстеромъ, а нынѣ вновь назначеннымъ на мѣсто Ягужинскаго, кабинетъ-министромъ Волинскимъ.

Волинскій сдѣлался теперь однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ. Но незадолго предъ тѣмъ онъ былъ въ опалѣ и проживалъ въ Москвѣ. Тамъ, гдѣ все-таки жилось свободнѣе и безопаснѣе чѣмъ въ Петербургѣ, онъ скоро сдѣлался центромъ кружка, среди котораго позволялъ давать одну волю своему очень невоздержному языку. Онъ рѣзко сравнивалъ настоящіе порядки съ временами Годунова и Шуйскихъ и выразительно вспоминалъ о Елизаветѣ Петровнѣ и о герцогѣ Голштинскомъ. Прочитавъ у Юста Липсія о королевѣ Нидерландской, Иоаннѣ, и тяжелыхъ временахъ бывшихъ при ней, Волинскій позволялъ себѣ внушать своимъ пріятелямъ какъ худо жить „когда владѣетъ жена, правленіе которой больше къ беспорядку нежели къ доброму учрежденію“, жаловался частенько что онъ думалъ быть „лодь первымъ“, а и на хвостъ де не попалъ, что нѣтъ у насъ теперь ни милости, ни расправы и т. д. Разумѣется, такіа рѣчи не оставались безъ вліянія на людей часого выдавшихъ Волинскаго, между которыми былъ и Еропкинь.

Еропкинь и его пріятели не были, конечно, заговорщиками и не составляли какой-либо партіи въ нынѣшнемъ значеніи этого слова; но, сходные въ своихъ понятіяхъ, они естественно тѣснѣе сближались между собою чѣмъ съ людьми иныхъ воззрѣній, и не прочь были увеличить свой кружокъ новымъ пріятелемъ. Признанія Миктерова сначала смущали Еропкина. Миктеровъ показался ему подозрительнымъ; но онъ не могъ не выразить нѣкотораго участія къ этой жизни, такъ жестоко надломленной въ самомъ цвѣтѣ, и позволилъ нашему искателю приключеній бывать иногда у себя. Затѣмъ, убѣдившись что Миктеровъ является къ нему не для согладайтства, онъ началъ обходиться съ нимъ безъ чиновъ и опасливости, и узнавъ однажды что онъ нуждается въ деньгахъ, вызвался дать ему работу, именно переписать нѣчто, какъ онъ объявлялъ, секретное.

Миктеровъ былъ въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему предложенія. Кромѣ надежды заработать что-нибудь, онъ видѣлъ въ

довѣренной ему тайнѣ начало связи съ сильными, вліятельными людьми.

— Чтѣ Ушаковъ! разсуждалъ онъ, увлекаясь и надеждами и честолюбіемъ, — вотъ люди которымъ можно послужить!

Рукопись переданная ему Еролкинымъ для переписки была не чтѣ иное какъ взятый будто бы изъ Полоцкихъ лѣтописей разказъ о какомъ-то небываломъ Полоцкомъ князѣ Борисѣ, женившемся за красоту и „остраго смысла ради“ на дочери Померанскаго князя, лапежской вѣры, Святохнѣ. Святохна будто бы привела съ собою въ Полоцкъ много Поморянъ, стала жаловать ихъ чинами великими, пораздавала имъ волости въ управленіе, а всѣхъ туземцевъ и даже пасынковъ князя разогнала во всѣ стороны. Когда Борисъ хотѣлъ было потомъ призвать олять этихъ пасынковъ на княженіе, княгиня, сдѣлавъ доносъ, требовала казни своихъ враговъ, и сколько ни говорилъ въ защиту свою одинъ изъ друзей этихъ пасынковъ, Добрыня, что княгиня и совѣтники ея, злодѣйствуя невинно людей губять, города разоряють, народъ грабять, предѣлы пустошатъ „повсѣе имъ оное есть не свое,“ — кончилось тѣмъ что Поморяне убили Добрыню и только впоследствии, когда сынъ одного изъ вельможъ воззвалъ къ народу „постоять за землю Русскую, не давать пришельцамъ обладать собою“ — народъ наконецъ возсталъ, посадилъ княгиню въ заточеніе, а Поморянъ перебилъ.

Принимая разказъ этотъ даже за чисто историческій фактъ, какъ онъ и дѣйствительно былъ принятъ Татищевымъ, невозможно было не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ какъ бы намековъ на настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи. Читая и переписывая рукопись, Миктеровъ сталъ яснѣе понимать положеніе Еролкина, его мысли и мысли всего его кружка. Отъ этого кружка повѣяло на нашего искателя приключеній временами прошедшими, Торбеевскими, Долгоруковскими, временами надеждъ и тревоженій, временами политическихъ замысловъ. Онъ привскакивалъ иногда на лавкѣ, бросалъ перо и принимался съ восторгомъ читать Машѣ и теткѣ рукопись, добавляя ее собственными комментаріями, и слушательницы его боялись даже слушать, — такъ все написанное казалось имъ сходно съ настоящимъ.

Разумѣется все это дѣлалось въ отсутствіе Тишина, часто отлучавшагося изъ дому; когда же Осиль Кондратьевичъ возвращался, то бумаги тщательно прибирались и ему было изъ

вѣстно только что Миктеровъ что-то переписываетъ по заказу академиковъ.

— Все это пустое дѣло, говаривалъ онъ и рассуждалъ про себя:

— Силой, силой вовлечь его надо! возвращался Тихивъ къ своей мысли о необходимости службы для Миктерова, — а чѣмъ не служба у Андрея Ивановича!... Но насквозь прожженный сыщикъ никакъ не подозрѣвалъ что близко, такъ близко отъ него зрѣтъ нѣчто такое отъ чего содрогнулся бы не только онъ, но и самъ Андрей Ивановичъ, что въ самомъ домѣ его, Тихина, Миктеровъ злонамѣренные замыслы свои въ дѣйство производить, да еще и большіе производить можетъ, связавшись съ опаснѣйшимъ, какъ мы увидимъ дальше, обществомъ Волынскаго!...

VIII.

Волынскій, человекъ несомнѣнно даровитый, пользовался въ это время большимъ кредитомъ. Онъ испросилъ у государыни дозволеніе представить ей свои соображенія по положенію дѣлъ въ государствѣ и оканчивалъ съ этой цѣлью трудъ, который онъ озаглавилъ: „Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ.“ Здѣсь шла рѣчь и объ укрѣпленіи границъ, и объ арміи, и о церковныхъ чинахъ, о шляхетствѣ, кулечествѣ, правосудіи, экономіи. Секретарь иностранной коллегіи Де-ла-Суда сидѣлъ у него въ домѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ уже дней занимаясь исправленіемъ подробностей его труда, и нѣкоторыя части онаго были уже совершенно отдѣланы. Вполнѣ довольный имъ, Волынскій пригласилъ однажды своихъ пріятелей пріѣхать вечеромъ, послушать нѣкоторыя выдержки. Онъ торжествовалъ заранѣе.

Однако утромъ назначеннаго для чтенія дня Волынскій возвратился изъ дворца чѣмъ-то недовольный. Проговорилась ли онъ тамъ какъ-нибудь на радостяхъ о нѣкоторыхъ своихъ соображеніяхъ, которыя не понравились государынѣ, намекнула ли она ему на что-нибудь непріятное, — только вернувшись изъ дворца, былъ онъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Вотъ гнѣвается иногда и самъ не знаю за что! Надобно ей судъ съ грозой и съ милостію имѣть, сердито рассуждалъ

Волыньскій; — ничто такъ въ государствѣ не худо, ежели не постоянно, а въ государяхъ, — ежели бываетъ скрытность.

Старый доверенный слуга Волыньскаго, Кубанецъ, свидѣтель раздраженія своего барина, помялся, помялся, да и рѣшился спросить у него:

— Аль что приключилось, батюшка Артемій Петровичъ?

— Нынѣ намъ пришло житье хуже собаки, отвѣчалъ Волыньскій со сдержанною злобой. И гнѣва не сказавъ своего причины, прибѣгаютъ хлыстомъ, а потомъ приманяютъ кускомъ.. Надобно ласкаться, ласкаться надобно, Кубанецъ!..

Все въ домѣ замолкло и притихло вокругъ, едва лишь слухъ о дурномъ расположеніи духа хозяина успѣлъ пробѣжать по дому, а слухъ этотъ распространился прежде еще нежели Кубанецъ вступилъ въ вышеприведенный разговоръ. Уже адъютантъ Родіоновъ успѣлъ всѣмъ разказать какъ ругался Волыньскій, когда, уѣзжая изъ дворца и съгоряча не попадая долго въ рукавъ шубы, училъ его, Родіонова, какъ слѣдуетъ подавать шубы. Успѣлъ и выѣздной кучеръ разказать въ людской о полученномъ имъ на спинѣ собственноручномъ мнистра указаніи касательно какихъ-то замѣченныхъ имъ недостатковъ въ выѣздкѣ красивыхъ неаполитанскихъ жеребцовъ. Имѣлъ кое-что наконецъ сообщить и секретарь Гладковъ, подвернувшійся съ перелисанными набѣло какими-то бумагами, полетѣвшими ему прямо въ лицо. Все что могло спрятаться, спряталось и скрылось, а населеніе дома было большое, — однихъ дворовыхъ людей считалось человекъ 60, русскаго, польскаго, шведскаго, турецкаго, персидскаго, камицкаго, бухарскаго и даже индійскаго происхожденія. Оставались въ своихъ комнатахъ и не показывались на глаза отцу даже двѣ дочери и сынъ Артемія Петровича. Лакеи въ лесочнаго цвѣта дивреяхъ, красныхъ камзолахъ и красныхъ желанталонахъ съ серебряными лозументами, дрожали всѣмъ тѣломъ, но не смѣли ни на минуту оставить своихъ постовъ.

Расхаживая по комнатамъ обширнаго своего дома, Волыньскій даже досадовалъ что не къ чему было ему придраться, не на чемъ было сорвать сердце. Все было въ порядкѣ. Стулья, столы, кресла, канале съ подушками и безъ подушекъ разставлены были какъ по рисунку. Ни одна изъ большой коллекціи писанныхъ на полотнѣ картинъ, между которыми красовались портреты Петра Великаго, Анны Іоанновны и Бирона, не висѣла криво на стѣнѣ, и ни лыинки не было замѣтно на красномъ

атласъ и другихъ шелковыхъ персидскихъ матерiяхъ которыми обиты были эти стѣны. Развѣшанныя повсюду, болѣе 20 большихъ и малыхъ зеркалъ, въ золотыхъ и орѣховыхъ рамахъ, отражали съ отчетливостiю серебряныя, золотыя и драгоценныя вещицы разложенныя на полкахъ; блестяи ризы образовъ и кресты въ кіотахъ. Ни одинъ ремешекъ, ни одна пряжка не повернулась на висѣвшихъ гирляндами приборахъ сбруи и рѣдкаго оружія. Придаться было рѣшительно не къ чему; но грозѣ впрочемъ суждено было вообще продолжаться на этотъ разъ не долго. Обѣдъ и послѣобѣденный сонъ на двухъ луховикахъ и трехъ подушкахъ значительно услокоили Воыинскаго. Когда же вечеромъ съѣхались къ нему своиственники его: Хрущевъ, Еролкинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Соймоновъ, князь Черкасскій и другіе, то уже узнать его было нельзя,—такъ сдѣлался онъ разговорчивъ, милъ и любезенъ.

Сидя въ темномъ гарнитуровомъ камзолѣ, атласномъ кафтанѣ и ланталонахъ, онъ весело похлопывалъ пальцами по табатеркѣ и иногда смѣялся такъ что тряслась массивная золотая цѣль часовъ на его довольно полномъ животѣ; онъ предвкусалъ удовольствіе прочесть свое произведеніе собравшимся пріятелямъ.

— На перо свое надѣюсь, говорилъ онъ, потирая руки,—надѣюсь. Эй! Гладкова позвать!

— И съ чего ты, Артемій Петровичъ, такъ писать гораздъ? замѣтилъ ему Мусинъ-Пушкинъ.

— О политикахъ придворныхъ, отвѣчалъ Воыинскій, начался въ книгѣ... Принеси бѣловую,—обратился онъ къ вошедшему секретарю,—ту что Суда смотрѣлъ; да не смѣшай! У тебя вѣдь въ головѣ что навозу въ конюшнѣ, ну!... О политикахъ придворныхъ, продолжалъ онъ, въ книгѣ *Ковачъ* начался.

— *Ковачъ!* повторилъ про себя Соймоновъ, какъ бы затверживая названіе;—а то намеренно говорилъ еще... *Макьяве...*

— А! *Макьявелева* книга есть у меня, да не читалъ, замѣтилъ Воыинскій.

— Вотъ, Артемій Петровичъ, вступился Хрущевъ, воспитывавшійся когда-то за границей и имѣвшій замѣчательное, по тогдашнему времени, собраніе книгъ и рукописей: вѣдь прошу тебя сколько времени Юста-то Лилсіа по-русски для списанія мнѣ дать, ахъ все вѣтъ....

— Экъ захотѣлъ! засмѣялся Воыинскій; самъ съ превели-

кимъ трудомъ отъ Алраксина досталъ; проси вонъ у Черкаскаго.

— По-латыни у меня, по-латыни, тихо отозвался молчаливый Черкасскій.

— Глупецъ! закричалъ вдругъ звонкимъ голосомъ Артемій Петровичъ, прервавъ мирный разговоръ и обротившись къ секретарю, подававшему ему бумаги;—летьми тебя стегать надобно! Что принесъ? Вонъ! крапивное сѣмя! На столъ, по-ди, на моему.... или мнѣ бить тебя? ну?

— Горячъ! замѣтилъ Мусинъ-Пушкинъ, смотря вслѣдъ вылетѣвшему изъ комнаты какъ птица секретарю.

— Ту книгу Липсіа,—возобновилъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, разговоръ Вольтинскій,—не вынѣшнимъ временемъ читать. Въ ней женскій полъ, Мессалина, да Клеопатра, хотя и веселое лицо кажутъ, но и гнѣвъ въ сердцѣ таятъ; а этого у насъ, гм....

Артемій Петровичъ многозначительно остановился и посмотрѣлъ вокругъ.

Ожидаемая рукопись была между тѣмъ принесена. Вольтинскій высалъ вонъ секретаря, придвинулся къ столу, откашлянулся и началъ:

„Предисловіе... Почтенные и превосходительные господа! По должности моей, яко кабинетъ-министръ, елико усмотрѣлъ къ пользѣ государственной, и для того къ поправленію внутреннихъ государственныхъ порядковъ, сочинилъ свое разсужденіе съ явными своими объявленіями и доказательствами что къ явной государственной пользѣ касается; и ежели не школастическимъ стилемъ и не риторическимъ порядкомъ въ расположеніи въ томъ своемъ сочиненіи главъ написалъ, въ томъ бы меня не предосуждали, того ради что я въ школахъ не бывалъ и не обращался. Я съ молодыхъ лѣтъ всегда въ военной службѣ, въ которой всѣ свои лѣта проводилъ, и для того, какъ неученый человѣкъ, писалъ все безъ надлежащихъ школьныхъ регулъ, по своему разсужденію; а разсудилось мнѣ зачать писать съ кабинета, гдѣ самъ я присутствую, а потомъ и о прочихъ государственныхъ дѣлахъ и управленіяхъ; и ежели вы, господа почтенныя, усмотрите сверхъ что къ изъясненію и къ дополненію, прошу въ томъ потрудиться, и я на резонабельное буду склоненъ, и сердиться и досадовать за то не стану.“

— Книга будетъ лучше Телемаковой, сказалъ Хрущевъ.

— Знатно написалъ ты тутъ о „явныхъ объявленіяхъ“, замѣтилъ кто-то.

— Не графомъ же Остерманомъ мнѣ быть! самодовольно возразилъ Волинскій;—онъ одинъ безъ закрытія ничего никому не объявить; женѣ своей безъ закрытія не скажетъ,—прибавилъ онъ улыбувшись.

Послѣднее замѣчаніе понравилось всѣмъ; засмѣялись.

— Да нынѣ и онъ съ ходу сбить,—продолжалъ Артемій Петровичъ;—не только проходы не осталось, ни на сгуль, ни на переступь попасть не умѣеть.

Шталмейстерское выраженіе это, въ примѣненіи къ Остерману, еще болѣе насмѣшило всѣхъ; но Волинскій приступилъ къ чтенію; опять водворилась тишина и три главы проекта были прочтены безъ всякихъ перерывовъ.

Прошло часа полтора. Ни въ комъ не замѣтно еще было признаковъ утомленія, когда Артемій Петровичъ счелъ нужнымъ остановиться и, закрывъ рукопись, хлопнуть по ней рукой, какъ бы говоря тѣмъ что больше читать онъ сегодня не станетъ.

Начались разговоры. Критическихъ возраженій не было, лишь кое-кто сдѣлалъ замѣчаніе касательно краткаго обзорѣнія исторіи, служившаго вступленіемъ къ проекту. Спрашивали: отчего вылучены царствованіе Петра II и Екатерины, называли Иоанна Грознаго тираномъ и т. п. Да и не нужно было никакихъ замѣчаній автору: онъ самъ оставался такъ доволенъ своимъ произведеніемъ что кромѣ похвалъ ничего не требовалъ, а похвалы расточались настолько, насколько каждый умѣлъ сказать что-нибудь лестное.

— Вотъ знатно было бы разсужденіе сіе въ Парижъ къ Кантемиру послать! Чтò-то скажетъ? Онъ писать и самъ гораздъ, говорилъ Волинскій.

— Остерманъ не допустить, замѣтилъ Соимоновъ.

— Остерману сего и вѣдать не надлежитъ; въ народѣ сперва, въ народѣ разгласить надобно! воодушевлялся Волинскій.

Еропкинь, вспомнивъ слышанное отъ Миктерова, кстаті разказалъ какъ поговариваютъ о Нѣмцахъ. Кто вздыхая спрашивалъ: долго ли еще Богъ потерпитъ? Кто замѣчалъ что нынѣшнее житіе противъ прежняго въ десятеро опаснѣе стало; кто говорилъ о непостоянствѣ „нѣккой особы“, о томъ какъ „нѣкоторые люди“ государыню въ сомнѣніе приводятъ, о безчеловѣчныхъ поступкахъ этихъ людей и т. д. Даже мол-

чашивый Черкасскій, вспомнивъ нѣкія слова—„Богъ де тебя не оставитъ и я, пока жива, тебя не оставлю“,—ропталъ и жаловался на безвинную ссылку своего племянника.

Волынскій былъ такъ доволенъ и разговоромъ и вообще впечатлѣніемъ которое произвело на общество чтеніе его разсужденія, что когда, поздно вечеромъ, въ комнату гдѣ сидѣли всѣ за ужиномъ, прибѣжалъ проститься съ нимъ его сыншкѣ, на глазахъ Артемія Петровича навернулись даже слезы; онъ взялъ за плечо мальчугана и сказалъ:

— Счастливъ ты, сынъ, будешь что такого отца имѣешь!

А позднѣе еще, когда уже всѣ развѣхались, раздѣваясь, онъ говорилъ Кубанцу:

— Надобно, когда счастье плыветъ, не только руками, но и ртомъ хватать и въ себя глотать!

И растопыривая пальцы, и раскрывая ротъ, представлялъ какъ онъ счастье это хватаетъ и зубами, и руками.

На другой день, рано утромъ, Волынскій рылся долго въ календарѣ, справляясь о лѣтахъ герцога Голштинскаго и рисовалъ для чего-то родословное дерево, смотря на списки своихъ родословныхъ книгъ. Видно было что какая-то новая мысль пришла ему въ голову.

Кубанецъ засталъ его сидящимъ въ задумчивости, и на вопросъ его: что такъ печаленъ? Артемій Петровичъ только покачалъ головой.

— Смотрю все на нашу систему, сказалъ онъ;—ой, система, система! Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ; ни на что не смотрятъ и имъ все даромъ. Нѣтъ, польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего боится!

— То о республикѣ изволите говорить? замѣтилъ Кубанецъ вопросительно, но Волынскій ничего на это не отвѣтилъ, вышелъ въ другую комнату и приказалъ послать за Еролкинымъ.

Зная характеръ своего господина, Кубанецъ не пытался уже предлагать новыхъ вопросовъ, ожидая что самъ Волынскій скажетъ, если и въ самомъ дѣлѣ что новое замыслилъ.

Дѣйствительно, прошло немного времени, Артемій Петровичъ досталъ изъ какого-то ящика старую, заржавленную саблю и положилъ ее на столъ.

— Въдаешь ты откуда эта сабля? обратился онъ къ слугѣ.

— Нѣтъ.

— Съ Куликовой битвы, внушительно сказалъ Волынскій;—

а мнѣ досталась отъ родоначальника фамиліи нашей, Воынца. Фамилія древняя!

— Кто же тотъ Воынецъ былъ? вкрадчиво спросилъ Кубанецъ, видя что предлагать вопросы было уже въ настоящее время можно.

— Воынецъ? повторилъ Артемій Петровичъ, — Воынецъ родоначальникъ мой, а жена его родная сестра Дмитрія Домскаго была, чѣмъ Мамаю на Куликовомъ полѣ любилъ.

— А-а? удивился Кубанецъ.

— Романовыхъ родъ пресечется... продолжалъ таинственно Воынский—преемники мои наследниками престола быть могутъ, ха, ха!

— А-а? еще болѣе удивился Кубанецъ.—Что же давеча въ экскузаціи своей о польской-то республикѣ говорить изволили? прибавилъ онъ.

— Молчи! громко сказалъ Воынский, — такъ надобно; это для прикрытія своего дурнаго...

— А разсужденіе чѣмъ писать изволили, знать....

— Молчи! повторилъ Артемій Петровичъ, погрозивъ пальцемъ, и на этомъ словѣ разговоръ ихъ былъ прерванъ пріѣздомъ Еропкина.

Отведя въ сторону гостя, Воынский сталъ объяснять ему что желалъ бы чтобы онъ нарисовалъ ему родословное дерево съ картиной, какъ то было сдѣлано у Шереметева и чтобы сочинилъ надписи къ саблѣ, которую хотѣлось ему будто бы оставить дѣтямъ въ память участія ихъ предка въ Куликовской битвѣ.

Начали совѣтоваться о рисункѣ: какъ изобразить Воынца, гдѣ поставить супругу его, Московскую княжну; должна ли она указывать на него перстомъ, или же нарисовать предка просто внизу въ латахъ. Все это было лока ничего; но Еропкинъ разинулъ просто ротъ и не могъ придти въ себя отъ удивленія, когда Артемій Петровичъ, поговоривъ о родословномъ деревѣ, попросилъ его наконецъ нарисовать вверху московскій гербъ, обѣщая прислать для этого оттискъ кабинетской печати.

— Гербъ? повторилъ было Еропкинъ, пораженный, — кабинетская печать?

— Ну, да, императорская, сказала твердо Воынский.—Или ты въ свойствѣ меня почитать не хочешь?

Стоило только взглянуть на блестяшіе въ это время гла-

за говорившаго чтобы понять до какой степени всякое возраженіе было бы неумѣстно. Еропкинь и не возражалъ. Осклабившись, онъ молча сталъ собирать бумаги.

— Не вѣдаю къ чему меня Богъ ведетъ, раздумчиво сказалъ Воляинскій прощаясь, — къ худу или къ добру. И чрезъ то мнѣ быть очень велику, или ужь пропасть...

Черезъ нѣсколько дней, Миктеровъ, зайдя къ Еропкину, засталъ его за рисункомъ родословнаго дерева и въ большомъ неудовольствіи на студента академіи Теллова, обѣщавшаго ему помочь выписками послѣдованія потомковъ Волянца изъ родословной книги и до сей поры обѣщанія своего не исполнившаго.

Тотчасъ же предложивъ свои услуги, Миктеровъ получалъ бумаги и удалялся съ тѣмъ чтобы окончить въ возможной скорости заданную работу.

IX.

Какъ нарочно, въ тотъ день какъ Миктеровъ, придя къ Тишинымъ съ бумагами въ рукахъ, собрался писать, Осиль Кондратьевичъ, всегда отлучавшійся куда-то до обѣда, остался дома.

Уже пообѣдали, уопѣли все и со стола прибрать, женщины взялись за иголки, а Осиль Кондратьевичъ все-таки не уходилъ. Увидалъ ли онъ какое смущеніе въ домашнихъ, показалось ли ему что бумаги принесенныя Миктеровымъ не тѣ которыя видѣлъ онъ прежде, только въ немъ ясно обнаруживались признаки безлокойства и желанія заглянуть въ лежавшіе на столѣ листы.

Замѣтивъ это, Миктеровъ, съ своей стороны, всякій разъ съ приближеніемъ Осила Кондратьевича, то начиналъ перелистывать тетрадь, то прикрывалъ ее рукой, то, отложивъ все въ сторону, будто отдыхалъ. Но чѣмъ чаще повторялись этипродѣлки, тѣмъ любопытнѣе, казалось, становился Тишинъ.

— Деньги стало тебѣ за писаніе-то даютъ? Слѣшная знать работа кому, коли ужь управиться не въ силу? Усталъ знать? Гм! и устать пора! подвѣзжалъ Осиль Кондратьевичъ, и съ той, и съ другой стороны, видя что Миктеровъ складываетъ наконецъ все въ кучу, разчитывая окончить работу въ другой разъ.

— Домой чай теперъ пойдешь? Гм! Спряталъ бы два-то. Я бѣ имъ и мѣсто нашель, попытался онъ спросить еще.

На всѣ эти рѣчи коротко и уклончиво отвѣчалъ Миктеровъ и можетъ-быть отвѣтами своими успокоилъ бы какъ-нибудь Тишина, какъ вдругъ послышался шумъ трещетки, вать, крикъ на улицѣ: пожаръ!

Осиль Кондратьевичъ выбѣжалъ олрометью изъ комнаты. За нимъ послѣдовали Миктеровъ, Маша, а перелуганная тетка, помня еще ужасы московскаго пожара, засуетилась по комнатамъ, не зная за что схватиться.

Подбѣжавъ къ окну, она старалась разсмотрѣть съ которой стороны грозилъ опасность, близко ли, далеко, былъ ли виднѣнъ дымъ, бросалась на колѣна предъ образами и, совершенно потерянная, едва успѣла, собравъ наскоро брошенные Миктеровымъ бумаги, догадаться спрятать ихъ въ стоявшій подъ лавкой сундукъ, какъ дверь съ шумомъ вдругъ отворилась и запыхавшійся Осиль Кондратьевичъ прямо подбѣжалъ къ столу.

— Куда жь бумаги дѣвались? кто взялъ? закричалъ онъ.

— Горимъ что ли, горимъ? жалобнымъ голосомъ спрашивала, не отвѣчая на вопросъ его, сестра.

— Бумаги кто взялъ? грозно и безъ малѣйшей хрилоты на этотъ разъ повторилъ Тишинъ.

— Гдѣ огонь-отъ, пожаръ-отъ? Господи! наказалъ ты насъ грѣшныхъ, ахъ Господи! плакала, бѣгая во всѣ углы, тетка.

— Схоронила? Ты, старая, схоронила! прошилъ Осиль Кондратьевичъ,—и схвативъ вдругъ сестру за воротъ, встряхнулъ ее рукой.

— Ай! Разбойникъ! закричала тетка, испуганная неожиданнымъ пріемомъ и страшнымъ видомъ брата. — Тебѣ на что? луси! разбойникъ, ай!

— Куда схоронила, говори? За-ду-шу! шилъ Тишинъ, стягивая воротъ рубашки сестры и въ самомъ дѣлѣ останавливая ей дыханіе.

— Пу-сти! разбойникъ! не скажу! М.....а.....ш, за....ду....шить, онъ задушить! захлебываясь едва произносила несчастная женщина.

— Скажешь! проговорилъ наконецъ Осиль Кондратьевичъ, выпустивъ вдругъ свою жертву и приступивъ къ ней ближе,—скажешь!

— Разбойникъ! аль суда на тебя нѣтъ! аль креста не во-

силь? закричала было высвободившись тетка. Но на этомъ словѣ послышался звонкій ударъ плещины; какъ съопъ свалилась старуха на полъ и затѣмъ разобрать ничего уже было нельзя. Возня, глухіе удары, крикъ, стоны, отрывочныя слова: убью! убилъ! разбойникъ! тамъ! смилуйся! гдѣ? и пр.

Еще немного, и Тишинъ добьется своего. Не въ силахъ будучи терпѣть долѣе огорченныхъ побоевъ, тетка начала уже просить пощады и обѣщала сказать. Еще немного, еще нѣсколько ударовъ,—и она скажетъ все.

Осиль Кондратьевичъ не ожидалъ конечно со стороны сестры той стойкости и упрямства какія она показала, но во всякомъ случаѣ пріемъ употребленный имъ былъ самый вѣрный. Искать ему самому по всѣмъ угламъ, сундукамъ и ящикамъ спрятанныхъ бумагъ было трудно, оставленная въ такомъ случаѣ на свободѣ, старуха могла бы еще пожалуй какъ-нибудь извѣстить кого слѣдуетъ о его поискахъ и этимъ испортить все дѣло; старуху услѣдетъ онъ еще настращать, чтобы тайна была сохранена, а ко времени возвращенія дочери и Миктерова, она можетъ еще и оправиться. Скорого возвращенія ихъ ожидать было нельзя. Своими глазами видѣлъ онъ какъ они побѣжали за всѣми туда гдѣ кричали пожаръ, ко дворцу, и въ то время какъ онъ, повернувъ въ переулочъ, возвратился домой, имъ въ пору бы только было дойти до пожара; а сколько времени еще тамъ они проболтаются? сколько времени надо чтобы оттуда вернуться?...

— Въ сундукѣ? Въ какомъ сундукѣ? говори! продолжалъ шилтъ Тишинъ, приподнимая наконецъ голову и готовый отлупить старуху, — въ какомъ? повторялъ онъ, — скорѣй, говори!...

— Охъ, охъ! стонала тетка. ●

— Ну, разобалась, говори!

— Тамъ.... направо.... направо, подъ лавкой....

— А? вотъ такъ-то бы лучше. Подъ лавкой, а то ишь ты? Подъ лавкой....

Но словомъ этимъ рѣзко оборвалась рѣчь Тишина; дверь отворилась, и на порогѣ показались Миктеровъ и Маша.

Прежде нежели вошедшіе услѣли, опомнившись, разслышать стоны и рассмотреть въ углу, на полу, едва приподнимавшуюся на локтяхъ, простоволосую, съ растреланною одеждой тетку, какъ Тишинъ, не дойдя даже до сундука, стремглавъ исчезъ уже изъ комнаты.

Соображенія его оказались не вѣрными. Мама и Миктеровъ возвратились гораздо ранѣе чѣмъ онъ ожидалъ, ибо пожара никакого не было, ничто нигдѣ не горѣло: звонъ и трещетки были шутка, обманъ, которыми вздумалось во дворцѣ помутить, ради перваго алрѣя. Эта шутка кое-кого насмѣшила, многихъ перелугала и встревожила, и стоила жизни Машиной теткѣ. Неожиданное возвращеніе Миктерова спасло его бумаги, сохранившіяся неприкосновенными въ сундукѣ, но лобои нанесенные старухѣ заставили ее слечь.

О медицинскомъ пособіи въ то время бѣднымъ людямъ нельзя было и думать, да и опасно было прибѣгнуть къ нему въ насюющемъ случаѣ; что отвѣтилъ бы Миктеровъ, еслибы возникъ вопросъ о томъ: кто виновникъ лобоевъ, за что, по какому поводу произведены они? Съ другой стороны домашнія средства оказывались недостаточными. Старухѣ, несмотря на самый тщательный уходъ за нею Маши, и днемъ и ночью, становилось все хуже и хуже.

Осиль Кондратьевичъ явился только на третій день, когда положеніе больной было уже такъ опасно что не давало мѣста никакимъ упрекамъ. Мама, въ отчаяніи и занятая единственно больной, почти не замѣчала присутствія отца, а Миктеровъ, еслибы даже и желалъ, не могъ ничего съ нимъ сдѣлать. И въ самомъ дѣлѣ: жаловаться?—кому? кто выслушалъ бы и повѣрилъ ему? Не была ли драка вещью самою обыкновенною? Да и ему ли, Миктерову, было возбуждать какія-нибудь дѣло-разбирательства? Ему ли было соваться къ властямъ?

Самъ же Тишинъ былъ совершенно спокоенъ и къ сестрѣ не подходилъ, развѣ только такъ, ради косыхъ взглядовъ Миктерова. Если же пришлось бы ему отвѣчать предъ какимъ угодно судомъ, даже Божиимъ, — онъ пожалуй сознался бы въ učinенныхъ имъ лобояхъ, но никогда, ни въ какомъ случаѣ не считалъ бы себя виновникомъ опаснаго положенія сестры своей и тѣмъ менѣе—преступникомъ. Служа высшимъ *штатскимъ* (государственнымъ) интересамъ въ качествѣ агента тайной канцеляріи, вся практика которой основана была на изтязаніяхъ, — могъ ли упрекнуть себя въ чемъ-нибудь Осиль Кондратьевичъ? Могъ ли поставить онъ себя въ вину какіе-нибудь ничтожныя лобои, въ виду той важной можетъ-быть тайны которая могла ему достаться и касалась можетъ-быть важнаго государева дѣла?

Проболѣвъ дней семь, тетка скончалась. Болѣзненный и

старческий видъ ея отклонилъ всякое подозрѣніе насильственной смерти. Пригласили священника, похоронили старуху, и всѣ концы были спрятаны.

— Ну, Осипъ Кондратьевичъ, придетъ время, говорилъ Миктеровъ, продолжая ожидать чего-то отъ новаго своего знакомства съ Еропкинымъ, — разочтемся тогда! Однако ты и то помни что намъ съ тобой еще въ согласіи быть надлежитъ, а не то... жалѣть мнѣ, какъ вѣдаешь, некого: себя погублю, да и тебѣ не сдобровать!

— Ахъ ты! Ахъ ты Господи! до чего дожилъ я? стиснувъ зубы, думалъ, слушая такія рѣчи, Тишинъ, не мѣняясь впрочемъ въ лицѣ и сохраняя невозмутимое спокойствіе.

— Жизнь мою завѣлъ проклятый, погоди! Самому мнѣ тебя погубить удачи нѣтъ, — найдемъ кого, пріятелю есть. Безъ покрышки тебя похоронятъ, — погоди, дай время! Вспоминался Осипу Кондратьевичу Гвоздевъ, человекъ на такой случай полезный, и что-то въ родѣ любви которую показывалъ этотъ Гвоздевъ къ его дочери и которою можно было воспользоваться; надоѣлъ ему, душилъ его Миктеровъ! Еще немного, и если не прищется другаго способа, онъ рискнетъ, кажется, самъ выдать своего врага, хотя бы и съ опасностію собственною, хотя бы съ объявленіемъ всѣхъ своихъ тайнъ! — Все равно, — спокоемъ нѣтъ, спокоемъ нѣтъ!

Х.

Въ Петергофѣ назначена была охота на кабановъ.

Тамъ, на берегу Финскаго залива, земля пожалованная Меншикову давно уже обращена была въ менажерію, гдѣ содержались присылаемые изъ всѣхъ концовъ государства разнообразности животнаго царства, которыми хвасталась Россія, — бобры, леопарды, барсы, тигры, росомахи, соболи, сайги, зубры, дикія лошади, козы, лоси и т. д. Кабаны содержались особо, а на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго Дворца, находилось еще высокое, въ три окна съ лѣчами и выстулами, зданіе, выстроенное для присланнаго изъ Персіи слона. Постулившая подъ главное завѣдываніе Волынскаго, охота приняла размѣры дѣла государственнаго. О количествѣ улова звѣрей приказано было губернаторамъ два раза въ годъ доносить сенату.

Въ настоящемъ случаѣ оберъ-егермейстеръ превзошелъ се-

бя. Онъ самъ прѣѣхалъ взглянуть на окончательныя работы. На устроенномъ недалекомъ отъ звѣридца возвышеніи, въ полторы сажени вышины, въ видѣ террасы, названномъ „темпелемъ“, обшивали сукномъ лѣстницу; недалекомъ убрали еловыми вѣтвями четыре восьмиугольные домика, служившіе сборнымъ мѣстомъ для охотниковъ; на аренѣ, предъ „темпелемъ“ исправляли палисадъ, которымъ она была обнесена, чинили натянутое на немъ полотно, мели и чистили дорожки. Надо было взглянуть и на привезенныхъ въ большихъ ящикахъ звѣрей назначенныхъ къ травлѣ; надлежало наблюсти собрались ли логонщики, принесены ли и въ какомъ видѣ ружья, рогатины. Дѣла было много и во всемъ требовались отчетливость и порядокъ, ибо государыня на охоту и стрѣльбу смотрѣла серьезно и сама въ дѣлѣ этомъ была мастерица. Она была изъ окна въ летѣ воронъ и ласточекъ; на устраиваемыхъ состязаніяхъ для стрѣлковъ, которымъ раздавался въ награду золотыя кольца, алмазные перстни и т. л., искусѣе всѣхъ оказывалась олять-таки почти всегда она: на стѣнѣ Голландскаго Домика, у камина, сохранились, говорятъ, и до сихъ поръ слѣды лули пущенной ею въ оленя, забѣжавшаго какъ-то изъ звѣридца въ садъ Монлезюра и настигнутого тамъ государыней верхомъ.... Окинувъ всѣ работы огненнымъ взоромъ, Волынской послѣдшилъ назадъ чтобы сопровождать государыню.

Въ десятомъ часу тронулась изъ дворца царская коляска, съ круглыми узорчатыми боками, запряженная цугомъ въ шесть лошадей, съ двумя огромными гайдуками на запяткахъ и высокимъ кучеромъ съ длиннымъ бичомъ на козлахъ. По сторонамъ ѣхало нѣсколько придворныхъ верхомъ, впереди шли лѣшкомъ трубачи и скороходы. Открытый верхъ коляски позволялъ видѣть почти всю фигуру сидящихъ въ ней особъ. Государыня сидѣла на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ нею принцесса Анна, а насупротивъ—Волынской, безъ шляпы, держа въ рукахъ любимое, дорогое ружье императрицы.

За коляской государыни ѣхала коляска герцога, съ гербами, на которыхъ красовались корона, мантия, львы, олеи и шифръ Августа III. Герцогская свита окружала его; затѣмъ слѣдовало еще множество экипажей, ибо на охоту собирались и охотники и не охотники, даже дамы изъ посольства, не бравшія никогда ружья въ руки, и простые зрители изъ придворныхъ. Длинный и безъ того поѣздъ, удлинялся еще болѣе цуговою упряжкой каретъ и колясокъ.

Всѣ участвующіе на охотѣ расположились полукругомъ предъ „темлеемъ“ съ рогатинами или ружьями въ рукахъ, а зрители въ особо устроенномъ амфитеатрѣ.

Императрица вступила на подмости, и по данному сигналу кабанъ вылуцезъ изъ ящика. Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ вслушиваются въ голоса и шумъ логонщиковъ, старающихся направить его къ указанному мѣсту. Шумъ этотъ раздавался долго, то съ одной стороны, то съ другой, раздражая нетерпѣливыхъ охотниковъ. Вотъ голоса приближаются; вотъ мало-по-малу смокаютъ; уже слышится только шопотъ и тяжелый салъ утомленнаго звѣря, и вдали показывается разъяренный кабанъ. Онъ бѣжитъ прямо на расположенныхъ полукругомъ охотниковъ, ближе, ближе,—зрителю дрогнули! Еще минута,—ружья и рогатины у всѣхъ наготовѣ; но выстрѣлъ съ „темлея“ прогремѣлъ, и перевернувшись, падаетъ убитый кабанъ. Въ тотъ же моментъ раздаются побѣдные звуки трубачей. Кучей столпились около издыхающаго звѣря охотники. Пріятно улыбаясь, кланяется государыня, отвѣчая на привѣтствіе зрителей. Она обернулась направо, обернулась налево.... Но что это? Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ нея, подъ стуломъ, возлѣ самой баллюстрады, лежитъ какая-то бумага, письмо!

Слѣдующій за глазами императрицы, Биронъ нагибается чтобы поднять его, и, не дождавшись ея приказанія, распечатываетъ,—письмо написано по-русски; онъ плохо разбираетъ; государыня беретъ изъ рукъ его толстую бумагу, вглядывается, брови ея сдвинулись, лицо нахмурилось.

— Опять подметное! Андрею Ивановичу! говоритъ она, передавая письмо, и медленно сходитъ со стуленекъ „темлея“.

Еслибы кому захотѣлось познакомиться съ выраженіемъ лица герцога въ тѣ минуты когда душа его была неспокойна, когда закрадывались въ нее мысли о мищеніи или подозрѣніи въ чьихъ-либо козняхъ, то взглянуть на него слѣдовало бы именно теперь. Подозрѣвать козни въ настоящемъ случаѣ былъ онъ въ полномъ правѣ; доказательство держалъ онъ въ рукахъ,—это письмо, въ которомъ ему удалось хоть вскользь замѣтить свое имя, и которое такъ измѣннически положено было тамъ гдѣ государыня должна была увидеть его непременно и, можетъ-быть, прочесть. Страшны были и его надменный, сухой взглядъ, и выдвинутыя впередъ губы, и гордо

закинутая назадъ фигура! Проводивъ государыню, герцогъ пошелъ по аллеѣ, по тому направленію гдѣ думалъ найти Ушакова, чтобы передать ему приказаніе императрицы.

— Завтра въ обѣдню пожалуйте... сказалъ герцогъ, встрѣтивъ Ушакова.

— Къ вамъ, свѣтлѣйшій герцогъ? спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Ну да! отвѣтилъ Биронъ.—Измѣнники! злобно улыбаясь, постукивалъ онъ пальцемъ по бумагѣ.—Старый дѣло, прошанъ время! прибавилъ онъ, кладя ее въ карманъ и считая приказаніе государыни о передачѣ бумаги Ушакову какъ бы уже исполненнымъ.

— Прочестъ бы надлежало, свѣтлѣйшій герцогъ, попробовалъ-было замѣтить Ушаковъ, съ озабоченнымъ видомъ и наклонясь къ нему.

— Завтра! коротко отвѣчалъ Биронъ, кивнувъ головой, и удалился къ экипажу.

XI.

На другой день, въ воскресенье, герцогъ, не имѣвшій обрядовенія ходить въ церковь,—въ чемъ и упрекали его современники,—сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ большихъ креслахъ, въ спальномъ платьѣ, и кушалъ кофе, —напитокъ бывшій тогда въ модѣ и во всякое время дня употреблявшійся.

Вчерашнее письмо давно уже было имъ прочтено съ толкомъ и разстановкой. Мысль мелькнувшая у него въ головѣ касательно сочинителя письма и высказанная слегка Ушакову при первомъ съ нимъ свиданіи не только успѣла въ немъ укрѣпиться съ тѣхъ поръ, но имѣла даже и нѣкоторыя уже послѣдствія.

Еще наканунѣ потребовалось ему почему-то видѣть придворнаго банкира и подручника своего Лилмана, а сегодня рано утромъ являлась уже отъ послѣдняго къ герцогу какая-то таинственная личность, отличавшаяся искусствомъ подмываться подъ всѣ почерки и выгнанная Бирономъ какъ самымъ уже опасное существо.

Одѣвшись и пройдясь по комнатамъ, герцогъ начиналъ выражать признаки нетерпѣнія въ ожиданіи Ушакова.

Плечи его какъ-то подергивались, шаги становились круп-

ше, рѣзко ударяя по полу его каблукъ, и далеко въ сторону отскакивала на поворотахъ торчавшая сзади лента парика. Нѣсколько разъ присаживался онъ на кресло, нѣсколько разъ, подходя къ двери, хотѣлъ, казалось, отдать какое-то приказаніе. Но вотъ наконецъ и Ушаковъ.

Онъ тотчасъ же передалъ ему вчерашнее письмо. Молча и довольно долго читалъ его Ушаковъ. Молчанія этого не нарушалъ Биронъ и только шевелилъ губами, жуя отрываемые отъ лежавшаго предъ нимъ на столѣ листа бумаги неправильные трехугольнички.

— Долгорукіе! сказалъ онъ наконецъ съ разстановкой, когда Ушаковъ, окончивъ чтеніе, положилъ письмо.

— Долгорукіе! повторилъ онъ вылевывая нажеванную бумагу и постукивая пальцемъ по столу. — Это старый дѣло, прошлый время!

— Сего изъ письма знать хотя и не можно.... началъ-было Андрей Ивановичъ.

— Можно, можно! прервалъ Биронъ. — Измѣну, государево дѣло, бунтъ никто не можетъ дѣлать кромѣ Долгорукіи! прибавилъ онъ скороговоркой.

— Ну, а въ народѣ слухи знать они же разносятъ? опустивъ голову, скромно замѣтилъ Ушаковъ.

— Какой слухъ?

— Да вотъ намеренъ, какъ у фельдмаршала Мишиха адъютанта дышлою зашибли....

— Ну?

И Ушаковъ началъ длинный разказъ о толкахъ крестьянъ, слушая который Биронъ былъ въ себя. Онъ вскакивалъ съ мѣста, ходилъ по комнатамъ, все чаще рвалъ, жевалъ и вылевывалъ бумагу.

— И сіе Долгорукіе! Конецъ надлежитъ быть! Надо претексть, только претексть! громко кричалъ онъ. — Нѣмецкіе управители, а? Россійскихъ дворянъ не стало, а? А Русскій? Что Русскій? Рус....скій! вытягивалъ онъ съ презрѣніемъ. — Да! отсѣчь голова только Русскій надлежитъ; претексть, претексть надо!

Но въ эту минуту не представлялось никакого „претекста“, и это еще болѣе бѣсило Бирона, который уже начиналъ наступать на Ушакова, когда неожиданно и съ веселою улыбкой, вызванною очевидно другими впечатлѣніями, вошла государыня.

Герцогъ кинулся къ ней навстрѣчу, и не какъ подданный, не какъ придворный принимающій свою повелительницу, а какъ властелинъ, раздраженный нераспорядительностью своихъ помощниковъ. Бунтъ, измѣна, оласность грозившая престолу, все было представлено герцогомъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

— Долгорукіе, Долгорукіе, повторялъ онъ,—надо ихъ провѣдать, провѣдать ихъ. Они замышляютъ противъ васъ, они не забыли своей власти, а мы? А мы все ничего не дѣлаемъ, мы даже готовы призвать на службу какого-нибудь князя Сергія Григорьевича! намекалъ онъ на выраженное какъ-то о томъ желаніе государыни.—Мы думаемъ о дипломатическихъ способностяхъ его, aber was sind diplomatische Faehigkeiten, wenn der Thron ein solchen Gefahr vor sich hat? Was sind diplomatische Faehigkeiten? горячился герцогъ, и государыня, видя тонъ который прививаетъ разговоръ, поспѣшила удалиться въ соседнія комнаты. Биронъ послѣдовалъ за ней. Ушаковъ счелъ нужнымъ удалиться еще прежде.

Государыня пришла въ свои покои вся въ слезахъ, растерянная, напуганная Бирономъ; но она отстояла на этотъ разъ свою независимость. Долгорукіе оставлены пока въ покоѣ, и дѣло ограничилось именованнымъ указомъ по которому сочинитель безыменнаго письма „о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ до интересовъ государыни относящихся“ приглашался „какъ истинный христіанинъ и вѣрный рабъ, явиться немедленно въ кабинетъ, безъ всякаго оласенія, но подъ угрозой строгаго наказанія, если не послѣдуетъ этому приглашенію.“ Вотъ все что было сдѣлано съ *вѣдома* императрицы; но безъ ея *вѣдома* сдѣлано было многое другое. Биронъ настоялъ на своей мысли „провѣдать Долгорукихъ“, и по указанію Ушакова, отправилъ для этой цѣли Осипа Кондратьевича.

ХІІ.

Извѣстіе объ отъздѣ Тишина произвело въ семьѣ его впечатлѣніе конечно радостное, но разнымъ образомъ выражалась радость эта у Миктерова и у Маши.

Миктеровъ, говоря объ этомъ, какъ-то особенно волновался и, смотря прямо страняыми глазами на Машу, точно задумывалъ привести въ исполненіе нѣчто такое о чемъ онъ прежде и не думалъ.

— Погоди, постой! заживемъ съ тобою, заживемъ! говорилъ Миктеровъ шелотомъ.

— Ахъ! вздыхала Маша.—Развѣ мы телерь-то не живемъ?

— Счастливыѣ будемъ, счастливыѣ.

— Счастливыѣ? переспрашивала она. — Счастье-то около насъ: гдѣ ты, да я,—вотъ и счастье!

Отправляясь въ свою новую командировку, Тишинъ, застигнутый распутицей въ какомъ-то городкѣ, совершенно неожиданно повстрѣчался съ Гвоздевымъ, о которомъ столько разъ вспоминалъ въ послѣднее время.

Пріязнь Тишина съ Гвоздевымъ не шла, конечно, никакъ далѣе той пріязни которую могли питать другъ къ другу два сыщика. Не разказывать же имъ въ самомъ дѣлѣ того что каждый зналъ про себя, не предаваться же изліяніямъ вѣжностей, не проводить же время за лустыми разговорами, въ виду службы въ тайной канцеляріи. Тѣмъ не менѣе однакоже, оба чувствовали взаимную потребность говорить, то-есть не то чтобъ обмѣняться мыслями, но вывѣдать другъ у друга что-либо любопытное и полезное напредки. У Тишина были и другаго рода виды. Онъ зналъ что Маша нравилась Гвоздеву, но ему нужно было узнать имѣеть ли онъ какія-нибудь серіозныя намѣренія и способенъ ли изъ-за нихъ оказать ему услугу?

Съ своей стороны, Гвоздеву, который на ремеслѣ сыщика тоже самъ, что называется, собаку съѣлъ, не хотѣлось открывать души своей; ему хотѣлось чтобъ Осиль Кондратьевичъ хоть нѣсколько расслахнулся предъ нимъ. Но Осиль Кондратьевичъ не расслахнулся, а напротивъ, заставилъ Гвоздева разказать нѣкоторыя подробности,—о томъ какъ занятъ онъ былъ отыскиваніемъ Миктерова, какъ настигнувъ его въ Савинкахъ, улустилъ свою жертву, полавъ ошибкой на слѣдъ его отца; какъ потерялъ много времени на преслѣдованіе послѣдняго, какъ бросилъ все это дѣло, будучи отвлеченъ слухами о какомъ-то заговорѣ на Украинѣ и какъ наконецъ развѣдавъ объ этомъ заговорѣ, вѣдетъ о немъ донести....

Какъ ни любопытно было послѣднее извѣстіе, Тишинъ слушалъ его разсѣянно. Не открыть ли, думалъ онъ, Гвоздеву гдѣ находится человекъ который доставилъ ему нѣкогда столько хлопотъ? Ну, а что потомъ? Что жъ! Миктеровъ не будетъ имѣть никакого повода сослаться въ чемъ-нибудь на Осилу Кондратьевича, ибо удичать его будетъ не онъ, а Гвоздевъ, который давно уже занятъ его розыскиваніемъ.

емъ. Наконецъ самъ Тишинъ, уѣзжая теперь далеко и надолго изъ Петербурга, будетъ избавленъ и отъ недріятнаго положенія въ отношеніи къ дочери; а тутъ, разсуждая оны, какъ бы ни при чемъ, а врага буду съ рукъ и избавлюсь отъ ежеминутныхъ опасеній. Но какъ объяснить Гвоздеву почему, зная о мѣстопребываніи Миктерова, не справился съ нимъ самъ? Почему уступаетъ другому случай выслужиться?

Открыть настоящую причину Осиль Кондратьевичъ боялся; предательская натура сыщика была ему знакома; рисковать было опасно, соврать же что-нибудь, придумать было некогда, да и не обойти такого человѣка какъ Гвоздевъ. Оставалось одно средство.... Развѣ и въ самомъ дѣлѣ насчетъ Маши? мелькнуло въ головѣ Тишина.

Ему вспомнилось что разъ какъ-то Гвоздевъ приѣзъ ей какой-то гостинецъ, еще въ Можайскъ, что оны говорилъ при этомъ какія-то слова, дѣлалъ какіе-то намеки...

— Счастливы ты много, Силычъ, началъ наконецъ Осиль Кондратьевичъ, откашлянувшись и сообразивъ весь планъ дѣйствія,—счастливы! Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ удача, понеже ты человѣкъ одинокій, семейства нѣтъ.

Гвоздевъ чуть замѣтно встреленулся при этихъ словахъ, но удержался однако и не вымолвилъ ни слова.

Тишинъ не замѣтилъ движенія Гвоздева, и послѣдовавшее за вступительною его рѣчью молчаніе заставило его нѣсколько призадуматься.

— Прошибешься какъ разъ, продолжать ли рѣчь? Ишь оны молчить!

— Молчить! думаю также съ своей стороны Гвоздевъ.

— Гм, гм! побряхтывалъ Осиль Кондратьевичъ.

— Ишь молчить! ишь молчить, дожидается! думаю Гвоздевъ.

— Охъ, охъ, охъ! вздыхалъ Тишинъ.

— Знать этимъ его не возьмешь? размышлялъ про себя Гвоздевъ.

— Да что ты, Кондратьичъ, сказалъ оны вслухъ, боясь что наконецъ и въ самомъ дѣлѣ прервется интересный для него разговоръ.—Иль въ семействѣ недоброе что приключилось?

— Вотъ поживи, поживи, Силычъ, самъ вѣдать будешь koliko трудно въ семействѣ своемъ счастье себѣ обрѣсти, отвѣтилъ Осиль Кондратьевичъ, вздохнувъ;—а паче всего, гдѣ сирота безъ матери, дѣвка взрослая есть!

Желтокрасное, распухлое съ дороги лицо Гвоздева не могло обнаружить никакихъ признаковъ душевнаго движенія, но глаза его забѣгали, губы сжались и лицо приняло какое-то сосредоточенное выраженіе.

— А сестрица знать скончалась? спросилъ онъ грустнымъ голосомъ, — царство небесное!

— Скончалась, гм! откашлянулся Тишинъ. — Ну, да на мѣсть матери и ей не быть бы, продолжалъ онъ. За дѣвкой углядѣть, дѣло мудреное.

— Мудреное, Осиль Кондратьевичъ, мудреное! Дочка-то, стало, одна осталась. Какъ тутъ пристроить ее и не выдумаешь? прибавилъ Гвоздевъ, какъ бы задавая самъ себѣ вопросъ и разводя руками.

— Поживи, Силычъ, поживи, научись всему! внушительно говорилъ Осиль Кондратьевичъ.

Прошло еще можетъ-быть съ четверть часа въ этой игрѣ въ кошку и мышку. Тишинъ скажетъ слова два, и помолчитъ; предложитъ вопросъ, другой Гвоздевъ, и тоже молчитъ, выжидаетъ. Ломались, ломались, пришлось наконецъ подходить къ самой сущности дѣла.

Осиль Кондратьевичъ сталъ дѣлать довольно прозрачныя намеки на истинное свое положеніе. Гвоздевъ эти намеки подхватывалъ на лету и, жадно предлагая дальнѣйшіе вопросы, заставлялъ пріятеля говорить откровеннѣе; дальше, да дальше, оставалось уже немного, шагъ, другой, и дѣло уяснится окончателно. Обозначилась уже причина недовольства Тишина дочерью; обозначилось и желаніе его приискать ей какого-нибудь заступника; обозначилось что Гвоздевъ этому ролию ни въ какомъ случаѣ пренебречь бы не хотѣлъ; обозначилась, наконецъ, и якобы нѣжность родительскаго сердца, отказывающагося отъ насильственныхъ дѣйствій противъ дочери и предмета ея любви. Оставалось только назвать этотъ предметъ.

— Ну, Кондратьичъ? торопилъ Гвоздевъ, — и больше секретны на душѣ бывало! Ну чего мнѣ-то тебѣ не открыть? твоему сердцу не любъ тотъ супостатъ, а мнѣ и лаче того. Ну, Кондратьичъ? по рукамъ чтѣ ли? ну? Обѣщаніе мнѣ только дай за дочь. Молодець же... молодець, не отъ твоихъ рукъ...

— Гм, прохрипѣлъ Осиль Кондратьевичъ, — не отъ моихъ рукъ, чего не отъ рукъ? Взялъ бы руками, да руками не возьмешь.

— Ну такъ словомъ, Кондратьичъ, словомъ чай можно; можно? а? можно? повторялъ Гвоздевъ, увидавъ какую-то улыбку на лицѣ Тишина,—называй...

— Гм, гм! точно захлебывался своимъ кашлемъ Осиль Кондратьевичъ.

— Называй небось, называй...

— Называй, гм, гм! называй!... какъ назовешь?

— Эхъ какой жѣ ты человекъ, ну чего ты, чего?

— Миктеровъ! внятно, но шепотомъ произнесъ наконецъ Тишинъ, глядя прямо въ глаза своему пріятелю, и вздохнувъ.

Гвоздевъ ни слова не сказалъ къ это въ отвѣтъ; множество мыслей зашевелилось въ его головѣ въ одну секунду. Сначала онъ не могъ понять съ какой стати тутъ былъ Миктеровъ; затѣмъ приподнявъ одну бровь и зажмуривъ глаза, догадался онъ что рѣчь могла идти о другомъ Миктеровѣ; потомъ ему пришло въ голову не надуваетъ ли его самъ Осиль Кондратьевичъ; наконецъ глаза его вдругъ забѣгали; онъ вскочилъ съ мѣста, согнувшись почесалъ себѣ колѣнку и, слегка дотрогиваясь другою рукой до плеча Тишина, прошепталъ:

— Не уйдетъ нынѣ, нѣтъ, Кондратьичъ, не уйдетъ!

Дальнѣйшія объясненія съ Гвоздевымъ были бы лишнія. Дѣло Тишина находилось въ вѣрныхъ рукахъ. Подробностей знакомства и связи Осипа Кондратьевича съ Миктеровымъ Гвоздевъ тоже не требовалъ, онъ удовольствовался тѣми полусочиненными романтическими соображеніями касательно родительской любви какія излагалъ ему Тишинъ.

Старые друзья разстались съ новыми увѣреніями и новыми залогамъ дружбы. Тишинъ обѣщалъ свою дочь Гвоздеву и отъ слова не отступится; Гвоздевъ также обѣщалъ извести Миктерова, и конечно для цѣли этой себя не пожалѣетъ.

XIII.

Прибывъ въ Петербургъ, Гвоздевъ кинулся отыскивать квартиру Осипа Кондратьевича, чтобы накрыть тамъ Миктерова. Но сколько ни навѣдывался онъ подъ разными предлогами и въ разные часы къ Машѣ, сколько ни слѣдилъ за ней, сколько ни выглядывалъ, сколько ни простаивалъ предъ ея окнами на холодѣ и дождѣ, увы!... все оказывалось напрасно! И не мудрено: Миктерова не было уже въ Петербургѣ, и въ

то время когда встрѣтившіеся сыщики распорядились его судьбой, такъ что казалось бы уже трудно было ему отъ нихъ теперь увернуться, судьба устраивала другую встрѣчу. Миктеровъ наткнулся на бывшаго деньщика своего, Дерюгина, который, если помнить читатель, бѣжалъ съ нимъ одновременно изъ Москвы и вмѣстѣ съ другими бѣглецами отъ помѣщиковъ людьми полаялъ на Поморы, увлеченный туда какимъ-то пріѣзжимъ изъ Выгорѣцкой пустыни раскольниковомъ Кутейкинымъ. Встрѣча съ Дерюгинымъ, человѣкомъ простымъ и невліятельнымъ, не могла бы, казалось, имѣть никакихъ послѣдствій, но немного требовалось для того чтобы заставить Миктерова соскочить теперь съ того пути по которому онъ было пошелъ.

Отношенія его къ Машѣ были очень странны. Она ему нравилась, и даже очень правилась; но и представлялась ему нѣрѣдко связью и бременемъ, чѣмъ-то въ родѣ тяжелой гири которая тянетъ его къ низменной, ничтожной долѣ.—Неужто за вѣки вѣковъ связаться мнѣ съ нею, съ дочерью сыщика! приходило ему часто въ голову.... И молодая кровь кипѣла тѣмъ жарче что добродушная и цѣломудренная Маша, считая его своимъ женихомъ предъ Богомъ, своимъ будущимъ мужемъ, не отказывала ему въ маленькихъ ласкахъ и даже въ поцѣлуѣхъ.

— Нѣтъ, разсуждалъ самъ съ собою Миктеровъ,—такъ жить нельзя. Лучше камень на шею.

И вдругъ случайно подвернулся Дерюгинъ.

— Дерюгинъ, Дерюгинъ! Гдѣ жъ ты жилъ-то, да какъ? Въ монастырѣ, въ раскольникѣмъ? Даниловскомъ? Да какъ тебя туда приняли? распрашивалъ онъ, смотря съ наслажденіемъ на черты лица напоминавшія ему счастливое старое время.

— А какъ приняли? просто привяли. О патріархѣ объ Никонѣ лишь спросили. А потомъ постъ наложили на шесть недѣль, а тамъ, улыбнулся Дерюгинъ, — на самое на Рождество Іоанна Крестителя, къ рѣкѣ привели, раздѣли, въ воду погрузили....

— Ну?

— Ну и окрестили Иваномъ.

— Ахъ ты! ахъ ты! разсматривалъ его какъ какую диковинку Миктеровъ.

— А житье то какое, житье-то! продолжалъ между тѣмъ деньщикъ,—эхъ! Монастырь нашъ былъ общежительный, а порядокъ, у! порядокъ какой! На всякую должность свои люди

были. Главные-то учителя, Семень, да Мануйло, въ Питеръ стралчими ѣздили; уставщикъ раскольниковъ книги хранилъ; и писарь, и нарядчикъ, и торговые прикащики были, которые за торговыми промыслами ѣздили; иконописецъ образа по старинному красками на деревѣ писалъ; а тутъ и больничныи, и столычникъ, и гостинчикъ, для приѣма прѣѣзжихъ гостей; рубашечный тамъ, прачечный, казначей,—народу-то, народу!

— И всѣмъ тепло и всѣмъ спокой! вздыхалъ съ какою-то горечью Миктеровъ.

— Ну о спокой ли говорить? спокой во всемъ. А какъ ѣли! Въ господскіе праздники бывало пшеничный хлѣбъ богородичный принесутъ въ часовню, такъ это что? Ахъ, да и только! Проплуютъ часы надъ нимъ, да съ колокольнымъ звономъ въ столовую, а тамъ ужъ всѣ вокругъ садятся; старецъ рѣзаетъ его зачетъ, братіи раздаетъ, а звонъ-отъ гудеть да гудеть, поколѣ онъ, старецъ, олятъ мѣдною ложкой въ мѣдную чашку не ударитъ; а ударитъ—всему конецъ, и разойдутся. Благолѣіе, что говорить, благолѣіе! Каждый день въ молельніи молятся обирались. Молельнія вся образами изукрашена, монахи бѣглый, Θεодосій, и службу правили. А государыни и синода, продолжалъ таинственно Дерюгинъ,—у насъ и не вспоминали.

— Ну?

— Только послѣ вечера и утраца, вмѣсто многолѣтія пѣли: „Утверди Боже вѣру Христову, соблюди Господи и помилуй отецъ нашъ духовныхъ иже о Христѣ съ братією и вся христіанъ,“—вотъ какъ!

— Ахъ ты!

— Да, оттолѣ и бѣда-то моя вся! кабъ не то, жить бы, жить! А тутъ какъ спознали лиходѣи, да какъ лонаѣхали, и-и! махнулъ рукою Дерюгинъ — Хватать начали, допрашивать; всѣ разбѣжались! Человѣкъ двадцать, убоюсь, огнемъ себя сами извели. Вотъ съ той поры и мнѣ тяжело стало. Бился, бился, нигдѣ не сокроешься. И такъ думалъ, и этакъ; а теперь, какъ въ народѣ слухъ идетъ объ Украинѣ, ужъ туда иду; надо жизни своей конецъ положить, пока силы есть, да смѣлость.

Миктерова разбирала зависть, слушаючи Дерюгина. Распрашивая его обо всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ его прошлой жизни, онъ въ особенности старался разузнать о видахъ его на будущее, о томъ почему тянуло его въ Украину, что говорили въ народѣ, на что онъ надѣялся, какъ думалъ идти, когда, куда именно, и чѣмъ больше углублялся въ эти

подробности, тѣмъ болѣе подступала къ нему злоба и тѣмъ становилось ему досаднѣе что простой человекъ, Дерюгинъ какой-нибудь, умѣетъ съ жизнью своею справиться, а онъ сколько уже лѣтъ выхода изъ своего положенія придумать не можетъ. Широкая, свободная жизнь на Украинѣ подмывала его; онъ чувствовалъ потребность дѣятельности, а настоящее представлялось ему безрадостнымъ и безнадежнымъ; Маша казалась ему и такой холодной, и такой благоразумной...

— Пойти что ль съ тобой на Украину-то? перебивалъ онъ разкащика.

А Дерюгинъ, въ невѣдѣніи того что происходило на душѣ его слушателя, продолжалъ свои разказы, просто и грубо настаивая что голову свою даромъ отдавать не слѣдуетъ, что жить въ Питерѣ, все равно что самому на плаху идти; что не все такимъ порядкамъ какіе нынѣ продолжаться, что наконецъ не одни Выгорѣцкіе старцы, а можетъ-быть и поль-Россіи, скрыть его, Дерюгина, пожелаютъ.

— Завтра, слышь, завтра, Дерюгинъ, сказалъ наконецъ Миктеровъ, расставаясь съ нимъ, — или мы съ тобою не свидимся, или вмѣстѣ пойдемъ. Хоть пожитки всѣ бросить, хоть и сюда не заходить, только бы завтра уйти, а не позже.

А на завтра чуть свѣтъ, Миктеровъ былъ уже у Маши. Вздволнованный, раздраженный вошелъ онъ къ ней, рѣшившись положить ихъ отношеніямъ одинъ конецъ. Онъ заговорилъ съ нею такимъ тономъ который смущалъ и оскорблялъ бѣдную дѣвушку; она слушала его закрывъ лицо руками и отъ времени до времени отрицательно покачивая головой. Но Миктеровъ, все болѣе и болѣе разгораясь, обхватилъ Машу обѣими руками и прижалъ къ ея пылающимъ плечамъ лицо; она вырвалась.

— Не искушай ты меня, оставь; пооди лучше прочь.

— Какая же это любовь твоя ко мнѣ! говорилъ Миктеровъ, стараясь привлечь ее снова.— Маша! Маша! полно же, Маша! шевелилъ онъ чужь слышно пересохшими губами, крѣпко сжимаемая ея руки и силась оторвать ихъ отъ лица. — Маша! не томи ты меня... Маша!

— Нѣтъ! шелотомъ, но твердо произнесла она, олутивъ руки и не замѣчая крупныхъ капель слезъ, которая показались изъ-подъ олущенныхъ длинныхъ ея рѣсницъ.

— Я уйду!

— Ступай, если сердце тебя ко мнѣ не тянетъ! знать моя

судьба такая, прибавила она, взглянувъ на него, и концомъ платка которымъ была повязана ея голова вытерла скатившуюся слезу.

Миктеровъ выпустилъ ея руку, и опять злобное чувство пробѣжало по его душѣ.

— Всѣ дни свои, сказалъ онъ,—я съ тобой проводилъ, Маша; вмѣстѣ горе горевалъ, радости же мало видѣлъ! Однако ты и того вѣдать не хочешь, коли отъ себя меня гнать не боишься? Ну когда такъ, то и прощай! Когда сердцу твоему не милъ я, прощай! Ну, прощай! прибавилъ онъ, протягивая руку,—прощай!

— Прощай! повторила за нимъ съ разстановкой Маша, встрепенувшись и глядя ему прямо въ лицо.

— Прощай! сказалъ еще разъ Миктеровъ, вставая и держа на воздухъ протянутую руку,—прощай!

— И уйдешь? спросила Маша не подымаясь съ мѣста, — такъ и уйдешь ты?

— Нѣтъ, поцѣлуюсь еще! сказалъ Миктеровъ, сжавъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Милый мой, милый!

— Маша, Маша!

И поцѣлуй длился долго. Миктеровъ крѣпко прижималъ ее къ своей груди, обнявъ тонкую талію.

— Маша! умоляющимъ голосомъ проговорилъ наконецъ Миктеровъ, — Маша! Ну чего ты?... чего ты?...

— Нѣтъ, нѣтъ! едва дыша повторила опять она, замотавъ головой.

— Ну такъ... не любишь же ты меня! громкимъ и твердымъ голосомъ произнесъ Миктеровъ и кинулся къ дверямъ.

— Не люблю? Я?... Какъ люблю-го! закричала какимъ-то дикимъ голосомъ вслѣдъ ему Маша; но Миктеровъ былъ уже за дверью, а черезъ часъ, вмѣстѣ съ Дерюгинымъ, выбирались они вонъ изъ Москвы.

XIV.

Взятіе Азова, Перекопа и Очакова, затянувшаяся Турецкая война, все это обходилось не дешево Россіи. Безпреставные наборы совершенно обезлюдили селенія; набира-

ли въ солдаты даже церковниковъ, разстригали половъ и чепцовъ для пополненія арміи.

Генераль Ласси, отразивъ прорвавшихся было и разсѣявшихся по Донцу и его равнинамъ Татаръ, вздумалъ, пройдя линію Перекола, двинуться глубже въ Крымъ, но опустошенная страна, не дававшая войску никакого продовольствія, и буря разсѣявшая флотъ который долженъ былъ подвезти ему припасы, заставили его послѣдшнею возвратиться на Украину. Минихъ со своею пятидесятитысячною арміею, везя артиллерію на двѣнадцать тысячахъ паръ воловъ, дошелъ до Днѣстра, имѣя намѣреніе приступить къ осадѣ Хотина и Бендеръ; но въ виду расположившихся лагеремъ на другой сторонѣ рѣки шестидесяти тысячъ Турокъ, простоялъ три дня на мѣстѣ и отступилъ, не рѣшившись переправиться. Бросая въ степи скотъ, артиллерію и припасы, только къ осени возвратился онъ на Украину, не досчитываясь шестнадцати тысячъ войска и до тридцати тысячъ крестьянъ, сдѣлавшихся жертвой походныхъ трудовъ.

Неблагопріятствовали намъ и отношенія наши съ Швеціей. Возобновленіе заключеннаго съ нею, еще въ 1724 году, на двѣнадцать лѣтъ союза хотя и ограждало насъ нѣсколько съ этой стороны на время окончанія дѣлъ съ Турціей, но правленіе Швеціи находилось по смерти Карла XII въ рукахъ продажнаго дворянства, и все зависѣло отъ того чье вліяніе, или скорѣе чьи деньги возьмутъ перевѣсъ,—французскія или русскія. Теперь борьба двухъ враждебныхъ дворянскихъ партій, графа Горна и Гиленборга, кончилась не въ нашу пользу. Горнъ, сторонникъ Россіи, принужденъ былъ сложить съ себя всѣ свои должности и удалиться вмѣстѣ со всѣми совѣтниками крихсрата, а новое министерство, заключивъ на десять лѣтъ трактатъ съ Франціей, обязавшееся доставлять Швеціи денежныя субсидіи, въ то же время завязало тайныя сношенія съ Константинополемъ.

Слышно было что изъ Стокгольма посланъ былъ въ Польшу, для возбужденія Поляковъ противъ Россіи, майоръ Синклеръ съ какими-то тайными порученіями; что посланникъ нашъ при Стокгольмскомъ дворѣ, Бестужевъ, наблюдавшій за дѣйствіями Шведовъ, препроводилъ даже добытый имъ портретъ Синклера въ Петербургъ, дабы правительство могло за нимъ слѣдить; что этому же Синклеру поручено было

потомъ отвезти въ Хотинъ ратификацію заключенной съ Турками конвенціи для доставленія ее въ Константинополь и т. д.

Разорительная война, правленіе Нѣмцевъ, ужасныя картины продолжавшихся жестокостей Бирона, все это не могло не возбуждать общаго ропота, не могло не родить недовольныхъ между Русскими. Поговаривали въ народѣ даже о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ нѣкоторыхъ вельможъ съ Франціей и Швеціей; говорили что Швеція должна будетъ напасть на Россію съ тридцатитысячною арміею, какъ только обнаружится неудачный исходъ кампаніи фельдмаршала Миниха; что тогда откроется общее возстаніе, что провозгласятъ государыней Елизавету Петровну, а принцессу Анну и герцога Брауншвейгскаго отправятъ въ Германію.

Кто распускалъ эти слухи, откуда они шли—никто не зналъ, но слухи эти ходили между людьми всякаго званія.

Дерюгинъ съ Миктеровымъ подвигались между тѣмъ, не зная впрочемъ хорошенько куда и зачѣмъ они идутъ. Народная молва гнала ихъ все дальше и дальше на югъ, „на вольныя мѣста“.

Путешественники наши пробирались никѣмъ и нигдѣ не останавливаемые. Дерюгинъ выручалъ своего товарища смѣлостью пріемовъ, знаніемъ обычаевъ простаго народа, разказами о поморскихъ раскольникахъ, а Миктеровъ помогалъ ему своею грамотностію.

Назывались они, смотря по обстоятельствамъ, то бѣглыми отъ помѣщиковъ крестьянами, то старцами изъ раскольничьихъ скитовъ, то посланными отъ православныхъ монастырей за сборомъ,—и вездѣ принимали ихъ радушно, кормили Христа ради чѣмъ Богъ послалъ и вѣряли, не стѣсняясь, всякую тайную молву ходившую въ народѣ, будь она хорошаго или дурнаго свойства.

Разнообразіе впечатлѣній, разсѣянная, подвижная жизнь, напряженное состояніе духа, вслѣдствіе необходимости быть всегда на чеку, все это придавало бодрости Миктерову. Поконченные счеты съ Тишинымъ облегчили его, а съ Машей трудно было, казалось ему, поступить честнѣе того какъ онъ поступилъ.

— Отъ соблазна самъ ушелъ, бросилъ все; погубить ее не хотѣлъ; больше того и сдѣлать не можно, думалъ онъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ незнакомыя мѣстности представлялись ему тѣмъ самымъ краемъ всякихъ волненій, а незнакомыя лица тѣми самыми недовольными и заговорщиками которыхъ онъ

искалъ и о которыхъ не переставалъ ему напоминать Дерюгинъ.

— Ну, схорониться здѣсь мы схоронимся, твердилъ послѣдній съ увѣренностью,—говори знай что на умъ пришло, лишь не робѣй! Ишь они здѣсь живутъ за лазушкой; про злодѣевъ Нѣмцевъ и не вѣдають!

И Миктеровъ, останавливаясь на ночлегахъ и привалахъ, разказывалъ все что зналъ: читалъ вслухъ отрывки изъ распущеннаго въ то время въ народѣ польскаго календаря, какъ астрокомъ Францишка Невѣсскій „разные неблагоприятные прогностики объ Имперіи Русской, а особливо объ Украинѣ описывалъ“, и слушали его всѣ со вниманіемъ и въ самомъ дѣлѣ ждали чего-то.

— Землякъ! таинственно окликнулъ разъ Миктерова Дерюгинъ (обращаясь уже съ нимъ по товарищески).—Землякъ, а землякъ! повторилъ онъ, нащупавъ его въ сѣняхъ, во время ужина хозяевъ и наклонившись къ самому его уху.—Вотъ въ какую сторону зашли,—слышалъ ли? государь Алексѣй Петровичъ, царевичъ, блаженной памяти,—живъ! За столомъ старикъ сказывалъ. Царевичъ, молю, не преставайся; извести его токмо хотѣли, а онъ нынѣ живъ!

— Что ты, что ты? встреленулся съ просонья Миктеровъ.

— Чего? Здѣсь недалеко. Народу явиться хочетъ. Селеніе отсюда которе десять верстъ,—туда надо идти.

— Что ты, Дерюгинъ, брось! Обманъ лишь одинъ: самозванецъ!

— Толкуй, самозванецъ! Царевичъ Алексѣй Петровичъ слышь.

— Да брось, Дерюгинъ, брось, говорилъ уже серіозно урезонивая товарища Миктеровъ,—ну какой тамъ царевичъ Алексѣй Петровичъ?

— Самъ не вѣдаю я какой; померъ ли тотъ царевичъ, не померъ ли,—все едино; многимъ ужъ онъ явился. Пойдемъ, а не то... безъ тебя дорогу найду; мнѣ чего? и одинъ пойду!

Оставаться одному Миктерову не хотѣлось, а идти?...

— Фу ты! Экъ вранье! экъ васъ!... ворчалъ и сердился онъ, но все-таки рѣшился слѣдовать за Дерюгинымъ.

По мѣрѣ приближенія къ указанному мѣсту, слухи о царевичѣ подтверждались. Разказывали уже разныя подробности: какъ царевичъ этотъ былъ долрежь сего работнымъ человекомъ у Басанскаго сотника въ командѣ, что звали его Ива-

номъ Минуцкимъ, что явилось ему все то въ сонныхъ видѣнiяхъ. Народъ въ попадавшихся на пути селенiяхъ волновался, валить смотрѣть на самозванца.

— Пристану я къ нему, пристану! говорилъ возбужденный общимъ движенiемъ и чудесными разказами Дерюгинъ.

— Пойдемъ, посмотримъ! повторялъ за нимъ уже съ любопытствомъ Миктеровъ.

И путешественники наши шли впередъ.

XV.

Мѣстности болѣе лаской какъ та гдѣ находилось село Ярославецъ трудно было себя представить; за то нельзя было выбрать лучшаго пункта для устройства наблюдательныхъ за Татарами постовъ, составлявшихъ съ этой стороны военный кордонъ. Далеко съ постовъ этихъ, обозначенныхъ высокими шестами и горящими по ночамъ смоляными бочками, далеко въ открытой степи видѣлъ глазъ сторожевыхъ казаковъ и легко было имъ наблюдать за всякимъ движенiемъ Татаръ, еслибы таковыя дѣйствительно ими предпринимались; но тихо и смирно было пока все вокругъ, никто и ничто не беспокоило стражниковъ, не о чемъ было имъ думать и нечего дѣлать.

— Живемъ мы здѣсь словно отшельники; сами не видимъ никого, да и про насъ люди забыли, разсуждали они между собою.

— И отшельники себя знай чѣмъ-нибудь показываютъ, народъ тоже къ нимъ собирается; а мы и того сдѣлать не можемъ.

— Эхъ! говорилъ разъ солдатъ Шурлаевъ, — нешто чѣмъ мнѣ показать себя? съ горя,—ей, братцы?

— Чѣмъ покажешь-то? Рожей что ль? возражалъ ему товарищъ Маскуринъ.

— Ну куда тебѣ! Эхъ ты, Шурла! Вотъ Ванькѣ бы Минуцкому, такъ онъ вишь на выдумки гораздъ! вмѣшался казакъ Стрѣлковъ.

А Ванька Минуцкiй, лежа въ углу на соломѣ, только потягивался.

— Чуръ меня, чуръ меня! закричалъ онъ громко, услышавъ свое имя.—Чуръ меня!

— Аль во снѣ увидалъ что, чураться?

— Видѣнiе ему знать какое приснилось.

— Кто ты таковъ? басомъ, съ открытыми глазами, продолжалъ между тѣмъ Минуцкій.

— Кто? Минуцкій, казакъ, Ванька,—вотъ кто! смѣючись, отвѣчаетъ Стрѣлковъ.

— Царь, государь Дмитрій царевичъ Углицкій! басилъ Минуцкій.

— Шутъ!... Померъ давно!

— Ишь онъ проспалъ его.

— Другаго бы выдумалъ! смѣялись казаки.

— Русской земли ты царь православный! Встань, подымись, народу явись! продолжалъ Минуцкій. — Батюшка нашъ ты, Алексѣй Петровичъ, царь!

— Другаго слышь, ребята, называетъ.

— Сбился, сбился!

— Ахъ ты! померли со смѣху казаки.

— Слугъ себѣ набирай царскихъ, вѣрныхъ! кричалъ громче прежняго ободренный удачнымъ выборомъ самозванничества Минуцкій.— Управителей нѣмецкихъ казнить вели! Ты нашъ царь, прирожденный царь, царевичъ царь!

— Ха-ха-ха! дружно смѣялись всѣ.

И прирожденного царя стащили съ соломы и долго возлились въ тѣсной ставкѣ казаки, и послали за виномъ, а на завтра Стрѣлковъ съ Шурлаевымъ обѣщали, шутя, новаго царя ломазывать.

— О-о-охъ! толковали между собою нѣкоторое время спустя, въ селѣ Ярославцѣ, на улицѣ бабы. Гдѣ жъ такой народился-то, а?

— У казаковъ вишь ты, у казаковъ.

— О-охъ! А звать-то какъ его намъ, звать-то?

— Алексѣемъ, вишь ты, Петровичемъ.

— Коли истинно царь, въ то же время говорили мужики,— пусть явится.

— Народу пусть покажетъ себя.

— За истиннымъ за царемъ, всѣ пойдемъ, не отступимся.

— Гдѣ у васъ тутъ царь-отъ? стали спрашивать наконецъ и назвавшіе со всѣхъ постовъ казаки.

— Истинно ли про то всѣ сказываютъ?

— Ну, Ванюшка!—держись! серьезно уже говорили Минуцкому товарищи,—пристанетъ если много народу,—мы явимся.

А молва между тѣмъ росла, да росла. Къ слуху о явившемся царѣ, прилеталась уже цѣлая сочиненная въ народѣ же

легенда. Разказы о сонномъ видѣнн Минцкаго передавались съ разными варіаціями. Къ селу Ярославцу потянули отовсюду любопытные. Достигло извѣстіе, какъ мы видѣли, и до Миктерова и Дерюгина.

Минцкому съ товарищами приходилось дѣйствовать не въ шутку, приходилось въ самомъ дѣлѣ показаться людямъ.

Казакъ Малмега изъ села Ярославца обѣщаль пріютить самозванца у себя, и вся компанія собралась туда. Роли которыя каждый изъ дѣйствующихъ лицъ долженъ былъ играть затвержены были такъ хорошо, что смотря на Минцкаго и другихъ казаковъ, можно было пожалуй думать что искренно вѣрилъ всякій изъ нихъ въ то лицо которое онъ представлялъ. Стрѣлковъ, Маскуринъ и Шураевъ, въ качествѣ тѣлохранителей царя, помѣстились съ ружьями на караулѣ у избы Малмеги. Самъ Минцкій, выстрѣливъ въ честь прибытія своего изъ мушкета, засѣлъ въ красный уголъ и, сто разъ повторяя чудное свое видѣніе приходящимъ взглянуть на него людямъ, принималъ земные поклоны и цѣлованія, обѣщаль милости и льготы. Наказной сотнику Полозокъ, одинъ изъ первыхъ увидавшій самозванца, постѣпиль было на всякій случай, въ огражденіе себя, увѣдомить обо всемъ случившемся командира своего Климовича.

— Какой тамъ царевичъ? въ колодки его! закричалъ послѣдній, прерванный въ бесѣдѣ съ прѣвзжимъ изъ синода монахомъ, вытаращившимъ при этомъ извѣстіи глаза,—въ колодки его! повторилъ онъ, не дослушавъ доклада.

И Полозокъ стремглавъ лѣгнулъ къ Малмегѣ, но было уже поздно. Улица вся затрудилась народомъ; откуда ни взялись вооруженные люди, женщины, дѣвки, дѣти малыя тѣснѣвшіеся вокругъ дверей! Тѣлохранители пропускали по однокрѣ желавшихъ видѣть ясныя очи царя, и протерѣвшійся сквозь толпу и представшій предъ царевичемъ, Полозокъ не только не думалъ уже исполнять приказаній начальства, не только позабылъ про колодки, но, повалившись въ землю, просилъ теперь у царя милости, не оставить и его своимъ посѣщеніемъ.

Малмега между тѣмъ послалъ сына своего за священникомъ, а самъ побѣждалъ подѣлаться своими впечатлѣніями кой съ кѣмъ изъ товарищей.

— Царевичъ! воистину царевичъ! говорилъ онъ сотнику Краснощекову, вытирая слезы.

— Милости намъ даруетъ большія ли? спрашивали его хорунжіе и казаки.

— Всѣмъ обѣщаль, всѣмъ! толковалъ Малмега. Самъ атаманъ Кучаковский, командиръ, и тотъ призналъ его: „Царевичъ, говоритъ, не оставь насъ“, а самъ плачетъ—разливается.

Послали и къ Бобровицкому сотнику Косташу, звать его со знаменемъ и казаками. Послали доставить царевичу кафтанъ.

А царевичъ въ это время, перейдя уже въ домъ Полозка, сидѣлъ за столомъ со священникомъ, по прованію Гаврила Могила, кушалъ рыбу, которою угощалъ его хозяинъ, разказывалъ когда и какъ онъ явится народу торжественно, яко подлинный царь, хочеть, и слушали его съ благоговѣніемъ окружающіе, а въ селѣ на улицахъ точно праздникъ былъ. Народъ сповалъ изъ стороны въ сторону: пѣсни пѣли, разговоры вездѣ шли; окна у Полозка такъ и зашпили, какъ мухи, головы любопытныхъ, стараясь рассмотреть царевича за грелозой, ибо видѣть его многимъ еще не довелось, а тѣлохранители, Стрѣлковъ, Шурлаевъ и Маскуринъ въ двери никого еще не впускали.

Въ то же время подходили къ селу наши путешественники, Дерюгинъ и Миктеровъ. Праздничный видъ на улицѣ, разговоры, шумъ и движеніе позволяли имъ догадываться что цѣль путешествія ихъ была достигнута и что здѣсь во всякомъ случаѣ надо было имъ и остановиться и пріотдохнуть.

XVI.

На селѣ становилось съ каждымъ днемъ все люднѣй и люднѣй. Кто вѣрилъ, а кто и не вѣрилъ разказамъ передаваемымъ изъ устъ въ уста и украшаемымъ фантазіями каждаго отдѣльнаго лица. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, разумѣется, Миктеровъ и съ нимъ вмѣстѣ Дерюгинъ; но оба они все-таки не переставали вертѣться въ народъ, прислушиваясь къ толкамъ.

Священникъ Гаврила Могила, какъ слышно, присталъ окончательно къ самозванцу и собрался устроить торжественную присягу. Пріобрѣтенный авторитетъ священника много помогъ Минуцкому.

— Люди начнутъ присягать, и мы не отступимся, говорилъ каждый отдѣльно.

— Дружнѣй надо ребята, дружнѣй! повторяли потомъ хоромъ въ толпѣ.

И глядя на все это, неволью приходило въ голову Микте-рову сожалѣнiе отчего на мѣстѣ простаго казака, какимъ выглядывалъ Мимицкiй, не стоялъ теперь кто-нибудь другой.

— Эхъ! иное бы дѣло было тогда, заварилась бы каша, и не расхлебать бы! Эхъ! силъ-то моихъ не хватаетъ!

— Чего, силъ? постой, полприсмотримся, говорилъ Дерюгинъ, — дай время сему разыгратъ, и силы тогда найдемъ, погоди!

Изъ всѣхъ худшее положенiе было сотника Климовича. Ему, какъ начальству, слѣдовало что-нибудь предпринять рѣшительное, а что именно, онъ не зналъ. Посадить въ колодки Мимицкаго было легко приказать тогда, но исполнить такое приказанiе едва ли даже было и возможно при тѣхъ размѣрахъ которые приняло дѣло. Кромѣ того что пришлось бы пожалуй бороться теперь съ толпой силой оружiя, но и въ необходимости-то этой борьбы онъ былъ еще не вполне увѣренъ самъ.

— Чего же другiе-то молчать? Чего жъ, вонъ сказываютъ, и самъ атаманъ Кучаковскiй милостей царскихъ просить? Съ чего жъ сотнику-то къ нему всѣ пристали? думалъ онъ.

И только загостившiйся у Климовича провѣжiй монахъ удерживалъ его отъ окончательнаго признанiя Мимицкаго. Монахъ убѣдительно доказывалъ что всѣ разказы были чистый вздоръ, что никакого царевича Алексѣя Петровича на свѣтѣ нѣтъ, что онъ это доподлинно знаетъ и совѣтуетъ пока, до времени, до явныхъ какихъ-либо со стороны самозванца дѣйствiй, молчать, въ случаѣ таковыхъ, напастъ на него, хотя бы съ оружiемъ, а главное, постараться развѣдать въ народѣ не скрывается ли во всемъ этомъ какихъ вредителей, подстрекателей, здѣшнихъ или съ чужой отороны прибывшихъ, ибо такого злодѣйскаго умысла простому казаку не выдумать.

— Если, говорилъ не крѣпкiй, какъ видно, и самъ въ убѣжденiяхъ своихъ монахъ, если самозванецъ, хотя бы и злодѣй, да въ народѣ силу большую имѣть будетъ, — оружiемъ тебѣ его не взять, понеже за него многiя тысячи возстанутъ, а тебѣ пристать къ нему всегда время будетъ.

И Климовичъ согласился и молчалъ.

Между тѣмъ въ назначенный по уговору день, ударили въ колоколъ, и народъ повалилъ по призыву толпами въ церковь.

На палерти, въ полномъ облаченiи стоялъ священникъ. По бокамъ его раскачивались вынесенныя хоругви. Въ рукахъ держалъ онъ блюдо, на которомъ положенъ былъ большой се-

ребриный крестъ. Въ церкви, предъ ивѣстными иконами горѣли большія свѣчи, которыя зажигались только при торжественныхъ праздникахъ. Царскія двери были отворены. Показавшійся вдали самозванецъ, въ новомъ кафтанѣ и шалкѣ, окруженный солдатами съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, подвигался медленно, и напиравшій за нимъ народъ говоромъ и шумомъ своимъ чуть не заглушалъ колокольного звона. Миницкій дрогнулъ было при такой торжественности: она его испугала.

— Чего опасаться? знай молчи, говорилъ шедшій рядомъ съ нимъ Стрѣлковъ и другіе; куда хочешь иди,— крѣпко будемъ стоять за тебя.

Кто изъ дѣйствующихъ лицъ выдумалъ форму церемоніала, и долго ли ее выдумывали, Богъ вѣсть, но церемоніалъ этотъ шелъ такъ гладко, въ такомъ порядкѣ, какъ будто надъ составленіемъ его работала цѣлая придворная канцелярія.

Подойдя къ палерти, самозванецъ смѣло уже взялъ съ блюда крестъ, приложился къ нему, далъ приложиться священнику, сунулъ тутъ же послѣднему къ цѣлованію руку и бодро выступивъ съ крестомъ въ рукахъ впередъ, вошелъ въ церковь, а за нимъ священникъ, тѣлохранители и народъ.

Храбрость, казалось, вполнѣ уже возвратилась къ Миницкому. Твердымъ, увѣреннымъ шагомъ пройдя въ открытыя царскія двери, подошелъ онъ прямо къ престолу, взялъ Евангеліе и обратился къ народу. Солдаты не отпускали его ни на шагъ, держа у ногъ ружья, изъ которыхъ, по окончаніи церемоніи, предполагалось произвести пальбу, въ знакъ признанія самозванца царевичемъ, и съ которыми также намѣревались идти къ Басанскому сотнику Климовичу, чтобы заставить его, если не волей, такъ силой пристать къ общему дѣлу.

Все шло какъ по маслу. Стоя въ царскихъ дверяхъ, Миницкій давалъ подходившимъ прикладываться ко кресту и Евангелію, а священникъ Могила между тѣмъ служилъ часы. Скоро раздался благовѣстъ къ молебну; Могила прочелъ акаѳистъ Николаю Чудотворцу и провозгласилъ на эктинѣ царевича Алексѣя Петровича; загѣли самозванцу многолѣтіе, троларь лятидесятницы... но не умеръ еще звукъ колокольного звона, не кончилась еще духовная лѣснь, какъ въ заднихъ рядахъ послышался какой-то говоръ, шумъ, многіе по-
дались изъ церкви вонъ; смущенная толпа оглянулась назадъ,

а въ дверяхъ показался съ крѣпкимъ карауломъ сотникъ Климовичъ, громкимъ голосомъ потребовавшій самозванца къ расправѣ.

Миницкій стоялъ на мѣстѣ не двигаясь. Шурлаевъ, Стрыковъ и другіе кинулись было съ ружьями впередъ, готовясь защищаться; караулъ Климовича загородилъ имъ дорогу. Началась свалка, крикъ, давка. Миктерову съ Дерюгинымъ едва удалось пробраться до дверей и оттуда уйти домой съ тѣмъ чтобы, забравъ ложитки, какъ-нибудь задами и огородами бѣжать изъ села.

— Ну, вотъ, говорилъ спустя нѣкоторое время Климовичу заѣзжій монахъ,—и дѣлу всему конецъ. Виновики, самъ злодѣй, сообщники, всѣ перехвачены.... Милостей тебѣ ожидать царскихъ нынѣ надо.

— Подстрекателей и тѣхъ схватить удалось, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ говорилъ Климовичъ.—На утекъ было ушли, да попалися.

— А? Сіе и того лучше, радовался вмѣстѣ съ нимъ и монахъ;—мятежъ скорѣе къ окончанію придетъ. Совѣтъ-то мой знать и точно къ правдѣ привель. Взысканъ будешь милостями,—меня помяни.

— Помяну, помяну! потиралъ руки Климовичъ.—Допросить лишь ихъ надлежитъ, чтѣ за люди, кѣмъ научены и откудава къ намъ пожаловали.

По улицамъ шла между тѣмъ еще страшная неурядица. Рассылавшаяся изъ церкви въ разныя стороны толпа придти въ себя не могла. Посаженный подъ караулъ, Миницкій съ товарищами возбуждалъ толки и разговоры. Требовали суда и расправы.

— Царевичъ ли онъ, или не царевичъ, про то намъ лучше свѣдомо, ворчали одни.

— Мы бы и сами самозванца отъ истиннаго царя распознать сумѣли, говорили другіе.

— Чего же смотрѣли-то вы? Своихъ били, всѣхъ выдали.

— Посчитаемся, вотъ погоди! слышалось со всѣхъ сторонъ.

А закованныхъ мнимыхъ подстрекателей вели въ то же время къ допросу къ сотнику, и Климовичъ, сидя съ гостемъ своимъ, дожидался ихъ.

Загрѣмѣли въ сѣняхъ цѣли, растворилась широко дверь; но прежде чѣмъ приведенные подъ сильнымъ конвоемъ лѣтныя

успѣли еще переступить порогъ, сидѣвшій рядомъ съ сотникомъ, монахъ быстро подобралъ распахнувшіяся полы подрясника и, выскочивъ за печку, обѣими руками сталъ манить къ себѣ Климовича.

— Совѣта моего коль слушался доселѣ, задыхающимся голосомъ говорилъ онъ,—людей сихъ не держи, слышь, не держи!

— Чтѣ? Чего? спрашивалъ, не понимавшій внезапнаго волненія гостя своего, Климовичъ.

— Будетъ тебѣ отъ нахъ бѣда великая! не держи, отпусти! махалъ руками самъ весь блѣдный монахъ.

— Къ долпросу бы ихъ... заикнулся было Климовичъ.

Но монахъ вдругъ съехался, присѣлъ на колѣна и зажмурилъ глаза.

— Фискалы, вѣдаешь ты? Фискалы они, фискалы! прошепталъ онъ, нагнувшись къ самому уху сотника.

Растерявшійся вдругъ Климовичъ не зналъ теперь какъ ему быть.

— Фискалы, фискалы! повторялъ монахъ шепотомъ.—Государево слово объявять.... Я де и самъ.... участникъ.... ахъ ты Господи, Господи!

А время шло. Пѣвныя позвякивали цѣплями, караульные казаки, переговаривая между собой, дожидались, а самъ монахъ показаться изъ-за печки ни за чтѣ не хотѣлъ.

— Ну, какъ звать тебя? взволнованнымъ голосомъ спросилъ наконецъ сотникъ, рѣшившись подойти къ одному изъ подстрекателей.

— Ивановъ.

— А тебя какъ звать?

— Ивановъ же.

— Оба стало Иваны?! замѣтилъ Климовичъ, не зная что ему дальше сказать.

— А про нашего злодѣя слышали ль? спросилъ онъ съ видимымъ желаніемъ на вопросъ этотъ получить отрицательный отвѣтъ и смущенный луце прежняго монахомъ, который замахалъ ему при этомъ изъ-за печки еще сильнѣе руками.

— За сборомъ мы было сюда, для церкви Божіей. Ни про какихъ злодѣевъ не слыхивали, отвѣтили смиренно и другъ друга перебивая, пѣвники.

— За сборомъ? повторилъ точно удивленный Климовичъ.— Ну чѣго жъ вы ихъ привели? обратился онъ горячо къ конвойнымъ,—за сборомъ слышь они здѣсь, за сборомъ....

— Истинно за сборомъ, повторили мнимые подстрекатели, — ни про какихъ злодѣевъ не вѣдаемъ....

— Э! прервалъ сердито Климовичъ, обратившись къ казакамъ. — Кого привели? Чего думали? Кто изловилъ людей сихъ? Гдѣ? Когда? Злодѣевъ подавай мнѣ, слышь, вотъ кого, а вы.... Глаза знать отвести мнѣ думали? Сами въ злодѣйскихъ замыслахъ знать, а?

И затѣмъ уже не трудно было окончить комедію. Колодки были тотчасъ же сняты, лѣвняки отпущены на свободу, и черезъ полчаса такъ называемые подстрекатели, въ которыхъ читатель узналъ уже конечно давно Миктерова и Дерюгина, весело зашагали вонъ изъ села.

— Господи! Чтѣ такое съ нами было? говорилъ изумленный Дерюгинъ своему спутнику. — Вотъ когда не чаялъ бѣды-то избѣгнуть! Совсѣмъ, совсѣмъ конецъ было пришло!

А Миктеровъ молчалъ. Лицо встрѣченнаго имъ сейчасъ монаха смутно напоминало ему давно прошедшее время. Но зачѣмъ здѣсь опять монахъ этотъ вмѣшался въ его судьбу? Изъ чего хлопоталъ онъ, выручалъ ихъ? Зачѣмъ такъ таинственно скрылся? Все оставалось опять для него непонятнымъ; да и некогда было надъ этимъ останавливаться. Подальше и скорѣе надлежало бѣжать.

Дѣлу Минацкаго суждено было окончиться быстро. Графъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, стоявшій не въ далекихъ отъ войсками, узнавъ о случившемся, разогналъ тотчасъ же толпы и пресѣкъ мятежъ. Главные виновники, перехваченные еще Климовичемъ, были отправлены въ Петербургъ, откуда, по окончаніи надъ ними слѣдствія въ тайной канцеляріи, препровождены были въ Украину, къ генералъ-маіору Шилову, для наказанія ихъ на мѣстѣ преступленія.

Отъ всего дѣла остались лишь новые кровавые слѣды. Самозванецъ Минацкій и полкъ Гаврила посажены были живыми на колья. Стрѣлковъ и Полозокъ четвертованы. Малмегу, по отсѣченіи ноги, а потомъ головы, положили на колесо, воткнувъ оторванные члены на колья. Перехватили и казнили еще многихъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Ярославецъ сожгли до тла; жителей переселили въ другія мѣста, и еще пустыниѣ, еще плоче и ровнѣе стало мѣсто гдѣ процвѣтало сголько лѣтъ богатое село.

XVII.

Маша жила на хлѣбахъ у вдовы Пташкиной, владѣтельница небольшого домика въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ тогдашняго Петербурга, и оставалась совершенно одна. Знакомыхъ не было у нея никого кромѣ Гвоздева, отказать въ гостепріимствѣ которому, какъ пріятелю отца, она не могла и который съ двухъ трехъ разъ сумѣлъ поставить себя отвосительно Маше такъ, что она, несмотря на невольное къ нему отвращеніе, привыкла къ его разговору, лицу, а наконецъ стала не безъ удовольствія слушать его.

Его разказы о своей прежней судьбѣ, о нищетѣ среди которой онъ росъ, о больной матери, о крайности которая принудила поступить на ту богомерзкую, какъ онъ говорилъ, службу которую несетъ теперь — всѣ эти разказы трогали сердце бѣдной дѣвушки. Не было причины не повѣрить той злобѣ и ожесточенію съ которыми Гвоздевъ выражался, хотя и шепотомъ и по секрету, про тайную канцелярію. Онъ и Миктерова то выславлявалъ лишь по долгу службы и безъ малѣйшей неприязни....

Гвоздевъ никогда не спрашивалъ гдѣ Миктеровъ, но безпрестанно наводилъ на него разговоры, надѣясь что Маша сама какъ-нибудь откроетъ его мѣстопробываніе. Но Маша ничего не говорила, да и сказать бы не могла, потому что сама не знала гдѣ онъ. Ей было только пріятно слушать часто повторяемое его имя и она давала Гвоздеву волю повторять его. Гвоздевъ, съ своей стороны, не могъ понять ея молчанія!

— Аль они разошлись? приходило ему въ голову, и эта мысль дѣлала его смѣлѣе въ отношеніи Маше. — Одинъ въ сани, а другой въ сѣни, разсуждалъ онъ.

Рѣже и рѣже поминая о Миктеровѣ, онъ чаще и чаще сталъ обращаться къ себѣ, сдѣлался бойчѣе, развязнѣе, веселѣе и когда наконецъ развязность эта дошла до какой-то грубой и очевидной уже любезности, Маша взглянула на него и поняла какіе онъ имѣетъ виды.

Она перестала звать Гвоздева къ себѣ, отговариваясь то церковными службами, то работой, то нездоровьемъ; но чѣмъ болѣе замѣчалъ онъ это, тѣмъ становился навязчивѣе, дерзче. Однажды онъ дошелъ до совершенной наглости; Маша увидѣла что этому надо положить конецъ.

— Нѣтъ, сказала она хозяйкѣ, — какъ не думай, а однимъ намъ жить съ тобою не приходится! Надо защиту себѣ искать, помощь отъ кого имѣть.

— И-и-а! замахала успокоительно головой хозяйка. — Живутъ люди, не мы одни.

— Нѣтъ, нѣтъ! положительно, какъ будто на что-нибудь рѣшившись, говорила Маша.

— Да глянь-ка! Вонъ молодецъ какой къ намъ идетъ, продолжала хозяйка, указывая на подходившаго въ то время къ окну съ большимъ лоткомъ мальчугана, усердно кричавшаго: *лимонъ, лимонъ!*

— Ишь кричить, заливается! Одинъ вишь по улицамъ бродить, а махонькой... Эй! годокъ-отъ тебѣ который, годокъ-отъ? высунувшись въ окно, закричала хозяйка.

— Восьмой, матушка! Кули родимая, залеталъ мальчишкѣ, опуская лотокъ.

— Ишь ты, бѣдный! и старуха лустилась въ распросы, кто онъ и откуда, гдѣ живетъ и есть ли у него отецъ да мать. Мальчишкѣ довольно бойко отвѣчалъ на всѣ ея распросы. Онъ разказывалъ какъ отца его угнали куда-то на работы и были ботогами за то что онъ, вопреки указу, занимался торговлей на улицѣ; какъ ходила просить за него мать въ домъ къ Во-лынскому, хлопотала черезъ какого-то знакомаго служителя, черезъ Калмычку живущую въ горницѣ министра...

„Во-лынскій?“ встрепенулась Маша; тотъ самый про котораго столько разъ слыхала она отъ Миктерова? Да развѣ и она къ нему дороги найти не можетъ?

— Во-лынскій, вотъ мысль!.. Добьюсь до него, упрошу, рассуждала Маша, лишь бы не сробѣть мнѣ... Да что думать! скорѣе, скорѣе!

XVIII.

Впечатлѣніе которое произвело въ Петербургѣ дѣло Ми-ницкаго, было самое неприятное, но праздничная дворцовая обстановка изглаживала скоро всякія впечатлѣнія; кромѣ того, тутъ затѣвалось нѣчто другое. Во дворцѣ разказывали по секрету что у герцога Курлядскаго съ женой каж-дое утро идутъ горячіе споры объ успѣхѣ или неуспѣхѣ какого-то задуманнаго ими предпріятія, что Биронъ будто бы какъ-то вдругъ, въ комнатѣ государыни, разсылавшись

въ любезностяхъ предъ принцессой Анной, выпилъ бокалъ вина и потомъ, къ удивленію всѣхъ, улавъ на колѣна, торжественно произнесъ: „да обратится вино это въ ядъ, если найдется въ комъ-нибудь изъ членовъ моего семейства хоть капля крови не преданная вашему высочеству.“ Съ чего бы такая преданность? Стали говорить виѣсть съ тѣмъ о чрезвычайно ранней возмужалости принца Петра Бирона, объ особыхъ ласкахъ оказываемыхъ ему принцессой. Разказывали наконецъ что и сама принцесса, на вопросъ: „какъ думаетъ она о женихѣ своемъ принцѣ Антонѣ?“ отвѣчала будто бы, подосланной къ ней однажды со стороны Бирона, фрейлинѣ Чернышевой что она лучше на плаху голову свою положить, нежели замужъ за него пойдетъ.

Въ одно утро Биронъ сидѣлъ у принцессы Анны, и между ними шелъ разговоръ имѣвшій связь съ замыслами которые молва смутно приписывала ему.

— Нѣкоторые думаютъ, говорилъ онъ ей по-нѣмецки, — что я мѣшаю государынѣ согласиться на бракъ вашего высочества съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ, потому будто бы что имѣю намѣреніе искать руки вашей, свѣтаѣйшая принцесса, для своего сына; но сколько бы ни было отъ того выгодъ для моего семейства, я прежде всего желаю для моего сына свободнаго выбора.

Смущенная принцесса не знала что отвѣчать на подобное ничемъ ею не вызванное заявленіе и какъ отстраниться отъ участія въ „выгодахъ“ Бировою семьи, не раздражая однако временищика.

— Принцъ такъ еще молодъ, сказала она.

— Однако, возразилъ герцогъ съ особенною живостью, — еще недавно предлагали ему одну германскую принцессу, но я не далъ согласія.

Потулившись, принцесса молчала, желая лоскорѣе прекратить тягостный для нея разговоръ; но Биронъ напротивъ хотѣлъ добиться какого-нибудь положительнаго отвѣта и прямо выстрѣлялъ въ нее вопросомъ:—что же думаетъ она о принцѣ Антонѣ Ульрихѣ?

— Волѣ государыни я не ослушница, задумчиво сказала она, но принцъ Антонъ не по праву мнѣ...

Это признаніе было не безъ значенія, и Биронъ безъ труда сообразилъ что если все въ самомъ дѣлѣ зависить здѣсь отъ воли государыни, то эту волю можно всегда склонить въ свою

пользу, а противодѣйствія со стороны самой принцессы нельзя, по ея словамъ, ожидать. Съ веселымъ духомъ возвращался онъ въ локои государыни. Въ это самое время оттуда вышла его жена, герцогиня, опираясь на руку Миниха.

— Ваша свѣтлость, проговорилъ низко кланяясь фельдмаршалъ Минихъ, очевидно продолжая начатый прежде разговоръ.

— Вы можете всегда рассчитывать на мою благосклонность, отвѣчала ему герцогиня, гордо протянувъ обѣ руки, какъ дѣлывала это всегда, изъ боязни чтобы не вздумалось кому льфловать только одну.

— Извѣстно ли тамъ? обратился прямо къ жемъ герцогу, не обращая вниманія на ея любезности и указывая глазами на локои государыни.

— Нѣтъ! отвѣтила герцогиня.

И совершенно довольный, герцогъ отворилъ дверь.

— А! сказала государыня, увидавъ Бирона и принимаясь искать что-то около себя.—Курьеръ отъ герцога Голштинскаго. Вотъ! прибавила она подавая письмо и ожидая впечатлѣнія какое произведетъ оно.

Сама судьба брала, казалось, сегодня герцога подъ свое покровительство. Въ немъ не остыло еще впечатлѣнiе отъ разговора съ принцессой, голова его занята была еще мыслями о возможности осуществленія давно задуманныхъ плановъ, какъ вотъ герцогъ Голштинскій просить руки единственной дочери его, Гедвиги-Елизаветы, для своего сына, выговаривая себѣ только сто тысячъ рублей.

Предложеніе соблазнительное!—Если, быстро соображалъ Биронъ,—съ одной стороны, открывается можетъ-быть возможность женить моего Петра на будущей императрицѣ, то съ другой, представляется случай отдать мою Елизавету за чело-вѣка права котораго на русскій престолъ... данный моментъ... Да, счастье валить съ двухъ сторонъ!.. Но принять предложеніе Голштинскаго герцога не значитъ ли это скомпрометтировать свое собственное положеніе и дать поводъ къ подозрѣніямъ?..

— Дочь моя, сказалъ наконецъ герцогъ, отдавая письмо и улыбаясь, по милости вашего императорскаго величества, можетъ имѣть себѣ мужа и безъ его сына. Мнѣ королевскаго высочества въ зятя не надобно; пускай онъ съ Богомъ женить его гдѣ захочетъ.

— Онъ только думаетъ симъ способомъ сто тысячъ рублей

достать, сказала въ свою очередь государыня, прослушавъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ слова Бирона.—Такъ вотъ отвѣтъ! прибавила она, бросивъ письмо въ каминъ.—Роденька мой отъ Бассевича знатъ выучился плутовать! Какъ кулець при видѣ брошеннаго въ огонь сокровища, хотя бы и чужаго, дрогнувъ все-таки при этомъ движеніи Биронъ. Свертываясь въ трубочку, загорѣлась въ каминѣ тоастая бумага. Биронъ удержалъ ее глазами; но вотъ, вслыхнувъ, полетѣли отъ нея къверху клочки....

— Ну, дѣвки, пойте! обратилась между тѣмъ государыня къ фрейлинамъ, желая повеселить себя. И громкія пѣсни раздались скоро по комнатамъ дворца.

XIX.

Не столько трудно было распознать къ чему клонились замыслы Бирона, сколько трудно было, узнавъ ихъ, противодействовать имъ. Рѣшиться на такую задачу могъ только человѣкъ съ характеромъ смѣлымъ и самоувѣреннымъ. Волыньскій былъ именно такимъ человѣкомъ.

Угадавъ что Биронъ бьетъ на то чтобы связать себя родственными узами съ императорскою фамиліею, онъ рѣшился разстроить этотъ замыселъ и счелъ нужнымъ прежде всего показать самой принцессѣ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ; средствъ же для достиженія этого нельзя было разбирать. Волыньскій зазывалъ къ себѣ въ домъ приближенныхъ принцессы, ласкалъ ихъ всячески, и пересказывалъ имъ, конечно для доставленія по адресу, разныя слышанныя имъ будто бы отъ герцога неприятыя для принцессы слова: якобы она недоступна и уничтожительна и проч.

Наконецъ, узнавъ о приведенномъ нами выше разговорѣ ея съ Бирономъ и заставъ какъ-то принцессу печальною, Волыньскій рискнулъ заговорить съ нею и самъ.

— Вы же, министры проклятые, на это привели! оборвала было его принцесса сразу.—За того теперь иду за кого прежде не думала: а все вы для своихъ интересовъ привели.

— Ни я, ни Черкасскій не виновны въ томъ!... отвѣтилъ, ожидавшій такого пріема и нѣсколько озадаченный, Волыньскій: — развѣ Остерманъ?... Да чѣмъ же ваше высочество недовольны?

— Тѣмъ что принцъ весьма тихъ и въ поступкахъ не смѣлъ, говорила принцесса капризнымъ голосомъ.

— О! вкрадчиво началъ Волинскій, — хотя въ его свѣтлости и есть кое-какіе недостатки, то напротивъ того въ ея высочествѣ есть довольныя благодарованія, и для того можетъ ея высочество тѣ недостатки снабждать или награждать своимъ благоразуміемъ. Въ томъ, — продолжалъ онъ мягкимъ и внушительнымъ голосомъ, — въ томъ разумъ и честь состоитъ, не удовольствія своего людямъ не показывать. Если принцъ тихъ, отъ сего лишь ея высочеству лучше, ибо будетъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ; а ежели бы ея высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ, то много бы отъ того всѣмъ вреда было.

И Волинскій высыпалъ все что только пришло ему въ голову невыгоднаго и о Петрѣ, и о Биронѣ, и о его ближнихъ. Казалось что слова его произвели впечатлѣніе на принцессу; по крайней мѣрѣ въ продолженіи нѣсколькихъ дней при дворѣ говорили что герцогу не достигнуть своей цѣли.

— Что? говорилъ Волинскій, самодовольно улыбаясь, собравшимся у него пріятелямъ, Мусину-Пушкину, Черкасскому, кабинетъ-секретарю Эйхлеру и другимъ. — Что? Съ нами, знать, не то что съ женскими персонами дѣло имѣтъ? Ужъ государыня принцессѣ Аннѣ выбирать изъ принцевъ Петра и Автона, котораго похочетъ, приказывала. А она такой отвѣтъ дала: когда же на то соизволеніе вашего императорскаго величества, то лучше же пойду за принца Брауншвейгскаго, для того что онъ въ совершенныхъ лѣтахъ и стараго дому: — а? Какъ вамъ сіе покажется? ха, ха, ха! смѣялся Волинскій. Лестоку принцесса Елизавета Петровна за великую тайну это сказывала, яко бы отъ самой принцессы Анны она слышала.

— Да, принца Петра Бирона ласкательное обращеніе замѣтить давно можно было, говорилъ Черкасскій, — и удивительно какъ сіе, при благосклонности императрицы къ герцогу, не случилось? Удивительно! разводилъ онъ руками.

— Вотъ бы сдѣлалъ Годуновскій примѣръ! съ улыбкой восклицалъ Волинскій.

— Тогда бы и не такъ прибралъ насъ въ свои руки, замѣтилъ Пушкинъ.

— До того знатно Остерманъ не допустилъ бы, продолжалъ Черкасскій; — отсовѣтовалъ бы. Человѣкъ онъ дальновидный и хитрый... Но и слава Богу что это не сдѣлалось! Принцъ Петръ человѣкъ горячій и сердитый, еще залальчивѣе реже-

ли его родитель; а принцъ Брауншвейгскій, хотя и не высокаго ума, однакоже человекъ легкосердый, милостивый, да и вся ихъ фамилія.....

— У! Принцъ Петръ пребезмѣрно горячъ и долгопамятенъ, сказалъ Эйхлеръ. — За бездѣлицу осердится и долгопамятствуетъ. Герцогъ хотя вспыльчивъ, да отходчивъ.

Волынскій наслаждался всѣми этими разговорами. Провожая гостей, онъ не удержался отъ совершенно даже излишней откровенности. Нагнувшись къ Эйхлеру, шепнулъ онъ ему на ухо, что и теперь, въ то время когда они разговаривали, у него тамъ, на женской половинѣ, есть кое-кто изъ приближенныхъ къ принцессѣ, которыхъ онъ вообще „какъ можно при случаѣ умастиваетъ“.

— Не очень ты, батюшка Артемій Петровичъ, къ государынѣ принцессѣ близко себя веди; можешь навести на себя суслицю отъ герцога. Каково ему покажется что мимо его дороги ищешь!

Но Волынскому не въ пору было слушаться теперь совѣтовъ. Не успѣли еще закрыться за гостями двери, какъ онъ уже скорыми шагами пробирался на половину дочерей.

Въ числѣ многолюдной дворни его различныхъ племенъ и націй, бѣгали двое уже взрослыхъ мальчиковъ, по сходству которыхъ съ хозяиномъ и по нѣкоторой оказываемой имъ остальными слугами аттенціи, можно было заключить что не всегда чистота нравовъ въ домѣ Артемія Петровича строго соблюдалась и что онъ свободно пользовался выгодами вдовьяго своего положенія.

Дѣйствительно, рѣдко случалось чтобы проходя мимо дѣвичьей, наполненной разнаго возраста горничными, грозный баринъ не останавливался предъ вскакивавшими съ своихъ мѣстъ служанками, не измѣнялъ бы своего суроваго вида на многозначительную улыбку и не отлусгилъ бы тутъ же такой штуки отъ которой прятались молодицы за спины старшихъ, бывалыхъ дѣвокъ, какъ прячутся молодые рекруты за спины старыхъ солдатъ. При теперешнемъ веселомъ своемъ настроеніи духа, онъ, вступивъ въ дѣвичью, сторбился, зажмурился, вытянулъ обѣ руки впередъ, какъ дѣлають играющіе съ завязанными глазами въ жмурки, и направилъ атаку свою на стѣснившихся къ одной сторонѣ комнаты горничныхъ.

Послышался сдержанный визгъ, смѣхъ,—но вдругъ всѣ за-

молкли, а удивленный, Артемій Петровичъ, открывъ глаза, увидѣлъ что онъ держитъ за руку блѣдную и испуганную, но весьма миловидную и совершенно незнакомую ему дѣвушку.... Эта дѣвушка была Мама. Она рѣшилась навѣдаться на подворье Волинскаго и узнала отъ людей его что онъ „просто“ когда не гнѣвезъ и что, если попасть въ добрый часъ, то помочь готовъ всякому.

— Приходи, голубка, къ намъ въ дѣвичью, сказала поворова сватья, кружевница;—тамъ де и государя Артемья Петровича увидишь, какъ проходить будетъ.

И вотъ Мама точно увидѣла его, только уже такъ какъ вовсе не чаяла!

— Вотъ забрела какая! а? Звать тебя какъ, милая? а? спрашивалъ Артемій Петровичъ, близко разглядывая красивое лицо Маши и нисколько не церемонясь въ своемъ съ нею обращеніи.

Смущенная Мама молча лятилась назадъ, стараясь вырваться изъ крѣпко державшихъ ее рукъ; слова останавливались у нея въ горлѣ.

— Съ просьбой къ вашей милости, отвѣтила наконецъ за нее одна изъ старыхъ горничныхъ, обстрѣленныхъ.

— Говори, сказывай! напелгывали Машѣ въ то же время окружавшія ее дѣвки....

— Съ просьбой? повторилъ Артемій Петровичъ, а-а? Пстой же, повремени,—прибавилъ онъ въ полголоса, и выпустивъ Машу, послѣшно направился къ дочерямъ.

— Сказывала бы, чего ты, э-эхъ! какая стыдливая! окруживъ Машу, толковали горничныя, а Мама, блѣдная, смотрѣла растерянными глазами вокругъ, ища хоть какое-нибудь лицо которое могло бы понять что хотѣлось ей телерь выговорить и что было у нея на душѣ.

— Уйти мнѣ что ли, уйти? прошептала она наконецъ, обратившись къ поваровой сватьѣ.

— Пстой, повремени! самъ приказалъ! отвѣтила та, и съ послѣднимъ словомъ, двери сосѣдней комнаты открылись снова и олять на порогѣ показался Артемій Петровичъ въ сопровожденіи двухъ дочерей и какой-то дамы, которую онъ любезно приглашалъ пройти къ себѣ.

— Все сдѣлать можно, говорилъ Волинскій,—все. А лошади ми ея высочество довольна ли? Да? Ну и слава Богу! Мои

дѣвчонки малы еще, угостить гостью какъ надлежитъ не умѣютъ,—ко мнѣ, прошу милости, ко мнѣ...

— Подарить ее надо и ласкать, прибавилъ онъ шепотомъ, пропустивъ гостью впередъ и обращаясь къ шедшимъ сзади дочерямъ,—чтобъ и она, когда во дворецъ прѣдете, была съ вами ласкова.

— Ну, просьба какая жь у тебя? сказалъ онъ наконецъ, оставивъ дочерей и махнувъ головой Машѣ.

— Стулай, иди! шептали за ней голоса, толкая впередъ бѣдную испуганную дѣвушку.

— Мнѣ то за тайну сказать только можно! подвинувшись къ Волынскому, рѣшилась проговорить въ полголоса Маша.

— А? за тайну? словно обрадовавшись сказалъ Волынскій,—ну, коль за тайну.... недосугъ мнѣ съ тобою нынѣ, а ты приходи, слышь.... вечеркомъ лобывай, вечеркомъ, а?.. прѣдешь? прибавилъ онъ, беря ее шутаиво за подбородокъ,—прѣдешь?

И не дождавшись отвѣта, скорыми шагами вышелъ вонъ.

— Что жь это такое? подумала Маша, не рѣшаясь еще лопать весьма впрочемъ прозрачнаго смысла словъ Волынскаго. И когда горничныя, въ глазахъ которыхъ дѣло ея было уже выиграно, стали ее поздравлять, прося чтобъ и она ихъ въ свою очередь не забыла, Маша, едва удерживая слезы, поспѣшила вонъ, съ твердою рѣшимостью не переступить болѣе этого порога.

XX.

Дви потекли для нея попрежнему, однообразно и ровно, только еще тяжеле прежняго. Она перестала принимать Гвоздева, но онъ не терялъ ея изъ виду; слѣдилъ за ней и въ церкви, и на улицѣ, и всюду, гдѣ тоскуя и томясь своимъ одиночествомъ, случалось ей бывать. Онъ зналъ когда она выходитъ изъ дому, когда возвращается; зналъ о посѣщеніи ею кабинетъ-министра, зналъ даже о чемъ разговаривала она съ хозяйкой, которую давно уже склонилъ и деньгами, и страхомъ на свою сторону. Конечно Гвоздевъ былъ не настолько самолюбивъ чтобы надѣяться на любовь къ нему пригожей Маши, но понималъ и то что дѣвушкѣ въ ея положеніи не слѣдовало быть слѣшкомъ разборчивой невѣстой.

Пробравшись разъ безъ всякаго спросу и предупрежденія

въ комнату Маши, Гвоздевъ рѣшился формальнымъ образомъ предложить ей руку и сердце. Маша, замѣтивъ въ немъ тѣ самые глаза и то выраженіе лица какіе были у него въ день послѣдняго ихъ свиданія, вдругъ вскочила съ мѣста и, испугавшись, остановилась посреди горницы.

— Авдотья, Авдотья! громко позвала она хозяйку, но отвѣта не было.

Она крикнула еще и изо всей силы, но улыбающееся лицо Гвоздева показывало что кричить она напрасно и что онъ былъ виновникомъ отсутствія хозяйки.

Маша сильно рванулась къ двери, но Гвоздевъ, продолжая улыбаться и жмуриться, удержалъ ее за руку.

— А? сказала тогда Маша, выпрямившись и принявъ угрожающій видъ.— Не оставишь ты меня?

— Я... я... переминался Гвоздевъ,—вѣдь не дурное что, Маша, замыслилъ. Выслушай меня.. Маша..

— Не оставишь? повторяла она, стараясь свободною рукою вырвать ту которую держалъ Гвоздевъ.

— Хе, хе, хе! притворно смѣялся онъ, сжимая ее еще крѣпче.— Выслушай, выслушай ты меня Христа ради. Отецъ твой на то согласіе даль... обѣщаніе...

— Оставь, оставь ты меня! прочь! кричала Маша, дергая руку во всѣ стороны.

— Ну! сказала она, выбившись наконецъ изъ силъ и садясь поневолѣ возлѣ него,—убить ты меня, не убьешь...

— Ахъ! грѣхъ тебѣ, грѣхъ, Маша! Я-то тебя убить?... началъ Гвоздевъ.

— Докащицей я никогда не была...

— И я оставлю! Вотъ те Христось оставлю, искренно, будто обрадовавшись, поспѣшилъ перебить ее Гвоздевъ.

— Но была не была,— а на тебя докажу! окончила Маша, вспомнивъ вдругъ всѣ откровенные разказы Гвоздева.

Полужамуренные глаза Гвоздева открылись больше обыкновеннаго при этихъ словахъ. Въмѣсто улыбки обозначились во всемъ своемъ безобразіи его тонкія губы. Крѣпко сжатая рука Маши почувствовала нѣкоторое облегченіе.

— Государево слово и дѣло и я сказать сумѣю, продолжала она, обрадовавшись впечатлѣнію произведенному ея словами.

Блѣдный, вскочилъ Гвоздевъ на ноги при этихъ словахъ и, не выпуская еще руки Маши, искалъ, казалось, поворачивая

голову во всѣ стороны, либо окно въ которое можно было бы ему выскочить, либо какое-нибудь орудіе которымъ можно было бы тутъ же прихлопнуть Машу.

— Уйдешь, телерь уйдешь? грозно повторила послѣдняя, вставая также съ мѣста.

Молча лятился Гвоздевъ къ дверямъ, шевеля только губами. Что-то зловѣщее свѣтлосъ въ бѣгающихъ его глазахъ.

— Оставь, кинь Маша! тихо проговорилъ онъ.

— А? знать ты этого боишься? Прочь же, прочь! Пусти меня, кричала Маша, снова принимаясь бороться и освобождая наконецъ свою руку.

— Тсъ! Молчи! злобно зашипѣлъ вдругъ Гвоздевъ, нащупавъ наконецъ сзади дверную скобку и зажавъ ей другою рукой ротъ.

— Вонъ! вскрикнула наконецъ Маша и сильнымъ толчкомъ выпроводила его за дверь.

— Государево слово можно сказать и не за тайну, при всѣхъ! опять пойду къ Волынскому! думала она, дрожа отъ волненія и страха.

Но благоприятный моментъ ходатайства у кабинетъ-министра былъ уже пропущенъ,—обстоятельства Волынскаго перемѣнились.

XXI.

Случилось въ это время событіе, надѣлавшее много шума не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ.

Разнесся слухъ о томъ что посланный изъ Швеціи въ Константинополь для заключенія союзнаго договора между этой державой и Турціей, майоръ Синклеръ, убитъ въ Силезіи, близъ саксонской границы русскими офицерами, а находившійся при немъ ратификованный договоръ, равно какъ и вся перелиска Швеціи съ Турціей, перехвачены убійцами, которые вслѣдъ затѣмъ исчезли.

Тѣло Синклера найдено было въ лѣсу съ прострѣленнымъ животомъ, израненною головой и исковерканнымъ сабельными ударами лицомъ; на рукахъ его остались кольца, въ карманахъ наши только табакерку и платокъ.

Кто бы ни былъ тотъ кто совершилъ убійство Синклера, во всякомъ случаѣ дѣло это крайне непріятно, и посланники наши при иностранныхъ дворахъ не знали чѣмъ отговориться

и спрашивали наконецъ офиціально что имъ отвѣчать на предлагаемые отовсюду вопросы.

Биронъ съ Остерманомъ придумывали что отвѣчать на неприятные запросы посланниковъ и, разумется, Андрей Ивановичъ выручилъ. Поломавшись вдоволь, потерявъ нѣсколько разъ свою большую подагрой ногу и опустивъ зеленый зонтикъ на страдающіе глаза свои, Остерманъ сказалъ протяжнымъ голосомъ:

— Мы желаемъ прежде всего мира съ султаномъ; былъ бы миръ, не случилось бы неприятнаго происшествія со шведскимъ майоромъ. Безлокоіство государыни такъ ловятно... Но развѣ ей извѣстны виновники этого гнуснаго дѣла? Развѣ знаете вы ихъ имена? обратился онъ къ широко раскрытому глаза своему собесѣднику. Я ихъ не знаю тоже, и тѣмъ легче будетъ мнѣ составить объясненіе отъ имени ея величества. Ну, а для тѣхъ которыхъ называютъ участниками злодѣянія, вы, любезный герцогъ, придумаете наказаніе. У нихъ точно, я думаю, было злое умышленіе, лукаво посмотрѣвъ на герцога, заключилъ Остерманъ.

Биронъ нашелъ что мнѣніе барона Андрея Ивановича очень основательно, и суровая фізіономія его, при началѣ разговора, быстро просіяла. Онъ такъ развеселился что, желая потѣшить хозяина и зная въ какой степени не долюбивалъ Остерманъ Волынскаго, разказалъ на прощанье какъ на сего послѣдняго подали императрицѣ жалобы шталмейстеръ Кискевъ съ сыномъ о неправильномъ будто бы отрѣшеніи ихъ отъ должности и съ обвиненіемъ въ безпорядкахъ по управленію конюшенными заводами даже самого министра.

— Вотъ бѣда! сказалъ какъ бы съ сожалѣніемъ, но съ какою-то злою радостію Остерманъ.—Если Нѣмцы высокую честность русскаго министра помрачатъ... онъ тогда насъ еще болѣе ненавидѣть будетъ,—бѣда!

— Ха, ха! смѣялся Биронъ, прощаясь съ вице-канцлеромъ.— Императрица требуетъ отъ него объясненія.

— Объясненія? О! бѣда, бѣда! говорилъ Остерманъ, раскланиваясь съ важнымъ гостемъ и лукаво улыбаясь.

А Волынскому было не до смѣха. Императрица въ самомъ дѣлѣ требовала отъ него объясненія по сказаннымъ жалобамъ, и за сочиненіемъ этого объясненія сидѣлъ онъ вотъ уже нѣсколько дней.

Накитѣвшая злоба къ Остерману, Головину, Куракину и

другимъ лицамъ которыхъ онъ считалъ своими врагами, за-
таенные планы о разныхъ перемѣнахъ, желаніе отличиться,
наконецъ нѣкоторая пріобрѣтенная популярность, какъ чело-
вѣка русскаго, и досада на осмѣлившуюся писатъ доносъ „Нѣм-
чуръ“, все это раздражало Волинскаго и заставляло его изли-
вать на бумагу можетъ-быть болѣе того что сказалъ бы онъ
находясь въ нормальномъ положеніи. Выходило цѣлое сочине-
ніе съ примѣчаніями и объясненіями.

Сказавъ въ началѣ о причинѣ отрѣшенія отъ должности
доносчиковъ и опровергнувъ ихъ доносы, Волинскій просилъ
строжайшаго изслѣдованія и защиты отъ недоброжелателей; по-
томъ, выставая свои заслуги, какъ это водилось обыкновен-
но, онъ описывалъ свою бѣдность и долги, называя себя ни-
щимъ; говорилъ о печали отъ которой желалъ бы лучше умер-
еть, тогда какъ „нѣкоторые безсовѣстные льстецы и туне-
ядцы“ лучше его живутъ и больше довольства имѣютъ; на-
конецъ поручалъ себя и бѣдную свою жизнь милосердію го-
сударыни и при семь особливо, заключалъ онъ, пріемлю смѣ-
лость всеподданнѣйше донести „какіе притворство и вымы-
слы употребляемы бываютъ при вашихъ монаршескихъ две-
рахъ и въ чемъ вся такая закрытая, безсовѣстная политика
состоитъ.“ Далѣе онъ говорилъ, не называя впрочемъ никого
по имени, что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ престолу
стараются помрачить добрыя дѣла людей честныхъ и приво-
дить государей въ сомнѣніе чтобы никому не вѣрили; „бездѣ-
лицы, продолжалъ онъ, изображаютъ въ видѣ важномъ и ниче-
го прямо не изъясляютъ, но все закрытыми и темными тер-
минами съ печальными и ужасными минами, дабы государя
привести въ безлокойство, выказать лишь свою вѣрность и
заставить только ихъ однихъ употреблять во всѣхъ дѣлахъ,
отчего прочіе, сколько бы ни были ревностны, теряютъ бо-
дрость духа и почитаютъ за лучшее молчать тамъ гдѣ долж-
ны бы ограждать цѣлость государственнаго интереса.“ Ежели,
говорилъ Волинскій въ заключеніе, „я или другой кто бу-
детъ такими дьявольскими каналами себя производить, може-
те ваше величество меня или того безъ сомнѣнія за совер-
шеннаго плута, а не за вѣрнаго къ вамъ раба лочитать.“

Посланиемъ своимъ Волинскій остался такъ доволенъ что
показывалъ его своимъ пріятелямъ и даже заставилъ адъюнк-
та академіи Ададунова перевести его на нѣмецкій языкъ, что-
бы прочесть Бирову.

— Остро очень писано, сказалъ, прослушавъ чтеніе, князь Черкасскій.—Если попадется въ руки Остермана, то онъ тотчасъ узнаетъ что противъ него.

— Это самый портретъ графа Остермана, говорили другіе.

Биронъ ничего не сказалъ, получить это посланіе, и подавать его не отговѣтывалъ; но предупредилъ противъ него государыню, до которой начинали доходить слухи о сближеніи Волынскаго съ принцессой Анной.

Дѣло было лѣтомъ. Дворъ находился въ Петергофѣ, и время для подачи какого бы то ни было рода объясненія или письма было самое неблагоприятное. Съ одной стороны, исторія съ Сивклеромъ, которую только что успѣли замазать декларацией къ нашимъ иностраннымъ посламъ съ формальнымъ отеченіемъ государыни отъ участія въ этомъ дѣлѣ, и ссылкой виновныхъ въ Сибирь; съ другой стороны, вѣсти объ отправленномъ Мекленбургскимъ герцогомъ Карломъ * французскомъ генераль-майорѣ де-Фалари съ какими-то неприятными порученіями, вслѣдствіе которыхъ приказано было этого де-Фалари арестовать и препроводить въ Москву.. Все это вмѣстѣ должно бы, казалось, было остановить Волынскаго; но, находясь давно уже на счету людей умѣющихъ владѣть перомъ, извѣстный съ этой стороны и государынѣ, занимаясь наконецъ, какъ мы знаемъ, по порученію ея самой сочиненіемъ различныхъ проектовъ и предположеній, онъ и думать не хотѣлъ теперь о какихъ-либо прелестствіяхъ. Авторское самолюбіе его разыгралось до такой степени, что подавъ письмо, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того дня когда прочтетъ его государыня, чтобы изъ устъ ея самой прослушать похвалы своему сочиненію.

— Знатно взялъ однако Волынскій объясненіе свое изъ книги Макиавелевой, весьма недовольнымъ тономъ сказала между тѣмъ государыня, выйдя разъ поутру къ собравшимся придворнымъ и обратясь къ случившимся возлѣ нея Черкасскому и Куракину.

Черкасскій промолчалъ, вытянувъ только еще болѣе свою и безъ того выдающуюся впередъ бороду. Но безъ отвѣта замѣчаніе это однакоже не осталось.

— Предъ своею смертью, сказалъ герцогъ Биронъ, наклонившись къ государынѣ и выразительно посмотрѣвъ на Кура-

* Мужъ покойной Екатерины Ивановны и отецъ принцессы Анны.

кина, — предъ своею смертию, Ягужинскій говорилъ: „Волынскому, за насмѣшки и интриги, два года только въ кабинетѣ быть“....

— А потомъ его повѣсить велать! докончилъ въ полголоса и смотря на Бирона Куракинъ.—Тѣ говорилъ Ягужинскій, продолжалъ онъ громко и обращаясь уже къ государынѣ; а я, ваше величество, узнать могу какъ Волынской бровью поведетъ или ногой стулится, чего онъ домогается,—украсть ли хочетъ, солгать ли, или оклеветать.

Государыня пропустила мимо ушей эти слова, позволяя Куракину всякія шутки.

Но Куракинъ не любилъ когда остроты его не производили эффекта.

— Ваше величество, заговорилъ онъ снова, заходя съ боку къ государынѣ, которая, собираясь кататься, двинулась было уже къ выходу.— Ваше величество, все что для Россійской Имперіи государь нашъ батюшка Петръ I сдѣлалъ, поддерживать изволите, а въ одномъ отъ сего отступаете.

— Ну? вопросительно и строго взглянула на него императрица, остановившись.

— Государь Волынскаго повѣсить желалъ, а ваше величество его..... помиловали! сказалъ Куракинъ.

На этотъ разъ государыня дѣйствительно засмѣялась и махнувъ рукой, съ веселымъ уже лицомъ отправилась кататься.

Опоздавъ во дворецъ, Волынской пріѣхалъ въ то время когда никого изъ сановниковъ тамъ уже не было, а сама императрица не возвращалась еще съ прогулки. Походивъ въ приемной, посмотрѣвъ въ окна, поговоривъ кое съ кѣмъ изъ придворныхъ, онъ вышелъ наконецъ совершенно спокойно на встрѣчу къ государынѣ, подѣхавшей въ такъ-называемой садовой таратаечкѣ, то-есть поставленной на низкія колеса корзинкѣ.

Зайдя впередъ, Волынской трепалъ по ушамъ маленькихъ лошадей, гордо завывавшихъ головы.

— Охъ и кони, кони! развязно говорилъ онъ, въ то время какъ государыню высаживали изъ экипажа. Кони бѣзры! У! холя, холя!...

Но молча, не взглянувъ даже на него, вошла императрица въ свои покои, а Волынской за нею.

— Ты мнѣ до совѣсти объяви, сказала она вдругъ, обра-

тившись къ нему, сухимъ тономъ, — кого ты въ письмѣ своемъ описывалъ, а?

Озадаченный Волынскій вытаращилъ глаза; внутри закипѣла злоба, и отъ вспыльчивой и грубой натуры его требовалось большое усиліе чтобы воздержаться.

— Кого, ваше величество? Куракина! Николая Головина, а лаче всего Остермана! отвѣчалъ онъ коротко и безъ всякой робости. — Говорить о томъ лишь не смѣлъ.

— Да что ты мнѣ это точно молодыхъ лѣтъ государю подаешь? Хоть бы о времени подумалъ какое теперь! съ досады сказала Анна, повернувшись къ нему спиной.

— Ваше величество! Обогатить меня Куракину и цѣлымъ врагамъ моимъ всегда можно, едва перевода духъ, началъ было Волынскій, взглянувъ на стоявшаго молча и какъ будто ни въ чемъ не принимавшаго участія Бирона. — А что безпокойство мною учинено во время деликатныхъ конъюнктуръ, въ томъ я виновъ, виновъ предъ вашимъ величествомъ, повторялъ онъ.

Но государыня уже удалилась, не отвѣчая и повидимому не слушая его.

Въ страшномъ волненіи возвратился домой Артемій Петровичъ. Едва переступилъ онъ порогъ, какъ посыпались брава и жалобы на Остермана, на Головина, на Куракина, и даже на самого герцога.

— И онъ что? На его вравъ нынѣ потрафить не можно, при той суслицѣ которую ему Остерманъ внушилъ, чтобы ему одному быть въ кредитъ. Враги они мнѣ всѣ! Всякій куражъ потеряешь! Ни въ комъ нѣтъ вѣрности и радѣнія! Всѣ враги они, всѣ! кричалъ и горячился Артемій Петровичъ.

Кубанецъ только отмалчивался, держась поодаль.

Секретарь Гладковъ, подвернувшійся какъ-то, получилъ тутъ же лобовъ изъ собственныхъ рукъ министра. Все было не такъ, вездѣ видѣлъ Волынскій безпорядокъ. Слуги метались, какъ уторѣлые, изъ стороны въ сторону: на одного сыпалась ругательства, другой отправленъ былъ для наказанія батогами; самъ Артемій Петровичъ, какъ въ лихорадкѣ, то садился къ столу, принимаясь писать еще новое донесеніе государынѣ, то рвалъ въ клочки бумагу и опять бѣжалъ творить свою домашнюю расправу, то снова начиналъ писать...

— Раздавлю! Убью! Подайте мнѣ того, подайте мнѣ этого! кричалъ онъ; словомъ, буря, настоящая буря стояла въ домѣ.

XXII.

Въ пустынномъ переулкѣ одной изъ отдаленныхъ частей Петербурга, у низенькаго домика сидятъ за воротами, на завалинкѣ, Маша съ своею хозяйкой Пташкиной. Тянутся по переулку длинныя изгороди, недостроенные дома и пустыри. Кругомъ тишина. Вдали отчетливо слышится только лай собакъ, стукъ проѣхавшей гдѣ-то телеги и какіе-то неопредѣленные звуки не то вѣды, не то гдѣ-то голоса человѣческаго.

— Что-то тѣло чешется? говоритъ басистымъ голосомъ хозяйка, пожимаясь плечомъ къ косяку калитки;—и суббота прошла, а въ баню все не ходила; далече бани-то нынѣ стали.

— Ты бы въ лечку, возражаетъ ей равнодушно Маша.

— И! куда-те!—сгорюшь. Бывало къ Груднику сусѣду ходила, да къ Смирному, а нынѣ ужъ и имъ лущать къ себѣ ларильщиковъ запретъ вышелъ. Всѣмъ у кого въ домахъ бани есть, сломать приказано: въ откулныя ходи; а гдѣ тутъ дойдешь....

— Далече, куда! согласилась Маша.

— Э! вдругъ точно вспомнивъ что-то и встреленувшись, сказала хозяйка, опуская руку въ карманъ;—ты знать грамотна. Что на базарѣ мнѣ даве сказывали? ну-ка, что тутъ написано-то? прибавила она, подавая Машѣ три пятикопѣечника.

— Пя-ть копѣ-екъ.

— Ну?

— И тутъ: пя-ть ко-пѣ-екъ.

— А тутъ?

— И тутъ опять: пять ко-пѣ-екъ! читала Маша по складамъ надпись на подаваемыхъ ей монетахъ.

— Ну точно,—точно, заговорила хозяйка,—копѣекъ; вотъ эти самые отбирать въ казну указано. Эти вотъ, сказываютъ, хожаые, а этотъ воровской.

— А-а-а? удивилась Маша.

— И кто ихъ, люди, выдумалъ, кто таки воры есть? разставляя руки и глядя на свои пятикопѣечники, повторяла въ недоумѣніи хозяйка. Все съ нашей бѣдности, все съ бѣдности нарываютъ! Надысь весной покойника въ нѣмецкой церкви раздѣли,—гдѣ-то головы вѣдь людямъ за то лорубали; а я такъ думаю: тоже, чай, съ бѣдности сердечные; нищета замучила. О-охъ, хо, хо, хо!

И замирали въ пустынномъ переулкѣ звуки басистаго голоса хозяйки и вздохи которыми она сопровождала свою болтовню и которыми вторила Маша.

Уже смеркалось. Воздухъ свѣжѣлъ. Огни видѣвшіеся коегдѣ въ окнахъ потухли. Среди царствовавшей вокругъ тишины, слышались съ правой стороны на улицѣ словно чьи-то шаги. Собесѣдницы, замолчавъ, стали вслушиваться; шаги приближались. Неизбавоанныя разнообразіемъ уличной жизни, Маша съ хозяйкой смотрѣли съ любопытствомъ въ даль. Фигура прохожаго ясно уже обозначилась на свѣтлой полосѣ не совсѣмъ угасшей еще зари. Фигура эта, высокаго роста, одѣта была въ мужичій зилунъ и въ лапти; за спиной нѣшокъ, палка въ рукахъ. Еще немного, и можно уже разглядѣть черты лица прохожаго; еще нѣсколько шаговъ, и онъ уже возлѣ нихъ.

— Здравствуйте.

— Здорово, родимый. Издалеча-ли? спросила хозяйка, отдавая поклонъ и поглядывая искоса на Машу, несовсѣмъ доврчиво разглядывавшую стоявшаго предъ ними человѣка.

— Въ Глухой переулокъ такъ чтоль идти?

— Тутъ и есть! Глухой переулокъ; да кого тебѣ, аль знакомые есть?

— Пташкиной дворъ далеча-ли?

— Пташкиной?! повторили обѣ женщины въ одинъ голосъ, ставъ на ноги, а Маша проворно юркнула при этомъ въ калитку. Мысль о Гвоздевѣ и какомъ-нибудь новомъ его преслѣдованіи обдала ее холодомъ.

— Да тебѣ кого надо-то? Я Пташкина, ну? говорила нетерпѣливо и съ нѣкоторымъ страхомъ хозяйка.

— Ой-ли! Ну? Еще здравствуйте! сказалъ незнакомецъ, снявъ весело шалку. Поклонъ я принесъ вамъ, Тишиной Марьѣ Осиповнѣ.

— Маша, Маша! оглянулась назадъ хозяйка; но Маша, стоявшая уже за воротами, замахала только съ испуганнымъ лицомъ руками.

— Отъ кого поклонъ-отъ? спросила хозяйка, начиная подаваться впечатлѣніямъ Маши и также вспомнивши Гвоздева,—отъ кого поклонъ-отъ?

— Поклонъ-отъ отъ кого? Ишь ты! позадумался также прохожий.—Да дворъ-отъ точно Пташкиной-ли? Статся-можетъ другой? Тишина Марья Осиповна здѣсь?

— Да что надо-то, ну? нетерпѣливо и грубо спросила хозяйка.

— А? Ну коль здѣсь, ей и скажу.

— Отъ кого поклонъ, отъ кого поклонъ? не подаваясь съ мѣста повторяла между тѣмъ Маша, толкая хозяйку въ бокъ.

— Отъ кого поклонъ? говорила та вслухъ.

— Ну чего пытаете? не разбойный я человекъ; аль другого кого дожидаете? Отъ Миктерова поклонъ принесъ, прибавилъ въ полголоса незнакомецъ, подвигаясь ближе и вытѣсная наконецъ съ мѣста хозяйку, загородившую было ему калитку. Ты чтоль Тишина-то, ну?

И общая радость замѣнила тотчасъ же чувство недоверія и страха съ которыми за минуту предъ тѣмъ разговаривали между собою незнакомые.

Миктеровъ живъ, Миктеровъ не только вспомнилъ о Машѣ, но посылаетъ ей даже поклонъ, посылаетъ ей человекъ которому онъ открылся, следовательно человекъ вѣрнаго! И защита противъ Гвоздева, и надежда на свиданіе съ милымъ, и надежда на возобновленіе прежнихъ отношеній,—все вѣдь было здѣсь!

— Господи, Голубушка моя! Родимый мой! повторяла Маша, крестясь и бросаясь отъ хозяйки къ прохожему.—Господь не оставилъ меня грѣшную; да гдѣ онъ, милый-то мой, да когда онъ будетъ, доживу ли я? Ненаглядный мой... охъ, стыдъ дѣвичій потеряла! простите меня! и смѣялась, и плакала Маша.

Что же приказывалъ ей Миктеровъ? Что же узнала она о немъ? Да немного. Она узнала что онъ гдѣ-то далеко, а гдѣ именно — того не сказалъ его посланный, бывший деньщикъ его Дерюгинъ. Миктеровъ долженъ былъ, какъ говорилъ Дерюгинъ, отыскать въ Москвѣ оставленные тамъ Торбеевымъ, извѣстные Машѣ, ложитки, и въ случаѣ удачи, съ ложитками этими явиться въ Петербургъ, гдѣ наказывалъ онъ ей дожидаться его. Что намѣренъ былъ онъ сдѣлать потомъ, ничего не зналъ Дерюгинъ, дальше и не спрашивала Маша; она могла и сама дѣлать насчетъ этого всѣ возможныя и особенно самыя радостныя предположенія.

— Только бъ мнѣ дождаться его, только бъ мнѣ съ нимъ свидѣться! говорила она, обнимая хозяйку.—Не оставляю его во вѣкъ, что бы со мною ни сталося!

И дѣйствительно, будь теперь Миктеровъ здѣсь, заговори онъ съ нею такъ какъ говаривалъ когда-то, предъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, не то бы уже отвѣчала ему Маша что отвѣчала тогда, не такъ бы его отпустила.

XXIII.

Смущенная извѣстіемъ о возможности свидѣться съ Миктеровымъ, Мама страшно безлокоилась, желая теперь болѣе прежняго чтобы возвращеніе отца чѣмъ-нибудь позамедлилось, и боясь чтобы какъ-нибудь не попалъ Миктеровъ въ руки Гвоздева, который, по мнѣнію ея, долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь близко.

Но Гвоздевъ давно уже куда-то исчезъ и не показывался; что же касается до Тишина, то, работая усердно по своему порученію въ Сибири, онъ позабылъ, казалось, теперь о томъ что оставлено имъ было за собою въ Петербургѣ, и весь погрузился въ интересы того уголка куда загнала его судьба.

Небольшое селеніе, или такъ-называемый городъ Березовъ, стоящій на острову образуемомъ рѣками Сосвой и Вогучкой, въ четырехъ тысячахъ верстахъ отъ столицы, съ десяти-мѣсячною зимой, съ жителями вѣздящими на собакахъ, одѣвающимися въ одежду изъ оленьей кожи, питающимися сырою рыбой,—вотъ та бѣдная, жалкая обстановка въ которой очутился Осипъ Кондратьевичъ и гдѣ засталъ Долгорукихъ, уже привыкшихъ отчасти къ этому рода жизни и благодарившихъ еще судьбу за мѣсто ссылки, которое, по сравненію съ другими, должно было все-таки считаться однимъ изъ лучшихъ.

Помѣщались они не въ городѣ, а въ особомъ острогѣ, построенномъ еще для Меншикова, неподалеку отъ церкви Рождества Богородицы; тамъ, въ деревянномъ, одноэтажномъ домѣ съ полукруглыми окнами, съ особою кухней и баней, проводили унылые дни эти нѣкогда сильные, богатые вельможи.... Женщины вышивали шелками иконы по камкѣ и кисей, мужчины прикармливали и водили домашнихъ гусей, лебедей и утокъ, плававшихъ въ устроенной на дворѣ острога сажанкѣ. Бли деревянными ложками, лили изъ оловянныхъ стакановъ, ходили въ праздничные дни въ церковь, въ сопровожденіи вооруженнаго караула... Князь Алексѣй и жена его не могли долго выдержать такой жизни, а когда, по смерти ихъ, главой семьи остался бывший любимецъ Петра II, князь Иванъ, то житье стало еще хуже.

Князю Ивану, человѣку права кроткаго, не подъ силу было

держатъ въ ловиновѣнѣ обширную семью, считавшую между своими членами и такихъ какою была напимѣръ „разрушенная“ царская невеста; гдѣ было ему съ нею ладить? Несмотря на добрыя отношенія въ которыя стали изгнанники къ начальству ихъ, березовскому воеводѣ Бобровскому, къ караульному офицеру Петрову, къ священнику и другимъ,— среди самой семьи завелись скоро дразги, ссоры, слетни, отравлявшія жизнь хуже всякаго начальства. Княжна Екатерина возстановливала противъ князя Ивана младшихъ братьевъ, а жевъ его не давала проходу. Она подучила было князя Александра сказать на бывшаго царскаго любимца „слово и дѣло“, а сама находилась въ связи съ караульнымъ поручикомъ Овцынымъ; съ горя и отъ семейныхъ раздоровъ записъ даже бѣдный, слабхарактерный князь Иванъ. А въ городѣ между тѣмъ поговаривали что, несмотря на приказаніе свыше, ссыльнымъ жить было все-таки хорошо. И точно, они могли отлучаться иногда изъ острога, и даже свели знакомство съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ обывателей; на дѣвчничкѣ у какого-то посадскаго человѣка, княгиня Наталья Борисовна подарила невестѣ серебряныя вызолоченныя серьги, камку, свѣтку серебряную на челець; у новорожденного сына ея крестною матерью была даже жена самого воеводы Бобровскаго, получившаго также въ подарокъ ларчу серебряную.

Розказни ходившія обо всемъ этомъ по городу были пріѣхавшему въ Березовъ Тихину какъ нельзя болѣе на руку. Прибытіе его не возбудило подозрѣній; начальство смотрѣло на него какъ на простаго подъячаго; сами ссыльные не обращали на него вниманія, какъ на совершенно, казалось, невиннаго и ничтожнаго человѣка; Осилу Кондратьевичу дѣйствовать было отлично.

Попробовавъ, но неуспѣшно, соблазнить слугъ Долгорукихъ, дворовыхъ людей ихъ, Тихинъ нашелъ другіе пути и нашелъ ихъ даромъ, безо всякихъ расходовъ, заставляя разговаривать мѣстныхъ жителей. Семейныя дразги ссыльных, слетни, дѣла великой государственной важности, — все предъ нимъ скоро открылось. Онъ узналъ и о томъ что когда-то князь Александръ грозился брату „словомъ и дѣломъ“; развѣдалъ и записалъ для памяти сказанное будто бы княземъ Иваномъ однажды про императрицу: „Какая-де она государыня! она Шведка“; ухитрился открыть что сохранились у Долгорукихъ секретно какіе-то фальшивые латенты; понялъ и догадался

какъ смотрѣлъ вообще каждый изъ изгнанниковъ на свое положеніе,—словомъ, паукъ распустилъ свою паутину и даже, безъ особенныхъ при томъ усилій, успѣлъ проникнуть въ самый острогъ и войти съ Долгорукими съ знакомство.

Бывая у нихъ, онъ высматривалъ какихъ-либо вещественныхъ уликъ и скоро нашелъ ихъ. Однажды ему кинулась въ глаза лежавшая на столѣ у князя Николая книга: *О вѣнчаніи брака* сестры князя, поднесенная государю Петру II во время коронаціи. При видѣ такого явнаго доказательства измѣны, Осипъ Кондратьевичъ не выдержалъ и обнаружилъ свою настоящую роль.

— Чтѣ за книга? спросилъ онъ, ухватившись за нее обѣими руками.

— Не трогай, отвѣтилъ ему князь Николай;—книга сія кievской печати *О вѣнчаніи брака*.

— О вѣнчаніи? повторилъ Тишинъ съ удивленіемъ.

— Ну чтѣ дивуешься? О вѣнчаніи, да. Не трогай, сказано, прибавилъ онъ, схватясь за книгу и таща ее изъ рукъ Осипа Кондратьевича.

Но Тишинъ ее придерживалъ.

— У васъ книги сей бытъ не подлежатъ, замѣтилъ онъ, — не подлежатъ.

И точно испугавшись своихъ собственныхъ словъ, согнулся и книгу запряталъ въ полу кафтана.

— Ты чтѣ мнѣ за указъ? вскипятился на него князь Николай, возбужденный въ особенности жалкимъ, ничтожнымъ видомъ сыщика. — Ты чтѣ за птица? а? Сожгу ее когда самъ похочу, да не ты мнѣ укажишь. Давай! давай! наступалъ онъ на Тишина.

— Не подлежатъ, не подлежатъ, твердилъ между тѣмъ Осипъ Кондратьевичъ, сгибаясь все больше и больше и не выпуская изъ рукъ своей находки.

— Ахъ ты! Да ты чтѣ это вздумалъ? бросился на него князь Николай,

— Не отдамъ, повторялъ Тишинъ.

— Отдашь.

— Не отдамъ.

— Отдавай, шельма! закричалъ наконецъ внѣ себя князь Николай: — отдавай, говорятъ, не то...

— Чтѣ за шумъ? Чего шумите? сказалъ вышедшій на крикъ

майоръ Петровъ, удерживая уже поднятый княземъ Николаемъ кулакъ.

— Вору! Книгу со стола у меня воровски взять хотѣлъ, воръ, разбойникъ, шельма!...

— Ну, полно-те браниться! говорилъ Петровъ, останавливая князя.—А тебѣ что до книги? Оставь! обратился онъ къ Тишину:—пойдемъ, чего тебѣ? прибавилъ онъ, взявъ его за руку и уводя изъ комнаты.

И какъ послушная овца повиновался Осипъ Кондратьевичъ; обнаруживъ случайнымъ образомъ свою роль сыщика, онъ счелъ теперь не нужнымъ таиться долѣе. Все что было имъ съ такимъ искусствомъ вывѣдано, все поднесъ онъ теперь какъ на блюдѣ озадаченному майору: и непристойныя слова насчетъ государыни, и сохраненные патенты, и какую-то картину, изображающую помазаніе на царство Петра II, и....

— Ну, чего еще? Что ты плетешься? прервалъ его наконецъ вдругъ Петровъ посреди доклада.—Никакихъ словъ отъ нихъ принимать и слушать не велѣно; ты дѣла сего не вѣдаешь, такъ и молчи.

Просто ротъ даже разинулъ Тишинъ отъ такихъ рѣчей. Кто же говорилъ-то ихъ? Человѣкъ приставленный для караула преступниковъ по великому государеву дѣлу, человѣкъ на котораго онъ разчитывалъ какъ на поддержку въ случаѣ извѣта, который, казалось ему, долженъ былъ бы образоваться обстоятельству могущему возвысить его въ глазахъ правительства и начальства... Чего же тутъ было еще добиваться, какой помощи ожидать? Пришло, значитъ, время дѣйствовать самостоятельно.

— Охъ! покажетъ онъ намъ, говорилъ, узнавъ о происшедшемъ, князь Иванъ.

— Вранье это; ничего не будетъ, услоковалъ майоръ Петровъ,—вранье!

И въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль не было не только никакихъ дурныхъ признаковъ, но напротивъ, еще совершенно неожиданно и негаданно отъявился вдругъ въ Березовѣ капитанъ гвардіи Ушаковъ, отъ имени государыни навѣстити изгнанниковъ. Тишинъ совершенно ступешался.

Все Березовское населеніе словно ожило; между Долгоруки-ми возродились даже какія-то надежды на перемѣну судьбы. Всѣхъ обласкалъ, всѣхъ услоковалъ Ушаковъ; у всякаго изъ членовъ ссыльной семьи подробно спрашивалъ: какъ они

живутъ, чѣмъ недовольны, не было ли противъ нихъ большихъ строгостей; гуляя съ ними по городу, обѣщала просить о нихъ, обѣщала не оставить и добрыхъ, свисходительныхъ начальниковъ, словомъ, конца не было его любезностямъ и ласкамъ.

— Чего жъ ты? говорилъ посмѣиваясь князь Иванъ Осипу Кондратьевичу.—Коди вѣдаешь что про насъ недоброе, сказывала бы.

— Вотъ и правда знать моя, что вранье все, ничего не будетъ! замѣчала Петровъ.

— Его самого къ суду притянуть надлежить.

— Къ суду, точно къ суду.

— Онъ что намъ за указъ такой напелся?

— Чего на него долго смотрѣть?

— Э! вмѣшался вдругъ поручикъ Овцынъ, налетѣвъ на Тихива:—еще суда дожидать! Вотъ на тебѣ и безъ суда, а вотъ и еще, да еще! повторялъ онъ, отпуская ему одну оплеуху за другою.

Присутствовавшіе смѣялись, смотря на Осипа Кондратьевича, корчившагося подъ ударами Овцына.

Но смѣху и радостямъ скоро пришелъ конецъ. Ушаковъ уѣхалъ, и обстоятельства приняли вдругъ совершенно неожиданный оборотъ.

Въ темную сентябрьскую ночь, подлыми однажды тихо по Вогулкѣ четыре струга, остановились у Березова и тихо же, не говоря и не объясняя ничего, прѣвзжая команда спустила въ эти струги князя Ивана, Петрова, Овцына, священниковъ и т. д., всего человекъ тридцать.

Недѣлю спустя въ Тобольскѣ началось слѣдствіе, допросы, и слѣдователемъ надъ привезенными туда изгнанниками явился тотъ самый любезный калитанъ Ушаковъ который такъ обласкалъ ихъ въ Березовѣ.

— Пропали, пропали! въ одинъ голосъ завопили Долгорукіе.

— Пропали, охъ, пропали! повторяла за всѣми и „разрушенная“ царская невѣста.

— Хоть разокъ бы еще взглянуть на него, проститься! кричала, билась и рвала на себѣ волосы несчастная, разлученная съ мужемъ княгиня Наталья Борисовна; но и ее посадили подъ карауль.

Книги, письма, деньги,—словомъ все что нашли у изгнанниковъ, отправлено было съ нарочнымъ курьеромъ въ тайную

канцелярію. Князь Александръ въ отчаяніи и страхѣ распоролъ себѣ животъ. Слабохарактерный князь Иванъ не устоялъ и повисилъ тотчасъ же во всемъ, даже въ поддѣлкѣ завіщанія. Преступниковъ повезли въ Новгородъ, назначили судъ, и, довольный и торжествующій, возвращался Тихинъ въ Петербургъ, исполнивъ такимъ блестящимъ образомъ порученіе возложенное на него герцогомъ.

XXIV.

Десятаго сентября 1739 года, дежурный при фельдмаршалѣ Минихѣ, Апраксинъ, привезъ въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Хотина. Русская армія, послѣ удачнаго сраженія съ Турками подъ Ставучанами, проникла за Прутъ. Яссы отворяютъ предъ нею ворота; молдаванскіе бояре выходятъ на встрѣчу нашимъ войскамъ съ поклонами; господарь Гага бѣжитъ, оставляя намъ бунчуки, знамена турецкія и молдаванскія, пушки, бочки съ порохомъ, хлѣбныя магазины и пр.

Длиннымъ рядомъ побѣдъ Минихъ мечтаетъ уже поставить себя если не рядомъ, то по крайней мѣрѣ въ независимое положеніе отъ герцога. Но заключенный съ Турціей стараніями Бирона и Остермана Бѣградскій миръ кладетъ конецъ этимъ честолюбивымъ замысламъ.

— Фельдмаршалу нужна большая награда, ваше величество, говоритъ Биронъ государынѣ смѣясь;—онъ проситъ не менѣе какъ титула герцога Украинскаго, чтобы со мною поровняться.

— Ужъ не русскимъ ли великимъ княземъ его объявить? Я думала, онъ этого проситъ будетъ, отвѣчаетъ недовольная государыня.

И въ ничью разыгрываются всѣ труды Миниха, и опять кругомъ Бирона нѣтъ никого ему равнаго.

Между тѣмъ начинаются приготовленія къ празднованію мира. Ведутъ въ Петербургъ лѣнныхъ Турокъ. Сановники ждутъ награды и повышеній. Самъ герцогъ услѣлъ получить 500 тысячъ деньгами и кубокъ тысячъ въ 50. „Россія“, пишетъ изъ Магдебургскаго уединенія молодой Ломоносовъ:

Коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Анцинымъ покровомъ,
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ, и т. д.

И посреди всего этого, какъ гастрономъ придумывающій поелъ утонченнаго обѣда чѣмъ бы ему еще пощекотать себя языкъ, придумывалъ торжествующій герцогъ чѣмъ бы ему еще закрѣпить свое положеніе.

До высоты того могущества на которомъ онъ стоялъ, до той независимости и власти, никто, пока онъ тутъ, при немъ и на глазахъ его, достигнуть не можетъ: это ясно; но живы еще люди въ рукахъ которыхъ могущество это когда-то находилось; они еще дышать, ходятъ по землѣ; о нихъ еще вспоминаетъ иногда государыня.

— Такихъ людей, шепталъ онъ ей, называя Долгорукихъ, — устрашать надлежитъ. Надежды на нихъ имѣть не можно, они всегда готовы массакръ или замѣшаніе зачинать!

И, съ своей стороны, тайная канцелярія, какъ мы видѣли, доискивалась данныхъ, „вещественныхъ доказательствъ“ въ подкрѣпленіе такихъ внушеній—и, какъ мы тоже видѣли, нашла ихъ. Когда Миктеровъ, согласно плану переданному Дерюгинымъ Машѣ, пришелъ въ Москву, кровавый пиръ Бироноваго гнѣва былъ уже свершенъ. Въ верстѣ отъ Новгорода, на Федоровскомъ ручьѣ, при громадномъ стеченіи народа, кончалась судьба Долгорукихъ. Кого наказывали кнутомъ, кому языкъ урѣзывали, кого ссылали въ Камчатку, въ Охотскъ, въ дремучіе лѣса Горицкой обители, а у кого слетали съ плечъ долои и головы, подъ ударами зубчатого колеса на высококомъ, нарочно для сего случая устроенномъ помостѣ.

„Благодарю тя Господи!“ дикимъ голосомъ кричалъ князь Иванъ, въ то время какъ правая нога его валилась съ помостокъ. „Яко сподобилъ мя еси!“ продолжалъ стонать онъ, сисясь приподнять привязанную къ колесу голову. „Познать тебя Владыко!“ доканчивалъ онъ молитву, едва дыша, пока не скатилась наконецъ и голова его, къ ужасу безмолвно крестившагося народа....

Судьба постигшая Долгорукихъ развязала только нѣсколько руки Миктерову. Ужасовъ самой казни онъ не видалъ, а къ разказамъ подобнаго рода прислушалось ухо.

— Царство небесное! произнесъ онъ только, когда до него дошла кровавая вѣсть, и занятый своими планами, онъ почувствовалъ даже какое-то облегченіе.

„Если поиски мои счастливо окончатся, не воровски ло

крайности я имуществомъ ихъ владѣть тогда буду," думалось ему. „Несчастливая ихъ судьба, точно, да и моя безъ нихъ другая была бы. Добра себѣ отъ нихъ мало видѣлъ, а больше зла. Теперь хотя бы имущество ихъ къ пользѣ мнѣ послужило," разсуждалъ онъ и направился къ Москвѣ.

Отысканный прежде всего домъ Торбеева оказался описаннымъ въ казну, а самъ бывшій хозяинъ его, какъ увѣряли, уже два года тому назадъ наказанный публично плетью, сосланъ былъ въ Камчатку. Найти безъ Торбеева ту старуху нищую которой, если помнитъ читатель, были переданы на сохраненіе пожитки Долгорукихъ, было почти невозможно. Пожитки эти были, по всѣмъ вѣроятіямъ, давно проданы, скрыты, да и сама старуха могла или бѣжать куда-нибудь съ ними, или умереть. Домъ гдѣ высмотрѣлъ было онъ когда-то мѣстопробываніе нищей нельзя было въ настоящее время узнать. На половину выгорѣвшая, на половину вновь застроенная Нѣмецкая слобода представляла теперь совершенно иной видъ. Несмотря однакожь на всѣ эти затрудненія, Миктеровъ все-таки твердо стоялъ въ своемъ намѣреніи. Онъ бродилъ по переулкамъ и улицамъ, лутаясь въ догадкахъ и соображеніяхъ, заглядывалъ въ лица попадавшимся ему прохожимъ, заходилъ въ церкви, толкался между толпившимися на логостахъ нищими, рѣшительно не было ничего похожего на дѣло. Приходилось обратиться къ послѣднему средству, къ распросамъ, но и тутъ трудностей предстояло также не мало.

Хозяева дома, на которомъ Миктеровъ остановилъ наконецъ свое вниманіе, какъ напомнимъ нѣсколько тотъ который былъ ему нуженъ, купили его уже послѣ бывшаго въ 1737 году пожара и слѣдовательно никакихъ необходимыхъ указаній дать ему не могли. Нищая братія, у которой сталъ было развѣдывать Миктеровъ о нѣкоей старухѣ Настасьѣ, отыскиваемой имъ будто бы потому что она ему мать, которую онъ теперь изъ нищенства хотѣлъ бы вывести, имѣя свой достатокъ,—нищая братія много старалась ему помочь, но и это было безуспѣшно. Приводили къ нему на поглядѣніе много старухъ съ разными именами и прозвищами; называли между прочимъ и какую-то Настыку „доказчицу“, которая собирала будто бы милостыню и которую легко можно было бы найти, но никто не рѣшился взять на себя привести ее къ Миктерову, боясь ея злобы и сомнѣваясь чтобъ она могла быть точно матерью Миктерову.

Время шло, а жизнь въ городѣ была не то что въ деревнѣ. Тамъ кормили и ложили вездѣ даромъ, но здѣсь за все приходилось платить; приходилось еще дѣлать траты на розыски, а помощи просить было не у кого.

— Глянь-ка, глянь,—Настыка, Настыка! вскрикнулъ вдругъ однажды, толкая Миктерова въ бокъ, шедшій рядомъ съ нимъ одинъ знакомый ему нищій. — Настыка, она самая Настыка!

— Гдѣ, что? встреленулся Миктеровъ, вскинувъ глазами, и пустился бѣгомъ за старухой, которая мелькнула вдали и открылась въ воротахъ одиноко стоявшаго дома.

— Куда? остановилъ его у воротъ выросшій вдругъ какъ изъ земли солдатъ.

— Живетъ кто здѣсь?

— Проходи, проходи!

Но Миктеровъ уже и не настаивалъ, встрѣтивъ неожиданно солдата.

Дѣло было на нѣкоторое время испорчено. Нищая была найдена; это дѣйствительно была она, Торбеевская нищая, та самая которой вручилъ когда-то послѣдній на храненіе ложитки Долгорукихъ, та самая словоохотливая старуха. Но что же это за таинственный домъ на Мѣщанской, куда, несмотря на строгій караулъ, проникла она такъ свободно? По разказамъ нищихъ, домъ этотъ принадлежалъ экзекутору военной коллегіи Юшкову и занятъ былъ какою-то персоной содержавшеюся тайноза крѣпкимъ карауломъ, съ закрытыми окнами, за желѣзною рѣшеткой. Но зачѣмъ же въ такой домъ забираться было нищей старухѣ, къ кому? Знать она и подлинно доказчица Настыка?

А въ такомъ случаѣ надо было Миктерову держаться съ нею осторожно.

Когда, черезъ недѣлю, донесено было ему подробно обо всемъ касающемся Настыки,—гдѣ она живетъ, въ какое время выходитъ, гдѣ шляется, когда дома бываетъ и пр., Миктеровъ сообразивъ всѣ обстоятельства, рѣшился уже дѣйствовать твердо, и на свиданіе со старухой отправился безъ боязни и смѣло.

„Хуже того что есть не будетъ,“ думалъ онъ, „а съ простою-то нищею, будь она и доказчица, еще посчитаемся.“

XXV.

На дворѣ уже смерклося. Миктеровъ давно ходилъ по указанному ему переулку, посматривая во всѣ стороны и замѣчая за каждымъ проходившимъ мимо лицомъ.

Положеніе дома въ которомъ, какъ сказано было ему, живетъ Настька, онъ осмотрѣлъ подробно. Домъ этотъ стоялъ почти совершенно отдѣльно. Съ правой стороны его начинался рядъ другихъ домовъ, но съ лѣвой тянулись одни заборы, а сзади былъ пустырь который упирался въ другую, параллельную улицу.

Прошло часа два. Прохожіе стали попадаться рѣже и рѣже. Миктеровъ начиналъ уставать, когда наконецъ вдали замечелось что-то, и у встреленувшагося Миктерова, какъ у любовника на свиданьи съ милой, сжалось и затрелетало сердце.

Черты сморщенного лица подходившей старухи, клочки волосъ выбивающіеся изъ-подъ грязнаго платка которымъ была покрыта ея голова, какой-то, не то мужской, не то женскій залуны на плечахъ, все обозначилось уже ясно. Она! она сама! Ее сто разъ видалъ Миктеровъ у Торбеева: какъ не узнать ее,—она!

И разочтя шаги, одновременно съ нею подошелъ онъ къ калиткѣ.

Отступивъ шагъ назадъ, старуха словно испугалась, и подняла глаза.

— Чай меня не признаешь, бабушка? А? спросилъ, взглянувъ на нее и улыбаясь, Миктеровъ.

— Гдѣ признать? гдѣ признать мнѣ? стара. Сынъ нѣшто признаеть, заговорила Настька какимъ-то угрожающимъ голосомъ, озираясь и торопливо вступая въ сѣни.

— Силанька! О, проклятый, Силанька! повторяла старуха, толкая изо всей силы сына, хралѣвшаго въ углу сѣней.

— Не тронь, бабушка! Эй не тронь! сказалъ строгимъ голосомъ Миктеровъ, нагнувшись къ самому ея уху.

— О, проклятый! ворчала, отходя, старуха, испугавшись голоса и выраженія лица Миктерова: — о проклятый Силанька! заспалъ знать....

— Да чего боишься? не убить тебя пришелъ: отворяй гор-

вищу-то, отворяя, не видать ничего, говорилъ Миктеровъ, оглядѣвшись нѣсколько въ темнотѣ.

Лицо старухи было такъ сморщено что разобрать на немъ дѣйствительно испытываемое ею чувство было бы трудно. Изъ глазъ сочились слезы; щеки олустились какъ у аягавой собаки; длинный носъ, покрытый веснушками, какъ саами грязи, казался еще длиннѣе отъ вдавшихся ямой и собравшихъ сборками губъ; отъ подбородка къ шеѣ висѣла одна окладка темнаго цвѣта на подобіе лустаго мѣшка. Старуха, точно пережевывая пищу, шевелила ртомъ и продолжала пристально смотрѣть на Миктерова.

Горница въ которую они вошли имѣла видъ необитаемый. Слишкомъ прибрано было какъ-то, и пусто. Изъ большой печи посрединѣ не выглядывало ни горшка, ни другой какой посуды; чисто выгребенная, показывала она свое темное жерло, въ которое, казалось, давно уже не попадало ни полна дровъ. На лавкахъ не валялось никакой одежи, столъ стоялъ пустой; въ углу, на тонкомъ слоѣ распластанной соломы лежалъ только какой-то грязный не то мѣшокъ, не то подушка.

— Чтѣ съ меня взять? Взять-то нечего, коли ты лихой человекъ, вся тутъ! шамшила, какъ бы про себя, Настасья.

— А признать бы меня надо тебѣ, обратился къ ней Миктеровъ.—Торбеева чай помнишь? прибавилъ онъ вполголоса, лукаво посмотрѣвъ ей въ глаза.

Старуха перестала на минуту двигать губами и со всѣмъ вниманіемъ, казалось, сидѣла что-то сообразить и припомнить.

— Благодѣтель мой былъ Тимоѣей Петровичъ, ну какже! оказала она наконецъ.

— Вспомнила? а?... А пожитки чтѣ давалъ тебѣ, спросилъ Миктеровъ, наклонившись къ ней и почти шепотомъ,—цѣлы?

Въ сѣняхъ въ это время послышался шумъ. Нищая, не отвѣчая на вопросъ, кинулась было туда.

— Кто тамъ? сдвинувъ брови, спросилъ Миктеровъ, оставивъ ее:—кто тамъ?

— Силанька же, Силанька все возится, сынъ-то мой.

— Сынъ? Ну, лускай его спить, мы и дверь притворимъ. А ты вотъ чтѣ, старуха, сказалъ Миктеровъ, притворивъ дѣйствительно дверь,—пожитки тѣ доставай; мнѣ нужда большая есть, подавай.

— Какіе пожитки? Христось съ тобой! У нищей пожитки

искать пришелъ. Что съ меня взять? вся тутъ! заговорила Настька.

— Какъ вся тутъ? Ну! разоердился наконецъ Миктеровъ.— Я те, вѣдь знаешь что! я те... Вотъ, говорилъ онъ ей, тебѣ такія-то именно вещи были переданы, такимъ-то лицомъ, въ такое-то время, вотъ гдѣ жила ты, вотъ....

— Да тьфу! Ничего я того не знаю, ничего не вѣдаю! вдругъ закричала, не дослушавъ его до конца, нищая, и вскочивъ съ лавки въ сторону, часто-часто зашевелила губами.

— Ну, старуха, приподнимаюсь также съ мѣста и уже разгорячившись, сказалъ Миктеровъ, — добрымъ словомъ я рѣчь свою вести хотѣлъ, а когда ты со мною такъ, пощады тебѣ не сдѣлаю.

— Что жь ты? разбоемъ, разбоемъ? закричала надорваннымъ своимъ голосомъ Настька, кидаясь олять къ двери.

— Стой! стой! зажалъ ей ротъ Миктеровъ:—не кричи!

— Уб...ишь, уб...ишь! Сил...ань...ка...а! завывла нищая у него подъ рукой.—Силанька! крикнула она, вырвавшись наконецъ и широко распахнувъ дверь. — Силанька, Силанька! грабятъ насъ съ тобой, грабятъ! Гдѣ онъ? вѣтъ его? А? вѣтъ, знать ушелъ, ушелъ.

— Слушай, старая, побѣднѣвъ въ свою очередь и растерявшись; сказалъ Миктеровъ, схвативъ косяковую руку старухи,—слушай! Самъ проладу, и тебя погублю! Чьи тѣ ложитки? сказывай, чьи? Долгоруковскіе, вѣдаешь ты сіе? а? А за Долгоруковскіе ложитки....

— Долгоруковскіе? Господи, Господи! не давь докончить страшной рѣчи и присмирѣвъ вдругъ, зашамшила нищая, вытаращивъ глаза. — Господи! знать ты и самъ.... а Силанька-то.... вѣдь онъ того гляди воротится.... гдѣ они?... ложитки-то.... О-охъ! кабы знать что ты про то вѣдаешь.... огня вздуй, родимый.... охъ, согрѣшила! Они тутъ, за печкой.... камня не поднять мнѣ одной-то.... охо, хо, хо, скорѣе! Наведетъ онъ если кого?... увидать.... Господи! охо, хо, хо!

И откуда взялась вдругъ у старухи бодрость; она носилась изъ стороны въ сторону, отодвигала лавку, доставала огарокъ, вздувала огонь, вытаскивала заложенную въ печкѣ камнями знакомую зеленую, обитую бѣлымъ желѣзомъ, шкатулку,—быстро, быстро!

— Деньги, деньги гдѣ, старая? спрашивалъ Миктеровъ, то

развертывая, то просто ощупывая и откидывая въ сторону драгоценныя вещи.

Руки его дрожали какъ у вора, котораго сейчасъ накроютъ. Вотъ золотыя перстни съ лазоревыми, изумрудными и алмазными камнями; вотъ женскіе золотыя и серебряныя кресты, заланы и серьги осыланныя алмазами; плоскія и круглыя золотыя цѣпы въ пять и шесть рядовъ, съ засовочками и замочками; крупныя жемчужныя нити съ плетенымъ бѣлымъ шелкомъ или разноцвѣтными узорчатыми лентами на концахъ. Въ сторону, въ сторону все это. Вотъ и послѣдній ящичекъ, гдѣ аккуратно уложенъ золотой перстень съ аметистовымъ камнемъ, ахонтовыми красными искрами по краямъ и вырѣзаннымъ на аметистѣ гербомъ Долгорукихъ.... все не то, прочь это, прочь!

— Гдѣ жъ деньги, старая, гдѣ онѣ? еще громче спрашивалъ Миктеровъ.

— Охъ-охъ-хо.... немного ихъ, родименькій! Тимоѣей-то Петровичъ мнѣ было за сохранность судилъ.... охъ-хо! вздыхала старуха.

Перецулавъ наскоро разбросанные на столѣ свертки и сунувъ кое-что въ карманъ, Миктеровъ подошелъ къ ней съ угрозой.

— Ну, старая, гдѣ жъ деньги, подавай.

— Всѣ возьмешь? шелтала сидѣвшая предъ печкой поджавъ ноги Настыка, перебирая лежавшіе у ней на козлахъ туго набитые, грязныя мѣшечки и не поднимая глазъ на Миктерова.

— Всѣ возьмешь? повторяла она, хватаясь дрожжащими руками то за одинъ, то за другой мѣшокъ.—Ты надъ нами теперь волень.... возьми; всѣ возьми, и моихъ тутъ много.... и Силанькиныхъ....

— Твоихъ мнѣ не надобно и ложитки тебѣ же оставляю, говорилъ Миктеровъ, выбирая и кладя въ карманы мѣшки.

— Да, да, да! шамшила, не спуская глазъ съ козлѣвъ и опустивъ руки старуха: — смотри, оставишь? Нѣтъ, знать полуталъ насъ грѣхъ-отъ.... и мы властны были.... а нынѣ ты.... все вымученныя деньги-то.... вымученныя, родименькій.... Силанькѣ на овадбу готовила, ему голубчику, Силанушкѣ.... Силанушкѣ.... Силанька! вдругъ вскрикнула она, выпрямившись, и, бодро вскочивъ на ноги, бросилась къ двери.

Въ снѣгахъ въ это время послышался какой-то шорохъ.

Дверь отворилась. Миктеровъ оглянулся, и холодъ пробѣжалъ по всему его тѣлу.

На порогѣ, съжившись, мигая глазами и слегка покашливая, стоялъ.... кто же? Гвоздевъ.

— Сиданька! пожитки.... прячь скорѣй.... погубить хотѣлъ.... доказчикъ самъ!... заговорила старука, обращаясь къ нему и теребя его за платье.— Чего жь стоишь? Сиданька! очнись, Господи!

Гвоздевъ хотѣлъ что-то сказать, но взглянувъ съ ужасомъ на столъ, подавился, закашлялся и съ какимъ-то азартомъ, стребая руками разбросанныя вещи въ кучу, сунулъ ихъ какъ попало въ ящикъ.

— Ну! выводи же меня самъ отсюда, сказалъ Миктеровъ, подойдя къ нему сзади и взявъ его за горло.

Какъ автоматъ повернулся къ нему Гвоздевъ; сжавъ губы, и зажмуривъ одинъ глазъ, онъ погрозилъ ему пальцемъ прямо въ лицо и, махая за собою, скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

— На улицѣ тебя дожидаются; пустыремъ бѣги, вотъ отсюда, шелгалъ онъ въ снѣгахъ на ухо Миктерову.

— Самъ проводи, отвѣчалъ вполголоса Миктеровъ, сдавливая ему шею.

Нѣсколько секундъ продолжалась молча какая-то возня. Гвоздевъ вырывался, упираясь руками въ плечи Миктерова, но тотъ не выпускалъ его изъ рукъ. Что-то стукнуло вдругъ; загремѣла какая-то доска.

— Охъ! крикнулъ Гвоздевъ въ отчаяніи, и быстро кинувшись въ сторону, повлекъ Миктерова за собою.

Открылась небольшая дверь въ противоположную сторону отъ улицы. Вышли на дворъ. Гвоздевъ опять грозилъ пальцемъ въ лицо Миктерова, рекомендуя ему этимъ жестомъ осторожность. Лица его за темнотой было не видно. Перелѣзли оба черезъ изгородь.

— Прямо! шелнулъ опять Гвоздевъ, сидя на корточкахъ и указывая Миктерову на лустырь.

— Самъ проводи, повторилъ еще разъ послѣдній, поднимая Гвоздева на ноги и боясь все-таки отлупить его отъ себя.

— Эхъ! какъ-то жалобно и злобно захрипѣлъ Гвоздевъ и, сгибаясь всѣмъ тѣломъ, потащилъ Миктерова вдоль кустовъ и бурьяна, оглядываясь поминутно назадъ.

— Ну, сказалъ онъ наконецъ, остановившись на половникъ лустыря и въ виду улицы,—ну, иди!

— Поломки же меня! отвѣчалъ ему на это Миктеровъ:— поломки! и крупнымъ шагомъ зашагалъ впередъ.

Выпрямившись, и кратчайшимъ уже путемъ, пустился тогда Гвоздевъ бѣгомъ домой. Старуха между тѣмъ едва успѣла кое-какъ побросать въ печную дыру выложенные и необработанные Миктеровымъ мѣшки, собрать оставшіяся еще на столѣ вещи, захватить ихъ въ шкатулку, поставить ее на мѣсто и хоть немного прикрыть и заткнуть свою кладовую какою-то тряпичей, когда въ сѣняхъ послышался шумъ, и въ горницу вошелъ одинъ изъ приведенныхъ Гвоздевымъ приказныхъ, поставленный имъ на улицѣ и соскучившійся наконецъ дожидаться.

— Что жь? пропалъ? какъ бы самъ себя сказалъ онъ, свистывая шляпу.

Совершенно измученная старуха, не вставая съ лавки, не привѣтствуя даже гостя, повторила только за нимъ:

— Пропалъ!

— И грабитель пропалъ? обратился тогда къ ней, усыпавъ ее голосъ, незнакомецъ.

— И грабитель, повторила нищая.

— Все стало ограбили? спросилъ первый, подвигаясь къ столу, и остановился вдругъ, вытаращивъ глаза на блеснувшій ему и вѣроятно закатившійся подъ лавку золотой съ аметистами гербовый перстень.

— Все, все, говорила, не обращая на него вниманія, Настасья,— все ограбили, и сама какъ жива, не вѣдаю! Что со старухи взять? силы слабыя! Последняго достатка лишились, ничего не осталось, охъ, хо, хо! вздыхала она, прилетая разными подробностями небывалаго происшествія.— Въ окно влѣзъ-то, убилъ было, охъ, все ограбили, все!

А приказный держалъ уже между тѣмъ перстень въ рукахъ и, не слушая старухи, разсуждалъ и боролся съ собою, уличить ли ему притворившуюся нищую, или просто, положивъ находку въ карманъ, спустить ее потомъ кому-нибудь въ свою пользу, сваливъ воровство на лобывавшаго въ домѣ грабителя.

— Ушелъ! проговорилъ вбѣжавшій въ это время, залыхавшійся и блѣдный Гвоздевъ, взглянувъ на очищенный уже столъ и на сидѣвшую на лавкѣ мать.

— Ушелъ?

— Ушелъ.

— Эхъ, молодецъ! съ упрекомъ сказалъ приказный: — чего жь ты зѣваль-то, а?

— Не я зѣваль, а судьба моя злая, горькая!

— Вотъ, судьба!

— Да, судьба, началъ было съ какою-то злобой Гвоздевъ; но объясненіе его о томъ какъ подозрительная персона на была уже имъ захвачена на мѣстѣ, какъ гнался онъ будто бы за нею по пустырю и пр., было совершенно лишнее; товарищъ его, оцѣливая въ своемъ карманѣ дорогую находку, слушалъ разсѣянно и предвкушалъ только удовольствіе выгодной коммерческой операціи, которую можно будетъ сдѣлать завтра и на которую онъ уже рѣшился теперь окончательно.

— Горе, горе, повторялъ приказный, — что и говорить! А за трудъ ничего мнѣ не надобно, — ну какіе труды! Завтра о пропажѣ своей объяви: статья можетъ и сыщется, — сыщется, мягкимъ, добрымъ голосомъ утѣшалъ онъ Гвоздева.

Но назавтра вышло уже совсѣмъ другое.

Въ то время какъ Миктеровъ, располагая теперь средствами, снѣвшись, полный надеждъ, въ Петербургъ, твердо рѣшившись взять тамъ Машу и вмѣстѣ съ нею пробраться за рубежь, полавшійся съ Долгоруковскимъ перстнемъ приказный, а за нимъ Гвоздевъ и старуха доказчица Настька, всѣ сдѣлали уже въ острогъ полицейской канцеляріи.

По сдѣланному обыску, у нихъ отыскались заложенные за пещку ложитки казенныхъ государственныхъ преступниковъ.

XXVI.

Дерюгина нисколько не затрудняло порученіе Миктерова къ Машѣ. Отыскать по указанію улицу и домъ ея, передать ей обѣщаніе Миктерова скоро съ ней свидѣться, — все это было и легко, и безопасно, въ особенности въ отсутствіи Тишина; но у него было еще другое порученіе: узнать живъ ли, гдѣ именно находится и не можетъ ли оказать какой помощи Торбеевъ, на котораго болѣе всего Миктеровъ могъ разчитывать и который, со смертью Ягужинскаго, долженъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ давно уже воротиться изъ Берлина въ полкъ.

Какъ нарочно Дерюгинъ попалъ въ Петербургъ въ самое

горячее время праздниковъ Бѣлградскаго мира, и праздники эти давали ему, съ одной стороны, возможность, шаясь вездѣ по улицамъ, скрываться безопасно въ толгѣ, а съ другой—могли скорѣе всего представить ему случай повстрѣчаться съ Торбеевымъ. Дерюгинъ совался всюду, — и на фейерверки, и на иллюминаціи, на праздники съ жареными быками и винными фонтанами, ходилъ и за развѣзжавшими по городу герольдами, цимбальщиками и трубачами, сопровождавшими секретарей которые читали манифестъ и метали деньги въ толгу; толкался и предъ окнами локоевъ принцессы Анны, изъ которыхъ сама государыня бросала въ подставленные шалки золотыя и серебряныя монеты; ходилъ смотрѣть и на отстраивавшійся, подъ наблюденіемъ Татищева, между Адмиралтейскою крѣпостью и Зимнимъ Дворцомъ, Ледяной домъ, сдѣланный изъ правильныхъ, циркулемъ измѣренныхъ ледяныхъ плитъ, раскладываемыхъ рядами и заливаемыхъ вмѣсто известки водою, — словомъ, толкался всюду, но Торбеевъ не отыскивался нигдѣ.

Въ день торжественнаго потушенія возвращавшейся изъ похода гвардіи было, казалось, больше всего надежды на успѣхъ. Войска должны были быть всѣ въ сборѣ, и если Торбеевъ точно въ Петербургѣ, здѣсь можно было наконецъ навѣрно его увидѣть. Когда со всѣмъ парадомъ, съ артиллеріей, музыкантами и самимъ начальникомъ отряда Густавомъ Бировомъ, окруженнымъ скороходами, пажами и егерями, началось торжественное шествіе, Дерюгинъ влился въ оное глазами, заглядывая во всѣ стороны, не пропускалъ ни одного лица изъ проходившихъ мимо войскъ. Мѣрнымъ шагомъ, въ темлѣ игравшей музыкѣ, шли подпоясанные шарфами солдаты, съ ружьями и прижнутыми штыками; на шляпахъ ихъ колыхались еловые вѣтки, заткнутые за поля взаимнѣ лавровыхъ листьевъ, которыхъ хватило только на раздачу офицерамъ, развивались знамена... Вотъ одинъ полкъ прошелъ, другой, — нѣтъ Торбеева, всѣ глаза проглядывалъ Дерюгинъ.

Церемонія прослѣдовала весь Невскій Проспектъ, повернула по Дворцовой набережной, мимо Ледянаго дома и, обогнувъ Эрмитажную канавку, вступила на Дворцовую площадь. Знамена внесли во дворецъ. Нижнихъ чиновъ распустили, а въ галерею вышла сама государыня съ привѣтствіемъ.

— Удовольствіе имѣю, сказала она, обратясь съ пріятною улыбкой къ офицерамъ, — удовольствіе имѣю благодарить

лейбъ-гвардію, что будучи въ Турецкой войнѣ въ надлежащихъ диспозиціяхъ, всѣ тверды и прилежно находились, о чемъ я черезъ генераль-фельдмаршала графа Миниха и подполковника Густава Бирона извѣстна. Будете за свои службы не оставлены.

— Благодаримъ! благодаримъ всемилостивѣйшую государыню! гаркнули офицеры.

Они были затѣмъ допущены къ цѣлованію руки, и тутъ же императрица подносила каждому изъ нихъ по стакану венгерскаго вина.

А нижніе чины между тѣмъ расходились по домамъ, и за ними, налирая со всѣхъ сторонъ, слѣдовала толпа. Между ними Дерюгинъ разглядѣлъ наконецъ Торбеева. Но какъ продрасться къ нему? Толпа густа, сплошна какъ стѣна. Вотъ мелькнулъ вдали. Крикнуть? Да не услышать.

Нечего дѣлать, пришлось Дерюгину оставаться въ толпѣ и слушать что вокругъ него говорится.

Большую часть говорили кругомъ о томъ пойдетъ ли или не пойдетъ олять церемонія, хотя раслуценные и гулявшіе посреди народа солдаты и могли бы служить, казалось, доказательствомъ того что все кончилось и спорить было рѣшительно не о чемъ. Говорили еще о томъ присутствуетъ ли не присутствуетъ тутъ цесаревна Елизавета Петровна.

Два старичка, похрустывая валенками на круто скованомъ сильнымъ морозомъ снѣгу, довольно горячо повздорили на этотъ счетъ. Одинъ изъ нихъ, со словъ солдата, разказывалъ что ея здѣсь нѣтъ, потому что она съ государыней ссору за Нѣмцевъ имѣеть; но другой вѣрять этому не хотѣлъ.

— Ну какая ссора? Что за ссора? говорилъ первый.

— Про то мы не вѣдаемъ, а солдаты вотъ сказывали: она-де, государыня, Нѣмцевъ золотыми, а матушку нашу мѣдными монетами жалуетъ,—вотъ что!

— Подлинно, и я слышалъ! вмѣшался, потряхнувъ головой, молодой парень:—подлинно солдаты оказывали: цесаревна-де, какъ нынѣ жалованье получила, ту самую мѣдную монету въ Неву высылать приказать изволила: у меня-де отцовское есть, и такъ пока проживу.

— Гдѣ отцовское? Откуда?

— Откуда? Когда дѣло разумѣть не можешь, молчалъ бы.

— Самъ-отъ ты много разумѣешь?

— Государыня-то, слышь, Елизавету Петровну къ себѣ призывала.

— Призывала?

— Да. Сдавать ей Россійское государство изволия.

— Олять знать тебѣ солдаты сказывали?

— Олять. Ежели де народу на три года льготы дашь, да Нѣмцевъ всѣхъ отселева выгонишь, потомъ де я государство принять изволю,—вотъ что!

— А когда?

— Когда? Не сказывали когда. Чего же присталъ? Охъ, прости Господи, черти! разсердился наконецъ разкащикъ и отвернулся прочь.

Эге-ге! расшевелился Дерюгинъ подслушанною имъ болтовней, и про Торбеева даже думать забылъ.

Да и что жь Торбеевъ? Видѣть онъ его видѣлъ, это вѣрно, а полка въ которомъ тотъ служить, если не удалось узнать, такъ еще узнаетъ, времени впереди еще много.

„Въ народѣ обо всемъ провѣдаешь! Ишь онъ, народъ-отъ, какъ поговариваетъ. Сколь его ни муштруй, а Нѣмцемъ, знать, все не сдѣлаешь; тѣ свое, а онъ свое норовить.... Ахъ ты! Ахъ ты!“ закружилось у него опять въ головѣ.

И еще усерднѣе сталъ онъ шататься повсюду и прислушиваться, а шататься было гдѣ, такъ какъ продолжавшіеся праздники находились еще въ самомъ разгарѣ, и развеселившійся дворъ, подъ впечатлѣніемъ розданныхъ награды и милостиваго о прощеніи военнымъ чинамъ всѣхъ винъ по службѣ манифеста, со всякимъ днемъ сочинялъ, казалось, все лучшія еще выдумки.

Вспомнивъ наконецъ устроенную когда-то Петромъ I въ честь взятія фрегатовъ свадьбу князя-палы Бутурлина, задумали сочинить теперь что-нибудь и въ этомъ родѣ. Волыскій и Черкасскій взялись написать программу маскарада, а Нѣмцамъ пришла въ голову мысль князя-палу замѣнить сорокалѣтнимъ, разжалованнымъ въ шуты за принятіе латинской вѣры, княземъ Голицынымъ, прозваннымъ квасникомъ, и женить его на карлицѣ изъ простаго званія, Бужениновой. Дать щелчокъ русскому дворянству въ лицѣ одной изъ первыхъ русскихъ фамилій было въ глазахъ нѣмецкой партіи, и въ особенности Бирона, всегда кстати и хорошо.

Маскарадная коммиссія захлопотала съ большимъ усердіемъ. Тредьяковскому заказаны были на этотъ случай стихи. Вытребованы въ Петербургъ представители всѣхъ племенъ обитающихъ въ Россіи: Вотяки, Мордва, Черемисы, Татары,

Калмыки съ женами, казаки съ Украйны и пр. и пр. Въ пылу заботъ, Волинскій успѣлъ уже три раза „потѣшить себя“, какъ онъ говорилъ, отколотивъ Тредьяковскаго по щекамъ и папкой. Свадьбу предполагалось сыграть въ Ледяномъ домѣ къ которому пристраивали ледяную же баню съ отточенными на подобіе бревенъ углами, съ ледяными же лечью, каменкой, полками, лавками и посудой.

Ледяной домъ этотъ, — построенный на восьми саженяхъ длины, съ воротами по обѣимъ сторонамъ, съ фронтисплицемъ и статуиками на кровлѣ, — красивою архитектурой своею походилъ на одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, чистенькихъ домиковъ которые и нынѣ еще встрѣчаются въ переулкахъ Москвы. Предъ крыльцомъ раздѣлявшимъ зданіе на двѣ половины, изъ коихъ въ каждой находилось по три окна, стояли ледяные дельфины съ открытыми плавниками, а кругомъ шла тонкая со столбами рѣшетка. Дверные и оконные косяки были выкрашены краской подъ зеленый мраморъ, а стекла сдѣланы изъ тонкаго чистаго льда. На столбахъ воротъ стояли вазы съ помаранцовыми деревьями, а подлѣ нихъ ледяныя деревья съ ледяными листьями. Внутренность дома была отдѣлана не мѣше, если не болѣе тщательно и даже изящно. Въ спальнѣ молодыхъ стояла ледяная кровать съ ледяными завѣсью, постелью, подушками, одѣяломъ, туфлями, колпаками, а въ углу устроенъ былъ ледяной каминъ съ ледяными же дровами. Въ другомъ покоѣ находилась уборная, гдѣ были зеркала, свѣчи, карманные часы и разныя туалетныя ледяныя принадлежности. Наконецъ въ пріемной стояли по угламъ статуи, на столѣ приморожены были игральныя карты съ марками, придвинуты были рѣзной работы стулья; а въ поставцѣ красовались: чайная посуда, стаканы, рюмки и даже блюда съ кушаньемъ, и все ледяное, покрашеное красками. Столовые часы сдѣланы были съ такимъ искусствомъ что сквозь свѣтлый ледъ разглядѣть можно было даже колеса. Холода и морозы, которыми отличалась въ этотъ годъ зима, способствовали особенной отдѣлкѣ и сохраненію ледяной игрушки.

Въ день празднованія свадьбы, все что собрано было въ Петербургѣ инородцевъ посадили въ сани, сдѣланныя на подобіе разныхъ странныхъ звѣрей, рыбъ и птицъ, и одни на оленяхъ, другіе на собакахъ, верблюдахъ и свиньяхъ, отправились изъ дома Волинскаго парадомъ мимо дворца, въ манежъ Бирова. Женихъ съ невестой сидѣли въ кляткѣ установлен-

ной на спивъ слова. Каждый изъ поѣзжанъ старался чѣмъ-нибудь показать себя, у каждаго племени инородцевъ была своя „музыкалія“. Пѣли гѣвси, ломались, а тверскіе ямщики подъ страшнымъ морозомъ представляли весну, высвистывая по лгичьи на разные голоса. Въ манежѣ, устланномъ досками, приготовленъ былъ уживъ на которомъ присутствовали сама государыня и иностранные послы, а послѣ ужина свадебная толла гѣла, плясала, и затѣмъ уже молодыхъ повезли въ приготовленные имъ покои.

Огромная масса народа сѣдовала за поѣздомъ. Дерюгинъ находился, разумѣется, тутъ, но любопытныхъ вокругъ Ледянаго дома собралась такая масса что поставленный около него караулъ остановилъ наконецъ всю прибывавшую и увеличивавшуюся толпу.

— Стой! стой! раздалось надъ самымъ ухомъ Дерюгина, въ то время какъ онъ рванулся было къ ледянымъ луткамъ и мортирамъ изъ которыхъ производилась пальба бомбами и ядрами, пробивавшими на потѣху двухъ-дюймовыя доски въ шестидесяти шагахъ разстоянія.

— Стой!

— Торбеевъ! произнесъ въ полголоса Дерюгинъ, взглянувъ на кричавшаго офицера.—Онъ и есть.

— Куда? Назадъ! повторилъ послѣдній, пристально посмотрѣвъ на него.

— Не признаетъ меня знать, а? А я было поклонюсь тебѣ отъ Микгерова.... принеси, сказалъ онъ понижая голосъ.

— Стой! Назадъ! Эй! Проходи! засуетился еще больше при этомъ имени караульный офицеръ.

И Дерюгинъ почувствовалъ только какъ сильная рука толкнула его въ сторону, и такимъ образомъ не только не воспрепятствовала, но даже поощрила заняться разглядываніемъ ледяныхъ диковинокъ, вмѣстѣ съ пропущеннымъ туда же прежде сего народомъ.

Ледяной домъ блестѣлъ уже между тѣмъ огнями. Горѣли въ покояхъ ледяныя, намазанныя нефтью, свѣчи, топился ледяной каминъ. Предъ опущенными на окнахъ полотняными столами собрались любопытные „смотрители“ любоваться рисованными на полотнѣ этомъ смѣшными картинами. Ледяные дельфины выбрасывали изъ ноздрей и челюстей огонь.

Дерюгинъ переходилъ безсознательно отъ одного предмета къ другому. Тамъ, въ пирамидахъ съ размалеванными часо-

выми досками, висить восьмиугольный, бумажный, освѣщенный изнутри транспарантъ, поворачивающійся съ разныхъ сторонъ, и потѣшаетъ толпу все новыми и новыми фигурами. Тутъ, направо отъ дома, въ настоящую величину, ледяной слонъ, съ ледяными вожаками-Персіянами, мечетъ проведенную трубами изъ Адмиралтейской крѣпости воду на 24 фута вышины. Шумъ и хохотъ раздаются вокругъ, когда сидящій внутри слона „лотайлой“ человекъ пускаетъ трубные звуки, подражая крику животного.

— Ну-къ еще покричи!

— Ай, замерзъ?

— За ногу-го его ухвати!

— Обольетъ.

— Ничего!

— Ха-ха-ха! смѣется толпа.

Но Дерюгинъ, ходившій вмѣстѣ со всѣми, былъ какъ-то и мраченъ, и скученъ. Приемъ ли оказанный ему нехотѣвшимъ узнать его Торбеевымъ, разговоръ ли о какихъ-то появившихся будто бы въ Новгородѣ юродивыхъ, къ которому онъ прислушался тамъ, у волшебнаго фонаря, другое ли что,— только дожидаться окончанія праздника ему не хотѣлось. Не веселый, задумчивый и даже разстроенный отправился онъ домой.

А на водѣ долго еще шумѣла и веселилась публика. Затоплали ледяную баню. Повели торжественно новобрачныхъ въ баню. Тредьяковскій выкрикивалъ свое привѣтствіе:

Здравствуйте, женившись дуракъ и дура!

Еще... то-то и фигура.

Теперь-то прямо время намъ повеселиться,

Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься.

Квасникъ дуракъ и Буженинова

Сотрапсы любовно, но любовь ихъ гадка.

Ну Мордва, ну Чуваша, ну Самоѣды!

Начнемъ-те веселіе молоды дѣды и пр.

— Семеновскаго полку, не заламятовать бы,—Семеновскаго, повторялъ только про себя Дерюгинъ, и, удаляясь, не оглядываясь даже на килѣвшее сзади веселье.

XXVII.

Возвратившійся изъ командировки Осиль Кондратьевичъ не нашелъ дочери въ квартирѣ своей, и куда, зачѣмъ скрылась она, объясненій никакихъ добиться не могъ, да и не отъ кого было ихъ добиваться. Вдова Пташкина сумѣла только разказать что задолго будто бы до его прїѣзда Маша познакомилась со служащею у пастора лютеранской кирки дѣвкою, Анной Ивановой, дочерью какого-то турецкаго купца города Очакова, взятаго въ лѣтнѣ и крещенаго въ лютеранскій законъ; что къ дѣвкѣ этой ходила она часто, оставалась въ послѣднее время у ней ночевать, проводила по нѣскольکو дней, и уйдя такимъ образомъ однажды, уже болѣе не возвращалась. О посвщеніяхъ Гвоздева и о непонятной причинѣ исчезновенія его Осиль Кондратьевичъ ничего узнать не могъ.

Отъ пастора лютеранской кирки, куда было сунулся Тишинъ, узналъ онъ что дѣвка Анна Иванова была и прежде замѣшана въ какомъ-то дѣлѣ о поджогѣ, но что сдѣлавъ наконецъ поджогъ уже явный, по злобѣ на учителя той кирки, Броуна, который билъ ее въ школѣ по щекамъ, была лытана и сослана въ дальній женскій монастырь для безотлучныхъ тамъ работъ.

Осиль Кондратьевичъ боялся идти въ распросахъ своихъ далѣе. Мало ли что могло обваружиться! Крѣпко призадумался Тишинъ.

Между тѣмъ, благополучно окончивъ расчетъ свой съ Гвоздевымъ, Миктеровъ приближался къ Петербургу. Однажды, уже въ началѣ весны, въ Глухомъ переулкѣ, у калитки знакомаго намъ дома Пташкиной, звякнуло кольцо, и вышедшая отворять ее хозяйка увидала предъ собою забрызганнаго грязью въ дорожномъ платьѣ челоуѣка, который назвалъ себя Миктеровымъ. Старуха ахнула и тутъ же разказала ему все что знала о Машѣ, Гвоздевѣ и Тишинѣ. Этого только и нужно было Миктерову.

Предъ вечеромъ онъ уже пробирался осторожно, пустыми переулками, на поиски Дерюгина, но на одномъ изъ перекрестковъ предъ нимъ вдругъ какъ изъ земли выросъ Тишинъ.

Оба сяди шалки, оба остановились и, молча, съ недоумѣніемъ взглянувъ другъ на друга, каждый по своему старался

объяснить себѣ то положеніе которое надо принять въ настоящемъ случаѣ.

— Бѣда! сказалъ наконецъ Миктеровъ.—Бѣда, бѣда!

— Отъ кого бѣда-то? громко откашлялся Осиль Кондратьевичъ, искоса смотря на своего врага.

— Не чайлъ и не гадалъ, сказалъ Миктеровъ, не совсѣмъ спокойно выдерживая этотъ боковой взглядъ Тишина.

— Проклятiя достойна, вотъ чтѣ. Если родителя своего оставить замыслила, отъ дьявола сіе приходитъ, или отъ недобраго человѣка! хриплымъ голосомъ и съ разстановкой проговорилъ Осиль Кондратьевичъ, вливаясь сухими глазами въ своего слушателя.

— Проклинать-то всякій гораздъ, сказалъ послѣдній, перемываясь съ ноги на ногу и желая скорѣе отдѣлаться. — Ты проклянешь, и тебя не оставятъ.

— Гм!... захрипѣлъ Осиль Кондратьевичъ, замѣтивъ движеніе Миктерова: — гм! куда жь ты торопишься? аль дѣла какія?

— Да, здѣсь оставаться мнѣ не у чего; время позднее, идти далеко...

— Ты бѣ ко мнѣ зашелъ, гм! старину бѣ помянули; ровно на улицѣ-то и стоять не ладно, любезно пригласилъ было Тишинъ.

— Э! махнулъ рукой Миктеровъ.—Намъ съ тобою рѣчь вести не о чемъ. Свидѣться, статья можетъ, никогда не свидимся, ты мнѣ полперекъ дороги сталъ, ну, судья тебѣ Богъ, да и я въ чемъ предъ тобою погрѣшилъ — отлужи. Лихомъ меня, прибавилъ онъ, снимая шалку, не ломай.

И не дожидаясь отвѣта, повернулся и скорыми шагами отошелъ отъ Осилы Кондратьевича.

— Ну.... беречь нынѣ тебя ужъ нечего! сказалъ вслухъ самъ себѣ Тишинъ, глядя вслѣдъ быстро удалявшемуся отъ него Миктерову. — А уйдетъ вѣдь? уйдетъ, повторялъ онъ, подаваясь немного впередъ по одному съ нимъ направленію. — Не сыскать мнѣ потомъ тебя, продолжалъ онъ, прибавляя шагу. — Беречь тебя нынѣ... да, беречь нечего.... нѣтъ, не уйдешь, погоди!

И бѣгомъ почти заслѣпшилъ за своимъ врагомъ Осиль Кондратьевичъ, точно быстрая походка Миктерова его подзадоривала, точно не все еще было между ними покончено, точно не договорилъ онъ ему еще своего послѣдняго слова. Теперь

къ прежнимъ причинамъ злобы противъ него присоединялось желаніе отмстить за дочь, которая, думалъ онъ, такъ или иначе, но погибла чрезъ него.

Было уже совершенно темно когда, измученный, едва передвигая ноги, возвратился Тишинъ домой, выслудавъ Миктерова до самой его квартиры. У однихъ воротъ Миктеровъ остановился и зашелъ въ нихъ, но опытный сыщикъ, присѣвъ за угломъ, ожидалъ не выйдетъ ли оттуда его злодѣй, и дѣйствительно, Миктеровъ вышелъ оттуда черезъ полчаса вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, и оба они быстро отправились въ разныя стороны. Давъ имъ отдалиться, Тишинъ любѣжалъ за тѣмъ въ которомъ призналъ Миктерова, и убѣдившись что теперь вывѣдалъ его настоящую квартиру, возвратился домой хотя и измученный, но довольный.

— Беречь мнѣ его нынѣ нечего, повторялъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ на своей постели и не въ состояніи будучи заснуть отъ душевныхъ волненій. — А что онъ скажетъ про меня... про мои грѣхи, то сіе удачи имѣть не можетъ; повинюсь, разсуждалъ онъ. — Меня по моимъ заслугамъ авось помилуютъ, а его-то... его то бы лишь погубить!

И съ ранними лѣтухами онъ уже былъ на ногахъ, торопясь извѣстить кого слѣдовало о мѣстопробываніи человѣка прикосновеннаго къ Долгоруковскому дѣлу.

Въ присутственныхъ мѣстахъ въ то время собирались рано. Въ сенатѣ оберъ-прокуроры, а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ прокуроры и секретари должны были даже вести дневные журналы о всѣхъ олаздывавшихъ или вовсе не пріѣхавшихъ чинахъ, съ тѣмъ чтобы потомъ подавать ихъ на высочайшее усмотрѣніе, дабы государынѣ извѣстно было „кто съ какимъ прилежаніемъ по должности своей дѣла отправляетъ“.

Въ тайной канцеляріи были уже всѣ въ сборѣ. Горѣли свѣчи и скрипѣли лерья, когда явился туда Тишинъ. Андрей Ивановичъ Ушаковъ только что пріѣхалъ. Онъ выслушалъ со вниманіемъ и со вкусомъ новое „слово и дѣло“ объявленное Осипомъ Кондратьевичемъ. Обстоятельства подходили какъ нельзя лучше къ тому надъ чѣмъ продолжалъ еще онъ работать съ такимъ усердіемъ, услѣвъ уже со всѣхъ концовъ Россіи притянуть къ Долгоруковскому слѣдствію человѣкъ до двухсотъ. Распросивъ Тишина о разныхъ подробностяхъ и похваливъ за усердіе, онъ приказалъ ему подождать, и выйдя въ другой покой, распорядился посылкой въ указанный Тишинымъ домъ.

XXVIII.

Едва успѣвъ выговорить Дерюгинъ укрытой его пріятелями Машѣ что Миктеровъ пріѣхалъ, какъ она бросилась къ нему и потребовала чтобы тотчасъ же вели ее къ давно желанному другу. Утро застало любовниковъ вдвоемъ въ квартирѣ Миктерова.

При свѣтѣ проникавшей въ окно зари, обвивъ руками своего милаго, стояла Маша, и блестящими, увлажненными глазами смотрѣла молча на сидѣвшаго предъ нею безъ кафтана на деревянной скамейкѣ Миктерова. Ни сожалѣнія, ни раскаянія не замѣтно было на ея лицѣ. Полная любви и блаженства, она таяла, казалось, подъ тусклыми взорами своего любезнаго, и не только ни говорить, но и слушать-то его была неспособна.

А разказывалъ онъ ей между тѣмъ о дѣлѣ не шуточномъ, о планахъ своихъ на предбудущее, показывалъ казну свою богатую, цѣловалъ ее въ голову, обнималъ, ласкалъ....

— Ахъ, судьба, судьба! Кабы только мнѣ силы Богъ послалъ, не оставилъ бы тебя ни во вѣки вѣковъ.

— Охъ ты, милый мой, дорогой ты мой! Не ходи, поживи со мной хоть маленечко. Сколь долго я тебя дождалась... И чего прежде думала?...

— То-то думала! Ну пойдемъ теперь со мной.... за море.

— Не покинешь меня, не оставишь тамъ?

Но пока любовники обмѣнивались сладкими рѣчами, въ сѣняхъ послышались голоса. Залертая засовомъ дверь вдругъ закачалась отъ сильнаго удара. За перегородкой, у сосѣдей, поднялась возня; поблѣднѣвшая какъ полотно Маша, ставъ на ноги, выпрямилась, быстро оглянулась кругомъ, и показавъ Миктерову на открытую печь, сунулась туда головой.

— Стой! Я впередъ, погоди! шепнулъ Миктеровъ, и наскоро надѣвая кафтанъ, полѣзъ самъ, отстраняя Машу рукой.

И какъ вколчаная стояла Маша предъ болтавшимися на воздухѣ ногами Миктерова. Вотъ сунулась она было опять къ нему, вотъ, ухватившись за стѣнки печи, приподнялась было уже съ полу, но вотъ, словно оломившись, опустилась снова на землю, и быстро задвинувъ заслонку, отошла въ сторону, къ окну.

Засовъ между тѣмъ затрещалъ подъ напоромъ нѣсколькихъ дюжихъ рукъ, и дверь отскочила....

— Господи! спаси и помилуй насъ грѣшныхъ! прошелгала Маша.

А Осиль Кондратьевичъ, дожидаясь тѣмъ временемъ въ тайной канцеляріи, переминался съ ноги на ногу, не смѣя присѣсть, и, усталый, прислонился къ окну, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ раздававшимся гдѣ-то голосамъ.

— Привели, захватили, докладывалъ Ушакову посланный имъ и возвратившійся теперь приказный.

— Привели? а! привели?

И тяжелая походка генерала загремѣла близко около Тишина, и на порогъ показалась высокая фигура его.

— Ну, гдѣ же? громко сказалъ онъ, осматриваясь кругомъ.— А? ты здѣсь? Веди! прибавилъ онъ, обратившись къ шедшему сзади солдату: — веди!

Тишинъ выпрямился, поблѣднѣлъ.

Спиной къ нему и лицомъ къ дверямъ сѣлъ за столъ Ушаковъ, ожидая съ нѣкоторымъ любопытствомъ впечатлѣнія которое должна была произвести обстановка и атмосфера тайной канцеляріи на имѣющаго явиться къ допросу молодца. Опытный въ своемъ дѣлѣ и всегда умѣющій, какъ говорили, проникать въ душу человѣка, Андрей Ивановичъ любилъ такіе эффектные моменты.

Черезъ минуту въ сосѣдней комнатѣ затолотала цѣлая толпа вошедшихъ людей, и на порогѣ, блѣдная какъ смерть, со страдальческимъ выраженіемъ лица, худая и съ красными, заплаканными глазами, показалась Маша.

— Ну? сказалъ при видѣ ея Ушаковъ: — ты чего? Не ее я спрашивалъ, а молодца. Чего жъ смотрите? Молодца подавай сюда, крикнулъ онъ, — эй вы, молодца!

Но не успѣлъ еще никто отвѣтить ему, еще никто не тронулся съ мѣста, какъ сзади вдругъ загремѣла скамейка, слышался болѣзненный хрипъ, и что-то грузное шлепнулось на полъ. Это рухнулъ Тишинъ, во всю доль растянувшись, звонко стукнувшись объ полъ головой.

— Чтѣ тамъ? Аль тебя задѣло? проговорилъ Андрей Ивановичъ, оглянувшись назадъ. — Да ты кто же? спросилъ онъ, вставая, у Маши.

— Дочь... отецъ мой... глухимъ голосомъ проговорила она, указывая на лежащаго безъ движенія Осипа Кондратьевича.

— Дочь? его? удивился Ушаковъ, подобдя къ Тишину и разсматривая, не сгибаясь, струившійся изъ головы его ручей крови. — Эге! вотъ что! Звать залутался, братъ, самъ залутался. Эй! крикнулъ онъ: — посмотрите, живъ ли!

— Живъ.

— Живъ? Такъ убрать. Ну, а се, равнодушно прибавилъ Ушаковъ, отходя къ двери, — да зачѣмъ ее привели?

Одинъ изъ людей приведшихъ Машу разказалъ ему что она должно-быть выпроводила „молодца“ и должно-быть знаетъ гдѣ онъ, потому де что, какъ видно, онъ только что оттуда ушелъ, а куда—неизвѣстно, и никто не видалъ.

— Такъ вотъ ты какова, голубка! проговорилъ Ушаковъ, взглянувъ на Машу, и указавъ на нее своимъ людямъ. Они лояли.

— Злодѣи! теперь только получивъ способность говорить, прошептала Маша: — злодѣи! громче повторила она, дико осматриваясь кругомъ.

Но быстро, быстро, словно желая заглушить эти слова, скутились затоптавшіе около нея сторожа.

— Прочь, прочь! отчаянно вскрикнула Маша, увлекаемая какъ волной въ другую комнату: — прочь уйдите, прочь!

— Эй! болтать горазда! Ротъ ей заклепать! скомандовалъ оставившійся въ дверяхъ Андрей Ивановичъ.

— А! не надо! оставь! злодѣи...

Сторожа тайной канцеляріи были люди исполнительные и привычные. Голосъ несчастной дѣвушки замеръ на полусловѣ.

Все смолкло. Удалялись тяжелые шаги грознаго Ушакова. Молча ставилъ на мѣсто упавшую лавку и стиралъ ногой слѣды оставшейся на полу крови сторожъ. Безслѣдно пропала Маша въ секретныхъ отдѣленіяхъ тайной канцеляріи.

XXIX.

Тяжело было Миктерову, такъ тяжело какъ еще никогда не бывало. Онъ ускользнулъ отъ явной бѣды и получилъ свободу, но что стало съ Машей? Онъ понималъ что она должна была попасть въ руки людей безъ сомнѣнія за нимъ присланныхъ, и что его свобода должна была стоить ей дорого. Но что же ему дѣлать? Какъ пособить?...

— Не лѣзть же и мнѣ въ петлю за нею, додумался онъ наконецъ, и коли она въ застѣвкѣ, статься-можетъ, а я на свободѣ,— и въ томъ я не виновенъ. Легче бѣ ей оттого не было, еслибѣ обоихъ насъ туда захватили. Сколько бѣ ей тамъ ни мучиться, а въ мученіяхъ намъ поровняться всегда можно будетъ. Жизни моей, хоть и на свободѣ, хуже трудно найти.

О побѣгѣ теперь уже и думать нельзя было, ибо бѣлая часть казны, оставленная на столѣ, разошлась по карманамъ нагрѣявшихся приказныхъ и солдатъ, а сохранившейся у Миктерова бездѣлицы едва хватало бы на нѣсколько дней. Куда дѣться? За нимъ теперь, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдятъ, вездѣ его отыскиваютъ. Надо бѣжать, куда-нибудь бѣжать!... А между тѣмъ человеческое чувство подсказываетъ что надо же хоть провѣдать гдѣ и чтѣ Мама. Да и одна ли Мама? Надо бы провѣдать также чтѣ дѣлается тамъ, наверху, между сильными и власть имѣющими. Безъ этого нельзя; не такой человекъ Миктеровъ... а можетъ еще и счастье навернется.

Была пятница Страстной; благовѣстили къ вечеру. Народъ толпился въ церквахъ. Увлеченный общимъ движеніемъ, Миктеровъ пробрался въ Невскій монастырь; хотѣлось ему и приложиться къ ладанницѣ, хотѣлось также и счастья попробовать у единственнаго лица на покровительство котораго онъ могъ еще разчитывать, у жившаго тамъ, какъ мы знаемъ, по сосѣдству Еролкина.

Еролкинъ встрѣтилъ его хоть и ласково, но взволнованный и блѣдный; видъ его уже поразилъ Миктерова.

Проводивъ гостя къ себѣ и затворивъ дверь, Еролкинъ взглянулъ на него, и молча заплакавъ, не могъ долго выговорить слова.

— Иль недоброе чтѣ? спросилъ испуганный Миктеровъ, подаваясь къ нему впередъ.

— Недоброе,—эхъ! махнулъ рукой Еролкинъ. — Тебѣ бы сего вѣдать не можно, но чтобы худа не было, сказать належасть. Не кажись ты къ намъ нынѣ, не кажись.

— Да чтѣ приключилось?

— Чтѣ? Волынскому сейчасъ, продолжалъ, дрожа всѣмъ теломъ, Еролкинъ, — Волынскому отъ генерала Ушакова объявлено якобы ему ко двору являться запретъ вышелъ,—разумѣешь ты? Герцогъ его къ себѣ допускать не велѣлъ, — пропала.

— Кабинетъ-министру, началъ было Миктеровъ,—безобязно, чай....

— Да что кабинетъ-министру.... пропали, пропали! прервалъ его Еролкинъ и, кинувшись на стулъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Какъ громомъ пораженный, долго смотрѣлъ на покровителя своего Миктеровъ, и мысленно сравнивалъ онъ высокое положеніе человѣка котораго видѣлъ теперь въ такомъ отчаяніи, съ собою, со своимъ ничтожествомъ. Онъ внимательно прослушалъ подробности которыя сообщилъ ему Еролкинъ, и съ холодомъ въ сердцѣ вышелъ вонъ.

— Нѣтъ, знать, на злодѣевъ суда Божія! Силъ ужъ не становится; самъ объявлюсь! Хоть въ огонь, хоть въ воду, хоть животъ пропороть себѣ,—я на все готовъ; за одно погибать, что напрасно маяться!

Дѣла Волынскаго разыгрывалось между тѣмъ страшною драмой.

Въ челобитвой поданной государынѣ, Биронъ, вспомнивъ нѣкоторые намеки высказанные Волынскимъ въ извѣстной уже намъ запискѣ, жаловался теперь на нихъ, принимая намеки эти на свой счетъ. Такъ какъ Волынской, прибавлялъ Биронъ, самъ ищетъ помрачить другихъ, то не худо бы разсмотреть и его собственныя дѣла и департаменты, тѣмъ болѣе что денегъ на сіе израсходовано много, а польза донинѣ не велика есть; проектовъ сочинено проласть, а къ дѣйствию мало приведено.

— Отдай ты тѣ примѣчанія Волынскаго Остерману прочтять, сказала государыня, прослушавъ челобитную Бирона и забывъ уже непріятное впечатлѣніе произведенное на нее когда-то запиской кабинетъ-министра.

— Ну что? какъ? спрашивала она Бирона нѣкоторое время спустя, надѣясь услышать что-нибудь примирительное.

— Остерману, ваше величество, чудно то представляется откуда къ нему вражда Волынскаго есть. А такъ какъ, продолжалъ онъ по-нѣмецки,—кабинетъ-министръ прямо не говорить, а только обиняками, то слѣдуетъ у него самого спросить,—на какихъ онъ тамъ безсовѣстныхъ людей намекаетъ?

— Оставьте вы ссору и вражду. То все по моему приказу имъ писано, все по моему приказу, говорила государыня, стараясь замаять разговоръ.

— Но я не могу допустить чтобъ онъ надо мной насмѣхался, не могу.... Я самъ...

— Ну чего ты, чего гнѣваешься, чего гнѣваешься? прервала государыня, смотря на его блестящіе злостью глаза. — Не къ долроосу же мнѣ кабинетъ-то министра притянуть?

— Да! звонкимъ голосомъ и рѣзко сказалъ Биронъ.

— Ну ужъ нѣтъ, отвѣтила государыня, ретируясь.

— Да, ваше величество, повторилъ герцогъ, забывая къ ней впередъ.—Ja!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Да, еще разъ сказалъ Биронъ, опускаясь предъ государыней на колѣна.—Онъ или я!

— Ахъ! всплеснула руками государыня.

И судьба Волынскаго была рѣшена.

Оказать предпочтеніе кому бы то ни было предъ Бирономъ государыня не могла, а трудность съ которою доставалась послѣднему побѣда надъ Волынскимъ доказывала что время погубить его дѣйствительно настало, что въ самомъ дѣлѣ могъ онъ стать ему опаснымъ соперникомъ, и тѣмъ ужаснѣе должно было быть теперь и самое мщеніе.

Вслѣдъ за воспрещеніемъ являться во дворецъ, посаждовавъ указъ о преданіи Волынскаго суду, назначена слѣдственная коммиссія, и въ Италіянскомъ дворцѣ открылись ея засѣданія. Предписано было поступать съ нимъ безъ всякаго послабленія, не принимать общихъ разсужденій, но требовать точныхъ отвѣтовъ, и копіи съ протоколовъ подавать государынѣ.

— Сии дѣла претекстомъ лишь служатъ, а видно Богъ наказывать меня хочетъ за старыя грѣхи, говорилъ Артемій Петровичъ, намекая на прежнія свои интриги у принцессы Анны.

Когда Миктеровъ, не довѣряя вполнѣ словамъ Еролкина, отправился было самъ на Мойку разузнать хоть отъ кого-нибудь во дворѣ самого кабинетъ-министра точно ли произошло тамъ что-то необыкновенное, его поразилъ видъ жилтца недавно еще вліятельнаго, грознаго и знатнаго барина. Не видно было ни ливрейныхъ лакеевъ, ни слугъ; толпились только нищіе, ожидая раздачи денегъ, да у воротъ остановившаяся кучка прохожихъ разбирала нарисованна чьею-то безжалостною рукой на заборѣ слова пророка Наума: „Рана твоя смертельна, никто не поплачетъ о тебѣ, ибо и твоя велика была злоба.“ У подѣзда не стояло экипажей посѣщавшихъ его въ былое время пріятелей; одинъ только домовый

докторъ Волынскаго, Рибейро, во что бы то ни стало желавшій видѣть своего пациента, рвался къ нему, спорилъ, шумѣлъ, но и того не пускалъ приставленный къ этому пациенту караульный офицеръ.

На первыхъ порахъ Волынской бодрился, сочинялъ письменные отвѣты и бойко отписываясь отъ всѣхъ наговоровъ, прилеталъ къ дѣлу своему и того, и другаго; но сурово и мрачно смотрѣли на него члены комиссiи, не давая ему опомниться и осаживая его на каждомъ шагу.

— Пожалуйте, кончайте поскорѣй, говорилъ онъ пожимая плечами.

— Мы засѣданiю своему и безъ васъ время знаемъ, отвѣчалъ ему членъ комиссiи Александръ Румянцевъ; — надобно и вамъ совѣсть-то свою очистить и отвѣтствовать съ изъясненiемъ, не такъ что кромѣ надлежащаго отвѣтствiя, постороннее въ генеральныхъ терминахъ говорить. Приди же въ чувство, отвѣтствуй о всемъ обстоятельно.

— Да вы со мною сору имѣли, пробовалъ было Волынской отвести кое-кого изъ членовъ комиссiи, — пожалуйте оставьте.

— Не говорите излишнее, отвѣчали ему.

— Партикулярной ссоры я съ вами не имѣлъ и не бранивался, замѣтилъ Неплюевъ, къ которому онъ обратился особенно, — а теперь по именному указу опредѣленъ къ суду и долженъ поступать по сущей правдѣ.

— Ну такъ все писалъ я отъ ревности своей, а нынѣ усмотрѣлъ въ томъ свое вранье! горячился Волынской. — Съ горячности, злобы и высокоумiя писалъ. Запоматовалъ. — Дай время одуматься. — Не знаю. — Не вѣдаю! вертѣлся онъ направо и налево, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ вопрошавшихъ.

— О! да не прогнѣвалъ ли я васъ чѣмъ? громко кричалъ онъ наконецъ, выведенный изъ терпѣнiя. — Прогнѣвалъ? Если такъ, такъ вотъ я и милости просить готовъ, унижусь предъ вами, унижусь, повторялъ онъ, становясь на колѣна.

Но и этимъ не смягчались суровые слѣдователи.

— Все ты говоришь лаутовски, какъ и напередъ сего, кричалъ съ нетерпѣнiемъ членъ комиссiи Чернышевъ. — По прежнимъ своимъ дѣламъ также въ отвѣтахъ скрывалъ и безплатствомъ своимъ отговаривался; но какъ въ лаутовствѣ обличей, то и повинную принесть.

— Да не поступаай же со мною сурово, Чернышевъ! серьезно т. хс.

но взглянулъ на него Волынской.—Вѣдаю что ты таковъ же горячъ, какъ и я, — дѣтокъ имѣешь! Воздасть Господь дѣткамъ твоимъ!

— Все онъ говорить излишнее, все лутовство одно, саркались члены комиссиі, и допросы продолжались.

Скоро Волынскаго и всѣхъ арестованныхъ пріятелей его привезли въ Адмиралтейскую, потомъ въ Петербургскую крѣпость. Приказано важное слѣдовать отдѣльно Ушакову и Неплюеву. Дома, имущество подсудимыхъ описали; бумаги, письма,—все было забрано. Его пріятели и сообщники огиблили передавать теперь каждое слово когда-либо неосторожно имъ сказанное. Татаринъ Кубанецъ не забылъ кажется ни одного выраженія своего патрона и не щадя его, разъ за разомъ, давалъ самыя подробныя показанія. Вся болтовня, знакомая уже нашимъ читателямъ о Биронѣ, о Юствѣ Липсцѣ, о принцѣ Петрѣ и принцессѣ Аннѣ, объ Остерманѣ, проекты Волынскаго, изображеніе его родоначальника, его вражье о саблѣ,—все предстало предъ слѣдователями во всей чистотѣ.

„Въ злодѣйственныхъ своихъ сочиненіяхъ, разсужденіяхъ и злоумышленныхъ дѣлахъ,—рѣшила лю выслашаніи дѣла Анна,—Волынской явно виновенъ явился и сверхъ того съ явною злобой высочайшаго ея величества особу и правительство своими словами дерзнулъ оскорбить и многымъ о томъ злодѣйски разглашалъ, а такъ какъ въ прочихъ злодѣйскихъ замыслахъ своихъ къ народному возмущенію и государственному поврежденію закрываетъ себя, то пытать его: когда именно хотѣлъ злодѣйскій умыселъ въ дѣйство привести? когда хотѣлъ сдѣлаться государемъ? и какіе способы имѣлъ къ тому употребить?“

— Ничего я того не знаю и государемъ сдѣлаться никогда не помышлялъ! отвѣчалъ Волынской на этомъ новомъ съ угрозою пытки начавшемся допросѣ.

— Однакожь конфиденты твои на тебя показываютъ: Софмоновъ, Хрущевъ, Еропкинъ, Кубанецъ, единогласно.

— Пускай-ка они при мнѣ о томъ прямо на меня покажутъ, отвѣчалъ Волынской.

— Чтò жь? ничего болѣе не скажешь? не хочешь? а? не будешь отвѣтствовать? приставалъ Неплюевъ.

— Э! одинъ дальности! дыбу ему, эй! дыбу!.. крикнулъ Ушаковъ.

— На дыбу? меня? на дыбу? что вы? меня? вскилятился было Волынский, не хотѣвшій вѣрить угрозы.

Но затопотала вокругъ него прислуга, запыладо не смазанное бревно дыбы, опустилось покачиваясь въ нетвердыхъ гнѣздахъ и, принявъ свою жертву, медленно потянуло ее къверху.

— Какіе способы хотѣлъ къ тому употребить? какіе способы? ровнымъ голосомъ продолжалъ допрашивать Андрей Ивановичъ.

И хрустѣли члены несчастнаго, выглаживались окладки атласныхъ его штановъ и гарнитуроваго кафтана, дрожала на животѣ массивная золотая цѣпочка и блестяли на рукахъ алмазные перстни. Полчаса лытали Волынскаго; восемь встрясокъ дали ему.

— За все прежнее казни достоинъ я,—говорилъ онъ подведенный наконецъ къ столу,—но государемъ быть не хотѣлъ, съ чѣмъ и умереть готовъ.

— Подлиши! подставивъ ему листъ показаній сказалъ Ушаковъ.

— Силы нѣтъ, руки раздроблены! слабымъ голосомъ проговорилъ онъ, и его увели.

Затѣмъ настала очередь лытокъ и для сообщниковъ Волынскаго. И Эйхлеръ, и Соймоновъ, и Мусинъ-Пушкинъ, и Еролкинъ, все показали что о зломъ умыслѣ Волынскаго не знаютъ. Пушкинъ прибавилъ что не доносилъ ни о чемъ „не желая доводчикомъ быть“. Волынскому дали еще на дыбѣ восемнадцать ударовъ, предъявили найденыя у него въ копіи кондичіи, но и тутъ остался онъ при прежнемъ показаніи.

— Кондичіи держалъ у себя безъ умыслу и государемъ быть не хотѣлъ, въ чемъ и умереть готовъ, повторилъ онъ.

„Болѣ розысковъ не производить, но изъ того что открыто сдѣлать обстоятельное изображеніе и доложить“, объявлена была высочайшая воля.

Черкасокаго, Трубецкаго и Новосильцева, членовъ слѣдственной комиссіи оговоренныхъ и замѣшанныхъ кабинетъ-министромъ въ его дѣло, допросила сама государыня, предлагая потомъ не вѣрить тому что показалъ на нихъ Волынский и взявъ съ нихъ людскую въ томъ что о допросѣ никому говорить они подъ смертною казнью не будутъ.

Сочиненное наконецъ обстоятельное „изображеніе дѣла“ Ушаковъ и Неплюевъ повезли въ Петергофъ къ императрицѣ.

Что открывалось по свидѣнію, о чемъ говорилось на допросахъ, все это оставалось, разумѣется, для тогдашней публики неизвѣстнымъ, но о попыткахъ кабинетъ-министра и его сообщниковъ молва не могла уже не проникнуть въ народъ. Любимаго кабинетъ-министра государыни пытаются въ застѣвкѣ, мучать! По чьему указу? какія его вины? за что? кому онъ не понравился? спрашивали всѣ другъ у друга, съ раздраженіемъ, съ негодованіемъ. Миктеровъ, толкавшійся все это время по улицамъ и площадямъ, слышалъ эти толки и видѣлъ это раздраженіе. Ему пришла мысль нельзя ли воспользоваться такою благопріятною минутой для возбужденія общаго возненія? Приходило ему также на умъ ворваться въ засѣданіе назначеннаго по дѣлу Волинскаго суда и тамъ при всѣхъ вдругъ объявить громогласно что хотя онъ къ дѣлу Волинскаго не причастенъ, но вмѣстѣ съ нимъ и его сообщниками голову свою положить готовъ, ибо страдаютъ они невинно, а онъ таковыхъ страданій пережить не хочетъ.

— Умру я, думалъ онъ, — это вѣрно, да за то и народу о томъ извѣстно станетъ и какъ онъ, народъ, потомъ заговорить, — окажется.

Возбужденное состояніе Миктерова поддерживалось только подобными отчаянными мыслями, не покидавшими его во все время. Не будь ихъ, этихъ мыслей, давно бы заболѣлъ онъ и слегъ; давно уже, исхудалый и блѣдный, не похожъ онъ былъ на себя; глаза горѣли недобрымъ огнемъ, всѣ его члены дрожали.

Единогласный генеральный судъ окончился въ одинъ день, а черезъ три дня послѣдовалъ уже смертный приговоръ, подписанный государыней. Миктеровъ не успѣлъ намѣренія своего исполнить, но продолжалъ все-таки настаивать „объявлюсь и тамъ, на площади объявлюсь“, и ждалъ, крѣпился, молчалъ.

Напротивъ того, Волинскій вполне смирился и обратилъ духовный взоръ свой внутрь.

— По винамъ моимъ, говорилъ онъ, — по винамъ моимъ я напередъ сего смерти себѣ просилъ, а какъ смерть объявлена, такъ не хочется умирать. Вотъ въ молитвѣ „Отче нашъ“ просимъ: „остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“; а я должникомъ своимъ не оставляю, такъ стало-быть я на себя того прошу что не оставляю имъ?... Грѣшенъ, грѣшенъ я! лучше скажу: „и даждь мнѣ Господи оставить должникомъ моимъ!“ Охъ, зналъ бы что такъ со мною сдѣлается, много бы случаевъ нашель умертвить себя!...

— Ну, сказалъ онъ явившимся къ нему по просьбѣ его Ушакову и Неплюеву, — виновать я предъ Богомъ и ея императорскимъ величествомъ, что много въ мерзкихъ словахъ и въ продерзостяхъ и непорядочныхъ поступкахъ и сочиненіяхъ, какъ о томъ въ отвѣтахъ и съ розысковъ показалъ, погрѣшеній учинилъ; токмо прошу у ея императорскаго величества чтобы за такія мои тяжкія вины не четвертовать. А? какъ бы не четвертовать? умолялъ Волынской доковавшихъ его судей.

Но на Сытномъ рынкѣ, что на Петербургской сторонѣ, строили уже для экзекуціи мѣсто и черезъ полицію объявляли о времени назначенномъ для оной „дабы всѣ желающіе видѣть могли“.

Въ назначенный день, часовъ въ восемь утра, исповѣдавшемуся и причастившемуся Волынскому урѣзали языкъ, и собравшихъ въ казармѣ приговоренныхъ повели на мѣсто казни.

Площадь была густо покрыта народомъ. Прочитавъ съ утра объявленіе и не найдя тамъ именъ преступниковъ, Миктеровъ все чего-то надѣялся, колебался.

— Кабы тотъ, да этотъ были оставлены?.. смутно вертѣлось у него въ головѣ. Статься-можетъ, и обойдутъ кого, помилуютъ...

Но вотъ на особо устроенное въ видѣ амвона возвышеніе вскарабкался уже ассессоръ Хрущевъ и, въ присутствіи Ушакова и Неплюева, прочелъ указъ. Вотъ на другихъ, большихъ подмосткахъ появились залечные мастера съ лѣтьями и кнутами. Выступили впередъ Соймоновъ, Эйхлеръ, Судя, — и началась работа...

Смолкло все на площади. Народъ сняли шалки, крестится. Вотъ падаютъ головы Хрущева, Ерпкина; полетѣла прочь правая рука Волынскаго...

— Ахъ! дрогнула толпа, — царство небесное!

И голова министра скатилась, какъ была, повязанная бѣлымъ платкомъ, съ уломъ на затылкѣ. — Ахъ! вырвалось изъ тысячи грудей.

— И я съ вами, я! вдругъ удушливымъ, хрилымъ голосомъ крикнулъ откуда-то, изъ глубины толпы Миктеровъ.

Но зашевелившійся народъ заглушилъ этотъ крикъ и какъ въ морѣ потонулъ слабый звукъ его голоса.

— Глянь, кладутъ!.... повезли!

— Къ Самсоію, къ странопріимцу! зашумѣли, забѣгая со всѣхъ сторонъ, провожавшіе тѣла казненныхъ любовитыиъ.

А Миктеровъ лежалъ какъ пласть на землѣ и надъ нимъ, потрогивая его въ бока, возмались какіе-то люди.

— Померъ звать.

— Ишь, дышетъ; гляди, отдохнетъ.

— Хворый какой притащился.

— Звать въ перводъ; не видалъ никогда,—исслужался!

— Повернуть бы его.

— Ну чего вертѣть?

XXX.

Страшно было жить въ Россіи! Стонала земля отъ проливаемой крови русскихъ людей, и не вѣрилъ народъ тѣмъ словамъ указовъ которыми думало оправдать правительство свои жестокости и казни.

Пали Долгорукіе, эти якобы „заовымышленные и безсовѣстные клятвопреступники, богомерзкіе злодѣи, нарушители болгарскихъ и государственныхъ правъ, недоброжелатели отечества, а паче злые вредители.“ Палъ Волыньскій, потому будто бы что „неслыханнымъ доселѣ образомъ неуказныя подати на народъ налагалъ, Тредьяковскаго изъ царскихъ палатъ за волосы вытащилъ, многихъ безъ заслугъ въ чины производилъ или мучительски штрафовалъ и дѣла, для богомерзкаго своего лкомства, по страстямъ своимъ производилъ“, и пр. Но такими ломинками по усолшимъ невозможно было успокоить приведенную въ ужасъ толпу. Нѣтъ, ей нужно было другое вѣ что и къ другому прислушивалась она въ это время. Она прислушивалась къ рѣчамъ болѣе ей понятнымъ и доступнымъ.

Тамъ, въ Новгородѣ, на городскомъ выгонѣ, разгуливали въ однихъ рубанкахъ босые юродивые, къ которымъ стекались отовсюду массы народа, и эти „блаженные“ по своему объясняли настоящее положеніе дѣлъ. Власти не обращали сначала на нихъ вниманія; но на народную массу они производили сильное впечатлѣніе. Слухъ о нихъ расходился далеко. Онъ дошелъ до Петербурга, откуда Дерюгинъ, — и безъ сомнѣнія не одинъ онъ,—послѣвшиль съ котомкой за плечами въ Новгородъ. Сотни другихъ подобныхъ ему странниковъ прибывали изъ другихъ мѣстъ, такъ что наконецъ начальство встре-

вошло. Тайнымъ образомъ, но безъ изысканій и наказаній, вѣрно было захватить и отравить въ монастыри „сахъ ханжей, являвшихъ себя святыми, дабы отъ того соблазна простому народу не происходило.“ Но простой народъ соблазна не боялся такого и „ханжей“ своихъ умѣлъ сберечь отъ тайныхъ преслѣдованій.

Нигдѣ, вѣчего и вѣкого не нашли командированные агенты тайной канцеляріи, а между тѣмъ Дерюгинъ легко отыскалъ одного изъ скрывающихся и, сойдясь съ нимъ близко, возвращался теперь вѣбогѣ въ Петербургъ, куда мандалъ его новый товарищъ, но куда идти ему впрочемъ не хотѣлось.

— Эхъ! пропадемъ мы тамъ, пропадемъ, говорилъ онъ.

— Молчи! Не пропадемъ: лошады лишь къ врагамъ нашимъ не имѣть, лошады доколы мы жиры не имѣть! повторялъ съдой слутникъ Дерюгина съ такою рѣшимостью, съ такимъ авторитетомъ которымъ тотъ нѣволью подчинялся. Онъ смотрѣлъ на него съ уваженіемъ и, слушая его, старался выискнуть въ тайный смыслъ не вполнѣ понятныхъ ему рѣчей.

По временамъ казалось ему что старикъ словно и не изъ простаго званія человѣкъ, а иногда, напротивъ, западало въ немъ сомнѣніе,—не тать ли онъ какой, не изъ разбойной ли какой шайки бѣглець?

— Ну, а слова-то божественныя, которыя такъ и напизывають, размышлялъ Дерюгинъ, наслушавшійся ихъ тамъ, въ скиту, у раскольниковъ. А почетъ-то ему,—вѣшь какой! народъ сходится, слушаетъ. Чего онъ только злобится? Чтѣ ему?

— Изъ какихъ же ты самъ-то мѣсть? Изъ далека чтоль? спросилъ его однажды Дерюгинъ.

— Я-то? Про Смоленскъ слыхалъ?

— Ну?

— Оттуда и родомъ.

— А давно знать мѣста свои покинулъ?

— Какъ пришелъ врагъ на землю нашу, глазомъ невидимый, какъ на небѣ знаки небесныя появились и гоненіе на Русскій народъ зачалось,—вотъ когда. Ты взгляни, продолжалъ старикъ, выпрямляя свою согнутую спину и стараясь идти въ ногу съ молодымъ своимъ слутникомъ:—голова моя сѣдая, старая,—а и той слокою не было сколько лѣтъ! Какъ тать укрываюсь,—ну да и полно! На свѣтъ лора. Зачинается!...

— Чтѣ зачинается?

— Чтѣ? А народъ видѣлъ чтѣ дѣлаеть? Прислушивается.

— Ну?

— А прислушивается, — стало время пришло, надо въ дѣлство вѣсти. Какъ въ соломѣ искрой, такъ въ народѣ рѣчью.

— Да чего тебѣ-то, что ты злобишься?

— Я-то? Старикъ приостановился, искоса посмотрѣлъ на Дерюгина и точно слезы заблестали въ его глазахъ.— Парень! сказалъ онъ;—парень ты молодой, дѣтокъ у тебя вѣтъ: а какъ у птички да птенчиковъ унесутъ, — ухъ, озлобится!... Идемъ что ли, идемъ! Доколѣ живы, пощады не имѣтъ! такъ, стало? такъ? И спутники продолжали свое путешествіе.

Была уже осень. Въ Петербургѣ стало людвѣе. Императрица, поправившись нѣсколько за дѣто отъ лодагрическаго своего недуга, перѣѣхала въ городъ. Принцесса Анна благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ Иваномъ и, давъ престолу наслѣдника, оживила на нѣкоторое время государыню и весь дворъ. Опять стало суетно. Въ Петропавловскомъ соборѣ служатъ молебень; съ крѣлости гремятъ орудія; во всѣхъ церквахъ читаютъ манифестъ о благополучномъ рожденіи царственнаго младенца; герцогиня Биронъ при себѣ перепеленываетъ ребенка; шлютъ родильницѣ подарки.... Но въ самомъ разгарѣ закипѣвшей жизни показываются у государыни признаки давно уже зачавшейся болѣзни: бессонница, испарина по ночамъ; ей тяжело, ей скучно, ей надоѣло и не хочется дѣлчиться; съ трудомъ удается Бирону уговорить ее принять красные порошки доктора Штала, на которые она смотритъ съ отвращеніемъ и которые не хочетъ принимать.

— Ахъ, не легче мнѣ; а все худо; знать конецъ пришелъ! пытливо посматривая на окружающихъ и боясь луце всего этого конца, говоритъ государыня.

— Плоха, очень плоха! замѣчаетъ герцогиня Биронъ, выходя изъ душной комнаты больной чтобы нѣсколько освѣжиться.

— Что же вы меня покидаете? Или я всѣмъ прискучила? зоветь къ себѣ императрица, въ томительномъ страданіи своемъ, и желая, и не желая оставаться одна.

— Мы здѣсь,—что повелишь? кидаются со всѣхъ сторонъ къ ней приближенные, смотря ей въ глаза и ожидая приказаній.

Но приказаній она никакихъ уже не отдаетъ, и дѣло становится серіознымъ. Скопфуженный и не предвидящій добра-

го конца, герцогу уже просилъ Левенвольда съѣздить къ Остерману и спросить что ему дѣлать?

— При наследникѣ мать его должна быть правительницей, а при ней совѣтъ, въ которомъ и герцогу можно быть, отвѣчалъ Остерманъ.

— Какой совѣтъ? сердился Биронъ.—Сколько въ немъ головъ будетъ, столько и разныхъ мыслей! какой совѣтъ!

— Ну, что? говорилъ онъ еще назначенному на мѣсто Волынскаго министру Бестужеву, залершись съ нимъ въ кабинетъ и строго запретивъ прерывать ихъ секретную бесѣду.— Государыня правительницей быть принцессѣ Аннѣ не соизволила; надо же подумать кому быть правителемъ.

— Да кому быть? Вамъ, сіятельный герцогу,—кому еще быть?

— Да, но... какъ же это?

— Съ Черкасскимъ поговорить надо, съ Остерманомъ.

— Подите, посылаетъ, съ своей стороны, герцогиня барона Менгдена,—подите, просите принцессу Анну чтобъ она на регентство мужа моего допустила.

— Ахъ, пусть такъ постулаютъ какъ предъ Богомъ и предъ всѣмъ свѣтомъ, и предъ нами и государствомъ отвѣтъ дать могутъ, отвѣчаетъ принцесса; — я въ это дѣло не лутаюсь.

— Охъ бѣда, бѣда! восклицаетъ посланный,—не будетъ герцогу регентомъ!...

И все приходитъ въ волненіе, все суетится.

Шестаго октября, въ воскресенье, за обѣдомъ, государынь сдѣлалось очень дурно. Она почувствовала тошноту, рвоту. Вскочившій съ мѣста герцогу и присутствовавшій при этомъ докторъ Фишеръ схватили ее подъ руки, повели на постель, а Бестужевъ съ Черкасскимъ тотчасъ же сѣли въ карету и поспѣшили за Остерманомъ.

— Худо дѣло, разсуждали они ѣдучи.

— Худо!

— Какъ разъ ожидай перемѣны.

— Правительницей быть принцессѣ все-таки не можно.

— Лучше всего герцогу быть.

— Да.

— Онъ въ дѣлахъ искусенъ.

— У Остермана совѣта надо просить.

Но напрасно было бы ожидать какого-нибудь положительнаго

мѣняя отъ Остермана въ такую минуту. Встревоженный привезеннымъ извѣстiemъ, совершенно не зная еще той роли которую придется ему избрать въ предстоящихъ новыхъ и неожиданныхъ имъ обстоятельствахъ, принужденный двинуться съ мѣста, котораго не покидалъ пять лѣтъ, Остерманъ не хотѣлъ ничего говорить.

— Что вы? Да что вы? махать омы только руками на пристававшихъ къ нему гостей. — Сіе дѣло не легкое, — куда торопиться? Подумать о томъ надлежитъ что сказать телеръ?

— Ну, ничего не сдѣлано! говорилъ Бестужевъ, выйдя изъ покоевъ Остермана къ посланному отъ вѣтергланова герцога слугѣ его Фабиану; — скажи, ничего молъ не сдѣлано.

А герцогъ, крайнимъ образомъ разстроенный, сердился и въ волненіи бѣгалъ то въ опочивальню императрицы, то къ себѣ, то возвращался въ пріемную. Сѣхались между тѣмъ сановники: Левенвольдъ, Минихъ, Бестужевъ и Черкасскій. Разговаривая громко о трудныхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, о младенчествѣ герцога, о регентствѣ и пр., всякій разъ смолкали они при появленіи Бирона и, взглядывая на него, перешептывались.

— Ему быть регентомъ, ему! ввернулъ Бестужевъ.

— Я былъ бы тѣмъ доволенъ! замѣтилъ Минихъ.

— Ну что же? Подлинно такъ.

— Скажемъ громко.... возвысилъ голосъ Левенвольдъ. — Вотъ, герцогъ, прибавилъ онъ, указывая на входившаго Бирона.

— Я голосъ свой дамъ чтобы быть вамъ регентомъ нашимъ! выступилъ впередъ Минихъ. — И великой милости ради, которую вы отъ ея императорскаго величества получали, надобно вамъ не отказать.

— Какъ, я? отступилъ назадъ герцогъ.

— Сіе надо такъ разсудить, настаивалъ первый, — якобы оное пришло не отъ человѣкъ, но отъ судьбы Божіей, отъ чего отречься нельзя.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Милліонъ людей будутъ за васъ молить Бога, и Онъ подастъ силу и благословеніе, говорили другіе.

— Ваша свѣтлость, притворно грубымъ и сухимъ голосомъ сказалъ Бестужевъ, — ваша свѣтлость Россіи всѣмъ обязаннымъ состоятъ и потребно ей за то вышѣ услугу оказать; къ тому же вы и значительными въ государствѣ лицами приглашаетесь.

Онъ остановился, увидавъ показавшуюся вдали фигуру Остермана на креслахъ, со сложенными на груди руками и опущенною внизъ головой.

— Графъ, графъ! воскликнули всѣ, и оставивъ Бирова, поспѣшили на встрѣчу къ вице-канцлеру.

Остерманъ отвѣчалъ только поклонами, поворачивая свою голову во всѣ стороны и скрывая подъ визко опущеннымъ зеленымъ зонтомъ выраженіе безлокоиства, которое причиняли ему неотступныя требованія всѣхъ высказать непременно свои мысли и желанія на счетъ регентства.

— Сіе однимъ Русскимъ къ обсужденію потребно, меня отъ сего увольте, милостивые господа! затѣлъ было онъ старую пѣсню.

Но Бестужевъ вскипятился.

— Весьма то удивительно, громко сказалъ онъ, — что графъ столь много лѣтъ великія государства Россійскаго должности отправлялъ и однако чужестранцемъ себя показываетъ!

— Да пусть кабинетъ... замѣтилъ было Остерманъ.

— Да что кабинетъ? Въ кабинетъ свое сужденіе каждый и безъ того говорить будетъ долженъ, а грифу и здѣсь сказать бы его можно было.

— Онъ и не одного, а и двадцати тысячъ Русскихъ стоить!

— Такъ-то и всѣ отговариваться станутъ.

— Боятся нечего.

— Чего жь бояться? Мы всѣ здѣсь однихъ мыслей! заму-
гнѣли со всѣхъ сторонъ.

„Эге-ге! куда ужь дѣло зашло! подумалъ Остерманъ; — чего же тутъ еще разговаривать? Надо со всѣмъ соглашаться скорее; все ужь рѣшено и ложено.“

И дѣйствительно, поздно было теперь разсуждать и совѣтовать. Послали тотчасъ за Ушаковымъ, Трубецкимъ, Буракинымъ, и тутъ же, ночью, сѣли сочинять духовную и опредѣленіе о регентствѣ. Изготовленный вкратцѣ манифестъ съ объявленіемъ герцога регентомъ на семнадцать лѣтъ и съ предоставленіемъ ему права, въ случаѣ кончины младенца Ивана, выбирать сукцессора, прочли предъ опочивальней государыни.

— Милостивая императрица! мы согласились чтобы герцогу быть нашимъ регентомъ; просимъ о томъ подданнѣйше! попробовалъ было сказать громко Минихъ, стоя у дверей этой опочивальни и высовывая впередъ голову.

Но отвѣта оттуда не послѣдовало, а за неполученіемъ такого, снова обратились всѣ къ герцогу.

— Истинно за тебя вѣрно стоять и, яко честный человекъ, помощь показывать будемъ.

— Мы нравъ его знаемъ! говорили Черкасскій и Бестужевъ.

— Ваша свѣтлость! ваша свѣтлость! убѣждали всѣ. Время было Бирону изъяснить согласіе. Здоровье государыни становилось все хуже; надо было слѣзнуть. Переписанные и исправленные манифестъ и опредѣленіе, съ приложеніемъ къ нимъ печатей, взявъ на себя отнести къ государынѣ Остерманъ; но такъ какъ находившаяся въ полной памяти императрица не рѣшилась ихъ подписать тотчасъ же, то предстояло придумать пока на всякій случай что-нибудь и другое. Послали было повѣстки къ чинамъ первыхъ двухъ классовъ, съ приглашеніемъ ихъ во дворецъ для подписи сочиненной на скоро челобитной касательно общаго будто бы желанія назначить Бирона регентомъ. Этою письменною просьбой думали скорѣе побудить государыню къ подписанію представленныхъ ей бумагъ; но набранныхъ подписей оказалось недостаточно, да и нести этой новой челобитной къ государынѣ никто не рѣшался.

— Всея Россійской націи позитивную декларацію сочинить надлежитъ! рѣшилъ наконецъ Бестужевъ,—вотъ что.

— Такъ, точно, такъ!

— А подписывать ту декларацію по два, по три и по пяти приводить можно,—говорили другіе.

— Сначала синодъ, генералитетъ, до генераль-майорскаго ранга!

— Что вы? какъ тому можно быть, чтобы майоровъ гвардіи исключить? никакъ, въ нихъ больше всего нужды! вступился Минихъ.

— Такъ, такъ!

И на это слѣдовало единогласное рѣшеніе; все шло гладко и дружно.

— Ежели, шепталъ въ то же время на ухо Бирону Бестужевъ, ея императорское величество и не подпишетъ, но оное дѣло уже совсѣмъ отъ всѣхъ классовъ, даже до капитанъ-лейтенантовъ, опробовано будетъ, тогда и безъ государевой подписи можно будетъ....

— Чтобы оставялося однакоже каждому въ его волю! прервалъ съ достоинствомъ Биронъ.

— О да, да,—ужь не иначе! отвѣчалъ поглядывая на него искоса и улыбаясь Бестужевъ.

Такъ устраивались дѣла во дворцѣ, такія переживались тамъ минуты. И въ такую-то пору попали въ Петербургъ наши спутники, Дерюгинъ съ товарищемъ, ничего конечно не зная и даже не подозрѣвая о разказанныхъ нами обстоятельствеѣхъ.

Не забывъ неласковаго приѣма оказаннаго Торбеевымъ у Ледянаго дома, Дерюгину не хотѣлось идти къ нему, но старшій товарищъ его, оказавшійся далеко не юродивымъ и съ приходомъ въ Петербургъ совершенно измѣнившійся даже въ манерахъ своихъ и наружности, сильно на этомъ настаивалъ. Пристать на первое время у кого-нибудь изъ знакомыхъ представлялось ему необходимымъ, Торбеевъ же казался надежнѣе другихъ. Дерюгинъ возражалъ ему что Торбеевъ, статья-можетъ, мысли свои теперь измѣнилъ, что онъ пожалуй еще и къ отвѣту ихъ притянетъ; но старикъ даже разсердился.

— Ну что пустое болтать! Ты, статья-можетъ, его тайны не знаешь, а я... вотъ какъ бухну ему прямо въ лобъ про...

— Про кого?

— Про Миктерова.

Такъ и присѣлъ на мѣстѣ Дерюгинъ, глаза вытаращилъ. А старикъ луце прежняго осерчалъ.

— Если насъ схоронить, горячился онъ, Торбеевъ не сумѣетъ, то ужь тогда я разочтуса съ нимъ самъ, одинъ, тутъ же на мѣстѣ, вотъ чѣмъ, прибавилъ онъ, показавъ простой, но отпущенный ножъ, который носилъ въ карманѣ.

— Ого-го! Вонъ ты какъ! сказалъ, пораженный словами старика, Дерюгинъ и еще болѣе лутался въ своихъ на счетъ его предположеніяхъ и догадкахъ.

Семнадцатаго числа между тѣмъ, въ тотъ именно день когда явившимся на квартиру Торбеева путешественникамъ объявили что хозяинъ находится по службѣ во дворцѣ, въ караулѣ, въ Петербургѣ ожидались событія великой важности.

Послѣ обѣда, когда изъ дворца поразѣхались, ходьба прекратилась и смолкли голоса, герцогъ, скрывъ отъ всѣхъ о безнадежномъ положеніи государыни, о которомъ ему съ утра еще объявила доктора, шелъ олутивъ голову въ олочивальню больной. Глухо раздавался шумъ его шаговъ въ олуствѣлыхъ комнатахъ, колыхалось пламя разставленныхъ на

столахъ свѣчей, мимо которыхъ онъ проходилъ, и далеко лежала тѣнь его высокой фигуры, оббѣгая на мебель и на полъ. Что-то серьезное, что-то рѣшительное должно было совершиться теперь.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ выходящею изъ опочивальни принцессой Анной.

— Ну что? какъ здоровье?

Принцесса пожала только плечами.

— Ваше величество,—тихо подойдя къ кровати и заикаясь высшая присутствующихъ, началъ Баронъ,—ваше величество!

— Что? вѣдь плохо здоровье-то мое? плохо? надежды нѣтъ? спрашивала, до самаго конца надѣявшаяся на выздоровленіе, царица.

— Ваше величество, продолжалъ не слушая ея, герцогъ,—двадцать два года служилъ я.... собою жертвовалъ.... Я дѣло правленія исправляю....

— А-а? вотъ что... Боюсь я, герцогъ, боюсь чтобы несчастія тебѣ сіе не принесло....

— Ваше величество! повели! кинулся на колѣна герцогъ, заглядывая на столъ и подъ подушки, вездѣ ища глазами заветной бумаги,—повели!

— Дѣло сіе весьма трудное, горькое! Какъ тебѣ регентомъ быть?.. О-о-хъ! стонала государыня.

— Смилуйся, повели....

— Юшкову ко мнѣ призови.... воля-то моя и послѣ меня.... послѣ.... Юшкову, Юшкову!

Баронъ бросился исполнять приказаніе, а между тѣмъ въ соседней комнатѣ уже зашевелились. Пріѣхала принцесса Елизавета, собрались принцъ Антошъ, принцесса жена его, Минихъ, Черкасскій. Тайна Барона написана была уже на всѣхъ лицахъ.

Черезъ минуту, принцессѣ потребовали въ опочивальню, а за ними вошли послѣдшне и другіе. Каждый боялся шевельнуться. Прошуршали, путаясь одна объ другую, юбки подошедшихъ къ кровати принцессѣ. Подребежжалъ, потревоженный кѣмъ-то на столъ, стаканы. Поскрипѣла у кого то на ботфорты кожа,—и опять все смолкло. Слышно было одно тиканье часовъ, да тяжелое дыханіе императрицы. Высоко поднималось шелковое ея покрывало, безучастно смотря она вверхъ, на приведенные въ движеніе теченіемъ воздуха кисти и аграманты широкой завѣсы на постели.

— Гдѣ они? Охъ! бокъ, бокъ! застонала вдругъ больная.—
Тутъ! больно, больно!

Впередъ сунулись доктора. Быстро отошли въ сторону принцессы. Зазвенѣли олять какія-то стклянки!

— Не надо, не надо! едва отстраняя голову, шептала государыня. Прощайте, прощайте!...—Минихъ! вдругъ приподнявшись и обративъ свой мутный взоръ на всѣхъ присутствующихъ, сказала она громче прежняго,—Минихъ! прощай! Что это? Господи.... больно, охъ больно.... охъ, охъ!..

— Подними! еще, еще!

— Ниже!... не такъ... сюда.

— Голову держи... руку! слышался внятный шепотъ докторовъ и прислуги, покрываемый стовами и тяжелою хрилотою государыни....

Въ сосѣднихъ комнатахъ уже смѣше заговорили придворные; послали за священникомъ, лѣвчими; двери въ опочивальню открылись; послышался громкій вопль, рыданія... все было кончено.

Принцесса Анна, сидя въ углу, закрывъ лицо, обливалась слезами. За стуломъ ея, опустивъ голову, стоялъ принцъ Антонъ.

— Mein Gott, mein Gott! зывалъ, мечась по комнатѣ, Биронъ. Бестужевъ кинулся заперать и печатать вещи.

— Стой! вдругъ воскликнулъ герцогъ, подбѣжавъ къ конторкѣ, гдѣ хранились брилліантовые украшенія императрицы,—стой! Здѣсь послѣдняя воля! Гдѣ Юшкова? А! Возьмите, сказала онъ, взявъ изъ рукъ ея и передавая случившемуся возагъ Трубецкому бумагу.

— Милостивые господа! милостивые господа! громко воскликнулъ генераль-прокуроръ Трубецкой, переговоривъ въ полголоса съ Бирономъ.—Пожалуйте! Декларация! Декларация! повторилъ онъ, становясь къ ближайшей свѣчѣ.

— Что, что? Декларация?

— Декларация! сюда къ Трубецкому!

— Читайте, читайте!

— Вы что же? мрачно обратился между тѣмъ герцогъ къ принцу Антону, указывая ему рукой на бумагу и удивленный нѣсколько тѣмъ что принцъ оставался еще за стуломъ своей сунуруги.

Началось чтеніе знаменитой деклараціи, столь искусно подготовленной доброжелателями Бирона.

XXXI.

Казалось, Биронъ обезначилъ себя на семнадцать лѣтъ безотчетное управленіе Россіей и даже выборъ сукцессора русскаго престола. Оставалось только крѣпиться въ званіи регента и, ублаживъ надлежащимъ образомъ однихъ, преградивъ всякую возможность къ противодѣйствию другимъ, продолжать то что такъ удачно умѣлъ онъ вести во все десятилѣтнее царствованіе императрицы Анны.

Облекшись въ черное байковое платье, герцогиня Курляндская никого къ себѣ не допускала. Самъ же герцогъ, получивъ титулъ высочества, посылалъ къ иностраннымъ посланникамъ офицеровъ въ парадныхъ, шестерней заложенныхъ каретахъ, съ официальнымъ объявленіемъ о кончинѣ государыни и, готовясь выпустить милостивые для дворянъ, солдатъ и народа манифесты, ограничивался пока позволеніемъ являвшимся къ нему лицамъ цѣловать его высокогерцогскую руку. Все было гладко по наружности, все попрежнему улыбалось Бирону; но злобщій огонь таился и готовъ уже былъ разгорѣться.

Еще въ послѣдніе дни болѣзни императрицы, окончивыя отвѣты принцессы и глубокое молчаніе принца Антона позволяли предполагать что не совсѣмъ-то по вкусу приходились имъ тѣ порядки которые придумалъ и исполнилъ экспромптомъ герцогъ. Сидя на своей половинѣ, за полковыми дѣлами и бумагами, не разъ обращался принцъ къ адъютанту своему Граматину съ разными вопросами касательно всего что происходило во дворцѣ; просилъ его развѣдывать о подпискѣ, которая чинилась въ кабинетѣ и на которую онъ не былъ приглашенъ, толковалъ потомъ съ секретаремъ придворной конторы Семеновымъ о намѣреніи своемъ арестовать во время развода министровъ засѣдающихъ въ кабинетѣ; желалъ свидѣться съ Ушаковымъ, переговаривался съ Кейзерлинггомъ и т. д. Впечатлѣніе произведенное назначеніемъ въ регенты Бирона дѣйствовало не менѣе неблагоприятно и на лицъ менѣе Брауншвейгской фамиліи заинтересованныхъ въ дѣлѣ.

— Отъ російскаго шляхетства челобитную надлежитъ подать противъ герцога, говорилъ въ своемъ кружкѣ нѣкто подполковникъ Пустошкинъ.

— Подлинный-то указъ собственною ли еще ея императорскаго величества рукой подписанъ? замѣчали его слушатели.

— Э! что пустое калякать? вступался секретарь кабинета Яковлевъ;—подите, да и бейте челомъ Трубецкому.

— Трубецкой у регента надъ ухомъ сидитъ; другое надобно.

— Ну, къ Черкасскому, къ Головкину, разсуждали между собою недовольные.

Стоявшіе на караулѣ во дворцѣ во время кончины государыни, Торбеевъ, а потомъ поручикъ Преображенскаго полка Хомяковъ, пришли просто въ негодование, услышавъ чтеніе деклараціи. Послѣдній, пріѣхавъ на другой день на стройку возводимыхъ тогда, по проекту Миниха, казармъ, не удержался и тутъ же громко сталъ выражать свое неудовольствіе.

— Что мы сдѣлали? говорилъ онъ,—государева отца и мать оставили! Они, чай, надѣялись на насъ, а теперь плачутся! И какому человѣку государство отдали! Эхъ вы! У насъ офицеровъ надежныхъ нѣтъ, а ваше бы дѣло, обращался онъ къ сержантамъ,—ваше бы дѣло о томъ солдатамъ сказывать.

— Точно, да! соглашался сержантъ Алфимовъ,—что онъ за человѣкъ, ужъ какой онъ человѣкъ!

— Вотъ до чего мы дожили, Господи! всплеснувъ руками, кричалъ поручикъ Аргаматовъ,—какая намъ жизнь? Лучше бы самъ закололъ себя. Что мы? допускаемъ до чего.

— Т-съ! оламятуйся, чего ты? останавливали его товарищи.

— Хоть жилы изъ меня тянуть стануть, говорить о семъ не престану.

— Надо у государыни принцессы провѣдать, угодно ль ей это будетъ; а то мы, горячился Хомяковъ,—съ барабаннымъ боемъ учинили бы тревогу! моя бы гренадерская рота вся за мной пошла!

— О-о-охъ! говоримъ мы о семъ, а вѣдь дѣло это смертельное! замѣчали нѣкоторые.

— Ну, смертельное! довощику первый кнутъ!

И такіе разговоры не могли оставаться безъ послѣдствій. Отъ офицеровъ и сержантовъ заговорили скоро и солдаты, заговорилъ народъ. Таскаясь по улицамъ, въ надеждѣ гдѣ-нибудь случайно наткнуться на Миктерова, Дерюгинъ съ товарищемъ вездѣ прислушивались къ ходившей молвѣ и однаж-

ды набрали близь строившихся казармъ на такой разговоръ что и сами отъ участія въ немъ удержаться не могли.

Здѣсь спорили уже о томъ: отчего не зачинаютъ и кому зачинать. Кто говорилъ что все зависѣло отъ солдатъ, другіе напротивъ что слѣдуетъ начать офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, что солдатамъ зачать не можно.

— Отчего жъ такъ не можно?

— Да такъ.

— А какъ для присяги строй былъ, ты чего жъ молчалъ?

— Одинъ въ полѣ не воинъ.

— Да кому присягали-то вѣдаешь ли?

— А Богъ знаетъ кому.

— Экой дуракъ, ужъ и того не знаетъ. Великому князю Іоанну, а родительница царя оставлена.

— Оставлена?

— Да. И орелъ нашъ батюшка Петръ I леталъ, дѣткамъ своимъ все соблюдалъ, а и его дочь оставлена.

— Генералу Курляндскому государствомъ править повелѣно.

— Эй ребята! вмѣшался Дерюгинъ,—кому присягали-то? Великому князю Іоанну: а онъ и не отъ христіанской крови, и не въ правотѣрїи родился!

— Зачинай, ребята, зачинай! горячился старикъ его товарищъ.—Ко врагамъ лошады не имѣть! Поколь живы, не имѣть!

И со всякимъ днемъ сходки принимали болѣе угрожающій характеръ, становясь смѣлѣе и опаснѣе, и со всякимъ днемъ можно было ожидать какой-нибудь катастрофы.

XXXII.

Пролавшій между тѣмъ безслѣдно, подобранный съ площади неизвѣстными благодѣтелями, Миктеровъ находился въ положеніи самомъ жалкомъ. Очнувшись послѣ продолжительнаго недуга, онъ не могъ рѣшительно отдать себѣ отчета ни въ томъ что были за люди которые его приютили послѣ обморока, ни въ томъ что съ нимъ было вообще, гдѣ и когда. Вспоминая теперь нѣкоторыя подробности, не хотѣлъ даже вѣрить имъ, точно были они изъ какого-то сна.

— И что со мною такое приключилось? Съ кѣмъ я жилъ, гдѣ и долго ли?

И какъ-то не хотѣлось ему на эгомъ останавливаться; какъ-

то дичился онъ всѣхъ и позывало его на что-нибудь злое, враждебное.

Оправился наконецъ Миктеровъ; вышелъ на улицу, и долго придти въ себя не могъ, такъ было для него и ново, и странно то что доводилось ему теперь и слышать, и видѣть. Тамъ говорили что въ Петербургской крѣпости воры убили часовыхъ и нѣсколько сотъ рублей казны унесли. Тутъ, офицеры чуть не къ возстанію солдатъ подговариваютъ. Въ церквахъ громко ропщутъ что на ектиніяхъ послѣ царя и принцессы поминаютъ герцога Курляндскаго....

Происшедшія во время болѣзни Миктерова политическія перемѣны,—смерть государыни, регентство Бирона, все это дѣйствовало на него съ раздражающею силою.

— Кровь, кровь вездѣ, и самъ я весь въ крови! вертѣлось у него въ головѣ.—Вотъ, спокойствіе думалъ найти!... безъ крови его не найдешь. Что и Доргорукіе, что и герцогъ самъ,—кровью, вымогательствомъ дороги искали и себѣ въ грѣхъ того не ставили. А я всю жизнь сторонился, маялся, за другахъ въ отвѣтъ былъ, тѣломъ ослабъ!... О, постой! Случай выпадетъ провѣдать что, — прямо къ герцогу, или къ пріятелю его, къ Лилману: на поди! кого беречь?

Разъ увидѣлъ Миктеровъ на Переведенской улицѣ собравшуюся кучку людей, и пробравшись впередъ остановился, прислушиваясь. Въ толлѣ кричали.

— Нашихъ крестьянъ, говорилъ какой-то молодой парень въ тудупѣ, съ разгорѣвшимися пьяными глазами, высовывался и силясь перекричать другихъ,—нашихъ крестьянъ въ тюрьмахъ за недоимки морили, а у него золотой, да серебряной посуды некуда ставить.

— Ишь ты, на обуви и то пряжки брилліантовые. Съдла-то всѣ золотомъ горять.

— Дай я что скажу, молчи! выступилъ другой.—Стой, ребята, вотъ что: какъ намедни....

— Чего намедни? лущай онъ сказываетъ.

— Эй! Митькѣ говорить.

— Васькѣ.

— О, шутъ васъ! шумятъ только, обратился къ сосѣду своему какой-то рядомъ съ Миктеровымъ стоявшій мужичокъ.— Меня ищдо медвѣжьимъ ногтемъ по кожѣ въ тѣ лоры подрадо! Эхъ! пропадай знать матушка Россія: изъ лихорадки, да въ горячку. Прости православная вѣра, учителя церковные!..

— Десять лѣтъ молчали, а нынѣ и ничего говорить не будутъ! кричалъ кто-то въ срединѣ.

— Ишь, мы не молчимъ! Кто молчить-то? Не молчимъ! раздавались голоса.

— Ну чего жь еще дожидать? сказалъ самъ себѣ Миктеровъ, выдираясь вонъ и скорыми шагами отходя отъ толпы. — Чего жь еще дожидать? повторялъ онъ, озираясь какъ воръ. — Все покажу, все до чиста! и пригибая голову, точно сзади хотѣлъ его кто ударить, быстро шагаль онъ, словно боясь собственныхъ словъ и голоса.

Черезъ часъ времени къ подъѣзду Лѣтнаго Дворца подъѣхала пузатая карета, и придворный оберъ-гофъ-коммиссаръ Лилманъ, медленно спускаясь по откинутымъ подножкамъ, оглядывался на торолившагося сзади, закрывавшагося поднятымъ кверху воротникомъ и судорожно моргавшаго и передергивавшаго бровями человѣка.

— Миктеровъ! раздался за нимъ чей-то голосъ.

— Торбеевъ! прошепталъ онъ, задрожавъ вдругъ всѣмъ тѣломъ и обернувшись къ высунувшемуся впередъ караульному офицеру.

Но двери громко захлопнулись. „Слово и дѣло“ требовало какъ видно, по соображеніямъ Лилмана, самого дощичика, и Миктеровъ поднялся, по ступенькамъ лѣстницы, въ локоп герцога Бирона.

Большія, высокія комнаты, какихъ давно уже не видалъ онъ, чистота и блескъ, парадный ливрей придворныхъ слугъ, мелькнувшія тамъ, въ сторонѣ, мимо задняго хода, которымъ пробирался Лилманъ, богатые мундиры съ покрытыми флеромъ по случаю траура луговицами, пропитанная ароматическими куреньями атмосфера, наконецъ Торбеевъ повстрѣчавшійся такъ неожиданно на подъѣздѣ, все это затуманило голову Миктерова; онъ задыхался и радъ былъ приказанію Лилмана дожидаться его возвращенія.

Между тѣмъ во дворцѣ давно уже поднялась тревога. Съ самаго утра герцогъ внѣ себя ходилъ по комнатамъ, кричалъ, горячился, а телерь, въ пріемной своей, налустившись на приглашеннаго принца Антона, срывалъ на немъ свое сердце.

— Чтò вы затѣваете? возмущеніе? массакръ? кричалъ онъ. — Вы надѣяетесь на свой Семеновскій полкъ? Да если бы правленіе въ вашихъ рукахъ выходило, вы сдѣлали бы несчастнымъ и сына своего, и всю Имперію. Чтò вы?

Устрашить меня что ли хотите? а? Такъ я устрашать себя не дамъ, не дамъ! наступалъ онъ къ самому лицу своего слушателя, и несчастный принцъ не зналъ куда глядѣть. И думалъ только о томъ чтобы скорѣе уйти. Но и по уходѣ его все-таки еще продолжалъ герцогъ кричать и горячиться, говорилъ что его высочество не всегда правду сказываетъ, что хотѣлъ онъ будто бы министровъ и генераловъ въ воду побросать, что принцесса Русскихъ называетъ канальями. Словомъ, кончилось тѣмъ что тутъ же приказано было сочинить отъ имени принца письмо въ которомъ онъ проситъ уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, и письмо это послано ему для подписи, съ совѣтомъ на время никуда не выѣзжать изъ дворца, якобы опасно ему было показываться на улицахъ.

— Да что въ самомъ дѣлѣ? Онъ сыну своему по должности своей въ послушаніи долженъ быть, какъ и другіе подданные! говорилъ Биронъ.

И несчастный принцъ могъ считать себя чуть не на пути къ тайной канцеляріи.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ распоряженій, доносъ сдѣланный Миктеровымъ не могъ усилить гнѣва герцога. Уже и безъ того, Яковлевъ, Пустошкинъ, Граматинъ и другіе, вися подъ ударами залечныхъ мастеровъ на дыбѣ, вилились во всемъ и открывали разныя подробности. Теперь приказано было только немедленно усилить разъѣзды, патрули, караулы и разослать по всѣмъ кабакамъ переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ сыщиковъ съ повелѣніемъ забирать всякаго кто хоть единымъ словомъ, единымъ намекомъ могъ быть сочтенъ за недовольнаго настоящимъ порядкомъ вещей. Неразотедшаяся еще кучка людей замѣченная Миктеровымъ на Переведенской улицѣ и къ которой случайно пристали лотомъ Дерюгинъ съ товарищемъ, была захвачена изъ первыхъ.

Хотя распоряженія по доносу Миктерова и были сдѣланы, но самыя обстоятельства доноса не были настолько важны чтобы, среди другихъ важнѣйшихъ происшествій дня, Биронъ обратилъ на нихъ особое вниманіе. Онъ не захотѣлъ даже видѣть и самого донощика.

Оглущенный съ обычными наставленіями, какъ и прочіе доносители, Миктеровъ досадовалъ на то что не удалось ему предстать предъ лицо самого герцога и что спустившись съ гнѣстницы, къ подъѣзду, не засталъ уже онъ тамъ Торбева, мѣвненнаго другимъ, незнакомымъ ему офицеромъ.

XXXIII.

На третій только день послѣ случайной встрѣчи пріятелей, поздно вечеромъ, отыскавшій наконецъ Торбсева Миктеровъ входилъ осторожно къ нему на квартиру, въ тяжеломъ настроеніи своемъ боясь застать у него кого-нибудь посторонняго и несомнѣнъ увѣренный также въ томъ въ какой мѣрѣ пріятель его будетъ обрадованъ свиданіемъ съ нимъ, видѣвъ его въ компаніи Лилмана. Но эти сомнѣнія скоро исчезли.

— Миктеровъ! Господи! кинулся къ нему Торбеевъ, завидѣвъ его въ дверяхъ, обнявъ и цѣлуя въ правую и лѣвую щеку.—Сколько искалъ я тебя, а ты вотъ гдѣ! И радость вѣдь, и печаль тебѣ объявить имѣлъ, да гдѣ тебя сыскать? Садись, говори. Какъ ты во вражьихъ-то руки попалъ, какъ ты изъ нихъ вернулся?

— Да, да! повторялъ Миктеровъ, передергивая особенно сильно лицомъ и щеками кругомъ гдѣ бѣ ему помѣститься.

— Вотъ сюда, сюда; здѣсь садись, суетился около него Торбеевъ.—Ахъ ты, Миктеровъ, Миктеровъ! улыбался онъ, глядя ему прямо въ глаза, — вотъ судьба-то, а? свидѣлись!...

— Свидѣлись, принужденно улыбнулся также Миктеровъ, совершенно отвыкшій отъ дружескихъ, откровенныхъ пріемовъ товарища и конфузливо озираясь на комнату и военное платье Торбсева.

— Ишь оглядываетъ меня, словно чучелу, смѣялся послѣдній.— Много, много, братъ, воды утекло. И съ какого конца начать—не вѣдаю; про себя что ль разказать, иль тебя спросить... Какъ изъ вражьихъ-то рукъ вернулся ты? Я было ужъ и рукой махнулъ, думалъ, ну....

— Да и самъ вѣдь ты на караулѣ тамъ былъ, прервалъ его Миктеровъ.

— Я-то? съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Торбеевъ.— Точно, былъ, да вѣдь я....

— Ну, оставь, сурово какъ-то оборвалъ Миктеровъ.— Про радость твою, про печаль скажи.

— Да, про радость мою, про радость сказать, началъ было Торбеевъ, и позамялся.

Взглянувъ теперь на товарища пристальнѣе, замѣтилъ онъ

въ немъ сильное волненіе, замѣтилъ и судорожное перелергиваніе лица, недружескій, непривѣтливый его тонъ, и странное что-то въ немъ ему показалось, и жаль его какъ-то стало, и не хотѣлось продолжать.

Разговоръ потянулся вяло. Торбеевъ пробовалъ спрашивать Миктерова о его жизни, но тотъ неохотно отвѣчалъ на вопросы; о себѣ же Торбееву разказывать было почти нечего. Не касаясь прошлаго и не выходя изъ круга того что было вчера и сегодня, заговорили о предметахъ неинтересныхъ. Нѣсколько разъ Торбеевъ спросилъ здоровъ ли Миктеровъ, отчего суровымъ такимъ себя показываетъ, давно ли здѣсь въ Петербургѣ, какъ его нашелъ, скоро ли, зачѣмъ былъ вчера съ Лилманомъ и т. д.

Миктеровъ отвѣчалъ на все коротко, но въ свою очередь, то принужденно улыбаясь, то совершенно сухо, просилъ настоятельно объяснить ему о какой же радости и печали хотѣлъ онъ ему сообщить.

— Порядкамъ этимъ не быть! началъ тогда издали, рѣшившійся наконецъ отвѣчать, Торбеевъ. — О регентѣ слышно, продолжалъ онъ, притворивъ дверь и понизивъ голосъ,—и ему не быть! Стало.... увернутся они.... такъ сойдетъ.... Однако надежда большая есть....

— Кто они?

— Въ томъ и радость твоя и печаль. Одно слово скажу: отецъ твой тайно былъ у меня и съ деньщикомъ твоимъ, помнишь, съ Дерюгинымъ....

— Отецъ! вскочилъ вдругъ на ноги Миктеровъ, и вытаращивъ глаза, точно замеръ на мѣстѣ.

— Да. И вѣдь всего-то три дня назадъ. Въ тотъ день.... да, въ тотъ день какъ мы съ тобой повстрѣчались....

— Ну?

— Захватили на Переведенской, по доносу, слышь, какъ мятежныхъ вредителей.

— На Переведенской! Захватили! вскричалъ какъ бѣшенный Миктеровъ, и перевернувшись нѣсколько разъ на мѣстѣ, прежде чѣмъ успѣлъ еще опомниться Торбеевъ, не руками уже, а всей грудью отворилъ дверь и выскочилъ вонъ.

— Куда онъ? Отчего? Да не въ умѣ ли ужъ онъ поврежденъ? мелькнула наконецъ Торбееву мысль, и живо представивъ себѣ большое лицо Миктерова, судорожныя его поддер-

гиванія, суровые приемы, сухой, не дружескій тонъ, схватилъ шляпу, кинулся въ сѣни, на дворъ, глянулъ направо, налево.... но пріятель былъ уже далеко.

Время подвигалось къ полуночи. На улицахъ было совершенно пусто и тихо. Исходивъ Богъ знаетъ сколько безъ цѣли и безъ всякой связной мысли въ головѣ, Миктеровъ приближался наконецъ къ каналамъ. Вдругъ ему переѣхала дорогу окруженная командой карета, мѣрнымъ шагомъ, безъ дребезжанія и шума, направлявшаяся отъ Зимнаго Дворца къ Лѣтнему.

Только теперь, разсѣянный этою встрѣчей и очнувшись, Миктеровъ почувствовалъ что точно молотомъ билъ его кто по головѣ, и что ноги у него подкашивались; едва успѣвъ ухватиться за что-то рукой, онъ опустился на землю и, прислонившись спиной къ рѣшеткѣ, лоникъ головой. „Довощикъ! Роднаго отца самолично въ злодѣйскія руки предалъ! Богъ покараетъ! Къ чему, къ какому концу жизнь тебя привела?“ говорилъ ему какой-то внутренній голосъ. А жизнь эта, въ то же время, со всѣми ея мельчайшими, давно забытыми подробностями, такъ и бѣжала предъ глазами: и Савинская усадьба, и лицо майора на праздникѣ Наумова, и Гвоздевъ, и казаки, и Маша.... „Маша, Маша! За кого ты себя загубила? За довощика, за предателя роднаго отца“!

— Нѣтъ же, нѣтъ? Хоть доносъ свой, хоть его въ пользу себя приведу! Къ герцогу нынѣ доступъ имѣю,—выручу! Надо выручить... безъ того жить не можно! повторялъ онъ въ отчаяніи.... Онъ рванулся встать, но силы измѣнили ему; ноги не хотѣли служить.

Бѣжавшая карета, приблизившись между тѣмъ къ подъемнымъ мостамъ у Лѣтняго Сада, остановилась. Незамѣченный никѣмъ, Миктеровъ видѣлъ какъ изъ небольшого отряда, человекъ въ 50, отдѣлился какой-то офицеръ; видѣлъ какъ офицеръ этотъ подвелъ къ каретѣ нѣсколькихъ стоявшихъ на мосту солдатъ, слышалъ чей-то знакомый голосъ, но понять смысла послѣдовавшаго затѣмъ разговора не могъ.

— Вѣдаете ли что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ, племяннику ея принцу Іоанну и родителямъ его есть утѣшеніе? говорилъ кто-то.

— Точно, истинно! слышались другіе голоса.

— Надо взять его. Ружья у васъ заряжены ль? .

— Мы государю готовы съ радостью служить.

— Молодцы, молодцы! долетѣло до Миктерова послѣднее слово, и съ нимъ вмѣстѣ встало въ память что-то давно, давно знакомое.

Этотъ голосъ? Когда-то онъ слышалъ его. Да, точно. Минихъ кажется, Минихъ....

Онъ не ошибся. Минихъ и кучка экспромптомъ составившихся, никому невѣдомыхъ заговорщиковъ, дѣлали теперь свое дѣло.

Вышедшій впередъ адъютантъ фельдмаршала Манштейнъ, заручившись словами и обѣщаніями данными солдатами, не боялся уже приказанія отданнаго нѣсколько дней тому назадъ Бирономъ: стрѣлять по всякому отряду войскъ, большому или малому, который появился бы отъ десяти часовъ вечера до пяти утра. Внутренняя стража пропустила его также безпрелатственно, зная его въ лицо и полагая что идетъ онъ за какимъ-нибудь приказаніемъ къ герцогу.

Незнакомый съ расположеніемъ дворца, Манштейнъ залулся было въ темныхъ комнатахъ. Какъ разъ проснется какой-нибудь слуга, подниметь тревогу, и все дѣло испорчено. Но вотъ какая-то дверь. Манштейнъ схватился за ручку ея. Она заперта на ключъ. Онъ сдѣлалъ небольшое усиліе; глухо опустилась не плотно закрытая задвижка. Обѣ половинки двери распахнулись разомъ, и Манштейнъ очутился въ герцогской спальнѣ.

На большой, красивой кровати спали крѣпчайшимъ своимъ супруги, не слыжавъ ни шума, ни шаговъ адъютанта. Онъ смѣло подошелъ къ нимъ и сорвалъ съ герцога одеяло.

— Боже мой! Кто тутъ! дикимъ голосомъ закричалъ, вскачавъ въ испугъ, Биронъ.

И чувство какого-то страха и невольнаго еще уваженія оставило было на мѣстѣ Манштейна.

— Измѣнникъ! крикнулъ герцогъ, спустивъ быстро ноги,— измѣнникъ! прошелталъ онъ еще разъ, ставъ на колѣна и на четверенькахъ ползя подъ кровать.

— А! оломился при этомъ движеніи Манштейнъ,— нѣтъ, назадъ! закричалъ онъ и обѣжавъ кругомъ кровати, потянулъ къ себѣ изо всѣхъ силъ Бирона за рубашку.

Герцогиня успѣла уже въ это время выбѣжать изъ комнаты.

— Ко мнѣ! Измѣнникъ! Помогите! размахивалъ во всѣ стороны кулаками, ставшій на ноги, герцогъ.

И черезъ полчаса все было кончено. Выскочившую въ одной рубашкѣ на улицу, герцогиню перенесли въ караульню, а затѣмъ карета, съ сидящимъ въ ней герцогомъ, въ солдатской шинели, накинутой на его плеча, и съ Преображенцами на козлахъ, рысью прогремѣла по висячему мосту, прямо по направлению къ стоявшему на прежнемъ мѣстѣ Миктерову.

— Что это? вскочили онъ вдругъ, пораженный этимъ необычнымъ ночнымъ катаньемъ по дворцовому мосту. — Эй! Что это? повторилъ онъ подбѣжавъ ближе къ экипажу.

— Прочь! Курляндскаго воземъ! усмѣхнулся ему одинъ изъ солдатъ, быстро проѣзжая мимо.

Миктеровъ остановился на мѣстѣ, какъ вколанный.

— Герцога, герцога! закричалъ онъ наконецъ во все горло. — И это пропало! Съ чѣмъ остался? Куда бѣжать? И схватившись за голову, стремглавъ, безъ оглядки понесся прочь.

XXXIV.

Улицы Петербурга были особенно оживлены на другой день.

Точно праздникъ какой! Народъ бѣжалъ, обгоняя другъ друга, въ церкви, во дворецъ. Извѣстie объ арестованiи Бирова разнеслось быстро по всѣмъ закоулкамъ. Лица у всѣхъ были веселыя, но боязливо еще, оглядываясь, шепотомъ передавали другъ другу радостную новость. Слишкомъ свѣжо и недалеко было то время когда платились головой за разговоры подобнаго рода, не вѣрилось какъ-то чтобы могла такъ вдругъ сокрушиться власть которую терпѣли столько лѣтъ, чтобы нашлась сила которая осмѣлилась бы на власть эту наложить руку.

Народъ валилъ къ Зимнему Дворцу, со всѣхъ концовъ Петербурга. Люди проходившіе по пустырю близъ Фонтанки, останавливались предъ страшнымъ и отвратительнымъ зрѣлищемъ:

На удѣлѣвшей перекладнѣ обгорѣлыхъ воротъ висѣлъ человекъ съ посинѣвшимъ уже лицомъ, съ вытянутыми, окочевѣвшими членами и въ сторону наклонившеюся головой.

— Нѣмецъ знать тоже, ну те къ Богу! Поидемъ.

— Изъ нихъ же какой, не дождался, толковали люболытные, заходя впередъ и засматривая въ полузакрытое слухившимися длинными волосами лицо повѣсившагося.

- Камень тоже подставилъ, ишь ты?
- По одежѣ-то словно бы нашъ.
- Офицеръ даве сказывалъ,—Русскій. За командой пошли.
- Онъ ли? Чего жь онъ такъ-то казнился?
- Его дѣло; звать жизнь олостылила!
- Царство небесное!
- Глянь-ка, глянь, шевелится! вдругъ громко закричалъ чей-то голосъ.

И прочь отбѣгали всѣ, замѣтивъ раздувавшуюся вѣтромъ рубашку и шевелившіеся на головѣ волосы повѣсившагося. И смѣнялись одни зрители новыми, шли пересуды и толки: кто покойникъ, какъ въ такой день догадало повѣситься и пр.

Этотъ несчастный былъ Миктеровъ....

Предъ Зимнимъ Дворцомъ между тѣмъ съ утра собиралось войско, а прискакавшіе со всѣхъ сторонъ придворные и разныхъ чиновъ люди ходили на крыльцѣ изъ стороны въ сторону, ища глазами тѣхъ кому имъ быть нынѣ послушнымъ, и наталкивались одинъ на другаго, какъ собаки потерявшія своего хозяина.

— Съ принцессой Анной давно уговоръ у нихъ былъ.—Кто?— Миннихъ. Кабинетъ-министромъ вишь его не сдѣлали,—озлобился.—У герцога вечеромъ ужиналъ. Скрывался значитъ, глаза отводилъ. Семеновцы помогли. — Нѣтъ, Преображенцы!— Кого правителемъ? — Чего? ужь объявлено. — Кто, когда? — Присяга идетъ! слышались тамъ и тутъ голоса.

- Вѣрные сыны отечества, идите подписываться!
- Аннѣ быть правительницей, Аннѣ!
- Чтѣ писать, гдѣ?
- Цѣлуйте крестъ и Евангеліе, вѣрные сыны отечества! кричали между тѣмъ въ церквахъ.

И выходявшій вонъ и напыливавшій вновь народъ сталкивался съ людьми разносившими какіе-то листы. Подписывавшіе вырывали другъ у друга чернильницы, перья; тѣснота, шумъ.... И какъ потерянные ходили лица вчера еще пользовавшіяся благосклоннымъ вниманіемъ Бирона и не знавшія теперь какая ожидаетъ ихъ судьбы.

А въ Шлюссельбургской крѣпости, облокотившись на раскрытую Библию, сидѣлъ, вчера еще могущественный и все-

сильный, Биронъ, сочиняя по заданнымъ вопросамъ пунктамъ, свои нѣмецкіе отвѣты.

„Все дѣлаю было мною по незнанію здѣшнихъ правъ и указовъ, только по незнанію“, писалъ онъ, и такими невинными словами думалъ оправдать мученія и бѣдствія которыя молча терпѣла отъ него десять лѣтъ Россія.

БУЛКИНЪ.

К О Н Е Ц Ъ.

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БЕЗДНА ПРИЗЫВАЕТЪ БЕЗДНУ.

I. Entre chien et loup.

Гордановъ не сразу спилъ себѣ свой нынѣшній мундиръ: было время когда онъ носилъ другую форму. Принадлежа не къ новому, а къ новѣйшему культу, онъ имѣлъ предъ собою довольно большой выборъ модъ и фасоновъ: предъѣлнымъ прощамъ во всемъ своемъ убранствѣ Базаровъ, Раскольниковъ и Маркушка Волоховъ, и Гордановъ всѣхъ ихъ смѣрилъ, свѣсилъ, разобралъ и осудилъ: ни одинъ изъ нихъ не выдержалъ его критики. Базаровъ, по его мнѣнью, былъ неუმель и слабъ—неუმель потому что ссорился съ людьми и вредилъ себѣ своими рѣзкостями, а слабъ потому что свихнулся предъ „богатымъ тѣломъ“ женщины, что Павелъ Николаевичъ Гордановъ признавалъ слабостью изъ слабостей. Раскольникова Гордановъ сравнивалъ съ курицей, которая не можетъ не кудахтать о снесенномъ ею яйцѣ, и глубоко презиралъ этого

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 10 и 11.

героя за его привычку безпрестанно чесать свои душевныя мозоли. Маркушка Волоховъ (котораго Гордановъ зналъ живъ) былъ, по его мнѣнью, и посильнѣе, и поумнѣе двухъ первыхъ, но ему, этому алмазу, не доставало шлифовки чтобы быть брилліантомъ, а Гордановъ хотѣлъ быть брилліантомъ и чувствовалъ что къ тому уже настало удобное время.

Павель Николаевичъ человѣкъ происхожденія почти безвѣстнаго, но романческаго: онъ сынъ московской Цыганки и старшаго брата Михаила Андреевича Бодростина. Отецъ его нѣкогда истратилъ чудовищныя деньги на ухаживаніе за его матерью и еще большія на выкупъ ее изъ табора; но проживъ съ нею одинъ годъ съ глазу на глазъ въ деревнѣ, наскучилъ ея однообразными ласками и вывелъ ее въ особый хуторокъ, а самъ женился на дѣвушкѣ соответственнаго положенія. Мать Павла Николаевича этого не снесла: какъ за нею ни присматривали на хуторѣ, она обманула своихъ приставниковъ, убѣжала въ прежнее обиталище къ своему измѣннику и пришла какъ разъ во время свадебнаго пира. Ее не пустили, она взобралась на берегъ Оки, не помня себя, въ мукахъ и бѣшенствѣ родила здѣсь ребенка и, можетъ-быть, не помня же себя бросилась въ воду и утонула. Ребенокъ былъ взятъ; его назвали въ крещеніи Павломъ и записали на имя бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина Горданова, которому подарили за это семью людей. Чтобы Павель Гордановъ не мотался на глазахъ, его свезли сначала въ уѣздный городишко и отдали на воспитаніе акушеркѣ; отсюда восьми лѣтъ его перевезли въ губернскій пансіонъ, а изъ пансіона, семнадцати лѣтъ, отправили въ петербургскій университетъ. Отца своего Гордановъ никогда не помнилъ, судьбами мальчика всегда распоряжался Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, котораго Павель Николаевичъ видалъ разъ въ годъ. Къ семнадцатому году своего возраста, Павель Николаевичъ освободился ото вѣхъ своихъ родныхъ, какъ истинныхъ, такъ и нареченныхъ: старшій Бодростинъ умеръ; супруги Гордановы, фамилію которыхъ носилъ Павель Николаевичъ, также переселились въ вѣчность, и герой нашъ предъ отправленіемъ своимъ въ университетъ получилъ изъ рукъ Михаила Андреевича Бодростина копію съ протокола дворянскаго собранія объ утвержденіи его, Павла Николаевича Горданова, въ дворянствѣ, и документъ на принадлежность ему деревни въ восемьдесятъ душъ, завѣщенной ему усопшимъ Петромъ Бод-

ростивымъ. Все остальное большое состояніе бездѣтнаго стараго Бодростина перешло къ его вдовѣ и брагу, нынѣшнему мужу Глафиры Васильевны Бодростиной, урожденной Агатовой.

Павель Гордановъ былъ отъ природы уменъ и способенъ; учился онъ хорошо; нужды никогда не зналъ и не боялся ея: онъ всегда былъ увѣренъ что бѣдность есть удѣлъ людей глупыхъ. Унижаемъ онъ никогда не былъ, потому что всегда онъ былъ одѣтъ и обутъ хорошо; постоянно имѣлъ у себя карманныя деньги, считался дворяниномъ и умѣлъ не позволять наступать себѣ на ногу. Въ жизни его было только одно лишеніе: Гордановъ не зналъ родныхъ ласкъ и не видалъ какъ цвѣтутъ его родныя липы, но онъ объ этомъ и не заботился: онъ съ отроческой своей поры былъ всегда занятъ самыми серіозными мыслями, при которыхъ нѣжныя чувства не получали мѣста. Гордановъ рано дошелъ до убѣжденія что всѣ эти чувства—роскошь, гиль, луты, безъ которыхъ гораздо легче жить на бѣломъ свѣтѣ, и онъ жилъ безъ нихъ. Базаровцы ему приходились не по обычаю: мы выше сказали что Базаровцы казались ему непрактичными, но сила вещей брала свое, надо было примыкать къ этой силѣ, и Гордановъ числился въ студенческой партіи которою руководилъ бурно-пламенный, суетливый и суетный Висленевъ. Сначала Гордановъ держался этой партіи единственно только для мундира и положенія, и потому когда на Висленева и его ближайшихъ сотоварищей рухнула туча, удивившая всѣхъ тѣмъ что изъ нее вышелъ очень маленькій громъ, Гордановъ остался здоровъ и невредимъ. Его ничто не задѣло, и онъ во время отсутствія разосланныхъ верховодовъ даже подвинулся немножечко впередъ, получилъ нѣкоторый вѣсъ и значеніе. Наступившая пора *entre chien et loup* показала Павлу Николаевичу что изъ бреда которымъ были полны предъ тѣмъ временемъ отуманенныя головы можно при самой небольшой ловкости извлечь для себя громадную пользу. Надо было только стать на виду и если можно даже явиться во главѣ движенія, но конечно такого движенія которое бы принесло выгоды, а не спровадило во слѣдъ неосторожнаго Висленева и его товарищей. Павель Николаевичъ быстро воспользовался положеніемъ. Видя въ кружкѣ „своихъ“ амурныя заигрыванья съ Поляками, онъ провозгласилъ иезуитизмъ. „Свои“ сначала отъ этого осовѣли, но Гордановъ краснорѣчиво представлялъ имъ

картины неудачъ въ прошломъ, — неудачъ прямо происшедшихъ отъ грубости базаровской системы, неизбежныхъ и впередъ при сохраненіи старой, такъ называемой нигилистической системы отношеній къ обществу, и указалъ на несомнѣнные преимущества борьбы съ міромъ хитростию и лукавствомъ. Въ средѣ слушателей нашлись нѣсколько человѣкъ которые на первый разъ немножко смугились этимъ вѣществомъ, но Гордановъ налегъ на естественныя науки; указалъ на то что и заяцъ примѣняется къ средѣ — зимой бѣлеть и лѣтомъ темнѣть, а нарядкомыя часто совѣмъ не отличаются цвѣтомъ отъ предметовъ среди которыхъ живутъ, и этого было довольно: гордановскіе принципы сначала сдѣлались предметомъ обсужденія и потомъ быстро стали проникать въ плоть и кровь его поклонниковъ.

Къ этому времени Гордановской жизни относится приобритеніе имъ себѣ расположенія Глафиры Акаговой, чему онъ не придавалъ большой цѣны, и потомъ потеря ея, съ чѣмъ онъ едва справился, надѣлавъ предварительно нѣсколько глупостей, не отвѣчавшихъ ни его намѣреніямъ, ни его планамъ, ни тѣмъ принципамъ которые онъ вырабатывалъ для себя и внушалъ другимъ.

Безъ ошибокъ было нельзя, и пригонка нынѣшняго сложнаго, просторнаго и теллаго мушкетера Горданову, обошлась ему не безъ хлопотъ: надо было выбираться изъ хаоса страшно перелаяченныхъ и перепутанныхъ понятій, уставовъ и преданій, въ которыхъ не было ничего стройнаго и изъ которыхъ нельзя было вывести никакого плана и никакой системы для дальнѣйшихъ дѣйствій. Павлу Николаевичу не трудно было доказать что нигилизмъ сталъ смѣшонъ, что грубостию и сорванечествомъ ничего не возьмешь; что похвальба силой остается лишь похвальбой, а на дѣлѣ бѣдныя новаторы кромѣ нужды и страданій не видятъ ничего, между тѣмъ какъ сила очевидно слагается въ другихъ рукахъ. Это уже давно чувствовали и другіе, но только они не были такъ рѣшительны и не смѣли сказать того что сказалъ имъ Гордановъ, но за то же Павелъ Николаевичъ нашелъ себѣ готовую большую поддержку. Всѣ желавшіе снять съ себя власяницу и вериги нигилизма были за Горданова, и съ ихъ поддержкой Павелъ Николаевичъ доказалъ что поведеніе отжившихъ своихъ вѣкъ нигилистовъ негодится никуда и ведетъ къ гибели. Когда Гордановъ представилъ все это въ надлежащемъ из-

доженіи, всё поняли что это дѣйствительно такъ, и что потому стало-быть нужно сдѣлать сводъ всему накопившемуся хламу полурѣчей и недомолвокъ и рѣшить чѣмъ впередъ руководствоваться.

Кому же было заняться этимъ сводомъ какъ не Горданову? Онъ за это и взялся, и въ длинной рѣчи отмѣнилъ грубый нигилизмъ, заявленный нѣкогда Базаровымъ въ его неуклюжемъ сакѣ, а вмѣсто его провозгласилъ *негилизмъ*—гордановское ученіе, въ сути котораго было понято пока одно что *негилистамъ* дозволяется жить со всѣми на другую ногу чѣмъ жили нигилисты. Дружнымъ хоромъ кружокъ рѣшилъ что Гордановъ великъ.

II. Враги г. Горданова.

Но какъ всякое величіе должно имѣть недоброжелателей и враговъ, то не обошлось безъ нихъ и у Павла Николаевича.

Гордановъ въ своей законодательной дѣятельности встрѣчалъ не мало неприятныхъ противорѣчій со стороны нѣкоторыхъ тяжелыхъ людей, недовольныхъ его новшествами и составившихъ старовѣрческую партію посреди новыхъ людей. Во главѣ этихъ безлокойныхъ старовѣровъ болѣе всѣхъ надѣдала Горданову приземистая, молоденькая дѣвушка, Анна Александровна Скокова, особа ограниченная, тупая, рьяная и до того скорая что въ устахъ ея изо всего ея имени, отчества и фамиліи, когда она ихъ произносила, по скорости, выходило только *Ванскокъ*, отчего ее, въ видахъ сокращенія переписки, никогда ея собственнымъ именемъ и не звали, а величали ее въ глаза Ванскокомъ, а за глаза или „Тромбовкой“ или „Помадною банкой“, съ которыми она имѣла нѣкоторое сходство по наружному виду и крѣпкому сложенію.

Старовѣрка Ванскокъ держалась древняго нигилистическаго благочестія, хотѣла чтобы общество было прежде уничтожено, а потомъ обобрано, между тѣмъ какъ Гордановъ проповѣдывалъ планъ совершенно противоположный, то-есть чтобы прежде всего обобратить общество, а потомъ его уничтожить.

— Въ чемъ же преимущество его ученія, добивалась Ванскокъ.

— Въ томъ что его игра безпроигрышна; въ томъ что при его системѣ можно выигрывать при всякомъ расположеніи картъ, внушали Ванскокъ люди перемигнувшіеся съ Гордановымъ и поддерживавшіе его съ благодарностью за то что онъ указалъ имъ удобный лазъ въ сторону отъ оплывшихъ имъ бредней.

— Въ такомъ случаѣ это наше новое ученіе будетъ сознательная подлость, а я не хочу имѣть ничего общаго съ подлестами, сообразила и отвѣтила прямая Ванскокъ.

Она въ эти минуты представляла собою того приспопонишаемаго Мольеровскаго мѣщанина который не зналъ что онъ всю жизнь говорилъ прозой.

Чтобы покончить съ этой особой и съ другими немногими щекотливыми лицами стоявшими за старую вѣру, имъ объявили что новая теорія есть „дарвинизмъ“. Этимъ фортелемъ щекотливость была успокоена и старой вѣрѣ нанесенъ окончательный ударъ. Ванскокъ смирилась и примкнула къ хитрымъ нововѣрамъ, но она примкнула къ нимъ только внѣшней стороною, въ глубинѣ же души она чтитъ и любила людей стараго порядка, гражданскихъ мучениковъ и страдальцевъ, для которыхъ она готова была срѣзать мясо съ костей своихъ, еслибы только это мясо имъ на что-нибудь пригодилось. Такихъ страдальцевъ въ эту пору было очень много, всѣ они были не устроены и всѣ они тяжко нуждались во всякой помощи,—они первые были признаны за гиль, и о нихъ никто не заботился. По новымъ Гордановскимъ правиламъ, не слѣдовало дѣлать никакихъ непродуманныхъ затратъ, и расходы на людей когда-нибудь компрометтированныхъ были объявлены расходами непродуманными. Общительность интересовъ рушилась, всякому предоставлялось вредить обществу по своему.

Ванскокъ это возмутило до бѣшенства. Она потребовала обстоятельнѣйшихъ объясненій въ чемъ же заключается „дарвинизмъ“ новаго рода?

— Глотай другихъ, чтобы тебя не проглотили, отвѣчали ей коротко и небрежно.

Но отъ Ванскокъ не такъ легко было отвязаться.

— Это теорія, сказала она, но въ чемъ же экспериментальная часть дѣла?

— Въ борьбѣ за существованіе, было ей тоже короткимъ отвѣтомъ.

— Но позвольте: прежде я вѣрила въ естественныя науки, теперь во что же я буду вѣрить?

— Не вѣрьте ни во что, все во что вы вѣрили — гиль, не будьте никакою гилисткой.

— Но какъ приучить себя къ этому? мучилась несчастная Ванскокъ. — Я прежде работала надъ Боклемъ, демонстрировала надъ лягушкой, а теперь.. я ничего другого не умѣю: дайте же мнѣ надъ кѣмъ работать, дайте мнѣ надъ чѣмъ демонстрировать.

Ей велѣли работать надъ своими нервами, упражнять ихъ „силу“.

— Какъ?

Ей дали въ руки кошку и велѣли задушить ее рукой.

Ванскокъ ни на минуту не подумала что это шутка: она серьезно взяла кошку за горло, но не совладѣла ни съ нею, ни съ собою: кошка ее оцарапала и убѣжала.

— Изъ этого вы видите, сказали ей, что эксперименты съ кошкой гораздо труднѣе экспериментовъ съ лягушкой.

Ванскокъ должна была этому повѣрить. Но сколько она ни работала надъ своими нервами, результаты выходили слабые, между тѣмъ какъ одна ея знакомая, дочь полковника Фигурина, по имени Алина (нынѣшняя жена Иосафа Висленова), при ней же, играя на фортепиано, встала, свернула голову полугаю, и выбросивъ его за окно, снова спокойно сѣла и продолжала доигрывать пѣсню.

Эта „сила нервовъ“ поражала и занимала скорбную голову дѣвицу, и она проводила время въ упражненіяхъ надъ своею нервною системою, не замѣчая что дѣлали въ это время другіе, слѣдуя гордановской теоріи; и вдругъ предъ ней открылась ужасная картина неслыханнѣйшихъ злодѣяній.

Вопервыхъ, всѣ члены кружка мужскаго пола устремились на службу; самъ Гордановъ пошелъ служить въ ополченныи край и.... гордановцы все это оправдали всѣмъ своимъ совомъ.

— Это ловко, сказали они, и болѣе ничего.

Мелкій газетный сотрудникъ Тиховъ Ларіоновичъ Кашевскій пошелъ въ полицейскую службу.

— Это очень ловко, говорили гордановцы, — онъ можетъ быть полезень своимъ.

Кашевскій открылъ кассу осудъ.

— Это чрезвычайно умно, говорили тѣ же люди: пусть онъ выбираетъ деньги у подлецовъ и выручить при случаѣ своихъ.

Кишенскій пошелъ строчить въ трехъ разныхъ газетахъ, трехъ противоположныхъ направленій, изъ коихъ два, по мнѣнію Ванскокъ, были безусловно „подлы“. Онъ сталъ богатъ; въ годъ его уже нельзя было узнать, и онъ не помогъ никому ни своею полицейскою службой, ни изъ своей кассы ссудъ, а въ печати если кому и помогалъ одною рукой, то другою за то еще злѣе вредилъ, но съ нимъ никто не прерывалъ никакихъ связей.

— Онъ подлецъ! вопіяла Ванскокъ.

— Ничуть не бывало, отвѣчали ей,—онъ только борется за существованіе.

Далѣе.... далѣе, жиду Ташкѣ Кишенскому стали кланяться; Ванскокъ попала въ шутихи: надъ ней почти издѣвались въ глаза.

Далѣе.... Далѣе страхи!

Коварная красавица Глафира Васильевна Акатова предательски измѣнила принципу безбрачія и вышла замужъ церковнымъ бракомъ за прѣзжаго богатаго помѣщика Бодростина, котораго ей поручалось только не болѣе какъ обобратъ, то есть стануть съ него хорошій кушъ „на общее дѣло“. Глафира обманула всѣхъ и завершила дѣло ужасное: она поставила свою красоту на большую карту и вышла замужъ. Ей за это жестоко мстили всѣ и особенно не очень красивая и никогда не надѣявшаяся найдти себѣ мужа Алина Фигурина, и Ванскокъ, защищенная самою природою отъ нарушенія обѣтовъ вѣчнаго дѣвства.

Онъ выдалъ Михаилу Андреевичу Бодростину тайну отношеній Горданова къ Глафирѣ, и какъ мы видѣли изъ словъ этой дамы, навсегда испортили ея семейное положеніе.

Съ Бодростиною строго взыскано, и это прекрасно, но за то что же за ужасный случай былъ черезъ годъ!

Нѣкто изъ правовѣрныхъ, Казимира Швернотская, тоже красавица какъ и Бодростина, никого не спросясь, вышла замужъ за богатаго князя Вахтермискаго, и что же? Всѣ съ неслышанною дерзостью начали ее поддерживать что она хорошо сдѣлала. Это говорили и Пасянсва, и Бурдамовская, и Ципри-Кипри и другія. Ципри-Кипри, маленькая барышня съ картофельнымъ носомъ, даже до того забылась

что начала проводить преступную мысль будто бы женщины живущей съ мужчиной должно быть какое-нибудь названіе, а названіе де ей одно „жена“, и потому бракъ нужно дозволить и проч. проч. Возмутительное вольномысліе это имѣло ужасныя послѣдствія: такъ, красивая армянка Пасіянсова, наслушавшись такихъ сужденій, ни съ того ни съ сего вдругъ приходитъ разъ и объявляетъ что она вышла замужъ.

— Какъ, что, за кого? удивились всѣ хоромъ.

— Мой мужъ путеецъ, Парчевскій, отвѣчала Пасіянсова.

— Парчевскій! Путеецъ!... Ну молодчина вы, Пасіянсова, воскликнули всѣ снова хоромъ.

Одна Ванскокъ, разумеется, не похвалила бывшую Пасіянсову и замѣтила ей что Парчевскій былъ всегда противъ брака.

— Мало ли противъ чего они бываютъ! небрежно отвѣчала ей бывшая Пасіянсова.—А на что же даны мужчинѣ кровь, а женщинѣ умъ? Товаръ полюбится и умъ разстутится!

— Такъ это вы его заставили измѣнить принциплу?

— Конечно я. Неужто я и такого вздора не стою?

— И вы это безъ стыда такъ прямо говорите!

— Да, вотъ такъ прямо и говорю.

— Я на васъ соберу сходку!

Ванскокъ только расохотались въ глаза.

Наконецъ дошло до того что сама Алпна Фигурина, недавно яростно мстившая Бодростиной за ея замужество пересылкой ея мужу писемъ Глафиры къ Горданову, уже относилась къ браку Пасіянсовой съ возмущавшимъ Ванскокъ равнодушіемъ. Это былъ просто омутъ, ражъ, умопомраченіе. Даже бѣлокурая, голубоглазая Геба комунъ, Данка Бурдымовская, тоже объявилась замужемъ, и все это олять неожиданно, и все это олять нечаянно, негадажно и недуманно.

Олять тѣ же вопросы: какъ, что и за кого? И на все это спокойный разказъ что Данка нашла себѣ избранника гдѣ-то совсѣмъ на сторонѣ, какого-то Степана Александровича Головцына, котораго встрѣтила разъ у литератора-ростовщика, Тихона Ларіоновича, прошла съ нимъ до своей квартиры, другой разъ зашла къ нему, увидала что онъ тучень и изобилень, и хотя не литераторъ, а просто ростовщикъ, однако гораздо болѣе положительный и солидный чѣмъ Тихонъ Ларіоновичъ,

и Данка обвѣчалась, нѣкъмъ незримая, законнымъ бракомъ съ Головцынымъ, котораго лѣвила своими бѣлыми плечами и умываемъ дѣлать фрикадельки изъ вчерашняго мяса.

— По крайней мѣрѣ одно хотя, сказала Ванскокъ Данкѣ:— надѣюсь же по крайней мѣрѣ что вы, Данка, тряхнете мошну своего ростовщика и можете теперь своимъ.

— Эхъ, милый другъ, отвѣтила Данка, едва удостоивая Ванскокъ мимолежнаго взгляда:— Головцынъ такой кремышокъ что изъ него ничего не выкуешь.

При всей непроницательности Ванскокъ, она хорошо видѣла что всѣ эти гослужи врутъ и виляютъ, и Ванскокъ отвернулась отъ нихъ и плакала о нихъ, много, горько плакала о своемъ погибшемъ Иерусалимѣ, а между тѣмъ эпидемія новожества все свирѣѣла; скоро, казалось, не останется во вѣбрачномъ состояніи никого изъ непріемлющихъ браковъ. Ципри-Килри съ ея картофельнымъ носомъ и та удовила въ свои сѣти какого-то содержателя одного изъ увеселительныхъ лѣтнихъ садовъ и сидѣла сама у васиздаса и продавала билеты. Объ этой даже ужъ и вѣсти не приходило какъ она вышла замужъ, а Ванскокъ только случайно замѣтила ее въ васиздасѣ и подскочивъ спросила:

— Сколько вы здѣсь получаете, Ципри-Килри, и не можете ли устроить сюда еще кого-нибудь изъ нашихъ старинныхъ?...

Но Ципри-Килри не дала ей окончить и проговорила:

— Я здѣсь, душка, не по найму, я тутъ замужемъ.

Ванскокъ ллюнула и убѣжала.

Негодование Ванскокъ расло не по днямъ, а по часамъ, и было отъ чего: она узнала къ какимъ кощунственнымъ мѣрамъ прибѣгаютъ нѣкоторые лицемѣрки чтобы наверстать упущенное время и выйти замужъ.

Казимира Швернотская, какъ оказалось, за поясъ заткнула Глафиру Агатову и отлила такую штуку что всѣ разинули рты. Двадцатилѣтній князекъ Вахтерминскій, бѣлый, пухлый юноша, ненавидѣлъ бракъ, двадцатипятилѣтняя Казимира тоже, на этомъ они и сошлись. Непризнающей брака Казимирѣ вдругъ стала угрожать родительская власть: и потому когда Казимира сказала: „князь, сдѣлайте дружбу, женитесь на мнѣ и дайте мнѣ свободу“, князь не задумался ни на одну минуту, а Казимира Швернотская сдѣлалась княгиней Казимирой Антоновой Вахтерминской, что уже само по

себѣ нѣчто значило, но если къ этому прибавить красоту, умъ, расчетливость, безстыдство, ловкость и наглость, съ которою Казимира на первыхъ же порахъ сумѣла истребовать съ князя обязательство на значительное годовое содержаніе и вексель во сто тысячъ, „за то чтобы жить не мара я его имени“, то конечно надо сказать что княгиня устроилась недурно.

Литераторъ и ростовщикъ Тихонъ Ларіоновичъ, знавшій толкъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, только языкомъ лочмокалъ, узнавъ какъ учредила себя Казимира.

— Послѣ Бодростиной, это положительно второй смѣлый ударъ нанесенный обществу нашими женщинами, объявилъ онъ дамамъ и добавилъ что соображая обѣ эти работы, онъ все-таки видитъ что искусство Бодростиной выше, потому что она вела игру съ многоопытнымъ старцемъ, тогда какъ Казимира свершила все съ молокососомъ; но что конечно здѣсь въ меньшемъ планѣ больше смѣлости, а главное больше силы въ натурѣ: Бодростина живая, страстная женщина, любившая Горданова сердцемъ горячимъ и неистовымъ, не стерпѣла и склонилась къ нему снова, и на немъ потеряла почти взятую ставку. Княгиня же Казимира Вахтерминская, обезлечась какъ слѣдуетъ насчетъ русскаго князя, слыла въ Варшаву, а оттуда въ Парижъ, гдѣ, кажется, довольно плохо сдерживаетъ свое обязательство не мара я русское княжеское имя. По крайней мѣрѣ такъ были увѣрены всѣ служащіе въ конторѣ банкира R*, откуда княгиня получала содержаніе опредѣленное ей отъ князя.

И все это оправдывалось, и всему этому слѣдовали съ завистью, съ алчностью лишь бы только удалось.... Но такіе фокусы нельзя часто повторять, и въ этомъ ихъ неудобство. Требуется постоянныя усовершенствованія, а изобрѣтательныя головы рождаются не часто, и вотъ дѣло олять очутилось въ заминкѣ: браки полпритихли.

Весталка Ванскокъ радовалась и съ язвительною доброжелательностію говорила что необходимо чтобы олять явился назадъ Гордановъ, а онъ вдругъ какъ по ея слову и явился удивить собою Петербургъ, или самъ ему удивиться.

III. Свой своего не узналъ.

Возвратясь въ Петербургъ, послѣ трехлѣтняго отсутствія, Гордановъ былъ увѣренъ что здѣсь въ это время весь хаосъ понятій уже поосѣлъ и поулегся, — такъ онъ судилъ по разказамъ пріѣзжихъ и по тону печати, но стройность, ясность и порядокъ которые онъ засталъ здѣсь на самомъ дѣлѣ превзошли его ожиданія и поразили его. Никакой прежней раскольничьей нетерпимости и тѣни не было. Ученики въ три года ушли много дальше своего учителя и представляли силу которой ужаснулся самъ Гордановъ. Какіе люди! какіе приемы! просто заглядѣнье! Вотъ одинъ уже замѣтное лицо на государственной службѣ; другой — капиталистъ; третій — извѣстный благотворитель, живущій прилѣвляючи на счетъ филантропическихъ обществъ; четвертый — спиритъ и сообщаетъ делешу изъ-за могилы отъ Данта и Пюз; пятый — концессионеръ, наживающійся на казенный счетъ; шестой — адвокатъ и блистательно говорилъ въ защиту правъ мужа насильно требующаго къ себѣ свою жену; седьмой литераторствуетъ и одною рукою лишаетъ ланегирики власти, а другою порицаетъ ее. Все это могло поразить даже Горданова, и поразило. Ясно что его обогнали, и что ему, чтобы не оставаться за флагомъ, надо было сдѣлать прыжокъ черезъ всѣ головы. Онъ и не сробѣлъ, потому что онъ тоже пріѣхалъ не съ простыми руками и съ непустою головой: у него въ заловѣдной сумкѣ было спрятано мурзаецкое кольцо, отъ котораго сразу должна была лечь костями вся несмѣтная рать и сила великая. Богатырю нашему только нужно было къ тому колью доброе древко, и онъ немедленно же пустился поискать его себѣ въ давно знакомомъ черноморскѣ.

Павель Николаевичъ вытребовалъ Ванскокъ, привѣтилъ ее, далъ ей двадцать пять рублей на бѣдныхъ ея старовѣрческаго прихода (которымъ она благотворила втайнѣ) и узналъ отъ нея что литераторствующій ростовщикъ Тихонъ Кушенискій развернулъ будто бы огромныя денежныя дѣла. Павель Николаевичъ въ этомъ немножко поусомнился.

— На большія дѣла, голубка Ванскокъ, нужны и не малыя деньги, замѣтилъ онъ своей гостьѣ, нѣжась предъ нею на диванѣ.

— А развѣ же у него ихъ не было? прозвенѣла въ отвѣтъ Ванскокъ.

— Были? Вы „бѣдная лостушка, вашъ мѣръ лишь этотъ луть“ и вамъ простительно не знать что такое нынче называется порядочныя деньги. Вы вѣдь небось думаете что „порядочныя деньги“ это значить сто рублей, а тысяча такъ ужъ это на вашъ взглядъ несмѣтная казна.

— Не безлокойтесь, я очень хорошо знаю что значить несмѣтная казна.

— Ну что же это такое, напримѣръ, по вашему?

— По моему, это, напримѣръ, тысячь двѣсти или триста.

— Ага! браво, браво, Ванскокъ! Хорошо вы, я вижу, напрактиковались и кое-что постигаете.

Помадная банка сдѣлала ироническую гримаску и отвѣтила:

— Ужа-а-сно! есть что постигать!

— Нѣтъ, право, навострилась дѣвушка хоть куда; теперь васъ можно даже и замужъ выдавать.

— Мнѣ эти шутки противны.

— Ну, хорошо, оставимъ эти шутки и возвратимся къ вашему Кишенскому.

— Онъ больше вашъ, чѣмъ мой, подлый Жидъ, котораго я ненавижу.

— Ну, все равно, но дѣло въ томъ что вѣдь ему сотню тысячь негдѣ было взять чтобы развертывать большія дѣла. Это вы, дитя мое, легкомысленностью увлекаетесь.

— Отчего это?

— Оттого что я оставилъ его два года тому назадъ съ кассой ссудъ въ полтораста рублей, изъ которыхъ онъ давалъ по три цѣлковыхъ Висленеву подъ пальто, да давалъ подъ ваши схимонашескія ряски.

— Ну и что же такое?

— Да вотъ только и всего, неоткуда ему было, значить, такъ разбогатѣть. Я согласенъ что съ тѣхъ поръ онъ могъ удесятерить свой капиталъ, но усотерить.

— А онъ его утысячерилъ!

Гордановъ посмотрѣлъ снисходительно на собесѣдницу и улыбаясь, проговорилъ:

— Не говорите, Ванскокъ, такого вздора.

— Это не вздоръ-съ, а истина.

— Что жъ это, стало-быть у него, по вашему, теперь до полтораста тысячь?

— Если не больше, спокойно отвѣтила Ванскокъ.

— Вы сходите съ ума, проговорилъ тихо Гордановъ, снова потягиваясь на диванѣ. — Я вамъ еще готовъ дать пятьдесятъ рублей на вашу богадѣльню, если вы мнѣ докажете что у Кушенскаго былъ источникъ изъ котораго онъ хватилъ капиталъ, на который бы могъ такъ развернуться.

— Давайте пятьдесятъ рублей.

— Скажите, тогда и дамъ.

— Нѣтъ, вы обманете.

— Говорю вамъ что не обману.

— Такъ давайте.

— Нѣтъ, вы прежде скажите откуда Тишка взялъ большой капиталъ?

— Фигурина дала.

— Кто-о-о?

— Фигурина, Алина Фигурина, дочь полицейскаго полковника, который тогда, помните, арестовалъ Висленева.

Гордановъ наморщилъ брови и съ напряженнымъ вниманіемъ продолжалъ допрашивать.

— Что же эта Алина вдова, или дѣвушка?

— Да, она не замужемъ.

— Сирота стало-быть и получила наслѣдство?

— Ничуть не бывало.

— Такъ откуда же у нея деньги? Двѣсти тысячъ что ли она выиграла?

— Отецъ ея награбилъ себѣ денегъ.

— Да вѣдь то отецъ, а она то что же такое?

— Она украла ихъ у отца.

— Украла!

— Что, это васъ удивляетъ? Ну да, она украла.

— Что жъ она воровка что ли?

— Зачѣмъ воровка, она до сихъ поръ честная женщина: отецъ ея былъ взяточникъ, и награбивши сто тысячъ, хотѣлъ все отдать сыну, а Алинѣ назначилъ въ приданое пять тысячъ.

— А она украла все!

— Не все, а она раздѣлила честно: взяла себѣ половину.

— Пятьдесятъ тысячъ!

— Да; а другую такую же половину оставила брату просвѣтывать съ Француженками у Борелей, да у Дононовъ, и конечно сдѣлала это очень глупо.

— Вы бы ничего не оставили?

— Разумѣется, у ея брата есть усы и шпоры, онъ можетъ звякнуть шпорами и жениться.

— А отецъ?

— У отца пенсіонъ, да ему пора ужъ и издохнуть; тогда пенсіонъ достается Алинкѣ, но она робка...

— Да... она робка? Гмъ!... вотъ какъ вы нынче рѣжете: она робка!... то-есть не хорошо ему чай наливаетъ что ли?

— Понимайте какъ знаете.

— Ого-го, да вы взаправду здѣсь какія-то отчаянныя стали.

— Когда пропали деньги, виновныхъ не оказалось, продолжала Ванскокъ послѣ маленькой паузы.

— Да?

— Да; люди, прислуга ихъ, сидѣли болѣе года въ острогѣ, во всѣ вылуцены, а виновныхъ все-таки нѣтъ.

— Да вѣдь виновная жъ сама Алина!

— Ну старалась, конечно, не дать подозрѣнія.

— Какое тутъ, чортъ, подозрѣніе, ужъ не вы одни объ этомъ знаете! А что же ея отецъ и братъ, отчего же имъ это въ носы не шибнуло?

— Можетъ-быть и шибнуло, но на нихъ узда есть—семейная честь. Ихъ дорогой братецъ вѣдь въ первостепенномъ полку служить, и не хорошо же для нихъ, если сестрицу за воровство на Мытной площади къ черному столбу привяжутъ; да и что пользы ее преслѣдовать, денегъ вѣдь ужъ все равно назадъ не получить, деньги у Кишенскаго.

— У Кишенскаго!... Всѣ пятьдесятъ тысячъ у Кишенскаго! воскликнулъ Гордановъ, раскрывъ глаза такъ какъ будто онъ проглотилъ ложку сѣрной кислоты и у него отъ нея внутри все загорѣлось.

— Ну да, не класть же ей было ихъ въ банкъ, чтобы ее поймали, и не играть самой бумагами, чтобы тоже огласилось. Кишенскій ей разрабатываетъ ея деньги—они въ компаніи.

— А-а, въ компаніи, прошилъ Гордановъ.—Но почему же она такъ ему вѣрять? Вѣдь онъ ее можетъ надуть какъ дурю.

— Спросите ее почему она ему вѣрять? Я этого не знаю.

— Любвѣ что ли зашла?

— Даже щенокъ есть.

— Она замужъ за него можетъ-быть собирается.

— Онъ женатъ.

Гордановъ задумался и черезъ минуту произвесь нарастѣвъ. Такъ вы вотъ какіе стали, голубчики! А вы, моя умица, знаете ли что подобныя дѣла-то очень удобно всплываютъ на воду по одной молвѣ?

— Конечно знаю, только что же значить бездоказательная молва, когда старикъ признанъ сумасшедшимъ, и все его показаніе о пролажѣхъ пятидесяти тысячъ принимается какъ бредъ сумасшедшаго.

— Бредъ сумасшедшаго! Онъ сумасшедшій?

— Да-а-съ, сумасшедшій, а вы что же меня допрашиваете? Мы вѣдь здѣсь съ вами двое съ глаза на глазъ, безъ свидѣтелей, такъ вы не много съ меня возьмете, если я вамъ скажу что я этому не вѣрю, и что вѣрить здѣсь нечему, потому что пятьдесятъ тысячъ были, онъ дѣйствительно украденъ, и онъ въ рукахъ Кипенскаго, и изъ нихъ уже вышло не пятьдесятъ тысячъ, а сто пятьдесятъ, и что же вы наконецъ изъ всего этого возьмете?

— Но вы сами можете отсюда что-нибудь взять, любезная Ванскокъ! Вы можете взять, понимаете? Можете взять благородно, и не для себя, а для бѣдныхъ вашего прихода, которымъ нечего лопать!

— Благодарю васъ покорно за добрый совѣтъ; я пока еще не доносчица, отвѣчала Ванскокъ.

— Но вѣдь васъ же безсовѣстно эксплуатируютъ: себѣ все, а вамъ ничего.

— Что жь, въ жизни каждый воруетъ для себя. Борьба за существованіе!

— Ишь ты, какая она стала! А вы знаете что вы могли бы облагодѣтельствовать сотни преданныхъ вамъ людей, а такая цѣль, я думаю, оправдываетъ всякія средства.

— Ну, Гордановъ, вы меня не надуете.

— Я васъ не надую!... да, конечно, не надую, потому что вы не волынка чтобы васъ надувать, а я...

— А вы хотѣли бы заиграть на мнѣ какъ на волынкѣ?— Нѣтъ, прошло то время, теперь мы сами съ усами и я знаю чего вамъ отъ меня надобно?

— Что вы знаете? ничего вы не знаете, я хочу перевести силу изъ чужихъ рукъ въ ваши.

— Да, да, да, разказывайте, разводите мнѣ антимоноію-то! Вы хотите сорвать куртажъ!

— Куртажъ!... Скажите пожалуйста какія она слова узнала!...

Вы меня удивляете, Ванскокъ, это все было всегда чуждо вашимъ чистымъ понятіямъ.

— Да, подобные вамъ добрые люди перевоспитали, полно и мнѣ быть душой, и я поняла что съ волками живучи надо и жить поволачьи.

— Такъ войте жь! Войте! Если вы это понимаете! сказалъ ей Гордавовъ, крѣпко стиснувъ Ванскока за руку повыше кисти.

— Чтò вы это сьума что ли сошли? спокойно спросила его, не возвышая голоса, Ванскокъ.

— Живучи съ волками войте поволачьи и не пропусайте то чтò лавить въ руки. Чтò вамъ далось это глупое слово „доносъ“, всѣ средства хороши когда они ведутъ къ дѣлу. Волки не церемонятся, и вы съ ними не церемоньтесь, рѣжьте ихъ, душите ихъ, коверкайте ихъ, подлецовъ, воровъ, разбойниковъ и душегубовъ!

— И потомъ?

— И потомъ... чего вы хотите потомъ? Говорите, говорите чего вы хотите?... Или постойте, вы гнушаетесь доносомъ, ну не надо доноса...

— Я думаю что не надо, потому что я ничего не могу доказать и не хочу себя за это бѣды.

— Бѣды, положимъ, не могло быть никакой, потому что доносъ можно было сдѣлать безымянный.

— Ну сдѣлайте?

— Но я говорю не надо доноса, а возьмите съ нихъ отсталаго, съ Кишенскаго и Фигуриной.

— Покорно васъ благодарю!

— Вы подождите благодарить! Мы станемъ съ вами дѣйствовать заодно, я буду вамъ большой помощникъ, неподозрѣваемый и незримый.

У Гордавова зазвенѣло въ ухахъ и въ головѣ заройлся хаосъ мыслей.

Ванскокъ замѣтила что собесѣдникъ ея весь покраснѣлъ и даже пошатнулся.

— Ну и чтò далѣе? спросила она.

— Далѣе, отвѣчалъ Гордавовъ, весь находясь въ какомъ-то туманѣ—далѣе... мы будемъ сила, я поведу вамъ ваши дѣла не такъ какъ Кишенскій ведетъ дѣла Фигуриной...

— Вы все заберете себя!

— Нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ... клянусь вамъ... не знаю чѣмъ вамъ клаясь.

— Намъ нечѣмъ клаясь.

— Да, это прескверно что намъ нечѣмъ клаясь, но я васъ не обману, я вамъ дамъ за себя двойныя, тройныя обязательства, наконецъ.... чортъ меня возьми, если вы хотите, а жемюсь на васъ... А! Что вы? Я это взаправду... Хотите я жемюсь на васъ, Ванскокъ? Хотите?

— Нѣтъ не хочу.

— Почему? Почему вы этого не хотите?

— Я не люблю ребятишекъ.

— У насъ не будетъ, Ванскокъ, никакихъ ребятишекъ, рѣшительно никакихъ не будетъ, я вамъ даю слово что у насъ не будетъ ребятишекъ. Хотите я вамъ дамъ это на бумагѣ?

— Гордановъ, я вамъ говорю, вы сошли съума.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сошелъ съума, а я берусь за умъ и васъ навожу на умъ, заговорилъ Гордановъ, чувствуя что вокругъ него все завертѣлось и съ головы его нахлестываютъ шумящія волны какого-то хаоса. Нѣтъ; у васъ будетъ пятьдесятъ тысячъ, они вамъ дадутъ пятьдесятъ тысячъ, охотно дадутъ, и ребятишекъ не будетъ.... и я жемюсь на васъ... и дамъ вамъ на бумагѣ... и буду васъ любить.. любить....

И онъ, говоря это слово, неожиданно привлекъ къ себѣ Ванскокъ въ объятія и въ то же мгновеніе.... шатаясь отлетѣлъ отъ нея на три шага въ сторону, упалъ въ кресло и тяжело облокотился обѣими руками на столъ.

Ванскокъ стояла посреди комнаты на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ ея обнялъ Гордановъ, маленькая, коренастая фигура Помадной банки такъ прикипѣла къ полу всѣмъ своимъ дномъ, лицо ея было покрыто яркою краской негодованія, вывороченныя губы широко раскрылись, глаза пылали гнѣвомъ и искрились, а руки вытянувшись судорожно замерли въ томъ напряженіи которымъ она отбросила отъ себя Павла Николаевича.

Гордановымъ овладѣло какое-то истерическое безуміе, въ которомъ онъ самъ себѣ не могъ дать отчета, и изъ котораго онъ прямо перешелъ въ безконечную немощь разслабленія. Предести Ванскокъ здѣсь, разумѣется, были не при чемъ, и Гордановъ самъ не понималъ на чемъ именно онъ тутъ вскипѣлъ и сорвался, но онъ былъ внѣ себя и си-

дѣлъ тяжело дыша и сжимая руками виски до физической боли чтобы отрезвиться и оламятоваться подъ ея вліяніемъ.

Онъ чувствовалъ что онъ теперь становится какой-то припадочный, прежде, когда онъ былъ гораздо бѣднѣе, онъ былъ несравненно спокойнѣе, а теперь, когда онъ уже не безъ вѣ- котораго запаса, имъ овладѣваетъ бѣсъ, онъ не можетъ отвѣчать за себя. Такъ чѣмъ рана ближе къ заживленію, тѣмъ она сильнѣе зудитъ, потому-то Гордановъ и хлопоталъ скорѣе закрыть свою рану чтобы снова не разодрать ее въ кровь своими собственными руками.

Душа его именно зудѣла и онъ весь былъ зудъ,—этого состоянія Ванскокъ не понимала. Справедливость требуетъ сказать что Ванскокъ все-таки была немножко женщина, и если не все, то вѣчто во всей только что происшедшей сценѣ она все-таки приписывала себѣ.

Это ей должно простить, потому что ей былъ уже не первый онѣгъ на голову; на ея житейскомъ пути встрѣчались любители куріозовъ, для которыхъ она успѣла представить собою интересъ, но Ванскокъ была истая весталка, весталка у которой не даромъ для своей репутаціи могла бы поучиться твердости восторженная Норма.

IV. Бой тарантула съ ехидной.

Тягостное молчаніе этой сцены могло бы длиться очень долго, еслибъ его первая не прервала Ванскокъ. Она подошла къ Горданову и желая взять деньги, коснулась его руки подъ которою до сихъ поръ оставалась ассигнація.

Гордановъ оглянулся.

— Что вамъ отъ меня нужно? спросилъ онъ.—Ахъ, да... ваши деньги... Ну извините, вы ихъ не заслужили, и съ этимъ Павелъ Николаевичъ, едва замѣтно улыбнувшись, сжалъ въ рукѣ билетъ и сунулъ его въ жилетный карманъ.

Ванскокъ повернулась и пошла къ двери, но Гордановъ не допустилъ ее уйти, онъ взявъ ее за руку и остановилъ.

— Скажите, вы этого не ожидали? заговорилъ онъ съ нею въ шутовскомъ тонѣ.

— Чего? Того что вы захватите мои деньги? Отчего же? Я отъ васъ рѣшительно всего ожидаю.

— И вотъ вы и ошиблись; я, къ сожалѣнію, на очень многое еще неспособенъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ! что „напримѣръ?“ напимѣръ нате вамъ ваши деньги.

Ванскокъ протянула руку и взяла скомканную и перекомканную ассигнацію и сказала: прощайте!

— Нѣтъ, телерь олять скажите ожидали вы или нѣтъ что я вамъ отдамъ деньги? настаивалъ Гордановъ, удерживая за руку Ванскокъ. — Видите какъ я добръ! Я вѣдь могъ бы выпустить васъ на улицу, да изъ окна олять навадъ поманить, и вы бы вернулись.

— Разумѣется вернулась бы, деньги нужны.

— Да; ну да ужъ Богъ съ вами, берите.... Что вы на меня остервенились какъ чортъ на лопа? Не опасайтесь, это не фальшивыя деньги, я на это тоже неспособенъ.

— А почему бы?

— Такъ, потому почему вы не понимаете.

— Я бы то гораздо скорѣй поняла: прямой вредъ правительству.

— Трулиа, трулиа, дружище Ванскокъ, велика нужна, специалисты нужны!

— Ну, такъ что же такое? Людей набрать не трудно всякихъ, и граверовъ и химиковъ.

— А попасться съ ними еще легче. Нѣтъ, милая дѣвица, я и вамъ на это своего благословенія не даю.

— А между тѣмъ Поляки и Жиды прекрасно это ведутъ.

— Да; то Поляки и Жиды, они уже такъ къ этому приучены цѣлесобразнымъ воспитаніемъ: они возьмутся за дѣло, такъ однимъ дѣломъ тогда и занимаются, и не спорятъ какъ вы что честно и что безчестно, да и они поладаются, а вы рыхлятина, вы на всемъ переспоритесь и перессоритесь, да и потомъ все это вздоръ, который годенъ только въ маломъ хозяйствѣ.

— Я что-то этого не понимаю.

— Такъ ужъ вы значить устроены чтобы не понимать. Это, голубь мой сизокрылый, экономическій законъ, въ маломъ хозяйствѣ многое выгодно что въ большомъ не годится. Вы сами знаете, деревенскій мальчишка продаетъ кошкодаву кошку за лятачекъ, это и ему выгодно, и кошкодаву выгодно; а вы вонъ съ своими кошачьими заводами „на разумныхъ началахъ въ свѣгъ сѣли. Такъ тоже наши мужичонки изъ навоза селитру дѣлають, деготь судятъ, лилу деруть, и все

это имъ выгодно, потому что все это дѣло мужичье, а настоящій аферистъ изъ другаго круга за это не берется, а возьметса, такъ провалится. И на что, на коего дьявола вамъ фальшивыя деньги, когда экспедиція бумагъ вамъ настоящихъ сколько угодно заготовить, только умѣйте забирать. А вотъ вы, вижу, до сихъ поръ брать-то еще не мастерица.

— Нѣтъ, знаете, это хорошо брать какъ есть гдѣ.

— Да, вотъ вамъ еще хочется чтобы вамъ разложили деньги! А вы чего вотъ о ою пору глядите, а не берете что я вамъ даю?

Онъ бросилъ билетикъ на столъ, и Ванскокъ его подвала.

— У васъ много теперь голодной братиѣ? заговорилъ снова Гордановъ.

— Сколько хѣтите; всѣ голодны.

— И что же, способные люди есть между ними?

— Еще бы!

— Кто же это на примѣръ изъ способныхъ?

— Хоть на примѣръ Иосафъ Висленевъ.

— Ага! Иосафушка... а онъ способный?

— А вы какъ думаете?

— Да, онъ способный, способный, отвѣчалъ Гордановъ, ду-

мая про себя совсѣмъ иное.

— Но отчего же онъ такъ бѣдствуетъ?

— Оттого что онъ честенъ.

— Это значить:

Милый другъ, я умираю,
Оттого что я былъ честенъ,
И за то родному краю
Буду вѣрно я известенъ.

— Что же, это прекрасно! А онъ гдѣ служить?

— Висленевъ не можетъ служить.

— Ахъ, да! онъ компрометтированъ,—значить дуракъ.

— Нѣтъ не потому; онъ это считаетъ за подлость.

— Вотъ какъ! и гдѣ же онъ пробавляется! Неужто все еще до сихъ поръ чужое молоко и чужихъ селедокъ ѣсть?

— Онъ лишеть.

— Оды въ честь прачекъ, или романы объ устройствѣ школы?

— Нѣтъ, онъ романовъ не лишеть.

— Слава Богу; а то я что-то читалъ дурацкое-предурацкое: романъ, гдѣ какой-то компрометтированный герой школу

въ банѣ заводитъ и потомъ его за то вся деревня будто стола возлюбила что хочетъ за него „цѣлому міру рожу расквасить“—такъ и думалъ: ужь это не Ясафушка ли нашъ сочи-нялъ? Ну а онъ чтѣ же такое пишетъ?

— Обзорѣя.

— Да, разъясняетъ значеніе фактовъ; ну это не по немъ. Чтѣ жь, платятъ что ли ему не ладно, что онъ такъ разкованъ?

— Все скверно, какая же у насъ теперь литература? Ни съ кѣмъ ужиться нельзя.

— Вѣрно все русское направленіе гадить?

— А вы даже и надъ этою мерзостью можете шутить?

— Да отчего же не шутить-то? Отчего же не шутить-то, Ванскокъ?

— Ну не знаю: я бы лучше воѣхъ этихъ съ русскимъ направленіемъ передумала.

— А между тѣмъ вѣдь и Пугачевъ, и Разинъ также были русскаго направленія, и Ванька Каинъ тоже, и смоленскій Трошка тоже! Чтѣ, какъ вы объ этомъ думаете?... Эхъ вы агнята, агнята бѣдные! Хотите быть командирами, силой, а брезгаивы какъ старовѣрческая игуменья: изъ одной чашки съ міряниномъ воды пить не станете! Стыдитесь, господа сила,—васъ такъ всякое безсилье одолѣетъ. Нѣтъ, вы дѣйствуйте *органически* вразсылную, — всякъ самъ для себя, и тогда вы одолѣете міръ. Понимаете: *всякъ для себя*. Прежде всего и лаче всего прочь всякій принципъ, долой всякое убѣжденіе. Оставьте все это глупымъ, идеалистамъ „страдать за вѣру“. Повѣрьте что все это гиль, все гиль, съ которою прола-дешь ни за грошъ. Идеалистамъ пропадать, разумѣется, вздоръ; ихъ лули, а они еще радуются, а вѣдь вы, я полагаю....

— Я конечно не хочу чтобы меня лулили, перебила живо Ванскокъ.

— Ну вотъ въ томъ и штука капитана Кука,—надо чтобы мы ихъ лулили, и будемъ лулить, а они пусть тогда у насъ подъ кнутомъ классически орутъ: *O, quam est dulce et decorum pro patria mori!* Борьба за существованіе, дружокъ, не то чтѣ борьба за лягушку. Ага! борясь за существованіе надо.... не останавливаться ни предъ чѣмъ.... не только предъ доносомъ, но.... даже предъ клеветой! Чтѣ, небось ужасно? А Мазела такъ не думалъ, тотъ не ужасался, и видя измѣну, писалъ нашему Пѣтрикѣ:

И видить Богъ, не зная свѣта,
Я, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Служу тебѣ душою вѣрной,

а между тѣмъ и честно и безчестно, „вредилъ всѣмъ недругамъ своимъ“. Откуда же у васъ, дружище Ванскокъ, до сихъ поръ еще эта сентиметальность?.. Дивлюсь! Вы когда-то были гораздо смѣлѣе. Когда-то Подозерова вы вразъ стерли, ба! вотъ и хорошо что вспомнилъ, вѣдь вы же на Подозерова клеветали что онъ шпіонъ?

— Да я это съ вашихъ словъ говорила.

— Неправда, съ Виленевскихъ, но это все равно: чѣмъ же клевета лучше правдиваго доноса?

— Да я на такого какъ Подозеровъ могу сдѣлать и доносъ.

— Такъ въ чемъ же тутъ разница: стало-быгъ въ симпатіи? Одивъ вамъ милѣе другаго, да?

— Нѣтъ, вы этого не понимаете: Кишенскій и Линка это свѣжія раны....

— Что-о тако-о-е?

— Свѣжія раны.... Зачѣмъ шевелить свѣжія раны? Подозеровъ всегда былъ противъ насъ, а эти были наши и не отлагались.... это свѣжая рана!

Гордановъ посмотрѣлъ ей въ глаза и сохраняя наружное спокойствіе, засмѣялся неудержимымъ внутреннимъ смѣхомъ.

Ванскокъ съ своею теоріей „свѣжихъ ранъ“ открывала Горданову цѣлую новую еще не эксплуатированную область, по которой скачи и несись куда знаешь, твори чтò выдумаешь, говори чтò хочешь, и у тебя вездѣ со всѣхъ сторонъ будетъ тучный злакъ для коня и дорога скатертью, а вдали на чертѣ горизонта тридцать девять разбойниковъ всегда готовые въ помощь сороковому.

— Да, да, Ванскокъ, вы побѣдили меня, сказалъ Гордановъ.— *Свѣжія раны....* вы правы, — все это дѣйствительно свѣжія раны.... Дѣйствительно надо все прощать, надо все забывать и свѣжихъ ранъ не трогать... Вы правы, вы правы, я этого не понималъ.

— Да вѣдь этого и всѣ съ перваго раза не понимали даже и я тоже не понимала. Я тогда гувернанткой жила, и когда мнѣ писали туда что это здѣсь принято, и я тоже на всѣхъ записалась и не понимала, а потомъ поняла.

— Ну, вотъ видите, это взаправду не такъ просто!

— Да, я говорю что намъ никакъ нельзя отъ Петербурга отрѣшаться.

— А вы долго были гувернанткой?

— Да, цѣлую зиму.

— И бросили?

— Да меня сюда вызвали нѣкоторые изъ нашихъ,—писали что выгодное дѣло есть, но только это вышло вздоръ.

— Надули?

— Да, дѣла не было, — они просто для своихъ выгодъ меня выписали, чтобы посылать меня туда да сюда.

— Вотъ каналы! и вы имъ за это ничего?

— Все, батюшка, свѣжая рана, но главное меня раздосадовало что подлець Кишенскій меня на это мѣсто послалъ, а я прѣехала и узнала что онъ себя за комиссію взялъ больше половины моего жалованья и не сказалъ мнѣ.

— Ишь какая тварь! Ну вы его, разумеется, отзвонили и деньги отобрали?

— Ничего я не отзвонила, потому что онъ нынче держитъ Нѣмца лакея, ужаснаго болвана, которому онъ только кивнетъ, и тотъ сейчасъ выпроводитъ: уже такіе примѣры были и съ Паливодовой и съ Цилри-Килри, а денегъ онъ мнѣ не отдалъ потому что, говоритъ, „вамъ больше не слѣдуетъ“.

— Да какъ же не слѣдуетъ?

— Такъ, не стоить, говоритъ больше, да еще нагрубилъ мнѣ и надерзилъ.

Гордановъ тронулъ Ванскокъ за руку и улыбувшись, покачалъ укоризненно головой.

Ванскокъ не поняла этого киванья и освѣдомилась: въ чемъ дѣло?

— На что же это опять старья перья показывать! Что это за слово „надерзилъ“?

— А какъ же надо сказать?

— „Наговорилъ дерзостей.“

— Зачѣмъ же два слова вмѣсто одного? Впрочемъ вѣдь вы поняли, такъ стало-быть слово хорошо, а что до Кишенскаго, то Висленевъ даже хотѣлъ было его за меня въ газетахъ пропечатать, но я не позволила: зачѣмъ возбуждать!

— Свѣжая рана?

— Конечно, свѣжая рана,—и такъ уже много всякой драки выливается наружу, а еще какъ если мы сами станемъ себя разоблачать, тогда...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно! Не надо этого: раны въ самомъ дѣлѣ очень свѣжи.

— То-то и есть; гласность эга такая штука съ которою надо быть осторожнымъ.

— Именно, Ванскокъ, именно надо быть осторожнымъ, а еще лучше чтобъ ее совсѣмъ вывести, чтобъ ее, по старинному, вовсе не было, чтобы свѣжихъ-то ранъ не будоражить и не шевелить, а всѣхъ бы этихъ и щелколеровъ-то по боку, да къ чорту!

— Я то же и сама такъ думала, и оно бы очень не трудно, да Кишенскій находить что они не вредятъ: онъ самъ издалъ одинъ патриотическій романъ, и самъ его въ одной газетѣ ругалъ, а въ другой—хвалилъ, и нажилъ деньги.

— Пожалуй, что онъ вѣдь и правъ.

— А конечно! а что общество читаетъ, такъ вѣдь оно все читаетъ, какъ помеломъ промететь и позабудетъ.

— Правъ, правъ каналья Кишенскій, правъ.

— Да, онъ умный и имъ надо дорожить, онъ тоже говорилъ что гласность совсѣмъ уничтожить уже нельзя, а хорошо вотъ еслибы побольше нашихъ шли въ цензурное вѣдомство. Кишенскій ведетъ дѣло по двойной бухгалтеріи—это такъ и называется „по двойной бухгалтеріи.“ Онъ прилепелся разомъ къ тремъ разнымъ газетамъ и въ каждой строчить въ особомъ направленіи, и сводить все къ одному: онъ чужимъ подаетъ, а своимъ обавить гдѣ нужно, а гдѣ нужно, наоборотъ.

— Вотъ какъ ловко!

— Да это оказалось очень практично.

— Да какъ же-съ не практично. Ахъ онъ, чортъ его возьми! воскликнулъ Гордановъ.—Да онъ послѣ этого дѣйствительно дока!

— А я вамъ говорила. Но впрочемъ и ему не все удастся. У него тоже есть свои жидовскія слабостишки: ценятокъ своихъ любить и Алинку хочетъ за кого-нибудь замужъ переѣнчать, да вотъ неудается.

— Ага! А вѣдь она, выйдя замужъ, и еще получила бы часть?

— Конечно, да неудается-съ, и ценять нельзя усыновить. Вотъ женитесь вы на ней, Гордановъ!

— Вы съума сошли, Ванскокъ!

— А что же такое? Она вамъ лять тысячь дастъ.

— Другъ мой, у меня у самаго есть лять тысячь.

— А зачѣмъ же вы на мнѣ хотѣли жениться?

Гордановъ засмѣялся и сказалъ: это раг амонг.

— Вы врете, Гордановъ.

— Да, вру, вру, именно вру, Ванскокъ, но вы конечно не станете никому объ этомъ разказывать, потому что иначе я отъ всего отрекусь, да и Кишенскому не говорите какъ я шутилъ чтобы вывести его на свѣжую воду.

— Къ чему же я это стану говорить?

— Молодець вы, благодарная Ванскокъ! Давайте вашу далу!

И Павелъ Николаевичъ съ чувствомъ скалъ грязноватую руку дѣвушки и добавилъ:

— Я и теперь съ вами шучу, скажите ему все; скажите какъ Гордановъ одичалъ и оглухлъ въ Петербурга; я даже и самъ ему все это скажу и не скрою что вы мнѣ, милая Ванскокъ, открыли великія дѣла, и давайте вмѣстѣ устраивать Висленева.

— Его непременно надо устроить.

— И вотъ вамъ на то моя рука что это будетъ сдѣлано. Залишите мнѣ его адресъ.

Ванскокъ взяла карандашъ, нацаралала куринымъ почеркомъ маршрутъ, по которому великодушная дружба Горданова должна была отыскать злополучнаго Висленева, и затѣмъ гостя и хозяинъ начали прощаться, но Гордановъ вдругъ что-то вспомнилъ и приостановилъ Ванскокъ, когда та уже надѣла на свою скобочку свой форейторскій шлычокъ.

— Вотъ чтѣ! сказалъ онъ въ раздумьи,—не хотите ли съ меня еще взятку! У меня бывали въ рукахъ разныя польскія перелиски и я кое-что списалъ. Вотъ тутъ у меня они всѣ подъ рукой, вотъ въ этой шкатулкѣ. Хотите передайте ихъ Висленеву.

— Зачѣмъ?

— На ихъ основаніи можно построить прекрасныя статьи. За это деньги дадутъ.

— Давайте я отвезу.

— Только разумѣется не говорить отъ кого?

— Еще бы!

— Ну, такъ очень радъ.

И съ этимъ Гордановъ досталъ изъ-подъ дивана большую желтую шкатулку, какія дѣлаютъ для перевоза крахмальныхъ

рубашекъ, и вручилъ ее Ванскокъ, которая приняла ее и со-
гнулась.

— Чтò?

— Тяжело, отвѣчала Ванскокъ.

— Да, бумага тяжела.

— Ну, да ничего!

И Ванскокъ, перехвативъ половчѣе шкатулку, закинулась
всѣмъ тѣломъ назадъ и ползла внизъ по лѣстницѣ.

Черезъ минуту Гордановъ услышалъ чрезъ открытое окно
какъ Ванскокъ, напирая на букву *ш*, выкрикивала:

— Извошникъ! Извошникъ!

Павель Николаевичъ весело разсмѣялся и свѣсясь въ окно
смотрѣлъ какъ къ Ванскокъ, стоявшей на тротуарѣ, подка-
тила извошничья линейка.

Ванскокъ сторговалась и потомъ сказала:

— Ну-съ, а теперь вы, извошникъ, держите хорошенько
вотъ этотъ ящикъ!

Гордановъ такъ и залюлся самымъ беззаботнымъ, ребяче-
скимъ смѣхомъ, глядя какъ Ванскокъ ползла, умащивалась и
ломѣчала свой „ящикъ“.

— Ecoutez! закричалъ онъ сквозь смѣхъ.— Ecoutez moi!

— Ну что тамъ еще? Я уже съла.

— Voulez vous bien répéter?

— Чтò? Чтò такое? сердилась внизу Ванскокъ.

— „Извошникъ и ящикъ“, передразнилъ ее Гордановъ и
показавъ ей языкъ, поднялся и затворилъ окно.

Ванскокъ, треща на линейкѣ, укатила.

Павель Николаевичъ залеръ дверь и метнувшись изъ угла
въ уголъ, остановился у стола.

„Чортъ возьми!“ подумалъ онъ, „и въ словахъ этой дуры
есть своя правда. Нѣтъ; нельзя, нельзя отрѣшаться отъ Пе-
тербурга! „Свѣжія раны!“ О, какая это чертовски полезная
штука! Поусердствуйте, друзья, „свѣжимъ ранамъ“, поусерд-
ствуйте пока васъ на это хватить!“

И съ этимъ Гордановъ сталъ скоро раздѣваться и не за-
жигая свѣчи легъ въ постель, но не заснулъ, его долго, долго
давилъ и терзалъ злой демонъ — его дальновидность. Онъ
зналъ что вѣрны одни лишь прямые ходы и что ихъ только
можно повторять, а все фокусное дѣйствуетъ только до тѣхъ
поръ пока оно не разоблачено, и этотъ демонъ шепталъ Пав-

ду Николаевичу что тутъ ничто не можетъ длиться долго, что весь фейерверкъ скоро вспыхнетъ и зачадить, а потому надо быстро одѣлать ловкій курбетъ, пока еще держатся остатки старыхъ привычекъ къ кучности и „свѣжія раны“ даютъ тѣнь, за которою можно предъ одними передернуть карты, а другимъ зажать ротъ.

V: Послѣдній изъ Могиканъ.

Висленевъ въ это время жилъ въ одномъ изъ тѣхъ громадныхъ домовъ Невскаго Проспекта гдѣ, какъ говорится, чего хочешь, того просишь: здѣсь и роскошные магазины, и дело, и мелочная лавка, и французскій ресторанъ, и греческая кухмистерская восточнаго челоуѣка Трифандоса, и дорогіе ложементы съ парадныхъ входовъ на улицу, и сходныхъ цѣвъ вицейскія стоила въ глубинѣ черныхъ дворовъ. Населеніе здѣсь столь же разнообразно какъ и помѣщенія подобныхъ домовъ: тутъ живутъ и дипломаты, и ремесленники, и страствующія монахины, и погибшія созданія, и воры, и несчастнѣйшій классъ петербургскаго общества, мелкіе литераторы, полавшіе на литературную дорогу по неспособности стать ни на какую другую и тянущіе по ней свою горе-горькую жизнь кадики переходжихъ.

Жизнь этихъ несчастныхъ поистинѣ достойно глубочайшаго состраданія. Эти люди большею частію не принесли съ собою въ жизнь ничего, кромѣ тулага ожесточенія, воспитаннаго въ нихъ завистию и нуждой, среди которыхъ прошло ихъ печальное дѣтство и сторуѣла, какъ рива въ бездождіе. короткая юность. Въ ихъ душахъ какъ и въ ихъ наружности всегда есть что-то налминающее заморенныхъ въ щелкахъ собакъ, они бессильны и злы,—злы на свое безсііе и бессильны отъ своей злости. Привычка видѣть себя заброшенными и никому ни на что не нужными развиваетъ въ нихъ алчную, непоумѣрную зависть, неслостижимо возбуждаемую всѣмъ на свѣтѣ, и къ тому есть конечно свои основанія. Та бѣдная дѣвушка которая, живя о бокъ квартиры такоу оосѣда, достаетъ себѣ хлѣбъ позорною продажей своихъ лавокъ, и та, кажется, имѣетъ въ своемъ положеніи нѣчто болѣе прочное: однажды посягнувшая на свой позоръ, она по

крайней мѣрѣ имѣть за собою преимущество готоваго запроса, за нее природа съ ея неумолимыми требованіями и разнуданность общественныхъ страстей. У бѣднаго же писака, перебивающагося строченіемъ различныхъ мелочей, нѣтъ и этого: въ его положеніи мало быть готовымъ на позорную торговаю совѣстью и словомъ, на его спекуляцію часто нѣтъ спроса, и онъ долженъ постоянно самъ спекулировать на сбытъ своего писанія. Отсюда и идетъ всякое вѣроятіе превосходящая ложь, продаваемая въ самыхъ крупныхъ дозахъ за самую дешевую цѣну.

Висленевъ въ эту пору своей несчастной жизни былъ рангомъ повыше описанныхъ бѣдныхъ литературныхъ паріевъ, и на десять степеней ихъ несчастьѣ. Какъ Горданова преслѣдовали его призраки, такъ были свои призраки и у Висленева. Онъ не могъ спуститься до самыхъ низменностей того слоя къ которому пришибли его волны прибоя и отбоя. Сила родныхъ воспоминаній, вліяніе привычекъ дѣтства и власть семейныхъ преданій, сказывавшихся въ немъ противъ его воли неодолимою гадливостію къ грязи, въ которой какъ въ родной имъ средѣ колошатаются другіе, не допускали Висленева до спокойнаго пренебреженія къ доброму имени людей и къ ихъ спокойствію и счастью. Висленевъ могъ быть неразборчивымъ въ вопросахъ теоретическаго свойства, но буржуазной гадости онъ не переносилъ. Онъ по своему воспитанію и образованію былъ гораздо болѣе приспособленъ къ литературнымъ занятіямъ, чѣмъ большинство его собраній по ремеслу. Относительная разборчивость въ средствахъ вредила Висленеву на доступномъ ему литературномъ рынкѣ, онъ не могъ поставлять массы дешеваго базарнаго товара, и за дешево же заготавливалъ произведенія болѣе крупныя, которыя, въ его по крайней мѣрѣ глазахъ, были достойными всеобщаго вниманія. Мы видѣли что на одно изъ нихъ „о провинціальныхъ нравахъ“ Висленевъ даже дѣлалъ ссылку предъ Гордановымъ, это было то самое произведеніе о которомъ послѣдній отозвался извѣстнымъ стихомъ:

Читааъ, и духомъ возмущааа
Зачѣмъ читать училса.

На самомъ же дѣлѣ Гордановъ уже немножко зло выразился о писаніи своего пріятеля: статьи его съ многооставными заглавіями имѣли свои достоинства. Самъ редакторъ, ко-

торому Висленевъ поставялъ эти свои произведенія, смотрѣлъ на нихъ какъ на куштыки, но принималъ ихъ и печаталъ, находя что они годятся.

Продолжительное кривлянье имѣеть два роковыя исхода: для людей искренно заблуждающихся, оно грозитъ потерей смысла и способности различать добро отъ зла въ теоріи, а для другихъ, потерей совѣсти. Висленевъ, защищаемый домашними привычками, попалъ въ первую категорію и за то особенно много потерялъ въ житейскихъ интересахъ. Ему, литератору съ университетскимъ образованіемъ, литература давала вдесятеро менѣе, чѣмъ дѣятелямъ ходившимъ въ редакціи съ карманною книжечкой „объ употребленіи буквы Ъ“. За работокъ Висленева почти равнялся тому казенному жалованью котораго, по словамъ Сквозника-Дмухановскаго, едва достааетъ на чай и сахаръ. Висленевъ много добросовѣстнѣйшаго труда полагалъ въ свою недобросовѣстную и тяжкую работу, задача которой всегда состояла въ томъ чтобы изъ данныхъ давшихъ одинъ выводъ путемъ правильнаго съ ними обращенія, сдѣлать, посредствомъ теоретической лжи и передержекъ, выводъ свойства противоположнаго.

Къ тому же, на горе Висленева, у него были свои привычки, онъ не могъ ѣсть бараньихъ шпавовъ въ греческой кухмистерской восточнаго челоуѣка Трифандоса и заходилъ перекусить въ ресторанъ; онъ не могъ спать на продырявленномъ клеенчатомъ диванѣ подъ звуки безконечныхъ споровъ о развѣтвленіяхъ теорій, а чувствовалъ влеченіе къ своей кроваткѣ и къ укромному уголку, въ которомъ можно бы, если не услокоиться, то по крайней мѣрѣ забыться.

Это сибаритство не скрывалось отъ его собратій, и Висленевъ нѣкотре время терпѣлъ за это олалу, но потомъ, съ быстрымъ, но повсемѣстнымъ развитіемъ практичности, это ему было прощено, и онъ работалъ, и неустанно работалъ, крѣпясь и вѣруя что литература для него только прелеудія, но что скоро слова его примутъ плоть и кровь, и тогда... При этомъ онъ подпрыгивалъ и почесавъ затылокъ, хватался за свою работу съ сугубымъ рвеніемъ, за которымъ часто не чувствовалъ жестокой тяжести въ омраченной головѣ и гнетущей боли въ груди.

Къ такому положенію Висленевъ уже привыкъ, да оно вправду не было уже и тяжело въ сравненіи съ тѣмъ когда былъ, по

возвращеніи въ Петербургъ, питался хлѣбами добродѣтельной Ванскокъ. Висленевъ даже могъ улучшить свое положеніе, написавъ сестрѣ, которой онъ уступилъ свою часть, но ему это никогда не приходило въ голову даже въ то время когда его питала Ванскокъ, а теперь..... теперь самый жизнелюбивый человекъ могъ бы свободно поручиться головою что Висленевъ такъ и дойдетъ до гроба по своей прямой линіи, и онъ бы и дошелъ, еслибы.... еслибы онъ не потребовался во всеожженіе другу своему Павлу Николаевичу Горданову.

VI. Гордановъ даетъ шахъ и мать Іосафу Висленеву.

Черный день подкрался къ Іосафу Платоновичу неожиданно и негаданно, и притомъ же день этотъ былъ весь съ начала до конца такъ лучезарно свѣтелъ что никакая дальноркость не могла провидѣть его черноты.

Въ этотъ день Іосафъ Платоновичъ всталъ въ обыкновенное время, полюбовался въ окно горячимъ и искристымъ блескомъ яркаго солнца на колокольномъ крестѣ Владимірской церкви, потомъ всталъ что это стыдно, потому что любоваться ничѣмъ не слѣдуетъ, а тѣмъ паче крестомъ и солнцемъ, и сѣлъ на софу за преддиванный столикъ, исправлявшій должность письменнаго стола въ его чистой и уютной, но очень, очень маленькой комнаткѣ.

Все было въ самомъ успокоительномъ порядкѣ; стаканъ кофе стоялъ на столѣ, дымясь между высокихъ грудъ газетъ, какъ парходикъ приставшій на якорь въ бухту, окруженную высокими скалами. И какія это были очаровательныя скалы! Это были груды газетъ съ громаднымъ подборомъ самыхъ разнорѣчивыхъ статей по одному и тому же предмету, наравно были тѣ по которымъ дѣло выходило бѣлымъ, наравно тѣ по которымъ оно выходило чернымъ. Висленевъ, помощью крапа и сыпавшихъ очковъ, готовился съ чувствомъ и съ любовью доказать что черное бѣло и бѣлое черно. Это была его спеціальность и его *passia*.

Но прежде чѣмъ Висленевъ долпилъ свой стаканъ кофе и взялся за обработку крапа и очковъ въ колодѣ, предложенной ему на сегодняшнюю игру, ему прыгнулъ въ глаза маленькій,

неопытно задѣланный и небрежно надписанный на его имя пакетикъ.

Висленевъ, грызя сухарь, распечаталъ конвертъ и прочелъ: „Примите къ свѣдѣнью, еще одна подлость: Костыка Оболеневъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, онъ женился на Форофоньевой и взялъ за нею въ приданое восемьдесятъ тысячъ. Пишу вамъ объ этомъ со словъ Роговцова, который заходитъ ко мнѣ ночью нарочно по этому дѣлу. Утромъ иду требовать взносъ на общее дѣло и бѣднымъ Полакамъ. Завтра поговоримъ. Анна Скокова.“

Висленевъ повернулъ два раза въ рукахъ это письмо Ванскокъ и хотѣлъ уже его бросить, какъ горничная квартирной хозяйки подала ему другой конвертъ, надписанный тою же рукою и только что сію минуту полученный.

„Я задыхаюсь, писала отвратительнѣйшимъ почеркомъ Ванскокъ. Я сама удостовѣрилась обо всемъ: все правда, мнѣ ничего не дали на общее дѣло, но этого мало: знайте и вѣдайте что Оболеневъ обломалъ дѣла, онъ забралъ не только женнины деньги, но и деньги свояченицы, и на эти деньги будетъ... издаваться газета съ русскимъ направлениемъ! Бросьте сейчасъ работу, бросьте все и бѣгите ко мнѣ, мы должны говорить! P. S. Кстати я встрѣтила очень трудное мѣсто въ переводѣ. Кунцевичъ „сaponisé par le Pape“ я перевела что Иосафъ Кунцевичъ былъ разстрѣлянъ палой, а въ сегодняшнемъ номерѣ читаю уже это иначе. Что это за самопроизволь въ вашей редакціи? Попросите чтобы моими переводами такъ не распоряжались.“

Висленевъ сложивъ оба письма вмѣстѣ и написавъ Ванскокъ что онъ не можетъ слѣшить ей на помощь, потому что занятъ работой, сѣлъ и начерталъ въ заголовкѣ: „Василе-темновскія тенденціи современныхъ москворѣдко-застѣнковыхъ философо-сыщиковъ“. Но онъ далѣе не продолжалъ, потому что въ двери его съ шумомъ влетѣла маленькая Ванскокъ и зачистила:

— Получили вы оба мои письма? Да?

— Да, получилъ, отвѣчалъ спокойно Висленевъ.

— Все это отживается! воскликнула Ванскокъ, бросая въ уголъ маленькій сакъ съ привязанною къ нему вмѣсто ручекъ веревочкой.

— Ничего не было?

— Нѣтъ, напротивъ, все было; рѣшительно все было, во

представлены доказательства, такъ что это надо обсудить здѣсь; знаете о чемъ идетъ дѣло?

Висленевъ качнулъ отрицательно головой.

— Русское направление въ модѣ.

— Ну-съ?

— За него будутъ собирать деньги и обращать ихъ на общее дѣло. Я нахожу что это честно.

Висленевъ молчалъ.

— И потомъ, продолжала Ванскокъ,—авится знаете кто?

Висленевъ сдѣлалъ опять знакъ что не знаетъ.

— Не догадываетесь?

— Не догадываюсь же, не догадываюсь.

Ванскокъ подошла къ окну и на потномъ стеклѣ начертала перстомъ: „с-у-п-и-д-и-я.“

— Буки, проговорилъ Висленевъ.

— Нѣтъ не буки, а это вѣрно.

— Буки, буки, а не покой... понимаете, не субсидія, а субсидія.

— А, вы объ этомъ? Все это вздоръ. И такъ, будетъ дана субсидія, и мы все это повернемъ въ пользу общаго дѣла, и потому вредить этому не надо.

— Васъ надувають, Ванскокъ.

— Очень можетъ быть, я даже и сама увѣрена что надувають, но по крайней мѣрѣ такъ говорятъ, и потому надо этому помогать, а къ тому же есть другая новость: возвратился Гордановъ и онъ теперь здѣсь и кается.

Висленевъ принявъ эту новую вѣсть не дружелюбно, но нѣсколько замѣчаний сдѣланныхъ Ванскокомъ насчетъ необходимости всяческаго снисхожденія къ свѣжимъ ранамъ, и кила бумагъ вынутыхъ изъ саквояжа и представленныхъ Ванскокомъ Висленеву, какъ подарокъ въ доказательство дружественнаго расположенія Горданова къ Висленеву, произвели въ умѣ послѣдняго впечатлѣніе миролюбиваго свойства. Висленевъ, освободясь отъ довольно продолжительнаго визита Ванскокъ, тотчасъ же углубился въ чтеніе бумагъ принесенныхъ ему отъ Горданова. Подарокъ пришелъ Висленеву какъ нельзя болѣе по сердцу, и онъ не могъ отъ него оторваться до самаго вечера. Онъ не оставилъ бы свои занятія и вечеромъ, если бы его часу въ восьмомъ не посѣтилъ жилецъ сосѣдней комнаты, Феоктистъ Меридіановъ, маленькій желтоволосый чело-

вѣчекъ, поставляющій своеобразныя беллетристическія бездѣлки для маленькой газеты съ скандальной репутаціей.

Феокистъ Меридіановъ вошелъ къ Висленеву безъ доклада и безъ салоговъ; тихо какъ котъ подошелъ онъ въ мягкихъ кимерскихъ туфляхъ къ углубленному въ чтеніе Висленеву и произнесъ: здравствуйте, любезный сосѣдъ по имѣнію.

Висленевъ вздрогнулъ и немножко встревоженно спросилъ: что вамъ угодно?

Феокистъ Меридіановъ хрипло захохоталъ и плюхнувъ на диванъ противъ Висленева, отвѣчалъ:

— Вотъ какой бонъ-тонъ: „что вамъ угодно?“ А мнѣ ничего отъ васъ, сударь мой, не угодно, продолжалъ онъ, Крахтя, смѣясь и щурясь; а такъ, совсѣмъ такъ... освѣдомиться все ли въ добромъ здоровьи мой сосѣдъ по имѣнію, Іосафъ Платонычъ Висленевъ, и болѣе ничего.

— А-а, ну спасибо вамъ, а я зачитался и не сообразилъ.

— Что же это вы читаете?

— Очень интересныя бумага по польскому дѣлу.

— Это „щелчокъ“ что ли вамъ приволокъ?

— Какой щелчокъ? спросилъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ Висленевъ.

— Да вотъ эта стрижка-ерыжка, какъ вы ее называете?

— Ванскокъ!

— Ну Ванскокъ, а я все забываю, да зову ее „щелчокъ“, да это все равно. Я все слышалъ что она тутъ у васъ чекотала и не шель. Эхъ, бросьте вы, сэръ Висленевъ, водиться съ этими нигилисточками.

— Что это васъ безлокоитъ, Феокистъ Дмитричъ? мнѣ кажется до васъ это совсѣмъ не касается съ кѣмъ я вожусь.

— Да, касаться-то оно пожалуй что не касается, а по человечеству, по-сосѣдски васъ жалко, право жалко.

Висленевъ улыбулся и, заваривъ чай изъ только что поданнаго самовара, спросилъ:

— Какія же вы предвидите для меня опасности отъ „нигилисточекъ“?

— Большая, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, очень большія—женять.

— Ну вотъ!

— Чего „вотъ“, право, клянусь Патрикомъ, женять, а мнѣ васъ жалко.... каковъ ни есть, все сосѣдъ по имѣнію, вмѣстѣ чай пьемъ!

— Вотъ видите какъ вы заблуждаетесь! Ванскокъ сама первостатейный врагъ брака.

— Это, отецъ Иосафъ, все равно, врагъ, врагъ, а къ чему дѣло придетъ, и черезъ нее женитесь; а вы лучше вотъ что: ко мнѣ опять сваха Федориха заходила....

— Ахъ, оставьте, Меридіановъ, это даже и въ шутку глупо!

— Нѣтъ-съ, вы позвольте, ова уже теперь не кулчуху предлагаетъ, а княжескую фаворитку, танцовщицу..... Меридіановъ сильно жаль Висленева за руку. — Завиль:—только перефранчаться и не видать ее, и за то одну пятнадцать тысячъ! Это не худая статья, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, не худая!

— Ну, вотъ вы и женитесь.

— Не могу, отецъ, радъ бы, да не могу, рыломъ не вышель, а изъ простыхъ свиней, изъ кутейниковъ, а нуженъ изъ цуцкихъ, столбовой дворянинъ, какъ вы. Не дремите, государь мой, берите пятнадцать тысячъ, пока нигилисточки даромъ не окрутили. На пятнадцать тысячъ можно газету завести, да еще какою.... у-у-хъ!

— Отойди отъ меня сатана! отшутился Висленевъ, для котораго мысль о своей собственной газетѣ всегда составляла отраднѣйшую и усладительнѣйшую мечту.

— Чего сатана, а я бы вамъ сталъ какіе фізоны строчить, просто bon Dieu обороны! Я вотъ нынче что соорудилъ. Вотъ послушайте-ка, началъ онъ, вытаскивая изъ кармана переломленную пололамъ четвертушку бумаги. Хотите слушать?

— Пожалуй, отвѣчалъ равнодушно Висленевъ.

Феоктистъ Меридіановъ прищурился, тихо крикнулъ и нетерпѣливо оглянувшись по комнаткѣ, заговорилъ:

— Идетъ, видите ли, экзамень, ребятишекъ въ приходское училище привимають, и предстоитъ, видите, ѣтакая морда, обрубокъ мальчуганъ Савоська, котораго на каникулахъ приготовилъ медицинскій студентъ Чортовъ.

— Гмъ! Фамилія недурна!

— Да, и съ направлениемъ, понимаете?

— Понимаю.

— Ну, слушайте же, и Меридіановъ, кряхтя и щурясь, зачиталъ сквернымъ глухимъ баскомъ.

„— Читать умѣешь! волпросилъ Савоську долоухій ледаготъ.

„— Ну-ка-о! отвѣчалъ съ презрѣнiемъ бойкiй малецъ.

„— И писать обучень?

„— Эвоо! еще смѣше отвѣтилъ Савоська.

„— А законъ Божiй знаешь? встрѣлъ поль.

„— Да коего лиха тамъ знать-то! гордо, презрительно, гнѣвно, закинувъ вверхъ голову, рыкнулъ мальчуганъ, въ воображенiи котораго въ это время мелькнуло насмѣшливое, провинчески - честно - злобное лицо приготовлявшаго его студента Чортова.“

— Чтѣ хорошо? Можете вы этакую штуку провести въ своей серьезной статьѣ, или нѣтъ?

Но прежде чѣмъ Висленевъ что-нибудь отвѣтилъ своему собесѣднику, слышался тихiй стукъ въ дверь, причемъ Меридiановъ быстро спряталъ въ карманъ рукопись и сказалъ: „вотъ такъ у васъ всегда“, а Висленевъ громко крикнулъ: взойдите!

Дверь растворилась и въ комнату предсталъ довольно скромно, но съ иголочки одѣтый въ чистое платье Гордановъ.

Висленевъ немного смѣшался, но Павелъ Николаевичъ протянулъ ему братски руки и заговорилъ съ нимъ на ты. Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ мирно за столомъ и велъ съ Висленевымъ дружескiй разговоръ о литературѣ и о литературныхъ людяхъ, безпрестанно вовлекая въ бесѣду и Меридiанова, который, впрочемъ, все кряхтѣлъ и старался отмалчиваться. Не теряя напрасно времени, Гордановъ перешелъ и къ содержанiю бумагъ присланныхъ имъ Висленеву чрезъ Ванюшкѣ.

— Бумажки интересныя, отвѣчалъ Висленевъ,—и по нимъ бы кое-что очень хлесткое можно написать.

— Я затѣмъ ихъ къ тебѣ и прислалъ, отвѣчалъ Гордановъ.—Я знаю что у меня они проваляются даромъ, а ты изъ нихъ можешь выкроить пользу и себѣ и дѣлу.

Висленеву эта похвала очень нравилась особенно тѣмъ что была выражена въ присутствiи Меридiанова, но онъ не полагался на успѣхъ по „независящимъ обстоятельствамъ“.

— Чтѣ же, теперь вѣдь цензуры нѣтъ, говорилъ простодушно Гордановъ.

— Мало что цензуры нѣтъ, да есть другiя, братъ, грозы.

— За то есть судъ и на грозу.

— Да ищи того суда какъ Франклина въ морѣ: по суду-то на сто рублей штрафуютъ, а безъ суда на пять тысячъ на-

кажутъ, какъ лить дадутъ. Нѣтъ, еслибы это написать, да за границей напечатать.

— И то можно, отвѣтилъ Гордановъ.

— Если только есть способы?

Гордановъ сказалъ чтобы Висленевъ объ этомъ не заботился, что способы будутъ къ его услугамъ, что онъ, Гордановъ, самъ переведетъ сочиненіе Висленева на польскій языкъ и самъ пристроитъ его въ заграничную польскую газету.

Затѣмъ Павелъ Николаевичъ еще побесѣдовалъ привѣтно съ Висленевымъ и съ Меридіановымъ и простился.

— А ничего это что я говорю при этомъ лоботрясъ? спросилъ онъ у Висленева, когда тотъ провожалъ его по корридору.

— Это ты о Меридіановѣ-то?

— Да.

— Полно пожалуйста, это дремучій семивариетъ, въ которомъ ненависть-то, какъ старый блинъ зачерствѣла.

— Да, чортъ ихъ нынче разберетъ, они всѣ теперь ненавистники и всѣ мастера на всѣ руки, отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, этотъ не такой.

— А мнѣ онъ не нравится; знаешь, слушкомъ молчаливъ и изъ подлобыя смотреть. А впрочемъ это твое дѣло, я говорилъ *у тебя*.

— Понимаю и принимаю всю отвѣтственность на себя, будь совершенно покоенъ.

— Ну, и прекрасно.

И съ этимъ Гордановъ ушелъ.

— А мнѣ сей субъектъ прелютивень, сказалъ Висленеву въ свою очередь Меридіановъ, когда Висленевъ, проводивъ Горданова, вернулся въ свой дортуаръ.

— Чѣмъ онъ вамъ не хорошъ?

— Очень хорошъ, совсѣмъ даже до самаго дна маслявъ. За чѣмъ это онъ постучалъ прежде чѣмъ войти?

— Такъ водится, чтобы не обезпокоить.

— Да; и вамъ вотъ это небось нравится, а меня отъ такихъ финти-фантовъ тошнить. Прощайте, я пойду къ Трифандосу въ кухмистерскую, съ Бабиневичемъ шары покатаю.

— Прощайте.

— А вы олять сочинять?

— Да.

— А Федорихъ что же сказать; нужны вамъ пятнадцать тысячъ или не нужны?

— Да, вы что же это, не шутите?

— Ни мало не шучу.

— Ну, такъ я вамъ скажу что я вамъ удивляюсь, что вы мнѣ это говорите, я никогда себя не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя, и на княжескихъ любовницахъ жениться неспособенъ.

Меридіановъ „презрительно-гордо“ пожалъ плечами и сказалъ:—а я вамъ удивляюсь и говорю вамъ что будете вы, сэръ, кусать локоть, клянусь Патрикомъ, будете, да не достанете. Бабиневичъ вѣдь, только ему объ этомъ сказать, сейчасъ хватить, а онъ вѣдь тоже изъ дворянъ.

— Сдѣлайте милость, оставьте меня съ этимъ.

— Сдѣлаемъ вамъ эту милость и оставимъ васъ, отвѣчалъ Меридіановъ, и не прощаясь съ Висленевымъ, зашагала своими кимерскими туфлями.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(До слѣд. №)

УЧЕНИЕ КАКЪ ОНО У НАСЪ ЕСТЬ

И

КАКЪ ДОЛЖНО БЫТЬ.

Въ русскомъ характерѣ есть одна особенность, которая, къ прискорбію, доселѣ весьма ярко выказывается въ продолженіе всей русской исторіи. Эта особенность есть излишняя заботливость о формѣ, поставленіе формы выше содержанія, важнѣе внутренняго существа дѣла. Въ древней Руси вся жизнь народа сосредоточилась въ обрядѣ: обрядъ обуславливалъ нравственность, обрядъ заслонялъ собою человѣка. Одно изъ важнѣйшихъ явленій древней русской внутренней жизни, расколъ, подъ вліяніемъ этой особенности, переродился въ споры о томъ, два ли, или три раза надо пѣть „аллилуія“ и т. п. Петръ Великій совершилъ безпримѣрныя преобразованія въ русской жизни; онъ коснулся всѣхъ ея сторонъ, не оставивъ ничего не тронутымъ, но и эти усилія были обращены болѣе на форму чѣмъ на содержаніе: сущность русской жизни осталась почти та же, измѣнилась ея внѣшняя сторона. Нынѣшнее царствованіе исполнено великихъ дѣлъ: во всѣ сферы жизни проводятся самыя гуманныя, самыя просвѣщенныя идеи; тысячелѣтній опытъ всѣхъ образованныхъ государствъ даетъ основанія на которыхъ устриваются новые порядки. Но едва преобразование совершится, едва новыя идеи начнутъ дѣйствовать, какъ вдругъ, незамѣтно для самихъ дѣла-

телей, является формалистика, и живое дѣло приотстаивается. Оставляя другія сферы жизни, я коснусь въ этой статьѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и постараюсь показать въ чемъ состоитъ наше ученіе.

Какая цѣль ученія? Разсматривая всю обстановку нашего учебнаго дѣла, всякій легко увидитъ что цѣлью ученія у насъ поставлено сообщеніе *знаній*. Распоряжающаяся правительственная власть точно обозначаетъ чѣмъ ученикъ долженъ *узнать* въ каждомъ классѣ; въ подробныхъ программахъ перечислены всѣ мелкіе отдѣлы, даже частные вопросы которые училище дастъ ученику возможность *узнать*. Самы воспитатели и учителя всѣ старанія свои, всю заботливосгь обращаютъ на то чтобъ облегчить ученику возможность *узнать* преподаваемое и чтобъ онъ *узналъ* какъ можно больше. Если ученикъ *не знаетъ* какого-нибудь отдѣла изъ преподаваемаго въ теченіе года, то его считаютъ неспособнымъ перейти въ высшій классъ и продолжать курсъ ученія. Если у родителей есть хоть какія-нибудь средства, то они непременно приглашаютъ репетиторовъ, которые помогаютъ ихъ дѣтямъ *узнать* требуемое. Во время экзаменовъ это репетиторство принимаетъ огромные размѣры, и родители считаютъ себя вполне удовлетворенными, если сынъ ихъ на экзаменѣ покажетъ что онъ *знаетъ* то чѣмъ у него спросили. Такимъ образомъ и власть, руководящая воспитаніемъ, и дѣятели въ воспитаніи, и все общество, и ученики, всѣ имѣютъ цѣлью при ученіи—*знаніе*. На знаніе обращено все вниманіе, къ доставленію знанія стремятся всѣ усилія, клонятся всѣ старанія.

Остановимся на этомъ. Чтѣ такое знаніе? Знаніемъ должно назвать такое понятіе которое сдѣлалось собственностью моей души, которымъ я могу пользоваться во всякую минуту моей жизни, которое участвуетъ въ образованіи моего характера, моего взгляда на міръ. Мальчикъ знаетъ расположеніе своей квартиры, и онъ въ темнотѣ переходитъ изъ комнаты въ комнату, прямо направляясь къ тому мѣсту гдѣ дверь, обходя то мѣсто гдѣ выдвинулся уголъ лѣчки. Я знаю какое-нибудь лицо, и при его имени мнѣ во всякое время представляется извѣстная личность съ опредѣленными качествами, достоинствами и недостатками, по которымъ я опредѣляю свои отношенія къ этому лицу. Знанія которыя приняты всѣми способностями души ученика и сдѣлались его собственностью вошли въ составъ его взгляда на міръ, его пониманія отноше-

ній ко всѣмъ и ко всему что его окружаетъ, такія знанія въ высшей степени желательны: обогащая душу, они даютъ лицу всѣмъ ея способностямъ и могущественно содѣйствуютъ ея развитію. Но какъ пріобрѣтаются такія знанія? Для этого есть единственный путь, долгое сближеніе съ предметомъ. Мальчикъ проживетъ два мѣсяца въ квартирѣ, вотъ онъ и узнаетъ ее; мы долго имѣемъ частыя сношенія съ человѣкомъ, и вотъ черезъ годъ или два мы знаемъ его. То же самое и въ учебномъ и въ ученомъ мѣрѣ: если я хочу узнать какой-нибудь отдѣлъ науки, я долго и долго имъ занимаюсь. Чѣмъ больше употреблю я времени и стараній на разсмотрѣніе предмета моего ученія, тѣмъ я лучше узнаю его. Никто не знаетъ науки на первый годъ занятія ею: только годы ученія даютъ человѣку возможность овладѣть ею. Мнѣ кажется, положеніе это, что только время даетъ знаніе, такъ очевидно что нечего на немъ и останавливаться: съ нимъ нельзя не согласиться. Но примѣнивъ его къ класснымъ занятіямъ, мы увидимъ что единственно возможный путь къ пріобрѣтенію знаній—невозможенъ въ нашей школѣ. У насъ въ самомъ маленькомъ классѣ, въ 10 и 11ти-лѣтнемъ возрастѣ, уже 7 предметовъ; въ другихъ классахъ число предметовъ увеличивается; такъ что ученикъ въ годъ долженъ пріобрѣсти массу знаній, заключающуюся въ 7 книгахъ для перваго класса и доходящую до 20 и 30 въ седьмомъ. Притомъ книги эти учебныя, и следовательно въ нихъ очень сжато и кратко изложены факты и число этихъ фактовъ такимъ образомъ достигаетъ громадной цифры. Всякій фактъ только промелькнетъ предъ умомъ ученика и сейчасъ же надо переходить къ другому, третьему и такъ далѣе безъ конца. Остановиться на фактѣ, свыкнуться съ нимъ, положительно невозможно. Итакъ, единственно возможное средство пріобрѣтать знаніе оказывается недоступнымъ для нашей школы: знаній въ истинномъ значеніи этого слова пріобрѣсти въ ней нельзя. Если мы прибавимъ къ этому недостаточность средствъ всякой школы чтобы представить налицо предъ ученикомъ всякій предметъ о которомъ онъ пріобрѣтаетъ знаніе, чтобы воспроизвести предъ нимъ всѣ явленія о которыхъ говорится, если припомнимъ что въ школахъ всѣ собранія предметовъ — музеи, кабинеты, коллекціи, не могутъ быть въ такомъ цвѣтущемъ состояніи какого требуетъ правильное изученіе научнаго предмета, тогда понятно станетъ что пріобрѣтеніе большой массы знаній

не есть дѣло школы. Но есть причина, еще болѣе серьезная, вслѣдствіе которой пріобрѣтеніе знаній вообще не можетъ быть цѣлю школы: учащійся въ школѣ находится еще въ дѣтскомъ возрастѣ, по этому не всѣ еще его способности пришли въ нормальное развитіе; нѣкоторыя еще вовсе не дѣйствуютъ у него, нѣкоторыя только еще начинаютъ заявлять себя; онъ еще неспособенъ къ сильному отвлеченію. Когда знаніе принимается его душой, то оно принимается только тѣми способностями души которыя дѣйствуютъ въ извѣстномъ возрастѣ; дѣлаясь достояніемъ души, оно принимаетъ въ ней неправильную, совершенно своеобразную форму, и такимъ образомъ сообщаетъ ей невѣрныя понятія и невѣрный взглядъ на міръ. Сколько видимъ мы примѣровъ какъ молодые люди пришли къ самымъ дикимъ убѣжденіямъ только вслѣдствіе того что слишкомъ рано стали пріобрѣтать знанія, что имъ стали давать полное отвлеченіе когда ихъ способность отвлеченія еще не вполне развилась! Повемногу стали требовать не истинныхъ знаній, о которыхъ мы говорили, а того чтобъ ученикъ въ данную минуту, въ тотъ день въ который заданъ урокъ объ извѣстномъ предметѣ, или въ день экзамена—могъ на какой-нибудь вопросъ, предложенный учителемъ или экзаменаторомъ, хорошо повторить то что составляетъ знаніе о предметѣ. Какъ эти слова приняты душой ученика, какъ они улеглись въ ней, до того нѣтъ дѣла; нужно только чтобы ученикъ *сказалъ* ихъ. Не правда ли что требуется только форма знанія, а не самое знаніе? По общему убѣжденію чуть не всѣхъ и каждого въ Россіи, предъ экзаменомъ необходимо дать время для приготовленія: * не значитъ ли это что, по общему признанію, ученики не усваиваютъ себя преподаваемыхъ имъ знаній. Ибо знаніе есть нераздѣльная собственность души, постоянно ей присущая, съ которою она не можетъ разстаться ни на минуту. Какъ приготовляться показать знанія которыя имѣю? Если это знанія, то они всегда со мною, и я всякую минуту могу ихъ показать. Съ другой стороны, какъ можно пріобрѣсти знанія по цѣлой наукѣ въ три или четыре дня? Не ясно ли что тутъ все только одна форма? Какъ главное орудіе формальнаго исполненія требованій закона выдвинута впередъ память.

* Въ Лицеѣ Цесаревича Николая не дается времени для приготовленія къ экзаменамъ. Ред.

Ученики стараются памятью удерживать всѣ предписанные факты, но какъ? Будда, Диверпуалъ, Маккавен и тысячи другихъ именъ только схватываются памятью, и вся забота ученика состоитъ въ томъ чтобы не сказать что Будда есть „богатѣйшій портовый городъ, имѣющій торговыя сношенія со всѣми странами міра“. Правда, часть урока исторіи обыкновенно назначается на разказъ. Но и въ этомъ „разказѣ“ такъ много фактовъ, такъ много долженъ представить учитель такъ-называемыхъ картинъ, такъ быстро слѣдуютъ эти картины одна за другою, что было бы совершенно нераціонально ожидать что онѣ вѣдутся въ умъ ученика и дадутъ ему ясное представленіе о томъ что онъ долженъ выучить. Прибавьте къ этому что учитель не имѣетъ никакой возможности повторить свой разказъ: онъ долженъ пройти съ учениками цѣлую книгу: разказавши разъ урокъ, онъ на слѣдующій классъ долженъ разказывать дальше, во время повторенія онъ только спрашиваетъ, и въ продолженіе всего курса ни одинъ разказъ не повторяется предъ ученикомъ: во все прочее время сжатый текстъ учебника замѣняетъ все для ученика. Положимъ, учитель разказываетъ ученикамъ Пелопоннесскую войну; положимъ, онъ въ оживленной картинѣ представилъ ученикамъ и солерничество Спарты и Аѣинъ, и личности Перикла, Бразида, Никія, Алкивіада и многихъ еще другихъ; положимъ, онъ далъ ученикамъ нѣкоторое представленіе объ этомъ великомъ событіи, разумѣется, на сколько это возможно въ полчаса времени остающіеся ему въ урокъ для разказа. На слѣдующій классъ онъ спрашиваетъ учениковъ о Пелопоннесской войнѣ. Ученики ему передаютъ то что находится въ учебникѣ и что припомнили изъ его разказа. Учитель не имѣетъ возможности оживить предъ вами свой вчерашній разказъ: во первыхъ, ему должно провѣрить что и какъ приготовили ученики къ классу; онъ долженъ постоянно знать какъ они готовятъ уроки, и одна половина урока назначается именно на это. Въ вторыхъ, онъ долженъ объявить новый урокъ, и остальные полчаса назначаются на дальнѣйшій разказъ: тутъ являются Оивацы, возстаніе побѣжденной партіи, личности Агезилая, Эламцнонда, Пелопида. На слѣдующій классъ новыя событія, новыя личности, Македонія, Филиппъ, Демосѣенъ и т. д. безъ конца. Не ясно ли что всѣ эти личности и событія только промелькнутъ предъ ученикомъ, и если что-нибудь и будетъ удержано имъ, то не иначе

какъ памятью? Черезъ мѣсяць назначается повтореніе: учитель старается спросить всѣхъ учениковъ и все пройденное изъ предмета. Разумѣется, тутъ и помилку быть не можетъ о томъ что было разказано; учитель по необходимости долженъ ограничиться тѣмъ что напечатано въ учебникѣ. Послѣ повторенія опять идти впередъ; опять разказа о новыхъ личностяхъ, о новыхъ событіяхъ, о новыхъ эпохахъ; наконецъ на экзаменѣ спрашивается вся древняя исторія. Неужели можно тутъ ожидать многого представленія о событіяхъ и личностяхъ? Не должно ли очестъ того ученика отличнымъ который только удержитъ памятью все то что заключается въ учебникѣ? На слѣдующій годъ тотъ же процессъ совершается съ среднею исторіей, а о древней некогда и вспомнить. Далѣе новая исторія, а еще годъ нѣтъ и помилку о древней и средней. Потому на выходномъ экзаменѣ спрашивается вся исторія, и древняя, и средняя, и новая, и новѣйшая. Можно ли ожидать что ученикъ принесетъ „знанія“ на экзаменѣ? Можно ли ожидать что ученикъ разкажетъ что-нибудь прочувствованное и продуманное, а не удержанное механическою работою памяти?

Такимъ образомъ мысль законодателя исполнена у насъ только по формѣ. Омъ хотѣлъ, обогативъ душу знаніями, развить ее и возвысить; мы оставляемъ душу въ локобъ, и имѣемъ дѣло съ одною памятью. Развиваемъ ли мы по крайней мѣрѣ память? Развить память значитъ приучить ее по первому требованію передавать душѣ все удержанное, такъ сблизить память съ высшими способностями чтобы всякій фактъ ею удержанный былъ достояніемъ души. Для этого при ученіи необходимо обращать несравненно больше вниманія на сближеніе памяти съ душою нежели на усвоеніе фактовъ. Усвоенное должно быть удерживаемо посредствомъ повтореній и перерабатываемо посредствомъ разныхъ сочетаній и примѣненій. Мы же, совершенно напротивъ, отрываемъ память отъ прочихъ способностей и вывертываемъ ее самое наизнанку. Ученикъ выноситъ изъ школы привычку скоро приготавливать уроки, очень скоро приготавливаться къ экзамену и еще скорѣе забывать все выученное. Мы совершенно извращаемъ и всю душу ученика и самую память его. Того что обыкновенно называется знаніемъ ученикъ не приобретаетъ; если подъ памятью разумѣть способность твердо удерживать усвоенное, то эта способность бываетъ слабѣе при выходѣ изъ

школы чѣмъ при вступленіи въ нее; развивается только способность машинально повторять сегодня одни, завтра другія чужія слова. Если случится такому ученику прочесть какую-нибудь серьезную книгу, то онъ легко удержитъ изъ нея нѣсколько словъ, фразъ и выраженій, и вслѣдствіе неправильнаго ученія, будете убѣждены что знаетъ и понимаетъ то что прочелъ. Уже много лѣтъ мы имѣемъ печальную возможность наблюдать какіе прекрасные плоды происходятъ отъ такихъ знаній!

Предположимъ что ученикъ исполнилъ всѣ требованія нашихъ программъ, что онъ въ день экзамена твердо помнитъ всѣ факты написанные въ учебной книгѣ по предмету экзамена, что онъ во всѣ дни экзамена при каждомъ собственномъ имени, при каждомъ техническомъ терминѣ говорилъ экзаменаторамъ все то что сказано въ учебникѣ при этихъ именахъ и терминахъ. Предположимъ даже невозможное: что ученикъ можетъ повторять слова учебника не только въ два экзамена, но и послѣ, даже всю жизнь. Значитъ ли это что ученикъ развитъ? Развѣ мы назовемъ развитымъ того лущинского офицера который зналъ наизусть всѣ овяты? Можно ли, по крайней мѣрѣ, сказать что нашъ ученикъ привыкъ къ серьезной умственной работѣ? И того сказать нельзя: потому что въ отвѣтахъ его мы видимъ работу памяти, и не знаемъ на сколько въ этой работѣ участвовала его душа. Если въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оканчиваютъ курсъ иныя молодые люди правильно развитые, то они обязаны своимъ развитіемъ никакъ не нашему ученію, а другимъ причинамъ. Такъ, часто личность дѣятельнаго учителя парализуетъ недостатки системы нашего ученія и можетъ весьма благотворно подѣйствовать на ученика; далѣе, обращеніе съ товарищами можетъ сильно вліять и въ хорошую и въ дурную сторону: если заведеніе хорошо поставлено, то короче вліяніе товарищества бываетъ очень замѣтно; природа ученика, сама по себѣ наклонная къ умственному труду, нерѣдко выходитъ побѣдительницей изъ этой борьбы противъ подчиненія всѣхъ способностей памяти; наконецъ чтеніе, къ которому такъ часто пристращаются ученики, иногда приводитъ къ правильному мышленію и обогащаетъ душу кое-какими познаніями. Но всѣ эти средства развитія и случайны и слабы. Вопервыхъ, когда ученикъ дѣйствуетъ только по указанію другихъ, и умъ его остается безъ самостоятельной работы, то можетъ ли онъ развиваться какъ слѣдуетъ? Ни одно

изъ упомянутыхъ средствъ развитія не требуетъ труда, напротивъ всѣ они соединены съ удовольствіемъ. Эта легкость съ которою пріобрѣтаетъ ученикъ все то что развиваетъ его душу поселяетъ въ душѣ ученика совершенно превратныя понятія объ ученіи, о знаніи. Особенно сильна эта вредная сторона въ чтеніи, къ которому не только сильно стремятся ученики, но и сами воспитатели имѣютъ пристрастіе. Но чтеніе большею частію совершается безъ руководителя: ученикъ читаетъ и ту книгу которую дастъ ему учитель завѣдывающій библиотекой, и ту которую достанетъ отъ своего пріятеля. Читаетъ онъ только тѣ книги которыя доставляютъ ему удовольствіе. „Это очень скучно“, говоритъ онъ о не нравящейся ему книгѣ и откладываетъ ее въ сторону. Изъ этого пріятнаго чтенія онъ выводитъ знанія которыя удовлетворяютъ его никакъ не меньше тѣхъ какія онъ пріобрѣтаетъ противуестественнымъ напряженіемъ памяти: есть ли возможность ожидать что онъ оставитъ это пріятное и по его понятію въ высшей степени полезное занятіе и обратится къ труду серьезному и медленному? Такое чтеніе отучаетъ отъ серьезнаго и медленнаго труда. Потому что легкое и пріятное средство пріобрѣтенія знаній уничтожаетъ въ ученикѣ уваженіе къ знанію, а слѣдовательно и къ наукѣ. И дѣйствительно, за что уважать знаніе, если оно пріобрѣтается такъ легко и съ такимъ комфортомъ? Многолѣтніе труды для пріобрѣтенія знаній въ глазахъ ученика много читающаго никакъ не могутъ быть признаками сильной энергической души и высокоразвитыхъ дарованій, они въ глазахъ его скорѣе доказательства бездарности: человѣкъ двадцать лѣтъ сидитъ надъ пріобрѣтеніемъ знаній по одному предмету, тогда какъ самъ ученикъ узналъ такъ много въ короткое время! Отсюда развивается вредное самомнѣніе, и молодой читатель сейчасъ обзываетъ всякаго серьезнаго человѣка отсталымъ, а если приходится, то и тулоумнымъ, точь въ точь какъ обозвалъ Токвиля Чернышевскій, котораго недавно многіе читали за поемъ. Притомъ знанія пріобрѣтаемые черезъ чтеніе все-таки не суть истинныя знанія, все-таки они не прочувствованы, не продуманы, не переработаны, все-таки они не вошли въ составъ души ученика; они пришлыя, случайныя и потому часто слагаются въ такія убѣжденія что нельзя на нихъ довольно надивиться. Послѣдній десятокъ лѣтъ едва ли чтеніе не

причинило нашей учащейся молодежи гораздо болѣе вреда нежели принесло пользы.

Еслибы у насъ было правильное ученіе; еслибы оно имѣло въ виду выработку ума; еслибы ученикъ, постоянно дѣйствуя самостоятельно умомъ, самъ одолевалъ трудности и сознательно шелъ впередъ,—эти явленія были бы только исключеніемъ. Дѣйствовать высшими способностями души, умомъ любѣждать трудности—и пріятно и сообразно природѣ человѣка; правильное ученіе имѣетъ такое могущественное вліяніе на душу, что всѣ другія вліянія исчезаютъ предъ нимъ, и только тогда имѣютъ значеніе когда дѣйствуютъ съ нимъ заодно. Но наша система ученія противна природѣ человѣка, и потому ученикъ постоянно старается уклониться отъ ученія, и вся дѣятельность воспитателей состоитъ въ томъ чтобы заставить ученика учиться: для этого употребляются всякія средства, болѣею частью внѣшнія, а иногда и такія которыя возбуждаютъ въ душѣ ребенка вредныя инстинкты. Впрочемъ это другой вопросъ. Посмотрите во что обратилось наше ученіе. Ни одинъ ученикъ не одолеваетъ всего что ему разказано: многое онъ забылъ, кое-что перелугалъ. Что ему дѣлать? Забытаго возстановить нельзя, если его нѣтъ въ учебникѣ. Въ такомъ положеніи онъ дѣлаетъ одно изъ двухъ: или просто оставляетъ то что забылъ, и ничего не дѣлаетъ, или твердо выучиваетъ то что есть въ учебникѣ. На слѣдующій классъ учитель видитъ что говоренное имъ не вполне сознано учениками. На первый разъ онъ, можетъ-быть, остановится еще разъ на томъ что уже говорилъ, но потомъ онъ увидитъ что если такъ будетъ останавливаться на всемъ не ясно сознаннымъ учениками, то онъ учебника своего никогда не кончитъ, а кончить его и именно въ этотъ учебный годъ, онъ необходимо обязанъ. Взыскать съ учениковъ не ясно понявшихъ сказанное имъ въ прошедшій классъ онъ не можетъ, потому что въ этомъ они не виноваты. Дѣло наконецъ самою необходимостью приводится къ тому что онъ рѣшается неуклонно требовать отъ учениковъ того что напечатано въ учебникѣ, а объясненія свои предлагаетъ для того чтобы каждый изъ учениковъ воспользовался ими настолько насколько позволятъ ему его способности. Ученики съ своей стороны не имѣютъ никакихъ средствъ вспомнить то что они забыли или слушали изъ объясненій учителя, а учебникъ у нихъ предъ глазами. Въ обыкновенной жизни память дѣйствуетъ такимъ об-

разомъ что она всякій разъ все сильнѣе удерживаетъ предметъ который часто представляется. Но ученику невозможно этотъ естественный луть: онъ долженъ въ какой-нибудь часъ времени вполнѣ и надолго удержать много, и часто очень много фактовъ. Вотъ ученикъ и начинаетъ насиловать свою память: онъ надрываетъ ее такъ чтобъ она дѣйствовала, не стѣсняемая ничѣмъ, ни умомъ, ни соображеніемъ, а усиленно старается чтобъ она удержала всѣ потребныя къ завтрашнему дню факты со многими техническими терминами, часто чуждыми его уху, со многими собственными именами, взятыми изъ всѣхъ языковъ земнаго шара; факты изъ міра совершенно ему незнакомаго, никогда имъ не виданныя и не слышанные: разказъ о нихъ учителя въ прошедшій классъ не могъ же его такъ сблизить съ ними чтобъ они сдѣлались для него не совсѣмъ чужими. Наконецъ ученикъ достигъ своей цѣли, память его одолѣла все что есть въ урокъ. Тогда ученикъ беретъ другой учебникъ, совсѣмъ изъ другаго міра, съ фактами, терминами, именами совершенно другаго характера нежели только-что выученные имъ. И съ этимъ учебникомъ та же работа. Затѣмъ онъ беретъ третій учебникъ, и съ нимъ та же работа. Потомъ четвертый, и опять то же. Три дня въ недѣлю онъ долженъ взять и пятый. На эту работу ученикъ долженъ употребить много времени: вся остальная отъ классовъ часть дня невидимо уходитъ у него на это. Какое же вліяніе можетъ имѣть на душу ученика одинъ день проведенный въ такой работѣ? Вопервыхъ, эта работа противуестественна, а слѣдовательно неприятна: отъ того-то у насъ такъ рѣдко, ужасно рѣдко, встрѣчаются ученики любящіе учение; всѣхъ, или почти всѣхъ надо заставлять учиться. Вовторыхъ, эта работа имѣетъ безплодную, ни къ чему не ведущую цѣль, и слѣдовательно приучаетъ ученика не видѣть цѣли въ работѣ и довольствоваться такими пустыми результатами, какими учащійся никакъ не можетъ удовлетворяться. Наконецъ, занимаемая цѣлный день ученика, она лишаетъ его возможности даже и узнать въ чемъ состоитъ истинная работа.

Я знаю что въ ученіи необходимо усиленное развитіе памяти; гораздо большее развитіе нежели какое требуется въ обыкновенной жизни. Память есть лучшій слуга ума, умъ только и можетъ дѣйствовать при содѣйствіи памяти. Совершенно несправедливо говорить и дѣйствуютъ тѣ педагоги которые вовсе изгоняютъ изъ школы разучиваніе на память и закли-

мили его обиднымъ названіемъ зубренія? оно необходимо въ ученія, безъ зубренія ученіе будетъ не полно. Но оно должно быть осмыслено. Вопервыхъ, оно никакъ не можетъ быть единственнымъ занятіемъ; оно должно занимать только весьма небольшую часть времени,* а остальное все должно быть посвящено на самостоятельную дѣятельность высшихъ способностей души; только эта самостоятельная дѣятельность высшихъ способностей души и можетъ назваться ученіемъ. Во вторыхъ, какъ только ученикъ съ такимъ насиліемъ памяти выучить что-нибудь (то-есть отзубрить), сейчасъ же уму его должна быть назначена такая работа которая не можетъ быть исполнена безъ знанія того что отзубрено не только вчера, но и три мѣсяца тому назадъ, въ прошедшемъ году, съ начала курса; такъ чтобы, если ученикъ забылъ что-нибудь изъ этого, то долженъ бы былъ взять книгу и справиться. И все ученіе преимущественно должно состоять изъ такой работы. Тогда ученикъ ясно увидитъ что зубреніе не есть простое прелрождение времени, что оно нужно не для того только чтобы завтра, если спросить учитель, твердо повторить отзубренную страницу и потомъ забыть впредь до повторенія или до экзамена; но что оно ему необходимо для работы, для ученія, что оно помогаетъ ему учиться. Память явится у него слугою ума, представляя ему факты, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ какъ главный распорядитель и хозяинъ. Сознанная необходимость учить многое на память покажетъ ему что ученіе не есть развлеченіе и потѣха, а работа трудная, утомительная, часто неприятная; можетъ-быть въ послѣдствіи ему не придетъ въ голову видѣть въ наукѣ, въ ученіи какое-то потѣшное зрѣлище и хлопать профессору за то что онъ доставилъ ему удовольствіе своею лекціей.

Я знаю что есть предметы которые такъ счастливо поставлены въ нашихъ училищахъ, что учитель можетъ избѣгать этого гнета формальности; знаю также что есть учителя и самыхъ несчастныхъ предметовъ, которые стараются внести въ свое преподаваніе истинное ученіе. Такъ ариметика заключается въ очень небольшой книжкѣ и пройти ее въ нашихъ гимназіяхъ назначено въ три года, по три урока въ

* При этомъ должно быть дѣлаемо различіе между низшими и высшими классами. Ред.

ведѣю (въ послѣднемъ году прибавляется къ ней очень немногое изъ алгебры). Кромѣ того, въ гимназію поступають ученики отчасти знакомые съ начальными арифметическими свѣдѣніями. Такимъ образомъ учитель имѣетъ полную возможность и останавливаться долго надъ каждымъ отдѣломъ, и постоянно упражнять умъ дѣлая задачи для которыхъ необходимо знаніе всего выученаго прежде. Но другія части математики далеко не такъ счастливы. Въ одномъ году назначено проходить и алгебру, и геометрію, и тригонометрію, такъ что учитель по необходимости изъ трехъ уроковъ, назначенныхъ по уставу на математику, употребляетъ на каждый изъ этихъ предметовъ по одному. Разумѣется, всѣ объясненія его въ классѣ черезъ недѣлю совершенно забудутся учениками, и ихъ ждетъ то же насчаіе памяти!... Древніе языки по своему свойству должны бы были болѣе всѣхъ другихъ предметовъ соответствовать правильному ученію, но и они не устояли противъ нашего стремленія къ формальности. У насъ даже латинскую грамматику спрашиваютъ (впрочемъ не во всѣхъ заведеніяхъ) по билетамъ. Достался маленькому ученику вопросъ: „склоненіе мѣстоименія *hic, haec, hoc*“, про-склонялъ и правъ,—5 ему, упражненій не требуется. Или ученику болѣе взрослому достался билетъ: „сослагательное при относительныхъ“; онъ твердо разказалъ всѣ правила и привелъ по одному примѣру, малечатанному въ учебникѣ, на каждое правило, и опять 5 ему; примѣнять правило при переводѣ съ русскаго на латинскій — лишняя роскошь, даже съ латинскаго на русскій переводять чрезвычайно мало, дабы ученики могли весь переводъ выучить къ экзамену наизусть; требующіяся объясненія формъ и конструкціи ученики даютъ машинально, не дѣйствуя мысленіемъ. Мнѣ случалось видать, у учениковъ очень порядочныхъ, даже кое-что знающихъ, замѣтки для памяти въ текстѣ какого-нибудь писателя, даже труднаго, такого рода: надъ глаголомъ надписано у него *Imperfectum conjunctivi*. Онъ спряженія знаетъ, и замѣтка эта ему совершенно не нужна; но онъ до такой степени привыкъ относиться одною памятью и то къ заданнымъ только страницамъ, такъ не привыкъ обращаться къ своимъ знаніямъ, къ другимъ способностямъ души своей, что ему нужно непременно зазубрить что въ этомъ мѣстѣ, этотъ глаголь поставленъ въ *imperfectum conjunctivi*. И ученикъ приготовив-

шійся по этой системѣ, и въ классѣ при спрашиваніи урока, и на экзаменѣ, когда выдернетъ билетъ, окажется себя прекраснымъ ученикомъ: онъ и доставшуюся ему страницу изъ грамматики разкажетъ съ изумительною твердостью, и написанную на билетѣ главу изъ писателя котораго разбирали въ классѣ переведетъ безъ малѣйшей запинки. Если же учитель захочетъ вести дѣло какъ слѣдуетъ, то его ученики всегда на видѣ проиграютъ: они являютъ въ классѣ съ самостоятельной работой, а самостоятельная работа ученика всегда заключаетъ въ себѣ ошибки, неточности и пр. тому подобное.

И всякая попытка учителя ввести хоть окошко-нибудь содержанія въ эту форму ученія непремѣннымъ слѣдствіемъ должна имѣть менѣе удачное исполненіе того что требуется при спрашиваніи урока и на экзаменѣ.

Это стремленіе обойти въ ученіи всякую работу умомъ, замѣнивъ ее одною памятью, такъ укоренено въ нашемъ обществѣ что несмотря на противодѣйствіе многихъ учителей и воспитателей, расходятся цѣлыми изданіями книжки въ которыхъ объяснено все до чего ученикъ, для своей пользы, долженъ добираться собственнымъ умомъ, такъ что ученику приготовляющему урокъ по такой книжкѣ не придется шевельнуть ни одною умственной способностью: ученики не носятъ этихъ книжекъ въ классъ, чтобы не увидѣлъ строгій учитель, а дома готовятъ по нимъ уроки съ вѣдома родителей. Но заботливымъ родителямъ и этихъ книжекъ мало; и при нихъ все-таки какая-нибудь самостоятельность можетъ-быть останется на долю ученика; ну хоть онъ долженъ самъ выбрать время когда и что ему выучить, долженъ хоть отыскать въ учебникѣ что нужно, долженъ нѣсколько ловкимъ-образомъ слушать слова учителя. Заботливымъ родителямъ все еще кажется что мало облегченъ ихъ сынъ, что все еще ему много достается думать, и они приглашаютъ къ нему репетитора. Тутъ ужъ для ученика исчезаетъ всякій призракъ умственной работы: чуть что-нибудь покажется ему труднымъ, чуть ему представится что-нибудь что потребуетъ съ его стороны какого-нибудь напряженія, онъ отступить предъ этимъ и прибѣгнетъ къ помощи репетитора. Ему остается одна только страдательная и, припомнимъ, совершенно неправильная работа памятью. Едва ли при такихъ занятіяхъ ученика можно хоть сколько-нибудь думать о развитіи спо-

особностей. Неужели такія занятія можно не въ шутку называть ученіемъ? И между тѣмъ все убѣждены что эти занятія ведутъ къ достиженію цѣли ученія. Да и въ самомъ дѣлѣ ученикъ всякій день приготовляетъ уроки, а въ низшихъ классахъ даже и на экзаменѣ хорошо отвѣчаетъ (рѣдко случается чтобы такой ученикъ и въ высшихъ классахъ отвѣчалъ хорошо: тогда онъ уже слишкомъ много отстанетъ отъ товарищей): чего же больше надобно? И трудно выловить обществу что въ этихъ занятіяхъ нѣтъ ни малѣйшей работы способностями, а безъ этой работы не можетъ быть и развитія и что черезъ двѣ недѣли отъ всѣхъ этихъ занятій останется въ памяти лишь нѣсколько словъ.

Обращаемся снова къ ученику приготовляющему свои уроки. Употребивъ много времени, онъ наконецъ выучилъ все назначенныя ему слова во всѣхъ четырехъ или пяти учебникахъ, и съ этимъ является въ классъ. Цѣль къ которой стремится учитель есть та чтобы къ концу академическаго года привести учениковъ въ возможность твердо повторять все то что заключается въ учебникѣ. Ясно что первымъ дѣломъ его въ классѣ должно быть—увѣриться что ученики твердо выучили назначенную часть учебника. Для этого онъ имѣетъ единственное средство — заставить учениковъ поочередно повторять заданное. Спросивши, онъ непременно долженъ отмѣтить какъ ученикъ исполнилъ свою работу, то-есть поставить баллъ, во первыхъ для того чтобы и самому не забыть этого отвѣта и такимъ образомъ оставить въ послѣдствіи мѣткіе объ ученикѣ; а во вторыхъ для того чтобы начальство, даже иногда и родители, могли слѣдить за ученикомъ, и въ случаѣ нерадѣнія и несправности сейчасъ принять мѣры, не давая усиливаться злу. Поэтому учитель долженъ каждаго ученика внимательно выспросить, чтобы не ошибиться какъ-нибудь въ отвѣтѣ занятія его. А учениковъ въ классѣ отъ 80 до 40. Всѣхъ учитель спросить никакъ не успѣетъ; но онъ старается спросить какъ можно больше, чтобы ученикъ подвергался контролю какъ можно чаще. Спрашивая, онъ преимущественно ограничивается учебникомъ и притомъ заданными страницами: ему нѣтъ времени вдаваться во вторичное объясненіе того о чемъ онъ говорилъ въ прошедшій классъ: въ продолженіи этого же урока онъ долженъ еще объяснить новый урокъ. Да притомъ ученикъ легко можетъ забыть что-нибудь изъ его объясненій, что-нибудь изъ прежде пройденнаго,

нельзя же ему ставить за это дурной баллъ, нельзя выставить его предъ начальствомъ и предъ родителями лѣнивымъ и подвергнуть его наказанію. Онъ лѣнивъ не былъ и наказывать его не за что. Дурной баллъ за прежде пройденное до такой степени несправедливъ что въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ постановлено правиломъ ставить баллъ только за то что задано. Такимъ образомъ силой вещей учитель принужденъ первую половину класса, и притомъ значительную половину, употреблять на то чтобы заставлялъ учениковъ одного за другимъ повторять слова учебника. Самъ онъ мало говоритъ, чтобы дать ученику полную возможность выказать то что онъ сдѣлалъ къ классу. Въ это время прочіе ученики должны внимательно слушать то что говоритъ спрошенный. Слособность вниманія есть одна изъ самыхъ серіозныхъ слособностей, ее нужно всѣми силами развивать въ ученикѣ. Мы же съ самаго начала ставимъ мальчика въ такое положеніе что онъ долженъ сосредоточивать свое вниманіе на словахъ надъ которыми онъ вчера долго сидѣлъ и которыя твердо знаетъ. Неужели это естественно? Неужели это не есть новое искаженіе слособностей ученика? Новое требованіе противное природѣ вещей? Вниманіе есть сосредоточеніе всѣхъ силъ, всѣхъ слособностей души на какомъ-нибудь предметѣ. Какимъ же образомъ мальчикъ можетъ сосредоточить свои слособности на словахъ которыя ему извѣстны и которыя товарищъ его говоритъ, можетъ-быть, гораздо хуже нежели онъ самъ можетъ сказать? Истиннаго вниманія тутъ не можетъ быть: тутъ опять только форма вниманія. Ученикъ сидитъ прямо, не положитъ даже локтя на столъ, смотритъ на учителя, не обернется ни въ какую сторону, а слособности его отдыхаютъ. Такимъ образомъ вмѣсто вниманія мы развиваемъ ничего недѣланіе, и легко себѣ представить какъ это полезно. Но форма соблюдена, и мы больше не требуемъ.

Этимъ дѣло не оканчивается. Ученикъ приготовилъ урокъ: на другой день его спросилъ учитель, поставилъ баллъ, и затѣмъ нѣтъ болѣе помину объ этомъ урокѣ; на слѣдующій классъ, и послѣ, цѣлый мѣсяцъ о немъ ни слова. Не естественно ли что ученикъ придетъ къ убѣжденію что урокъ онъ готовить только для того чтобы получить баллъ? Не ясно ли что ученикъ приготовившій свои уроки долженъ сказать, если его спросили: „хорошо что вчера отзубрилъ“; а если не спросили и не поставили балла: „напрасно готовилъ, только

время потерялъ.“ И непременно дойдетъ ученикъ до того что баллъ для него замѣнитъ все въ ученіи; на баллъ онъ обратитъ все свое вниманіе. Все это прямыя слѣдствія, самымъ правильнымъ образомъ вытекающія изъ данныхъ посылокъ. А эти слѣдствія въ свою очередь произведутъ то что если ученикъ по какимъ-нибудь разчетамъ догадается что завтра его не спросятъ, то онъ не будетъ готовить урокъ; если онъ можетъ получить хорошій баллъ какимъ-нибудь другимъ болѣе легкимъ путемъ, а не скучнымъ заучиваніемъ, то онъ изберетъ этотъ путь.

Итакъ, поставивъ форму знанія конечною цѣлью ученія, мы насилуемъ способности учениковъ, а самое ученіе превратили, для учителя, въ спрашиваніе уроковъ, а для учениковъ— въ баллопромышленничество.

Посмотримъ во что обратились наши экзамены.

Прежде всего при назначеніи экзаменовъ ихъ распредѣляютъ такъ чтобъ экзамены одного класса не были не только въ одинъ день, но даже и сряду: это для того чтобы ученики имѣли время приготовиться, и притомъ стараются распредѣлить такъ чтобы по какому предмету учебникъ больше и факты для ученія многочисленнѣе, для такого предмета и времени пришлось бы больше. И это совершенно справедливо: вѣдь ученикъ долженъ выучить къ экзамену учебниковъ десять. А выходной экзаменъ производится изъ всего что проходили въ продолженіе всего курса, такъ что ученики должны отвѣчать даже и тѣ учебники которые учили три и четыре года тому назадъ, и число учебниковъ дойдетъ у нихъ чуть ли не до тридцати. Надо же все это повторить. Но повторить все это, при всей привычкѣ учениковъ къ дѣйствию одною памятью безъ участія другихъ способностей, можно только работая день и ночь. И вотъ начинается эта знаменитая работа приготовленія къ экзамену. Неестественно напрягаетъ ученикъ свою память, удѣляетъ на сонъ и пищу только физически необходимую часть дня и ночи, остальное же время сидитъ надъ учебниками. Около полутора мѣсяца идетъ это страшное напряженіе памяти. Прибавьте къ этому тревожное состояніе души, нервное волненіе въ продолженіе всего этого времени, и можно себя представить какъ оно полезно для учениковъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Настаетъ день экзамена. Вызываютъ ученика. Онъ вынимаетъ наудачу билетъ на которомъ написанъ вопросъ изъ того

предмета по которому происходитъ экзаменъ; припоминаетъ въ какомъ мѣстѣ учебника излагается отвѣтъ на этотъ вопросъ, и болѣе или менѣе отчетливо повторяетъ нѣсколько страницъ изъ учебника. При хорошемъ экзаменѣ, экзаменаторъ не довольствуется этимъ отвѣтомъ ученика и изустно предлагаетъ вопросъ изъ другаго отдѣла предмета. Положимъ что ученикъ и на этотъ вопросъ отвѣчаетъ твердо. Учитель, давъ ученику отвѣтить на столько чтобы видѣть что онъ хорошо выучилъ и эту часть учебника, останавливаетъ его и предлагаетъ еще вопросъ. Увидѣвъ что и этотъ вопросъ выученъ ученикомъ, онъ останавливаетъ его и говоритъ „довольно“. Какое заключеніе, по законамъ логики, можетъ вывести экзаменаторъ изъ того что онъ слышалъ отъ ученика? Не правда ли, только то что ученикъ, ко дню экзамена, твердо и отчетливо выучилъ нѣкоторые отдѣлы учебника? Кромѣ этого ничего нѣтъ въ послылкахъ, слѣдовательно не можетъ быть и въ заключеніи. Но у насъ на экзаменѣ выводится и другое заключеніе. У насъ экзаменаторъ ставитъ ученику 5, а эти пять означаютъ что ученикъ вполнѣ знаетъ предметъ, что онъ очень хорошо развитъ и во всѣхъ отношеніяхъ способенъ продолжать курсъ въ высшихъ классахъ и даже поступить въ высшее учебное заведеніе. Неужели въ самомъ дѣлѣ происшедшее на экзаменѣ даетъ право заключить что-нибудь подобное? Вѣдь ученикъ можетъ не знать цѣлой половины предмета; онъ, можетъ-быть, совершенно не развитъ; можетъ-быть не въ состояніи составить ни одного силлогизма. Положимъ, наоборотъ, ученикъ не могъ твердо и отчетливо повторить соответствующія вопросу страницы учебника, не отвѣтилъ и на изустные вопросы. Заключеніе: онъ ничего не знаетъ изъ предмета, не развитъ и не въ состояніи слушать курсъ высшаго класса. А между тѣмъ ученикъ можетъ въ три дня все это выучить,—и тогда онъ разовьется! Но я взялъ крайности. А если случится такъ что ученикъ разкажетъ все что долженъ разказать, но забудетъ какую-нибудь одну частность; если на частные вопросы экзаменатора разкажетъ бѣольшую часть вѣрно, а кое-что забудетъ, въ такомъ случаѣ на какихъ указаніяхъ долженъ основаться экзаменаторъ чтобъ опредѣлить достоинство ученика? Вѣдь экзаменаторъ не имѣетъ ничего изъ чего могъ бы вывести какое-нибудь заключеніе объ ученикѣ. У насъ поступаютъ такъ: если ученикъ, отвѣчая отлочно не сказалъ чего-нибудь довольно важнаго, то

ему ставить 4, если онъ не знаетъ нѣсколько больше, то 3, еще больше, то 2 и т. д. Что же означаютъ эти 4, 3 или 2? Въ сущности они показываютъ что болѣе или менѣе фактовъ изъ спрошеннаго на экзаменѣ забылъ ученикъ; но такъ какъ мы заботимся только о томъ чтобы строжайшимъ образомъ была сохранена форма ученія, форма экзамена, то у насъ цифры значатъ: 4—что ученикъ прилеженъ, развитъ, способенъ и хорошо знаетъ предметъ, 3 что онъ по развитію своему можетъ быть въ высшемъ классѣ, а 2—что не можетъ. Неужели и тутъ есть логическая связь между послылками и заключеніемъ? Недавно на одномъ экзаменѣ, въ Петербургѣ, въ выпускномъ классѣ, одинъ экзаменаторъ спрашивалъ ученика изъ физики. На какой-то частный вопросъ ученикъ отозвался что у нихъ въ классѣ этого не проходили. Экзаменаторъ, считая статью важною, не повѣрилъ; ученикъ настаивалъ. Тогда экзаменаторъ для рѣшенія обратился къ учителю преподававшему физику въ этомъ классѣ, и спросилъ его проходили ли они этотъ вопросъ? Такимъ образомъ дѣло было поставлено такъ: если учитель скажетъ „проходили“, то ученикъ окажется незнающимъ физики, неразвитымъ и неспособнымъ слушать лекціи въ университетѣ. Если же учитель скажетъ „не проходили“, то этого не окажется. Неужели и тутъ есть смыслъ? Въ развитость, способность ученика нисколько не зависитъ отъ того проходили или не проходили въ классѣ какой-нибудь вопросъ, ученикъ остается такъ же подготовленнымъ что бы ни сказалъ преподаватель физики.

Но главная несостоятельность, главная неразумность нашихъ экзаменовъ состоитъ еще не въ этомъ; она состоитъ въ томъ что всѣ въ Россіи, и экзаменаторы, и учителя, и ученики, и родители, и все общество, однимъ словомъ, всѣ совершенно знаютъ, вполне убѣждены что большая часть того что говорятъ ученики на экзаменахъ приобрѣтена въ послѣдніе три или четыре дня, или много въ послѣднюю недѣлю предъ экзаменомъ, независимо отъ занятій въ продолженіе всего года. Всѣ вполне убѣждены что если отлѣять экзаменъ неожиданно для учениковъ, за двѣ недѣли до назначеннаго дня, то отбѣты будутъ совершенно другіе, и баллы другіе, и переводъ учениковъ совершенно другой. Если, также неожиданно для учениковъ, произвести другой экзаменъ черезъ двѣ недѣли послѣ назначеннаго дня, то опять результаты будутъ совершенно другіе. На чемъ же основывается рѣшительное значеніе бал-

ловъ поставленныхъ на экзаменѣ который производится въ назначенный день? Почему эти послѣдніе три или четыре дня поставлены такъ высоко что они преимущественно служатъ выраженіемъ и прилежанія, и способностей, и знаній ученика? Не ясно ли что это все есть только форма и форма? По поводу того же экзамена въ Петербургѣ, одинъ изъ учителей называлъ педагогическою нецѣлостію тотъ фактъ что ученикъ получившій 4 по предмету физики въ продолженіе года получилъ на экзаменѣ 1. Если ученикъ хорошо зналъ въ продолженіе года, то какъ онъ не знаетъ на экзаменѣ? и наоборотъ: если не зналъ въ продолженіе года, то не можетъ знать и на экзаменѣ. При правильномъ ученіи это совершенно вѣрно. Но при безсодержательности ученія, это явленіе вполне нормальное. Вѣдь отъ ученика на экзаменѣ требовали не знанія физики; потому что какъ ни сильно развито у насъ довольство одною формою, все же оно не можетъ дойти до такой степени чтобы кто-нибудь подумалъ что нашъ ученикъ кончающій курсъ въ гимназіи можетъ *знать физику*. Вѣдь знаніе физики не шутка: надобно много работать, много читать, много передѣлать опытовъ чтобы „знать физику“. Вѣдь это цѣлая наука. Слѣдовательно требовались страницы учебника. Очень легко можетъ случиться что тотъ самый вопросъ который достался ученику на экзаменѣ онъ отлично приготовилъ въ продолженіе года, на примѣръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, былъ спрошенъ и получилъ 5, не только 4. А потомъ, возясь съ тридцатью безъ малаго учебниками, онъ совершенно забылъ его, въ послѣдніе три дня предъ экзаменомъ не выучилъ вновь, и очень легко могъ получить 1. Едва ли проходитъ какой-нибудь экзаменъ чтобы на немъ не случилось чего-нибудь подобнаго. „Мой сынъ приготовится къ экзамену, я возьму ему учителя,“ говоритъ родитель на замѣчаніе что сынъ его небрежно относится къ дѣлу, и вполне убѣжденъ что сынъ его, приготовившись къ экзамену, вполне удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ воспитанія. „Я готовлюсь къ экзамену,“ говоритъ бойкій мальчикъ, надеясь на свою сильно развитую память, и продолжаетъ небрежно учиться. И дѣйствительно, часто случается такъ какъ онъ говоритъ: онъ приготовится къ экзамену, получить переводные баллы, и родители имѣютъ полное право придти въ негодованіе если педагогическому совѣту вздумается оставить такого ученика на другой годъ въ томъ же классѣ. Да и какъ оставить?

Есть у насъ на экзаменахъ одинъ приемъ который отчасти можетъ дать понятіе о степени развитости ученика: это задаваніе сочиненія которое ученики пишутъ тутъ же на экзаменѣ. Но и этотъ приемъ не вполне состоятеленъ. Обыкновенно задается темой или какой-нибудь вопросъ изъ науки, или что-нибудь къ наукамъ не относящееся. Въ первомъ случаѣ ученикъ напишетъ то что узналъ объ этомъ вопросѣ отъ учителя или изъ учебника, и такимъ образомъ выкажетъ свою память, а не развитіе. Во второмъ, тема можетъ случиться (и большею частію случается) такая о которой никогда не думалъ ученикъ. Тутъ, на экзаменѣ, въ тревожномъ состояніи, въ волненіи, онъ въ короткое время долженъ обдумать новый для него вопросъ и изложить его съ тѣмъ что по этому изложенію будетъ рѣшена его участь. Я думаю что далеко не всякій будетъ въ состояніи написать сочиненіе такъ какъ бы онъ написалъ его въ другихъ обстоятельствахъ. И можетъ случиться что какой-нибудь легкомысленный ученикъ, тайкомъ начитавшійся журнальныхъ статей, привыкшій къ фразѣ и вовсе не гонящійся за мыслью, напишетъ нѣсколько легкихъ фразъ, которыя будутъ имѣть наружную связь и выскажутъ кое-что о предметѣ; а ученикъ дѣльный, серьезный, ищущій мысли и не довольствующійся пустою фразой, захочетъ развить мысль, но въ тревожномъ состояніи не вполне сладитъ съ нею, и сочиненіе его выйдетъ значительно хуже перваго. Впрочемъ писаніе сочиненій есть лучшая часть экзамена.

Посмотримъ во что у насъ обратилась оцѣнка учениковъ.

Всякій учитель обязанъ нѣсколько разъ въ годъ представить полную оцѣнку всѣхъ своихъ учениковъ. Оцѣнка эта выражается баллами. Основаніемъ этой оцѣнки служатъ тѣ баллы которые каждый учитель обязанъ ставить ученикамъ при всякомъ спрашиваніи. Учитель старается спросить каждый классъ какъ можно больше учениковъ. Здѣсь подъ словомъ „спросить“ не должно разумѣть частный вопросъ съ которымъ часто учитель обращается то къ тому, то къ другому ученику, для того чтобы видѣть внимателенъ ли онъ къ тому что говорится въ классѣ, и такимъ образомъ заставить учениковъ быть внимательными. „Спросить“ значитъ столько поговорить съ ученикомъ чтобъ убѣдиться что онъ дома готовилъ урокъ и по этому поставить баллъ. Число выставленныхъ балловъ опредѣляетъ сколько учениковъ было спроще-

но. „Меня сегодня не спрашивали“ на языкѣ учениковъ значить „мнѣ сегодня не поставили балла“. Но какъ ни старается учитель спросить много разъ, вслѣдствіе многочисленности учениковъ въ классѣ и краткости времени не успѣваетъ спросить каждаго ученика болѣе двухъ, трехъ, много четырехъ разъ въ мѣсяцъ. Положимъ, учитель спросилъ ученика и изъ отвѣта его вполнѣ правильно заключилъ что онъ вчера вечеромъ, между другими дѣлами, усердно посидѣлъ надъ учебникомъ его предмѣта и довольно твердо выучилъ изъ него нѣсколько страницъ. Учитель ставитъ ему 3. Прошло нѣсколько уроковъ. Учитель спрашиваетъ его другой разъ; оказывается что онъ вчера вечеромъ еще усерднѣе посидѣлъ надъ учебникомъ, и учитель ставитъ ему 4. Наконецъ учитель успѣваетъ спросить его третій разъ; но тутъ случилось что онъ вчера почему-то не заучилъ заданныхъ страницъ съ достаточною твердостью: учитель ставитъ ему 2. Наступаетъ время въ которое учитель обязанъ представить полную оцѣнку всѣхъ своихъ учениковъ. Разумѣется, отмѣтки поставленныя учителемъ: 3, 4 и 2 играютъ въ этомъ случаѣ важную роль. За этими отмѣтками слѣдитъ начальство и по этимъ отмѣткамъ хвалитъ или награждаетъ учениковъ; этими отмѣтками интересуются родители которые позаботливѣе. Когда кто-нибудь изъ нихъ придетъ въ заведеніе и спроситъ: „каковъ мой сынъ?“, ему показываютъ эти отмѣтки. Естественно что учитель руководится этими отмѣтками при опредѣленіи своей оцѣнки ученика. Скажу болѣе: очень многіе учителя и воспитатели думаютъ что они не имѣютъ и права хоть нѣсколько отступить отъ этихъ отмѣтокъ; всякое малѣйшее отступленіе они считаютъ за произволь. Вслѣдствіе всего этого, дѣло дѣлается такъ: учитель складываетъ эти отмѣтки: 3, 4 и 2; выходитъ 9. Сумму дѣлитъ на число спросовъ и смотритъ, что вышло: 3; значитъ вышло что онъ хорошій ученикъ. Дѣло дошло до того что въ иныхъ заведеніяхъ это сложеніе и дѣленіе дѣлаетъ не самъ учитель, а надзиратель или кто-нибудь другой. На случай если отъ дѣленія произойдетъ дробь, опредѣленъ предѣлъ, ниже котораго дробь считается за 0, а выше за 1. Что же означаютъ эти 3, происшедшія отъ сложения и дѣленія? По законамъ правильнаго логическаго мышленія эти 3 ничего не значатъ; потому что въ отмѣткахъ изъ которыхъ они такъ правильно выведены вѣтъ ничего такого что бы могло перейти въ заклю-

ченіе. Въ самомъ дѣлѣ, что означаютъ эти отмѣтки? Они значатъ что ученикъ въ одинъ вечеръ довольно усердно поработалъ надъ какою-нибудь страницей; другой вечеръ еще усердѣе надъ другою; а въ третій вечеръ не занялся третьею страницей. Что же можно вывести изъ этихъ послылокъ? Даже нельзя хоть приблизительно заключить и того съ какимъ усердіемъ сидитъ ученикъ надъ учебникомъ по вечерамъ; потому что не три же урока было въ тотъ періодъ времени за который выставляется оцѣнка, ихъ было по крайней мѣрѣ втрое больше. Очевидно что эти 3 ничего не значатъ. Но у насъ они значатъ очень много. Они значатъ, во первыхъ, что ученикъ знаетъ удовлетворительно все то что пройдено учителемъ въ тотъ періодъ времени за который выставлена отмѣтка. Они значатъ, во вторыхъ, что ученикъ добросовѣстно относится къ своей обязанности. Они значатъ, втретьихъ, что ученикъ имѣетъ очень порядочныя способности, и наконецъ, что, если будетъ продолжать такъ заниматься, то правильно разовьется, перейдетъ въ высшій классъ и въ послѣдствіи будетъ достоинъ поступить въ высшее учебное заведеніе. Но вотъ прошелъ годъ. Надобно вывести заключеніе о томъ каковъ ученикъ по каждому предмету, что онъ вынесъ изъ годоваго занятія этимъ предметомъ, какъ душа его развилась подъ вліяніемъ массы новыхъ знаній. Естественно что на всѣ эти вопросы можетъ дать отвѣты только одинъ человекъ въ мірѣ: учитель. Но его-то именно объ этомъ и не спрашиваютъ. Отвѣтъ на эти вопросы отыскивается тоже посредствомъ сложенія и дѣленія. Обыкновенно инспекторъ, иногда кто-нибудь другой, беретъ всѣ тѣ оцѣнки которыя каждый учитель обязанъ представить нѣсколько разъ въ годъ, складываетъ, дѣлитъ, вмѣсто дроби ставитъ 0 или 1, по известнымъ правиламъ, и потомъ объявляетъ учителю что такой-то ученикъ по его предмету хорошъ, а такой-то дурень. Иногда учитель удивится, услышавъ результатъ ариметической выкладки, и не мудрено: учитель въ маѣ, разумеется, забылъ каковъ былъ у него ученикъ въ сентябрѣ или въ октябрѣ; онъ помнитъ только каковъ теперь этотъ ученикъ: знаетъ онъ предметъ или не знаетъ, прилеженъ или лѣнивъ, даровитъ или бездаренъ. А баллы первыхъ мѣсяцевъ имѣютъ въ сложеніи и дѣленіи одинаковое значеніе со всѣми другими баллами, и потому могутъ сильно измѣнить частное число и такимъ образомъ удивить учителя. Еслибы даже оцѣнки надъ

которыми производятся эти вычисления имѣли болѣе серьезное значеніе, то и тогда бы выводъ изъ нихъ былъ невѣренъ. Въдѣ занятія ученика въ сентябрѣ уже дали результаты, они дали ему новыя свѣдѣнія, подѣ влияніемъ которыхъ развилась его душа въ ту или другую сторону; они уже дали ему возможность съ большимъ или меньшимъ усилѣхомъ вести свое дѣло въ слѣдующіе мѣсяцы. Они уже вошли въ его оцѣнку: какимъ же образомъ другой разъ вводить ихъ въ опредѣленіе достоинства ученика? Въ этомъ фактѣ я вижу наше внутреннее сознаніе что ученіе наше не имѣетъ большаго вліянія на душу учениковъ, что у насъ нѣтъ внутренней связи между ученіемъ въ сентябрѣ и ученіемъ въ апрѣлѣ, что и то само по себѣ, и другое само по себѣ, и что, иначе какъ чрезъ сложеніе и дѣленіе результатовъ, сентябрьскаго ученія никакъ нельзя ввести въ личность ученика.

Кончился годъ; настали экзамены. Опять цифры, сложеніе и дѣленіе, и этимъ опредѣляется переводъ учениковъ въ высшій классъ и оставленіе въ томъ же классѣ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ не возбуждается и вопросовъ при опредѣленіи переводовъ учениковъ. И въ самомъ дѣлѣ, о чемъ же толковать? Всѣ правила опредѣлены; можно развѣ только повѣрить нѣтъ ли ошибки въ сложеніи и дѣленіи. Такъ что у насъ вполне исполняется предложеніе одного, кажется, бельгійскаго педагога, чтобы при сужденіи о переводѣ ученика не называть фамилій, а просто говорить о нихъ подѣ номерами. Номеръ 15-й имѣетъ такіе-то баллы, сложить, раздѣлить, вышло: перевести. Кто такой подѣ № 15? Справились въ спискѣ: такой-то. Рѣшено: такого-то перевести. А душа мальчика, живая душа, съ многообразными ея стремленіями, склонностями, съ зараждающимися инстинктами, она не беретса въ расчетъ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ введенія устава 1828 года, поступилъ я въ училище, и съ тѣхъ поръ не разскавался я съ училищами, дѣйствуя въ нихъ сперва какъ ученикъ, потомъ какъ учитель и какъ воспитатель. Въ это долгое время я имѣлъ возможность видѣть какъ постепенно форма заслоняла содержаніе, какъ она разрасталась и обхватывала всѣ подробности ученія и воспитанія, подавляя всѣ живыя проявленія. Сначала намъ не назначали дня экзамена, не давали времени готовиться, значитъ хотѣли видѣть мальчиковъ такими каковы они есть, съ тѣми знаніями которыя

они вынесли изъ ученія. Потомъ стали назначать особенные два экзамена; далѣе начали оставлять промежутки между экзаменами для приготовленія, потомъ начали давать программы по которымъ ученики должны готовиться; наконецъ и билеты по которымъ ученики должны отвѣчать. Сначала каждый учитель долженъ былъ ежемѣсячно представлять списки въ которыхъ отмѣчалъ прилежаніе, способности, усиліи и поведеніе каждаго ученика. Значитъ, въ мальчикѣ видѣли живое существо съ развивающеюся душой, съ разнообразными отгѣнками, которыхъ нельзя опредѣлить одною цифрой. Но скоро эти четыре графы слились въ одну; потомъ стали ставить баллы при всякомъ спрашиваніи; потомъ исчезли всѣ другіе мотивы, кромѣ заданнаго урока; потомъ завели множество книгъ: въ однихъ записываются ежеклассныя отмѣтки, въ другихъ—средніе выводы изъ этихъ отмѣтокъ; въ третьихъ—средніе выводы изъ этихъ среднихъ выводовъ, и т. д. И вся эта система балловъ основана на томъ что ученикъ случайно приготовлялъ или не приготовлялъ урока въ тѣ дни въ которые его спрашивалъ учитель.

Всѣ эти ненормальныя явленія въ нашемъ ученіи произошли и такъ сильно развились отъ того что основаніе на которомъ построена вся система ученія невѣрно. Чтобы устранить ихъ и сдѣлать ученіе дѣйствительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, необходимо измѣнить это основаніе. Необходимо согласиться что истинное знаніе дается не учебниками, а наукой; наука же немыслима въ гимназіи. Притомъ же знаніе изолированное, съ одной стороны, не освѣщенное наукой, а съ другой, не прикладываемое къ жизни (а въ гимназіи только такія знанія и могутъ получаться) совершенно бесполезно, а въ большой массѣ эти знанія скорѣе вредны: они, напрасно обременяя память, только тяготятъ способности и дашаютъ ихъ свободы дѣйствія, слѣдовательно и стремятся къ этимъ знаніямъ не должно. Надобно поставить цѣлью ученія не знаніе: ибо истиннаго знанія въ гимназіи достигнуть нельзя, а то что мы называемъ знаніемъ есть ложь, и слѣдовательно вредно во всѣхъ отношеніяхъ. Да и во всѣхъ прочихъ сферахъ жизни мы никогда, нигдѣ не требуемъ знанія. Какой бы человекъ ни былъ намъ нуженъ, мы никогда не спрашиваемъ что онъ знаетъ, а всегда смотримъ какъ онъ дѣлаетъ дѣло. Если напиримъ намъ нуженъ управляющій въ имѣніи, мы не спросимъ какой онъ курсъ или учебникъ знаетъ

твердо съ первой страницы до послѣдней, а поинтересуемся узнать какъ онъ можетъ вести хозяйство. Такъ точно во всѣхъ другихъ сферахъ. Только въ нашей учебной сферѣ мы интересуемся учебниками. Кто-нибудь желаетъ быть, напримеръ, учителемъ русской словесности: мы прежде всего спрашиваемъ твердо ли онъ выучилъ учебникъ статистики, исторіи, и еще 20 другихъ учебниковъ. Молодой человѣкъ хочетъ учиться въ университетѣ: мы строго смотримъ выучилъ ли онъ опредѣленное количество учебниковъ; а какъ онъ умѣетъ работать, на сколько онъ развитъ, и вообще все то что нужно знать о немъ чтобы заключить въ какой степени онъ можетъ вести дѣло за которое онъ берется, объ этомъ мы нисколько не заботимся. Это необходимо измѣнить: цѣлью ученія необходимо поставить не знаніе, а умѣнье. Для опредѣленія какое умѣнье надо смотрѣть, не какъ онъ знаетъ, а какъ онъ умѣетъ. Если онъ умѣетъ, то это показываетъ, во первыхъ, что онъ много работалъ, ибо безъ предварительной работы нельзя умѣть что-либо дѣлать. Это покажетъ, во вторыхъ, что онъ знаетъ все то что нужно знать для этого умѣнья. Какъ только мы умѣнье поставимъ цѣлью ученія, такъ все ненормальное въ нашихъ школахъ само собою исчезнетъ: исчезнетъ и это неестественное ученіе учебниковъ и немедленное забываніе того что выучено; исчезнетъ это неестественное вниманіе къ тому что ученику совершенно извѣстно; исчезнетъ и это не имѣющее никакого значенія выставленіе отмѣтокъ за каждое спрашиванье; исчезнутъ лекціи учителей, которымъ не мѣсто въ гимназіи и много, много, много другаго. Стоитъ только выбрать такой предметъ умѣнья который требовалъ бы, во первыхъ, очень много знаній, и во вторыхъ, усиленнаго дѣйствія умственныхъ способностей въ употребленіи этихъ знаній. Кромѣ того эти знанія и это дѣйствіе способностей должны вполнѣ соответствовать возрасту учащихъся, съ одной стороны, не превышая силъ 10-лѣтняго мальчика, и съ другой не спускаясь ниже силъ 18-лѣтняго юноши. Если мы внимательно пересмотримъ всѣ предметы которые могутъ быть преподаваемы въ гимназіи, то мы придемъ къ тому же убѣжденію къ которому пришелъ весь образованный міръ, то-есть что лучший, единственный предметъ для этой цѣли есть древніе языки. Но, разумѣется, преподаваніе ихъ должно быть построено на основаніи этой цѣли. Уже не должно на экзаменѣ спрашивать грамматику латинскую или гре-

ческую по билетамъ, или заставляя ученика повторять переводъ какой-нибудь главы изъ классика въ томъ точно видѣ какъ его сдѣлалъ учитель во время урока, и при переводѣ передавать все то что учитель говорилъ по поводу этой главы. Это не есть самостоятельная работа способностей ученика; это есть бесполезная работа одной памяти, это есть только страдательное, а слѣдовательно непрѣмнѣно и безсознательное, заломинаніе чужихъ словъ. Ученіе этимъ языкамъ должно быть организовано такъ чтобы ученикъ постоянно работалъ самъ, самъ бы шелъ впередъ; учитель только даетъ матеріалъ и показываетъ путь по которому долженъ идти ученикъ; онъ только указываетъ какъ должно работать, а работаетъ все ученикъ; если ученикъ неправильно принимается за работу, дѣлаетъ не то и не такъ что и какъ слѣдуетъ, дѣло учителя указать ему его ошибку и научить правильнымъ приемамъ въ работѣ. Распределение этого ученія должно быть слѣдующее:

Въ первый классъ поступаютъ ученики еще не умѣющие читать по-латыни; итакъ, прежде всего они должны выучиться читать и писать. Объ этомъ, кажется, говорить нечего: ученикъ выучить буквы и особенности выговора нѣкоторыхъ изъ нихъ, и потомъ много читаетъ не только въ классѣ, но и готовится къ чтенію дома. То же самое и съ письмомъ: ученикъ выучится писать буквы и потомъ много списываетъ и въ классѣ, и дома въ видѣ заданнаго урока. Это первая правильная работа которая встрѣчаетъ ученика въ училищѣ. Она очень легка, совершенно ему по силамъ, и въ то же время затрагиваетъ многія его способности: онъ учитъ наизусть, сейчасъ же применяетъ выученное къ дѣлу, слѣдовательно управляетъ своею памятью и своими знаніями; онъ усваиваетъ, слѣдовательно самъ онъ видитъ что идетъ впередъ. Онъ не разъ съ гордостью скажетъ родителямъ: „я сегодня самъ прочелъ пять строкъ безъ ошибокъ!“ Придетъ ли ему въ голову не приготовить урока? Урокъ такъ легокъ и доставляетъ удовольствіе усвѣха, къ которому не можетъ быть нечувствителенъ ни одинъ человекъ. Но это только начало. Оно задержитъ недѣли на три. Въ это же время можно выучить нѣсколько словъ, какъ матеріалъ для будущихъ работъ. Потомъ ученикъ выучитъ двѣнадцать окончаній всѣхъ шести падежей, обоихъ чиселъ перваго склоненія. Ихъ онъ долженъ выучить съ совершенною твердостью, то-есть отзубрить.

Я уже говорилъ что безъ зубренія не можетъ быть логнаго ученія. Сейчасъ же послѣ этого должны быть упражненія надъ тѣмъ что выучено. Упражненія эти сначала состоятъ въ томъ что ученикъ пишетъ наизусть склоненіе какого-нибудь ему незнакомаго слова; но существенныя упражненія въ этомъ классѣ суть переводы фразъ отчасти съ латинскаго на русскій, но преимущественно съ русскаго на латинскій. Ученикъ при этомъ заучиваетъ слова и каждое изъ нихъ ставитъ въ той формѣ въ которой слѣдуетъ. Въ этомъ классѣ ученикъ не долженъ говорить ни одного слова, не разказавъ вполне причины по которой онъ ставитъ именно эту форму, чтобы онъ такимъ образомъ приучался дѣйствовать въ ученіи только на основаніи силлогизмовъ. Чтобы не тратить много времени на диктованье этихъ примѣровъ, необходимо имѣть ученикъ со множествомъ латинскихъ и русскихъ фразъ, удобныхъ для перевода и подобранныхъ такъ чтобы въ нихъ постоянно встрѣчались прежде выученныя ученикомъ слова и правила. Послѣ Iго склоненія точно такъ же выучивается второе; при немъ прилагательныя имена втораго склоненія. За этимъ третье и прилагательныя имена этого склоненія. И такъ далѣе проходятся всѣ важнѣйшія части грамматики: разумѣется, глаголовъ при нынѣшнемъ числѣ уроковъ учитель не успѣетъ пройти; но должно съ самаго начала пройти настоящее, прошедшее и будущее времена глагола, чтобы ученикъ могъ самъ вполне переводить задаваемыя ему фразы. Ученикъ всю работу дѣлаетъ самъ: въ началѣ только учитель руководитъ его, но потомъ все болѣе и болѣе даетъ ему свободы въ приготовленіи урока. Отъ времени до времени учитель заставляетъ учениковъ въ классѣ перевести нѣсколько новыхъ фразъ, для того чтобы видѣть правильно ли они принимаются за работу. При такомъ ученіи выставленные мною недостатки будутъ уже невозможны. Ученикъ дѣйствуетъ не одною памятью, неестественно направляемою, но всѣми силами своей души; работа у него не страдательное заучиваніе чужихъ словъ, но самостоятельный трудъ, и съ нимъ видимое самими ученикомъ движеніе впередъ; вниманіе требуется отъ него не для того чтобы онъ слушалъ многократныя повторенія того что онъ уже твердо выучилъ, но для того чтобы онъ слѣдилъ за тѣмъ насколько вѣрно онъ исполнилъ свою работу; опѣйка его производится не на основаніи того балла который поставитъ ему учитель за то что онъ твердо отзубрилъ

заданныя ему слова въ тотъ день въ который его спросилъ учитель, а на основаніи дѣйствительнаго его успѣха въ работѣ умомъ. Такимъ образомъ зубреніе получить въ глазахъ ученика надлежащее мѣсто въ ученіи: онъ увидитъ въ немъ не существенное дѣло, за которое хвалятъ и награждаютъ, а только необходимую подготовку для истиннаго ученія, для ожидающей его работы умомъ. Однимъ словомъ, если учитель правильно поведетъ дѣло, не обременяя ученика излишнею работою и съ другой стороны не оставляя его безъ достаточной работы, то только тотъ ученикъ который уже совершенно испорченъ до поступления въ училище, задумаетъ когда-нибудь не приготовить урокъ. Дѣйствіе умственными способностями, успѣхъ, интересны для каждаго человѣка, и если ученикъ разъ станетъ на правильную дорогу ученія, то онъ съ охотою пойдетъ по ней. Вѣдь наука, то-есть ученіе, увлекаетъ. Если теперь, при неправильной постановкѣ ученія, встрѣчаются ученики которые проводятъ часы надъ нелюбимымъ мѣстомъ, добиваясь побѣды надъ нимъ, то при правильномъ ходѣ всего дѣла, это явленіе сдѣлается обыкновеннымъ. И намъ рѣже нужно будетъ прибѣгать ко внѣшнимъ побужденіямъ, къ этимъ наградамъ и наказаніямъ, которыя если иногда и достигаютъ своей цѣли, то во всякомъ случаѣ зараждаютъ въ душѣ неправильныя, даже вредныя инстинкты. Только въ первомъ классѣ должно быть болѣе уроковъ латинскаго языка нежели теперь. Тутъ они нужнѣе чѣмъ въ высшемъ классѣ: тамъ возрастъ учениковъ позволяетъ еще замѣнить работу надъ древними языками какою-нибудь другою полезною для ума уже отчасти окрѣплаго; но въ первомъ классѣ десятилѣтніе мальчики рѣшительно не могутъ еще самостоятельно дѣйствовать умомъ ни надъ какою другою работою.

Во второмъ классѣ оканчивается и дополняется этимологія. Ученіе должно идти тѣмъ же путемъ: постоянныя упражненія въ переводахъ фразъ, преимущественно съ русскаго; ни одного слова со стороны ученика безъ изложенія причины. Разумѣется, фразы должны быть нѣсколько сложнѣе. Третій классъ назначается для окончательнаго утвержденія этимологіи, точно такъ же посредствомъ переводовъ. Но въ этомъ классѣ и возрастъ учениковъ и уже достаточное знакомство ихъ съ языкомъ даютъ возможность начать съ ними разборъ латинскаго текста. Для этого можно взять самаго легкаго классика или очень удачно составленную книжку: *De viris illustribus*

urbis Romae. Сначала переводъ дѣлается въ классѣ подъ руководствомъ учителя, который такимъ образомъ покажетъ ученикамъ правильный пріемъ при переводѣ, потомъ ученики готовятъ весь переводъ сами на дому; въ классѣ идетъ только повѣрка и исправленіе сдѣланнаго. При этомъ ученикъ не долженъ и здѣсь говорить ни одного слова безъ доказательства почему онъ его говоритъ. Въ этихъ переводахъ ученикъ необходимо познакомится и съ нѣкоторыми важнѣйшими правилами синтаксиса: accusativus cum infinitivo, ablativus absolutus и немногія другія. Потомъ берутъ болѣе труднаго классика, постепенно усиливая занятіе переводами съ латинскаго, а между тѣмъ выучивается синтаксисъ, и дѣло идетъ все впередъ, постоянно требуя усиленной самостоятельной дѣятельности умомъ. Латинская литература представляетъ цѣлый рядъ писателей, изъ которыхъ одинъ труднѣе другаго и которыхъ достанетъ на много лѣтъ постепенно усиливающихся занятій.

Здѣсь я не имѣю намѣренія писать подробную программу преподаванія латинскаго языка: я хочу показать только принципъ который долженъ лежать въ основаніи этого преподаванія: самостоятельная работа умомъ, посредствомъ силлогизмовъ. все болѣе и болѣе трудныхъ, сообразно съ возрастомъ учащихся, и всегда требующихъ знанія множества фактовъ для постановки посылокъ.

Съ третьяго класса начинается греческій языкъ. Заучиваніе склоненій и спряженій даетъ слишкомъ мало пищи для тринадцатилѣтняго возраста: но въ греческомъ языкѣ въ склоненіи есть довольно трудная и разнообразная статья объ удареніяхъ, съ которою не сладитъ десятилѣтній мальчикъ; а въ спряженіи очень оригинальное и довольно запутанное производство временъ также превышаетъ силы мальчика только что начавшаго учиться, такъ что болѣе приличнаго возраста для изученія этихъ статей, а слѣдовательно и для начала изученія греческаго языка, нельзя найти. Но вслѣдствіе этого при прохожденіи грамматики греческаго языка надобно обращать вниманіе преимущественно на эти статьи, поставивъ себѣ цѣлью чтобъ ученики вполнѣ сознали ихъ и могли ими пользоваться свободно и безошибочно. Для этого крайне необходимо, еще болѣе нежели въ первомъ классѣ для латинскаго языка, увеличить число уроковъ: въ назначенные нынѣ три урока положительно невозможно правильно

пройти эти двѣ статьи, а растягивать ихъ на два года вовсе не слѣдуетъ. Изученіе греческаго языка, точно такъ же какъ и латинскаго, должно происходить въ видѣ самостоятельныхъ работъ сперва надъ фразами, потомъ надъ греческими писателями, постоянно переходя отъ легкихъ къ болѣе и болѣе труднымъ.

Изученіе этихъ двухъ языковъ и должно составлять существенную часть гимназическаго ученія; на нихъ преимущественно ученикъ приучается къ самостоятельному умственному труду; приучается, на основаніи выученнаго, дѣйствовать по законамъ мышленія, идти впередъ; приучается по данной формѣ, все болѣе и болѣе трудной, посредствомъ правильныхъ силлогизмовъ и съ помощію уже приобретенныхъ знаній проникать до мысли. Здѣсь, на этихъ двухъ языкахъ совершается главная выработка ума. Не могу не прибавить здѣсь еще одного соображенія. Кругъ понятій древняго міра былъ далеко не такой отвлеченный какъ теперь. Жизнь древнихъ, съ помощію своей науки, еще не успѣла выработать тѣхъ въ высшей степени отвлеченныхъ понятій которыя лежатъ въ основаніи нынѣшняго міросозерцанія. Поэтому произведенія древнихъ вполнѣ доступны ученикамъ; читая ихъ, они могутъ объять ихъ мысль во всей ея полнотѣ, между тѣмъ какъ нынѣшніе великіе писатели полагаютъ такое сильное отвлеченіе въ основаніи своихъ произведеній что для полного ихъ уразумѣнія требуется долгая подготовка, сильная привычка ума. Для молодыхъ умовъ, не довольно еще укрѣпленныхъ ученіемъ, не только не полезно, но даже вредно читать, напримеръ, исторію цивилизаціи Гизо, или Бокля, и подобныя книги: ученики не сладятъ съ ними, поймутъ ихъ превратно, и выйдетъ вздоръ. Да и поэты наши требуютъ сильнаго развитія отъ своихъ читателей: въ какомъ, вы думаете, возрастѣ пойметъ ученикъ что въ Аванасіи Ивановичѣ и Пულхеріи Ивановнѣ лежитъ глубокая мысль? Въ какомъ возрастѣ онъ перестанетъ въ нихъ видѣть только въ высшей степени смѣшныя и потѣшныя лица? Читая гениальныя и вмѣстѣ столь простыя произведенія древнихъ, ученикъ вполнѣ усвоиваетъ мысль писателя: предъ нимъ открывается весь міръ понятій древнихъ, который составляетъ естественный переходъ къ нынѣшнему міросозерцанію, и безъ котораго прямо перескочить къ понятіямъ выработаннымъ нашею наукою очень трудно.

Впрочемъ я уклоняюсь отъ своего предмета.

Къ изученію древнихъ языковъ необходимо еще присоединить, какъ могущественное средство развитія ума ученика, изученіе математики. Но и тутъ учитель долженъ имѣть въ виду не знаніе, а умѣніе; онъ долженъ стремиться не къ тому чтобъ ученикъ могъ повторить то что сказано въ классѣ, или написано въ учебникѣ, а чтобъ онъ умѣлъ распорядиться цифрами, алгебраическими знаками и геометрическими фигурами. На экзаменѣ не нужно спрашивать ученика по билетамъ: „Что такое это?“ „Какъ сдѣлать то?“ а просто задать задачу, и если мальчикъ сдѣлаетъ ее, то не спрашивая болѣе, я заключаю что онъ знаетъ отдѣлъ къ которому отнесется задача. Все ученіе должно быть ведено на самостоятельной работѣ учениковъ, на задачахъ. Заучивается только матеріалъ, и если ученикъ умѣетъ имъ пользоваться, то цѣль ученія достигнута, хотя бы ученикъ и не могъ бойко повторить слова которыя должны быть заучены.

Эти три предмета и должны составить полный курсъ ученія. Только они назначаются для умственного развитія учениковъ, ибо только они даютъ ученикамъ возможность самостоятельной работы умственными способностями. Но этимъ ограничиться нельзя: при ученіи, кромѣ развитія ума, должны быть еще другія цѣли, которыя тоже очень важны и для достиженія которыхъ необходимо ввести нѣкоторые другіе предметы. Но предметы эти и нужно вести сообразно съ этою особенною цѣлью, и совершенно не такъ какъ древніе языки и математику. Въ противномъ случаѣ цѣль не будетъ достигнута, и предметы эти только напрасно обременятъ учениковъ.

Первое мѣсто между этими предметами занимаетъ законъ Божій. Цѣль его есть воспитаніе религіознаго чувства въ ученикахъ. Слѣдовательно и преподаваніе должно имѣть въ виду не столько знаніе фактовъ сколько религіозно-нравственное развитіе. Отсюда выходитъ что при преподаваніи этого предмета все должно по возможности дѣлаться въ классѣ и что экзамена изъ закона Божія быть не должно. Какой же экзаменъ можетъ указать достигнута ли цѣль преподаванія закона Божія? Ученикъ можетъ прекрасно разказать множество преподаваемыхъ ему предложеній и текстовъ, получить на экзаменѣ пять, и въ то же время быть весьма мало религіозенъ. Нужно въ продолженіе года всѣми силами добиваться

вниманія со стороны учениковъ: для этого употреблать всѣ разумныя педагогическія мѣры. Если достигнете вниманія, то всякій ученикъ приметъ изъ ученія столько пользы для своего сердца сколько оно можетъ вмѣстить. Если же не будетъ вниманія, то никакія заучиванія цѣлыхъ томовъ, никакіе замѣны не принесутъ нравственной пользы. Такимъ образомъ преподаваніе закона Божія должно быть распределено такъ: кромѣ молитвъ и ежедневнаго чтенія по одной главѣ изъ Евангелія, надобно пройти сперва священную исторію Вѣтнаго Завѣта въ разказахъ (разказы эти чрезвычайно доступны дѣтскому возрасту). При этомъ должно имѣть въ виду дѣйствовать не столько на умъ и память сколько на сердце ученика: разказы должны быть близки ученику, надобно стараться по возможности ставить ученика на мѣсто дѣйствующихъ лицъ; чтобы происшествіе дѣлалось ему какъ бы знакомымъ и чтобы чувство лежащее въ основаніи его переходило въ дѣтское сердце, становилось его собственностью и выработывало будущій характеръ. Далѣе точно въ томъ же духѣ проходитъ, преимущественно по Евангелію, священная исторія Новаго Завѣта. При этомъ должны быть постоянныя ссылки на исторію Вѣтнаго Завѣта. Эти ссылки замѣняютъ повтореніе. За этимъ проходитъ ученіе вѣры, надежды и любви, какъ можно короче, хоть даже по *Начаткамъ христіанскаго ученія*. Все должно примѣнять къ жизни, обличать съ ученикомъ; всякая мысль должна быть представлена какъ фактъ и притомъ такой фактъ который вполне знакомъ ученику, съ которымъ онъ уже сжилъ. При этомъ постоянныя обращенія къ священной исторіи, въ видахъ повторенія. Это ученіе идетъ въ продолженіе всего курса съ постояннымъ увеличеніемъ его объема. Къ нему должно прибавить богослуженіе, праздники и житія нѣкоторыхъ святыхъ.

Другой предметъ имѣющій особенную цѣль и также необходимый для полнаго гимназическаго курса есть русскій языкъ. Цѣль его—научить ученика читать и писать. Поэтому и учить надобно только тому что необходимо для того чтобы умѣть читать и писать, рѣшительно откинувъ все изсѣщленія *Слова о полку Игоревѣ* и другихъ памятникъ словесности, и также многое изъ того что подъ именемъ русскаго языка вошло теперь въ наши классы. Преподаваніе грамматики должно имѣть практическую цѣль. Отвлеченности

могутъ быть допускаемы лишь на сколько оныхъ необходимы. Вместе съ разборомъ идетъ чтеніе и письмо: вышшіе хорошіе учителя разработали эту сторону своего преподаванія чрезвычайно удовлетворительно, и много теперь употребляется прекрасныхъ приемовъ для наученія учениковъ чтенію и письму; лучшіе изъ этихъ приемовъ и должны быть употребляемы. Когда ученики узнаютъ русскую грамматику и въ соединеніи съ нею церковно-славянскую, и привыкнутъ свои знанія прилагать къ дѣлу, начинается чтеніе классиковъ. Цѣлью при этомъ никакъ не должно быть изученіе писателя, его значенія въ литературѣ и прочее, а просто близкое знакомство съ избраннымъ сочиненіемъ: знакомство это не можетъ не вліять благотвительно на образованіе вкуса ученика. Если при этомъ учитель успеетъ передать что-нибудь изъ теоріи или исторіи литературы, то это нисколько не помѣшаетъ. Но прѣ этомъ надобно наблюдать, во первыхъ, чтобы изъ теоріи и исторіи словесности было сообщаемо очень и очень мало: иначе это отниметъ слишкомъ много времени у существеннаго дѣла. Въ высшихъ классахъ всякую недѣлю должна быть домашняя письменная работа у учениковъ.

Еще одинъ предметъ нужно ввести въ гимназическое преподаваніе—одинъ новый языкъ. Цѣль этого преподаванія должна состоять въ томъ чтобы привести ученика въ возможность современемъ понимать ученныя сочиненія писанныя на этомъ языкѣ по наукѣ которую ученикъ будетъ изучать. Больше обширную цѣль поставить нельзя, потому что она никогда не достигнется въ гимназіи. Преподаваніе должно быть вполнѣ практическое: ученики воспитанные на древнихъ языкахъ легко и скоро одолѣютъ изъ несложной теоріи новыхъ языковъ что нужно для практическихъ занятій. Послѣдныя переводы сначала съ русскаго и на русскій языкъ, а потомъ преимущественно на русскій—должны быть почти единственною работою по этому предмету.

Вотъ занятія которыя должны составлять правильное гимназическое ученіе. Но курсъ этотъ еще не полонъ. Ученики дѣйствительно разовьютъ свою мыслящую способность, привычутся къ умственному труду, научатся писать, затроуто будетъ ихъ религіозное чувство; но въ нихъ будетъ еще недостатокъ и недостатокъ очень важный: ученіе не дастъ имъ фактовъ какъ матеріала для будущаго приобрѣтенія знаній.

Но въ этомъ отношеніи у насъ распространены такіа невѣрныя понятія что я считаю нужнымъ еще разъ и подольше остановиться на этомъ вопросѣ. Прежде всего необходимо постановить что науку въ полномъ смыслѣ преподавать въ гимназій невозможно и некогда, и средствъ нѣтъ, и ученики еще такъ молоды, такъ мало развиты, что не въ состояніи постигать научныя истины въ ихъ полномъ, правильномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что такое наиримѣръ исторія? Это есть изображеніе развитія человѣчества. Есть ли же возможность говорить съ четырнадцатилѣтними мальчиками о развитіи, о человѣчествѣ? Вѣдь понятія—„развитіе“, „человѣчество“—таковы что должны быть выработаны очень долгою привычкою къ серьезному отвлеченію, и могутъ получить какой-нибудь смыслъ только послѣ очень долгаго ученія. Если къ концу курса въ которые ученики и разовьются до такой степени что можно будетъ повсемуго начать съ вами бесѣду о подобныхъ понятіяхъ, то все-таки это будетъ только въ концѣ курса, и въ криткое остающееся время никакъ нельзя развернуть предъ вами полную картину развитія всего человѣчества, можно услѣть представить маленькую частичку ея, и то весьма съ грѣхомъ пополамъ. Такъ для чего же и начинать такое обширное дѣло, если должно остановиться почти на первыхъ словахъ его? Садовательно и должно все это развитіе человѣчества предоставить университету, а на гимназію возложить обязанность приготовить ученика къ возможности понимать рѣчь въ которой встрѣчаются такіа понятія, къ возможности заняться изученіемъ развитія человѣчества. Точно то же и со всякою наукой. Наука есть послѣднее слово разума человѣческаго; всякое слово науки выработано громадными усиліями всѣхъ умственныхъ способностей гениальнѣйшихъ людей, и для полного уразумѣнія своего требуетъ вполне развитой головы; ни въ какомъ случаѣ это не дѣтское дѣло. Мнѣ кажется, это такъ ясно что и слова противъ этого быть не можетъ. Но не хотятъ знать этого поборники системы образованія всезнающихъ гимназистовъ. Они смѣло говорятъ: „почему не дать юной душѣ возможности услышать эту чудную проповѣдь вѣшняго міра, столь исполненную разума и мудрости, и такъ высоко провозглашающую славу Творца?“ (*Вѣстникъ Европы*. Іюль 1870, стр. 395.) И не хотятъ знать они что эта „проповѣдь, исполненная разума и мудрости“, требуетъ и отъ слушателя много „разума и мудрости“ чтобы

быть правильно понято. Они вполнѣ увѣрены что если написать названіе науки въ программѣ преподаванія какого-нибудь класса, то ученики уже все усвоятъ что бы имъ ни сталъ говорить учитель, и всякая проповѣдь для нихъ будетъ ясна. Въдѣ дѣти не могутъ быть представителями „разума и мудрости“: какимъ же образомъ они поймутъ самое сильное отвлеченіе? какимъ образомъ они отъ факта, постоянно ими видимаго, перейдутъ къ самой удаленной его причинѣ, къ самому отвлеченному существу его? Проловѣдь эту разумѣютъ только самые крѣпкіе умомъ, самые развитые люди. Не хотятъ они знать этого и смѣло говорятъ (тамъ же *Вѣсти. Евр.*): „Развѣ человѣку не присущъ даръ наблюденія, опыта, наведенія?“ (доказывая этимъ возможность ввести въ гимназическое ученіе и науку, которая не мыслима безъ этихъ способностей). И дѣйствительно, даръ наблюденія, опыта, наведенія присущъ человѣку, только я прибавлю: развитому человѣку. Но въ дѣтяхъ-то есть ли этотъ даръ? Кто видалъ тринадцатилѣтнихъ наблюдателей? Въдѣ наблюденіе не естъ простое смотрѣніе на предметъ дабы получить понятіе о его видѣ, цвѣтѣ, величинѣ и пр. Такое смотрѣніе есть физическая способность, она есть у всѣхъ животныхъ. Какъ же построить ученіе на этой способности? Ученіе принадлежитъ къ области духовной, это двѣ совершенно разныя сферы. Смотрѣть человѣкъ начинаетъ почти съ самаго рожденія, съ той минуты когда ребенокъ въ первый разъ улыбнулся: ужъ не тогда ли открывать ему „проповѣдь внѣшняго міра, исполненную разума и мудрости?“ Наблюденіе есть смотрѣніе на предметъ соединенное съ сильнымъ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей наблюдателя, съ цѣлью отличить въ предметѣ всѣ мельчайшія его черты и въ этихъ чертахъ открыть проявленіе закона, постичь ихъ смыслъ. Даже въ университетѣ студенты только приучаются къ приемамъ наблюденія. Наблюденіе развилось послѣ всѣхъ другихъ силъ дающихъ человѣку возможность понимать „проповѣдь внѣшняго міра“, оно есть вѣнецъ „полнаго развитія умственныхъ способностей, отдающихъ природу въ его власть. Какое же наблюденіе у ребенка? Да и какъ наблюдать ему? Въдѣ ежели онъ въ классѣ посмотритъ, подъ руководствомъ учителя, въ продолженіе двухъ минутъ (на долю каждаго ученика не можетъ достаться болѣе) въ микро-

сколь на кавточку растенія, то неужели это значить что онъ наблюдалъ строеніе растенія? Надо прежде научить его дѣйствовать силлогизмами; привести его въ такое состояніе чтобъ онъ постоянно всякую свою мысль основывалъ на силлогизмѣ, чтобы силлогизмъ былъ всегдашнимъ, обычнымъ его оружіемъ. И начинать надобно съ самыхъ простыхъ силлогизмовъ, въ такомъ родѣ: слова кончаціяся на *o* суть мужскаго рода; стало быть *segeto* мужскаго рода, и должно сказать *latinus segeto*, хотя по-русски говорятъ: русская рѣчь. Въ продолженіе курса должно постоянно переходить къ болѣе труднымъ и сложнымъ силлогизмамъ. Лишь когда ученикъ хорошо выработаетъ въ себѣ эту способность дѣйствовать силлогизмами, можетъ онъ приступить и къ наблюденію. Въ образованныхъ странахъ для этой выработки считается нужнымъ лѣтъ около *десяти*. У насъ считаютъ достаточнымъ семь лѣтъ, но и эти семь лѣтъ не хотятъ вполнѣ употребить на эту выработку силы мышленія въ ученикахъ. Полагаю, доказывать невозможность науки въ собственномъ смыслѣ въ гимназіи значитъ доказывать что днемъ отъ солнца свѣгло. Итакъ, принимаю эту посылку: научныхъ знаній не можетъ доставить своимъ ученикамъ гимназія. Что же она доставляетъ имъ? Она доставляетъ имъ извѣстную массу фактовъ, нужную ученику для того чтобы въ послѣдствіи заняться наукой. Но тутъ у насъ распространено совершенно невѣрное убѣжденіе, которое извращаетъ правильный взглядъ на дѣло. Какъ, съ одной стороны, мы убѣждены, что если написано въ программѣ названіе какой-нибудь науки, то ученики сейчасъ получаютъ всѣ средства вполнѣ узнать ее, и предъ ними откроется вся „проповѣдь вѣшняго міра“, такъ, съ другой стороны, мы увѣрены что если не написано въ программѣ названіе науки, то ученики уже ничего не узнаютъ изъ области этой науки; если напримѣръ не поставитъ въ программѣ слово „ботаника“, то ученики не сумѣютъ отличить горохъ отъ березы. А между тѣмъ всѣ мы, кончившіе курсъ, вполнѣ знаемъ что мы совершенно забыли все то чему учились въ гимназіи, и знанія наши всѣ приобрѣтены въ послѣдствіи, по окончаніи курса. Не одна школа сообщаетъ ученику факты: факты приобрѣтаетъ онъ еще въ жизни: живя, онъ много видитъ, много слышитъ, много разговариваетъ и такимъ образомъ собираетъ довольно значительную массу фактовъ. Фактическія знанія еще пополняются изъ чтенія. Такимъ образомъ школа есть только одинъ

изъ трехъ источниковъ пріобрѣтенія знаній. И каждый изъ этихъ источниковъ имѣетъ свою хорошую сторону. Свѣдѣнія почерпаемыя изъ жизни близки къ ученику, составляютъ часть его самого, въ нихъ вся сила жизненности. Свѣдѣнія почерпаемыя изъ чтенія интересны и вслѣдствіе этого привимаются съ увлеченіемъ. Въ этомъ отношеніи школа уступаетъ и жизни, и чтенію: Но за то она имѣетъ огромное преимущество предъ ними въ томъ отношеніи что свѣдѣнія сообщаемыя ею серьезнѣе, что они строго выбраны и всѣ вмѣстѣ представляютъ одно стройное цѣлое, въ которомъ всѣ части имѣютъ связь между собою и поддерживаютъ другъ друга. Собирая все сказанное, преподаваніе предметовъ имѣющихъ назначеніе сообщать свѣдѣнія можно организовать такимъ образомъ:

Вопервыхъ, надобно помнить что они не назначены для развитія самостоятельной дѣятельности ума, слѣдовательно въ этихъ предметахъ и не нужно требовать никакой самостоятельной работы, и стало-быть по нимъ нѣтъ надобности задавать домашнія работы ученикамъ, а можно все дѣлать въ классѣ. Во вторыхъ, надобно сообщать памяти факты такъ какъ это совершается въ жизни: не напрягать памяти неестественно и вредно, а возможно чаще представлять ей одни и тѣ же факты; только такое постоянное обращеніе къ памяти и есть естественный путь, посредствомъ котораго память можетъ овладѣть фактомъ. Втретьихъ, знаніе фактовъ не считать признакомъ развитія ученика, доказательствомъ что онъ можетъ самостоятельно работать умомъ и слѣдовательно перейти въ высшій классъ или даже въ университетъ; и наоборотъ, незнающаго фактовъ не должно считать неразвитымъ, не умѣющимъ работать умомъ. Экзаменъ долженъ производиться для того чтобъ увидѣть какъ вообще удержаны факты учениками. И если классъ ведетъ хорошо, а какой-нибудь ученикъ не знаетъ фактовъ, то приписать это его невниманію: взыскать съ него, заставить выучить, однимъ словомъ, принять противъ него педагогическія мѣры, а не лишать его умственной работы соответствующей его способностямъ, и если онъ показалъ что умѣетъ хорошо исполнять умственную работу назначенную для его класса, то его непременно перевести въ высшій. Наконецъ, вчетвертыхъ, надобно строго выбрать предметы преподаванія и опредѣлить свѣдѣнія необходимыя по каждому предмету.

Предметами которыхъ цѣль сообщить ученику известныя

свѣдѣнія нужныя ему для будущихъ его занятій, по моему мнѣнію, должны быть: исторія, географія и физика. Естественныя науки не совсѣмъ удобны для этой цѣли: онѣ сообщаютъ свѣдѣнія или слишкомъ трудныя для полнаго уразумѣнія или слишкомъ легкія, которыя во множествѣ доставляютъ жизнь: ученикъ видитъ много растений, животныхъ; можетъ-быть, самъ разводитъ нѣкоторыхъ, сажаетъ цвѣты, выводитъ бабочекъ изъ личинокъ, втыкаетъ на булавки жуковъ и пр. И школъ неудобно соперничать съ жизнью въ сообщеніи этихъ фактовъ: лучше дополнять количество ихъ чрезъ чтеніе и давать ученикамъ читать популярныя, соответствующія ихъ возрасту сочиненія по естественнымъ наукамъ. Притомъ же трехъ мною названныхъ наукъ вполне достаточно для совершенно удовлетворительнаго достиженія предназначенной для нихъ цѣли.

Въ преподаваніи исторіи должно прежде всего строго опредѣлить тѣ имена дѣйствующихъ лицъ которыя ученикъ долженъ запомнить. Въ это число должны поступить всѣ замѣчательныя лица исторіи, но, съ другой стороны, количество ихъ не должно быть слишкомъ велико, чтобы всякій ученикъ могъ легко съ ними сладить. Преподаватель на первый урокъ познакомитъ учениковъ съ очень немногими именами, самъ онъ поговоритъ о нихъ, указавъ существенныя ихъ черты и дѣла въ очень немногихъ словахъ; ученики повторяютъ или скажутъ что-нибудь о нихъ, такъ что эти имена къ концу класса уже будутъ не чужды ученикамъ. На слѣдующій урокъ учитель познакомитъ учениковъ съ новыми именами, но прибавлять онъ долженъ какъ можно менше. Знакома учениковъ съ этими новыми именами, онъ долженъ безпреставно ссылаться на имена выученныя въ прошлый урокъ: сравнивать, противопологать, заставлятъ учениковъ находить общія черты, наконецъ просто припоминать: „а какъ поступилъ такой-то? а кто поступилъ такъ-то?“ Такимъ образомъ лица и событія будутъ постоянно представляться воображенію и памяти учениковъ, — и ученикъ самымъ естественнымъ путемъ запомнитъ ихъ. Съ каждымъ урокомъ учитель идетъ впередъ и въ то же время повторяетъ все прежде пройденное. Когда онъ пройдетъ всѣ назначенныя имена, то начинаетъ снова, прибавляя о каждомъ лицѣ новыя свѣдѣнія. Если успѣетъ въ продолженіе всего курса еще разъ пройти все, то третій разъ

начинаеть снова и опять проходить въ большемъ объемѣ. Такамъ образомъ ученикъ во всякую данную минуту помнитъ все пройденное до той минуты; и въ концѣ курса онъ знаетъ всѣ историческіе факты которые признаны нужными для будущихъ занятій исторіей, притомъ онъ приобрѣлъ ихъ совершенно естественнымъ путемъ, безъ всякаго насилія памяти: а это безспорно важнѣе всего. Если онъ и забудеть нѣкоторые факты (много ихъ забыть положительно невозможно), то это не бѣда: вѣдь нельзя же поставитъ опредѣленную цифру чтобъ означитъ сколько должно знать каждому изъ исторіи; нѣсколькими фактами больше или нѣсколькими меньше — это все равно. Опять повторю: вопросъ экзаменатора обращенный къ учителю: „проходили ли это“? естъ вопросъ совершенно праздный.

Я знаю что эта система ученія исторіи несравненно труднѣе господствующей у насъ теперь; гораздо легче для учителя, по приходѣ въ классъ, спроситъ: „г-нъ такой-то! разкажите урокъ“. Такой-то говорить. „Довольно!“ и поставилъ баллъ по своему усмотрѣнію. Потомъ спроситъ другаго, третьяго. А вторую часть урока прочесть лекцію. Это можетъ исполнитъ всякій мало-мальски учившійся. Но по предполагаемой мною системѣ учитель много и долго долженъ обдумать чтѣ долженъ говорить ученикамъ, какіе факты долженъ повторять чаще, и какіе менѣе часто; притомъ онъ долженъ вести дѣло такъ чтобы во всемъ чтѣ онъ говоритъ былъ отгѣнокъ новаго, чтобы постоянно поддерживалось вниманіе учениковъ: ибо наказаніями можно достигнуть недвижнаго сидѣнія въ классѣ, а не истиннаго вниманія. Всякая неправильность сейчасъ отразится на результатѣ ученія. Все это очень трудно: но я не думаю чтобы можно было ставить въ недостатокъ системы ученія то что она непремѣнно требуетъ хорошаго и разумнаго исполненія: это скорѣе ея достоинство. Прекрасный примѣръ такой системы ученія представляетъ г. Курличниковъ въ отчетѣ объ урокахъ исторіи въ одной Берлинской гимназіи. (*Циркуляръ Московскаго учебнаго округа.*)

Преподаваніе географіи должно идти по той же системѣ. Сперва опредѣлитъ сколько свѣдѣній и какъ должно сообщить ученикамъ. Потомъ проходить эти свѣдѣнія постепенно, прибавляя каждый урокъ понемногу. Всякое названіе должно быть показано на картѣ или глобусѣ, которые непремѣнно должны постоянно оставаться въ классѣ. Прощедши всю

географію разъ, учитель проходитъ ее другой разъ, увеличиваетъ объемъ. И все какъ въ исторіи. Для правильнаго веденія всего дѣла должно составить опредѣленную программу; но этого еще мало: учителя ждетъ серіозный трудъ составленія плана для примѣненія этой программы къ дѣлу.

Физика назначается для высшихъ классовъ. При преподаваніи ея особенно нужно помнить что въ гимназіи преподается не наука, а только полезныя физическія свѣдѣнія. Поэтому всѣ строго научныя приемы должны быть откинуты: ихъ не усвоятъ ученики, потому что для усвоенія ихъ нужно много и очень много времени, да и подготовка должна быть посеріознѣе, нежели требуется для перехода въ пятый классъ гимназіи. Слѣдовательно, длинныя выкладки и изслѣдованія не должны имѣть мѣста въ гимназическомъ преподаваніи физики, но всѣ сообщаемыя свѣдѣнія должны быть наглядно объясняемы опытами. Эти свѣдѣнія такъ интересны и такъ легки для учениковъ высшихъ классовъ, что и не потребуется для ихъ усвоенія такого частаго и постоянного повторенія, какое нужно для фактовъ историческихъ и географическихъ.

Этимъ заключается весь кругъ наукъ необходимыхъ для правильнаго развитія гимназиста. Если къ этому прибавить чистописаніе, рисованіе, лѣвіе, курсъ гимназіи будетъ полный. Отличіе его отъ нынѣшняго будетъ состоять въ измѣненіи самаго принципа. Нынѣ основаніемъ всей системы ученія поставлено сообщеніе знаній. Но такъ какъ истинныхъ знаній, научныхъ знаній, гимназія не имѣетъ никакихъ средствъ доставить ученику, да и ученики по причинѣ крайней своей молодости не въ состояніи еще овладѣть такими знаніями, то постепенно дошли до того что знаніемъ стали называть умѣнье пересказать нѣсколько заученныхъ словъ. Изъ этого совершенно ложнаго взгляда легшаго въ основаніе нашей учебной системы, необходимо, какъ слѣдствіе отъ причины, произошло множество неаппѣтливѣйшихъ явленій, сопровождающихъ наше ученіе и сильно прелятствующаго его успѣхамъ. Такъ, все вниманіе наше обращено на развитіе памяти, независимо отъ всѣхъ другихъ способностей, потому что, по нашему понятію, принятому по необходимости въ школахъ, знаніе есть продуктъ одной памяти. А развитіе памяти, какъ животной способности, не дѣлаетъ человѣка ни на волосъ болѣе разви-

тымъ, болѣе образованнымъ. Скажу еще болѣе: ставя память независимою отъ другихъ способностей, главнымъ дѣятелемъ въ душѣ, распорядителемъ и мыслей и дѣйствій, мы искажаемъ правильное отношеніе способностей и останавливаемъ развитіе даже самой памяти. Всѣ знанія нашихъ учениковъ состоятъ только въ словахъ. Слова эти скоро забываются, а съ ними улетаетъ и знаніе. Притомъ бѣлая часть этихъ словъ, разказываемыхъ на экзаменѣ, ни съ какой стороны не примѣняется ни къ какому дѣлу; и если поставитъ вопросъ: зачѣмъ заставляли учениковъ это выучить? то въ болшей части случаевъ отвѣтъ будетъ невозможенъ. Не ясно ли это изъ вопроса экзаменатора: „проходили ли эту статью?“ Этотъ вопросъ показываетъ что статья эта проходила или не проходила, не потому что она нужна или не нужна для достиженія извѣстной цѣли, а потому что такъ захотѣлъ учитель. Оцѣнка учениковъ у насъ совершенно фантастическая.

Чтобъ устранить всѣ эти недосгатки, надобно согласиться что знаніе не можетъ быть цѣлью гимназическаго ученія; ученыхъ гимназистовъ быть не можетъ. Цѣлью ученія надобно поставить умѣніе; для достиженія этой цѣли надобно избрать такіе предметы которые бы для умѣнія требовали усвоенія значительнаго числа фактовъ и усиленнаго дѣйствія всѣми умственными способностями. Такіе предметы суть древніе языки и математика. Преподаваніе этихъ предметовъ нужно вести такъ чтобъ эта цѣль всегда имѣлась въ виду: ученики должны заучивать данныя и сейчасъ же дѣйствовать всѣми своими умственными способностями надъ этими заученными телерь и надъ всѣми прежде уже выученными данными. Умѣніе распорядиться всѣми данными — вотъ цѣль ученія. Древніе языки и математику должно положить въ основаніе ученія; по нимъ судить о развитости и неразвитости ученика. Кромѣ этого должно быть нѣсколько дополнительныхъ предметовъ: но каждый изъ нихъ долженъ имѣть свою цѣль, и преподаваніе его должно быть строго построено сообразно съ этою цѣлью: ни одного шага не долженъ дѣлать учитель внѣ этой цѣли. Построенное такимъ образомъ училище самымъ естественнымъ путемъ поведетъ учениковъ къ его настоящей цѣли, развитію умственныхъ способностей, и никакое противоестественное явленіе не будетъ имѣть возможности прорваться въ ученіе. Если телерь, на каждомъ

шагу всгрѣчая прелятствія въ самой системѣ ученія, гимназія ежегодно представляетъ нѣсколько (правда, немного) порядочно приготовленныхъ учениковъ, которые дѣлаютъ честь заведенію, то, поставивъ учителей въ такое положеніе что сама система ученія будетъ первымъ ихъ помощникомъ, мы имѣемъ право ожидать весьма удовлетворительныхъ результатовъ.

На этомъ я долженъ бы былъ кончить эту статью, но мнѣ нужно сдѣлать одну оговорку. Система ученія предлагаемая мною, есть строго классическая. Противники классическаго ученія и поборники приготовленія ученыхъ и многознающихъ гимназистовъ говорятъ будто мы считаемъ классическую систему единственнымъ средствомъ развитія, необходимымъ для каждаго человѣка, такъ что если кто хочетъ сдѣлаться салонникомъ, то будто мы и тому предлагаемъ изученіе латинскаго и греческаго языковъ, какъ единственное средство правильно приготовиться къ ожидающей его дѣятельности. Въ той же статьѣ *Вѣстника Европы* (1870. Июль) на стр. 396 говорится: „Что жъ должно сказать послѣ этого про насъ“ (авторъ считаетъ насъ, Русскихъ, приверженцами классическаго образованія, хотя его у насъ доселѣ еще нѣтъ), „которые, безразсудно вообразивъ что классическіе языки—якорь спасенія отъ всѣхъ бурь, вводимъ ихъ во всѣ заведенія и заставляемъ бесполезно сидѣть надъ ними почти все наше юношество, изъ котораго только самый незначительный процентъ поступаетъ въ университеты.“ Я не знаю можно ли предположить что написавшій эти строки дѣйствительно думаетъ то что написалъ. Не можетъ же быть чтобъ онъ, читая статьи защитниковъ классическаго образованія, умышленно или нечаянно пропускалъ именно тѣ мѣста въ которыхъ говорится о томъ что ученіе должно сообразоваться съ цѣлью заведенія, и о томъ къ какой цѣли ведетъ классическое ученіе; не можетъ же быть чтобы въ разговорахъ о классическомъ образованіи (вѣдь имѣлъ же онъ такіе разговоры) онъ терялъ чувство слуха именно въ то время когда разговоръ касался этой цѣли; не можетъ же быть чтобъ онъ не читалъ статей защитниковъ классицизма объ устройствѣ школъ съ другими цѣлями, не гимназическими: въ этихъ статьяхъ вѣдь и помину нѣтъ о латинскомъ и греческомъ языкахъ. Не можетъ же быть наконецъ чтобъ онъ не зналъ что

у насъ только въ немногихъ школахъ, только въ гимназіяхъ, преподаются древніе языки, но что и въ этихъ-то школахъ они далеко не имѣютъ преобладающаго значенія, а стоятъ совершенно на ряду чуть ли не съ цѣлымъ десяткомъ другихъ предметовъ: стало-быть, и гимназіи-то наши называются классическими только въ переносномъ смыслѣ. Невольно подумаешь что эти строки написаны оттого что авторъ ихъ не имѣлъ ничего серьезнаго что бы могъ сказать противъ классической системы, и хотѣлъ только бросить въ защитниковъ ея чѣмъ-нибудь обиднымъ. Во всякомъ случаѣ я считаю нужнымъ оговориться: предложенная мною система ученія назначается только для тѣхъ которые намѣрены перейти въ высшее учебное заведеніе и тамъ уже закончить свое образованіе, для тѣхъ которые должны пріучиться къ напряженной умственной дѣятельности, необходимой для уразумѣнія наукъ. Слѣдовательно она можетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ немногихъ заведеніяхъ которыя имѣютъ цѣлью приготовленіе къ высшему учебному заведенію. Это говорить всегда и вездѣ всѣ защитники классическаго ученія. Это и есть именно то что сказалъ Гладстонъ и что авторъ выписанныхъ строкъ считаетъ вполне правильнымъ и разумнымъ, неопровержимую истину; именно: „Этотъ (классическій) принципъ долженъ быть ограниченъ разумными предѣлами, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. Онъ долженъ примѣняться во всей полнотѣ лишь къ той небольшой части юншества всѣхъ націй которая составляетъ классъ людей получающихъ законченное образованіе.“ Если *Вѣстникъ Европы* признаетъ это истиннымъ, то противъ кого же онъ спорить въ своихъ толкахъ о классическомъ образованіи? Никто изъ защитниковъ классицизма никогда не сказалъ ничего не согласнаго съ этою мыслью Гладстона. Кромѣ школъ приготовляющихъ въ университетъ или въ другія высшія заведенія, долженъ быть еще рядъ школъ имѣющихъ другія цѣли. Устройство ихъ должно вполне сообразоваться съ ихъ спеціальною цѣлью. Онѣ должны быть разныхъ степеней, начиная отъ начальныхъ народныхъ школъ и кончая разными техническими, коммерческими, механическими, земледѣльческими и другими училищами. Но основной принципъ ученія долженъ быть и тамъ тотъ же: надобно учить умѣнью, выбравъ для этого тѣ предметы которые упражняютъ способности и сообщаютъ факты соотвѣтствующіе предположенной цѣли. Если

же цѣлью какой бы то ни было школы поставятъ доставленіе возможно обширныхъ познаній и система эта будетъ строго проведена, то необходимымъ слѣдствіемъ такого ложнаго основанія будутъ самыя неестественныя явленія всякаго рода, отъ безтолковой, губящей и душу и тѣло работы во время экзаменовъ до самоубійства.

А. РОБЕРЪ.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Археологическая монографія Таманскаго полуострова. Исслѣдованіе К. Гёрца. Съ 15ю политипажами, 1ю хромофотографическою и 3мя литографированными картами. Изданіе Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1870. 128 страницъ, in 4°.

Въ нашей ученой литературѣ рѣдко появляются книги изданныя такъ старательно, скажемъ вѣрнѣе, такъ изящно какъ трудъ г. Гёрца о Таманскомъ полуостровѣ. Печать, чертежи, карты, все составляетъ прекрасное цѣлое, свидѣтельствующее о вкусѣ и заботливости автора. Нельзя не радоваться при видѣ подобныхъ изданій, а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не благодарить Московское Археологическое Общество за оказываемыя имъ пособія и поощренія.

Трудъ г. Гёрца любопытенъ и по самому предмету своему, такъ какъ описываетъ древнія греческія поселенія, существовавшія на юго-восточной окраинѣ нашего отечества. Эти нѣкогда весьма цвѣтущія поселенія были звеномъ соединявшимъ исторію Россіи съ исторіей Византіи и Эллиновъ, и заслуживаютъ потому глубокаго изученія. Если

же присоединимъ что произведенныя въ этихъ мѣстностяхъ раскопки доставили замѣчательные остатки памятниковъ древности, обогатившіе многіе музеи, то изученіе становится законнымъ и необходимымъ, и любопытство замѣняется любознательностію.

Намъ пріятно познакомить любителей древности съ книгой г. Гёрца, и въ то же время желательно побесѣдовать съ почтеннымъ авторомъ о способѣ изученія столь важнаго предмета какъ *Археологическая топографія Таманскаго полуострова*. Не бывъ на мѣстѣ, мы можемъ искренне сочувствовать плодотворной дѣятельности проявляющейся въ этой области историческихъ изслѣдованій, но не рѣшимся произвести сужденія о предметахъ требующихъ личнаго участія въ произведенныхъ открытіяхъ. Обращаемся къ сторонѣ критической, къ вопросу о достовѣрности греческихъ писателей сообщающихъ свѣдѣнія о своихъ соотечественникахъ переселившихся на берега Мэотиды. Мы лобуждены къ своему труду тѣми мнѣніями которыя г. Гёрцъ весьма опредѣлительно высказываетъ, и тѣми путемъ которому онъ слѣдуетъ во всемъ своемъ сочиненіи. Послушаемъ автора. „Нѣкоторые читатели можетъ-быть найдутъ страннымъ, говорить онъ,* что нынѣшнія мѣстности Таманскаго полуострова нигдѣ не отождествляются съ древне-греческими поселеніями существовавшими тутъ по словамъ Страбона и другихъ греческихъ писателей. Но, при внимательномъ чтеніи втораго отдѣла, читатель убѣдится что каждая попытка этого рода до настоящей минуты—преждевременна“. „Разногласіе всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ, продолжаетъ онъ,** нисколько не удивительно. На одномъ и томъ же мѣстѣ, по мнѣнію одного писателя, существовалъ Алатуровъ, другаго—Горгиппія, третьяго—Эрмонасса. Такая идентификація—чистый произволъ. Пока точныя археологическія изслѣдованія, основанныя на находкѣ надписей или другихъ памятниковъ, не прольютъ новаго свѣта на подобнаго рода вопросы, до тѣхъ поръ занятіе ими будетъ принадлежать къ области пріятныхъ, но тѣмъ не менѣе чистыхъ комбинацій, отнюдь не основанныхъ на дѣйствительныхъ фактахъ. Цѣль настоящаго моего сочиненія преимущественно

* Стр. 2, въ концѣ.

** Стр. 3.

заключается въ желаніи вызвать въ нашемъ отечествѣ дѣятелей на подобнаго рода изслѣдованія; дѣятелей которые могли бы обогатить науку босфорскихъ древностей нерушимыми фактами. Они занесутъ на поля этого сочиненія новыя данныя и болѣе точныя свѣдѣнія, на недостатокъ и отсутствіе которыхъ часто указываетъ авторъ.“

Это сужденіе строгое, но едва ли справедливое, хотя и произнесенное съ увѣренностію какъ будто въ немъ непреложная истина.

Не будемъ говорить о важности памятниковъ; довольно вспомнить что ихъ открытіе измѣнило взглядъ на исторію Египта, Передней Азіи и самой Греціи, чтобы убѣдиться въ ихъ высокомъ значеніи для исторіи; но памятникъ пріобрѣтаетъ весь и цѣну только тогда когда сопровождается историческими свѣдѣніями: безъ нихъ онъ становится какъ бы надгробнымъ камнемъ не имѣющимъ надписи; имъ можно любоваться, но не изучать по немъ исторіи. При топографическомъ изысканіи мѣстностей, слѣдуетъ идти путемъ диаметрально противоположнымъ тому который столь рѣшительно предписываетъ авторъ. Требуется прежде всего критически разобрать извѣстія древнихъ писателей, а потомъ уже обратиться къ разсмотрѣнію сохранившихся памятниковъ. Правда, оба занятія помогаютъ другъ другу, идутъ рука-объ-руку; но критическій разборъ писателей предшествуетъ изученію издѣланныхъ памятниковъ и составляетъ его основаніе. Руководясь имъ, топографъ не уклонится отъ прямого пути и будетъ производить свои раскопки не случайно и не гадательно, а съ непоколебимою твердостью ученаго, сознательно идущаго къ опредѣленной цѣли. Если же, напротивъ, начать трудиться такъ какъ совѣтуетъ г. Гёрцъ; если, устранивъ изученіе древнихъ писателей, обратиться прямо къ новѣйшимъ и къ отысканію памятниковъ, то водворится хаосъ, котораго не побѣдитъ никакое знаніе. Вотъ причина необъяснимаго для автора разногласія новѣйшихъ писателей; причина также и того явленія что г. Гёрцъ не дошелъ до положительныхъ результатовъ, несмотря на свое усердіе и ревность къ дѣлу, несмотря на повеселенныя имъ тягости и даже на самопожертвованіе.

Мы относимся съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ труду г. Гёрца, и не можемъ не отдать ему справедливости что

онъ старался добросовѣстно исполнить свою задачу и представилъ полнѣйшее описаніе произведенныхъ въ разное время раскопокъ. Для достиженія своей цѣли онъ посѣтилъ мѣстность и воспользовался вообще всѣмъ что было ему доступно. Въ особенности онъ изучалъ новѣйшую литературу этого предмета и приводитъ множество самыхъ разнообразныхъ сочиненій, историческихъ, географическихъ, археологическихъ, лингвистическихъ, даже относящихся къ геологiи и естественной исторiи. Итакъ, казалось бы, онъ сдѣлалъ все чего только можно ожидать отъ подобныхъ разысканій.

Здѣсь мы расходимся. Мы думаемъ что авторъ упустилъ изъ виду самое главное и неминуемое, то на чемъ строится все зданіе и что рѣшаетъ весь подлежащій вопросъ: говоримъ о критическомъ разборѣ древнихъ показаній. Этимъ предметомъ автору слѣдовало, по нашему мнѣнію, заняться преимущественно предъ всѣми и прежде всѣхъ. Г. Гёрцъ приводитъ, правда, весьма большое число именъ древнихъ авторовъ: историковъ, географовъ, поэтовъ, эпитоматоровъ, но довольствуется голословными на нихъ ссылками. Ученые разрабатывавшіе Воспорскія древности давно уже собрали всѣ, какія только встрѣчаются у классическихъ писателей, извѣстія о Таманскомъ полуостровѣ; они, правда, а за ними и самъ авторъ, не коснувшись Византійцевъ, которые вѣроятно во многомъ дополнили бы указанія своихъ предшественниковъ и быть-можетъ разъяснили бы происшедшія перемѣны; но изъ собственно древнихъ авторовъ ими, кажется, не забытъ никто. Г. Гёрцъ воспользовался ихъ трудами и выставляетъ множество именъ и ссылокъ, въ особенности въ первой части своего сочиненія. Страбонъ* и Птолемей, Иродотъ и Экатей Милитскій, Скимнъ Хиосскій и Стефанъ Византійскій, Діонисій и Плиній, Помпоній Мела и Аммианъ Марцеллинъ, даже поэтъ Авзоній, всѣ упоминаются, приводятся, выписываются. Третій, четвертый и шестой параграфы первой главы наполнены этими именами.

Мы весьма далеки отъ мысли дѣлать въ томъ упрекъ автору. Но нельзя не сожалѣть что все помѣщенное въ первой главѣ изложено безъ опредѣленія руководящей мысли; никому не указано должнаго мѣста, никто критически не разобралъ. Рядомъ съ географомъ предлагающимъ полное

* По желанію автора, сохраняемъ различаемую имъ орѳографію греческихъ именъ. *Ред.*

исчисленіе мѣстностей, стоитъ писатель отъ котораго случайно сохранилось едва не одно только слово, удѣлявшее притомъ въ позднѣйшемъ сборникѣ. Въ доказательство какаго-либо событія, авторъ приводитъ иногда не подлинный источникъ, а новѣйшаго ученаго *; при опредѣленіи мѣстоположенія города, онъ не заботится объ узнаніи точнаго смысла свидѣтельства у современнаго географа, а обращается къ геологіи и на ней строитъ свою теорію **; собственные же заключительные выводы автора изъ древнихъ писателей часто крайне послѣдны. *** Идя этимъ путемъ, г. Гёрцъ самъ затемнилъ свой предметъ и добровольно создалъ себѣ трудности, оказавшіяся столь великими что онъ наконецъ сознается въ невозможности преодолѣть ихъ и говоритъ съ откровенностію что „дошелъ только до отрицательныхъ результатовъ“. ****

По словамъ самого же автора, † существуетъ „обиліе свидѣтельствъ греческихъ писателей“ о Таманскомъ полу-

* На стр. 7 г. Гёрцъ пишетъ „что Фанагорія въ древности погибла насильственно“, и въ подтвержденіе ссылается на г. Кене и на 396 страницу I тома его описанія музея покойнаго князя В. П. Кочубея. Спб. 1857. Такъ какъ однако извѣстно что Фанагорія разрушена въ шестомъ столѣтіи, то не слѣдовало ли справиться объ ея паденіи у Византіяца Прокопія, а не у г. Кене?

** На стр. 32 г. Гёрцъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ своего письма къ г. академику Абиху: „Если, говоритъ онъ, постоянное засореніе различныхъ устьевъ Кубани, образовавшихъ отдѣльные острова, можетъ быть доказано геологическими изслѣдованіями, то извѣстное мѣсто Стравона о положеніи Фанагоріи совершенно оправдывается: оне тождественно съ Станціей Сѣвною.“ Мы увидимъ ниже что, по Стравону, Фанагорія стояла въ совершенно другомъ мѣстѣ.

*** На стр. 34 читаемъ слѣдующій замѣчательный силлогизмъ. Стефанъ Византійскій говоритъ что Эрмонасса лежала на островѣ; Стравонъ говоритъ что Эрмонасса лежала въ Сидикѣ; г. Гёрцъ заключаетъ: „Отсюда ясно что Сидика была островъ.“ Для оцѣнки этого силлогизма составимъ ему равносильный. Однѣмъ географъ говоритъ что Академія Наукъ и Университетъ находятся на островѣ. Другой географъ говоритъ что Академія Наукъ и Университетъ находятся въ Петербургѣ. Итакъ, ясно что Петербургъ есть островъ.

**** Стр. 20.

† Стр. 34.

островъ; не всѣ они однако имѣютъ равное достоинство. Первенствующіе въ этомъ вопросѣ Стравонъ и Птолемей. Прочіе могутъ служить помощію, дополненіемъ и разъясненіемъ, во установленіе воспорской топографіи зависитъ отъ сихъ двухъ географовъ. Новѣйшему ученому слѣдовательно предстоитъ прежде всего изучить ихъ извѣстія и критически разобрать оныя. Для сего необходимо быть вполне знакомымъ съ приемами употребляемыми древними географами для опредѣленія мѣстоположеній городовъ. Эти же географы, и въ особенности Стравонъ, обозначаютъ, едва ли не съ математическою точностію, разстоянія мѣстностей между собою числомъ стадіевъ: * слѣдовательно необходимо знать что значить стадій. Итакъ, посвящающій себя этому изслѣдованію писатель можетъ приступить къ нему не иначе какъ обладая двоякою силой: *знаніемъ способа опредѣленія мѣстностей у древнихъ географовъ и знаніемъ измѣреній называемыхъ стадіями.* Оба эти требованія не исполнены авторомъ.

Можно было бы подумать что, уклоняясь отъ изученія древнихъ географовъ, авторъ поступаетъ намѣренно, ибо, по видимому, онъ какъ будто приводитъ доказательство своему образу дѣйствій. „Древніе географы, говоритъ онъ,^{1**} передали намъ только имена существовавшихъ здѣсь поселеній, такъ сказать, одинъ звукъ.“

Извѣстно что древніе писатели отличаются краткостію изложенія; но чтобъ они въ разсматриваемыхъ извѣстіяхъ передали одинъ звукъ, въ этомъ менѣе всего можно согласиться. Разсмотримъ эти извѣстія, притомъ не какія-либо нами особенно избранныя, но тѣ самыя о коихъ авторъ отзывается съ такимъ пренебреженіемъ, и постараемся узнать заключаетъ ли въ нихъ что-либо болѣе звука. Этотъ разборъ не будетъ продолжителенъ, такъ какъ въ оочивеніи г. Гёрца находимъ только одно мѣсто древняго писателя, именно отрывокъ изъ Стравона, которое помѣщено и въ греческомъ подлинникѣ, и въ русскомъ переводѣ, и сверхъ того *внимательно разобрано*, какъ выражается самъ авторъ. Къ этому отрывку мы и обратимся.

* Г. Гёрцъ ошибочно пишетъ стадія вмѣсто стадій.

** Стр. 2, послѣдняя строка.

Стравовъ пишетъ: * „Выше Корокондамы большой заливъ называемый по ея имени Корокондамскимъ (нынѣ Таманскій); онъ вливается въ море въ десяти стадіяхъ отъ сего мѣстечка. Въ этотъ заливъ впадаетъ рукавъ рѣки Антикита (нынѣ Кубань), чрезъ что образуется островъ, омываемый этимъ самымъ заливомъ, Мэотидой и рѣкой. Нѣкоторые называютъ и эту рѣку Иланиемъ, одинаково съ тою что течетъ у Вориссена.“

„Вплывшему (или вѣхавшему, или вшедшему) на корабль въ Корокондамскій заливъ показываются: Фанагорія, геродъ достославный, Кылы,** Эрмонасса и Алатуръ, святыня Афродиты. Изъ нихъ Фанагорія и Кылы расположены по оказанному острову для лывущаго (или вѣзжающаго) на корабль въ заливъ на лѣвой сторонѣ, другіе же города на правой сторонѣ въ Синдикѣ за Иланиемъ. Въ Синдикѣ же лежитъ, не далеко отъ моря, Горгишия, царскій дворецъ Синдовъ, и Аворака. Властителамъ (династамъ) Воспора подчинены всѣ кого

* *Strabonis Geographica*. Curantibus C. Mullero et F. Dubnero. (Parisii, editore Ambrosio Firmin Didot. 1858.) Книга XI, га. II, § 9.

Υπέρεται δὲ τῆς Κοροκονδάμης εὐμετέθης λίμνη, ἣν καλοῦσιν ἀπ' αὐτῆς Κοροκονδαμίτιν ἐκδίδωσι δ' ἀπὸ δέκα σταδίων τῆς κώμης εἰς τὴν θάλατταν ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἀπορροῦε τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ, καὶ ποιῶν νῆσον περικλυστὸν τινα ταύτη τε τῆ λίμνη καὶ τῆ Μαυίτιδι καὶ τῷ ποταμῷ. Τινὲς δὲ καὶ τοῦτον τὸν ποταμὸν Ὑπανίον προσαγορεύουσι, καθάπερ καὶ τὸν πρὸς τῷ Βορυσθένει.

§ 10. Εἰσπλεύσαντι δ' εἰς τὴν Κοροκονδαμίτιν ἢ τε Φαναγορία ἐστὶ πόλις ἀειόλογος, καὶ Κήποι καὶ Ἐρμύνασσα καὶ τὸ Ἀπάτουρον, τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ὧν ἡ Φαναγορία καὶ οἱ Κήποι κατὰ τὴν λεχθείσαν νῆσον ἴδρυνται, εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερῇ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ. ἔστι δὲ καὶ Γοργυπία ἐν (δὲ) τῇ Σινδικῇ, τὸ βασιλεῖον τῶν Σινδῶν, πλησίον θαλάττης, καὶ Ἀβοράκη. τοῖς δὲ τοῦ Βοσπόρου δυνάσταις ὑπήκοοι ὄντες ἅπαντες Βοσπορανοὶ καλοῦνται· καὶ ἐστὶ τῶν μὲν Εὐρωπαϊῶν Βοσπορανῶν μητρόπολις τὸ Παντικάπαιον, τῶν δ' Ἀσιανῶν τὸ Φαναγόρειον (καλεῖται γὰρ καὶ οὕτως ἢ πόλις), καὶ δοκεῖ τῶν μὲν ἐκ τῆς Μαυίτιδος καὶ τῆς ὑπερκειμένης βαρβάρου κατακομιζομένων ἐμπόριον εἶναι τὰ Φαναγόρεια, τῶν δ' ἐκ τῆς θαλάττης ἀναφερομένων ἐκεῖσε τὸ Παντικάπαιον. ἐστὶ δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορίᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου.

** Ои Кѣποι означитъ сады. Еслибы великолѣпные остатки Веспорскихъ памятниковъ не удостовѣряли въ дѣйствицѣ положеніи греческихъ поселеній, то это названіе города могло бы послужить тому намекомъ.

называютъ Воспорянами; и Пантикалѣй есть митрополія (столица) Воспорянъ европейскихъ, Фанагорій же (ибо и такъ называется этотъ городъ) азиатскихъ. Притомъ кажется что Фанагорійская пристань * служить торговымъ складомъ для произведеній привозимыхъ изъ Меотиды и вышележащей иноплеменной земли, Пантикалѣй же для произведеній доставляемыхъ туда изъ Понта. Въ самой Фанагоріи есть замѣчательный храмъ Афродиты Алатуры.“

Приведенныя слова Стравона составляютъ только весьма малую часть его прекраснаго и подробнаго описанія Киммерійскаго Воспора; несмотря однако на то что они сообщены здѣсь въ отрывкѣ, безъ связи съ предыдущимъ, едва ли можно, даже при бѣгломъ чтеніи, сказать что въ нихъ заключается одинъ звукъ. Если же внимательнѣе вникнемъ въ ихъ содержаніе и постараемся узнать вѣрный смыслъ ихъ, то найдемъ въ этомъ самомъ отрывкѣ такое точное указаніе мѣстностей которое не уступитъ своею опредѣленностію никакимъ новѣйшимъ географіямъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изученію описываемой Стравономъ мѣстности, мы обязаны разъяснить нѣкоторыя выраженія географа и оправдать свое толкованіе, такъ какъ оно существенно отличается отъ толкованія г. Гёрца. ** Авторъ

* Выраженіе Стравона τὰ Φαναγόρεια означаетъ здѣсь морскую пристань города Фанагоріи, что между прочимъ подтверждаетъ Стефанъ Византійскій въ словѣ Φαναγόρεια. Онъ говоритъ: "Ἔστι καὶ ἐμπορίων τὰ Φαναγόρεια ὀδὸς".

** Г. Гёрцъ переводитъ такъ: (Стр. 21) „Выше Корокондамы находится большой лиманъ, называемый по имени этого селенія Корокондамитскимъ (Корокондамскимъ); онъ изливается въ море на разстояніи 10 стадій (стадіевъ) отъ Корокондамы. Въ озеро впадаетъ рукавъ Антикитеса (Антикита); такимъ образомъ эта страна образуетъ островъ, вокругъ омываемый Корокондамитскимъ (Корокондамскимъ) лиманомъ, Меотійскимъ озеромъ и Антикитесомъ (Антикитомъ). Въѣхавъ въ Корокондамскій лиманъ, находимъ Фанагорію, значительный городъ, Келы (Килы), Гермонассу (Эрмонассу) и Алатуронъ (Алатуръ), храмъ Афродиты. Изъ нихъ Фанагорія и Келы находятся на упомянутомъ островѣ, для въѣзжающаго въ лиманъ по лѣвую руку; прочіе же города лежатъ вправо, по ту сторону Ипаниса (Ипанія), въ Сидикѣ. Тутъ лежатъ въ Сидикѣ и Горгишия, столица сидскихъ царей, близъ моря; и Авораке (Аворака).“ Остальную часть Стравонова описанія г. Гёрцъ не перевелъ вовсе.

перевелъ здѣсь Стравона несомнѣнно точно, приписываетъ древнему географу чего у него нѣтъ и представляетъ положеніе мѣстностей въ самомъ рѣзкомъ противорѣчii съ Стравономъ, утверждая между тѣмъ что онъ идетъ по столамъ географа.

Начнемъ со словъ Стравона: τὸ Ἀπάτουρον, τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν. Авторъ перевелъ: „Апатуронъ, храмъ Афродиты“; но слѣдовало сказать: „Апатуръ, святилище Афродиты“; чрезъ эту, повидимому незначительную, перемѣну получается совершенно другой смыслъ, и сама мѣстность окажется въ иномъ видѣ.

Извѣстія эллинскихъ писателей, дополненныя открытіями памятниковъ, позволяютъ составить ясное понятіе о вѣншемъ видѣ древнихъ греческихъ храмовъ. Они представляли собою отдѣльное цѣлое, обнесенное стѣной или оградой, περίβολος, въ срединѣ коего стоялъ одинъ, а иногда нѣсколько храмовъ, вѣсь, и сверхъ того другія меньшія зданія, οἰκῆμα, соотвѣтствовавшія вѣроятно нашимъ христіанскимъ часовнямъ. Пространство внутри стѣны называлось τέμενος, а все священное цѣлое τὸ ἱερὸν. Не говоря уже о множествѣ, сюда относящихся, древнихъ свидѣтельствъ, стоить только прочесть разказъ Фукидида о смерти побѣдителя при Платѣяхъ Павсаніа,* чтобы познаться и съ положеніемъ древняго храма, и съ наименованіями частей священнаго мѣста. Если слово τὸ ἱερὸν употребляется для обозначенія подобнаго зданія, то слѣдуетъ перевести естественно словомъ храмъ. Но въ приведенномъ описаніи Стравона это слово имѣетъ другое значеніе.

Въ древней Греціи есть особенность, составляющая отличительный признакъ государственнаго строя Эллиновъ. Кромѣ вѣсь извѣстныхъ республикъ, которыя можно было бы назвать свѣтскими, находились еще общины жреческія, такъ-сказать, духовныя, наминающія бывшія нѣкогда въ Европѣ духовныя владѣнія, изъ коихъ послѣднее, Палская область, только теперь прекратило, вѣрнѣе говоря, прекращаетъ свое бытіе. Эти общины были въ весьма большомъ числѣ и весьма разнообразны, какъ по своему политическому положенію, такъ и по роду занятій своихъ гражданъ. Нѣкоторыя услъли

* Фукидидъ 1, 134, 1: Λέγεται δ' αὐτὸν (Παυσανίαν)..... πρὸς τὸ ἱερὸν τῆς Χαλκιοῦκου χωρῆσαι δρόμῳ καὶ προκαταφυγεῖν ἦν δ' ἔγγυς τὸ τέμενος. Καὶ ἐς οἰκῆμα οὐ μέγα δ ἦν τοῦ ἱεροῦ ἐσελθὼν, ἵνα μὴ ὑπαίθριος τάλαιπυροῖη, ἠσύχαζεν.

достигнуть полной верховной независимости, и являются столь же самостоятельными республиками жреческими или духовными, какими были Спарта, Коринѣ, Аѳины между республиками свѣтскими, хотя и не обладали одинаковымъ съ ними политическимъ могуществомъ. Такими республиками признавались Дельфы и Додона, занимавшія первостепенное мѣсто и стоявшія какъ бы во главѣ всѣхъ подобныхъ общинъ древняго греческаго міра. За ними слѣдовалъ длинный рядъ святыхъ существовавшихъ на всемъ пространствѣ заселенномъ Греками и также устроенныхъ въ видѣ общинъ или маленькихъ республикъ. Эти святые встрѣчаются иногда въ легкой политической зависимости отъ другихъ, даже свѣтскихъ республикъ, иногда же оказываются самостоятельными въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ онѣ вышли изъ поселеній окружавшихъ храмы, а потому въ нихъ всегда оставалось и преобладало ихъ первоначальное назначеніе — совершать религиозные обряды. Но, подъ покровомъ божества и вѣры, постепенно присоединялись и вырабатывались разныя учрежденія, которыя, соотвѣтствуя духу и потребностямъ Элливовъ, придавали имъ особенный вѣсъ и значеніе, и благодаря коимъ многія изъ нихъ обогатились и украсились великолѣпными зданіями, нѣкоторыя приобрѣли сверхъ того даже славу въ исторіи. Къ послѣднимъ принадлежатъ, не говоря уже о Дельфахъ, три знаменитыя въ древности святые, именно: Зевса Олимпійскаго, *Τὸ ἱερόν τοῦ Ὀλυμπίου Διός*, или Олимпія, *Ὀλυμπία*; Зевса Немейскаго, *Τὸ ἱερόν τοῦ Διὸς τοῦ Νεμείου*, или Немея, *Νεμέα*, и Посидона Исѳемійскаго, *Τὸ ἱερόν τοῦ Ἰσθμίου Ποσειδῶνος*, у восточнаго берега Коринѣскаго перешейка, всѣ три замѣчательныя своими агонами или играми.

Самый обширный разрядъ священныхъ общинъ составляли тѣ изъ нихъ въ коихъ изучались разнаго рода предсказанія и которыя извѣстны подъ именемъ прорицалищъ или оракуловъ, *ματεῖα*. Онѣ встрѣчаются вездѣ гдѣ только произносилось эллинское слово, какъ въ собственной Греціи, на островахъ Архилелага и Малой Азіи, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ греческихъ поселеніяхъ. Ихъ число приводитъ въ изумленіе, ибо изъ упоминеній древнихъ писателей насчитывается до трехъ сотъ прорицалищъ, но нѣтъ сомнѣнія что ихъ было несравненно болѣе, такъ какъ Элліны не предпринимали ничего, ни въ дѣлахъ государства, ни въ частной жизни,

и не начинали даже ораженій не спросивъ воли бога. И здѣсь возвышались предъ всѣми Додона и Дельфы, привлекая къ себѣ тысячи поклонниковъ со всѣхъ концовъ греческаго міра; были однако и другія прорицалища славившіяся сокровищами, коими ихъ надѣляли вѣрующіе, хотя и уступавшія симъ двумъ святынямъ. Въ эпоху Кура процвѣтали, по свидѣтельству Иродота, * Авы, Ἄβαι, въ Фокидѣ, Амфіарій, τὸ Ἀμφιάρειον, близъ Оропа, на рубежѣ между Аттикой и Вiotiей, Трофоній, Τὸ Διὸς Τροφωνίου μαντεῖον, близъ Ливадіи въ Віотіи, и Вранхиды, οἱ Βραγχίδαι, и αἱ Βραγχίδαι, близъ города Милита въ Малой Азіи. Всѣ эти мѣстности съ оракулами носили названіе святынь, τὸ ἱερόν, и были жреческими общинами.

Особенный отдѣлъ, устроенный впрочемъ на тѣхъ же основаніяхъ, образовывали общины гдѣ жрецы-граждане посвящали себя врачебному искусству, занимаясь имъ изъ рода въ родъ, въ теченіе столѣтій. Въ этихъ святыняхъ устраивались лечебницы и пріюты, принимались мѣры для подаванія помощи страждущимъ и увѣчнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучалась въ теоріи и практикѣ медицина; но все творилось подъ верховнымъ руководствомъ и благословеніемъ бога Аскліпія, Ἀσκληπιός (по-римски Эскулапія, Aesculapianus) и его именемъ. Поклоненіе Богу Аскліпію указываетъ повсюду на ту сторону древнѣйшей эллинской образованности, гдѣ наука еще не отдѣлялась отъ религіи и, служа общественнымъ цѣлямъ, разрабатывалась отдѣльными сословіями. Это поклоненіе уломинается первоначально въ Фессаліи и оттуда распространилось по всей Греціи, водворяя въ ней изученіе врачебнаго искусства; потому и самыя святыни сего бога встрѣчаются въ Фессаліи прежде чѣмъ въ другихъ странахъ Греціи. Такая святыня существовала, даже во времена Стравона, близъ Фессалійскаго города Τρικκί, Τρίκη или Τρίακη, нынѣ Τρίκκαλα, у подошвы горы Πίνδα, и Стравонъ ** называетъ ее „древнѣйшею и

* Иродотъ 1, 46, 2: διαπέμψας (Κροῖσος) ἄλλους ἄλλη, τοὺς μὲν ἐς Δελφοὺς ἵέναι, τοὺς δὲ ἐς Ἄβας τὰς Φωκέων, τοὺς δὲ ἐς Δωδώνην· οἱ δὲ τινες ἐπέμποντο παρὰ τε Ἀμφιάρειον καὶ παρὰ Τροφώνιον, οἱ δὲ τῆς Μηλσιῆς ἐς Βραγχίδαας.

** Стравонъ, по издан. Дидота, IX, гл V, § 17: Ἔστι δ' ἡ μὲν Τρίακη, ὅπου τὸ ἱερόν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἀρχαιότατον καὶ ἐπιφανέστατον, διμορος τοῖς τε Δόλοψιν καὶ τοῖς περὶ τὴν Πίνδον τόποις.

славнѣйшею святыней Аскліпія. Слова географа подтверждаетъ повѣсть Иліады, превозносящій Махаона, Μαχάων, υἱος, и его брата Подалирія, Ποδαλείριος, какъ искусныхъ врачей Ахейцевъ, прибавляя при этомъ что они были изъ Трикки. Подобная община находилась на островѣ Косѣ, ἢ Κῶς, и признавалась одною изъ самыхъ знаменитыхъ въ древнемъ мірѣ, частію по своему собственному высокому значенію, частію же какъ родина и мѣсто ученія Иппократа. Эта святыня занимала отдѣльную мѣстность предъ городомъ, ἐν τῷ προαστείῳ, и, подобно другимъ, называлась τὸ Ἀσκληπιείον ἱερόν. * Упомянемъ еще о святынѣ Аскліпія близъ Эпидавра, въ особенности потому что сохранившіяся до сихъ поръ ея развалины даютъ ясное понятіе о составѣ и устройствѣ этого рода общинъ. Въ шести или семи верстахъ отъ Эпидавра, лежатъ въ прекрасной, окруженной холмами, равнинѣ остатки многихъ памятниковъ и между ними великолѣпный театръ, свидѣтельствующій о щедрыхъ дарахъ которые приносились излѣчившимися больными. Всего любопытнѣе случайность что эта пустынная, только развалинами покрытая, мѣстность называется и теперь у окрестныхъ жителей святыней, ἱερόν, какъ я самъ слышалъ, находясь тамъ въ началѣ мѣсяца 1861 года. Три приведенныя святыни Аскліпія, Трикка, Косъ и Эпидавръ считались въ древности самыми знаменитыми, и въ нихъ, по словамъ Стравона, ** велось записи, куда вносились описанія болѣзней вмѣстѣ съ излѣчившими ихъ лечебными средствами.

Наконецъ послѣдній и не менѣе многочисленный отдѣлъ древнихъ греческихъ святынь состоялъ изъ общинъ которыя и въ наше время могли бы носить подобное имя. То были города или мѣстечки создававшіеся вокругъ храмовъ, ими вызванныя и ими существовавшіе, бывшіе въ полной

* Стравонъ XIV, гл. II, § 19: Ἐν δὲ τῷ προαστείῳ τὸ Ἀσκληπιείον ἐστίν, σφόδρα ἐνδοξόν καὶ πολλῶν ἀναθημάτων μεστὸν ἱερόν, ἐν οἷς ἐστὶ καὶ ὁ Ἀπέλλου Ἀντίγονος.

** Стравонъ VIII, гл. VI, § 15: Καὶ αὕτη δὲ οὐκ ἄδημος πόλις (Ἐπίδαυρος), καὶ μάλιστα διὰ τὴν ἐπιφάνειαν τοῦ Ἀσκληπιοῦ θεραπεύειν νόσους παντοδαπὰς πεπιστευμένου, καὶ τὸ ἱερόν πληρὸς ἔχοντος αἰεί τῶν τε καμνόντων καὶ τῶν ἀνακεμένων πινάκων ἐν οἷς ἀναγεγραμμέναι τυτχάνουσιν αἱ θεραπείαι, καθάπερ ἐν Κῶ τε καὶ Τρίκκῃ.

отъ храмовъ зависимости и раздѣлявшіе судьбу ихъ. Такія общины называются у древнихъ писателей иногда святынями, τὸ ἱερόν, иногда городами, ἢ πόλις, такъ какъ онѣ были священными городами, жившими храмомъ и для храма. Эти святыни привлекали къ себѣ богомольцевъ, однѣ обладая особенно чтимыми изображеніями божества, другія разнаго рода священными, посланными божествомъ, предметами, нѣкоторыя какъ мѣста богоявленія, всѣ вообще—на поклоненіе и молитву. Въ нихъ совершались иногда игры, давались иногда предсказанія, но это не было ни особеннымъ, или преимущественнымъ, или такъ-сказать исключительнымъ ихъ занятіемъ и не составляло ихъ существеннаго свойства: онѣ не были какими-либо учрежденіями, а святынями въ собственномъ смыслѣ. Между всѣми славился и надъ всѣми возвышался священный островъ и городъ Дилосъ, нынѣ Дилѹ, куда ежегодно стекалось множество лаломниковъ въ праздникъ рождества Аполлона, происходившій въ концѣ весны, въ 7й день мѣсяца Θαργγιλίονα, Θαργγιλίον, ἄνος, и куда даже назначались торжественныя, священныя посольства, называемыя у Грековъ Θεορίями, Θεωρίαι.

Намъ могутъ возразить, и повидимому какъ бы основываясь на показаніяхъ самихъ греческихъ писателей, что нельзя признавать святыни отдѣльными отъ городовъ мѣстностями, такъ какъ, сообщая о нихъ, древніе иногда показываютъ ихъ существующими въ городахъ. Стравонъ, могутъ сказать, упоминаетъ объ Асклипіи при описаніи Эпидавра, а говоря о Триккѣ онъ даже прибавляетъ: „гдѣ святыня бога Асклипія“. Это возраженіе утратитъ свою силу, если вспомнимъ особенное свойство политическаго языка Грековъ, требующее весьма большаго вниманія при ихъ чтеніи, чтобы не власть въ ошибку. Какъ слово πόλις означаетъ у нихъ городъ и республику, такъ и собственное имя каждаго πόλις употребляется всегда равномерно для обозначенія обоихъ понятій, то-есть имени города и имени республики. Написавъ слово ἢ Τρίκκη, Стравонъ могъ говорить и о городѣ и о всей его области или республикѣ; въ приведенномъ же нами мѣстѣ онъ разумѣлъ послѣднюю, и самъ подтверждаетъ это, присовокупляя что она смежна съ Дололами и съ мѣстностями по Пинду. Такъ и слово Эпидавръ означаетъ и собственно городъ Эпидавръ и всю Эпидаврійскую область, то-есть рес-

публику, въ коей и находилась святиня Аскалпія, на значительномъ даже, по древле-эллиническому размѣру, разстояніи отъ города. Если же подобная святиня носила еще, сама по себѣ, особенное названіе, что впрочемъ рѣдко случалось, то упоминавшій о ней писатель не пропускалъ обыкновенно этого обстоятельства, а старался его выставить. Приведемъ въ доказательство описание геринійской святини, находящейся у Стравона, и сопоставимъ оное съ ея же описаніемъ у Павсанія. Стравонъ, * по обыкновенію, написалъ кратко: „Въ Гериніи (въ Меосиніи) замѣчательна святиня Триккѣйскаго Аскалпія, устроенная по образцу той что въ Тессалійской Триккѣ.“ Здѣсь можно было бы подумать что святиня лежала въ городѣ Гериніи, но Павсанія разъясняетъ точный смыслъ словъ своего предшественника. „Въ Гериніи, говоритъ перигитъ, ** есть святиня Махаона, сына Аскалпія, и въ ней его памятникъ, такъ какъ и Махаонъ излѣчивалъ болѣзнь людей. Это священное мѣстечко называютъ Родосомъ, и тамъ бронзовая статуя Махаона.“ Очевидно что оба автора разумѣютъ подъ словомъ Гериніи, не собственный городъ, а всю область. Присоединимъ, съ цѣлію устранить всякое сомнѣніе, еще одинъ примѣръ подобнаго употребленія собственныхъ именъ у греческихъ писателей. Исчисляя памятники Платѣйской республики, Павсанія *** говоритъ между прочимъ что въ Платѣяхъ есть храмъ Димитры, именуемой Элевсинскою. Здѣсь подъ словомъ ἐν Πλαταιαῖς слѣдуетъ разумѣть: „Въ области Платѣйцевъ“, ибо изъ разказа Иродота извѣстно что этотъ храмъ стоялъ внѣ города. Историкъ пишетъ **** что Спартанцы, идя отъ Гаргафіи къ Острову, остановились у

* Стравонъ VIII, гл. IV, § 4: Δείκνται δ' ἐν τῇ Γερηνίᾳ Τρικκαίου ἱερὸν Ἀσκληπιοῦ, ἀφίδρυμα τοῦ ἐν τῇ Θεσσαλικῇ Τρίκκῃ.

** Павсанія III, гл. XXVI, § 9: Ἐνταῦθα ἐν τῇ Γερηνίᾳ Μαχάονος τοῦ Ἀσκληπιοῦ μνῆμα καὶ ἱερὸν ἐστὶν ἁγίον· καὶ ἀνθρώποις νόσων ἰάματα παρὰ τῷ Μαχάονι ἐστὶν εὐρέσθαι. Καὶ Ῥόδον μὲν τὸ χωρίον τὸ ἱερὸν ὀνομάζουσιν, ἄγαλμα δὲ τοῦ Μαχάονος χαλκοῦν ἐστὶν ὄρθον.

*** Павсанія IX, гл. IV § 3: Ἔστι δὲ καὶ Δήμητρος ἐπίκλησιν Ἐλευσινίας ἱερὸν ἐν Πλαταιαῖς.

**** Ирод. IX, 57, 2: Τὸ δὲ ἀπελθὼν ὄσον τε δέκα στάδια ἀνέμενε τὸν Ἀμομφαρέτου λόχον, περὶ ποταμὸν Μολόεντα ἰδρυμένον Ἀρτιόπιόν τε χωρίον καλεούμενον, τῇ καὶ Δήμητρος Ἐλευσινίης ἱερὸν ἦσται.

храма Элевсидской Димитры, гдѣ и подвергались нападению персидскаго войска. Если же авторъ желаетъ показать что упоминаемый имъ памятникъ находился внутри города, то обыкновенно прибавляетъ: ἐν αὐτῇ τῇ πόλει, какъ пишетъ Павсанія, вступивъ въ самый городъ Платеи. *

Итакъ, слово τὸ ἱερόν означаетъ и храмъ и храмовый городъ или святиню, а слово ἡ πόλις означаетъ иногда городъ, иногда республику и всю подчиненную ей область.

Послѣ этихъ, хотя по важности предмета слишкомъ краткихъ, замѣчаній, возвратимся къ труду г. Гёрца.

Г. Гёрцъ, перевода Стравона, называетъ Алатуръ храмомъ, между тѣмъ какъ самъ Стравонъ называетъ его городомъ, и притомъ не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ своей географіи, но въ тѣхъ самыхъ строкахъ которыя авторъ привелъ и по-гречески, и по-русски. Прочтемъ Стравона. Онъ указываетъ сперва четыре мѣстности: Фанагорію, Килы, Эрмонассу и Алатуръ; потомъ говоритъ что Фанагорія и Килы лежали по лѣвую сторону, *остальные же города, аі δὲ λοιπὰ πόλεις*, прибавляетъ онъ, по правую. Спрашивается, какіе же города? Естественно Эрмонасса и Алатуръ. Другими словами: выраженіе τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν значитъ здѣсь святиня Афродиты и служить доказательствомъ что Алатуръ былъ въ маломъ видѣ такимъ же священнымъ городомъ, или святиней какъ островъ Дилосъ. Но нѣсколько строкъ далѣе, когда Стравонъ, описывая Фанагорію, говоритъ: ἐστὶ δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορίᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν ἐπίσημον τῆς Ἀκατοῦρου, онъ обозначаетъ словомъ τὸ ἱερόν не священный городъ, а храмъ, стоявшій въ самой Фанагоріи, что мы и передали въ помѣщенномъ выше переводѣ. Не можемъ только объяснить по какой причинѣ г. Гёрцъ выпустилъ, такъ же какъ и Дюбуа, все это мѣсто Стравона, служащее дополненіемъ къ его топографическому описанію Киммерійскаго Воспора.

Замѣтимъ еще неточность, которой впрочемъ не придаемъ особеннаго вѣса, и упоминаемъ о ней только изъ желанія познакомить читателя съ изложеніемъ Стравона, замѣчательнымъ въ томъ смыслѣ что географъ умѣетъ въ самыхъ краткихъ словахъ очертить и наглядно представить мѣстность.

Г. Гёрцъ переводитъ слово τὸ βασιλεῖον—столица; сѣдовало

* Павсанія IX, гл. II, § 7.

оказать: дворець, какъ по лексическому значенію сего слова, такъ и потому что самъ же Стравоуъ разъясняетъ свою мысль нѣсколько строкъ ниже. Онъ говоритъ что Фанагорія была митрополіей, то-есть столицей, Воспорявъ азіатскихъ, Пантикалэй столицей европейскихъ, а Горгилія царскимъ дворцомъ, то-есть мѣстопребываніемъ Синдовъ.

Перейдемъ теперь къ рѣзкомѣтнѣйшей части приведеннаго нами описанія Стравоуа, къ той гдѣ лежитъ ключъ къ узнанію всѣхъ названныхъ географомъ мѣстностей и гдѣ писатель опредѣляетъ ихъ топографическое положеніе: говоримъ о выраженіяхъ Стравоуа: *εὐπλευσάντι* и *εὐκλέοντι* что мы перевели словами: влившему (или вѣхавшему) на корабль, и для плывущаго (или вѣзжающаго) на корабль. Г. Гёрцъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія, и они остались для него мертвою буквой. Но это сказано Стравоуомъ не случайно и не безъ цѣли: въ этихъ и имъ подобныхъ выраженіяхъ греческихъ географовъ всегда глубокій смыслъ, ибо они соотвѣтствуютъ улогребляемому нами опредѣленію мѣстностей по сторонамъ свѣта.

Математическая географія есть изобрѣтеніе Эллиновъ: они ее открыли и установили ея первыя начала; но ея изученіе началось поздно, только съ эпохи Эратосѣена, жившаго отъ 276 до 196 до Р. Х., и бывшаго ея основателемъ. Притомъ она никогда не поступала у нихъ такъ-сказать въ общее достояніе, какъ въ наше время, а осталась предметомъ занятій астрономовъ. Слѣдовательно, нельзя искать опредѣленія мѣстностей по градусамъ долготы и широты ни у Стравоуа, ни у его предшественниковъ.

Эллины не знали также и компаса, а потому не могли съ правильностію, къ которой мы привыкли, обозначать мѣстности по сторонамъ свѣта, то-есть вѣрно говорить о сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ.

При отсутствіи сихъ двухъ, не только у насъ извѣстныхъ, но и весьма распространенныхъ, даже съ самаго дѣтства намъ знакомыхъ средствъ географическаго опредѣленія мѣстностей, у Эллиновъ долженствовало выработаться и дѣйствительно выработался собственный, своеобразный способъ, который явяется у нихъ всеобще принятымъ и приводитъ въ изумленіе своею вѣрностію и точностію, но требуетъ многосторонняго наблюденія и постояннаго, неуклоннаго вниманія.

Самое главное, так-сказать существенное различіе двухъ способовъ, новѣйшаго и греческаго, состоитъ въ томъ что мы, желая топографически опредѣлить мѣстность, имѣемъ въ виду только мѣстность, безъ всякаго отношенія къ человѣку, и мы вполнѣ достигаемъ цѣли, означивъ градусъ долготы и широты и указавъ положеніе на сѣверъ или югъ, востокъ или западъ отъ ближайшей мѣстности. Другими словами: мѣриломъ опредѣленія мѣстности мы беремъ самую мѣстность и обозначаемъ оную по самой себѣ и чрезъ сопоставленіе съ соотвѣстною мѣстностію. Не такъ поступали древніе. Основаніемъ ихъ топографическаго опредѣленія былъ человѣкъ, не мѣстность; оный былъ не главнымъ, а единственнымъ мѣриломъ. Мѣстность обозначалась не по собственному своему положенію, не сама въ себѣ, а по положенію которое она занимала сравнительно съ человѣкомъ. При этомъ древніе наблюдали: былъ ли человѣкъ въ состояніи спокойствія, то-есть стоялъ, или находился въ движеніи, слѣдовательно шелъ, вѣхалъ или плылъ на кораблѣ. Въ обоихъ случаяхъ они отащали три стороны: прямую или лицевую сторону, ἢ εὔθειά, правую, ἢ δεξιὰ, и лѣвую, ἢ ἀριστερά, и говорили что предметъ или мѣстность лежитъ предъ нимъ, πρὸ τίνος или πρὸ τοῦ, направо отъ него, ἐν δεξιᾷ, или налево, ἐν ἀριστερᾷ.

Согласно съ этимъ понятіемъ, древніе олицетворяли и какъ бы воплощали городъ, смотрѣли на него какъ на человѣка находящагося въ состояніи спокойствія, и, желая обозначить положеніе предметовъ не внутри, а внѣ города, писали: предъ городомъ, πρὸ τῆς πόλεως, направо отъ города и налево отъ него. Эти выраженія имѣютъ у Грековъ самый точный и опредѣленный топографическій смыслъ, ибо ими установились извѣстныя стороны города, подобно тому какъ еслибы мы сказали что предметъ лежитъ на сѣверъ или на югъ отъ города. Приступая къ чтенію эллиническихъ историковъ, географовъ и периплотовъ, необходимо изучить этотъ способъ опредѣленія мѣстностей и вполнѣ быть съ нимъ, знакомымъ, чтобы слѣдить и понимать ихъ описанія. Самъ по себѣ однако оный не представляетъ никакого затрудненія, отличаясь скорѣе тою простотою которую можно встрѣтить только въ обществѣ не знавшемъ математической географіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для большей ясности этого топографическаго метода.

Почти въ каждомъ изъ древнихъ греческихъ городовъ находился

акрополь, или кремль, который первоначально не только считался, но и былъ городомъ, и гдѣ большею частію возводился первопрестольный храмъ города. Обнесенный кругомъ стѣной, акрополь имѣлъ двѣ стороны: лицевую и заднюю, изъ коихъ послѣднюю составляла сплошная, часто прикинутая къ горѣ, стѣна, первую же признавалась ей противоположная сторона, гдѣ всегда устраивались главные ворота. Съ этими сторонами акрополя, или кремля, согласовались и стороны города. Куда обращенъ былъ акрополь, куда онъ, такъ-сказать, смотрѣлъ, та сторона была прямою или лицевою стороною города, ѱ εὐθεία, а двѣ другія назывались правою, ѱ δεξιά, и лѣвою ѱ ἀριστερά. Трудность при чтеніи греческихъ писателей состоитъ въ томъ что требуется всегда знать положеніе акрополя, такъ какъ значеніе словъ правый и лѣвый остается всегда въ полной отъ него зависимости, и каждое изъ нихъ можетъ, при различныхъ обстоятельствахъ, соответствовать разнымъ сторонамъ свѣта.

Городъ Платѣи лежалъ, при нашествіи Ксеркса, на предгорьяхъ Киеврона; его акрополь, почти прикинутый на югъ къ горѣ, обращенъ былъ къ Θивамъ, то-есть къ сѣверу; его лицевою стороною, слѣдовательно, называли сѣверную, правую восточную и лѣвою западную. Вѣрность этого положенія подтверждается Иродотомъ, который, описывая Платѣйскую битву, упоминаетъ о всѣхъ мѣстностяхъ Платеиды и, говоря между прочимъ о храмѣ богини Иры, прибавляетъ * что онъ находился предъ городомъ, то-есть на сѣверъ отъ него, притомъ въ 20 стадіяхъ отъ ключа Гаргафіи, что превосходно согласуется съ дѣйствительностію.

Итакъ, Платѣи стояли лицомъ къ сѣверу; Колы же, напротивъ, къ югу. Этотъ также вѣотійскій городъ, давшій имя Колонидскому озеру, представлялъ видъ, хотя совершенно сходный съ видомъ Платѣи, но въ противоположномъ направленіи. Собственно городъ, нынѣ село Тополя, находился предъ акрополемъ и именно на югъ отъ него, занимая самый край берега Колонидскаго озера; онъ лежалъ слѣдовательно между акрополемъ и озеромъ. Такъ какъ акрополь обращенъ былъ къ югу, то его правая сторона есть западъ, а лѣвая востокъ. Когда переирутъ Павсанія, осмотрѣвъ Колы, замѣривался

* Ирод. IX, 52: τὸ δὲ (τὸ Ἱραίων) πρὸ τῆς πόλιός ἐστι τῆς Πλαταιῶν, εἰκοσι σταδίων ἀπὸ τῆς κρήνης τῆς Γαργαφίης ἀπέχον.

продолжать свой путь * до приморскаго горсда Аль, коего развалины сохранились еще и теперь у Еввийскаго пролива, или Еврипа, Εὐρίκος, не далеко отъ Архилелага, то онъ вышелъ, какъ самъ замѣчаетъ, ** изъ Коль вѣво. Если же бы новѣйшій путешественникъ, прочитавъ слова Павсаніа: Κωπῶν δὲ ἐν ἀριστερῇ προελθόντι, и выйдя изъ Тололі, повернулъ просто на вѣво, то-есть по новѣйшимъ понятіямъ на западъ, то онъ прибылъ бы въ Орхомень и въ Дельфы, гдѣ безъ сомнѣнія пришелъ бы въ такое же отчаяніе, искавъ тамъ Алы, въ какое впасть г. Гёрць, тщетно напругавшій усилія для открытія Фанагоріа въ томъ мѣствѣ гдѣ ея никогда не было. Но кого же слѣдуетъ винить: греческихъ ли географовъ, или самихъ себя? Кто желаетъ описать древнюю топографію Таманскаго полуострова, тому слѣдуетъ почерпать свѣдѣнія не у Дюбуа, не у Кларота и не у другихъ, заслуживающихъ въ этомъ случаѣ только забвенія, а изучать древнихъ эллинскихъ географовъ.

Менѣ затрудненій представляютъ топографическія опредѣленія древнихъ географовъ въ тѣхъ случаяхъ когда они исходятъ изъ представленія человѣка двигавшагося, то-есть идущаго, вѣдущаго, или плывущаго на кораблѣ. Тогда писатель указываетъ обыкновенно точку исхода и обозначаетъ числомъ стадіевъ пройденное пространство, присоединяя къ тому разстоянію различныхъ мѣстностей между собою. Такъ описываетъ Продотъ Θερμοπύλας, и, идя по его столамъ, только удивляешься его, такъ сказать, математической точности. Географическій трудъ Стравона славился въ древности тѣмъ же достоинствомъ, а новѣйшія изслѣдованія знаменитыхъ ученыхъ, каковы Д'Анвиль, Ликъ и др., вполне подтвердили справедливость этого мнѣнія. Мы потому были невыразимо изумлены, читая о немъ строгій приговоръ автора археологической топографіи Таманскаго полуострова, и недоумѣвали при мыс-

* Весь этотъ путь древняго периплута, разсмотрѣнный на самомъ мѣствѣ, описалъ мною въ статьѣ: *Les villes de Cyrtones et de Corsia, les ruines d'Halae*, помещенной въ *Revue Archéologique* (Paris. 1860), въ книгѣ 1го декабря 1860 года.

** Павс. IX, гл. XXIV, § 1: Κεῖνται δὲ αἱ Κώπαι πόλισμα ἐπὶ τῇ λίμνῃ. § 2: Τοῦτου δὲ καὶ Ὀμηρὸς ἐποίησατο ἐν καταλόγῳ μνήμην ἐνταῦθα Δήμητρος καὶ Διονύσου καὶ Σαραπίδος ἐστὶν ἱερά. § 3: Κωπῶν δὲ ἐν ἀριστερῇ σταδίου προελθόντι ὡς δώδεκά εἰσι καὶ πρ.

ли что древній географъ могъ быть въ такой степени не-удовлетворительнымъ, хотя бы даже и при описаніи столь отдаленной для Грековъ страны, какъ Киммерійскій Воспоръ. Разборъ словъ Стравона убѣдилъ насъ въ противномъ.

Для большей наглядности и для устранения могущихъ явиться недоразумѣній, помѣщаемъ здѣсь очертаніе Таманскаго полуострова.

Употребивъ выраженіе: „Вплывшему, то-есть человѣку, на корабль въ Корокондамскій заливъ“, Стравонъ, согласно со всеобщепринятымъ способомъ географическаго опредѣленія, разумѣлъ здѣсь прямой путь, ἢ εὐθεία, или εὐθεία ὁδός, или, какъ у Пиндара, ναῦν πλοῦν εὐθύν, въ длину всего залива. А такъ какъ Корокондамскій, или Таманскій, заливъ простирается съ запада на востокъ, то ἢ εὐθεία, прямой путь, означаетъ здѣсь направленіе съ запада на востокъ. Это несомнѣнно вѣрно, и такое указаніе удовлетворяло, по греческимъ обычаямъ, всѣмъ требованіямъ; но Стравонъ имъ не довольствовался. Довода свое описаніе до безукоризненной ясности, онъ самъ прибавляетъ нѣсколько далѣе что прямое плаваніе отъ Корондамы шло на Востокъ.* Съ большою опредѣленностію не могъ бы выразиться и новѣйшій географъ.

Если же лицо плывшаго на корабль обращено было на вос-

* Стравонъ въ той же XI книгѣ и въ той же Пii главѣ, § 14: εὐθείς οὖν ἀπὸ τῆς Κοροκονδάμης πρὸς ἕω μὲν ὁ πλοῦς ἐστίν.

токъ, то правую сторону считался югъ и лѣвою сѣверъ; другими словами: южный берегъ Таманскаго залива назывался у Стравона правымъ, а сѣверный лѣвымъ. Чтò же лишеть географъ? Фанагорія и Килы, читаемъ мы, лежали для плывущаго на корабль въ заливъ на лѣвой сторонѣ. Это значитъ въ сѣверной части полуострова. Прочіе же города, продолжаетъ онъ, то-есть Эрмонасса и храмовый городъ Алатуръ, на правой, или по нашему въ южной части. Стравонъ идетъ еще далѣе и обозначаетъ положеніе двухъ слѣдующихъ городовъ съ такою точностію выше которой ничего и желать нельзя. Эрмонасса и Алатуръ, говоритъ онъ, лежали за рѣкой Иланиемъ, слѣдовательно близъ юговосточнаго берега залива. Область въ которой оба города находились носила названіе Синдики, и Стравонъ замѣчаетъ что въ ней же стояли еще Аворака и дворець Синдовъ Горгилиа.

Никто, надѣмся, не будетъ отрицать что предъ нами весьма положительныя данныя, позволяющія составить ясное понятіе о топографіи нѣкогда цвѣтущаго Таманскаго полуострова, несмотря на то что эти данныя совокуплены древнимъ географомъ только на немногихъ строкахъ. Корокондамскій, нынѣ Таманскій, заливъ простирающійся на востокъ отъ Керченскаго пролива, принималъ въ себя, заросшій нынѣ, рукавъ рѣки Антикита или Иланиа, нынѣ Кубани, впадавшій въ заливъ на южной сторонѣ его. На сѣверѣ залива стояли два города: Фанагорія, бывшая столицей царей Синдовъ, и городъ Килы; на югѣ залива, и притомъ за Иланиемъ, то-есть на востокъ отъ сей рѣки, стояли также два города: Эрмонасса и храмовый городъ Алатуръ.

Но топографія г. Гёрца діаметрально противоположна этой топографіи Стравона. Опираясь на мѣстніе Дюбуа, авторъ принимаетъ что Фанагорія стояла въ мѣстности занимаемой теперь станціей Сынною, то-есть не на лѣвомъ или сѣверномъ берегу залива, а на правомъ или южномъ, и именно тамъ гдѣ, по сказанію Стравона, слѣдуетъ искать или Эрмонассу, или храмовый городъ Алатуръ, на чтò указываютъ и открытые тамъ остатки древности.

Предвидимъ возраженіе автора Г. Гёрцъ можетъ сослаться на свое предисловіе и повторить что въ его трудѣ „нынѣшнія мѣстности нигдѣ не отождествляются съ древне-греческими поселеніями, существовавшими тутъ по словамъ Стравона и другихъ классическихъ писателей“. Но эти слова опровер-

гаются другими, его же собственными, помѣщенными въ его текстъ. Такъ, говоря объ окрестностяхъ Сѣнной и сообщивъ мнѣнія разныхъ путешественниковъ, авторъ продолжаетъ: * „Истинное значеніе этой мѣстности понялъ только Дюбуа; онъ вывелъ его весьма логически изъ слѣдующаго предположенія.“ А Дюбуа и старается доказать что памятники находимые близъ Сѣнной принадлежать древней Фанагоріи. Въ другомъ мѣстѣ своей книги, ** опровергая мнѣніе Дюбуа объ Алатурійскомъ заливѣ, г. Гёрцъ говоритъ: „Но если Фанагорія лежала въ окрестности станціи Сѣнной“. Еще опредѣлительнѣе авторъ въ своемъ письмѣ къ г. Абику, гдѣ прямо говоритъ что положеніе Фанагоріи тождественно со станціей Сѣнной. *** Словомъ, согласіе нашего автора съ фантазіями французскаго путешественника очевидно.

Мы представили разборъ небольшого отрывка Стравона, желая убѣдить почтеннаго автора археологической топографіи Таманскаго полуострова не пренебрегать драгоценными извѣстіями древнихъ писателей, и не думать чтобы, безъ ихъ глубокаго изученія, была какая-либо возможность достигнуть вѣрныхъ результатовъ въ этомъ вопросѣ. Какъ ни остроумны и ни полезны изслѣдованія геологическія, естествоиспытательныя, лингвистическія и другія, всѣ они пріобрѣтутъ историческій вѣсъ только тогда, когда будетъ до очевидности разъяснено древнѣйшее положеніе, описанное современниками и частію очевидцами. Но для того необходимо идти путемъ критики; ея же, къ сожалѣнію, въ трудѣ автора не встрѣчаемъ.

Другой предметъ, коего значеніе необходимо при изученіи топографіи древнихъ мѣстностей, есть поземельная мѣра, называемая Греками стадіемъ, τὸ στάδιον или ὀ στάδιος. Это знаніе тѣмъ здѣсь необходимымъ что, въ своемъ описаніи Киммерійскаго Вослора, Стравонъ сообщаетъ разстоянія по числу стадіевъ почти всѣхъ упоминаемыхъ имъ въ этой области греческихъ городовъ и поселеній. Руководясь этимъ географомъ, можно опредѣлить съ точностію древнее положеніе нынѣшняго Таманскаго полуострова и отождествить, какъ выражается г. Гёрцъ, эллинскія мѣстности съ сохранившимися нынѣ остатками. Но авторъ и не затронулъ этого предмета; онъ о немъ

* Стр. 71.

** Стр. 27.

*** Стр. 82.

или совершенно умалчиваетъ, или говорить съ такимъ пренебреженіемъ, что невольно приходитъ мысль какъ будто бы никакихъ древнихъ поземельныхъ измѣреній здѣсь никогда и не было. Намъ ничего болѣе и не остается какъ только указать на это отсутствіе изысканій, въ сочиненіи посвященномъ древней топографіи. Такъ какъ однако предметъ самъ по себѣ весьма важенъ и имѣетъ приложеніе ко всѣмъ греческимъ поселеніямъ, коими устья были берега Чернаго и Азовскаго морей, то мы постараемся изложить его другой разъ, независимо отъ труда г. Гёрца объ археологіи Таманскаго полуострова.

М. КУТОРГА.

НАША АРМИЯ

ФОРМЫ И ДУХЪ

Aus dem Leben habe ich genommen was ich für das Leben schrieb.

Гёте.

I.

Когда берутся писать о вооруженной силѣ и ея устройствѣ, то прежде всего наталкиваются на вопросъ: съ чего начать? Можно начать съ главныхъ основаній устройства и перейти къ пополненію армии людьми—будетъ понятно; можно начать, наоборотъ, съ набора — олять какъ будто ничего. Каждый изъ этихъ приемовъ можно, въ свою очередь, варіировать какъ угодно, и повидимому затрудненій никакихъ не встрѣтится.

Такъ смотритъ практика, но наука — если признать военную администрацію наукой — такъ смотрѣть не должна и не можетъ. Какъ прикладная государственная наука, построенная на началахъ сравнительнаго историческаго метода, военная администрація вынуждена начать съ вопроса о зависимости между складомъ государственной и общественной жизни съ одной стороны, и коренными чертами устройства армии, съ другой.

За это дѣло принимались уже неоднократно, но верѣяко

грѣшили противъ метода, натыкались на подводныя скалы и разбивались. Ошибки заключаются именно въ томъ что начинали искать причинъ различія, тогда какъ нужно было искать сходства; иначе говоря: старались изучать дѣйствіе мелкихъ, второстепенныхъ законовъ прежде знанія главныхъ, общихъ.

Примѣняя сравнительно-историческій методъ, можно получить множество частныхъ, множество дѣльныхъ замѣчаній, но никогда нельзя проникнуть что называется въ *суть* дѣла. Что было бы, еслибы, на примѣръ, лингвистъ, вмѣсто изученія сходства языковъ, началъ изученіемъ ихъ различія? Онъ запутался бы, и только.

Попробуемъ же обратиться къ изученію этихъ общихъ началъ устройства вооруженной силы въ зависимости отъ началъ всего государственнаго строя.

Беремъ какую бы то ни было страну политически свободную, стоящую на болѣе или менѣе низкой степени цивилизаціи; увидимъ что армія не существуетъ тамъ *постоянно нѣлицо*, но въ то же время каждый мущина до извѣстнаго возраста (собственно до уладка силъ) обязанъ быть воиномъ и въ мирное время изучаетъ военное искусство, стремясь достигнуть совершенства. Однимъ словомъ, по требованію времени и состоянію искусства, армія является хотя и не постоянною, но правильно организованною и обученною, то-есть регулярною.*

Но вотъ другія страны — Индія, Египеть. Народъ лишень всякой политической воли; правительство держится оплодъ, мы встрѣчаемъ военную *касту*, то-есть армію постоянную и какъ бы только съ самою широкою, раскиданною дислокаціей. Армія съ народомъ не смѣшивается, и эта рознь поддерживается религіозными понятіями о разности происхожденія. Воинъ считаетъ себя существомъ высшимъ, другою *костью*, отличною отъ кости народныхъ массъ.

Перейдемъ въ Европу. Вотъ Греція и Римъ. Мы застаемъ

* Такія арміи большинствомъ военныхъ писателей называются народными ополченіями въ противоположность регулярнымъ арміямъ но согласно опредѣленію *регулярности* которое дѣлають тѣ же писатели, неизбѣжно назвать каждую правильно организованную и обученную армію регулярною, а ополченіемъ тѣ войска которыя выдѣляются изъ народа, въ случаѣ нужды, *неожиданно*, какъ на примѣръ всѣ наши ополченія. На этомъ же основаніи слѣдовало бы и нашихъ казаковъ признать войсками регулярными.

ихъ странами политически свободными, армию же ихъ хотя не постоянною, но регулярною. Каждый знаетъ свое мѣсто, свои обязанности. Воины расписаны по возрастамъ, по классамъ, по достатку. Военныя экзерциціи Грековъ и Римлянъ и ихъ знаніе современнаго имъ состоянія искусства ставятся теперешней наукой за образецъ въ смыслѣ военно-педагогическомъ. *

Но по мѣрѣ того какъ теряется политическая свобода, по мѣрѣ того какъ интересы правительства расходятся съ интересами массы, армія все долѣе и долѣе удерживается налицо подъ знаменами и наконецъ просто обращается въ армию постоянную, даже наемную. Возникаетъ идея преторіанства, власть зависитъ отъ войскъ и войсками поддерживается.

Еще далѣе — средневѣковье. Рыцари—своего рода военная каста. Интересы власти сходятся съ интересами рыцарей, и только одни они и составляютъ армию — опять регулярную, съ извѣстною внутреннею организаціей, извѣстнымъ строемъ и обученіемъ.

Наконецъ, интересы этихъ учрежденій расходятся; власть стремится къ преобладанію и создаетъ себѣ военную силу помимо ленниковъ: возникаютъ арміи наемныя.

Армія наемная, вербовочная, само собою попятно, сейчасъ перестаетъ существовать какъ только ее раслустьятъ, а потому правительства вынуждены были содержать ее налицо и въ мирное время, и дѣлали это тѣмъ охотнѣе что интересы власти все еще противопологались интересамъ народа.

Но по мѣрѣ того какъ люди освоюются съ мыслью о обличіи между народомъ и властью, правительства переходятъ къ арміямъ народнымъ, какъ болѣе надежнымъ и дешевымъ, хотя и эти народныя арміи нѣсколько времени продолжали оставаться арміями постоянными, чему содѣйствовали предразсудки унаслѣдованныя военнымъ званіемъ отъ періода войскъ наемныхъ.

Затѣмъ, съ развитіемъ политической свободы, мы видимъ повсюду стремленіе уменьшить количество содержимыхъ въ мирное время войскъ. Являются отпуски, сокращеніе сроковъ

* Если не ошибаемся, то первый на древнихъ указалъ Макиавелли. Предметъ этотъ обстоятельно разработанъ у насъ М. И. Драгомировымъ. Той же мысли держался Суворовъ.

дѣйствительной службы * и т. д., словомъ, является необходимость перехода къ арміи *не постоянной, но регулярной.*

Оставляя въ сторонѣ Швейцарію, уже достигшую того идеала къ которому стремится исторія устройства вооруженныхъ силъ Европы, и Англію, въ которой рядомъ съ регулярно-организованною волонтерскою арміей видимъ еще вербовочную армію, остановимся на системахъ французской и прусской, какъ представляющихъ для насъ наибольшій практической интересъ.

Французская система возникла подъ давленіемъ мысли о разобщеніи арміи отъ народа, поскольку это возможно при системѣ отпусковъ. Слѣдствіемъ этого явилась необходимость дрессировки солдата въ известномъ направленіи, а вмѣстѣ съ нею продолжительность сроковъ службы и значительный *наличный* составъ. Послѣ 1866 года, французская администрація, видѣвшая крайнюю необходимость въ усиленіи арміи, рѣшается создать подвижную національную гвардію и съ настойчивостью проводить законъ объ этомъ учрежденіи; но когда пришлось вылолнить проектъ, то правительство остановилось и вело дѣло столь неохотно что почти въ четыре года едва успѣло составить списки „рядовыхъ“ этого войска, во у нихъ не было ни оружія, ни офицеровъ.

Насколько различенъ въ Пруссіи коренной принципъ устройства вооруженной силы, настолько же различна организація наличныхъ войскъ: въ Пруссіи развивается, такъ сказать, элементъ *земскій*, во Франціи *казарменный*. Сличимъ французскій *округъ* съ прусскимъ *корпусомъ*. На первый взглядъ, въ нихъ какъ будто есть нѣчто общее, именно понятіе объ опредѣленной территоріи, но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно иное. Всѣ прусскіе корпуса имѣютъ *одинаковый составъ*, все государство дѣлится на районы по числу корпусовъ, которые имѣютъ тамъ *постоянныя* квартиры и *комплектуются изъ населенія своихъ округовъ*. У Французовъ же составъ войскъ располагаемыхъ въ округѣ постоянно измѣ-

* Собственно говоря, терминъ *дѣйствительная служба* — active Dienst, принадлежит по мысли влохъ арміи постоянныхъ и далеко не выражаетъ того понятія для котораго употребляется. Каждый ландверъ находится на *дѣйствительной службѣ*, такъ какъ *обязанъ* являться по призыву въ военное время и для занятій. Слѣдовало бы говорить: *наличная служба*. Никто не долженъ и допускать мысли что есть еще какая-то *недѣйствительная служба*.

яется, а между войсками и жителями нѣтъ никакой связи, нѣтъ даже прочнаго знакомства, отстранить которое стараются всѣми мѣрами. Съ этою-то между прочимъ цѣлью наши необходимымъ не давать частямъ войскъ долго застаиваться въ одной мѣстности и, какъ говорится, „пускать тамъ корни“. Какъ скоро мы освоимся съ этимъ взглядомъ, для насъ станетъ понятнымъ весь внутренній смыслъ учрежденія округовъ: передвигать съ мѣста на мѣсто крупныя части, корпуса, дивизіи, бригады, чрезвычайно затруднительно, передвигать же мелкія части, полки, отдѣльные баталіоны, изъ одного конца государства въ другой, не отдѣляя ихъ отъ крупныхъ военно-административныхъ единицъ—невозможно, а потому рѣшимся обратиться высшее начальство въ мѣстныхъ, установивъ подчиненность частей по мѣсту ихъ расположенія, тѣмъ болѣе что такой порядокъ давалъ возможность скоплять войска на томъ или другомъ пунктѣ, смотря по соображеніямъ и требованіямъ внутренней политики.

Въ оправданіе этой организациіи пущены въ ходъ двѣ теоріи. Говорятъ, во первыхъ, что упрощается хозяйство войскъ, и вторыхъ, что мелкіе командиры приучаются къ необходимой въ бою самостоятельности, а министерство, въ случаѣ войны, получаетъ возможность составлять корпуса и отчасти дивизіи сообразно способности лицъ назначаемыхъ командирами. Насколько упрощается хозяйство войскъ при постоянныхъ передвиженіяхъ,—понятно само собою. Что же касается способностей высшаго начальства, съ которыми должно сообразоваться, то это убѣжденіе могло возникнуть только на почвѣ французскаго цезаризма. Обнаружить это не трудно, такъ какъ въ основѣ разбираемой теоріи лежитъ мысль о необходимости создавать должности для лицъ, а не лица прибирать по опредѣленнымъ должностямъ, вслѣдствіе того что возвышеніе лицъ зависитъ не отъ способности ихъ отправлять ту или другую должность, а отъ постороннихъ политическихъ соображеній. Въ Пруссіи, напримѣръ, перемѣняя командировъ корпусовъ предъ войной, несколько не затрудняются приисканіемъ людей способныхъ отправлять эту обязанность. У Французовъ, съ переходомъ на военное положеніе, начинается всеобщая ломка. Необходимо распредѣлить главное начальство, составить штабы сообразно съ его вкусомъ и способностями, организовать и сводить части въ дивизіи, въ корпуса, соображаясь при этомъ

не только съ театромъ войны, но и съ вѣроятнымъ лавомъ дѣйствій, какъ своимъ, такъ и непріятельскимъ.* Пруссакамъ же, напротивъ, нужно только переменить въ некоторыхъ командировъ, и они могутъ безостановочно двигать массы къ извѣстному базису.

Оказывается что организація французская приоровлена главнымъ образомъ къ требованіямъ внутренней, а прусская—внѣшней политики.

Сравнимъ теперь экономическую сторону различныхъ системъ.

Въ извѣстномъ сочиненіи Блока, *L'Europe politique et sociale*, Paris, 1869, приведены цифры** во что бы обошелся въ двадцать лѣтъ каждому государству одинъ солдатъ выставляемый по военному положенію. Вотъ они:

Англія	14.761 фр.
Россія	9.589 .
Франція	6.988 .
Пруссія	5.533 .
Швейцарія	634 .

Сравнивая эти числа, увидимъ что солдатъ обходится тѣмъ дорожѣ, чѣмъ отношеніе между сроками наличной и всей службы солдата меньше.

Отсюда ясно что Россіи, у которой нѣтъ внутреннихъ причинъ заставляющихъ обособлять армію отъ народа, несравненно выгоднѣ перейти къ краткосрочной системѣ, нежели остаться при настоящей, французской.

Это же можно вывести изъ сравненія относительной величины военного бюджета.

* Военныя достоинства человѣка опредѣляются не только умѣньемъ „ворочать“ извѣстную массу войскъ, но и способностью выполнять то или другое назначеніе, то-есть способностью къ большей или меньшей самостоятельности. Этимъ, на примѣръ, объясняется назначеніе на Рейнъ Макъ-Магона, а не иного генерала.

** Относительно этихъ цифръ нужно замѣтить что непосредственно по бюджету для Россіи получается меньшая цифра, но нашъ бюджетъ не выражаетъ дѣйствительной стоимости солдата, которая значительно выше; на сколько—этого даже и вычислить невозможно: вспомнимъ харчи отъ жителей.

На войска тратятъ:

Пруссія около.	$\frac{1}{4}$	части всего бюджета.
Англія	$\frac{1}{8}$	" " "
Италія	$\frac{1}{4}$	" " "
Бельгія	$\frac{1}{5}$	" " "
Австрія	$\frac{1}{6}$	" " "
Россія <i>болѣе</i>	$\frac{1}{3}$	" " "

Беря среднюю изъ всѣхъ цифръ, кромѣ Россіи, увидимъ что эти государства тратятъ на войска около $\frac{1}{6}$ своихъ финансовъ. Отсюда понятно что намъ, ограничиваясь, по военному положенію, теперешнимъ числомъ войскъ, слѣдовало бы обратиться къ такой системѣ которая дала бы возможность сократить расходы на войска до отношенія $\frac{1}{5}$; а выше мы видѣли что самую дешевою изъ системъ, за исключеніемъ швейцарской, для насъ не пригодной, является прусская. Обратнo, сохраняя теперешній размѣръ расходовъ на содержаніе арміи и примѣняя къ Россіи систему сходную по существу съ прусскою, получили бы возможность значительно усилить штаты военнаго времени, что для насъ совершенно необходимо.

Мы не настаиваемъ примѣнить къ Россіи подлинную прусскую систему. Существенное различіе между западною Европою и Россіей заключается въ несоразмѣрности между нашимъ населеніемъ и пространствомъ, вслѣдствіе чего становится невозможнымъ сохранить западно-европейское отношеніе между количествомъ войскъ и пространствомъ владѣній. Но далѣе, огромныя внутреннія линіи и неодинаковая вѣроятность нападенія по длинѣ нашей границы, лишающая насъ будто бы возможности соблюсти равномѣрность размѣщенія войскъ и заставляющая стягивать большую часть ихъ на югъ и западъ—значать тутъ не много. И вотъ почему:

„Существуетъ на картѣ каждой страны такая точка относительно которой населеніе распределено совершенно поровну во всѣхъ четырехъ углахъ образуемыхъ пересѣченіемъ двухъ взаимно-перпендикулярныхъ линій. Назовемъ такую точку среднею точкой заселенности. Не трудно вычислить что такая точка для европейской Россіи, взятой въ строго-географическомъ смыслѣ, лежитъ около Ореда. Проведа на картѣ чрезъ Орель взаимно-перпендикулярныя линіи, съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ, увидимъ что почти вся наша граница подверженная нападенію лежитъ западнѣе

сѣверо-южной оси и что теперь тамъ расположено шесть военныхъ округовъ: Петербургскій (исключая нѣсколько баталіоновъ), Финляндскій, Виленскій, Варшавскій, Киевскій, Одесскій. Съ переходомъ же къ прусской системѣ, не уменьшая общей цифры расходовъ, можно бы было имѣть въ этой же мѣстности около половины всѣхъ войскъ, то-есть не менѣе десяти корпусовъ, силой каждый въ 33.000 человекъ, то-есть съ ополченіемъ болѣе 900.000 человекъ.

Но взглянувъ на этнографическую карту, увидимъ что у насъ непримѣнно комплектовать каждый корпусъ изъ мѣстныхъ жителей въ районѣ расположенія. Въ самомъ дѣлѣ, къ западу отъ меридіана Орла лежатъ: Финляндія, прибалтійскій край, сѣверо-западный и привислинскій, въ которыхъ прусскій приемъ невозможенъ; къ тому же что касается до сѣверо-западнаго края, то его население по своей слабосильности представляется вообще плохимъ военнымъ элементомъ, что дознаво статистически.

Сводя все сказанное къ общему выводу, мы высказываемся въ пользу принятія только общихъ основаній прусской системы, во первыхъ, какъ самой дешевой, во вторыхъ, какъ наиболѣе отвѣчающей нашимъ внутреннимъ разстояніямъ, въ третьихъ, какъ дающей Россіи возможность установить болѣе выгодную пропорцію между пространствомъ, численностью населенія и количествомъ войскъ.

При этомъ мы выговариваемъ одно: ополченіе (2й и 3й комплекты, 2ая и 3ья арміи) должно организоваться при переходѣ на военное положеніе по тѣмъ же приемамъ по которымъ распространяются теперь отпускные, но съ тѣмъ чтобы каждый солдатъ заблаговременно зналъ свой полкъ, баталіонъ и роту, и чтобы полкъ ополченія имѣлъ заблаговременно опредѣленную и извѣстную людямъ штабъ-квартиру; нечего и говорить что составъ людей полка въ этнографическомъ отношеніи не долженъ отличаться отъ состава полковъ наличныхъ.

Никакихъ списковъ людямъ ополченія вести нѣтъ надобности: совершенно достаточно тѣхъ билетовъ которые будутъ выдаваться людямъ при увольненіи ихъ изъ фронта *наличныхъ* и *резервныхъ* войскъ.

Остается еще сказать о возрастѣ поступающихъ на службу и *общемъ* срокѣ послѣдней.

Ни возрастъ, ни срокъ службы не могутъ опредѣляться единственно только соображеніями военной техники или удоб-

ствами набора, призыва къ службѣ, какъ это зачастую дѣлается: объ цифры зависятъ только отъ принятой системы и физическихъ силъ человѣка и притомъ такъ что максимумъ какъ общаго срока, такъ и срока наличной службы опредѣляется силой человѣка.

Обыкновенно, принимая рекрута, требуютъ отъ него известнаго роста, известнаго вѣса тѣла и опредѣленнаго отношенія между объемомъ груди и ростомъ, но обращая вниманія на развитіе мускулатуры, такъ какъ способы измѣренія ея столь не совершенны что показанія всегда нѣсколько зависятъ отъ воли испытуемаго, которому ничего не стоить показать себя слабѣе чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ статистика уже въ состояніи показать недостаточность существующаго приема. И вѣсъ и ростъ нѣсколько увеличиваются въ періодъ отъ 21 до 30 лѣтъ, увеличивается даже сила мышцъ руки (и вѣроятно ноги), но уменьшается сила мышцъ поясницы и постепенно увеличивается количество ведѣль болѣзни. Вотъ цифры: *

Возрастъ.	Гѣлоденіеніе. Примокъ. Длина. Высота.		Ростъ. (Метр.)	Вѣсъ. (Килогр.)	Сила рукъ.	Сила пояс- ници.	Количе- ство ве- дѣль бо- лѣзни.
Отъ 21 до 25 лѣтъ.	2,18	0,93	1,675	62,93	88,7	15,5	0,585
„ 25 до 30 лѣтъ.	2,18	0,93	1,684	63,65	89,0	15,4	0,621
„ 30 до 35 лѣтъ.	1,78	0,88	1,684	63,67	87,0	12,2	0,675

Сличеніе цифръ этой таблицы показываетъ что основываться на данныхъ вѣса и роста ошибочно, что мускульная сила указываетъ на необходимость ограничиваться на службѣ возрастомъ отъ 21 до 30 лѣтъ.

Выводы эти еще сильнѣе подкрѣпляются цифрами двухъ послѣднихъ рубрикъ, доказывающими что общее ослабленіе организма пропорціонально ослабленію поясничныхъ мускуловъ, а это ведетъ къ заключенію что армія въ которой будетъ на наличной службѣ болѣе людей отъ 25 до 30 лѣтъ понесетъ и большую убыль больными.

Помимо всего можно доказать первенствующее значеніе данныхъ о силѣ поясницы, по отношенію къ требованіямъ военной службы. При ходьбѣ и вѣздѣ верхомъ мускулы поясницы устаютъ ранѣе мускуловъ ноги, а слѣдовательно длина дневнаго перехода должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ поясница

* Quetelet. *Sur l'homme et le développement de ses facultés. Un essai de physique sociale.* Brux. 1836. Т. II.

слабѣе; отсюда, если армія будетъ имѣть большинство людей отъ 21 до 25 лѣтъ и къ нимъ приворожить величину перехода, то для всѣхъ людей отъ 25 до 30 лѣтъ такіе переходы будутъ уже форсированными, и они начнутъ наполнять собою госпитали.

Вообще же, съ чѣмъ согласно большинство писавшихъ о военномъ дѣлѣ и военной гигиенѣ, отъ солдата требуется въ военное время дѣятельность двухъ родовъ: 1) переноска известнаго груза (походъ, переездъ верхомъ) и 2) дѣйствіе оружіемъ, причемъ дѣло складывается такъ что дѣйствіе оружіемъ должно производиться на счетъ того что отъ перваго расхода останется. Поэтому чѣмъ останется больше, тѣмъ дѣйствіе будетъ успѣшнѣе (продолжительнѣе и быстрѣе), но остается, какъ выше видно, больше силъ у тѣхъ людей у которыхъ поясница сильнѣе, стало-быть 21—25-лѣтнихъ. При этомъ, говоря о дѣйствіи оружіемъ, не слѣдуетъ забывать что оно связано съ общимъ движеніемъ, и что безъ переноса, въ то же время, известнаго груза оно невысказано.

Вотъ почему мы не можемъ не сочувствовать известному военному писателю Пленнису, когда онъ говоритъ что „для того чтобъ обращаться съ солдатомъ какъ съ человѣкомъ, нужно прежде всего смотрѣть на него какъ на машину“.

Изъ всего сказаннаго выходитъ что наибольшій срокъ службы можетъ быть *девятилѣтній* (отъ 21 до 30 лѣтъ), что наибольшій срокъ наличной службы не можетъ быть болѣе четырехъ лѣтъ, въ тѣхъ видахъ чтобы люди съ поясницами (слѣдовательно со здоровьемъ) начинающими слабѣть призывались лишь въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ *труды военной службы* болѣе разстраиваютъ здоровье нежели труды обыкновенной жизни, что и выражается болѣею смертностью войскъ сравнительно съ другими классами населенія.

Если это требованіе будетъ выполнено, срокъ *наличной* службы въ зависимости отъ организаціи войскъ опредѣлится самъ собою и будетъ слѣдующій: для системы въ которой число войскъ по военному положенію *удваивается*—4 года, утраивается—менѣе 3 лѣтъ. А это ведетъ къ заключенію что всякая система въ которой общій срокъ будетъ допущенъ въ девять лѣтъ, а число войскъ по военному положенію будетъ увеличиваться въ меньшей соразмѣрности, на примѣръ на $\frac{1}{3}$,—устроена нерационально.

Что касается до нашей арміи, то нужно замѣтить что въ ней не выполняется ни, одно изъ вышеприведенныхъ условій. Любопытно разсмотрѣть послѣдствія этого. Вотъ цифры ежедневнаго числа больныхъ въ разныхъ арміяхъ, считая на 1.000 человекъ:

Въ прусской.....	40,7
• англійской.....	44
• русской.....	45
Во французской.....	45
Въ австрійской.....	45

Ежедневное число больныхъ не зависитъ, въ настоящемъ случаѣ, ни отъ содержанія, ни отъ различія въ требованіяхъ службы, ни отъ климата. Глядя на эти цифры, мы можемъ подозрѣвать вліяніе возраста нижнихъ чиновъ. И въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ арміяхъ, за исключеніемъ прусской, есть множество людей старше 30 лѣтъ, а по вышеприведенной таблицѣ выходитъ среднее число недѣль болѣзни:

Для возраста отъ 21 до 25 лѣтъ.....	0,585
Для возраста отъ 26 до 35 лѣтъ.....	0,648
Отношеніе этихъ чиселъ.....	1:1,107

Отношеніе между ежедневнымъ числомъ больныхъ въ прусской арміи и среднимъ числомъ другихъ равняется также 1:1,1.

Сходство чиселъ весьма понятное, если припомнить что среднее число недѣль болѣзни можетъ служить мѣриломъ крѣпости организма. Стало-быть мы получаемъ очень простой выводъ, совершенно согласный съ тѣмъ что утверждали выше: *гдѣ организмы крѣпче, то-есть гдѣ люди моложе, тамъ больныхъ меньше.*

II.

Люди вообще склонны принимать внѣшность, форму за содержимое, за сущность, оболочку вещи за самую вещь, но нигдѣ, какъ кажется, въ этомъ нельзя нагляднѣе убѣдиться, чѣмъ въ военномъ дѣлѣ. Противники Густава Адольфа заимствуютъ отъ него формы его искусства и забываютъ что тай-

* Цифры эти взяты изъ разныхъ №№ Военно-Медицинскаго Журнала 1864—1865, и Военнаго Сборника 1865, № 3, и для того имѣло чтобъ имѣть данныя для сравненія — до переформированія австрійской арміи послѣ 1866 года.

на его побѣдъ заключалась вовсе не въ этихъ мелочахъ, имѣвшихъ только второстепенное значеніе. Послѣдователи Фридриха II прусскаго въ совершенствѣ усвоиваютъ всѣ хитрости потсдамскихъ маневровъ, всѣ тонкости косвеннаго боеваго порядка, маршей и контръ-маршей, и халочутъ до того усердно что даже старый Фрицъ потихоньку подсмѣивался надъ слабоуміемъ обезьяняющихся подражателей, перенимавшихъ даже мундиры, прическу, фуктеля. Фридрихъ въ душѣ радовался что у него перенимаютъ не дѣло, а его внѣшность, но онъ не подозревалъ что слѣдуя общему же человѣческому недостатку, и его потомки Пруссаки переймутъ ровно столько же.

Наполеонъ I имѣлъ бездну такихъ же послѣдователей, жившихъ еще на нашихъ глазахъ.

Распята за это бываетъ горькая: Иена, Аустерауцъ,—кажется довольно чтобы понять что мѣнять форму, не мѣняя духа, который оживляетъ форму, не только бесполезно, но вредно.

Большинство читателей вѣроятно еще хорошо помнятъ что до войнъ 1866 и 1870 годовъ прусскую систему находили удовлетворительною, срокъ наличной службы короткимъ, недостаточнымъ для приготовления хорошаго боеваго солдата, говорили что резервы тотъ же ландверъ, а ландверъ никуда не годится, что люди его мало чѣмъ отличаются отъ рекрутъ: „ландверъ, да это просто народное ополченіе, не больше“, говорили тогда, но на дѣлѣ вышло другое, нѣчто болѣе грозное.

Говорившіе такъ были съ своей точки зрѣнія совершенно правы: они судили по себѣ. Наши отпускные и безсрочные, какъ солдаты, никогда не удовлетворяли *требованія* службы. Свидѣтельствуемся рѣшительно всімъ кому пришлось имѣть дѣло съ нашими отпускными во время польскаго возстанія: являлись люди совершенно забывшіе дѣло и, какъ тогда утверждали, воспринимавшіе его хуже рекрутъ. Фактъ этотъ былъ весьма поучительный, потому что эти отпускные были преимущественно люди пробывшіе во фронтѣ не долго, года по три, по четыре: ну какъ же было не усомниться въ достоинствѣ краткосрочной системы?

Упускалось изъ вида одно весьма важное заключеніе: если человѣкъ забылъ то чему былъ выученъ и чего забыть нельзя, значить учили-то его безтолково, дурно или, короче говоря, ничему не учили. Что учили и учать безтолково, это видно изъ того повѣрья будто бы казаки отличаются необык-

военною смѣлливостью и расторопностью, недоступными для простаго смертнаго линейнаго пѣхотинца или кавалериста.

Мы долго видѣли рядомъ казачью и линейную службу и пришли къ убѣжденію что во всемъ что не касается службы, солдатъ постоянной арміи не виже, не тупѣе казака: онъ только *больше замуштрованъ*. Казакъ свободнѣе относится къ формальностямъ и потому работаетъ умомъ тамъ гдѣ солдатъ постоянной арміи пускаетъ въ ходъ память, продѣлываетъ заученное. Расторопнѣе казакъ потому что лошадь у него легче, поворотливѣе—и только. Кто близко знакомъ съ нашими стрѣлковыми баталіонами знаетъ что они точно также отличаются большею расторопностью, какъ будто даже большимъ развитіемъ нежели линейная пѣхота. Дѣло понятное: въ стрѣлковыхъ баталіонахъ офицеры получившіе основательное военное образованіе составляютъ большинство, а въ обученіи меньше думаютъ о муштровкѣ нежели о стрѣльбѣ.

Пойдемъ дальше. Теперь всѣ удивляются точности и предусмотрительности прусской администраціи, званіямъ прусскихъ офицеровъ, ихъ исполнительности всегда въ-время и къ мѣсту. Разказываютъ какъ Пруссаки впередъ уже знаютъ гдѣ, сколько и чего требовать, какъ ходять они безъ проводниковъ, „по картѣ“, и о направленіи дорогъ даже у жителей не разспрашиваютъ... Знакъ что говорящіе такимъ образомъ, — а говорятъ, какъ мы сказали, всѣ,—сознаютъ что у насъ теперь было бы совершенно иначе.

Оно и правда. Сводя все къ одному знаменателю, выйдетъ что мы признаемъ превосходство прусскаго офицерства предъ нашимъ, какъ оно и быть должно по всѣмъ даннымъ, а прежде всего потому что въ Пруссіи не только другая форма военной системы, но другой и духъ, другія условія, другія требованія.

Итакъ, характеръ служебныхъ требованій, *духъ службы* — вотъ что опредѣляетъ достоинство войскъ и обуславливаетъ результатъ который даетъ та или другая система организаци.

Тѣ начала государственной жизни которыя, какъ мы видѣли выше, обуславливаютъ ту или другую форму устройства вооруженной силы, опредѣляютъ и тѣ положенія субординаціи и дисциплины отъ которыхъ зависитъ этотъ *духъ службы*.

Въ этомъ отношеніи важнѣе всего взгляды на взаимныя отношенія понятій дисциплины и субординаціи. По существу дѣла, субординація есть слѣдствіе дисциплины, по происхожде-

цію—она древнѣе послѣдней, и мы могли бы прослѣдить документально какъ, по мѣрѣ историческаго развитія, субординація, понимаемая первоначально въ смыслѣ рабскаго, безусловнаго, тулага повиновенія „произволу“ начальствующаго, произволу замѣнявшему когда-то законъ, стремится занять подобающее ей мѣсто. Это была бы исторія постепеннаго перехода отъ чувства страха къ чувству чести и долга.

Но ходъ исторіи не торопиль, и мы видимъ что еще при Фридрихѣ II основаніемъ дисциплины служила тупая субординація, основанная на палкахъ и фухтеляхъ для солдатъ, арестахъ и т. п. для офицеровъ. Самъ Фридрихъ говаривалъ что „солдатъ долженъ бояться палки капрала больше чѣмъ непріятельской пули“.

Даже при Наполеонѣ I безусловное повиновеніе, хотя бы и незаконнымъ распоряженіямъ начальства, то-есть распоряженіямъ противнымъ дисциплинѣ, считалось обязательнымъ, хотя Наполеонъ находилъ невыгоднымъ управлять арміей при помощи страха.

Наконецъ и въ настоящее время понятія объ отношеніи между субординаціей и дисциплиной выяснились далеко не вполне, да и не вездѣ. И менѣе тамъ гдѣ сроки службы длиннѣе, гдѣ армія болѣе обособлена отъ народа, гдѣ, вообще говоря, чувство законности развито менѣе; въ Австріи (до 1866) и Франціи слабѣе чѣмъ въ Пруссіи, Англии и Швейцаріи.

Въ Австріи еще, такъ-сказать, надняхъ существовало *инкаберство*, то-есть просто-на-просто почти феодальная власть заслуженнаго „шефа“ надъ своимъ полкомъ, доходившая отъ права назначать и удалять офицеровъ, до права суда, жизни и смерти. Плодомъ всего этого было убѣжденіе что быть побитымъ „во исполненіе приказанія“ выгоднѣе нежели побѣдить вопреки приказу.

Что касается Франціи, то въ 1860 году капитанъ французскаго генеральнаго штаба Блондель, утверждая что субординація есть основа дисциплины, а не ея слѣдствіе, писалъ: „повинуйтесь.... для собственной пользы, потому что военный отвѣчаетъ за приказанія которыя отдаетъ, а не за тѣ которыя исполняетъ.... Онъ правъ—каковы бы ни были послѣдствія—если можетъ сказать: я повиновался.“

Итакъ, опять то же явленіе какъ и въ Австріи.

Но какъ относятся къ такой субординаціи прочіе француз-

скіе офицеры, объ этомъ свидѣтельствуется тотъ же авторъ слѣдующимъ образомъ: „вскорѣ дисциплина утомляетъ, подчиненность огорчаетъ—и неудовольствіе, происходящее отъ принужденія, заставляетъ жаловаться то на непослушаніе подчиненныхъ, то на строгость начальника.“

Дисциплина утомляетъ... Правда, военная дисциплина вещь не легкая, но утомляетъ она вовсе не по этому. Тамъ гдѣ субординація доведена до такихъ печальныхъ послѣдствій какъ въ Австріи и Франціи, тамъ она преобладаетъ надъ дисциплиной и, въ извѣстномъ смыслѣ, даже исключаетъ ее. Личность подчиненнаго ступшевывается, и онъ самъ обращается въ машину. Высокое развитіе началъ безграничной подчиненности предполагаетъ необычайную широту власти: начальникъ становится въ одно и то же время и судьей и администраторомъ, получая право единоличнаго суда и расправы, наказанія и награды. Но такія полномочія всего больше способствуютъ превышенію власти и лицепріятію, однимъ словомъ, развитію всевозможныхъ злоупотребленій, какими на самомъ дѣлѣ отличаются объ названныя арміи: по крайней мѣрѣ воровство въ нихъ было развито до огромныхъ размѣровъ. *

Дисциплина является мертвою буквою, пустымъ звукомъ, потому что младшіе чины на опытѣ знаютъ что всѣ дисциплинарныя тонкости обязательны только для нихъ, да и то лишь на сколько это допускаетъ вкусъ и „воля“ начальства. Офицеры начинаютъ смотрѣть на всѣ служебныя требованія только какъ на средство которое даетъ начальству возможность „распекать“ и „допекать“ неприятныхъ подчиненныхъ. *

Вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ для самаго дѣла, начинаютъ изучать его со стороны *вкуса* начальства, заботясь только объ одномъ такъ-называемомъ „вниманіи“ его.

Всякихъ сортовъ и видовъ искательство, протекція доводятъ дѣло до того что образуется такъ-сказать „военное вельможество“, почти родовая служебная аристократія, окруженная множествомъ людей „случайныхъ“. Тогда прощай военное знаніе, его замѣняетъ рутина, вмѣсто рвенія является всеобщее недовольство и служебная алатія, а наконецъ даже самое слово рвеніе оплошывается. Въ Австріи предъ войной 1866

* Поучительный образчикъ представляетъ исторія отношеній между Вертье и Жюмилли. Вертье глядъ его, не взирая даже на расположеніе самого Наполеона I.

года армейскому офицеру вѣнялось товарищами въ стыдѣ заниматься военною наукою, а въ одномъ государствѣ и до сихъ поръ есть такая кавалерійская дивизія офицерамъ которой будто бы *неприлично* получать высшее военное образование наравнѣ съ другими.

Во Франціи предъ послѣднею войною было то же самое, слово въ слово.

Пруссія поступила совершенно наоборотъ. Испытавъ въ 1805 году всѣ неудобства подобныхъ порядковъ, она круто поворотила въ другую сторону, рѣшась положить въ основаніе службы не *субординацію*, въ смыслѣ доводящемъ въ концѣ концовъ до произвола и поражений, а строгую *дисциплину*, одинаково обязательную для всѣхъ и каждого. Субординація сейчасъ же получила другой смыслъ, другой характеръ, другіе предѣлы: офицеръ и солдатъ подчинены не начальнику а закону. Начальство только надзираетъ за исполненіемъ, требованія предъявляются только регламентами. Ни суеты, ни робости, ни затрудненій тутъ быть не можетъ: всякій знаетъ что и какъ ему дѣлать, что и когда и за что слѣдуетъ получить. Если никакое расположеніе, никакая протекція не поможетъ, остается надѣяться только на себя, на свое знаніе и способность, и военная наука нигдѣ такъ не развита и не распространена какъ въ Пруссіи, да не только между офицерами, но и между нижними чинами.

И при всемъ томъ въ глазахъ подчиненнаго-Пруссака начальство, это—высь недосягаемая, и мы, Русскіе, не можемъ даже представить себѣ того положенія какое занимаетъ тамъ, напимѣръ, унтеръ-офицеръ.

Повернемся наконецъ къ нашей арміи и начнемъ съ цифръ. Въ извлеченіяхъ изъ всеподданнѣйшаго отчета военнаго министра показано по годамъ слѣдующее число офицеровъ:

Къ 1865	31.704	или	1
„ 1866	30.507	„	0,966
„ 1867	29.843	„	0,941
„ 1868	29.196	„	0,921

Итакъ число офицеровъ ежегодно убываетъ и при томъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ, доказывающимъ что на это есть причина дѣйствующая каждый почти годъ съ равною силой.

Поищемъ ея. Ближе и удобнѣе всего искать ея тамъ гдѣ находится и само министерство, то-есть въ недостаточности содержанія.

Уже въ офиціозномъ „Обзорѣ дѣятельности военнаго министерства съ 1861 по 1865 годъ“, напечатанномъ въ *Всѣмномъ Сборникѣ*, категорически высказывается мнѣніе о недостаточности получаемого офицерами содержанія, несмотря на прибавку въ пятидесятыхъ годахъ, причемъ въ извѣненіе упомянуто что измѣненіе окладовъ вновь было бы затруднительно для государственнаго казначейства.

Съ тѣхъ поръ министерство не переставало заботиться о разнаго рода „прибавкахъ“, хотя и не всегда послѣдовательно. * Жалованье гвардіи увеличено на примѣръ дѣлымъ полугодовымъ окладомъ, хотя и не изъ суммъ государственнаго казначейства; армейскимъ полкамъ назначено ежегодное пособіе въ скромномъ размѣрѣ, такъ что не приходится и мѣсячнаго оклада на каждаго.

Наконецъ въ концѣ прошлаго года опять завели рѣчь объ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства армейскихъ офицеровъ, съ „цѣлью поощрить офицеровъ къ продолженію службы, увеличить такимъ путемъ получаемое ими содержаніе и этимъ устранить не комплектъ офицеровъ“, который, это не секретъ, простирается до 7.000 человекъ.

Чтобы понять въ чемъ дѣло, нужно припомнить что еще подъ конецъ польскаго возстанія обсуждался вопросъ о сравненіи чиновъ гвардіи съ армейскими, который тогда же окончился не въ пользу сравненія. Въ то же время сдѣлано было предложеніе о безполезности нѣкоторыхъ градацій чиновъ производства въ арміи, отбѣива которыхъ могла бы нѣсколько увеличить содержаніе младшихъ офицеровъ. Тотъ же смыслъ можетъ быть данъ дѣлу и теперь.

Но зло не въ этомъ; для дѣйствительнаго поощренія армейскихъ офицеровъ оставаться на службѣ нужно показать имъ что они могутъ что-нибудь выслужить, а послѣдному препятствуетъ *обычная привилегія гвардіи замѣщать $\frac{2}{10}$ вакансій командировъ армейскихъ отдѣльныхъ частей и вакансій генеральскихъ*. Благодаря этой привилегіи, гвардейскій офицеръ черезъ 15 лѣтъ службы становится командиромъ полка, тогда какъ въ арміи въ то же число лѣтъ достигаютъ чина капитана, много майора, и есть подполковники служащіе по

* Таково распоряженіе объ отпускѣ такъ-называемыхъ караульныхъ денегъ только за дни „наряда“, въ сущности уменьшившее доходъ офицеровъ.

25—30 лѣтъ. Пишущій знавалъ множество прапорщиковъ сдѣвшихъ по 6—8 лѣтъ въ чинѣ.

Но кто же эти гвардейцы, такъ быстро проходящіе трудное поприще службы? Люди съ блестящимъ военнымъ образованіемъ? Нѣтъ, зачастую далеко худшимъ нежели у много армейца! На службу въ гвардію попадаютъ или благодаря карману (изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ), или *по заслугамъ родителей*, изъ Пажескаго корпуса, или переводомъ изъ арміи, съ пониженіемъ чина, по протекціи или знакомству съ полковымъ командиромъ; наконецъ за хорошее окончаніе курса, но такихъ офицеровъ не много.

Таковъ разсадникъ нашихъ высшихъ офицеровъ, дающій въ концѣ концовъ „генераловъ“ Тургеневскаго *Дыма*.

Подчиненіе кажется тѣмъ обиднѣе что не отличаясь ничѣмъ, даже лѣтами службы, отъ большинства своихъ подчиненныхъ, наши такъ называемые „старшіе“ офицеры имѣютъ черезчуръ большую власть надъ ними: награды зависятъ не отъ закона, а отъ нихъ, пріемъ на службу помимо военныхъ училищъ, всецѣло предоставленъ имъ же, они же могутъ выпроводить офицера и со службы, безъ суда и безъ желанія; наконецъ даже производство на открывшуюся штабъ-офицерскую вакансію, *по обычаю* зависѣвшее отъ старшинства въ чинѣ, теперь предоставлено усмотрѣнію ближайшаго начальства, власть котораго со введеніемъ окружной системы и устава о дисциплинарныхъ наказаніяхъ еще усилилась.

Послѣдствіе такой широкой власти у всѣхъ на глазахъ—неуваженіе къ личности офицера, какъ только исчезло уваженіе личности, власть становится въ извѣстной мѣрѣ произволомъ.

Этотъ произволь, на который жалуется почти повально все наше офицерство и которому оно противодѣйствовать не можетъ, составляетъ послѣднюю причину уменьшенія числа офицеровъ. Уходитъ изъ службы все что мало-мальски знаетъ себя цѣну, уходитъ тѣмъ скорѣе что всякій мало-мальски дѣльный и знающій человекъ всегда можетъ найти вѣвъ военной службы мѣсто съ большимъ содержаніемъ, которое и служить приманкой. Вѣдь околоточный надзиратель (унтеръ-офицерскаго званія) петербургской полиціи получаетъ столько же сколько прапорщикъ арміи, расходы котораго, однако, гораздо значительнѣе, даже на одну форму. Этимъ дѣло не ограничивается: изъ числа хорошо подготовленныхъ офицеровъ на службу остаются весьма многіе, но и они въ еже-

дневныхъ заботахъ о хлѣбѣ, подъ давленіемъ нужды и не-пріятностей, теряютъ дѣйствительную любовь къ служебнымъ занятіямъ, а изученіемъ военнаго дѣла, которое идетъ все впередъ и впередъ, вовсе не занимаютъ, тѣмъ болѣе что мно-гіе вокругъ ихъ смотрятъ на занимающагося военною наукой офицера почти съ явнымъ недоброжелательствомъ, то и дѣло тыкая ему при малѣйшей олошности ключкой „ученый“. Такимъ-то образомъ развивается тотъ духъ, который ближе всего назвать *духомъ служебной апатіи*. Исполняется ко-нечно все чего требуютъ начальство и законъ, но исполняется только на показъ, чтобы какъ говорится „сошло“.

Что отношеніе начальства къ подчиненному улучшается по мѣрѣ увеличенія благосостоянія послѣдняго, это такъ же вѣр-но у насъ какъ законъ природы, но вѣрно и то что доволь-ство и обезлеченность располагаетъ болѣе интересоваться дѣломъ, которое лопитъ и кормитъ, а потому можно смѣло сказать что „качество офицеровъ возвышается пропорціо-нально ихъ относительному (по мѣсту и чину) жалованью.“

Недавно эту мысль называли у насъ безнравственною, но те-перь къ ней начинаютъ склоняться и тѣ „кому о семъ вѣ-дать надлежитъ“. Въ статьѣ № 208 *Русскаго Инвалида* вы-сказывается мысль что одною изъ главнѣйшихъ причинъ устѣ-ха Прусаковъ было лучшее положеніе *капитановъ*, на кото-рыхъ лежитъ подготовка нижнихъ чиновъ къ боевой службѣ. Чтобы подтвердить эти слова цифрами, говорила статья, до-статочно припомнить что въ Пруссіи лѣхотный капитанъ старшаго оклада получаетъ въ годъ жалованья 1.095 руб., тогда какъ во Франціи, въ линейной лѣхотѣ, онъ получаетъ 675 р.“ Каковъ же долженъ быть выводъ о нашихъ русскихъ капита-нахъ, получающихъ около 550 руб., особенно если припо-мнить что за одни и тѣ же деньги во Франціи можно имѣть несравненно больше удобствъ нежели у насъ? Въ Пруссіи и Россіи разица въ удобствахъ достигаетъ отношенія 1: 2. Прибавимъ что оклады вычислены по номинальной цѣнѣ руб-ля: что же будетъ если разчитать по курсу?

Что равнодушіе къ службѣ, а слѣдовательно и къ военной наукѣ дѣйствительно существуетъ, это можетъ быть доказано между прочимъ такими фактами. Русскій офицеръ интересуе-ся всѣмъ чѣмъ вамъ угодно: онъ читаетъ романы, газеты, журналы, даже серіозныя книги, но военнаго сочиненія читать не станетъ. Извѣстно, напримѣръ, что нашъ *Артиллерійскій*

Журналъ, года два назадъ обязательный, оставался не разрѣзаннымъ, такъ что нашли лучшимъ устроить дѣло такъ чтобы избавить отъ него тѣхъ кому онъ не нуженъ. Теперь его расходится не болѣе 600 экземпляровъ, изъ которыхъ около половины обязательныхъ, а большая часть остальныхъ подписчиковъ состоитъ изъ офицеровъ съ высшимъ артиллерійскимъ образованіемъ. Положеніе *Инженернаго Журнала*, существующаго обязательно подпиской, едвали лучше, судя по тѣмъ многимъ экземплярамъ которые мы видѣли сами. *Оружейный Сборникъ*, посвященный преимущественно развитію стрѣлковаго дѣла, имѣетъ не болѣе 500—600 подписчиковъ.

Даже положеніе *Военнаго Сборника* далеко не отрадное: при началѣ изданія онъ имѣлъ до семи тысячъ подписчиковъ, а теперь число ихъ упало до трехъ тысячъ съ небольшимъ, и этотъ журналъ скорѣе популярное нежели специальное изданіе.

Вообще можно сказать что если отнять у нашихъ военныхъ изданій казенную поддержку въ какомъ бы то ни было видѣ, то они будутъ не въ состояніи существовать.

Развитію равнодушія и апатіи способствуетъ и то, между прочимъ, обстоятельство что можно прослужить не зная ровно ничего кромѣ экзерцицъ-регламентовъ.

Намъ часто встрѣчались офицеры не знавшіе какъ приготавливаются патроны которыми стрѣляютъ ружья той части къ которой принадлежитъ офицеръ, а былъ даже случай что такое незнаніе обнаружено въ гвардейскомъ офицерѣ на вступительномъ экзаменѣ въ одну изъ военныхъ академій.

Какъ прежде исключительно налегали на маршировку, ружейные приемы, эволюціи и равненіе, такъ теперь налегаютъ на стрѣльбу, эволюціи, гимнастику. Но при обученіи стрѣльбѣ можно думать не о томъ чтобы выучить толковой боевой стрѣльбѣ, а лишь бы попасть большимъ числомъ пуль на смотру, что далеко не все равно. При обученіи эволюціямъ можетъ имѣться въ виду смотровая чистота построеній, а не примѣненіе къ бою. Ученья производятся постоянно на ровныхъ, открытыхъ плацахъ, безъ всякаго примѣненія къ мѣстности, чего такъ настойчиво хочетъ *Уставъ* въ своихъ примѣчаніяхъ; даже „маневры“ и тѣ росписываются заблаговременно, по пунктамъ, и представляютъ своего рода спектакль, не больше. Совѣтовали, напримѣръ, обученіе стрѣльбѣ соединить съ обученіемъ эволюціямъ, какъ приходится дѣлать въ бою, но на это большая часть начальства возражаетъ что

это поведетъ къ тратѣ патроновъ, да и не безопасно, потому что люди переранятъ другъ друга. Гимнастика тоже можетъ быть не способомъ развить и укрѣпить мышцы солдата, — доктора тутъ не спрашиваютъ, — а своего рода акробатствомъ, и весь „смакъ“ обученія ей сводится къ тому чтобы выучить огромныя шеренги дѣлать согласно, въ тактъ, какія-то странныя тѣлодвиженія, наломывающія кривлянья краснокожихъ Американцевъ. О фехтованіи и говорить нечего: развито оно такъ плохо что его должно считать существующимъ болѣе на бумагѣ нежели на дѣлѣ, даже хуже: изъ пріемовъ фехтованія образованъ новый курсъ прежнихъ безцѣльныхъ ружейныхъ пріемовъ, этихъ знаменитыхъ „осадокъ“ и „хватокъ съ вывертцемъ“; къ смотря же, какъ вѣдомо каждому, выбирается нѣсколько паръ которыя заблаговременно „разучиваютъ“ то представленіе которое должны показать прѣзжему начальству.

Но еслибы даже все это было усвоено въ совершенствѣ, еще не значить что войска готовы къ бою. Экзерцицъ-регламенты даютъ только знаніе, какимъ образомъ взяться за приводъ паровика чтобы машина начала работать, но заставить машину работать цѣлесообразно и исполнять все съ требуемою скоростью и въ надлежащемъ направленіи, для этого нужно знать побольше, а этого-то и нѣтъ. Положимъ, офицеръ знаетъ какъ выполняются такія-то и такія-то эволюціи, но ему этого въ бою мало: онъ долженъ знать при какихъ условіяхъ употребить ту или другую изъ нихъ, съ тѣми или другими варіаціями противъ типа предложеннаго уставомъ. Такое знаніе могутъ дать только артиллерія, фортификація, тактика и военная исторія, да и то тогда только если ими заниматься самостоятельно и непрерывно.

Мы очертили безъ утайки, но безпристрастно, все какъ есть на самомъ дѣлѣ, и не виноваты если нашъ очеркъ произведетъ далеко не веселое впечатлѣніе на читателя, но мы должны прибавить что военное министерство всѣми мѣрами заботится о возвышеніи уровня образованія массы офицеровъ. Труды министерства въ этомъ отношеніи почтенны и по количеству, и по качеству, но они не въ состояніи разомъ измѣнить положеніе дѣлъ. Къ тому же ошибочно думать что можно искоренить слѣдствіе не дѣйствуя на причину.

И уровень образованія, и число офицеровъ, могутъ однако и у насъ въ достаточной степени увеличаться при соблюде-

ни извѣстныхъ условій. Того еще мало что комплектъ будетъ всегда налицо: это не трудно: стоить только, какъ и дѣлается, постепенно увеличивать число ежегодно производимыхъ въ офицеры до тѣхъ поръ, пока приходъ сравняется съ расходомъ, но для дѣла гораздо важнѣе заботиться объ уменьшеніи самаго расхода, потому что иначе мы придемъ только къ тому что вмѣсто опытныхъ офицеровъ будемъ имѣть крайнюю молодежь, а опытность—элементъ весьма важный въ военной службѣ.

Когда положеніе чиновника было у насъ хуже положенія офицера, въ офицерахъ былъ избытокъ и надо правду сказать, взятое въ массѣ, офицерство было лучше чиновничества, и нравственно, и умственно. Нынѣ эта часть нашей военной системы требуетъ радикальной реформы, и изъ того что было сказано выше мы можемъ вывести нѣсколько условій, исполненіе которыхъ представляется положительно необходимымъ.

Вопервыхъ, необходима *несмѣняемость* офицерскаго званія, то-есть чтобъ офицеръ не могъ быть уволенъ отъ службы или должности, помимо собственнаго желанія, безъ опредѣленія судебной власти, такъ какъ это единственный способъ развить полное уваженіе къ личности, къ закону и службѣ, какъ это можно видѣть рѣзче всего на нашемъ судебномъ вѣдомствѣ и хотя на примѣръ, на прусскомъ почтамтѣ, извѣстномъ своею точностью и примѣрнымъ управленіемъ. Ни дисциплина, ни субординація, ни уваженіе къ начальству отъ этого не уменьшатся, а увеличатся, какъ легко видѣть изъ вышеизложеннаго. Точно также надобно строго опредѣлять роды и степени служебныхъ „отличій“, дающихъ право на награды и производство въ чинъ, помимо старшинства офицеровъ, что извѣстно подъ названіемъ „за отличіе по службѣ“. Награды давно должны перестать служить какими-то сюрпризами, дѣлаемыми начальствомъ подчиненному, и потому тутъ не должно быть терпимо никакихъ секретовъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Нашъ Георгіевскій крестъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ не потому только что полученіе его трудно, но и оттого что онъ дается не иначе какъ по статуту и приговору кавалерской думы, за *опредѣленный* подвигъ; точно те же можетъ быть установлено и для каждаго ордена.

Вовторыхъ, слѣдуетъ постановить что только извѣстное об-

разованіе и опредѣленная степень служебнаго отличія даютъ право на производство въ высшіе чины.

При этомъ служебныя *требованія* должны быть соображены такъ чтобъ исполненіе обязанностей присвоенныхъ каждой должности было невозможно безъ известной степени военнаго знанія, для чего прежде всего слѣдуетъ исполнить совѣтъ знаменитаго генерала первой имперіи, Морана, предлагавшаго всѣ толстыя книжки уставовъ сократить въ нѣсколько страницъ. Исполненіе требованія Морана вполне возможно, какъ постоянно доказывала и доказываетъ вся наша военная литература.

Наконецъ послѣднее, —увеличить содержаніе офицеровъ, какъ прибавкой жалованья, такъ и сокращеніемъ многихъ безполезныхъ и дорогихъ расходовъ требуемыхъ формой (эполеты, темляки, пояса, галуны и т. п.). Исполненію этого условія во многомъ можетъ способствовать болѣе равномерное распределеніе окладовъ (со всѣми гласными и негласными пособиями и арендами) между младшими и старшими офицерами. 3—15ти-тысячныя оклады старшихъ тамъ гдѣ младшіе не имѣютъ почти ничего — *по меньшей мѣрѣ*, вредно дѣйствуютъ, какъ на взаимныя отношенія служащихъ, такъ и на нравственную сторону офицерства, возбуждая зависть и недовольство своимъ положеніемъ.

Вотъ условія отъ коихъ зависитъ убавка расхода изъ корпуса офицеровъ. Другой рядъ условій ведущихъ къ той же цѣли съ иной стороны находится въ связи съ тѣмъ обстановкой какую, при военной реформѣ, получить институтъ вольноопредѣляющихся, который, если будетъ поставленъ правильно, будетъ привлекать въ корпусъ офицеровъ значительныя массы людей съ образованіемъ и дослугкомъ.

Н. ВОЛОЦКОЙ.

При сей книжкѣ прилагаются особыя объявленія: 1) о подпискѣ на 1871 годъ на новый РУССКІЙ БАЗАРЬ. 2) отъ конторы Э. ЮХИМА и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Т О М Ъ Д Е В Я Н О С Т Ы И.

Н О Я Б Р Ъ.

	<i>Стр.</i>
Латинская церковь въ сѣверо-западномъ краѣ до Брестской униі. <i>И. Д. Блѣева</i>	5
На пожахъ. Романъ. Часть первая. Гл. VIII—XI. <i>Н. С. Дѣскова</i> (Стебницкаго)....	40
Сыщики. Историческая повѣсть изъ бироновскаго времени. Часть первая. Гл. XVIII—XXXV. <i>Булкина</i>	101
А. С. Шшковъ, его союзники и противники. <i>П. К. Щербальскаго</i>	192
Бѣлградская семинарія въ Сербіи. <i>А. И. Лебедева</i>	255
Римъ и Византія въ трудахъ двухъ кievскихъ историковъ. <i>В. Н. Бильбасова</i>	273
Графиня. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Генриха Крузе. Переводъ съ нѣмецкаго. <i>Ф. Б. Миллера</i>	309
Нѣсколько замѣтокъ о современной Италіи. <i>В. Макушева</i>	375
Иностранная литература.....	393

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—V.

Д Е К А Б Р Ъ.

	Стр.
Очерки торговли Семирѣченской области 1868 — 1869. <i>А. Г. Ротчева</i>	407
Бѣлая-Кривица до прїѣзда Амвросія. Гл. IV—V. <i>Н. И. Субботина</i>	429
Графиня. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Генриха Крузе. Переводъ съ нѣмецкаго. Окончаніе. <i>Ф. Б. Миллера</i> .	491
Сыщики. Историческая повѣсть изъ бирюзовскаго времени. Окончаніе. <i>Булкина</i>	567
На ножахъ. Романъ. Часть вторая. Гл. I—IV. <i>Н. С. Лыскова</i> (Стебницкаго).....	707
Ученіе какъ оно у насъ есть и какъ должно быть. <i>А. Н. Робера</i>	745
Русская историческая литература. <i>Археологическая топографія Таманскаго полуострова</i> . Изслѣдованіе <i>К. Гёрца</i> . Изданіе Московскаго Археологическаго Общества. <i>М. С. Куторги</i>	789
Наша армія. Формы и духъ. <i>Н. В. Волоцкаго</i>	812

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. VI—IX.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 и 1870—71 учебные годы. Цѣна за каждый годъ въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. е. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Лрашусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 8 ф.

ЖИЗНИ ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюль Верна. М. 1870. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. Вольфа. Переводъ профессора Калиновскаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ“

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

СЪ 1го ЯНВАРЯ 1871 ПО 1е ЯНВАРЯ 1872 ГОДА.

Выходить ежедневно, на листъ большого формата, безъ цензуры.

Подписная цѣна: безъ доставки: на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяць 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и *доставкой* на домъ: на годъ 9 р., на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяць 75 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Садовой улицѣ, домъ № 39; а также во всѣхъ мѣстахъ гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выискѣ изъ самой редакціи.

Новые подлищики желающіе начать полученіе *Дѣятельности* въ истекающемъ году, прилачиваютъ за каждый мѣсяць текущаго года по 50 к. съ пересылкою. 10.394.—1.

издѣлія не было уже для насъ новостью, но теперь она стала снабжать насъ каждыя двѣ недѣли этими пріятными дарами; часто можно было слышать какъ какой-нибудь изъ мальчиковъ восклицалъ, обращаясь къ кружку товарищей или же къ самому себѣ въ то время какъ она проходила мимо, или просто безъ всякаго случая: „Какая она красавица, ей Богу!“ Я увѣренъ что, согласись она выйти за Бодди, наши мальчики серьезно бы рѣшились ворваться всею толпою въ церковь и останоить вѣнчаніе. Мы бы, кажется, скорѣе согласились выдать ее замужъ за младшаго надзирателя, Катмена, про котораго ходили въ школѣ слухи что когда онъ выпилъ разъ бутылку вина, ему сдѣлалось дурно, вслѣдствіе чего онъ считался у насъ довольно ничтожнымъ созданіемъ, тѣмъ болѣе что слухи эти подтверждались блѣднымъ цвѣтомъ его лица. Что мы готовы были скорѣе выдать за него нашу цвѣтущую королеву, служило лучшимъ доказательствомъ нашей ненависти къ Бодди. Я бы тоже нашелъ, подобно прочимъ мальчикамъ, что она со всякимъ днемъ хорошеетъ, еслибы не былъ убѣжденъ что она никогда не была настолько прелестна какъ въ ту минуту когда она улыбнулась моему отцу. Такъ какъ вся школа стояла за интересы Геріота, то повсюду, во время игры въ крикетъ, во время прогулокъ по холмамъ и катаній на лодкѣ, мистеръ Бодди былъ окруженъ шпіонами; маленькій Темплъ передалъ разъ Геріоту разговоръ между Бодди и Джуліей который онъ подслушалъ лежа въ высокой травѣ. Бодди просилъ ее брать у него частные уроки французскаго языка. Геріотъ узналъ эту ужасную новость, готовясь войти въ лодку гдѣ Джулія сидѣла рядомъ съ Бодди; Геріотъ долженъ былъ грести. Онъ опустил весло въ воду и сказалъ такъ громко что я услышалъ его слова, сидя въ лодкѣ Катмена.

— Какъ вы позагааете, полезень французскій языкъ для будущаго военнаго?

Бодди возразилъ что конечно онъ очень полезень.

— Если такъ, то я намѣренъ брать уроки, сказалъ на это Геріотъ.

Бодди отвѣчалъ ему что онъ безъ того беретъ уроки въ школѣ.

— О! продолжалъ Геріотъ.—Я говорю о частныхъ урокахъ; и затѣмъ онъ повторилъ слова переданныя ему Темплемъ:— Частный урокъ можетъ доставить гораздо болѣе пользы!

Бодди такъ и привскочилъ съ своего мѣста.

— Извольте грести, а не разговаривать, проворчалъ онъ.

— Извольте сидѣть смиренно и не плясать въ лодкѣ; а не то мы вывалимъ нашу даму, отвѣчалъ Геріотъ.

Джулія стала просить чтобы лодку причалили къ берегу, а ей позволили возвратиться домой. Бодди притянулъ лодку за цѣпь къ берегу и выскочилъ изъ нея чтобы помочь ей выдти; но въ это время всѣ мальчики, какъ въ ихъ лодкѣ, такъ и въ лодкѣ Катмена, закричали въ одинъ голосъ:

— Миссъ Джулія! Милая миссъ Джулія! Не оставляйте насъ!

Затѣмъ слышалось нѣсколько умильныхъ голосовъ, пронесшихъ:

— Не уходите отъ насъ, вдвоемъ съ нимъ!

Джулія попросила насъ вести себя хорошо, говоря что иначе она будетъ бояться вѣхать съ нами. При этихъ словахъ, Бодди снова усѣлся на свое мѣсто, и обѣ лодки поплыли дальше, словно лебеди, расправившіе перья. Мальчики были весьма недовольны что за всѣмъ случившимся не послѣдовало никакой катастрофы. Геріотъ, по ихъ мнѣнію, долженъ бы опрокинуть лодку, спасти Джулію изъ воды и утопить Бодди, чѣмъ доставилъ бы великій праздникъ всей школѣ; вмѣсто всего этого Бодди оставался въ живыхъ для того чтобы снова мучить насъ своимъ тиранствомъ и своими злыми ливками. Нѣкоторые изъ насъ стали разсуждать объ ея поведеніи.

— Она кокетка, сказалъ маленькій Темля.

Я обратился къ французскому словарю за объясненіемъ этого слова.

— Чтò, Джулія Рилленджеръ кокетка, Геріотъ? спросилъ я у него.

— Маленькимъ мальчуганамъ нечего разсуждать о молодыхъ девушкахъ, возразилъ онъ, давая мнѣ щелчекъ.

— Кокетка значитъ гадкая дѣвочка, настаивалъ я.

— Ну нѣтъ, смотря какъ; иногда это значитъ: очень маленькая дѣвочка, было его отвѣтомъ.

Съ тѣхъ поръ мною овладѣла сильная зависть къ Темлю за его глубокое знаніе прекраснаго пола; я все еще не могъ выкинуть вполне въ смыслъ слова: кокетка. Но у Темля были сестры. Мы гуляли съ нимъ по саду, разсуждая обо всемъ томъ на чтò мы готовы рѣшиться ради Геріота. Въ это время былъ уже положенъ запретъ на мои воскресные визиты къ Джуліи, я почувствовалъ себя, такъ сказать, на самомъ

днѣ школьной жизни, и мечты мои объ отцѣ начали терять свою ясность. Нѣсколько пощечинъ отъ Бодди ошеломили и преобразили меня. Мистеръ Рилленджеръ тоже все грозилъ отколотить меня тростью, хотя преступленія мои были далеко не важны. „Да, сказали въ одинъ голосъ Темплъ и я, — но Геріота вы приколотить не смѣете!“ Это было наше утѣшеніе и общее мнѣніе всей школы. Каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда мы увидѣли что онъ бьетъ изо всей силы Геріота ладной по плечамъ, а Бодди помогаетъ ему. Сцена эта была ужасна. Мы всѣ сидѣли вечеромъ за нашими люпитрами, приготовляя уроки къ слѣдующему дню, такъ какъ завтра предполагалось большое состязаніе въ крикетъ. Бодди наблюдалъ за нами, крича по временамъ: „Молчать за работой, лѣнтяи, если хотите чтобъ уроки кончились завтра къ десяти часамъ утра!“ Вдругъ снизу послышался шумъ, приближавшійся къ намъ вверхъ по лѣстницѣ, и въ комнату вбѣжалъ Геріотъ, а за нимъ залыхавшійся старикъ Рилленджеръ.

— Мистеръ Бодди, вы были правы! кричалъ онъ.—Это дѣйствительно негодяй, попирающій ногами всѣ правила дисциплины! Развращенный, безсовѣстный разбойникъ! Мы подадимъ примѣръ всей моей школѣ. Мы уже совсѣмъ распустили ихъ. Какъ! Я встрѣчаю этого мальчишку въ саду, на свистывающаго что-то и выжидающаго, какъ онъ говоритъ, одну изъ моихъ служанокъ.... пожалуйте сюда, мистеръ Бодди. Вся моя школа увидитъ что никто не можетъ безнаказанно оскорбить меня!

Удары посылались на Геріота какъ градъ. Геріотъ немножко нагнулъ плечи, но не голову.

— Бейте себѣ, говорилъ онъ, среди града ударовъ.

А я, хотя весь въ слезахъ, живо представилъ себѣ (какъ и теперь представляю) молодаго орла, лицомъ встрѣчающаго грозу.

Потомъ мы увидали какъ Бодди тоже было наложилъ на него руки, но въ ту же минуту свалился на полъ; мальчишки испустили радостный крикъ или скорѣе вопль; въ своемъ восторгѣ они залѣли какъ птицы, забывъ даже всякую злобу. Послѣ паденія Бодди мы уже перестали стыдиться за нашего героя. Темплъ и я крѣпко-на-крѣпко сжали кулаки, пока сыпались удары. Мы надѣялись что Бодди попытается еще разъ наложить руку на Геріота, но онъ неподвижно стоялъ около своего начальника, словно готовясь наскочить на Геріота, подобно злой пантерѣ. Мы все надѣялись что онъ исполнитъ

этотъ замыселъ и слѣдили съ ужасомъ за убійственными ударами. Геріотъ не произносилъ ни слова. Вдругъ Темль и я вокочили съ своихъ мѣстъ, не помня что мы дѣлаемъ, не помня ничего, пока намъ не досталось каждому по удару и мы не очутились въ самомъ пылу битвы; Бодди схватилъ насъ обоихъ за воротъ, стукнулъ насъ головами другъ объ друга и притащилъ насъ снова къ нашимъ мѣстамъ. Мальчики сказали намъ однако что мы оставили дѣльнѣйшій ходъ экзекуціи. Мистеръ Рилпенджеръ обратился къ намъ съ рѣчью, собираясь уходить изъ класса. Саддльбенкъ, Сальтеръ и многіе другіе зажали уши кулаками во время этой рѣчи. Ночью, Бодди и Катмень расказывали по спальнямъ, для предупрежденія какихъ-нибудь замысловъ и заговоровъ, какъ они говорили. Мнѣ страшно хотѣлось обнять Геріота; я все думалъ, думалъ объ немъ, и видѣлъ кровавые сны и проснулся утромъ удивляясь отчего это я лѣваю и отчего у меня болятъ спина и руки. Геріотъ былъ веселъ какъ обыкновенно и только минутами задумывался; между нами было рѣшено не упоминать о вчерашнемъ вечерѣ. Мы боялись что онъ откажется играть въ крикетъ.

— Отчего же мнѣ не играть? отвѣчалъ онъ на нашъ вопросъ, сердито глядя на насъ. — Развѣ Саддльбенкъ сломавъ руку и не можетъ бросать мячъ?

Нѣтъ. Саддльбенкъ былъ совершенно бодръ и здоровъ, хотя немного пристыженъ подобно Сальтеру и большинству старшихъ мальчиковъ. Они попросили Геріота чтобы онъ позволилъ имъ ложать ему руку.

— Подождите пока мы выиграемъ нашу партію, отвѣчалъ Геріотъ.

Джулія не явилась на утреннюю молитву.

— А, сказалъ Темль, — она боялась что ей будетъ тошно слышать молитвы стараго разбойника.

Онъ прибавилъ что ему чуть не стало тошно отъ нихъ и въ ту же минуту я почувствовалъ что и на меня онъ произвелъ то же дѣйствіе. Мы полагали что Джулія не покажется и во время игры. Однако она явилась и разговаривала со всѣми. Я никакъ не могъ оставаться въ покоѣ; я долженъ былъ сообщить ей о томъ что случилось вчера съ Геріотомъ, который въ это время мѣтко отбрасывалъ мячъ, между тѣмъ какъ всѣ вокругъ громко одобряли его искусство. Я подошелъ съ боку къ Джуліи и шелуль ей:

— Что я вамъ скажу, Джулія, милая, что я вамъ скажу, знаете ли?

Темль въ это самое время шелъ ей съ другаго боку:

— Миссъ Джулія, мнѣ нужно сказать вамъ....

Намъ хотѣлось возбудить въ ней состраданіе къ Геріоту, которымъ она восхищалась въ эту минуту. Но она не дала намъ договорить. Она была окружена дамами и мужчинами изъ города и своими близкими знакомыми, и ей было некогда выслушать насъ. Геріотъ въ восемьдесятъ девятый разъ пробѣжалъ отъ однихъ воротъ къ другимъ. Рукавъ его разстегнулся и открылъ слѣдъ удара на рукѣ.

— Посмотрите, кричалъ я Джуліи.

Но она смотрѣла на меня.

— Ричи, вы больны?

Она увѣряла меня что я очень блѣденъ. Она сама сильно дрожала, прикрывая меня своимъ зонтикомъ.

— Рой, Темль, ступайте сюда, кричалъ Геріотъ,—ступайте сюда и бросайте мнѣ мячъ.

Я подбѣжалъ и сталъ бросать, пока мнѣ не стало казаться что голова моя летитъ вслѣдъ за мячемъ, стучаясь повсюду, все точно вертѣлось вокругъ меня и виски мои страшно стучали.

Темль мнѣ разказалъ потомъ что я вдругъ упалъ, и что Геріотъ отнесъ меня домой на рукахъ, не позволяя надзирателю прикоснуться ко мнѣ.

Въ продолженіи трехъ дней я находился на полеченіи Джуліи. Каждый разъ какъ я начиналъ говорить объ ея отцѣ и о Геріотѣ, она кричала мнѣ:

— Молчите, и на глазахъ ея навертывались слезы. Когда я совсѣмъ оправился, то заставилъ ее выслушать всю исторію. Она обняла меня и нагнулась надо мной, словно зеленое дерево, качаемое дождемъ и вѣтромъ.

— Онъ никого не назвалъ по имени? спросила она меня съ легкимъ подергиваніемъ въ губахъ, а когда я отвѣчалъ что нѣтъ, то прибавила: — Я знала что онъ не назоветъ; она вдругъ вслыхнула и врезалное рыданіе сдавило ей горло; но минутой спустя она опять успокоилась, только нижняя губка дрожала у нея немного; она улыбнулась мнѣ и начала строить разныя гримасы своимъ хорошенькимъ ротикомъ. Мнѣ это не понравилось, также какъ и то что она не высказала своего мнѣнія о Геріотѣ, и я подумалъ про себя, хотя и не рѣ-

шился заговорить съ ней рѣзко: „Нечего дѣлать такіа гадкіа рожу, Джулія.“ Еслибы она заговорила о Геріотѣ, то я вѣрно бы нашелъ что поцѣлуи плачущихъ дѣвушекъ очень пріятны.

По возвращеніи въ классы, я засталъ всю школу въ страшномъ волненіи, по случаю того что Геріотъ вызвалъ Бодди на дуэль. Мистеръ Риппенджеръ держалъ мальчикамъ проповѣдь о противномъ христіанскому началу духъ и извращенной нравственности человѣка принимающаго вызовъ на дуэль. Не насколько преступленіе оказывается человѣкъ добровольно вызывающій на смертный бой своего ближняго. Мы были совершенно другаго мнѣнія, и большинство изъ насъ рѣшило что Бодди трусъ, и что Геріоту слѣдуетъ пристрѣлить или приколотить его хорошенько, во время каникулъ. Мистеръ Риппенджеръ заключилъ свою рѣчь замѣчаніемъ что самое строгое наказаніе къ которому онъ можетъ приговорить Геріота будетъ состоять въ томъ что онъ предоставитъ его суду его собственной совѣсти. Онъ предоставлялъ его суду этому въ продолженіе трехъ дней, и по истеченіи ихъ спросилъ его: готовъ ли онъ теперь публично просить прощенія у Бодди?

— Я вполне готовъ высказать ему публично мое мнѣніе объ немъ, отвѣчалъ Геріотъ.

Ропотъ одобренія пробѣжалъ по всей школѣ. Мистеръ Риппенджеръ схватилъ маленькаго Темля и высѣкъ его. Нисколько не боясь этого наказанія послѣ того какъ его пришлось отбѣдать Геріоту и Темлю, я, напротивъ, считалъ его безумнымъ удовольствіемъ, не страшнѣ колючаго терноваго кустарника, въ который мы разъ попали, играя на приходскомъ лугу. Вслѣдствіе этого я схватилъ за руку проходившаго мимо меня Темля и живо спросилъ его:

— Не закричать ли мнѣ ура.

— Чортъ ихъ побери совсѣмъ, отвѣчалъ Темля. Ему досталась порядочная дюжикка, а кожа у него была нѣжная.

Мистеръ Риппенджеръ подозвалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ что кто бы я ни былъ—а весьма возможное дѣло что я ничто иное какъ маленькій обманщикъ, навязанный его благосклонности, онъ постарается выбить мнѣ изъ головы чванство, и предупреждаетъ меня объ этомъ. А если отцу моему не понравится его система, то ему стоить только написать самому и обратить вниманіе на аккуратное исполненіе своихъ обязательствъ, ибо Серрей-Гоузъ не есть богачѣльня ни для сыроей знатныхъ господъ, ни для сыро-

вей бродягъ. Мистеръ Рилленджеръ презрительно пихнулъ меня при этомъ въ плечо, говоря мнѣ чтобы я сѣлся на свое мѣсто. Я ничего не понималъ изъ словъ его. Объясненіемъ этихъ дѣйствительно загадочныхъ словъ я былъ обязанъ одному изъ мальчиковъ по имени Дрю, извѣстному пронырѣ. Дѣло въ томъ что мистеръ Рилленджеръ потерялъ окончательно терпѣніе, ожидая напрасно платы за мое содержаніе и ученіе. Открытіе это наполнило мою голову смятеніемъ, подобнымъ непрерывному жужжанію какой-то мухи, оно неотвязно занимало всѣ мои мысли, не приводя однако ни къ какому заключенію. Я заговорилъ объ этомъ съ Геріотомъ.

— О низкое, старое животное! сказалъ онъ о мистерѣ Рилленджерѣ. — Какъ онъ можетъ понять поступки и чувства джентльмена. Отецъ твой путешествуетъ, гдѣ же ему тутъ писать, разумѣется. Мой отецъ живетъ въ Индіи, и я получаю отъ него письма всего разъ въ годъ. Но мы знаемъ другъ друга, и я знаю что онъ одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ британской арміи. Это вотъ образецъ образа мыслей школьныхъ содержателей и торговцевъ. Имъ нѣтъ дѣла до того исподнааетъ ли человѣкъ долгъ свой въ отношеніи отечества, только бы онъ занимался ихъ дѣлами, да сводилъ съ ними счеты—чортъ ихъ возьми. Я пришлю тебѣ денегъ, мой милый мальчуганъ, какъ скоро выберусь отсюда.

Ему удалось разогнать мои мрачныя мысли. Я былъ убѣжденъ что отецъ мой обладаетъ несмѣтнымъ богатствомъ и только въ настоящую минуту случайно занятъ путешествіемъ. Кроме того, любовь Геріота къ Джуліи, скрытая теперь отъ глазъ всѣхъ насъ, служила мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ развлечения. Джулія не являлась на молитву; въ церкви она сѣдѣла на хорахъ, тоже невидимая. Письмо переброшенное Геріотомъ черезъ садовый заборъ было возвращено ему по почтѣ не распечатаннымъ.

— Письмо Вальтеру Геріоту! закричалъ Бодди, высоко поднимая его кверху; его маленькіе глазки заблестали, когда Геріотъ весело призываясь подходя къ нему:

— Письмо отъ полковника изъ Индіи.

Бодди подождалъ съ минуту и затѣмъ сказалъ:

— Что вашъ батюшка въ добромъ здоровьѣ?

— Геріотъ весь вспыхнулъ. — Отецъ мой! — Надѣюсь, да! Какое вамъ дѣло до него?

— Вы сказали что письмо это отъ него.

— Такъ что же вамъ до этого?

— О, въ такомъ случаѣ мнѣ, разумѣется, нѣтъ до этого дѣла.

Они продолжали свой разговоръ, и даже младшіе мальчики наши замѣтили что лицо Бодди сіяло дѣвольскимъ наслажденіемъ. Геріотъ получилъ вдругъ письмо адресованное на имя Джуліи. Его положили къ нему на столъ; ея имя было выскоблено, а его написано вмѣсто того. Геріотъ становился блѣднымъ и грустнымъ, попрежнему занимался уроками и играми, позволяя своимъ друзьямъ говорить съ нимъ не иначе какъ объ урокахъ и объ играхъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ никогда не оставлять, несмотря ни на что, ни учебныхъ занятій моихъ, ни крикета. Но онъ не могъ скрыть своей грусти. Онъ былъ похожъ на старую лампаду, съ едва табующимъ въ ней огонькомъ. Не было ни одного мальчика въ школѣ который бы не замѣчалъ какъ плоскоголовый Бодди слѣдилъ за каждымъ шагомъ его.

Все это скоро кончилось однако. Отецъ Сальтера жилъ по ту сторону песчаныхъ холмовъ и пригласилъ трехъ изъ насъ къ себѣ на цѣлый день. Избранниками оказались Геріотъ, Саддлбенкъ и я. Мистеръ Рилленджеръ, не желая отказать мистеру Сальтеру, позволилъ намъ ѣхать, замѣтивъ, однако, что я еще собственнo слишкомъ молодъ. Но Сальтеръ оказалъ что его мать и сестры очень желаютъ познакомиться со мной. Мы отправились въ экипажѣ его отца. Быстрый вѣтеръ гналъ облака, лыль и сухіе листья; мнѣ казалось что я ѣду къ моему собственному отцу. Сознаніе свободы имѣло на меня чарующее вліяніе, я болталъ больше всѣхъ. Даже и среди семейнаго кружка я былъ затѣвалой разговора; и предъ отъѣдомъ изъ Сальтерова дома получалъ отъ его старшихъ сестеръ объясненіе въ любви. Мы поѣхали домой,—назадъ въ свою тюрьму, какъ мы говорили,—въ чудесномъ расположеніи духа, разсуждая о винномъ погребѣ Сальтерова отца и о томъ какъ я отпраздную свое совершеннолѣтіе бургондскимъ виномъ, запасъ котораго простирался, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ до сотни дюжинъ бутылокъ; мы условились собраться тогда на Дилвелской фермѣ, и распить весь запасъ этотъ въ честь моего отца и меня. Порѣшивъ дѣло, я вдругъ почувствовалъ что быстро качусь по дорогѣ, и хватаюсь наконецъ за кусокъ можжевельника. Лошади понесли, овернувъ съ песчаной дороги къ холмамъ. Я вылетѣлъ изъ экипажа, Геріотъ и

Сальтеръ выскочили изъ него, Геріотъ для того чтобы броситься за мной; но кучеръ и Саддльбенкъ поскакали сломя голову дальше внизъ по темному склону. Сальтеръ безпокоился о лошадяхъ своего отца и мы предоставили ему бѣжать вслѣдъ за ними, а сами пошли смѣясь пѣшкомъ. Геріотъ похвалилъ меня за храбрость.

— Я прощусь съ тобой сегодня, Ричи, сказалъ онъ.—Когда-нибудь мы навѣрное встрѣтимся опять. Я поступаю въ военную школу. Ты смотри посуглай непременно въ кавалерійскій полкъ, когда вырастешь. Просмотри армейскій списокъ, ты навѣрное найдешь въ немъ мое имя. Моя тетка отправится скоро путешествовать и навѣстать тебя, пока ты еще у Рипленджера. Такимъ образомъ ты не вовсе будешь покинуть.

Къ горю моему, я увидаль что Геріотъ рѣшился не возвращаться болѣе въ школу.

— Тебѣ будетъ таки доставаться теперь, сказалъ онъ,—противъ этого я уже ничего не могу сдѣлать; но я надѣюсь что ты окрѣпнешь къ тому времени. Я не могу оставаться здѣсь долѣе. Я живу здѣсь точно собака, а не человѣкъ. Я провожу тебя до дому. Не плачь, юный волкъ.

Стукъ экипажныхъ колесъ замолкъ. Геріотъ задумался. Онъ замѣтилъ что приключеніе съ экипажемъ снимало съ мистера Сальтера всю отвѣтственность касательно нашего возвращенія домой; но что онъ, Геріотъ, былъ обязанъ, ради мистера Сальтера, проводить меня до порога нашего дома. Мой разумъ никакъ не могъ достигнуть всей утонченности этого разсужденія. Мы возвратились въ нашъ городокъ въ третьемъ часу ночи. Къ одному изъ строеній стоявшему близъ школы и окруженному садикомъ была прислонена лѣстница.

— А, ты здѣсь, сказалъ Геріотъ, обращаясь къ этой лѣстницѣ:—ты должна сослужить мнѣ службу; это будетъ послѣдняя служба оказанная мнѣ въ этомъ околоткѣ. Онъ ухитрился положить лѣстницу къ себѣ на плечо и пошелъ далѣе.

— Развѣ ты пролѣзешь въ окно? спросалъ я, видя что онъ приставилъ лѣстницу къ стѣнѣ школьнаго дома.

— Молчи, сказалъ онъ;—посторожи здѣсь.

Онъ вскоробкался вверхъ по лѣстницѣ. Въ ту минуту какъ онъ постучалъ въ окно, я вспомнилъ что это было окно Джули; я услыхалъ за нимъ крикъ ея. Окно медленно поднялось. Геріотъ заговорилъ съ ней.

— Я пришелъ проститься съ тобой, Джулія, милая моя дѣвочка: не бойся меня.

— Отвѣтъ ея не долетѣлъ до моего слуха. Она просилъ ее только одинъ разикъ показаться ему, всего одинъ разикъ; выслушать его и подать ему руку. Она робѣла; онъ захватилъ сначала ея пальцы, а затѣмъ и всю руку ея, а она склонилась надъ нимъ.—Джулія, моя бездѣльная, дорогая дѣвочка, говорилъ онъ.

— Геріотъ, Вальтеръ, не уходи, отвѣчала она;— не уходи; ты вѣрно не любишь меня, если хочешь оставить меня; о, не уходи!

— Меня довели до этого, сказалъ Геріотъ.

Она спросила отчего онъ до сихъ поръ на ногахъ и снова застонала: Не уходи! Я въ безмолвномъ удивленіи смотрѣлъ на эту ночную сцену. Они стали шептаться; я видѣлъ какъ лица ихъ близко нагнулись другъ къ другу и какъ Геріотъ обвилъ руками ея шею.—О Геріотъ, мой милый, мой Вальтеръ,—говорила она плача, я слышалъ что она плакала, по звуку ея голоса.

— Скажи мнѣ что любишь меня, произнесъ Геріотъ.

— Люблю, люблю, только не уходи.

— И будешь вѣрно любить меня?

— Буду, буду.

— Всегда?

— Всегда. О что за утро сегодня! Слышишь какъ пахнетъ моя жимолость? О, не уходи отъ меня, Вальтеръ! Ты меня очень любишь?

— Я бы прошелъ, ради тебя, чрезъ цѣлый полкъ съ обремененными саблями.

— Вдохни-ка въ себя ночной воздухъ! Какъ сладко! о, какъ сладко! Нѣтъ, нѣтъ, не цѣлуй меня лучше, если хочешь уходить отсюда; лучше не цѣлуй меня, если ты такой жестокий!

— Ты видишь меня во снѣ, лежа въ своей постелькѣ?

— Да, каждую ночь.

— Да благословить Богъ твою постельку!

— Каждую ночь я вижу тебя во снѣ. О, мой храбрый Геріотъ, милый, милый Вальтеръ, ты не выдалъ меня! Мой отецъ прибилъ тебя, и ты дался, ради меня! Каждый вечеръ молюсь я Богу чтобы ты простилъ ему, я боялась что ты возненавидишь и меня. Я такъ плакала что стала рада что ты не видишь меня. Посмотри на эти двѣ звѣздочки; нѣтъ, мнѣ

больно глядѣть на нихъ; я не буду больше никогда смотрѣть на нихъ. Но нѣтъ, ты вѣдь не уйдешь, ты только пугаешь меня. Вдохни-ка запахъ цвѣтовъ. Не отравляй мнѣ ихъ. О, чтѣ за утро для меня, когда ты покидаешь меня! А я должна остаться одна, среди темной ночи! Нѣтъ, не цѣлуй меня больше! О да, я сама поцѣлую тебя, милый!

— Твоя мать была Ирландка, Джулія? спросилъ онъ.

— Да. Какъ бы она полюбила тебя!

— И во мнѣ есть ирландская кровь. Отдай мнѣ ея портретъ. Онъ такъ похожъ на тебя.

— Ты унесешь его съ собой? Нѣтъ, Вальтеръ, не уноси его!

— Милая моя! Онъ будетъ мнѣ залогомъ твоей вѣрности.

— Мнѣ разстаться съ портретомъ моей матери?

— Ну да, если ты меня хоть крошечку любишь.

— Но вѣдь ты моложе меня, Геріотъ.

— Когда такъ, прощай, покойной ночи, Джулія.

— Вальтеръ, я сейчасъ привесу его.

Тогда Геріотъ сказалъ ей что я стою подѣ окномъ. Она выглянула ко мнѣ, тихонько прошептала мое имя и послала мнѣ рукой поцѣлуй; онъ объяснилъ ей между тѣмъ причину нашего поздняго возвращенія.

— Кто-нибудь вѣрно дожидается васъ въ домѣ—въ безопасности ли вы? спросила она.

Геріотъ засмѣялся и опять наломилъ о портретѣ.

— Это все чтѣ у меня есть. Но отчего тебѣ не отдать его? Я хочу чтобы ты помнилъ меня.

Она зарыдала при этихъ словахъ и исчезла. Геріотъ говорилъ ей что-то вслѣдъ. Мнѣ послышалась шумъ отворяющейся садовой калитки. Кто-то со всѣхъ ногъ бѣжалъ къ лѣстницѣ. Я въ ужасѣ вскрикнулъ: „Мистеръ Бодди, стойте!“ Онъ свирѣло оттолкнулъ меня, и налегъ всѣмъ тѣломъ на лѣстницу. Геріотъ закрылъ окно Джуліи и съ тяжелымъ шумомъ упалъ на землю; на верху раздался крикъ. Онъ хотѣлъ вскочить на ноги, но снова упалъ и опираясь на руку, закричалъ:

— Ничего, бѣды нѣтъ никакой; какъ поживаете, мистеръ Бодди? Я пробовалъ взлѣзть на чердакъ, потому что мы олоздали, я не хотѣлъ беспокоить домашнихъ. Я не ушибся, говорю вамъ, закричалъ онъ изо всѣхъ силъ.

Рѣчь надзирателя состояла изъ смѣшенія бѣшенства и разспросовъ. Онъ приказалъ Геріоту стать на ноги, бранилъ его, спрашивалъ чего ему было нужно, обвинялъ его въ возвращен-

ности, въ преступленіи, въ безстыдномъ поступкѣ, и пытался силой поднять его съ земли.

— Руки долой, сказалъ Геріотъ.—Я самъ могу встать. Вотъ этотъ юноша поможетъ мнѣ и мы обойдемъ кругомъ къ парадной двери. Надѣюсь вы поступите какъ джентльменъ; не поднимайте тревоги, мистеръ Бодди, если вы только уважаете обитателей этого дома. Насъ вывалили изъ экилажа мистера Сальтера; я, кажется, ушибъ себѣ при этомъ ногу. Будьте такъ добры, ступайте своею дорогой; мы обойдемъ кругомъ, и постучимся, какъ слѣдуетъ, въ парадную дверь. Нечего дѣлать, придется все-таки потревожить домашнихъ.

Геріотъ настаивалъ. Къ моему удивленію, Бодди повиновался и оставилъ насъ, а мой дорогой Геріотъ пошелъ хромая, опираясь рукой на мое плечо, къ углу дома выходящему на большую дорогу. Пока мы стояли тамъ, мимо насъ проѣхала легкая тележка. Геріотъ окликнулъ ее, и подошелъ хромая къ извозчику.

— Свезите меня въ Лондонъ, пріятель, сказалъ онъ.—Я джентльменъ; нечего такъ таращить на меня глаза. Я вамъ хорошо заплачу и кромѣ того поблагодарю. Только проворнѣе. Помогите мнѣ сѣсть; вотъ моя рука. Чортъ возьми, какъ больно!

— Вѣрно задаете маху изъ школы, сэръ, сказалъ этотъ человекъ.

— Молчите, отвѣчалъ Геріотъ. — Положитесь на меня; я сказалъ вамъ что я джентльменъ.

— Ну, хорошо; подвести по дорогѣ джентльмена дѣло не дурное.—И онъ заботливо помогъ ему усѣсться.

Геріотъ сказалъ мнѣ своимъ лѣвучимъ, милымъ голосомъ:—Прощай, милый Ричи. Постучи въ дверь черезъ пять минутъ. Да благословить тебя Богъ, дорогой мой мальчуганъ! Нога моя заживетъ къ утру; объ этомъ не тревожься; мы какъ-нибудь встрѣтимся, разольемъ твое бургундское. Не плачь. Ну сдѣлай мнѣ ручкой.

Я послалъ ему рукой поцѣлуй. Я не могъ плакать; грудь моя тяжело подымалась. Другъ мой уѣхалъ. Я долго стоялъ на дорогѣ, прислушиваясь къ стуку колесъ, давно уже замолкшему вдали.

Г Л А В А VI.

Повѣсть о гусѣ.

Съ этого часа до того дня въ который прїѣхала навѣстить меня тетка Геріота, я жилъ совершенно безсознательною жизнью, постоянно уносясь куда-то воображеніемъ и все болѣе уходя въ себя, по мѣрѣ того какъ усиливались сыпавшіеся на меня удары мистера Риппенджера. Онъ справедливо замѣтилъ что я сталъ непроходимо скрытымъ мальчишкой, непокорнымъ возмутителемъ, безчувственнымъ негодяемъ, и увѣрялъ меня что если отецъ мой и не намѣренъ платить за меня, то я по крайней мѣрѣ не избѣгну платежа своихъ долговъ. Названіе маленькаго обманщика перешедшее изъ устъ начальника въ уста всей школы, названіе, подъ которымъ подразумевался мальчикъ явившійся къ нимъ въ видѣ юнаго принца, но не доставившій тѣмъ не менѣе содержателю ни одного пенни вознагражденія, служило, разумѣется, причиною моихъ стычекъ съ нѣкоторыми изъ мальчиковъ.

Всакій разъ какъ слухи объ этихъ стычкахъ доходили до Риппенджера, онъ молился обо мнѣ, съ цѣлю смягчить мою душу, и свѣкъ меня, съ цѣлю укрѣпить мое тѣло. Къ молитвамъ этимъ я скоро сталъ относиться съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ. Розги же наполняли мое сердце сознаніемъ мученичества. Я говорилъ себѣ: я страдаю ради Геріота и Джуліи! И мысль эта внушала мнѣ чудное предчувствіе самоотверженныхъ восторговъ любви. Джулію увезли къ какимъ-то родственникамъ, къ берегу моря; одна изъ служанокъ нашихъ сказала мнѣ будто она потому уѣхала что не могла видѣть какъ меня бьютъ. Мистеръ Риппенджеръ позвалъ меня разъ въ свою комнату и спросилъ есть ли у меня, кромѣ отца, какіе-нибудь родственники, какъ-то: дѣдъ, бабушка, дяди, тетки или мать. Вѣроятно Джулія засгавила бы меня измѣнить слову данному мною отцу, разказавъ о моемъ старомъ Риверсли, куда меня было начало уже тянуть съ тѣхъ поръ какъ образъ моего отца сталъ такимъ далекимъ и смутнымъ; но признаться во всемъ мистеру Риппенджеру казалось мнѣ, какъ онъ выражался, о поведеніи относительно

его Геріота, коварною измѣной моему отцу; итакъ, я твердо рѣшился ничего не говорить, принимая на себя послѣдствія этого, ради моего дорогаго отца.

Тетка Геріота привезла мнѣ широгъ и письмо, съ вложенною въ него значительною для мальчика моихъ лѣтъ суммой денегъ. Онъ писалъ мнѣ что знаетъ что мнѣ надо заплатить свои долги за угощенія мальчикамъ, да еще кромѣ того надо поддерживать ихъ расположеніе. Онъ говорилъ тоже что его родные хотятъ, кажется, пригласить меня на праздники къ себѣ. Сумма присланная мнѣ состояла изъ старательно сложенной бумажки въ пять фунтовъ. Я снова почувствовалъ себя принцемъ. Деньги казались мнѣ золотыми вратами, изъза которыхъ кивала мнѣ свобода. Я заплатилъ свои долги, составлявшіе сумму въ два фунта и двѣнадцать шиллинговъ, и поручилъ двумъ приходящимъ ученикамъ, любившимъ заниматься торговлей, доставить намъ къ субботѣ все необходимое для пирушки. Темплъ ненавидѣлъ этихъ мальчиковъ за ихъ склонность къ торговлѣ.

— Ихъ никогда не колотятъ и они всегда добываютъ деньги; по крайней мѣрѣ, я знаю что мои деньги достанутся имъ, говорилъ онъ;—но ты, я и Геріотъ, мы презираемъ ихъ!

Наше положеніе относительно ихъ было положеніе находящихся въ денежныя затрудненія аристократовъ, и дѣйствительно, они оказывали намъ большое уваженіе. Дѣло въ томъ что разъ повѣривши намъ, они должны были оставаться любезными, ибо Геріотъ вселилъ въ школу убѣжденіе что джентльмены всегда платятъ долги и слѣдовательно въ ихъ интересѣ было обращаться съ нами какъ съ джентльменами, которые непременно заплатятъ имъ когда-нибудь и потому они разчитывали на наше чувство долга. Слѣдствіемъ этого было то что однимъ изъ главныхъ правъ на общее уваженіе, послѣ высшей степени отличія, доставляемой лозой мистера Рилленджера, считалось быть записаннымъ въ ихъ счетной книжкѣ. Темплъ и я, подобно близнецамъ, были окружены въ глазахъ всѣхъ какъ бы лучезарнымъ сіяніемъ, вслѣдствіе нашего безграничнаго кредита, и считались поэтому какими-то сверхъестественными существами. Я заказалъ четыре бутылки шампанскаго.

Въ пятницу вечеромъ, Катменъ пошелъ съ нами гулять. Мы очень любили его за его страсть къ наукѣ, ибо вслѣд-

ствіе этого, онъ ходилъ постоянно уткнувъ носъ въ книгу, и гулянье подъ его надзоромъ было очень похоже на свободу. Нѣкоторые изъ мальчиковъ забѣгали впередъ, нѣкоторые тащились позади, между тѣмъ какъ Катменъ перевертывалъ страницы своей книги, возвѣщая о возвращеніи домой съ наступленіемъ сумерокъ. Слухи о шампанскомъ уже услѣли воодушевить мальчиковъ. Къ этому присоединились еще весьма благоприятные слухи о томъ что въ субботу Бодди не будетъ, можетъ-быть, дома. Если такъ, говорили мы, то мы можемъ спокойно пить шампанское подъ самымъ носомъ Катмена, который ничего и не замѣтитъ. Саддльбенкъ взялся за устройство нашей лирушки.

Возвращаясь въ сумерки домой черезъ песчаные холмы, Темплъ и я увидали что Саддльбенкъ тащить съ собой длинный ивовый пруть. Мы спросили его для чего тащить онъ его. Онъ отвѣчалъ намъ: „На счастье, вы составляете аррьергардъ.“ Мы видѣли какъ онъ отправился вслѣдъ за человѣкомъ гнавшимъ стадо гусей, подражая своимъ зеленымъ прутомъ всѣмъ дѣйствіямъ этого человѣка. Такъ какъ мы были расположены смѣяться надъ всѣмъ что бы ни сдѣлалъ Саддльбенкъ, то мы расхохотались и надъ этимъ. Человѣкъ этотъ шелъ точно во снѣ, просылаясь, повидимому, лишь минутами чтобъ удостовѣриться окружаютъ ли его еще гуси, тогда останавливался и Саддльбенкъ слѣдуя его примѣру. Наконецъ гуси повернули въ переулокъ, ведущій въ сторону отъ холмовъ. Саддльбенкъ замахнулся своею хворостиной, какъ рыболовъ забрасывающій удочку. Онъ описалъ ея разныя затѣливые круги по воздуху и повернулъ въ другой переулокъ. Мы пошли вслѣдъ за нимъ и не подозрѣвая что онъ гналъ предъ собой одного изъ гусей, но это было такъ: онъ отрѣзалъ отъ стада одного изъ отставшихъ позади членовъ его; увидавъ какъ онъ помахиваетъ своимъ прутомъ по обѣимъ сторонамъ гуся, понукая его идти впередъ и обращаясь къ нему съ отрывками латинскихъ изреченій, мы разразились взрывомъ хохота, между тѣмъ какъ животное продолжало ковылять съ важнымъ и удивленнымъ видомъ.

— Что это ты сдѣлалъ, Саддль? спросилъ Темплъ, хотя было ясно видно что сдѣлалъ Саддльбенкъ.

— Я отрѣзалъ себѣ кусочекъ на Михайловъ день, отвѣчалъ Саддльбенкъ, легонько помахивая прутомъ по воздуху и прикасаясь имъ къ головѣ своего гуся.

— Что хочешь ты сказать этимъ, какой кусочекъ? спросили мы.

Мы хотѣли удостовѣриться въ томъ что гусь былъ завоевальною добычей. Но Саддльбенкъ, кромѣ вздора, ничего не говорилъ намъ. Темплъ вдругъ испустилъ шумный вздохъ.

— О! какъ бы хорошо было залить этого гуся вашимъ шампанскимъ! Мысль эта внезапно овладѣла мною и очаровала меня. Саддльбенкъ, я кулю у тебя этого гуся! воскликнулъ я.

— Деньги не придадутъ ему вкуса, сказалъ Саддльбенкъ, все еще занятый своимъ дѣломъ. — Теперь слушайте; вы двое ступайте назадъ къ холмамъ и старайтесь изо всѣхъ силъ добыть съ дюжину яблоковъ, прежде чѣмъ Катмень начнетъ пересчитывать насъ поголовно у дверей. Да смотрите, держите языкъ за зубами!

Мы провеселись стрѣлой мимо челоуѣка съ гусями; мнѣ стало жаль его; взобрались на холмы, обогнувъ уголъ ихъ, успѣли добѣжать до главной улицы и добыть яблоковъ, прежде чѣмъ Катмень появился на ней. Теперь мы были снабжены яблоками, пирогами и шампанскимъ; оставалось позаботиться еще о гусѣ. Мы расхвалили мальчикамъ ловкость и умъ Саддльбенка.

— Какой пиръ у насъ будетъ, чортъ возьми! сказалъ имъ Темплъ, выдавая этимъ нашу тайну.

Саддльбенкъ извинился тѣмъ что заблудился, возвратясь домой десятью минутами позже другихъ. Темплю и мнѣ казалось что отъ него такъ и пахнетъ гусемъ. Но онъ избѣгалъ насъ; онъ совсѣмъ присмирѣлъ до субботы. Послѣ обѣда Катмень созвалъ насъ, спрашивая что мы предпочитаемъ: игру въ крикетъ или прогулку?

— Прогулку по холмамъ, сказалъ Саддльбенкъ.

Темплъ и я повторили его слова, а Саддльбенкъ замахалъ рукой, какъ бы погоняя гуся. Саддльбенкъ переговорилъ съ моими поставщиками. Онъ сказалъ чтобъ я предоставилъ ему всѣ приготовления къ пирушкѣ; Джонъ Сальтеръ былъ, по случаю нездоровья, дома и нашимъ предводителемъ былъ Саддльбенкъ. Какъ скоро мы очутились на холмахъ, онъ собралъ насъ всѣхъ въ кружокъ и снявъ свою шапку, бросилъ въ нее нѣсколько бумажныхъ билетиковъ. Мы должны были рѣшить по жребію кому изъ двадцати семи мальчиковъ придется остаться съ Катменомъ; лятнадцать билетовъ были помѣчены. Темплъ первый запустилъ руку въ шапку. „Мое счастье уже

всегда такое!“ замѣтилъ онъ, засунувъ оба кулака въ карманы и отходя въ сторону чтобы выказать свою досаду; ему достался помѣщенный билетъ. Я подкупилъ за полкроны одного изъ мальчиковъ чтобы тотъ заступилъ его мѣсто; это былъ Дрю, мальчикъ отъ котораго мы рады были избавиться; онъ просилъ было лять шиллинговъ. Пирушка стоила, правда, и лятнадцати, но онъ выказалъ себя окрагой, торгуясь съ нами. Онъ попросилъ чтобы мы оберегали ему кое-что изъ угощенія; мы вырвали его криками. Всѣ лятнадцать мальчиковъ имѣли такой жалкій видъ, отдѣлавшись отъ насъ что я далъ каждому изъ нихъ по шиллингу чтобы утѣшить ихъ. Саддльбенкъ научилъ ихъ какъ имъ должно было окружить Катмела, поддерживая въ немъ убѣжденіе что мы находимся не вдалекѣ, затѣмъ мы пожали имъ руки, а они попросили насъ, печальными голосами, вылить за ихъ здоровье, что мы и обѣщали сдѣлать. Темплъ находился въ удрученномъ состояніи духа, вслѣдствіе того что право его на праздникъ было куплено. Но Саддльбенкъ такъ подгонялъ насъ что некогда было предаваться печальнымъ размышленіямъ. „Я распевалъ въ васъ кровь, друзья“, говорилъ онъ. Къстати солнце странно лалило съ неба. Вдругъ онъ остановился, воскликнувъ: „Повара и вертелъ! А какъ быть касательно шалфею съ лукомъ?“ Только Темплъ да я догадались о значеніи этихъ словъ. Мы бросили жребій кого послать за этими приласами, и жалко было смотрѣть на несчастнаго на котораго онъ лалъ и который былъ присужденъ идти покупать гдѣ бы то ни было шалфею и луку, вовсе не зная на что они нужны. Ибо какъ онъ могъ знать что намъ придется жарить сыраго гуся? Жребій выпалъ мальчику по имени Барншеду, большому, неловоротливому малому, хорошо учившемуся въ классѣ, но ужасно глупому въ свободное время; Саддльбенкъ замѣтилъ по этому случаю что его примутъ самого за лгичу которую нужно начинить. Барншеду было сказано гдѣ найти насъ по возвращеніи. Другіе мальчики спросили затѣмъ его послали за шалфеемъ и лукомъ. „Потому что онъ страшный гусь“, отвѣчалъ Саддльбенкъ. Темплъ и я, думая что пришло время открыть тайну, закричали: „ура“, и Барншедъ воротился. Намъ не легко было уговорить его снова идти за исполненіемъ нашего порученія, также какъ и вырвать прощенія у Саддльбенка. Послѣдній пришелъ въ страшный гнѣвъ. Мы кое-какъ умаслили его, провозгласивъ его нашимъ командиромъ и принеся ему

кляту въ вѣрности. Онъ провелъ насъ чрезъ лѣсъ въ какія-то поля, лежащія во глубинѣ тѣнстой долины; тутъ мы должны были тайно отпраздновать нашъ шпръ. Онъ самъ, однако, не сошелъ туда. Къ досадѣ нашей, мы увидѣли тамъ лаятку, разбитую семьей бродягъ, но тѣмъ не менѣе мы отвѣтили на почтительные поклоны женщинъ и мушцины, и обратились къ нимъ съ вопросами насчетъ кольевъ, горшковъ и жестяныхъ кружекъ. Садльбенкъ все еще оставался наверху, выжидая приходящихъ учениковъ, Чаултера, Дависа и Бейстома, моихъ поставщиковъ. Они не долго заставляли себя ждать и скоро подѣхали въ телѣжкѣ, отыскавъ мѣсто по описанію Садльбенка. Провизія наша лежала въ трехъ большихъ корзинахъ. Мы громко похвалили ихъ за предусмотрительность, при видѣ лишней бутылки шампанскаго; кромѣ того они привезли двѣ бутылки ивбирнаго вина, двѣ смородиновой и двѣ изюмной наливки, четыре бутылки эля, шесть ивбирнаго пива, голландскій сыръ, кучу тортовъ, три пирога къ чаю и на четыре шиллинга пряниковъ. Темпль и я присоединили къ этому запасу наши яблоки, и при этомъ видѣ многіе изъ мальчиковъ испустили громкіе крики восторга. Женщины настояли на томъ чтобы мы позволили имъ разожить всѣ эти вещи; саженахъ въ пяти отъ насъ стояли ихъ дѣти, глаза на насъ; мушцина курилъ и разстилалъ вокругъ насъ солому.

Наковецъ Садльбенкъ обѣжалъ съ холма, дѣлая видъ что хочетъ скатить съ него что-то темное на свѣтломъ воздухѣ похожее на тѣло ребенка, и крича намъ:

— Смотрите, друзья, какая находка! Онъ вобѣжалъ въ нашъ кругъ, бросая гуся въ корзину и говоря что нашелъ его сейчасъ подъ терновымъ кустомъ. Говоря эти слова, онъ увидѣлъ бродягъ и глаза его встрѣтились съ глазами мушцины.

Человѣкъ этотъ странно скривилъ одну бровь и уголъ губъ и медленно кивнулъ ему головой.

— Это странно, не правда ли? сказалъ онъ.

Садльбенкъ оглянулся на насъ и закричалъ:

— Чортъ лобери васъ, мальчишки,—какое гадкое мѣсто вы отрыли! Лицо его все побагровѣло и покрылось пятнами.

— А я такъ скажу что это гусиное мѣсто, возразилъ человѣкъ.—А если тутъ еще находятся гуси, которыхъ стоитъ только опцплатъ да зажарить, такъ это престо богатое мѣсто, скажу я.

Женщины старались заставить его молчать. Если бы не онъ, мы перенесли бы нашъ привалъ на другое мѣсто.

— Вотъ что молодые господа, если вамъ угодно скушать гуся, мы его хорошенько оциливаемъ и приготовимъ его какъ слѣдуетъ, сказали онъ. — Гдѣ же молодымъ господамъ сдѣлать это самимъ?

Было ясно что для приготовления гуся надо было развести огонь. Нѣкоторые замѣчанія раздавшіяся среди насъ о томъ что надо выпотрошить гуся, сохранивъ однако котроха, которые впрочемъ даже мальчикъ назвавшій ихъ не могъ распознать, по собственному признанію его, склонили большинство принять предложеніе женщины. Саддльбенкъ сказалъ что мы должны взять на себя всю отвѣтственность за это.

Съ цѣлью развеелить его немного, Темплъ откупорилъ бутылку шампанскаго. Жена бродяги дала намъ жестяную кружку, которая и обошла всѣхъ насъ. Одинъ изъ мальчиковъ сказалъ: „Вотъ такъ начало!“ другой воскликнулъ: „Къ чорту старика Ричменджера!“ Темплъ прицѣлнулъ пальцами, а Бейстонъ, сынъ мызника, сказалъ: „Ну, теперь и я выпилъ-таки шампанскаго, мнѣ непременно хотѣлось хоть разъ попробовать его, пока я еще живъ!“ Многихъ изъ мальчиковъ оно совсѣмъ ошеломило. Что касается до меня, то сердце такъ и прыгало во мнѣ, какъ жеребенокъ выпущенный изъ стойла на подложный кормъ. Я рѣшилъ въ душѣ что послѣдній изъ моихъ подчивенныхъ будетъ вѣсть съ моего стола и пить вдоволь, въ честь моего отца и Геріота, налилъ шампанскаго женщинамъ, которыя едва пригубили его, и мужчинъ, который сказалъ что предпочитаетъ ему пиво, и послалъ каждому изъ дѣтей по ложкѣ перемятыхъ тортовъ. Одна дѣвочка годомъ постарше, а пожалуй и помоложе меня, съ черными бровями и жесткими черными волосами, отказалась и отъ пищи и отъ питья.

— Бросьте ее, молодые господа! сказала одна изъ женщинъ,—это такая упрямецъ; съ ней ничего не подѣлаешь.

— Да, сказалъ бродяга. — Я видѣлъ какъ гонять свиней и перегибаютъ на двое желѣзо. Но съ ней труднѣе справиться, разъ она вобьетъ себѣ что-нибудь въ голову.

— Чортъ возьми! значить она желѣзная свинья! закричалъ Темплъ и затѣмъ вздохнулъ: — О нашъ милый Геріотъ!

Я присоединился къ нему и заговорилъ о нашемъ потерянномъ другѣ.

Внезапная тревога взволновала мальчиковъ. Они вскрикнули при видѣ гуся исчезнушаго въ горшки. Они ожидали жаренаго гуся, кричали они, а не варенаго: кому нуженъ вареный гусь! Но женщины спросили ихъ какимъ образомъ возможно изжарить гуся надъ разведеннымъ въ погѣ огнемъ, когда его не на что повѣсить. Вѣдь не вышло бы ничего кромѣ законченныхъ костей?

Мальчики застонали отъ досады, а Саддльбенкъ проворчалъ съ неудовольствіемъ:

— Теперь вы видите какую прибыль принесла вамъ ваша славная новая знакомая!

Мы начали играть голландскимъ сыркомъ, бросая его какъ мячъ, и затѣмъ катая его по землѣ, какъ вдругъ, къ отвращенію Саддльбенка и другихъ, черноволосая дѣвочка подбѣжала и перехватила нашу мячъ. Но въ ту же минуту она застыдилась и отошла въ сторону.

Мальчишки закричали: — Эй, желѣзная свинья!

Одинъ изъ нихъ взбѣсилъ меня, бросивъ въ нее яблокомъ, которое попало ей въ спину. Мы обмѣялись съ нею подюжиной колотушекъ, вслѣдствіе чего она согласилась извиниться предъ ней и заорала:

— Эй, желѣзная свинья, жалѣю что ушибъ васъ!

Темплъ уговаривалъ меня настоять на томъ чтобы негодяй этотъ сталъ предъ ней на колѣни, за то что осмѣлился ударить дѣвочку.

— Да ты самъ, возразилъ Чаунтеръ, — первый назвалъ ее желѣзною свиньей.

Темплъ объявилъ что поступилъ какъ повѣса, сказавъ это. Я заставилъ дѣвочку взять кусокъ пряника.

— Да, визжалъ Саддльбенкъ, — вотъ что значитъ милое общество, въ которомъ вы, во что бы то ни стало, хотѣли остаться, несмотря на мое предостереженіе.

Бродяга сказалъ чтобы мы продолжали, ибо онъ любитъ смотрѣть какъ молодые господа веселятся. Темплъ подвинулъ ему бутылку лива, сказавъ чтобы онъ не разѣвалъ напрасно рта.

— Да вѣдь вы говорите на моемъ родномъ языкѣ, отвѣчалъ ему этотъ человекъ, — вы вѣдь, что называется ученые господа! Благодарю васъ, сэръ. Ужь быть вамъ когда-нибудь совѣтникомъ, помяните мое слово.

— А тогда я не буду давать лошады ворамъ, въ этомъ могу васъ увѣрить, отвѣчалъ Темпль. Онъ былъ сынъ судьи.

— Да и пожалуй уже не станете помогать варить для нихъ гусей, отвѣчалъ бродяга. — Что же, услуга за услугу, такъ всегда на свѣтѣ бываетъ.

Женщины накинулись на него, приказывая ему не сердить молодыхъ господъ, потому что Саддльбенкъ страшно ругался, бормоча себѣ подъ носъ. Онъ отвѣчалъ имъ что кѣтъ на свѣтѣ овцы смираше его.

Потерявъ надежду на гуся, мы рѣшили примяться за ожидавшую насъ холодную закуску. Голландскій сыръ мы раскрошили въ кусочки, играя имъ. Въ соединеніи съ измятыми тортами и съ шампанскимъ, онъ показался намъ однако очень вкуснымъ, затѣмъ слѣдовали яряники. Мальчики предпочитавшіе ильбирное вино получили и пили его, навлекая тѣмъ на себя наше презрѣніе. Илбирное пиво и эль, яблоки и чайныя пирожки были оставлены къ ужину. Мнѣ показалось что вокругъ себя я вижу одно темное, залитое дождемъ небо, на которомъ лишь изрѣдка прорываются, подобно проблемкамъ солнца, воспоминанія о моемъ отцѣ и о Геріотѣ.

— Если я и не принцъ, то дворянинъ, сказалъ я Темплю.

Онъ отвѣчалъ:

— Армія ли, флотъ ли, мнѣ рѣшительно все равно! Вскорѣ будетъ навѣрное война. Тогда увидишь какъ мы будемъ быстро подвигаться въ гору: изъ лейтенантовъ въ капитаны, изъ полковниковъ въ генералы, чины такъ и посылаются на насъ, какъ выстрѣлы на мишу. Я бы желалъ быть губернаторомъ Гибралтара.

— Я тогда приѣду къ тебѣ, Темпль, сказалъ я.

— По рукамъ, другъ Ричи! сказалъ онъ, горячо хватая меня за руку.

— Дѣло въ томъ, Темпль, признался я ему, — что у меня есть дядя, то-есть дѣдушка, ужасно богатый, ему принадлежить кажется половина всего Гампшеира, и онъ ненавидитъ моего отца какъ ядъ. Я не могу переносить этого. Ты вѣдь видишь моего отца, да? Джентльмены никогда не забываютъ своихъ служителей, Темпль. Вильемъ-ка еще шампанскаго. Я бы желалъ чтобы мы съ тобой были рыцари, вѣдущіе верхомъ по этой странѣ, какъ они всегда вѣзжали бывало, и чтобы ты сказалъ: — желалъ бы я знать ожидаетъ ли твой отецъ насъ въ своемъ замкѣ!

— Баронъ! сказалъ Темпль.—Онъ и похожъ на барона. Его здоровье! Его здоровье, сэръ! Это живо достойно чтобы нить имъ его здоровье, Ричи. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей на которыхъ я взираю съ почтеніемъ. Странно только что онъ никогда не прѣзжаетъ навѣстить тебя, хотя такъ любитъ тебя, да это настоящій отецъ! Большіе мужчины не могутъ же вѣчно возиться съ маленькими мальчишками. Хотя впрочемъ мы съ тобой вовсе не такъ малы; многіе малыя дѣлали уже въ наши лѣта такія вещи о которыхъ люди писали въ книгахъ. Я чувствую, Темпль приостановился, вздохнувъ полною грудью, прежде чѣмъ высказалъ свои чувства, — я чувствую необыкновенную жажду.

То же самое чувствовалъ и я. Мы прилисли это мѣтлоному воздуху, Темпль увѣрялъ даже что это происходитъ отъ находящейся вокругъ насъ извести, которая часто попадаетъ въ горло.

— Саддльбенкъ, что ты смотришь такъ мрачно? продолжалъ Темпль.—Да, Ричи, еслибы ты слышалъ какъ мой отецъ говорить въ судѣ, съ ларикомъ на головѣ. Дома все говорили что я умный мальчикъ, когда я былъ маленькій. Саддльбенкъ, ты все время хмуришься.

— Обращайтесь почтительнѣе съ вашими начальниками, возразилъ Саддльбенкъ.

Бродяга раздражалъ его. Съ тѣхъ поръ какъ мы увидели его, онъ не переставалъ курить, облокотясь на руку. Двое изъ нашихъ мальчиковъ, Гакмень и Менгегю, вовсе не дурные малыя, пожелали курнуть изъ его трубки. Желанія ихъ были удовлетворены и они молча улеглись рядышкомъ. Бейстона увели въ самое жалкое состояніи. Двое другихъ, Пейнтеръ и Эшвартъ, накинудись на яблоки, не зная что дѣлать отъ жажды. Саддльбенкъ сердито оттолкнулъ ихъ. Онъ толковалъ тѣмъ кто еще слушалъ его:

— Эй вы, малыя, клянусь Св. Георгомъ, вы у меня должны съѣсть гуся, говорю я вамъ. Вы все дѣло перепортили и говорю вамъ: хотите или нѣтъ, а вы съѣдите его, съ яблоками, съ шалфеемъ и лукомъ. Можете не благодарить меня. Я предлагаю поставить кого-нибудь на стражу въ лѣсъ.

Онъ опять хотѣлъ кинуть жребій. Веселость совершенно покинула его, онъ только и думалъ какъ бы вытащить гуся изъ горшка. Я почувствовалъ нѣчто близкое къ ненависти къ человѣку который могъ говорить о гусѣ. Темпль вѣроятно раздѣлялъ со мной это чувство.

— Съ тѣхъ поръ какъ милый нашъ Геріотъ оставилъ насъ, нѣтъ у насъ болѣе настоящаго предводителя, сказалъ онъ; — вся школа точно вверхъ дномъ перевернулась, мы стали теперь точно какія-то гремушки брошенныя всѣ вмѣстѣ въ ящикъ. О Боже мой! Какъ бы я желалъ имѣть хорошаго командира. Онъ идетъ впередъ, мы за нимъ, и горя нѣтъ что бы ни случилось!

Двое неразлучныхъ друзей, Галлитъ и Леркинсъ, шли шатаясь подъ руку, увѣряя что они совершенно трезвы, въ доказательство чего они старались добратъся до кучи извести, но прошли мимо ея. Къ нимъ подошелъ Чаунтеръ.

— Жирный гусь! сказалъ онъ,—и болѣе не могъ ничего говорить. Оба мааычика старались пока было возможно держаться твердо на ногахъ; но скоро оба пробормотали: „мы готовы!“ и были совершенно правы.

Темплъ и я смотрѣли на все это какъ на обычныя послѣдствія великой лягушки. Мы говорили другъ другу что джентльмены всегда послѣдніе уступаютъ влиянію ея, и были увѣрены что удержимъ побѣду за собой; но я опасался минуты появленія гуся, а кажется и онъ также. Упрямотво Саддльбенка, не дававшего намъ холоднаго ивбирнаго лива и яблоковъ, глубоко оскорбляло насъ; мы бы возмущились противъ него если бы побольше полагались на твердость нашихъ ногъ и нашего ялыка. Сумерки обступали насъ. Дѣти бродягъ лежали, свернувшись въ клубочки въ одной изъ ламатокъ; женщины и дѣвочка выстроили еще другую. Надъ головой моею сіяли безчисленныя малелькія звѣздки; въ долинѣ видѣлись огни, они представлялись моему воображенію освѣщенными дворцами. Звѣзды и бродяги, казалось мнѣ, имѣли что-то общее другъ съ другомъ. Въ домахъ мы живемъ какъ въ лѣвну, думалъ я; живя въ нихъ, мнѣ никогда не удастся отыскать потеряннаго отца. Лежать ночью, среди темнозеленыхъ листьевъ, вдыхая полною грудью лѣсной залахъ; просыпаться утромъ среди озареннаго солнечнымъ восходомъ міра; стоять на высокомъ холму, смотря на холмы на которыхъ мы встрѣтимъ завтрашнее утро, а тамъ слѣдующее и такъ утро за утромъ, пока въ одно изъ нихъ мы не увидимъ предъ собой, при пробужденіи, того кто намъ дороже всего на свѣтѣ: все это казалось мнѣ неземнымъ счастіемъ. Но замѣтивъ узкіе размѣры ламатокъ, я вспомнилъ что буду имѣть въ нихъ громко хряпающихъ товарищей. Я находился въ такомъ нерв-

номъ состояніи что при одной мысли объ ихъ крахъ и меня стало мутить и я задрожалъ; я несколько сочелъ это крахъ съ мыслию о чемъ-то жирномъ. Саддъбенкъ держалъ въ рукахъ крышку отъ горшка; мы почувствовали запахъ гуся, а онъ закричалъ:—Ступайте ужинать; ей сюда! Эй вы, мамы!

— Чортъ возьми, Саддъбенкъ! ты такъ кричишь что Катмень услышитъ тебя, сказалъ Темль, отирая себѣ лобъ.

И по моему тѣлу проступилъ холодный потъ.

— Катмень-то? Да вотъ уже полтора часа какъ онъ могъ бы насъ слышать, отвѣчалъ Саддъбенкъ.

Одинъ изъ мальчиковъ лобызалъ наверхъ, онъ былъ единственный изъ насъ бывший въ состояніи сдѣлать это. Въ эту самую минуту подлетѣлъ Таунтеръ.

— Баршпеда поймали; я бѣгу домой, крикнувъ онъ мимоходомъ.—Мы неподвижно смотрѣли на черное отверстіе яловины.

— О это Катмень; его нечего бояться, успокоивалъ насъ Саддъбенкъ; но мы услышали страшные голоса и увидали людей стоявшихъ надъ какою-то наклоненною фигурой. Затѣмъ раздавался слишкомъ хорошо знакомый намъ голосъ; онъ говорилъ: „приваніе ученика внутренняго вашему надзору, мистеръ Катмень, и посланнаго безо всякаго стыда въ городъ, моего воспитанника, посланнаго за шалфеємъ и лукомъ“.

— Старикъ Рилленджеръ! шепталъ Темль.

Мы сидѣли какъ пораженные громомъ. Въ эту минуту мы увидали какъ мы сдурили, поспавъ за шалфеємъ и лукомъ осяя подобнаго Баршпеду.

— О, какіе мы были ослы! продолжалъ Темль.—Скорѣе удемъ, бѣжимъ! Бѣжимъ, Ричи! Они теперь заберутъ всѣхъ насъ, какъ падалъ съ дерева.

Я отвѣчалъ ему что не побѣгу; правду сказать, я не довѣрялъ своимъ ногамъ; да и онъ шатался, слушая какъ Саддъбенкъ упрекалъ насъ за то что мы связались съ бродягами.

— Темль! я вижу васъ, милостивый государь! закричалъ мистеръ Рилленджеръ. Бѣдный Темль приблизился къ огню.

Движимый смутнымъ влеченіемъ обмануть школьнаго начальника, я подползъ въ тѣнь, къ заднему углу палатки, и тамъ вдругъ почувствовалъ что чья-то рука схватила мою руку. „Спрячьте меня“, проговорилъ я, и занавѣсъ палатки приподнялась. Пробравшись между ящичками и соломою, я легъ навзничъ на землю; меня прикрыли рогожей, нагнувшею от-

вратительнымъ сморкомъ, и я почувствовалъ, сверхъ нея, на груди своей чью-то голову. Мистеръ Рашпенджеръ произнесъ нѣсколько разъ мое имя, свободнымъ ему, въ минуты гнѣва, образомъ. Отвѣта Теплая я не могъ разсказать. Саддаббекъ говорилъ что-то, за нимъ и другіе мальчишки, также и бродяга и женщины. Потомъ въ палаткѣ появился свѣтъ и бродяга сказалъ:

— Стану я обманывать васъ, сударь! Посмотрите сами, если вамъ угодно. Вотъ здѣсь мы уложили нашихъ малютокъ, а вотъ тутъ, на рогожѣ, лежитъ дѣвочка; она идетъ къ своей роднѣ, въ Липкембъ; а тутъ вотъ спитъ одна изъ нашихъ женщинъ; вотъ и все. А вы еще думали что я скрываю отъ васъ что-нибудь. Благодарю васъ, сударь. Я вамъ далъ вѣдь честное слово.

Свѣтъ исчезъ. Грудь моя освободилась отъ лежавшей на ней тяжести. Я привсталъ, и существо оказавшее мнѣ помощь положило рогожу и содому на земаю и прислонило мою голову къ своему плечу, гдѣ я крѣпко заснулъ.

ГЛАВА VII.

Вольная жизнь на большой дорогѣ.

Я проснулся очень рано, хотя подушка моя и пришлась мнѣ по сердцу; раскрывъ глаза, я увидалъ что рука моя обвилась вокругъ шеи моей подруги, а ея пальцы переплелись съ моими. Съ минуту, я лежалъ смотря ей въ глаза, полные всевозможнаго свѣта и значенія: они то приказывали мнѣ лежать смиренно, то смѣялись надъ моимъ недоумѣніемъ, то казалось говорили: милый мальчуганъ! то сверкали вдругъ, какъ бы изъ-за облака, затѣмъ опять темнѣли и снова сверкали; словно опускались въ воду и блистали въ ней; порой, точно уходили въ темный лѣсъ, а порой были полны солнечнаго свѣта, и ни на минуту не оставались покойны. Я довѣрялъ ей, и заснулъ бы снова, но видъ палатки поразилъ меня. Мнѣ казалось что небо упало на насъ и грудь моя искала воздуха; голова моя тогда шла кругомъ; ни одна мысль не могла удержаться въ этомъ круговоротѣ. Смятеніе, царствовавшее въ моей головѣ, сообщилося и ногамъ моимъ, когда я, сѣдая примѣру дѣвочки, всталъ и хотѣлъ идти. Въ порывѣ ужаса, я подумалъ: я разучился ходить. Собралъ все свое мужество,

я попробовалъ перешагнуть черезъ дѣтей завернутыхъ въ рогожи и въ солому, въ старыя платья или юлки. Сознаніе необходимости этой попытки внезапно овладѣло мною, послѣ перваго же шага. Я споткнулся надъ однимъ изъ этихъ маленькыхъ клубковъ и упалъ прямо на лицо спящей женщины. Но она лишь повернулась на другой бокъ и пробормотала: Гадкій Джеки! Подруга моя молча выгнала меня наружу, и почувствовавъ себя на воздухѣ, я вдохнулъ его въ себя повою грудью, снова осозналъ себя взрослымъ и сильнымъ и вспомнилъ ясно обо всемъ случившемся. Палатка въ которой я спалъ показалась мнѣ любопытнѣе моей собственной судьбы. Я обратилъ лицо къ небу. Солнце только что всходило; было чудно-хорошо; клочки длинныхъ и кудрявыхъ облаковъ постепенно окрашивались въ голубой, въ розоватый и въ бѣлый цвѣтъ; стояла чудесная прохлада; трава была вся сѣрая, наша долина лежала еще въ тѣни, только верхушки деревьевъ горѣли; птицы начинали чирикать.

Я сталъ сосать стебель травы.

— Я бы желалъ чтобы вездѣ кругомъ была вода, сказалъ я.

— Пойдемъ со мной; налейся и выкулайся, отвѣчала моя спутница.

Мы пошли внизъ по долинѣ и перешли скать холма покрытый можжевеловникомъ, наломившимъ мнѣ день проведенный въ домѣ Джона Сальтера, день разлуки съ милымъ Геріотомъ. Къ стыду моему, спутница моя бѣжала быстрѣе меня. Она была очень проворна, а мои ноги были еще тяжелы.

— Умѣешь ты плавать? спросила она меня.

— Я умѣю плавать, грести, фехтовать, ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ пистолета, отвѣчалъ я.

— О Боже мой! возразила она, съ завистью смотря на меня.

Мы пришли къ свѣтлой рѣчкѣ, въ паркѣ какого-то джентльмена; трава тамъ тихонько колыхалась, какъ морская вода въ ясный день, и на ней паслись коровы и лошади.

— Я могу поймать эту лошадь и вскочить на нее, сказала она.

Я удивился.

— Верхомъ?

Она кивнула головой:— Да.

— Безъ сѣдла?

Она опять кивнула, что означало: Безъ.

Мое уваженіе къ ней возвратилось. Но она не умѣла плавать.

— Я вхожу въ воду, только пока она мнѣ по колѣно, призналась она.

— Смотрите на меня, сказалъ я; я обросилъ латые и купался въ воду, счастливый какъ рыба и думая насколько вода пріятнѣе шампанскаго. Мое наслажденіе внушило дѣвочкѣ такую зависть что она стащила свои чулки и взшла въ воду, насколько у ней хватило на то смѣлости. Я закричалъ ей:—Ты похожа на корову; а она оскалила зубы, приказывая мнѣ не говорить этого.

— Корова! Корова! повторялъ я, не помня себя отъ удовольствія. Она произнесла не перевода духа:

— Если ты еще разъ скажешь это, я схвачу всю твою одежду и убѣгу съ ней, а ты можешь тогда бѣжать раздѣтый за нею; да.

— Теперь я лыву, отвѣчалъ я на это, теперь вотъ ныряю; когда я опять показался изъ воды, она привѣтствовала меня громкою, веселою усмѣшкой.

Быстрая бѣготня по солнцу осушила меня. Я сталъ одѣваться и увидалъ притомъ что половина моихъ денегъ была разсылана по землѣ. Она попросила меня дать ей одну изъ этихъ монетъ, одинъ шиллингъ. Я далъ ей два и она спросила меня играю ли я въ деньги, бросая ихъ наугадъ. Я отвѣчалъ что никогда не дѣлалъ этого за деньги; но она уже бросила одинъ шиллингъ, я не могъ не сказать: голова!—и выигралъ; то же повторилось и съ другимъ шиллингомъ. Она быстро отдала мнѣ ихъ назадъ, съ внезапнымъ рыданіемъ, но ни за что не хотѣла чтобы я возвратилъ ей ихъ опять.

— Когда-нибудь ты подарить мнѣ другіе два, сказала она, снова развеселясь.

Мы согласились что хорошо было бы пойти теперь въ деревню и купить тамъ что-нибудь. Но ни одна лавка не была еще открыта. Мы прошли черезъ кладбище. Вотъ тутъ похоронены мертвые, сказалъ я.

— Я начну лясать, если ты станешь говорить объ мертвыхъ, отвѣчала она и начала кричать во все горло. Когда я пожелалъ узнать зачѣмъ она это дѣлаетъ, она отвѣчала: зачѣмъ чтобы слышали мертвые. Странное чувство овладѣло мною: лавки были закрыты и вокругъ насъ не было ни одной живой души. Мы стали карабкаться на деревья и усьялись на одну изъ вѣтвей, говоря о птичьихъ яйцахъ, пока голодъ не привудилъ насъ пойти на деревенскую улицу, гдѣ,

около трактира, мы встрѣтили насмѣливающаго что-то бродягу.

Онъ былъ довольно забавенъ. Онъ сказалъ что не станетъ ни о чемъ спрашивать меня, ибо никогда никого ни о чемъ не спрашиваетъ; отвѣты другихъ только открываютъ вещи не интересныя для него никакого интереса, и не приносятъ ему никакой прибыли, ни на трубку табаку; а вслѣдствіе того что онъ не любопытничалъ, ему вчера какъ бы съ неба свалился на ужинъ отличный, жирный гусь, не говоря уже о бутылкахъ вина, бутылкахъ ивирнаго пива, и честно заслуженной полкроны деньгами. Все это потому что онъ не любопытничалъ, и онъ не оставитъ и впредь любопытничать, зная меня за джентльмена; мой начальникъ одарилъ его полкроной.

Къ счастью для него, а можетъ-быть и для меня, онъ употребилъ чрезвычайно изумительный для школьника глаголъ. Я подарилъ ему еще полкроны. Онъ поблагодарилъ меня, сдѣлавъ замѣчаніе что иногда бываютъ дни когда вы лежите на спинѣ ничего не дѣлая, а вамъ все такъ съ неба и валится, а въ другой разъ, какъ ни старайся и блохи не пойманы. Такое уже счастье бываетъ!

Онъ сталъ дружески увѣщевать меня возвратиться въ школу, а если не туда, то къ себѣ домой. Мой, лишь частью обдуманный, планъ состоялъ въ томъ чтобы взглянуть черезъ заборъ на Риверси, мелькомъ поцѣловать тетюшку Дороти и затѣмъ бѣжать далѣе искать отца. Преобладающею моею мыслию была, впрочемъ, въ эту минуту мысль о завтракѣ. Я угостилъ имъ въ трактирѣ бродягу и дѣвочку. Мы поѣли бараньихъ котлетъ и яицъ, и напились кофе. Послѣ завтрака, я хотя и не имѣлъ никакихъ подозрѣній, но замѣтилъ, однако, что бродяга призадумался. Онъ предложилъ мнѣ, въ случаѣ если я не прочь отъ медленнаго путешествія, дойти съ нимъ вмѣстѣ, два въ два, до Гампшеира; онъ слышалъ что я намѣренъ посѣтить это графство.

— Итакъ, вотъ что я вамъ скажу; видите ли, началъ онъ, — не хорошо если меня увидать въ обществѣ пропавшаго молодого джентльмена, когда уже мнѣ дали полкроны за то что его со мной не было; это дѣло не рука. Вы таки въ ладу съ дѣвочкой, я вижу, а это не малое чудо; съ ней никто изъ насъ сладить не можетъ. Эй, ей, она посмотритъ на насъ слов-

но на дрянную какую-нибудь. Въ ней, видите ли, чистая цыганская кровь; а что имъ разъ въ карманъ попало, то сейчасъ же въ жареныя колбасы превращается, чѣмъ бы оно ни было прежде. Итакъ, вы ступайте съ дѣвочкой на ту сторону Бедиста и дожидайтесь меня въ степи; ужъ будьте покойна, а поспѣю туда еще до сумерекъ. Что жь, по рукамъ что ли?

Онъ протянулъ мнѣ руку; я согласилась, а онъ сказалъ что получалъ еще завтракъ даромъ, все за то что не любезничалъ.

Я былъ радъ оставить пѣсчорѣе деревню, потому что погонщикъ гусей или, по крайней мѣрѣ, очень похожій на него человекъ прошелъ мимо меня близъ трактира и расшевелилъ во мнѣ совѣсть или скорѣе трусость, ибо, сколько мнѣ извѣстно, это чувство всегда первое пробуждается въ насъ, и съ нимъ намъ обыкновенно всего труднѣе справиться. Я бы согласенъ былъ заплатить ему, но мнѣ казалось что разговоръ съ нимъ долженъ былъ привести меня назадъ въ школу. Спутница моя разказала мнѣ свою исторію. Она принадлежала къ гампшейрскому цыганскому табору и ходила въ гости къ своей родственницѣ въ восточныя графства; родственница эта умерла на дорогѣ и поручила бродягамъ доставить ее домой; она называла ихъ „мищими“ и строила разные рожи говоря о нихъ. „Цыгане, говорила она, совсѣмъ другой народъ; Цыгане всегда живутъ въ господскихъ паркахъ“; Цыгане, лошади, скрипки да весь вольный міръ — вотъ что, по ея мнѣнію, лучше всего на свѣтѣ. Вольный міръ она описывала широкою степью, которой и конца не видно. Я предоставлялъ ей говорить сколько угодно. Что касается до меня, то мнѣ казалось нелѣпымъ толковать о своихъ дѣлахъ съ дѣвочкой безъ шляпки и безъ башмаковъ. Однако общество ея нравилось мнѣ. Она была такъ похожа на мальчика и въ то же время не похожа ни на одного изъ знакомыхъ мнѣ мальчиковъ.

Во все время дороги я занимался тѣмъ что разчитывалъ черезъ сколько холмовъ надо мнѣ еще будетъ перейти, прежде чѣмъ я увижу Ривероли. Воскресные колокола такъ привѣтливо звучали отъ одной деревни до другой, съ тѣхъ поръ какъ я убѣдился что не слышу болѣе колокола сзывающаго учениковъ въ Рилленджерову школу. Лавки въ деревняхъ все еще были закрыты; но я оказалъ дѣвочкѣ что за то имъ до-

станется отъ меня завтра, и между нами завязался интересный споръ о томъ что надо купить. Она стояла за яркія ленты и за матерію на платье, а я за пирожка и за почтовую бумагу. Запахъ обѣдовъ пробудилъ нашъ аппетитъ, прекративъ нашъ споръ. Проходя чрезъ деревню, мы увидали человѣка несшаго большой пирога, пахнувшій такъ заманчиво что естественнымъ влеченіемъ нашимъ было спросить что онъ стѣбитъ. „Что? Продать мой воскресный обѣдъ!“ воскликнулъ онъ и чуть не уронилъ блюда. Онъ не переставалъ глядѣть на насъ, пока мы не съѣли каждый по куску пирога и не налились лива въ его хижинѣ, среди его семьи. Онъ хотѣлъ сперва взять только меня къ себѣ.

— Это простая бродяга, сказалъ онъ про дѣвочку.

— Это ложь, отвѣчала она.

Разумѣется я не хотѣлъ оставить ее голодною на улицѣ, такъ что наконецъ онъ, хотя и не совсемъ охотно, пригласилъ насъ обоимъ и представилъ насъ своей женѣ.

— Вотъ молодой джентльменъ проситъ пообѣдать, а это вотъ молодая, ужъ право не знаю кто, того же самого проситъ. Я поручаю ихъ тебѣ, хозяйка.

Жена его съ добродушнымъ видомъ пригласила насъ на свое попеченіе, говоря что на наше счастье она иснекла такой пирога котораго станеть и на ихъ семью и на прохожихъ. Они не хотѣли взять болѣе шиллинга за нашу двойную порцію. Хозяинъ сказалъ что мы съѣли всего на левни, если я уже такъ гордъ что не хочу быть гостемъ бѣднаго человѣка и непременно хочу считать его домъ трактиромъ. Не подамъ ли я ему руку на прощаніе? Я ото всей души исполнилъ его желаніе и ломаяулъ его, когда другіе не были настолько привѣтливы. Они пожелаали узнать не бѣжимъ ли мы вмѣстѣ чтобы тайно обвѣчаться. Мнѣ показалось очень забавно смотрѣть на проходившую мимо насъ школу мальчиковъ и слышать какъ надзиратель грозилъ наказать одного мальчика за то что онъ выбѣжалъ изъ паръ. Я смѣялся надъ ними точно такъ же какъ бывало глухой народъ, встрѣчавшійся намъ, смѣялся надо мною, что мнѣ вовсе не казалось пріятнымъ тогда; но теперь я узналъ что нѣтъ такого мальчика котораго бы не пожелалъ быть на моемъ мѣстѣ, имѣя онъ только возможность, хотя моя слутвица была не болѣе какъ Цыганка, казавшаяся дѣйствительно страшнымъ обще-

ствомъ для сына джентльмена, въ публичныхъ садахъ, гдѣ мы пили чай, и въ трактирныхъ приемныхъ. При наступленіи ночи я былъ, впрочемъ, доволенъ ей, а она мною, и мы шли съ ней рука объ руку. Я разказывалъ ей эпизоды изъ римской исторіи. Ей хорошо было говорить: „я буду твоею маменькой“, когда мы ложились спать, я сдѣлалъ открытіе что она ни за что бы не рѣшилась ночью кричать какъ тогда надъ могилами на кладбищѣ. Она призналась что вѣрить что ночью расказываетъ повсюду дьяволъ. Нашею постелью была телѣжка, стоявшая подъ навѣсомъ, нашею периной—листья ладоротника и охапки соломы. Оглобли были сваты съ телѣжки, такъ что мы лежали вкось, и проснувшись на разсвѣтѣ, я увидалъ что всѣ четыре ноги наши перевисли чрезъ переднее сидѣнье. „Какъ ты толкалась“, сказалъ я. Она обвинила меня въ томъ же самомъ. Въ ту же минуту она показала пальцемъ въ сторону отъ театрѣи, и мы увидали лошадей и палатки бродягъ, расположившихся подъ большими рощами у дороги дубомъ. Лицо ея было пресмѣшное въ эту минуту, точно у мальчика воображающаго что онъ убѣжалъ и вдругъ видящаго что его поймали. „Убѣжимъ“, сказала она. Предпочитая полную независимость, я послѣдовалъ за ней, и тогда она сказала мнѣ что слышала какъ бродяга говорилъ прошлую ночью что для него упустить изъ виду меня все равно что упустить изъ рукъ цѣлую пригоршню локровъ. При этихъ словахъ меня словно омрачила тѣнь Рилленджеровой школы. Съ нѣкоторымъ уныніемъ я сказалъ ей: „Ты вѣрно любишь къ своимъ друзьямъ?“ Она прищелкнула пальцами. „Къ нищимъ-то!“ И продолжала беззаботно идти впередъ.

Мы очутились наконецъ среди стелей. Онѣ необыкновенно живо пробудили воспоминаніе объ отцѣ; степной запахъ чуть не заставилъ меня повернуть мои шаги въ направленіе къ Лондону, такъ горячо захотѣлось мнѣ увидать его. Но несмотря на это, я рѣшилъ прежде взглянуть на Риверсли, на тетяшку Дороти, на Сьюиса, нашего стараго, сѣдаго буфетчика и на ягненка, ставшаго теперь уже овцой. Странная противоположность моимъ царственнымъ ланамъ касательно будущности. Здѣсь мною овладѣло первое ясное воспоминаніе о Риверсли, подобно очерку далекихъ холмовъ, показавшихся на горизонтѣ. Я чуть было не пролилъ нѣсколькихъ слезинокъ отъ любви къ моему отцу, но мысль что я престранный

мальчикъ изтнала изъ моей души его образъ. Я и не могъ быть иначе какъ страннымъ мальчикомъ, разъ со мной случались такіа необыкновенныя вещи. Что если я присоединюсь къ Цыганамъ? Моя спутница очень желала этого. У нея были братья, торговавшіе лошадьми, отличные скрипачи. Что еслибъ я выучился играть на скрилкѣ? Что еслибъ я выучился ихъ языку, ходилъ бы съ ними повсюду и сдѣлаася бы наконецъ царемъ Цыганъ? Спутница моя покачала головою; этой честолюбивой мечты она не могла поощрить во мнѣ потому что никогда не слыхала ни о какомъ царѣ и ни о какой царицѣ надъ Цыганами. „Это мы дурачимъ людей“, сказала она, а я обидѣлся, потому что вся наша школа вѣрила въ цыганскаго царя, и одинъ мальчикъ, Гакмень, глѣлъ глѣвою про цыганскаго царя, и это было все равно какъ еслибъ она сказала что всѣ до одного мои товарищи дураки. Я обвинялъ ее во лжи. Она сердито усмѣхнулась. „Я никогда не лгу моимъ друзьямъ“, сказала она. Мы поссорились. Правду сказать, я былъ взбѣшенъ на нее за то что она разрушила во мнѣ всѣ надежды на достиженіе высшей власти надъ Цыганами. Позавтракавъ въ гостиницѣ, въ которой присаживаясь сѣдѣлся намъ въ лицо, а мы сидѣли за столомъ угрюмые, робкіе и голодные, мы снова поссорились. Я сказалъ ей что, по моему мнѣнію, Цыгане не могутъ предсказывать будущее.

— Нѣтъ, могутъ; вотъ когда ты узнаешь мою мать и мою тетку, то увидишь могутъ ли онѣ угадывать будущее, сердито сказала она.

— Да вотъ этимъ-то онѣ и дурачатъ людей, отвѣчалъ я.

Меня забавлялъ видъ ея оскаленныхъ зубовъ. Но когда я сталъ убѣждать ее взглянуть мнѣ прямо въ глаза и покажеться что она вѣритъ въ эти предсказанія, то она оосѣмъ насупилась.

— Убирайся ты, гадкій мальчикъ, и тѣль-то твоя всего въ поларшина, сказала она.

И я не могъ не улыбнуться. Моя тѣнь простиралась до половины дороги въ ширину ея. Весь этотъ день мы все бранились, гдѣ бы мы ни были, и почти вовсе не шли рядомъ, пока наконецъ, при наступленіи вечера, она не подошла ко мнѣ ближе, говоря:

— Эту ночь намъ не будетъ такъ холодно, вотъ увидишь.

Она прижала меня крѣпко къ себѣ и мнѣ было тепло и уютно и ко мнѣ возвратилось торжественное сознаніе что мнѣ нечего жалѣть что я убѣжалъ изъ Рилленджеровой школы.

Ночью мы имѣли приключеніе. Жена одного фермера, у которой мы вечеромъ попросили напиться, дала намъ старое одѣяло чтобы мы укрылись имъ ночью, лежа въ сухой канавѣ, взявъ съ насъ притомъ обѣщаніе не воровать яблоковъ изъ ея сада. Къ намъ подкрался старый нищій и пожелалъ раздѣлить съ нами нашъ покровъ. Моя спутница совсѣмъ спряталась подъ одѣяло, выглядывая только по временамъ изъ-за дыръ его. Въ лунномъ свѣтѣ нищій казался огромнымъ видѣніемъ, достававшимъ отъ земли до неба.

— Холодно, холодно, жаловался онъ;—одному всегда плохо, а другому хорошо, юноша!

Слова его разубѣдили меня въ мысли что онъ былъ какое-то ужасное существо или мой переодѣтый отецъ, готовый сбросить свои лохмотья, обнаруживъ себя въ полномъ блескѣ и сказавъ что вотъ наконецъ онъ нашелъ меня.

— Вы одинъ или васъ двое? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ что насъ двое.

— Такъ я лягу въ средину, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, этого нельзя; мѣста нѣтъ, закричалъ я.

— Господи! возразилъ онъ. Тутъ въ канавѣ мало ли мѣста для голодныхъ желудковъ.

— Но я предпочитаю оставаться безъ васъ; покойной ночи, сказала я.

— Чтѣ! воскликнулъ онъ;—это вы гдѣ научились такъ говорить? Эй, вы!

— Пожалуста оставьте меня въ покоѣ; я намѣреваюсь спать, продолжалъ я, сердясь что нужно еще уговаривать его; у него была толстая палка.

— Ого! произнесъ нищій. Затѣмъ онъ снова началъ:

— Повѣрю я вамъ теперь что вы въ своей жизни ничего не украли! Вы украли языкъ джентльмена, я сейчасъ узнаю его по звуку. Какъ вы сюда попали? Кто тутъ еще съ вами? Смотрите, я сейчасъ подыму палку.

При этихъ грозныхъ словахъ, дѣвочка выскочила изъ-подъ одѣяла, а я закричалъ что сейчасъ разбужу фермера.

— Это зачѣмъ... оттого что я хочу сбить съ дерева, надъ

вашею головой, одно или два яблока? спросилъ онъ съ выраженіемъ упрека.

— Э, да тутъ съ вами молодая дѣвица, я вижу. Да тутъ дѣлаются вещи одна удивительнѣе другой, какъ у человѣка который изъ трехъ шиллинговъ сдѣлалъ лять. Теперь если вы дадите мнѣ лечь подъ одѣяло, я каждому изъ васъ дамъ по яблоку. Если вы когда-нибудь пробовали ужинать, то увидите что съѣсть на ночь яблоко очень хорошо, хотя отъ него и не шумить въ головѣ.

Дѣвочка шепнула мнѣ на ухо: „Онъ хромъ какъ утка“. Я сейчасъ же понялъ ее; мы оба выскочили изъ канавы и побѣжали, таща за собой одѣяло. Онъ пустился за нами, но мы убѣжали отъ него и улеглись на удобное для отдыха мѣсто, между терновыми кустами. Утромъ, отдавая одѣяло на ферму, мы узнали что старый негодяй оклеветалъ насъ, обвинивъ насъ въ воровствѣ яблоковъ. Я доказалъ женѣ фермера мою невиновность, положивъ предъ нею шиллингъ. Это совершенно удовлетворило ее. Она причесала мнѣ волосы, принесла мнѣ кружку съ водой и полотенце, дала намъ затѣмъ молока и хлѣба и отпустила насъ, говоря что у меня хорошенькое личико, по которому видно что я не боюсь и самого чорта; а что касается до дѣвочки, то она по первому взгляду признала ее за цыганку, и на чтѣ только Господь сотворилъ этихъ Цыганъ, про это Онъ только одинъ вѣдаетъ. Она заставила меня весь день думать объ этихъ словахъ. На чтѣ они созданы? Я купилъ дѣвочкѣ красный шарфъ и другихъ вещей, приглашувшихся ей, но потерялъ въ отношеніи къ ней прежнее чувство товарищества. „Должно-быть они созданы на смѣхъ“, подумалъ я, видя какъ люди смѣялись надъ нами, и сталъ самъ смѣяться. Я хохоталъ цѣлый день, къ удивленію дѣвочки, которая могла только по временамъ ухмыляться въ продолженіи двухъ или трехъ секундъ, а затѣмъ смотрѣла на меня какъ собака выжидающая что хозяинъ сейчасъ велитъ ей бѣжать куда-нибудь; углы ея губъ шевелились какъ бы въ ожиданіи что я засмѣюсь или заговорю, и это было похоже на маханіе хвостомъ собаки. Я сталъ смотрѣть на нее какъ на безвредное и нелояльное существо, бывшее во всякомъ случаѣ свидѣлемъ моего бѣгства изъ школы.

Мы почти все утро бродили вокругъ выстроеннаго въ полѣ багаана для крикета; лужайка для этой игры была порядочная. Но бывшіе тамъ игроки считали ее превосходною. Я

сказалъ имъ что знавалъ одного малаго который въ полтора часа любивалъ всю партію.

Одинъ изъ этихъ людей просто испугалъ меня, вскрикнувъ:—Чортъ возьми! сядемте скорѣе въ мою одноколку и поѣдемъ за этимъ малымъ. Онъ точно въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать это и вскочилъ съ своего мѣста. Я смотрѣлъ ему въ глазу, не мигая; онъ замѣтилъ что если я не дамъ маху изъ школы, и не вырвался на волю, такъ чтобъ ему... остальное онъ выразилъ хлопнувъ себя по колѣну. Мы стали играть въ крикетъ въ одни ворота, и я доказалъ ему что тотъ кто вмѣстѣ съ Геріотомъ ходилъ противъ Саддльбенка, былъ привычнымъ игрокомъ, какихъ бы дѣтъ онъ ни былъ.

Человѣкъ этотъ предложилъ мнѣ свою дружбу. Онъ посадилъ меня около себя, за обѣдомъ приготовленнымъ для одиннадцати игроковъ, угощалъ меня и посылалъ тарелки съ кушаньемъ дѣвочкѣ, которой позволили присѣсть невдалекѣ.

— Ударимъ по рукамъ, сказалъ онъ, и будемъ друзьями на всю жизнь.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

Мы кивнули другъ другу головой изъ-за нашихъ стакановъ вля. Въ отвѣтъ на его вопросъ, я сказалъ что очень люблю фермы, и что пріѣду посмотрѣть на его ферму и останусь у него дня на два или на три; я бы далъ ему свой адресъ, если бы у меня былъ какой-нибудь адресъ; но теперь я отправляюсь взглянуть на Риверсли Гренджъ.

— Вотъ какъ! воскликнулъ онъ,—Риверсли Гренджъ! Да, я отлично знаю это мѣсто. Я вѣдь арендаторъ сквайра Бенгама, и могу сказать: онъ настоящій хозяинъ, какъ должно быть.

— О! возразилъ я;—это мой дѣдушка; но мнѣ до него мало дѣла.

— Господи! воскликнулъ онъ:—что я слышу! Такъ вы тотъ маленькій мальчикъ, мастеръ Гарри Ричмондъ, котораго увезли тогда ночью; старый сквайръ залерся тогда у себя на цѣлыя двѣ недѣли, какъ будто бы васъ увезли на похоронныхъ дрогахъ! Какже, я про васъ все знаю, какъ видите. А теперь вы возвращаетесь домой; ура! Сквайръ олять повеселѣветъ попрежнему, вотъ увидите. Мы замѣтили въ немъ перемѣну съ тѣхъ поръ какъ вы уѣхали. Подагра уже давно на него напала по временамъ, а теперь стала являться чаще. Но онъ все еще выѣзжаетъ съ собаками на охоту, и даетъ обѣды

своимъ арендаторамъ; онъ еще стариннаго локроя хозяинъ; когда мы у него обѣдаемъ, то все что мы ѣдимъ и пьемъ, все идетъ изъ его имѣнія. Да про стараго сквайра Бенгана нельзя дурнаго сказать.

Я спросилъ его живъ ли еще Сьюисъ.

— Старикъ Сьюисъ-то? какже, отвѣчалъ онъ, — вы знаете старика Сьюиса? Да какже вамъ и не знать его. Да, старикъ Сьюисъ живъ, мастеръ Гарри. А вы-то побили меня въ крикетъ. Клянусь Св. Георгомъ, у меня такъ и зачесались руки, когда вы выбили мои колья. Чортъ возьми! подумалъ я. Но старый сквайръ будетъ гордиться вами, вотъ увидите. Моя ферма въ трехъ миляхъ отсюда; видите ворона что летитъ на юго-востокъ отъ Риверсли; онъ полетитъ теперь прямо на Трекземскую ферму, и туда я отвезу васъ сегодня вечеромъ, а завтра моя жена васъ хорошенько почиститъ и умоетъ и мы отправимся прямо въ Риверсли. По рукамъ, что ли? Меня зовутъ Экерти. Все равно, откуда бы вы ни пришли, мастеръ Гарри, хорошо то что вы опять здѣсь, не такъ ли? А я то видѣлъ васъ въ послѣдній разъ въ плетеной колясочкѣ, а теперь вижу васъ въ панталонахъ; вы играете со мной въ крикетъ, да еще бьете меня!

Онъ весело расхохотался. Тревожныя чувства разнаго рода овладѣли мною; но надъ всѣми ими преобладала тоскливая досада на себя, за то что я никакъ не могъ раздѣлать восторга фермера, хотя былъ самъ виновникомъ его. Я предпочиталъ Риверсли жизнь среди Цыганъ. Цыгане жили на большой дорогѣ, а дорога эта вела къ моему отцу. Я старался объяснить фермеру Экерти что я шель по этому направленію съ намѣреніемъ лишь мелькомъ взглянуть на Риверсли; но все это было напрасно, онъ никакъ не могъ понять меня. Чѣмъ болѣе старался я уяснить ему дѣло, тѣмъ сильнѣе настаивалъ онъ чтобы я долилъ мой стаканъ эля, не имѣвшаго никакого прямого отношенія къ дѣлу. Я однако продолжалъ пить и наговорилъ вѣроятно проласть смѣшнаго, тревожно стараясь чтобы фермеръ узналъ мои настоящія намѣренія; онъ таки не мало хохоталъ.

Пока онъ сражался въ крикетъ противъ своихъ противниковъ, въ балаганъ пришелъ бродяга и мы съ нимъ начали говорить, стараясь перехитрить одинъ другаго.

— Начальникъ вашъ гонится за вами, молодой джентльменъ,

сказалъ онъ, совѣтуя мнѣ бѣжать по дорогѣ, если я хочу скрыться отъ преслѣдованія.

Я показалъ видъ что испугался, и затѣмъ сказалъ:—О вы защитите меня, и угостите его ливомъ.

Онъ сталъ увѣрять меня что я оставилъ послѣ себя столько же слѣдовъ какъ еслибы разсыпалъ за собой цѣлую коробку съ фосфорными спичками. Онъ все подгонялъ меня пока я не заказалъ для него свѣжаго элю. Дѣвочка и онъ глядѣли другъ на друга съ презрительною усмѣшкой. Такъ мы стояли смотря на игру. Къ тому времени какъ она кончилась, бродяга успѣлъ вылить не мало бутылокъ элю.

— Вкусный, славный гусь, началъ онъ считать барыши доставшіеся ему со времени нашего знакомства;—бутылка элю и цибирнаго пива, двѣ полкроны, еще эль да еще кое-что будетъ, надѣюсь. Вы только придерживайтесь своихъ друзей, молодой джентльменъ, не забывайте этого сударь. Для такого бѣдняка какъ я будетъ плохо если вы не будете этого дѣлать. Такіе случаи выпадаютъ намъ на долю не каждый день. Понимаете вы это, сударь? Я прошу васъ сказать мнѣ, понимаете ли вы это, сударь? Я немощко подпилъ, но человекъ всегда долженъ соблюдать свои выгоды.

Я понялъ что онъ настолько подпилъ что невольно выдавалъ мнѣ что выгода его заключалась въ моемъ взятіи въ плѣнъ; но я былъ, несмотря на это, веселъ. Фермеръ Экерти звонко ударилъ бродягу по спицѣ, возвратясь въ балаганъ, въ восторгѣ что ему удалось однимъ разомъ побить своихъ противниковъ.

— Чтобы мастеръ Гарри Ричмондъ воротился въ Риверсли, къ своему дѣдушкѣ, въ вашемъ обществѣ, негодяи! въ бѣшенствѣ закричалъ онъ, выслушавъ его.—Я отвезу его туда самъ. Туда не будетъ и десяти миль, ужь никакъ не больше. Но чтѣ я вамъ скажу, мастеръ Гарри, какъ думаете, на счетъ ужива?

Онъ тихонько сообщилъ мнѣ что ему не хочется чтобы имѣло видъ какъ будто онъ бѣжитъ отъ прочихъ, которые намѣревались еще остаться здѣсь ужинать, и что по этому случаю мы поѣдемъ домой при лунномъ свѣтѣ и будемъ лѣтъ лѣсни. Такъ мы и сдѣлали. Я сѣлъ рядомъ съ фермеромъ, дѣвочка вскарабкалась на задокъ телѣжки, а бродяга жалобно повторяя:

— Охъ Боже мой, Боже мой! Вы уѣзжаете въ Риверсли безъ вашего лучшаго друга.

Я бросилъ ему шиллингъ. Мы пѣли начала и окончанія разныхъ пѣсенъ. Фермеръ смотрѣлъ на луку и говорилъ: Господи! Какъ она на насъ смотритъ. Затѣмъ онъ залѣлъ....

— Какъ конецъ-то? А вотъ другая пѣсня!...

— Какъ дальше-то? Я слышалъ эту пѣсню, когда былъ въ единственный разъ въ жизни въ Лондонѣ; тогда я до тѣхъ поръ не успокоился, пока не выучилъ ее наизусть, а теперь она точно изъ головы у меня вылетѣла. Чтѣ же теперь еще спѣть?

Онъ залѣлъ про „Мери изъ Эллимора“ и еще про другую дѣвицу изъ другаго мѣста, а наконецъ, затанулъ громкую пѣсню о Британцахъ.

Я очень удивился, проснувшись на открытомъ воздухѣ, среди всеобщаго молчанія, потому что и не замѣтилъ какъ заснулъ. Дѣвочка разбудила меня, и мы потихоньку слѣзли съ тележки. Лошадь и фермеръ оба не шевелились, пріютившись въ зеленомъ углубленіи, около большой дороги. Взглянувъ черезъ поля и сосновыя рощицы, я увидалъ въ странномъ свѣтѣ ранняго утра какой-то домъ, и сердце мое забилось; на меня вдругъ напалъ страхъ, и я сказалъ самъ себѣ:

— Пѣть, нѣтъ, это не Риверсай; это не можетъ быть онъ, хотя увѣренность что это былъ онъ, ясно оказывалась во мнѣ, опровергая мои слова. Я побѣжалъ по полю, къ парку и къ свѣтлой маленькой рѣчкѣ и сталъ смотрѣть на домъ. Когда я, наконецъ, долженъ былъ сказать себѣ:—Да, это Риверсай! то отвернулся, и сердце мое сжалось острою болью, причины которой я самъ не зналъ. Мнѣ кажется, дѣвочка была права, говоря что я вель себя какъ безумный. Я бросился на землю, катался по ней и кричалъ. Неизъяснимая ненависть къ Риверсай была первымъ чувствомъ овладѣвшимъ мною, когда я пришелъ въ себя, я бы ни за чтѣ не согласился позавтракать тамъ.

Было около полудня, когда проходя со мною по сжатому полю, дѣвочка встрѣтила двухъ мушкетеровъ изъ своего табора. Подъ вечеръ, мы вошли въ одну изъ ихъ палатокъ. Женщины разразились криками: Кіоми, Кіоми! точно взлетѣвшее гнѣздо вороновъ. Ихъ глаза и зубы такъ и сверкали; казалось какъ будто кто-нибудь плескаетъ рукой по темной водѣ. Странный языкъ которымъ онѣ говорили какъ-то звонко отчеканивая каждое слово, переливая голосомъ изъ одного тона въ другой и никогда сильно не понижая и не повышая его, не имѣя въ себѣ ничего музыкальнаго, имѣлъ однако что-то

особенное и привлекательное, онъ внушалъ мнѣ предположеніе что я попалъ въ общество какихъ-то очень любопытныхъ лицъ. Онъ добродушно встрѣтили меня, и каждая изъ нихъ поглядѣла съ минутою мнѣ прямо въ лицо. Затѣмъ, онъ два раза черпнули для меня ложкой изъ большого горшка съ супомъ, стоявшаго надъ огнемъ, посреди латки.

Кіومی было имя моей спутницы. У нея были двѣ сестры, Аделина и Эвелина, и два брата, Офикъ и Вильямъ, былъ у нея еще двоюродный братъ, кулачный боецъ. Вотъ такимъ и я буду, сказалъ я. Играть за деньги на скрипкѣ не нравилось мнѣ, хотя и очень пріятно было слышать, лежа въ объятіяхъ Кіومی, игру Офика, убаюкивавшую меня; мнѣ все казалось при этомъ что я лыву внизъ по какимъ-то рѣчкамъ одной за другою; я, казалось, видѣлъ какъ волны ихъ сливались и расходились, между тѣмъ какъ я тихо лывъ все дальше, а какая-то чудно-прекрасная страна сонливо кивала мнѣ съ береговъ. Я заснулъ безъ просыпу, до утренняго лѣтнія лѣтуха. Сонъ казался мнѣ не болѣе какъ переходомъ черезъ арку какого-то канала. Кіومی и я были въ стелі, еще до солнечнаго восхода, перепрыгивая черезъ рвы, гоняясь за синицами и передразнивая чибисовъ. Мнѣ казалось что я еще слышу послѣдніе звуки Офиковой скрипки, въ то время какъ золотистый свѣтъ заливалъ все небо надъ Риверсли. Странные, унылые звуки скрипки раздававшіеся ночью въ латкѣ, являлись, казалось, сейчасъ же вслѣдъ за солнцемъ и тихія мечты баюкавшія мой сонъ слѣдили за мною неотступными тѣнями въ продолженіи свѣтлаго дня, или лучше сказать, до обѣденнаго времени, съ котораго я ни о чемъ уже не могъ думать, кромѣ большого горшка. Кормили насъ вдоволь, кушанье было лучше нежели у Рилледжера, исключая однако лудинговъ. Послѣ обѣда, я былъ готовъ на всякія шалости. Странно было чувство овладѣвшее мною при видѣ Кіومی, просившей милостыни у какого-то джентльмена. Я упрекнулъ ее за это. Она показала мнѣ шестипенсовую монету, блиставшую на ея ладони. Я далъ ей шиллингъ, съ тѣмъ чтобъ она болѣе не дѣлала этого. Теперь у нея былъ шиллингъ и шесть пенсовъ, сказала она, и размысливъ хорошенько, я понялъ что она считала эти деньги пріобрѣтенными прошеніемъ милостыни, и вслѣдствіе этого рѣшила что дѣлать это очень хорошо. Деньги остававшіяся еще у меня въ карманѣ составляли пять шиллинговъ и одинъ пенн. Я предложилъ ихъ

матери Кіюми, но она отказалась принять ихъ, то же сдѣлать и отецъ ея и Офикъ. Пусть я вспомню о нихъ, когда возвращусь домой, сказала она, указывая на Риверсли. — Нѣтъ, отвѣчалъ я, — туда я никогда не возвращусь; будьте увѣрены. Женщины усмѣхнулись, а мужчины зѣвнули. Мужчины проводили время то работая надъ чѣмъ ни полагало, какъ будто бы внутри ихъ горѣлъ какой-то огонь, то лежа на сплнѣ, вытянувъ ноги, какъ будто бы огонь этотъ вдругъ погасъ. Исключая того что Офикъ упражнялся на скрипкѣ и отецъ его приводилъ и снова уводилъ лошадей, они на моихъ глазахъ только и дѣлали что лекались на солнцѣ. Въ таборъ пришелъ братъ Офика, съ двоюроднымъ братомъ своимъ, кулачнымъ бойцомъ, молодымъ человѣкомъ, бѣлѣе ихъ лицомъ; я смотрѣлъ на него, вспоминая пристрастіе Джака Тришера къ этому героическому ремеслу. Кіюми шепнула мнѣ что-то о томъ что братъ ея встрѣтилъ бродягу. Я не слушалъ ея, во мнѣ кипѣла дѣлая буря вслѣдствіе двухъ причинъ: вопервыхъ, моего восторга при видѣ красиваго, молодаго кулачнаго бойца, а вовторыхъ, чувства мстительной злобы противъ него, за то что онъ называлъ Кіюми своею женой, говоря что женится на ней, какъ скоро она выучится играть на арфѣ какъ царь Давидъ. Ужасная глулость требовать отъ дѣвочки чтобъ она играла какъ царь Давидъ внушала мнѣ презрѣніе къ нему, но въ то же время онъ былъ такъ удивительно красивъ и силенъ, и видѣть какъ онъ натягивалъ рукавицы, готовясь сразиться съ толстымъ Вильямомъ, братомъ Кіюми, и отстранялъ тяжелые удары послѣдняго, было бы настоящимъ праздникомъ и не для одного старика Джака, изъ Дилвельской фермы. Онъ обладалъ ловкою граціей леопарда, котораго напоминала мнѣ его куртка; онъ былъ похожъ на искусную машину одаренную свободой движеній. Довольный моимъ восторгомъ, онъ далъ мнѣ урокъ, обѣщая и впредь учить меня.

— Онъ тоже хочетъ быть когда-нибудь бойцомъ, сказала Кіюми, грызя яблоко, которое онъ далъ ей.

Я вырвалъ у нея это яблоко, бросилъ его на землю и сталъ топтать его ногами. Она дала мнѣ пощечину и въ ту же минуту встала въ кругъ, готовясь на бой. Я увидалъ что дѣвочка собирается нападать на меня.

— Ну, начинай! закричалъ я, желая скрыть свое смущеніе и воображая что мнѣ такъ же легко будетъ вывернуться изъ-

подъ ея ударовъ, какъ кулачному бойцу изъ-подъ ударовъ толстаго Вильяма. Но я ошибся.

— О! вы думаете что я не умѣю защищаться, сказала Кіоми; и затѣмъ накинута на меня разъ, два, три, проворно какъ кошка и хладнокровно какъ статуя.

— Колотитъ его, радость моя; она знаетъ какъ постоять за себя; закричалъ кулачный боецъ; — ты должна бить его до крови, Кіоми, луски-ка ему кровь, голубка моя; задай ему прямо въ морду, чтобъ у него изъ глазъ искры посылались. Эй расшевели его, жарь его! Покажи ему кто училъ тебя; сбей его съ ногъ, и я завтра же женюсь на тебѣ!

Я былъ взбѣшенъ на нее, какъ будто она оскорбляла меня, выдавая себя за собственность этого человѣка, и мнѣ же доставалось отъ нея. Ея маленькіе кулачки попадали въ цѣль мѣтко и твердо какъ желѣзные, она любила драться и могла по меньшей мѣрѣ равняться со мной. Чтобъ избѣгнуть позора, сильно ударивъ ее, или видя себя побитымъ ею, въ открытомъ бою, я уклонился, обхвативъ ее за срединау стана и повалилъ на землю, не очень ловко, ибо самъ упалъ, сжатый ея руками, вмѣстѣ съ нею. Должны были силой оторвать меня отъ нея.

— И вы прошли курсъ кулачнаго боя, сказалъ мнѣ довольно свирѣло кулачный боецъ.

Прочіе были ласковѣе и не ворчали на меня за то что я растянулся какъ канатъ, по ихъ словамъ. Кіоми пожелала возобновить бой; но я громко сказалъ:

— Я никогда не бью дѣвочекъ, и признаюсь вамъ, не люблю чтобъ онѣ колотили меня.

— Если такъ, то пойдете къ рѣкѣ и вымойте себѣ лицо, сказала она, потащивъ меня за пальцы. Обмывъ кровь съ моего лица, она поцѣловала меня. Мнѣ показалось что отъ нея такъ и пахнетъ кулачнымъ бойцомъ.

Въ вечеру Офискъ предложилъ кулачному бойцу и мнѣ пойти съ нимъ прогуляться. Я попросилъ взять съ собой и Кіоми, на что они согласились. Цыганки такъ жали мнѣ руки, при прощаніи, какъ будто я отправлялся въ дальнее странствіе, прося меня не забывать ихъ и никогда не думать дурно о бѣдныхъ цыганахъ.

— Да что вы? Вѣдь я остаюсь съ вами, говорилъ я.

Онѣ весело засмѣялись, говоря чтобъ я приходилъ смо-

трѣть какъ они будутъ снимать вечеромъ свой таборъ отсюда. Каждая двѣ или три минуты, Кіоми толкала меня подъ локоть, показывая назадъ, и я видѣлъ какъ женщины махали своими цвѣтными платками. Потерявъ изъ виду платки, мы увидали бродягу. Кіоми крикнула: спрячьтесь! Я вырнулъ подъ кустъ. Бродяга приблизился, спрашивая обо мнѣ. Въ Рилленджеровой школѣ лгавье было не въ модѣ, благодаря Геріоту, однако мнѣ приходилось слышать какъ мальчики шалили, и ложь выходила изъ ихъ устъ гладко какъ рыба, такъ просто, живо и правдоподобно что можно было подумать что учитель спрашиваетъ у нихъ эту ложь вмѣсто урока, а они отвѣчаютъ: вотъ она! Но мальчики не могли бы лгать такъ послѣдовательно и непрерывно какъ эти друзья мои. Я убѣждалъ, говорили они, повернувшись всѣ разомъ въ одну сторону, указывая направление въ которое будто бы отправился я, они намекали на мои планы, не открывая однако подробностей ихъ изъ боязни чтобы не вышло слетней, они замѣтили что хотятъ предоставить мнѣ всѣ средства уйти. Кіоми сказала что надѣется что ему не удастся поймать меня. Бродяга завылъ отъ досады, а Цыгане смѣялись надъ нимъ. Я въ душѣ поблагодарилъ ихъ за ихъ преданность. Пробираясь подъ покровомъ долины, я перешелъ черезъ сосновую рожицу къ большой дорогѣ и побѣждалъ по ней со всѣхъ ногъ. Только что услѣвъ я закричать: „теперь я въ безопасности“, какъ изъ проѣзжавшаго по дорогѣ экилажа вышла вдругъ какая-то дама, обхватила меня руками и чуть не задушила меня въ своихъ объятіяхъ. Это была моя тетушка Дороти.

ГЛАВА VIII

Джеветъ Илъчестеръ.

Я былъ взять въ лѣвъ, преданный измѣнникамъ, и имѣя еще въ карманѣ пять шиллинговъ и одинъ левъ, служившіе мнѣ залогомъ еще возможной для меня свободы. Ни Офизъ, ни Кіоми не показывались на дорогѣ и не отвѣчали на мой повтореный зовъ.

— Она боится взглянуть мнѣ въ лицо, сказала я, сосредоточивая весь гнѣвъ свой на Кіоми.

— Гарри, Гарри! говорила моя тетушка,—они вѣрно видѣли меня здѣсь; ты огорченъ что я съ тобой, дорогой мой.

Ея быстрые каріе глаза такъ и пожирали меня, между тѣмъ какъ я стоялъ запыхавшись, думая что я былъ бы влохнѣ счастливъ еслибы могъ бросить въ эту минуту всѣ свои деньги къ ногамъ Кіюми, сказавъ ей: „Вотъ возьми все что у меня есть; я ненавижу тебя!“ Съ минуту я съ любопытствомъ разсматривалъ легкій оттѣнокъ усиковъ на верхней губѣ моей тетюшки; въ слѣдующую минуту мы уже сидѣли съ ней въ каретѣ и она опять стала моею милою тетей Дороти, и я покатишь съ ней по другой дорогѣ, которая вела меня въ иной міръ.

Цыгане условились доставить меня моей теткѣ; фѣрмеръ Экертъ разказалъ обо мнѣ моему дѣду; бродяга навелъ тогда мистера Рипленджера на нашъ слѣдъ. Мистеръ Рипленджеръ заллатилъ вѣроятно за это бродягѣ; дѣдъ мой заллатилъ счетъ Рипленджера, также какъ и за Саддльбенкова гуся, тетюшка заллатила Цыганамъ, но я сомнѣваюсь чтобъ они выдѣлили что-нибудь изъ этихъ денегъ бродягѣ, такъ что вѣроятно сплюсокъ выгодъ полученныхъ имъ за то что онъ никого ни о чемъ не распрашивалъ, былъ на этотъ разъ законченъ.

Я воротился въ Риверсли болѣе похожій на взрослого, нежели большинство мальчиковъ моихъ лѣтъ, и въ то же время болѣе похожій на ребенка. Маленькій ребенокъ и тотъ не сталъ бы такъ злиться какъ я за поступокъ Кіюми; но съ другой стороны, я отвѣчалъ на смѣшную вѣжливость моего дѣда съ хладнокровіемъ взрослого.

— Итакъ вы возвратились къ намъ, не такъ ли?

— Да, возвратился.

— Убѣжавъ сначала отсюда какъ заяцъ или какъ лисица изъ-подъ ружья?

— Вовсе нѣтъ; я не убѣжалъ отсюда.

— Вы ѣздите верхомъ?

— Да; ѣзжу.

Вотъ какимъ образомъ онъ привѣтствовалъ меня при встрѣчѣ, и вотъ какъ я отвѣчалъ на это привѣтствіе. Я не убѣгалъ отъ него, и совѣсть моя была покойна.

Вскорѣ послѣ того онъ сказалъ мнѣ:

— Слушайте, имя ваше въ этомъ домѣ Гарри Ричмондъ, понимаете вы меня? Слугамъ моимъ дано приказаніе называть васъ мистеромъ Гарри Ричмондомъ, именемъ даннымъ вамъ при крещеніи. Вы родились здѣсь, будьте такъ добры, помните это. Я не хочу слышать здѣсь бродяжническихъ

имень. Онъ весь вспыхнулъ, отдуваясь и пробормотавъ: я не хочу видѣть пріемовъ собственныхъ бродягамъ.

Я отлично понималъ смыслъ его словъ. Раздраженный за моего отца, я постоянно живо чувствовалъ всякое оскорбленіе нанесенное ему, и сознавая неизмѣримое превосходство нашего рода надъ родомъ Белтамовъ, я сказалъ въ сторону, обращаясь къ старику Сьюису и пожимая плечами:

— Сквайръ велитъ мнѣ помнить гдѣ я родился. Мнѣ мудрено было бы забыть весь вздоръ слышанный мною отъ него.

Сьюисъ, вмѣсто отвѣта, посоветовалъ мнѣ обращать побольше вниманія на конюшни, да прилежно поливать вино, по вечерамъ, вмѣстѣ со сквайромъ; то и другое казалось мнѣ настолько не труднымъ что мнѣ невѣдьно пришло въ голову: „вотъ какими способами можно добиться расположенія своихъ родныхъ!“ Признаюсь однако что точность сквайра касательно платежа долговъ произвела на меня впечатлѣніе. Онъ избавилъ меня отъ позора оставаться въ долгу у ненавистнаго мнѣ содержателя школы и, кромѣ того, я жилъ подъ его кровлей и ѣлъ его хлѣбъ. Моя недавняя вольная жизнь внушила мнѣ убѣжденіе что за все это я долженъ быть обязанъ ему. Кіюми казалась мнѣ единственною достойною жертвою моего гнѣва, заслужившею за свою непростительную измѣну чтобы я истопталъ ее ногами.

Понемногу дѣла мои стали привыкать ко мнѣ и говорили иногда, выражая этимъ свое одобреніе нѣкоторымъ изъ моихъ поступковъ: „Въ немъ видѣнъ Белтамъ, въ немъ видѣнъ Белтамъ!“ Разъ, на охотѣ, я перескочилъ прямо предъ нимъ черезъ изгородь и черезъ ровъ, онъ съ гордостью воскликнулъ: „Бельтамъ, съ ногъ до головы!“ и сталъ хвалить меня. Вечеромъ, сидя за виномъ, онъ вдругъ неожиданно сказалъ мнѣ: „Да, Гарри, ты долженъ пробить себѣ голову дорожку чрезъ изгороди и рвы, дружокъ мой! Въ это проклятое время нельзя быть ловкимъ только съ одной стороны. Въ мое время, если ты хорошо умѣлъ держаться на сѣдлѣ, такъ значить и на все былъ хорошъ; теперь же нужно набивать себѣ мозги чѣмъ только можешь, тутъ чего-нибудь понабраться, тамъ чего-нибудь, и затѣмъ нести все это на продажу какъ разнощикъ; да многіе и дѣлаютъ такъ. Природы теперь ни въ чемъ больше нѣтъ; вездѣ нужно брать проклятую хитростью; да, теперь нашъ деревенскій сквайръ долженъ быть на половину стряпчимъ чтобы только сводить концы съ концами. Ты дол-

женъ учиться; да, сударь, вы должны корлѣть надъ книгами, да надъ картами чтобы какой-нибудь дѣвольскій выскочка не опередилъ васъ и не махнулъ бы вамъ хвостомъ по лицу.“ Онъ заключилъ свою рѣчь словами: „Я радъ что ты мастеръ пить вино, мой мальчикъ.“

Такимъ образомъ я все болѣе выигрывалъ въ его мнѣнїи, пока не услышалъ отъ него что онъ назначаетъ меня наследникомъ Риверсли и всѣхъ своихъ имѣнїй, съ однимъ условїемъ, впрочемъ, о которомъ онъ пока умолчалъ. Я былъ готовъ полюбить его, еслибы только могъ говорить съ нимъ объ отцѣ. Но пока я любилъ старика Сьюиса болѣе его, потому что онъ часто говорилъ мнѣ о ночи въ которую отецъ мой унесъ меня отсюда, и хотя онъ никогда не произносилъ лестныхъ словъ, которыя я горячо желалъ услышать отъ него, но за то такъ часто повторялъ мнѣ этотъ разказъ что мнѣ казалось образъ моего отца озарялъ своимъ лучистымъ сїяніемъ нашу красную залу. Цѣлью всѣхъ моихъ прогулокъ и выѣздовъ верхомъ была или дорога по которой онъ отправился тогда въ Лондонъ, унося меня въ своихъ объятїяхъ, или же пустое теперь мѣсто на которомъ стоялъ прежде таборъ Кїюми. Кїюми олицетворяла въ глазахъ моихъ свободу, указывая мнѣ въ даль покрытую мракомъ, чрезъ который я хотѣлъ пробиться чтобы найти отца. Когда я заговаривалъ о немъ съ тетужкой, она начинала дрожать. Она говорила мнѣ: „Да, Гарри, говори мнѣ все о чемъ ты думаешь, спрашивай обо всемъ что только желаешь знать“; но дрожь пробѣгавшая по всѣмъ членамъ ея останавливала меня и я сдерживалъ всѣ свои чувства въ себѣ, что не легко было мальчику съ головой полною смутнаго броженїя и съ сердцемъ полнымъ жажды. Я иногда употреблялъ на свои прогулки верхомъ все находившееся въ моемъ распоряженїи время, стѣша затѣмъ доскакать домой и переодѣться къ обѣду въ нѣсколько минутъ чтобы не опоздать къ столу сквайра. Мнѣ стоило большаго усилїя надъ собой повернуть мою маленькую лошадку назадъ отъ видѣвшихся на востокъ холмовъ и долинъ; они, казалось мнѣ, могли повѣдать мнѣ тайну о моемъ отцѣ. Они показались бы мнѣ очень унылыми еслибъ я отчаялся узнать отъ нихъ что-нибудь о немъ. Зимой и лѣтомъ я постоянно колебался между различными предположенїями: то въ теченїе цѣлой недѣли я жилъ въ увѣренности что онъ нахо-

дится близь Риверсли и зоветъ меня къ себѣ; то я цѣлую недѣлю мучился страхомъ что онъ умеръ; въ головѣ моей бродили безконечныя мечты о немъ: я видѣлъ его странствующаго по чужимъ землямъ, ласкающаго мальчиковъ и дѣвочекъ попадающихся ему на дорогѣ, или проѣзжающаго въ сіяющемъ блескѣ, среди кланяющагося ему народа. Я говорю въ сіяющемъ блескѣ: еслибъ эти видѣнія имѣли болѣе опредѣленности, я бы, кажется, сейчасъ былъ готовъ отправиться въ путь вслѣдъ за нимъ. Но мечты эти мелькали предо мною неясными образами; я самъ снабжалъ свѣтомъ эти образы, уже въ послѣдствіи, когда становился хладнокровнѣе и могъ говорить самъ себѣ: „какая польза воображать себѣ все это?“ Однако мечты были отрадны мнѣ. Такимъ образомъ таинственный мракъ окружавшій моего отца озарился въ глазахъ моихъ самымъ нѣжнымъ свѣтомъ. Я соорудилъ ему изъ своихъ мечтаний какой-то чудный храмъ, переступая порогъ котораго я оставлялъ за собою весь остальной міръ.

Недостатокъ въ обществѣ мальчиковъ моихъ лѣтъ и тяжелая умственная работа произвели во мнѣ этотъ разладъ съ самимъ собою. Учебныя занятія мои безпрестанно прерывались. Домашніе учителя являвшіеся для моего научнаго образованія смѣнялись одинъ за другимъ. Это были все духовные, которые или сватались за тетю Дороти, или упрекали сквайра за его привычку божиться. „Самъ діаволъ вселился въ этихъ духовныхъ, говорилъ онъ; въ мое время они смиренно вели себя, помышляя лишь о небѣ да о бутылкѣ.“ Тетя раздѣляла мнѣніе нашихъ сосѣдей, посылавшихъ своихъ сыновей въ школы, и полагала что и меня бы слѣдовало помѣстить туда.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ на это сквайръ,—моя жизнь того и гляди приходитъ къ концу, по милости этой подагры, а я хочу, пока еще можно, имѣть у себя на глазахъ моего наследника. Вѣдь мальчикъ этотъ сынъ моей дочери! Пусть онъ выростетъ среди своихъ владѣній. Мы обыщемъ всю страну, да найдемъ наконецъ человѣка который сумѣетъ вдолбить ему въ голову что нужно, не глядя налѣво и направо, какъ баранъ.

Къ несчастію, человѣкъ по вкусу сквайра нигдѣ не отыскался. Тетушка была хороша собой, была богатою невѣстой (она имѣла свои собственныя деньги, наследованныя отъ родныхъ съ материнской стороны), кромѣ того она была милѣйшая на свѣтѣ женщина, съ голосомъ слаще всякой флейты. Во всемъ

графствъ говорили что для того чтобы жениться на какой-нибудь изъ Белтамовъ, надо тайкомъ увести ее.

Двоюродная бабушка моя, сестра сквайра, была увезена тайкомъ изъ дому. Она умерла бездѣтною. Любимая двоюродная сестра его тоже убѣжала съ однимъ бѣднымъ барономъ, сэромъ-Родерикомъ Ильчестеромъ, сынъ котораго, Чарльзъ, приходилъ иногда играть со мной и былъ страшный повѣса. Еслибы не я, говорилъ онъ, то сквайръ назначилъ бы его своимъ наследникомъ; онъ часто въ лицо „посылалъ меня къ чорту“ вслѣдствіе этого, и говорилъ, пожимая мнѣ притомъ руку: „Я бы съ удовольствіемъ задалъ вамъ хорошаго тумака въ голову, Гарри Ричмондъ, клянусь честью.“ Онъ проклиналъ свою судьбу за то что долженъ былъ учиться чтобы сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, оборвышемъ священникомъ, все изъ-за того что я воротился-таки въ Риверсли.

Онъ объявилъ мнѣ что я долженъ буду жениться на сестрѣ его, Дженетъ, потому что нельзя было выпустить все состояніе изъ семьи нашей. Дженетъ Ильчестеръ была своеобразная дѣвочка, любимица тети Дороти и особенный баловень сквайра; у нея были розовыя щеки, стройный станъ, прямо и ловко державшійся на ходу и на сѣдлѣ, и она всегда старалась быть со мной ласковою; но несмотря на это, мы вѣчно ссорились; она терпѣть не могла когда я говорилъ о Кіоми.

— Не говорите объ этихъ тваряхъ съ которыми вы встрѣчались когда сами были нищимъ, Гарри Ричмондъ, говорила она.

— Я никогда не былъ нищимъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ она была нищая, возражала Дженетъ,—и я не могъ отрицать ея словъ, хотя единственная разница видимая мною между Дженетой и Кіоми состояла въ томъ что Дженетъ безпрестанно выпрашивала разныя разности и подарки у своихъ знакомыхъ, а Кіоми—у чужихъ. Я получалъ отъ сквайра карманными деньгами пятьдесятъ фунтовъ въ годъ. Я бы тратилъ ихъ всѣ на подарки Дженетъ, еслибы исполнялъ всѣ желанія ея касательно хлыстиковъ, ножичковъ, ящичковъ съ карандашами, луговицъ и собакъ.

Большая часть моихъ денегъ уходила на это. Она постоянно получала извѣстія о продающихся красивыхъ собакахъ. Я купилъ ей большую собаку, коричневую гончую,

и маленькую моську. Ей позволили держать дома только одну моську, а другихъ собакъ я долженъ былъ взять на свое поличеніе. Когда Дженетъ приходила навѣщать ихъ, то кликала ихъ по именамъ, но конечно они скорѣе слушались меня чѣмъ ее, и она плакала отъ ревности. Разъ мы серьезно поссорились съ нею. Леди Ильчестеръ пригласила меня на цѣлый день къ себѣ, такъ какъ Чарли былъ дома по случаю лѣтнихъ каникулъ. Чарли, Дженетъ и я удили втроемъ форелей въ рѣкѣ; и Дженетъ, съ цѣлю польстить мнѣ (что я отлично замѣтилъ), заговорила со мною, пока я заправлялъ ее удочку, какъ будто бы она дѣйствительно могла поймать что-нибудь, о Геріотѣ и затѣмъ сказала:

— Ахъ, Боже мой! Мы вѣдь съ вами друзья, не правда ли? Чарли говоритъ что мы со временемъ будемъ мужемъ и женой, но мать у насъ такая гордая; ей вѣрно не понравится что у васъ такой отецъ; развѣ что онъ умретъ къ тому времени и мнѣ не надо ужъ будетъ подходить къ нему за поцѣлуемъ.

Я въ изумленіи, но безъ гнѣва, устремилъ взглядъ на дѣвочку, понавѣ что она лишь повторяетъ наивные расчеты на будущее слышанные ею отъ брата. Я сказалъ ей:

— Слушайте что я скажу вамъ, Дженетъ: я вамъ прощаю на этотъ разъ, потому что вы глуленькая, маленькая дѣвочка и не знаете сами что говорите. Но извольте впередъ говорить о моемъ отцѣ съ уваженіемъ, или же вы никогда болѣе не увидите меня. Тутъ Чарли закричалъ:

— Что тамъ такое? Никакъ вы говорите о вашемъ отцѣ?

Дженетъ захныкала, жалуясь что я называю ее глуленькою дѣвочкой. Еслибъ она промолчала, я бы вѣроятно простилъ ей. Но низость этой дѣвочки, сваливавшей еще вину на меня, жестоко оскорбивъ меня, въ то же время, наполнила меня невыразимымъ презрѣніемъ къ ней. Чарли и я тоже чуть не поссорились. Онъ убѣждалъ меня не говорить его сестрѣ о моемъ отцѣ. Всѣ знаютъ, говорилъ онъ, что я не виновать въ этомъ, и будь у него такой негодяй вмѣсто отца, онъ бы назначилъ ему пенсію и знать бы его не хотѣлъ. Говоря правду, его семейство ничего не имѣло противъ меня, исключая того обстоятельства что у меня былъ такой отецъ, и мнѣ бы слѣдовало рѣшиться совсѣмъ отречься отъ него, прежде чѣмъ я вырасту; онъ де говоритъ мнѣ это по дружбѣ. Я могу сколько угодно хмурить брови и сжимать кулаки, но онъ говоритъ мнѣ это какъ другъ.

Дженетъ все это время грызла бисквитъ, поглядывая изъ-за него на меня мышинными глазками. Ея короткое платьице и ея жадность, составлявшія странную противоположность съ ея брачными планами, еще болѣе взбѣсили меня, хотя сердце мое такъ и болѣло объ отцѣ. Я спросилъ ее что она знаетъ про него. Она продолжала грызть бисквитъ, бормоча:—Онъ явился въ Риверсли увѣряя что онъ учитель лѣвнїя; я знаю что это правда, и еще кое-что знаю.

—Ну, да, и будто бы онъ учитель рисованїя и профессоръ всякой всячины, прибавилъ ея братъ.—Брось его, прїятель, въ немъ мало хорошаго.

—Нѣтъ, я такъ увѣрема что въ немъ ничего нѣтъ хорошаго, сказала Дженетъ.

Я взялъ ее за руку и сказалъ ей:—Вы не знаете какъ оскорбляете меня, но вы дитя; вы не знаете что дѣлается на свѣтѣ. Я люблю моего отца, помните это, и то что вы совѣтуете мнѣ сдѣлать, низко и подло; но вы объ этомъ не можете судить. Я готовъ стоять за него противъ всего свѣта. А когда вамъ придетъ время выходить замужъ, то выходите за кого вамъ угодно, только не за меня. Итакъ, прощайте, Дженетъ. Думайте пока о вашихъ урокахъ, а не о замужествѣ. Мнѣ это, право, смѣшно.

Я сказалъ это однако безъ смѣху. Братъ ея изо всѣхъ силъ старался обратить на себя мое вниманїе.

Дженетъ обратилась къ сквайру. Болтовня ея о нашемъ будущемъ бракѣ была извинительна. Она слышала объ этомъ отъ сквайра. Онъ всегда говорилъ что любить чтобы подобныя дѣла были рѣшены и подписаны заранѣе, и какъ мнѣ сказала потомъ тетущка, условился съ леди Ильчестеръ, въ присутствїи Дженетъ, что мы составимъ съ ней въ послѣдствїи чету супруговъ. Дѣдушка обѣщаль Дженетъ помиритъ насъ. Онъ полагаль что сдѣлать это будетъ не трудно. Въ Риверсли пригласили множество гостей, и Дженетъ явилась разрядившись въ мои подарки и набивъ ими же свои карманы. Сквайръ повелъ гостей къ конюшеннымъ воротамъ; они раскрылись и изъ нихъ вывели, среди громкихъ криковъ восторга, великолѣпнаго пони, съ датскимъ сѣдломъ. Сквайръ положилъ уздечку мнѣ въ руку, говоря чтобы я самъ подарилъ его. Я спросилъ кому назначенъ этотъ подарокъ? Онъ указаль мнѣ на Дженетъ. Я подвелъ пони къ Дженетъ и сказалъ: „вотъ это дарить вамъ сквайръ“.

Въ своемъ восхищеніи она забыла что мы съ ней въ ссорѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это дарите мнѣ вы, гуленькій Гарри; а васъ должна благодарить. Чтѣ за милый лону! Мнѣ хотѣлось бы поцѣловать васъ за него. Я быстро отступилъ назадъ, но Сквайръ услышалъ ея слова.

— Впередъ, милостивый государь, закричалъ онъ, божась сердито.—Вы, кажется, бѣжите отъ поцѣлуя, а въ васъ еще кровь Белтамовъ. Впередъ, юноша. Цѣлуй ея, заключи ея въ объятія или преклони предъ ней колѣно. Веди себя по крайней мѣрѣ какъ слѣдуетъ мушкетѣ. Ну, скорѣе: видишь она ждетъ тебя.

— Я приготовила вамъ письмо, Гарри, въ которомъ объяснила вамъ, о! мнѣ было такъ жаль что я обидѣла васъ, прошептала мнѣ Дженетъ, когда я подошелъ снова къ лону;— и мнѣ бы не хотѣлось поцѣловаться съ вами при всѣхъ, лучше когда-нибудь въ другой разъ; а теперь пожмите другъ другу руку.

— Подержайте лучше лону за гриву, сказалъ я;—это выйдетъ все то же. Смотрите, вотъ я подержалъ его, а теперь вы подержайте.

Дженетъ машинально послѣдовала моему примѣру. Она сдѣлала притомъ гримасу и пропичала:—Я готова выдернуть ему всю гриву.

— Съ животными нельзя обращаться такъ какъ вы обращаетесь съ вашими куклами, сказалъ я.

Она любѣжала къ сквайру и отказалась отъ лону. Лицо сквайра изъ веселаго стало мрачно.

— Молодой человѣкъ, обратился онъ ко мнѣ;—не выказывайте себя съ плохой стороны въ порядочномъ обществѣ, или же, ей Богу, вы не долго будете носить Белтамскій гербъ на вашихъ пуговицахъ. Вспомните что эта молодая дѣвица происходитъ съ *обѣихъ сторонъ* изъ благородныхъ семействъ.

— Она воображаетъ что уже годится въ невѣсты, сказалъ я уходя, сопровождаемый всеобщимъ, громкимъ смѣхомъ.

Но смѣхъ этотъ не вознаградилъ меня за публичное поруганіе того кого я такъ любилъ. Я вышелъ изъ усадьбы, думая что пришло мнѣ время уходить отсюда. Оставаясь здѣсь долѣе, я навѣрное буду слышать какъ бранять моего отца. Не отправиться ли мнѣ странствовать по свѣту вмѣстѣ съ Кюми, не уѣхать ли за море, не перебраться ли черезъ

Анды, или не поступить ли мнѣ въ прусскую армію и слушать въ ней разказы солдатъ о Великомъ Фридрихѣ? Я бродилъ вплоть до сумерекъ, по Кіоминой степи, какъ вдругъ меня нагналъ верхомъ на лошади одинъ изъ нашихъ грумовъ, говоря что сквайръ проситъ меня съѣсть на лошадь и возвратиться на ней какъ можно скорѣе домой. Двое другихъ малыхъ и кучеръ искали меня по всей окрестности, и сквайръ, повидимому, былъ въ сильной тревогѣ. Я поѣхалъ домой, подобно раненому воину, гордому своею побѣдой, но которому никто еще не перевязалъ кровавыя раны; и чѣмъ сильнѣе разыгрывалась во мнѣ гордость, тѣмъ болѣе болѣло у меня сердце. Дома я нанелъ дѣда огорченнаго и говорившаго мнѣ что вторично потерять меня убило бы его; онъ просилъ меня забыть его суровость, называя меня своимъ маленькимъ Гарри, своимъ наслѣдникомъ, своимъ храбрымъ мальчикомъ; и все-таки я былъ увѣренъ что упомяни я только при немъ о моемъ отцѣ, онъ олять готовъ былъ высказать что-нибудь подобное замѣчанію о Белтамскомъ гербѣ.

— Ты малый огневой, какъ я вижу, сказалъ онъ, возвращаясь въ нормальное состояніе духа:—за это и люблю тебя; это въ тебѣ кровь Белтамовъ. Надо имѣть свою собственную волю. Выбрось изъ себя дурную кровь. Вылей-ка за мое здоровье, Гарри. Въ тебѣ по крайней мѣрѣ три четверти Белтамской крови, и я увижу тебя Белтамомъ съ головы до ногъ, прежде чѣмъ умру. Старинная кровь всегда возьметъ свое, клянусь честью. Старше нашего рода нѣтъ во всей нашей сторонѣ. Чортъ бы лобралъ всю эту примѣсь чужой крови. Мой отецъ не позволялъ, сколько могъ, выходить своимъ дочерямъ замужъ. Ваше здоровье, молодой сквайръ Белтамъ! Гарри Лепель Белтамъ, вѣдь не дурно, а? Посмотримъ, какъ говорятъ въ комедіи. Возьми мое имя и брось Ричмонда, — или бросимъ тутъ пока этотъ разговоръ; потолкуемъ объ этомъ послѣ когда-нибудь.

Такимъ образомъ онъ пытался выразить свою ненависть къ моему отцу, не оскорбляя меня; а я хладнокровно наблюдалъ за нимъ, думая въ то же время, что еслибы въ эту минуту явился предо мною мой отецъ въ лохмотьяхъ нищаго и махнулъ бы мнѣ однимъ пальцемъ, приказывая идти вслѣдъ за нимъ, то я бы не колеблясь пошелъ, хотя бы весь Ричмондъ, во всей своей роскоши, умолялъ меня остаться.

Г Л А В А IX.

Вечеръ въ обществѣ капитана Бедстедъ.

Сонъ о моемъ отцѣ, лежащемъ подобно восковой фигурѣ въ постели, внушилъ мнѣ мысль о смерти. Я былъ боленъ, самъ не сознавая этого, и воображалъ что отчаяніе овладѣвшее мною у подножія лѣстницы, при мысли что я никакъ не могу добраться до своей комнаты и спокойно улечься тамъ въ постель, казалось мнѣ признакомъ близкой смерти. Тета Дороти цѣлую недѣлю ухаживала за мной; кромѣ нея да моихъ собакъ, никто не входилъ въ мою комнату. Я смутно чувствовалъ только два желанія: вопервыхъ, не видать сквайра, а вовторыхъ, чтобы она разказала мнѣ что-нибудь о любви моей матери къ моему отцу. Разъ она задумчиво проговорила: — Гарри, у тебя сердце твоей матери.

Я отвѣчалъ: Нѣтъ, моего отца.

Вслѣдствіе этого, между нами завязался разговоръ, самый оградный который я имѣлъ съ кѣмъ-либо съ тѣхъ поръ какъ былъ разлученъ съ отцомъ, хотя она говорила робко и сообщила мнѣ очень немногое. Но для меня этого было достаточно, въ то время какъ я лежалъ въ этомъ узенькомъ мѣрѣ, смотря на морды моихъ собакъ, на красные листья вьющагося растенія у окна и на сосны въ далекой степи, и держа ея руку въ своей. У моего отца было много недостатковъ, говорила она, но онъ былъ жесточенъ и обманутъ людьми и ему на долю лало тяжелое горе; затѣмъ она все отвѣчала: да, и да, и да, голосомъ какого-то удаляющагося духа, на всѣ мои разпросы о его достоинствахъ. Но это освѣжило и успокоило душу мою, какъ роса освѣжаетъ, за неизвѣніемъ дождя, засохшую землю, и я скоро выздоровѣлъ.

Когда я опять возвратился въ нашъ домашній кругъ, то замѣтилъ что недѣля проведенная мною въ уединеніи одарила меня странною способностью: я научился разгадывать всѣхъ людей, какъ бы видя ихъ насквозь. Смотря на сквайра, я говорилъ самъ себѣ: „У моего отца были свои недостатки, но его жесточили люди“, и вслѣдъ за этимъ я все прощалъ старику. Его ненависть къ моему отцу казалась мнѣ капризомъ, и въ оправданіе этого предположенія, я сталъ замѣчать всѣ его нелогичныя поступки и слова, невольно уам-

баясь при мысли о его суровомъ, взбалмашномъ характерѣ и о моемъ великодушїи. Онъ замѣтилъ мою улыбку и по своему объяснилъ ее себѣ:

— Что ты усмѣхаешься, Гарри? Вѣрно опять поймалъ меня на грѣшкѣ противъ грамматики, что?

Кто могъ бы обижаться его раздражительными нападками, читая всѣ мысли его, какъ я?

Я видѣлъ насквозь мою тетушку; она находилась въ безпрестанномъ страхѣ что я возобновлю нашъ прежній разговоръ. Я такъ и видѣлъ какъ мысли ея все старались убѣгать отъ меня какъ лугливыя лглицы. Также вѣрно угадывалъ я мысли прочихъ попадавшихся мнѣ на глаза людей. Фермеръ Экерти въ изумленїи сознался что мысли его дѣйствительно занималъ крикетъ въ ту минуту какъ я сдѣлалъ это предположеніе.

— Главною моею мыслью, проходившею точно нагруженный возъ по моей головѣ, была въ эту минуту уборка хлѣба, мастеръ Гарри; но признаюсь, я въ то же время подумывалъ и о крикетѣ, нечего грѣха таить.

Горничная моей тетушки, Девисъ, была чрезвычайно поражена когда я вдругъ открылъ тайну ея любви; бесполезно было бы ей зализывать, ибо я видѣлъ какъ она оказывала нѣжное вниманіе лакею леди Ильчестеръ.

Старикъ Сьюисъ сказалъ съ важностью: „Видно вы побывали у колдуновъ, мастеръ Гарри,“ а другіе были увѣрены что я научился этому дару у Цыганъ жившихъ на приходскомъ луку.

Служанки наши оказывали мнѣ сначала нѣкоторое недовѣріе, но скоро я замѣтилъ что онѣ столько же готовы были вѣрить какъ и не вѣрить мнѣ. Съ моимъ послѣднимъ наставникомъ, преподобнымъ Симономъ Гартомъ, я былъ не довольно близокъ для того чтобы доказать и ему на дѣлѣ мой необыкновенный даръ; но я выпрашивалъ у него разные бантики и клалъ на его столъ телячьи цвѣты отъ имени тетушки, имѣя удовольствіе видѣть какъ онъ краснѣлъ при этомъ. Онъ постоянно хвалилъ мои латинскія упражненія и давалъ мнѣ отличныя отсѣтки; но я не нуждался въ похвалахъ не отвошившихся къ моимъ природнымъ способностямъ. Теперь отецъ мой думаетъ обо мнѣ! Это было не трудно вообразить себѣ, но увѣренность въ этомъ еще болѣе убѣдила меня въ моей проницательности.

— Почему вы все это знаете? Какъ это можно отгадать

о чемъ другіе думаютъ? говорила Дженетъ Ильчестеръ, голова которой была такъ же открыта предо мной какъ моя шляпа. Она притворялась что боялась меня болѣе чѣмъ это было въ самомъ дѣлѣ.

— А теперь вы думаете что льстите мнѣ говоря это? ска- залъ я.

Она тревожно взглянула на меня.

— А теперь вы спрашиваете себя: что вы умѣете дѣлать лучше меня?

— Продолжайте, проговорила она.

Я остановился. Она обвинила меня въ томъ что вотъ я за- плулся. Я не отрицалъ ея обвиненія.

— Ну, отгадывайте, отгадывайте дальше, сказала она, — ви- дите, вы не можете!

Мой отвѣтъ поразилъ ее:

— Вы теперь думаете что вы леди происходящая съ объ- ихъ сторонъ изъ благородныхъ семействъ.

Сначала она никакъ не хотѣла согласиться со мной.

— Нѣтъ, Гарри, я вовсе не объ этомъ думала, увѣряю васъ; я думала о томъ какъ вы умны.

— Да потомъ, но не сначала.

— Нѣтъ, Гарри, вы въ самомъ дѣлѣ очень умны. Я бы же- лала быть вполонину настолько умною. Подумайте-ка только, вѣдь что-нибудь да значить знать все что думаютъ другіе. Я тоже всегда знаю о чемъ думаетъ мой лони, но это дѣ- ло другое; я узнаю это по его ушамъ. А что до того что я леди, то разумѣется я знаю что я леди, да и вы также, то- есть вы также джентльменъ, хочу я сказать. Я вотъ о чемъ думала, я скажу вамъ теперь то о чемъ я въ самомъ дѣлѣ думала: я желала бы чтобы вашъ отецъ жилъ гдѣ-нибудь не- далеко отъ насъ и чтобы мы съ нимъ были дружны. Я не могу слышать когда сквайръ такъ говорить объ.... А вы ни- какъ не хуже меня ни въ чемъ, а даже гораздо лучше. Не отталкивайте же меня, Гарри.

Я самымъ кротчайшимъ способомъ оттолкнулъ ее отъ себя, не подозрѣвая что она прочла мои чувства такъ же хорошо какъ я прочелъ ея мысли. Съ тѣхъ поръ Дженетъ не пере- ставала говорить со мной о моемъ отцѣ, и мы съ ней по- стоянно были вмѣстѣ. Сквайръ поймалъ меня разъ на улыб- къ, въ ту минуту какъ онъ восторженно расхваливалъ свой планъ обвинять насъ современемъ; но планъ этотъ не ка-

зался мнѣ болѣе ненавистнымъ. Мнѣ казалось что если я уже долженъ жениться когда-нибудь, то ужъ лучше будетъ имѣть жену слушающую съ удовольствіемъ мои разказы и готовую страствовать со мной по всему міру, отыскивая того кого я такъ любилъ, какъ мнѣ это обѣщала Дженетъ. Я заставилъ ее поклясться мнѣ не выдавать нашей тайны: она не должна была разказывать брату своему Чарли о чемъ мы говорили.

— О, я ни за что не скажу ему, увѣряла она, и сейчасъ же выболтала ему все.

Чарли, возвратясь домой на зимнія вакаціи, брякнулъ разъ за столомъ при сквайрѣ:

— Итакъ, Гарри Ричмондъ, вы самый умный человекъ въ мірѣ. Дженетъ, такъ та говорить что послѣ васъ умнѣ всѣхъ на свѣтѣ отецъ вашъ, хотя она, кажется, и не видывала его никогда.

— Что? Эй, что тамъ говорятъ! закричалъ сквайръ.

— Чарли говоритъ о моемъ отцѣ, отвѣчалъ я, готовясь встрѣтить грозу.

Всѣ мы встали. По лицу сквайра можно было подумать что его сейчасъ хватить ударъ.

— Прочь изъ-за моего стола! произнесъ онъ послѣ страшнаго усилія, въ продолженіе котораго онъ не могъ выговорить ни слова.

Рука его была протянута ко мнѣ. Я приготовился уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ты! Вонъ тотъ негодяй! крикнулъ онъ, показывая рукой на Чарли.

Я хотѣлъ было вступиться за него, но мнѣ менѣе кого-либо слѣдовало дѣлать это.

— Вамъ вѣроятно пріятно слушать его, не такъ ли? замѣтилъ сквайръ.

Я готовъ уже былъ сказать: да, но тетушка, присутствие духа которой всегда проявлялось когда было нужно, положила конецъ этой сценѣ, пододвинувъ сквайру графинъ съ виномъ и заговоривъ съ нимъ своимъ тихимъ голосомъ.

— Рылъ яму другому, а полалъ въ нее самъ. Полался таки въ просакъ, нечего говорить, сказалъ Чарли.

Онъ говорилъ правду, и я простилъ ему ради его откровенности. Онъ и Дженетъ гостили въ это время въ Риверсли. На слѣдующее утро они уѣхали, такъ какъ сквайръ не говорилъ болѣе съ Чарли, а я съ Дженетъ.

— Я вотъ что скажу вамъ; насчетъ одного нѣтъ никакого

сомнѣнія, сказалъ мнѣ Чарли, — Дженетъ права; эти дѣвочки бываютъ иногда очень провинцательны: вы умнѣйшій малый котораго я когда-либо встрѣчалъ. Я хотѣлъ было косвеннымъ образомъ поддѣйствовать на сквайра, знаете, чтобы онъ доставилъ мнѣ черезъ годикъ или два мѣсто корнета въ драгунскомъ гвардейскомъ полку. Мнѣ казалось что сквайръ могъ бы сдѣлать это безъ всякаго ущерба для васъ; могъ бы назначить мнѣ также сотни двѣ въ годъ, хотъ бы въ вознагражденіе за то что я остался съ носомъ. Потому что, клянусь честью, сквайръ поговаривалъ сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ, — по крайней мѣрѣ явно намекалъ на это, — прежде чѣмъ вы воротились; а скорѣе чѣмъ сдѣлаться пасторомъ, въ родѣ вашего прелодобнаго Гарта, передающаго изюмъ, миндаля и сухарики на померанцевой водѣ вашей тетушкѣ, по обыкновенію всѣхъ прелодобій выпадающихъ на долю Риверсли, я готовъ кажется выдать своего лучшаго друга. Но я въ полномъ смыслѣ подстрѣлилъ себя собственнымъ выстрѣломъ, какъ говорится въ газетахъ. Мнѣ таки придется быть пасторомъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вы устроили все это однимъ поворотомъ руки, даже и не ударивъ; а я люблю ловкихъ бойцовъ. Я не сержусь когда меня ловко спшибаютъ съ ногъ.

Пять минутъ спустя послѣ этой рѣчи, я уже не могъ объяснить ему что виной его пораженія была не столько моя ловкость сколько моя простота. Изъ этого я понялъ что дѣтская простота есть самое острое оружіе и что она-то и есть крайняя утонченность ловкаго ума; и я сталъ изо всѣхъ силъ придерживаться ея. Я зашелъ такъ далеко что заставлялъ сквайра плясать на своемъ креслѣ отъ сдержаннаго бѣшенства и ревности, разказывая ему о Венеціи и другихъ городахъ континента, тогда какъ онъ зналъ что я посвящалъ всѣ эти мѣста въ сопровожденіи моего отца. Но какъ я бѣдился онъ при этомъ, какъ ни посылалъ весь континентъ къ чорту, уже изъ одного соперничества онъ готовъ былъ тогда исполнять все чего бы мнѣ ни вздумалось пожелать. Во все время моего дѣтства и отрочества та или другая изъ страстей моихъ была постоянно наготовѣ чтобы сбить меня съ прямого луты; теперь я сталъ приобрѣтать какое-то ложное направленіе, становясь въ дѣйствительности все болѣе похожимъ на то существо за которое меня считали прочіе люди, которыхъ я, въ свою очередь, презиралъ

въ душѣ какъ глуцовой, какъ дѣлають это мальчики сохранившіе еще въ себѣ долю чистосердечія которой уже лишены взрослые. Къ счастью для меня, тетушка написала мистеру Риппенджеру, прося у него адресъ отца маленькаго Госа Темля, и затѣмъ пригласила моего школьнаго товарища на цѣлый мѣсяцъ въ Риверли. Темль пріѣхалъ, и всѣ полюбили его; что касается до меня, то мой восторгъ не имѣлъ границъ. Несмотря на внутреннее чувство превосходства надъ нимъ, относительно моего дара проникательности и подозрѣніе что Темль станетъ держать себя какъ настоящій школьникъ, я скоро сталъ предпочитать его образъ дѣйствій своему. Онъ признался что нашелъ сначала перемѣну во мнѣ. Отецъ его, повидимому, занимался съ нимъ латынью, такъ же усердно какъ мистеръ Гартъ со мной, и онъ усылся рядомъ со мной, слушая уроки моего наставника и началъ записывать надъ Тацитомъ, бѣгло прочитавъ Цицерона. Я сталъ извиняться за него предъ мистеромъ Гартомъ, говоря что онъ вскорѣ покажетъ себя съ лучшей стороны. „Теперь я вижу опять моего прежняго милаго Ричи,“ сказалъ Темль, лаская меня по плечу, и всѣ мои гаулыя зямашки разомъ отпали отъ меня. Мы бродили по окрестностямъ, болтая о бывшихъ школьныхъ временахъ, развѣзжали по сосѣдямъ; охотились и плясали, собираясь каждый день написать Геріоту чтобъ онъ пріѣхалъ къ намъ, вмѣсто чего, мы написали посланіе Джуліи Риппенджеръ, отправивъ вмѣстѣ съ нимъ другое, написанное совершенно въ иномъ духѣ, отцу ея. Для посланія Джуліи леди Ильчестеръ имѣла любезность нарисовать морское чудовище, Андромеду и Персея, въ видѣ бѣгущаго британскаго гусара. Посланіе показалось намъ на столько удачнымъ что мы разослали съ полдюжины подобныхъ по сосѣдству, а утромъ въ Валентиновъ день, отправились верхомъ, наблюдать за произведеннымъ ими впечатлѣніемъ; на дорогѣ мы встрѣтили почтальфона, вручившаго и мнѣ два посланія. Одно изъ нихъ, очевидно исходящее отъ Джеметъ, было вызывающимъ отвѣтомъ на мое посланіе къ ней, но открывъ другое, я почувствовалъ какъ сердце забилось во мнѣ. Наверху его было разрисовано красками знамя Великобританіи; по сторонамъ его, окруженныя лаврами, были изображены короли и королевы Англіи, со скелетами въ рукахъ и въ срединѣ я прочелъ заглавныя буквы: A. F. G. R. R., въ вѣнкѣ голубыхъ

незабудокъ. Я не могъ сомнѣваться что посланіе это было отъ моего отца. Вдучи по открытому воздуху съ этимъ посланіемъ въ рукѣ, я готовъ былъ вообразить себѣ въ пылу своей радости что оно улетало ко мнѣ съ неба.

— Онъ живъ, онъ будетъ со мной, онъ скоро будетъ со мной! закричалъ я Темплю.—О, еслибъ я могъ отвѣтить ему! Гдѣ онъ? Какъ его адресъ? Поскачемъ въ Лондонъ! Понимаешь ты Темплъ? Письмо это отъ моего отца. Онъ знаетъ что я здѣсь. Я отыщу его, во что бы то ни стало.

— Все это прекрасно, возразилъ Темплъ, — но если онъ знаетъ гдѣ ты, а ты не знаешь гдѣ онъ, то какая польза въ томъ что ты отправишься разыскивать его. Если кто-нибудь хочетъ чтобъ его нашли, то лучше всего оставаться смирно на мѣстѣ.

Пораженный его проникательностью, я повернулъ по дорогѣ домой. Я еще до того предупредилъ Темпля, прося его избѣгать разговора о моемъ отцѣ въ Риверсаи; но въ настоящую минуту, мысль что отецъ мой вкорѣ явится, какъ тогда на Дилвельской фермѣ, блестящій и радостный, унося меня, въ своемъ дорогомъ обществѣ, въ новую жизнь, наполнила все существо мое такимъ пылкимъ блаженствомъ что я переброеся за завтракомъ посланіе это черезъ столъ, тетускѣ, смѣясь и говоря ей чтобъ она угадала отъ кого оно. Тетуска вслыхнула.

— Отъ миссъ Беннербриджъ? сказала она.

У насъ былъ гость. Сквайръ представилъ насъ другъ другу.

— Внуку мой, Гарри Ричмондъ, капитанъ Вильямъ Белстедъ, съ фрегата *Полифемъ*, капитанъ Белстедъ, мистеръ Аугустусъ Темплъ.

Чтобы поддержать разговоръ, Темплъ спросилъ его,—вполнѣ ли снабженъ его корабль экипажемъ?

— Полный комплектъ, кромѣ одного матроса, отвѣчалъ капитанъ.

Я зналъ его по слухамъ, какъ брата сквайра Грегори Белстеда изъ Белстеда, извѣстнаго своимъ обожаніемъ моей тетуски и бывшего предметомъ шутокъ всего графства.

— Итакъ, вы получили письмо на Валентиновъ день, обратилась ко мнѣ капитанъ,—въ прошломъ году, мы въ этотъ самый день пристали къ Рио, и я ожидалъ такого же посланія себѣ не хуже васъ, юношей. Соленая вода отлично сохраняетъ людей. Но я такъ и не дождался его! Вчера я сдать свой ко-

рабль въ Спитидѣ, и сегодня, въ Валентиновъ день, я снова здѣсь.

Мы съ Темплемъ устремили взгляды на крупнаго мужчину съ бронзовой кожей и краснымъ, смѣющимся лицомъ, ожидающаго посланія на Валентиновъ день.

Тетушка тихонько отдала мнѣ назадъ письмо.

— Это вѣрно отъ какой-нибудь дамы, сказала она.

— Кому же нужны подобныя посланія, если они не отъ дамы? воскликнулъ капитанъ.

Сквайръ мигнулъ мнѣ, совѣтуя наблюдать за нашимъ гоотемъ. Капитанъ Белстедъ кушалъ съ большимъ апетитомъ. Это былъ настоящій морякъ, позаимствовавшійся какъ отъ старой такъ и отъ новой школы, и какъ я замѣтилъ, влюбленный въ тетушку, не хуже своего брата. Вскорѣ вошелъ Сьюисъ, неся пѣнисугу бутыль стараго эля; капитанъ поговорилъ съ нимъ объ Ямайкѣ.

— Когда вы кончите вашъ дрянной чай, то хлебните нашего октябрьскаго эля; его варили еще задолго до того какъ вы были лейтенантомъ, капитанъ, сказалъ сквайръ.

— Благодарю васъ, возразилъ капитанъ, — я знакомъ съ этимъ элемъ; одна минута, и я съ удовольствіемъ примусь за него. Я желаю сохранить въ эту минуту всѣ свои способности въ полной ясности; не хочу дать поводъ предпологать что я говорилъ подъ вліяніемъ ольняющихъ паровъ. Сьюисъ, подождите немного, прошу васъ. Тетушка встала было, собираясь уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣло должно быть ведено на-чисто; останьтесь, сказалъ сквайръ, желая нахмуриться, но вмѣсто того подмигивая ей. Тетушка силилась улыбнуться и опустила на свое мѣсто, сидя на немъ какъ на иголкахъ.

— Миссъ Белтамъ, капитанъ поклонился ей и затѣмъ каждому изъ насъ, называя насъ по имени:—Сквайръ Белтамъ, мистеръ Гарри Ричмондъ, мистеръ Темплъ; вчера я сдалъ свое судно, а пока капитанъ еще не сдавалъ своего судна, онъ самъ надъ собой не властенъ, вамъ это извѣстно. Если вы находите что поступки мои требуютъ поясненія, то размыслите хорошенько, прошу васъ, о жизни моряка. Три года плаванія въ каютѣ могутъ сравниться съ тѣмъ же количествомъ времени проведенномъ въ гробу, могу васъ увѣрить въ этомъ; съ тою разницей что во все это время мы работаемъ изо всѣхъ силъ, думая все время какъ... гм...

— Да, онъ-таки тяжелую думу думаетъ, вставилъ свое слово сквайръ.

— Извините меня, думая какъ... словомъ, дума лежитъ въ головѣ какъ свинецъ въ морѣ. Сегодня третій, нѣтъ четвертый разъ, какъ слѣдуя своему первому внушенію долга, я являюсь въ Риверсли, съ цѣлью узнать рѣшеніе судьбы моей, не желая имѣть на своей совѣсти упрекъ что я пропустилъ хоть день, хоть минуту, ставъ разъ свободнымъ человѣкомъ на твердой землѣ въ Англіи. Братъ мой Грегъ и я, мы оба выросли въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Риверсли. Одной изъ риверслійскихъ красавицъ мы лишились! Другая осталась намъ, и мы оба пробовали наше счастье; каждый изъ насъ дѣлалъ это открыто и честно, безъ всякихъ уловокъ, въ открытомъ морѣ, на верху ладубы, въ глазахъ всего экипажа. Я могу сказать это про моего брата, могу сказать и про себя. На сторонѣ Грега болѣе преимуществъ, объ этомъ нечего и говорить; онъ постоянно находится въ пристани. Если онъ достигнетъ своей цѣли, то я скажу ему:—Да благословить тебя Богъ, другъ, тебѣ выпала на долю, прекраснѣйшая, очаровательнѣйшая и лучшая женщина изъ всего христіанскаго и остальнаго міра! На моей сторонѣ немногое, но это немногое мое достояніе: хотя бы возможность услѣха и казалась не болѣе какъ въ монетку, въ груди женщины всегда живетъ состраданіе къ бѣднымъ грѣшникамъ. Миссъ Белтамъ, я вѣрюсь вашей добротѣ. Если мнѣ суждено остаться холостякомъ, а вамъ двидцей, тогда свершится воля небесъ! Если вы будете женой другаго, кто бы онъ ни былъ, плодъ вашего союза будетъ моимъ наслѣдникомъ, все равно какого бы пола онъ ни былъ. Но если вы согласны принадлежать недостойному, подобному мнѣ, то сердце мое и рука моя у вашихъ ногъ, сударыня, и я не теряя времени слѣшу сообщить вамъ это. Этими словами заключилъ капитанъ Белстедъ рѣчь свою. Взоры всѣхъ были обращены на тетущку. Сквайръ велѣлъ ей отвѣчать самой; онъ предоставлялъ ей поступать въ этомъ случаѣ какъ ей было угодно.

Она сказала съ прелестью, заставившею меня пожалѣть отъ души бѣднаго капитана:

— Я вполнѣ чувствую всю честь оказываемую мнѣ вами, капитанъ Белстедъ, но я не намѣрена выходить замужъ.

Капитанъ всталъ и глубоко поклонившись, проговорилъ:

— Я останусь всегда вашимъ вѣрнымъ слугою, сударыня.

Тетущка вышла изъ комнаты.

— Теперь подавайте сюда бутылъ, Сьюисъ, сказалъ капитанъ. Мало-по-малу, дно большой бутылки стало обнаруживаться. Капитанъ выпилъ послѣднюю каплю.

Сквайръ спросилъ его находить ли онъ въ этомъ утѣшеніе. Капитанъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Это по крайней мѣрѣ начало.

— Ну, это начало было бы похоже на конецъ, еслибы на нашемъ мѣстѣ былъ любой изъ нашихъ сосѣдей. Я скажу вамъ вотъ что, еслибы въ любовныхъ дѣлахъ побѣда оставалась всегда за самымъ крѣпкимъ желудкомъ, то вы бы одержали навѣрное верхъ надъ цѣлою половиною нашего мужскаго населенія, Вильямъ. А это, право чертовски хорошая проба металла изъ котораго сдѣланъ человѣкъ, говорю я вамъ. Что намѣрены вы дѣлать сегодня?

— Я намѣренъ напиться льянъ.

— Ну что же, вы могли бы выбрать что-нибудь и поуже. Такъ оставайтесь здѣсь, Вильямъ, и употребите на это мой старый портеръ. Завтра утромъ, никто и не заикнется объ этомъ, обещаю вамъ, а ночью вы будете видѣть славные сны.

Капитанъ отъ души поблагодарилъ его, но отказался отъ его приглашенія, говоря что предпочитаетъ выказывать себя скотиной въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь.

Сквайръ напрасно навязывалъ ему свое гостепріимство, обѣщая за всѣхъ насъ держать дѣло въ тайнѣ относительно те-тушки, и предлагая ему услуги Сьюиса и еще одного изъ лакеевъ, которые доведутъ его до постели.

— Вы очень добры, сквайръ, сказалъ капитанъ, — но чувство долга удерживаетъ меня. Я обязанъ сообщить немедленно моему брату что берегъ открытъ для него.

— Ну такъ ладите осторожнѣе и головой впередъ, сказалъ сквайръ, пожимая ему руку. — Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ джентльменъ, да еще баронетъ къ тому же, ударился объ полъ затылкомъ, да такъ послѣ того и не оправился.

— О, пускай кто хочетъ плыветъ задомъ напередъ! возразилъ, кивая ему головой, капитанъ, — нѣтъ, нѣтъ, меня никогда не втягиваютъ въ пристань за хвостъ, дамъ вамъ слово, а затѣмъ прощайте, сквайръ.

— Надѣюсь, между нами не будетъ недоразумѣній изъ-за этой глулой, сердечной исторіи, Вильямъ?

— Клянусь честью, съ моей стороны ни малѣйшаго.

Темль и я проводили его изъ дому, привлеченные его манерами и его своеобразностію. Онъ предложилъ намъ вско-чить съ нимъ рядомъ въ его телѣжку. Мы были свидѣтелями встрѣчи между имъ и братомъ его, маленькимъ, тусклымъ человѣчкомъ, похожимъ на капитана, какъ высохшій орѣхъ похожъ на свѣжій.

— Что все та же удача, Вильямъ? сказала сквайръ Грегори.

— Никакой перемѣны въ вѣтрѣ, Грегъ, отвѣчалъ капитанъ.

Они стали затѣмъ трести другъ другу руки, точно будто бы тресли вдвоемъ коверъ.

— Эти молодые джентльмены могутъ торжественно заявить тебѣ, Грегъ, что я не употреблялъ никакихъ несправедливыхъ уловокъ, сказалъ капитанъ.— Не было ни шелтаній въ корридорѣ, ни свиданій въ саду, ни писемъ. Я высказался прямо, мужественно, другъ. А теперь, Грегъ, какъ обстоятъ дѣла нашего погребя? Наши молодые друзья останутся съ нами до вечера и вмѣстѣ съ нами совершать плаваніе. Теперь половина двѣнадцатаго. Вѣдь ты обѣдаешь въ то же время какъ и прежде, разумѣется? Итакъ, часъ маневровъ нашихъ—четыре часа пополудни. Пойдемъ, Грегъ, осмотримъ-ка вдвоемъ съ тобой нашъ погребъ. Полторы дюжинки легкаго, да полдюжинки стараго—этого будетъ довольно чтобы усложнить и меня, и тебя, и всѣхъ насъ. А вы, молодые джентльмены, возьмите пока ваши ружья или удочки, но чтобы въ четыре часа быть готовымъ на мѣстѣ, не то вы не узнаете Билля Бенстеда.

Темль былъ просто очарованъ имъ. Онъ увѣрялъ что одно время серьезно думалъ самъ поступить во флотъ, и восторгъ внушаемый ему капитаномъ внушилъ ему вѣроятно въ свою очередь знаніе его характера, потому что онъ уговорилъ меня послать въ Риверсу за нашими вечерними костюмами, и когда мы явились къ обѣду облеченные въ нихъ, то заслужили одобреніе капитана, объявившаго намъ что мы джентльмены знающіе какъ надо одѣться при подобномъ случаѣ. Сквайръ Грегори сказалъ при этомъ что случай этотъ повторяется слишкомъ часто въ его жизни, для того чтобы служить поводомъ къ перемѣнѣ одежды.

— Однако я замѣчаю, Грегъ, что ты надѣлъ черный галстукъ вмѣсто краснаго, сказалъ капитанъ.

— О, это чистая случайность! отвѣчалъ сквайръ Грегори.

— Случайность! На свѣтѣ не бываетъ случайностей. Если я выйду изъ дому вливъ въ себя полдюжины бутылочекъ, и за-

тѣмъ уладу головой въ прудъ, то развѣ скажутъ что это я случайно утонулъ? Если шквалъ разобьетъ мой корабль, то развѣ онъ будетъ тогда случайною массою балокъ, мачтъ и стараго желѣза? Если женщина откажетъ мнѣ, то развѣ это случайность? Каждое несчастіе имѣетъ свою причину: или слишкомъ много груза, или не довольно предусмотрительности, или слишкомъ мало смѣлости. Эхъ! Вотъ если меня заберутъ, въ военное время, въ плѣнъ въ непріятельскую гавань, такъ это еще можно будетъ назвать случайностью. Мистеръ Гарри Ричмондъ, мистеръ Темплъ, я пользуюсь случайнымъ счастьемъ выпить за ваше здоровье стаканъ гока. Именительный: his, haes, hos.

Сквайръ Грегори, не безъ гордости, продолжалъ склонять дальше. Звательный падежъ смутилъ его однако.

— Въмѣсто звательнаго поставимъ бордо, съ важностью произнесъ капитанъ; — тѣмъ скорѣе что его-таки довольно на твоёмъ столѣ, Грегъ. Творительный: hos, hâs, hos; это похоже на то, какъ будто какой-нибудь джентльменъ уже ничего и выговорить не можетъ кромѣ названія своего вина. Итакъ, бросимъ это склоненіе и откупоримъ-ка лучше шампанскаго; его, надѣюсь, нечего склонять. Славный народъ были эти Римляне! И они тоже славно дрались на своихъ судахъ. Я хочу предложить тебѣ вопросъ, Грегъ? Религія этихъ собакъ, язычниковъ, позволяла имъ божиться и клясться. Собственный жизненный опытъ убѣдилъ меня что никогда нѣтъ человѣческой возможности не брякнуть какой-нибудь божбы или клятвы. Что ты на это скажешь?

Сквайръ Грегори возразилъ:

— За обѣдомъ льютъ, а не думаютъ, Вильямъ.

Капитанъ согласился съ нимъ.

— Такъ какъ мы не на кораблѣ теперь, то я пользуюсь случаемъ выпить за ваше здоровье, капитанъ, обратился Темплъ къ капитану, лицо котораго сіяло; онъ поклонился, осушилъ свой стаканъ и сказалъ:

— Такъ какъ мы не на кораблѣ теперь! Я полюбилъ васъ.

Темплъ поблагодарилъ его за эти лестныя слова.

— Тутъ нѣтъ никакой лести, другъ. Вы видите меня въ минуту слабости и имѣете настолько провинцальности что догадываетесь что я на дѣлѣ лучше чѣмъ кажусь. Вы общаете питать ко мнѣ уваженіе, разъ случится вамъ быть со мною

на лаубѣ моего корабля. Вы славный малый! Правду я говорю, мистеръ Гарри?

— Темплъ мой дорогой другъ, отвѣчалъ я.

— А онъ бы не былъ итъ, не будь онъ славный малый! Отлично! Вотъ такъ-то, въ немногихъ словахъ можно многое высказать. Клянусь Юпитеромъ! У васъ великолѣпный слогъ!

— А самъ Гарри, великолѣпный малый! воскликнулъ Темплъ.

Мы всѣ выпили за здоровье другъ друга. Глаза капитана пристально разглядывали меня.

— Мальчикъ этотъ могъ бы быть твоимъ или моимъ сыномъ. Грегъ, вдругъ произнесъ онъ внезапно прервавшимся хриплымъ голосомъ.

Они забыли о присутствіи Темпла и меня, и говорили между собою, воображая что говорятъ шепотомъ. Капитанъ утѣрялъ своего брата что сквайръ Белтамъ предоставилъ ему всѣ преимущества, какъ бы держа балансъ. Сквайръ Грегори сомнѣвался въ этомъ, попивая изъ своего стакана, держа его у самого носа и угрюмо настаивая на своемъ мнѣніи. Тогда капитанъ замѣтилъ что разъ сомнѣваясь въ этомъ, онъ въ правѣ дѣйствовать хитростью, хотя онъ, капитанъ, не имѣя на этотъ счетъ сомнѣній, не имѣетъ на это и права.

— Я воображаю что убѣгаю съ ней каждый вечеръ, сказалъ сквайръ Грегори, — но изъ этого ничего не выходитъ кромѣ пустыхъ бутылокъ.

— Ухаживай за ней, задавай ей серенады, говорилъ капитанъ, — обступилъ гавань со всѣхъ сторонъ, осаждай крѣпость. Я бы отдалъ цѣлый годъ службы за твои преимущества, Грегъ. Стѣй ей сказать полслова, и твои лошади должны быть у воротъ.

— Прошло время увозить ее, вздохнулъ сквайръ Грегори.

— Можно добиться ея руки смѣлымъ поступкомъ, братъ Грегъ.

— О, Господи, нѣтъ. Прошло время увозить ее.

— Гмъ! Должно-быть страсть-то твоя поостыла, ловыдохлась, Грегъ, какъ мнѣ сдается.

— Нѣтъ, не то. Я вотъ что скажу тебѣ, Вильямъ. Она все не можетъ забыть того человѣка. Нѣтъ, увезти ее нельзя.

— Послѣ того какъ онъ бросилъ ее ради ея сестры? Неправда, Грегъ, неправда. Это ты подлилъ вѣжливости. Она просто пугается замужества—это часто бываетъ въ ея лѣта, говорить. Гдѣ тотъ человѣкъ?

